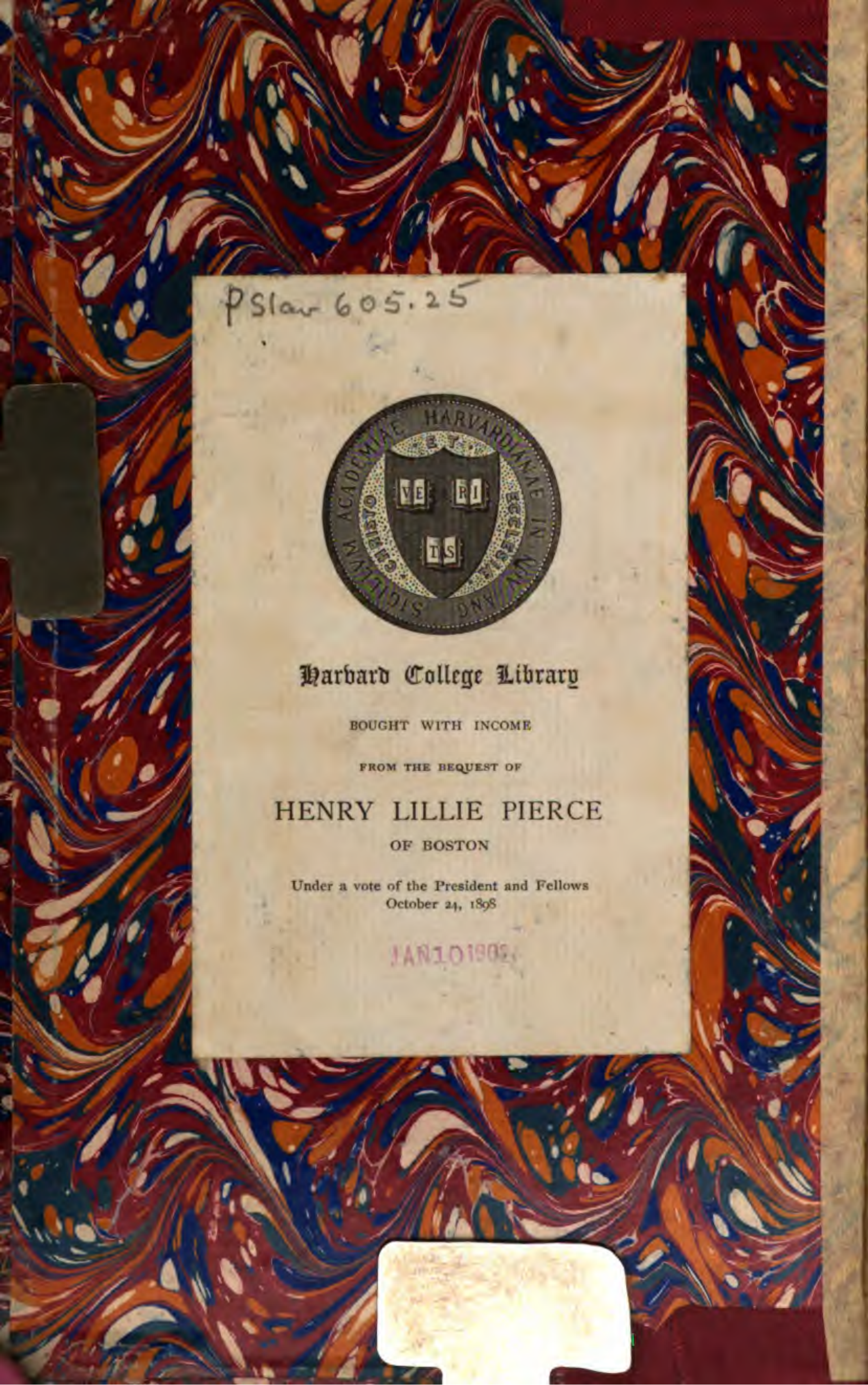


РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1873 г.

ТОМЪ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Больш. Садов., № 49—2.

1873.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. ІЮЛЬ. 1873 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Онежскія былины, записанныя Александромъ Өедоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. С.-Петербургъ, 1873 г.

Этотъ огромный томъ, напечатанный убористымъ шрифтомъ въ два столбца, заключаетъ въ себѣ 318 преимущественно большихъ эпическихъ пѣсень, записанныхъ отъ 71 пѣвца въ теченіи всего какихъ-нибудь съ небольшимъ двухъ мѣсяцевъ! Какъ не подивиться терпѣнію и умѣлости покойнаго собирателя, къ тому же и далеко превзошедшаго въ точности записыванія всѣхъ своихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ предшественниковъ. Это посмертное изданіе составляетъ достойный памятникъ, воздвигнутый себѣ самимъ нашимъ незабвеннымъ славистомъ-этнографомъ и историкомъ, поплатившимся за него, къ несчастію, жизнію, слишкомъ кратковременною, но столь многосодержательною по ученымъ трудамъ и общественной дѣятельности. Нельзя также не поблагодарить того, кто, принявъ на себя редакцію второй половины сборника (при самомъ собирателѣ отпечатано было всего 21 листъ), исполнилъ это дѣло, очевидно, съ любовью: изданіе отличается до конца рѣдкимъ у насъ отсутствіемъ опечатокъ, что̀ особенно трудно, но и особенно важно въ такихъ изданіяхъ, какъ сборники произведеній народной поэзіи. Остается только ожидать отъ П. А. Гильтебрандта и обѣщаннаго словаря-указателя, который, конечно, будетъ составленъ имъ съ тою же образцовою добросовѣстностью. Но, воздавая должное собирателю и редактору, забудемъ-ли мы о томъ, кѣмъ созданы всѣ эти пѣсни, о народѣ-поэтѣ, проявившемъ такую громадную силу творчества въ самой многозначительной отрасли народной поэзіи — героической или богатырской? Нѣкіе рецензенты, по поводу сборника Гильфердинга, не нашли сказать ничего о народѣ, кромѣ одного избитаго указанія на его невѣжество, доказываемое даже и тѣмъ, что былины до сихъ поръ существуютъ. Невѣжество народа, къ несчастію, дѣло неоспоримое; но оно приводитъ къ особаго рода заключеніямъ въ виду той высокой даровитости народа, какая выказывается, между прочимъ, и въ его эпическомъ творчествѣ. При такой даровитости, разумѣется, тѣмъ болѣе клянешь обстоятельства, задерживавшія и задерживающія развитіе народа, или даже приведшія, во многихъ отношеніяхъ, къ усиливающемуся ухудшенію его состоянія, какъ оно именно и оказывается въ нашемъ сѣверномъ краѣ вслѣдствіе причинъ, указанныхъ Гильфердингомъ въ его статьѣ объ Олонецкой губерніи, помѣщенной въ свое время въ «Вѣстникѣ Европы», теперь же перепечатанной во главѣ разбираемаго здѣсь сборника. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ невѣжеству народа, и его героическій эпосъ не достигъ того окончательнаго развитія, плодомъ котораго является совершенное объединеніе эпическихъ пѣсень въ видѣ уже литературнаго цѣлаго. Такое совершенное объединеніе въ нѣсколько эпическихъ круговъ совершилось у западно-европейскихъ народовъ, эпосъ которыхъ такимъ образомъ перешелъ въ иную, высшую форму (хотя литературная обработка его не всегда выходила удачною), а вовсе не исчезъ безъ слѣда, чего мы и вообще не видимъ у народностей историческихъ, и что̀ никакъ не могло бы служить доказательствомъ образованности. Своего рода доказательствомъ движенья народа впередъ служитъ уже самое появленіе въ его устной поэзіи героическихъ пѣсень со всѣми ихъ историческими наслоеніями; если же героическимъ пѣснямъ не удается перейти у того или другого народа въ высшую, литературную форму—эпопею, но онѣ всё-таки сохраняются народною памятью, то и этого послѣдняго обстоятельства все же нельзя не назвать счастливымъ. Да, это всё-таки счастливое обстоятельство, — не только для изслѣдователей народнаго быта и нравовъ и народной исторіи, но и для нравственной пользы самого народа. Дѣло въ томъ, что въ эпосѣ, въ его героическихъ пѣсняхъ, на высшихъ ступеняхъ развитія ихъ, вырабатываются своего рода общественные идеалы, которые никакъ не заслуживаютъ обреченія ихъ на смерть. Въ нашей богатырской поэзіи, при всей уцѣлѣвшей въ ней, въ видѣ древнѣйшихъ пластовъ, первобытной грубости, при всѣхъ накопившихся въ ней, съ другой стороны, несомнѣнныхъ признакахъ огрубѣлости, вызванной позднѣйшими неблагопріятными обстоятельствами,—при всей ея недоразвитости, съ одной стороны, и очевидныхъ признакахъ разложенія, порчи — съ другой, все же ярко выдвигается идеалъ богатырской служилой силы, служилой— въ исключительно земскомъ смыслѣ. Такое значеніе первенствующаго народнаго богатыря, и прежде уже совершенно ясное, неусматриваемое только слѣпыми, окончательно выясняется и восполняется новыми варіантами Гильфердинга. Если, съ одной стороны, ими усиливается буйный разгулъ Ильи Муромца, надѣленнаго, въ качествѣ настоящаго народнаго представителя, и народнымъ, богатырски преувеличеннымъ порокомъ, то съ другой стороны—въ его лицѣ окончательно выказы-

ЕГОРЪ СТОЛѢТОВЪ.

1716—1736.

Разсказъ изъ исторіи Тайной канцеляріи.

I.

Секретарь Монса.— Казнь фаворита.— Ссылка Столѣтова и Балакирева.— Прощеніе.— Столѣтовъ на службѣ.—Дѣло Долгорукихъ.— Ссылка въ Нерчинскъ.

Преобразованіе полудикой Россіи въ полуграмотную Европу сопровождалось многими возмутительными явленіями, которыя были, впрочемъ, неизбѣжными послѣдствіями насильственной прививки къ жизни русской нравовъ и обычаевъ западныхъ. Однимъ изъ подобныхъ явленій были временщики, безъ которыхъ не обошлось ни одно царствованіе отъ перваго до послѣдняго года XVIII вѣка, изобиловавшаго фаворитами и выскочками, своими доморощенными и заѣзжими искателями фортуны. Каждый временщикъ, слѣдомъ за собою, выводилъ въ люди, во-первыхъ, своихъ родныхъ; во-вторыхъ, своихъ приспѣшниковъ и угодниковъ. Блаженствовали они, покуда везло ихъ милостивцу; падалъ онъ—и ихъ благосостояніе разбивалось въ дребезги. Милостивецъ погибалъ на эшафотѣ или хоронился въ Сибири; креатуръ его, наказанныхъ плетьми или батогами, разжалывали въ солдаты, заточали въ монастыри, ссылали въ Рогервикъ, на Оренбургскую линію, а то и дальше. И эта фантасмагорія длилась до Екатерины II; но участь одного временщика не пугала другаго,—примѣръ предшественника не былъ наукою его преемнику.

Въ 1716 году несчастный—счастливецъ, Виллимъ Ивановичъ Монсъ, снискалъ благосклонность супруги Петра Великаго, государыни Екатерины Алексѣевны, и, затѣмъ, черезъ пять лѣтъ, достигъ той вершины могущества, выше которой для временщика оставался только... эшафотъ. Духовные іерархи, первѣйшіе вельможи заискивали милостей фаворита и его сестры, Матрены Ивановны Балкъ, не скупясь ни на взятки, ни на лесть, въ которой доходили до крайняго раболѣпства. Толпу льстецовъ и просителей Монса составляли: Бестужевъ-Рюминъ, Биронъ, Бѣлосельскій, Артемій Волынскій, Вяземскій, Головкинъ, Дашковъ (архіерей ростовскій), Долгоруковъ, Лопухинъ, Нарышкинъ, Одоевскій, Салтыковъ, Толстой, Трубецкой, Черкасскій, Шепелевъ, Шуваловъ, Юшковъ, Юсуповъ и мног. друг. Будущій кабинетъ-министръ Михаилъ Головкинъ—тогда нашъ резидентъ въ Берлинѣ—по порученію Виллима Ивановича покупалъ ему за границею парики и наряды; Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ для того-же Виллима Ивановича заказывалъ башмаки въ Митавѣ, наблюдая, чтобы башмачникъ не смѣшалъ колодки; князь Андрей Вяземскій кормилъ и холилъ лошадей фаворита; Волынскій (впослѣдствіи врагъ Бирона и нѣмцевъ)—въ 1720 г. смотрѣлъ на нихъ иными глазами: пресмыкался предъ Монсомъ не хуже прочихъ его поклонниковъ. Помимо прошеній и писемъ отъ петербургскихъ господъ, Монсъ ежедневно получалъ сотни пакетовъ изъ разныхъ городовъ Россіи, изъ чужихъ краевъ. Эта громадная корреспонденція вызвала необходимость образовать цѣлую канцелярію, которою завѣдывалъ секретарь фаворита—Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ—правая рука и конфидентъ Виллима Ивановича, не умѣвшаго писать по-русски.

Столѣтовъ, родомъ изъ небогатыхъ дворянъ, получилъ при фаворитѣ теплое мѣстечко, благодаря своему умѣнью угодить и подслужиться могучему патрону въ дѣлахъ амурныхъ, до которыхъ былъ особенно падокъ мягкосердый Виллимъ Ивановичъ. Столѣтовъ обращалъ его вниманіе на красавицъ не особенно строгихъ правилъ; улаживалъ свиданія, писалъ нѣжныя цыдулки и сочинялъ эротическія стихотворенія, великодушно уступая авторскія права своему милостивцу. При всѣхъ этихъ достоинствахъ, Столѣтовъ умѣлъ хоронить концы въ воду и при случаѣ

быть нѣмымъ, какъ рыба. Само собою разумѣется, что онъ, состоя секретаремъ при временщикѣ-лихоимцѣ, самъ не клалъ охулки на руки и, въ свою очередь, живился приношеніями кліентовъ своего милостивца. Въ пріемную Монса можно было попасть не иначе, какъ чрезъ живую заставу—чрезъ Столѣтова. Тѣ же князья и графы, именовавшіеся въ своихъ прошеніяхъ рабами Виллима Ивановича, долгомъ себѣ поставляли заискивать и у его секретаря, домогаться его расположенія, задобривать Егора Михайловича презентами и доброхотными даяніями. Временщику временщика улыбалось будущее, но судьба судила иначе.

Весело встрѣтилъ Виллимъ Ивановичъ, роковой для него, 1724 годъ. Ни онъ самъ, ни его приближенные не предчувствовали готовившейся ему участи. Осыпаемый милостями государыни Екатерины Алексѣевны и золотымъ дождемъ взятокъ, Монсъ не замѣчалъ громовой тучи, нависшей надъ его головою... Пришелъ его часъ и буря разразилась. 16-го ноября 1724 года Виллиму Монсу отрубили голову; сестру его, Матрену Ивановну Балкъ, послѣ наказанія кнутомъ, отправили въ ссылку; сыновей ея Павла и Петра сослали въ линейные баталіоны. Приспѣшники Монса: Егоръ Столѣтовъ и Иванъ Балакиревъ, послѣ тѣлеснаго наказанія (первый—кнутомъ, второй—батогами), отданные въ солдаты, были отправлены на работы въ Рогервикъ, одинъ—на десять лѣтъ, другой—на три года.....

Прощенные императрицею Екатериною Алексѣевною, они опредѣлились на службу: Балакиревъ—рядовымъ въ Преображенскій полкъ, а Столѣтовъ—ко дворцу цесаревны Елисаветы Петровны. Прежніе доброжелатели Столѣтова не отвернулись отъ бывшаго ссыльнаго: онъ былъ принятъ въ аристократическіе дома княгини Куракиной, кн. Долгорукихъ, Елагина; князь Михаилъ Бѣлосельскій, обязанный Монсу своей служебной карьерой, возобновилъ со Столѣтовымъ прежнія дружескія сношенія. Живя попеременно то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, Столѣтовъ зорко слѣдилъ за борьбою партій того времени. Палъ Меншиковъ,—возвысились Долгоруковы, и къ толпѣ ихъ льстецовъ присталъ Столѣтовъ въ надеждѣ пристроиться и, черезъ милостивцевъ своихъ, получить видное и прибыльное мѣсто. Служба его при дворѣ цесаревны не только не давала ему ни-

какихъ существенныхъ выгодъ, но и простору его честолюбію: въ штатѣ Елисаветы Петровны, совершенно умаленномъ въ царствованіе Анны Іоанновны, Столѣтовъ игралъ самую ничтожную роль. Къ тому же, цесаревна питала къ нему непреодолимое отвращеніе, можетъ быть, за его службу Монсу, паденіе котораго имѣло огромное вліяніе на отдаленіе Елисаветы Петровны отъ родительскаго престола. Точно также былъ ей ненавистенъ и Балакиревъ, занявшій при дворѣ императрицы Анны Іоанновны должность шута, бывшую тогда если не почетною, то довольно прибыльною. Уволенный отъ службы при особѣ цесаревны, Столѣтовъ прильнулъ къ князьямъ Долгорукимъ, именно къ фельдмаршалу Василію Владиміровичу [1]); но вмѣсто чаемыхъ благостынь и поживъ, дорого поплатился Столѣтовъ за благосклонность къ нему вельможи. Вотъ подлинныя слова указа, рѣшившаго участь покровителя и покровительствуемаго: ....«Явились нѣкоторые безсовѣстные и общаго добра ненавидящіе люди, а именно, бывшій фельдмаршалъ князь Василій Долгорукій, который, презря нашу къ себѣ многую милость и свою присяжную должность, дерзнулъ не токмо наши государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, въ чемъ, по слѣдствію дѣла, изобличенъ; да бывшій гвардіи капитанъ князь Юрій Долгорукій [2]), прапорщикъ Алексѣй Барятинскій, Егоръ Столѣтовъ, которые, презрѣвъ свою присяжную должность, явились въ нѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ не токмо противъ нашей высочайшей персоны, но и къ поврежденію государственнаго общаго покоя и благополучія касающихся, въ чемъ обличены и сами признались, а потомъ и съ розысковъ въ томъ утвердились. За которыя ихъ преступленія, собранными для того министры и генералитетомъ, приговорены они всѣ къ смертной казни. Однако же, мы, по обыкновенной своей императорской милости, отъ той смертной казни всемилостивѣйше ихъ освободили, а указали: отобравъ у нихъ чины и движимое и недвижимое имѣніе, послать

---

[1]) Родился въ 1667 году, скончался, по возвращеніи изъ ссылки, 11-го февраля 1746 года.

[2]) Князь Юрій Юрьевичъ, то же возвращенный Елисаветою Петровною, скончался въ 1747 году.

въ ссылку подъ карауломъ, а именно: князь Василья Долгорукова—въ Шлиссельбургъ, а прочихъ—въ вѣчную работу: князь Юрья Долгорукова—въ Кузнецкъ, Барятинскаго—въ Охотскій острогъ, а Столѣтова—на Нерчинскіе заводы» [1]). Страшное государственное преступленіе, за которое пострадали Долгоруковы и ихъ приближенные, заключалось въ нѣсколькихъ неосторожныхъ словахъ, произнесенныхъ у себя дома, въ декабрѣ 1731 г., супругою князя Василія Владиміровича. Бывшій у нихъ въ гостяхъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій [2]) священнымъ долгомъ себѣ поставилъ сдѣлать доносъ, изъ котораго возникло уголовное, государственное дѣло.

Покорный своему жребію, Столѣтовъ подъ конвоемъ отправился въ Нерчинскъ, куда и прибылъ въ началѣ 1732 года.

II.

Деревнинъ.— Жолобовъ.— Ссыльные.— Ссора на масляной.— Доносъ Бурцова Татищеву.— Присылка Столѣтова въ Екатеринбургъ.— Допросы.

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Въ несчастномъ ссыльномъ приняли радушное участіе Нерчинскій воевода Гаврило Ѳедоровичъ Деревнинъ и вице-губернаторъ, статскій совѣтникъ Жолобовъ. Чрезъ Деревнина, сестра Столѣтова Марѳа, бывшая въ Петербургѣ замужемъ за Сергѣемъ Нестеровымъ, мундшенкомъ царевны Елисаветы Петровны, доставляла ссыльному Столѣтову деньги, бѣлье, одежду. Жолобовъ простеръ свое состраданіе къ бывшему секретарю Монса до того, что принималъ Столѣтова у себя въ домѣ, сажалъ съ собою обѣдать, игрывалъ съ нимъ въ карты и помогалъ бѣдняку въ частыхъ его нуждахъ. Но ссылка—какъ ни смягчай ее—все-таки будетъ ссылкою. Коммиссаръ Тимоѳей Бурцовъ, ближайшій начальникъ Столѣтова—достойный сынъ своего времени, былъ человѣкъ крутой, безжалостный, олицетворенный шпицрутенъ. Подобными служаками было обильно царствованіе Анны Іоанновны и не въ Нерчинскѣ. Видя, что высшее начальство благоволитъ Столѣтову, Бурцовъ не смѣлъ особенно угнетать его, что, впрочемъ, не мѣшало ему придираться къ ссыльному, вслѣдствіе чего между ними часто

---

[1]) «Полное собраніе законовъ», т. IX, 23 декабря 1731 г., № 5,916.

[2]) Принцъ Людовикъ Іоаннъ род. въ 1704, ум. въ Берлинѣ 12 октября 1745 г. Императрица Елисавета пожаловала его въ генералъ-фельдмаршалы.

бывали ссоры. Вторичная ссылка не истребила въ сердцѣ Столѣтова надежды на времена лучшія. Онъ расчитывалъ на ходатайство сестры и зятя, если не передъ цесаревной Елисаветой Петровной, то хоть передъ кѣмъ-нибудь изъ вельможъ, которые когда-то и сами не гнушались услугами Егора Столѣтова. Въ первый же годъ своей ссылки бѣднякъ пристрастился къ водкѣ и топилъ въ ней свое горе. Этому не мало способствовала и та среда, въ которую онъ былъ заброшенъ злымъ своимъ рокомъ: большинство ссыльныхъ составляли преимущественно люди, закоснѣлые въ порокахъ, развитію которыхъ не мало способствовала и самая ссылка. Товарищами Столѣтова были высланные изъ Россіи крючкодѣи, подъячіе и приказные, завзятые ябедники и пьяницы. Сознавая себя выше ихъ, какъ по образованію, такъ и по прежнему своему общественному положенію, Столѣтовъ не имѣлъ, однако же, на столько силы воли, чтобы не пить съ ними; они же, въ свою очередь, не могли не нарадоваться, что могутъ съ дворяниномъ обходиться, какъ со своей ровней.

На масляной 1733 года коммиссаръ Бурцовъ, вмѣстѣ со Столѣтовымъ, былъ на обѣдѣ въ деревнѣ Выше-Агинской, у приписаннаго къ заводамъ крестьянина Ивана Патрина. Кромѣ упомянутыхъ лицъ, были тутъ еще многіе гости и въ томъ числѣ подъячіе: Петръ Ковригинъ и Ѳедоръ Сургутской. Покуда пили умѣренно, бесѣда шла чинно; хватили черезъ край—и поднялись споры и шумъ. Охмѣлѣвшій Столѣтовъ пустился что-то разсказывать. Не менѣе его подгулявшій хозяинъ сказалъ ему фамильярно:

— «Ты врешь, Егорка!»

Столѣтовъ обидѣлся и пустилъ въ хозяина калачемъ.

— «Напрасно такъ величаешься,—замѣтилъ ему Сургутской, —напрасно хозяина обижаешь. Ты не лучше насъ. Хотя и мы подъ гнѣвомъ ея величества, токмо я тебя лучше. Объ насъ такого манифеста, какъ объ васъ, «сущихъ шельмахъ», не выдано!»

— «Не мнѣ одному безчестье!» крикнулъ Столѣтовъ.

— «А кому же еще? Кому?» присталъ Сургутской.

— «Только и не хватало этого!» внѣ себя шумѣлъ Столѣтовъ. «Подъячій меня ругаетъ!»

Ставъ изъ-за стола, онъ бросился къ дверямъ и, не смотря на увѣщанія Бурцова, вышелъ на улицу и прибѣжалъ на заводъ,

отстоявшій отъ деревни на 15 верстъ. Хмѣльной, усталый, онъ повалился на постель и уснулъ глубокимъ сномъ. Ударили къ заутрени. Бурцовъ, не видя въ церкви—Столѣтова, дважды посылалъ за нимъ своего прислужника; но еще не отрезвившійся, Столѣтовъ отговорился нездоровьемъ и къ заутрени не пошелъ. А день былъ высокоторжественный: 3-е февраля, тезоименитство государыни императрицы Анны Іоанновны.

Проспался Столѣтовъ; прошелъ хмѣль, но не прошла досада на обидчиковъ. Онъ отправился въ церковь, отстоялъ обѣдню, и приглашенный Бурцовымъ къ столу, жаловался комиссару на Патрина и Сургутскаго, прося взыскать съ нихъ бозчестье. Бурцовъ отвѣчалъ, что ссыльному предъявлять исковъ не слѣдуетъ; а что Столѣтовъ у заутрени не былъ—этого онъ, Бурцовъ, ему не проститъ. Эти слова не были пустой угрозой: коммиссаръ зорко слѣдилъ за Столѣтовымъ и донесъ о немъ новому начальнику заводовъ — Татищеву, какъ о человѣкѣ «подозрительномъ».

Василій Никитичъ Татищевъ—просвѣтитель Сибири, нашъ знаменитый историкъ, оцѣненный по заслугамъ—отнесся къ дѣлу Столѣтова совершенно съ бироновской точки зрѣнія и взялъ на себя гнусную роль инквизитора, чуть не заплечнаго мастера. Извѣтъ свой на Столѣтова Бурцовъ сдѣлалъ въ декабрѣ 1734 года; въ февралѣ слѣдующаго 1735 года Татищевъ приступилъ къ розыску. Началъ онъ съ допроса Бурцова, входя въ мельчайшія подробности касательно ссоры Столѣтова съ Сургутскимъ на масляной 1733 года и небытности перваго у заутрени 3-го февраля. Затѣмъ Столѣтовъ, по распоряженію Татищева, въ кандалахъ, подъ карауломъ, былъ истребованъ съ Аргунскаго завода; имущество его опечатали. Одновременно съ этимъ, начальникъ заводовъ приказалъ взять подъ караулъ подъячихъ: Петра Ковригина и Ѳедора Сургутскаго. 24 іюля Столѣтовъ и Ковригинъ были доставлены въ Екатеринбургъ; Сургутской, посланный въ камчатскую экспедицію, доставленъ быть не могъ. На другой день происходилъ допросъ Столѣтова. Слѣдователь прежде всего спросилъ: чего ради Егорка Столѣтовъ не ходилъ въ церковь въ царскіе дни? Несчастный отвѣчалъ, что въ церкви не былъ только 3-го февраля 1733 года и подробно разсказалъ о своей ссорѣ въ домѣ Патрина. Тѣмъ бы и покончить допросы,

ограничась внушеніемъ ссыльному впредь не напиваться... Нѣтъ! Изъ одного вопроса возникали десятки другихъ, опутавшихъ Столѣтова по рукамъ и по ногамъ.

— «Кого ты разумѣлъ лучше тебя въ томъ обиженна?»

— «Князей Долгорукихъ: Василья, Юрья, да Барятинскаго.— Говорилъ Бурцову, что хотя нынѣ князь Василій и умеръ...».

— «Кто тебѣ это сказывалъ?»

— «Вице-губернаторъ Жолобовъ».

— «Чѣмъ ты грозилъ коммиссару Бурцову?»

— «Никогда не граживалъ, а говорилъ: хотя щука умерла, да зубы цѣлы, въ томъ разумѣніи, что сестра моя родная, Мареа, за мундшенкомъ ея высочества государыни цесаревны, за Сергѣемъ Нестеровымъ».

Тутъ Столѣтовъ чистосердечно показалъ, что надѣется на помилованіе, въ случаѣ брака или коронованія принцессы [1]).

— «Съ чего ты о бракѣ и о коронаціи говорилъ?»

— «Мнѣ сказывалъ по секрету Михаилъ Вистицкой».

— «Отъ сестры было тебѣ какое обнадеживанье на словахъ, или на письмѣ?»

— «Никогда и никакого. Она прислала мнѣ денегъ чрезъ нерчинскаго воеводу Гаврилу Деревнина».

— «Были-ли тебѣ какія милости отъ другихъ?»

Столѣтовъ назвалъ Жолобова и отъ слова до слова передалъ свои разговоры съ нимъ о придворномъ штатѣ цесаревны Елисаветы Петровны. Жолобовъ выразилъ желаніе получить мѣстечко при ней, сказавъ, что не пожалѣетъ подарить за то 2,000 червонцевъ Ягужинскому. Потомъ, похваляясь своими денежными средствами, показалъ 300 рублей, полученныхъ отъ коммиссара Бурцова по дѣлу боярскаго сына Бѣлокопытова...

— «Какое это дѣло?»

— «Жолобовъ сказывалъ: вина не велика; говорили, что бабы городами не владѣютъ...»

Отведенный подъ арестъ послѣ допроса, Столѣтовъ, чрезъ караульнаго сержанта, просилъ дать ему бумаги и расковать руки для написанія проэкта о торговлѣ съ Китаемъ, которая можетъ дать въ казну свыше 100,000 рублей ежегодно. Этимъ

---

[1]) Анны Леопольдовны.

бѣдный арестантъ надѣялся снискать милость Татищева. Желаніе Столѣтова исполнили, и онъ довольно нескладно изложилъ, что эта выгодная торговля заключается въ обмѣнѣ листоваго табаку и пороху на лошадей тунгусовъ и въ продажѣ лошадей китайцамъ... Проэктъ не дѣлалъ чести изобрѣтательности Столѣтова и, не обративъ на него вниманія, начальство распорядилось постройкою за городомъ двухъ избъ, да сарая, т. е., «застѣнка» для производства «розыска». Къ девятому числу августа мѣсяца 1735 г. избы и сарай были отстроены: слѣдователи могли теперь отъ «слова» перейдти къ «дѣлу», отъ устныхъ допросовъ — къ пыткамъ.

III.

Пытки и дальнѣйшіе разспросы.— Рапортъ Татищева.— Лица, оговоренныя Столѣтовымъ.— Послѣднее донесеніе Татищева.

Покуда строился застѣнокъ, Татищевъ допрашивалъ Вистицкаго, приведеннаго изъ Самарова-яму, а Столѣтовъ написалъ повинную, въ которой изложилъ все, до того времени имъ показанное на допросахъ. Татищевъ напомнилъ ему, что въ случаѣ утайки, онъ, Столѣтовъ, будетъ подвергнутъ жесточайшимъ пыткамъ. Въ избыткѣ усердія Татищевъ не погнушался даже мѣрою, противною постановленіямъ церковнымъ. Арестантъ пожелалъ исповѣдаться: Татищевъ, посылая къ нему священника, наказалъ послѣднему не слушать исповѣдника, въ случаѣ, если тотъ «станетъ сказывать что тайности подлежащее...». Священникъ повиновался, а Столѣтовъ написалъ вторую повинную, пространнѣе первой, припутавъ къ своимъ прежнимъ показаніямъ нѣсколько новыхъ, имѣвшихъ отношеніе или къ его бытности еще въ Петербургѣ, или къ служебнымъ упущеніямъ провожавшихъ его конвойныхъ. Основываясь на этихъ показаніяхъ, Татищевъ допрашивалъ подъячаго Ковригина, Бурцова, конвойнаго сержанта Переводчикова, солдатъ: Носова и Растрокова.

Августа 9-го, въ пятомъ часу пополудни, Столѣтовъ былъ пытанъ: полчаса висѣлъ на вискѣ; получилъ 40 ударовъ; висѣлъ еще часъ... И вотъ показанія, вмѣстѣ съ воплями исторгнутыя изъ груди паціента.

— «Гофмейстеръ Андреянъ Елагинъ называлъ князя Василья Долгорукаго маткою бунта. Иванъ Балакиревъ го-

ворилъ, что цесаревнѣ [1]) быть на престолѣ. Камерюнгфера Анна Пика, по поводу кончины царевны Анны Петровны, сказала: «и всѣ помрутъ!» Елагинъ говорилъ, что цесаревну князь Василій и народъ любитъ, а сестра моя (Марѳа Нестерова) припоминала слова цесаревны, по поводу присяги императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: «народъ нашъ давно душу свою чорту отдалъ». Самъ я (Столѣтовъ) у присяги не былъ «съ презлобства и пьянства». Когда цесаревнѣ отрѣшили годовую дачу, служители ея о томъ печалились и «весьма были недовольны....»

Наконецъ, невыносимыя муки вынудили у Столѣтова еще одно странное признаніе: до сихъ поръ истязуемый винился въ дѣлахъ и словахъ, теперь повинился въ помыслахъ:

— «Я еще того тяжчаѣ о государынѣ императрицѣ думалъ и сказалъ что, чести касающееся, въ томъ упомянулъ графа Бирона; а говорилъ съ князь Михаиломъ Бѣлосельскимъ, какъ онъ пріѣхалъ отъ царевны Екатерины Іоанновны [2]), сказалъ, что съ нимъ говорено было!»

На другой день (10-го августа) Столѣтова спросили только, не назоветъ-ли онъ еще кого, дерзавшаго что говорить противъ «Богомъ избранія ея императорскаго величества?» Отвѣтъ былъ отрицательный. Въ слѣдующіе дни, Татищевъ при допросахъ обращалъ особенное вниманіе на политическую сторону дѣла, нравственно и физически выпытывая у Столѣтова о его прежнихъ отзывахъ и помыслахъ касательно императрицы, ея сестры, племянницы, герцога Голштинскаго, малолѣтняго его сына, наконецъ, цесаревны Елисаветы Петровны. Что же вывѣдалъ мучитель у своей жертвы? Приводимъ показанія Столѣтова въ томъ порядкѣ, въ которомъ онъ отвѣчалъ на вопросы.

— «Ты желалъ быть на престолѣ сперва цесаревнѣ, потомъ принцессѣ?»

— «До ссылки моей желалъ цесаревнѣ; потомъ, когда коммиссаръ Дамесъ сталъ со мною жестоко обходиться, то «я сталъ

---

[1]) Елисаветѣ Петровнѣ.

[2]) Старшая сестра императрицы Анны Іоанновны, супруга герцога Мекленбургскаго, мать Анны Леопольдовны. Она скончалась въ 1733 году. По отзывамъ современниковъ была некрасива собою: толста, неуклюжа, съ грубыми манерами и голосомъ. Мекленбургскіе придворные дали ей прозвище дикой герцогини (Die wilde Herzogin).

въ разумъ приходитъ», особенно вспомнилъ слова, сказанныя мнѣ Николаемъ Строгановымъ въ Москвѣ: «дай Боже, чтобы государыня императрица долго здравствовала и принцессу выдала замужъ, а когда у нихъ дѣти будутъ, то-де прямая расть (отрасль) и благополучіе россійское будетъ!»

— «Что ты говорилъ съ Жолобовымъ о цесаревнѣ, о герцогѣ?»

— «Жолобовъ говорилъ: сказывалъ намъ Иванъ Бибиковъ, какъ ѣздилъ по тѣло цесаревнино [1]), что герцогъ-де непрестанно въ слезахъ и только-де говоритъ: «въ беззаконіи зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди меня мати моя!» Потомъ Жолобовъ сказалъ: «правда, есть по комъ плакать: жена была всѣхъ его лучше и вся-де въ отца была....» И затѣмъ заплакалъ Жолобовъ».

— «О принцѣ [2]) ты говорилъ, что онъ народъ русскій любитъ, а при Бибиковѣ ему было менѣе полугоду?»

— «Такъ я слыхалъ отъ Петра Сумарокова и Льва Кайсарова. Въ дополненіе къ тому, что я говорилъ о неудовольствіи служителей цесаревны, скажу еще. Алексѣй Шубинъ [3]) имѣлъ при дворѣ ея высочества многихъ себѣ согласниковъ (приверженцевъ), когда же онъ былъ посланъ въ Рогервикъ, или ино куда, тогда и его пріятелямъ нѣкоторымъ стало не такъ доходно, и я говорилъ Григорью Будакову: не можетъ-ли помочь, чтобы мнѣ хотя малое жалованье дать? На то онъ мнѣ сказалъ: «намъ, братецъ, самимъ какое жалованье!» Потомъ сестра моя сказывала: говоритъ-де государыня цеса-

[1]) Старшей дочери Петра Великаго, Анны Петровны, супруги герцога Голштинскаго. Свадьба ея была 21-го мая 1725 года; 4-го марта 1728 года, въ Килѣ, она родила сына (будущаго императора Петра III Өеодоровича), а 15-го мая того же года скончалась. Погребена въ Петербургѣ, въ соборѣ Петропавловской крѣпости.

[2]) Сынъ Анны Петровны; впослѣдствіи императоръ Петръ III.

[3]) Приближенный цесаревны Елисаветы Петровны Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, сынъ бѣднаго дворянина Владимірской губерніи, служилъ рядовымъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. За неосторожно высказанное слово о правахъ Елисаветы на престолъ, Шубинъ былъ взятъ въ тайную канцелярію: послѣ жестокихъ пытокъ и наказанія кнутомъ, его подъ чужимъ именемъ сослали въ Камчатку и насильно женили на камчадалкѣ. По восшествіи на престолъ, Елисавета Петровна приказала розыскать Шубина, вызвала его въ Петербургъ и пожаловала ему чинъ генералъ-маіора и орденъ св. Александра Невскаго; сверхъ того 2,000 душъ крестьянъ.

ревна — «какъ Долгорукіе были и меня гнали, такъ-де такой обиды мнѣ не сдѣлали, какъ-де я нынѣ изобижена!» А разумѣла обиду, что Шубина сослали и въ деньгахъ отказали. Еще сестра говорила: кабы цесаревна сама въ государынѣ искала, такъ бы она ей всѣхъ друзей лучше быть могла, на которыхъ она надѣется!»

Августа 19-го происходилъ передопросъ Столѣтова, однако же, безъ пытокъ. Въ этотъ день Татищевъ получилъ изъ Петербурга бумагу, не совсѣмъ пріятнаго содержанія, явствующаго изъ доношенія усерднаго слѣдователя:

«Сего августа 19-го (1735 г.) получилъ я изъ С.-Петербурга, отъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ вашего императорскаго величества указъ, въ которомъ написано, съ повелѣнія ихъ сіятельствъ господъ министровъ, что яко бы я, безъ указа, въ розыски важныхъ дѣлъ вступилъ, въ которые бы вступать мнѣ не надлежало, и хотя я сначала отъ великаго страха не могъ опамятоваться и того числа изготовленный Столѣтову розыскъ остановилъ, но нынѣ едва опамятовался, мню, что объ ономъ вашего императорскаго величества присланномъ мнѣ о Столѣтовѣ и другихъ указѣ, какъ господамъ министрамъ, такъ и въ тайной канцеляріи неизвѣстно, и для того вчера еще имъ, Столѣтовымъ, розыскивалъ жестоко, токмо, почитай, болѣе прежняго ничего не показалъ, токмо то изъяснилъ, что всегда о цесаревнѣ думалъ и надѣялся, доколѣ его Дамесъ (мню, по посланному отъ меня указу) въ работу опредѣлилъ, а прочее все за истину утверждаетъ.

«Въ тайную же канцелярію хотя я другихъ, яко Мозолевскаго и распопы (?), допросы подлинные послалъ, однако-жъ, о Егоркѣ и о томъ указѣ ничего точно въ оправданіе мое показать не смѣлъ, а написалъ кратко, что я то учинилъ по указу вашего императорскаго величества.

«Того ради, всеподданнѣйше вашего императорскаго величества прошу объ ономъ, какъ мнѣ впредь поступать, всемилостивѣйшимъ указомъ опредѣлить, дабы я отъ невѣдѣнія, противъ моего желанія, чѣмъ ваше величество на гнѣвъ не привелъ». (Далѣе Татищевъ пишетъ о положеніи горнозаводскихъ дѣлъ. Доношеніе писано изъ Екатеринска, отъ 22-го августа 1735 г.).

Августа 20-го Егорка Столѣтовъ былъ пытанъ въ другой

разъ: висѣлъ полчаса на вискѣ; потомъ изрѣдка дано ему было 300 ударовъ. Онъ не показалъ ничего новаго; просилъ до завтра дать ему одуматься. На другой день онъ припомнилъ, что роптал на приговоръ суда; показалъ еще нѣчто новое о князѣ Михаилѣ Бѣлосельскомъ. «Когда князь былъ за государынею цесаревною въ походѣ (на богомолье) у Троицы, то воротясь въ Москву, сказывалъ мнѣ наединѣ: государыня-де царевна сказывала ему, князь Михайлу, что «государыня-де императрица дивится сама, какъ Богъ пронесъ безъ бунта во время выбора». А болѣе того тогда ничего не говорилъ. Да онъ же, князь Михайла, сказывалъ ему, Егоркѣ, тогда, какъ увидѣлъ, что ко двору цесаревны-государыни болѣе надежды уже не имѣлъ: этому причина, что я съ царевною неосторожно издѣвался, а государыня цесаревна увидѣла».

Опять допрашивали конвойныхъ солдатъ и сержанта, давая имъ очныя ставки со Столѣтовымъ. Онъ уличалъ ихъ въ небрежномъ надзорѣ за арестантами во время ихъ слѣдованія изъ Нерчинска въ Екатеринскъ. Конвойные пьянствовали, сержантъ дѣлалъ поборы съ крестьянъ для продовольствія команды, чтобы присвоить порціонныя деньги; сажалъ на одну лодку съ арестантами постороннихъ путниковъ и т. д. Эти жалобы Столѣтова, хотя и основательныя, были, съ его стороны, обычнымъ пріемомъ подсудимаго, который радъ случаю чѣмъ-нибудь досадить своимъ притѣснителямъ. Сержантъ дорогою подчивалъ Столѣтова водкою; Столѣтовъ не отказывался, но въ застѣнкѣ все-таки жаловался на эту служебную нерадивость конвойнаго. Это тѣмъ менѣе удивительно, что пытки принудили Столѣтова оговорить даже зятя и родную сестру, ему благотворившихъ. Страшенъ былъ Василій Никитичъ Татищевъ Егоркѣ Столѣтову, но, пожалуй, не менѣе того и самому судьѣ былъ страшенъ подсудимый. Производя допросы, давая очныя ставки, составляя экстракты изъ показаній, Татищевъ, въ то же время, желалъ поскорѣе сбыть съ рукъ Егорку, довѣривъ окончаніе дѣла петербургскимъ «инквизиторамъ», какъ именовались дѣятели тайной канцеляріи. Еще въ донесеніи своемъ, отъ 16-го августа 1735 г., императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Татищевъ писалъ слѣдующее [1]):

[1]) Приводимъ это донесеніе съ общимъ перечнемъ всѣхъ допросныхъ пунктовъ и преступленій, въ которыхъ Столѣтовъ сознался подъ пытками.

«По указу вашего императорскаго величества Егорка Столѣтовъ привезенъ сюда іюля 24-го числа и, по многимъ разспросамъ, по двумъ повиннымъ и съ пытки, хотя плутовскими коварствы закрывалъ и таилъ, но, елико возможно изъ такого плута вытянуть,—показалъ: 1) Что онъ не токмо о вашемъ здравіи молиться не хотѣлъ, или молился притворно, но и весьма того не желалъ. 2) Желалъ и надѣялся быть цесаревнѣ (Елисаветѣ) на престолѣ и въ той надеждѣ Бурцову и другимъ грозилъ. 3) О вашемъ императорскомъ величествѣ поносно говорилъ, котораго я въ разспросѣ точно писать не могъ и ему говорить запретилъ. 4) Онъ никогда не присягалъ, а хотя одново покойной императрицѣ присягалъ, и то по особливому страху. 5) Совѣтовалъ или слышалъ непристойности отъ Андреяна Елагина, князь Михайла Бѣлосельскаго, каморъ-юнфоры ея высочества Анны Пивъ, отъ сестры своей Мареы Нестеровой, отъ Ивана Балакирева, Алексѣя Жолобова, которое въ приложенномъ экстрактѣ обстоятельно показано. 6) Здѣсь онъ показывалъ на Бурцова, да оный, почитай, во всѣхъ оправдался. 7) На Мирона Вистицкаго: по онаго послалъ я нарочнаго. 8) На сержанта, кой его везъ: оный тако-жъ оправдается. 9) На солдатъ, кои провожали: по оныхъ тако-жъ въ Нерчинскъ послалъ.

«Оный экстрактъ хотя я съ великой прилежностью сочинялъ, смотря, чтобы не проронить, излишняго не писать и ясно истину донести; однако-жъ, какъ оное, а паче его повинныя весьма коварно, скрытно, но и съ ненадлежащимъ смѣшавъ писаны, я же въ моемъ здоровьѣ слабъ и въ томъ самъ себя опасаюсь: довольно-ль я то сдѣлалъ, подлинныхъ же до указа вашего величества цослать не смѣлъ, а понеже мню, что ему, для улики оныхъ, ежели будетъ запираться, надобно тамъ быть, здѣсь же для провожанія людей способныхъ нѣтъ и повѣрить опасаюсь. Того ради, не соизволите-ль ваше величество по него послать надежнаго человѣка и подлинное дѣло взять, а между тѣмъ еще стану изъ него подлиннѣе вытягивать, и хотя онъ сначала меня весьма уничтожалъ, надѣяся, что здѣсь розыскивать не буду, но какъ я ему точно изъ указа прочелъ, то онъ тотчасъ сталъ ближе истины показывать, однако-жъ, мню, что онъ еще въ той надеждѣ нѣчто скрываетъ, ибо вчера мнѣ сказалъ: «да вѣдь-де мнѣ тамъ быть же»; а понеже послѣдній допросъ въ выписку

внести не успѣлъ, того ради оный, точно списавъ, при семъ же посылаю». Изъ Екатеринска, августа 16-го числа, 1735 года. Послано съ капраломъ Даниломъ Кузнецовымъ, пополудни въ седьмомъ часу.

IV.

Присылка Столѣтова въ Петербургъ.—Тайная канцелярія.— Князь Бѣлосельскій.—Мареа Нестерова.—Новыя показанія Столѣтова.

13-го ноября 1735 года, колодники: Егоръ Столѣтовъ, коммиссаръ Тимоеей Бурцовъ, надзиратель Миронъ Вистицкій, сержантъ Өедоръ Переводчиковъ, солдатъ Никита Растроковъ, были привезены въ Петербургъ. По случаю шедшаго по Невѣ сильнаго льда перевезти арестантовъ въ тайную канцелярію не было возможности, и потому они, по распоряженію генерала и кавалера и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковника и ея императорскаго величества генералъ-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова, временно были помѣщены, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ лѣтнемъ ея императорскаго величества дворцѣ. 27-го ноября колодники были переведены въ тайную канцелярію. Розыски начались съ 23-го февраля 1736 года. Три мѣсяца дано было узникамъ, чтобы собраться съ силами для новыхъ допросовъ, а съ ними, разумѣется, и пытокъ.

Первый вопросъ, заданный Ушаковымъ Столѣтову, былъ о томъ, что онъ «тяжчаѣ» показаннаго въ Екатеринбургѣ думалъ о государынѣ императрицѣ? что говорилъ о чести ея касающееся съ князь Михаиломъ Бѣлосельскимъ, упоминая графа Бирона и царевну Екатерину Іоанновну?

Столѣтовъ отвѣчалъ, что еще до ссылки его на заводъ по дѣлу Долгорукова, въ бытность въ Москвѣ у своего друга, князя Михаила Бѣлосельскаго, онъ слышалъ отъ послѣдняго, будто тотъ съ царевною Екатериною Іоанновною живетъ въ любви. При этомъ Бѣлосельскій показывалъ ему, Столѣтову, письма, писанныя къ нему собственною ея рукою, которыя письма Столѣтовъ читалъ. Въ нихъ царевна приглашала Бѣлосельскаго къ себѣ, напоминая ему объ оказанной князю милости (о подаркѣ 1,000 рублей). Кромѣ того, Бѣлосельскій говорилъ своему другу: «государыня-де царевна сказывала мнѣ секретно, что-де Биронъ съ сестрицею (Анною Іоанновною) живетъ въ любви; онъ-де живетъ съ нею по-нѣмецки, чиновно....»

Послѣ того, по словамъ Столѣтова, князь Михаилъ Бѣлосельскій просилъ его достать изъ аптеки такого лекарства, чтобы, когда оно потребуется, Бѣлосельскому быть.... молодцоватымъ. Столѣтовъ, «отъ простоты своей», обѣщалъ услужить другу подобнымъ снадобьемъ и обратился къ родственнику зятя своего, Сергѣя Нестерова,—Никитѣ Нестерову, солдату лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, сказавъ ему, что одинъ его пріятель недавно женился, но къ супружескому дѣлу неспособенъ, и потому не достанетъ-ли Нестеровъ изъ аптеки лекарства отъ этого недуга? Нестеровъ обѣщалъ, но послѣ, встрѣтивъ Столѣтова, сказалъ ему, что подобнаго лекарства изъ аптеки безъ порукъ не отпускаютъ. Тоже сказалъ и Столѣтовъ своему другу, при свиданіи съ княземъ Михаиломъ Бѣлосельскимъ.... «Иной, тягчайшей думы о ея императорскомъ величествѣ я не имѣлъ!» заключилъ Столѣтовъ свое показаніе. Однако же, перебирая въ своей памяти событія временъ давно минувшихъ, онъ оговорилъ еще нѣсколько лицъ, къ настоящему дѣлу нисколько не причастныхъ. «Въ 1730 году, послѣ коронованія государыни императрицы, былъ я въ домѣ у княгини Маріи Куракиной, у которой бывалъ и прежде, вмѣстѣ съ Бѣлосельскимъ. Тогда же былъ у княгини ея пасынокъ, князь Александръ Куракинъ, и увидя меня, незнамо чего ради, сидя на кровати, говорилъ: «государямъ бываетъ избраніе отъ министровъ!» А я сказалъ: «Нѣтъ, не отъ министровъ, а это дѣло Божіе....»—«А нынѣшнюю императрицу къ избранію зять мой, князь Михайло Михайловичъ [1]), потрудился!» замѣтилъ Куракинъ. Кромѣ этого, другихъ разговоровъ между нами не бывало, хотя мы и встрѣчались у князя Михаила Бѣлосельскаго. Куракинъ мною гордилъ (т. е. гордился). Еще вспомнилъ—продолжалъ Столѣтовъ—уже въ бытность мою въ ссылкѣ, прибывшій изъ Иркутска коммиссаръ Миронъ Вистицкой передалъ мнѣ поклонъ отъ ссыльнаго Николая Чамадурова, генеральс-адьютанта князь Василья Долгорукова. Съ чего онъ мнѣ кланялся? Разъ въ жизни, въ Москвѣ, я его просилъ о сводѣ постою со двора крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщика Бе-

[1]) Фельдмаршалъ князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, женатый на княжнѣ Татьянѣ Борисовнѣ Куракиной. Онъ родился 1-го ноября 1675 года, скончался и похороненъ въ селѣ Братовщинѣ, подъ Москвою, 10-го декабря 1730 года, куда былъ удаленъ отъ двора.

корюкова, а исполнилъ-ли онъ мою просьбу, и того не знаю. Еще скажу на счетъ словъ Алексѣя Жолобова: что «Голштинскій молодой принцъ къ русскимъ людямъ ласковъ», тогда я подумалъ: если любитъ принцъ русскихъ людей, можетъ впредь быть въ Россіи государемъ; тогда и государыня цесаревна оживетъ!

— «Что можешь сказать о Балакиревѣ?» спросилъ Столѣтова неутомимый Ушаковъ.

— «До моей ссылки, бывши у меня на квартирѣ въ Москвѣ, Балакиревъ говорилъ: «государыня царевна Екатерина Іоанновна изволитъ сомнѣваться въ Петербургъ ѣхать. Ей Архиповичъ говорилъ, что она въ Петербургѣ скончается!» Я сказалъ на это: какой-де Архиповичъ пророкъ! Чего царевнѣ опасаться? Дай ей Богъ здравствовать».

24-го февраля 1736 г. былъ разспрашиванъ князь Михайло Бѣлосельскій, оговоренный Столѣтовымъ. Вотъ сущность его отвѣтовъ:

— «Со Столѣтовымъ познакомился я, когда онъ былъ при Виллимѣ Монсѣ, и съ того времени дружны были. Объ исканіяхъ моихъ быть придворнымъ кавалеромъ царевны Екатерины Іоанновны я Столѣтову никогда не говорилъ. Когда, въ 1731 г., я уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ, Столѣтовъ пріѣзжалъ ко мнѣ проститься и со мною вмѣстѣ ходилъ въ церковь для слушанья молебна напутственнаго. Онъ говоритъ, будто я, услыхавъ звонъ, сказалъ: «точно набатъ.... не къ бунту-ли? я бы радъ былъ!» Это неправда. И то ложь, будто я прибавилъ: «нашей братьи, кои тому рады, человѣкъ съ триста». На скуку ѣхать въ Петербургъ я и не думалъ жаловаться. Велъ-ли я съ нимъ переписку—не помню, равно какъ и о томъ, говорилъ-ли когда-нибудь съ нимъ, чей родъ важнѣе: Голицыныхъ или Долгорукихъ. У Троицы я былъ съ покойнымъ генералъ-губернаторомъ Васильемъ Өедоровичемъ Салтыковымъ. О словахъ государыни императрицы про бунтъ Столѣтову не говорилъ».

Тутъ князю Бѣлосельскому было прочитано показаніе Столѣтова о событіяхъ, сопровождавшихъ избраніе императрицы Анны Іоанновны, разсказъ о которыхъ Столѣтовъ слышалъ отъ Бѣлосельскаго: «Какъ былъ выборъ государынинъ въ сенатѣ, такъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ сказалъ: «а цесаревна Елисаветъ Петровна?» Такъ князь Михайло Михайловичъ Голицынъ

сказалъ: «та-де побочная» и всѣ закричали, что царевна Анна Іоанновна! Развѣ девяностый годъ вспомнить хотите.... того году бунтъ былъ! И Иванъ Алексѣевичъ, чаю, радъ былъ, что изъ сената вышелъ, чтобъ не убили!»

— «Ничего подобнаго Столѣтову я не говорилъ!» отвѣчалъ Бѣлосельскій. «Мусина-Пушкина тогда и въ живыхъ не было. Отъ царевны Екатерины Іоанновны я получилъ 1,000 рублей, правда; говорилъ о нихъ Столѣтову, выхваляя ея милость ко мнѣ, прочаго же о царевнѣ никогда и ничего не говорилъ, ибо ничего подобнаго никогда не бывало!»

Въ шестомъ часу вечера дана была Столѣтову очная ставка съ княземъ Михаиломъ Бѣлосельскимъ. Каждый изъ нихъ подтверждалъ истину своихъ показаній страшною клятвою: «подвергая себя не токмо смертной казни, но и вѣчной церковной клятвѣ и въ будущемъ вѣкѣ мученію». На всѣ показанія колодника князь отвѣчалъ отрицательно. Ко всему, прежде сказанному, Столѣтовъ прибавилъ нѣсколько новыхъ подробностей: 1) Бѣлосельскій былъ замѣшанъ въ какомъ-то дѣлѣ, которое разсматривалось въ Преображенскомъ приказѣ, но его выручилъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій. 2) Посредникомъ царевны Екатерины Іоанновны въ ея сношеніяхъ съ Бѣлосельскимъ былъ ея служитель Данилычъ Гурчанинъ. 3) Прервавъ сношенія съ Бѣлосельскимъ, царевна приказала ему всѣ писанныя къ нему письма свои сжечь. 4) Бѣлосельскому въ его интригѣ помогала сестра его, княжна Козловская, по мужу Еворская. Царевна видѣлась съ княземъ въ ея квартирѣ.

Очная ставка окончилась арестомъ князя Михаила Бѣлосельскаго съ отдачею его подъ караулъ, съ содержаніемъ въ Тайной канцеляріи. Для прислуги къ нему приставленъ былъ его человѣкъ, Степанъ Грановскій, за которымъ приказано было имѣть строжайшій надзоръ.

Въ слѣдующіе дни (съ 24-го по 28-е февраля) въ Тайной канцеляріи были допрашиваемы прикосновенные къ дѣлу: кабинетъ-курьеръ Александръ Сухачевъ, коммиссаръ Тимоѳей Бурцовъ, сержантъ Ѳедоръ Переводчиковъ, солдатъ Никита Растроковъ.

Высочайшимъ указомъ, 28-го февраля 1736 года, повелѣно было: «Означенному Сухачеву, за происшедшія отъ него нѣкото-

рыя слова, учинить наказанье: бить плетьми нещадно и по учиненьи того наказанья написать его въ напольные полки въ солдаты до выслуги, и для того отослать его въ военную коллегію». Вся вина кабинетъ-курьера заключалась въ томъ, что въ 1734 г., проѣздомъ чрезъ Иркутскъ и Красноярскъ, онъ сказалъ въ первомъ городѣ Вистицкому, а во второмъ—воеводѣ Баклановскому о предстоящемъ бракосочетаніи принцессы Анны Леопольдовны.... и только! Сказалъ о томъ въ Сибири, о чемъ тогда говорила вся Россія. Допросы, чиненные Бурцову и конвойнымъ, подтвердили ихъ дисциплинарную провинность: слабый надзоръ за арестантами. Наказаніе, въ данномъ случаѣ заслуженное, сравнительно было опредѣлено легчайшее.

8-го марта 1736 г. происходилъ допросъ сестры Столѣтова, Мареы Нестеровой и мужа ея Сергѣя. Вотъ подлинные ея отвѣты.

— «До ссылки своей, братъ мой Егоръ жилъ при домѣ благовѣрной государыни цесаревны Елисаветъ Петровны. О восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, не помню, когда именно, но я говорила брату: «исполнилъ Господь Богъ свою евангельскую притчу: «вмалѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю. Прежде надъ малымъ княженіемъ тебя владѣтельницею поставилъ, а усмотря твое достоинство, учинилъ самодержецею и надъ всею Россіею». Отвѣчалъ-ли мнѣ что на это братъ мой—не помню. Спроста я говорила моему брату о словахъ цесаревны: «русскій народъ свою душу давно чорту отдалъ». Цесаревна произнесла ихъ, будучи въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, при служителяхъ и я сама тѣ слова слышала».

Спросили Мареу Нестерову: «говорила-ли она съ братомъ о правахъ молодаго Голштинскаго принца на русскій престолъ? отвѣчалъ-ли ей Столѣтовъ, что свой лучше, нежели чужой?»

— «Можетъ быть и говорили мы», отвѣчала Нестерова, «не помню. Точно также не помню, говорила-ли я когда съ братомъ о томъ, что цесаревна его не жалуетъ, хотя онъ готовъ умереть за нее».

Сергѣя Нестерова спросили: сѣтовалъ-ли онъ со Столѣтовымъ на то, что около императрицы все нѣмцы, а не русскіе служатъ? Нестеровъ отвѣчалъ отрицательно. На очныхъ ставкахъ съ зятемъ и съ сестрою, Столѣтовъ не только не спорилъ съ ними,

но даже отрекся отъ одного изъ прежнихъ показаній, будто слышалъ отъ сестры, что цесаревна печалится о ссылкѣ Шубина: не могла ему этого Мареа говорить, ибо ея въ то время и въ Москвѣ не было. Вообще изъ рѣчей Столѣтова на очныхъ ставкахъ съ Нестеровыми замѣтно было, что онъ жалѣетъ родныхъ и, по мѣрѣ возможности, старается выгородить ихъ. Иныя чувства руководили имъ въ отношеніи бывшаго его друга, князя Михаила Бѣлосельскаго. Ежедневно онъ припоминалъ что-нибудь и приводилъ факты, которыми надѣялся пролить свѣтъ на темное дѣло короткихъ отношеній царевны Екатерины Іоанновны съ Бѣлосельскимъ. Такъ онъ донесъ: 1) Что царевна жаловала князю свои сорочки. 2) Что дочь князя Якова Лобанова, княгиня Александра Долгорукая, говорила Бѣлосельскому, когда тотъ отсталъ отъ двора Екатерины Іоанновны: «что-де матка моя отвѣдать что-ли изволила, да не полюбился, такъ и ненадобенъ сталъ?». 3) Что Столѣтовъ, по просьбѣ Бѣлосельскаго, писалъ ему на-черно письмо къ царевнѣ, которое Бѣлосельскій нашелъ «слишкомъ чинбвнымъ» и самъ написалъ другое. 4) Что Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ присутствовалъ въ сенатѣ при избраніи императрицы Анны Іоанновны. Онъ умеръ весною 1730 года, Бѣлосельскій же говоритъ, что раньше.

На разспросахъ князь Михаилъ Бѣлосельскій показалъ противъ этихъ пунктовъ: 1) Никогда. 2) Ни отъ кого подобныхъ рѣчей не слыхивалъ. 3) Столѣтовъ писалъ мнѣ черновое прошеніе на имя царевны объ опредѣленіи меня въ Измайловскій полкъ на службу. 4) Былъ-ли живъ, или нѣтъ Мусинъ-Пушкинъ въ 1730 году, мнѣ до того и нужды нѣтъ.

На очныхъ ставкахъ опять каждый стоялъ на своемъ....

V.

Старое дѣло Преображенскаго приказа.— Допросы Елагина и Жолобова.— Пытки Столѣтова.— Его послѣднія признанія.— Приговоръ.

На одномъ изъ предыдущихъ допросовъ, оговаривая князя Бѣлосельскаго, Столѣтовъ упомянулъ объ одномъ дѣлѣ Преображенскаго приказа, въ которомъ князь былъ замѣшанъ. По распоряженію Ушакова, Тайная канцелярія снеслась съ бывшимъ Преображенскимъ приказомъ, затребовавъ отъ него справку: въ 1728 или въ 1729 году какое въ ономъ приказѣ дѣло касалось

до поручика морскаго флота, князь Михаила Бѣлосельскаго, и что по тому дѣлу было учинено?

По справкамъ оказалось, что 21-го января 1729 года въ приказъ былъ приведенъ, при доношеніи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генералъ-маіора князя Бориса Ивановича Куракина, жены его, княгини Маріи Ѳедоровны, бывшій земскій дьячекъ Димитрій Зерновъ. Въ доношеніи было сказано, что Зерновъ, находясь 19-го января въ подмосковной вотчинѣ княгини Куракиной, село Алешки, подъ карауломъ, сказалъ за собою «государево дѣло», о которомъ подлежитъ объявить въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ. Въ январѣ 1728 года княгиня Марія Куракина пріѣхала изъ Петербурга съ дочерью своею, княжною Екатериною. Въ то же время, проживавшая у нея въ домѣ жена бывшаго стряпчаго, Василиса Михайловна Дудорина, сидя за ужиномъ съ Зерновымъ, передала ему, что княгиня и княжна съ княземъ Михаиломъ Бѣлосельскимъ говорили про его императорское величество непристойныя слова, а именно, что-де въ Петербургѣ въ ихъ домѣ государь былъ и присылалъ по нихъ свои сани. А князь Михайло Бѣлосельскій къ тѣмъ словамъ говорилъ: «развѣ вамъ что безъ меня припало, а при мнѣ вамъ рядъ былъ... Полно, княжна, ты не слюбилась-ли съ государемъ?» А княжна Екатерина отвѣтила на тѣ слова: «есть, батька, кого и любить!» На очной ставкѣ съ Зерновымъ, Дудорина подтвердила истину своихъ словъ, сказавъ, что разговоръ господъ, кромѣ ее, Василисы, подслушали еще: дворовая жонка, Ѳедосья Маркова, да дѣвки: Мавра Михайлова и Акулина Андреева. Показанныя Дудориной свидѣтельницы отозвались совершеннымъ незнаніемъ, а княгиня, княжна и Бѣлосельскій сказали на допросѣ, что такихъ непристойныхъ словъ никогда не говаривали. За этотъ ложный извѣтъ жонка, Василиса Михайлова, по резолюціи правительствующаго сената, была бита кнутомъ, а дьячекъ былъ отправленъ въ московскую губернскую канцелярію къ розыску.

Это дѣло, вызванное изъ архивовъ на свѣтъ Божій по милости Столѣтова, не только не компрометировало Бѣлосельскаго, но скорѣе служило доказательствомъ его умѣнья выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Продолжая обви-

нять князя, Столѣтовъ сознался и въ своихъ грѣховныхъ помышленіяхъ по поводу сообщенной ему Бѣлосельскимъ тайны о чувствахъ къ сему послѣднему царевны Екатерины Іанновны, а къ Бирону Анны Іоанновны. «Подумалъ я», сознался Столѣтовъ, «что оное смертный грѣхъ... какъ отъ живаго мужа жену, или отъ живой жены мужа взять!»

— «И въ мысль то не приходило и никогда того не бывало!» повторялъ Бѣлосельскій на очныхъ ставкахъ.

Гофмейстера Андреяна Елагина, нарочно вызваннаго изъ Москвы, разспрашивали 11-го марта 1736 г.

— «Егора Столѣтова знаю», показалъ онъ, «но друженъ съ нимъ никогда не былъ. Просилъ-ли меня Столѣтовъ о мѣстѣ въ придворной конторѣ — не помню. О любви къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ народа и князя Василья Долгорукова я никогда Столѣтову не говорилъ. Ни особенныхъ разговоровъ, ни переписки я съ нимъ никогда не имѣлъ».

15-го марта, по распоряженію Ушакова, былъ вызванъ въ тайную канцелярію Иванъ Балакиревъ, знаменитый шутъ двора Анны Іоанновны.

— «Егора Столѣтова знаю», показалъ онъ, «мы вмѣстѣ съ нимъ жили при Виллимѣ Монсѣ; вмѣстѣ были сосланы въ Рогервикъ: я — на три года, а Егоръ — на десять лѣтъ. По возвращеніи изъ Рогервика, дружбы со Столѣтовымъ я не водилъ: иногда онъ только приходилъ ко мнѣ обѣдать. Просилъ-ли онъ меня о мѣстѣ при дворѣ государыни царевны Екатерины Іоанновны — не могу припомнить, если же онъ когда и просилъ меня о томъ — я никогда предстательства объ его опредѣленіи не имѣлъ. Что онъ говаривалъ мнѣ о невыдачѣ жалованья при дворѣ цесаревны (Елисаветы Петровны) это правда, и я еще при этомъ совѣтовалъ ему опредѣлиться куда-нибудь въ коммиссію. О томъ, что царевна Екатерина Іоанновна опасается въ Петербургъ ѣхать ради того, что Архиповичъ говоритъ, будто она въ Петербургѣ скончается, — ни Столѣтову и никому я не говаривалъ. Долженъ-ли мнѣ онъ что-нибудь — не помню».

На очныхъ ставкахъ между Столѣтовымъ и Балакиревымъ пререканій не было.

Хотѣли послѣ того вызвать камеръ-юнгферу Анну Пикъ, бывшую замужемъ за мундшенкомъ Ефимомъ Бахтѣевымъ,

но по справкамъ оказалось, что Анна Пикъ уже второй годъ какъ умерла. Принялись за живыхъ. 17-го марта былъ разспрашиванъ вызванный изъ Сибири и заключенный въ Петропавловскую крѣпость статскій совѣтникъ Алексѣй Жолобовъ. Послѣ всѣхъ этихъ ябедниковъ, лгуновъ и клеветниковъ, эта благородная, откровенная личность выказалась въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ въ своихъ показаніяхъ.

— «По присылкѣ Столѣтова изъ Москвы въ Иркутскъ, я отправилъ его на Нерчинскіе серебряные заводы. Впослѣдствіи, въ бытность мою тамъ и видя нищету Столѣтова, я далъ ему 20 рублевъ денегъ, камки, свой атласный камзолъ, да шапку; принималъ его у себя къ обѣду и къ ужину. Въ карты я съ нимъ игралъ; о томъ, сколько у цесаревны деревень и кто ими правитъ — я у Столѣтова спрашивалъ, равно какъ и о томъ, что у нея, я чай, Арцыбушевъ обогатился. О печали герцога Голштинскаго по его супругѣ Аннѣ Петровнѣ, о ласкѣ молодаго принца я говорилъ и плакалъ по Аннѣ Петровнѣ, помня милости ко мнѣ ея родителя, Петра Великаго. О томъ, часто-ли цесаревна пишетъ къ герцогу, я Столѣтова спрашивалъ. Говорилъ я и еще о графѣ Биронѣ, какъ онъ Божіею милостію и ея императорскаго величества взысканъ. Такова-то милость Божія. Во время, этого Бирона въ бытность въ Ригѣ коммиссаромъ бивалъ, а нынѣ радъ бы тому былъ, чтобъ его сіятельство узналъ меня. Хоть не ради чего, только чтобъ зналъ. И есть у меня курьезная вещица: 12-ть чашечекъ орѣховыхъ, одна въ одну вкладывается; прямая вещица такому графу—вѣдь ему золото и серебро не нужно! Еще за-просто припомнилъ я и говорилъ Столѣтову, какъ въ Ригѣ при покойномъ генералѣ Репнинѣ, будучи на ассамблеѣ, сталъ оный Биронъ изъ-подъ меня стулъ брать, а я, пьяный, толкнулъ его въ шею и онъ сунулся въ стѣну. О взяткѣ въ триста рублевъ по дѣлу Бѣлокопытова я Столѣтову говорилъ и деньги ему показывалъ. Я же сказалъ ему и о смерти князя Василья Долгорукова, близъ Шлютенбурха (Шлиссельбурга). Тогда о томъ въ Иркутскѣ ходила молва».

17-го марта, по высочайшему повелѣнію, Иванъ Балакиревъ отъ суда былъ вовсе освобожденъ; за то, черезъ девять дней (26-го числа), ея императорское величество изволила указать: «Егора Столѣтова допрашивать накрѣпко и для очныхъ

ставокъ приводить въ застѣнокъ оговоренныхъ имъ: Бѣлосельскаго, Елагина и Нестерова».

13-го апрѣля Столѣтовъ заболѣлъ и, желая исповѣдаться, потребовалъ священника. Къ нему прибылъ священникъ церкви св. Петра и Павла, отецъ Григорій Өедоровъ. Послѣ исповѣди, по приказу Ушакова, страдалецъ былъ спрашиванъ, чтобъ показалъ истину.

— «Все, что я прежде показывалъ — все истинно!» отвѣчалъ Столѣтовъ.

Пытали его 7-го апрѣля и 10-го мая 1736 г. Черезъ два дня послѣ этой послѣдней пытки, истерзанный, измученный, Столѣтовъ вторично попросилъ духовника. Священнику Григорію Өедорову Ушаковъ поручилъ: по сообщеніи преступнику Святыхъ Таинъ, донесть въ тайной канцеляріи, не припомнилъ-ли Столѣтовъ чего? Подтверждая всѣ свои прежнія показанія, несчастный повинился еще: 1) Въ томъ, что въ Нерчинскѣ, подавая милостину нищимъ, говорилъ, чтобы они молились за цесаревну Елисавету Петровну. 2) Во время голода въ Нерчинскѣ, Столѣтовъ роптал на государыню императрицу за скудное содержаніе, ему опредѣленное, шесть копѣекъ въ день; а четверть муки продавалась по 12-ти рублей. 3) Въ Москвѣ, въ домѣ Елагина, Столѣтовъ слышалъ о немилости, въ которую впалъ Александръ Румянцевъ за то, что онъ о курляндцахъ упоминалъ. 4) О присягѣ Долгорукова, равно какъ и о службѣ нѣмцевъ при императрицѣ, Столѣтовъ отъ зятя своего, Нестерова, никогда ни слова не слышалъ. 5) До ссылки своей Столѣтовъ былъ въ домѣ у Ивана Балакирева и тотъ говорилъ ему о государынѣ цесаревнѣ: «боярыня-то ваша, кажется, на меня сердится, и ежели изволитъ пріѣхать къ государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, я могу повыговорить!» По этимъ словамъ Столѣтовъ помыслилъ: «не черезъ онаго-ли Балакирева. причина ссылки Шубину учинилась и не за то-ль на Балакирева государыня цесаревна сердится?» Въ другое время, у себя же на квартирѣ, Балакиревъ говорилъ Столѣтову на-единѣ: «мнѣ-было, Егоръ, попадала птичка, да не умѣлъ ловить!» Къ чему онъ это говорилъ, Столѣтовъ не знаетъ, но ему пришло на мысль, что государыня царевна Екатерина Іоанновна не соизволила-ль принять въ особливую свою милость онаго Балакирева? 6) Когда государыня императрица изъ Кур-

ляндіи писала письма цесаревнѣ, то заключала ихъ тако: «вѣрная ваша сестра». Столѣтовъ, негодуя, мыслилъ: «вѣрная ваша сестра, а опредѣленныхъ государынѣ цесаревнѣ 30,000 рублевъ не изволитъ жаловать!»

Эти признанія были выжаты изъ Столѣтова чуть-ли не съ послѣдними каплями крови. Дальнѣйшихъ допросовъ ему не чинили. Именной указъ, рѣшившій судьбу Столѣтова и имъ оговоренныхъ лицъ, состоялся 11-го іюля 1736 г. Указомъ тѣмъ опредѣлено было: Столѣтова казнить смертію; Бѣлосельскаго сослать на вѣчное житье въ Оренбургъ и быть тамъ при строеніи судовъ; Елагина держать подъ карауломъ пока не будутъ доправлены имѣющіяся на дворцовыхъ волостяхъ недоимки, въ упущеніи которыхъ онъ виновенъ; женѣ Нестерова учинить наказаніе плетьми нещадно и вмѣстѣ съ мужемъ сослать въ Оренбургъ, гдѣ его, Нестерова, опредѣлить на службу [1]).

Черезъ пять мѣсяцевъ (28-го декабря 1736 года) состоялся приговоръ и объ остальныхъ преступникахъ по дѣлу Столѣтова: Тимоѳея Бурцова лишить награжденія, слѣдующаго ему за показанія, открывшаго важныя вины Столѣтова и отпустить, по прежнему, въ Сибирь. Осипа Ипатьева, вымогавшаго, по порученію Жолобова, взятки отъ Бѣлокопытова, вмѣсто кнута, бить плетьми нещадно. Мирона Вистицкаго за нѣкоторыя слова бить батогами нещадно и отпустить въ Сибирь. Сержанта Ѳедора Переводчикова наказать плетьми; солдата Никиту Растрокова опредѣлить въ нерегулярную службу или на пашню.

Объ Алексѣѣ Жолобовѣ въ указѣ не упомянуто и неизвѣстно: возвратился-ли онъ въ Сибирь, скончался въ крѣпости, или пропалъ безъ вѣсти. Его воспоминанія о молодости Бирона, котораго Жолобовъ «бивалъ», будучи коммиссаромъ въ Ригѣ, и какъ-то толкнулъ на ассамблеѣ подъ пьяную руку, едва-ли показались пріятны мстительному временщику.

VI.

Казнь.

12-го іюля 1736 г. Столѣтову прочитано давно ожидаемое имъ рѣшеніе судьбы:

---

[1]) Приговоръ по дѣлу Столѣтова впервые напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» (Москва, 1864 г., кн. I, Смѣсь, стр. 8—10).

«Въ прошломъ 1731 году Егоръ Столѣтовъ съ нѣкоторыми людьми явился въ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ, не токмо противъ высочайшей ея императорскаго величества персоны, но и къ поврежденію общаго покоя и благополучія касающихся, въ чемъ обличены и сами признались, а потомъ и съ розысковъ въ томъ утвердились,— за которыя злоумышленныя преступленія, по всѣмъ государственнымъ правамъ, артикуламъ и указамъ приговоренъ былъ оный, Столѣтовъ, съ прочими къ смертной казни; но ея императорское величество, изъ высочайшей своей милости, отъ той смертной казни всемилостивѣйше свободить соизволила, и посланъ былъ оный, Столѣтовъ, въ вѣчную работу въ Сибирь, на Нерчинскіе заводы, о чемъ въ печатномъ манифестѣ, объявленномъ во всенародное извѣстіе въ означенномъ 1731 году, декабря 23-го дня, показано именно; но оный Столѣтовъ, и по ссылкѣ на вышеобъявленные заводы, не токмо чтобъ отъ такихъ злодѣйственныхъ своихъ поступковъ воздержаніе въ себѣ имѣлъ, но еще великіе, измѣнническіе, злодѣйственные замыслы въ мысли своей содержалъ и нѣкоторыя скрытныя рѣчи дерзнулъ другимъ произносить и грозить, тако-жъ и въ прочихъ преступленіяхъ явился, какъ о томъ по дѣлу явно, въ чемъ самъ онъ, Столѣтовъ, съ розысковъ винился; того ради, по указу ея императорскаго величества, по силѣ государственныхъ правъ, велѣно онаго, Столѣтова, казнить смертью— отсѣчь голову».

Выслушавъ свой смертный приговоръ, Столѣтовъ исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ. Эшафотъ немногимъ опередилъ естественную его смерть вслѣдствіе пытокъ. Онъ былъ обезглавленъ 12-го іюля 1736 года на Петербургской сторонѣ, у нынѣшняго Александровскаго рынка, на площади Сытнаго рынка, обычнаго мѣста публичныхъ казней во время бироновскаго правительства. Соотвѣтствовало-ли названіе «сытнаго», данное рынку, въ отношеніи народнаго продовольствія — про то Богъ вѣдаетъ; вѣрно только то, что оно гармонировало съ печальнымъ назначеніемъ площади: здѣсь правосудіе стараго времени дѣйствительно насыщалось кровью и праваго, и виноватаго. Здѣсь, на эшафотѣ, пали головы Волынскаго, Еропкина, Хрущова 27-го іюня 1740 года; здѣсь обыкновенно нещадно били кнутами и плетьми....

Вообще на Сытномъ рынкѣ въ первое пятидесятилѣтіе XVIII вѣка было дешево мясо—человѣческое.

Обезглавленный трупъ Столѣтова былъ отданъ, подъ росписку, причту церкви Спаса Преображенія, что на Петербургской сторонѣ, для погребенія по обряду христіанскому. Эта церковь находится на берегу Малой Невки, по Большой Спасской улицѣ. Въ теченіе ста тридцати-семи лѣтъ произошло много перемѣнъ въ этой уединенной, низменной мѣстности: наводненья, пожары, новыя постройки измѣнили ее; самая церковь была неоднократно подновляема, а когда-то обширная ея ограда, раздѣленная впослѣдствіи на участки, была распродана по мелочамъ частнымъ владѣльцамъ. Лѣтъ десять тому назадъ, при рытіи фундаментовъ для новыхъ строеній, тамъ найдено было въ землѣ нѣсколько гробовъ съ человѣческими остовами въ кандалахъ; быть можетъ, въ числѣ ихъ были останки и злополучнаго Столѣтова....

СКАЗАНІЯ ИНОЗЕМЦЕВЪ О РОССІИ XVIII ВѢКА.

I.

Записки герцога де-Лиріа.

Депеши и переписка иностранныхъ резидентовъ и посланниковъ при нашемъ дворѣ, а также записки, дневники, письма, мемуары и т. п., безспорно, весьма важный матеріалъ для отечественной исторіи, особенно XVIII столѣтія, когда Россія окончательно была включена въ число европейскихъ державъ, вошедшихъ съ нею въ правильныя дипломатическія сношенія. Къ сожалѣнію, пользоваться этими источниками, лѣтъ двадцать и болѣе тому назадъ, могли одни только присяжные ученые, да и тѣ съ величайшей осмотрительностью; для читающей публики они были недоступны, какъ кладъ, такъ какъ принадлежали къ разряду книгъ, запрещенныхъ цензурою. И покоились эти книги въ шкапахъ Императорской публичной библіотеки, за проволочными рѣшетками, будто арестанты, чающіе освобожденія, и были, въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ слова, мертвымъ капиталомъ. Весьма немногія изъ сочиненій этого рода были переведены на русскій языкъ, да и переведены-то были такъ, что ужъ лучше было бы и вовсе ихъ не переводить. Въ былыя времена не только переводчикамъ иностранныхъ сочиненій о Россіи, но и самымъ русскимъ историкамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность—неуклонно слѣдовать древнему изрѣченію: „о мертвыхъ или говори хорошо, или ничего не говори“ (de mortuis aut bene, aut nihil). Стѣсненные цензурными условіями, переводчики были принуждены дѣлать пропуски, измѣнять выраженія, искажать смыслъ, извращать даже самые факты. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ они исправляли погрѣшности подлинника, опровергая ложь; чаще всего, на оборотъ, переводчикамъ приходилось оф-

фиціальною ложью замѣщать историческую правду, или обходить таковую благоразумнымъ молчаніемъ. Иностранецъ-авторъ, въ запискахъ своихъ иногда человѣкъ правдивый и безпристрастный, превращался подъ перомъ русскаго переводчика въ раболѣпнаго льстеца и о чуждомъ ему правительствѣ говорилъ языкомъ подчиненнаго, благоговѣйно отзывающагося о своемъ начальствѣ. Авторъ описывалъ характеры сильныхъ міра сего, со всѣми ихъ слабостями, людямъ вообще свойственными; переводчикъ же былъ обязанъ выставлять однѣ только свѣтлыя стороны характеровъ этихъ лицъ и, вслѣдствіе этого, вмѣсто портретовъ, если не всегда искусной, то часто довольно вѣрной кисти, являлись въ переводѣ изображенія въ китайскомъ вкусѣ, безъ тѣней, да еще и окаймленныя блестящими ореолами. Въ оригиналѣ—исторія, въ переводѣ—миѳологія.

Въ послѣднія почти два десятилѣтія и для отечественной исторіи наступило „19-е февраля“: ей предоставлены права невозбраннаго пользованія столѣтней давностью, и пользованія, но съ опаскою и осмотрительностью, временами до 1825 года. Какъ бы то ни было, но изслѣдователямъ отечественной старины дозволено говорить правду о временахъ минувшихъ и они воспользовались этимъ правомъ. Въ послѣднія восемнадцать лѣтъ наша литература обогатилась нѣсколькими капитальными историческими трудами: изслѣдованіями, монографіями, очерками,—въ которыхъ многія событія и личности выставлены на основаніи подлинныхъ, не искаженныхъ матеріаловъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ; при всемъ томъ, новыхъ переводовъ иностранныхъ писателей о Россіи все еще нѣтъ и любители отечественной исторіи должны, до поры до времени, все-таки довольствоваться старыми, подъ-цензурными переводами. Долго-ли еще читающая публика будетъ ждать новыхъ—не знаемъ; но въ ожиданіи таковыхъ, считаемъ не лишнимъ представить дополненія и поправки къ русскимъ переводамъ (1837 и 1845 гг.) двухъ любопытныхъ сочиненій о Россіи, именно Записокъ герцога де-Лиріа († 1733 г.) и леди Рондо.

Первый изъ этихъ переводовъ—явленіе странное, загадочное, хотя и не безпримѣрное въ лѣтописяхъ библіографіи. Въ прошедшемъ столѣтіи нѣкто Псалманазаръ (1679—1763) выдавъ себя за японца, перевелъ цѣлую книгу о мнимой своей родинѣ съ японскаго языка собственнаго изобрѣтенія и ловко одурачилъ европейскихъ ученыхъ. Чаттертонъ (1752—1770) выдавалъ собственныя свои сочиненія за переводы древнихъ монастырскихъ хроникъ. Макферсонъ (1738—1796) переводилъ знаменитаго барда Оссіана, никогда не существовавшаго. Въ наше время Просперъ Мериме переводилъ съ испанскаго комедіи дѣвицы Клары Хазуль, родившейся, подобно древней

Минервѣ, изъ головы родителя-переводчика; онъ же своими „Пѣснями западныхъ славянъ" ввелъ въ заблужденіе незабвеннаго Пушкина, принявшаго эту поддѣлку за чистую монету. Изъ уваженія къ памяти нашего трудолюбиваго историка Д. И. Языкова, не желали бы мы причислить его переводъ „Записокъ Дюка Лирійскаго" къ разряду вышеупомянутыхъ литературныхъ мистификацій, хотя несомнѣнно, что увѣреніе его о существованіи иностраннаго изданія Записокъ де-Лирія — непонятная для насъ выдумка [1]). Герцогъ де-Лиріа былъ испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ въ царствованіе Петра II (1727—1730); но если онъ, во время пребыванія своего въ Россіи, и велъ дневникъ, то сынъ его этого дневника никогда не печаталъ. Утверждаемъ это на основаніи тщательныхъ справокъ, которыя мы навели, перерывъ библіографическіе словари: Брюне [2]), Барбье [3]), Керара [4]), Эрша [5]), Эттингера [6]) и друг.; ни въ одномъ изъ нихъ не оказалось не только заглавія книги, но даже и имени герцога де-Лиріа. Въ чьей библіотекѣ покойный Д. И. Языковъ видѣлъ диковинную книгу, напечатанную въ одномъ экземплярѣ, на этотъ вопросъ отвѣчать мудрено; не менѣе любопытно знать, изъ какихъ записокъ герцога де-Лиріа дѣлалъ извлеченія Д. Н. Бантышъ-Каменскій въ „Біографіяхъ генералиссимусовъ", изданныхъ за пять лѣтъ до перевода Языкова (въ 1840 году)?

Во всякомъ случаѣ Записки де-Лиріа не носятъ на себѣ слѣда поддѣлки; напротивъ того, обнародованныя священникомъ К. Л. Кустодіевымъ (въ русскомъ переводѣ) подлинныя письма де-Лиріа изъ Россіи показываютъ, что Записки герцога составляютъ лишь сравнительно краткій сводъ тѣхъ же фактовъ и извѣстій, какія заключаются и въ его письмахъ [7]); кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ неточностей, замѣчаемыхъ при сличеніи дневника съ письмами, неточностей, сдѣланныхъ либо авторомъ, либо переводчикомъ,—въ Запискахъ де-Лиріа нѣтъ существенныхъ ошибокъ или искаженія исторической истины. Въ позднѣйшее время отыскался и рукописный текстъ Записокъ герцога, съ котораго дѣлалъ свой переводъ Д. И. Языковъ. Рукопись эта принадлежитъ К. Н. Бестужеву-Рюмину и есть одинъ изъ позднихъ списковъ на французскомъ языкѣ; между тѣмъ, какъ

---

[1]) Языковъ приводитъ заглавіе этой книги: «Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même. Paris. 1788, въ 8-ю д.

[2]) Brunet: Manuel du Libraire.

[3]) Barbier: Dictionnaire des auteurs anonymes et pseudonymes.

[4]) Quérard: La France litteraire.

[5]) Ersch: Allgemeines Bücher-Lexicon.

[6]) Oettinger: Bibliographie historique et Bibliographie biographique.

[7]) «Осьмнадцатый вѣкъ». М., 1869 г., II, стр. 1—214.

письма и дипломатическія депеши де-Лиріа писаны были не иначе, какъ по-испански.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ (въ маѣ 1859 года), по ценэурованной рукописи Языкова, мы пополнили пропуски въ печатномъ экземплярѣ его перевода, которые и представляемъ нынѣ, какъ свидѣтельство тѣхъ операцій, какимъ подвергался въ старое время переводъ сказаній иноземцевъ о Россіи.

Русскій переводъ Записокъ герцога де-Лиріа былъ изданъ (очень неряшливо) подъ заглавіемъ:

„Записки Дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при императорскомъ россійскомъ дворѣ въ званіи посла короля испанскаго. 1727—1730 годовъ". Переводъ съ французскаго Д. Языкова (С.-Петербургъ, 1845 года, III и 217 стр. in 8°).

Замѣтимъ, во-первыхъ, что странный титулъ „дюка" бросается въ глаза и рѣжетъ ухо, напоминая времена блаженной памяти Елисаветы Петровны, когда Академію Наукъ называли: „Академія де-Сіансъ". Хотя въ старину и еще при Александрѣ I иностранный титулъ „герцога" даже въ оффиціальныхъ документахъ замѣняли словомъ „дюкъ", напримѣръ: дюкъ Брольо, дюкъ Серра-Капріола, дюкъ Ришлье и т. п., но, во всякомъ случаѣ, это такая же грубая ошибка, какъ замѣна слова: „король" французскимъ—„руа", или нѣмецкимъ: „кёнигъ".

Во-вторыхъ, въ біографическомъ очеркѣ, въ предисловіи, говоря о происхожденіи автора Записокъ, переводчикъ не совсѣмъ точенъ. Побочный сынъ англійскаго короля Іакова II отъ миссъ Арабеллы Чёрчилль — Джемсъ (или Іаковъ) былъ признанъ и возведенъ имъ въ званіе герцога Бервикъ. Отъ первой своей жены, урожденной графини Кленрикардъ, онъ имѣлъ сына Джемса, заслужившаго въ Испаніи только титулъ герцога де-Лиріа, пожалованный ему Филиппомъ V, который не могъ ни отнять у него, ни дать ему родовой фамиліи Бервикъ, данной еще его отцу королемъ англійскимъ. Отъ втораго брака съ миссъ Бюлкли (Bulkeley) у старика Бервика былъ еще сынъ Фитц-Джемсъ, родоначальникъ нынѣшней аристократической фамиліи Фитц-Джемсовъ англійскихъ — совершенно отдѣльной отъ испанскихъ Лиріа [1]). На этого самаго Фитц-Джемса нашъ почтенный переводчикъ возводитъ напраслину, будто бы онъ издалъ въ Парижѣ, въ 1788 году, записки своего отца (т. е. брата): Memoires du duc [2]) de Lihrià (т. е. Liria) et de Berwick ecrits par lui-même.

[1]) Capefigue: Duchesse de Portsmouth. Paris, 1861, in 8°, 197 p., vidi, p. 196.

[2]) Въ русской книгѣ: due.

Переводъ записокъ начинается ($\frac{2}{16}$ мая 1727 года) разсказомъ о пребываніи автора въ Вѣнѣ у принца Евгенія Савойскаго, котораго герцогъ осыпаетъ восторженными похвалами. Въ Люксембургѣ графъ Цинцендорфъ сообщилъ ему ($\frac{\text{24-го мая}}{\text{5-го іюня}}$) извѣстіе о кончинѣ русской императрицы Екатерины I, наканунѣ привезенное курьеромъ. Слѣдуетъ разсказъ о возведеніи на престолъ княземъ Меншиковымъ малолѣтняго императора Петра II. $\frac{10}{21}$ іюня получены были извѣстія о кончинѣ епископа Любскаго, жениха царевны Елисаветы Петровны и объ обрученіи Петра II съ дочерью князя Меншикова. Не получая никакихъ повелѣній изъ Мадрита, герцогъ де-Лиріа не спѣшилъ въ Россію и только $\frac{\text{22-го іюля}}{\text{4-го августа}}$ пустился въ дальнѣйшій путь, къ мѣсту своего назначенія. Въ первыхъ числахъ ноября онъ былъ въ Митавѣ, гдѣ представлялся вдовствующей герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ; $\frac{10}{21}$ ноября выѣхалъ изъ Нарвы, а черезъ два дня прибылъ въ Петербургъ. Сдѣлалъ визиты государственному канцлеру графу Головкину, генералъ-адмиралу Апраксину, вице-канцлеру и гофмейстеру царскому барону Остерману и князю Димитрію Голицыну. Первая аудіенція у императора происходила $\frac{20}{31}$ декабря [1]). Рѣчь свою посланникъ говорилъ на кастильскомъ языкѣ; отвѣчалъ на нее, по-русски, баронъ Остерманъ. За тѣмъ герцогъ представлялся великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ и цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Дочери царя Іоанна Екатерина, герцогиня Мекленбургская, и Прасковія Іоанновна не могли его принять по случаю ихъ отъѣзда, въ тотъ же день, въ Москву. $\frac{\text{31-го декабря 1727 г.}}{\text{10-го января 1728 г.}}$ герцогъ отправилъ къ маркизу де-ла-Пазъ оффиціальную депешу о положеніи русскаго правительства, о лицахъ, стоящихъ въ его главѣ, и, наконецъ, о придворныхъ партіяхъ.

Здѣсь, означая страницу русскаго перевода, представляемъ пропуски, сдѣланные при его изданіи. Пропуски помѣщаемъ вмѣстѣ съ тѣми строками текста, къ которымъ они относятся:

Стр. 12—13. „Хотя государю не исполнилось еще 13 лѣтъ; но какъ онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, то никто не смѣетъ говорить ему ни о чемъ, ни подавать ему совѣтовъ. Одинъ только Остерманъ имѣетъ надъ нимъ нѣкоторую власть, но и его замѣчанія уже не уважаются. Петръ II уже подаетъ надежду, что будетъ очень падокъ на женщинъ, даже имѣлъ нѣсколько интригъ. Не удивляйтесь такому раннему развитію: не смотря на здѣшній суровый климатъ, вся молодежь, какъ мужчины, такъ и женщины, скорѣе развиваются, чѣмъ у насъ, и мальчикъ 11-ти лѣтъ нерѣдко женится“.

[1]) Изъ бумагъ де-Лиріа, изданныхъ Кустодіевымъ, видно, что аудіенція была 30-го декабря н. ст.

Стр. 15. „Но болѣе всѣхъ довѣренности царь имѣетъ къ принцессѣ Елисаветѣ, своей теткѣ, которая отличной красоты, и я убѣжденъ, что довѣренность Петра II къ Елисаветѣ слишкомъ близка къ любви, но Елисавета ведетъ себя очень благоразумно".

$\frac{\text{31-го января}}{\text{11-го февраля}}$ 1728 года, вмѣстѣ съ польскимъ посланникомъ и его супругою, герцогъ де-Лиріа прибылъ въ Москву, для присутствованія при коронаціи Петра II.

Стр. 22—23. „Царица, бабка царя, происходитъ изъ дома Лопухиныхъ, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Петръ женился на ней въ 1689 году и она родила ему царевича Алексѣя, умершаго въ 1718 году. Петръ умертвилъ царевича Алексѣя, оставившаго послѣ себя сына, нынѣ царствующаго государя. Они жили очень согласно между собою, до тѣхъ поръ, пока ненависть царицы къ иноземцамъ и ко всѣмъ обычаямъ европейскимъ, кои царь очень любилъ, не произвела между ними охлажденія. Къ этому надо прибавить, что царица Авдотья была очень сладострастна и супругъ ея, узнавъ объ одной ея интригѣ, развелся съ нею въ 1698 году и, наконецъ, удалилъ ее въ монастырь, а вскорѣ потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ она и оставалась до кончины царицы Екатерины.

„Когда я видѣлъ царицу Авдотью, она была уже старухою; но меня увѣряли, что она была отличной красоты. Царица Авдотья была такъ сладострастна, что, уже бывъ заключена въ крѣпость, завела интригу съ Глѣбовымъ, который былъ схваченъ и посаженъ на колъ".

Стр. 29. Авторъ говоритъ о подметномъ письмѣ, въ которомъ Петру II совѣтовали вызвать князя Меншикова изъ Ораніенбурга, первоначальнаго мѣста его ссылки, и снова довѣрить ему государственныя дѣла... „Меншикова отправили на Березовый островъ, у Ледовитаго моря, въ 10-ти тысячахъ верстахъ отъ Москвы. Свояченица его Варвара была сослана въ какой-то монастырь на границѣ персидской, а другая его свояченица, жившая въ Москвѣ, была взята, и уже хотѣли было наказать ее кнутомъ,—обыкновенная пытка въ Россіи, но какъ она призналась во всемъ, чего отъ нее требовали, то и оставили ее только въ заключеніи".

Стр. 30. Грубыя ошибки автора или переводчика: Пасха 1728 года, мѣсто 21-го апрѣля стараго стиля, показана 2-го мая. Точно такъ же на стр. 35-й Петровъ день означенъ „іюля 10-го по старому стилю", тогда какъ въ XVIII столѣтіи 29-е іюня стараго стиля соотвѣтствовало 10-му іюля—новаго. Объ орѳографическихъ ошибкахъ перевода въ изд. Д. И. Языкова и говорить нечего—безъ нихъ нѣтъ ни одной страницы.

Стр. 37. „Въ сей же день ($\frac{12}{23}$ іюля 1728 г.) царь возвратилъ фельдмаршалу Долгорукову чинъ подполковника гвардіи, котораго, какъ

и всѣхъ прочихъ, онъ былъ лишенъ Петромъ I за то, что присталъ къ его сыну, отцу нынѣшняго государя, цесаревичу Алексѣю (умерщвленному Петромъ I) въ 1718 году".

Стр. 38. „Въ это же время возвращено имѣніе всѣмъ тѣмъ, у которыхъ оно было конфисковано Петромъ I, за участіе ихъ въ дѣлѣ царевича, родителя нынѣшняго государя. Эту милость исходатайствовалъ фельдмаршалъ Долгоруковъ, который и самъ въ то время попалъ въ опалу, но Екатерина I возвратила ему и честь, и чины. Теперь онъ въ великой у царя милости, который ему ни въ чемъ не отказываетъ".

Стр. 39. „На семъ праздникѣ (тезоименитство великой княжны Наталіи $\frac{\text{26-го августа}}{\text{8-го сентября}}$) всѣ замѣтили величайшую перемѣну въ обращеніи царя съ принцессою Елисаветою. Петръ II страстно влюбленъ въ Елисавету, но ея поведеніе и ухищренія ея враговъ превратили эту любовь въ презрѣніе; прежде онъ безпрестанно говорилъ съ нею, а теперь не сказалъ ей ни одного слова и даже ушелъ не простившись. Настоящей причины сей перемѣны я не знаю, а разнымъ слухамъ, разсѣеваемымъ ея врагами, вѣрить нельзя". Причина сего была слѣдующая: одна служанка, недовольная принцессой, открыла его величеству все ея поведеніе, т. е., что она не склонялась на его любовь, въ надеждѣ еще болѣе влюбить его въ себя своимъ упорствомъ и тѣмъ заставить государя на себѣ жениться, не смотря на то, что по русской религіи строго воспрещается вступать въ бракъ въ такомъ близкомъ родствѣ. Она уже давно имѣла склонность къ одному гренадеру, а нынѣ другую—къ генералу Бутурлину, своему камергеру. Я не отвѣчаю за истину такого обвиненія, но оно было достаточно, чтобы произвести перемѣну къ ней царя, который уже ее разлюбилъ".

Стр. 42. „Октября $\frac{25}{14}$ я представилъ царю двѣ борзыя собаки, нарочно выписанныя изъ Англіи, и его величество такъ былъ доволенъ, какъ будто я подарилъ ему величайшую драгоцѣнность —цѣлую провинцію."

Стр. 43. „Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Москву Джемсъ Кейтъ, братъ наслѣднаго маршала графа Шотландіи, который, какъ сказано выше, по желанію короля, моего государя, былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора".

Стр. 44. Ноября $\frac{30}{19}$ герцогъ де-Лиріа бесѣдовалъ съ Иваномъ Долгорукимъ, настаивая на возвращеніи Петра II въ Петербургъ, по нѣкоторымъ важнымъ причинамъ. „Мнѣ удалось убѣдить его и онъ увѣрилъ меня, что употребитъ все возможное склонить на то царя; но такъ какъ всѣ русскіе противятся возврату Петра II въ С.-Петербургъ, а равно и Алексѣй Долгорукій не желаетъ онаго, то я и просилъ не говорить о томъ никому".

Стр. 45. Великая княжна Наталія Алексѣевна скончалась вечеромъ $\frac{\text{4-го декабря}}{\text{23-го ноября}}$ 1728 года [1]). Герцогъ де-Лиріа говоритъ о ней: „она украшалась всѣми возможными хорошими качествами; не была красавицею,—но что значитъ красота, когда сердце совершенно! Она была покровительницею иностранцевъ и говорила очень хорошо на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; была кумиромъ всѣхъ честныхъ людей, перломъ Россіи; словомъ, такъ совершенна, что Богъ не дозволилъ ей жить долго на семъ свѣтѣ. Принцесса Наталія не могла жить посреди варваровъ, которые не знаютъ, что такое истинная и строгая добродѣтель".

Стр. 50—51. Новый 1729 годъ Петръ II встрѣтилъ въ Москвѣ, гдѣ занимался охотою въ продолженіе осени. „Въ это время отецъ фаворита (кн. Ивана Долгорукаго) пріучилъ царя ѣздить каждый день по утру, какъ скоро онъ одѣнется, въ одну подмосковную его величества, село Измайлово, въ одной милѣ отъ города. Царя пріучили ѣздить на охоту подъ предлогомъ удалить совершенно отъ Елисаветы, но на самомъ дѣлѣ для того, во-первыхъ, чтобы удалить его отъ всѣхъ тѣхъ, кои могли говорить ему о возвращеніи въ Петербургъ; во-вторыхъ, для того, чтобы онъ не занимался государственными дѣлами и чтобы поселить въ немъ, елико возможно, мысль о введеніи старыхъ обычаевъ, и наконецъ, для того, чтобы заставить его жениться на одной изъ своихъ дочерей. Принцесса Елисавета, увидѣвъ себя оставленною, довольно открыто предалась легкомысленной жизни, несвойственной ея сану, имѣя благосклонность къ людямъ низкаго происхожденія, какъ напримѣръ, къ гвардейскимъ солдатамъ и другимъ".

Стр. 52. $\frac{\text{25-го января}}{\text{5-го февраля}}$ герцогъ де-Лиріа вмѣстѣ съ графомъ Вратиславскимъ ѣздилъ „къ государственному канцлеру и къ прочимъ министрамъ; говорили имъ о поведеніи царя и о жизни, которую тотъ велъ; при этомъ объясняли имъ, т. е. министрамъ, какъ непристойно для нашихъ государей жить здѣсь (въ Москвѣ) цѣлый годъ, не видя царя".

Стр. 54. Въ депешѣ своей къ королю герцогъ писалъ о фаворитизмѣ Ивана Долгорукова: „Не было недостатка въ людяхъ, кои, желая погубить фаворита, не переставали говорить царю о дурной его жизни; и даже самъ отецъ его, изъ зависти къ нему, искалъ случая уменьшить власть сына. Это покажется страннымъ; но это дѣйствительно такъ, ибо надо знать, что въ Россіи нѣтъ ни уваженія, ни довѣрія ни къ кому; здѣсь всякой хлопочетъ о личной выгодѣ и ради своей цѣли готовъ предать отца, мать, родныхъ и друзей".

[1]) Въ письмахъ де-Лиріа время кончины показано—ночь съ 4-го на 5-е декабря нов. ст. Ред.

Стр. 55—56. „Фаворитъ зналъ все, что противъ него замышляютъ; но, не смотря на это, не было средства заставить его бывать чаще съ царемъ. Весьма часто говорилъ я ему объ этомъ; но онъ всегда отвѣчалъ мнѣ, что не ѣздитъ съ государемъ за городъ потому, что не хочетъ быть сообщникомъ сопровождающихъ его, не хочетъ быть свидѣтелемъ всѣхъ безчинствъ, которыя онъ долженъ былъ-бы самъ дѣлать, и дерзостей его сопровождавшихъ. Но образъ жизни молодаго кн. Долгорукаго ясно показывалъ, что онъ, во время царскихъ отъѣздовъ, хотѣлъ самъ веселиться. Принцесса Елисавета также вела подобную жизнь, даже такъ открыто, что доходила до самаго крайняго легкомыслія и заставляла краснѣть даже лицъ, не имѣющихъ стыда".

Стр. 57. Встревоженный народнымъ ропотомъ противъ непорядковъ правительства и пустой жизни, проводимой юнымъ государемъ, герцогъ де-Лиріа говоритъ: „Въ такомъ безпорядкѣ могло бы случиться что-нибудь такое, что было бы противно достоинству короля, моего государя, ибо народъ здѣшній, разъ взволнованный, ничего не уважаетъ; раздраженный преимущественно на иностранцевъ, онъ разграбилъ бы наши дома, не только нанесъ бы всевозможныя оскорбленія, но и предалъ бы насъ позорной смерти; а потому я счелъ обязанностью донести о томъ его величеству, присовокупивъ, что я дѣлаюсь совершенно ненужнымъ въ Россіи, гдѣ достаточно будетъ одного резидента или секретаря, на котораго можно возложить небольшое число дѣлъ, оставшихся для переговоровъ".

Стр. 58. „Съ $\frac{12}{1}$ марта по $\frac{17}{6}$ апрѣля Петръ II пробылъ за городомъ на охотѣ. Алексѣй Долгоруковъ каждый день выдумывалъ новыя забавы, чтобы удалить его величество отъ (принцессы Елисаветы) и всѣхъ, и это дѣлалось по четыремъ причинамъ: 1) чтобы имѣть царя совершенно въ своей власти; 2) чтобъ внушать ему старыя русскія правила и возбуждать въ немъ родъ ненависти къ спасительнымъ учрежденіямъ и законамъ великаго Петра I; 3) мало-по-малу склонить его жениться на одной изъ своихъ дочерей, и 4) чтобъ отсутствіемъ государя уменьшить въ его глазахъ значеніе барона Остермана".

Стр. 62. Въ исходѣ апрѣля 1729 года князь Голицынъ, начальствовавшій въ Украйнѣ, просилъ о присылкѣ ему войскъ для дѣйствій противъ татаръ. „По сему отправили къ нему три полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бутурлина, котораго выбрали не потому, чтобъ считали его способнымъ, а для того, чтобы удалить его отъ принцессы Елисаветы, которой онъ былъ фаворитомъ и камергеромъ".

Стр. 66 [1]). $\frac{30}{19}$ ноября царь объявилъ министрамъ верховнаго совѣта, фельдмаршаламъ и другимъ особамъ о вступленіи своемъ въ бракъ съ княжною Екатериною Долгорукою. „Послѣ сего всѣ подошли къ рукѣ, а потомъ отправились въ апартаменты княжны для того же. Спустя два дня, оберъ-церемоніймейстеръ, по приказанію царя, возвѣстилъ объ этомъ всѣхъ иностранныхъ министровъ и назначено было всѣмъ намъ собраться во дворецъ $\frac{\text{6-го декабря}}{\text{24-го ноября}}$ въ день великомученицы Екатерины, имянины княжны; и дѣйствительно мы всѣ собрались во дворецъ и поздравляли сначала царя, а потомъ и княжну".

Стр. 75. Послѣ кончины Петра II „домъ Голицыныхъ, упавшій было во время владычества Долгоруковыхъ, поднялъ голову и вздумалъ привести въ исполненіе давнишнее свое желаніе: ограничить власть своихъ государей, которые до того времени были деспотами, и ввести образъ правленія, подобный англинскому".

Стр. 92. $\frac{17}{6}$ марта 1730 года. „Ея величество (Анна Іоанновна) составила свой дворъ и всѣ удивились, что она назначила оберъ-гофмейстериною жену фельдмаршала Голицына и камергеромъ сына ея, да князя Куракина, зятя его, тогда какъ князь Голицынъ съ своимъ братомъ были явными поборниками власти верховнаго совѣта и стояли за образованіе управленія—нѣчто въ родѣ республики; но очень скоро я узналъ причину этого назначенія".

Стр. 94. „Въ тотъ же день, $\frac{17}{6}$ марта, умеръ баронъ Абихсдалъ, оберъ-церемоніймейстеръ, послѣ двунедѣльной болѣзни. Для меня это была величайшая потеря, потому что онъ былъ единственнымъ мнѣ утѣшеніемъ между людьми, незнающими въ этомъ аду, что такое дружба".

Стр. 98. $\frac{\text{Мая 3-го}}{\text{Апрѣля 22-го}}$. „Ея величество (Анна Іоанновна) пожаловала княгиню Голицыну, жену фельдмаршала, въ оберъ-гофмейстерины, какъ сказано выше, и штатсъ-дамами: баронессу Остерманъ, графиню Ягужинскую, княгиню Черкасскую, генеральшу Чернышеву, графиню Биронъ, графиню Головкину, Лопухину и Салтыкову. Никто изъ Долгоруковыхъ не удостоился сей чести и потому Голицыны одержали здѣсь побѣду. Все это сдѣлали своими интригами, какъ я уже сказалъ, графъ Левенвольдъ и графъ Биронъ—фаворитъ императрицы".

Стр. 110. „Октября $\frac{21}{10}$ было погребеніе графа Василія Салтыкова, умершаго $\frac{18}{7}$ числа. Смерть его для меня была очень прискорбна, потому что онъ не перемѣнялся ко мнѣ даже въ то время, когда всѣ

---

[1]) Страницы 65-й въ книгѣ Языкова не существуетъ: опечатка или цензурная вымарка?

отъ меня бѣгали. Въ Россіи очень трудно найти добродѣтельнаго человѣка и истиннаго друга, а покойный Салтыковъ былъ моимъ другомъ".

$\frac{29}{18}$ октября 1730 года герцогъ де-Лиріа, отозванный своимъ королемъ, откланялся императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, изъявившей ему свое благоволеніе. Не задолго предъ тѣмъ, баронъ Остерманъ и австрійскій посланникъ, графъ Вратиславскій, очернили его въ мнѣніи государыни, но сторону его принялъ могучій Биронъ.

Къ Запискамъ де-Лиріа, въ переводѣ Языкова, приложены краткія замѣтки о вельможахъ, которыхъ знавалъ герцогъ де-Лиріа. Замѣтки эти озаглавлены: „Характеры лицъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ" и начинаются онѣ описаніемъ личности и свойствъ императора Петра II:

Стр. 113—114. „Петръ II былъ высокаго роста, красивъ собою и сложенъ хорошо; на лицѣ его видна была задумчивость; сложеніе крѣпкое, поступь величественная и сила необыкновенная. Хотя и трудновато сказать что-либо рѣшительное о характерѣ 14-ти-лѣтняго государя, но можно было догадываться, что онъ будетъ вспыльчивъ, рѣшителенъ и, можетъ быть, жестокъ. Онъ не терпѣлъ вина [1]), т. е., не любилъ пить болѣе надлежащаго; но уже замѣтно было, что Петръ II любилъ прекрасный полъ, и даже полагали, что онъ уже испыталъ наслажденіе; онъ былъ рѣшителенъ и весьма щедръ, такъ что щедрость его походила на расточительность. Хотя съ приближенными къ нему онъ обходился ласково, однако же, не забывалъ своего высокаго сана и не вдавался въ слишкомъ короткія связи. Онъ быстро понималъ все; но былъ осмотрителенъ, любилъ народъ свой и мало уважалъ другіе. Словомъ, онъ могъ бы быть со временемъ великимъ государемъ, если бы удалось ему поправить недостатокъ воспитанія, даннаго ему Долгоруковыми; главная же цѣль Долгоруковыхъ была держать царя въ заперти и невѣжествѣ".

Стр. 115. „Принцесса Елисавета, дочь Петра I и царицы Екатерины, такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности, но замѣтно нѣкоторое честолюбіе. Елисавета большая кокетка, двулична, честолюбива и имѣетъ слишкомъ нѣжное сердце. Петръ II былъ нѣкоторое время

---

[1]) Сочинитель упоминаетъ это потому, что въ то время неумѣренное употребленіе вина было общимъ порокомъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Примѣч. Языкова.

влюбленъ въ нее, и даже думали, что онъ на ней женится; но неблаговидность ея поведенія удалила царя отъ нея. [Она оказываетъ расположеніе къ одному низкаго происхожденія человѣку]. . . . . .

Стр 116. „Герцогиня Мекленбургская, Екатерина Іоанновна, сестра царицы Анны, чрезвычайно живаго характера, не имѣетъ скромности и откровенно высказываетъ все, что ей приходитъ въ голову. Она чрезвычайно толста и [легкомысленнаго поведенія]".

„Принцесса Параскевія, вторая сестра царицы, отличается способностями, очень дурна лицемъ и худощава; здоровья слабаго. Прасковья глупа и имѣетъ такую же склонность къ мужчинамъ, какъ и сестра".

„Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ отличался только добрымъ сердцемъ. Государь любилъ его такъ нѣжно, что дѣлалъ для него все; и онъ любилъ государя также и дѣлалъ изъ царя все, что хотѣлъ".

Стр. 120. „Фельдмаршалъ князь Голицынъ (Мих. Мих.), герой Россіи, былъ человѣкъ умный и благородный; очень хорошо зналъ военное искусство, былъ храбръ и любимъ войсками; смѣлъ, отваженъ и великодушенъ; иноземцевъ не любилъ; но, не смотря на это, отдавалъ справедливость достойнымъ изъ нихъ; знатные люди его боялись и даже Петръ I уважалъ Голицына. Словомъ, въ другой, менѣе варварской странѣ онъ былъ бы истинно великимъ человѣкомъ".

Стр. 122. „Фельдмаршалъ князь Трубецкой былъ самая большая скотина; его никто не уважалъ; невѣжа въ военномъ искусствѣ; очень простъ и тщеславенъ, впрочемъ, человѣкъ добрый; онъ заикался".

Стр. 122—123. „Графъ Биронъ, оберъ-камергеръ и фаворитъ царицы Анны, родомъ курляндецъ, долго служилъ ея величеству съ величайшей вѣрностью; онъ замѣнялъ для Анны [друга]".

Стр. 123. „Графъ Левенвольдъ, младшій оберъ-гофмаршалъ, былъ такого дурнаго характера, какихъ я мало встрѣчалъ. Счастіемъ своимъ онъ былъ обязанъ женщинамъ и достигъ, наконецъ, чести быть фаворитомъ Екатерины I".

Кромѣ очерковъ характеровъ вышеупомянутыхъ лицъ, герцогъ де-Лиріа говоритъ въ „Запискахъ" о царицѣ Аннѣ, великой княжнѣ Натал іи; графѣ Головкинѣ, графѣ Апраксинѣ, баронѣ Остерманѣ; князѣ Дмитріѣ Голицынѣ, князѣ Васильѣ Долгоруковѣ, князѣ Алексѣ Долгоруковѣ; о Долгоруковыхъ—фельдмаршалѣ

и Михаилѣ; о фельдмаршалахъ: Сапѣгѣ, Брюсѣ; о князѣ Черкасскомъ, братьяхъ Левенвольдъ. За симъ слѣдуютъ генералы: Вейсбахъ, Бонъ, Ласси, графъ Минихъ, Гюнтеръ, Матюшкинъ, графъ Ягужинскій, Чернышевъ, князь Юсуповъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, графъ Салтыковъ, Мамоновъ, баронъ Абихсдаль, графъ Вратиславскій, братья Мардефельдъ, Лефортъ, Вестфаленъ, баронъ Цедеркрейцъ, Дитмаръ, баронъ Стамбкенъ, графъ Бонде, генералъ Тессинъ, Дедье (De Dieu); бароны: Ассебургъ, Крамъ, Остерманъ, Гогенцолернъ, Вильде, Нѣкоторыя изъ замѣтокъ де-Лиріа, при краткости, отличаются грубостью, почти ругательствомъ, такъ что нельзя не подивиться, какъ просвѣщенный дипломатъ могъ быть столь рѣзокъ въ выраженіяхъ и рѣшителенъ въ приговорахъ о людяхъ, изъ которыхъ онъ едва-ли всѣхъ могъ коротко узнать. Не менѣе любопытно въ „Запискахъ" отсутствіе всякихъ замѣтокъ о впечатлѣніи, произведенномъ на герцога Петербургомъ и Москвою; ни слова о нравахъ и обычаяхъ русскаго народа. Въ заключеніе своего дневника авторъ говоритъ: „Кончивъ описаніе характеровъ и отношеній лицъ, бывшихъ при дворѣ въ Россіи во время моего тамъ пребыванія, я объявляю, что это твореніе должно только служить для моего удовольствія (?) и для наставленія моихъ дѣтей".

Изъ этихъ словъ явствуетъ, что авторъ никогда не намѣривался печатать своихъ „Записокъ".

Въ концѣ русскаго изданія Записокъ де-Лиріа помѣщены (на 135—217 стр.) примѣчанія Д. И. Языкова.

II.

Записки леди Рондо.

1729—1740.

Въ 1775 году, въ Лондонѣ, на англійскомъ языкѣ были изданы: „Письма одной дамы, жившей нѣсколько лѣтъ въ Россіи, къ своей пріятельницѣ" [1]), возбудившія въ публикѣ того же времени живѣйшій интересъ простотою изложенія, отсутствіемъ всякихъ притязаній на ученость и обиліемъ правдивыхъ свѣдѣній о странѣ, тогда еще мало извѣстной. Книга, переведенная на французскій языкъ, за тѣмъ и на нѣмецкій, имѣла успѣхъ на континентѣ Европы не менѣе того, какъ

[1]) Letters from a lady who resided some years in Russia to her friend in England. With historical notes. London. Printed by Dodeley in Pall-Mall. MDCC. LXXV. (little in 16°, 207 pages).

и въ Англіи. Не смотря на то, что авторъ скрылъ свое имя, вскорѣ оказалось, что „Письма“ принадлежатъ перу леди Рондо, супругѣ бывшаго англійскаго резидента при русскомъ дворѣ, съ 1730 по 1740 годъ.

Во французской „Всемірной біографіи“ [1]) мы нашли краткія свѣдѣнія о жизни сочинительницы. Она родилась въ 1699 году и первый мужъ ея, Вигоръ [2]), былъ англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Россіи. Овдовѣвъ, мистриссъ Вигоръ не замедлила выйдти за лорда Рондо, съ которымъ жила до 1740 года; потомъ (опять овдовѣвъ или разведясь) была за третьимъ мужемъ, квакеромъ Вилліамомъ Вигоръ. Умъ, любезность, доброе и благородное сердце снискали мистриссъ Вигоръ всеобщее уваженіе; бѣдные благословляли ее за истинно-христіанскую благотворительность. Она скончалась 7-го сентября 1783 года въ преклонной старости. О второмъ ея мужѣ, лордѣ Рондо, мы не нашли никакихъ біографическихъ свѣдѣній, хотя извлеченія изъ его реляцій и напечатаны въ нѣкоторыхъ историческихъ сборникахъ въ недавнее время и во многихъ отношеніяхъ даже любопытнѣе писемъ его супруги.

Отдавая свои письма изъ Россіи въ печать, мистриссъ Вигоръ, или леди Рондо, немножко увлеклась авторскимъ самолюбіемъ и не потрудилась предварительно подвергнуть ихъ строгому пересмотру. Разсказы о нарядахъ, разныя семейныя подробности (постороннимъ читателямъ нисколько не любопытныя), шуточки, отступленія, риторическіе возгласы, составляютъ довольно существенный недостатокъ этихъ „Писемъ“. Всѣхъ ихъ тридцать семь, и хотя болѣе половины этого числа наполнены болтовней, не имѣющей къ Россіи ни прямаго, ни косвеннаго отношенія, тѣмъ не менѣе, однако, въ „Письмахъ“ не мало свѣдѣній, довольно важныхъ для исторіи царствованія Анны Іоанновны. Онѣ служатъ какъ бы продолженіемъ Записокъ герцога де-Лиріа.

Русскій переводъ г. М. К. [3]) былъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ:

„Письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при россійскомъ дворѣ въ царствованіе Анны Іоанновны. Переводъ съ англійскаго М. К. С.-Петербургъ, 1836“ (128 стр., in 8°).

---

[1]) Biographie universelle (édition Michaud 1811—1847) tome XLVIII, page 485, le mot: Vigor.

[2]) Ошибка или опечатка во французской біографіи: или первый и третій мужья были однофамильцы.

[3]) Покойный профессоръ с.-петербургскаго университета (по каѳедрѣ древней русской исторіи) Михаилъ Ивановичъ Касторскій.

Изложеніе перевода довольно гладкое, но самый переводъ не отличается большою вѣрностью; при чемъ изданіе его не обошлось безъ пропусковъ, о которыхъ, по обычаю того времени, не оговорено переводчикомъ. Въ короткихъ словахъ представляемъ содержаніе каждаго письма съ дополненіями, переведенными съ англійскаго подлинника.

Письмо I (Петербургъ, 3-го февраля 1729—30). Описаніе столицы. — Александро-невская лавра. — Окрестности. — Петергофскій дворецъ.

При описаніи лавры, леди Рондо говоритъ въ примѣчаніи: „Въ этомъ монастырѣ хранятся—останки Александра Невскаго, для которыхъ императрица Елисавета приказала сдѣлать серебряную раку, поставленную на превосходномъ памятникѣ, покрытомъ серебряными досками значительной толщины. Тѣло покойнаго императора Петра III было выставлено здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ дней, для доказательства народу, что онъ не былъ жертвою насилія, но умеръ естественною смертью; черезъ нѣсколько дней онъ былъ тайно похороненъ въ Невскомъ монастырѣ".

Письмо II (Москва, апрѣль 1730). Путешествіе въ Москву.—Новгородъ.—Тверь.—Князь Долгорукій, любимецъ Петра II.—Анекдоты, касающіеся Петра Великаго.

Здѣсь особенно замѣчателенъ разсказъ о любви Петра I къ Аннѣ Монсъ.

„Многіе изъ старыхъ знакомыхъ В. (Вигора) посѣтили меня и въ томъ числѣ одна придворная дама временъ вашего героя Петра I. Она очень милая особа и съ большимъ искусствомъ разсказываетъ множество приключеній изъ его частной жизни.

„Я хочу сообщить вамъ одно изъ нихъ, довольно длинное, но, по-моему, доказывающее, что Петръ былъ вовсе не такъ свирѣпъ, какъ его описываютъ. Онъ былъ влюбленъ въ дочь одного офицера Монса [1]), и чтобы привлечь ее къ себѣ, употреблялъ разныя средства, къ которымъ вообще рѣдко бываетъ надобность прибѣгать монархамъ. Наконецъ, она уступила и сдѣлалась явною его фавориткою. Нѣсколько лѣтъ сряду Петръ I любилъ ее съ особенной нѣжностью; но въ одинъ роковой день, осматривая строившуюся крѣпость, въ сопровожденіи своихъ и иностранныхъ министровъ, Петръ увидѣлъ, что польскій министръ нечаянно упалъ съ подъемнаго моста въ воду

---

[1]) Въ переводѣ Касторскаго Мунса. Хотя разсказъ леди Рондо и переданъ у него, но въ мягкой, идиллической формѣ, съ приличными пропусками. Ред.

и утонулъ, не смотря на всѣ старанія спасти его. Императоръ приказалъ вынуть изъ его кармановъ всѣ бумаги и тутъ-же ихъ запечатать.

„Покуда исполняли его повелѣніе, изъ кармана утонувшаго выпалъ портретъ. Императоръ поднялъ его и, вообразите себѣ его удивленіе, когда онъ увидѣлъ портретъ Анны Монсъ. Увлеченный страстью, онъ сорвалъ печати и, разбирая бумаги, нашелъ ея письма самаго нѣжнаго содержанія, адресованныя къ несчастному министру.

„Мгновенно Петръ покинулъ общество и совершенно одинъ пришелъ въ комнаты моей разсказщицы, приказавъ ей послать за измѣнницей. Когда она вошла, онъ заперъ дверь и спросилъ: зачѣмъ она писала такому-то лицу? она заперлась; тогда Петръ I показалъ ей письма и портретъ. Узнавъ изъ словъ императора о смерти министра, она залилась горькими слезами. Въ это время Петръ I, со всѣмъ увлеченіемъ ярости, укорялъ ее въ неблагодарности и до такой степени, что разсказщица моя опасалась, чтобы онъ ее не убилъ. Но чрезъ нѣсколько мгновеній государь самъ заплакалъ и сказалъ, что прощаетъ ее,—„хотя“, прибавилъ онъ, „вы обманули мое чувство, но ненавидѣть васъ я не могу; я самъ виноватъ, что довѣрился, и презиралъ бы себя, продолжая быть въ связи съ вами. Отдаваясь страсти, я умѣю сохранять чувства человѣчества: я не хочу больше видѣть васъ, но никогда не допущу, чтобы вы нуждались въ средствахъ къ жизни!“ Императоръ сдержалъ свое слово: ее вскорѣ выдали за одного чиновника и дали ему должность въ отдаленной провинціи. Петръ I всегда оставался милостивъ къ нимъ и заботился о ихъ счастьи“ [1]).

Письмо III (Москва, 4-го ноября 1730 г.). Собраніе у польскаго министра.—Характеръ княжны Долгорукой, ея сговоръ съ нѣмецкимъ дворяниномъ.— Русскія крестины и свадьбы.

Описывая наши обряды, леди Рондо съ легкомысліемъ иновѣрки говоритъ: „Вы спрашиваете меня о религіи русскихъ; на этотъ вопросъ не съумѣю вамъ отвѣтить потому, что слишкомъ мало владѣю русскимъ языкомъ. Какъ мнѣ кажется, религія здѣсь состоитъ изъ внѣшнихъ обрядовъ и держится однимъ только суевѣріемъ“.

Письмо IV. (Москва, 20-го декабря 1730 г.). Обрученіе княжны Долгорукой съ императоромъ. — Описаніе церемоній. — Трогательная сцена [2]). — Портретъ императора.

---

[1]) Мы не считаемъ нужнымъ опровергать подробности подобныхъ разсказовъ: въ нихъ быль значительно смѣшана съ небылицею. Ред.

[2]) Во время цѣлованія руки невѣсты, въ зало вошелъ любимый ею дворянинъ (здѣсь леди Рондо называетъ его посланникомъ) и княжна Долгорукова,

Личность Петра II, очерченная въ запискахъ герцога де-Лиріа въ привлекательномъ видѣ, является совсѣмъ иною въ письмахъ леди Рондо.

„Петръ II очень высокъ ростомъ и слишкомъ толстъ для своихъ лѣтъ (ему 15-ть лѣтъ); волосы свѣтлые, лицо весьма загорѣлое отъ частыхъ поѣздокъ на охоту; черты лица правильны, но взглядъ мраченъ; и вообще, не смотря на то, что Петръ II красивъ и молодъ, въ немъ нѣтъ ровно ничего привлекательнаго".

Письмо V (Москва, февраль 1730—1731). Крещенское водосвятіе.—Смерть Петра II.—Провозглашеніе Анны Іоанновны императрицею.—Твердость княжны-невѣсты.

Письмо VI (Москва, 1731). Домашній бытъ сочинительницы.—Домъ, принадлежавшій Меншикову.—Монастыри.—Посѣщеніе монаха.—Монастырь благородныхъ дѣвицъ (т. е. Новодѣвичій).—Разсказъ о вдовствующей императрицѣ (т. е. царицѣ) Евдокіи.

Разсказъ ограничивается біографической замѣткой, касающейся Авдотьи Ѳедоровны Лопухиной; но интересующимся подробностями леди Рондо рекомендуетъ читать „Литературные досуги кавалера д'Эона" [1])—книгу, на которую, сколько намъ извѣстно, весьма мало ссылокъ въ трудахъ нашихъ отечественныхъ историковъ.

Письмо VII (Москва, апрѣль 1731). Продолженіе разсказа.—Дворянинъ, преданный пыткѣ и казни Петромъ I.—Заточеніе Евдокіи.

„Исторію ея жизни", говоритъ леди Рондо, „разсказываютъ различно, смотря потому, чѣмъ руководится разскащикъ—пустымъ любопытствомъ, или уваженіемъ, и вслѣдствіе этого трудно узнать истину. Впрочемъ, мнѣ кажется, что слѣдующій разсказъ вполнѣ правдоподобенъ. Ее зовутъ Евдокіею; происходитъ она отъ знатнаго рода Лопухиныхъ. Царь былъ очень молодъ, когда женился на ней; имѣлъ отъ нея сына (впослѣдствіи приговореннаго къ смерти. Послѣ этого несчастнаго царевича остались сынъ и дочь. Черезъ нѣсколько лѣтъ супружества, она опостылѣла Петру и, подъ предлогомъ ревности,

---

вставъ съ мѣста, протянула ему руку, при чемъ «на лицѣ ея выразилась сильная страсть». Сцена довольно сомнительная. Впрочемъ, герцогъ де-Лиріа говоритъ, что героемъ любви невѣсты Петра II былъ графъ Милезимо, шуринъ вѣнскаго посла, графа Вратиславскаго. Отецъ княжны Долгорукой—кн. Алексѣй умышленно оскорбилъ Милезимо, видя въ склонности его къ дочери—помѣху къ бракосочетанію ея съ императоромъ. (XVIII вѣкъ, т. II, стр. 168). По свидѣтельству же Бантыша-Каменскаго невѣста Петра II любила Юрія Долгорукова,—см. «Біографіи Генералиссимусовъ», часть I, стр. 165. Ред.

[1]) Amusements littéraires du Chevalier d'Eon. Этотъ пресловутый гермафродитъ служилъ во Франціи по дипломатической части и былъ одно время агентомъ при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны. Ред.

онъ заключилъ ее въ монастырь вмѣстѣ со всѣми близкими ея родными. Многіе вельможи подверглись аресту и, по обычаю страны, были допрошены подъ пыткою. Никто не обвинилъ императрицы, не смотря на то, что за ея обвиненіе обѣщано было помилованіе. Эти допросы длились нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ четырнадцать человѣкъ близкихъ ея родныхъ были осуждены на смерть.

„Одинъ дворянинъ [1]), котораго Петръ подозрѣвалъ болѣе прочихъ, перенесъ частыя и лютыя пытки, почитавшіяся невыносимыми; но онъ выдержалъ ихъ съ твердостью, не переставая доказывать и среди пытокъ, что императрица и онъ—невинны. Наконецъ, самъ царь подошелъ къ нему и обѣщалъ прощеніе за сознаніе; но Глѣбовъ, плюнувъ ему въ лицо, сказалъ, что не сталъ бы и говорить съ нимъ, если бы не считалъ долгомъ своимъ оправдать свою повелительницу, добродѣтельнѣйшую женщину въ мірѣ. „Единственная слабость", прибавилъ онъ, „которую я за ней знаю, это любовь къ тебѣ, безчеловѣчный палачъ! Съ твоей стороны чрезвычайно низко предположить во мнѣ на столько подлости, чтобы я могъ обвинять невинную, ради собственнаго моего спасенія. Если бы члены мои могли выносить эту пытку столь-же долго, сколько ты будешь бичемъ этого міра, то и тогда я охотнѣе перенесъ бы ихъ, нежели рѣшился бы отъ нихъ избавиться цѣною лукавой лжи!" Послѣ этого онъ рѣшительно отказался говорить. Когда увидѣли невозможность исторгнуть у него признаніе, ему отрубили голову [2]).

„Она (Евдокія) уже не молода, но, не смотря на свои годы и полноту, носитъ отпечатокъ замѣчательной красоты. Ея лицо выражаетъ величіе и скромность; глаза ея смотрятъ нѣжно, необыкновенно живо и какъ бы проникаютъ въ душу приближающихся къ ней".

Письма XIII до XIV. Семейныя дѣла сочинительницы.—Болѣзнь и смерть ея перваго мужа.—Сватовство г. Рондо.—Замѣтка о Меншиковыхъ и Долгорукихъ.—Выходъ мистриссъ Вигоръ за лорда Рондо.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

Письмо XIV (Петербургъ, 1733). Встрѣча Анны Іоанновны въ Петербургѣ.—Характеристика императрицы, герцогини Мекленбургской, ея дочери великой княжны Анны, Елисаветы Петровны, графа и графини Биронъ.

Любопытно сличить сказанія леди Рондо со сказаніями герцога де-Лиріа. Вотъ какъ описываетъ она наружность и характеръ по-

---

[1]) Офицеръ Глѣбовъ. Примѣч. леди Рондо.

[2]) «Несчастное, изувѣченное тѣло», говоритъ г. Дедюкъ, «умирая, открыло ротъ, чтобы плюнуть въ лицо императору, сказавъ: «удались, тиранъ, и дай мнѣ умереть спокойно!» Примѣч. л. Р.

именованныхъ лицъ: „Царица моего роста, но нѣсколько полнѣе; хорошо сложена, граціозна. У нея черные волосы, смуглое лицо и темноголубые глаза. Въ ея взглядѣ есть нѣчто торжествующее, поражающее васъ съ перваго взгляда; но когда она говоритъ, то на ея устахъ играетъ чрезвычайно пріятная улыбка. Она говоритъ много со всѣми и обращается такъ ласково, какъ бы съ равными, не теряя въ то же время своего царскаго достоинства. Она вообще чрезвычайно милостива и даже въ частномъ быту ее считали бы очень красивой и пріятной женщиной".

„Сестра ея, герцогиня Мекленбургская, обладаетъ красивымъ и свѣжимъ лицомъ; волосы и глаза черные, но мала ростомъ и безъ всякаго признака таліи. Чрезвычайно весела и одарена сатирическимъ умомъ. Обѣ сестры говорятъ только по-русски, но понимаютъ и по-нѣмецки".

„Третья сестра (Прасковья Ивановна) умерла въ дѣвицахъ [1]) передъ пріѣздомъ двора изъ Москвы. Она была очень больна, когда я ее видѣла, но все-таки замѣчательно хороша собой".

„Дочь герцогини Мекленбургской (Анна Леопольдовна), усыновленная нынѣшней императрицей, носитъ титулъ великой княжны. Собой не хороша и такъ застѣнчива, что трудно сказать заранѣе, что изъ нея будетъ".

„Великая княжна Елисавета, дочь Петра I, очень хороша собою, чрезвычайно бѣла, съ голубыми глазами, большими и живыми. Темные, густые волосы, прекрасные ротъ и зубы довершаютъ ея красоту. Можетъ быть, со временемъ она будетъ очень полна, но теперь прелестна и танцуетъ лучше всѣхъ женщинъ, которыхъ я видѣла. Говоритъ по-нѣмецки, по-французски и по-итальянски; характера чрезвычайно веселаго и живаго; разговариваетъ съ каждымъ, какъ бы велико ни было общество, и отъ души ненавидитъ придворный этикетъ".

Письма XV и XVI заключаютъ въ себѣ повѣствованія сочинительницы о ея родахъ и ихъ тягости.—О посланникахъ: турецкомъ, татарскомъ и китайскихъ.

Письмо XVII (Петербургъ, 1734). Вышиванье у графини Биронъ.—Непринужденность въ обхожденіи и доброта императрицы.—Многія подробности о ея характерѣ.—Семейныя дѣла леди Рондо.

Графиня Биронъ просила сочинительницу показать ей, какъ вышиваютъ, и для этого пригласила бывать у нея два-три раза въ недѣлю. Леди Рондо согласилась, во-первыхъ, ради выгодъ, которыя мужъ ея

[1]) Была тайно обвѣнчана съ генералъ-лейтенантомъ и сенаторомъ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Онъ умеръ прежде ея, въ маѣ 1730 года. Ред.

могъ извлечь изъ этого сближенія; во-вторыхъ, чтобы видѣть императрицу, которая часто заходитъ въ комнаты графини Биронъ, „Анна Іоанновна не желала, чтобы замѣчали ея присутствіе и вставали со своихъ мѣстъ. Иногда она любезно садится около насъ, пока мы работаемъ и дѣлаетъ мнѣ вопросы объ Англіи, преимущественно о королевѣ. Недавно императрица сказала мнѣ: „я такъ желаю видѣть королеву, что съ удовольствіемъ встрѣтила бы ее на половинѣ дороги!“ Она очень довольна, видя мои попытки говорить съ ней по-русски, и милостиво поправляетъ меня, если я ошибаюсь или затрудняюсь въ выраженіяхъ... Какъ пріятно видѣть совершенное человѣколюбіе въ особѣ, облеченной деспотической властью!.. Я видѣла императрицу, заливающеюся слезами при какомъ-нибудь грустномъ разсказѣ и возмущающеюся до глубины души при малѣйшей жестокости“.

Письма XVIII и XIX. Семейныя дѣла.—Празднества придворныя

Письмо XX (Петербургъ, 1735). Подробности, касающіяся великихъ княженъ Елисаветы и Анны.—О шведской дамѣ, бывшей въ плѣну у татаръ.

„Великая княжна (Елисавета) милостиво принимаетъ частыя мои посѣщенія и даже иногда присылаетъ за мной. Говоря откровенно, я должна признаться, что только о ней думаю и питаю къ ней глубокую любовь и уваженіе; потому и великая княжна въ посѣщеніяхъ моихъ видитъ пріятность, а не одинъ пустой этикетъ. Княжна Елисавета Петровна обладаетъ удивительной ласковостью и кротостью, невольно внушающими любовь и уваженіе къ ея особѣ.“

„Въ обществѣ она чрезвычайно жива, непринужденна до того, что въ ней можно допустить легкомысліе; но въ домашнемъ быту я отъ нея слышу сужденія до того полныя здраваго смысла и твердаго разсудка, что мнѣ думается, будто веселость ея въ обществѣ не совсѣмъ естественна, хотя и кажется всегда искренней; говорю: „кажется“, потому, что трудно читать въ сердцахъ людей. Однимъ словомъ, она чрезвычайно симпатична и, не смотря на то, что престолъ принадлежитъ вполнѣ достойной особѣ, не могу не желать, чтобы великая княжна заняла его со временемъ!

„Великая княжна Анна (Леопольдовна), признанная наслѣдницей престола, находится теперь въ томъ возрастѣ, въ которомъ выясняется многое въ развитіи нравственномъ, особенно когда прилагаютъ такъ много заботъ къ ея воспитанію; но она не хороша собой, не изящна и ничѣмъ не поражаетъ въ умственномъ отношеніи. Держитъ себя очень важно, говоритъ мало и почти никогда не смѣется, что кажется мнѣ весьма страннымъ въ такой молодой особѣ. Я полагаю, что важность ея происходитъ скорѣе отъ безтолковости, нежели отъ

нрава. Впрочемъ, это должно остаться между нами, такъ какъ вамъ и въ голову не приходитъ, что за удовлетвореніе вашего любопытства я рискую быть повѣшенной; я даже не смѣю ввѣрить это письмо обыкновенной почтѣ".

Письмо XXI (Петербургъ, 1735). О крещеніи татарскаго князя съ его семействомъ.—Погребеніе супруги Густава Бирона, рожденной княжны Меншиковой.

Письмо XXII (Петербургъ, 1735). Характеристика графа Миниха и принца Гессенъ-Гомбургскаго.

Если только леди Рондо не дѣлала позднѣйшихъ вставокъ при печатаніи своихъ писемъ, то нельзя не удивляться ея прозорливости и безошибочности въ нравственной оцѣнкѣ графа Миниха. Въ нѣсколькихъ строкахъ онъ весь, какъ вылитый: „Искренность незнакома графу Миниху; и если бы меня спросили, какое у меня мнѣніе сложилось о немъ, я не съумѣла бы лучше отвѣтить, какъ стихами Отуэя:

«Не довѣряй ему, онъ отъ природы лживъ,
И скрытенъ, и жестокъ; лукавъ, непостояненъ» [1]).

„Не знаю, каковъ онъ въ любви, но что касается до дружбы, то я увѣрена, что довѣрившійся ему будетъ опытнѣй!"

За то мнѣніе леди Рондо о принцѣ Гессенъ-Гомбургскомъ—этомъ интриганѣ и шпіонѣ—самое ошибочное. „человѣченъ, честенъ, искренъ; веселъ и умѣетъ пожить".

Письма XXIII, XXIV и XXV. Разсказы объ интригахъ двухъ придворныхъ дамъ, о поступленіи на русскую службу какого-то англійскаго авантюриста.

Разсказы эти въ историческомъ отношеніи не имѣютъ значенія.

Письмо XXVI. О низости какого-то графа Д*** и о прусскихъ гренадерахъ.

Письмо XXVII. О катальныхъ горахъ.—Леди Рондо, по случаю интереснаго положенія, была уволена отъ этого удовольствія.

Письма XXVIII и XXIX. Характеристика Бирона, его жены и графа Остермана.

Характеры Бирона и жены его очерчены довольно вѣрно, хотя есть фраза, поразительная по своему противорѣчію: „Вообще герцогъ очень скрытенъ; но, пока его расположеніе обращено къ кому-нибудь, то онъ держитъ себя со своими любимцами откровенно и просто. Герцогъ чистосердеченъ; это доказывается тѣмъ, что когда

---

[1]) «Trust not to him, he is by nature false,
Designing, cruel, subtil and inconstant!»

онъ считаетъ невозможнымъ или неприличнымъ отвѣчать прямо на вопросъ, то предпочитаетъ молчать и никогда не говорить обиняками". Въ отзывахъ леди Рондо объ Остерманѣ—общія мѣста, ни одной особенно характеристической замѣтки.

Письма XXX, XXXI, XXXII и XXXIII. Характеристика князя Черкасскаго (довольно безцвѣтная) и графа Ягужинскаго.—Приключеніе съ женою польскаго посланника (провалилась сквозь ледъ, но осталась здрава и невредима).—Придворныя извѣстія (нелюбопытныя).—Характеристика гувернантки великой княжны Анны, госпожи Аркасъ, и ея дочери.

Письмо XXXIV (Петербургъ, 1738). Любовь Лопухиной (Натальи Өедоровны) и графа Левенвольда.—Потворство мужа.

Въ русскомъ переводѣ г. М. К. письмо передано вполнѣ, только съ умолчаніемъ фамилій.—Замѣчателенъ разговоръ леди Рондо съ мужемъ красавицы Лопухиной.

„Во время ея беременности, я пожелала ея мужу рожденія сына, а потомъ, встрѣтясь съ нимъ, спросила о здоровьѣ жены. „Зачѣмъ вы меня спрашиваете о ея здоровьѣ?" отвѣтилъ онъ мнѣ по-англійски, „спросите графа Левенвольда, ему это извѣстно лучше, нежели мнѣ!" Потомъ, замѣтивъ мое смущеніе, прибавилъ: „что-жъ такое? Это всѣмъ извѣстно и меня нисколько не безпокоитъ... жениться намъ приказалъ Петръ Великій въ то время, когда она меня ненавидѣла; я былъ всегда равнодушенъ къ ней, хотя она и красавица. Не могу ни любить ее, ни ненавидѣть, и остаюсь равнодушнымъ Зачѣмъ же я стану мѣшать ея связи съ человѣкомъ, котораго она любитъ, тѣмъ болѣе, что она ведетъ себя вполнѣ прилично!"

Письмо XXXV. Рѣшительный поступокъ венеціанской дамы въ Россіи (На придворномъ балу шутиха императрицы откусила у этой госпожи жемчужину отъ ожерелья, чтобы удостовѣриться, настоящая-ли она. За это венеціанка дала ей пощечину...).

Письмо XXXVI (Петербургъ, 30-го іюня 1739). Приготовленія къ свадьбѣ Анны Леопольдовны съ Антономъ Ульрихомъ, принцемъ Браунпвейгскимъ.—Описаніе его особы.—Княжна отказываетъ герцогу Курляндскому.

Письмо XXXVII. Бракосочетаніе Анны Леопольдовны.—Подробное описаніе церемоніала, обѣдовъ и праздниковъ (кто какъ былъ одѣтъ; кто съ кѣмъ танцовалъ и проч.).

Упоминая о видимомъ отвращеніи Анны Леопольдовны къ ея мужу, леди Рондо говоритъ въ примѣчаніи объ убіеніи Іоанна III Антоновича въ Шлиссельбургѣ, вслѣдствіе покушенія Мировича освободить бывшаго младенца-императора.

Въ концѣ англійской книги приложена родословная роспись дома Романовыхъ.

Окончивая нашъ обзоръ, не можемъ не выразить желанія о переводѣ и изданіи въ свѣтъ всѣхъ вообще иностранныхъ сочиненій, относящихся до Россіи XVIII столѣтія. Нынѣ, при возростающемъ сочувствіи публики къ историческимъ трудамъ, нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ подобнаго предпріятія... разумѣется, если только оно не будетъ спекуляціей какого-нибудь книжнаго фабриканта, а будетъ ведено подъ редакціей лицъ, близко знакомыхъ съ источниками отечественной исторіи вообще и съ сказаніями о Россіи иноземцевъ въ особенности. При этомъ каждому переводу, сколь возможно точному и обстоятельному, должно быть предпосылаемо біографическое извѣстіе объ авторѣ записокъ и библіографія всѣхъ изданій, какъ подлинника его произведенія, такъ и переводовъ онаго на разные языки. Текстъ перевода долженъ сохранять (въ скобкахъ) собственныя имена упоминаемыхъ лицъ и названій мѣстности въ томъ видѣ, какъ пишетъ ихъ авторъ; но, разумѣется, тутъ же долженъ быть и переводъ зачастую искаженныхъ фамилій и названій. Примѣчанія должны быть кратки, ограничиваться крайнею необходимостью и отнюдь не тянуться длиннымъ обозомъ, безъ пользы утолщая книгу; говоримъ это въ виду встрѣчаемыхъ иногда такихъ примѣчаній, въ которыхъ, въ тысячный разъ, повторяются всѣмъ извѣстныя біографическія данныя или помѣщены измышленія переводчика или издателя. Наконецъ, переводъ долженъ имѣть обстоятельное оглавленіе и алфавитный указатель, хотя бы только одниxъ личныхъ именъ.

Для успѣха подобнаго изданія было бы хорошо, если бы одновременно явились переводы нѣсколькихъ сочиненій о Россіи изъ разныхъ эпохъ XVIII вѣка; любители отечественной исторіи съ большимъ бы довѣріемъ отнеслись къ такому предпріятію и поддержкою своею дали бы возможность возникнуть цѣлой „библіотекѣ переводовъ сказаній иноземцевъ о Россіи XVIII вѣка“.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Петербургѣ, въ знаменитомъ отдѣлѣ графа М. А. Корфа: „Иноязычныя сочиненія о Россіи“ находится столь обильный матеріалъ для подобнаго предпріятія, что его едва-ли было бы возможно исчерпать въ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Ред.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА.

Письмо царевны Екатерины Іоанновны князю Борису Туркестанову.

„Господянъ князь Борись, не радуися, что ты вь Маськвe; і ежели Богъ ізволитъ, і Я буду ськора вь Маскву и прьриеду вь сесьвятцовое. Я сьтану у царевьны, а у тебя станетъ человекъ добьрай, ктоково ты знаешъ; присемъ Царевьна Екатерина“.

Ісь Питербурьха, 21 Декобьря 1722 года.

„Бьлогодарьна што у меня гуляли на дворе і веселились“.

Примѣчаніе. Писано на четверткѣ сильно пожелтѣвшей отъ времени бумаги; есть слова подъ титломъ.

Мой прадѣдъ, князь Борисъ Туркестановъ, былъ въ 1722 г. уполномоченъ довѣренностью отъ царя Грузинскаго и посыланъ къ Петру I. Въ томъ году состоялся извѣстный первый Персидскій походъ.

Князь Николай Туркестановъ.

Записки дежурства генералъ-адъютанта Салтыкова.

1735.

29-го генваря 1735 г. Стоящему въ домѣ ея императорскаго величества на караулѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитану Апраксину отданъ породь: „М. Прокла“, дозонгъ: „Уфа“.

30-го генваря. Подана изъ иностранныхъ курантовъ выписка, которая ея императорскому величеству вручена.

Ея императорское величество изволили указать, чрезъ дежуръ-генералъ-адъютанта Салтыкова, сыскать и провесть во дворецъ Алексѣя Петровича Апраксина, служителя его, который пріѣхалъ нынѣ изъ Москвы; по которой посланъ былъ за адъютанта лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку прапорщикъ Протасьевъ. И онаго человѣка его,

Апраксина Александру Тишина сыскалъ и объявилъ дежуръ-генералъ-адъютанту; и ея императорское величество соизволила указать у означеннаго человѣка взять отвѣтъ на письмѣ: какъ онъ изъ Москвы ѣхалъ дорогою и какъ сказывался о себѣ?

И оной Тишинъ сказалъ, что „изъ Москвы поѣхалъ сего генваря 16-го дня, и дана ему въ Москвѣ изъ Ямской Канцеляріи подорожная на ямскія подводы и дорогою сказывался онъ дворцовымъ служителемъ, для того, что какъ онъ посланъ изъ С.-Петербурга въ Москву, то по посланному изъ дворца въ Ямскую Канцелярію ордеру, написанъ онъ въ подорожной дворцовымъ служителемъ, для того онъ такъ и назывался; да въ дорогѣ, на Ижорѣ, на заставѣ, спрашивали его караульные, и онъ сказался дворцовымъ служителемъ, а болѣе на заставахъ нигдѣ его не спрашивали".

Того-жъ числа ея императорское величество, пополудни во второмъ часу, соизволила выходъ имѣть къ ея высочеству государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ и соизволила прибыть въ третьемъ часу пополудни.

Во время выходу ея императорскаго величества, поданы ея императорскому величеству челобитныя:

1) Хотиловскаго яму ямщикъ Иванъ Ульяновъ: о учиненіи, по прежнему его прошенію, въ правительствующемъ сенатѣ въ спорныхъ земляхъ съ прапорщикомъ Иваномъ Лопухинымъ указа.

2) Мосальскаго уѣзда Боровенскаго монастыря, Ферапонтовой пустыни, мирскіе челобитчики крестьяне: Моисей Никитинъ, Иванъ Родіоновъ, о бытіи оному монастырю, по прежнему особливо на опредѣленіи для управленія давнихъ дѣлъ архимандрита или игумена.

По которымъ челобитнымъ ея императорское величество соизволила указать, разсмотрѣніе и указъ учинить по первой — въ правительствующемъ сенатѣ, по второй — въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ.

И оныя челобитныя въ означенныя мѣста, при вѣдѣніяхъ, посланы.

Стоящему въ домѣ ея императорскаго величества на караулѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитану-поручику Кожухову отданы пороли: „св. Ефтифія", лозонгъ: „Вѣлградъ".

За собственною ея императорскаго величества рукою даны пороли и лозонги на февраль мѣсяцъ сего года.

31-го генваря. Ея императорское величество соизволила указать, чрезъ дежуръ-генералъ-адъютанта Салтыкова, стоящихъ въ адмиралтействѣ на караулѣ лейбъ-гвардіи полковъ завтрешній день смѣнить адмиралтейскими солдатами для дня тезоименитства ея импе-

раторскаго величества февраля въ 3 числѣ, и для того въ оную коллегію посланъ былъ за адъютанта лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку прапорщикъ Мячковъ, которой репортовалъ: что оной указъ коллегіи адмиралтейской объявилъ и хотѣли оныхъ гвардіи полковъ съ карауловъ смѣнить.

Ея императорское величество изволила указать, чрезъ дежуръ-генералъ-адъютанта Салтыкова, подпорутчика Андреяна Шувалова лейбъ-гвардіи изъ Семеновскаго полку выключить. Для того къ генералу и кавалеру господину Ушакову посыланъ былъ за адъютанта лейбъ-гвардіи прапорщикъ Мячковъ, который вышеписанный имянной ея императорскаго величества указъ ему, господину Ушакову, объявилъ.

И о томъ же къ нему, господину генералу и кавалеру Ушакову, писано.

Ея императорское величество изволила указать, чрезъ дежуръ-генералъ-адъютанта Салтыкова, послать въ Криксъ-коммиссаріатскую контору за брегадиромъ Григорьемъ Наумовымъ, чтобъ быть во дворецъ; за которымъ посыланъ ѣздовой сержантъ Василій Елагинъ, которой репортовалъ, что оный Наумовъ во дворецъ пріѣхалъ.

Ея императорское величество изволила указать, чрезъ дежуръ-генералъ-адъютанта Салтыкова, послать въ Криксъ-коммиссаріатъ и сыскать подрядчика, который ставитъ на конную гвардію сѣно, и по онаго подрядчика посыланъ ѣздовой сержантъ Иванъ Сонинъ и онаго подрядчика сыскалъ и привелъ во дворецъ и, по приказу дежуръ-генералъ-адъютанта, отвелъ въ кабинетъ ея императорскаго величества.

Стоящему въ домѣ ея императорскаго величества на караулѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку полковнику отданъ пороль: „М. Климента“, лозонгъ: „Саранскъ“.

1-го февраля. Ея императорское величество изволила указать, чрезъ дежуръ-генералъ-адъютанта, послать къ Андрею Ивановичу Остерману, чтобъ сего числа былъ во дворецъ не мѣшкавъ, съ которымъ указомъ посланъ ѣздовой сержантъ Сергѣй Титовъ и репортовалъ, что Андрей Ивановичъ во дворецъ пріѣхалъ.

Стоящему въ домѣ ея императорскаго величества на караулѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитану-порутчику Постникову отданъ пороль: „св. Екатерина“, лозонгъ: „Рига“.

2-го февраля Изъ иностранныхъ курантовъ выписка, которая ея императорскому величеству вручена.

Пополудни въ 6-мъ часу всѣхъ четырехъ лейбъ-гвардіи полковъ штабъ- и оберъ-офицеры допущены были къ ея императорскому ве-

личеству для поздравленія со днемъ тезоименитства ея императорскаго величества.

Стоящему въ домѣ ея императорскаго величества на караулѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку капитану отданъ пороль: „св. Петръ“, лозонгъ: „Полтава“.

3-го февраля. Въ день тезоименитства ея императорскаго величества, то-есть, сего числа, по благодарномъ молебнѣ, съ С.-Петербургской и Адмиралтейской крѣпостей пушечная стрѣльба, при томъ же будущіе въ парадѣ пѣхотныя гвардіи два полка стрѣляли бѣглымъ огнемъ трижды.

Стоящему въ домѣ ея императорскаго величества на караулѣ лейбъ-гвардіи капитану Толстому отданъ пороль: „св. Анны“, лозонгъ: „С.-Петербургъ“.

4-го февраля. Стоящему въ домѣ ея императорскаго величества на караулѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитану-поручику Кожукову отданъ пороль: „Семеонъ“, лозонгъ: „Орелъ“.

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

1741—1752.

I.

Указы императрицы Елисаветы Петровны.

1.

Въ первые дни царствованія Елисаветы Петровны въ десяти мѣстахъ на улицахъ Петербурга расположены были сильные караулы отъ полковъ гвардіи; военные порядки, по 1-е число декабря 1741 г., представляли изъ столицы какъ бы осажденный пунктъ, съ строгими опросами проходящихъ и проѣзжающихъ, даже и не въ ночное время. Утромъ 25-го ноября 1741 г., на всѣ временные притоны разосланы были, за собственноручнымъ подписаніемъ, слѣдующіе шесть паролей и лозунговъ на предстоящіе дни, а именно:

„Мѣсяца ноября 1741 году.

Пароли.	Лозонги.
25. Благослови Боже.	Св. Елисаветъ.
26. Св. Петра.	С.-Петербургъ.
27. „ Екатерины.	Москва.
28. „ Андрея.	Астрахань.
29. „ Александра.	Новгородъ.
30. „ Николая.	Казань.

Елисаветъ".

2.

„Указ нашему кабинету. Купца Симона Дозера, нюренберхца, отправить сюда, по полученіи сего, въ самой скорости и велеть ему взять съ собою имеющуюся у него галантерею и купеерштики, все, сколько ихъ имеетца, давъ и съ почтовых или подставныхъ подводъ потребное число и об'евить ему: не пожелает-ли онъ несколько салдатъ для празднишнего времени, что не без пианства по дороги? и

ежели пожелает, то потребуите [отъ] генерала-адъютанта василя Θеодоровича Салтыкова из скраула, которыі во дворце [отъ] гвардіи случитца. Елисавет".

Хотиловскои ямъ,
1744 г. декабря 26-го дня.

Примѣчаніе. Для полнаго пониманія этихъ распоряженій государыни припомнимъ, что въ Хотиловѣ, на обратномъ пути изъ Москвы, остановилась Елисавета Петровна на цѣлыя три недѣли, по случаю оспы, поразившей наслѣдника великаго князя Петра Θеодоровича. Подъ именемъ галантерей, разумѣлись въ то время игрушки всякаго рода, съ хитро-придуманными механизмами, производимыя мастерами имперскаго города Нюренберга и оттуда вывозимыя не только въ Петербургъ, но даже въ Амстердамъ, Парижъ и Лондонъ. Дозеръ открылъ единственную въ Петербургѣ нюренбергскую лавку въ царствованіе Анны Іоанновны, въ домѣ католическаго монастыря доминикановъ, на Невскомъ, гдѣ лавки нюренбергскія застаемъ мы и въ наше время. Гравюры (купферштики) и галантереи ясно назначались для развлеченія больнаго. Не въ этотъ-ли разъ Дозеръ привезъ знаменитую гауптвахту, съ баробанщикомъ и выходившимъ изъ караульни, по колокольчику, фронтомъ? Очень можетъ быть, потому что, кромѣ какъ отъ Дозера, въ руки Петра III такой игрушки поступить было не откуда. А при бракосочетаніи Петра III съ Екатериною, въ слѣдующемъ году, гауптвахта у великаго князя уже была и въ медовые мѣсяцы даже доставляла ему живѣйшее удовольствіе. Милостивое предложеніе ея величества — снабдить игрушечнаго торговца конвоемъ отъ гвардіи, на проѣздъ отъ столицы до Хотилова, тоже было далеко не безполезнымъ, относительно точности и исправности доставки дорогихъ бездѣлушекъ въ собственныя руки. Государыня замѣчаетъ, что праздничное время не безъ пьянства; но пьянство представляло еще не первую важность въ вопросѣ о шалостяхъ по дорогѣ между столицами. Въ 1740-хъ годахъ, въ одну изъ поѣздокъ Елисаветы Петровны въ Москву, въ собственномъ обозѣ ея величества, въ ночное время, смѣлая шайка воровъ отхватила десять кибитокъ, найденныхъ на утро пустыми, на дорогѣ же, за 40 верстъ.

Сообщ. П. Н. Петровъ.

II.

Хозяйственныя распоряженія.

Собственноручныя записочки императрицы Елисаветы Петровны, сохранившіяся въ моихъ фамильныхъ бумагахъ и нынѣ помѣщаемыя въ «Русской Старинѣ», были, написаны къ прадѣду моему, генералъ-поручику Василію Ивановичу Храповицкому, бывшему лейбъ-кампанцу Елисаветы; это былъ отецъ родной бабки моей, извѣстной въ свое время писательницы, Маріи Васильевны Сушковой, рожденной Храповицкой, и еще болѣе извѣстнаго статсъ-секретаря Екатерины II, Александра Васильевича Храповицкаго[1]).

---

[1]) Новое изданіе памятныхъ записокъ А. В. Храповицкаго — матеріалъ весьма замѣчательный для исторіи Екатерины II — печатается г. Барсуковымъ, по подлинной рукописи, подъ редакціей Д. В. Полѣнова. Ред.

Прадѣдъ мой былъ женатъ на дочери извѣстнаго Сердюкова, создателя вышневолоцкихъ шлюзовъ, Еленѣ Михайловнѣ, бывшей, по семейнымъ преданіямъ, незаконною дочерью Петра Великаго. Когда именно скончались мой прадѣдъ и моя прабабка—мнѣ неизвѣстно; знаю только, что онъ похороненъ въ Вышнемъ-Волочкѣ, а она—въ Свіяжскѣ. Что же касается до моей бабки и до брата ея, А. В. Храповицкаго, то первая скончалась въ Москвѣ, 23-го декабря 1803 г., и похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а послѣдній умеръ здѣсь, въ С.-Петербургѣ въ 1801 г., и похороненъ въ Александроневской Лаврѣ.

Письма императрицы Елисаветы Петровны писаны на маленькихъ обрывкахъ сѣрой бумаги. Печатаемъ буквально, разставя лишь знаки препинанія.

Д. С.

1.

Прикажи немедленно закупить свежева мяса, а соленое, коли дома, сиречь на Смолномъ дворе имеется, то вели по темъ-же местамъ изътолко же числомъ, какъ в светлое воскресение роздано было, а вкакия места, то самъ снаешь, чтобъ и они могли разговется; то вели сей вечер, сколко возможно, послать, а досталное хотя зафтре.

Помѣта: «Получено въ 24-е декабря 1745 г., въ 11-мъ часу предъ полуночію, противъ 25-го числа.»

2.

Надеюся, привезли на караблахъ грушъ и паргамутовъ (бергамотовъ) то самъ сесди [съѣзди] и купи по две бочки каждаго и осътавь две в Питербургхе, а две к намъ пришли; а ежели еще не привесли, то скоро надеюсь, что привесутъ и не медля к намъ пришли.

Помѣта: «Получено 22-го августа 1750».

3.

Немедленно отпусти прошлогоднишную всю провисию Матфею Михайловичю Ивенскому, и впредь на петь летъ, щитая сем сот вътораго года [1]).

Помѣта: «Получено въ 28-й день февраля 1752, чрезъ ѣздоваго Ивана Хаутина».

4.

Роздай три тысечи рублей на каторжной дворъ, по тюрмамъ и по богоделнамъ, чтобъ каждому человеку по рублю досталося; ежели останется отъ трохъ тысечь, то конечно принеси; а ежели не достанеть, то сего ж дня мне скажи, а въ росходъ не саписывай; после

---

[1]) Описка, надо читать 1752 г.

присника изъ комнати то столко вамъ ададутъ; также потрудися самъ сезди [съѣзди], нетъ ли такихъ, которыя в порукахъ или в нихъ какихъ для выкупу, окроме смертно убивцовъ, сидятъ, мнѣ сей же день немедленно уведомь.

Помѣта: «1752 марта 28».

Сообщ. Д. П. Сушковъ.

III.

Обрядъ како обвиненный пытается[1]).

Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, здѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ полисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи і секретарь, и для записки пыточныхъ речей подьячей; і, въ силу указу 1742-го году, велено, записавъ пыточныя речи, крѣпить судьямъ, невыходя іззастенка.

Взастенке-жъ для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны вземлю, а третей сверху, поперегъ.

І когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачь явиться долженъ взастенокъ с своими инструментами, а оные есть: хомутъ шерстяной, хкоторому пришита веревка долгая; кнутья, і ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ.

По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи въ чемъ подлежащаго к пыткѣ спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаетца палачу; которой долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной въ дыбѣ столбъ, і взявъ подлежащаго к пытке, руки назадъ заворотитъ, і положа ихъ вхомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встягивается, дабы пытанной на земле не стоялъ; у котораго руки і выворотитъ совсемъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показанымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы столбу; і растянувши симъ образомъ бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается что таковой сказывать станетъ.

Естьли-жъ іcподлежащихъ к пытке такой случитца, которой іобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія истины употребляются нарочно: 1-е тиски здѣланныя із желѣза в трехъ полосахъ с винтами, в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножныя два і свинчиваются от палача до техъ

---

[1]) Мы привели этотъ документъ буквально изъ дѣлъ Т. К. 1735—1754 г. карт. XVII, № 9. Впервые онъ напечатанъ въ статьѣ нашей: «Слово и дѣло!» («Свѣточь», 1861 г., кн. III). Ред.

поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать. 2-е. Наложа на голову веревку і просунувъ кляпъ і вертятъ такъ, что оной ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на головѣ волосы до тѣла, і на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по капле, от чего также въ изумленіе приходитъ. 3-е. При пыткѣ, во время таково-жъ запирательства, і для изысканія істины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно і на оное палачь становится за тѣмъ, чтобъ на виске потянуть ево, дабы болѣе істязанія чувствовалъ. Есть ли же і потому істины показывать не будетъ, снимая пытанаго съ дыбы правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ же образомъ поднимаютъ для того, что і чрезъ то боли бываетъ больше.

Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытаной на второй іли на третьей пытке рѣчи переменитъ, то еще трижды пытается.— И если переговаривать будетъ в трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ поръ, пока съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ібо сколкобъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли в чемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ і огонь такимъ образомъ: палачь отвязавъ привязанныя ноги от столба, висячего на дыбѣ ростянетъ і зажерши вѣникъ съ огнемъ водитъ по спинѣ, на что употребляетца вѣниковъ три или больше, смотря по обстоятельству пытаннаго.

Когда пытки окончатся, і пытаной подлежать будетъ по винамъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велено ссылать на каторгу жъ а при посылке также ноздри вырезываются. I сверхъ того особливыми присланными стемпелями на лбу і на щекахъ кладутся знаки (:воръ:); в техъ же стемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, і ими палачь бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порохомъ, і от того слова видны бываютъ.

Примѣчаніе. Эта справка о пыткахъ въ Россіи составлена по требованію Екатерины II. Пытки были уничтожены знаменитымъ манифестомъ императора Петра III, закрывшимъ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію; впослѣдствіи однако, не только въ суровое царствованіе Павла, но даже и при Екатеринѣ II, допросы съ пристрастіемъ вновь вошли въ употребленіе и для ихъ уничтоженія понадобился новый указъ, именно Александра I, 27 сентября 1801 г.; этимъ указомъ повелѣно было. «дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной». П. С. З., т. XXVI, № 20,022. Ред.

ТЮРЬМЫ ВЪ РОССІИ.

Собственноручный проэктъ императрицы Екатерины II.

1787.

Въ Государственномъ архивѣ, въ С.-Петербургѣ, хранится проэктъ о тюрьмахъ, писанный въ 1787 г. собственноручно императрицею Екатериною II. Высочайше учрежденная коммиссія для составленія систематическаго проэкта тюремнаго преобразованія въ Россіи, узнавъ о существованіи этого драгоцѣннаго автографа, испросила въ прошломъ году разрѣшенія получить съ него точную копію и поручила мнѣ включить его въ историческую записку о русскихъ тюрьмахъ. Включивъ его въ общую разработку историческаго матеріала объ отечественныхъ нашихъ тюрьмахъ, я считаю, однако-же, не безъинтереснымъ для науки отпечатать этотъ замѣчательный документъ на страницахъ „Русской Старины", съ краткимъ критическимъ обзоромъ о значеніи его для исторіи и для уголовнаго права. Тѣмъ болѣе это кажется мнѣ полезнымъ, что до настоящаго времени не сдѣлана надлежащая оцѣнка тѣмъ великимъ началамъ любви и милосердія, которыя внесены въ наше уголовное правосудіе великою преобразовательницею.

Принципы, провозглашенные Екатериною II въ ея знаменитомъ Наказѣ, въ 1767 году, опередили всѣ европейскія законодательства почти на цѣлое столѣтіе.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ тюрьмы находились въ то время въ самомъ ужасномъ положеніи. Онѣ представляли страшное

зрѣлище: Товеръ, Бастилія, Консіержери, Тампль и вообще всѣ тюрьмы Европы наводили ужасъ и содроганіе. Это были или сырыя, мрачныя башни, безъ свѣта и воздуха, или же смрадные погреба и подземелья, гдѣ господствовали холодъ, голодъ, болѣзни и смерть. Подсудимые, подслѣдственные, рѣшенные всѣхъ возрастовъ, безъ различія пола, содержались по большой части въ общихъ камерахъ и здѣсь они предавались пьянству, разврату и оргіямъ. Содержаніе арестантовъ было на ихъ собственный счетъ, а потому несостоятельные къ возмѣщенію этихъ издержекъ содержались въ темницахъ до самой смерти, хотя бы они были оправданы судомъ или выдержали сроки заключенія.

Смотрительскія мѣста въ тюрьмахъ были на откупу.

При такихъ же безобразіяхъ юстиція безмолствовала, потому что, по словамъ знаменитаго Говарда, попасть въ тѣ времена въ тюрьму, было равносильно смертному приговору.

Съ этой точки зрѣнія уголовное правосудіе и глядѣло на заключенныхъ, да иначе оно глядѣть на нихъ и не могло по тогдашнимъ порядкамъ, законамъ и юридическимъ началамъ.

Уголовныя уложенія другъ предъ другомъ щеголяли измышленіемъ разнороднѣйшихъ физическихъ истязаній и казней не только за преступленія, но и за проступки; а весь уголовный процессъ основывался на пыткѣ. При существованіи же пытки, по справедливому замѣчанію великой императрицы Екатерины II, не было возможности оправдываться, потому что невинные взводили на себя обвиненія, лишь бы положить конецъ своимъ страданіямъ[1]). Естественно, что такое положеніе подсудимыхъ дѣлало, по мнѣнію тогдашнихъ юристовъ, излишнимъ улучшеніе быта заключенныхъ, какъ лицъ, которыя, со вступленіемъ въ тюрьму, становились внѣ защиты общества и закона и не заслуживали никакого снисхожденія. Самыя страданія и мученія подсудимыхъ въ тюрьмѣ, по мнѣнію католиковъ и протестантовъ, были справедливымъ возмездіемъ за ихъ грѣхъ и за причиненное ими зло.

Но противъ жестокости этого взгляда въ половинѣ прошлаго вѣка послышались энергическіе голоса въ литературѣ: всѣмъ извѣстны по этому предмету сочиненія Беккарія, Блекстона, Монтескье.

Государственные люди остались тоже не чужды этому умственному движенію: Фридрихъ Великій, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, 3-го іюня 1740 года, запретилъ пытку за всѣ проступки,

---

[1]) См. о пыткахъ выше на стр. 58—59.

кромѣ за государственную измѣну. Въ 1754 году онъ ее совершенно отмѣнилъ и запретилъ вѣшать воровъ.

Императрица Елисавета Петровна почти въ то же время отмѣнила смертную казнь.

Но положеніе тюремъ не улучшалось и онѣ оставались въ прежнемъ плачевномъ состояніи.

Впервые только заговорилъ объ этомъ предметѣ Наказъ Екатерины II, съ свойственными императрицѣ энергіею и человѣколюбіемъ.

Осудивъ жестокость законовъ, она отвергла пытку и заключеніе въ тюрьму неоплатныхъ должниковъ, при чемъ провозгласила начало, что торжество гражданской свободы заключается въ томъ, чтобы наказаніе соотвѣтствовало свойству преступнаго дѣянія.

На заключенныхъ же Наказъ глядитъ съ точки зрѣнія человѣколюбія; и, сдѣлавъ точную классификацію преступленій, онъ впервые вводитъ раціонально тюремное содержаніе въ систему уголовныхъ наказаній. Подсудимымъ же онъ велитъ оказывать въ тюрьмѣ всѣ возможныя снисхожденія и стѣснять ихъ свободу лишь на столько, на сколько это необходимо для правильнаго теченія процесса.

И императрица не ограничилась провозглашеніемъ однихъ принциповъ: послѣ Наказа она стала на практическую почву.

Она приняла содержаніе заключенныхъ или, какъ ихъ тогда называли, колодниковъ и невольниковъ,—на счетъ государства, такъ какъ до нея они содержались или на собственный счетъ, или на счетъ благотворителей, или питались милостынею, которую они собирали на улицахъ и по торгамъ.

Озабочиваясь, такимъ образомъ, по ея собственнымъ словамъ, своимъ маленькимъ хозяйствомъ, императрица пошла еще дальше: въ 1775 году, учредивъ Приказы общественнаго призрѣнія, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣла учредить Смирительные и работные дома, первые — для лицъ дурнаго поведенія, вторые—для нищихъ.

Затѣмъ, въ 1783 году она повелѣла учредить для воровъ и мошенниковъ рабочіе дома.

Всѣ эти учрежденія обнаруживаютъ уже правильную пенитенціарную систему,—систему, которая и въ настоящее время могла бы почесться за образцовую, потому что тюрьма, въ силу этихъ узаконеній, предназначалась уже для однихъ подслѣдственныхъ и подсудимыхъ, а рѣшенные попадали или въ смирительные, или въ рабочіе дома.

Но честь этой пенитенціарной организаціи, къ сожалѣнію, не признали за великою государынею и тюремная наука приписываетъ ее основателю Гентской тюрьмы, виконту Вилену XIV, и знаменитому

Говарду. Послѣднему приписываютъ даже вліяніе на императрицу при учрежденіи ею домовъ: работныхъ, смирительныхъ и рабочихъ. Послѣднее основывается на томъ, что Говардъ, посѣтивъ Россію въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, умеръ въ 1790 г. въ Херсонѣ, гдѣ ему и поставленъ памятникъ.

Но это предположеніе невѣрно и опровергается положительно при одномъ даже только поверхностномъ взглядѣ на слѣдующіе историческіе факты.

Виконтъ Виленъ въ 1772 году учредилъ Гентскій рабочій домъ для нищихъ и бродягъ. Посѣтивъ всѣ европейскія тюрьмы и госпитали, и въ томъ числѣ и Гентскую тюрьму, Говардъ написалъ свое знаменитое сочиненіе „О тюрьмахъ и госпиталяхъ“ въ 1777 году; но оно вышло въ переводѣ на французскій языкъ только въ 1784 г., и тогда лишь сдѣлалось извѣстнымъ и познакомило Европу съ Гентскою тюрьмою. Между тѣмъ, Наказъ Екатерины II вышелъ въ свѣтъ въ 1767 году, а положеніе о смирительныхъ и работныхъ домахъ получило силу закона въ 1775 году,—слѣдовательно, было составлено гораздо раньше. Рабочіе же дома организованы въ 1783 году, т. е., за долго до пріѣзда Говарда въ Россію.

Въ дѣлахъ Государственнаго архива тоже не оказывается никакой переписки между Говардомъ и императрицею, за исключеніемъ одного частнаго прошенія, неимѣющаго ничего общаго съ тюремнымъ дѣломъ. Но если этими фактами опровергается вліяніе Говарда на тюремную реформу Екатерины II, то это вліяніе можно бы еще признать, и то съ большою осторожностью, на составленный ею собственноручный проэктъ устава о тюрьмахъ, который здѣсь предлагается читателямъ.

Прежняя система тюремъ императрицы была ясна: она полагала различіе между подсудимыми и рѣшенными, и послѣднихъ предназначала или смирительные, или рабочіе дома, смотря по тому, въ чемъ ихъ обвиняли: въ одномъ лишь дурномъ поведеніи или въ преступленіи. Отдѣльное же содержаніе тѣхъ и другихъ по полу и по возрасту было провозглашено императрицею и въ Наказѣ, и въ уставахъ этихъ учрежденій. Разность же системы тюремнаго содержанія Говарда отъ этой системы заключалась въ томъ, что онъ предлагалъ содержать преступниковъ въ одной и той же тюрьмѣ, но раздѣльно, сообразно ихъ полу, возрасту, родамъ и видамъ преступленій.

На этомъ основаніи, по системѣ императрицы, рѣчь шла о различныхъ тюрьмахъ для разныхъ категорій преступниковъ; а въ системѣ Говарда—о разныхъ отдѣленіяхъ въ одной и той же тюрьмѣ.

Это различіе доказываетъ, что и первая тюремная система императрицы и вторая, выраженная ею въ новомъ проэктѣ, были плодомъ самостоятельнаго ея генія, потому что и въ новомъ проэктѣ она полагаетъ тоже не одну тюрьму для различнаго рода заключенныхъ, а различныя тюрьмы.

Въ этомъ заключается особенность и самостоятельность ея тюремной системы.

Независимо отъ этого, подробности ея новаго проэкта поразительны по своей глубокой обдуманности и гуманности, и сдѣлали бы честь даже современному тюремному уставу.

Ничего тамъ не забыто, начиная отъ конструкціи зданій до размѣра камеръ.

Но что въ особенности замѣчательно, то это: 1) предположеніе проэкта объ организаціи стройной тюремной администраціи; 2) система содержанія заключенныхъ; 3) инструкція смотрителямъ и докторамъ.

Всѣ эти начала, хотя и въ сжатыхъ положеніяхъ, суть послѣднее слово настоящей тюремной науки и во всемъ сходны съ началами, выработанными въ 1871 году, на Цинцинатскомъ тюремномъ конгрессѣ.

Почему-же этотъ замѣчательный проэктъ не осуществленъ ни императрицею, ни въ послѣдующія царствованія?..

Отвѣтъ можно найти въ томъ, что осуществленіе его требовало единовременной затраты огромныхъ суммъ, такъ какъ требовались постройки нѣсколькихъ сотъ новыхъ тюремъ; при томъ сама императрица, какъ видно, сомнѣвалась въ его удобоисполнимости. Послѣднее доказывается, находящеюся на томъ проэктѣ, собственноручною ея надписью:

„Отдать сей проэктъ губернскому прокурору на прочтеніе, съ тѣмъ, чтобы онъ онаго сообразилъ съ локальнымъ состояніемъ здѣшняго замка, осматривая онаго все мѣсто, и сказалъ, чего находитъ или не находитъ удобно въ дѣйствительномъ исполненіи и чего недостаточно и въ чемъ лучше или хуже противу теперешняго содержанія злощастныхъ. 10 марта 1788 года“.

Человѣколюбивая государыня боялась ухудшить состояніе злощастныхъ и по этому дѣйствовала осторожно, интересуясь знать мнѣніе юристовъ объ ея проэктѣ.

Но полагать должно, что государыня, при признаніи ея проэкта полезнымъ, по свойственной ей энергіи, едвали-бы остановилась предъ громадностью требуемыхъ затратъ; а потому вѣроятнѣе всего, что къ этимъ причинамъ присоединились еще другія, болѣе существенныя.

А именно: съ одной стороны, тѣ политическія замѣшательства, которыя къ концу ея царствованія ее озабочивали; съ другой стороны, французская революція, разразившаяся въ то время и потрясшая всю Европу.

Тогдашнія европейскія правительства какъ-то лихорадочно слѣдили за всѣмъ, что ни дѣлалось тогда въ Парижѣ, и принципы Учредительнаго собранія становились предметомъ ужаса и осужденія. Такой участи, между прочимъ, подвергся и вопросъ о тюрьмахъ: Учредительное собраніе, послѣ разрушенія Бастиліи, занялось горячими преніями о тюрьмахъ, и въ 1791 г. провозглашены начала тюремной реформы, въ которыхъ было много общаго съ тѣмъ, что имѣлось въ виду Наказомъ, и послѣдующими законами, и послѣднимъ проэктомъ Екатерины II. Этого одного въ то время было достаточно, что бы пріостановить дальнѣйшія преобразованія и отступить, если возможно, назадъ.

Этимъ же можно объяснить и то, что при вступленіи императора Александра I на престолъ, онъ въ 1802 году принялъ не систему своей августѣйшей бабки, а систему Говарда, чѣмъ затормозились тюремныя реформы болѣе, чѣмъ на полвѣка.

Въ настоящее же время, когда тюремная реформа сдѣлалась настоятельною, законодательство великой государыни и ея проэктъ должны быть тщательно объизслѣдованы, такъ какъ въ нихъ заключаются многія изъ тѣхъ великихъ началъ, которыя приняты въ послѣднее время пенитенціарною наукою. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ печатаемый на страницахъ „Русской Старины“ документъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ и научныхъ памятниковъ XVIII вѣка и полагаемъ, что онъ займетъ, по справедливости, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ не только въ исторіи права, но и въ пенитенціарной наукѣ [1]).

М. Филипповъ.

---

[1]) Обращаемъ вниманіе еще на одну особенность устава: онъ писанъ чистымъ русскимъ языкомъ, при чемъ императрица тщательно обходила иностранныя слова; такъ, напримѣръ, слово бухгалтеръ замѣнено у нея словомъ книгодержатель; арестантъ—словомъ тюремный. Ред.

Проэктъ устава о тюрьмахъ.

1.

Два рода тюремъ.

Тюрьмы раздѣлить на два рода: 1-я уголовная тюрьма, 2-я—гражданская тюрьма.

О уголовной тюрьмѣ.

2.

Три части уголовной тюрьмы губернскаго города.

Уголовную тюрьму губернскаго города раздѣлить на три части: 1-я—часть подстражная, 2-я—часть приговорная, 3-я—часть осужденная.

3.

Двѣ части уголовной тюрьмы уѣзднаго города.

Уголовная тюрьма уѣзднаго города раздѣляется на двѣ части: 1-я—часть подстражная, 2-я—часть приговорная.

4.

Два отдѣленія въ каждой части.

Уголовную тюрьму каждой части раздѣлить на два отдѣленія: 1-е отдѣленіе для мужскаго пола, 2-е отдѣленіе для женскаго пола.

О строеніи тюремъ.

5.

О зàмкѣ.

Тюрьмы строить зàмкомъ.

6.

Зàмку быть каменному.

Зàмку быть каменному, кругомъ крѣпку со стѣною, или такимъ заборомъ, чтобъ изъ онаго уходъ никто учинить не могъ, и чтобъ тою оградою уменьшено было число людей для стереженія.

7.

О вольномъ воздухѣ, текущей водѣ и проч.

Зàмки строить колико способно, гдѣ на вольномъ воздухѣ, при текущей водѣ, отъ огня и наводненія безопасно, довольно пространно и не низкое строеніе.

8.

О нужномъ строеніи.

Внутри замка имѣть всѣ нужныя къ житью строенія, и гдѣ удобно, дворы вымостить каменьями.

О строеніи уголовной подстражной.

9.

О числѣ горницъ уголовной подстражной губернскаго города.

Въ губернскомъ городѣ для уголовной подстражной мужескаго пола устроить три горницы, да для женскаго пола устроить двѣ горницы.

10.

О числѣ горницъ уголовной подстражной уѣзднаго города.

Въ уѣздномъ городѣ для уголовной подстражной мужескаго пола устроить двѣ горницы, да для женскаго пола устроить одну горницу.

11.

Описаніе горницъ уголовной подстражной.

Горницы уголовной подстражной строить величиною въ три сажени, или девять аршинъ въ длину и ширину, вышина двѣ сажени; горничное окошко величиною полтора аршина, отъ потолка тоже, съ желѣзною рѣшеткою; у стѣны столъ каменный и неподвижный; предъ столомъ каменная скамья неподвижная, въ углу—къ дверямъ—печь лежанкою, длина оной четыре аршина, ширина полтора аршина; печь топится снаружи, двери двойныя, изъ коихъ наружныя желѣзомъ окованныя, замки крѣпкіе.

О строеніи уголовной приговорной.

12.

Двѣ тюрьмы приговорной.

Въ губернскомъ городѣ двѣ разныя тюрьмы составляютъ уголовную приговорную: 1-я тюрьма для тѣхъ, кои, власть на то имѣющимъ, судомъ, по теченіи дѣла ихъ, къ временному содержанію въ тюрьму приговорены; 2-я—ссылочная для тѣхъ, кои, власть на то имѣющимъ судомъ, безъ наказанія къ ссылкѣ приговорены.

13.

О числѣ горницъ уголовной приговорной губернскаго города.

Въ губернскомъ городѣ для уголовной приговорной тюрьмы

устроить три горницы для мужескаго пола, да двѣ горницы для женскаго пола.

14.

О числѣ горницъ уголовной приговорной уѣзднаго города.

Въ уѣздномъ городѣ для уголовной приговорной мужскаго пола устроить одну горницу, да для женскаго пола одну горницу.

15.

Описаніе горницъ уголовной приговорной.

Горницы уголовной приговорной строить: величиною не менѣе трехъ сажень, въ длину и ширину столько же, въ вышину шесть аршинъ, окошки съ желѣзною рѣшеткою, печь топится снаружи, двери двойныя, изъ коихъ наружныя желѣзомъ окованныя, замки крѣпкіе.

16.

О числѣ горницъ приговорной ссылочной губернскаго города.

Въ губернскомъ городѣ для ссылочныхъ устроить двѣ горницы: первая для мужскаго пола, другая—для женскаго пола.

17.

О числѣ горницъ ссылочной уѣзднаго города.

Въ уѣздномъ городѣ для ссылочныхъ устроить двѣ горницы: первая для мужскаго пола, вторая для женскаго пола.

18.

Описаніе горницъ ссылочной.

Ссылочную строить величиною въ четыре сажени, въ длину и ширину столько же, въ вышину шесть аршинъ, окошки съ желѣзною рѣшеткою, печь топится снаружи, двери двойныя, изъ коихъ наружныя желѣзомъ окованныя, замки крѣпкіе.

О строеніи уголовной осужденной.

19.

О трехъ тюрьмахъ уголовной осужденной.

Въ губернскомъ городѣ три разныя тюрьмы составляютъ уголовную осужденную: 1-я—темница, или покаянная для тѣхъ, кои, власть на то имѣющимъ, судомъ на смерть осуждены. 2-я—вѣчная тюрьма для тѣхъ, кои, власть на то имѣющимъ, судомъ на вѣчное содержаніе въ тюрьму осуждены.

20.

О темницахъ.

Въ губернскомъ городѣ темницы устроить двухъ-саженныя: одну—для мужскаго пола и одну—для женскаго пола.

21.

О вѣчной тюрьмѣ.

Въ губернскомъ городѣ для вѣчной тюрьмы устроить одну горницу—для мужскаго пола и одну горницу—для женскаго пола.

22.

О каторжномъ дворѣ.

Въ губернскомъ городѣ для каторжнаго двора мужскаго пола устроить четыре казармы: первая—для тѣхъ, кои шельмованы; вторая—для тѣхъ, кои скованы; третья—для тѣхъ, кои не шельмованы и не скованы; четвертая—для женскаго пола.

23.

О казармахъ каторжнаго двора.

Казармы каторжнаго двора строить сходственно ссылочной.

О строеніи пріемныхъ горницъ.

24.

О пріемныхъ горницахъ.

У воротъ зàмка расположить пріемныхъ горницъ: въ губернскомъ городѣ—двѣ, въ уѣздномъ городѣ—одну.

О строеніи тюремныхъ больницъ.

25.

О тюремныхъ больницахъ.

Устроить тюремныя больницы.

26.

О раздѣленіи и числѣ горницъ тюремныхъ больницъ.

Тюремныя больницы раздѣлить на два отдѣленія: 1-е—отдѣленіе для мужескаго пола, въ губернскомъ городѣ въ каждомъ отдѣленіи имѣть, на первый случай—по пяти горницъ; да въ уѣздномъ городѣ въ каждомъ отдѣленіи имѣть по три горницы для тюремныхъ больныхъ.

О содержаніи тюремныхъ вообще.

27.

Какъ обходиться съ тюремными.

Съ тюремными вообще обходиться человѣколюбиво, но при томъ имѣть за ними крѣпкое и неослабное во всякое время смотрѣніе, чтобъ сами себѣ и никому вреда не учинили, и для того содержать тюремнаго, какъ въ которой части содержать предписано есть.

28.

Чтó отобрать у тюремнаго, и отобранныя вещи беречь, и возвратить въ день выхода.

По пріемѣ тюремнаго отобрать у него орудія, ножи и все то, чѣмъ себѣ или другимъ вредъ учинить можетъ; взятыя же у тюремнаго вещи, переписавъ, собрать въ одну связку и положить въ казенной того зàмка, съ надписаніемъ имени тюремнаго, и поступать такъ, развѣ отъ уѣзднаго надзирателя тюремъ или городничаго, о комъ особливо приказано будетъ; отобранныя у тюремнаго вещи возвращать ему въ тотъ день, какъ выходить будетъ изъ зàмка.

29.

Покровъ, одежда и прокормленіе по полу и состоянію.

Тюремнымъ имѣть покровъ, одежду и прокормленіе по полу и состоянію каждаго.

30.

О чистотѣ и перемѣнѣ воздуха.

Горницы, связи, казармы и дворы содержать всегда въ чистотѣ, и внутри горницъ и строеній перемѣнять воздухъ открытіемъ оконъ, зимой—на короткое время, а лѣтомъ—какъ угодно.

31.

Обѣдать въ полдень, ужинать въ шесть часовъ за полдень.

Обѣдать тюремнымъ въ полдень, а ужинать въ шесть часовъ за полдень, когда же въ шесть часовъ темно, тогда зажигать въ горницахъ лампады.

32.

Кушанье одной части варить общее.

Кушанье варить для всѣхъ тюремныхъ, одной части, общее; развѣ для кого особливо отъ городничаго приказано будетъ.

33.

Къ тюремнымъ постороннихъ людей не пускать.

Смотрѣть накрѣпко, чтобъ къ тюремнымъ никто изъ постороннихъ не ходилъ, никто ничего не носилъ, и разнощиковъ и иныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ, къ тюремнымъ не пускать, развѣ отъ уѣзднаго надзирателя тюремъ или городничаго о комъ особливо и именно приказано будетъ, за что и отвѣтствовать имѣютъ, буде отъ того учинится что въ противность сего предписанія о тюрьмахъ и тюремныхъ.

34.

Неимущихъ содержать безъ платы, имущихъ же — ихъ иждивеніемъ.

Тюремныхъ неимущихъ содержать и одѣвать безденежно; имущихъ же содержать и одѣвать ихъ иждивеніемъ.

35.

Всякіе три часа осмотрѣть каждую часть.

Всякіе три часа осмотрѣть каждую часть, всѣ-ли тюремные на лицо и всѣ-ли здоровы.

36.

О призрѣніи больныхъ.

Буде кто изъ тюремныхъ занеможетъ, то тюремщикъ того отдѣленія, не мѣшкавъ, о томъ увѣдомляетъ тюремщика, дабы съ раченіемъ осмотрѣнъ и пользованъ былъ и не лишился бы жизни или здоровья отъ нераченія или непризрѣнія.

37.

Объ осмотрѣ и погребеніи мертвыхъ.

Буде кто изъ тюремныхъ умретъ, то по лекарскомъ осмотрѣ, или же анатоміи, погребать не инако, какъ съ дозволеніемъ уѣзднаго надзирателя тюремъ, или городничаго, или исправника. Оставшіяся и отобранныя вещи его да отдадутъ наслѣдникамъ; буде же сихъ нѣтъ, то отослать въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

О содержаніи подстражнаго въ уголовной подстражной.

38.

О надписаніи нумера.

На дверяхъ горницъ подстражной надписать нумеры.

39.

Беречь каждаго подстражнаго особо.

Пока пустыя горницы есть, то всякаго подстражнаго оберегать особо.

40.

О содержаніи подстражнаго съ подозрѣніемъ.

Понеже всякъ подстражный находится въ подозрѣніи, и для того подстражнаго не токмо стеречь отъ ухода и вреда; но первыя трои сутки ни съ кѣмъ ему сношенія письменнаго, или словеснаго не имѣть, чернилъ, перья, карандаша и бумаги не давать безъ дозволенія городничаго, или исправника. Городничій же да доложится суду; буде же судъ дозволитъ, то и тогда тюремщикъ имѣетъ показывать все писанное подстражнымъ, или къ подстражнымъ, городничему, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должности.

41.

По прошествіи трехъ дней, какъ поспѣшать допросомъ подстражнаго.

Буде кто содержится въ подстражной болѣе трехъ сутокъ, и въ тѣ трои сутки ему не объявлено, за что содержится въ подстражной или онъ въ тѣ три не допрашиванъ, то тюремщикъ отдѣленія, подъ опасеніемъ потерянія мѣста, обязанъ о томъ объявить въ губернскомъ городѣ прокурору, подъ чьимъ пятничнымъ осмотромъ подстражная, въ уѣздномъ городѣ или округѣ уѣздному стряпчему, но и отослать письмо подстражнаго въ Совѣстный судъ.

О содержаніи приговорнаго въ уголовной приговорной.

42.

О надписаніи нумера.

На дверяхъ каждыя горницы приговорной надписать нумеры.

43.

Сажать всякаго приговорнаго особо.

Пока пустыя горницы есть, то всякаго приговорнаго сажать особо.

44.

О содержаніи приговорнаго, какъ судомъ предписано.

Понеже всякъ приговорный находится подъ судомъ; судъ же долженствуетъ поступать, какъ закономъ предписано есть, и для того приговорнаго не токмо стеречь отъ ухода и вреда, но и содержать его такъ, какъ судомъ предписано.

45.

По прошествіи срока засѣданія, какъ поспѣшать рѣшеніемъ дѣлъ приговореннаго.

Буде кто посаженъ въ приговорной по теченію дѣла и сидитъ болѣе одного срока засѣданія судебныхъ мѣстъ, и въ тотъ срокъ ему не объявлено рѣшеніе его дѣла, за чѣмъ рѣшеніе не воспослѣдовало, то тюремщикъ отдѣленія, подъ опасеніемъ потерянія мѣста, обязанъ о томъ объявлять въ губернскомъ городѣ прокурору, подъ чьимъ пятничнымъ осмотромъ приговорная, въ уѣздномъ городѣ или округѣ уѣздному стряпчему, и отошлетъ письмо приговорнаго въ Совѣстный судъ.

46.

Освобожденіе приговоренныхъ на время.

Буде кто къ временному посаженію въ тюрьму приговоренъ, и время его освобожденія приспѣетъ, то тюремщикъ отдѣленія обязанъ за три дни до срока о томъ объявить тюремщику, а сей уѣздному надзирателю тюремъ; въ небытность же его—городничему; за срокъ же приговора да не задержатъ никого, но да освободятъ приговореннаго.

О содержаніи приговорнаго въ ссылочной.

47.

О содержаніи ссылочнаго.

Всякъ приговоренный къ ссылкѣ, находясь подъ приговоромъ, сходственно законамъ, до ссылки да стережется отъ ухода и вреда и во отлученіи отъ общества.

48.

О работѣ ссылочныхъ.

Въ ссылочной смотрѣть, чтобъ приговоренные къ ссылкѣ и къ работѣ привыкшіе люди, пока сошлются куда слѣдуетъ, праздны не были; но всякъ по полу и состоянію своему обращался бы въ сходственной ему работѣ, о чемъ уѣздному надзирателю тюремъ поручается прилежное смотрѣніе.

49.

По прошествіи срока засѣданія, какъ поспѣшатв отправленіемъ ссылочныхъ.

Буде кто посаженъ въ ссылочную и сидитъ болѣе одного срока засѣданія судебныхъ мѣстъ, и въ тотъ срокъ онъ не отосланъ въ ссылку—куда слѣдуетъ, то тюремщикъ отдѣленія, подъ опасеніемъ потерянія мѣста, обязанъ о томъ объявить въ губернскомъ городѣ

прокурору, подъ чьимъ пятничнымъ осмотромъ ссылочная, въ уѣздномъ городѣ или округѣ Уѣздному стряпчему, и отослать письмо ссылочнаго въ Совѣстный судъ.

50.

Объ освобожденіи на время сосланныхъ.

Буде кто къ временной ссылкѣ приговоренъ, и время его освобожденія приспѣетъ, то тюремщикъ отдѣленія обязанъ за три дни до срока о томъ объявить тюремщику, а сей уѣздному надзирателю тюремъ; въ небытность же сего — городничему; за срокъ же приговора да не держутъ никого, но да освободятъ его.

О содержаніи уголовнаго осужденнаго въ темницѣ.

51.

Содержаніемъ осужденный да не отягчится.

Содержаніемъ да не отягчится судьба осужденнаго, власть на то имѣющимъ судомъ по закону; но да устережется во время покаянія единственно отъ ухода и вреда. Покаяніе же всякъ учинитъ по обряду своей вѣры.

О содержаніи уголовнаго осужденнаго въ вѣчной тюрьмѣ.

52.

Содержаніе осужденнаго въ вѣчной тюрьмѣ.

Всякъ, власть на то имѣющимъ, судомъ осужденный на вѣчное содержаніе въ тюрьмѣ, да содержится во отлученіи отъ людей и да стережется отъ ухода и вреда, и ни съ кѣмъ ему сообщенія, письменнаго или словеснаго не имѣть; ни чернилъ, ни перья ни карандаша, ни бумаги не давать, безъ дозволенія городничаго, или уѣзднаго надзирателя тюремъ; имъ же доложится суду, и буде судъ дозволитъ, то и тогда тюремщикъ имѣетъ показывать все письменное вѣчнымъ тюремнымъ, или къ вѣчному тюремному городничему, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должности. Малыя же выгоды тѣ, отъ коихъ ни вѣчному тюремному, ни обществу вредъ учиниться не можетъ, какъ то: пользоваться вольнымъ воздухомъ внѣ горницы, читать книгу, упражняться въ рукодѣліи и тому подобное, по усмотрѣнію городничаго и уѣзднаго надзирателя тюремъ, не запрещается.

О содержаніи уголовно-осужденнаго на каторгѣ.

53.

О надписаніи нумера.

На дверяхъ казармъ каторжнаго двора надписать нумера.

54.

О содержаніи каторжныхъ во отлученіи отъ прочихъ людей.

Понеже всякъ на каторжномъ дворѣ заключенный, власть на то имѣющимъ, судомъ осужденъ есть, и для того стеречъ его отъ ухода и вреда и содержать его отъ общества прочихъ людей совершенно во отлученіи и ни съ кѣмъ ему сношенія письменнаго или словеснаго не имѣть.

55.

Каторжнымъ не быть праздно.

Смотрѣть накрѣпко, чтобъ на каторгѣ осужденные, кромѣ нужнаго человѣку времени для сна и пищи, отнюдь праздно не были, но обращались бы въ непрерывной работѣ.

56.

Объ освобожденіи на время осужденнаго.

Буде кто на время осужденъ на каторгу, и время его освобожденія приспѣетъ, то тюремщикъ того отдѣленія обязанъ за три дни до срока о томъ объявить тюремщику, а сей уѣздному надзирателю тюремъ; въ небытность же его—городничему; за срокъ же осужденія да не задержатъ никого, но да освободятъ его.

О содержаніи тюремныхъ больныхъ.

57.

Въ тюремныя больницы кого и какъ принимать.

Въ тюремную больницу не принимать тюремныхъ больныхъ, какъ по осмотрѣ докторскомъ, или лекарскомъ и съ запискою, за рукою одного изъ нихъ, что того тюремнаго, или такую тюремную женщину инако пользовать нельзя, какъ переведя въ больницу. И если бы изъ приведенныхъ женщинъ-тюремницъ случилися беременныя, то для подобающей при разрѣшеніи ихъ помощи, по дозволенію доктора или лекаря, посылать изъ города повивальную бабку. Родившійся же младенецъ зависитъ отъ попеченія Приказа Общественнаго Призрѣнія, который о жребіи его и учинитъ подлежащее распоряженіе.

58.

О пріемѣ больнаго въ больницу.

Какъ скоро больной принятъ будетъ въ больницу, то отобрать у него все его платье и всю обувь, и дать ему, вмѣсто того, халатъ холстинный, рубашку, колпакъ, чулки, портки и туфли. То же самое

чинить и съ больными женщинами. Всѣ взятыя у больнаго вещи, переписавъ, собрать въ одну связку и положить въ казенную той больницы съ надписаніемъ имени больнаго.

59.

О возвращеніи отобранныхъ вещей.

Таковыя отобранныя вещи у больнаго возвращать ему въ тотъ день, какъ по выздоровленіи выходить будетъ изъ больницы.

60.

Ограниченное число больныхъ на первый случай.

Тюремную больницу учредить, на первый случай, въ губернскомъ городѣ—для десяти человѣкъ, въ уѣздномъ городѣ—для шести человѣкъ, и болѣе ограниченнаго числа больныхъ не помѣщать въ больницу. А для того ограниченнаго числа больныхъ содержать постели всегда въ готовности, со всѣмъ приборомъ, бѣлья всякаго—по три перемѣны на человѣка; у каждаго больнаго подлѣ постели быть небольшому столику, покрытому вощанкою, а на томъ столикѣ по стакану и кружкѣ оловянныхъ и по малому колокольчику, чтобъ звать сидѣльниковъ.

61.

Какъ содержать горницы тюремной больницы.

Горницы содержать всегда въ чистотѣ и курить въ нихъ по два раза въ день; перемѣнять воздухъ, какъ докторъ или лекарь о томъ предпишутъ въ которой горницѣ; сидѣльникамъ же быть безотлучно.

62.

Кушанье варить для всѣхъ общее.

Обѣдать больнымъ всегда въ десять часовъ поутру, а ужинать—въ шесть часовъ въ вечеру; когда же въ шесть часовъ темно, то зажигать лампады, коими освѣщать комнаты въ больницахъ—не токмо во время ужина, но смотря по надобности. Кушанье варить для всѣхъ общее, развѣ для кого особливо что отъ доктора или лекаря приказано будетъ.

63.

Чего накрѣпко смотрѣть.

Смотрѣть накрѣпко, чтобъ къ больнымъ никто изъ постороннихъ не ходилъ и ничего не носилъ, разнощиковъ ни подъ какимъ видомъ къ больнымъ не пускать, и тюремныхъ больныхъ стеречь отъ ухода и вреда.

64.

Въ какомъ случаѣ принимать и не тюремныхъ въ больницу.

Въ тюремной больницѣ пользовать и призирать тюремныхъ больныхъ: неимущихъ — безденежно; иныхъ же больныхъ не дозволяется принимать инако, какъ тогда только, когда порожнихъ двѣ трети мѣстъ въ тюремной больницѣ случится, и то съ запискою городничаго или исправника; бѣдныхъ и неимущихъ содержать и лечить безденежно, имущихъ же людей пользовать и принимать за плату, равномѣрно и господскихъ служителей. Цѣну же платежа за излеченіе установить весьма умѣренную.

О уѣздномъ надзирателѣ тюремъ.

65.

Объ опредѣленіи уѣзднаго надзирателя тюремъ.

Въ каждой губерніи опредѣляется по одному уѣздному надзирателю тюремъ.

66.

Уѣздный надзиратель тюремъ опредѣляется, по представленію Уголовной и Гражданской палатъ, Государственнымъ Надзирателемъ правъ и правосудія.

Уѣздный надзиратель тюремъ опредѣляется, по представленію Уголовной и Гражданской Палатъ, изъ двухъ твердыхъ, исправныхъ и добросердечныхъ кандидатовъ Государственнымъ Надзирателемъ правъ и правосудія въ обѣихъ столицахъ; въ прочихъ же губерніяхъ отрядить членовъ главныхъ регистраторовъ палатъ для осмотра губерній.

67.

Должность уѣзднаго надзирателя тюремъ.

Уѣздный надзиратель тюремъ имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ тюрьмы и тюремныя больницы той губерніи, кои осматриваетъ непремѣнно и, по крайней мѣрѣ, единожды, ежегодно, распоряжая осмотръ такъ, чтобъ въ каждомъ срокѣ засѣданія судебныхъ мѣстъ третья часть тюремъ и тюремныхъ больницъ той губерніи осмотрѣны были; по прошествіи же срока увѣдомляетъ: о тюремныхъ по уголовнымъ дѣламъ — Уголовную Палату, по гражданскимъ дѣламъ — Гражданскую Палату той губерніи, то есть: 1) много-ли людей въ которой части тюрьмы, имена и прозваніе ихъ; 2) за чѣмъ, кѣмъ и когда приведены; 3) когда допрашиваны, приговорены, или осуждены; 4) когда кто, куда отправленъ, оправданъ или выпущенъ; 5) много-ли осталось съ прошедшаго срока тюремныхъ; 6) кто перешелъ изъ одной

части тюрьмы въ другую; 7) всѣ-ли на лицо; 8) много-ли здоровыхъ 9) много-ли больныхъ; 10) кто умре. О тюремныхъ же больницахъ увѣдомляетъ ежегодно Приказъ Общественнаго Призрѣнія; книгодержательскія книги имѣетъ ежегодно представить Казенной Палатѣ.

68.

Уѣздный надзиратель тюремъ самъ собою не беретъ подъ стражу, не сажаетъ, не запираетъ и не распоряжаетъ тюремнымъ.

Уѣздный надзиратель тюремъ не имѣетъ власти самъ брать подъ стражу, или сажать, или запирать, или же распоряжать, по своему произволенію, тюремными или больницами, но онъ есть въ уѣздѣ надзиратель тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ подозрѣніи находящихся приводныхъ и присланныхъ людей стерегутъ подъ стражею, сажаютъ приговоренныхъ, запираютъ осужденныхъ и пользуютъ тюремныхъ больныхъ.

69.

Уѣздный надзиратель тюремъ имѣетъ попеченіе о тюрьмахъ, и всѣ тюремныя должности ему подчинены.

Уѣздный надзиратель тюремъ долженствуетъ имѣть неусыпное попеченіе обо всемъ, касающемся до тюремъ и тюремныхъ больницъ, и смотрѣть: чтобъ тюремные больные въ больницахъ по предписанію содержаны были; чтобъ тюремные необходимо нужное человѣку для сохраненія жизни и здравія, какъ-то: пищу, одежду, призрѣніе и проч., имѣли по полу и состоянію своему — безъ излишества; чтобъ до тюремныхъ и тюремныхъ больныхъ дошло все то, что имъ опредѣлено; чтобъ внутри тюремъ и больницъ чистота и благочиніе было сохранено, и чтобъ никакихъ неистовствъ, добронравію противныхъ, или обществу соблазнительныхъ, не происходило въ тюрьмахъ и больницахъ. Всѣ же при разныхъ должностяхъ тюремъ и тюремныхъ больницъ опредѣленные люди уѣздному надзирателю тюремъ подчинены.

Присяга тюремщика и тюремщиковъ отдѣленій.

70.

Присяга.

Азъ ниже именованный обѣщаюсь предъ всевидящимъ Богомъ чистосердечно, что хочу и долженъ всѣми силами своими отправлять стражу надъ тюремными такъ, какъ мнѣ въ должности предписано, и оную преступать и упущать не буду ни для вражды, ни для дружбы, ни для родства, ни для лицепріятія. Опредѣленное тюремнымъ пищу, питіе, одежду и проч. содержаніе доставлять безъ малѣйшаго ущербу,

сурово съ ними поступать не буду, но человѣколюбиво, безъ послабленія; подарковъ, посулъ и взятковъ ни отъ кого брать не буду; за подчиненными неусыпное смотрѣніе имѣть обѣщаюсь, дабы они, обще со мною, должность свою исправно и радѣтельно исполняли и отправляли.

О тюремщикѣ.

71.

Должность тюремщика.

Тюремщикъ имѣетъ попеченіе: 1) Чтобъ тюремные въ надлежащія мѣста помѣщены были. 2) Чтобъ отобранныя у нихъ вещи прилежно хранились и въ свое время возвращены были, кому слѣдуетъ. 3) Чтобъ для тюремныхъ пища была приготовлена. 4) Чтобъ тюремные больные осмотрѣны и отосланы были въ больницу. 5) Чтобъ въ зàмкѣ наблюдали предписанный порядокъ и чистоту внутри горницъ и на дворѣ. 6) Ключи зàмка у тюремщика. 7) Тюремщикъ имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ: тюремщиковъ отдѣленій, сторожей, поваровъ, слугъ и проч., всѣхъ при зàмкѣ опредѣленныхъ нижнихъ служителей, и смотритъ, чтобъ каждый изъ нихъ прилежно отправлялъ свою должность. 8) О порядкѣ въ зàмкѣ увѣдомляетъ еженедѣльно уѣзднаго надзирателя тюремъ, въ небытность же его на мѣстѣ—городничаго. 9) Онъ же принимаетъ отъ доброхотныхъ людей добровольное подаяніе, что кому разсудится, какъ-то: деньги, хлѣбъ, мясо, рыбу, масло, соль, холстъ, сукно, дрова или тому подобное, для употребленія или содержанія тюремныхъ вообще, или кому тюремному особенно, и употребляетъ оное съ тѣмъ, что все принятое записать книгодержателю въ приходъ, употребленное же записать въ расходъ, а о пріемѣ подаянія дать знать смотрителю тюремной больницы, и обще съ нимъ и книгодержателемъ еженедѣльно собраться и о томъ, что въ пользу тюремныхъ у нихъ положено будетъ, предложить уѣздному надзирателю тюремъ, въ небытность же его—городничему.

72.

Не принимать въ зàмокъ тюремнаго безъ ярлыка отъ городничаго или исправника.

Тюремщикъ въ зàмокъ тюремнаго не принимаетъ безъ пріемнаго ярлыка за подписаніемъ городничаго или исправника. Въ пріемномъ ярлыкѣ должно быть прописано: 1) съ кѣмъ тюремный посланъ; 2) кто тюремный, состояніе его, имя и прозваніе; 3) кѣмъ тюремный приведенъ или присланъ; 4) по какому подозрѣнію или приговору, или суду; 5) въ которую часть зàмка ввесть тюремнаго въ подстраж-

ную: первой или второй приговорной? или же въ первую, вторую или же въ третью осужденной?

Образецъ пріемнаго ярлыка.

Тюремщикъ имѣетъ принять.

1) Отъ—имярекъ.

2) Имярекъ.

3) { Приведеннаго—кѣмъ?
Присланнаго—откуда?

4) { Въ подозрѣніи, по суду, по приговору. (прописать дѣйствіе, или дѣло, или приговоръ, или судъ).

5) Ввести по подозрѣнію въ подстражную, по приговору—въ первую или во вторую приговорную, по суду—въ первую или во вторую, или третью осужденной.

73.

О внесеніи ярлыка въ тюремную книгу.

Тюремщикъ, принявъ ярлыкъ, тюремнаго отведетъ въ пріемную, гдѣ тюремнаго оставятъ первые три часа, пока тюремщикъ внесетъ ярлыкъ въ книгу той части, въ которую тюремщикъ обще съ тюремщикомъ отдѣленія и съ первымъ сторожемъ отведетъ тюремнаго по ярлыку. Буде же въ ярлыкѣ изъ пяти запросовъ не прописанъ который, тó есть: 1) тюремный и съ кѣмъ присланъ? 2) кто тюремный? 3) откуда? 4) по какому дѣлу? 5) въ которую часть слѣдуетъ?—то тюремщикъ, оставя тюремнаго въ пріемной, донесетъ о томъ, не мѣшкавъ, уѣздному надзирателю тюремъ; въ небытность же его—городничему, который тотчасъ о томъ имѣетъ выправиться, дабы съ точностію пять запросовъ въ тюремную книгу внесены были.

74.

Тюремщикъ самъ собою не беретъ подъ стражу, ни сажаетъ, ни запираетъ, ни выпускаетъ, ни наложитъ, ниже снимаетъ оковы безъ повелѣнія, и какъ поступать съ непослушнымъ тюремнымъ.

Тюремщикъ самъ собою не беретъ подъ стражу, ни сажаетъ, ни запираетъ, ни переводитъ, ни выпускаетъ, ни наложитъ, ниже снимаетъ оковы ни съ кого безъ повелѣнія. Буде же тюремный, въ противность суда, самъ съ себя или съ инаго тюремнаго самовольства сниметъ желѣзы, или кто тюремный учнетъ чинить подвигъ къ уходу, или же не послушенъ окажется, то тюремщикъ властенъ отвесть того тюремнаго въ темную тюрьму зàмка, донеся о томъ, не мѣшкавъ, уѣздному надзирателю тюремъ; въ небытность же его—городничему, требуя приказанія.

75.

Тюремщику повелѣнное чинить не мѣшкатно.

Буде повелѣно будетъ тюремнаго переводить изъ части въ часть, или выпустить, или отослать, или что въ пользу тюремныхъ учинить; то повелѣнное тюремщику чинить не мѣшкатно.

76.

Запрещеніе брать взятки.

Запрещается тюремщику брать взятки подъ опасеніемъ за то, что по закону слѣдуетъ. Буде же кто тюремщику что подаритъ или посулитъ то, не мѣшкавъ, о томъ объявить уѣздному надзирателю тюремъ, или городничему, или уѣздному стряпчему.

О тюремщикахъ отдѣленій.

77.

Горницы, гдѣ тюремныхъ содержать за замками.

Тюремщикъ отдѣленій горницъ и въ нихъ тюремныхъ содержитъ за замками, и за ключи части его отвѣтствуетъ.

78.

Горницы содержатся въ чистотѣ, лѣтомъ и зимою перемѣнять воздухъ открытіемъ оконъ.

Тюремщикъ отдѣленія содержитъ горницы въ чистотѣ, въ пустыхъ горницахъ перемѣняетъ воздухъ ежедневно, лѣтомъ—открытіемъ оконъ во весь день, а зимою—на одинъ часъ; въ которыхъ же горницахъ тюремные—ежедневно лѣтомъ открывать окны, какъ удобно, зимою же — на короткое время.

79.

Тюремщику отдѣленія чего смотрѣть.

Тюремщикъ отдѣленія смотритъ, чтобъ къ тюремнымъ въ горницы пища, въ опредѣленное время, приносима была, чтобъ въ студное время тюремные не претерпѣли отъ стужи, или въ жары—отъ духоты, чтобъ по времени и состоянію пристойную одежду имѣли, и попеченіе имѣетъ зимою о топленіи печей и и проч.

80.

Въ горницы для выпуска или для введенія не входить инако, какъ троимъ вмѣстѣ.

Тюремщикъ отдѣленія въ горницы, гдѣ тюремные, для выпуска или введенія тюремнаго, не входитъ одинъ, но самъ-третей, то есть:

тюремщикъ отдѣленія и два сторожа или же тюремщикъ отдѣленія и сторожъ.

81.

Запрещеніе тюремщикамъ отдѣленій самимъ собою переводить, отпускать или отправлять тюремныхъ.

Запрещается тюремщикамъ отдѣленій самимъ собою выпускать, или переводить изъ части въ часть, или отпускать, или отправлять тюремнаго безъ приказанія того мѣста, гдѣ кто подсуденъ, или безъ Именныхъ и Сенатскихъ указовъ, давая, однако-жъ, знать о таковыхъ тому мѣсту, гдѣ кто подсуденъ.

82.

Запрещеніе тюремщикамъ отдѣленій перевода изъ отдѣленія въ другое.

Запрещается тюремщикамъ отдѣленій изъ одного отдѣленія переводить въ другое, и тюремныхъ одного отдѣленія смѣшивать съ тюремными другаго отдѣленія.

83.

Тюремщикамъ отдѣленій повелѣнное чинить не мѣшкатно.

Буде повелѣно будетъ, кого перевесть изъ части въ часть или кого отпустить, или отправить, то повелѣнное чинить тюремщику отдѣленія не мѣшкатно.

84.

Запрещеніе брать взятки.

Запрещается тюремщику, тюремщикамъ отдѣленій, сторожамъ и всѣмъ, при замкѣ находящимся, брать взятки подъ опасеніемъ за то, что въ законѣ написано. Буде же кто имъ что подаритъ или посулитъ, то, не мѣшкавъ, о томъ объявить уѣздному надзирателю тюремъ или въ городѣ—городничему, или въ округѣ—исправнику, или уѣздному стряпчему.

85.

Запрещеніе тюремщикамъ отдѣленій накладывать и снимать желѣзы и переводить изъ нумера въ нумеръ безъ крайней нужды.

Запрещается тюремщикамъ отдѣленій, самимъ собою, накладывать или снимать желѣзы, или переводить изъ нумера въ нумеръ, развѣ настанетъ случай столь важный, что тюремщику отдѣленія время не достанетъ спроситься, и въ такомъ случаѣ, какъ скоро возможно, о томъ имѣетъ увѣдомить тюремщика.

86.

О призрѣніи больныхъ.

Буде кто изъ тюремныхъ явится боленъ, то тюремщикъ отдѣленія о томъ даетъ знать тюремщику, и призовутъ лекаря или доктора

для излѣченія того тюремнаго, и поступить имъ въ разсужденіи здравія, пищи и одежды и переводу въ больницу по лекарскому или докторскому предписанію.

87.

Попеченіе объ отвращеніи вреда и неистовства.

Тюремщикъ отдѣленія не допуститъ, чтобъ кто приносилъ къ тюремнымъ что бы то ни было, но отсылаетъ таковаго къ тюремщику, который, въ пріемѣ и употребленіи всего полученнаго, поступаетъ по учиненному въ должности его предписанію и отвѣтствуетъ за все то, что принесено будетъ для тюремныхъ, дабы тюремнымъ или зàмку отъ того не учинился вредъ, либо неистовство.

88.

Запрещеніе тюремщику отдѣленія въ дачѣ сверхъ положеннаго или дозволеннаго.

Запрещается тюремщику отдѣленія дать, или передать тюремнымъ что бы то ни было, сверхъ положеннаго, или отъ уѣзднаго надзирателя тюремъ или отъ суда дозволеннаго.

О книгодержателяхъ.

89.

Бухгалтеръ или книгодержатель имѣетъ шнуровую книгу за печатью уѣзднаго надзирателя тюремъ; въ оную записывать ему получаемыя на расходъ отъ уѣзднаго надзирателя тюремъ деньги, тако-жъ и что куда именно употреблено, у кого куплено и кому отдано, при чемъ подъ запискою купцамъ должно росписаться. Съѣстные припасы и прочія потребности подъ смотрѣніемъ тюремщика закупать добраго качества. Ежемѣсячно о всемъ расходѣ подавать уѣздному надзирателю тюремъ вѣдомости, а по прошествіи года и всю шнуровую книгу на разсмотрѣніе. Въ полученномъ же чрезъ тюремщика отъ доброхотныхъ людей добровольномъ подаяніи поступаетъ на точномъ основаніи учиненнаго о семъ предписанія 71 отдѣленія 9 пункта о должности тюремщика. Книгодержателю имѣть при себѣ писаря.

О находящихся при тюремной больницѣ и что кому наблюдать.

90.

Объ уѣздномъ надзирателѣ тюремъ.

Уѣздный надзиратель тюремъ имѣетъ попеченіе обо всемъ, касающемся до тюремной больницы, и всѣ при разныхъ должностяхъ находящіеся въ тюремной больницѣ ему подчинены. Онъ властенъ дать,

буде нужда того требуетъ, каждому изъ помянутыхъ чиновъ особо, въ силу сего общаго положенія, подробныя предписанія за своею рукою на представляющіеся случаи, избѣгая, однако, весьма излишества словъ и письма.

91.

Въ какомъ случаѣ уѣздный докторъ надсматриваетъ тюремную больницу.

Уѣздный докторъ надсматриваетъ тюремную больницу вездѣ тамъ, гдѣ къ тюремной больницѣ не опредѣленъ особой докторъ. Буде же докторъ опредѣленъ нарочный, то сей не вмѣшивается.

92.

О докторѣ.

Докторъ долженъ уѣзднаго надзирателя тюремъ, въ небытность же сего—городничаго еженедѣльно увѣдомлять о состояніи больныхъ, и имѣть неусыпное смотрѣніе, чтобъ больные въ леченіи и въ пищѣ по предписаніямъ его содержаны были. О лекарствахъ приказываетъ лекарю и въ аптекѣ, и записываетъ свои приказанія; о пищѣ же для больныхъ даетъ записки смотрителю тюремной больницы. Гдѣ же при тюремной больницѣ доктора нѣтъ, тутъ лекарь имѣетъ поступать по сему.

93.

Объ отлученіи прилипчивыхъ болѣзней отъ прочихъ.

Буде же кто изъ больныхъ явится въ прилипчивой болѣзни, то гдѣ есть докторъ, а гдѣ онаго нѣтъ — лекарь даетъ о томъ знать смотрителю тюремной больницы, коему тотчасъ таковаго больнаго помѣстить особо, дабы не сдѣлалось заразы.

94.

Доктору посѣщать больныхъ.

Доктору посѣщать больныхъ поутру, не рѣже какъ чрезъ день, или, по крайней мѣрѣ, черезъ два дни. А когда случатся большія лекарскія операціи, то быть и доктору при оныхъ.

95.

О лекаряхъ.

Лекарю, а гдѣ оныхъ болѣе одного, то дневальному лекарю, не токмо при посѣщеніи докторомъ быть безотлучно, но и въ тѣ дни, когда докторъ даетъ знать, что онъ за чѣмъ-либо не будетъ осматривать больныхъ поутру и предписывать имъ нужныя лекарства, окромѣ того и въ день по часту имѣть смотрѣніе, чтобъ никто, по

предписанію, ни въ чемъ не имѣлъ недостатка, и обо всемъ доносить доктору.

96.

Лекарю о состояніи больницы увѣдомлять уѣзднаго надзирателя тюремъ или городничаю.

Лекарю, а гдѣ оныхъ болѣе одного, то дневальному лекарю увѣдомлять словесно уѣзднаго надзирателя тюремъ, въ небытность же его—городничаго ежедневно о состояніи больныхъ; нужныя операціи, перевязываніе ранъ и кровопусканіе дѣлать ему по его искусству съ наиусерднѣйшимъ примѣчаніемъ.

97.

О подлекарѣ.

Подлекарю, во время приниманія лекарствъ, быть при больныхъ безотлучно и смотрѣть, чтобъ не произошло въ чемъ недоразумѣнія, въ протчемъ состоитъ онъ въ повелѣніяхъ дневальнаго лекаря.

98.

О смотрителѣ тюремной больницы.

Смотрителю тюремной больницы неутомимое имѣть попеченіе, чтобъ въ тюремной больницѣ наблюдалась чистота и во всемъ порядокъ, чтобъ пища по предписанію докторскому была приготовлена, чтобъ больные въ пристойныхъ по болѣзнямъ ихъ мѣстахъ помѣщены были, и отобранное у нихъ платье и прочее прилежно хранить. Онъ имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ: тюремной больницы сторожей, сидѣльниковъ, поваровъ и прочихъ всѣхъ нижнихъ служителей, и наблюдаетъ, чтобъ всякій изъ нихъ прилѣжно отправлялъ свою должность. О порядкѣ тюремной больницы увѣдомляетъ ежедневно уѣзднаго надзирателя тюремъ, въ небытность же его—городничаго. Въ разсужденіи же чинимаго отъ доброхотныхъ людей добровольнаго подаянія поступаетъ онъ, на точномъ основаніи учиненнаго о семъ предписанія въ 71 отдѣленіи 9 пункта и въ 10 отдѣленіи 9 пункта, не разумительно и куда сія ссылка относится — не могу вспомнить. 70 статья сего проэкта содержитъ присягу; 9 — все число горницъ, ищите въ уголовномъ законѣ и ихъ учрежденіи.

99.

О ежемѣсячномъ собраніи.

Перваго числа каждаго мѣсяца быть собранію, въ которомъ присутствовать: доктору, лекарямъ, смотрителю и книгодержателю; и если въ семъ собраніи положено будетъ что въ пользу больныхъ, о томъ

предложить уѣздному надзирателю тюремъ, сей же имѣетъ доложить Приказу Общественнаго Призрѣнія.

100.

Докторскую дневную записку хранить при больницѣ въ архивѣ.

Сверхъ посылаемыхъ и подаваемыхъ уѣздному надзирателю тюремъ увѣдомленій, доктору вести дневную записку, какъ о числѣ и званіи больныхъ, такъ и о ихъ болѣзняхъ, о способахъ, употребленныхъ для излеченія оныхъ, съ приличными на то мнѣніями, дабы таковая книга могла впредь служить въ совѣтованіяхъ докторскихъ, которой книгѣ и быть тутъ хранимой въ архивѣ.

1787 г.

Сообщ. М. Филиппов.

Арестантъ Василій Брягинъ.

1788.

Въ 1788 году, по распоряженію кабинета ея императорскаго величества, высланы были изъ Колыванскихъ заводовъ на Нерчинскіе 4 преступника, бывшіе горные работники, для употребленія ихъ въ работы и содержанія вмѣстѣ съ каторжными подъ строгимъ надзоромъ, для „крѣпкаго присмотра и безъ надлежащаго надзиранія никуда не отпускать [1]".

Въ числѣ высланныхъ преступниковъ въ спискѣ значится Василій Брягинъ, 32 лѣтъ отъ роду, съ слѣдующею отмѣткою: „штрафованъ былъ въ 1774 г.: за воровство у Бергніера пожитковъ плетьми; у крестьянина овчиннаго тулупа—батожьемъ; изъ торговой лавки сапоговъ — плетьми и содержаніемъ подъ карауломъ одну недѣлю; въ 1776 году: за кражу разныхъ пожитковъ—плетьми, и у крестьянина саней и войлока — батогами; въ 1777 году: за полученную отъ невоздержности венерическую болѣзнь—батогами; въ 1778 г.: за воровство лошади—плетьми; въ 1779 году: за покражу съ лошади наборнаго хомута—кошками; въ 1780 году: за воровство изъ лавки денегъ и товаровъ—гоняемъ шпицъ-рутеномъ чрезъ тысячу человѣкъ восемь разъ; въ 1781 и 1782 г.: за побѣги изъ службы, чинимые въ оныхъ у разныхъ людей воровства, по заключенной въ воинскомъ судѣ сентенціи, приговоренъ къ наказанію кнутомъ, вырѣ-

---

[1]) Предписаніе Кабинета Нерчинскому горному правленію отъ 29-го ноября 1788 г., за № 305. И. В.

занію ноздрей и посылкѣ въ Томскій заводъ въ каторжную работу вѣчно; а по резолюціи господина начальника заводовъ, по молодости его лѣтъ, наказаніе кнутомъ замѣнено полугодичнымъ содержаніемъ его подъ карауломъ скованнаго съ употребленіемъ въ работу. За покражу у Бергніерова, Степанова и Завьялова денегъ и пожитковъ на 93 руб. 21¼ коп. (ассигнаціями) и за побѣгъ изъ-подъ караула, по указу изъ кабинета ея императорскаго величества, отъ 17-го марта 1785 г., наказанъ прогнаніемъ шпицърутеномъ чрезъ тысячу человѣкъ восемь разъ,—и въ разсужденіи, что онъ находился уже и прежде въ побѣгахъ и разныхъ воровствахъ и за то наказанъ, однако же, въ раскаяніе оттого не пришелъ и покусился паки впасть въ такія же преступленія, чего ради, дабы восчувствовалъ онъ совершенную жестокость наказанія, отослать въ каторжную работу вѣчно въ Нерчинскіе рудники".

Такимъ образомъ, Брягинъ былъ наказанъ одинадцать разъ въ продолженіе девяти лѣтъ почти подърядъ, получая наказаніе ежегодно, а въ нѣкоторые года по три (1774 г.) и по два раза (1776 г.). Разсматривая эту лѣстницу наказаній, не знаешъ, чему болѣе удивляться, жестокости-ли самыхъ наказаній, налагающихъ тѣлесное истязаніе за такую маловажную кражу, которая судится нынѣ мировымъ судомъ; выносливости-ли человѣческой натуры, выдержавшей нѣсколько разъ наказаніе плетьми, батогами и кошками, вырѣзаніе ноздрей и прошедшей сквозь шестнадцать тысячъ шпицъ-рутенъ, или же, наконецъ, нравственному ожесточенію, давшему силу вытерпѣть все это и не прекратить преступныхъ подвиговъ? Испробовавъ почти всѣ бывшіе въ его распоряженіи тѣлесныя наказанія, самъ судъ терялся въ изобрѣтательности, какъ дать этой задеревенѣлой и неисправимой натурѣ „восчувствовать совершенную жестокость наказанія", и не нашелъ ничего лучше, какъ сослать его вѣчно въ каторжную работу. Неизвѣстно, чѣмъ кончилъ этотъ герой каторги.

Послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній безполезно говорить, что онѣ вели только къ физической загрубѣлости и нравственному ожесточенію; но не лишнимъ будетъ присовокупить, что вообще одна строгость наказанія, безъ побочныхъ исправительныхъ средствъ, точно также и теперь, какъ сто лѣтъ тому назадъ, не достигнетъ надлежащей цѣли.

В. И. Власовъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Письмо къ Хану Крымскому войска Запорожскаго низоваго кошеваго атамана Ивана Сѣрка [1]).

1675 г.

„Ясне вельможный мосце пане хане крымскій [2]), съ многими ордами, близкій нашъ сосѣде!

„Не мыслили мы войско низовое запорожское съ вашею ханскою милостію и со всѣмъ панствомъ крымскимъ въ великую непріязнь и войну заходыти, естли бы у васъ не увидѣли до того начатку, которой, прошлой зимы, ваша ханская милость учинили послухати дурной рады, шаленого безумнаго везиря Цареградскаго, а по ней и неслушнаго ординанцу найяснѣйшаго и найвельможнѣйшаго султана своего, приходили съ янычарями его и изъ многими ордами крым-

---

[1]) Иванъ Димитріевичъ Сирко умеръ въ 1680 году, 4-го мая, какъ это свидѣтельствуетъ его надгробный могильный камень, находящійся въ Екатеринославской губерніи, Екатеринославскаго уѣзда, въ деревнѣ Кануловкѣ, что при рѣчкѣ Скарбной, притокѣ Днѣпра, въ имѣніи его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича. Надгробіе находится въ огородѣ поселянина Михаила Прилипы, и на каменной плитѣ имѣетъ слѣдующее: съ главной стороны—крестъ съ копьемъ, губою и головою Адама, а по сторонамъ буквы: Гн. Цр. Іс. Хс. ни. ка. Съ оборотной—надпись въ 7 строкъ: Р(оку) Б(ожаго) ,ахп маиа д престависа раб бо ноанъ сѣрько дмитрови атаманъ кошовий воска запорозского. зде лежитъ в феωдора андреевича. памя праведнаго съ похвалами. (См. «Записки одесскаго общества исторіи и древностей», томъ VI, стр. 538). **Н. М.**

[2]) Во время атаманства Сѣрка ханами были: Селимъ-Гирей, сынъ Богадиръ-Гирея, и Мурадъ-Гирей (1669—1682 гг.). **Н. М**

скими до насъ, войска низоваго запорожьскаго, и ночною до бою пришедши къ Сѣчи нашей близько и снявши сторожу нашу, за Сѣчью стоявшую, всѣклись-было въ Сѣчь 15,000 янычаровъ, приказавши имъ (чего въ стыдъ было чинити), не по кавалерску, всѣхъ насъ молодцовъ войска запорожьскаго сонныхъ и жодной бѣды несподѣвавшихся выбити и выдавити, и кучку нашу Сѣчовую съ фундаменту вывернути и разорити,—а самъ съ ордами около Сѣчи остановились былъ, щобъ и духа утекающихъ молодцовъ нашихъ не упустити. Ажъ то намѣреніе и замыслъ вашъ Христосъ Богъ и Спаситель нашъ премилосерднѣйшій премѣнилъ намъ въ доброе, а болѣзнь и упадокъ нашъ тогдашній обернулъ на упадокъ главъ янычаровъ вашихъ турецкихъ, о чемъ самъ ваша ханская мосцъ добре вѣдаешь.

„Якого злого замыслу вашого и недишкреціи (якъ тѣхъ людей, которые рицарскимъ промысломъ бивачися и правду себѣ заховати любите, якъ нигдѣ не сподѣвалась то ся на себѣ), такъ и слушной осторожности и дожданья отпору поготовности неимѣлисьмо. Единъ Господь Богъ Спаситель нашъ сохранилъ и защитилъ отъ напасти вашея и крайнего упадку нашого. Якъ поступокъ вашъ вельми зневажилъ насъ, войско запорожское, и не безъ шкоды нашей мусились-то постаратися вить завить вашей ханской мосци и всему панству крымскому свою зневагу и обиду повѣтовати и отомстити, но явне, а не тайне, по рыцарску и по кавалерску, а на такъ, якъ вы зъ нами поступали,—и Богъ сердцевѣдецъ при нашей правдѣ лучше намъ помогъ гостити въ панствѣ крымскомъ, нежели вамъ около кучки нашей Сѣчевой; и ежели тая гостина наша въ панствѣ вашемъ показалася быти не дишкретною, то може и такъ есть, бо козаки якъ не одной матери дѣти, то и не одного суть нраву; едны направо, другіе—налѣво, а третіи—просто стрѣляли, то только-жъ добре, цѣлью не минали, да и недишкретіи тоей отъ васъ научилися, а не отъ себе вымислили, бо и въ Крыму ваши ханская мосць, не принявши насъ за гостей и добрыхъ ковалеровъ, поспѣшилась-было съ ордами своими сильными до Сивашу, къ той переправѣ, которою мы перешли въ панство ваше, гдѣ стоячи мѣлись нашого повороту дожидатися и тамъ насъ поглонути, на переправу не пустивши, но и тутъ намѣреніе ваше судьбами Всемогущого Бога нашого въ такъ перемѣнися, а намъ милость Божія при нашей правдѣ допомогла и торжествовати надъ вами позволила. Въ якомъ торжествѣ естлисьмо потурбовали вашу ханскую мосць, и если що зъ стороны нашей показалося не дишкретного, то мусишъ, ваша ханская мосць, въ томъ намъ выбачити, уважаючи тое, що завше недышкреція недышкреціею платытися обыкла. Подобно и не снилося вашой ханской мосци тое, щобъ войско наше низовое

запорожьское въ маломъ и вельми щупломъ числѣ посмѣло и одважилося на знаменитое войско и многолюдное панство крымское воевати и наступовати, якожъ не было до того не для якожъ боязни нешой, але для давной сосѣдской съ Крымомъ пріязни! Естлибы зъ стороны вашей не подана была оказія и причина до войны и непріязни съ нами, войскомъ низовымъ запорожскимъ.

„Не рать теды впредъ, ваша ханская мосць (якъ приказуютъ, поля за бовдуръ), и насъ войско запорожьское легче у себе важити и войною впредъ на насъ наступовати, щожъ если бы было иначей, то и мы взаимне въ большей уже силѣ войска нашого и изъ лучшимъ до войны приборомъ не на Сивашу переправу, але на самый Перекопъ, выломивши и оттворивши въ немъ себѣ ворота; якъ певнѣй имѣемъ до того способъ, завитаемъ въ панство крымское и потоль зъ него не выйдемъ, поколь при всесильной помощи Божіей желаемаго намѣренію нашему не узримъ скутку: бо ежели отважніи и торжественніи кавалери прежніи войска запорожьскаго вожди, предки славніе антецессори наши здавне на Крымъ и на царство турецкое моремъ и землею воевали, якъ-то: Самуилъ Кушка атаманъ или гетманъ кошевой воевалъ по Чорному морю; по немъ року 1575 Богданко съ казаками Крымъ воевалъ и плюндровалъ; потомъ року 1609 Петръ Конашевичъ Сачайдашній преже гетманства своего, съ запорожцами заплынувши чолнами въ Таврику вашу, взялъ въ ней знаменитое и крѣпкое мѣсто Кефу, и съ многими корыстьми до Сѣчи щасливе повернулся. По немъ року 1621 тожъ предъ гетманствомъ своимъ Богданъ Хмѣльницькій, на морѣ Чорномъ воюючи въ своихъ моноксилахъ, многіе карабли и катарги турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулся. Потомъ року 1629 братья наши запорожьци, съ певнимъ вождемъ своимъ воюючи въ чолнахъ по Евксинопонту, коснулися мужественно и самихъ стѣнъ константинопольскихъ; и оныя, довольно окуривши дымомъ мушкетнимъ, превеликій султановъ и всѣмъ мѣшканцамъ цареградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и, нѣкоторіе оглѣйшіи селеніи Константинопольскія запаливши, тожъ щасливе и съ многими добычами до Коша своего повернули. Въ року божіемъ 1633 Сулима гетьманъ войска низоваго запорожьскаго въ моноксилахъ [1]) отъ Сѣчи по Днѣпру, потомъ

---

[1]) «Моноксилонъ», слово греческое, означающее: однодревко, т. е., дубъ, выдолбленный внутри и приспособленный для плаванья, съ прибавкою по бокамъ нѣсколькихъ досокъ одна надъ другою, и у борта обвитыхъ пучками камыша для устойчивости лодки (дуба). Описаніе такой лодки и рисунокъ, см. въ «Discription d'Ukraine, par de Beauplan», Rouen, 1660. р. Н. М.

по Чорномъ морю чрезъ Восфоръ Киммирійскій въ Меотійское заплынувши, езеро достали былъ прекрѣпкаго турецкаго въ Азіи города Азака. А що найфалебнѣйше и найважнѣйше, тіижъ и древнѣйшіи именитіи вожди наши козацки и скиѳословенскіе не только Цареградъ, но и всему царству греческому первѣйшимъ отъ инишихъ сосѣдственнихъ народовъ были страхомъ, гдѣ, кромѣ Константинополя, за тысячи миль и вяще, Евксинопонтъ въ лоткахъ преплынувши, славные грады азіятскіе Синопъ и Трапезондъ выстинали, и инымъ замкамъ по берегу тамъ крыла осмалили, але Варну, Смаиловъ и фортеціи по-дунайскіе повыдирали и въ невѣць привели, чему ваша ханская мусць, ежели не повѣришь, то изволь въ своихъ крымскихъ и константинопольскихъ книгахъ писарямъ своимъ приказати поискати,—певне знайдешъ. А ще больше здаемся на лѣтописци греческіе, римскіе и польскіе, въ которыхъ ясно оглашается не мерцающая слава козацкая и фалебныя дѣла воинскія войска запорожьскаго; то намъ, ихъ наслѣдникамъ, кто заборонитъ тѣмъ же хвалебнымъ предковъ нашихъ ити торомъ, а тамъ любо не желаемъ мы войско низовое запорожьское съ вашею ханскою милостію и всѣмъ панствомъ крымскимъ воеватись и быти во гнѣвѣ. Однакъ, ежели знову увидимъ початокъ вашъ до войны, то и мы взаимне на панство крымское воевати не убоимься. Що васъ въ охочихъ молодцовъ чамбули ваши и наши по разлеглыхъ и дикихъ степахъ гуляючи сходимутся и битимутся, того вамъ и намъ до зайства въ войну велыкую причиною причиною ставити сполне не треба.

„Не ширячи большъ письма нашего до вашей ханьской мосци, тое еще доносимъ, ижъ неволниковъ вашихъ крымскихъ начальнихъ знайдутся у насъ на Кошу 4,000, якіе сами реестръ именъ своихъ и окупу намъ отъ себе поступленною написавши и надъ войско упросивши, трехъ татаръ посылаютъ чрезъ оныхъ до рукъ вашей ханской милости, которій окупъ, если изволитъ ваша ханская мосць приказати кревнымъ ихъ вскорѣ выстачити, и до насъ на Кошъ прислати съ особливомъ отъ своей ханской дишкреціи, а насъ войско запорожское подарункомъ,— то и мы неволниковъ вашихъ всихъ заразъ въ Крымъ отпустимъ, а если найдалѣ за полтора мѣсяца окупу того не буде, то декляруемъ: всѣхъ неволниковъ до пресвѣтлѣйшаго его царькаго величества доброго и богатого государя и добродѣя нашого отослати, которіи певне съ казны своей монаршей уконтентуетъ насъ слушне за присилку тихъ татаръ. То все выразивши, зичимъ вашей ханской мосцѣ доброго здоровья и щасливого поводженья. Писанъ въ Сѣчѣ запорожьской, року 1675, сентеврія 23“.

Вашей вельможной ханьской мосци зичливіе пріятели: Иванъ Сѣрко Кошовій атаманъ со всимъ войска запарожьскаго низоваго товариствомъ [1]).

Сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ.

Одесса.

Турецкій султанъ и запорожцы.

1697 г.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1872 г. (т. VI) помѣщены, какъ письмо турецкаго султана, такъ и отвѣтъ на него запорожцевъ. Не касаясь вопроса довольно спорнаго о времени, въ которое было писано письмо запорожцевъ, я укажу на другое, по смыслу и тону близко къ нему подходящее. Варіантъ-ли это перваго, или отдѣльный отвѣтъ буйныхъ запорожцевъ, утверждать трудно.

Въ 1697 г., въ концѣ августа, турки обложили Тавань, защищаемый 700 казаковъ Лубенскаго полка и стрѣлецкимъ Ельчанинова. Не смотря на всѣ усилія осаждающихъ, казаки храбро отбивали всѣ нападенія; овладѣніе крѣпостью все и все дѣлалось сомнительнѣе, и турки, не будучи въ состояніи овладѣть силою, прибѣгли къ уговорамъ. На турецкой стрѣлѣ прислано было письмо:

„Въ семъ городѣ находящимся сотникамъ Черкасскимъ и казакамъ поздравленіе! Мы съ вами изстари друзья; для чего же сражаетесь за сей нашъ городъ и умираете за Москву, вамъ недоброжелательную? Оставьте лучше сопротивленіе и сдайте крѣпость. Если согласны, пришлите кого-нибудь къ желтому знамени. Несогласны? Воля ваша; грѣхи ваши на вашихъ главахъ". На первое письмо отвѣта отъ казаковъ не было. На другой день (сент. 23-го) прилетѣла другая стрѣла съ письмомъ: „Отъ всего турецкаго войска и хана крымскаго слово: да будетъ вамъ извѣстно, что всѣми землями обладаетъ султанъ и Тавань—его городъ. Если вамъ милы здоровье и свобода, сдайте намъ городъ безъ поврежденія; а не то—намъ помогутъ единъ Богъ и пророкъ его Магометъ, мы возьмемъ Тавань и всѣхъ васъ изрубимъ".

Въ припискѣ паша увѣрялъ казаковъ, что они умышленно покинуты гетманомъ на гибель, съ цѣлью, чтобы ихъ смерть схоронила тайну,—чтобы не выяснилось предъ царемъ, что и онъ, гетманъ, бралъ

---

[1]) По складу историко-риторическому нельзя допустить той современности письма, которая дается хитросплетенному посланію, якобы писанному въ Запорожьѣ. Скорѣе можно отнести сочиненіе сего письма времени сочиненія «Исторіи руссовъ», приписываемой архіепископу Георгію Конисскому.

Н. М.

значительные подарки за уступку Таваня и Кизы-Керменя [1]. Паша обѣщалъ по тысячѣ начальникамъ гарнизона и по шести левковъ на казака, въ случаѣ добровольной сдачи; увѣрялъ, что самъ отвезетъ ихъ въ Украйну съ тяжестями и съ аммуниціею.

Собрались на раду старшины и казаки. Возмущенные предложеніемъ объ измѣнѣ, съ горяча приготовили отвѣтъ:

„Ты султанъ турецкій, изъ проклятыхъ проклятой, бусурманъ, братъ и товарищъ чорта, Луцыферовъ сынъ, Антыхрыстивъ другъ, монгольскій кухарь, вавилонскій снюсарь (слесарь), іерусалимскій броварь (пивоваръ), малаго и великого Египта свынарь, каменецкій мара (пугало), подольскій злодій, а усего свита и подсвита блазень, хвастунъ и брехунъ; плюгавче! погане собаче мясо! Войско твое поганее, безмозгее, шкареднее. Не угоденъ еси (недостоинъ ты) миты вирныхъ христіянъ. Напередъ тоби и твоей матци на ...... велыку купу. Кадунъ твоему батьку, а тоби свыняче ухо на шию“.

Сходство съ письмомъ, сообщеннымъ Н. И. Костомаровымъ, бросается сразу въ глаза; по всѣмъ вѣроятіямъ, составитель руководствовался имъ при составленіи отвѣта.

Но письмо это не было послано; взамѣнъ его составленъ былъ слѣдующій отвѣтъ:

„Мы, старшины войска запорожскаго и московскаго, городовыхъ и охотныхъ полковъ, читали ваше письмо, въ которомъ вы насъ стращаете пророкомъ и саблями. Мы на васъ бусурмановъ не походимъ, ложнымъ пророкамъ не вѣримъ; надежду возлагаемъ на Бога и его Матерь Пресвятую. И наши сабли еще не заржавѣли, и наши руки еще не ослабли; хлѣба и воинскихъ припасовъ у насъ довольно; вы города не возьмете, но погибнете,—удержитесь отъ лжи и угрозъ. Мы не сдадимъ города, мы ждемъ помощи; да и безъ помощи готовы идти на васъ, бусурманъ, за вѣру христіанскую и за царя восточнаго: надѣемся на побѣду съ нашей стороны и на поношеніе съ вашей“.

Получивъ такой категорическій отвѣтъ, полный вѣры въ себя, турки, 28-го сентября, пошли на приступъ, но были съ урономъ отбиты; а между тѣмъ, пришло извѣстіе, что полтавскій полковникъ Искра идетъ на помощь осажденнымъ. Испуганный его приближеніемъ, али-паша сѣлъ на суда и уплылъ во-свояси.

Сообщ. А. А. Туганъ-Мирза-Барановскій.

---

[1] Это первое обвиненіе Мазепы въ измѣнѣ. Вѣрно-ли оно или только выдумка паши? А. Т.-М.-Б.

Вѣдомость о находящихся въ Москвѣ первыхъ пяти классовъ женска пола персонахъ въ 1775 году.

«Вѣдомость» составлена была для императрицы Екатерины II. Въ перечнѣ лицъ, поименованныхъ въ этомъ документѣ, любитель старины, намъ его сообщившій, сдѣлалъ объяснительныя указанія о времени рожденія, закѣмъ была замужемъ, обозначилъ годъ смерти и проч.

I класса.

Вдовствующая госпожа графиня Екатерина Ивановна Шувалова, рожд. Кастюрина, † 1790. Вдова, съ 1771 года, генералъ-фельдмаршала графа Алекс. Ив. Шувалова.

Жительство имѣетъ: въ 9-й части, въ Новой Басманной, въ своемъ домѣ.

II класса.

Покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Ивана Ивановича Дивова дочь, дѣвица Екатерина Ивановна.

Въ 1-й части, въ домѣ брата ея роднаго, камеръ-юнкера Андреяна Дивова, въ приходѣ Якова апостола, что въ Казенной.

Вдовствующая госпожа Екатерина Александровна Леонтьева, рожд. графиня Румянцова, родная сестра фельдмаршала, вдова генералъ-аншефа Николая Михайловича Леонтьева, † 1769.

Въ 11-й части, въ Донской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Наталья Александровна Олицова. Вдова, съ 1771 года, генералъ-аншефа Петра Ивановича Олица.

Въ отлучкѣ.

Татьяна Михайловна Фролова-Багрѣева. Вдова генералъ-аншефа Якова Лукича Фролова-Багрѣева.

Въ 4-й части, въ приходѣ церкви Знаменія Богородицы, что въ Зубовѣ, въ своемъ домѣ.

Марѳа Петровна Оболенская.

Въ 4-й части, въ приходѣ Николая Чудотворца, въ Хамовникахъ.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, рожд. Воронцова, р. 1742, ум. 1800, вдова съ 1764 г., князя Михайла Ивановича Дашкова.

Во 2-й части, на Никитской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Прасковья Тимоѳеевна Волкова.

Елисавета Григорьевна Гурьева. Вдова генералъ-аншефа Ивана Васильевича Гурьева.

Въ 1-й части, въ приходѣ Рождества Богородицы, на Солянкѣ, въ своихъ домахъ.

Дарья Алексѣевна Ушакова, рожд. Голосова, вдова Ѳедора Ива-

новича Ушакова, генералъ-аншефа (25-го марта 1763), † 24-го мая 1766 г.

Въ 1-й части, въ приходѣ Николая Чудотворца, въ Подкопаевѣ, въ своемъ домѣ.

Княгиня Александра Ивановна Куракина, рожд. Панина, р. 1711, ум 1786. Вдова съ 1749 г. князя Александра Борисовича Куракина, оберъ-шталмейстера.

Въ 1-й части, въ приходѣ Дмитрія Солунскаго, на Лубянской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Марія Іонишна Головина, рожд. Новосильцева. Вдова съ 1766 г., адмирала графа Александра Ивановича Головина.

Во 2-й части, на Знаменской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Анна Ивановна Мордвинова. Вдова генералъ-поручика Якова Андреевича Мордвинова.

Въ 7-й части, близъ Самотека, у Николы въ Драчахъ, въ домѣ губернскаго секретаря Ивана Малышева.

Дарья Семеновна Сушкова, рожд. Пятова Вдова дѣйств. тайн. сов. (1771) Михайла Васильевича Сушкова.

Въ 9-й части, въ Новой Басманной, въ своемъ домѣ.

Екатерина Григорьевна Племянникова, по 1-му мужу Матюшкина, рожд. Чернышева. Вдова съ 1773 года, генералъ-аншефа Петра Григорьевича Племянникова.

Во 2-й части, на Знаменской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Графиня Екатерина Андреевна Чернышева, рожд. графиня Ушакова, р. 1715, ум. 1779. Вдова съ 1773 года, графа Петра Григорьевича Чернышева, дѣйств. тайн. сов.

Во 2-й части, на Никитской улицѣ, въ домѣ гвардіи-ротмистра Ивана Григорьевича Наумова.

Княгиня Ирина Михайловна Юсупова, рожд. Зиновьева. Вдова съ 1759 года, дѣйств. тайн. сов. кн. Бориса Григорьевича Юсупова.

Находится въ деревнѣ.

III класса.

Дѣвицы.

Покойнаго генералъ-поручика князя Ѳедора Васильевича Мещерскаго, † 1756, дочери: княжна Елена и Марѳа Ѳедоровны.

Во 2-й части, на Дмитровской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Покойнаго генералъ-поручика Василія Ивановича Мошкова дочери: Елисавета, Наталья и Настасья Васильевны.

Въ 7-й части, на Покровкѣ, въ домѣ брата ихъ роднаго, маіора Александра Мошкова.

Генералъ-поручика Родіона Михайловича Кошелева и Маргариты Ивановны, рожд. Глюкъ, дочь Марія Родіоновна, р. 1725, ум. 1782.

Въ 1753 г., бывши фрейлиной, забеременила отъ Чоглокова и отпущена отъ двора въ Москву.

Въ 13-й части, у Ѣхаловскаго моста, въ своемъ домѣ.

Находящихся въ отлучкахъ супруговъ.

Княгиня Анна Өедоровна Бѣлосельская, рожд. Наумова, жена камергера князя Андрея Михайловича, посланника въ Дрезденѣ, ум 1779 г.

Во 2-й части, въ приходѣ Николая Чудотворца, на Хлыновѣ, въ домѣ генералъ-маіора Павла Матвѣевича Ржевскаго.

Княгиня Анна Ивановна Трубецкая, рожд. Лодыженская, р. 1733, ум. 1801, жена генералъ-поручика князя Сергѣя Никитича Трубецкаго, р. 1731, ум. 1812 (отецъ его настоящій князь Михайло Ивановичъ Долгорукій, отецъ поэта).

Во 2-й части, въ приходѣ Спаса Преображенія, въ своемъ домѣ.

Вдовствующія госпожи.

Вѣра Борисовна Лопухина, рожд. графиня Шереметева, вдова съ 1757 года, тайн. сов. Өедора Авр. Лопухина.

Въ 14-й части, у Пречистенскихъ воротъ, въ своемъ домѣ.

Марья Петровна Яковлева.

Находится въ деревнѣ.

Анна Владиміровна Измайлова, рожд. княжна Долгорукова, † 16-го сентября 1786, вдова дѣйств. тайн. сов. Сергѣя Иванов. Измайлова

Въ 1-й части, промежъ Стрѣтенскихъ и Мясницкихъ воротъ, въ своемъ домѣ.

Анна Игнатьевна Похвиснева.

Въ 1-й части, въ приходѣ Трехъ Святителей, что на Кулишкахъ, въ Глухомъ переулкѣ, въ своемъ домѣ.

Графиня Марія Романовна Бутурлина, рожд. графиня Воронцова, р. 1738, жена (по сему показанію вдовою?) тайн. сов. графа Петра Александровича Бутурлина, р. 1734, ум. 1787.

Въ 1-й части, на Яузской улицѣ, въ домѣ ямскихъ слободъ управителя Ивана Васкова.

Марѳа Васильевна Балкова, рожд. Шереметева, р. 1724, ум. 1792, вдова генералъ-поручика Петра Өедоровича Балкъ-Полева.

Въ 9-й части, въ Новой Басманной, въ своемъ домѣ.

Аграфена Алексѣевна Карабанова, рожд. княжна Шаховская, р. 1726, † 1782, вдова генералъ-поручика Леонтія Михайловича Карабанова, † 17-го марта 1775 г.

Въ 3-й части, въ приходѣ Өедора Студита, близъ Бѣлаго Города, въ своемъ домѣ.

Настасья Петровна Исакова. Вдова съ 1766 года, генералъ-поручика Аѳанасія Степановича Исакова.

Въ 3-й части, въ приходѣ Семіона Столпника, въ Хлѣбной улицѣ, въ своемъ домѣ.

Марія Ивановна Николева.

Находится въ деревнѣ.

Ирина Ѳедоровна Хитрово, рожд. княжна Голицына, 2-я жена Петра Никитича Хитрово.

Въ 3-й части, въ приходѣ Троицы, въ Зубовѣ, на Большой Пречистенской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Ульяна Яковлевна Стрекалова, жена статсъ-секретаря Степана Ѳедоровича Стрекалова.

Въ 12-й части, въ приходѣ церкви Софіи Премудрости Божіей, на берегу Москвы рѣки, въ своемъ домѣ.

Наталья Степановна Орлова.

Въ 5-й части, близъ Новинскаго монастыря, въ своемъ домѣ.

Наталья Васильевна Козмина.

Во 2-й части, въ Никитскомъ монастырѣ.

Княгиня Анна Егоровна Грузинская.

Во 2-й части, въ Охотномъ ряду, въ своемъ домѣ.

Баронесса Марія Артемьевна Строганова, вдова Исленьева, рожд. Загряжская, р. 1722, ум. 1787, вдова генералъ-поручика барона Александра Григорьевича, р. 1698, ум. 1754; была его третьей женою.

Во 2-й части, на Никитской улицѣ, въ домѣ маіора Николая Ѳедоровича Колычева.

Марѳа Ефимовна Вадбольская.

Во 2-й части, у Тверскихъ воротъ, въ своемъ домѣ.

Екатерина Алексѣевна Левашова.

Во 2-й части, на Знаменской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Княгиня Анна Львовна Трубецкая, рожд. Нарышкина, р. 1704, ум. 1776, вдова гвардіи капитана (по сему помѣщена въ 3 классѣ?) князя Алексѣя Юрьевича Трубецкаго.

Въ 5-й части, въ приходѣ у Николы въ Новой слободѣ, въ своемъ домѣ.

Вѣра Никифоровна Львова.

Въ 11-й части, въ приходѣ у Спаса въ Наливкахъ, на Малой Якиманской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Акулина Ивановна Штофелева. Вдова генералъ-поручика Христофора Ѳедоровича Штофеля.

Въ 11-й части, въ домѣ капитана Ѳедора Хомякова, на Козьмодемьянской улицѣ.

Екатерина Ивановна Черноцова. Вдова съ 1753 года, генералъ-поручика Дмитрія Григорьевича Черноцова

Въ 11-й части, на Банской улицѣ, въ своемъ домѣ.

Марія Михайловна Пушкина, рожд. Салтыкова, р. 1710, ум. 1785, вдова тайн. сов. Алексѣя Михайловича Пушкина; мать сосланныхъ въ 1772 году братьевъ, дѣлавшихъ фальшивыя ассигнаціи.

Въ 4-й части, въ приходѣ Воздвиженія Честнаго Креста на Пометномъ вражкѣ, въ домѣ отставного капитанъ-поручика Ивана Шереметева.

Сообщ. А. Л.

Расходы императора Павла I въ первыя три недѣли его царствованія.

1796 г.

Вѣдомость о суммахъ по поступившимъ вашего императорскаго величества указамъ ноября съ 6-го по 1-е число декабря сего 1796 года, что въ оныя выплачено и затѣмъ осталось платить, а именно:

Ноября 1796 года.	Повелѣнная сумма. руб.	к.	Въ оную выплачено. руб.	к.	Осталось платить. руб.
По высочайшимъ указамъ за собственноручнымъ подписаніемъ:					
9-го. Ихъ императорскимъ высочествамъ по днямъ рожденія и тезоименитствъ ежегодно въ 200,000 р., а въ теченіе сего года	40,000	—	10,000	—	30,000
11-го. Разнымъ людямъ за купленныя для 12-ти шубъ, въ кабинетѣ еще хранящихся, шесть винчуръ и за употребленный къ онымъ также къ муфтѣ и палантану прикладъ и за работу.	4,345	87	4,345	87	—
13-го. Пожалованнаго лейбъ-гвардіи полковъ нижнимъ чинамъ не въ зачетъ третнаго жалованья: Въ Преображенской . 30,890 р. 51 к. » Семеновской . . . . 18,028 » 91³/₄ » » Измайловской . . . 19,104 » 10¹/₂ » » Конный . . . . 9,441 » 93 »	77,465	46¹/₄	77,465	46¹/₄	—
16-го. Дѣйствительному статскому совѣтнику Христіану Сикстелю 2,000 червонныхъ по курсу на	8,400	—	8,400	—	—
17-го. Генералъ-поручику Попову за купленной у него домъ, состоящей въ Милліонной улицѣ	100,000	—	25,000	—	75,000
Тайному совѣтнику Мятлеву за купленной у него и пожалованной господину генералу-фельтцейхмейстеру князю Зубову домъ, въ Канатной улицѣ состоящій.	100,000	—	—	—	100,000
18-го. Генералъ-поручицѣ Катеринѣ Всеволжской пожалованныхъ дочери ея на приданое 12,000 р., да за пересылку въ Москву 60 р., итого	12,060	—	12,060	—	—
19-го. Въ придворную конюшенную контору на содержаніе придворной конюшни недостающій по будущій 1797 годъ сверхъ штата 1795 года.	76,391	28³/₄	16,391	28³/₄	60,000

	руб.	к.	руб.	к.	руб.
20-го. Дочерямъ покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Еропкина дѣвицамъ: Софьѣ и Прасковьѣ Еропкинымъ	12,000	—	—	—	12,000
21-го. Тайному совѣтнику графу Маркову за купленный у него въ казну домъ, состоящій въ Луговой Милліонной . . .	100,000	—	—	—	100,000
22-го. Въ государственный заемный банкъ должныхъ вдовою подполковницею Бартеневою	5,000	—	—	—	5,000
23-го. Генералъ-поручику Костюшкѣ [1]), вмѣсто пожалованныхъ ему 1,000 душъ, по прошенію его.	60,000	—	60,000	—	—
24-го. Въ государственный заемный банкъ на выпускъ заложенной покойнымъ вице-полковникомъ лейбъ-гренадерскаго полка Семеномъ Уваровымъ деревни, женѣ его принадлежащей . . .	15,000	—	15,000	—	—
Оберъ-гегермейстеру князю Голицыну пожалованныхъ на оплату долговъ его .	23,000	—	10,000	—	13,000
25-го. Генералъ-адъютанту Плещѣеву на подаяніе неимущимъ [2])	50,000	—	10,000	—	40,000
26-го. Художникамъ Тереминъ за двѣ золотыя короны	5,200	—	—	—	5,200
Ювелиру Фистеру за три фрейлинскіе шифра	2,427	69	2,427	69	—
Ювелиру Дювалу за четыре такіе же шифра	2,974	—	2,974	—	—
28-го. На построеніе замка Михайловскаго дворца	395,600	—	—	—	395,600
За купленныя для генералъ-поручика Костюшки разныя вещи, одежду и карету	1,641	30	1,641	30	—
29-го. За построенныя лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку наличнымъ офицерамъ 93 человѣкамъ 125-ти мундировъ.	7,430	—	—	—	7,430
Итого по указамъ	1,098,935	61	255,705	61	843,230
По изустнымъ повелѣніямъ, чрезъ разныхъ персонъ объявленнымъ:					
6-го. Посыланному къ генералъ-фельдмаршалу и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, въ мѣсто его пребыванія, кабинетъ-курьеру на прогоны	250	—	250	—	—

[1]) Костюшко жилъ въ С.-Петербургѣ, въ казенномъ домѣ, именуемомъ Штегельмановскимъ, подъ бельэтажемъ. При немъ былъ подполковникъ съ командою

[2]) День ангела Екатерины II. Н. М.

	руб. к.	руб. к.	руб.
Посыланному къ генералъ-фельдмаршалу и кавалеру князю Николаю Васильевичу Репнину въ мѣсто его пребыванія, кабинетъ-курьеру на прогоны	250 —	250 —	—
7-го. Отправленному въ Штуттардтъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку сержанту Болговскому на проѣздъ въ чужихъ краяхъ 450 червонныхъ, по курсу на 1,912 р. 50 к., да на проѣздъ внутри Россіи 100 р., итого	2,012 50	2,012 50	—
9-го. Протодіакону, провозгласившему въ первый разъ вашего императорскаго величества въ санѣ императорскомъ . .	1,000 —	1,000 —	—
11-го. Отправленному въ Шлезвигъ курьеромъ фельтьегеру Крейпшу на проѣздъ въ чужихъ краяхъ 450 червонныхъ, по курсу на 1,899 р., да на прогоны внутри Россіи 100 р., итого.	1,999 —	1,999 —	—
Города Мологи мѣщанину Николаю Накладову пожалованныхъ.	1,100	1,100 —	—
Подполковнику де-Лабату за разныя по Таврическому дворцу работы . . .	7,389 27	7,389 27	—
Въ контору царскосельскую употребленныхъ на разныя исправленія во дворцѣ его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Александра Павловича.	263 15	263 15	—
12-го. Выпущеннымъ изъ камеръ-пажей подполковнику Нелидову, Преображенскаго полку поручику Тулубьеву, Семеновскаго полку поручику Назарьеву, Измайловскаго полка поручику Ласунскому и Конной-Гвардіи—поручику князю Вяземскому, каждому по 500 р. въ награжденіе, а всѣмъ	2,500 —	2,500 —	—
Генералъ-адъютанту и кавалеру Кушелеву для чертежной	500 —	500 —	—
13-го. Всемилостивѣйше пожалованнымъ въ дѣйствительные камергеры: князю Алексѣю Голицыну, графу Александру Салтыкову, графу Сергѣю Салтыкову, барону Григорію Строгонову, Димитрію Дурнову, барону Александру Строгонову, Петру Балку-Полеву и Димитрію Татищеву, на ключи камергерскіе, каждому по 100 червонныхъ, а всѣмъ 800 червонныхъ, по курсу на	3,360 —	3,360 —	—

	руб. к.	руб. к.	руб.
13-го. Отставному коллежскому ассессору Ивану Өедорову пожалованныхъ.	100 —	100 —	—
Отправленному въ Лондонъ курьеромъ, штата почтоваго правленія поручику Миллеру на проѣздъ въ чужихъ краяхъ 600 червонныхъ, по курсу на 2,520 р., да на прогоны внутри Россіи 100 р., итого.	2,620 —	2,620 —	—
14-го. Фрейлинѣ ея императорскаго величества Елисаветѣ Квашниной-Самариной на приданое	12,000 —	12,000 —	—
Отправленнымъ въ Москву двумъ кавалергардамъ, Егору Скорикову и Петру Зазгину, прогоновъ туда и обратно каждому на три лошади	186 72	186 72	—
16-го. Тверскаго карабинернаго полку ротмистру Адаму Платеру на проѣздъ къ полку и на обмундированіе пожалованныхъ	200 —	200 —	—
Пожалованныхъ вдовѣ капитанъ-лейтенанта Лазарева-Станищева	100 —	100 —	—
17-го. Секундъ-маіору Өедору Манахтину на проѣздъ до полку . . . . 200 р. Полковницѣ Марьѣ Виткевичевой . . . . 500 » Мологскому купцу Григорію Новотелкову . . . . 50 » Отставн. секундъ-маіору Константинову . . . . 50 » Вдовѣ маіоршѣ Стакельбергъ. 50 » Гатчинскому жителю Преинфалусу во удовлетвореніе претензіи его . . . . 112 »	962 —	962 —	—
18-го. Кабинетъ-курьеру Бочарову, отправленному въ Ригу, на прогоны	70 —	70 —	—
Гофъ-курьеру Ивану Сельвино, на уплату долговъ его, пожалованныхъ.	450 —	450 —	—
Пожалованныхъ графу де-Монтфокону Ліонскому . . . . 300 р. Отставн. царскосельской конторы канцеляристу Өедору Иванову . . . . 50 » Аббату Іоанну Филиппу Переконти, поднесшему четыре піесы церковныя его сочиненія . . . . 100 » Иностранкѣ дѣвицѣ Іоганнѣ Монтанъ на приданое . . . . 500 » Вдовѣ коллежскаго совѣтника			

		руб	к.	руб.	к.	руб.
князя Барятинскиго княгинѣ Аннѣ Барятинской годовой окладъ мужа ея	600 р.					
Да здѣшнему почтамту за пересылку оныхъ въ Рязань	3 »					
	603 »					
		1,553	—	1,553	—	—
20-го. Грузинскому князю Захару Салагову	100 р.					
Вдовѣ капитаншѣ Елисаветѣ Рекъ	300 »					
Отставному канцеляристу Прокофью Горбачевскому	50 »					
		450	—	450	—	—
21-го. На раздачу комнатнымъ служителямъ 1,000 р., на конюшню — 1,000 р., на кухню — 1,000 р., да на загородныхъ служителей — 1,000 р., итого		4,000	—	4,000	—	—
Архитекторскому помощнику Миллеру, отправленному въ Москву для порученныхъ строеній, прогоновъ на три лошади 93 р. 36 к. и, сверхъ того 500 р., итого		593	36	593	36	—
Дѣвицѣ Моно, находящейся при ея императорскомъ высочествѣ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, пожалованныхъ на приданное		6,000	—	6,000	—	—
Пожалованному въ камергеры Вурцелю на ключъ 100 червонныхъ, по курсу на		400	—	400	—	—
Кабинетъ-курьерамъ, при отпускѣ ихъ для опредѣленія въ военную службу, пожалованнаго не въ зачетъ годоваго жалованья семи человѣкамъ		1.468	—	1,468	—	—
За привезенныя сюда изъ Украйны сливныя деревья и отправленныя въ Павловскъ и Гатчино		170	—	170	—	—
Пожалованныхъ вдовѣ бригадиршѣ Маринѣ Лазакевичевой	2,000 р.					
И титулярной совѣтницѣ Марьѣ Завьяловой единовременнаго пенсіона умершаго мужа ея составляющаго	187 »					
		2,187	—	2,187	—	—
Посланному въ новопріобретенныя губерніи курьеру прогоновъ		150	—	150	—	—
22-го. Пожалованныхъ маіору Николаю фонъ-Бекрену	300 р.					
Вдовѣ поручицѣ Еленѣ Фидлевой	100 »					

	руб. к.	руб. к.	руб.
Вдовѣ придворнаго музыканта Сусанѣ Гоппе . . . . 100 р.			
	500 —	500 —	—
Въ придворную конюшенную контору на выдачу поставщикамъ ямскихъ лошадей на разъѣзды ихъ при дворѣ въ прошедшемъ октябрѣ мѣсяцѣ	10,414 29	10,414 29	—
23-го. Вѣдомства почтоваго правленія надворному совѣтнику Александру Буркову пожалованныхъ	1,000 —	1,000 —	—
На госпиталь лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку штабъ-лекарю Гендеміру	5,861 60	5,861 60	—
Генералъ-адъютанту и кавалеру Ростопчину на обмундированіе фельтьегерей . .	4,827 90	4,827 90	—
Пожалованныхъ живописцу Щедрину.	4,000 —	4,000 —	—
Генералъ-аншефу и кавалеру Николаю Петровичу Архарову на мостъ	1,000 —	1,000 —	—
На богадѣльни	2,000 —	2,000 —	—
Инженеръ-маіору Степану Микулину на уплату долговъ его . . . . 2,000 р.			
Капитану Карлу Гуту . . . . . 100 »			
Бывшей въ Гатчинѣ надзирательницѣ сиротскаго дома вдовѣ артиллеріи капитаншѣ Іоганнѣ Фельфспейль . . . . 50 »			
	2,150 —	2,150 —	—
Не въ зачетъ третнаго жалованья нижнимъ чинамъ:			
Гвардіи и артиллерійской баталіонъ на 457 человѣкъ	3,683 86	3,683 86	—
24-го. Въ конной полкъ на вновь прибывшихъ 235 человѣкъ	2,171 60½	2,171 60½	—
Генералъ-маіору и кавалеру Аракчееву на расходы по комендантской канцеляріи	500 —	500 —	—
Для новозаводимой полотняной фабрики	2,000 —	2,000 —	—
Употребленныхъ на проѣздъ ко двору діакона Льва Петрова	100 —	100 —	—
26-го. Пожалованныхъ вдовѣ вице-адмиральшѣ Катеринѣ Елмановой . . . 500 р.			
26-го. Вдовѣ подполковницѣ Еленѣ Клугенъ. . . . . 300 »			
Вдовѣ умершаго провіантъ-коммиссара Прасковьѣ Ѳедоровой . . 100 »			
Статской совѣтницѣ Христинѣ Боркъ . . . . 300 »			
Иностранкѣ Елисаветѣ Бильтерлингъ . . . . 100 »			
Опредѣленному въ Екатерин-			

	руб. к.	руб. к.	руб.
бургъ, изъ города Гатчина, аптекарю Карлу Еренрейху . . . . . . 500 р. Пермскаго намѣстничества пумшанскому посадскому Ивану Маркову . . . . 100 »	2,200 —	2,200 —	—
Уральскаго казачьяго полка отставному казаку Ворожейкину	50	50 —	—
Вдовѣ капитанщѣ Марьѣ Сердюковой, имѣющей претензію за поставку на екатеринославскую армію припасовъ столько же, сколько выдано ей въ 1792 году . .	3,000 —	3,000 —	—
28-го. Княжнѣ Елисаветѣ Хилковой .	300 —	300 —	—
30-го. Бывшаго при Петровскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, камеръ-фуріера Горлова вдовѣ Натальѣ Горловой на оплату долговъ послѣ умершаго мужа ея . . 1,500 р. Да за пересылку оныхъ въ Москву здѣшнему почтамту. . . . . 7 р. 50 к.	1,507 50	1,507 50	—
Вдовѣ артиллеріи капитана Аннѣ Тулубьевой . . . . 1,000 р. С.-Петербургск. мѣщанину Ивану Колянскому. . . . . 100 » Купеческой женѣ Марьѣ Казанелли. . . . . 100 »	1,200 —	1,200 —	—
Маіору и машинныхъ дѣлъ мастеру Козьмѣ Петрову на приданое четыремъ дочерямъ его, каждой по 300 р., итого .	1,200 —	1,200 —	—
Вдовѣ Аннѣ Бобрищевой-Пушкиной .	500 —	500 —	—
Пожалованныхъ подполковнику Филиппу Морецко на проѣздъ его въ отечество 150 голландскихъ червонныхъ, по курсу на.	585 —	585 —	—
Вдовѣ лекаршѣ Аннѣ Гаменъ, по отцѣ Валмеръ.	100 —	100 —	—
Вдовамъ: надворной совѣтницѣ Татьянѣ Кондратьевой съ дочерью . . . . 300 р. Секундъ-маіоршѣ Александрѣ Гомзаковой . . . . 50 » Штурманшѣ Авдотьѣ Наумовой 50 » Натальѣ и Прасковьѣ Сухановымъ, каждой по 50 р. . . . . . . 100 » Живописцу Александра Раевскаго . . . . 50 » Пожалованныхъ дѣвицамъ: Марьѣ, Катеринѣ и Аграфенѣ Ха-			

		руб. к.	руб. к.	руб.
ратоновымъ, дочерямъ коллежскаго совѣтника, каждой по 100 р.	300 »			
Марьѣ Жеваловой	100 »			
Матросской женѣ Лукерьѣ Петровой	40 »			
		990 —	990 —	—
Итого по изустнымъ повелѣніямъ . .		106,125 75½	106,125 75½	—

Сообщ. Н. Н. Муравьевичъ.

С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

1796—1826 гг.

Замѣтка по поводу его біографіи.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г. (т. VII, стр. 652—676), помѣщенъ, за подписью Михаилъ Балласъ, біографическій очеркъ, подъ заглавіемъ: „С. Муравьевъ-Апостолъ“. Авторъ статьи благодаритъ меня за содѣйствіе въ составленіи ея, изъ чего читатель въ правѣ заключить, что я признаю вполнѣ подлинность выставленныхъ въ ней фактовъ, равно и въ оцѣнкѣ ихъ раздѣляю его взгляды. Отъ подобной солидарности съ нимъ я долженъ отказаться по слѣдующимъ причинамъ: статья, какъ сказано въ предпосланной замѣткѣ, составлена изъ разныхъ матеріаловъ; между прочимъ, изъ записокъ Вигеля, Греча и изъ исторіи царствованія Александра I, генерала Богдановича. Въ нихъ, кромѣ многихъ невѣрностей касательно фактовъ и лицъ, въ нихъ упоминаемыхъ,—невѣрностей, которыхъ не берусь здѣсь перечислять, замѣчу общую имъ важную погрѣшность, а именно: такъ называемая „Семеновская исторія“, столь скорбная по своимъ послѣдствіямъ, излагается не въ настоящемъ ея видѣ. Можно утвердительно сказать, что преднамѣренно или по невѣдѣнію все, что писано доселѣ объ этомъ плачевномъ событіи, даетъ ложное понятіе, какъ о причинахъ, возбудившихъ безпорядокъ, такъ и о виновности солдатъ Упомянувъ о книгѣ генерала Богдановича, не могу не выразить скорбнаго чувства, какое возбудило во мнѣ повѣствованіе его о компаніи 1812 года, когда я видѣлъ, что онъ не воздаетъ должной справедливости великимъ заслугамъ фельдмаршала Кутузова, между прочимъ, обвиняя его въ слабомъ преслѣдованіи Наполеона, бѣгущаго безъ оглядки изъ Москвы. Авторъ утверждаетъ, что войско снабжено было теплой одеждою; я же, служившій тогда въ Семеновскомъ полку, могу засвидѣтельствовать, что во всей гвардіи не было ни одного полушубка, тѣмъ менѣе, въ армейскихъ полкахъ, и что я, какъ портупей-юнкеръ, на равнѣ со всѣми рядовыми, совершилъ весь походъ въ одномъ мун-

дирѣ и солдатской шинели. Еслибъ вздумали слѣдить по пятамъ Наполеона форсированнымъ маршемъ, то не уцѣлѣла бы и четвертая часть арміи. Кромѣ того, въ вышеупомянутомъ сочиненіи есть фактъ, лично меня касающійся, и который, по совѣсти, считаю себя обязаннымъ опровергнуть. Говоря о слѣдственной коммиссіи, наряженной по случаю возмущенія 14-го декабря 1825 года (въ VI томѣ, глава XXX, стр. 437, также и въ приложеніи стр. 56 и въ прим § 32), г. Богдановичъ ошибочно приписываетъ П. Н. Свистунову весьма важное показаніе. Дѣло заключалось въ пустыхъ словахъ, которымъ нельзя было придать значенія преступнаго намѣренія, хотя за самыя слова подлежали мы карѣ закона. Въ этомъ разговорѣ, въ которомъ участвовали Свистуновъ и Ватковскій, иниціатива шла отъ меня, слѣдовательно, на меня падала высшая доля отвѣтственности. Находясь во время слѣдствія въ такомъ душевномъ разстройствѣ, что мнѣ чудились голоса, преслѣдовавшіе меня день и ночь, о чемъ я и жаловался самой коммиссіи, я, безъ всякаго къ тому повода, сдѣлалъ показаніе, въ коемъ, припомнивъ бывшій нѣкогда разговоръ, придалъ ему преувеличенное значеніе. Я вообразилъ, что себя одного обвиняю, не бывши тогда въ состояніи сообразить, что, обвиняя себя, увлекаю подъ роковую отвѣтственность бывшихъ моихъ собесѣдниковъ. Свистуновъ, изъ дружбы ко мнѣ, не желая для опроверженія моего показанія подвергнуться очной ставкѣ со мною, подтвердилъ его письменно, хотя оно значительно усиливало его виновность, но показаніе шло собственно отъ меня. Долженъ съ признательностью заявить, что ни онъ, ни Ватковскій, узнавши впослѣдствіи о состояніи невмѣняемости, въ которомъ я временно находился, никогда не пеняли на меня за эту оплошность.

Ворочусь къ г. Балласу, котораго я вовсе не зналъ. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбою снабдить его свѣдѣніями о братѣ моемъ и о событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Я охотно согласился подѣлиться съ нимъ своими воспоминаніями; но когда узналъ, что онъ намѣревается составить изъ нихъ журнальную статью, я просилъ его сообщить мнѣ ее въ чернѣ, желая провѣрить, не измѣнила-ли ему въ чемъ память при изложеніи на бумагѣ переданнаго ему мною изустно, на что онъ и согласился. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ, чѣмъ вовлекъ меня въ полемику, отъ которой охотно бы я устранился, еслибъ приписанное мнѣ сотрудничество въ составленіи этого очерка не возлагало на меня обязанность высказать, въ чемъ я нахожу его несогласнымъ съ доставленными мною свѣдѣніями. За чужія описки и за чужія мнѣнія никакъ не могу принимать на себя отвѣтственности.

Шестистишіе, выставленное въ видѣ эпиграфа, не слѣдуетъ называть пророческою строфою, по той причинѣ, что если бы братъ мой Сергѣй вздумалъ писать о себѣ, онъ выразился бы скромнѣе. Не придавая этимъ стихамъ не подобающаго имъ значенія, все таки считаю нужнымъ замѣтить, что въ четвертомъ стихѣ лишній слогъ составляетъ отступленіе отъ правилъ стихосложенія, слѣдуетъ писать: „Ce n'est qu'au bout de ma carrière“ [1]).

Стр. 654. Дѣдъ мой, Матвѣй Артамоновичъ, женился не на внучкѣ гетмана Даніила Апостолъ, а на дочери его [2]). Послѣдній бездѣтный потомокъ гетмана, какъ бы въ вознагражденіе за то, что бабка моя лишена была приданаго отцомъ своимъ, исходатайствовалъ у государя, въ 1800 году, дозволеніе передать, вмѣстѣ съ фамиліею „Апостолъ“, родовое свое имѣніе двоюродному брату своему Ивану Матвѣевичу Муравьеву, моему батюшкѣ. Онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины, въ 1792 году, не переводомъ Шеридановскаго творенія, а сочиненіемъ русской комедіи, подъ заглавіемъ: „Ошибки или утро вечера мудренѣе“.

Стр. 654. Не въ 1808, а въ 1805 году воротился батюшка мой изъ Мадрида въ Петербургъ и не для личныхъ объясненій, а потому, что былъ отозванъ изъ Мадрида по повелѣнію государя. На мѣсто его назначенъ былъ посланникомъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Григорій Ивановичъ Строгановъ. Въ то время, какъ отецъ мой поступилъ на должность посланника при испанскомъ дворѣ, ему поручено было поддерживать мадридскій кабинетъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Наполеона. Испанскій министръ Годой вполнѣ довѣрился русскому посланнику и въ сношеніяхъ съ Наполеономъ держался политики, внушаемой ему представителемъ русскаго двора, что возбудило противъ отца сильное негодованіе Наполеона, высказываемое имъ въ дипломатическихъ нотахъ и на столбцахъ оффиціальной французской газеты. Послѣ аустерлицкаго сраженія, Годой, устрашившись возраставшаго преобладанія французскаго императора, сталъ заискивать его милости и, въ угожденіе ему, началъ чуждаться русскаго посланника. Въ то же время между нашимъ кабинетомъ и французскимъ шли переговоры о примиреніи; поэтому предстоящая перемѣна въ отношеніяхъ нашихъ къ французскому двору повлекла за собою замѣщеніе нашего посланника въ Испаніи. Отецъ мой, воротившись въ

---

[1]) Необходимо также исправить опечатку въ третьемъ стихѣ: четвертое слово должно кончаться на *ъ*.

[2]) Такъ и показано въ «Русской Родословной Книгѣ», изд. «Русской Старины» (Спб. 1873 г.), въ родословіи фамиліи Муравьевыхъ-Апостоловъ.

Петербургъ, явился ко двору, гдѣ нисколько нечаемое холодное обращеніе съ нимъ императора Александра I убѣдило его въ утратѣ царской милости, — утратѣ, оставшейся и впослѣдствіи, и необъяснимой для него. Онъ, покинувъ службу, уѣхалъ въ Полтавскую губ., гдѣ поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Бакумовкѣ, Миргородскаго уѣзда. До назначенія его въ Мадридъ, онъ находился посланникомъ въ Гамбургѣ, гдѣ ему посчастливилось снискать особенное благоволеніе императора Павла, по случаю покровительства, имъ оказаннаго одному знатному французскому эмигранту. Французская республика съ угрозою требовала его выдачи, на что гамбургскій сенатъ изъ страха согласился. Но представитель нашего двора, возмущенный такимъ наглымъ нарушеніемъ международнаго права, далъ эмигранту пріютъ у себя въ домѣ и затѣмъ отправилъ его въ Петербургъ. Рыцарскій поступокъ русскаго посланника до того восхитилъ императора Павла, что онъ, восхваливъ его самымъ лестнымъ образомъ, пожаловалъ ему при этомъ орденъ св. Анны 1-й степени. Въ 1807 году батюшка мой, вступивъ въ милицію, назначенъ былъ окружнымъ военачальникомъ. Желая возобновить старое знакомство съ Михаиломъ Иларіоновичемъ Кутузовымъ, бывшимъ тогда Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, онъ заѣхалъ повидаться съ нимъ,—и не могъ не выразить ему своего удивленія при видѣ такого знаменитаго воина, занимавшаго гражданскую должность въ военное время. Отецъ разсказывалъ, что Михаилъ Иларіоновичъ, взявъ его за руки, сказалъ: „голубчикъ, настанетъ время, когда и я имъ на что-нибудь, можетъ быть, пригожусь“. Кому неизвѣстно, что сбылось его пророческое слово.

Стр. 656. О братѣ моемъ Сергѣѣ многое передано не вѣрно. Онъ родился не въ 1794 году, а въ октябрѣ 1796. Весь офицерскій классъ корпуса путей сообщенія, въ которомъ братъ находился, прибылъ на службу въ армію передъ бородинскимъ сраженіемъ, въ которомъ и участвовалъ. Въ 1813 году поступилъ онъ въ баталіонъ, сформированный великою княгинею Екатериной Павловной и носившій ея имя. Въ 1814 году, послѣ неудачнаго дѣла подъ Провенсомъ (Provins), Н. Н. Раевскій замѣнилъ раненаго графа Виттенштейна въ командованіи авангарда, въ составѣ котораго числился баталіонъ ея высочества. Н. Н. Раевскій пожелалъ имѣть при своемъ штабѣ офицера изъ этого баталіона, и братъ мой назначенъ былъ безсмѣннымъ ординарцемъ при начальникѣ авангарда. По занятіи Парижа, братъ мой Сергѣй поступилъ опять въ строй баталіона ея величества, съ которымъ и воротился въ Петербургъ. Въ 1815 году, бывъ переведенъ поручикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ,

вознамѣрился оставить на время службу и ѣхать за границу слушать лекціи въ университетѣ, на что отецъ не далъ своего согласія.

Стр. 659. Въ свѣдѣніяхъ, относящихся до тайнаго общества, многое слѣдовало бы измѣнить и исправить. Не беру на себя этого труда. Замѣчу только, что Пестель никакого устава не писалъ, а уставъ общества, подъ наименованіемъ: „Союзъ благоденствія", составленъ былъ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ въ 1818 году.

Помимо изложенныхъ въ разбираемой статьѣ обстоятельствъ, побудившихъ къ возмечтанію о реформахъ въ Россіи, слѣдуетъ упомянуть о надеждѣ на дарованіе политическихъ правъ, возбужденной либеральной политикой императора Александра Павловича, неоднократно имъ заявленной. О ней свидѣтельствуетъ воззваніе его къ германскимъ народамъ въ 1813 году. Затѣмъ, въ 1814 году, при первомъ свиданіи его съ Людовикомъ XVIII въ Рамбульэ, всѣмъ стало извѣстно высказанное имъ убѣжденіе о необходимости при вступленіи короля на престолъ учредить во Франціи представительное правительство. Въ слѣдующемъ году, на вѣнскомъ конгрессѣ, онъ, отстаивая либеральныя учрежденія, оспаривалъ ретроградную политику Меттерниха и Талейрана и, вопреки ихъ мнѣнію, даровалъ Польшѣ конституціонное правленіе. Наконецъ, при открытіи варшавскаго сейма произнесъ рѣчь, возбудившую неописанный восторгъ во всей мыслящей молодежи [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что неосуществившіяся надежды и, пожалуй, неосуществимыя въ данной эпохѣ, нисколько не оправдываютъ преступныхъ замысловъ; но упомянуть о нихъ необходимо, какъ объ обстоятельствѣ, характеризующемъ тогдашнее настроеніе умовъ.

Стр. 661. „Семеновскую исторію" разсказать можно въ короткихъ словахъ. Вскорѣ по возвращеніи гвардіи изъ похода, отмѣнены были въ полку тѣлесныя наказанія съ согласія всѣхъ ротныхъ начальниковъ и съ разрѣшенія полковаго командира, генерала Потемкина. Мѣра эта не только не ослабила дисциплины, но, возвысивъ нравственно людей, возбудила въ нихъ такое соревнованіе, что Семеновскій полкъ во всѣхъ отношеніяхъ служилъ образцомъ для всей гвардіи. Не смотря на то, графу Аракчееву такое нововведеніе представилось въ видѣ зловѣщаго признака; злоупотребляя довѣріемъ къ нему императора, онъ выставилъ генерала Потемкина, всѣми уважаемаго и любимаго, какъ человѣка, неспособнаго, по излишнему мягкосердію, командовать полкомъ, и просилъ назначить на его мѣсто полковника Шварца, про-

---

[1]) См. одну изъ таковыхъ рѣчей Александра I въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VII. Ред.

славившагося въ арміи своей жестокостью. Безразсудныя требованія и варварское обращеніе послѣдняго поразили ужасомъ семеновцевъ. Они, полагая, что о жестокостяхъ его не вѣдаетъ корпусный начальникъ, рѣшились высказать ему свое безвыходное положеніе. Ихъ жалобы признаны были бунтомъ, хотя инспекторскій смотръ установленъ именно для выслушиванія солдатскихъ жалобъ; но доказательствомъ тому, что они не выходили изъ повиновенія, служитъ тотъ фактъ, что безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, подчиняясь приказанію начальства, они безропотно отправились въ крѣпость подъ арестъ. Многіе были того мнѣнія, что если бы въ то время командовалъ корпусомъ не Васильчиковъ, а графъ Өедоръ Петровичъ Уваровъ, любившій солдатъ и пользовавшійся ихъ преданностью и довѣріемъ, онъ бы принялъ во вниманіе справедливыя ихъ жалобы и призналъ бы въ поступкахъ Шварца явное злоупотребленіе власти. Я находился тогда въ Полтавѣ при князѣ Репнинѣ; но братъ мой Сергѣй, князь Трубецкой и другіе мои однополчане подробно извѣстили меня письменно о бѣдствіи, постигшемъ нашъ полкъ. Во время моего ареста отобраны были всѣ мои бумаги, которыя впослѣдствіи возвращены были сестрѣ моей Екатеринѣ Ивановнѣ Бибиковой, но, по смерти ея, къ сожалѣнію, были сожжены. Я бережно хранилъ письма, заключавшія въ себѣ подробный разсказъ о печальномъ событіи, изложенномъ правдивыми очевидцами. Эти письма въ настоящее время послужили бы рѣдкимъ историческимъ памятникомъ. Шварцъ передъ образомъ клялся брату, что невиноватъ въ случившемся безпорядкѣ, а что имѣлъ несчастіе послушаться увѣрившихъ его, что полкъ зараженъ духомъ неповиновенія и буйства, къ укрощенію котораго необходимы крайнія мѣры строгости.

Отзывъ, черезчуръ лестный, о братѣ моемъ и обо мнѣ я бы, безъ сомнѣнія, попросилъ автора вычеркнуть изъ своей статьи, если бы онъ, снисходя просьбѣ моей, сообщилъ мнѣ ее предварительно. Замѣчу, что „душою общества“ нельзя было назвать брата потому, что онъ, исключительно предавшись попеченію о своей ротѣ, навѣщалъ ее нѣсколько разъ въ день, жилъ съ солдатами, какъ съ своими дѣтьми, и не имѣлъ досуга бывать въ свѣтѣ.

Выраженіе „къ аристократическимъ фамиліямъ“ замѣнилъ бы я менѣе пышнымъ словомъ. У насъ есть дворянство, но аристократія, полагаю я, существуетъ лишь тамъ, гдѣ закономъ установлено право первородства.

Стр. 676. Относительно казни, послѣдовавшей за приговоромъ верховнаго уголовнаго суда, многое передано не такъ, какъ было. Сказано, между прочимъ, „передъ ними начали сооружать эшафотъ,

но какъ не могли его скоро окончить, то ихъ отвели опять назадъ". Эшафотъ былъ къ назначенному сроку сооруженъ и пятерыхъ, обреченныхъ на смерть, привели на площадь лишь послѣ того, какъ надъ остальными осужденными переломаны были шпаги и сожжены на пылавшихъ кострахъ ихъ эполеты и мундиры съ орденами.

Стр. 675. Въ разсказѣ о послѣднемъ свиданіи брата съ сестрою выпущено одно обстоятельство, указывающее на необыкновенное спокойствіе духа со стороны брата въ роковую минуту. Сестра, едва оправившись отъ родовъ, была въ полномъ невѣдѣніи объ участи, его ожидавшей; мужъ ея, не рѣшившись сообщить ей грозной вѣсти, посовѣтовалъ ей испросить дозволенія на свиданіе съ братомъ. Это было наканунѣ казни. Она поспѣшно съѣздила въ Царское село, гдѣ, ради ходатайства генерала Дибича, получила на то высочайшее разрѣшеніе. Ночью, за нѣсколько часовъ до казни, она, увидѣвъ брата, закованнаго въ кандалы, залилась слезами; братъ, чтобъ ее утѣшить, сказалъ ей съ спокойнымъ видомъ, что напрасно ее такъ смущаютъ эти оковы, что они ни чувства, ни языка у него не связываютъ и по этому не помѣшаютъ имъ дружески побесѣдовать. Онъ съумѣлъ разсѣять ея опасеніе и пробудить въ ней надежду такъ, что касательно его участи она осталась въ томъ же невѣдѣніи; просилъ ее только позаботиться о братѣ.

Комендантъ Сукинъ ошибочно названъ „герой изъ солдатъ". Онъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду. Вѣроятно, авторъ смѣшалъ его съ генераломъ Скобелевымъ, бывшимъ впослѣдствіи комендантомъ Петропавловской крѣпости.

Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Москва.
25-го мая 1873 г.

Примѣчаніе. Съ удовольствіемъ дали мы мѣсто на страницахъ нашего изданія замѣткѣ М. И. Муравьева-Апостола, ветерана великой отечественной войны и свидѣтеля паденія Парижа предъ русской арміей. Съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ ряды уже небольшой группы современниковъ незабвенной эпохи 1812—1814 гг. Любопытно, между прочимъ, что и товарищей Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола остается нынѣ въ живыхъ очень немного. Болѣе, нежели изъ сотни лицъ (120), внесенныхъ въ печатный списокъ 1826 года, нынѣ, въ 1873 г., по свидѣтельству барона А. Е. Розена, остается въ живыхъ лишь одинадцать человѣкъ, а именно: Александръ Петровичъ Бѣляевъ—69 л. (въ Москвѣ); Дмитр. Иринар. Завалишинъ—70 л. (въ Москвѣ); Ник. Александ. Загорѣцкій—72 л. (въ Рязан. губ.); Ник. Ив. Лореръ—82 л. (въ Херсонской губ.); Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ—84 л. (въ Москвѣ); Мих. Алексан. Назимовъ—72 л. (въ Псковѣ); Алексан. Виктор. Поджіо—76 л. (въ Черниговъ. губ.); баронъ Андр. Евген.

*

Розенъ—74 л. (въ Харьковской губ.); Петръ Никол. Свистуновъ—70 л. (въ Москвѣ); Петръ Ив. Фаленбергъ—82 л. (въ Харьковѣ) и Александръ Филиппович Фроловъ—72 л. (въ Керчи).

Мы только что дописали эти строки, какъ получили извѣстія, что въ маѣ мѣсяцѣ сего года Николай Ивановичъ Лореръ скончался; а 6-го іюня 1873 г. умеръ А. В. Поджіо. **Ред.**

Старинныя острословія.

Красное яичко на день Пасхи 22-го апрѣля 1823 года.

Удаленіе министра финансовъ графа Дмитрія Александровича Гурьева [1]).

Въ подвалахъ винныхъ, въ кабакахъ
Всѣ вопіютъ: увы! и ахъ!
Вицъ-губернаторы [1]) въ слезахъ
И воры всѣ по винной части
Дрожатъ и ждутъ себѣ напасти.
А Взметнева [2]) такой взялъ страхъ,
Что не кладетъ и рукъ въ карманы [3]);
Обресковъ [4]) стеръ съ лица румяны;
Дубенскій [5]) осовѣлъ, какъ пьяный;
Ждетъ казни Мечниковъ Евграфъ [6]);
Моргаетъ, дѣлаетъ гримасы....
Теперь бы взять его въ палсы!
А графъ спѣсивый [7]), толстый графъ,
Молчитъ и не промолвитъ слова;
Краснѣетъ только и пыхтитъ,
Какъ холмогорская корова,
И самъ съ собою говоритъ:
«Не знаю какъ, въ какіе годы,
Поѣхать мнѣ на теплы воды?»

Примѣчанія: 1) Вице-губернаторы управляли казенными палатами и по тому находились въ зависимости отъ министра финансовъ,—опредѣлялись имъ и увольнялись.

2) Взметневъ, Петръ Алексѣевичъ, былъ тогда начальникомъ 1-го отдѣленія канцеляріи министра финансовъ и считался самымъ приближеннымъ лицемъ къ графу Д. А. Гурьеву.

3) Взметневъ имѣлъ привычку, въ разговорахъ съ кѣмъ бы ни было, забывшись, закладывать руки въ карманы вицъ-мундира подъ фалды.

4) Михаилъ Алексѣевичъ Обресковъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, былъ директоромъ департамента внѣшней торговли при министерствѣ графа Гурьева. Онъ любилъ молодиться: фабрилъ усы, завивался и всегда румянился.

5) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Порфирьевичъ Дубенскій

---

[1]) Это сатирическое стихотвореніе, какъ надо полагать, принадлежитъ перу А. Е. Измайлова. Онъ былъ какъ бы въ загонѣ по службѣ при Гурьевѣ, мало получая наградъ, хотя и занималъ должность начальника отдѣленія въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ (обращенной скоро въ департаментъ государственнаго казначейства). П. П.

былъ въ одно время съ Обрезковымъ директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ.

6) Евграфъ Ильичъ Мечниковъ, оберъ-бергъ-гауптманъ IV класса, директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, коммиссіи снабженія солью государства и горнаго кадетскаго корпуса, былъ однимъ изъ приближенныхъ къ графу Гурьеву и въ публикѣ не пользовался репутаціею безкорыстнаго слуги отечества. Про него разсказывали множество анекдотовъ, гдѣ давалась ему роль далеко не почтенная и примѣрная беззастѣнчивость.

7) Графъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ надменный.

Сообщ. П. Н. Петровъ.

Время рожденія и крещенія поэта Лермонтова.

Въ Москвѣ, въ метрической книгѣ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ, за 1814 годъ, между прочимъ, въ I части о родившихся подъ № 25 записано: „Октябрь 2. Въ домѣ господина покойнаго генералъ-маіора и кавалера Өедора Николаевича Толя, у живущаго капитана Юрія Петровича Лермонтова родился сынъ Михаилъ. Молитвовалъ протоіерей Николай Петровъ съ дьячкомъ Яковомъ Өедоровымъ. Крещенъ того-жъ октября 11-го дня. Воспреемникъ былъ господинъ коллежскій ассессоръ Өома Васильевичъ Хотяинцевъ; воспреемницею была вдовствующая госпожа гвардіи поручица Елисавета Алексѣевна Арсеньева. Оное крещеніе отправляли протоіерей Николай Петровъ, діаконъ Петръ Өедоровъ, дьячекъ Яковъ Өедоровъ, пономарь Алексѣй Никифоровъ“.

Настоящая точная справка о времени рожденія и крещенія поэта Лермонтова сдѣлана въ архивѣ Московской консисторіи. Отнынѣ не можетъ имѣть мѣста недоумѣніе объ этомъ фактѣ въ біографіи поэта. Что касается дома, въ которомъ онъ родился, то по объясненію, напечатанному въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1873 г., т. VII, стр. 380), домъ этотъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, принадлежалъ купцу Бурову.

Вотъ что пишетъ намъ по этому поводу членъ Московскаго Археологическаго Общества и Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ — Н. П. Розановъ: „Вѣроятно, домъ Толя впослѣдствіи перешелъ во владѣніе купца Бурова. По объясненію мѣстнаго Трехсвятительской церкви, что у Красныхъ воротъ, священника: домъ Бурова перешелъ во владѣніе иностранца Пенандъ, который владѣлъ домомъ лѣтъ 6 и продалъ его коллежскому секретарю Григорію Филешеровичу Голикову. Этотъ и доселѣ владѣетъ домомъ. Я былъ на мѣстѣ, гдѣ домъ Голикова. Если ѣхать отъ дебаркадера Николаевской желѣзной дороги, то приближаясь къ Крас-

нымъ воротамъ, на правой рукѣ, противъ самыхъ Красныхъ воротъ, на углу вы бы увидѣли, по нашему, огромный каменный домъ, въ три этажа, бѣловатаго цвѣта. Это—домъ Голикова; этимъ домомъ начинается Садовая улица, ведущая къ Сухаревой башни; второй за нимъ домъ, краснаго цвѣта, какого-то иностранца Іогансона. Домъ Голикова на своемъ углу имѣетъ балконъ. Замѣчателенъ протоіерей Николай Петровичъ Друговъ, крестившій поэта Лермонтова. Онъ, въ свое время, пользовался особою славою въ духовномъ мірѣ. О немъ приведены нѣкоторыя свѣдѣнія въ моей „Исторіи Московскаго епархіальнаго управленія". Подробная біографія его напечатана въ московскомъ духовномъ журналѣ „Душеполезное чтеніе" 1868 г., въ VI книжкѣ. Нынѣшній священникъ Трехсвятительской, у Красныхъ воротъ, церкви Петръ Орловъ—его внукъ, а самъ протоіерей Друговъ занялъ мѣсто своего отца, который изъ дьяконовъ сей же церкви опредѣленъ во священники въ 1762 г. (см. въ „Исторіи Московскаго епархіальнаго управленія", ч. 2, кн. 2, прим. 297, № 2). Такимъ образомъ, одинъ родъ занимаетъ священническое мѣсто болѣе 100 лѣтъ. Да и церковь, въ которой поэтъ крещенъ, замѣчательна,—она была патріаршая".

Москва.

Сообщ. **Н. П. Розановъ.**

М. Н. Муравьевъ въ Литвѣ.

1831 г.

По усмиреніи мятежа 1831 года въ Царствѣ польскомъ и Литвѣ, мнѣ привелось, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, квартировать въ разныхъ мѣстностяхъ Западныхъ губерній. Тамошніе помѣщики, въ то время, страшно негодовали на М. Н. Муравьева, производившаго слѣдствія во многихъ мѣстахъ, послѣ бывшаго повстанья въ Литвѣ и Бѣлоруссіи ибо многіе изъ пановъ, шляхтичей и лицъ другихъ сословій привлекались къ допросамъ и нѣсколько времени были содержимы подъ арестомъ. Между помѣщиками носилась молва, что Муравьевъ—человѣкъ жестокосердый, ненавидитъ поляковъ и все польское, что многіе отъ него потерпѣли и тому подобное.

Все это приходилось слышать офицерамъ почти во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ, не только во время зимняго квартированія, но и походомъ на днёвкахъ и ночлегахъ. Надобно при этомъ прибавить, что, не взирая на свѣжую память еще тогда только что прекращеннаго возстанія въ тѣхъ мѣстахъ, помѣщики, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, принимали офицеровъ очень хорошо; разсказывали

разные эпизоды изъ бывшаго недавно мятежа, спорили, шутили, какъ-будто бы между нами никогда не было ничего непріязненнаго. Эти жалобы на Муравьева, признаюсь, породили во мнѣ тогда любопытство узнать, не производились-ли пытки надъ арестованными? Отъ подвергавшихся аресту и допросамъ моихъ тогдашнихъ знакомыхъ, бывшихъ уже свободными, обыкновенно я слышалъ, что съ ними собственно ничего особеннаго не было во время ихъ содержанія подъ арестомъ; но что касается другихъ, то они навѣрно знаютъ, что при допросахъ сѣкли розгами.

При подобныхъ разсказахъ, конечно, трудно было отличить выдумку отъ истины; молва объ одномъ и томъ же предметѣ обыкновенно пріобрѣтаетъ сильное развитіе. Вскорѣ, однако-жъ, случай доставилъ мнѣ возможность узнать причину, вовлекшую многихъ другихъ изъ арестованныхъ предполагать, что другихъ сотоварищей ихъ по аресту сѣкли, а они отдѣлались просто только одними допросами.

Въ мѣстечкѣ Глубокомъ, Минской губерніи, зимою въ то время были расположены на квартирахъ: баталіонный штабъ и одна рота Либавскаго пѣхотнаго полка. Квартируя въ одной деревнѣ, въ девяти верстахъ отъ помянутаго мѣстечка, я иногда по службѣ, а наиболѣе для развлеченія отъ скуки, почти каждую недѣлю пріѣзжалъ въ Глубокое, и проживалъ тамъ по нѣскольку дней сряду.

Въ Глубокомъ существовалъ тогда огромный католическій монастырь ордена Кармелитовъ, очень богатый, ибо за монастыремъ, говорили, числилось 3 т. душъ крестьянъ. Наполеонъ I, идя съ своими полчищами въ Россію, провелъ въ немъ дня три; предъ отъѣздомъ его, какъ разсказывали намъ монахи этого монастыря, въ благодарность за гостепріимство, одинъ изъ придворныхъ вынесъ цѣлое блюдо наполеондоровъ, въ подарокъ отъ императора Гвардіану (настоятелю монастыря). Послѣдній въ память пребыванія Наполеона въ монастырѣ, комнату, въ которой спалъ императоръ, тщательно содержалъ въ томъ видѣ, какъ онъ ее оставилъ,—и такъ какъ она принадлежала къ чилу покоевъ, занимаемыхъ самимъ Гвардіаномъ, то онъ ее заперъ и никого туда не пускалъ. Когда нашъ полкъ квартировалъ въ мѣстечкѣ Глубокомъ, Гвардіаномъ былъ еще тотъ самый ксендзъ, который принималъ Наполеона; но, по болѣзненности и старости его, завѣдывалъ монастыремъ уже нѣсколько лѣтъ Суперьёръ (второе лицо въ монастырѣ послѣ Гвардіана), ксендзъ Панкрацій, человѣкъ умный, общительный, любезный, усердно хлопоталъ о всевозможныхъ удобствахъ квартировавшихъ въ мѣстечкѣ и деревняхъ, принадлежавшихъ монастырю, воинскихъ чиновъ.

Я очень сблизился съ Суперьёромъ. Видя мою любознательность

и спокойное отношеніе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ вообще, онъ часто бесѣдовалъ со мною о Польшѣ, о политикѣ и при этомъ о М. Н. Муравьевѣ, который, не задолго до прибытія нашего полка въ мѣстечко Глубокое, жилъ въ этомъ мѣстечкѣ нѣсколько времени и производилъ слѣдствіе и судъ послѣ мятежа 1831 года. Я часто заводилъ рѣчь съ ксендзомъ Панкраціемъ объ этомъ слѣдствіи и разспрашивалъ, не знаетъ-ли онъ чего по интересовавшему меня обстоятельству, относительно сѣченія розгами арестованныхъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно было, что въ мѣстечкѣ Глубокомъ судилось очень много, замѣшанныхъ по дѣлу мятежа, очень богатыхъ и знатныхъ пановъ края. И вотъ однажды, въ минуту откровенности, Суперьёръ, повелъ меня и показалъ кельи, гдѣ содержались арестованные, гдѣ было засѣданіе суда и прочее.

Длинный корридоръ, съ кельями по обѣимъ сторонамъ, заканчивался просторными покоями, въ которыхъ обыкновенно засѣдала ежедневно слѣдственная коммиссія, а въ кельяхъ содержались арестованные и изъ оныхъ приводились въ коммиссію для допросовъ; всѣ кельи были съ желѣзными рѣшотками въ окнахъ. Послѣ этого осмотра, когда мы вернулись въ келью Суперьёра, на убѣдительный мой вопросъ о пыткѣ, ксендзъ Панкрацій, разсказалъ мнѣ слѣдующее,— онъ говорилъ по-польски.

„Скажу вамъ откровенно и по совѣсти, что аристованныхъ не только ничѣмъ не пытали, но даже и не сѣкли, хотя объ этомъ тогда и толковали въ нашемъ мѣстѣчкѣ и теперь вездѣ говорятъ; но я навѣрно знаю, что это не правда. Муравьевъ меня безпрестанно требовалъ къ себѣ по разнымъ дѣламъ, касающимся содержанія и продовольствія арестованныхъ въ кельяхъ нашего монастыря, и всегда сурово и строго подтверждалъ мнѣ не разсказывать ничего, что я могу увидѣть или узнать, чтобы это не могло быть передано арестованнымъ.—Но вотъ что дѣлалъ хитрый Муравьевъ (какъ выразился ксендзъ). Во время производства слѣдствія и суда въ мѣстечкѣ Глубокомъ, приводили, привозили изъ окрестныхъ мѣстечекъ, мызъ и деревень очень много разной панской челяди, экономовъ, слугъ, лѣсничихъ, арендаторовъ и даже евреевъ, причастныхъ почему-либо къ повстанію. Судъ разбиралъ ихъ оправдавшихся отпускалъ по домамъ, а виновныхъ приговаривалъ къ наказанію розгами, смотря по степени вины, нѣсколькими ударами; подвергавшихся этому наказанію было очень много, почти каждый день стегали по нѣскольку человѣкъ. Исправнику, бывшему тогда безотлучно въ Глубокомъ, Муравьевъ приказалъ эти приговоры суда производить непремѣнно въ одной изъ келій при входѣ въ корридоръ, такъ что крикъ наказываемыхъ,

при мертвой тишинѣ въ кельяхъ арестованныхъ пановъ, доходилъ до нихъ съ ударами розогъ. Когда это стеганіе оканчивалось, исправникъ докладывалъ Муравьеву, и тотъ съ членами слѣдственной коммиссіи приходилъ въ покои, гдѣ помѣщалось засѣданіе и начинались допросы и очныя ставки, къ которымъ приводились арестованные изъ келій. Естественно, что арестованные, послѣ слышанныхъ ими воплей, и ударовъ трепетали предъ судьями, и на очныхъ ставкахъ думали, что сосѣдъ его сѣченъ, а онъ еще счастливъ, что его пощадили,—и эта коварная хитрость, конечно, помогала разслѣдованію. „Но", прибавилъ ксендзъ, „я могу васъ завѣрить по совѣсти, что никто, даже самый бѣдный, незначительный шляхтичъ, не былъ тѣлесно наказываемъ. Муравьевъ, какъ самъ дворянинъ, обращалъ на это строгое вниманіе, и подобные люди подвергались другимъ наказаніямъ за свои вины, но не тѣлеснымъ. Объ этомъ говорилъ мнѣ исправникъ. Со мною Муравьевъ былъ хорошъ (прибавилъ ксендзъ), но какъ-то его обращеніе было строго и сурово. Сначала онъ меня называлъ „ксендзъ Крацій", думая, что первый слогъ моего имени, панъ, придается какъ у васъ по-русски господинъ; и бывало, когда посылаемый имъ за мною, ослышавшись, спрашивалъ: „ксендза Панкрація прикажите позвать?" то онъ всегда возражалъ: „что за панъ, позвать старшаго ксендза Крація".

Въ неправдивости этого разсказа нельзя заподозрить ксендза Панкрація. Онъ мнѣ сознавался, что, не смотря на хорошія къ нему отношенія Муравьева, онъ все-таки его ненавидѣлъ.

Долго спустя послѣ, въ 1860 году, я разсказалъ объ этомъ генералъ-лейтенанту А. И. К... Онъ, посмѣявшись, сказалъ: „я вамъ разскажу тоже подобное про М. Н. Муравьева, ибо, служа, въ тридцатыхъ годахъ, въ жандармахъ въ Литвѣ, я въ то время очень часто сходился съ нимъ по службѣ на подобныхъ же слѣдствіяхъ. Знаете что? Онъ возилъ всегда съ собою какого-то инвалиднаго солдата, который имѣлъ способность удивительно поддѣлываться подъ голоса и крикъ мужчинъ и женщинъ. Вотъ этотъ инвалидъ бывало и бьетъ розгами по кожаной подушкѣ и кричитъ разными голосами; а дѣлалось такъ, чтобы крикъ доходилъ до арестованныхъ, разумѣется, гдѣ надобно было попугать упорныхъ для сознанія. Муравьевъ бывало очень смѣялся этой шуткѣ; но серьезно просилъ меня тогда не разсказывать объ этомъ никому, чтобы не дошло до арестуемыхъ и сознавался, что эта комическая, по его мнѣнію, продѣлка, много иногда помогала при допросахъ".

Въ прежнее время подобныя устрашенія были допускаемы при допросахъ; поэтому разсказъ ксендза, а равно и инвалидъ съ подуш-

кою, можетъ быть выведутъ многихъ пановъ, бывшихъ тогда подъ слѣдствіемъ, живущихъ еще и нынѣ, изъ недоумѣнія относительно слышанныхъ ими воплей, во время содержанія ихъ подъ арестомъ, послѣ повстанія 1831 года.

Рафаилъ Сорокинъ.

Москва.

Календарь для хронологическихъ справокъ.

Въ лѣтописяхъ время событій часто помѣчается не только годомъ, мѣсяцемъ и числомъ, но и днемъ недѣли; а иногда какимъ-нибудь праздникомъ. Для провѣрки такихъ указаній, желательно имѣть легкій способъ находить день недѣли для каждаго числа въ данномъ годѣ, а также опредѣлять для даннаго года день Пасхи.

Самый легкій и удобный, для удержанія въ памяти, способъ опредѣленія дней недѣли заключается въ слѣдующемъ:

Обозначимъ дни недѣли числами такъ: пусть 0 обозначаетъ воскресенье. 1—понедѣльникъ, 2—вторникъ, 3—среду, 4—четвергъ, 5—пятницу и 6—субботу.

Надо запомнить слѣдующій рядъ цифръ:

4 0 0 3 5 1 3 6 2 4 0 2

Цифры эти по порядку, отъ лѣвой руки къ правой, выражаютъ числа, соотвѣтствующія 12-ти мѣсяцамъ года. Для високоснаго года, первыя двѣ цифры 4 и 0, соотвѣтствующія январю и февралю, должно замѣнить 3 и 6.

Запомнить этотъ порядокъ цифръ весьма не трудно, стоитъ только ихъ раздѣлить на 4 группы и каждую группу прочесть, какъ отдѣльное число: 400, 351, 362, 402. Для високоснаго же года первая группа, вмѣсто 400, будетъ 360.

Опредѣленіе дня недѣли дѣлается такъ: нумеръ даннаго года должно умножить на 5. Произведеніе раздѣлить на 4. Къ частному придать число, соотвѣтствующее данному мѣсяцу, и число мѣсяца. Сумму этихъ 3-хъ чиселъ раздѣлить на 7; остатокъ дѣленія и обозначитъ искомый день недѣли.

Для 3-го мая 1672 года:

$1672 \times 5 = 8360$, $\frac{8360}{4} = 2090$, $2090 + 5 + 30 = 2125$, $\frac{2125}{7}$ даетъ въ остаткѣ 4; слѣдовательно, 30-е мая 1672 года было въ четвергъ.

Здѣсь предполагается, что номерація годовъ идетъ отъ Р. Х. неизмѣнно но должно замѣтить, что настоящая номерація годовъ идетъ неизмѣнно съ 1-го января 1700 года, по указу Петра I, отъ 20-го декабря 1699 г., въ которомъ предписано: счетъ лѣтъ вести отъ Р. Х. и началомъ года считать 1-е января. До того времени счетъ лѣтъ вели отъ сотворенія міра и началомъ года, по постановленію Московскаго собора въ 1492 г., считали 1-е сентября До 1492 года началомъ года считалось 1-е марта.

Вслѣдствіе чего настоящая номерація годовъ превышаетъ номерацію мартовскихъ годовъ, въ январѣ и февралѣ на 2 единицы, а съ марта по январь—на 1 единицу; а номерацію сентябрскихъ годовъ, съ января по сентябрь—на 1 единицу, а съ сентября по январь — обѣ номераціи одинаковы.

Это замѣчаніе должно имѣть въ виду при разборѣ лѣтописей.

Для тѣхъ, кто затруднится этимъ способомъ, можно рекомендовать слѣдующія 4 таблички.

Таблицы, опредѣляющія дни недѣли, во всѣхъ годахъ, для всѣхъ чиселъ мѣсяцевъ.

А.	Б.			
0	0	70)	1400	
1		600	1300	
2		500	1200	1900
3		400	1100	1800
4		300	1000	1700
5		200	900	1600
6		100	800	1500

А.	В.																	
0	0	6		17	23	28	34		45	51	56	62		73	79	84	90	
1	1	7	12	18		29	35	40	46		57	63	68	74		85	91	96
2	2		13	19	24	30		41	47	52	58		69	75	80	86		97
3	3	8	14		25	31	36	42		53	59	64	70		81	87	92	98
4		9	15	20	26		37	43	48	54		65	71	76	82		93	99
5	4	10		21	27	32	38		49	55	60	66		77	83	88	94	
6	5	11	16	22		33	39	44	50		61	67	72	78		89	95	

А.	Г.			при високосѣ
0	Фев.	Мар.	Нояб.	
1	Іюнь			
2	Сент.	Дек.		
3	Апр.	Іюль		Янв.
4	Янв.	Окт.		
5	Май			
6	Авг.			Февр.

Послѣдняя вертикальная графа обозначаетъ, что въ високосномъ году для января мѣсяца должно брать число 3, а не 4; а для февраля число 6, а не 0.

А.	Д.				
0		7	14	21	28
1	1	8	15	22	29
2	2	9	16	23	30
3	3	10	17	24	31
4	4	11	18	25	
5	5	12	19	26	
6	6	13	20	27	

Каждая таблица имѣетъ рядъ чиселъ А, расположенныхъ въ вертикальномъ порядкѣ, отъ 0 до 6.

Таблица Б даетъ эти числа для столѣтій; таблица В—для годовъ каждаго столѣтія; таблица Г — для каждаго мѣсяца; таблица Д — для каждаго числа мѣсяца.

Для опредѣленія дня, стбитъ только замѣтить, противъ какого числа, ряда А, стоитъ данное столѣтіе, годъ, мѣсяцъ и число мѣсяца. Числа эти сложить и изъ суммы исключить столько разъ число 7, чтобы остатокъ получился меньше 7-ми. Этотъ остатокъ и обозначитъ искомый день недѣли.

0 обозначитъ воскресенье, 1 — понедѣльникъ, 2 — вторникъ, 3 — среду, 4 — четвергъ, 5 — пятницу, 6 — субботу.

Напримѣръ, положимъ, мы желаемъ знать, въ какой день недѣли было 30-е мая 1672 года. Въ таблицахъ находимъ для 1600 число 5.

72	»	6.
Май	»	5.
30	»	2.

Сумма этихъ чиселъ ровна 18; исключивъ изъ нея 14, получимъ въ остаткѣ 4, т. е, что 30-е мая 1672 года было въ четвергъ.

Способъ опредѣленія дня Пасхи, для православной церкви, болѣе другихъ удобный для удержанія въ памяти, безспорно есть способъ профессора Гауса, опубликованный имъ въ 1800 году, но безъ объясненія, какими сужденіями онъ достигъ столь простыхъ формулъ.

Профессоръ астрономіи С.-Петербургскаго университета, А. Н. Савичъ также составилъ формулы для опредѣленія дня Пасхи. Формулы эти можно назвать точнымъ переложеніемъ постановленій Никейскаго собора на математическій языкъ.

Въ 1857 г. профессоръ Буняковскій сравнилъ формулы Гауса съ формулами Савича и математически доказалъ, что они тожественны.

Слѣдовательно, формулы Гауса можно безошибочно употреблять для опредѣленія дня православной Пасхи.

Способъ Гауса состоитъ въ опредѣленіи 5-ти остатковъ:

Первый, отъ дѣленія года на 19.

Второй, отъ дѣленія года на 4.

Третій, отъ дѣленія года на 7.

Четвертый остатокъ получается отъ дѣленія на 30 числа 15, сложеннаго съ первымъ остаткомъ, умноженнымъ на 19.

Пятый остатокъ получается отъ дѣленія на 7. Суммы: удвоеннаго втораго остатка съ учетвереннымъ третьимъ остаткомъ и ушестереннымъ четвертымъ остаткомъ.

Сумма четвертаго и пятаго остатковъ, сложенная съ числомъ 21, и выражаетъ день Пасхи.

Если послѣдняя сумма не превышаетъ число 31, то она относится къ марту мѣсяцу; если же эта сумма будетъ болѣе 31, то изъ нея должно вычесть 31, и остатокъ обозначитъ число апрѣля.

Напримѣръ, для 1873 г.

Первый остатокъ отъ $\frac{1873}{19}$ будетъ 11.

Второй остатокъ отъ $\frac{1873}{4}$ будетъ 1.

Третій остатокъ отъ $\frac{1873}{7}$ будетъ 4.

Четвертый остатокъ отъ $\frac{15+19\times 11}{30}$ будетъ 14.

Пятый остатокъ отъ $\frac{2\times 1+4\times 4+6\times 14}{7}$ будетъ 4.

$14+4+21=39-31=8$ апрѣля.

Сумма четвертаго и пятаго остатка, представляетъ число, которое въ православной пасхаліи называется ключъ. Ключевое число выражаетъ, въ какой день по порядку, послѣ 21-го марта, будетъ Пасха.

Ключевое число служитъ къ опредѣленію всѣхъ подвижныхъ праздниковъ года. Обозначимъ его буквою k, то

Продолжительность Рождественскаго мясоѣда = 31 дню + k.
Начало Тріоди (церк. служ. по особ. уст.)=10-го января + k
Начало сырной недѣли 24-го января + k
Начало Великаго поста k февраля

При високосѣ это число должно увеличить единицею.

Пасха 21-го марта + k.
Преполовеніе 14-го апрѣля + k.
Вознесевіе 29-го апрѣля + k.
Пятидесятница 9-го мая + k.
Начало Петрова поста 16-го мая + k.
Продолженіе Петрова поста 43 – k.

Для опредѣленія Пасхи можно также рекомендовать слѣдующую табличку.

	5 11 16 22	0 6 17 23	1 7 12 18	2 13 19 24	3 8 14 25	9 15 20 26	4 10 21 27
0	12	11	10	9	8	7	6
1	29	28	27	26	1	31	30
2	19	18	17	16	15	14	20
3	5	4	3	9	8	7	6
4	29	28	27	26	25 м.	24 м.	23 м.
5	12	11	17	16	15	14	13
6	5	4	3	2	1	31	6
7	19	25 а.	24 а.	23 а.	22 а.	21	20
8	12	11	10	9	8	14	13
9	29	28	3	2	1	31	30
10	19	18	17	16	22 а.	21	20
11	5	11	10	9	8	7	6
12	29	28	27	26	25 м.	31	30
13	19	18	17	16	15	14	13
14	5	4	3	2	8	7	6
15	22 м.	28	27	26	25 м.	24 м.	23 м.
16	12	11	10	16	15	14	13
17	5	4	3	2	1	31	30
18	19	18	24 а.	23 а.	22 а.	21	20

Для опредѣленія числа, въ которомъ прійдется въ данномъ году Пасха православной церкви, должно номеръ года раздѣлить на 28 и на 19 и замѣтить остатки отъ этихъ дѣленій.

Первый остатокъ отыскать въ первыхъ четырехъ горизонтальныхъ графахъ; онъ опредѣлитъ ту вертикальную графу, въ которой находится искомое число. Второй остатокъ отъ дѣленія года на 19 должно отыскать въ первой вертикальной графѣ, гдѣ они расположены по порядку; онъ опредѣлитъ ту горизонтальную графу, гдѣ находится искомое число. Напримѣръ, для 1873 года: остатокъ отъ дѣленія года на 28 равенъ 25. Остатокъ отъ дѣленія года на 19 равенъ 11. Слѣдовательно, Пасха будетъ 8-го апрѣля. Зам. въ таблицѣ только числа 22, 23, 24, 25 помѣчены начальными буквами мѣсяцевъ потому, что только въ эти числа Пасха можетъ быть въ мартѣ и апрѣлѣ; въ числа же большія 25-ти она можетъ быть только въ мартѣ, а меньшія 22-хъ — только въ апрѣлѣ.

Сообщ. **Н. И. Черухинъ.**

В. Г. БЕНЕДИКТОВЪ.

14-го апрѣля 1873 года скончался **Владимiръ Григорьевичъ Бенедиктовъ**, въ свое время знаменитый поэтъ, при несомнѣнномъ дарованiи соединявшiй пламенную любовь ко всему изящному, съ честностью убѣжденiй, которымъ оставался вѣренъ до конца жизни. „Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst“ (угрюма жизнь, свѣтло искусство): этотъ стихъ Шиллера, избранный Бенедиктовымъ для эпиграфа при первомъ изданiи его стихотворенiй, былъ его литературнымъ девизомъ.

Владимiръ Григорьевичъ род. 5-го ноября 1807 года; дѣтство провелъ въ Петрозаводскѣ, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто совѣтника губернскаго правленiя. Учился прекрасно; окончилъ курсъ въ тамошней гимназiи и, въ 1821 году, былъ привезенъ отцомъ своимъ въ Петербургъ и опредѣленъ во 2-й кадетскiй корпусъ. 25-го iюня 1827 г. былъ выпущенъ въ лейбъ-гвардiи Измайловскiй полкъ прапорщикомъ; участвовалъ въ чинѣ подпоручика въ польской компанiи 1831 года, за которую былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст., съ надписью: „за храбрость“. Съ 1832 года онъ поступилъ въ гражданскую службу по министерству финансовъ и состоялъ на ней до 1860 года, въ которомъ былъ уволенъ за штатомъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ мундиромъ и пенсiей. Таковъ послужной списокъ Бенедиктова-чиновника, въ которыхъ у насъ въ Россiи нѣтъ недостатка; но Бенедиктовыми-поэтами Россiя не богата.

Страсть къ стихотворенiямъ обнаружилась въ покойномъ Бенедиктовѣ еще отрокѣ и юношѣ, въ бытность его въ гимназiи и въ корпусѣ. Истинное вдохновенiе пробудилось въ немъ на военномъ поприщѣ и первыя свои поэтическiя произведенiя Бенедиктовъ написалъ въ походѣ. Гражданская служба не отвлекла его отъ поэзiи, точно также какъ и поэзiя не отвлекала отъ службы. Первое изда-

ніе его стихотвореній, отдѣльной книжкой, появилось въ 1835 году. Публика, знакомая съ прежними произведеніями Бенедиктова, печатанными въ журналахъ, отнеслась къ его стихотвореніямъ съ горячимъ сочувствіемъ, и въ теченіе пятнадцати лѣтъ Бенедиктовъ былъ ея любимцемъ. Безъ стихотвореній Бенедиктова не обходилось почти ни одного періодическаго изданія. Въ 1857 году онъ напечаталъ свои „Новыя стихотворенія", между которыми было много истинно прекрасныхъ; но „новые читатели" холодно отнеслись къ нимъ и большинство, указывая на недостатки поэта, упустило изъ виду его достоинство и его заслуги на литературномъ поприщѣ.

Вычурная пестрота стиха, оригинальность сравненій, излишество метафоръ — таковы недостатки музы Бенедиктова. Онъ въ своихъ стихахъ то же, что Марлинскій въ прозѣ. Таковъ приговоръ нашихъ современниковъ. Но развѣ Марлинскій бездарность? Обвиняя поэта за излишній блескъ и звучность его стиховъ, строгіе судьи не обращаютъ вниманія на талантъ, которымъ запечатлѣны многія стихотворенія, на чувство, которымъ онѣ согрѣты, на искренность, на отсутствіе всякой фальши или приторной лести. Если Бенедиктовъ пережилъ свою славу, какъ говорятъ, это еще не лишитъ его права занять видную страницу въ исторіи отечественной словесности. Отцы восхищались Бенедиктовымъ; дѣти—отзываются о немъ съ пренебреженіемъ... именно потому, что они дѣти; но внуки, можетъ быть, отдадутъ ему должную справедливость. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ въ нашей литературѣ промелькнуло очень много скороспѣлыхъ поэтовъ и эфемерныхъ знаменитостей, но далеко имъ всѣмъ до покойнаго Бенедиктова. Не пережилъ онъ ни своего дарованія, ни своей славы; онъ только дожилъ до временъ, въ которыя поэзія сдѣлалась смѣшнымъ анахронизмомъ.

Въ нашъ вѣкъ поэзія не въ модѣ:
Въ глазахъ людей, бѣднякъ-поэтъ,
Ты ароматный пустоцвѣтъ
Лишь овощей на огородѣ...
И вянешь ты или цвѣтешь,
Отъ зноя терпишь иль ненастья,
Повѣрь, къ себѣ не привлечешь
Ни состраданья, ни участья!
Капуста, лукъ да огурцы
Не ароматны, но вкуснѣе:
Намъ торгаши теперь нужнѣе
Чѣмъ вы, мечтатели-пѣвцы.

П. П. К—нъ.

вается тутъ та народная сила, передъ которою приходится преклониться Владиміру князю, величающему Илью Муромца «несудимымъ богатыремъ» (стр. 1178). Слезно упрашиваемый стольнымъ княземъ, засадившимъ-было стоятеля и оберегателя земли русской въ погребъ, выйти на выручку Кіева отъ татарской силы, Илья въ одномъ изъ Гильфердинговскихъ варіантовъ съ особенною силою выражаетъ то, что уже было записано отъ разныхъ пѣвцовъ и прежними собирателями:

Я иду служить за вѣру христіанскую
И за землю россійскую,
Да и за стольній Кіевъ градъ,
За вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей...
А для собаки-то князя Владиміра
Да и не вышелъ бы я вонъ изъ погреба.
(стр. 1179).

Подначальность любимаго народнаго богатыря не кому иному, какъ великой общинѣ, міру-народу — землѣ родной, составляетъ ту нравственную идею нашего народнаго эпоса, которая могла бы воспитательно дѣйствовать и на юношество нашего образованнаго класса, не могущаго особенно похвалиться тяготѣніемъ къ общему. Но эта идея народнаго эпоса уцѣлѣла далеко не вездѣ; во многихъ мѣстностяхъ русской земли она до того уже стерлась въ былинахъ, что можетъ быть только возстановляема сличеньемъ съ варіантами, записанными въ болѣе счастливыхъ мѣстностяхъ. Такими являются по преимуществу тѣ отдаленныя сѣверныя, эпическія богатства которыхъ и были приведены въ извѣстность сперва П. Н. Рыбниковымъ, вслѣдъ же за нимъ окончательно А. Ѳ. Гильфердингомъ (хотя и имъ они еще не исчерпаны, вслѣдствіе чего и предпринялъ онъ свое вторичное путешествіе, которое, къ несчастію, было прервано смертію въ самомъ началѣ). Если вообще сохраненію былинъ въ этихъ мѣстностяхъ содѣйствовало окраинное ихъ положеніе, то сохраненію въ нихъ вышеуказанной общественной идеи должно было содѣйствовать то, что мѣстности эти остались свободными отъ крѣпостнаго права, которое если и не совершенно искоренило, то сильно, однако же, придавило общинный духъ въ народѣ. И эпическій отпечатокъ этого духа уцѣлѣлъ далеко не вездѣ, гдѣ уцѣлѣлъ былевой эпосъ; а сколько у насъ такихъ мѣстностей, гдѣ даже вполнѣ исчезли былины! Имѣя въ виду это, а также и то, что даже и въ счастливыхъ, въ этомъ отношеніи, мѣстностяхъ былины повторяются въ настоящее время нерѣдко уже вполнѣ безсознательно, невольно приходишь къ мысли, что мы не только должны воспользоваться ими для себя, для ученыхъ цѣлей, но и должны ихъ сберечь самому народу: собираемое у него по частямъ въ различныхъ мѣстахъ свести въ одно цѣлое — для всенароднаго пользованія. Если у насъ въ Россіи не было того перехода устнаго эпоса въ литературную эпопею, какой существовалъ на западѣ, то мы могли бы воспользоваться теперь устными эпическими богатствами, для внесенія особаго воспитательнаго начала въ нашу небогатую и далеко не многостороннюю педагогическую литературу. Сводъ народныхъ былинъ съ такой цѣлью долженъ быть сдѣланъ, конечно, послѣ очистки ихъ отъ всего, что отзывается или первобытною грубостью, или позднѣйшею огрубѣлостью. Это долженъ быть сводъ изъ различныхъ варіантовъ всего того, что принадлежитъ благопріятнѣйшимъ, въ смыслѣ историческаго развитія, ступенямъ народнаго эпоса, и въ чемъ главнымъ образомъ выражается вышеуказанная общественная идея. Въ такомъ сводѣ, однако же, не должно быть ни одной черты присочиненной, не имѣющейся въ какомъ-либо варіантѣ. Только при такомъ условіи сводъ этотъ можетъ быть настоящимъ возвращеніемъ народнаго достоянія — всему народу, включая въ него и юношество образованныхъ классовъ, имѣющее проникнуться, наконецъ, сознаніемъ своей народности. Кое-какія попытки подобныхъ сводовъ у насъ имѣются, но ихъ нельзя признать совершенно удачными. Это дѣло еще остается за нашими знатоками народнаго эпоса; оно должно быть совершено съ умѣніемъ и любовью.

Ор. Миллеръ.

Изданія Севастопольскаго отдѣла.

Предъ нами двѣ книги, относящіяся къ исторіи обороны Севастополя. Въ первой изъ нихъ, составленной г. Головачевымъ, разсматривается исторія Севастополя «какъ русскаго порта», т. е. занятіе севастопольской мѣстности подъ русской военный портъ; послѣдовавшія затѣмъ матеріальныя и административныя перемѣны, улучшенія и преобразованія въ севастопольскомъ портѣ и, наконецъ, историческое извѣстіе о судахъ нашего флота и морскихъ командахъ, заходившихъ въ портъ Сочиненіе г. Головачева основано, главнымъ образомъ, на архивныхъ источникахъ и снабжено картой окрестностей Севастополя. Вторая книга — «Трехсотъ-сорока-девяти-дневная защита Севастополя» — «общедоступно изложена» г. Н. Дубровинымъ, на основаніи трудовъ Тотлебена, Алабина, Берга, Жандра и многихъ другихъ статей, разбросанныхъ по разнымъ книгамъ, журналамъ и газетамъ Указанія источниковъ при заимствованіи «признаны неудобными въ подобномъ сочиненіи». Къ книгѣ приложено два плана.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ"
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома,** изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія,** не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30);** въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч., въ д. Трута. кв. № 12.**

Въ послѣдующихъ книгахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** будутъ, между прочимъ, напечатаны: **Записки Болотова** (т. IV и посл.), **М. А. Бестужева** (продолж.); **И. С. Жирковича** (1795—1835 гг.), **Пассекъ;** документы изъ архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова,** кн. **Куракиныхъ,** гр. **Стакельберговъ,** кн. **Щербатова,** свѣтл. кн. **Италійскаго** графа **Суворова-Рымникскаго;** свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина;** кн. **Г. А. Потемкина; Дм. Вас. Волкова** (новыя данныя къ исторіи революціи 1762 г.); **И. И. Горбачевскаго,** кн. **С. Г. Волконскаго** (1812 — 1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго;** записки ген. **Толя,** кн. **А. А. Шаховскаго;** Москов. театра артистки **Никулиной-Косицкой; И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); генерала **Фелькнера,** ак. жив. **А. В. Ступина** (1775—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича;** секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790—1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ѳ. Опочинина** (о 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Дѣло **Волынскаго;** письма гр. **Бестужева-Рюмина,** гр. **Панинызъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II;** письма императоровъ: **Павла I, Александра I, Николая I,** цесар. **Константина;** императрицы **Елизаветы Алексѣевны;** гр. **Аракчеева;** гр. **Бенкендорфа** и **Дибича; А. П. Ермолова;** мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова;** разсказы изъ исторіи тайн. канц. О пребываніи въ ссылкѣ Брауншв. фамиліи. Неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батюшкова** (болѣе 50 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Бѣлинскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина,** статьи **В. Н. Каразина,** акад. **Венеціанова;** сообщенія: акад. **А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; А. Н. Попова, П. К. Щебальскаго;** профес. **И. Д. Бѣляева, Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади,** кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова. П. И. Баранова.** Сообщ.: Гр. **К. И. Палена, К. С. Сербиновича,** кн. **П. Д. Волконскаго,** кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго,** кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делянова,** акад. **А. А. Куника,** акад. **Веселовскаго;** бар. **М. Н. Сердобина; Н. Н. Селифонтова, Ѳ. К. Опочинина, И. П. Корнилова, Г. И. Студенкина, Н. А. Ермакова,** гр. **Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; А. С. Воронова, М. И. Богдановича,** бар. **Ѳ. А. Бюлера, М. Ѳ. Бороздина, Н. Н. Мурзакевича, Н. П. Дурова, И. Ѳ. Горбунова, Т. А. Сосновскаго** и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины" принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогич., Императорскихъ Русскихъ Географич. и Археологич. Обществъ, Археографич. Коммиссіи, Московскаго Музея имени Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича и Коммиссіи по устр. Архивовъ— **М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. **АВГУСТЪ.** 1873 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Филологическія розысканія академика Я. К. Грота. Спб., 1873, 8°, VIII и 668 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Большой томъ филологическихъ трудовъ академика Я. К. Грота напечатанъ по мысли Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Сюда, помимо статей, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, но пересмотрѣнныхъ и отчасти измѣненныхъ авторомъ, вошелъ совершенно новый трудъ Я. К. Грота (занимающій треть тома) — «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ», прочитывавшійся, по мѣрѣ составленія его, то въ Академіи, то въ Филологическомъ Обществѣ. Ученые и любители въ области русскаго слова найдутъ здѣсь богатый матеріалъ для русской лексикографіи (разборъ словаря Даля; областные словари; матеріалы для русскаго словаря; къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря) и грамматики. Къ тому приложено три рода указателей: именъ и предметовъ; русскихъ или заимствованныхъ словъ и именъ собственныхъ, разсматриваемыхъ въ книгѣ; иностранныхъ словъ и именъ, приводимыхъ въ книгѣ.

Появленіе «Филологическихъ розысканій Я. К. Грота» какъ нельзя болѣе благовременно. Всецѣло поглощенные заботами объ изученіи россійскимъ юношествомъ древнихъ языковъ, мы весьма мало обратили вниманія на изученіе языка своего, отечественнаго. Благодаря отсутствію какихъ-либо общихъ основаній, ничтожной исторической и сравнительной разработкѣ русскаго языка, — правописаніе наше на половину традиціонно (какъ отцы наши писали, такъ и мы), на половину произвольно, и потому окончательно неосновательно и неправильно и замѣчательно разношерстно. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ наши газеты и журналы: одни пишутъ по преданію, другіе хотя и руководствуются правилами своего изобрѣтенія, но никогда ихъ не выдерживаютъ, сбиваемые преданіемъ и страхомъ нововведенія. Не лучше идетъ дѣло правописанія и въ гимназіяхъ: каждый учитель держится своихъ правилъ, и можно судить—каково приходится ученикамъ, при происходящихъ перемѣнахъ учителей языка и словесности! Въ виду этого хаоса, за который первыми отвѣтчиками являются учащіеся юноши, было бы и справедливо, и гуманно, и вообще полезно — желать составленія и за тѣмъ изданія «Уложенія о русскомъ правописаніи». Если гдѣ и нужна регламентація, то—именно здѣсь, въ этомъ больномъ мѣстѣ; но регламентація разумная, основанная на историческихъ и сравнительныхъ данныхъ языка. Конечно, починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежитъ по праву и даже составляетъ прямую обязанность академіи и министерства народнаго просвѣщенія. Составленный присяжными учеными и спеціалистами, проэктъ такого «Уложенія» долженъ быть отпечатанъ и повсюду разосланъ и даже пущенъ въ продажу, для всесторонней критики; а затѣмъ трудъ этотъ былъ бы обязательнымъ для всѣхъ безъ различія учебныхъ заведеній.

Исторія московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія св. синода (1721—1821). Сочин. Николая Розанова. 3 части, въ 5-ти книгахъ. М. 1869—1871.

Г. Розановъ, состоя не малое время на службѣ въ московской духовной консисторіи, воспріялъ благую мысль заняться изученіемъ консисторскаго архива. Хотя архивъ не сохранился въ цѣлости, благодаря московскому пожару 1812 года, однако, плодомъ изученія архива г. Розановымъ явились пять книжекъ, содержащихъ въ себѣ не исторію въ тѣсномъ смыслѣ, а матеріалы для исторіи московскаго епархіальнаго управленія (до времени вступленія на московскую каѳедру покойнаго Филарета), добросовѣстно собранные и размѣщенные хронологически и по системѣ, снабженные обширными и многими примѣчаніями, обличающими въ почтенномъ авторѣ большую начитанность и истинную любовь къ труду. Если бы и прочіе такого рода матеріалы были изданы въ такой же обстановкѣ, какъ у г. Розанова, тогда бы трудъ историка во многомъ былъ облегченъ, и поступательное движеніе исторической науки болѣе обезпечено.

Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки: „Конекъ-Горбунокъ". Біографическія воспоминанія А. К. Ярославцова. Спб., 1872. Ц. 1 р.

Воспоминанія г. Ярославцова объ его университетскомъ товарищѣ, извѣстномъ Ершовѣ, весьма живо написанныя, будутъ приняты съ благодарностью любителями русской словесности, потому что о Ершовѣ до сего времени не появлялось ничего сколько-нибудь цѣльнаго. Къ любопытной книгѣ своей г. Ярославцовъ приложилъ портретъ Ершова, снимокъ его почерка и рецензіи о «Конькѣ-Горбункѣ», который выдержалъ восемь изданій (1834—1871). Петръ Павловичъ Ершовъ родился въ Сибири 22-го февраля 1815 года и скон. въ Тобольскѣ 18-го августа 1869 года.

Меря и Ростовское княжество. Соч. Д. Корсакова. 8°, Казань, 1872, 4 нен., VIII, 246 и II стр. Ц. 1 р. 50 к.

Хотя мы не можемъ пожаловаться на отсутствіе «отдѣльныхъ исторій» (почти каждая губернія, епархія, учрежденіе, полкъ

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

1779 — 1848.

Подъ этимъ нѣсколько вычурнымъ заглавіемъ, въ 1831 году, въ селѣ Александровскомъ, генералъ-маіоръ Сергій Ивановичъ Маевскій написалъ предлагаемую здѣсь автобіографію. Занимаетъ она большую переплетенную книгу, въ листъ, 97 полулистовъ толстой синеватой бумаги, съ приложеніемъ разныхъ оффиціальныхъ бумагъ. „Исторія“ писана неразборчивымъ, связнымъ почеркомъ; при этомъ авторъ, видимо, очень часто и много перечеркивалъ свой разсказъ, при чемъ значительно смягчалъ цѣлыя выраженія или и вовсе уничтожалъ нѣкоторыя строки и даже страницы, казавшіяся ему, нѣсколько лѣтъ спустя по написаніи записокъ, слишкомъ рѣзкими.

Записки Маевскаго обнимаютъ періодъ времени съ 1793 г., когда авторъ, на тринадцатомъ году жизни, поступилъ въ службу, и оканчиваются нѣсколькими отрывками, относящимися къ началу сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда Маевскій, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, вышелъ въ отставку. Изъ полувѣковаго періода—только двѣ эпохи въ жизни автора описаны подробно: участіе въ войнахъ 1812—1814 годовъ и служба въ военныхъ поселеніяхъ 1824—1826 гг. Какъ ни любопытны событія великой борьбы русско-германскаго союза съ Наполеономъ I, какъ ни интересенъ злосчастный битъ военныхъ поселеній, но если бы записки Маевскаго состояли изъ повторенія общеизвѣстныхъ подробностей, онѣ бы не имѣли большаго значенія; но въ „Исторіи генерала Маевскаго“ авторъ тщательно обходитъ „отвлеченныя обстоятельства“ и „относительныя подробности“,—что на его языкѣ означаетъ изложеніе общаго хода политическихъ и военныхъ событій его времени, а вмѣсто того разсказываетъ „только то, что видѣлъ собственными глазами и дѣлалъ по собственному побужденію“. А видѣть и даже дѣлать Сергѣй Ивановичъ Маевскій

могъ довольно много. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, развитымъ самообученіемъ,—воинъ, многократно доказавшій личное безстрашіе, энергію и находчивость въ самыя трудныя мгновенія битвъ 1812 — 1814 гг., —Маевскій пріобрѣлъ замѣтное положеніе въ средѣ дѣльцовъ, окружавшихъ славнѣйшихъ мужей того времени. Такимъ образомъ, въ началѣ войны 1812 г. мы его видимъ подлѣ кн. Багратіона; послѣ Бородина и сдачи Москвы онъ дѣлитъ труды фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова — завѣдуетъ его канцеляріею; отъ него поступаетъ, въ началѣ 1813 г., къ князю П. М. Волконскому—и при немъ изъ чиновниковъ гражданскихъ переименованъ, по волѣ Александра I, въ чинъ полковника; какъ старшій адъютантъ главнаго штаба, Маевскій управляетъ общею военно-походною канцеляріею императора Александра I, которому и дѣлается извѣстнымъ, какъ одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ. Послѣ Кульмскаго сраженія Маевскій назначенъ шефомъ 13-го Егерскаго полка и съ нимъ дѣлитъ всѣ опасности. Въ 1831 году онъ съ справедливою гордостью вспоминалъ объ участіи своемъ въ пятнадцати кампаніяхъ, въ ста полевыхъ и десяти генеральныхъ сраженіяхъ и въ трехъ штурмахъ. Всѣ чины и двѣнадцать орденовъ и медалей были даны ему за „отличія" на ратномъ полѣ. Предоставимъ, однако, самому генералу повѣствовать о его „вѣкѣ", т. е. разсказывать „свою исторію", а здѣсь замѣтимъ, что разсказъ этотъ далеко не состоитъ изъ однихъ подробностей чисто личнаго интереса; напротивъ, въ запискахъ Маевскаго есть множество весьма характеристичныхъ чертъ, крайне любопытныхъ для знакомства и съ духомъ времени и съ людьми бурной эпохи отечественной войны: кн. Багратіонъ, Коновницынъ, Милорадовичъ, Ермоловъ, Толь, Барклай-де-Толли, гр. Воронцовъ, кн. П. М. Волконскій, въ особенности же М. И. Голенищевъ-Кутузовъ — являются на сцену не на тѣхъ ходуляхъ, на которыхъ они парадируютъ во множествѣ доморощенныхъ описаній, исторій, разсказовъ и біографій, но обыденными смертными, какъ съ избыткомъ достоинствъ, ихъ прославившихъ, такъ и съ недостатками. Мы не станемъ провѣрять, въ какой степени характеристическія черты сподвижниковъ Александра I, подмѣченныя Маевскимъ, а равно его выводы о нихъ, безошибочны: это дѣло изслѣдователей той эпохи, которые должны сопоставить эти данныя съ извѣстіями другихъ очевидцевъ и сдѣлать имъ критическую оцѣнку; но такъ какъ „Мой вѣкъ" принадлежитъ человѣку наблюдательному и умному и, во всякомъ случаѣ, составляетъ живое свидѣтельство очевидца и участника историческихъ дѣяній, то онъ долженъ быть сохраненъ на страницахъ „Русской Старины".

Въ началѣ 1824 г. императоръ Александръ лично назначилъ

Маевскаго на постъ начальника округа Старорусскаго военнаго поселенія. При увлеченіи Александра I этимъ злополучнымъ учрежденіемъ, новое назначеніе было знакомъ особаго довѣрія и благоволенія монарха къ генералу Маевскому; но это же назначеніе, съ радостью имъ принятое, ставило генерала въ непосредственную зависимость отъ Аракчеева. Между ними завязываются постоянныя и въ высшей степени любопытныя отношенія, въ которыхъ личность злобнаго временщика вырисовывается чрезвычайно ярко.

Разсказъ генерала Маевскаго объ этомъ времени составляетъ наиболѣе интересную часть его Записокъ, тѣмъ болѣе, что авторъ нерѣдко дословно приводитъ частыя и продолжительныя бесѣды свои, какъ съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, такъ въ особенности съ Аракчеевымъ. Въ этихъ бесѣдахъ весь складъ ума, характера, весь образъ мыслей и нравственныя убѣжденія Аракчеева выражаются до такой степени рельефно, что ничего подобнаго до сихъ поръ не было во множествѣ біографическихъ о немъ книгъ, статей, воспоминаній и замѣтокъ.

„Мой вѣкъ" раздѣленъ нами на двѣ части и каждая изъ нихъ на главы. Нѣкоторыя страницы, заключающія только личныя, до автора относящіяся подробности, въ печати опущены; что касается слога Маевскаго, то онъ, будучи высокопарнымъ, съ претензіями на особую изысканность выраженій, напоминаетъ языкъ манифестовъ и приказовъ по арміи въ 1812—1814 гг.; во всякомъ случаѣ, языкъ автора довольно своеобразенъ и свидѣтельствуетъ, что Маевскій въ штабахъ главнокомандующихъ дѣйствительно могъ имѣть репутацію человѣка пишущаго. Къ своеобразности сочиненія „Мой вѣкъ" принадлежитъ какая-то гасконская хвастливость, нерѣдко весьма неумѣренная тамъ, гдѣ дѣло идетъ о подвигахъ самаго автора.

Сообщеніемъ настоящей рукописи, въ составѣ всего „дѣловаго архива генерала Маевскаго", мы обязаны любви и сочувствію къ отечественной исторіи его сына,—Николая Сергѣевича Маевскаго. Въ сообщенныхъ Н. С. рукописяхъ его родителя, между прочимъ, находится обширное сочиненіе покойнаго Сергѣя Ивановича Маевскаго о турецкой войнѣ 1808—1812 гг.; въ немъ не только изложена исторія этой войны, но и приведены самыя разностороннія свѣдѣнія о театрѣ военныхъ дѣйствій, планы, предположенія и исчисленія на будущее время, на случай новой кампаніи на Дунаѣ и т. д. Словомъ, архивъ С. И. Маевскаго обличаетъ въ немъ далеко не фрунтоваго лишь генерала, но и стратега, изучавшаго свое дѣло и много потрудившагося для военной науки.

Ред.

Вступленіе.

Изъ всѣхъ земнородныхъ существъ человѣкъ есть существо самое печальное. Природа не даромъ являетъ его на сцену свѣта плачущимъ. Но не слезы-ли и удѣлъ всей жизни его?.. Въ ребячествѣ поминутно видишь слезы его; въ юношествѣ — онъ стѣсняется зависимостью, болѣе или менѣе тягостною; въ зрѣлыхъ лѣтахъ—борется съ терніями жизни, и рѣдко, очень рѣдко паритъ въ міръ мечтательнаго воображенія; въ старости обуревается печалями, горестями, болѣзнями, или, ближе—живетъ, какъ живой между мертвыми. Его общество есть бремя для окружающихъ: всякій спѣшитъ скорѣй оставить его, чѣмъ бесѣдовать съ нимъ.

Если бы намъ показали Александра Великаго, Юлія Кесаря, Петра Великаго, Александра Россійскаго и Наполеона, когда имъ совершилось бы по 90 лѣтъ,—мы бы съ меньшимъ участіемъ смотрѣли на живые бюсты ихъ, чѣмъ на мраморные, передающіе намъ священныя черты этихъ полубоговъ шара нашего. Мраморные бюсты, сокрывая все человѣческое, говорятъ только о божественномъ; но живые, потерявъ эластикъ и прелести, часто заставляютъ насъ говорить: «Неужели и сей дряхлый старичишка былъ нѣкогда великъ и покрывалъ себя (переданными намъ исторіею) лаврами?.. Нѣтъ, это басня, выдуманная хвастливостью и невѣжествомъ вѣка ихъ».

Написавъ прежде болѣе 10 томовъ собственной моей исторіи, я думалъ тогда совсѣмъ иначе. Но къ счастію, исторію эту, по смѣшному случаю, бросилъ я въ каминъ и жегъ 5—6 дней. Впослѣдствіи мнѣ стало жаль ее и смѣшное самолюбіе шепнуло мнѣ написать другую, болѣе сокращенную.

С. Маевскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Война и миръ.

I.

Начало службы.

Мое происхожденіе.—Іезуитская школа.—Поступленіе въ службу.—Восшествіе на престолъ императора Павла.—Война 1799 г.—Беклешовъ.—Гудовичъ.—Розенбергъ.—Эссенъ 1.—Шефъ Пурпуръ.

1779—1807 гг.

Рожденіе, жизнь, заслуги, извѣстность въ свѣтѣ и все, человѣка сопровождающее, есть дѣло случая. Рожденіе можетъ относиться только къ случаю; случай есть симпатія сердецъ, которыя подъ названіемъ симпатіи Аристофановыхъ человѣческихъ половинъ на Платоновомъ пиру, въ обожаемомъ предметѣ обожаютъ самихъ себя или второго себя и невидимо сливаются съ нимъ въ одно цѣлое. Часто вѣкъ не дождешься этого случая и не почувствуешь симпатіи.

Отецъ мой былъ ротмистръ польской народовой кавалеріи, что равнялось чину россійскаго генералъ-маіора. Страсть сердца, пылкость ума, лѣтъ, характера и вѣка, заставили его украсть изъ монастыря мать мою,—и брачный союзъ ихъ былъ началомъ моего рожденія (7 октября 1779 г.). Преслѣдованіе родителей съ матерней стороны и общая непріязненность къ отцу заставили его перейти въ россійскую службу. И, мало уважаемый тогда, ротмистръ народовой кавалеріи едва принятъ маіоромъ. Лѣта и разсудокъ, этотъ грозный врагъ человѣка въ раскаяніи, раны, увѣчье и недостатки послѣ богатства, словомъ — все безвременно свело его во гробъ.

Мать моя, а слѣдственно и я, были брошены въ урну чужеземнаго благотворенія. Она переѣхала со мною изъ Риги въ Полоцкъ и посвятила себя исключительно попеченіямъ обо мнѣ. Родители моей матери, лишивъ ее наслѣдства, посвятили всю ея часть на монастырь. Въ 16 лѣтъ моей жизни я мало думалъ о наслѣдствѣ, и сжегъ права мои на него. Имѣніе отца осеквестровано и вошло въ общую сумму королевскихъ маетностей. Упо-

требивъ остатки своихъ денегъ, она купила маленькое помѣстье въ 30 душъ и жила ни бѣдно, ни богато.

По маломъ требованіи тогдашняго воспитанія, я выучился дома грамотѣ и пробылъ 2—3 года въ іезуитскомъ училищѣ. Глупая метода моихъ наставниковъ дѣлать всѣхъ баснословными богословами отвратила меня отъ бредней сего ученія, и признаюсь, хотя къ стыду, я въ 10 лѣтъ былъ уже маленькій философъ. Но набожность матери, непропускавшей по дорогѣ ни кирки, ни церкви, ни костела, куда бы она не зашла помолиться, утвердила меня еще болѣе въ понятіяхъ человѣка-философа. Я чувствовалъ всю душевную потребность благоговѣть предъ именемъ Творца; но не могъ быть ни фанатикомъ, ни изувѣромъ; однимъ словомъ, я сталъ выше всякаго предразсудка въ 10 лѣтъ. Нравственныя мои силы развились слишкомъ рано, но физическія были еще слабы и мало надежны.

Въ 10 лѣтъ я былъ записанъ въ конную гвардію и по гражданской службѣ. Въ послѣднюю я тотчасъ и вступилъ. Верхъ, который бралъ я въ 10 лѣтъ надъ тѣми, коимъ было отъ 40 до 50 лѣтъ, утѣшали гордость и самолюбіе мое. И смѣшно видѣть ребенка въ эти лѣта начальникомъ отдѣленія, за которымъ сидятъ 10—15 согбенныхъ стариковъ, готовыхъ творить все по его мановенію. Въ 13 лѣтъ я уже занималъ постъ протоколиста губернскаго правленія: принималъ челобитныя, докладывалъ членамъ и писалъ рѣшенія.

Когда была польская революція я желалъ участвовать въ войнѣ противъ бунтовщиковъ. Мое поле было тѣсно для меня и я искалъ обширнѣйшаго; но желаніе матери удержать меня возлѣ себя совершенно противорѣчило страсти моей къ военному поприщу. Страсть моя къ военной службѣ такъ была велика, что я на карманныя мои деньги нанималъ ребятишекъ. Изъ тростника дѣлалъ имъ каски, а вмѣсто ружей давалъ палки и маневрировалъ. Не однихъ стоило мнѣ слезъ, когда команда моя разбѣгалась прежде условленнаго времени. Я послалъ просьбу государынѣ и, по праву дворянина, опредѣленъ въ полки Украинскаго корпуса. Дядя мой, служившій въ Винницѣ совѣтникомъ, устроилъ меня при губернаторѣ Берхманѣ,—и я въ 15 лѣтъ былъ уже прапорщикъ и ординарецъ Берхмана.

Человѣкъ въ 15 лѣтъ, и при томъ въ офицерскомъ мундирѣ,

мало думаетъ о будущемъ и спѣшитъ только жить и жить. Если взять во вниманіе стихію прапорщика-ребенка и вѣкъ, въ которомъ я жилъ и въ которомъ не имѣли претензіи на высокое воспитаніе и умъ, то всякій согласится, что этотъ прапорщикъ былъ невѣжда—по образованію, и счастливецъ—по случаю. Какое-то особое притяженіе, свободный образъ обращенія и все то, чего я за собою не замѣчалъ, давало мнѣ перевѣсъ въ глазахъ старшихъ. Я пользовался довѣренностью, не употреблялъ ее во зло; итакъ, порученіе за порученіемъ примѣтно отдѣляло меня отъ толпы тунеядцевъ-прапорщиковъ и ставило меня выше всѣхъ моего круга. Я помню, какъ меня командировали учить стараго прокурора, какъ посылали курьеромъ и какъ часто давали писать такія дѣла, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Но имъ удивлялись, хвалили; а отчего? оттого, что и поручавшіе, повидимому, не сильнѣе меня были въ этомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1796 г. умерла Екатерина II; на престолъ взошелъ государь Павелъ. Всеобщая переборка лишила многихъ хлѣбнаго мѣста, отняла способъ обогащаться кровавыми трудами ближняго и поставила всѣхъ въ границы страха и чести. Посреди всеобщей сумятицы никто не зналъ, кому куда пріютиться. Многочисленные штабы простыхъ губернаторовъ рушились,—и я, прежде нежели успѣлъ о себѣ подумать, былъ уже обращенъ въ званіе юнкера за то, что меня пожаловалъ Суворовъ, а не царица.

Горестныя чувства, неразлучныя съ каждымъ переворотомъ царствованія, усилили мои несчастія. Я нечаянно попалъ въ исторію съ пьянымъ казакомъ Агаповымъ, котораго побили за то, что вмѣшался не въ свое дѣло; потомъ дядю моего отдали подъ судъ, а меня, по молодости и безпечности, обокрали до рубахи. Я уже готовъ былъ возвратиться на прежнее грязное мое поприще; но особый случай доставилъ мнѣ постъ при военномъ губернаторѣ Беклешовѣ. Грозный по виду, но благородный по сердцу, Беклешовъ былъ виною новаго моего счастія. Я пользовался полнымъ отеческимъ его вниманіемъ и разстался съ нимъ съ сердечною горестью; мѣсто Беклешова заступилъ Гудовичъ, а сего—Розенбергъ. Съ Гудовичемъ сдѣлалъ я кампанію 1799 г. до Устилуга; а Розенбергъ, желая доставить мнѣ случай быть его адъютантомъ, пригласилъ къ себѣ въ полкъ въ аудиторы,

ибо это одно доставляло возможность ввести меня въ службу армейскимъ офицеромъ.

Розенбергъ былъ старикъ 80-ти лѣтъ, глухой, слѣпой и по природѣ небойкій; это была уже числительная машина, управляемая другими.

Съ прибытіемъ генерала Эссена 1, я съ перваго дня вошелъ къ нему въ фаворъ. Не смотря на то, что я былъ штатскій, онъ назначилъ меня безсмѣннымъ ординарцемъ,—и я при пріемѣ просьбъ и при разводахъ отправлялъ должность его адъютанта, становился на поэндевю (point de vue), отдавалъ фронтовыя приказанія и, къ счастію, тѣ, кои принимали оныя, еще меньше моего смыслили фронтовое дѣло [1]).

Чрезъ мѣсяцъ, а много чрезъ два, мнѣ вышло разрѣшеніе быть аудиторомъ. Эссена это очень взбѣсило, а меня очень обрадовало. У насъ разныя были понятія: Эссена разсердило то, что я избралъ грязный путь службы; а меня радовали шпоры, хотя, признаюсь, во все время крѣпко меня тяготила вывѣска моего мундира! Эссенъ скоро успокоился и я сдѣлался съ нимъ неразлучнымъ. Но насъ поссорили два случая: 1) судъ надъ казачьимъ маіоромъ Сысоевымъ, и 2) что я, изъ дружбы къ товарищамъ, отказался быть у него на балу. Въ обоихъ случаяхъ я былъ виноватъ, и никогда не прощу ложному понятію о чести. Впрочемъ, по дѣлу Сысоева я показалъ характеръ выше лѣтъ и удостоился за то лестнаго монаршаго благоволенія. Къ благороднѣйшей чертѣ Эссена отнести должно, что онъ и сквозь призму гнѣва показывалъ ко мнѣ отеческое свое расположеніе.

У насъ былъ тогда шефомъ нѣкто Пурпуръ. Всѣ видѣли въ немъ чудака, потерявшаго разсудокъ. По тогдашней филантропіи, никто не думалъ ни смѣнить его, ни даже сдѣлать ему зло. Эпоха его командованія—эпоха всѣхъ сумасбродствъ. Онъ былъ жестокъ съ людьми, дерзокъ съ офицерами и труслив до неимовѣрности! Не было недѣли, чтобы онъ кого ни оскорбилъ и ни просилъ у него публично прощенія.

[1]) Въ одинъ разводъ Эссенъ посылаетъ меня сказать: «баталіону впередъ!» Я объявляю; но баталіонный командиръ спрашиваетъ у меня: «выходить-ли знамю впередъ?» Теперь этого не спроситъ и новобранецъ. Еще, на ученьи Эссенъ говоритъ: «Маевскій, прикажи двѣ очереди». Я поскакалъ, не зная и самъ, въ чемъ заключалось приказаніе. Но на запросъ, какъ будто вдохновенно, отвѣчалъ: «разумѣется, стрѣлять вмѣсто одного, два раза». С. М.

Кампанія аустерлицкая и двѣ прусскія познакомили меня съ огнемъ. Въ первой я сдѣлалъ то же, что Фридрихъ Великій сдѣлалъ въ день перваго своего боя, т. е. нѣсколько струхнулъ. Но впослѣдствіи я увидѣлъ, что и во мнѣ есть сила души и мужество. Я прилѣпился къ войнѣ и тотъ день считалъ счастливѣйшимъ, когда могъ къ имени Маевскаго присоединить имя храбраго. Обѣ кампаніи были для меня, какъ сонъ, по двумъ причинамъ: 1) потому, что я не обезпокоивалъ себя разсматриваніемъ ни началъ, ни цѣли, ни дѣйствія; 2) потому, что въ томъ вѣкѣ офицеры называли все то хорошимъ, что имъ приказывали. Умъ нашъ не восходилъ тогда къ началамъ, а дѣйствовалъ по привычкамъ и машинально.

II.

На Дунаѣ.

Генералъ Марковъ. — Въ Австріи. — Кн. Прозоровскій. — Кн. П. И. Багратіонъ. — «Дежурство арміи». — Служба при кн. Багратіонѣ. — Флигель-адъютантъ Аракчеевъ.

1808—1812.

Я сказалъ, что я всѣ подробности сжегъ въ огнѣ, и потому не повторяю уже глупостей ни своей, ни чужихъ, выключая двухъ, а именно:

Окончивши кампаніи въ Пруссіи, мы стали лагеремъ при Копысѣ, въ ожиданіи высочайшаго смотра. Генералъ Марковъ, сдѣлавшись дивизіоннымъ начальникомъ, взялъ меня къ себѣ. Я былъ и его оберъ-аудиторъ, и дежурный штабъ-офицеръ. По системѣ того вѣка, генералъ не заботился о дѣлахъ дивизіи; онъ пресмыкался при большихъ и маленькихъ дворахъ, чтобъ выиграть собственно къ себѣ уваженіе. Я всегда оставался дома и именемъ его командовалъ дивизіею, а въ войнѣ водилъ войска не только походомъ, но и въ бой. Съ Марковымъ отправился я въ Италію, на встрѣчу 15-й пѣхотной дивизіи, слѣдовавшей изъ Корфу. Здѣсь встрѣтился я съ А. И. Красовскимъ, и дружество наше сохранилось по сей день. (1831 г.). Я все-таки повторю, что Марковъ былъ здѣсь репрезентательное, а я—дѣйствующее лицо.

Италія и Венгрія доставили намъ разнообразныя пріятности, а венгерское вино и гостепріимство ихъ отзывалось въ душѣ обычаемъ патріаршества. Войдя въ Галицію, гдѣ принимаютъ

для тона, а не по душѣ, мы очень почувствовали разницу между прямодушіемъ и приличіемъ. Меня занимала здѣсь Фанни, и я мысль объ ней предпочиталъ всѣмъ праздникамъ и баламъ. Но безъ смѣха не могу вспомнить несчастный корпусъ австрійскихъ офицеровъ, которыхъ въ Галиціи принимаютъ презрительнѣе, чѣмъ у насъ пьяныхъ гарнизонныхъ. Ихъ точка—гауптвахта, а жизнь или дома, или на гауптвахтѣ. Я былъ свидѣтель, какъ одинъ разъ въ Лембергѣ, въ театрѣ, вытолкали ихъ десятка два за двери. Они привели гауптвахту и той участь не лучше была офицерской. Главное ихъ несчастіе — недостатокъ образованія и бѣдность до презрѣнія.

Изъ Лемберга, чрезъ Буковину, пошли мы въ Молдавію. Не найдя нигдѣ заготовленія, писали фельдмаршалу Прозоровскому. Отвѣтъ его скажетъ объ немъ. Вотъ что онъ писалъ: «Со всею моею памятью, которою Богъ меня одарилъ, я забылъ-было указать вамъ точки продовольствія...»

Бросивъ писать относительныя подробности, я не скажу ничего ни о землѣ, ни о нравахъ жителей. Они изложены въ Турецкой моей кампаніи [1]). Въ Молдавіи я получилъ два чина за отличіе въ войнѣ и базарджикскій крестъ. Въ одномъ изъ жаркихъ сраженій подъ Шумлою, я вводилъ войска въ сраженіе, распоряжался, какъ главный командиръ, потому что настоящій потерялъ голову; и, по общему ходатайству и рекомендаціи 7-ми генераловъ, получилъ чинъ. Но чинъ этотъ дорого мнѣ стоилъ: во-первыхъ, я отъ истощенія силъ получилъ жестокую горячку и во время отступленія чуть-чуть было не попался въ руки непріятеля; а во-вторыхъ, генералъ мой, изъ зависти къ моей репутаціи и какъ-будто мстя мнѣ за то, что я сдѣлался имъ въ минуту его оцѣпененія, сдѣлался на всю жизнь врагомъ моимъ. Мы разошлись и около 8 мѣсяцевъ не были вмѣстѣ. Но генералъ мой сдѣлался новымъ героемъ, не по героизму и достоинствамъ, а просто по связи съ главнокомандующимъ, по духу того времени, и, если правду сказать, то больше по недостатку великихъ умовъ того вѣка. Онъ перешелъ чрезъ Дунай, завладѣлъ непріятельскими батареями и отрѣзалъ турокъ, сидѣвшихъ

---

[1]) Обширное, въ нѣсколькихъ томахъ, рукописное сочиненіе Маевскаго. Оно находится въ распоряженіи «Русской Старины». Ред.

въ укрѣпленіи на нашемъ берегу. Немного болѣе ума и рѣшительности—Рущукъ тогда же бъ еще былъ нашъ! Я засталъ генерала, потѣющаго надъ реляціею; его надо было вызволить—и это взяло у него верхъ надъ мщеніемъ. Генералъ ввелъ и меня въ реляцію; но, сдѣлавши уже представленіе, тайно перемѣнилъ его. Гармонія наша какъ-то разлаживалась, мы играли на фальшивый ладъ, и это было причиною, что мы вновь разошлись. Онъ принялъ корпусъ въ Малой Валахіи, а я поступилъ къ князю Багратіону, когда 2-я армія готовилась дѣйствовать противъ Наполеона.

Вотъ здѣсь устроилъ я первое дежурство арміи, которое въ духѣ Желтой книги—такъ мы называли «Полевое Уголовное Уложеніе»—сдѣлалось образцомъ дежурствъ всѣхъ армій и служило основаніемъ инспекторскому департаменту.

По странному противудѣйствію счастія съ несчастьемъ, къ Багратіону прислали генералъ-аудитора, чтобъ сжить меня, или ближе, чтобъ это мѣсто уступить присланному. Багратіонъ, безъ согласія моего, переуступилъ меня Тормасову. Но поступокъ сей славно былъ отомщенъ: дежурный генералъ Маринъ явился первый къ Багратіону, говоря ему: «ежели вы до сихъ поръ были довольны моимъ управленіемъ, такъ этимъ я обязанъ Маевскому. Теперь, съ отдаленіемъ его, я, по новости дѣла, не ручаюсь вамъ за полноту будущаго порядка».—«Чортъ возьми этого Маевскаго! мнѣ уже надоѣло все о немъ, да о немъ слышать!»—вотъ какой былъ отвѣтъ Багратіона. И не менѣе того, онъ по неволѣ оставилъ меня при себѣ. Князь счастливо наказанъ за поверхностное знаніе людей. Онъ былъ человѣкъ добрый, исполненъ чести. При немъ былъ оракулъ, который крѣпко поперечилъ моему плану: я у него былъ какъ бѣльмо на глазахъ!

Послѣ кабинетныхъ занятій наступили бурныя. Громъ пушекъ разогналъ оракуловъ, которые живутъ для поживы, а не для службы, и поубавилъ свиту Багратіона. Я заступилъ мѣсто и начальника штаба, и дежурнаго генерала, и ординарца, и вѣстоваго. И князь, не прежде Дорогобужа, увидѣлъ, что Маевскаго не должно уже посылать къ чорту. Князь прилѣпился ко мнѣ всею душевною пріязнательностью, а я прилѣпился къ нему самою истинною преданностью, походившею на родъ сильной страсти и привязанности. Но въ Дорогобужѣ князь назначилъ, вмѣсто дежурнаго генерала, фли-

гель-адъютанта Аракчеева. Меня это оскорбило, — тѣмъ болѣе, что князь ввѣрилъ ему только званіе, а на меня возлагалъ отвѣтственность. Сколько ни умолялъ меня дѣйствовать подъ маскою суфлёра дежурный генералъ, но я рѣшительно отъ того отказался. Г. Аракчеевъ былъ человѣкъ вѣчно пьяный и страдалъ сильною падучею болѣзнію [1]). Не бывъ ни героемъ, ни Платономъ, ни Геркулесомъ, онъ, отъ перваго сраженія, потерялъ охоту быть близь князя, тогда какъ я считалъ это время самымъ пріятнымъ для имени и дѣла славы. Здѣсь-то Багратіонъ примѣтилъ, что Маевскій, котораго прежде отсылалъ онъ къ чорту, есть существо, сопричисленное къ существу Багратіона. Трудясь по сердцу, дѣлая по привязанности и любя его, какъ лучшаго родственника, я не зналъ границъ ни трудамъ, ни опасностямъ. Идетъ-ли часть войскъ, тащится-ли повозка, остались-ли казачьи кошы,—все это издали долженъ знать Маевскій и наизусть сказать князю. Образъ моей службы былъ таковъ: весь день ѣхать съ княземъ верхомъ, на привалѣ писать, вечеромъ начинать работать съ Сен-При, продолжая это до 12-ти часовъ ночи. Въ это время встаетъ князь и работаетъ со мной до-свѣту. Не забудьте, что мнѣ должно соснуть самому, а и того нужнѣе знать: гдѣ кто стоитъ и въ какомъ направленіи и когда выйдетъ на сборной пунктъ!

III.

Бородино.

Канунъ Бородинскаго боя. — Кн. Багратіонъ раненъ. — Раевскій. — Васильчиковъ.—Коновницынъ.—Тучковъ.—Армія Багратіона послѣ Бородинскаго боя. 24-е, 25-е и 26-е августа 1812 г.

До Бородина я и кн. Багратіонъ еще не знали себя взаимно. Князь требовалъ всего съ солдатскою холодностью; я исполнялъ все съ сыновнею подчиненностью. Въ Бородинѣ князь послалъ меня къ гусарамъ съ приказаніемъ, чтобы они переслали это приказаніе впередъ къ войскамъ, бывшимъ уже въ сильной перепалкѣ: я, вмѣсто первыхъ, пустился къ послѣднимъ. Пробывъ въ огнѣ, пока мнѣ было нужно, я встрѣтилъ Багратіона съ лицомъ друга и полубога. Храбрый любитъ храбраго: онъ меня обнялъ и обворожилъ новымъ своимъ обращеніемъ. За то въ дни 24-го

[1]) Братъ временщика. Ред.

и 26-го августа не было смерти, куда бы ни посылали Маевскаго: чѣмъ жарчѣе дѣло, чѣмъ больше опасность—туда летитъ Маевскій. Бервицъ, кн. Гагаринъ и Маевскій—вотъ три человѣка, которые несли всю тяжесть посыльныхъ. Но первые двое не имѣли бремени—писанья, а потому не всегда посылались въ такія мѣста, гдѣ приказаніе соглашалось съ диспозиціею, случаемъ или общимъ распоряженіемъ.

24-го августа 1812 г. князь посылалъ меня въ самый жаркій огонь; а ночью велѣлъ сыскать Кн. Голицына, Васильчикова, кирасиръ и генерала Воронцова, и поставить ихъ на позицію. Подъѣхавъ къ огнямъ (это было ночью въ 12-ть часовъ), вижу, что огни дѣлятся; влѣво кричатъ: «слушай!» вправо — «виватъ!» Подъѣхавъ къ солдату въ полной русской одеждѣ, который стоитъ надъ раненымъ и держитъ ружье отъ дождя, я принялъ его за русскаго аванпостнаго часоваго. Но едва я сказалъ слова два по-русски, какъ онъ схватилъ ружье и далъ по мнѣ выстрѣлъ. Я взялъ въ сторону, а выстрѣлъ попалъ въ свиту ген. Левенштерна, силившагося завладѣть своею батареею, когда на ней и подлѣ нея стоялъ цѣлый французскій корпусъ!

Этотъ день я очень помню. Изъ Семеновки, гдѣ было до 100 дворовъ, остались только два дома, т. е. князя и мой: ибо имя «дежурство» есть имя магика въ войнѣ и мирѣ. У меня собралось все, что было лучшаго послѣ первокласныхъ генераловъ; и остатокъ моего чая былъ небеснымъ для нихъ нектаромъ.

Кончивъ дѣла и отдавъ приказанія, я на другой день, 25-го августа, спалъ уже на дворѣ, какъ мертвый. Князь, проходя мимо меня со свитою, прошелъ такъ тихо, какъ мы входимъ въ кабинетъ любезной, во время сладкаго и тихаго сна ея. Такое вниманіе, предъ лицемъ арміи и подъ открытымъ небомъ, не можетъ не поселить возвышенной преданности къ начальнику; а особливо, когда онъ, проходя мимо, сказалъ всѣмъ: «гг., не будите его, онъ вчера очень усталъ; ему надобно отдохнуть и укрѣпиться».

26-го августа развернулся весь адъ! Бѣдный нашъ уголъ, или лѣвый флангъ, составивши треугольникъ позиціи, болѣе смѣшной, нежели ошибочной, сосредоточилъ на себя всѣ выстрѣлы французской арміи. Багратіонъ правду сказалъ, что «здѣсь и трусу мѣста бы не было».

Посреди этого ужаса и смертей, Багратіонъ послалъ меня

къ Раевскому посмотрѣть, что у него дѣлается? Раевскій взвелъ меня на высоту батареи, которая въ отношеніи къ полю была тоже, что бельведеръ въ отношеніи къ городу. Сто орудій засыпали ее. Раевскій съ торжествующею миною сказалъ мнѣ: «скажи князю—вотъ что у насъ дѣлается!» Пролетая пространство болѣе 2-хъ верстъ, я оглушенъ былъ налету бомбою до того, что болѣе двухъ часовъ не могъ просверлить ушей и сомкнуть мой ротъ: такъ ударъ былъ силенъ! Не прошло получаса, князь посылаетъ адъютанта Брежинскаго вести Малороссійскій гренадерскій полкъ въ штыки. Тяжесть корпуса помѣшала ему броситься туда стрѣлой и Маевскій получилъ самое лестное это порученіе. Ударивъ, сломивъ, опрокинувъ и сдѣлавъ все въ глазахъ того, кого любишь, живешь, кажется, не своею, но новою и лучшею жизнію.

Двѣ посылки къ Тучкову за секурсомъ остались безъ исполненія, по личностямъ Тучкова къ Багратіону, и наоборотъ. Третья возложена была на меня. Я ѣхалъ и плылъ до Тучкова, объявилъ рѣшительно волю князя,—и 3-я пѣхотная дивизія съ Коновницынымъ отправилась со мной. Не говорю о смѣшномъ педантизмѣ времени и понятій,—они были странны; и то, что хорошо за 100 верстъ, смѣшно требовать подъ носомъ у арміи. Но Коновницынъ, по Желтой книгѣ, допросилъ меня и съ трофеемъ велъ при дивизіи, боясь обмана или измѣны. Я поставилъ дивизію эту во рву треугольника, который составлялъ готовый брустверъ позиціи; но здѣсь, не смотря на защиту и выгоду, пала почти вся 3-я дивизія.

Едва я исполнялъ одно, какъ возлагалось на меня другое: князь послалъ меня за новымъ секурсомъ къ Тучкову; но Тучковъ самъ былъ слабъ и сильно атакованъ Понятовскимъ на старой московской дорогѣ, которая шла въ тылу всей нашей арміи. Возвратясь ни съ чѣмъ, я князя уже не засталъ: его ранили и мѣсто его, по постепенности, переходило отъ одного къ другому.

Коновницынъ, въ колпакѣ, мчался то взадъ, то впередъ; Докторовъ сидѣлъ у барабана, а демоны истребленія, какъ будто руками поражали жертвы свои. Нашъ уголъ показалъ твердость, мужество и благородное самоотверженіе. Все устремлено было противъ него и все опрокинулъ и выдержалъ одинъ онъ!

Въ 3—4 часа такъ все измѣнилось, что я почти не нашелъ

уже на мѣстѣ ни одного знакомаго лица. Князя отвезли назадъ; свита его отправилась вслѣдъ за нимъ. А въ бою все такъ было перепутано, что я не зналъ, къ кому и какъ пріютиться.

Около 5-ти часовъ замѣтилъ я большое разстройство лѣваго фланга. Имѣя еще вліяніе, какъ хозяинъ и дежурный генералъ, я началъ собирать свои войска и вводить ихъ въ огонь. Комендантъ главной квартиры, Оржанскій, первый принялъ надъ ними команду, а за нимъ послѣдовали и другіе. Генералъ Васильчиковъ былъ нашимъ предводителемъ, и по чувствамъ сердца, а не по разсчетамъ, посвящалъ послѣднія усилія отечеству.

Собравъ еще до 300 гренадеръ, я самъ сталъ съ ними на лѣвомъ флангѣ линіи и подкрѣпилъ ими два гвардейскіе полка, Егерскій и Финляндскій, съ которыми и простоялъ въ адскомъ огнѣ до 11-ти часовъ ночи.

Не имѣя ни связей съ арміею, ни свидѣтелей чистоты моего усердія, я мало занимался быть замѣченнымъ, и считалъ жертву мою — жертвою простаго приношенія.

Но у меня убили лошадь, а заводныя примкнули къ свитѣ князя,— и смерть моя казалась для всѣхъ вѣрною. Благородный князь, стоя у порога къ гробу, заботился только обо мнѣ, и заботы его исчезли только тогда, какъ я, въ видѣ тѣни, явился къ нему на третій день.

Не скрою ни радостей моихъ, ни восторговъ, ни внутренняго самодовольствія, когда я остался одинъ на поприщѣ осиротѣвшаго. Ко мнѣ примкнули камергеръ Давыдовъ, нѣкто Безобразовъ, бывшій послѣ въ Москвѣ губернаторомъ, и нѣкоторые другіе,—и съ гордостью говорили, что «они 26-го августа были въ огнѣ съ Маевскимъ». А чтобъ быть въ огнѣ съ Маевскимъ, это было свидѣтельство—болѣе всѣхъ свидѣтельствъ о храбрости.

Посреди бездѣйствія, мы объѣхали всю линію нашей позиціи; нашли вездѣ много пушекъ и солдатъ, но ни одного начальника. Замѣтивъ, по большой свитѣ, что тамъ должно быть главному начальнику, я, съ моею свитою, взлетѣлъ къ нимъ на гору. И въ самое то время, какъ я хотѣлъ предложить услуги наши Барклаю и принять на себя команду надъ оставленными, непріятельское ядро оторвало ногу Орлову и группа людей раз-

сѣялась изъ виду моего. Тогда-то я обратился къ роли невидимки и сталъ собирать разсѣянныхъ.

Смѣшны бываютъ случаи на сценѣ свѣта; но всего смѣшнѣе они въ войнѣ и особенно въ минуту боя.

24-го августа Бенигсенъ управлялъ линіею боя и обезпечивалъ лѣвый нашъ флангъ, выдавшійся впередъ отдѣльнымъ угломъ и батареею. Непріятель съ самаго начала началъ напирать на него. Это и естественно, ибо пунктъ сей для насъ былъ гибеленъ, а для непріятеля авантаженъ и безспоренъ. Я, проѣзжая чрезъ лѣсъ, замѣтилъ движеніе и сообщилъ князю. Но тогда кажется, не были еще въ модѣ Жомини; а понятія объ отдѣльныхъ и облическихъ дѣйствіяхъ не составляли науки истинныхъ полководцевъ того времени. Князь обратилъ вниманіе на отдѣльную батарею. Но увидя, что непріятель врѣзывается въ центрѣ линіи, снялъ съ нее войска и послалъ въ подкрѣпленіе дерущихся. Бенигсенъ спорилъ; но князь настоялъ. Военное искусство рѣшитъ, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ; но я скажу: командиръ дивизіи, Невѣровскій, слѣдуя по новому назначенію, спрашиваетъ меня: «брать-ли ему съ собой пушки?»

— «Брать и не брать есть непосредственный вашъ разсчетъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я знаю войну, я не слыхалъ и не видалъ, чтобы, идя для стрѣлковаго дѣла, вести съ собою и батареи».

Этимъ отвѣчалъ я Невѣровскому на двусмысленный вопросъ его, и это развязало ему истинное его назначеніе.

Другой, не меньше смѣшной запросъ имѣлъ я отъ г. Дука, которому приказывалось повести атаку противъ непріятеля 26-го августа.

— «А какъ же мнѣ идти—всею-ли линіею, или оставлять резервы позади?»

— Расположить атаку зависитъ отъ васъ; князь мнѣ ничего болѣе не приказывалъ. Но если вамъ угодно знать собственное мое мнѣніе, то войско безъ резерва — есть жертва, обреченная на пагубу.

Дука изъ сего отвѣта заключилъ, что герой и въ мундирѣ не солдата знаетъ свое ремесло и не дастъ приза надъ собою.

Невѣровскій и Дука, ознакомившись послѣ со мной, были мои друзья; и Дука я особенно полюбилъ за пламенную его при-

вязанность къ покойному Багратіону, котораго можно было назвать душою его подчиненныхъ.

Послѣ раны кн. Багратіона, 2-я его армія переходила изъ-подъ команды въ команду. Наконецъ, поручена была генералъ-лейтенанту Бороздину 1. Я остался при немъ въ званіи дежурнаго генерала.

IV.

Москва.

Положеніе русской арміи. — Рѣшимость уступить столицу. — Фигнеръ. — Военное искусство въ эпоху отечественной войны. — Мнѣніе Наполеона о русскихъ военачальникахъ. — Милорадовичъ. — Дѣло при Вороновѣ. — Граббе. — На рѣкѣ Пахрѣ. — Назначеніе мое въ главную квартиру М. И. Голенищева-Кутузова.

1812 г.

Для удержанія непріятеля сдѣлана была послѣдняя попытка предъ Москвою; но позиція избрана была въ такой трущобѣ, гдѣ армія была вся въ ямѣ, гдѣ она не имѣла ни простора, ни сообщеній для взаимныхъ подкрѣпленій, и гдѣ на флангахъ ея могъ утвердиться непріятель, завладѣть ея выходами и располагать Москвой по собственному произволу. Кутузову оставалось, какъ многіе хотѣли: или изъ ложнаго патріотическаго упрямства оставаться въ этой ямѣ и дать непріятелю владѣть всѣмъ плацдармомъ дѣйствій и Москвою; или, подобно Меласу, отдать безъ боя Москву, чтобы только купить свободу и выйти изъ этой ямы. Можетъ быть, послѣднее и исполнилось бы, ежели бы извѣстный Фигнеръ не открылъ направленія непріятеля, угрожавшаго уже стѣснить насъ и рѣшить всю судьбу всей кампаніи.

Послѣ извѣстныхъ споровъ, рѣшились, наконецъ, пожертвовать Москвою, чтобы окупить Россію. Итакъ, тотъ самый полководецъ, который наканунѣ сдачи Москвы клялся Ростопчину, что онъ скорѣе погребетъ себя подъ развалинами Москвы, чѣмъ сдастъ ее, былъ побѣжденъ обстоятельствами — и спасъ Россію.

Оставимъ на минуту Москву и послѣднія дѣйствія и скажемъ только о людяхъ тогдашняго времени.

Багратіонъ былъ не безъ ошибокъ; но онъ ошибки свои выкупилъ множествомъ успѣховъ и покореніемъ въ три мѣсяца того, надъ чѣмъ предмѣстники его трудились цѣлыми вѣками.

Мнѣ странно, что до несчастнаго 1812 г. умы наши, въ от-

ношеніи къ военному искусству, находились въ той же прогрессіи, въ какой находится умъ бакалавра въ приложеніи къ уму Архимеда, Эйлера и другихъ великихъ людей, раскрывшихъ намъ вполнѣ тайны и законы натуры. Великій Александръ сначала своего царствованія не былъ счастливъ геніальными умами полководцевъ и, не имѣя образцоваго, увлекался къ обыкновеннымъ. Достоинство ихъ равно было монетѣ, на которой главное качество составляла прошедшая цѣнность, потерявшая отъ времени и свой вѣсъ, и свой штемпель. Къ удивленію свѣта, онъ получилъ сильную довѣренность къ Прозоровскому; и сей избиралъ ему полководцевъ, а самъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, писалъ: «Я не перехожу за Дунай оттого, что я не встрѣтилъ бы тамъ теперь ни одного непріятеля, и слѣдственно мнѣ некого бы еще было поразить. Но пусть соберется вся ихъ армія— я перейду, и однимъ ударомъ разобью ее». По этому образчику мнѣній и дѣйствій заключитъ всякій, въ какомъ дикомъ состояніи была у насъ тогда наука; а эти образчики мнѣній и дѣйствій были у насъ тогда общею аксіомою войны.

Кордонная война и каре безъ различія довершали несовершенства и были причиною нашихъ пораженій до 1812 года.

Но обратимся къ Москвѣ.

Открытіе Фигнера, какъ я уже сказалъ, спасло Россію отъ гибели. Ложныя понятія о чести спасти Москву—исчезли; упрямство уступило мѣсто разсудку и изъ броженія его родилась мысль новая и высокая—стать на операціонной линіи непріятеля. Фланговый маршъ былъ слѣдствіемъ нашего пробужденія, или лучше, воскресеніемъ всей Россіи.

Но то, что̀ вводило насъ въ ошибки, вошло въ правило Наполеона. Привыкши побѣждать насъ и играть нами, какъ дѣтьми природы, онъ никакъ не хотѣлъ еще вѣрить, чтобы эти дѣти вдругъ, или почти волшебно, перенеслись отъ невѣжества къ совершенству. Не то-ли бываетъ съ отцами и учителями, когда они видятъ, что дѣти и ученики умнѣе ихъ самихъ? Они это почти чувствуютъ, но никакъ не соглашаются на очевидныя истины.

Тоже, что́ устрашало насъ (оставить Москву), испугало и самаго Наполеона. Ложные разсчеты, ложное честолюбіе и не-

проницательная самонадѣянность были слѣдствіемъ погибели полмилліона людей и довершили собственное его несчастіе.

Я помню, когда адъютантъ мой Линдель привезъ приказъ о сдачѣ Москвы, всѣ умы пришли въ волненіе: бо̀льшая часть плакала, многіе срывали съ себя мундиры и не хотѣли служить послѣ поноснаго отступленія, или лучше, уступленія Москвы. Мой генералъ Бороздинъ рѣшительно почелъ приказъ сей измѣнническимъ и не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ на смѣну его генералъ Докторовъ.

Съ разсвѣтомъ мы были уже въ Москвѣ. Жители ея, не зная еще вполнѣ своего бѣдствія, встрѣчали насъ, какъ избавителей; но, узнавши, хлынули за нами цѣлою Москвою! Это уже былъ не ходъ арміи, а перемѣщеніе цѣлыхъ народовъ съ одного конца свѣта на другой. Чрезъ Москву шли мы подъ конвоемъ кавалеріи, которая, сгустивши цѣпь свою, сторожила цѣлость нашихъ рядовъ, и перваго, вышедшаго изъ нихъ, должна была изрубить въ куски, не смотря на чинъ и лицо, — такъ боялись слить родныхъ съ родными!

Кутузовъ, замѣтивши сей хаосъ и желая поправить сколько можно ошибку, уступилъ Милорадовичу вѣтвь вымысла спасти армію и жителей. Милорадовичъ былъ въ аріергардѣ, и видя, что непріятель съ противной стороны, но въ одно съ нимъ время входитъ въ Москву, рѣшился сказать Наполеону: если онъ не дастъ ему и жителямъ свободнаго выхода, то Милорадовичъ погребетъ себя подъ пепломъ Москвы. Богатая мысль, твердая рѣшительность и высокая душевная сила Милорадовича взвѣшена была съ благами Москвы, которыя ожидалъ найти Наполеонъ,— и все это вмѣстѣ спасло насъ и возстановило равновѣсіе.

Но войска Наполеона вошли въ Москву прежде, чѣмъ мы прошли. Польскіе уланы, наскакавъ на нашихъ, рубили на валтрапахъ ихъ вензеля А, говоря: «ту нима Александра, ту Наполеонъ». Едва узналъ о семъ Милорадовичъ, онъ безъ конвоя и безъ свиты ѣдетъ къ цѣпи непріятельской, которая устроила̀сь противъ его и сквозь которыя тащились огромные кортежи войскъ и жителей. На запросъ его, гдѣ непріятельскій авангардный командиръ? явился къ нему Себастіани. Послѣ многихъ изъявленій дружбы, желаній и сожалѣнія, Себастіани рѣшительно приказалъ исполнить въ точности условія капитуляціи. Но когда

онъ сказалъ Милорадовичу: «ежели завтра генералъ вашъ не прекратитъ напраснаго кровопролитія и не будетъ просить мира, тогда мы съ вами сдѣлаемся опять непріятелями, и вы будьте готовы встрѣтить меня».

— «Генералъ!» отвѣчалъ Милорадовичъ, «мы можемъ начать дѣло хоть сейчасъ: вы прикажите вашимъ атаковать моихъ, а мы оба посмотримъ отсюда, какъ они будутъ драться».

Послѣ столь примѣрнаго или полубратскаго поступка, гдѣ съ обѣихъ сторонъ господствовали какъ будто родъ нѣкоторыхъ великодушныхъ уступокъ и самоотверженія, чему до Москвы не было еще примѣра, армія наша на другой день исчезла изъ общаго вида, и мы увидали ее не прежде 4—5-ти дней. Это маскированное движеніе, конечно, принадлежало къ числу мастерскихъ военныхъ дѣйствій.

Въ Подолѣ, что подлѣ Москвы, разбитая армія Багратіона поступила къ Милорадовичу. Милорадовичъ встрѣтилъ штабъ его длинною и несвязною рѣчью, дѣлалъ колкости памяти покойнаго Багратіона и настоятельно требовалъ указать ему того, къ кому князь всего болѣе имѣлъ любви и довѣренности, дабы именно въ лицѣ сего послѣдняго, могъ онъ доказать князю истинное свое великодушіе и любовь къ тому, кого любилъ и уважалъ— врагъ его. Генералъ Маринъ отвѣчалъ на сіе съ достоинствомъ человѣка, умѣющаго цѣнить себя, князя и представляемыхъ имъ чиновниковъ. И Милорадовичъ заключилъ рѣчь тѣмъ: «я люблю безпорядокъ, ибо одинъ только безпорядокъ ведетъ къ истинному порядку».

Въ Подолѣ мы устроили «дежурство». Милорадовичъ давалъ мнѣ знать подъ рукою, что онъ хочетъ ближе всѣхъ со мною сблизиться. Не желая оскорбить Марина, какъ друга и благороднѣйшаго начальника, я долго отклонялъ сіе сближеніе. Но въ одинъ день, когда я встрѣтился съ Милорадовичемъ, онъ меня остановилъ и началъ говорить:

— «Господинъ Маевскій! я знаю, что князь обязанъ вамъ совершеннымъ устройствомъ и порядкомъ его дежурства. Вы много трудились для него. Я увѣренъ, что вы труды ваши раздѣлите теперь со мною!»

Я благодарилъ его за лестное мнѣніе и остался при немъ въ званіи авангарднаго дежурнаго штабъ-офицера.

Подъ Вороновымъ авангардъ нашъ стоялъ въ боевой осторожности. Но къ намъ всякой день приводили плѣнныхъ, которые шли къ намъ въ сѣти, не ожидая встрѣчи съ нами на коммуникаціонной своей линіи. Милорадовичъ принималъ ихъ милостиво и щедро дарилъ на словахъ деньгами и всѣми потребностями. Въ одинъ день онъ приказалъ мнѣ напоить и накормить приведенную партію плѣнныхъ и дать имъ по червонцу на брата. Не зная еще манеры Милорадовича, я говорю его дворецкому: «отпустите имъ все назначенное». Но дворецкій, улыбаясь, сказалъ мнѣ:

— «Вы всякій день будете имѣть подобныя приказанія, и если по неосторожности употребите свое, то въ вѣкъ не получите назадъ. Нашъ генералъ (Милорадовичъ) не имѣетъ самъ ни гроша, и часто бываетъ, что онъ, послѣ сильныхъ трудовъ, спрашиваетъ поѣсть. Но какъ чаще всего у насъ нѣтъ ничего, то онъ ложится и засыпаетъ голодный безъ упрека и безъ ропота».

Я не разъ испыталъ это и самъ, и, изъ жалости къ его безпечности, заботился о бѣдномъ его столѣ.

Мюратъ командовалъ противуположною намъ линіею и мертвое наблюдалъ во всемъ молчаніе. Въ одинъ разъ вздумалось ему осматривать инкогнито нашу позицію. Но извѣстный Сысоевъ, замѣтя его, выстрѣлилъ по немъ и далъ промахъ. Мюрата оскорбило такое поведеніе среди перемирія, и на другой день онъ желалъ лично переговорить съ Милорадовичемъ. Они съѣхались; и Милорадовичъ, между прочимъ, заключилъ, что онъ за счастіе почитаетъ имѣть такого соперника, который сошелъ съ трона единственно для того, чтобы сдѣлать честь Милорадовичу, сопричисляя его къ числу своихъ сопротивниковъ. Но чтобы показать и съ своей стороны полное уваженіе, онъ запретилъ стрѣлять по ставкѣ короля.

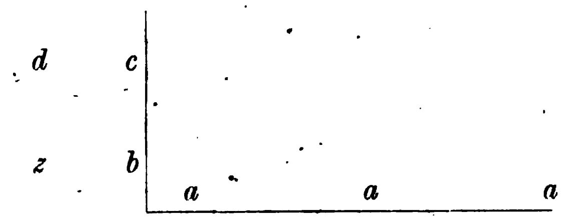
Не прошло трехъ дней, какъ вѣжливый Мюратъ атаковалъ насъ всею своею массою. Положеніе нашихъ позицій было самое неудобное. Это была просто демаркаціонная линія, обведенная глубокою и отложистою долиною. Мы стояли на оконечности высокаго возвышенія, къ которому, съ правой стороны, примыкалъ лѣсъ на необозримое пространство и густо тянулся чрезъ всю нашу позицію до главной нашей квартиры, имѣя въ срединѣ глубокіе овраги, скрывавшіе движеніе непріятеля. Непрія-

тель стоялъ на отлогомъ мѣстѣ. Но движеніе его и положеніе прикрывалось лѣсами и деревнею. Въ лощинѣ стояли наши драгуны и казаки. Генералъ Панчулидзевъ, которому слѣдовало занять противуположную сторону и открыть непріятеля, не смотря на множество приказаній, не трогался съ мѣста и не внималъ никакимъ повелѣніямъ. Генералъ Уваровъ, посланный разбудить Панчулидзева, прилетѣвъ назадъ, съ азартомъ жаловался, что его казаки не слушаютъ; что онъ раскрывалъ шинель, показывалъ ордена и увѣрялъ всѣхъ, что онъ генералъ-адъютантъ; но что все сіе ни мало не помогло, и что линія казаковъ осталась тамъ же, гдѣ она и была. Панчулидзевъ имѣлъ даръ не уйти съ сраженія; но сдѣлать что-либо отъ себя—это было свыше его дарованія. Милорадовичъ, видя, что Панчулидзевъ ни съ приказами, ни безъ приказовъ ничего не дѣлаетъ и не трогается, послалъ меня съ тѣмъ, что (бы) Панчулидзевъ въ присутствіи моемъ совершилъ это движеніе. Я объявилъ ему приказаніе; но оное на него не подѣйствовало. Онъ, указывая на оконечность линіи, говоритъ мнѣ: «Тамъ въ лѣсу пѣхота; она возьметъ меня во флангъ и всѣ движенія мои сдѣлаетъ тщетными». Понимая хорошо, что это простой звукъ словъ, я полетѣлъ къ опасному мѣсту и нашелъ, что на всемъ пространствѣ непріятельской линіи оставленъ былъ, между двухъ смежныхъ пролѣсковъ, одинъ или еще и менѣе баталіона, который на площадкѣ просто караулилъ неподвижныя наши движенія. Я сообщилъ это замѣчаніе Панчулидзеву; но на него и сіе ни мало не подѣйствовало. Онъ требовалъ пушекъ, тогда какъ онѣ висѣли надъ его головой, и пѣхоты.

Я донесъ Милорадовичу, и онъ сдѣлалъ мнѣ честь, приказавъ выбить изъ лѣсу непріятеля. Я взялъ конвойный баталіонъ и готовъ былъ со словомъ «ура!» броситься въ лѣсъ, какъ въ ту же минуту прискакалъ отъ Милорадовича извѣстный Потемкинъ и приказалъ, для острастки непріятеля, открыть по немъ огонь. Баталіонъ этотъ тотчасъ разстроился и не достигъ своей цѣли; а Панчулидзевъ и французскій баталіонъ остались неподвижно на своихъ мѣстахъ. Видя, что дѣло испорчено, я бросился на гору искать пособія въ Милорадовичѣ; но вижу издали, что прямо къ позиціи мчится стремглавъ артиллерійское вещество. Я принялъ его за пушку и полетѣлъ на встрѣчу прямо къ нему. Въ

жару усердія и энтузіазма, я не разобралъ формы этого вещества. Но видя, что лошади мчатъ съ ужасной горы, что готлангеръ не въ состояніи ихъ удержать и что пушка и человѣкъ, безъ особой помощи, разобьются въ дребезги, я бросился поперегъ лошадей. Лошадей я удержалъ, но дышло разшибло мнѣ ногу— и я упалъ замертво! Очувствовавшись, я увидѣлъ, что это была не пушка, но ящикъ, и лошади, отъ взрыва въ немъ, испугались и понесли готлангера съ дымящимися еще остатками.

Не могши ни сидѣть верхомъ, ни идти пѣшкомъ, я, съ помощію моего казака, взобрался на вершину горы. Тамъ меня оттерли, перевязали, и я съ больною ногою пустился опять на поле чести. Милорадовичъ благодарилъ меня за спасеніе человѣка; но самъ какъ-будто не принималъ ни въ чемъ участія.. Для него все было хорошо, когда двигались и дрались. Онъ съ фанфаронскою миною рисовался на своемъ конѣ и съ такою же миною отдавалъ приказанія. Это былъ Ричардъ Львиное Сердце. Граббе управлялъ въ сей день позиціею боя, но поставилъ орудія такъ, что они стрѣляли вертикально, а въ 10-ти шагахъ отъ нихъ былъ густой лѣсъ, никѣмъ незанятый и неприкрытый. Непріятеля на его линіи не было, а наши не трогались съ мѣста. Я замѣтилъ это Граббе; но это было уже поздно. Непріятель, довольствуясь нашею оплошностью, потянулся весь на правый нашъ флангъ, войдя въ уголъ самой главной квартиры. Она встревожилась и выслала подъ ружье всю свою армію. Слѣдующая фигура изобразитъ тогдашнее положеніе:



aaa означаетъ нашу позицію, *d* лѣсъ.—Непріятель, бросивъ *aaa*, потянулся чрезъ *d* до *z*; положеніе мѣста способствовало ему столько же удобно уйти, какъ и придти, что и случилось въ этотъ день.

Странно было видѣть несмѣтливость Милорадовича и посреди важнаго, рѣшительнаго и опаснаго, самыя мелкія распоряженія,

впадающія въ игру дѣтей! Не подозрѣвая, что непріятель обгибаетъ весь правый нашъ флангъ, онъ приказываетъ:

— «Господинъ Маевскій! поѣзжайте вонъ—къ той кавалеріи; скажите, чтобы она пошла въ атаку: сначала рысью, потомъ въ галопъ и потомъ во весь карьеръ».

Съ симъ словомъ, давъ шпоры своей лошади, какъ вихрь умчался въ другую сторону. Авангардъ нашъ, по мѣрѣ выстрѣловъ непріятеля, постепенно перемѣнялъ дирекцію подъ прямымъ угломъ и изъ *a a a* перешолъ въ *b* до *c*. Слабый кавалерійскій отрядъ, ставъ на оконечности нашей линіи, опрокинулъ бы его до *c*, и завладѣлъ бы остаткомъ земли, раздѣлявшей насъ отъ арміи.

Въ этотъ день пуля сшибла эполетъ Милорадовичу. Онъ, не перемѣняя ни вида, ни тона, провозгласилъ только: «итакъ, наконецъ, первый разъ въ моей жизни, осмѣлилась пуля прикоснуться ко мнѣ», указывая на свой эполетъ.

Милорадовичъ, по возвышенности духа, былъ истинный Баярдъ; но недостатку приготовленія, безпечности и избалованному счастію не дорожилъ наукою. Онъ совершенно ея не зналъ; и у него всегда должно быть другому, которой бы управлялъ цѣлою пьесою. Его можно сравнить съ хозяиномъ, который даетъ волю прикащику—всѣмъ располагать, но который беретъ на себя только трудное и опасное. Первыя мысли Милорадовича—мысли возвышенныя, счастливыя и были бы даже и удачныя; но тутъ же измѣняются онѣ, по мѣрѣ мыслей другихъ, такъ что едва успѣетъ родиться хорошее, какъ оно замѣняется дурнымъ.

Неудачное, или больше безпокойное сраженіе наше подъ Вороновымъ нѣсколько огорчило Кутузова. И не трудно было Милорадовичу дать правильный видъ сраженію, которое, впрочемъ, было противъ всякаго вычисленія. Однако же, сраженіе сіе такъ обезпокоило фельдмаршала, что онъ ежедневно требовалъ къ себѣ Милорадовича для совѣщанія. И вскорѣ послѣ того рѣшили притянуть авангардъ къ арміи. Я получилъ, въ званіи генералъ-аудитора, самое лестное для меня порученіе: командовать заднею цѣпью аріергарда, защищать мостъ и, бывъ послѣднимъ, сжечь его въ самой уже крайности.

Кстати, положить и тѣнь, и цвѣтъ на картину Милорадовича. Его сердце равно было прочимъ благороднымъ его качествамъ;

но безпечность прикрывалась всегда любезностью его характера. До меня не было въ авангардѣ ни устройства, ни продовольствія: это не дѣло Милорадовича. Съ моимъ прибытіемъ все получило новый видъ. Генералъ Корфъ, командовавшій передовою цѣпью, обрадовавшись изобильному корму людей и лошадей, скачетъ къ Милорадовичу съ полною благодарностью. Но едва онъ высказалъ содержаніе рѣчи своей, или ближе, изліяніе чувствъ его, какъ Милорадовичъ, съ обыкновеннымъ и торжествующимъ своимъ тономъ, сказалъ ему: «благодарите не меня, но Маевскаго: (указывая на меня) онъ кормитъ и васъ, и меня». Одной этой черты достаточно уже для похвалы Милорадовича; онъ свое бралъ себѣ, а цѣлое уступалъ подчиненному.

Въ другой разъ, мы шли походомъ. Милорадовичъ ѣхалъ съ Остерманомъ, окруженный свитою. Я вижу брошеннаго раненаго, останавливаю повозку и кладу его на нее въ глазахъ Милорадовича. Милорадовичъ, увидя заботу о спасеніи раненаго, обращается къ Остерману и говоритъ: «то, что сдѣлалъ теперь Маевскій, можете сдѣлать только вы и я». Въ переносномъ смыслѣ, сочли бы это за мою дерзость; но въ душѣ Милорадовича выражалась этимъ сильнѣйшая похвала.

На Красной Пахрѣ мы остановились послѣ сильнаго преслѣдованія. Всѣмъ намъ казалось, что глубокая рѣка, раздѣляя насъ отъ непріятеля, дѣлаетъ насъ безопасными; но вышло напротивъ. Милорадовичъ, послѣ неутомимыхъ трудовъ и плохихъ обѣдовъ, покойно расположился въ господскомъ домѣ, и оживлялъ свой аппетитъ испарявшимся отъ кухни запахомъ. Я остался подъ открытымъ небомъ отдавать приказанія и подкрѣпить силы спартанскою похлебкою! Но едва я занесъ ложку въ супъ, какъ дали мнѣ знать, что французы, подобно индійскимъ бѣлымъ муравьямъ, оставили позади себя всѣ препятствія и убирали уже всѣ блюда на кухнѣ Милорадовича. Я бросился на готоваго коня, повелъ съ собой конвой и опрокинулъ нежданныхъ гостей. Но они усилились. Я ввелъ въ дѣло Васильчикова и Пассека, а Милорадовича спасъ адъютантъ его Деюнкеръ, ударивши на невѣждъ-гостей, имѣвшихъ одно только торжество въ истребленіи обѣда Милорадовича.

Вотъ хактеристическія черты Милорадовича, которыя, впрочемъ, имѣли всегда пріятность и посреди крайностей, и посреди

опасностей. Но главный за нимъ порокъ былъ тотъ, что онъ, въ минуту дѣла, восторженъ бывалъ услугою сотоварищей; но прошло дѣло—прошла и мысль о немъ! Однако, по чувству души и цѣны подчиненнаго, онъ, при всякой встрѣчѣ, спрашивалъ каждаго, служившаго съ нимъ: «все-ли вы получили по моимъ представленіямъ?» Отвѣтъ, натурально, никогда не былъ отрицательный, хотя никто ничего не получалъ. Это просто размѣнъ вѣжливостей. Но Милорадовичу и въ голову не приходило вспоминать, кого и какъ онъ представлялъ.

Теперь обращаюсь къ моему порученію. Будучи упоенъ восторгомъ столь лестнаго порученія, я напередъ рисовалъ въ воображеніи моемъ или героическую защиту, или героическую смерть. Я именно положилъ этотъ выкупъ за предпочтеніе меня предъ достойнѣйшими авангардными генералами и штабъ-офицерами,—а особливо въ мундирѣ, который противурѣчилъ моему назначенію и возвышалъ славу мою въ глазахъ арміи. Но на зло мнѣ, непріятель не трогался и не хотѣлъ украсить чела моего лавровою вѣткою. Я горѣлъ нетерпѣніемъ: подставилъ смоляныя бочки, засыпалъ ихъ соломою, и фитиль мой ожидалъ только времени. Честь—зажечь мостъ на половинѣ французскаго движенія я предоставилъ лично себѣ, не ввѣряя этого ни казаку, ни товарищу. Тутъ было не дѣло зависти, но дѣло чести штатскаго—по мундиру и военнаго—по чувству.

Въ одинъ день, когда я всего ближе былъ къ исполненію моего желанія, летитъ ко мнѣ верхомъ Милорадовичъ. Обратясь ко мнѣ говоритъ:

— «Господинъ Маевскій, свѣтлѣйшему давно угодно, чтобъ вы были при немъ. Я приказанія его оставлялъ безъ исполненія, боясь за васъ, чтобъ вы не попали въ простую толпу пресмыкающихся. Теперь я объяснился съ свѣтлѣйшимъ и, слѣдуя непремѣнной его волѣ, скажу вамъ, что вы будете при немъ на другой ногѣ и сохраните уваженіе, которое вы у меня и у всѣхъ заслуживаете».

Я не успѣлъ растворить рта, какъ Милорадовичъ, по привычкѣ своей, далъ шпоры и понесся какъ вихрь.

Вѣсть сія, признаюсь, крайне огорчила меня: во-первыхъ, она лишала меня блистательнаго поприща, во-вторыхъ, я зналъ нетерпѣніе фельдмаршала. Я уже полагалъ, что на меня набро-

шена тригометрическая сѣть и что я никогда не свяжу узловъ въ мою пользу.

Дѣлать было нечего. Я повиновался силѣ и ту-же минуту отправился къ фельдмаршалу. Но по дорогѣ заѣхалъ я къ другу моему Марину, жившему вмѣстѣ съ Кикинымъ и Ермоловымъ. Они увеличили мои ужасы, и Ермолову крайне хотѣлось оставить меня при себѣ. Но хаосъ его «дежурства» еще болѣе испугалъ меня. Однако-жъ, Ермоловъ нашелъ предлогъ оставить меня при себѣ подъ видомъ сдачи дежурства Багратіона.

V.

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

Первый пріемъ. — Коновницынъ. — Докладъ «бумажекъ». — Достоинства и недостатки Кутузова.

1812 г.

Я явился къ Коновницыну; онъ представилъ меня фельдмаршалу. Пріемъ былъ обыкновенный и самый сухой. Я рѣшился отдѣлаться и показывалъ видъ, что я привожу въ порядокъ бывшія на рукахъ моихъ дѣла. Меня отпустили; но не прошло недѣли, какъ опять потребовали къ фельдмаршалу. Я явился къ Коновницыну; онъ встрѣтилъ меня съ новою, но лучшею уже миною. Вотъ нашъ разговоръ:

Коновницынъ: «Батюшка, батюшка! Я утопаю въ дѣлахъ. У меня нѣтъ ни одного помощника (хотя при немъ было свиты до 100 офицеровъ). Я и фельдмаршалъ надѣемся, что вы облегчите насъ и раздѣлите съ нами труды».

Я: «Я за особую почелъ бы честь оправдать ваши ожиданія; но малая опытность, а еще меньшая способность останавливаютъ меня приняться за порученіе, хотя и лестное, но свыше силъ и ума моего».

Коновницынъ: «Батюшка, батюшка! Такъ вы не хотите?»

Я: «Я хочу, но не могу; и вотъ, признаніе мое—самое лучшее оправданіе».

Коновницынъ (смягчая тонъ): «Батюшка! Мы лучше знаемъ васъ, чѣмъ вы себя; мы оцѣнили уже ваши способности и знаемъ, что вы все можете, ежели только захочете».

Я: «Ежели я за способности мои имѣю уже такую поруку, какъ ваша, то я съ охотою принимаю ваше приказаніе».

Это было въ 10-ть часовъ утра; а въ 7-мь вечера представили меня фельдмаршалу. Фельдмаршалъ, послѣ отвлеченныхъ вопросовъ, когда мы были наединѣ, сказалъ мнѣ:

— «Любезный Маевскій! въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь находимся, ни одинъ истинный сынъ отечества не долженъ отказаться отъ самаго труднаго и опаснаго порученія. Мой дежурный генералъ всякій часъ безпокоитъ меня о тебѣ, говоря, что онъ утонулъ въ дѣлахъ и что, къ стыду его, отказывается безъ помощника отъ своей должности. Я предоставилъ ему избрать достойнаго изъ всей моей арміи. Его выборъ палъ на тебя; но ты, по словамъ его, отказываешься отъ предложенія. Мы призвали тебя съ тою же самою цѣлью, и я надѣюсь, что ты раздѣлишь съ нами труды (и, тутъ же, воздѣвъ руки къ небу, продолжалъ): за то Богъ, всемогущій Богъ тебѣ заплатитъ».

Бывъ увлеченъ почтеннымъ видомъ маститаго старца, чистотою его души и отеческимъ языкомъ, я принялъ должность,—и съ той минуты пріятно служилъ при немъ до конца его дней.

Чтобъ знать все и почему и мелкіе умы, какъ и мой, пускаются на большое поприще, я начну съ штата свѣтлѣйшаго.

Онъ привезъ съ собою **Кайсарова** и **Фукса**. Первый занялъ должность дежурнаго генерала; второй—директора канцеляріи. Неспособность ихъ обнажилась въ первые три мѣсяца, а интрига довершила разрушеніе славы ихъ.

Кутузовъ, уступая необходимости и голосу арміи, избралъ дежурнымъ генераломъ **Коновницына**, прославившагося сею должностью въ Финляндіи. При немъ былъ нѣкто **Ахшарумовъ**, владѣвшій перомъ Коновницына. Съ минуты вступленія въ сію должность, оба они увидѣли, что дѣла 1812 г. со всѣмъ не похожи на дѣла 1808 г.,—и новый трудъ, объявшій обоихъ ихъ, заставилъ искать третьяго.

Въ дежурствѣ свѣтлѣйшаго, которое называлось **дежурствомъ всѣхъ дѣйствующихъ армій**, не засталъ я ни лоскутка бумаги! Все это дѣлалось на полевую руку, а главныя распоряженія шли чрезъ **Ермолова**, который, не имѣя главнокомандующаго (Барклай тогда уѣхалъ, а Тормасовъ еще не пріѣхалъ),—дѣйствовалъ именемъ начальника штаба, какъ главнокомандующій. Этимъ средствомъ дежурство Кутузова не знало письменнаго труда и фельдмаршалъ былъ только мыслящее лицо.

Мнѣ должно было все сотворить, все устроить; но у меня было всего-на-всего два безграмотныхъ помощника въ офицерскихъ чинахъ. Коновницынъ, заложивъ гать неистощимой письменной рѣкѣ, наводнилъ меня запущенными бумагами, и я вдругъ получилъ ихъ до 10 т.! Не видя, что кому прежде приказывалось, и не имѣя ни въ комъ компаса, который бы руководилъ меня въ направленіи, я далъ свободу смѣлому моему характеру и въ недѣлю возстановилъ полный и должный ходъ. Но, на бѣду мою, меня помѣстили въ курной избѣ, неимѣвшей и трехъ аршинъ квадрата. Въ ней была больше съѣзжая, чѣмъ дежурство! Нѣкто Скобелевъ, занимавшій прежде мое мѣсто, по тѣснотѣ избы, помѣстилъ себя на печи и съ помощію пріятелей дѣлалъ мнѣ всѣ непріятности и затрудненія. Я его выжилъ, и съ бо̀льшимъ просторомъ избы получилъ бо̀льшій просторъ и въ дѣйствіяхъ.

Я помню, что первыя мои бумаги, сотворенныя небогатымъ умомъ моимъ, весьма понравились фельдмаршалу: это была похвала оружію и оборотъ набору съ Московской губерніи. Онъ слушалъ ихъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ; но когда дошло дѣло подписывать, онъ утомился на 10-ти подписяхъ; возвысилъ голосъ и хотѣлъ-было сдѣлать мнѣ обыкновенное привѣтствіе, т. е. разбранить; но, очувствовавшись, перемѣнилъ тонъ и съ большимъ усиліемъ и кряхтѣніемъ подписалъ остальныя 10 бумагъ. Для Кутузова написать вмѣстѣ 10 словъ труднѣе, чѣмъ для другаго описать кругомъ 100 листовъ; сильная хирагра, старость и непривычка — вотъ враги пера его. Но за то природа и навыкъ одарили его прекраснымъ языкомъ, который восходилъ до высокаго краснорѣчія. Въ немъ были счастливые обороты въ мысляхъ и словахъ; и при томъ, онъ умѣлъ сохранять всегда чудную прелесть лаконизма и игривость отъ шуточнаго до величественнаго. Можно сказать, что Кутузовъ не говорилъ, но игралъ языкомъ: это былъ другой Моцартъ или Россини, обворожившій слухъ разговорнымъ своимъ смычкомъ. Но, при всемъ творческомъ его дарѣ, онъ уподоблялся импровизатору; и тогда только былъ какъ-будто вдохновенъ, когда попадалъ на мысль, или когда потрясаемъ былъ страстью, нуждою, или дипломатическою уверткою. Никто лучше его не умѣлъ одного заставить говорить, а другаго — чувствовать, и никто тоньше его не былъ

въ ласкательствѣ и въ проведеніи того, кого обмануть или обворожить принялъ онъ намѣреніе; вы увидите въ минуту: благоговѣйный восторгъ его и слезы умиленія или жалости; но прошелъ часъ—и онъ все позабылъ. Это былъ и тончайшій политикъ по уму, и самый добродѣтельный по сердцу. Ко вреду подвинуть его было трудно. У слабости бывалъ онъ иногда въ рукахъ; но тѣхъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ раздѣленіи славы его, невидимо подъѣдалъ такъ, какъ подъѣдаетъ червь любимое или ненавистное деревцо. Въ общемъ очеркѣ онъ былъ больше великодушный отецъ, исправлявшій кротко, тихо, поучительно и сильно своихъ дѣтей, нежели начальникъ, гордящійся своими жертвами. Его нетерпѣніе выводило его къ грубостямъ. Но, увидавъ того, кого сію еще минуту заочно и жестоко бранилъ, онъ бросается къ нему на шею и осыпаетъ его величайшею ласкою и вѣжливостью. Съ такимъ даромъ сердца, Кутузовъ много походилъ на азіатца, который, углубясь въ журчаніе фонтана, забываетъ цѣлый свѣтъ. Его сѳера—нѣжить тѣло, чувство и воображеніе. Для него, по бо̀льшей части, надобно было все придумывать и обработать; но и тутъ надобно было еще поймать минуту, чтобы заставить его выслушать себя и кое-что подписать. Такъ онъ былъ тяжелъ для слушанія дѣлъ и подписи своего имени въ обыкновенныхъ случаяхъ.

Съ другой стороны, Коновницынъ былъ суетливъ, заботливъ и вмѣстѣ недѣятеленъ и безпеченъ. Цѣлый день куритъ онъ трубку и говоритъ съ сотнями людей, которыми попеременно наполняется его комната. А въ ночи онъ не спитъ и записываетъ, что̀ исполнено и не исполнено. Но принеси къ нему бумаги—онъ ничего не подписываетъ, всего боится и все отсылаетъ къ фельдмаршалу; а фельдмаршалъ тяготится и при видѣ 10 бумагъ. Какъ же ему подписывать отъ 300 до 500 вдругъ?! Коновницынъ, дорожа своею репутаціею, хотѣлъ, кажется, выказывать себя вседѣйствующимъ; но, не имѣя силы въ объемѣ цѣлаго, онъ вѣрно разсчиталъ, что все хорошее отнесется къ нему, а все дурное припишется фельдмаршалу. Но Кутузовъ держался, кажется, и самъ этой же системы, въ обратномъ только смыслѣ. Въ критическомъ положеніи каждый особенно дорожитъ самимъ собою.

Въ постепенномъ ходѣ событій раскрываются ихъ характеры; они послужатъ эмблемою тогдашняго размышленія и скажутъ

свѣту: возможно-ли, чтобы при двухъ противудѣйствующихъ силахъ, слабая третья машинка могла дать имъ полное движеніе?

На другой день службы моей при Кутузовѣ, я принесъ къ нему въ 7-мь часовъ вечера (это было обыкновенное его время — послѣ обѣда и сна заниматься бумагами) нужнѣйшія бумаги; ихъ было не болѣе 10 и короткихъ, по 20—30 словъ. Онъ все выслушалъ, одобрилъ и сталъ уже подписывать. Но отъ утомленія или отъ каприза велѣлъ въ одной добавить два слова «заковать въ кандалы». Я счелъ неприличнымъ помѣщать сверху эти слова отъ фельдмаршала и хотѣлъ бумагу переписать. Но онъ, вырвавъ ее у меня изъ рукъ, сказалъ: «ты не хочешь — я самъ напишу». Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ костямъ и я несмѣлъ перевести дыханія, хотя, по волѣ его, и сидѣлъ прямо противъ него. Кутузовъ, нанеся на 10 бумагахъ 10 «Кутузовыхъ», откряхтѣлся, отдохнулъ, пришелъ въ себя и отпустилъ меня съ такою отеческою попечительностью, что я не зналъ цѣны его милостямъ. Съ сей минуты я не зналъ при немъ огорченія и не слыхалъ ни одного слова, которое бы оскорбило слухъ или чувство мое. Съ этого дня я всякій день подносилъ Кутузову важнѣйшія бумаги, а остальныя подносилъ Коновницыну. Ни тотъ, ни другой не трудились давать мнѣ мысли своей. Но свѣтлѣйшій смотрѣлъ на число бумагъ, а Коновницынъ увертывался значеніемъ словъ, — и я съ симъ послѣднимъ имѣлъ большіе хлопоты: то ему некогда, то пусть подписываетъ фельдмаршалъ, то вмѣсто «прошу», напиши «благоволите». Итакъ 500 бумагъ идутъ къ завтрему, а завтра дѣлаются 1,000. Я вышелъ изъ терпѣнія, сказавъ наотрѣзъ, что я, не умѣя угодить, не могу и служить. И Коновницынъ долженъ былъ подписывать все, что я ему ни подносилъ. Одинъ только Ермоловъ озадачивалъ его выисканными возраженіями, которыя до меня принимались, какъ заповѣди; но я принудилъ Коновницына положить конецъ этимъ дурачествамъ. И онъ, не смотря на то, что просказалъ: «Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ: онъ обижаетъ старика», подписалъ наконецъ отвѣтъ, стоившій Александрова меча. И Ермоловъ, какъ грозный Нилъ, вошелъ въ свои берега.

VI.

Тарутино.

Бой съ Мюратомъ. — Черты доблести. — «Рыжій трусъ». — Поцѣлуй фельдмаршала. — Размолвка съ Бенигсеномъ. — Барклай и Кутузовъ. — Достопамятная присяга.—Бой при Маломъ-Ярославцѣ. — Доблесть Коновницына. — Доклады у главнокомандующаго. — Черты характера Кутузова.

1812. г.

Мюратъ, помѣстившись на рѣчкѣ Черной, что у Тарутина, имѣлъ неосторожность отдѣлиться отъ своей арміи на 60 верстъ. Послѣ долгаго совѣщанія, положено было его атаковать. Мы выѣхали для дѣйствія; но 1-я армія, которою управлялъ Ермоловъ, по ошибкѣ, была вовсе не приготовлена. Свѣтлѣйшій, вмѣсто Ермолова, жестоко разругалъ генералъ-квартирмейстера и, переночевавъ въ крайней отъ позиціи деревнѣ, возвратился на другой день назадъ.

День еще прошелъ въ приготовленіи,—и все, по ошибочному предразсудку, думали, что не только люди, но и кусты измѣняютъ тайнамъ нашимъ. Но вышло совсѣмъ напротивъ: Мюратъ, не зная ничего о происходившемъ у насъ, застигнутъ былъ въ безпечномъ состояніи. Мы разбили его. И если бы въ общемъ было больше связи и дѣйствія, тогда бы изъ всего корпуса не ушло ни души. Въ этомъ дѣлѣ я отличался, сколько могъ. И Коновницынъ, представляя меня фельдмаршалу на полѣ сраженія, сказалъ:

— «Ваша свѣтлость! господинъ Маевскій отличился сегодня во всѣхъ дѣйствіяхъ. Онъ былъ вмѣстѣ со мною во всѣхъ казачьихъ атакахъ».

Свѣтлѣйшій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Любезный Маевскій, подъѣзжай ко мнѣ, обними меня и поцѣлуй». И, съ этимъ вмѣстѣ, обнялъ меня и поцѣловалъ въ глазахъ всей арміи.

Въ этомъ дѣлѣ я видѣлъ смѣсь странностей и чудесъ. Кутузовъ, желая усилить преслѣдованіе непріятеля нашею кавалеріею, кричитъ: «Гдѣ этотъ дуракъ! рыжій! трусъ!» и т. д. Послѣ многихъ пріисканныхъ, или приблизительныхъ именъ, Кутузовъ съ сердцемъ повторялъ: «нѣтъ, нѣтъ» и усиливался напасть на имя этого труса рыжаго... Но когда сказали ему: «не Бениксона-ли?» тогда онъ повторилъ: «да, да!» А когда ему сказали: «да вотъ онъ

здѣсь», тогда Кутузовъ съ ласкою и отеческою миною обнялъ его и, вслѣдъ затѣмъ, отдалъ приказаніе.[1]

Я видѣлъ тутъ же героизмъ и слабодушіе. Французскій эскадронъ, опоздавъ примкнуть къ своимъ, атакованъ былъ всѣми нашими казаками. Едва мы бросимся на него, какъ храбрый французъ повернетъ эскадронъ лицомъ къ намъ и, не стрѣляя, отражаетъ насъ одною своею неустрашимостью, строгимъ порядкомъ и присутствіемъ духа. Онъ спасся и мы утѣшились только предпріятіемъ.

Другое: посреди сотней нашихъ солдатъ идетъ гренадеръ-французъ: едва налетитъ на него казакъ съ пикою, французъ приложится ружьемъ — и казакъ летитъ отъ него прочь. Это правда, что единицы не занимали тогда насъ; но смѣлость и рѣшительность въ солдатѣ, даже и въ непріятелѣ, есть благороднѣйшая черта, достойная подражанія.

Тарутинское дѣло поссорило и разлучило Бениксона съ Кутузовымъ. Бениксонъ игралъ важное лицо во всѣхъ военныхъ операціяхъ. Кутузовъ не совсѣмъ еще не вѣрилъ звѣздѣ своей и отдѣлывался старинною методою — отраженіемъ, предоставляя остальное въ волю Божію. Но гибкій умъ его, гдѣ надобно, находилъ всегда пособіе[1]).

Въ дѣлѣ тарутинскомъ Кутузовъ главную часть арміи собралъ вокругъ себя, и вмѣсто того, чтобы въ назначенный часъ идти въ разрѣзъ Мюратова корпуса, утвердившагося между полянами въ лѣсахъ, кои болѣе походили на рощи, чѣмъ на лѣса, онъ опоздалъ и остался простымъ зрителемъ происшествія.

Бениксонъ, въ жару негодованія, а можетъ и хвастовства, хотѣлъ уколоть Кутузова, написавъ слѣдующее: «Войска его императорскаго величества совершили сію побѣду съ такою правильностью и порядкомъ, какую можно видѣть на однихъ только маневрахъ. Жаль, очень жаль, что ваша свѣтлость слишкомъ были далеко отъ мѣста дѣйствія и не могли видѣть вполнѣ прелестной картины пораженія!»

Этого довольно было для Кутузова, чтобы постигнуть истинный смыслъ иронизма и сбыть Бениксона.

---

[1]) Далѣе четыре строки тщательно вымараны Маевскимъ: подобныя помарки довольно часты въ его Запискахъ, именно въ характеристикахъ дѣятелей его времени. Ред.

Я не могу умолчать нѣкоторыхъ происшествій, тѣсно связанныхъ съ компаніею и Кутузовымъ.

Несчастная ретирада наша до Смоленска дѣлаетъ честь твердости и уму безсмертнаго Барклая. Собственное его оправданіе есть лучшая улика жестоко дѣйствовавшимъ противъ его особы. Остальныя дѣла его и смерть (послѣ которой хвалятъ даже и враговъ своихъ) есть лучшая поручительница его талантовъ; но въ современномъ понятіи смотрятъ на настоящее, не относясь въ будущее, и каждый указываетъ на Суворова, забывая, что Наполеонъ не Сераскиръ и не Костюшко.

Съ пріѣздомъ Кутузова въ Царево-Займище, всѣ умы воспрянули и полагали видѣть на другой день Наполеона совершенно разбитымъ, опрокинутымъ, уничтоженнымъ. Въ опасной болѣзни надежда на лекаря весьма спасительна. Кутузовъ имѣлъ всегда у себя вѣрное оружіе — ласкать общимъ надеждамъ. Между тѣмъ, посреди ожиданій къ упорной защитѣ, мы слышимъ, что армія трогается назадъ. Никто не ропчетъ, никто не упрекаетъ Кутузова, и пламенный Багратіонъ принимаетъ это, какъ необходимость, какъ благоразуміе, за которое Барклая назвалъ бы онъ измѣнникомъ. (Въ этомъ можетъ увѣрить переписка его съ Ермоловымъ). Успѣвъ въ умахъ арміи, ему нужно было успѣть въ умѣ публики и царя, ибо казалось неестественно—Кутузовъ ретируется безъ бою назадъ... Вотъ его оборотъ: «Когда Смоленскъ, ключъ Москвы, въ рукахъ непріятеля, то у насъ для отпора нѣтъ другаго мѣста, кромѣ Москвы». Такъ онъ писалъ въ своемъ донесеніи царю, прибавляя еще другое и болѣе сильное, что армія Барклая превратилась въ мародеровъ, и что онъ половину ее употребляетъ на то, чтобы караулить другую. Въ столь горестномъ положеніи и половины этой картины достаточно бы было поразить царя. Но безпорядокъ, неподчиненность и ненадежность арміи довершили его страданія. Въ несчастіи мы болѣе нежели подозрительны. Тогда казалось, что Россія до половины составлялась изъ наполеонистовъ; но эта ошибка въ мнѣніи открылась не раньше, какъ послѣ перехода черезъ Нѣманъ.

Въ одинъ день, уже въ Тарутинѣ, фельдъегерь привезъ намъ около 6-ти большихъ тюковъ. Ихъ приняли и просто положили на лавку. Смѣлый Скобелевъ беретъ ножъ, разрываетъ пакъ и къ ужасу—читаетъ вновь присланную для арміи присягу. Слова,

въ ней помѣщенныя, столь были сильны и поразительны, какія можно читать въ однихъ только клятвахъ народа еврейскаго. Скобелевъ успѣлъ сдѣлать ее гласною, и когда она до половины была извѣстна арміи, тогда только догадались прибрать ее, сохранить въ тайнѣ и съ тѣмъ же фельдъегеремъ обратить назадъ. Эта присяга—была улика клеветѣ и на армію, и на Барклая.

Послѣ оставленія Наполеономъ Москвы, мы славно расположились на Полотняныхъ заводахъ. Не беру на себя труда разбирать правильности ни своихъ, ни непріятельскихъ движеній. Но скажу, что Кутузовъ слалъ золотой мостъ ретирующимся. Вотъ какъ сильно еще было въ насъ предубѣжденіе о великости Наполеонова генія!

Къ Мало-Ярославцу пришли мы почти сутками прежде Наполеона и всей его арміи. Ермоловъ уступилъ мѣсто Дохтурову, а я съ Коновницынымъ, по обыкновенію, испытывали силу нашего мужества. Изъ нашей свиты ранили почтмейстера Добровольскаго. Огонь постепенно усиливался; городъ переходилъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, къ ночи уже достался въ обладаніе непріятелю. Тутъ я видѣлъ довѣренность и любовь подчиненныхъ къ начальнику. Коновницынъ вводилъ войска въ огонь съ рѣчью, ихъ воспламенявшею. Они хватали фалды его, цѣловали ихъ и не отставали ни на шагъ отъ рысистой его лошади; перепрыгивали черезъ рвы, черезъ заборы и ничто ихъ не удерживало! Ежели бы къ Коновницыной охотѣ, храбрости и доброй волѣ жертвовать всегда и вездѣ собою прибавить бы Суворовскаго генія, тогда бы онъ много оказалъ пользы на своемъ мѣстѣ. Но онъ думалъ только рисоваться и удивлять своею храбростью, не помышляя ни мало, какъ выгоднѣе начать и кончить предпринятое дѣло. Любимая его была привычка—стремиться въ опасность съ своею свитою, погонять плетью лошадь и поминутно оглядываться назадъ къ окружающимъ, чтобъ читать на ихъ физіономіи чувства удивленія и признательности къ чудесной его смѣлости.

Прежде, нежели я возвратился къ Кутузову, собиравшемуся на другой день отступить въ Калугу, онъ спрашивалъ меня нѣсколько разъ, и когда Коновницынъ выхвалялъ опять храбрость мою, онъ сердито ему сказалъ:

— «Я прошу васъ не брать съ собою Маевскаго; я отдамъ

это и въ приказѣ по арміи. Вы и такъ лишили меня достойныхъ людей; а если я потеряю еще и Маевскаго, такъ я останусь, какъ безъ рукъ». (Это часто повторялъ онъ и при мнѣ, при каждой перемѣнѣ моего лица, говоря: «Любезный Маевскій, не болѣнъ-ли ты? Сохрани Богъ! Тогда я останусь, какъ безъ рукъ».)

Это легко могло и быть: я весь день просиживалъ у фельдмаршала: по-утру онъ откладывалъ до вечера, а вечеромъ—до утра; отъ него уходилъ ночью въ 12-ть часовъ, а къ свѣту заготовлялъ 500—600 №№.

Я долженъ правду сказать, что обворожительный тонъ, даръ и обращеніе Кутузова составили ему друзей въ арміи и даже во всей Россіи. Его слова и ласки происходили отъ души, и не было человѣка, даже и огорченнаго имъ, который бы при новой ласкѣ не забылъ старой обиды или грубости, ему сдѣланной. Его пріемъ всегда былъ отеческій; а въ бесѣдѣ съ нимъ забываешь всегда, что ему 70 лѣтъ. Онъ сохранилъ для насъ древній характеръ и россійской грубости, и русской доброты. Манера его пріемовъ въ отношеніи ко мнѣ на походѣ и на мѣстѣ, въ чертогахъ или курной избѣ: я чуть свѣтъ прихожу къ Коновницыну, а сей, послѣ долгихъ споровъ, отсылаетъ къ фельдмаршалу. Въ 7-мь часовъ иду къ сему послѣднему. Когда растворяются двери прямо къ нему, я, какъ свѣча, стою у этого отверстія. Фельдмаршалъ подзоветъ меня и всегда одно и тоже скажетъ мнѣ: «Любезный Маевскій, подожди; я сейчасъ подпишу бумажки твои». Но вдругъ—походъ, вдругъ некогда, вдругъ развлеченія,— и бумажки [1]) остаются на завтра, завтра и завтра! Когда пройдетъ много такихъ дней, тогда фельдмаршалъ говоритъ: «Не сердись, любезный Маевскій; я, право, завтра подпишу бумажки твои», и рѣдко когда не сдержитъ слова.

Когда бываетъ день доклада, докладчикъ всегда садится противъ него. Фельдмаршалъ всегда говоритъ: «Любезный N. N., садись; я не могу смотрѣть, когда кто стоитъ; у меня рябитъ въ глазахъ», которые тутъ же онъ протираетъ и разглаживаетъ свою руку, въ коей былъ 40-лѣтній фонтанель.

Въ игрѣ словъ онъ часто шутилъ: «Охти! какъ я не люблю этихъ бумагъ. Мнѣ счастливится отдѣлаться отъ всѣхъ, кромѣ

[1]) Кутузовъ имѣлъ привычку все выговаривать смягчительно, или въ уменьшенномъ видѣ: «бумажки» и т. д. С. М.

Маевскаго; но этотъ человѣкъ всегда возьметъ такую позицію, что я вижу его, какъ свѣчу. Мнѣ жаль его: я не могу отказать ему и долженъ иногда по неволѣ работать съ нимъ».

Отдавая приказанія, онъ всегда говаривалъ: «Напиши то, или то; я знаю, любезный Маевскій, что ты хорошо это обнимешь и хорошо, очень хорошо напишешь» [1].

По тѣмъ же разсчетамъ, по коимъ палъ Беннигсонъ, началъ упадать и Коновницынъ; ибо слишкомъ прославляемая въ Петербургѣ слава его начала рябить въ глазахъ Кутузова. Онъ вручилъ мнѣ всѣ дѣла, всѣ доклады и велѣлъ распечатывать и исполнять имянныя повелѣнія, прибавя: «Ты одинъ только будешь мнѣ за это отвѣтствовать». Съ этого времени Коновницынъ былъ какъ чужой и почти не имѣлъ ни на что вліянія, тѣмъ больше, что Кутузовъ принудилъ себя—занимался лично: со мною, съ Безроднымъ [2]) и Толемъ, который, послѣ отступленія непріятеля изъ Москвы, началъ играть большое лицо, независимо отъ Коновницына.

VII.

Бѣгство непріятеля.

Гвардія при Красномъ.—Кн. Кудашевъ.—Генералъ Марковъ.—Въ Вильнѣ.—Назначеніе Ермолова начальникомъ артиллеріи.—Опорманъ.—«Инструкція генералъ-полицій-мейстера».—Первый докладъ императору Александру.

1812 г.

Къ Красному мы пришли днемъ раньше французовъ и остановились-было на большой дорогѣ. Но Кутузовъ разсчелъ, что эта ширма можетъ служить и западнею для Наполеона, и безславіемъ для Кутузова, ежели первый успѣетъ прорвать ширму и уйти въ глазахъ «спасителя отечества», ибо нельзя остановить цѣлую армію. Онъ выбралъ среднее: отошелъ въ сторону версты

[1]) Поздно, въ одинъ вечеръ, призываетъ онъ меня, говоря: «Теперь возвращаются прощенные поляки; имъ положенъ срокъ возвращенія. Но пока таможни получатъ разрѣшеніе, срокъ этотъ пройдетъ и они лишатся дарованной имъ милости. Какъ ты, думаешь, поправить это неудобство, которое, впрочемъ, зависитъ не отъ насъ?»—«Считать срокъ съ возвращенія ихъ въ таможню», отвѣтилъ я.—«Да, да! точно такъ думалъ и я: твоя мысль встрѣтилась съ моею». С. М.

[2]) Это тотъ самый Безродный, который играетъ роль въ запискахъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго: «Шемякинъ-судъ въ XIX вѣкѣ». См. «Русская Старина» изд. 1873 г., т. VII, стр. 735—785. Ред.

три и, оставляя дорогу въ виду у себя, чертилъ въ умѣ, какъ нанесть ему ударъ сильнѣе обыкновеннаго... Но пламенный кн. Кудашевъ, зять его и совѣтникъ, горя желаніемъ—однимъ ударомъ рѣшить судьбу Наполеона и Россіи, установился на самой дорогѣ, или, какъ говорится, лобъ въ лобъ Наполеону! Я, по привычкѣ, обскакалъ эту линію и Кудашевъ поручилъ мнѣ просить свѣтлѣйшаго придать ему войска, но что онъ ручается честью разбить все наголову и не выпустить ни души. Едва я сказалъ фельдмаршалу, какъ онъ закричалъ на меня:

— «Скачи ты къ этому....... скажи ему, чтобы онъ сію же минуту оставилъ свое предпріятіе и очистилъ дорогу. Онъ ребенокъ и думаетъ, что это идетъ дѣло съ обыкновеннымъ человѣкомъ; а не знаетъ того, что его ожидаетъ. Мы имѣемъ дѣло съ Наполеономъ! А такихъ воиновъ, какъ онъ, нельзя остановить безъ ужасной потери. Для насъ довольно и очень довольно выгнать его изъ Россіи и уничтожить посреди бѣгства».

На ночь подоспѣла къ намъ гвардія. Она, кромѣ избы фельдмаршала, уничтожила и сожгла всѣ другія. Фельдмаршалъ, выходя къ нимъ, одобрялъ ихъ попеченіе о себѣ, и просилъ поберечь только его избу, чтобы было гдѣ самому ему согрѣться. Это воспламенило воиновъ. И надо было видѣть, что въ эту ночь происходило!.. Къ этому своевольству, сумятицѣ и шуму присоединился ужасный холодъ. И посреди жалостной картины бивака, къ фельдмаршалу врывается въ полночь офицеръ французскаго войска и проситъ помилованія и спасенія. Это встревожило его и насъ, а кончилось смѣшнымъ, но жестокимъ. Къ Ермолову привели въ полночь плѣнныхъ, а онъ былъ утомленъ и сердитъ. Въ такомъ худомъ расположеніи онъ говоритъ приведшему ихъ казацкому офицеру: «Охота тебѣ возиться съ ними; ты бы ихъ тамъ же....» Для казака этого было довольно. Онъ вышелъ и тутъ же принялъ ихъ всѣхъ въ дротики. Одинъ изъ нихъ сорвался съ копья и полетѣлъ прямо къ фельдмаршалу, гдѣ онъ былъ принятъ и успокоенъ по-отечески.

Кутузовъ, не зная зла, сотворенъ былъ для добра. Но добро сіе такъ умно и значительно было соразмѣряемо, что оно не растроивало цѣлаго. Нѣкто генералъ Марковъ, 30-лѣтній товарищъ и фаворитъ Кутузова, въ надеждѣ на его милости, погубилъ себя языкомъ своимъ,—растроился съ Чичаговымъ и, будучи отрѣ-

шенъ отъ команды, явился къ Кутузову. Кутузовъ принялъ его, какъ стараго знакомаго, и какъ-будто онъ ничего не знаетъ прошедшаго. Марковъ вообразилъ, что тутъ-то наступаетъ время его и тутъ-то отличится онъ преимуществами. Ничего не бывало. Кутузовъ видѣлъ его у себя всякій день, говорилъ съ нимъ ласково, но болѣе ничего. Въ день Красненскаго сраженія, Марковъ подъѣзжаетъ къ Кутузову, говоря: «Позвольте, ваша свѣтлость, поѣхать туда (т. е. въ сраженіе)», полагая, что Кутузовъ дастъ ему команду. «Поѣзжай, мой милый, посмотри, что тамъ дѣлается, и скажи намъ». Вотъ чѣмъ отвѣтилъ Кутузовъ! Другой попытки Марковъ уже не дѣлалъ. Не прежде 3—4 мѣсяцевъ, и тогда уже, когда Чичагова не было, Марковъ получилъ корпусъ; но и симъ не долго командовалъ. Кутузовъ, говоря о вакантныхъ генералахъ, на счетъ Маркова говорилъ:

— «Я бы далъ корпусъ Е. И. (такъ звали Маркова); но П. В. (такъ звали Чичагова) подумаетъ, что я потворю тѣмъ, которыхъ онъ прогналъ изъ своей арміи».

Въ томъ вѣкѣ можно было найти возможность примириться съ сдѣланною глупостью и исправить ошибку по службѣ, не разстроивая себя на всю жизнь, не теряя даже лавра, прежнею службою пріобрѣтеннаго. Это много помогало усердію и средству сберечь достойныхъ. Кто же изъ людей вѣкъ проводилъ безъ ошибки?

Сравнивая характеры одного, надобно коснуться и другихъ. Марковъ извѣстенъ былъ въ арміи остротою и интригами. Долго удавалось все его проискамъ и ласкательству. Послѣ долгой моей разлуки съ нимъ, я первую встрѣчу имѣлъ съ нимъ въ Луцкѣ, гдѣ онъ, во вредъ себѣ, вредилъ мнѣ. Во второй разъ засталъ я его въ Красномъ, въ кабинетѣ фельдмаршала, гдѣ онъ игралъ роль домашняго человѣка. Я, по обыкновенію, усѣлся и началъ работать съ фельдмаршаломъ. Кутузовъ все одобрялъ и подписывалъ. Но является полиціймейстеръ высшей полиціи: я собираю бумаги и хочу дать имъ просторъ, зная, что тайна ихъ есть тайна лично двоихъ. Кутузовъ, останавливая меня, говоритъ:

— «Не уходи, любезный Маевскій, ты у меня не лишній человѣкъ,—ты можешь побыть здѣсь и погрѣться у камина, пока мы поговоримъ».

Марковъ догадался, что присутствіе его не у мѣста, вышелъ

вонъ, а за нимъ вышелъ и я. Тамъ Марковъ встрѣтилъ меня съ язвительною насмѣшкою, говоря:

— «Ты, Маевскій, нынче очень спѣсивъ».

— Столько, сколько мнѣ надобно, отвѣчалъ я.

— «Ты что-то много навѣсилъ крестовъ».

— Столько, сколько я заслужилъ.

До Вильны мы съ нимъ не видались. Тамъ замѣтилъ онъ, что ему многое не благопріятствуетъ, а мнѣ—напротивъ. Итакъ, онъ началъ ласкаться ко мнѣ и предлагать свои услуги до низости, разглашая, между тѣмъ, что онъ развилъ мои способности и что я до него не умѣлъ связать десять словъ.

Изъ Краснаго быстро дошли мы до Копыса; тамъ остановились заготовить продовольствіе. Но, по мнѣнію многихъ, здѣсь Березина играла туже роль, что и армія Наполеона подъ Краснымъ.

Изъ Копыса на почтовыхъ прискакали мы въ Вильну. Это мѣсто было какъ родное Кутузову: тамъ любили его всѣ и онъ любилъ безъ разбора всѣхъ. Тутъ было уже не до дѣла. Цѣлая недѣля прошла въ свиданіяхъ, въ разговорахъ, ласкахъ и нѣжностяхъ. Я и дѣла мои были позабыты. Но послѣ трудности эти еще болѣе увеличились: собрались 3—4 арміи, прибылъ дворъ и я ежедневно слышалъ, въ 12-ть часовъ утра: «приди вечеркомъ», а въ 12-ть часовъ ночи: «завтра, завтра подпишу бумажки твои». Наконецъ, все установилось и дѣла пошли своимъ порядкомъ.

Въ одинъ день я докладываю фельдмаршалу, что, по случаю соединенія всѣхъ армій, нужно назначить одного начальника артиллеріи.

— «Кого же лучше, какъ не Д. П. Рѣзваго?» отвѣчалъ князь, «онъ человѣкъ умный и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ».

Вдругъ докладываютъ, что гр. Аракчеевъ пріѣхалъ къ свѣтлѣйшему. И представьте наше удивленіе: графъ говоритъ о томъ же, о чемъ говорили и мы за минуту до него; но разговоръ былъ въ другомъ уже тонѣ и духѣ.

Гр. Аракчеевъ: «Государю императору угодно соединить командованіе всею артиллеріею въ лицѣ одного артиллерійскаго генерала; а выборъ послѣдняго представляетъ вашей свѣтлости. Его величество думаетъ, что всего ближе дать этотъ постъ А. П. Ермолову».

Кутузовъ: «Вотъ спросите у него (указывая на меня): мы сію минуту объ этомъ только говорили. И я самъ хотѣлъ просить государя императора, чтобы назначенъ былъ А. П. Ермоловъ. Да и можно-ли назначить лучше кого другаго?»

Надобно примѣтить, что Кутузовъ ненавидѣлъ съ нѣкотораго времени Ермолова, а Аракчеевъ — Рѣзваго.

Когда я сказалъ Ермолову, бывшему въ залѣ, о его назначеніи, онъ отвѣчалъ:

— «Слава Богу! хоть разъ не помѣшали мнѣ».

Въ Вильнѣ все начало перемѣняться: Коновницынъ сталъ упадать, Толь — возвышаться; но роль моя ни мало отъ того не перемѣнилась. Скажу мимоходомъ о себѣ. Кутузовъ, получивъ антипатію къ Коновницыну, который сталъ уже проситься въ Петербургъ, чтобы опочить на лаврахъ побѣдъ, готовилъ въ умѣ на его мѣсто Опермана, извѣстнаго умомъ и тонкостью. Толю крайне не хотѣлось этого совмѣстничества, которое бы лишило его, ежели не всѣхъ, то, конечно, на половину лавровыхъ цвѣтовъ, которые начали уже тутъ слишкомъ сильно для него прозябать; мѣры были напрасны, а Оперманъ началъ получать силу.

Въ одинъ день призываетъ меня Кутузовъ, говоря:

— «Любезный Маевскій, я просилъ Опермана, Коновницына, Бороздина и Толя, чтобы они вмѣстѣ съ тобою потолковали и, рѣшили запросъ Бороздина. Желанія его, какъ мнѣ кажется, прихотливы и довольно неудобно исполнительны».

А Толь мимоходомъ замѣтилъ мнѣ:

— «Отбить умствованія у Опермана, чтобы онъ впередъ не вмѣшивался въ наши дѣла и чтобы сдѣлать его ненужнымъ Кутузову».

Бороздину дано было порученіе собирать въ тылу арміи плѣнныхъ, непріятельскіе ящики, орудія и проч., и проч. Онъ требовалъ полновластія и денегъ. Оперманъ дѣлалъ двусмысленныя рѣшенія; Коновницынъ твердилъ: «нельзя, нельзя; онъ хочетъ королевской власти». Итакъ, все это родило одни толки и ничѣмъ не рѣшалось. Но дѣло шло о томъ, чтобы въ тотъ же вечеръ сказать Кутузову наше рѣшеніе. Я замѣтилъ больше неопытность, чѣмъ затрудненіе, и рѣшилъ Бороздину дать открытый листъ, съ предъявленіемъ котораго всѣ власти исполняли бы его требованія въ одной силѣ съ повелѣніями фельдмаршала.

Бороздинъ былъ обрадованъ, а прочіе согласились безъ прекословія. Но Оперманъ, увеличившій сіе дѣло въ глазахъ Кутузова, упалъ въ его мнѣніи. И точно, не мѣшался уже больше въ наши дѣла.

Коновницыну хотѣлось пристроить при арміи Эртеля, который также лишился команды въ арміи Чичагова. Сдѣлать его простымъ полиційместеромъ было мало; увеличить власть — было ново. Уравновѣсить это Коновницынъ возложилъ на меня. Я предоставилъ Эртелю изложить его мысль на бумагѣ; но, увидѣвши, что онъ желаетъ карать и вѣшать, отказался отъ повторенія уродливаго этого желанія. Коновницынъ, потерявъ терпѣніе, спрашиваетъ меня: «почему нѣтъ до сихъ поръ инструкціи военнаго генералъ-полиційместера?» Меня это взбѣсило и я сказалъ на отрѣзъ, что безъ собственной идеи Коновницына, я не знаю, что́ писать. «Это пустяки», подхватилъ Коновницынъ. «Ежели бы я имѣлъ время, я бы самъ написалъ. Принесите мнѣ Желтую книгу, я вамъ покажу, что тамъ все написано». Книгу принесли; но тамъ ничего не нашли. Тогда Коновницынъ, смягчивъ тонъ, сказалъ: «пожалуйста, напишите какъ знаете; я увѣренъ, что вы хорошо напишите».

Инструкція родилась на другой день, и я имѣлъ два торжества: сотворить генералъ-полиційместера и военныя дороги, коихъ до меня не знали въ арміяхъ.

Въ Вильнѣ примѣтно обтирались лавры Коновницына до того, что онъ, кромѣ общихъ представленій, не бывалъ самъ по себѣ у фельдмаршала. Въ одинъ день даетъ онъ мнѣ запечатанный рапортъ Кутузову о награжденіи Безроднаго орденомъ св. Анны 1-й степени. Этотъ способъ списываться удивилъ столько же фельдмаршала, сколько и меня. Но значеніе Коновницына явно переходило на мою сторону и поминутно въ одномъ усиливало довѣренность, а въ другомъ—уваженіе; такъ всегда было и будетъ въ свѣтѣ.

Въ это же время Милорадовичъ присылаетъ за мною. Я застаю у него всю грамотную орду авангарда, составляющую реляціи. Милорадовичъ былъ недоволенъ ни одною изъ нихъ и продержалъ меня до вечера. Между тѣмъ, цесаревичъ (Константинъ Павловичъ) хотѣлъ объясниться со мной и сдѣлать какое-то по-

ложеніе на счетъ кавалеріи; но, не найдя меня нигдѣ, сердился и въ нетерпѣніи безпрестанно твердилъ: «гдѣ онъ таскается?»

Я помню, какъ въ одно утро принесли готово-написанный приказъ къ фельдмаршалу, гдѣ отъ имени его напоминалось о Суворовѣ. Фельдмаршалу прочитали его [1]), и все, кромѣ имени, ему понравилось. Но чтобы скрыть ревность свою, онъ раскрылъ ее слѣдующимъ разговоромъ:

— «Конечно, Александръ Васильевичъ былъ великій полководецъ. Но ему не представилось еще тогда спасти отечество. Я, вставая и ложась, молю Бога, что я русскій и что судьбы Его дали мнѣ случай спасти отечество».

Этотъ девизъ былъ всегдашнимъ и любимымъ его разговоромъ.

Въ Вильнѣ началъ докладывать дѣла Коновницынъ лично государю; но онъ скоро честь сію подъ рукою уступилъ Толю— въ видѣ чтеца.

Въ новый годъ, 1813 года, я ѣздилъ съ Кутузовымъ во дворецъ, и въ первый разъ въ жизни докладывалъ дѣла и былъ такъ близко обожаемаго Александра [2]).

Сообщ. Н. С. Маевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Теперь и къ простому полковнику не поднесутъ бумаги, которая родилась бы внѣ его головы. 1831 г. С. М.

[2]) Изъ помѣтъ автора на поляхъ Записокъ видно, что приведенныя выше семь главъ были написаны: 17 –19 и 23-го февраля, 4, 6, 7, 11, 12, 13, 16, 19 и 28-го марта 1831 года. Ред.

СМОЛЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Историческій очеркъ.

Представляемый очеркъ принадлежитъ достопочтенному священнику Смоленскаго православнаго кладбища, о. Стефану Опатовичу, составившему себѣ извѣстность прекрасными чтеніями для народа. Очеркъ печатаемъ, какъ матеріалъ для исторіи Петербурга, и надѣемся, что, въ виду перенесенія кладбищъ столицы далеко за городскую черту, читателямъ не безъинтересно будетъ ознакомиться съ исторіей старѣйшей усыпальницы петербургскихъ жителей — каково Смоленское кладбище. **Ред.**

I.

Смоленское православное кладбище находится въ сѣверо-западной части Васильевскаго острова, до построенія Петербурга называвшагося Хирвисаари (Лосинымъ или Лосьимъ) островомъ [1]). Есть преданіе, что, при построеніи Петербурга, на Васильевскомъ островѣ поселилась пришедшая изъ Смоленска артель рабочихъ. Они не долго прожили. Непривычный образъ жизни, тяжкіе труды, голодъ и болѣзни скоро свели ихъ въ могилу. Умершихъ свезли на берегъ Черной рѣчки и тамъ похоронили. Съ того времени и поле, на южной сторонѣ этой рѣчки, стало называться **Смоленскимъ**. Это легко могло случиться послѣ 1709 г., когда Меншиковъ началъ строить здѣсь свои палаты. Громадная постройка потребовала много рабочихъ рукъ и на Васильевскомъ островѣ стали селиться тѣ, которыхъ царская воля пригнала сюда со всѣхъ концовъ русскаго царства. По примѣру Меншикова, поселились на островѣ и другіе обыватели. Полтавская побѣда обезпечила существованіе Петербурга, и съ 1709 года Петръ I

---

[1]) Васильевскимъ этотъ островъ названъ по имени поручика Василія Корчмина; назывался онъ и Княжескимъ, Меншиковскимъ, Новопреображенскимъ и просто Преображенскимъ; но эти названія существовали недолго.

С. О.

сталъ дѣятельно заботиться объ его украшеніи. Вмѣсто деревянныхъ домовъ онъ приказалъ строить каменные и (указами 1710, 1711, 1714 и 1717 гг.) постройку домовъ на Васильевскомъ островѣ сдѣлалъ обязательною для дворянъ, духовенства и достаточнаго купечества. Изъ этого острова онъ хотѣлъ сдѣлать новый Амстердамъ и для этого весь изрѣзать каналами. На мѣстѣ нынѣшняго Большаго проспекта, провести широкій каналъ для большихъ судовъ; другіе — для судовъ малыхъ. При большомъ и среднемъ каналахъ устроить рынки, а тамъ, гдѣ теперь Смоленское поле и кладбище, развести огромный публичный садъ. Этотъ планъ утвержденъ былъ царемъ въ 1716 г., и Меншикову поручено было привести его въ исполненіе; но точный исполнитель новелѣній монарха на этотъ разъ не обнаружилъ ревности, и когда Петръ I, въ 1718 году, изъ-за границы прибылъ въ Петербургъ, то нашелъ, что все уже испорчено. Пространства, назначенныя подъ каналы, стѣснены были частными домами, такъ что для каналовъ уже не оставалось мѣста. Конечно, планы не были исполнены, но за то выстроено было много частныхъ домовъ, а для этого требовалось много рабочихъ рукъ [1]).

Объ этой массѣ народа въ столицѣ почти не заботились. Работники приносили свои орудія и получали изъ казны — казенные только пищу, а вольные и плату по 3 коп. въ день. Помѣщеній для нихъ не было. Каждому предоставлялось право строить для себя избу или рыть землянку. Оттого-то всѣ рабочіе, въ первое время по прибытіи въ Петербургъ, жили подъ открытымъ небомъ, что, конечно, не могло производить благопріятнаго вліянія на ихъ здоровье. Жители Петербурга часто испытывали дороговизну съѣстныхъ припасовъ, и даже голодъ, и тогда рабочіе получали дурную пищу, или оставались совсѣмъ голодными; а работать все-таки приходилось, и работать тяжко. Случалось, что рабочіе не приносили съ собою орудій или они портились, — и тогда землю приходилось рыть голыми руками и выносить на себѣ въ мѣшкахъ и полахъ платья. Понятно, что непривыкшіе къ такому образу жизни, къ такимъ трудамъ, рабочіе бѣгали, хворали и умирали [2]).

---

[1]) По увѣренію Пушкарева (т. I, стр. 8), въ первые четыре года отъ основанія Петербурга, прислано было въ столицу 148 т. рабочихъ; а Башуцкій говоритъ, что въ первые три года въ новой столицѣ работало по 40 т. человѣкъ, а потомъ до 1718 г. — по 15 т. ежегодно (Башуцкій, т. I, стр. 20). С. О.

[2]) Устряловъ (т. IV, ч. 1, стр. 274) говоритъ, что въ Петербургѣ, въ петровское время, свирѣпствовали цынга и другія болѣзни. Прибавимъ, что средствъ къ излеченію больныхъ въ Петербургѣ было очень немного, да и тѣми простой народъ не пользовался, — и станетъ ясно, что въ Петербургѣ

Умирало много народа, но гдѣ же погребали умершихъ?

Строители, мало заботившіеся о живыхъ, еще меньше думали объ умершихъ. До 1709 года не только на Васильевскомъ островѣ, но и въ цѣломъ Петербургѣ не было отведено мѣста подъ кладбище и умершихъ погребали, гдѣ попало и какъ попало. Погребали на Выборгской сторонѣ, вблизи батарейнаго въѣзда къ Охтѣ, гдѣ тѣла покойниковъ вырывались изъ земли волками, собиравшимися сюда изъ окрестныхъ лѣсовъ и пустошей; погребали на Аптекарскомъ островѣ, гдѣ почти всѣ тѣла умершихъ вырывались изъ земли ворами и разбойниками, во множествѣ скрывавшимися въ окружавшихъ Петербургъ лѣсахъ [1]). Могли погребать и въ другихъ мѣстахъ, потому что въ началѣ, для этого не требовалось разрѣшенія, а потомъ утверждались кладбища, уже существовавшія. Священникъ Михаилъ Архангельскій говоритъ, что до 1719 г. умершихъ въ столицѣ хоронили только при Самсоніевской церкви [2]); но почтенный изыскатель не обратилъ вниманія на то, что и до ноября 1709 года, когда Петръ I далъ повелѣніе о построеніи Самсоніевской церкви, въ Петербургѣ люди умирали и погребались. Приказъ Петра I объ открытіи Ямскаго кладбища и подчиненіи его почтмейстеру послѣдовалъ 11-го іюля 1719 года [3]); а между тѣмъ, въ 1710 году въ Ямской погребенъ сынъ Меншикова [4]). Погребали и въ Невской лаврѣ, гдѣ похоронены царевна Наталья Алексѣевна, скончавшаяся 18-го іюня 1716 г., лейбъ-медикъ Арескинъ, фельдмаршалъ Шереметевъ и другіе [5]). Погребали и на Выборгской сторонѣ, гдѣ въ 1715 году, при существовавшемъ уже госпитальномъ кладбищѣ, по указу Петра I, выстроена была церковь св. Іоанна Богослова. Могли погребать и въ другихъ мѣстахъ, потому что за этимъ наблюденія не было.

Гдѣ же погребали умиравшихъ на Островѣ, особенно во время ледоходовъ, бурь и наводненій, когда сообщеніе съ другими частями

умирало много народа: если не половина, то, по крайней мѣрѣ, 1/3 рабочихъ людей. С. О.

[1]) Для построенія Петербурга, Петръ приказалъ выслать 2,000 воровъ, осужденныхъ на каторжную работу. Устряловъ, т. IV, ч. 1, гл. X, стр. 242. С. О.

[2]) «Странникъ» 1866 г., т. II, ст. 4. «С.-петербургская епархія отъ основанія С.-Петербурга до воцаренія Анны Іоанновны». Эта статья составлена на основаніи источниковъ, необнародованныхъ, найденныхъ въ архивѣ с.-петербургской духовной консисторіи. С. О.

[3]) Тамъ же.

[4]) Описаніе болѣе нежели оригинальнаго погребенія этого малютки можно найдти у Башуцкаго, т. I, стр. 95 и 96 примѣч. С. О.

[5]) Пушкарева, т. I, стр. 142 и 144.

города прерывалось? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ длинные ряды могилъ по южному берегу Черной рѣчки и западному малой Невы. Въ послѣднихъ числахъ сентября 1863 г. найденъ былъ цѣлый рядъ гробовъ на берегу Черной рѣчки, когда рыли фундаментъ для прачешной. На берегу малой Невы также недавно отрыты гробы огородникомъ. Число гробовъ могло увеличиться оттого, что въ промежутокъ времени между 1710 и 1725 гг. выстроены были на сѣверномъ берегу Черной рѣчки, на сѣверо-западъ отъ нынѣшней большой кладбищенской церкви, казармы для Ингерманландскаго полка, а на южномъ берегу той же рѣчки, при истокѣ ея изъ малой Невы, острогъ воеводской канцеляріи [1]). При основаніи Петербурга разрѣшено было тѣла умершихъ предавать погребенію подлѣ самыхъ домовъ. Въ казармахъ и тюрьмѣ, конечно, умирали, и тѣла покойниковъ погребались недалеко отъ самихъ зданій. Арестанты въ цѣпяхъ и погребались, и въ 1857 году на берегу Черной рѣчки, при прокладкѣ трубы на дворѣ церковнаго дома, найдено было много скелетовъ и между ними одинъ въ цѣпяхъ. На Черную рѣчку привозили покойниковъ и со всего Васильевскаго острова, когда сообщеніе съ другими частями города прекращалось, а также лишенныхъ христіанскаго погребенія и тѣхъ, кого почему-нибудь не отпѣвалъ приходскій священникъ; такихъ въ петровское время было очень много. Въ 13-мъ пунктѣ инструкціи, въ 1721 году данной закащикамъ духовныхъ дѣлъ архимандритомъ Трифилліемъ, говорится:

«Священникамъ приходскихъ своихъ людей, кои скоропостижно, безъ покаянія и св. Причастія умираютъ, безъ похоронныхъ памятей у св. церквей погребать не велѣть, и въ тѣхъ памятяхъ писать тебѣ, дабы священникамъ свидѣтельствовать и обыскивать, и осматривать тѣхъ умершихъ, именно: оной, умершій, въ жизнь свою не былъ-ли церкви святой противникомъ, или явнымъ раскольщикомъ, и не убитъ-ли, и не удавленъ-ли, такожде хмѣльнымъ питіемъ и отравами самъ себе (или прочіе кто) не уморили-ли и не отъ своихъ-ли рукъ умре; и если, по свидѣтельству, явится тотъ, умершій, отъ онаго свободенъ, таковаго велѣть погребать у церкви, со отпѣваніемъ, и тѣ обыски и осмотры, за руками, велѣть присылать къ тебѣ впредь для спору. А ежели въономъ явится въ чемъ виновенъ, таковаго у церкви погребать не велѣть, но внѣ церкви, гдѣ таковыя погребаются» [2]).

Въ петровское время много было раскольниковъ, много грабежей и убійствъ, но еще больше пьяныхъ и опившихся. Поэтому приход-

[1]) Оба зданія находятся на планѣ С.-Петербурга 1725 г. См. планы С.-Петербурга, составленные И. Цыловымъ. Спб. 1852 г. и у Устрялова. С. О.

[2]) Инструкція напечатана въ «Странникѣ» 1866 г., т. II, стр. 9—15. С. О.

сіе священники очень часто закономъ принуждались подлѣ церкви не погребать; но духовенство того времени не отличалось ни высокою нравственностью, ни глубокимъ безкорыстіемъ,—и потому; чтобы получить нѣсколько лишнихъ копѣекъ, при погребеніяхъ дѣлало всякаго рода прижимки, еще болѣе увеличивавшія число погребаемыхъ внѣ церкви. Отпѣтые пришлыми священниками, шатавшимися по Петербургу „сѣмо и овамо“ и безъ разрѣшенія синода совершавшими различныя молитвословія и требы, также у церкви не погребались. И всѣ такого рода покойники на Васильевскомъ островѣ распространяли кладбище по берегу Черной рѣчки и малой Невы.

Объ этомъ кладбищѣ знало начальство, какъ свѣтское, такъ и духовное. Когда строили старый Андреевскій соборъ (оконченный въ 1728 г., освященный въ 1732 г.), жители Васильевскаго острова просили позволенія подлѣ собора открыть и кладбище; но святѣйшій синодъ, до котораго доходило это дѣло, просителямъ отказалъ. и вмѣсто того предписалъ: „умершихъ на Преображенскомъ острову погребать у Галерной гавани“. Тоже самое повторено было и въ докладѣ „о погребальныхъ мѣстахъ въ С.-Петербургѣ“, 26-го октября 1732 г., представленномъ св. синодомъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и ею утвержденномъ [1]).

Гдѣ находилось это кладбище? На планѣ С.-Петербурга 1738 г. оно показано между Большимъ и Среднимъ проспектами, за 23-ю линіею острова; но чрезвычайно низкій грунтъ земли, въ дождливую погоду и при вѣтрѣ съ моря (когда все это пространство покрывалось водою), дѣлалъ это мѣсто чрезвычайно неудобнымъ и даже недоступнымъ. Поэтому, если и погребали здѣсь, то очень немногихъ, и въ народѣ не сохранилось даже памяти объ этомъ кладбищѣ. Въ дурную погоду, вѣроятно, погребали на прежнемъ мѣстѣ, на берегу Черной рѣчки, и этимъ едва-ли нарушалось синодальное предписаніе, потому что для жителя Невской лавры Черная рѣчка находилась и находится у Галерной гавани. Разстояніе между ними не болѣе $1^1/_2$ версты.

Скоро, однако же, мѣсто для погребенія покойниковъ на Васильевскомъ островѣ означено было гораздо точнѣе. При кабинетѣ Анны Іоанновны существовала особая коммиссія о строеніи С.-Петербурга. Св. синодъ препроводилъ къ ней составленный имъ проэктъ о кладбищенскихъ мѣстахъ въ С.-Петербургѣ. Коммиссія назначила отъ себя нѣсколькихъ архитекторовъ для изслѣдованія, на указанныхъ сино-

---

[1]) «Странникъ» 1867 г., т. III, стр. 104—109. «С.-петербургская епархія съ царствованія Анны Іоанновны». Свящ. Мих. Архангельскаго. С. О.

домъ мѣстахъ, грунта земли и высоты грунтовой воды. Получивъ отъ архитекторовъ свѣдѣнія объ этомъ, коммиссія представила синоду свое мнѣніе о кладбищенскихъ мѣстахъ съ планами ихъ. Опираясь на немъ, св. синодъ 23-го октября 1738 г. постановилъ: „въ С.-Петербургѣ погребенію быть надлежитъ...на Васильевскомъ островѣ у Черной рѣчки, между 18 и 23 линіями, къ какому мѣсту дорогу разчистить отъ вновь наростнаго кустарнику и подѣлать канальцы [1])". Принимаемое подъ кладбище пространство было довольно низменно и потому св. синодъ предписалъ: „для возвышенія кладбищенскихъ мѣстъ подѣлать вокругъ и поперегъ каналы, въ пристойныхъ мѣстахъ устроить пруды, вынутою землею засыпать низкія мѣста и возвысить; самыя кладбища огородить деревяннымъ заборомъ, и построить при тѣхъ кладбищахъ деревянные покои для житья караульнымъ и могильщикамъ, и для содержанія всякихъ потребностей къ погребенію; а тѣ строенія, каналы, пруды и городьбу дѣлать и впредь содержать въ добромъ порядкѣ изъ церковныхъ доходовъ". 19-го іюля 1739 г. коммиссія подала въ св. синодъ донесеніе, въ которомъ предлагала прислать къ ней людей для принятія кладбищенскихъ мѣстъ въ духовное вѣдомство. Это было исполнено и кладбищенское мѣсто на Васильевскомъ островѣ принялъ священникъ Андреевской церкви Никифоръ Никифоровъ. Церквей на кладбищахъ не полагалось; а отпѣваніе и поминовеніе усопшихъ производилось въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ. Порядокъ на кладбищѣ долженъ былъ поддерживаться могильщиками, обязанными копать могилы не менѣе трехъ аршинъ глубины, зарывать ихъ, потомъ утаптывать и землю насыпать надъ ними на цѣлый аршинъ. Они же обязаны были „содержать на кладбищахъ караулы, съ перемѣною всегда по два человѣка, и часы городскіе слушая или песочныя имѣя, въ колоколъ звонить по обыкновенію." Могильщиковъ на каждомъ кладбищѣ было по 4 человѣка. Они опредѣлялись изъ отставныхъ солдатъ въ богадѣльняхъ, „которые покрѣпче здоровьемъ" [2]).

II.

Работы и расходы по Смоленскому кладбищу должны были производиться на церковный счетъ, между тѣмъ, какъ церкви—источника, изъ котораго можно было бы производить эти расходы, не было; а у синода не было суммъ на постройку кладбищенской церкви. По этому

[1]) «Странникъ» 1867 г., т. III, стр. 107. С. О.

[2]) «Странникъ» 1867 г., т. III, стр. 108 и 109. Припомнимъ, что въ это время солдатъ увольняли въ отставку большею частію только «за безъобразіемъ», т. е. совершеннымъ отсутствіемъ человѣческаго образа. С. О.

поводу возникла переписка между духовнымъ и свѣтскимъ начальствами и окончилась къ 1755 г., когда, въ силу указа императрицы Елисаветы, казеннымъ коштомъ отъ губерніи, на Смоленскомъ кладбищѣ построена была деревянная церковь въ честь Смоленской иконы Божіей Матери, а самое кладбище обнесено заборомъ квадратно по сту саженей, на западной же сторонѣ, сверхъ забора, отдѣлено было отъ поля еще каналомъ [1]). Въ вознагражденіе за понесенные расходы губернія подчинила себѣ и кладбищенскую церковь съ ея доходами. Наблюденіе за кладбищемъ, на основаніи прежнихъ правилъ, поручено было отставнымъ солдатамъ городской богадѣльни, находившейся на сѣверной сторонѣ кладбища и построенной, можетъ быть, изъ упраздненныхъ казармъ Ингерманландскаго полка. Такъ было до 1768 г. Губернская канцелярія, считая кладбищенскую церковъ своею собственностью, забирала ея доходы и не обращала вниманія на церковныя потребности, и оттого построенная казеннымъ коштомъ церковь пришла въ упадокъ.

Въ 1768 году священнослужители Смоленско-кладбищенской церкви іерей Андрей Димитріевъ, іерей Θеодоръ Черновскій и діаконъ Стефанъ Фетовъ подали въ С.-Петербургскую духовную консисторію доношеніе, въ которомъ прописали, что „на церкви крыша обветшала, отчего лѣтомъ и осенью въ дожди, а весною отъ тали снѣга въ разныхъ мѣстахъ, а паче надъ святымъ престоломъ бываетъ теча, о чемъ губернской канцеляріи и представлено было неоднократно, съ требованіемъ, чтобъ оную крышу, тако-жъ и церковные крыльца развалившіяся, починить и ограду, которая во многихъ мѣстахъ весьма обветшала, переправить и недостающихъ въ церкви книгъ—псалтирь слѣдованную, часословъ, да къ поученію народа прологи искупить, но по тому нашему представленію отъ помянутой канцеляріи ничего не учинено". Консисторія промеморіею отъ 9-го іюня 1768 г. потребовала: „дабы губернская канцелярія благоволила церковныя потребности купить, также и оную (Смоленско-кладбищенскую) церковь изъ церковныхъ сборовъ починкою исправить безъ замедленія". Губернская канцелярія не обратила вниманія на это требованіе; консисторіи пришлось обратиться въ сенатъ и тамъ сочли лучшимъ—Смоленскую церковь, вмѣстѣ съ богадѣльнями, передать въ вѣдѣніе конторы экономіи и смотрѣніе за ними препоручить находившемуся при богадѣльняхъ комиссаръ-прапорщику Петру Шураеву, подъ смотрѣніемъ котораго, для караула той церкви, опредѣлено потребное число сторожей (3 чело-

[1]) Эти и послѣдующія свѣдѣнія заимствованы изъ архива Смоленско-кладбищенской церкви, а также изъ рукописей собственной моей библіотеки.

С. О.

вѣка). Но этимъ распоряженіемъ епархіальное начальство не удовлетворилось. Кладбищенскую церковь оно не хотѣло оставлять въ вѣдѣніи свѣтскагѣ начальства и достигло того, что съ 1770 г. церковь передана была въ епархіальное вѣдомство, но съ большимъ ограниченіемъ: церковные доходы, равно какъ и необходимыя по церкви издержки, контора экономіи удержала за собою. Въ 1772 г. она перестроила кладбищенскую церковь, въ которой теперь находилось два придѣла—Архистратига Михаила и Смоленскія иконы Божія Матери. По этому и церковь называлась и Архистратига Михаила, и Смоленскою. Эта церковь, какъ и прежняя, не отличалась ни красотою и прочностію постройки, ни богатствомъ утвари, и доходы ея были весьма незначительны, потому что покойниковъ бо̀льшею частію отпѣвали въ приходскихъ церквахъ. Контора экономіи испросила повелѣніе „въ церкви Михаила Архангела, на Смоленскомъ кладбищѣ, отпѣвать дѣтей, умершихъ отъ оспы“, почему съ того времени и церковь стала называться оспенною. За младенцами потянулись и большіе покойники, и мало-по-малу устанавливался обычай отпѣвать въ кладбищенской церкви. Послѣдовало наводненіе 10-го сентября 1777 года, когда вода возвысилась болѣе нежели на 10 ф. надъ линіею обыкновенной своей высоты и произвела значительныя поврежденія въ церкви, богадѣльнѣ и на кладбищѣ; но контора экономіи уже не думала исправить ихъ. Пошли жалобы и, наконецъ, въ 1780 г., по силѣ высочайшаго учрежденія, контора экономіи была уничтожена, и находившіяся подъ вѣдѣніемъ ея богадѣльни переданы въ вѣдомство Приказа общественнаго призрѣнія. При сдачѣ богадѣленъ контора объяснила, что въ вѣдомствѣ ея состоятъ при кладбищѣ церкви, для погребенія умершихъ людей, и представила при этомъ опись церковной утвари и ризницы, изъ которой видно, что изъ серебряныхъ вещей въ кладбищенской церкви находились только чаша и дискосъ; самыя лучшія ризы были объяринныя, иконостасъ простой столярной работы. Дохода въ годъ со всѣхъ кладбищенскихъ церквей получалось рублей 300 и того меньше и расходовались они на церковныя потребности, такъ что при одной только Волковской церкви оставалось 300 руб. Приказъ, однако, не осмѣлился входить въ подробное разсмотрѣніе или повѣрку наличныхъ церковныхъ вещей, потому что 25 гл. высочайшаго учрежденія запрещала ему имѣть приходскія церкви въ своемъ вѣдомствѣ. Тѣмъ не менѣе, митрополитъ Гавріилъ повелѣлъ всѣ церковныя вещи сдать опекунскому совѣту, что и было исполнено. Въ томъ же году, имяннымъ ея императорскаго величества указомъ, изъ губернскаго правленія сообщеннымъ духовной консисторіи, повелѣно было: „числящіяся при богадѣль-

нихъ церкви: 1) на Васильевскомъ острову—Смоленскія Пресвятыя Богородицы, 2) на Выборгской сторонѣ—Іоанна Богослова, 3) при Волковской деревнѣ и 4) часовню на Петербургской сторонѣ отдать въ вѣдомство епархіальнаго архіерея",—и Смоленско-кладбищенская церковь, ветхая и требующая немедленной починки, безъ утвари и денегъ, перешла въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства. Консисторія немедленно истребовала отъ кладбищенскихъ священнослужителей свѣдѣнія о состояніи ихъ церквей и опредѣлила: церковный сборъ передать въ вѣдѣніе церковнослужителей, съ тѣмъ, чтобы они всѣ собираемыя деньги отсылали въ консисторію, оставляя изъ нихъ на церковный обиходъ, т. е. свѣчи, ладонъ, вино, просфоры и уголье, по пяти руб. въ мѣсяцъ, и о расходѣ ихъ подавали чрезъ годъ въ консисторію репорты, и изъ кружечныхъ доходовъ платили сторожамъ столько же, сколько платила контора экономіи. Такъ какъ Смоленская церковь, по ветхости, требовала немедленнаго исправленія, а денегъ у нее не было, то консисторія порѣшила—Смоленскую церковь исправить на деньги Волковской, заимообразно.

Переходъ въ епархіальное вѣдомство сначала не приносилъ кладбищу очевидной пользы. Прежде деньги забирало свѣтское начальство, а теперь духовное; за то прежде само начальство и распоряжалось и отвѣчало за безпорядки, а теперь труды и отвѣтственность, безъ всякаго вознагражденія за нихъ, упали на мѣстныхъ священнослужителей Гавріила Замятина и Григорія Знаменскаго. Послѣдній окончилъ курсъ въ семинаріи, а потому пользовался почетнымъ титломъ: „Богословъ". Видный, съ прекраснымъ голосомъ, онъ попалъ діакономъ въ Исаакіевскій соборъ и легко могъ бы нажить себѣ покровителей, составить карьеру; но прорвалась наружу широкая, могучая натура; закутилъ онъ во всю-ивановскую, не стало возможности содержать его діакономъ въ соборѣ и сдѣлали священникомъ въ Смоленскую церковь. Сюда онъ поступилъ уже съ испорченнымъ голосомъ, разбитою грудью, вкоренившимся порокомъ и продержался не долго. Товарищъ его Гавріилъ Замятинъ былъ изъ неученыхъ. Смиреніемъ и поклонами добился онъ мѣста на кладбищѣ и всегда былъ покорнѣйшимъ рабомъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, въ родѣ инженеръ-прапорщика Шураева. Теперь дряхлымъ старикомъ очутился онъ на всей своей волѣ—распорядителемъ и отвѣтственнымъ лицомъ за безпорядки. Понятно, что отъ него нельзя было и требовать энергіи и распорядительности. Оттого-то на кладбищѣ попрежнему господствовали безпорядокъ и разрушеніе.

Въ 1780 году поступилъ на кладбище священникомъ Прохоръ Ивановъ изъ учителей; но пробылъ только одинъ годъ и перешелъ

въ Измайловскій полкъ, уступивъ свое мѣсто Ивану Клитину, человѣку честолюбивому, но не дѣятельному и мало способному,—и опять все пошло по старому. Въ 1783 году скончался настоятель кладбищенской церкви Гавріилъ Замятинъ и на мѣсто его, по резолюціи митрополита Гавріила, переведенъ изъ Ропши священникъ Георгій Петровъ. Въ исторіи Смоленско-кладбищенской церкви ему принадлежитъ самое видное мѣсто, и потому не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о его жизни до поступленія на Смоленское кладбище.

III.

Священникъ Георгій Петровъ родился въ 1743 году. Отецъ его, Петръ Леонтьевъ, происходившій „изъ поповскихъ дѣтей города Москвы", съ 21-го октября 1751 г. служилъ священникомъ въ Смоленскомъ пѣхотномъ полку, и, какъ значится въ аттестатѣ, въ 1764 г. выданномъ ему офицерами полка, „находился во время прусской войны въ походахъ и на баталіяхъ при полку всегда безъотлучно. Въ 1757 г. въ Ковнахъ у закрытія магазейновъ, а въ томъ же году, августа 19-го, при дѣйствительномъ съ непріятелемъ сраженіи подъ деревнею Эгерздорфомъ, въ 1758 году—подъ Кюстриномъ и въ походахъ въ Помераніи, въ 1759 и 1760 г.—въ Силезіи, въ Бранденбургіи и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея императорскаго величества армія находилась". При отцѣ неотлучно находился и сынъ его, Георгій Петровъ, можетъ быть, пріучаясь къ исправленію должности псаломщика. Воротившись изъ кампаніи въ 1763 году, Георгій Петровъ поступилъ псаломщикомъ въ Москву, въ церковь Владимірскія иконы Божія Матери, что у Никольскихъ воротъ. Отсюда, въ 1765 году, онъ просилъ увольненія въ С.-Петербургъ, для прійсканія другаго мѣста, чтобы находиться поближе къ отцу, опредѣленному тогда священникомъ въ Колтовскую церковь, что на Петербургской сторонѣ [1]). По случаю увольненія, Георгій Петровъ получилъ отъ архимандрита [2]) аттестатъ, въ которомъ значится, что при Владимірской церкви онъ „былъ безъ всякаго подозрѣнія и оную (псаломщика) должность какъ

---

[1]) 1773 г. 25-го октября Петръ Леонтьевъ переведенъ былъ оттуда къ церкви Петра и Павла, что въ селѣ Колтушахъ, священникомъ, на положенное тамъ денежное по сту руб. въ годъ жалованье, да сѣна кошенаго по 50 пудовъ (Указъ консисторіи, № 1,308). Но такое содержаніе Леонтьеву, видно, не понравилось. Онъ поступилъ въ монахи и 1780 г. умеръ у береговъ Испаніи, на кораблѣ «Исидоръ». По смерти его осталось денегъ разною россійскою монетою 142 р. 30 коп. С. О.

[2]) Церковь Владимірскія иконы Божія Матери находилась въ вѣдомствѣ ректора академіи, архимандрита Геннадія. С. О.

въ чтеніи и въ пѣніи исправлялъ добропорядочно". Въ Петербургѣ Петровъ просился на причетническое мѣсто въ Академію Художествъ. Возникла переписка между петербургскою и московскою консисторіями и во время ея мѣсто въ Академіи отдано было другому. Когда же пришло увольненіе изъ московской епархіи, то Петровъ воспользовался имъ для поступленія въ Александро-Невскую семинарію, хотя ему было уже около 23-хъ лѣтъ. Чрезъ 7-мь лѣтъ онъ окончилъ курсъ и 1771 г. поступилъ священникомъ въ село Ропшу, гдѣ съ 2-го апрѣля 1778 г. служилъ и въ домовой церкви князя Григорія Григорьевича Орлова. Изъ Ропши переведенъ на Смоленское кладбище.

Здѣсь прежде всего ему пришлось отыскивать для себя квартиру. По берегу Черной рѣчки, вблизи кладбища, стояли деревянные, одноэтажные, въ два, три и четыре окна, домики. При построеніи Петербурга принято было правиломъ: ближайшія къ церкви мѣста отдавать священно- и церковно-служителямъ, съ такимъ обязательствомъ, чтобы они данныхъ имъ мѣстъ постороннимъ лицамъ не продавали, а въ случаѣ ненадобности уступали бы той же церкви священно- и церковно-служителямъ. Раздача мѣстъ происходила въ существовавшей тогда главной полиціймейстерской канцеляріи. Священники, діаконы и причетники Смоленской церкви брали небольшіе участки пустопорожней земли, и строили домики со службами, разводили огороды. По смерти священника, земля съ постройками переходила къ его наслѣдникамъ, доставляла пріютъ сиротамъ. За то вновь поступающій священникъ въ началѣ не имѣлъ пріюта. Положеніе Георгія Петрова было тѣмъ болѣе затруднительно, что ближайшая къ кладбищу земля вся уже была разобрана. Ему удалось убѣдить вдову священника Гавріила Замятина продать свой домишко за 70 руб. „для его, Петрова, собственной надобности или въ пользу церкви". Въ этомъ убогомъ домишкѣ Петровъ и поселился.

Другая непріятность ожидала его въ самой церкви. Священниковъ было двое: Клитинъ—старшій по службѣ при кладбищенской церкви и Петровъ—старшій лѣтами и священствомъ. Епархіальное начальство не рѣшило вопроса—кому изъ нихъ быть старшимъ. Пошли споры; но, не смотря на нихъ, Петровъ принялся за устройство церкви и кладбища. Деревянная церковь пришла въ совершенную ветхость и причтъ просилъ митрополита на починку ея отпустить 200 руб. Епархіальное начальство дало только 100 руб., а на эту сумму починить церковь не было никакой возможности. Петровъ, не долго думая, обратился съ просьбою о пособіи къ благотворителямъ и церковь была исправлена. Въ то же время онъ хлопоталъ о распространеніи кладбища. Приказъ распорядился: богадѣльню на бе-

регу Черной рѣчки сломать и жильцовъ ея перевести въ Смольный. Петровъ началъ хлопотать объ уступкѣ богадѣленскаго мѣста подъ кладбище, для постройки новой каменной церкви. По силѣ 19-го пункта высочайше конфирмованнаго положенія о Васильевскомъ островѣ, это мѣсто должно было войти въ составъ городскаго выгона; тѣмъ не менѣе, приказъ на ходатайство духовнаго начальства отвѣчалъ такъ: „что хотя самъ онъ имѣлъ надобность въ богадѣленскомъ мѣстѣ, но построеніе на семъ мѣстѣ церкви и кладбища предпочитаетъ другой надобности и потому богадѣленское мѣсто отдаетъ безпрекословно". Такимъ образомъ, кладбище вновь пріобрѣло земли 8,541 квадратную сажень.

Теперь требовалось строить церковь. Клитинъ не рѣшался приступать къ такой громадной постройкѣ, не имѣя денегъ, и въ присутствіи консисторіи отъ этого отказался; а Петровъ считалъ это возможнымъ. По этому консисторія, указомъ отъ 11-го августа 1785 г., „сборъ въ кружки, свѣчную продажу, починки церковныя и вновь строеніе церкви" поручила Петрову и выдала ему книгу для сбора пожертвованій на строеніе. Петровъ принялъ отъ Клитина 285 руб. 13¼ к. и въ томъ же году поручилъ архитектору Алексѣю Иванову составить планъ и фасадъ новой каменной церкви. Въ 1786 году планъ представленъ митрополиту Гавріилу и тотъ, 2-го іюня, прибылъ на Смоленское кладбище и назначилъ мѣсто для построенія новой церкви. 1-го іюля начали копать рвы для фундамента, а 19-го произведена закладка новой церкви. Денегъ въ это время было 1,676 р. 45 к. Священникъ Петровъ разсчитывалъ на пожертвованія и добровольные вклады за мѣста для погребеній, и не обманулся. За мѣста охотно платили 5, 10, 25 руб. и даже болѣе. Такъ что, во время постройки церкви, за мѣста собрано свыше 2,000 руб. Церковные доходы увеличились; наконецъ, по книжкѣ собрано 12,040 р. 20 к. Этотъ сборъ произведенъ стараніями одного только Петрова, его знаніемъ людей, его настойчивостью. Весьма часто приходилось ему терпѣть отказъ, испытывать непріятности и даже униженія. Разсказываютъ, что одинъ богатый домовладѣлецъ, наскучивъ частыми просьбами Петрова, не только ничего не пожертвовалъ, но самому запретилъ показываться на глаза. „А ты думаешь, что мнѣ очень пріятно ходить къ тебѣ, да глядѣть на тебя?" отвѣчалъ Петровъ, „И не пошелъ бы, еслибъ другіе жертвовали; ни за что бы не пошелъ. А то никто денегъ не даетъ, такъ ты пожертвуй. Изъ-за тебя не останавливать же постройку церкви". Такимъ аргументомъ Петровъ побѣдилъ домовладѣльца. У купцовъ-фабрикантовъ, скупыхъ на пожертвованія деньгами, онъ выпрашивалъ кирпичь, плиту, известь, желѣзо и

другіе матеріалы; выпрашивалъ даже хлѣбъ, который потомъ раздавался рабочимъ въ счетъ выработанныхъ денегъ. Доставка производилась на баркахъ по Черной рѣчкѣ, гдѣ теперь не всегда можетъ проѣхать и пустой челнокъ. Иногда для прохода тяжело нагруженной барки приходилось ломать мостъ, ведущій къ нѣмецкому кладбищу; но плотничьи работы въ это время цѣнились очень низко, такъ что сломка и починка моста обходилась не дороже 5 руб. Матеріалы покупались въ раздробь—экономически. Работники также нанимались поденно и поштучно и получали плату не одинаковую. Архитектору Иванову за планъ, чертежи и присмотръ за работами выдано 300 р.; его помощникамъ: Петру Гинцъ-Газену—100 руб., а Михаилу Быкову —125 р. Всего на постройку израсходовано было 18,010 руб. 22 коп.; изъ нихъ на доставку матеріаловъ—1,975 р. 75 к. и на внутреннее украшеніе церкви—2,654 р. 45 к.

Въ 1788 году поставленъ крестъ на церкви, а въ слѣдующемъ и на колокольни. Церковь представляла увѣнчанный византійскимъ, съ круглыми окнами, куполомъ четвероугольникъ; къ восточной сторонѣ его примыкалъ алтарь, заключавшійся въ одномъ полукружіи, къ западной сторонѣ пристроена была колокольня въ два яруса, четвероугольная, съ шпицемъ на верху самой простой архитектуры. Внутри сперва отдѣланъ былъ боковой теплый предѣлъ, куда, по волѣ митрополита Гавріила, перенесенъ иконостасъ изъ церкви Іоанна Богослова, построенной по указу Петра I въ 1715 году на Выборгской сторонѣ, при госпитальномъ кладбищѣ [1]).

Придѣлъ этотъ освященъ 1790 г. 26-го сентября въ честь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Онъ состоялъ изъ небольшой, въ три окна, залы съ выходомъ прямо на дворъ, внутри украшенной только стариннымъ иконостасомъ, да нѣсколькими иконами. 1-го октября освященъ былъ и главный придѣлъ въ честь Смоленскія иконы Божія Матери. Стѣны въ немъ были просто выбѣлены; только въ латернинѣ какимъ-то живописцемъ, за 15 руб., нарисовано было сіяніе. Иконостасъ сдѣланъ охтянами за 557 р. 50 к. безъ царскихъ вратъ, живописи и позолоты. Потомъ за царскія врата и рамы къ мѣстнымъ образамъ заплачено придворному рѣзчику Якову Дунаеву 60 руб. Позолота стоила 650 р., да перевозъ 15 руб. Мѣстныя иконы Спасителя и Божія Матери пожертвованы Иваномъ Акимовичемъ

---

[1]) По отдаленности отъ города и неудобству сообщенія, тамъ погребали весьма немногихъ, такъ что священно-служителямъ нечѣмъ было и жить. Поэтому въ 1772 году Богословская церковь упразднена; ея иконостасъ и прочая церковная утварь, до передачи въ Смоленскую церковь, хранилась у Самсонія. С. О.

Акимовымъ, адъюнктъ-ректоромъ Императорской Академи Художествъ и профессоромъ исторической живописи. Это—лучшія произведенія его кисти. Иконы на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ написаны были художникомъ Козловымъ. Пожертвованы иконы Тайной вечери, Трехъ Святителелей и другія, писанныя неизвѣстными художниками [1]).

Въ 1791 году окончательно сведены счеты, и изъ оставшейся, послѣ постройки церкви, суммы 500 руб. отослано въ ломбардъ для приращенія процентами.

Теперь на кладбищѣ находилось двѣ церкви: Смоленскія иконы Божія Матери каменнанная и другая деревянная въ честь св. Архистратига Михаила. Эта послѣдняя, не смотря на недавнюю передѣлку, совершенно обветшала. При томъ же и поддержка ея въ прежнихъ размѣрахъ, при существованіи большой каменной церкви, становилась безполезною и для церкви убыточною. О. Георгій рѣшился построить новую деревянную церковь, въ меньшихъ противъ прежней размѣрахъ. За 10 руб. какой-то архитекторъ нарисовалъ ему планъ, два фасада и составилъ смѣту. Петровъ и представилъ это митрополиту на утвержденіе. Къ осени церковь была окончена и 8-го ноября освящена въ честь св. Архистратига Михаила. Постройка ея, вмѣстѣ со сломкою старой церкви, стоила 786 р. 33 к. Это было небольшое зданіе самой простой архитектуры. Стѣны его выкрашены были бѣлою, крыша зеленою красками. На куполѣ возвышался дубовый крестъ.

Во время постройки церквей пустопорожняя земля отдавалась въ аренду огородникамъ. Они очищали ее отъ щебня и мусора и уравнивали подъ огороды. Арендная плата за эту землю употреблялась на приведеніе въ порядокъ новаго кладбища. Тамъ рыли канавы, проводили и усыпали щебнемъ дорожки, поддерживали вокругъ кладбища заборы. На кладбищѣ стало теперь больше чистоты и порядка; только вблизи его помѣщенія для священно-и церковно-служителей оставались прежнія — тѣсные, низкіе, убогіе домишки. Петровъ направилъ сюда дѣятельность—и съ 1793 по 1804 г. выстроилъ два каменныхъ двухъ-этажныхъ дома съ мезонинами на церковной землѣ.

Но дѣятельность о. Георгія домами не ограничилась. „Принадлежности къ погребенію“, т. е. катафалы и покровы, какъ можно заключить изъ синодальнаго указа 1738 г., существовали на кладбищѣ и раньше;

---

[1]) Эти иконы, кромѣ Тайныя вечери, и теперь находятся въ большой церкви, покрытые дорогими окладами. С. О.

но Петровъ, въ 1794 году, устроилъ къ нимъ похоронныя зимнія дроги „на полоскахъ“, за которыя, съ оковкою и окраскою, тогда же заплачено было 50 руб. Въ 1796 году, 6-го марта, Петровъ началъ дѣло, впослѣдствіи оказавшееся чрезвычайно важнымъ и благотворнымъ. Онъ убѣдилъ причтъ сдѣлать складчину на устройство траурнаго заведенія. Первымъ внесъ деньги дьячекъ Соколовъ—5 руб. ассиг.; за нимъ пошли и другіе. Тогда о. Георгій послалъ митрополиту такое письмо:

«Многіе опыты доказали, въ какое бѣдное состояніе повергаются духовнаго званія жены съ дѣтьми послѣ смерти мужьевъ своихъ, самый первый случай погребенія почти всегда бываетъ печальнымъ акціономъ, недовольно имѣнія мужа, но даже одѣянія его, и книги его, которыя онъ не такъ для себя, вакъ для просвѣщенія дѣтей своихъ старался собирать за настоящую цѣну, а продаетъ при семъ случаѣ за ничто къ раззоренію оставшагося семейства и къ потерѣ его намѣренія.

«Оставшихся сиротъ будущія обстоятельства такъ горестны, что всякой шагъ съ дѣтьми воздыханіемъ и слезами сопровождается, когда безъгласіе, недостатокъ дѣти ея суть къ тому побужденіемъ всегдашнимъ и очевиднымъ.

«Способъ къ пропитанію собственному и дѣтей остается только тотъ, чтобъ скитаясь по дворамъ нести тяжкіе труды, получая только весьма малыя и посмеятельныя съ презрѣніемъ награжденія къ безчестію состоянія и къ напоминанію потеряннаго пропитанія, раздирающему горестное ея сердце.

«Проницательный умъ великое и благодѣтельное вашего высокопреосвященства сердце, да не лишитъ сихъ строкъ обыкновеннаго благоразсмотрѣнія и милостивой рѣшимости.

«Нѣкто изъ благотворительныхъ особъ, видя плачевныя дни оставшихся женъ и дѣтей священно- и церковно-служителей, открываетъ милость свою для служащихъ нашей церкви на свой коштъ построилъ похоронныя вещи и траурь, а именно: билетную доску, покрывало, 6 попонъ, 15 плащей, шляпъ со флёромъ столько-жъ: къ сему прибору благоволите ли ваше высокопреосвященство присовокупить дроги и покровы, съ тѣмъ, чтобъ чрезъ годъ собранная сумма отдавалась въ ломбардъ, и вѣдать о томъ всѣмъ священно- и церковно-служителямъ и какъ скоро или кто изъ служащихъ церкви неисцѣльно заболитъ или, по сущей старости, не въ силахъ будетъ исправлять должности, или останутся сироты, то употреблять оную сумму слѣдующимъ порядкомъ:

«Ежели будетъ священникъ, или другой кто или разнаго званія сиротъ, двѣ оказія откроются, то дѣлить, соображаясь противъ обыкновенныхъ доходовъ раздѣла. а при одной оказіи священника оной доходъ одному семейству выдать, протчія званія часть годоваго дохода противъ раздѣла получаютъ; выдача оныхъ денегъ должна быть по прошествіи полугода или по третямъ года.

«Остающаяся же сумма, по накопленіи отдается для сбереженія въ ломбардъ на непредвидимый случай для пособія сиротъ, и чтобъ церковь впредь не отягощалась никакою починкою оныхъ вещей ниже по обветшанію постройкою вновь, но все сіе исправляется оною же суммою.

«Естли-жъ въ краткомъ семъ расположеніи по времени окажутся какіе недостатки объ этомъ общество непремѣнитъ вашему высокопреосвященству

представить. О призрѣніи квартирою нѣтъ сомнѣнія конечно, но благости вашего высокопреосвященства, въ церковныхъ домахъ будутъ помѣщены.

«Сіе благодѣтеля расположеніе къ поддержанію сиротства и болѣзненныхъ нашего общества: да утвердитъ благодѣтельная десница вашего высокопреосвященства и тѣмъ отретъ слезы будущихъ несчастныхъ, дабы благодѣтель сей, который избѣгая тщеславія заповѣдалъ скрыть имя свое, могъ видѣть отраду своего намѣренія дабы въ случаѣ упомянутыхъ несчастій общество наше имѣло нѣкоторую подпору, а вашего высокопреосвященства сострадательное къ страждущимъ расположеніе проповѣдалось навсегда!»

Митрополитъ разрѣшилъ купить дроги и покровы. Траурныя вещи по требованію выдавались, и вырученныя за это деньги положили основаніе **траурной** или **пенсіонной** суммы, въ которую поступали потомъ деньги за отдачу въ наемъ огородовъ, монументныхъ лавокъ и проч. Изъ нее выдавались ежегодныя пособія вдовамъ и сиротамъ духовнаго вѣдомства. До 1827 года такихъ пособій выдано 69,439 руб. 46 коп., и сверхъ того, изъ этихъ же сборовъ покупались дома съ землею. 1811 года (19-го февраля и 17-го іюля) положено въ ломбардъ на выдачу съ процентовъ приданаго бѣднымъ дѣвицамъ духовнаго званія 1,500 руб.; нанимались сторожа, приводилось въ порядокъ кладбище, заимообразно строились церковные дома. Изъ нея же главнымъ образомъ составился **богадѣленскій** капиталъ, изъ котораго, и по уничтоженіи траурной суммы, долго выдавались пособія убогимъ. Въ теченіи 60-ти лѣтъ Смоленско-кладбищенская церковь отирала слезы несчастныхъ, призрѣвая дряхлыхъ и больныхъ,—и все это, благодаря **траурной** суммѣ. Пенсіями, кромѣ вдовъ и сиротъ священно-и церковно-служителей Смоленско-кладбищенской церкви, пользовались вдовы и сироты даже другихъ эпархій и вѣдомствъ; но преимущественно вдовы и сироты священно- и церковно-служителей различныхъ церквей гор. С.-Петербурга. Въ Петербургѣ того времени не было ни одной церкви эпархіальнаго вѣдомства, при которой бы кто-нибудь не получалъ пенсіи изъ **траурной** кладбищенской суммы [1].

Казалось бы, что, получая огромные доходы за трауръ, причтъ долженъ былъ бы траурныя вещи содержать въ порядкѣ и чистотѣ; однако, на дѣлѣ было не такъ. Они часто поражали нанимателей своимъ безобразіемъ. Покрытые засохшею грязью, не чищенные, не мытые, дроги были отвратительны. Краски на колесахъ часто не

[1] Въ книгахъ расхода этой суммы значатся вдовы и сироты соборовъ: Петропавловскаго, Исаакіевскаго, Казанскаго, Никольскаго и Смольнаго; церквей: Волковской, Песковской, Входо-Іерусалимской, Владимірской, Скорбященской, Сѣнновской, Вознесенской, Симеоновской, Пантелеймоновской и друг. С. О.

оставалось слѣдовъ. Самыя колеса рѣдко смазывались, и потому погребальный поѣздъ не рѣдко сопровождался пронзительнымъ скрипомъ. Вмѣсто ремней, на попонахъ часто мотались веревки и мочалки. На плащахъ можно было увидѣть засохшую грязь; пуговицы часто отваливались и замѣнялись веревочками и мочалками. Это возбуждало жалобы со стороны нанимателей. Наблюденіе за траурными вещами Петровъ поручалъ сторожамъ; но опредѣленнаго вознагражденія за это не положилъ (хотя изрѣдка и выдавалъ деньги за наемъ лошадей, за надзоръ за траурными принадлежностями), и это мало приносило пользы. По этому, когда, съ утвержденіемъ положенія о кладбищахъ (1841 г.), постановка дрогъ и другихъ принадлежностей погребенія сдѣлалась предметомъ свободной торговли, никто не сталъ брать ихъ съ кладбища. Траурныя принадлежности оставались безъ употребленія и потомъ проданы за безцѣнокъ.

Въ 1804 году Петровъ задумалъ построить третій каменный домъ, на углу Камской улицы и 17-й линіи. Здѣсь предположено было помѣстить бѣдныхъ духовнаго званія отъ всѣхъ петербургскихъ церквей, если только и эти церкви примутъ участіе въ постройкѣ дома. Но такое предложеніе не нашло сочувствія въ средѣ петербургскихъ настоятелей, и домъ выстроенъ былъ на траурную сумму, съ тѣмъ, чтобы квартиры въ немъ отдавались въ наемъ и доходы поступали въ траурную сумму, пока не воротится затраченный капиталъ—9,985 р. 36½ к. Въ этомъ домѣ каменномъ остался только нижній этажъ, а верхъ теперь деревянный. Однако, равнодушіе настоятелей не остановило Петрова,—и, въ 1808 году, онъ убѣдилъ надворнаго совѣтника Григорія Ивановича Паскаго-Шарапова пожертвовать 8 тысячъ руб. на устройство при кладбищѣ богадѣльни для вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Эта богадѣльня и устроена была въ видѣ двухъ небольшихъ (по два окна на улицу) корпусовъ, соединенныхъ аркою воротъ, съ крестомъ на верху. Постройка ея обошлась въ 8,545 руб. Петровъ скупалъ у различныхъ лицъ землю съ избушками, строилъ сараи для содержанія траурныхъ принадлежностей, для торговли монументами; устроилъ избы для огородниковъ; перестроивалъ и починялъ церкви, приводилъ въ порядокъ кладбище. Но съ годами его энергія замѣтно падала, старость брала свое.

Въ молодости о. Георгій отличался пылкостью, энергіею и настойчивостью въ достиженіи своихъ цѣлей. Въ своемъ семействѣ былъ деспотомъ; среди мѣщанъ и купцовъ рисовался откровенностью и прямотою, доходившими иногда до грубости и нахальства; передъ господами и начальствомъ — тощій, согнутый, съ блѣднымъ и постнымъ

лицомъ, онъ представлялъ олицетвореніе смиренія, хотя въ душѣ и таилась гордость. Все это обнаруживалось въ сношеніяхъ Петрова съ священно-и церковно-служителями Смоленско-кладбищенской церкви. Поступивъ сюда, онъ долго не заявлялъ никакихъ претензій на полновластіе, и завѣдываніе кладбищенскими суммами получилъ, благодаря только постройкѣ каменной церкви. По окончаніи ея, заручившись заслугами, онъ прошеніемъ напомнилъ митрополиту, что пора уже закрѣпить за нимъ старшинство. При этомъ случаѣ, онъ постарался унизить своего товарища Клитина, и указать свои заслуги.

«Товарищъ мой», пишетъ онъ въ прошеніи къ митрополиту, «не оказалъ церкви никакихъ заслугъ, будучи младше меня и во священствѣ 10 лѣтъ, при служеніяхъ иногда уступаетъ мнѣ первенство, иногда отталкиваетъ съ мѣста, примѣтнымъ образомъ для вкладчиковъ, также вопреки мнѣ по церкви и по кладбищу разстроиваетъ мною заведенный порядокъ и благоустройство, которое отъ вкладчиковъ во всемъ уважается, противъ прежняго до меня бывшаго времени, какъ въ умноженіи церковныхъ доходовъ, всякой утвари, благолѣпія храма и кладбища порядокъ. Того ради не уважая малыхъ моихъ трудовъ по ввѣренной мнѣ должности, которыя въ разсужденіи вашего высокопреосвященства оказанныхъ мнѣ милостей суть ничто; но единственно для ободренія и въ отвращеніе соблазновъ и любопытствующихъ о семъ доброжелательныхъ мнѣ вкладчиковъ, такъ и къ совершенному между насъ устроенію, пріемлю дерзновеніе утруждать ваше высокопреосвященство симъ моимъ нижайшимъ о томъ представленіемъ, ожидая на оное рѣшительнаго отъ вашего архипастырскаго благоволѣнія опредѣленія».

Это прошеніе доставило Петрову старшинство на Смоленскомъ кладбищѣ, хотя трудно сказать, сколько правды было въ его показаніяхъ о Клитинѣ. Въ 1803 году, какъ значится въ замѣткѣ, написанной его собственною рукою: „Петровъ въ день храмоваго праздника, 28-го іюля, при полномъ собраніи стекшагося народа, въ награду многихъ трудовъ и попеченій о благоустройствѣ, произведенъ въ протоіереи". Съ того времени онъ забралъ весь причтъ въ свои руки и ни съ кѣмъ не церемонился.

25-го февраля, 1809 года на кладбищѣ погребали генералъ-контролера Яковлева. Это пришлось на третьей недѣлѣ поста въ четвергъ, когда, по уставу, литургіи не полагается. Между тѣмъ, родственники покойнаго генерала пригласили служить преосвященнаго псковскаго и онъ, для большей торжественности, порѣшилъ служить обѣдню; но ни Яковлевы, ни преосвященный не подумали увѣдомить объ этомъ кладбищенскихъ священниковъ. И вотъ, приготовившись служить, является преосвященный въ Смоленскую церковь, а тамъ чередной священникъ къ служенію не готовъ, не приготовилъ даже большаго

агнца для архіерейскаго служенія; преосвященный разсердился, сдѣлалъ строжайшій выговоръ ни въ чемъ неповинному чередному Клитину и самъ (уже со всѣмъ противъ устава) началъ совершать обѣдню Златоуста. Незаслуженный выговоръ оскорбилъ Клитина и онъ, въ свою очередь, напалъ на настоятеля Петрова. Протоіерей тотчасъ же написалъ въ книгѣ братскихъ доходовъ:

«Священникомъ Іоанномъ учиненный мнѣ выговоръ я пріемлю за оскорбленіе, а притомъ и за неблагоразуміе, потому что могила въ глазахъ. Самъ видѣлъ, долженъ самъ заботиться и навѣдываться, не лѣниться прійдти къ вечерни, чтобъ лучше узнать и обстоятельнѣе. А мнѣ пенять и выговоры дѣлать не въ правѣ (ибо многія бываютъ провозвѣщенія, что тотъ и тотъ будетъ служить, но не сбывается, а потому и забывается). Я сохраняя по моимъ лѣтамъ спокойствіе, отдаляю отъ себя всѣ такія взысканія и совѣтую о томъ впредь заботиться самому, какъ тебѣ заблагоразсудится. Паки говорю, размысли. Долженъ-ли слугою быть или подчиняться тебѣ? Яснѣе тебѣ сказать долженъ объ этомъ. Можешь заниматься череднымъ дьячкомъ и пени дѣлать дьячку, а не мнѣ».

Такъ относился протоіерей къ своему ближайшему сослуживцу, почти равному съ нимъ и по лѣтамъ, и по службѣ. А на Смоленскомъ кладбищѣ были и другіе священники. Туда каждый день собираются массы народа; тамъ часто встрѣчаются люди, никогда незаходившіе въ православную церковь, неимѣвшіе никакихъ сношеній съ русскимъ священникомъ,—и потому тамъ слѣдовало бы содержать причтъ безъупречный; но на самомъ дѣлѣ туда почему-то постоянно назначались люди, оказавшіеся неспособными или нетерпимыми при другихъ церквахъ. Такими были священники: Василій Тишинъ, получавшій дьяческій окладъ (1799 г.),—Малахія заштатный (1800 г.) и Іаковъ Калинниковъ. Онъ былъ священникомъ въ Смольномъ соборѣ, попалъ подъ судъ и опредѣленъ на Смоленское кладбище на дьяческій окладъ. Георгію Петрову поручено было имѣть за нимъ строгій надзоръ. Получая меньше другихъ священниковъ, Калинниковъ не считалъ себя обязаннымъ трудиться столько же, сколько они трудились, и не всегда приходилъ въ церковь. Протоіерей по этому случаю написалъ въ книгѣ братскихъ доходовъ:

«По слову апостола Павла: «трудивыйся да ястъ, а не трудивыйся да не ястъ». А какъ о. Іаковъ въ сей недѣли, съ самой субботы въ церковь не ходилъ, не служилъ и требъ править не помогалъ, то кажется правильно и безпогрѣшительно тѣхъ дней, въ кои не помогалъ, сдѣлать вычетъ ежели общество на то согласно, а за остальные дни только по разсчету выдать. Я утверждаюсь на ономъ: дабы впредь былъ осторожнѣе и много не умничалъ, не хвасталъ, что больше нашего трудится».

Однако, это не подѣйствовало. О. Іаковъ и въ слѣдующую седмицу въ церковь не являлся — „облыгаяся больнымъ“. Отецъ протоіерей по этому случаю написалъ:

«Не болѣзнь, а глупая мстительность ожесточаетъ его противъ благонамѣреннаго общества. Сія глупая страсть нарушая общее спокойствіе, вредитъ больше его самаго, ибо судихомъ достойно и праведно гордаго въ немъ врага смирить. Такъ дать ему полдохода, а другую положить въ сиротскую кружку, да помолятся о немъ бѣдныя вдовицы».

И дѣйствительно, „гордый врагъ смирился“ и о. Іаковъ пошелъ въ церковь (1809 г.).

Діаконы и причетники не имѣли права отлучаться изъ кладбища безъ вѣдома и разрѣшенія протоіерея. За каждое упущеніе по службѣ они подвергались замѣчаніямъ, выговорамъ и (причетники) штрафамъ, иногда даже очень чувствительнымъ. Причетники того времени ничѣмъ не отличались отъ сторожей: караулили церковь, звонили въ колокола, смотрѣли за цѣлостью и чистотою траурныхъ принадлежностей и т. п. Умѣньемъ читать и пѣть, знаніемъ церковнаго устава, а также и соблюденіемъ благочинія въ церкви они не отличались. Въ 1806 году, 24-го марта, протоіерей Петровъ рапортовалъ въ консисторію „о несогласномъ дьячковъ пѣніи“ и просилъ опредѣлить ихъ въ русскую школу пѣнія, а оттуда вмѣсто ихъ прислать „заправленныхъ“. Но въ школѣ дьячки Александръ и Павелъ оказались больными и къ пѣнію неспособными. „Заправленныхъ“ въ кладбищенскую церковь не присылали и она должна была пробавляться сторожами. Священникъ Алексѣй Алексѣевъ (къ Смоленской церкви поступилъ 1809 г.) говоритъ:

«Дьячки по большей части живутъ въ безстрашіи, въ церкви дѣлаютъ многіе соблазны забывая должность; а сіе оттого, что псалмы пролетаютъ борзо, ни къ единому слову ни умомъ, ни сердцемъ не прилѣпляются. Нынѣшнее состояніе дьячковъ заслуживаетъ вниманія о небреженіи ихъ званія и удаленіи отъ должности и потому рѣдко при которой церкви внимательны чтецы, знающіе уставъ церковнаго служенія, да и знать того многіе не хотятъ; поютъ же кое-какъ съ нуждою, неустроеннымъ голосомъ, на подобіе разнородныхъ животныхъ или неустроеннаго какого инструмента. Все сіе къ великому оскорбленію внемлющихъ».

Поведеніе ихъ внѣ церкви также не отличалось особеннымъ приличіемъ. Такъ, 3-го августа 1799 года дьячекъ Павелъ Соколовъ взятъ былъ на съѣзжую „по праздничному дѣлу“ (?); а 11-го числа тотъ же дьячекъ опять взятъ былъ „съ съѣзжинскимъ солдатомъ, въ полиціи наказанъ розгами [1]) и посланъ въ рабочій (домъ) къ Обухов-

[1]) Не смотря на то, что духовенство уже освобождено было отъ тѣлеснаго наказанія. С. О.

скому мосту". Дьячки занимались охотою и въ церкви держали порохъ; среди дня купались на плоту, подлѣ церкви; ходили на нѣмецкій мостъ просить милостыню и за то подвергались выговорамъ, штрафовались поклонами; а разъ за то, что, оставивъ церковь безъ надзора, катались на конькахъ по льду Черной рѣчки—даже „отеческому (т. е. тѣлесному) наказанію" [1]).

Какъ у причетниковъ, такъ и у священниковъ грубость нравовъ, отсутствіе приличія достигали замѣчательныхъ размѣровъ. На извѣстные уже читателю дроги съ грязью и мочалами садились смоленскіе іереи, въ своихъ оборванныхъ, грязныхъ рясахъ, отправляясь куда-нибудь выносить изъ дому покойника. Послѣ погребенія, на тѣхъ же дрогахъ, непремѣнно ѣздили на обѣдъ, и тамъ за упокой души покойника наслаждались благами міра сего. Изъ-за стола не всѣ выходили трезвыми, а пьяный какъ-то тароватѣе,—и тутъ-то священники подсаживались къ полупьянымъ купцамъ и выпрашивали: кто муки да крупъ, кто чаю да сахару, а кто и сукна на рясу. На кладбищѣ священники не стыдились напрашиваться на служеніе панихидъ, брать сахаръ съ приносимой кутьи и во время богослуженія дѣлать грубыя выходки [2])—браниться съ посѣтителями. Нѣкоторымъ это нравилось. Въ недавнее время одинъ старожилъ, разсказывая про прежнихъ кладбищенскихъ священниковъ, прибавлялъ: „добрые были попы; съ ними можно было и поругаться". Но такъ поступали только съ крестьянами, мѣщанами, да небогатыми купцами со Щукина; а коллежскіе регистраторы, дворовые люди и лакеи знатныхъ лицъ для кладбищенскихъ священниковъ были уже важными господами. Они считали себя вправѣ силою врываться въ квартиры священниковъ, бранить ихъ самыми пошлыми словами,—и все это проходило безнаказанно. Епархіальное начальство въ своихъ подчиненныхъ больше всего цѣнило смиреніе и кротость, подъ которыми весьма легко скрываются раболѣпство и нравственная низость; не уважало чувства собственнаго достоинства, считая его гордостью, и потому не благосклонно смотрѣло на просьбы духовенства—о защитѣ отъ оскорбленій; а на-

---

[1]) И преемники Петрова своихъ подчиненныхъ часто подвергали тѣлесному наказанію. Протоіерей Кочетовъ, въ инструкціи могильнымъ смотрителямъ, приказываетъ наблюдать, чтобы могилы вырывались не менѣе $2^1/_2$ аршинъ глубины, и «за каждый вершокъ недомѣра виновному полагается 10 фухтелей по спинѣ». С. О.

[2]) Во время эпидеміи, изъ больницы на тощей клячонкѣ привезли цѣлый возъ гробовъ. Священникъ вышелъ отпѣвать покойниковъ и ему подали длинный списокъ съ ихъ именами. Среди отпѣванія, онъ обратился къ извощику съ вопросомъ: «какъ зовутъ лошадь?» и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: «и ее отпою». С. О.

чальнику и господину его писецъ или лакей были гораздо дороже какого-то кладбищенскаго попа. Между тѣмъ, изъ этихъ поповъ Георгій былъ и умнѣе, и дѣльнѣе многихъ и многихъ начальниковъ отдѣленій и директоровъ. Его глубоко уважали митрополиты, а петербургскіе священники ему посвящали начатки своихъ литературныхъ трудовъ [1]).

Вмѣсто Іакова Калинникова поступилъ на кладбище уже штатнымъ священникомъ Алексѣй Алексѣевъ, въ 1796 году окончившій курсъ семинаріи и служившій потомъ письмоводителемъ у митрополита Гавріила. Къ тому времени число погребаемыхъ на кладбищѣ уже значительно увеличилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и священниковъ стали требовать гораздо чаще. Между тѣмъ на кладбищѣ, кромѣ Алексѣева, было два старика, изъ которыхъ одному было подъ 70, а другому подъ 60 лѣтъ. По этому могли случаться и упущенія. Петровъ воспользовался ими, и въ 1816 году упросилъ епархіальное начальство перевести къ нему въ помощь, изъ Песковской церкви, сына, Іакова Георгіева—четвертымъ священникомъ, что и было исполнено, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы Георгіевъ оставался на кладбищѣ только до смерти отца своего, протоіерея Петрова.

Съ 1818 г. Петровъ уже не принималъ участія въ управленіи кладбищемъ. Ни у кого не просилъ онъ увольненія, сама собою уволила его старческая дряхлость. Распоряжаться по кладбищу теперь слѣдовало бы Ивану Клитину, да и того уходили лѣта. И вотъ за дѣло взялся Алексѣевъ,—и оттого ли, что распоряжаться приходилось ему отъ имени старика, не рѣдко отмѣнявшаго его приказанія, или по не способности управлять, на кладбищѣ завелся безпорядокъ: записи велись не исправно и раздѣленія между церковными суммами не стало; ремонты церковныхъ зданій производились безъ всякаго толку. Не понравилось дьячкамъ жить въ квартирахъ со сводами,—они попросили старосту и тотъ приказалъ сломать своды, хотя для этого пришлось заново отдѣлывать весь домъ. При такой безурядицѣ кладбище стало клониться къ упадку, а между тѣмъ надъ нимъ давно уже собиралась гроза.

IV.

Мы видѣли, что съ 1790 года на Смоленскомъ кладбищѣ выстроена была каменная церковь, построено три каменныхъ дома и четвертый, въ которомъ нижній этажъ былъ каменный, а верхній—

---

[1]) Переводъ толкованія Псалтыри Гофера, одного изъ крайнихъ мистиковъ XVIII вѣка. С. О.

деревянный. Кладбище пріобрѣло много земли, открыло новые источники доходовъ, выдавало пособія вдовамъ и сиротамъ духовнаго вѣдомства. Все это произошло столько отъ распорядительности протоіерея Петрова, столько же и вслѣдствіе отсутствія эксплуатаціи. Но послѣднее не долго продолжалось.

Въ 1811 году свѣчной сборъ въ церквахъ епархіальнаго вѣдомства обращенъ былъ на содержаніе духовныхъ училищъ; но въ кладбищенскихъ церквахъ его слѣдовало употреблять на удовлетвореніе церковныхъ и кладбищенскихъ нуждъ, а остатокъ отсылать въ попечительство для пособія бѣднымъ духовнаго званія. Отцамъ-попечителямъ это внушило мысль—ограничить расходы Смоленско-кладбищенской церкви, чтобы увеличить доходы попечительства, или проще сказать, эксплуатировать кладбище до послѣдней возможности, не обращая вниманія на его потребности. Такая эксплуатація обыкновенно оканчивается разореніемъ, а слѣдовательно, и прекращеніемъ дохода; но отцы-попечители не хотѣли этого постигнуть. А между тѣмъ, и борьба съ ними была весьма затруднительна, потому что въ попечительствѣ засѣдали и члены консисторіи, и благочинные. Воспользовавшись болѣзнію Петрова и безпорядками на кладбищѣ, попечительство упросило консисторію обревизовать кладбищенскую церковь. Это и было исполнено въ 1822 году Спасо-сѣнновскимъ протоіереемъ Вѣщезеровымъ. Онъ, воспользовавшись соединеніемъ различныхъ суммъ, патріархальностью и безпечностью управленія, запечаталъ всѣ кладбищенскія суммы и оставилъ церковь безъ копѣйки. Правда, староста Рахманниковъ успѣлъ припрятать 25,000 руб. ассигн., но они уже не могли считаться церковными и потому впослѣдствіи, отъ лица старосты, пожертвованы на распространеніе кладбищенской богадѣльни.

Настало наводненіе 7-го ноября 1824 года. Съ страшною силою вода хлынула на кладбище и поднялась надъ нимъ почти на 10 фут. Всѣ кладбищенскіе заборы были свалены, мосты и мостки уничтожены; кресты съ могилъ унесены на Выборгскую сторону, гдѣ, въ морскомъ госпиталѣ, всю зиму крестами топили печи. Земляныя насыпи на могилахъ смыты, каменныя и металическія надгробныя плиты сдвинуты съ мѣста и занесены землею. Даже большая часть памятниковъ была свалена частію напоромъ волнъ, частію паденіемъ вырванныхъ съ корнемъ и сломанныхъ деревъ. Деревянная церковь св. Архистратига Михаила, въ 1818 году совершенно перестроеная духовникомъ государя протопресвитеромъ Криницкимъ, была размыта до такой степени, что послѣ наводненія служить въ ней не было возможности. Въ большой церкви вода влилась въ подвалъ,

уничтожила хранившіеся тамъ церковные документы и книги и подняла полъ. Вода прошла и въ богадѣльню и затопила ее. Три старушки думали спастись на печкѣ и потонули. Другія убѣжали на чердакъ и тамъ спаслись; но ихъ убогіе пожитки всѣ унесены водою. Въ богадѣльни она сломала деревянную галлерею, размыла печи, испортила полы. Внѣ кладбища всѣ заборы, сараи, деревянныя избушки для огородниковъ были размыты, сломаны, унесены. Унесено водою и траурное заведеніе—поплыли дроги, плащи, шляпы, попоны. Въ сѣверной стѣнѣ одного каменнаго дома образовались трещины и самая стѣна отъ дома отдѣлилась. Вообще послѣ наводненія все Смоленское кладбище представляло картину полнаго разрушенія. Въ одинъ день оно понесло убытку на 76,250 руб., не считая поврежденій памятниковъ, полисадниковъ и могилъ.

Во время наводненія потонуло много людей, много умерло отъ простуды и потребовалось много мѣста на кладбищѣ; а между тѣмъ, здѣсь давно уже чувствовался недостатокъ свободныхъ мѣстъ. Негдѣ было и погребать покойниковъ.

11-го ноября 1824 г. императоръ Александръ I, осматривая слѣды произведеннаго водою разрушенія, посѣтилъ и Смоленское кладбище. Въ это время въ церкви, во всю ширину установленной гробами, служили вечерню. Государь не долго здѣсь оставался—приложился къ образу Смоленскія Божія Матери и вышелъ на паперть. Узнавъ о тѣснотѣ кладбища, государь велѣлъ распространить его прибавкою пустопорожней земли; утѣшалъ пострадавшихъ отъ наводненія богадѣленокъ; приказалъ снабдить ихъ теплою одеждою и обувью и доставлять имъ пищу въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ.

О. Георгій не долго прожилъ послѣ наводненія. Не смотря на свою дряхлость, онъ приходилъ иногда въ церковь служить раннюю обѣдню; но случалось и такъ, что, облачившись, садился въ алтарѣ и засыпалъ въ креслахъ. Ни одинъ сторожъ не осмѣливался разбудить соннаго протоіерея и собравшіяся къ обѣдни богадѣленки уходили домой. Проснувшись, онъ или разоблачался, или служилъ уже позднюю литургію. Скончался онъ 8-го іюля 1825 г., 84-хъ лѣтъ, и погребенъ подъ олтаремъ придѣла св. Апостола Іоанна Богослова. Своимъ наслѣдникамъ онъ оставилъ три небольшихъ деревянныхъ домика и чистаго капиталу около 50 тыс. „Богатъ Богъ въ милостяхъ своихъ", говаривалъ Петровъ, оправдываясь отъ обвиненій и объясняя происхожденіе своего капитала (про него разсказывали, что капиталъ онъ нажилъ при постройкѣ церкви); конечно, это оправданіе не удовлетворитъ читателя. Посмотримъ же, какими средствами пользовалось тогдашнее кладбищенское духовенство.

Священно-и церковно-служители на Смоленскомъ кладбищѣ жалованья никогда не получали; жили тѣмъ, что удавалось заработать на кладбищѣ: служеніемъ заупокойныхъ литургій, панихидъ, отпѣваніемъ новойниковъ и поминовеніемъ ихъ; деньгами, выручавшимися за рытье могилъ, обкладку ихъ дерномъ, устройство могилъ каменныхъ и т. п. Вблизи кладбища народа жило немного и потому крестинъ, браковъ и другихъ требъ они почти не знали. Доходы священниковъ были, однако, весьма достаточны. Среднимъ числомъ священникъ получалъ въ годъ до 2,000 руб., что при тогдашней дешевизнѣ и простотѣ быта было весьма много. Прибавьте къ этому, что жизненные припасы получались часто даромъ, что одѣвались священники очень скромно и даже грязно; бо̀льшею частію не имѣли библіотекъ, не выписывали журналовъ, не знали и другихъ потребностей, которыя теперь необходимы каждому священнику и стоятъ очень не дешево,—и вамъ станетъ ясно, почему въ доброе старое время петербургскіе священники оставляли послѣ себя десятки тысячъ рублей. Доходы причта объусловливались числомъ богатыхъ покойниковъ, родственники которыхъ не рѣдко вносили въ ломбардъ, въ пользу причта, небольшіе капиталы, съ тѣмъ, чтобы родные ихъ поминались въ кладбищенской церкви вѣчно, или опредѣленное время. Въ послѣднемъ случаѣ пожертвованную сумму причтъ дѣлилъ между собою. Изъ пожертвованій на вѣчное поминовеніе съ теченіемъ времени образовался капиталъ въ 33 т. руб., процентами съ которыхъ причтъ и теперь пользуется. Но богатыхъ покойниковъ на Смоленскомъ кладбищѣ было немного. Люди, знаменитые по своимъ заслугамъ, богатству, и тогда погребались на Невскомъ кладбищѣ.

V.

На Смоленскомъ бо̀льшею частію погребались труженики жизни, науки и искусства; они-то широко раздвинули Смоленское кладбище [1]). До построенія каменной церкви среднимъ числомъ въ годъ погребалось на немъ до 1,000 человѣкъ [2]). Потомъ:

Съ	1789	до	1799	по	2,660	чел.	въ	годъ.
„	1799	„	1809	„	2,743	„	„	„
„	1809	„	1819	„	3,781	„	„	„
„	1819	„	1829	„	4,256	„	„	„
„	1829	„	1839	„	5,066	„	„	„

[1]) Теперь оно простирается на 180,000 квадратныхъ саженъ. С. О.

[2]) Свѣдѣній объ этомъ времени въ архивѣ Смоленской церкви осталось очень немного. С. О.

Съ 1839	до	1849	по	5,245	чел.	въ	годъ
„ 1849	„	1859	„	4,490	„	„	„
„ 1859	„	1869 [1]	„	5,049	„	„	„

По этому разсчету на Смоленскомъ кладбищѣ, съ 1789 года, всего погребено 350,000 ч.; но на самомъ дѣлѣ гораздо больше, потому что сюда не включены погребенные до 1789 г., не включены и тѣ, которые въ 1831 году, по документамъ, показаны были умершими отъ холеры, а такихъ было очень много; не включены мертворожденные младенцы и тѣ, которыхъ почему-нибудь не записали въ книги умершихъ. Такихъ было не мало.

Въ 1807 году, 18-го августа, Смоленско-кладбищенскій причтъ получилъ отъ митрополита предписаніе: приготовить на кладбищѣ мѣста для гробовъ кавалеровъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Они погребены были на Каменномъ островѣ, но почему-то понадобилось гроба ихъ вырыть изъ земли и перевезти на Смоленское кладбище. И дѣйствительно, тѣла кавалеровъ были перевезены, нѣкоторые даже ночью, но въ книги не были записаны; а потому объ нихъ ничего и неизвѣстно. Во время эпидеміи, когда число покойниковъ въ одинъ день доходило до весьма значительной цыфры, пропуски также были весьма возможны, тѣмъ болѣе, что и контроль тогда становился труднѣе. Самое большое число погребенныхъ пришлось въ 1848 году, когда умерло 4,642 муж. и 3,374 женск. пола. То было холерное время. Первый холерный погребенъ 12-го іюня 1848 г. 13-го погребено уже 18, 14-го—28, 16-го—68, 17-го—83, 18-го—140, 19—145, 20-го—168, 22-го—203, 24-го іюня 1848 г.—239 человѣкъ. Съ одинаковою силою холера опустошала Петербургъ до 1-го іюля, а потомъ замѣтно ослабѣла. Въ продолженіи двухъ холерныхъ мѣсяцевъ на Смоленскомъ кладбищѣ погребено 4,581 чел. Впрочемъ, едва-ли меньше погребено и въ 1831 году; но тогда умершіе отъ холеры погребались на особомъ холерномъ кладбищѣ, въ церкви не отпѣвались и не записывались. Тѣмъ не менѣе число отпѣваемыхъ въ церкви доходило до 99-ти чел., чего прежде не бывало—и между тѣмъ, ни одинъ не значился умершимъ отъ холеры. Родные умиравшихъ отъ этой болѣзни подкупали докторовъ и тѣ, не смотря на господствовавшее тогда убѣжденіе, что холерные трупы заразительны, преспокойно выдавали фальшивые свидѣтельства. Вѣроятно, также точно поступали бы они во время дѣйствительно заразительныхъ болѣзней, напримѣръ, чумы. Самое меньшее число покойниковъ погребено въ 1850 году—3,507 чел.

---

[1]) Въ 1869 г. погребено 4,620 человѣкъ, въ 1870—4,785, въ 1871—5,850, въ 1872-6,471. С. О.

I

Изъ погребенныхъ на Смоленскомъ кладбищѣ укажемъ на нѣкоторыхъ.

Ксенія Григорьева. Происхожденіе ея неизвѣстно. Замужемъ она была за придворнымъ пѣвчимъ Андреемъ Ѳедоровымъ, состоявшимъ въ чинѣ полковника. Смерть рано разлучила ее съ мужемъ и 26-ти лѣтъ оставила вдовою. Тогда, раздавъ имѣніе бѣднымъ, она надѣла на себя одежду мужа и подъ его именемъ, 45-ть лѣтъ, ходила по Петербургу, нигдѣ не имѣя постояннаго жилища. Главнымъ мѣстопребываніемъ служила для нея Петербургская сторона и преимущественно приходъ св. Апостола Матѳія, гдѣ одна улица долго называлась ея именемъ. Разсказываютъ, что она пользовалась особеннымъ уваженіемъ легковыхъ извощиковъ, которые, завидя ее на улицѣ, на перерывъ предлагали свои услуги, въ томъ убѣжденіи, что кому удастся хоть сколько-нибудь провезти Ксенію, тому весь день повезетъ счастье. 24-го декабря 1761 года Ксенія ходила по Петербургской сторонѣ и говорила тамошнимъ жителямъ: „Пеките блины, пеките блины. Вся Россія будетъ печь блины". Этимъ, говорятъ, она предсказывала смерть императрицы Елисаветы Петровны, умершей на другой же день. Годъ смерти Ксеніи неизвѣстенъ. Можно только приблизительно указать на послѣдніе годы прошедшаго и первые настоящаго столѣтія. Съ двадцатыхъ годовъ на могилу ея хлынули толпы посѣтителей и разобрали всю насыпь. Сдѣлана была другая—и ту разнесли. Положили плиту—и ту разбили и обломки разнесли по домамъ. Ломая плиты и разбирая землю, посѣтители оставляли на могилѣ посильныя денежныя пожертвованія и нищіе пользовались ими. Тогда могилу обнесли оградой и въ оградѣ прикрѣпили кружку для сбора пожертвованій. Потомъ на собранную такимъ образомъ сумму поставили памятникъ въ видѣ часовни. Этотъ памятникъ существуетъ и теперь. Здѣсь же находится и кружка для сбора пожертвованій. Половина собираемой суммы поступаетъ теперь въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, а другая—остается въ церкви на неугасимую лампаду на гробѣ Ксеніи.

„Кто меня зналъ, да помянетъ мою душу, для спасенія своей души". Такую надпись положилъ кто-то на могилѣ Ксеніи. И нигдѣ не служится столько панихидъ, сколько на ея могилѣ. Побужденіемъ обыкновенно служатъ разсказы о чудесахъ, по молитвамъ Ксеніи совершавшихся для тѣхъ, кто съ вѣрою помолится на ея могилѣ. Эти разсказы ходятъ по всему Петербургу, проникаютъ въ провинціи и привлекаютъ посѣтителей на Смоленское кладбище. Разсказы

эти не могутъ выдержать строгой повѣрки, а большею частію даже не допускаютъ ея. Говорятъ, напримѣръ: „мы испытали отъ Ксеніи великое благодѣяніе"; но на вопросъ, въ чемъ же состояло оно, вамъ или ничего не отвѣтятъ, или скажутъ: „это семейная тайна".

Впрочемъ, нѣкоторые случаи разсказываются. Напримѣръ; къ одной помѣщицѣ Псковской губерніи (фамилія неизвѣстна) пріѣхала гостить ея близкая родственница, жившая въ Петербургѣ и слышавшая про Ксенію. Вечеромъ гостья долго про нее разсказывала и хозяйка, ложась спать, помолилась объ ней. Во снѣ она увидѣла, что Ксенія ходитъ вокругъ ея дома и поливаетъ его водою. На другой день, утромъ, въ 20-ти саженяхъ отъ дома, загорѣлся сарай, въ которомъ находилось около 4,000 пуд. сѣна. Дому угрожала большая опасность и, однако, онъ остался цѣлъ. Еще разсказъ: нѣмка-лютеранка страдала мигренью. Православная принесла ей земли, взятой съ могилы Ксеніи, и посовѣтывала приложить къ больному мѣсту. Когда это было исполнено, боль затихла. Это было вечеромъ. Нѣмка положила землю на шкафъ и чрезъ нѣсколько минутъ замѣтила вокругъ нея какой-то странный свѣтъ. Въ тоже время шкафъ началъ дрожать. Испугавшись, она переложила землю на комодъ и здѣсь повторилось тоже самое. Нѣмка позвала свою сосѣдку православную и та поставила въ углу икону, положила землю и зажгла лампаду. Тогда все успокоилось. Этотъ разсказъ сообщенъ самою нѣмкою; но эти чудеса не были ли плодомъ уже настроеннаго къ чудесному воображенія? Повторяемъ, ни одинъ разсказъ не можетъ выдержать строгой критики, но въ общей массѣ всѣ они достаточно сильны для того, чтобы поддерживать въ народѣ уваженіе къ могилѣ Ксеніи.

Анна Ивановна извѣстна своимъ юродствомъ. Подобно Ксеніи, она не имѣла постояннаго мѣстопребыванія; ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее нищимъ. Иногда заходила въ институты и пансіоны, гдѣ говорила по-французски; но большею частію жила на Сѣнной площади у одного домовладѣльца. Разъ, забравшись въ Невскую лавру, она встрѣтилась съ однимъ ученымъ архимандритомъ и предсказала ему епископскій санъ. Дѣйствительно, архимандритъ вскорѣ посвященъ былъ въ епископы и оставленъ въ Петербургѣ викаріемъ. Въ благодарность за предсказаніе, онъ опредѣлилъ Анну Ивановну въ Охтенскую духовную богадѣльню, подъ вымышленною фамиліей — Ложкиной. Впрочемъ, и послѣ этого Анна Ивановна гораздо чаще жила на Сѣнной, у своихъ благодѣтелей, говорятъ потому, что жизнь богадѣленокъ ей не нравилась. Да и сама она не слишкомъ то нравилась богадѣленкамъ. Одѣвалась она въ отвратительнѣйшія лохмотья, жила до невѣроятности грязно. Понятно, что такая сосѣдка, да еще пользующаяся покровительствомъ высшей власти, не могла нравиться богадѣленкамъ. За то у извощиковъ она пользовалась такимъ же глубокимъ уваженіемъ, какимъ, гораздо раньше, пользовалась Ксенія. Да и побужденія у извощиковъ

были тѣже самыя. Толпами, на перерывъ одинъ передъ другимъ, неслись они отчаянно, стегая своихъ тощихъ клячонокъ, когда Анна Ивановна въ многолюдномъ мѣстѣ выходила изъ дому,—и все это для того, чтобы провезти ее хоть нѣсколько шаговъ. И въ благодарность за это, Анна Ивановна ругала ихъ самыми отборными словами, а не рѣдко угощала и палкой. Все это не мѣшало, однако же, обывателямъ Сѣнной относиться къ ней съ самымъ глубокимъ уваженіемъ. Торговцы, чернорабочіе и даже весьма многіе изъ духовныхъ лицъ видѣли въ ней юродивую Христа-ради и не соблазнялись ея наружностью. Для нихъ Анна Ивановна обладала даромъ прозорливости, предсказывала будущее. Но эти предсказанія всегда прикрывались загадочными поступками, или странными фразами, смыслъ которыхъ, открывался только примѣнившись къ совершившемуся уже факту. Такъ, одному изъ окончившихъ курсъ семинаріи она отдала свою палку, говоря: „возьми, тебѣ пригодится". Тогда никто не придавалъ значенія этому поступку. И вспомнили объ немъ, когда окончившему курсъ привелось уже поступить священникомъ въ полкъ и начать странническую жизнь. Не задолго до своей смерти, пришла она на Смоленское кладбище, принесла покровъ и, разославъ его на землѣ, просила кладбищенскаго протоіерея отслужить панихиду по рабѣ Божіей Аннѣ. Когда это было исполнено, она покровъ пожертвовала въ кладбищенскую церковь, съ тѣмъ, чтобы его употребляли при погребеніи бѣдныхъ покойниковъ,—и просила протоіерея похоронить ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ служили панихиду. Скончалась 1852 года. При погребеніи ея присутствовали массы народа—почти всѣ жители Сѣнной площади. На могилѣ поставленъ деревянный крестъ и положена каменная плита. И эта могила часто посѣщается. Почитатели Анны Ивановны берутъ землю изъ подъ плиты, какъ средство отъ болѣзней; но о чудесахъ пока еще не слышно [1]).

VII.

На Смоленскомъ погребены: членъ св. синода, духовникъ императора Павла Петровича, первый оберъ-священникъ арміи и флота, Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій. Онъ былъ духовникомъ Павла Петровича еще при жизни императрицы Екатерины и съ наслѣдникомъ престола раздѣлялъ Гатчинское уединеніе, а потому пользовался особеннымъ его расположеніемъ. Озерецковскимъ учреждена армейская

---

[1]) На Смоленскомъ кладбищѣ погребены и менѣе извѣстные юродивые: Василій, Алексѣй и др. Юродство и уваженіе къ нему вкоренилось не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. С. О.

семинарія, для воспитанія дѣтей священно-служителей, состоявшихъ въ армейскомъ вѣдомствѣ.

Членъ святѣйшаго синода, оберъ-священникъ арміи и флота, протоіерей Григорій Ивановичъ Мансвѣтовъ, извѣстный въ духовной литературѣ своими сочиненіями: „Толкованіемъ на литургію", „Священною исторіею" и др.

Петропавловскаго каѳедральнаго собора протоіерей, докторъ богословія, членъ Императорской Академіи Наукъ, Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ. Въ духовномъ мірѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени.

Священникъ Ксенофонтъ Ивановичъ Делекторскій, сынъ священника Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, села Берестья. Родился 1800 г. По окончаніи курса наукъ въ с.-петербургской духовной академіи со степенью магистра, онъ поступилъ священникомъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и здѣсь пріобрѣлъ извѣстность, какъ замѣчательнѣйшій проповѣдникъ — обличитель господствовавшихъ въ это время пороковъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ не останавливался на порокахъ одного какого-нибудь класса, не разъ задѣвалъ аристократовъ и нажилъ себѣ недоброжелателей. Въ 1832 году дошло до открытыхъ жалобъ. Ему грозили запрещеніемъ говорить проповѣди, ссылкою въ деревню и т. п.; но многочисленная партія приверженцевъ постоянно его поддерживала и онъ проповѣдывалъ до самой смерти въ 1842 году. Послѣ него остались: 1 томъ проповѣдей (напечат. въ С.-Петербургѣ 1847 г.), переводы Византійскихъ историковъ — Ѳеофилакта Симокатты и Генезія. Эти переводы также, какъ и много проповѣдей, остаются въ рукописи [1]).

Протоіерей Дмитрій Степановичъ Вершинскій—основатель русской философской терминологіи, переводчикъ логики Бахмана. Особенно извѣстенъ, какъ составитель полнаго „Мѣсяцеслова православной Каѳолической церкви". При составленіи его онъ пользовался такими сочиненіями, которыхъ единственные экземпляры находятся въ парижской и лондонской библіотекахъ.

Архимандритъ Стефанъ Вукотичъ. Во время возстанія противъ турокъ Георгія Чернаго, Вукотичъ находился при немъ адъютантомъ и часто употреблялся въ сношеніяхъ съ Россіею. Во время войны Россіи съ Турціею (1809—1812 г.) командовалъ военнымъ судномъ. Скончался 1-го ноября 1816 г.

Марія Иларіоновна Десницкая, жена придворнаго протоіерея

---

[1]) Другой томъ проповѣдей уже приготовленъ былъ къ печатанію, но кѣмъ-то взятъ и зачитанъ. С. О.

Матѳія Десницкаго, впослѣдствіи митрополита Михаила. Онъ былъ въ Москвѣ священникомъ и славился проповѣдническимъ искусствомъ. Императоръ Павелъ I пожелалъ услышать его проповѣдь и послалъ за нимъ курьера съ приказаніемъ: немедленно явиться въ Петербургъ ко двору. Такое приказаніе испугало Десницкую и она преждевременно родила. Между тѣмъ, о. Матѳій понравился государю и сдѣланъ придворнымъ протоіереемъ. Жена больною пріѣхала къ мужу и прожила не долго. На могилѣ ея надпись, сочиненная вѣроятно самимъ мужемъ:

Здѣсь бреніе и прахъ любезнаго предмета,
Но духъ ея въ нетлѣнномъ царствѣ свѣта.
Душевныхъ-бо добротъ единственный конецъ
Есть Божій миръ — любовь, безсмертіе — вѣнецъ.

Графъ Сергѣй Степановичъ Ланской. Въ началѣ нынѣшняго царствованія занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. По освобожденіи крестьянъ, оставилъ портфель министра и въ слѣдующемъ году скончался.

Василій Кирилловичъ Тредьяковскій—авторъ Телемахиды. Скончался 1769 г. Къ сожалѣнію, могилы его намъ не удалось найти.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ. Скончался 14-го января 1791 г. На памятникѣ, которымъ украшена его могила, находится такая эпитафія:

Твореній Княжнина Россія не забудетъ.
Онъ былъ и — нѣтъ его; онъ есть и — вѣчно будетъ.

Елисавета Кульманъ. (Родилась 5-го іюля 1808 г.; скончалась 19-го ноября 1825 г.). Писала стихотворенія на нѣмецкомъ, русскомъ, греческомъ и другихъ языкахъ. На могилѣ ея памятникъ: открытый гробъ изъ бѣлаго мрамора и въ немъ, на цвѣтахъ, спитъ молодая дѣвушка. На памятникѣ надпись:

Prima Rossicarum
Operam dedit idiomati greco
Undecim novit linguas
Loquebatur octo.
Quamquam puella
Poetris eminens.

Василій Андреевичъ Каратыгинъ. Знаменитый артистъ-трагикъ. Скончался 13-го марта 1853 года. На могилѣ его поставленъ памятникъ, въ видѣ маленькой часовни (chapelle), съ бронзовымъ бюстомъ Каратыгина.

Варвара Николаевна Асенкова. Артистка скончалась 19-го

апрѣля 1841 г. На могилѣ ея памятникъ въ такомъ же стилѣ, какъ и Каратыгина. На памятникѣ надпись:

Все было въ ней: душа, талантъ и красота,
И скрылось все отъ насъ, какъ свѣтлая мечта.

Михаилъ Ивановичъ Козловскій. Профессоръ скульптуры. Скончался 18-го сентября 1802 г. На памятникѣ надпись:

Подъ камнемъ симъ лежитъ
Ревнитель Фидію, Россійскій Бонаротъ.

Николай Ивановичъ Уткинъ. Скончался 5-го марта 1863 г. Заслуженный профессоръ Академіи Художествъ; граверъ. На могилѣ прекрасный памятникъ темно-сѣраго гранита съ бронзовымъ бюстомъ и надписью:

Художникъ-человѣкъ — онъ въ простотѣ сердечной
Талантомъ сочеталъ земную славу съ вѣчной.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ—геніальный артистъ; скончался 16-го августа 1860 г. Его могила украшена великолѣпнымъ памятникомъ. Четыреугольная, увѣнчанная крестомъ, колонна сѣраго гранита. Впереди, на такомъ же пьедесталѣ, бронзовый бюстъ Мартынова. По бокамъ двѣ маски — смѣющаяся и плачущая, прекрасно высѣченныя изъ сѣраго же гранита. Вокругъ могилы ограда изъ такого же матеріала [1]).

С. И. Опатовичъ.

---

[1]) На Смоленскомъ кладбищѣ погребены еще слѣдующія замѣчательныя лица: членъ св. синода, духовникъ ихъ величествъ, протопресвитеръ Павелъ Васильевичъ Криницкій. Каѳедральные протоіереи: Стахій Ивановичъ Колосовъ, Тимоѳей Алексѣевичъ Вѣщезеровъ, Николай Ѳедоровичъ Раевскій, Андрей Ивановичъ Окуневъ. Протоіереи: Василій Яковлевичъ Сицилинскій, Василій Лавричъ Лавровъ, Симеонъ Ивановичъ Красноцвѣтовъ. Священникъ Александръ Ивановичъ Гумилевскій. Князья: Долгоруковы, Гагарины, Голицыны, Мышецкіе. Графы: Толстые, Салтыковы, Татищевы, Ивеличъ. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Василій Кириловичъ Безродный. Генералъ отъ кавалеріи Дубельтъ. Кусовы (родъ ихъ недавно получилъ баронское достоинство), Харичковы, Поповы, Савины, Сазоновы, Смуровы, Дурышкины. Нартовъ Андрей Андреевичъ, президентъ Академіи Наукъ. Козловъ Гавріилъ Ипатьевичъ, Академіи Наукъ адъюнктъ-ректоръ. Дубровскій Петръ Петровичъ, основатель и хранитель манускриптовъ Публичной библіотеки. Профессоры: Котельниковъ Семенъ Кириловичъ, Тихоміровъ Петръ Ивановичъ, Надеждинъ Николай Ивановичъ, Неволинъ Константинъ Алексѣевичъ, Палибинъ Никифоръ Алексѣевичъ, Куторга Степанъ Семеновичъ, Калмыковъ Петръ Давидовичъ, Усовъ Сте

панъ Михайловичъ, Савельевъ Павелъ Степановичъ—замѣчательный археологъ и оріенталистъ. Савельевъ Александръ Степановичъ, профессоръ физики. Висковатовъ Александръ, военный историкъ. Дружининъ Александръ Васильевичъ—беллетристъ. Хмѣльницкій Ник. Ивановичъ—литераторъ. Боровиковскій Владиміръ Лукичъ, совѣтникъ Академіи Художествъ. Бортнянскій Дмитрій Степановичъ, духовный композиторъ. Егоровъ Александръ Егоровичъ, заслуженный профессоръ Академіи Художествъ. Шебуевъ, Шамшинъ, Угрюмовъ Григорій Ивановичъ. Щедринъ Семенъ Өедоровичъ. Завьяловъ Өедоръ Семеновичъ. Воробьевъ Михаилъ Никифоровичъ. Орловскій Борисъ Ивановичъ. Өедотовъ, Флавицкій, Каратыгина—ученица Дмитровскаго, Рязанцевъ, Дюръ и много другихъ. С. О.

ЗАПЛЕЧНЫЕ МАСТЕРА.

Историческій очеркъ.

Въ ряду реформъ настоящаго царствованія, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, совершившаяся 17-го апрѣля 1863 г., есть одна изъ благодѣтельнѣйшихъ мѣръ:—она ведетъ къ смягченію нравовъ, къ возвышенію человѣческаго достоинства и довершаетъ уравненіе личностей разныхъ сословій предъ судомъ и закономъ. Вся Россія съ благоговѣйною признательностью къ Царю-Освободителю приняла указъ 17-го апрѣля 1863 г. Признательность эта усугубляется, когда, по историческимъ даннымъ, воспроизводится предъ нами очеркъ учрежденія и примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ нашемъ отечествѣ въ старину. Къ этому чувству, насъ одушевлявшему при составленіи настоящаго изслѣдованія, безъ сомнѣнія, приведетъ каждаго чтеніе представляемаго труда.

I.

До XIX столѣтія относительно назначенія заплечныхъ мастеровъ дѣйствовали на основаніи узаконеній, состоявшихся еще въ XVII в. [1]). По силѣ этихъ узаконеній, въ палачи назначались охотники изъ по-

---

[1]) «А въ палачи на Москвѣ прибирати изъ вольныхъ людей» (96 ст. 21-й главы Уложенія царя Алексѣя Михайловича). «А въ городѣхъ палачей выбирать съ посадовъ и уѣздовъ съ сохъ, съ дворцовыхъ селъ, и съ черныхъ волостей, и со всякихъ сошнихъ людей, и съ патріаршихъ, и съ митрополичьихъ, и съ архіепископскихъ, и епископскихъ, и съ монастырскихъ, и со всякихъ съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель» (ст. 97, глава 21 того же Уложенія). «Послать великаго государя грамоты къ воеводамъ, чтобъ они въ заплечные мастера взяли тѣхъ городовъ изъ посадскихъ людей, которые волею своею въ тое службу быть похотятъ; а буде охотниковъ не будетъ, и посадскимъ людемъ велѣть выбирать изъ самыхъ изъ молодчихъ, или изъ гулящихъ людей, чтобъ во всякомъ городѣ безъ палачей не было» (Боярскій приговоръ 16-го мая 1681 года. Полн. Собр. Зак., томъ I; томъ II, № 868). Г. С.

садскихъ и всякаго рода вольныхъ людей; при отсутствіи же охотниковъ, посадскіе обязаны были выбирать въ заплечные мастера изъ своей среды—молодчихъ, или изъ гулящихъ людей. Правила эти не могли быть вполнѣ соблюдаемы, такъ какъ хотя въ боярскомъ приговорѣ и было сказано: „чтобъ во всякомъ городѣ безъ палачей не было", но не вездѣ не только изъ гулящихъ людей, но даже и изъ преступниковъ, находились охотники поступать въ заплечные мастера. Такъ напримѣръ, въ царствованіе императора Павла I с.-петербургское губернское правленіе не рѣдко дѣлало распоряженія о командированіи столичныхъ палачей (одинъ изъ нихъ былъ Никита Хлѣбосоловъ) для наказанія преступниковъ въ разные города подвѣдомственной ему губерніи. Въ Петербургѣ, въ началѣ 1818 г., по случаю смерти обоихъ заплечныхъ мастеровъ, встрѣтилась остановка въ исполненіи судебныхъ рѣшеній, такъ какъ никто изъ посадскихъ не пожелалъ принять на себя званія палача. Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Куракинъ, нѣсколько лѣтъ раньше, доносилъ сенату, что хотя было сдѣлано преступникамъ, осужденнымъ на поселеніе (за кражу выше ста рублей), предложеніе о поступленіи въ палачи, „но никто изъ таковыхъ званіе и должность сію принять не согласился"; что вся Малороссія осталась при одномъ палачѣ, а отъ сего недостатка, осужденные къ наказаніямъ, оставаясь безъ выполненія надъ ними приговоровъ, изнуряются продолжительнымъ нерѣшеніемъ ихъ участи и долгимъ тюремнымъ заключеніемъ [1]).

По полученіи донесенія с.-петербургской думы (которой предписывалось о выборѣ въ палачи, на основаніи боярскаго приговора 16-го мая 1681 г.), что желающихъ поступить въ это званіе не оказалось, губернское правленіе вошло съ представленіемъ къ военному генералъ-губернатору, испрашивая разрѣшенія—опредѣлять въ палачи преступниковъ, какъ это уже допущено въ малороссійскихъ губерніяхъ. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ сообщилъ объ этомъ ходатайствѣ управлявшему министерствомъ полиціи, который представилъ о томъ сенату. Послѣдній, выведя на справку, что малороссійскій генералъ-губернаторъ испрашивалъ разрѣшенія опредѣлять въ званіе палачей, по приговору суда, изъ заслуживающихъ, по осужденію генеральныхъ судовъ, наказаніе плетьми и ссылку на поселеніе, за кражу выше ста рублей, съ назначеніемъ всегдашняго подъ надзоромъ полиціи пребыванія, и что указомъ 13-го марта 1805 г., представленіе это утверждено, — 11-го декабря 1818 г. предписалъ

---

[1]) Указъ сената 13-го марта 1805 г. малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину. Г. С.

с.-петербургскому губернскому правленію опредѣлять здѣсь палачей на томъ же основаніи.

Въ 1833 г., декабря 27-го, состоялся высочайше утвержденный журналъ государственнаго совѣта, чтобы „при неимѣніи въ виду желающихъ быть палачами изъ людей свободныхъ, избирать въ сію должность, по существующему нынѣ порядку, изъ осужденныхъ рѣшеніями уголовныхъ палатъ къ ссылкѣ въ Сибирь и къ наказанію плетьми, освобождая съ тѣмъ вмѣстѣ таковыхъ, опредѣляемыхъ въ палачи, отъ присужденнаго имъ тѣлеснаго наказанія.“ Черезъ три года, именно въ 1836 г., министры—внутреннихъ дѣлъ Блудовъ и министръ юстиціи вошли въ государственный совѣтъ съ представленіемъ: „назначать въ палачи, согласно утвержденному, 27-го декабря 1833 г., журналу государственнаго совѣта, по прежнему,—преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе и наказанію плетьми, освобождая ихъ съ тѣмъ вмѣстѣ отъ тѣлеснаго наказанія; но если бы никто изъ нихъ не изъявилъ желанія быть заплечнымъ мастеромъ, то предоставить губернскимъ правленіямъ опредѣлять въ эту должность или изъ людей, присужденныхъ къ отдачѣ въ арестанскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ, съ производствомъ послѣднимъ одежды, удвоеннаго количества кормовыхъ и жалованья;—а въ случаѣ неимѣнія и сихъ послѣднихъ, помѣщать въ палачи преступниковъ, въ положеніи 27-го декабря упоминаемыхъ, не взирая уже на ихъ несогласіе. Палачи изъ подобнаго рода людей должны были назначаться безсрочно; но въ случаѣ неспособности къ дальнѣйшему отправленію своей должности отъ старости или болѣзни, предоставлено было право, примѣняясь къ указу 15-го марта 1798 г., распредѣлять ихъ на жительство въ 60-верстномъ разстояніи отъ губернскаго города, для пропитанія посильными трудами; тѣхъ же, у которыхъ есть родственники, отдавать на попеченіе сихъ послѣднихъ;—но во всякомъ случаѣ палачи должны оставаться въ мѣстахъ ихъ жительства подъ надзоромъ мѣстнаго начальства. Представленіе это было тогда же утверждено 18-го ноября 1836 года.

II.

Боярскимъ приговоромъ 16-го мая 1681 года требовалось, „чтобы во всякомъ городѣ безъ палачей не быть“. Указомъ сената 10-го іюня 1742 г. опредѣлено количество палачей для губернскихъ городовъ по два, а для уѣздныхъ—по одному [1]). Наконецъ, 4-й пунктъ положенія 27-го декабря 1833 г. назначаетъ по два палача для каждой губерніи и по три для столицъ. Выше было уже сказано, что даже въ концѣ прошлаго

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XI, № 8,562.

столѣтія [1]) уѣздные города с.-петербургской губерніи, не смотря на указы 16-го мая и 10-го іюня, оставались совсѣмъ безъ палачей и что для исполненія приговоровъ приходилось командировать столичныхъ заплечныхъ мастеровъ; что на всю Малороссію существовалъ, въ 1803 году, только одинъ палачъ, и что въ самомъ Петербургѣ, въ 1818 г., произошла остановка въ исполненіи судебныхъ рѣшеній по отсутствію палачей. Но и послѣ указа сената 11-го декабря 1818 г. и положеній 27-го декабря 1833 г. и 18-го ноября 1836 г. не всегда было на лицо опредѣленное закономъ количество заплечныхъ мастеровъ въ Петербургѣ,—и проходили мѣсяцы прежде, чѣмъ назначался на мѣсто выбывшаго другой. Въ 1836—1837 годахъ въ Петербургѣ, не смотря на то, что по закону полагалось три палача, было только два, и то на одного изъ нихъ, по неопытности къ дѣлу, нельзя было положиться.

До 1838 г. опредѣленіе и увольненіе палачей зависѣло отъ губернскаго правленія; съ этого времени, по высочайше утвержденному 1-го апрѣля положенію о столичной полиціи, обязанность эта перешла ко 2-му департаменту управы благочинія. Что вообще узаконенія о палачахъ были малоизвѣстны даже присутственнымъ мѣстамъ, это доказывается тѣмъ, что прежняя управа благочинія, 24-го марта 1832 г., испрашивала отъ уголовной палаты, „безъ всякаго (по выраженію послѣдней) къ тому основанія", разрѣшенія на счетъ опредѣленія заплечныхъ мастеровъ, за что палата сдѣлала управѣ замѣчаніе и подтвердила, „чтобы она, соблюдая по дѣламъ приличіе, впредь не осмѣливалась затруднять подобными рапортами". На основаніи нѣкоторыхъ указаній и распоряженій о жалованьѣ, можно съ достовѣрностью предположить, что опредѣленіе и увольненіе палачей прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій до 1818 г. лежало на обязанности губернскаго правленія [2]).

---

[1]) Можетъ быть, и раньше, чего, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, утвердительно сказать нельзя. Изъ журналовъ и протоколовъ с.-петербургскаго губернскаго правленія за 1779 и 1780 годы, просмотрѣнныхъ послѣ сообщенія въ редакцію «Русской Старины» настоящей статьи, оказывается, что и въ это время въ уѣздныхъ городахъ здѣшней губерніи палачей не было, и столичные заплечные мастера Василій Могучій и Петръ Глазовъ часто были командируемы въ уѣзды для наказанія преступниковъ. Г. С.

[2]) До 1781 года палачи находились въ вѣдѣніи губернской канцеляріи и по уничтоженіи этой канцеляріи были присланы въ губернское правленіе, которое отослало ихъ въ распоряженіе оберъ-полиціймейстера Лопухина. Тогда же правленіе, не имѣя никакихъ о сихъ людяхъ свѣдѣній, приступило къ собранію справокъ: «сколько тѣхъ заплечныхъ мастеровъ, гдѣ и на какихъ во всемъ основаніяхъ содержались и въ чьемъ оные вѣдомствѣ состояли». Г. С.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ палачами въ Петербургѣ были: Козловъ, о которомъ послѣ 1827 года не упоминается, и Степанъ Сергѣевъ Карелинъ, бывшій ямщикъ, поступившій въ палачи 3-го февраля 1826 года, по собственному желанію, изъ преступниковъ. До поступленія въ заплечные мастера онъ судился за кражу салопа и другихъ вещей и избавился отъ наказанія по манифесту 1826 года. Состоя въ званіи палача, Карелинъ, по рѣшенію палаты уголовнаго суда, за буйство наказанъ былъ батогами 10-ю ударами. По просьбѣ его и доказанной болѣзни, при преклонности лѣтъ, онъ былъ уволенъ изъ палачей и отправленъ, въ августѣ 1840 года, въ Ямбургъ для пропитанія себя посильными трудами и съ состояніемъ подъ надзоромъ полиціи. На мѣсто Козлова поступилъ Генрихъ Песси, финляндскій уроженецъ, изъ преступниковъ. Онъ судился за кражу шубы у купца Панomарева, и рѣшеніемъ уголовной палаты въ 1826 г. присужденъ къ наказанію плетьми 30-ю ударами и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. По исполненіи надъ нимъ наказанія, губернское правленіе, вслѣдствіе распоряженія военнаго министра—объ отсылкѣ подобнаго рода людей въ выборгскую крѣпость для работъ, отправило Песси въ Выборгъ, откуда онъ, въ августѣ слѣдующаго года, бѣжалъ въ Петербургъ, гдѣ попался по подозрѣнію въ кражѣ у сапожника Майделина изъ кармана часовъ. Палата освободила его по недоказательству и заключила выслать въ Финляндію, такъ какъ Песси, скрывъ первую подсудимость, назвалъ себя финляндскимъ уроженцемъ, прибывшимъ оттуда безъ паспорта. Песси не хотѣлось идти на мѣсто родины; онъ показалъ истину и изъявилъ желаніе поступить въ палачи, въ которые и опредѣленъ 16-го декабря 1827 г. Онъ добивался жить вмѣстѣ съ женою, но та не изъявила на то согласія.

Мѣсто Песси занялъ въ 1832 г. Игнатій Ефремовъ. За нимъ послѣдовательно поступили въ заплечные мастера—Иванъ Михайловъ и Кирилъ Матвѣевъ Тимоѳеевъ. Изъ крестьянъ Бабоѣдовой, Тимоѳеевъ, до поступленія въ палачи, по указу 9-го декабря 1835 г., судился за отнятіе въ ночное время у купеческаго сына Оплеухина кошелька съ деньгами 65 р., двухъ имперіаловъ и серебра на 100 р., наказанъ 20-ю ударами плети съ назначеніемъ въ арестантскія роты, но по желанію его оставленъ въ званіи палача. Тимоѳеевъ былъ тотъ самый, который сперва оказывался малоспособнымъ къ исполненію своихъ обязанностей. Въ указѣ правленія отъ 29-го января 1837 г. было сказано, „что сіи люди (Карелинъ и Тимоѳеевъ) употребляемы быть должны оба по случающимся надобностямъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ по губерніи, на основаніи существующихъ о томъ постановленій; но, по надежности болѣе къ прежнему

мастеру (Карелину), по губерніи посылать его, а Тимоѳеева употреблять здѣсь, въ городѣ". За тѣмъ въ другомъ указѣ главному надзирателю тюрьмы, отъ 22-го февраля того же года, говорится, „чтобы впредь до совершеннаго навыка къ своему дѣлу Тимоѳеева, дозволить ему, подъ обыкновеннымъ присмотромъ, находиться съ прежнимъ мастеромъ Карелинымъ при наказаніи преступниковъ здѣсь, въ городѣ, ежели онъ одинъ къ тому, безъ практическаго навыка, къ наказанію на тѣлѣ употребленъ быть не можетъ; а по испытаніи и на практикѣ употреблять уже обоихъ въ дѣло порознь, посылая и новаго мастера по губерніи по очередно со старымъ, ежели впослѣдствіи докажетъ, что и къ нему можно имѣть одинаковое довѣріе". Потомъ этотъ Тимоѳеевъ оказался самымъ буйнымъ палачемъ, какъ у себя дома, въ тюрьмѣ, такъ и въ командировкахъ. Въ 1843 году, отправленный въ Новую Ладогу для исполненія приговора, онъ въ проходъ по 2-му стану здѣшняго уѣзда, вопреки приказанію конвойнаго унтеръ-офицера, заходилъ въ питейные дома, погреба и мелочныя лавочки, требуя себѣ водки и припасовъ, и прибилъ сотскаго. На обратномъ пути ему надѣли наручники, такъ какъ на станціи Чернушинѣ онъ покушался бѣжать, а по возвращеніи въ Петербургъ наказали 200-ми розогъ. Въ слѣдующемъ году, при обходѣ тюрьмы вечеромъ 17-го января однимъ изъ квартальныхъ поручиковъ, Тимоѳеевъ ударилъ его въ правое ухо, за что получилъ 400 ударовъ розгами. Въ 1847 году, въ пьяномъ видѣ, обругалъ одну изъ тюремныхъ надзирательницъ, грозя растерзать ея мужа. На вопросъ смотрителя тюрьмы, гдѣ онъ досталъ водку, Тимоѳеевъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ особенную машинку, которая снабжаетъ его водкою. Виновный выдержанъ нѣсколько дней въ карцерѣ Литовскаго замка. Въ слѣдующій годъ, во время командировки въ Лугу, прибилъ крестьянина Бонина, за что опять былъ наказанъ. По разсказамъ старожиловъ, Тимоѳеевъ въ послѣдній годъ своей службы, во время поѣздки въ гор. Новую Ладогу, перепуталъ клейма: вмѣсто *А. Т.* онъ поставилъ на щекахъ преступника два *Т*, изъ коихъ одно на оборотъ *⊥*, отговариваясь слабостью зрѣнія. Въ 1852 г. Тимоѳеевъ уволенъ отъ должности за болѣзнью и старостью лѣтъ и отправленъ въ Рыбинскъ подъ надзоръ полиціи.

Послѣ Карелина опредѣленъ въ палачи Алексѣй Заплатинъ и Василій Егоровъ Лебедевъ. Заплатинъ, изъ дворовыхъ людей помѣщика Арсеньева, судился предъ поступленіемъ въ палачи за кражу съѣстныхъ припасовъ въ Малорыбацкой слободѣ и у полковника Хвицкаго вещей. Въ бытность свою въ заплечныхъ мастерахъ, въ 1843 г., подвергся наказаніямъ за побѣгъ и за нанесеніе удара

по лицу конвойному, во время командировки во Гдовъ. Лебедевъ отличался наклонностью къ побѣгамъ. Первый разъ онъ бѣжалъ изъ тюрьмы 6-го декабря 1841 г., воспользовавшись оплошностью сторожей, но на другой же день былъ пойманъ и наказанъ. Третій побѣгъ онъ совершилъ 11-го ноября 1847 г. Притворившись больнымъ колотьемъ, Лебедевъ былъ отправленъ съ рядовымъ Савельевымъ въ лазаретъ тюремнаго замка; на дорогѣ уговорилъ Савельева зайдти въ толкучій рынокъ за яблоками и среди толпы скрылся. Онъ былъ пойманъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1848 г. и обращёнъ, по прежнему, въ палачи, пробывъ въ этомъ званіи до 1855 года. Палачи 1850-хъ и 1860-хъ годовъ были преимущественно изъ бродягъ и мѣнялись часто. Такими были: Павелъ Ивановъ, Мятельниковъ, Иванъ Васильевъ Безродный, Иванъ Алексѣевъ, Александръ Ивановъ, Елисей Ивановъ, Иванъ Ивановъ и Яковъ Сизовъ. Этотъ ухитрился перелѣзть черезъ стѣну пересыльной тюрьмы во дворъ сосѣдней гимназіи, но былъ пойманъ. Послѣдними петербургскими палачами были Михайло, по показанію его, непомнившій родства, и Василій Петровъ. Маленькій ростомъ и сухощавый, Михайло часто ссорился съ Петровымъ, который былъ очень высокъ и видный парень, но тихаго характера. Михайло пробылъ до 1867 г. и отосланъ въ Ярославскую арестантскую роту. По отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній плетьми, былъ случай наказанія ими, но лишь бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири: они были наказаны въ банѣ Литовскаго замка. Такъ какъ плети, по состояніи указа 17-го апрѣля 1863 г., по распоряженію управы благочинія, были зарыты въ землю, то прибѣгнули къ образцовымъ. Петровъ участвовалъ также въ исполненіи приговора надъ однимъ изъ преступниковъ арестантской роты, убившемъ фельдфебеля, но здѣсь роль его ограничилась прикрѣпленіемъ виновнаго къ столбу послѣ прочтенія приговора. Онъ отказался вести и привязывать преступника къ другому столбу у могильной ямы (преступникъ приговоренъ былъ къ разстрѣлянію), представляя, что обязанъ по закону наказывать тѣлесно, но что привязываніе къ смертному столбу выходитъ изъ круга его должности. Обязанность эту исполнилъ, находившійся вмѣстѣ съ петербургскимъ палачемъ, псковскій заплечный мастеръ. Петровъ—тоже изъ бродягъ, поступившій въ палачи въ началѣ 1859 г. Во время суда онъ показалъ себя изъ рядовыхъ Саратовскаго гарнизоннаго баталіона, что, конечно, не подтвердилось. Находясь въ тюрьмѣ, Петровъ (псковичъ) разсказывалъ, что служилъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ, отлучился изъ команды, напился пьянъ и, проспавшись, сообразилъ—какому подвергнется онъ наказанію, въ случаѣ явки въ полкъ. Такъ какъ наказаніе бродягъ,

несдѣлавшихъ никакого преступленія, легче наказанія дезертировъ прежняго времени, то Петровъ рѣшился назваться бродягою. Онъ отличался хорошимъ поведеніемъ; нѣсколько лѣтъ прислуживалъ въ церкви пересыльной тюрьмы изъ богоугоднаго дѣла и, по желанію его, а также во вниманіе къ болѣзненному состоянію и преклоннымъ лѣтамъ, уволенъ отъ должности палача; а въ январѣ 1872 года отосланъ губернскимъ правленіемъ въ Архангельскъ для поступленія, согласно желанію, въ Соловецкій монастырь.

Петровъ былъ послѣдній петербургскій заплечный мастеръ.

Въ настоящее время обрядъ лишенія правъ состоянія преступниковъ въ Петербургѣ, возведеніе на эшафотъ и прикрѣпленіе къ столбу, послѣ прочтенія приговора, исполняется нижними тюремными полицейскими служителями. Палачи, правда, существуютъ, но лишь при каторжныхъ тюрьмахъ и только въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ.

III.

До 1825 года палачи содержались при управѣ благочинія, а съ сентября мѣсяца этого года, по распоряженію оберъ-полиціймейстера Шульгина, переведены въ городскую тюрьму, которая находилась на мѣстѣ нынѣшней пересыльной, въ Демидовомъ переулкѣ. Здѣсь они жили хотя въ особой комнатѣ, но не отдѣльно отъ арестантовъ; часто сталкивались съ ними, заводили шумъ и драки и входили въ стачки съ присуждаемыми къ наказанію арестантами. Ходя по корридорамъ и дворамъ, они съ тѣмъ вмѣстѣ часто встрѣчались съ посѣтителями тюрьмы.

Въ іюлѣ 1832 года сынъ французскаго маршала Даву, князь Экмюльскій въ бытность свою въ Москвѣ, купилъ тайно чрезъ своего агента у заплечнаго мастера два кнута, коими наказываются преступники. По всеподданнѣйшему о семъ докладу, состоялось высочайшее повелѣніе: „впредь ни кнутовъ, ни заплечнаго мастера никому не показывать“. Вслѣдствіе сего предписано смотрителю тюрьмы помѣстить палачей отдѣльно, дабы они никому не были показываемы и сообщенія ни съ кѣмъ не имѣли; инструментъ же ихъ держать за замкомъ, а когда потребуется надобность для наказанія кого-либо, отправлять палачей на мѣсто и обратно въ особомъ фургонѣ съ инструментомъ, который потомъ отбирать и запирать по прежнему. Съ своей стороны оберъ-полиціймейстеръ Кокошкинъ предписалъ надзирателю тюрьмы о строгомъ наблюденіи, подъ собственною его отвѣтственностью, чтобъ заплечные мастера, въ тюрьмахъ содержащіеся, не имѣли никакихъ вообще ни съ кѣмъ сношеній и чтобы кнутъ и плети хранились за благонадежнымъ присмотромъ.

Заплечныхъ мастеровъ въ Петербургѣ окончательно отдѣлили отъ арестантовъ и помѣстили въ одинъ изъ вновь устроенныхъ секретныхъ нумеровъ, въ татебномъ отдѣленіи состоящихъ, отобрали орудія казни и держали эти орудія въ запертой кладовой. Въ 1838 году тюремный комитетъ устроилъ для палачей особое помѣщеніе на одномъ изъ тюремныхъ дворовъ, съ тѣмъ, дабы они далѣе своего двора отнюдь выпускаемы не были. Когда градская тюрьма отстраивалась и приспособлялась къ помѣщенію въ ней пересыльныхъ арестантовъ, то палачи были переведены сначала въ одно изъ арестантскихъ помѣщеній при управѣ, а потомъ въ Литовскій замокъ, гдѣ жили они въ особомъ огороженномъ зданіи; а за тѣмъ ихъ вернули въ Демидовъ переулокъ, гдѣ они и были до конца своего существованія.

IV.

„А государево имъ (палачамъ на Москвѣ) жалованье давать изъ государевой казны, изъ разбойнаго приказа“ [1]. „Въ городѣхъ палачамъ давать великаго государя годоваго жалованья по 4 рубли каждому, изъ губныхъ неокладныхъ доходовъ“ [2]. По указу 10-го іюня 1742 года повелѣно заплечнымъ мастерамъ производить жалованье противъ гарнизоннаго солдатскаго оклада денежнаго, за платье и за хлѣбъ по 9 р. 95 коп. въ годъ [3].

26-го ноября 1797 года государственный казначей Васильевъ предложилъ казенной палатѣ о производствѣ палачамъ жалованья изъ экстра-ординарной суммы, ассигнуемой по губерніи на разныя издержки, въ томъ числѣ и на содержаніе палачей; однако, по свѣдѣнію казенной палаты, находящемуся въ указѣ губернскаго правленія смотрителю тюрьмы отъ 31-го октября 1830 г., таковаго требуемо вовсе не было. Неполученіе палачами жалованья въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подтверждается журналомъ губ. прав. 10-го ноября 1805 г.; журналомъ этимъ сдѣлано распоряженіе о выдачѣ мастеру Яковлеву и другому его товарищу содержанія съ 1-го мая 1797 года по день состоянія журнала, по 20 рублей 79 коп. въ годъ. За тѣмъ изъ журнала, въ мартѣ 1829 г., правленіе сдѣлало разсчетъ и постановило отпускать палачамъ въ годъ жалованья по 9 р. 40½ коп.—по окладу гарнизоннаго солдата. Но уже съ 1834 г. губернское правленіе никакихъ денежныхъ выдачъ на жалованье и проч. палачамъ не производило. Высочайше утвержденнымъ 27-го декабря 1833 г. мнѣніемъ

---

[1] Полн. Собр. Зак.; Улож. царя Ал. Михаиловича, XXI глава, ст. 96, томъ I. Г. С.

[2] П. С. Зак., т. II, 1680 г. сент. 22-го, № 836. Г. С.

[3] П. С. Зак., т. XI, № 8,562. Г. С.

государственнаго совѣта хотя положены палачи изъ вольнонаемныхъ, но только въ случаѣ, если не будетъ желающихъ поступить въ это званіе изъ преступниковъ, съ производствомъ платы, въ столицахъ— отъ 300 до 400 р. въ годъ, а въ губернскихъ городахъ — отъ 200 до 300 рублей, сверхъ одежды и удвоеннаго количества кормовыхъ денегъ, для арестантовъ по табели положенныхъ, или казеннаго провіанта натурою, съ отнесеніемъ всѣхъ суммъ на земскій сборъ. Такихъ вольнонаемныхъ земскихъ палачей по Петербургской губерніи не было [1]).

Не получая часто жалованья и одежды, заплечные мастера содержались подаяніемъ и одеждою отъ доброхотныхъ дателей, а пищею пользовались арестантскою. По мнѣнію департамента государственнаго казначейства въ 1830 г., такой порядокъ вещей могъ бы остаться и на будущее время, но губернское правленіе нашло, „что подобное мнѣніе не можетъ быть принято въ видѣ закона, ибо департаментъ въ завѣдываніи своемъ заплечныхъ мастеровъ не имѣетъ; что палачи не арестанты, которые бы имѣли право на подаяніе, а еще менѣе на снабженіе ихъ одеждою доброхотными дателями; по сему сію мѣру основаніемъ къ продовольствію заплечныхъ мастеровъ и принять невозможно. Съ другой стороны, имѣя въ виду, что палачи состоятъ для исполненія закона—наказанія преступникамъ, а потому суть люди, необходимые по общему гражданскому составу, до управленія губерніею относящагося, и видя на самомъ опытѣ, что люди сіи въ зимнее время, бывъ отправлены въ дальнія мѣста отъ столицы для наказанія на мѣстѣ преступниковъ, по неимѣнію теплой одежды, претерпѣваютъ крайнее изнуреніе, а по не отпуску на содержаніе пищи во время ихъ проѣздовъ, нуждаются въ оной, заключило: отпускать палачамъ на одежду и обувь по 180 р. 65 коп. каждому изъ экстра-ординарной суммы, ассигнуемой на путевое и кормовое содержаніе“. Предположеніе это, выраженное въ представленіи военному генералъ-губернатору 28-го марта 1829 г., было имъ утверждено. До утвержденія этого представленія, палачи получали, по особому разсчету, по 58 р. на одежду, а пищу наравнѣ съ арестантами; во время же командировокъ имъ производилось кормовыхъ по 12-ти коп. въ сутки.

Смотритель тюрьмы строилъ палачамъ слѣдующую одежду — лѣт-

---

[1]) Въ 1781 году оберъ-полицiймейстеръ Лопухинъ спрашивалъ изъ какихъ суммъ производить жалованье заплечнымъ мастерамъ Могучему и Глазову. Разрѣшено производить жалованье изъ положенной по штату на канцелярскихъ служителей расходной суммы, а прогоны выдавать изъ той же суммы, изъ которой выдавались прежде. Г. С.

ную: кафтанъ темно-зеленый на крашенинной подкладкѣ съ поясомъ, три рубахи, холщевые порты, три пары личныхъ русскихъ сапоговъ, двѣ пары портянокъ, холстинный мѣшокъ и шапку сѣраго сукна; а на зиму къ этому прибавлялось—шуба баранья, крытая сѣрымъ сукномъ, брюки изъ того же сукна на холстинной подкладкѣ, казенныя рукавицы съ варегами и пара суконныхъ онучь. Все это полагалось на извѣстные сроки.

Высочайше утвержденнымъ 27-го декабря 1838 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта повелѣно: на содержаніе палачамъ производить удвоенное количество положенныхъ для арестантовъ по табели кормовыхъ денегъ, съ выдачею имъ одежды на положенные сроки, для арестантовъ опредѣленной; въ случаѣ же многочисленности семействъ палачей, если опредѣляемаго содержанія окажется недостаточно, то предоставить министерству внутреннихъ дѣлъ дѣлать, по усмотрѣнію его, на содержаніе ихъ прибавку изъ экстра-ординарной суммы, на губернію отпускаемой. Съ этого времени дѣйствія губернскаго правленія по отпуску денегъ на жалованье и прочее довольствіе палачамъ прекратились. На обязанности его оставалась лишь выдача кормовыхъ денегъ на дорогу въ двойномъ количествѣ, въ случаѣ командировокъ; по прибытіи на мѣсто, палачи получали кормовыя по табели съ прочими содержащимися арестантами, только въ двойномъ противъ ихъ количествѣ. Что же касается одежды и обуви, то, по мнѣнію правленія, то и другое должны быть точно такого образца, какъ и для арестантовъ, вообще, сообразны съ временемъ года и на тѣ же сроки. Въ 1847 году палачи добивались вмѣсто пищи натурою, которая будто бы отпускалась имъ холодною, получать деньги; но тюремный комитетъ отказалъ въ этомъ домогательствѣ, не видя никакихъ уважительныхъ къ тому основаній. Впослѣдствіи, по распоряженію комитета, палачи получали на продовольствіе по 20 коп. въ сутки, т. е. двойную кормовую дачу пересыльнаго арестанта.

V.

Палачи производили разныя ремесла. 17-го декабря 1841 г. надзиратель градской тюрьмы, донося оберъ-полицiймейстеру Кокошкину, что одинъ изъ заплечныхъ мастеровъ занимается сапожнымъ, а другой—портнымъ мастерствами, имѣя собственные для сего инструменты; что производство мастерства дозволено имъ его предмѣстникомъ, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, чтобы палачи имѣли отраду въ своемъ уединеніи, просилъ разрѣшенія: можно-ли позволить палачамъ производить работу, а также покупать нюхательный и курительный табакъ, а въ праздничные дни вино, для употребленія по чаркѣ къ под-

крѣпленію здоровья, такъ какъ они объявили, что прежде это имъ дозволялось. На это послѣдовала резолюція: „дозволить заниматься ремеслами"; что же касается табаку и водки, то этотъ пунктъ ходатайства смотрителя оставленъ безъ отвѣта.

VI.

Для исполненія приговоровъ петербургскіе палачи командировались не только въ уѣзды этой губерніи, но и въ Финляндію. Въ 1825 г. заплечный мастеръ Козловъ, вслѣдствіе требованія Роченсальмскаго коменданта, былъ командированъ туда для исполненія приговора. Туда же ѣздили нѣсколько разъ Карелинъ съ Песси, которые однажды, по возвращеніи въ Петербургъ, жаловались губернскому прокурору, что выборгскіе ландсманы удерживаютъ ихъ въ Выборгѣ по три и четыре дня, а Роченсальмскій комендантъ грозитъ плетьми всякій разъ, когда они пріѣзжаютъ несвоевременно. Палачи конца прошлаго столѣтія отправлялись на подводѣ въ сопровожденіи солдата; съ изданіемъ же указа 19-го сентября 1829 г., нарядъ палачей изъ губернскихъ въ уѣздные города и уѣзды производился посредствомъ внутренней стражи, съ дачею одной подводы „для инструментовъ", при чемъ мастеровъ отправляли къ мѣсту назначенія съ первымъ отходящимъ этапомъ. Въ столицахъ ихъ вывозили къ эшафоту въ особомъ фургонѣ.

Желавшіе поступить въ заплечные мастера подвергались испытанію и учились мастерству у прежде поступившихъ въ палачи. Такими учителями для многихъ палачей были преимущественно Карелинъ, Тимоѳеевъ и Лебедевъ. Ученье производилось на деревянной кобылѣ, на которую клали изображеніе человѣческой спины и плечей, сдѣланныхъ изъ березовой коры. Палачи клали удары крестообразно, наблюдая, чтобы конецъ плети не касался тѣхъ мѣстъ, гдѣ должны быть голова и бока. При наказаніи преступниковъ, если казнь совершалась однимъ палачомъ, то послѣ удара съ одной стороны онъ переходилъ на другую; если же участвовали два палача, въ такомъ случаѣ они становились по сторонамъ преступника. Въ томъ и другомъ случаяхъ палачи помѣщались въ ногахъ.

Больныхъ палачей помѣщали въ больницу тюремнаго замка, а послѣ стали лечить въ ихъ-же помѣщеніи. Умершихъ заплечныхъ мастеровъ хоронили, какъ и арестантовъ.

VI.

Въ 1840 г. управа благочинія, изготовя, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія комитета гг. министровъ отъ 10-го мая

1839 г., три экземпляра орудій тѣлесныхъ наказаній, снабдила ими смотрителя тюрьмы, предписавъ ему всѣ прежнія орудія, ни мало немедля, уничтожить.

Вновь утвержденнаго образца орудія заключались: 1) въ трехъ, черной кожи, круглыхъ сумкахъ, длиною каждая въ 1 аршинъ 10 вершковъ; 2) въ трехъ кнутахъ, каждый въ двухъ отдѣленіяхъ, съ деревянными рукоятками; 3) къ каждому кнуту 40 сыромятныхъ, обдѣланныхъ сухихъ концовъ, всего къ 3-мъ—120; 4) шесть притяжныхъ ремней съ кольцами; 5) шесть плетей, съ деревянными рукоятками, а каждая плеть съ 3 концами, и 6) три экземпляра стальныхъ штемпелей, всего 9 штукъ, съ зубчатыми литерами: *В. О. Р.*, съ черенками у каждаго штемпеля корельской березы.

Въ 1846 г. тюрьмы были снабжены новыми штемпелями съ изображеніемъ буквъ: *К. А. Т.* для клейменія преступниковъ, осуждаемыхъ въ каторжную работу, вмѣсто прежнихъ съ изображеніемъ *В. О. Р.*, которыя, равно какъ и кнуты, съ изданіемъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, подлежали немедленно уничтоженію. Тогда же подтверждено было, что знаки клейма, кои будутъ налагаемы новымъ штемпелемъ, слѣдуетъ натирать, для неизгладимости, тѣмъ же составомъ (изъ индиго и туши), коимъ опредѣлено уже натирать знаки, поставляемые особымъ инструментомъ на бродягъ. Въ томъ же году управа благочинія прислала штемпеля, съ изображеніемъ буквы *Б.* (бѣглый), *С. Б.* (ссыльно-бѣглый) и *С. К.* (ссыльно-каторжный), съ подробнымъ наставленіемъ о положеніи ихъ на преступниковъ.

Два года спустя, управа благочинія прислала къ надзирателю тюрьмы образцовый экземпляръ пучка розогъ и „наставленіе“ объ ихъ употребленіи.

Розги, по словамъ наставленія, для наказанія преступниковъ должны состоять изъ тонкихъ березовыхъ прутьевъ, длиной въ 1¼ аршина, а числомъ въ каждомъ пучкѣ отъ 10 до 15, такъ, чтобы общій объемъ ихъ въ нижнемъ концѣ, послѣ соединенія въ пучекъ, имѣлъ 1¼ вершка; прутья должны быть перевязаны въ трехъ мѣстахъ тонкою бичевкою такъ, чтобы разстояніе отъ нижняго конца до послѣдней верхней перевязки составляло 6 вершковъ. Тонкія отрасли прутьевъ, идущія къ верхнему концу пучка отъ третьей перевязки бичевкою, не срѣзываются, а остаются въ натуральномъ ихъ видѣ, лишь безъ листьевъ. Послѣ 10 ударовъ, розги признаются негодными къ дальнѣйшему употребленію и должны быть замѣнены другими. Розги надлежитъ имѣть не изъ свѣжихъ, только что срѣзанныхъ прутьевъ, а изъ прутьевъ нѣсколько уже лежалыхъ, но отнюдь не сухихъ; на сей ко-

нецъ, заготовляемыя единовременно, розги стараться хранить въ сыромъ мѣстѣ, дабы онѣ имѣли надлежащую тяжесть и гибкость. Тамъ, гдѣ нѣтъ березовыхъ прутьевъ, выписывать оное изъ другихъ мѣстъ.

Въ декабрѣ 1846 г., смотритель Петербургской тюрьмы получилъ пять старыхъ шпагъ, для исполненія приговоровъ надъ преступниками изъ дворянъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе.

VIII.

По объявленіи преступнику, неизбавленному по закону отъ тѣлеснаго наказанія, судебнаго приговора, онъ въ тотъ же день, по распоряженію тюремнаго комитета, отдѣлялся отъ другихъ арестантовъ въ особый нумеръ, гдѣ священникъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, приготавливая къ принятію опредѣленнаго ему наказанія. Съ тѣмъ вмѣстѣ виновный заковывался въ ножные кандалы. Въ ночь того дня, когда должно было исполниться наказаніе, привозили изъ Рождественской части позорную колесницу, которую ставили въ воротахъ тюрьмы. Рано утромъ преступника приводили въ тюремную контору, одѣвали на него чистое бѣлье и особенное для этихъ случаевъ платье: длинный кафтанъ чорнаго сукна и такую же шапку, а на грудь привязывали черную деревянную доску съ надписаннымъ крупными бѣлыми буквами родомъ преступленія. Къ этому времени ввозили на тюремный дворъ позорную колесницу, которую окружалъ конвой отъ внутренней стражи съ оберъ-офицеромъ и жандармы. Преступникъ взводился на колесницу двумя служителями тюремной команды; они усаживали его на придѣланную къ ней скамейку, спиною къ лошадямъ, и привязывали руки и ноги къ скамейкѣ сыромятными ремнями. При выступленіи кортежа изъ тюрьмы конвой размѣщался такъ: жандармскій унтеръ-офицеръ, за нимъ полу-взводъ солдатъ съ барабанщикомъ, позорная колесница, окруженная жандармами, по два съ каждой стороны, и другой полувзводъ сзади. Въ такомъ порядкѣ кортежъ двигался по улицамъ до эшафота [1]).

Ко времени прибытія преступника къ мѣсту наказанія, въ особомъ фургонѣ, подъ конвоемъ, привозили изъ тюрьмы палачей. По прибытіи кортежа, тѣже два тюремные служителя отвязывали виновновнаго, сводили съ колесницы, ставили на устроенную къ эшафоту лѣстницу и снимали съ него шапку. Тогда подходилъ священникъ, напутствовалъ виновнаго краткою рѣчью и давалъ приложиться къ

[1]) Суточный приказъ по спб. полиціи 11-го марта 1852 г. Г. С.

кресту. Тюремные служителя взводили преступника на эшафотъ съ обнаженною головою. За нимъ слѣдовалъ чиновникъ, назначенный для чтенія приговора. Между тѣмъ, двѣ роты внутренняго горнизоннаго баталіона, окружавшія эшафотъ, по командѣ старшаго офицера, дѣлали на плечо и потомъ на караулъ. По окончаніи чтенія, рота брала на плечо и къ ногѣ, а тюремные служителя взводили преступника на особое возвышеніе къ позорному столбу, посреди коего отъ крючка висѣли двѣ цѣпи съ накладками, которыми прихватывали преступника въ плечахъ и закладывали накладки за крючки.

Преступникъ оставался въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ. За тѣмъ служителя сводили его на эшафотъ, снимали верхнее платье и передавали осужденнаго въ руки палачей. Эти разрывали ему, какъ воротъ рубашки, такъ и спереди рубашку до конца, обнажая по поясъ и закладывая рубашку за спину. Одинъ изъ заплечныхъ мастеровъ держалъ преступника, а другой — поднималъ кобылу и ставилъ ее въ наклонное положеніе [1]). Кобыла — толстая деревянная доска съ вырѣзами для головы, съ боковъ — для рукъ и внизу — для ногъ, поднималась и опускалась на особомъ шарнирѣ. Палачи клали преступника на кобылу, прикрѣпляя его къ ней сыромятными ремнями за плечи и ноги, и пропустивъ ремни подъ кобылу чрезъ кольцо, перевязывали ими руки, такъ что спина послѣ такой перевязки выгибалась. Приготовивъ преступника къ наказанію, палачи брали плети, лежавшія дотолѣ въ углу эшафота накрытыя рогожею, становились въ ногахъ осужденнаго, клали конецъ плети на эшафотъ и, перешагнувъ черезъ этотъ конецъ правою ногою, ждали приказа начать наказаніе отъ исполнителя приговора. Начиналъ сперва стоявшій съ лѣвой стороны палачъ; медленно поднимая плеть, какъ бы какую тяжесть, онъ съ крикомъ: „берегись! ожгу!“ наносилъ ударъ; за нимъ начиналъ свое дѣло другой. При наказаніи наблюдалось, чтобы удары слѣдовали въ порядочные промежутки одинъ послѣ другаго.

По окончаніи казни, палачи отвязывали преступника, накидывали на спину рубашку и послѣ наложенія клеймъ передавали его служителямъ, которые набрасывали на наказаннаго кафтанъ, одѣвали шапку и сводили подъ руки съ эшафота. Къ этому времени подъѣзжалъ особый фургонъ съ выдвижнымъ на доскѣ матрасомъ, выдвигавшимся изъ фургона въ наклонномъ положеніи. Служители клали на этотъ матрасъ наказаннаго грудью и вдвигали въ фургонъ, въ который садился вмѣстѣ съ преступникомъ фельдшеръ съ медикаментами. Окру-

[1]) Если былъ одинъ палачъ, то послѣ обнаженія преступникъ находился въ рукахъ служителей, пока палачъ приготовлялъ кобылу. Г. С.

женный участвовавшими въ кортежѣ жандармами, фургонъ отправлялся въ больницу тюремнаго замка; по прибытіи туда, наказаннаго вносили въ больницу на томъ же матрасѣ [1]).

Въ 1801 году, Александръ I, восходя на престолъ и одушевленный любовью къ человѣчеству, возвѣстилъ непремѣнную волю, дабы въ его государствѣ „самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной" [2])

Желаніе монарха въ теченіи болѣе полустолѣтія пребывало лишь въ области желаній: тамъ, гдѣ милліоны населенія были закономъ обречены въ тягчайшее крѣпостное рабство,—законодательство, для его поддержанія, не могло не сохранять цѣлую лѣстницу, если не пытокъ — являвшихся дѣломъ не законнымъ, то казней: розги, палки, плети, клеймы, кнутъ....

19-го февраля 1861 г., по мановенію Царя-Освободителя, разсыпались желѣзныя звенья крѣпостнаго рабства, а два года спустя, уничтожены и орудія, поддерживавшія цѣлость этихъ цѣпей. Только съ того времени — самое названіе шпицрутеновъ, клеймъ и плетей, „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее", дѣйствительно и навсегда изглаживается изъ памяти Русскаго народа.

Г. И. Студенкинъ.

---

[1]) Приведенныя подробности записаны нами со словъ оффиціальнаго лица, многократно бывшаго участникомъ этихъ печальной памяти церемоніаловъ.

[2]) См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 59. Г. С.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

1841 года марта 15-го его величество государь императоръ при посѣщеніи с.-петербургскаго тюремнаго замка, равно содержащихся въ отдѣленіяхъ арестантовъ и устроенной приономъ церкви, высочайше повелѣть соизволилъ: «дабы отъ нынѣ никто изъ постороннихъ лицъ, кромѣ содержащихся арестантовъ и служащихъ въ замкѣ людей, въ церковь впускаемъ не былъ». А потому для точнѣйшаго и неукоснительнаго исполненія вышеизложенной воли его величества сію бумагу и хранить при дѣлахъ конторы, для руководства. О повелѣніи было донесено 15-го марта предсѣдателю тюремнаго комитета графу Бенкендорфу.

II.

Изъ сообщенія тюремнаго комитета смотрителю тюрьмы, отъ 11-го сентября 1842 года, видно, что судебныя мѣста, постановлявшія приговоры о тѣлесномъ наказаніи, обязаны были въ тотъ же день сообщать смотрителю тюрьмы, дабы по полученіи таковаго свѣдѣнія тюремный комитетъ имѣлъ возможность присужденнаго отдѣлить отъ другихъ арестантовъ въ особый, собственно для сего назначенный, нумеръ, гдѣ священникъ замка могъ бы бесѣдовать съ нимъ наединѣ и приготовить его по христіанскому долгу къ принятію заслуженнаго имъ наказанія.

III.

Описаніе прибора съ штемпелями для клейменія каторжныхъ и наставленіе объ употребленіи сихъ штемпелей [1]).

18-го іюня 1846 г.

1) Весь приборъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: a) 3-хъ клеймъ съ деревянными неподвижными рукоятками, изъ которыхъ на одномъ на мѣдной дощечкѣ изображена стальными короткими иглами лит. К., на другомъ лит. А. и на третьемъ лит. Т., b) одной палочки состава для натиранія имъ кожи послѣ клейменія и c) ящика изъ сосноваго дерева, въ которомъ заключаются всѣ сіи вещи.

Примѣчаніе 1. Составъ для натиранія, обернутый въ шпіалтеровую бумагу, хранится въ особой жестянкѣ съ крышечкою.

Примѣчаніе 2. На каждомъ изъ трехъ означенныхъ клеймъ находятся еще слѣдующіе знаки: на боковой сторонѣ мѣдной дощечки съ лит. К. черточка | и на рукояткѣ |, и на таковой же дощечкѣ съ лит. А. двѣ черточки ||, и на рукояткѣ 2, и наконецъ на дощечкѣ лит. Т. три черточки ||| и на рукояткѣ 3.

Знаки эти служатъ для того, во первыхъ, чтобы при клейменіи класть клейма сперва съ лит. К. (№ 1-й), потомъ лит. А. (№ 2-й) и напослѣдокъ съ лит. Т

---

[1]) Описаніе это тогда же, въ 1846 г., было официально разослано губернаторамъ. Г. С.

(№ 3-й); во вторыхъ, чтобы не перемѣшивать клеймъ и не поставить одну и ту же букву у одного и того же лица на двухъ мѣстахъ, и въ третьихъ, чтобы при самомъ клеймeніи ставить клеймо съ наружною буквою въ надлежащемъ положеніи, а не бокомъ или низомъ вверхъ,—для этаго при клеймeніи должно прикладывать каждый штемпель такимъ образомъ, чтобы знаки всегда обращены были вверхъ.

2) Наложеніе клеймъ производится слѣдующимъ образомъ:

Взявъ въ лѣвую руку штемпель съ лит. К. такимъ образомъ, чтобы знаки были обращены вверхъ, и укрѣпивъ его на лбу осужденнаго къ клейменію, палачъ ударяетъ ладонью правой руки на нижній полукруглый конецъ рукоятки съ такою силою, какая нужна для того, чтобы иглы на мѣдной дощечкѣ, изображающія оную литеру, вошли въ кожу; послѣ чего беретъ второе клеймо съ лит. А. и, укрѣпивъ его на правой щекѣ, точно такимъ же образомъ производитъ клейменіе, и наконецъ, съ лит. Т одинаково ставитъ на лѣвой щекѣ и производитъ клейменіе.

3) По наложеніи каждаго клейма мѣсто это натирать составомъ, раствореннымъ водою на ладони до нѣкоторой густоты.

4) Краску съ клейменаго мѣста не смывать ранѣе, какъ чрезъ сутки, что производить съ легка губкою, намоченною въ теплой водѣ.

IV.

Наставленіе медицинскаго совѣта о наложеніи и сохраненіи клеймъ. 1846 г.

Изъ указа 2-го департамента управы благочинія отъ 26-го ноября 1846 г. видно распоряженіе, чтобы клейменіе бѣглыхъ ссыльныхъ и бродягъ производилось въ помѣщеніи временной управы, въ бывшемъ домѣ Межуева. При этомъ долженъ находиться полицейскій стряпчій, врачъ, экзекуторъ временнаго отдѣленія управы или смотритель пересыльной тюрьмы и чиновникъ наружной полиціи. При этомъ указѣ было прислано слѣдующее наставленіе, составленное въ медицинскомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, фельдшерамъ, назначеннымъ для наложенія знаковъ на бѣглыхъ, ссыльныхъ и бродягъ.

1. Мѣсто наложенія знаковъ. Знаки накладываются: а) на правой рукѣ на предплечія (antibrachium), на два поперечные пальца ниже локтеваго сгиба, съ наружной стороны на толстой мясистой части на общемъ началѣ разгибающихъ руку мускуловъ (initium commune musculorum exstensorum).

Примѣчаніе. Въ случаѣ наложенія втораго или слѣдующаго знака, вновь накладываемый знакъ ставится подъ имѣющимся уже знакомъ, по направленію той же мясистой части означенныхъ мышцъ. б) На правой лопаткѣ, отступая на поперечной палецъ внизъ отъ ощущаемой подъ внѣшними покровами части лопатки (spina scapulae) и на поперечный палецъ къ наружи отъ задняго края лопатки (m. posterior scapulae).

Примѣчаніе. Второй и слѣдующіе знаки накладываются подъ первымъ, спускаясь въ отвѣсномъ направленіи внизъ, паралельно съ заднимъ краемъ лопатки.

2. Употребленіе машинки для клейменія: 1) части, изъ которыхъ состоятъ машинка: а) мѣдной рукоятки съ мѣднымъ куркомъ на серединѣ и мѣдной же коробки на верхнемъ концѣ рукоятки, б) шести мѣдныхъ дощечекъ, изъ которыхъ на двухъ стальными вызолоченными иглами изображено на каждой

лит. *Б.* (бѣглый), на другихъ двухъ такими же литерами *С. Б.* (ссыльно-бѣглый) и на третьей *С. К.* (ссыльно-каторжный); в) двухъ стальныхъ винтиковъ (одинъ изъ нихъ запасной) и стальной отвертки, и наконецъ г) кисточки для втиранія состава послѣ клейменія. Всѣ эти вещи заключаются въ деревянномъ ящикѣ съ замкомъ; въ ящикѣ же помѣщена, сверхъ того, масса для втиранія послѣ клейменія. 2) способъ употребленія машинки: а) вложенную въ мѣдную коробку дощечку съ наружными для клейменія литерами укрѣпить въ верхнемъ концѣ неподвижно, посредствомъ стальнаго винтика, ввинчиваемаго отверткою въ отверстіе, находящееся на нижней сторонѣ верхняго конца рукоятки, вплоть до основанія, такъ, чтобы между винтикомъ и рукояткою не оставалось никакого промежутка, или до тѣхъ поръ, пока отверткою нельзя болѣе дѣлать поворотовъ винтика; послѣ чего, взявъ рукоятку въ лѣвую руку такимъ образомъ, чтобы коробка лежала въ ладони ея, а пальцами той же руки обхватывалась она снизу, правою же рукою захватить мѣдную пуговку, находящуюся на заднемъ или нижнемъ концѣ рукоятки, и оттягивать назадъ до тѣхъ поръ, пока не услышится легкій щелкъ; причемъ нижній конецъ мѣднаго курка прижимается самъ собою плотно къ рукояткѣ, а верхній нѣсколько приподымается. б) Натянувъ такимъ образомъ спиральную пружину, находящуюся внутри рукоятки, а съ тѣмъ вмѣстѣ втянувъ въ коробку мѣдную дощечку съ иглами, такъ, что эти послѣднія будутъ уже совершенно закрыты внутри коробки, ниже верхняго края ея,—машинку, совершенно уже готовую, ставить (куркомъ всегда вверхъ для того, чтобы литеры были на клейменомъ мѣстѣ въ надлежащемъ положеніи) на назначенное для клейменія мѣсто всѣмъ верхнимъ краемъ коробки, и какъ можно крѣпче прижать къ тѣлу; въ такомъ положеніи держать ее неподвижно до тѣхъ поръ, пока не будетъ спущенъ курокъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и иглы войдутъ въ тѣло. (Курокъ спускается указательнымъ пальцемъ правой руки, прижимая верхній конецъ его къ рукояткѣ). Послѣ сего снять машинку и тотчасъ же приступить къ втиранію состава въ клейменное мѣсто посредствомъ кисточки, намазываемой въ мелкорастертомъ и разведенномъ уже въ теплой водѣ, предварительно клейменія, составѣ. Втираніе это повторить раза три, каждый разъ намачивая кисточку снова въ составѣ до тѣхъ поръ, пока масса войдетъ въ отверстія, произведенныя иглами. в) Краску съ клейменаго мѣста не смывать ранѣе, какъ чрезъ сутки, что производить слегка губкою, намоченною въ теплой водѣ, и г) по окончаніи операціи машинку разбирать опять тѣмъ же порядкомъ, какимъ она собрана; иглы же для вытиранія можно пропустить сквозь сухую мягкую ветошку.

Примѣчаніе. Чтобы нельзя было перемѣшивать дощечекъ съ литерами, при вложеніи ихъ въ коробку, вмѣсто напримѣръ дощечки съ лит. *Б.* не вложить съ *С. Б.* и такъ далѣе, то для этаго на каждой дощечкѣ сверху выбиты тѣ самыя литеры, которыя изображены, иглами на дощечкѣ снизу.

V.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній.

20-го мая 1847 г.

«Вашему Превосходительству извѣстно, что на основаніи установленнаго 1385 статьею 6 продолж. XV тома новаго порядка исполненія уголовныхъ приговоровъ, преступникъ, осужденный къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и

ссылкѣ на каторгу или на поселеніе, послѣ прочтенія ему приговора суда, приводится въ самомъ мѣстѣ содержанія его къ исповѣди, а потомъ бывшій въ семъ случаѣ духовнымъ наставникомъ осужденнаго священникъ, если признаетъ возможнымъ, допускаетъ его и къ святому причащенію, и сдѣлавъ ему приличное, по обстоятельствамъ, увѣщаніе, сопровождаетъ на лобное мѣсто, гдѣ должна совершиться казнь; тамъ священнослужитель, сдѣлавъ еще разъ увѣщаніе, оставляетъ преступника.

«Святѣйшій правительствующій сѵнодъ, въ дополненіе и поясненіе сего, призналъ нужнымъ постановить слѣдующія правила:

1) Священникъ долженъ сопровождать осужденнаго въ приличномъ экипажѣ, доставленномъ ему отъ полицейскаго начальства, слѣдуя однако къ мѣсту наказанія преступника не позади позорныхъ дрогъ, а иначе, какъ можетъ оказаться приличнѣйшимъ и удобнѣйшимъ для исполненія его обязанностей.

2) Священникъ долженъ имѣть съ собою въ это время эпитрахиль и крестъ, для употребленія ихъ тогда, когда будетъ произносить къ осужденному послѣднее увѣщаніе, прежде нежели онъ возведенъ будетъ на лобное мѣсто; если же священникъ признаетъ необходимымъ преподать преступнику еще однажды увѣщаніе даже на лобномъ мѣстѣ, то исполняетъ сіе уже безъ эпитрахиля и креста.

3) Важнѣйшею обязанностію священника должно быть предварительное дѣйствіе его на умъ и сердце осужденнаго, расположеніемъ его къ чистосердечному раскаянію въ содѣланномъ преступленіи. Съ сею цѣлію, получивъ извѣщеніе объ осужденномъ, священникъ, за нѣсколько дней до исполненія приговора, долженъ начать свои дѣйствія, посѣщая преступника какъ можно чаще, вселяя въ него страхъ Божій и научая средствамъ къ примиренію и спасенію души чрезъ раскаяніе и рѣшимость поступать впредь по заповѣдямъ Божіимъ. Смотря по плодамъ раскаянія, священникъ можетъ принять отъ осужденнаго исповѣдь и сподобить его причащенія Св. Таинъ, дѣйствуя въ сихъ случаяхъ на основаніи церковныхъ правилъ и особыхъ наставленій, коими избираемые для исполненія настоящей обязанности священнослужители снабжены будутъ отъ своего епархіальнаго начальства.

4) Въ случаяхъ,—когда исполненіе приговора должно быть произведено на мѣстѣ преступленія въ уѣздѣ, священники того города, гдѣ преступникъ содержался, обязуются токмо дѣлать ему предварительныя увѣщанія, имѣя впрочемъ право, смотря по нравственному расположенію преступника, исповѣдать и причастить его Св. Таинъ; послѣднія же къ нему увѣщанія предъ самымъ наказаніемъ долженъ произнесть приходскій священникъ того мѣста, гдѣ приговоръ исполняется».

«О таковомъ постановленіи святѣйшаго правительствующаго синода считаю долгомъ увѣдомить для свѣдѣнія и надлежащаго, въ чемъ будетъ слѣдовать, руководства и исполненія, присовокупляя, что изложенная въ 1 пунктѣ мысль святѣйшаго синода очевидно клонится къ тому, чтобы священникъ не составлялъ части кортежа преступника, а потому надлежитъ распоряжать прибытіе его на мѣсто казни или прежде или послѣ сего послѣдняго, но безъ излишняго промедленія.

Примѣчаніе. Этотъ циркуляръ находится въ «Сборникѣ Циркул. и Инструкц. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», томъ I, часть I, стран. 300 и 301, § 449.

VI.

Предписаніе Управы Благочинія смотрителю тюремнаго замка.

5-го ноября 1848 года.

«С.-петербургскій оберъ-полицiймейстеръ, по резолюціи 27-го истекшаго октября 1848 года передалъ во 2-й Департаментъ Управы Благочинія, для надлежащаго исполненія, экземпляръ циркулярнаго предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ, касательно публичнаго наказанія преступниковъ во время морозовъ, слѣдующаго содержанія: «Усмотрѣвъ изъ дѣла ввѣреннаго мнѣ министерства, что преступники, приговариваемые къ публичному тѣлесному наказанію плетьми или розгами [1]), оставаясь во время наказанія обнаженными, въ случаѣ значительныхъ морозовъ, подвергаются сильнымъ простуднымъ болѣзнямъ и что излеченіе отъ этихъ болѣзней, по причинѣ ослабленія силъ, слѣдующаго за наказаніемъ, сопряжено съ большими затрудненіями, я прошу ваше превосходительство приказать полицейскимъ начальствамъ ввѣренной вамъ губерніи, по совершенно секретнымъ образомъ, чтобы при сильныхъ морозахъ, напримѣръ, превышающихъ десять градусовъ, особенно когда притомъ бываютъ вьюга или мятель и вообще сильные вѣтры, публичныя тѣлесныя наказанія не были производимы.

VII.

Суточный приказъ по с.-петербургской полиціи.

«11-го марта 1852 г.

«Строго предписываю гг. смотрителямъ тюремнаго замка, пересыльной тюрьмы и тюрьмы срочныхъ арестантовъ, а равно всѣмъ гг. приставамъ исполнительныхъ дѣлъ имѣть наблюденіе, чтобы арестанты отнюдь не были водимы или возимы мимо Зимняго дворца, Дворцовой площади и вообще вкругъ дворца. Оберъ-полицiймейстеръ Галаховъ».

VIII.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній.

8-го октября 1857 г.

«По высочайше утвержденному, 10-го мая 1839 года, положенію комитета гг. министровъ, сообщенному къ исполненію начальникамъ губерній въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 20-го января 1840 г., заготовлены были министерствомъ образцы орудій для тѣлеснаго наказанія преступниковъ, какъ-то: кнутъ, плеть, притяжные ремни и штемпеля, и разосланы тогда же во всѣ губерніи и области съ тѣмъ, чтобы употреблявшіяся тамъ прежде орудія тѣлеснаго наказанія преступниковъ были уничтожены, а заготовлены новыя по упомянутымъ образцамъ. Заготовленіе сіе какъ тогда, такъ и впредь, на основаніи означеннаго высочайше утвержденнаго положенія комитета гг. министровъ, предписано производить хозяйственнымъ образомъ, по распоряженіямъ губернскихъ начальствъ и подъ непосредственнымъ ихъ наблюденіемъ, на счетъ экстраординарныхъ суммъ.

---

[1]) Присуждаемыхъ рѣшеніями судебныхъ мѣстъ къ розгамъ наказывали въ банѣ тюремнаго замка на основаніи приказа оберъ-полицiймейстера по с.-петербургской полиціи 2-го октября 1855 года. Г. С.

«Изъ числа установленныхъ орудій наказанія, кнутъ въ настоящее время уже отмѣненъ уголовнымъ уложеніемъ, а штемпеля, измѣненные въ формѣ (вмѣсто буквъ В. О. Р. буквы К. А. Т.) на основаніи циркулярныхъ предписаній министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 18-го іюня и 30-го сентября 1846 г., изготовляются и разсылаются къ начальникамъ губерній вслѣдствіе ихъ представленій; заготовленіе же плетей и притяжныхъ ремней осталось по-прежнему на обязанности губернскихъ начальствъ. Между тѣмъ о заготовленіи вновь плетей, на мѣсто приходящихъ въ негодность отъ употребленія, нѣкоторые начальники губерній входятъ съ представленіями въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

«Находя такія представленія несогласными съ помянутымъ высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета гг. министровъ, я прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы, на будущее время, заготовленіе плетей для наказанія преступниковъ, по силѣ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ, производимо было хозяйственнымъ образомъ, по распоряженію губернскаго начальства и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, не обременяя министерство подобными требованіями».

IX.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ 21-го февраля 1858 года.

«По существующему нынѣ порядку, начальники губерній съ представленіями своими о высылкѣ новыхъ штемпелей, установленныхъ для клейменія каторжныхъ, бѣглыхъ и бродягъ, а равно объ исправленіи, въ случаѣ надобности старыхъ штемпелей, а также о доставленіи состава, употребляемаго для натиранія клеймъ, обращаются въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по департаменту полиціи исполнительной, который сносится о томъ съ департаментомъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій, по состоянію въ вѣдѣніи онаго инструментальнаго завода и главной рецептурной аптеки, въ коихъ заготовляются означенные предметы.

«По сему, признавая полезнымъ, въ видахъ сокращенія переписки, установить на будущее время по означеннымъ предметамъ прямыя сношенія губернскихъ начальствъ съ департаментомъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій, я поручаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы испортившіеся штемпеля, для клейменія каторжныхъ и бродягъ, высылались прямо въ помянутый департаментъ, который, по исправленіи ихъ на подвѣдомственномъ ему инструментальномъ заводѣ, непосредственно отъ себя будетъ возвращать штемпеля по принадлежности, и чтобы сношенія объ изготовленіи, въ случаѣ надобности, новыхъ штемпелей, а равно о доставленіи состава для натиранія клеймъ, производились также непосредственно съ департаментомъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій».

X.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній и клейменія.

Именной высочайшій указъ, данный сенату 17-го апрѣля 1863 г.[1]). Признавъ за благо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ существующей

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXXVIII, № 39,504.

нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, дабы съ тѣмъ вмѣстѣ еще точнѣе соразмѣрить кару оныхъ съ свойствомъ и степенью преступленія или проступка. Мы утвердили соотвѣтствующія сему предположенія особаго, при второмъ отдѣленіи собственной нашей канцеляріи, комитета, въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣнныя, и вслѣдствіе того повелѣваемъ:

I. Во всѣхъ случаяхъ, когда виновные въ преступленіяхъ или проступкахъ подлежатъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ по гражданскому вѣдомству законовъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, или потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или же иному наказанію или взысканію, а сверхъ того и наказанію тѣлесному, приговаривать ихъ впредь: къ слѣдующимъ по закону наказаніямъ и взысканіямъ, кромѣ тѣлеснаго.

II. Къ опредѣленному Уложеніемъ о Наказаніяхъ (Свода Зак. т XV, часть 1) и Уставами о паспортахъ и о ссыльныхъ (Свода Зак. т. XIV) наложенію клеймъ и штемпельныхъ знаковъ впредь никого не присуждать.

III. Опредѣленное за проступки, означенные въ статьяхъ 573, 574, 575 и 576-й того же Уложенія, наказаніе розгами, несопровождаемое другими взысканіями, замѣнять впредь заключеніемъ въ тюрьмѣ, или кратковременнымъ арестомъ, въ постепенности, указанной въ статьяхъ 89 и 90 Уложенія, въ статьѣ VII настоящаго указа.

IV. Лица женскаго пола вовсе изъять отъ наказаній тѣлесныхъ.

V. При замѣнѣ для женщинъ, на основаніи статей 77 и 85 Уложенія, каторжныхъ работъ въ рудникахъ и крѣпостяхъ работами на заводахъ, и при замѣнѣ содержанія въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, какъ для женщинъ, такъ и для людей по старости, дряхлости или инымъ причинамъ неспособныхъ къ работамъ въ ротахъ, заключеніемъ въ рабочемъ домѣ, не увеличивать сроковъ работъ и заключенія.

VI. Установленные Уложеніемъ сроки работъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства сократить, опредѣляя ихъ впредь въ слѣдующей постепенности: 1-я отъ трехъ съ половиною до четырехъ лѣтъ; степень 2-я отъ трехъ до трехъ съ половиною лѣтъ; степень 3-я отъ двухъ съ половиною до трехъ лѣтъ; степень 4-я отъ полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ; степень 5-я отъ одного до полутора года. Въ тѣхъ случаяхъ, въ

которыхъ уложеніемъ опредѣляется отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, назначать вмѣсто того высшую, по первой изъ означенныхъ въ сей статьѣ настоящаго указа степеней мѣру, т. е. 4-ре года.

VII. При опредѣленіи заключенія въ тюрьмѣ, или въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ, и въ крѣпости, сроки сего заключенія, въ уложеніи назначенные, сокращать одною третью, а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, и болѣе, даже до половины.

VIII. Когда въ законѣ опредѣляются за какое-либо преступленіе или проступокъ заключеніе въ тюрьмѣ, или въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, или же кратковременный арестъ, или обращеніе въ общественныя работы, назначать сіи карательныя мѣры, не замѣняя оныхъ розгами и для виновныхъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, въ коихъ представляется явная невозможность опредѣлить одну изъ вышеупомянутыхъ мѣръ.

IX. Установленныя 23-го ноября 1853 года (27,722) временныя правила о замѣнѣ первыхъ четырехъ степеней отдачи въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства ссылкою на водвореніе въ Сибирь—отмѣнить, и затѣмъ преступниковъ, подлежащихъ отдачѣ въ сіи роты, приговаривать къ сему наказанію на основаніи предшедшей VI статьи настоящаго указа.

X. Изъятіе отъ всякихъ вообще тѣлесныхъ наказаній, сверхъ лицъ, уже и нынѣ отъ нихъ по закону изъятыхъ, распространить также:

1) На церковно-служителей христіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 2) на всѣ духовныя лица не христіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ; 3) на учителей народныхъ школъ; 4) на лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уѣздныхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ, или равныхъ съ ними и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; и 5) на лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности.

Сообщ. Г. И. Студенкинъ.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ КАРНѢЕВЪ.

1801—1873.

Есть люди, которыхъ утрата на землѣ оставляетъ неизгладимые слѣды печали не только въ родной семьѣ, но и въ средѣ всего общества. Конечно, такихъ людей не много; но къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ скончавшійся, съ 12-го на 13-е апрѣля нынѣшняго года, въ Висбаденѣ, на 73-мъ году жизни, послѣ тяжкой болѣзни, статсъ-секретарь, тайн. сов. Василій Ивановичъ Карнѣевъ.

Покойный былъ сынъ штабсъ-капитана и родился въ 1801 году.

Въ службу Василій Ивановичъ Карнѣевъ вступилъ въ 1812 году, въ казанскую казенную палату, и чрезъ небольшой промежутокъ времени опредѣленъ былъ секретаремъ оной. Способностями своими онъ обратилъ вниманіе бывшаго въ то время предсѣдателя палаты Ермолаева, который, вскорѣ за тѣмъ, представилъ его къ опредѣленію въ должность совѣтника. Въ этой должности онъ уже сдѣлался извѣстнымъ начальнику губерніи. Когда кіевскій генералъ-губернаторъ Желтухинъ пріѣзжалъ ревизовать казанскій университетъ, ему нуженъ былъ дѣльный чиновникъ для должности правителя канцеляріи. Онъ обратился съ просьбою къ начальнику губерніи, прося указать ему на личность, которую бы онъ могъ опредѣлить на эту должность. Бывшій тогда губернаторъ Жмакинъ указалъ на покойнаго Василія Ивановича,—и Карнѣевъ на 27-мъ году своей жизни былъ уже правителемъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, сотрудникомъ и подчиненнымъ извѣстнаго въ то время своею строгостью и исполнительностью генерала Желтухина.

Въ 1827 году Кіевъ избранъ былъ центромъ склада всѣхъ продовольственныхъ и военныхъ припасовъ для арміи, приготовлявшейся къ войнѣ съ Турціею.

Для кіевскаго генералъ-губернатора, на котораго возложены были заготовка и снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ, предстояло много

труда,—и трудъ этотъ всею тягостью палъ на Карнѣева, быстрыми и бдительными разспоряженіями котораго 16 т. пароволовыхъ подводъ съ хлѣбомъ и четыре роты осадной артиллеріи на 2,000 волахъ были отправлены къ мѣсту назначенія.

Когда же, въ слѣдующемъ 1828 году, по неудовлетворительности дѣйствій въ Дунайскихъ Княжествахъ временнаго русскаго управленія, составъ онаго былъ перемѣненъ, и на мѣсто полномочнаго предсѣдателя дивановъ княжествъ: Молдавіи и Валахіи, графа Палена, посланъ былъ генералъ Желтухинъ, Карнѣевъ, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ былъ къ нему же директоромъ канцеляріи, на мѣсто занимавшаго эту должность барона Брунова, нынѣшняго русскаго посла въ Англіи.

Въ новой должности, кромѣ дѣлъ по управленію краемъ, на покойномъ Василіѣ Ивановичѣ, какъ на директорѣ канцеляріи полномочнаго предсѣдателя, по отсутствію въ краѣ русскаго коммиссаріатскаго и провіантскаго управленій, лежала обязанность и требовались труды и заботы: а) по движенію, расквартированію и продовольствію войскъ; б) по устройству и содержанію въ княжествахъ госпиталей на 13 т. кроватей; в) по доставленію припасовъ для войскъ, расположенныхъ за Дунаемъ; г) по прекращенію чумы въ Княжествахъ и войскахъ, тамъ расположенныхъ. Все это, въ продолженіе самаго труднаго военнаго времени 1828 и 1829 годовъ, имъ было исполнено удовлетворительно.

При ликвидаціи, за полученные отъ края реквизиціей предметы, все было уплачено, вслѣдствіе улучшенія финансоваго положенія княжествъ, изъ доходовъ края, и сверхъ того осталось 10,600,000 піастровъ свободныхъ суммъ, изъ которыхъ половина обращена была въ пользу русской казны, а другая—предоставлена княжествамъ. Вотъ чѣмъ ознаменовалъ себя покойный Василій Ивановичъ, служа при генералѣ Желтухинѣ.

При назначеніи покойнаго графа Киселева полномочнымъ предсѣдателемъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, покойный Василій Ивановичъ былъ при немъ оставленъ. Если графъ Киселевъ введеніемъ въ княжествахъ преобразованій заслужилъ особое вниманіе и одобреніе не только Россіи, но и Европы, то обязанъ во всемъ покойному Василію Ивановичу Карнѣеву, безъ совѣтовъ котораго не дѣлалъ никакихъ распоряженій.

Когда, по политическимъ обстоятельствамъ, наше управленіе Молдавіей и Валахіей упразднилось, Василій Ивановичъ Карнѣевъ, по прибытіи въ С.-Петербургъ, будучи еще въ чинѣ статскаго совѣтника, получилъ мѣсто директора хозяйственнаго департамента

министерства внутреннихъ дѣлъ; а въ 1836 году, съ назначеніемъ Киселева докладывающимъ по дѣламъ V отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, Карнѣевъ назначенъ управляющимъ этимъ отдѣленіемъ.

Кромѣ весьма значительныхъ работъ по отдѣленію, Карнѣевъ принималъ участіе въ 18-ти учрежденныхъ однинъ за другимъ комитетахъ, или какъ управляющій отдѣленіемъ, или какъ членъ, или какъ предсѣдатель. Вотъ эти комитеты:

1) Комитетъ, составленный изъ гражданскихъ губернаторовъ, для предварительнаго разсмотрѣнія проэктовъ по всѣмъ частямъ управленія государственными имуществами. 2) Изъ членовъ государственнаго совѣта на тотъ же предметъ. 3) Изъ членовъ министерства юстиціи для предварительнаго разсмотрѣнія проэктовъ сельскаго, полицейскаго и судебнаго уставовъ. 4) Комитетъ для пересмотра лѣснаго устава. 5) О переложеніи податей съ душъ на землю. 6) Рекрутскій. 7) Изъ управляющихъ палатами — для пересмотра нѣкоторыхъ учрежденій, для начертанія положеній о составленіи разныхъ запасныхъ капиталовъ, сумма которыхъ въ 1856 г. возросла до 25 мил., въ томъ числѣ 3 мил. въ пользу отставныхъ нижнихъ чиновъ, по непосредственной инициативѣ его, Василія Ивановича Карнѣева. 8) Объ устройствѣ сельскаго духовенства. 9) Объ отобраніи у католическаго духовенства населенныхъ имѣній. 10) Объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. 11) Объ устройствѣ евреевъ. 12) О сокращеніи переписки. 13) Объ устройствѣ продовольствія войскъ во время войны. 14) О сформированіи земскаго ополченія. 15) Объ устройствѣ почтовой гоньбы. 16) Для начертанія сѣти желѣзныхъ дорогъ. 17) Объ осушеніи болотъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга. 18) По устройству С.-Петербургскаго и Царскосельскаго уѣздовъ, подъ предсѣдательствомъ государя наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Кромѣ того, по всѣмъ комитетамъ, въ которыхъ участвовалъ П. Д. Киселевъ, на В. И. Карнѣевѣ лежала обязанность составленія предположеній, замѣчаній, а иногда и самыхъ окончательныхъ работъ.

Комитеты эти были:

а) Объ уничтоженіи лажа и объ опредѣленіи денежной единицы на серебро; б) О московско-желѣзной дорогѣ; в) Объ учрежденіи пароходства на Черномъ морѣ; г) О порто-франко въ Одессѣ; д) Кавказскій; е) Сибирскій; ж) По дѣламъ Западныхъ губерній.

Члены этихъ комитетовъ были: гр. В. Ѳ. Адлербергъ, кн. Петръ Мих. Волконскій, кн. Алекс. Сер. Меншиковъ, гр. Ег. Франц.

Канкринъ, гр. Алекс. Иван. Чернышевъ, гр. Сер. Сем. Уваровъ, дѣйств. тайн. сов. Левъ Алекс. Перовскій, гр. Алекс. Христ. Бенкендорфъ, гр. Викторъ Никит. Панинъ, оберъ-прокуроръ св. синода гр. Никол. Алекс. Протасовъ, гр. Алекс. Ѳедор. Орловъ, дѣйств. тайн. сов. Ѳед. Павлов. Вронченко, генералъ-адъютантъ Конст. Влад. Чевкинъ. Всѣ эти государственные дѣятели вполнѣ цѣнили замѣчательный умъ и обширныя способности В. И. Карнѣева.

Обширныя и разнообразныя занятія по V отдѣленію и по всѣмъ комитетамъ требовали отъ покойнаго Василія Ивановича ежедневныхъ, въ продолженіи 20-ти лѣтъ, усиленныхъ трудовъ, что не могло не отозваться на его здоровьѣ.

Г. Нарановичъ, постоянный врачъ Василья Ивановича, употреблялъ всѣ усилія, чтобы поддержать его здоровье; но за всѣмъ тѣмъ, Карнѣевъ не избѣгнулъ удара паралича, поразившаго лѣвую сторону его тѣла.

По совѣту Нарановича, а также Шипулинскаго, и другихъ русскихъ знаменитыхъ врачей, Василій Ивановичъ оставилъ отечество. Посѣтивъ Францію, Австрію и Германію, спрашивалъ совѣтовъ и искалъ помощи у врачей этихъ странъ,—но остановился на безвыѣздномъ пребываніи въ Висбаденѣ.

Постоянно занятый множествомъ дѣлъ, Василій Ивановичъ Карнѣевъ рѣдко выѣзжалъ изъ дома; но, за всѣмъ тѣмъ, кругъ знакомства его былъ великъ.

Обѣды у Киселева сблизили Василія Ивановича со всѣми министрами, а служебныя отношенія—съ другими, также вліятельными лицами; такъ напримѣръ, его часто посѣщали: гр. Мод. Анд. Корфъ [1]), Влад. Петр. Бутковъ, Коз. Григор. Рѣпинскій, Леон. Вас. Дубельтъ, кн. Пав. Пав. Гагаринъ, статсъ-секретарь Мих. Ив. Позенъ, Андр. Аѳ. Никитинъ и Мих. Ив. Лексъ. Въ болѣе же близкихъ отношеніяхъ онъ былъ съ Евг. Ник. Норовымъ, Позняковъ, П. А. Колзаковымъ (адмираломъ) и Половцовымъ.

Василій Ивановичъ Карнѣевъ одаренъ былъ быстрымъ и глубокимъ умомъ. Тихая, плавная и увлекательная рѣчь отличала его бесѣду. Разговоръ его былъ всегда занимательный и пріятный. Владѣя даромъ слова, онъ отличался большимъ остроуміемъ и юморомъ. Надобно было слышать, какъ онъ всегда вѣрно и мѣтко обрисовывалъ въ разсказѣ своемъ какую-либо личность, или передавалъ что-либо, сколько-нибудь достойное осмѣянія. Касалось-ли серіознаго дѣла, онъ коротко, внятно и ясно передавалъ его, какъ бы оно ни было сложно.

[1]) Графъ М. А. Корфъ во время болѣзни оказалъ много услугъ покойному Василію Ивановичу, который исполненъ былъ за нихъ признательности. Н. Л.

Пріобрѣтя высокое значеніе, Василій Ивановичъ дѣлалъ много въ жизни своей добра: нѣкоторые изъ просителей даже знали, что ему можно было надоѣсть, безъ вреда для себя, постоянно являясь въ пріемную комнату V отдѣленія, чрезъ которую онъ проходилъ; сочувствуя по добротѣ своего сердца къ нуждамъ ихъ, онъ усиленно ходатайствовалъ, предъ кѣмъ нужно было, объ исполненіи ихъ просьбъ.

Къ матери своей (жившей въ Казани и умершей лишь въ 1859 г.) онъ былъ почтителенъ и любилъ ее всею силою души и помогалъ ей.

Какъ мужъ и отецъ (онъ имѣлъ 4-хъ дочерей и одного сына), онъ былъ примѣрный, заботливый. Кромѣ того, ни одинъ бѣдный, къ нему обращавшійся, не выходилъ безъ помощи, и помощи часто немалой.

Страстью его было—скупать рѣдкости: картины, античныя вещи и старинныя монеты. Отъ этого онъ лишнихъ денегъ никогда не имѣлъ, хотя получалъ весьма хорошее содержаніе.

Живя въ Висбаденѣ, Василій Ивановичъ не оставлялъ, однако-жъ, надежды на свое выздоровленіе и возвращеніе въ Россію для новыхъ трудовъ; а потому съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ слѣдилъ за всѣми производившимися у насъ реформами; но чѣмъ больше проходило время, тѣмъ больше и больше разрушалось его здоровье. Врачь Вальсгемъ постоянно, въ теченіи 8-ми лѣтъ, его лечившій въ Висбаденѣ, это видѣлъ, и употреблялъ всѣ усилія къ поддержанію силъ больнаго

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1873 г. стала одолѣвать Василія Ивановича сильная „астма", и онъ собирался переѣхать на берега Швейцарскаго озера, не думая, что для этой жизни оставался ему слишкомъ короткій срокъ. Наступила Пасха. Въ понедѣльникъ 9-го (21-го) апрѣля онъ пріобщился св. Таинъ,—а въ четвергъ на пятницу съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) апрѣля, въ 12-ть часовъ ночи, вслѣдствіе паралича легкихъ, знаменитый дѣятель прошлаго царствованія, статсъ-секретарь Василій Ивановичъ Карнѣевъ скончался [1]).

Миръ праху твоему, государственный человѣкъ, проведшій служебное свое поприще со славою и честію для блага отечества и государства, и оставившій пріятныя воспоминанія не только въ семьѣ своей (женѣ и дочери), которыя оплакиваютъ твою кончину, но и въ бывшихъ твоихъ подчиненныхъ, а также равныхъ тебѣ сотрудникахъ, и вообще во всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ себя гражданиномъ семьи русской.

Н. А. Лебедевъ.

---

[1]) Погребеніе тѣла его совершено на Висбаденскомъ православномъ кладбищѣ, и гробъ его поставленъ рядомъ съ гробомъ сына, о потери котораго онъ горько сожалѣлъ. Н. Л.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Дроздъ-Боначевскій.

1799 г.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1869 г., № 9, въ статьѣ г. Максимова: „Государственные преступники", стр. 251, помѣщено примѣчаніе: „Государственная измѣна при Павлѣ (1799 г.) служившаго при тосканскомъ дворѣ коллежскаго асесора Дрозда-Боначевскаго, предавшагося французамъ и служившаго имъ, наказана была тѣмъ, что имя и дѣянія измѣнника прибиты были къ висилицѣ".

Дроздъ-Боначевскій измѣнникомъ не былъ и французамъ не служилъ.

Фамилія Дроздъ-Боначевскихъ еще существуетъ; и какъ помянутый измѣнникъ былъ съ дѣдомъ моимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, которыя и привели одного изъ нихъ къ позорному наказанію, а другаго—къ большимъ непріятностямъ по службѣ, то долгомъ считаю прилагаемыми документами снять съ Дрозда-Боначевскаго обвиненіе въ измѣнѣ. Но предварительно считаю не лишнимъ сообщить свѣдѣнія, сохранившіяся по этому дѣлу въ памяти нашего семейства.

Дѣдъ мой—со стороны матери—статскій совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Башловскій, служилъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ августѣ 1798 года назначенъ былъ въ распоряженіе генерала отъ инфантеріи Розенберга, командовавшаго „вспомогательнымъ россійскимъ корпусомъ противу бунтующихъ французовъ, для министерской корреспонденціи".

По назначеніи главнокомандующимъ Суворова, Розенбергъ передалъ ему командованіе въ Веронѣ, гдѣ и представилъ ему всѣхъ чиновъ корпуса, въ томъ числѣ дѣда моего, и не задолго предъ тѣмъ

назначеннаго въ дипломатическую канцелярію Фукса. Подойдя къ Фуксу, Суворовъ закричалъ: „Помилуй Богъ, какой тощій! будешь ѣздить со мною верхомъ"; а дѣду: „Фу, какой толстый! я буду прятаться въ тебя, когда озябну". Вслѣдъ за этою шуткою, Суворовъ обратился къ дѣду моему, чтобъ онъ указалъ ему чиновника изъ канцеляріи, которому можно было бы дать важное порученіе. Вѣроятно, до этого представленія передано было фельдмаршалу, что дѣду моему знакомы дѣла и люди въ Италіи, такъ какъ до того онъ служилъ пять лѣтъ при миссіи въ Неаполѣ. Дѣдъ указалъ на Дрозда-Боначевскаго, который давно и хорошо былъ ему извѣстенъ, и только что прибылъ въ канцелярію главнокомандующаго для усиленія ея изъ посольства при тосканскомъ дворѣ.

Затѣмъ, на другой день, Боначевскому вручена была огромная сумма денегъ и поручено заготовленіе для арміи продовольствія. Порученіе это ему не удалось выполнить. Въ Италіи не все народонаселеніе было за короля и союзниковъ,—многіе были на сторонѣ французовъ и республики; и Боначевскій для исполненія возложеннаго на него порученія встрѣтилъ неодолимыя препятствія.

Его хотѣли выдать, какъ шпіона, французамъ, хотѣли ограбить и убить. Во-время объ этомъ извѣщенный, онъ, переодѣтый въ крестьянское платье, переходилъ по ночамъ изъ деревни въ деревню, пользуясь знаніемъ итальянскаго языка, и старался достигнуть квартиры главнокомандующаго. Это удалось ему только тогда, когда Суворовъ былъ уже въ Асти и готовился къ походу въ Швейцарію.

Боначевскій, узнавши отъ дѣда о постигшей его политической казни, представилъ ему при письмѣ оправдательную записку. Суворовъ, по донесенію котораго послѣдовала эта казнь, удостовѣрившись въ неосновательности донесенія,—такъ какъ Боначевскій, явившись, представилъ въ цѣлости всѣ врученныя ему деньги,—представилъ дѣло его на усмотрѣніе государя императора, а его, арестованнаго, съ курьеромъ отправилъ въ Петербургъ.

Дальнѣйшая участь Боначевскаго видна изъ прилагаемыхъ высочайшихъ указовъ, къ которымъ не лишнимъ считаю присовокупить и письмо его къ дѣду моему, при которомъ онъ представилъ оправдательную записку. Къ сожалѣнію, записка эта въ бумагахъ дѣда не сохранилась.

Передаю разсказъ этотъ, какъ слышалъ его отъ покойнаго отца моего, лѣтъ двадцать тому назадъ, не ручаясь за полную его достовѣрность.

Н. Рудыновскій.

I.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго, изъ правительствующаго сената объявляется во всенародное извѣстіе.

Въ имянномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ сенату сего іюня въ 13-й день за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, изображено: „Находящійся при тосканскомъ дворѣ министромъ статскій совѣтникъ графъ Моцениго отъ службы отставляется за невниманіе къ поведенію бывшаго при немъ коллежскаго асесора Дрозда-Боначевскаго. Сей же, предавшись французамъ, остался съ ними и служитъ имъ. Для преданія вѣчному посрамленію и въ примѣръ (хотя мы сего и не уповаемъ) на предыдущія времена быть могущимъ подобнымъ сему гнуснымъ извергамъ, имя и дѣянія сего Дрозда-Боначевскаго прибиваются къ висилицѣ". Правительствующій сенатъ приказали: Вслѣдствіе сего высокомонаршаго его императорскаго величества повелѣнія, огласить помянутаго измѣнника Дрозда-Боначевскаго преступленіе во всей имперіи печатными указами; что симъ и исполняется.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ іюня 2-го дня 1799 года.

II.

„Милостивый государь! Какъ прежде, такъ и нынѣ я обращаюсь къ вашему высокородію, яко первому объявителю и истолкователю мнѣ моего несчастія, всепокорнѣе прося о поспѣшнѣйшемъ его сіятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому представленіи прилагаемаго при семъ моего оправданія, третьяго дня у меня въ совѣтѣ вашемъ востребованнаго. Я прилагаю онос подъ открытою печатью, дабы, ежели угодно, могли ваше высокородіе и протчіе господа совѣтники непосредственно вѣдать его содержаніе и мою невинность, и изволили бы пожаловать меня своимъ покровительствомъ и ходатайствомъ у его сіятельства; чему себя препоручая, имѣю честь быть съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ и преданностію, и проч. Никита Дроздъ-Боначевскій".

Въ Асти.

Августа 25 / Сентября 5 дня 1799 г.

Его высокородію статскому совѣтнику
Ивану Васильевичу Башловскому.

III.

(По титулѣ). Въ имянномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ сенату сего марта въ 17-й день за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „По неосновательному донесенію въ измѣнѣ и предательствѣ французамъ во время пребыванія въ Пизѣ коллежскаго асесора Дрозда-Бонячевскаго, лишенъ онъ чиновъ и дворянства и имя его прибито къ висилицѣ: послѣ чего бывъ онъ присланъ въ Россію, хотя принесъ достаточное въ поведеніи своемъ оправданіе, но при всемъ томъ, какъ политическую казнь получившій, находится нынѣ въ Иркутскѣ подъ названіемъ малороссіянина Никиты Васильева, получая на свое содержаніе изъ казны по четыреста рублей на годъ. Мы, съ соболѣзнованіемъ внимая гласу невинности, всемилостивѣйше даруемъ ему свободу возвратиться изъ мѣста нынѣшняго его пребыванія и жить, гдѣ онъ пожелаетъ, возводя его въ прежнее дворянское достоинство и отдавъ всѣ чины его, повелѣвая изгладить имя его изъ числа преступниковъ, столь поносное наказаніе заслуживающихъ. Въ возданіе же претерпѣнія, имъ напрасно понесеннаго, обратить ему въ пенсіонъ тѣ четыреста рублей, кои на содержаніе въ Иркутскѣ ему производимы были". Правительствующій сенатъ приказали: Сей высокомонаршій его императорскаго величества указъ, напечатавъ, публиковать во всей имперіи; что симъ и исполняется.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.
Печатанъ въ Санктпетербургѣ при сенатѣ марта 19-го дня 1801 года.

Сообщ. Н. Рудыковскій.

Французы въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ.

1812 г.

(Разсказъ очевидца).

Будучи мальчикомъ 12-ти лѣтъ и находясь при родителяхъ своихъ во время вступленія непріятеля въ Могилевъ-на-Днѣпрѣ, пребываніи его тамъ и изгнаніи оттуда, желаю я разсказать то, что осталось у меня въ памяти.

7-го іюля 1812 г., наканунѣ вступленія французовъ въ городъ, выѣхали изъ него губернаторъ графъ Толстой, вице-губернаторъ Юсуповъ, архіерей Варлаамъ, полиціймейстеръ и нѣсколько изъ зажиточныхъ жителей. На слѣдующій день удалось французамъ, посланнымъ въ погоню за уѣхавшими, воротить немногихъ изъ послѣднихъ, также и архіерея, котораго потомъ принудили продолжать служеніе беззаконному правительству.

Бывшій не задолго предъ тѣмъ въ Могилевѣ внутренней стражи генералъ X. приказалъ начальнику гарнизоннаго баталіона, полковнику Колену, не впускать непріятеля въ городъ; вслѣдствіе чего инвалиды были разставлены на валу у Виленской заставы и встрѣтили первыхъ показавшихся конныхъ непріятелей ружейнымъ залпомъ, отъ котораго, какъ говорятъ, оказалось убитыми человѣкъ до семи.

Вскорѣ подошла непріятельская пѣхота и инвалиды наши были побѣждены; однако, бо̀льшая часть ихъ успѣла уйти по дорогѣ къ Быхову. Инвалидъ, которому было приказано поджечь значительный магазинъ, у той заставы былъ убитъ; а магазинъ съ запасами достался непріятелю, который вступилъ 8-го іюля въ городъ и разсыпался по всѣмъ улицамъ. По улицѣ, гдѣ мы жили, гнались нѣсколько конныхъ французовъ за однимъ городскимъ драгуномъ, стрѣляя въ него; но драгунъ на своей маленькой лошадкѣ спустился съ такой крутизны къ мосту, что непріятель не могъ продолжать погоню за нимъ. По окончаніи войны, видѣлъ я этого драгуна, исцѣлившагося отъ полученной раны.

Малая часть французскихъ войскъ, изъ корпуса маршала Даву, расположилась въ ожиданіи его на городской площади. Тутъ я замѣтилъ, что пѣхотные офицеры отличались отъ рядовыхъ желтыми панталонами и треугольными шляпами. Одинъ изъ французскихъ офицеровъ просилъ меня купить ему бѣлаго хлѣба, ибо въ этотъ день всѣ лавки и булочныя были заперты; офицеръ далъ мнѣ монету въ 20-ть крейцеровъ, и я исполнилъ его желаніе. Товарищъ его, узнавъ, что хлѣбъ купленъ мною, сказалъ: „Эй, мальчикъ, купи и мнѣ такой же хлѣбъ“,—но я отказался отъ порученія и указалъ ему на стоявшаго тутъ другаго мальчика для посылки; этотъ взялъ деньги и не возвращался, за что второй офицеръ намѣревался меня побить, но первый защитилъ.

При въѣздѣ Даву со свитою, встрѣтилъ его губернскій предводитель дворянства Кроеръ, а по прибытіи ихъ на площадь, явился и представитель города. Тутъ Даву назначилъ контрибуцію съ жителей и приказанія его переводилъ Кроеръ на польскій языкъ. Я стоялъ невдалекѣ отъ этой группы.

На другой день, т. е. 9-го іюля, посланы 1-й и 3-й полки chasseurs à cheval въ погоню за ушедшими инвалидами и нагнали ихъ по быховской дорогѣ, близъ лѣса; тамъ, какъ говорили, присоединились къ инвалидамъ два баталіона нашихъ егерей и съ сотню казаковъ, вступившими съ французами въ бой, — они такъ усердно ихъ угостили, что, по словамъ одного французскаго офицера, у насъ квартировавшаго, изъ двухъ полковъ уцѣлѣло не болѣе ста человѣкъ.

11-го іюля 1812 г. послѣдовало сраженіе верстахъ въ 5-ти отъ Могилева съ отрядомъ изъ арміи Багратіона, подъ командою генераловъ Раевскаго и Паскевича. Пушечная пальба была слышна въ городѣ. Масса корпуса Даву находилась на бивуакахъ за Виленскою заставою, и я видѣлъ, какъ въ нее входили, направляясь къ Быховской заставѣ, непріятельскіе полки съ музыкою и знаменами на поле сраженія.

На другой день были собраны на площади русскіе плѣнные и раненные. Въ числѣ ихъ были два маіора, одинъ по фамиліи Кириловъ, другаго имя забылъ. Когда Кириловъ, раненный, доползъ до лужи и опустилъ туда свои раненныя ноги, тогда подошелъ къ нему французъ, обшарилъ его, взялъ часы, кошелекъ и сорвалъ съ него орденъ св. Георгія 4-й ст.; но, по усиленной просьбѣ, возвратилъ ему крестъ и Кириловъ спряталъ его за галстухъ. Этотъ разсказъ слышали мы отъ него самаго. Оба маіора выздоровѣли; имъ сшили коричневаго цвѣта сюртуки съ красными воротниками. Кириловъ щеголялъ безпрепятственно въ своемъ орденѣ. Они познакомились и посѣщали часто кружекъ приверженныхъ законному правительству жителей, въ числѣ коихъ былъ и мой отецъ. Кириловъ въ особенности любилъ и баловалъ меня, какъ смѣлаго мальчика.

Въ роковую для непріятеля ночь, съ 7-го на 8-е ноября, были эти два маіора спрятаны въ одномъ изъ подваловъ дома, занимаемаго отцомъ моимъ, и тамъ пробыли они до вступленія нашихъ войскъ. Вышедши изъ подвала, Кириловъ и его товарищъ взяли меня съ собою и мы трое встрѣтили казаковъ криками „ура!“ Надобно упомянуть, что, по выходѣ французовъ, бродили по городу до прихода русскихъ нѣсколько польскихъ отрядовъ; они, и въ особенности бывшій прежде въ Могилевѣ квартальный надзиратель X., заботился усердно отыскиваніемъ тѣхъ маіоровъ, однако, къ счастію, безъ успѣха.

Послѣ поспѣшнаго выступленія непріятеля, много лазаретовъ осталось съ больными и ранеными: домъ губернатора, зданія присутственныхъ мѣстъ и наша гимназія были наполнены ими. Часто бѣгалъ я въ лазаретъ, помѣщавшійся въ гимназіи, смотрѣлъ на дѣлаемыя операціи раненымъ; а болѣе бродилъ по офицерскимъ палатамъ и писывалъ за нихъ такъ называемыя Bon, т. е. требованія провизіи изъ провіантскаго склада.

Администрація французовъ въ Могилевѣ состояла изъ губернатора маркиза Делормъ, старшаго директора госпиталей Вербуа (Verbois) и интенданта; о другихъ лицахъ не упомню. Была еще учреждена родъ Garde nationale изъ разной сволочи, подъ командою

одного туземнаго чиновника. Господинъ этотъ имѣлъ страсть отрубать у двуглавыхъ орловъ, бывшихъ на вывѣскахъ или зерцалахъ, по одной головѣ, и дѣлалъ даже предложеніе—свергнуть двуглаваго орла съ высокаго шпиля ратуши, куда онъ не могъ добраться выстрѣломъ изъ пушки, въ чемъ, однако, ему было отказано.

При сборѣ французовъ выступать, вспомнилъ отецъ мой о цѣнной книгѣ, взятой у него для прочтенія однимъ изъ младшихъ директоровъ госпиталей, и послалъ меня къ нему въ іезуитскій кляшторъ; не найдя его тамъ, былъ я посланъ отцомъ къ директору Вербуа съ просьбою выручить, чрезъ посредство его, ту книгу отъ его подчиненнаго, что и было обязательно исполнено. Вербуа проѣзжалъ къ сбору мимо нашей квартиры и, увидавъ меня, спросилъ: „доставлена-ли книга?"

Французы вообще вели себя благонравно и не было ропота на нихъ; они не отказывали обывателямъ, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ, ставить къ нимъ свою охранную стражу. Въ день сраженія подъ Могилевымъ, 11-го іюля, были даже двое солдатъ разстрѣляны, будто за побои своихъ хозяевъ, принесшихъ жалобы Даву. Трупы разстрѣлянныхъ солдатъ я видѣлъ самъ.

Нѣмецкихъ войскъ проходило немного,—видѣлъ я изъ нихъ нѣсколько конныхъ—въ красныхъ и бѣлыхъ мундирахъ; но ласковаго обращенія съ жителями за ними не замѣчали. Проходили тоже австрійскія войска, всѣ въ бѣлыхъ куртках, и у нихъ были чрезвычайно длинныя пушки. Польскія войска, особенно оставшіяся послѣ ухода французскаго гарнизона (3-го пѣхотнаго полка), не мало причиняли обидъ жителямъ; какъ примѣръ, упомяну, что четверо пѣхотинцевъ ворвались къ намъ въ домъ, потребовали денегъ и бѣлья, разложеннаго тогда на столахъ; будучи удовлетворены, угрожали, однако, возвратиться въ бо́льшемъ числѣ и перевернуть все верхъ дномъ, какъ они выразились. Впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть и о благородномъ поступкѣ въ то же время одного уланскаго вахмистра, прежде у насъ квартировавшаго, который, подъѣхавъ, совѣтовалъ отцу моему спрятать, что имѣетъ цѣннаго, ибо солдаты шалятъ. Кончилось, однако, тѣмъ, что общаго грабежа не было; однѣ лишь лавки евреевъ были взломаны и товары расхищены или разбросаны.

Кстати о евреяхъ: они во время пребыванія французовъ старались въ разговорахъ избѣгать русскаго языка и объяснялись преимущественно по-польски, даже русскія деньги принимали только со скидкою. По изгнаніи же непріятеля все измѣнилось,—стали говорить по-русски и иностранная монета потеряла у нихъ нормальную цѣну.

15-го августа 1812 г., въ день имянинъ Наполеона, въ Могилевѣ

было большое торжество въ каѳедральной католической церкви; во всю церковь, чрезъ дворъ ея и вдоль площади, стояло въ двѣ шеренги войско. Въ этотъ же день всѣ жители были вынуждены присягнуть на подданство Наполеону.

Вскорѣ послѣ изгнанія непріятеля и вступленія нашихъ храбрыхъ войскъ, стали прибывать въ городъ партіи плѣнныхъ непріятелей и размѣщаться кое-гдѣ; между прочимъ, въ пустомъ просторномъ, съ выбитыми стеклами, домѣ прокурора Ваккора, не вдалекѣ отъ нашей квартиры. Тамъ на обширномъ дворѣ видѣлъ я много замерзшихъ тѣлъ, сваленныхъ въ кучу, изъ которой потомъ вывозили ихъ за городъ и жгли.

К. К. Арнольди.

Подполковникъ Гебель.

1825 г.

Въ „Русской Старинѣ“, изд. 1873 г. (т. VII, стр. 653) помѣщена біографія Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, составленная г. Баласомъ, гдѣ онъ весьма невыгодно и вмѣстѣ неправильно отзывается о генералѣ Гебелѣ, моемъ отцѣ, бывшемъ въ 1825 году подполковникомъ [1]).

Насколько отецъ мой былъ ненавидимъ или любимъ своими подчиненными, это трудно теперь доказать, такъ какъ розыскивать его сослуживцевъ и собирать о немъ отзывы поголовно—немыслимо (онъ не только давно вышелъ въ отставку, но и давно умеръ), а другихъ источниковъ я пріискать не могу. Положиться же въ этомъ случаѣ на мнѣніе одного Мат. Ив. Муравьева-Апостола тоже едва-ли будетъ справедливо; а для того, чтобы сдѣлать положительный на этотъ счетъ выводъ, надо имѣть возможность на что-нибудь сослаться, опереться на что-нибудь болѣе доказательное. Г. Баласъ самъ жалуется на разнорѣчивые толки, которые не позволяютъ ему твердо остановить-

[1]) Постоянно, руководясь при изданіи «Русской Старины» полнѣйшимъ безпристрастіемъ, мы не считаемъ себя вправѣ не помѣстить возраженія г-жи Гебель на статью г. Баласа. При этомъ, однако, замѣтимъ, что нѣкоторые факты въ настоящемъ возраженіи совершенно противорѣчатъ тѣмъ извѣстіямъ, которыя сохранены о событіяхъ 1825 г. вполнѣ достовѣрными свидѣтелями того времени: такъ напримѣръ, увѣренія, приводимыя здѣсь, поручика Липина о томъ, будто Сергѣй Муравьевъ хотѣлъ бѣжать послѣ неудачной стычки, при чемъ будто-бы свой же солдатъ проколол ногу его лошади (стр. 240), не могутъ быть вѣрны. Извѣстно, что Сергѣй Муравьевъ, сильно раненый въ бою, палъ безъ чувствъ, что онъ лежалъ, какъ бездыханный трупъ, и это зрѣлище вызвало самоубійство его брата Ипполита. Въ такомъ положеніи могъ-ли С. И. подниматься на лошадь, которую, по увѣренію поручика Липина, ему будто бы подвелъ Бестужевъ-Рюминъ? Ред.

ся на чемъ-нибудь положительномъ; а что М. И. Муравьеву въ воспоминаніяхъ его о событіяхъ 1825 г. память измѣняетъ, это доказывается тѣмъ, что, по его показанію, въ „Рус. Арх." за 1871 г. (стр. 0232) сказано, что Гебель не былъ вовсе раненъ, что раны, о которыхъ говорится въ донесеніяхъ, положительная ложь; между тѣмъ, какъ по всѣмъ другимъ извѣстіямъ о томъ же событіи ясно говорится о ранахъ, нанесенныхъ Гебелю при арестѣ Муравьева, а въ указѣ объ его отставкѣ раны эти даже поименованы. Тотъ же разладъ замѣтенъ и въ послѣдующихъ показаніяхъ; но г. Баласъ, не заботясь о добромъ имени мало интересущихъ его людей, очень безцеремонно пополняетъ ихъ собственными соображеніями, основанными часто только на теоріи вѣроятности.

Понятно, что М. И. Муравьевъ, разсказывая событія, въ которыхъ братъ его былъ главнымъ дѣятелемъ, желалъ отстранить отъ него все, могущее бросить хотя легкую тѣнь на его память,—и потому дѣластъ его невиновнымъ въ участи, постигшей моего отца. Въ запискахъ, помѣщенныхъ въ „Рус. Арх." (стр. 270), сказано, что оба Муравьевы присоединились къ нападающимъ на моего отца и что если онъ не погибъ окончательно, то этимъ обязанъ былъ общему смятенію и тѣснотѣ мѣста; въ добавокъ, открытая дверь позволила ему выскочить изъ избы. Я не помню, чтобы отецъ говорилъ когда-нибудь, чтобы Муравьевъ нападалъ на него; но не говорилъ также, чтобы онъ сдѣлалъ малѣйшее усиліе остановить нападавшихъ. Выскакивать изъ окна Муравьеву было не зачѣмъ, такъ какъ схватка происходила въ избѣ; это отецъ мой, спасаясь отъ убійцъ, выскочилъ изъ окна, защищаясь своей шпагою; онъ дѣйствительно обязанъ былъ спасеніемъ тѣснотѣ, которая позволила ему приблизиться къ окну и лѣвой рукой за спиной толкнуть окно,—по счастью, оно едва держалось и при толчкѣ вылетѣло совсѣмъ. Это дало ему возможность выпрыгнуть изъ окна,—и тогда онъ уже только думалъ о спасеніи, такъ какъ нечего было помышлять противостоять одному цѣлой толпѣ нападающихъ. На дворѣ они попробовали-было продолжать нападеніе, схвативъ составленныя въ козла ружья и дѣйствуя прикладами, и приглашали даже солдатъ присоединиться къ нимъ, но солдаты не послушали ихъ, а отецъ мой спасся бѣгствомъ. Непонятнымъ можетъ показаться только, какъ, получивъ столько ранъ, могъ онъ бѣжать; но отецъ самъ объяснялъ это горячечнымъ проявленіемъ силы, которая иногда на нѣсколько минутъ сказывается въ людяхъ, даже очень больныхъ и слабыхъ, но находящихся въ возбужденномъ состояніи.

Не знаю, отъ какихъ бѣдъ Сергѣй Ивановичъ спасалъ моего отца, но знаю, что онъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и часто

пользовался его гостепріимствомъ. Муравьевъ-Апостолъ имѣлъ вліяніе на офицеровъ и могъ бы спасти отца, но не сдѣлалъ этого. По прибытіи въ Васильковъ, Сергѣй Ивановичъ не посылалъ никого къ моей матери, какъ говоритъ Матвѣй Ивановичъ („Рус. Арх.", стр. 669). Онъ самъ лично отправился къ ней. Мать не разъ разсказывала намъ, какое ужасное впечатлѣніе произвелъ на нее видъ приближавшейся къ полковой квартирѣ толпы взбунтовавшихся солдатъ и присоединившейся къ ней пьяной черни. Отправивъ ранѣе дѣтей съ нянькой въ домъ городничаго, какъ болѣе вѣрное убѣжище, мать одна осталась съ отцемъ, лежавшимъ безъ движенія и сознанія. Она заперла дверь, ведущую въ его комнату, и сама стала у наружной, тоже запертой, двери, съ твердымъ намѣреніемъ не впускать по доброй волѣ никого. Муравьевъ не зналъ, куда отецъ послѣ схватки дѣвался, что съ нимъ произошло и какимъ образомъ доставленъ онъ былъ къ себѣ домой. Успокоивать мать на счетъ его дальнѣйшей участи было не зачѣмъ, такъ какъ дальнѣйшая участь его была въ волѣ Божьей,—не отъ Муравьева же зависѣло возвратить ему жизнь и здоровье. Развѣ вмѣнить ему въ заслугу, что онъ не захотѣлъ окончательно доканать полумертваго человѣка. Когда мать спросила, не затѣмъ-ли онъ ее требуетъ, чтобы она открыла ему дверь, онъ сказалъ: „Простите и не обвиняйте меня,—вѣрьте, что безъ этого нельзя было; караулъ, приставленный къ дому вашему, не позволитъ никому безпокоить васъ; выдайте намъ только полковой ящикъ—это необходимо". Вотъ главная причина его прихода: ему деньги нужны были, такъ какъ онъ не однимъ нравственнымъ вліяніемъ, но и деньгами дѣйствовалъ. (Въ рапортѣ подполковника де-Юнкера сказано: „подполковникъ Муравьевъ не щадилъ денегъ, чѣмъ много привязалъ къ себѣ сообщниковъ и нижнихъ чиновъ). Отрицая раны моего отца, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ не желаетъ-ли дать понять, что, будучи здравъ и невредимъ, отецъ сидѣлъ покойно у себя въ квартирѣ, пока безпорядки происходили въ его полку, и что Сергѣй Ивановичъ, поставивъ къ его дому оберегательный отрядъ и суля ему безопасность, платилъ тѣмъ за его бездѣйствіе? Трудно иначе согласить эти два положенія: отсутствіе ранъ и успокоеніе матери на счетъ участи отца, когда отецъ былъ у матери въ домѣ и Муравьевъ не могъ этого не знать. Всѣ тѣ, которые знали моего отца, могли бы засвидѣтельствовать, что онъ не былъ способенъ на подобный поступокъ.

Далѣе г. Баласъ, чтобы объяснить себѣ, кажущееся ему безпричиннымъ и непонятнымъ, нападеніе офицеровъ на моего отца, не задумываясь клеймитъ его ненавистью солдатъ и грубымъ обращеніемъ съ офицерами. Если при подобномъ обвиненіи можно до-

вольствоваться собственными предположеніями, отчего не допустить, что окружающіе Муравьева друзья и сообщники хотѣли просто спасти его отъ ареста; а для этого, если бѣгство невозможно, кратчайшій путь—избавиться отъ арестующаго, будь онъ любимъ офицерами, или нѣтъ. Отецъ въ разсказахъ не разъ съ большимъ чувствомъ вспоминалъ, что изъ солдатъ, не смотря на подстрекательство офицеровъ, ни одинъ не поднялъ на него руку. Онъ присланъ былъ командиромъ въ этотъ полкъ, чтобы подтянуть его (какъ сказано въ Запискахъ Александра Гебеля). По распоряженію начальства, онъ обязанъ былъ быть съ солдатами строже обыкновеннаго; должно быть, въ исполненіе своей обязанности онъ внесъ замѣтную даже для солдатъ долю гуманности, такъ какъ они не воспользовались представлявшимся случаемъ выказать ему недоброжелательство, или озлобленіе. Да если бы они, увлеченные общимъ движеніемъ, и бросились на него вмѣстѣ съ другими, можетъ быть, и тогда нельзя было бы объяснить это ненавистью къ нему. Муравьева любили, а между тѣмъ, какъ видно изъ рапорта поручика Лишина, при стычкѣ при селеніи Ковалько, происшедшей между его отрядомъ и тремя эскадронами принца Оранскаго гусарскаго полка, его собственные солдаты возстали же противъ его распоряженій: когда были сдѣланы по нимъ выстрѣлы картечью и Муравьевъ, раненый въ голову, упалъ,—Бестужевъ-Рюминъ далъ ему свою лошадь; но когда нога его была уже въ стремяни, солдатъ его же команды проткнулъ штыкомъ ногу лошади, сказавъ: „Вы насъ обманули, отвѣчайте одни,—ни съ мѣста!" Вѣдь и на этой выходкѣ солдата можно бы построить кое-какіе выводы, умѣряющіе степень, если не расположенія, то довѣрія солдатъ къ Муравьеву; но, не обладая смѣлостью соображеній г. Баласа, я не позволю себѣ видѣть въ поступкѣ солдата признакъ чего-нибудь положительнаго; это могло быть безсознательное движеніе страха при видѣ угрожавшей опасности.

Отецъ въ достаточной степени могъ пользоваться уваженіемъ офицеровъ; но Муравьевъ былъ умный, увлекательный человѣкъ; тайныя общества были въ модѣ, молодежь видѣла въ его пропагандѣ романическую, обольстительную форму: могъ-ли отецъ мой удержать ихъ въ границахъ благоразумія? Приставъ къ Муравьеву, они должны были стать противъ отца, такъ какъ склонить его въ свою сторону они не могли. При арестѣ Муравьева не отецъ мой офицеровъ, но, напротивъ, офицеры его оскорбили; а потому безразсудно взваливать на него отвѣтственность за возмущеніе Черниговскаго полка, слѣдствіемъ котораго было такъ много жертвъ. Изъ рапорта подполковника Волынскаго пѣхотнаго полка де-Юнкера видно, что приведеніе въ

дѣйствіе заговора было назначено на 1-е января; значитъ, заговоръ возмущенія существовалъ, значитъ, разсказы М. И. Муравьева, что возстаніе было не предвидѣно, не приготовлено и только оказалось свершившимся фактомъ вслѣдствіе грубости моего отца, должны рушиться [1]). Можетъ быть, не грубость отца, а арестъ Муравьева заставилъ возмущеніе обнаружиться ранѣе назначеннаго срока; но отецъ мой исполнялъ не свою волю, а только данное ему приказаніе. Онъ самъ едва не палъ жертвой исполненія своего долга. Запрещая разговаривать съ арестантами, онъ соблюдалъ существующій законъ, а не выдумывалъ собственныя правила. Жаль, что г. Баласъ не пожелалъ ознакомиться съ документами, на которые я ссылаюсь при моемъ опроверженіи [2]); мнѣ не пришлось бы ничего опровергать, а ему не пришлось бы чернить до сихъ поръ ничѣмъ незапятнанную память моего отца.

Въ заключеніе позволю себѣ прибавить, что трудно допустить, чтобы ненависть могла быть возбуждена человѣкомъ, который въ продолженіи десяти лѣтъ (послѣ своей отставки) управлялъ имѣніемъ, доставшимся ему отъ его родственника въ Могилевской губерніи, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, уважаемый всѣми, какъ человѣкъ добрый и особенно правдивый, бывшій благодѣтелемъ своихъ крестьянъ, которыхъ онъ надѣлялъ хлѣбомъ и рабочимъ скотомъ, и за которыхъ бо́льшею частью уплачивалъ подати изъ собственнаго пенсіона, за недостаточностью доходности его имѣнія, какъ и всѣхъ могилевскихъ имѣній вообще. Всѣ знали его возвышенныя понятія о долгѣ, чести и гуманности, которыя поддерживали въ немъ, несвойственную при старческой опытности, вѣру въ добро и людей, которыя не разъ дѣлали его жертвой обмановъ и надувательствъ. Трудно допустить, чтобы подобная личность была ненавидима подчиненными.

Эмилія Гебель.

Кіевъ. Іюнь 1873 г.

Библіографамъ.

I.

Въ отвѣтъ на приглашеніе сообщить свѣдѣнія или самые журналы XVIII в., поименованные мною въ «Русской Старинѣ» 1873 года (кн. IV, стр. 582, и кн. V, стр. 733), я имѣлъ удовольствіе получить сообщенія и самыя книги:

1) Отъ Ореста Сергѣевича Балкъ (изъ Новой Ладоги) предложеніе доста-

[1]) Въ запискахъ Александра Гебеля («Рус. Арх.», стр. 1718) описано подробно, какъ часовой въ палаткѣ, гдѣ былъ Муравьевъ съ офицерами, подслушалъ ихъ толки о заговорѣ, въ которыхъ рѣшено было отца моего, какъ препятствіе, привести въ жертву. О какомъ же заговорѣ рѣчь? не о томъ-ли, который М. И. Муравьевъ называетъ непредвидѣннымъ, неприготовленнымъ и т. д.? Э. Г.

[2]) См. «Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 1728. Э. Г.

вить мнѣ нѣкоторые журналы, имѣющіеся въ его библіотекѣ; но таковые были мною получены ранѣе изъ библіотеки г. Черкесова.

2) Отъ А. И. Кузьмина разъясненіе о сомнительныхъ журналахъ; свѣдѣнія эти, впрочемъ, мнѣ уже были извѣстны.

3) Отъ Леонида Николаевича Трефолева (изъ губернскаго города Ярославля), выписку изъ продолженія «Уединеннаго Пошехонца» 1786 года, страницы отъ 770 по 782, которою оканчивается полный годъ. При этомъ имъ же сообщено мнѣ полное содержаніе журнала, въ библіографіи вовсе неизвѣстнаго, издававшагося также въ Ярославлѣ и служившаго продолженіемъ предъидущему, а именно: «Ежемѣсячныя сочиненія на 1787 годъ»; г. Трефолевъ о журналахъ этихъ составилъ подробную библіографическую замѣтку, которая будетъ напечатана въ «Трудахъ Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета».

4) Письмо (по городской почтѣ, за подписью, которую мы не могли разобрать), въ разъясненіе нашего сомнѣнія относительно существованія нѣкоторыхъ журналовъ, указанныхъ въ словарѣ Толя; изъ числа замѣчаній этихъ, мы можемъ воспользоваться и провѣрить на самой книгѣ существованіе: «Музыкальнаго увеселенія»—1774 г., издававшагося Керцеліемъ (покорнѣйше просимъ, у кого окажется это изданіе, доставить намъ экземпляръ онаго или сообщить полныя библіографическія о немъ свѣдѣнія); объ этомъ изданіи есть указаніе въ библіографіи Сопикова, подъ № 6,331, но не какъ о журналѣ, а какъ объ отдѣльной книгѣ.

5) Письмо и книгу въ даръ (изъ Орла, подпись письма, къ сожалѣнію, мы никакъ не могли разобрать) подъ заглавіемъ: «Городская и Деревенская библіотека», часть IV, о которой мы просили и предложеніе другихъ журналовъ, но которые были уже мнѣ извѣстны.

Всѣмъ поименованнымъ лицамъ и корреспондентамъ, скрывшимъ свои фамиліи, долгомъ считаю принести глубочайшую благодарность за ихъ сочувствіе и вниманіе къ нашему библіографическому труду, приготовляемому нами къ изданію. Вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ гг. любителей старинныхъ книгъ и владѣльцевъ библіотекъ сообщить, чрезъ посредство «Русской Старины», свѣдѣнія по прочимъ моимъ библіографическимъ запросамъ, помѣщеннымъ на страницахъ этого журнала (т. VII, стр. 582 и 733).

А. Н. Неустроевъ.

II.

Въ «Русской Старинѣ» 1873 г. (т. VII) сдѣланъ вопросъ, у кого имѣются наибольшія собранія періодическихъ русскихъ изданій?

Если 225 названій, заключающихъ въ себѣ 723 нумера русскихъ журналовъ, полныхъ и не полныхъ годовъ, можетъ назваться значительнымъ, то таковое имѣется у меня, въ Кіевѣ, при содержимомъ мною съ 1843 года кабинетѣ чтенія «Фениксъ».

Собраніе это я, при случаѣ, не упускаю пополнять, но съ сожалѣніемъ скажу, что иногда, при назначеніи выгодной цѣны, и сбываю его по частямъ.

Желающіе могутъ, не выѣзжая изъ Петербурга, познакомиться не только съ моимъ собраніемъ журналовъ, но и самыхъ книгъ, обратясь лишь съ просьбою къ начальству Императорской Публичной Библіотеки о показаніи тѣхъ 163 списковъ, заключающихъ свыше 7,300 названій книгъ, журналовъ, брошюръ

и листовъ, кои я представилъ къ нему разновременно въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ и изъ коихъ оно уже выбрало для себя до 1,500 названій, Библіотекѣ необходимыхъ, какъ у нее недостававшихъ.

Павелъ Должиковъ.

Кіевъ.

Замѣтки и поправки.

Въ статьѣ г. Баласа «С. Муравьевъ-Апостолъ», помѣщенной въ майской книгѣ журнала «Русская Старина» 1873 г., я нашелъ на страницѣ 675 слѣдующія ошибки:

1) Верховный уголовный судъ высочайшимъ манифестомъ утвержденъ не 1-го іюля, а 1-го іюня.

2) 10-го іюля состоялся не приговоръ верховнаго уголовнаго суда, а высочайшій указъ, которымъ, опредѣленныя верховнымъ уголовнымъ судомъ, наказанія для 120-ти преступниковъ, большею частью съ измѣненіями, утверждены только для 115-ти преступниковъ (а именно: наказаніе для 91-го—облегчены, для 23-хъ—оставлены, согласно приговору верховнаго уголовнаго суда, безъ измѣненія, и 1-му — увеличено); объ остальныхъ же пяти преступникахъ (въ томъ числѣ и о С. И. Муравьевѣ-Апостолѣ), которыхъ верховный уголовный судъ приговорилъ къ четвертованію, въ означенномъ выше указѣ сказано только слѣдующее: «ст. XIII. Наконецъ участь преступниковъ, здѣсь не поименованныхъ, кои, по тяжести ихъ злодѣяній, поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненій съ другими, предаю рѣшенію верховнаго уголовнаго суда, и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится».

3) 11-го іюля состоялось не высочайшее повелѣніе, а рѣшеніе верховнаго уголовнаго суда о пяти преступникахъ, на основаніи ст. XIII указа отъ 10-го іюля.

Сообщ. **Александръ Повало-Швыйковскій.**

Въ VII томѣ «Русской Старины» (изд. 1873 г.), на стр. 56, напечатано: III-й портретъ Бирона гравировалъ Вортманъ.... читай: III-й портретъ Бирона гравированъ Ив. Соколовымъ съ оригинала Каравака (см. каталогъ портретовъ Д. А. Ровинскаго, стр. 23).

Въ VII т. «Русской Старины» 1873 г. (стр. 589), напечатано: коцапы (бородачи).... читай: кацапы (козлы)....

„Русская Родословная книга“.

Дополненія и поправки.

Выпуская въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году «Русскую Родословную книгу», первый томъ обширнаго труда одного знатока и любителя отечественной исторіи и генеалогіи, мы заявили, въ предисловіи, желанія наше и собирателя книги—имѣть дополненія и поправки къ вошедшимъ въ нее родословіямъ русскихъ фамилій. Просьба наша не осталась въ тунѣ. Собиратель «Русской Родословной книги» и редакція «Русской Старины» получили и продолжаютъ получать дополнительныя, историческія и генеалогическія, нерѣдко весьма интересныя и обширныя, свѣдѣнія, которыя и будутъ напечатаны во второмъ томѣ означеннаго труда.

Между тѣмъ, съ чувствомъ глубочайшей признательности, долгомъ считаемъ поименовать здѣсь лицъ, сообщившихъ частью дополненія и поправки къ «Русской Родословной книгѣ», частью совершенно новыя родословія:

Л. П. Батюшковъ, баронъ Бистромъ, М. Ѳ. Бороздинъ, баронъ

Ѳ. А. Бюлеръ, В. Н. Демидовъ, Г. В. Есиповъ, Дм. Жуковъ, А. А. Маринъ, гр. Г. А. Милорадовичъ, Н. П. Розановъ, Н. Ѳ. Самаринъ и Г. И. Студенкинъ.

Ред.

Сытной рынокъ въ Петербургѣ.

Въ «Русской Старинѣ», въ статьѣ «Егоръ Столѣтовъ» я нашелъ опечатку, которую желательно исправить; напечатано: «Столѣтовъ былъ обезглавленъ 12-го іюля 1736 года на Петербургской сторонѣ, у нынѣшняго Александровскаго рынка, на площади Сытнаго рынка», слово: рынка, слѣдуетъ замѣнить словомъ: парка. Кстати замѣчу: наименованіе Сытнаго рынка (какъ я самъ слышалъ отъ стариковъ-торговцевъ) произошло отъ того, что прежде на мѣстѣ нынѣшняго Сытнаго рынка была конная площадь (а на конной и эшафотъ) и первоначально, то есть, еще до основанія рынка, въ конные дни по большей части женщины — для приходящаго простаго народа — торговали, между прочимъ, съѣстными припасами, больше всего овсянымъ киселемъ, а для прихлѣбки разводили водой мёдъ и это называется сыта́ (настоящее имя Сытнаго рынка). Старый Сытной рынокъ—неизвѣстно когда былъ построенъ и занималъ часть нынѣшняго Александровскаго парка, Кронверкскій проспектъ и мѣсто нынѣшняго рынка, но сгорѣлъ 5-го авг. 1816 г., а взамѣнъ его былъ выстроенъ временной, который за ветхостью сломанъ въ 1866 г. Нынѣшній новый Сытной рынокъ построенъ восемь лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ сгорѣвшаго стараго, но нѣсколько дальше отъ Кронверка.

Николай Сажинъ,

торговецъ на Сытномъ рынкѣ, лавки №№ 58 и 59.

Вопросы.

Въ послѣдніе годы въ обществѣ довольно живо идетъ подписка на сооруженіе памятника великому нашему поэту Пушкину. Поэтому совершенно кстати спросить: кѣмъ и когда поставленъ былъ въ Царскомъ Селѣ, въ саду бывшаго тамъ лицея,—еще при жизни Пушкина,—камень въ честь этого поэта? На камнѣ врѣзана была надпись: Genio loci (мѣстному генію). Куда и по чьему распоряженію убранъ этотъ камень? Было бы интересно получить отвѣты на эти вопросы, тѣмъ болѣе, что объ этомъ памятникѣ мы не встрѣчали въ печати извѣстія, между тѣмъ какъ сами его видѣли въ 1833 или 1834 году.

А. В. Фр.

Поддѣлка подъ Гоголя.

(Литературный курьозъ).

Въ январьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1872 г. (т. V, стр. 87—117), помѣщены варіанты ко 2-й части «Мертвыхъ Душъ». Давая имъ мѣсто на страницахъ нашего изданія, мы тогда же объяснили, откуда поступила напечатанная нами рукопись.

«Отрывки эти», писали мы, «сохранились въ рукописи, принадлежавшей другу и товарищу Гоголя по воспитанію въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Николаю Яковлевичу Прокоповичу (ум. въ 1857 г.). Рукопись подарена была Прокоповичемъ, на память его сослуживцу по преподаванію въ 1-мъ кадетскомъ кор-

пусѣ, полковнику Н. Ф. Я—му. Полковникъ, живя впослѣдствіи въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, познакомился съ директоромъ училищъ Могилевской губерніи, Михайломъ Максимовичемъ Богоявленскимъ, и, по его просьбѣ, охотно позволилъ снять точную копію съ своего манускрипта. Эту копію М. М. Богоявленскій — нынѣ директоръ С.-Петербургскаго Коммерческаго училища — весьма обязательно предоставилъ намъ напечатать на страницахъ «Русской Старины».

Прошелъ почти годъ. Въ ноябрѣ 1872 г. мы получили отъ Н. Ф. Ястржембскаго рукопись его собственныхъ «Воспоминаній», съ предложеніемъ—напечатать ихъ въ «Русской Старинѣ»; при этомъ въ припискѣ къ письму (отъ 31-го октября 1872 г.) г. Ястржембскій выражалъ удивленіе, какъ М. М. Богоявленскій, безъ его вѣдома и согласія, напечаталъ отрывки «Мертвыхъ Душъ». «А что если отрывки поддѣлка? А въ этомъ я почти не сомнѣваюсь. Н. Я.».

На просьбу нашу разъяснить основанія такого предположенія, г. Ястржембскій отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Могилевъ (губернскій), 13-го февраля 1873 г.

«Милостивый государь, господинъ редакторъ! На письмо ваше отъ 5-го февраля, за № 47-мъ, считаю долгомъ немедленно отвѣтить.

«Вы желаете знать, на чемъ основано мое предположеніе о томъ, что варіанты 2-й части «Мертвыхъ душъ», напечатанные въ «Русской Старинѣ», не принадлежатъ Гоголю.

«Отвѣчаю откровенно: варіанты эти написаны мною, тринадцать лѣтъ тому назадъ; никогда не предназначались къ печати и написаны по особому случаю, который считаю обязанностью разсказать вамъ со всею подробностью.

«Въ 1859 г., проживая въ Могилевѣ, я былъ коротко знакомъ съ М. М. Богоявленскимъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ мы съ нимъ часто спорили о нашихъ литературныхъ знаменитостяхъ. Въ одной изъ подобныхъ бесѣдъ зашла рѣчь о Гоголѣ. Оба мы, и М. М., и я, принадлежимъ къ числу страстныхъ поклонниковъ Гоголя; но М. М. восторгался имъ безусловно, а я, признавая Гоголя великимъ писателемъ за первыя его литературныя произведенія, и въ особенности за 1-ю часть «Мертвыхъ Душъ», негодовалъ за его «Переписку съ друзьями» и за 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ». Помнится, что разъ, въ оживленномъ спорѣ, я сказалъ, что нахожу 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ» крайне неудачнымъ продолженіемъ первой. Я прибавилъ, что у меня есть передѣлка трехъ первыхъ главъ 2-й части, гораздо удачнѣе произведенія Гоголя, и что М. М. не узнаетъ, Гоголь-ли это писалъ или кто другой. М. М. пожелалъ видѣть эту передѣлку, и я обѣщалъ ему отыскать ее въ хламѣ старыхъ бумагъ.

«У меня была рукопись 2-й части «Мертвыхъ Душъ» въ томъ видѣ, въ какомъ впослѣдствіи она напечатана; и я, недовольный этой 2-ю частью, передѣлалъ три первыя главы ея и сообщилъ М. М. Онъ прочелъ и объявилъ, «что это не поддѣлка подъ Гоголя, а самъ Гоголь». Я увѣрялъ его въ противномъ; онъ стоялъ на своемъ и сказалъ, что я грѣшу тѣмъ, что, имѣя у себя такую драгоцѣнность, не предаю ее печати. Я отвѣчалъ, что дорожа, именемъ Гоголя, я не осмѣлюсь никогда выдать за гоголевское то, что принадлежитъ чьему-то досужему перу.

— «Такъ подарите мнѣ эту рукопись: я ее напечатаю».

— «Подарить не могу, а списать копію можете, но съ условіемъ: никогда не печатать.

«Обѣщаніе дано, и копія снята. Подлинникъ остался у меня, и, по желанію вашему, господинъ редакторъ, посылаю его вамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ былъ написанъ, съ помарками и поправками, доказывающими, что статья была написана на-скоро и вовсе не предназначалась къ печати.

«Этимъ дѣло и кончилось. Я не счелъ нужнымъ сказать М. М., что варіанты сдѣланы мною, но положительно увѣрялъ его, что ихъ писалъ не Гоголь.

«Прошло 13-ть лѣтъ, и я позабылъ о существованіи моей рукописи. Каково же было мое удивленіе, когда въ январьской книгѣ «Русской Старины» за 1872 годъ я встрѣтилъ мою статью, напечатанную слово въ слово, съ предисловіемъ отъ редакціи, въ которомъ сказано, что статья сообщена ей М. М. Богоявленскимъ, получившимъ ее отъ полковника Н. Ф. Я—го, т. е. отъ меня, и что самъ я получалъ ее отъ покойнаго Прокоповича. Въ справедливомъ негодованіи на М. М., забывшаго о своемъ обѣщаніи—не печатать эту статью, я хотѣлъ тотчасъ же написать въ редакцію «Русской Старины» и объяснить все дѣло; но удержался, разсчитывая, что читающая публика сама увидитъ неловкость поддѣлки подъ Гоголя и оставитъ ее безъ вниманія. Я ошибся.... Нашлись люди, которые, подобно М. М., не усомнились въ томъ, что варіанты принадлежатъ Гоголю. Въ іюльской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1872 годъ появилась статья г. Чижова, съ весьма серьезнымъ заключеніемъ. Г. Чижовъ видитъ въ этихъ варіантахъ полное отреченіе Гоголя отъ дикихъ идей, высказанныхъ имъ въ «Перепискѣ съ друзьями», и полагаетъ, что эта рѣзкая перемѣна въ Гоголѣ произошла вслѣдствіе извѣстнаго письма къ нему Бѣлинскаго. Онъ думаетъ, что Гоголь, подъ вліяніемъ этого письма, передѣлалъ три первыя главы 2-й части «Мертвыхъ Душъ», и что, вѣроятно, передѣлалъ бы въ томъ же духѣ и остальныя. Онъ видитъ въ варіантахъ мастерскіе эскизы, достойные пера великаго художника, и благодаритъ счастливый случай, давшій возможность заглянуть въ душу Гоголя....

«Шутка зашла слишкомъ далеко, и пора съ нею покончить.

«Я могъ позволить себѣ шутку въ дружескомъ кружкѣ, желая испытать литературное чутье человѣка, изучившаго Гоголя; но я не могу вводить въ заблужденіе читающую публику и выдавать за гоголевское то, что не принадлежитъ ему. Я раскаяваюсь въ моей неосторожной шуткѣ и оправдываю себя только тѣмъ, что я положительно увѣрялъ М. М., что варіанты не принадлежатъ Гоголю.

«Мнѣ кажется, что М. М—чу не слѣдовало печатать сообщенную мною статью безъ моего вѣдома и согласія, и что, печатая ее въ «Русской Старинѣ», онъ поступилъ опрометчиво.

«Вотъ вамъ, милостивый государь, вся истина. Судите, кто изъ насъ двоихъ болѣе виноватъ въ этомъ дѣлѣ: я или М. М. Примите и пр. Николай Ястржембскій».

Вслѣдъ затѣмъ, по нашей просьбѣ, доставлена г. Ястржембскимъ рукопись 2-й части «Мертвыхъ Душъ», съ объясненіемъ (въ письмѣ отъ 22-го февраля 1873 г.), что она списана его рукою, что съ покойнымъ Прокоповичемъ г. Ястржембскій «былъ знакомъ въ сороковыхъ годахъ, по 2-му кадетскому корпусу, гдѣ я преподавалъ механику, а онъ, кажется, русскую словесность. Отъ него я получилъ для списанія 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ», ходившую тогда по рукамъ, въ рукописи. Въ 1859 г., когда зашла рѣчь о 2-й части «Мертвыхъ Душъ» и когда я сказалъ, что М. М. Богоявленскій не узнаетъ поддѣлки подъ

Гоголя, я переписалъ имѣвшуюся у меня рукопись, и на-скоро сдѣлалъ извѣстныя вамъ вставки. Я счелъ неудобнымъ тогда же сознаться предъ М. М. въ мистификаціи, которую онъ могъ бы найти обидною для себя. Я позволилъ ему снять копію съ моей рукописи, взявъ съ него слово, что рукопись никогда не будетъ напечатана».

Рукопись, доставленная г. Ястржембскимъ, составляетъ тетрадь въ форматѣ листа и занимаетъ 74 страницы. Въ нее однимъ и тѣмъ же почеркомъ, и, дѣйствительно, кажется, его рукою, списаны первыя три главы 2-й части «Мертвыхъ Душъ» въ томъ самомъ видѣ, какъ напечатаны онѣ, по копіи М. М. Б—го, въ «Русской Старинѣ». При этомъ весь списокъ г. Ястржембскаго писанъ на одной и той же пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, и безъ всякихъ слѣдовъ вставокъ или помарокъ и передѣлокъ, кромѣ исправленія немногихъ описокъ[1]). Такимъ образомъ, чтобъ устроить свою шутку, г. Ястржембскій, судя по внѣшнему виду доставленной имъ рукописи, долженъ былъ предварительно составить тѣ измѣненія и дополненія, какія имъ признаны нужными, и потомъ своею рукою не только написать всѣ 74 страницы тетради въ листъ, но и «разрѣшить» таковую работу г. Богоявленскому. Какъ ни мало вѣроятною представлялась намъ подобная шутка-monstre, тѣмъ не менѣе мы готовы уже были исполнить заявленное нами г. Ястржембскому желаніе—напечатать весь этотъ курьозъ въ «Русской Старинѣ», какъ вдругъ М. М. Богоявленскій сообщилъ намъ отыскавшееся въ его бумагахъ нижеслѣдующее подлинное письмо г. Ястржембскаго:

«14-го февраля 1861 г., Могилевъ. Дорогой мой Михайло Максимовичъ! Благодарю васъ за письмо. Вы не ошиблись, считая меня въ числѣ лучшихъ вашихъ друзей. Не я одинъ душевно жалѣю о томъ, что вы оставили Могилевъ: многіе раздѣляютъ со мною это сожалѣніе, а дѣти мои, которыя вамъ столько обязаны, вспоминаютъ объ васъ съ сердечною признательностью. Я читалъ письмо ваше къ гимназистамъ. Кто можетъ сказать бывшимъ своимъ подчиненнымъ то, что вы сказали въ вашемъ письмѣ, тотъ имѣетъ право гордиться своимъ прошедшимъ.

«Рукопись я получилъ. Напечатаніе варіантовъ «Мертвыхъ Душъ» предоставляю вашему усмотрѣнію, но прошу васъ при изданіи не упоминать обо мнѣ. Хотя я и получилъ этотъ списокъ отъ покойнаго Прокоповича въ сороковыхъ годахъ, но не вполнѣ увѣренъ, что это сочиненіе самого Гоголя, а вводить публику въ заблужденіе было бы грѣшно.

«Недоброжелатели ваши замолкли. Имъ совѣстно сказать что-нибудь про васъ, когда общественное мнѣніе все за васъ. Не отвергайте существованія этого мнѣнія на Руси, и проч. Любите меня, сколько я васъ люблю. Душевно преданный вамъ Николай Ястржембскій».

Что же все это значитъ?

Въ 1859 году г. Ястржембскій шутитъ, представляя знакомому, глубоко имъ уважаемому, будто-бы свою поддѣлку подъ любимаго автора, для чего не жалѣетъ ни времени, ни труда, и исписываетъ, едва-ли не вдвойнѣ, 74 страницы.

Въ 1861 г., когда, казалось, и время, и разлука должны были положить ко-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ лишь мѣстахъ, и то въ весьма немногихъ, встрѣчаемыя небольшія помарки должны быть приняты за поправки, такъ какъ вмѣсто трехъ-четырехъ словъ, слегка зачеркнутыхъ, стоитъ рядъ другихъ словъ.

Ред.

нецъ шуткѣ, г. Ястржембскій предоставляетъ усмотрѣнію того же «дорогаго и любимаго» знакомаго напечатать эту же поддѣлку, не упоминая лишь о немъ, г. Ястржембскомъ, и положительно свидѣтельствуетъ, что именно этотъ списокъ (т. е. тотъ, который, по копіи принадлежащей г. Богоявленскому, и былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ») полученъ отъ покойнаго Прокоповича, наконецъ, даже указываетъ время—сороковые года—когда это совершилось.

Въ 1873 году г. Ястржембскій печатаетъ внушеніе тому же М. М. Богоявленскому, что «ему не слѣдовало печатать сообщенную мною статью безъ моего вѣдома и согласія, и что, печатая ее, онъ поступилъ опрометчиво».

Во всемъ этомъ есть дѣйствительно какая-то «прискорбная мистификація» со стороны г. Ястржембскаго; но что именно должно отнести къ ней—мы рѣшительно недоумѣваемъ: то-ли, что онъ, по его увѣренію, творилъ въ 1859 г., дополняя и исправляя Гоголя? то-ли, что онъ писалъ г. Богоявленскому въ 1861 г., увѣряя, что именно этотъ списокъ полученъ отъ г. Прокоповича, и что г. Богоявленскій можетъ его напечатать по своему усмотрѣнію, или же, наконецъ, къ области мистификаціи принадлежитъ нынѣ напечатанное покаяніе г. Ястржембскаго «въ неосторожной шуткѣ?»

Съ своей стороны г. Богоявленскій, кромѣ нѣкоторыхъ устныхъ разъясненій происшедшаго эпизода, сообщилъ слѣдующій отзывъ:

Редактору «Русской Старины». «Благодарю васъ за любезное сообщеніе «Литературнаго курьеза»; я вамъ не могу ничего на это сказать, кромѣ того, что уже вамъ мною передано. Развѣ похвастать однимъ, что я открылъ больше, чѣмъ думалъ,—я открылъ Гоголя 2-го. Жаль только, что этотъ прекрасный талантъ обнаружился нѣсколько поздно. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. М. Богоявленскій».

27-го іюня 1873 года.

Недоумѣніе, выраженное нами, г. Ястржембскій старается разсѣять новымъ письмомъ, подобно предыдущему, напечатанному въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1873 г., № 184). Повторяя уже сказанное прежде, г. Ястржембскій пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я положительно утверждаю, что статья, сообщенная мною г. Богоявленскому, написана мною и написана по особому случаю, который я объяснилъ въ письмѣ къ редактору «Русской Старины» отъ 13-го февраля нынѣшняго года. Рукопись 2-й части «Мертвыхъ Душъ», въ томъ видѣ, въ какомъ она ходила по рукамъ, до напечатанія ея въ 1855 году, была мнѣ дана для снятія копіи, въ сороковыхъ годахъ, Н. Я. Прокоповичемъ, и по этой рукописи написана мною статья съ варіантами, сообщенная въ 1859 году М. М. Богоявленскому. Сообщая ее для снятія копіи, я взялъ слово съ М. М. никогда ее не печатать, потому что она не принадлежала Гоголю. Редакція «Русской Старины» напомнила мнѣ одно обстоятельство, о которомъ я-было забылъ за давностью времени. Я вспомнилъ, что дѣйствительно, въ 1861 году, я получилъ отъ М. М. письмо, въ которомъ, между прочимъ, онъ выразилъ желаніе напечатать «интересные варіанты». Помнится, я отвѣчалъ, что предоставляю это его усмотрѣнію, но прошу при изданіи не упоминать обо мнѣ, потому что я не увѣренъ, что это сочиненіе Гоголя, а вводить въ заблужденіе публику было бы грѣшно. Я полагалъ, что сказаннаго будетъ достаточно для удержанія М. М. отъ напечатанія варіантовъ, и что если онъ и рѣшится на это, то непремѣнно заявитъ, что есть сомнѣніе, Гоголь-ли это писалъ, или нѣтъ. Вслѣдствіе этого

г. Богоявленскій не напечаталъ варіантовъ въ 1861 г. Съ тѣхъ поръ я позабылъ и объ нихъ, и о моей перепискѣ по этому поводу. Вотъ почему я былъ пораженъ, когда, черезъ тринадцать лѣтъ, я встрѣтилъ на страницахъ «Русской Старины» не одни уже варіанты, но цѣлую мою статью...... Дорожа истиною, я хотѣлъ тотчасъ-же написать въ редакцію «Русской Старины», но удержался, полагая, что статья будетъ найдена публикою не заслуживающею вниманія. Но когда вслѣдъ затѣмъ появилось мнѣніе литераторовъ, съ серьезнымъ заключеніемъ, что эти варіанты доказываютъ, будто Гоголь, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, отрекся отъ идей, высказанныхъ имъ въ «Перепискѣ съ друзьями»; когда я подумалъ, что это мнѣніе можетъ укорениться въ публикѣ, и, пожалуй, перейдетъ въ учебники,—тогда я счелъ молчаніе преступленіемъ, и разъяснилъ все дѣло редактору «Русской Старины». Онъ просилъ меня прислать ему рукопись, съ которой снималъ копію М. М. Богоявленскій, и я послалъ ее немедленно. Затѣмъ, онъ просилъ позволеніе напечатать мое письмо въ ближайшей книжкѣ «Русской Старины», и я не только позволилъ, но просилъ его объ этомъ».

«Меня могутъ спросить, почему я въ свое время не сознался передъ М. М. въ мистификаціи? На это я отвѣчу, что подобное сознаніе могло бы показаться обиднымъ человѣку, утверждавшему, что онъ изучилъ Гоголя до того, что сразу узнаетъ поддѣлку подъ него. Впрочемъ, я раскаяваюсь въ томъ, что не сдѣлалъ этого сознанія; оно закончило бы мистификацію и не повело бы къ послѣдствіямъ, вызваннымъ напечатаніемъ варіантовъ.

«Съ моей стороны я спрошу: 1) Если г. Богоявленскій не былъ связанъ словомъ, даннымъ въ 1859 году, если онъ находилъ статью заслуживавшею печати, если онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что это произведеніе Гоголя,—почему же онъ не напечаталъ ее, и зачѣмъ въ 1861 г. просилъ позволенія напечатать варіанты? 2) Когда въ 1861 г. ему было предоставлено, относительно изданія варіантовъ, поступить по своему усмотрѣнію, почему онъ не печаталъ ихъ до 1872 года? 3) Почему, сообщая редакціи «Русской Старины» эти мнимо-гоголевскіе варіанты, онъ не сообщилъ ей хотя сомнѣніе, что это не произведеніе Гоголя? 4) Почему редакція «Русской Старины», вызвавшись сама напечатать мое письмо въ ближайшей книжкѣ журнала, не сдѣлала этого въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и не возвратила мнѣ мою рукопись [1])? «Наконецъ, если бы статья моя была спискомъ съ чьей-нибудь рукописи, неужели въ теченіе 13-ти лѣтъ не нашелся бы другой списокъ этой рукописи? Да и могъ-ли бы я рѣшиться выдавать за свое то, что могло быть въ другихъ рукахъ и въ чемъ меня можно было бы легко уличить?

«Я не ищу литературной извѣстности, не придаю никакого значенія написаннымъ мною варіантамъ; удивляюсь, что въ нихъ не узнана сразу неловкая поддѣлка подъ Гоголя. Повторяю уже сказанное разъ: я могъ позволить себѣ шутку съ человѣкомъ, утверждавшимъ, что онъ вполнѣ изучилъ Гоголя, но не могу позволить себѣ мистифицировать публику. Я могу заслужить упрекъ за то, что не сознался совершенно передъ М. М. Богоявленскимъ въ мистифи-

---

[1]) Рукопись послана г. Ястржембскому 30-го іюля текущаго года въ г. Могилевъ. Мы не торопились возвратить ее, дабы имѣть ее въ виду при разъясненіи настоящей мистификаціи. Въ виду могущихъ возникнуть ссылокъ на эту рукопись, въ редакціи составлено подробное описаніе внѣшняго ея вида.
Ред.

каціи, но я рѣшился лучше подвергнуться этому справедливому упреку, чѣмъ оставлять публику въ заблужденіи на счетъ Гоголя».

«Меня могутъ спросить, какимъ образомъ я могъ поддѣлаться подъ Гоголя до того, что многіе не узнали поддѣлки? На это я отвѣчу: Гоголь былъ мой любимый писатель; я долго изучалъ его, я зналъ почти наизусть всѣ его творенія, и въ особенности первую часть «Мертвыхъ Душъ»; я восхищался этою первою частью, и въ то же время страшно негодовалъ на Гоголя за его «Переписку съ друзьями» и за вторую часть «Мертвыхъ Душъ». Подъ вліяніемъ извѣстнаго письма Бѣлинскаго, я часто обдумывалъ, какъ бы слѣдовало передѣлать вторую часть «Мертвыхъ Душъ», чтобъ она сдѣлалась достойнымъ продолженіемъ первой. Еще до прискорбной мистификаціи съ М. М. у меня были наброски вставокъ и передѣлокъ второй части, и я воспользовался ими, когда предстала надобность испытать, до какой степени М. М. изучилъ любимаго имъ и мною автора. Мнѣ не стоило большаго труда передѣлать три первыя главы второй части, и я это сдѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Имѣй я тогда больше времени, я передѣлалъ бы и остальныя главы. Я вставилъ извѣстный въ свое время всему Петербургу анекдотъ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, случившійся въ 1854 году, т. е. послѣ кончины Гоголя. Я заставилъ генерала Бетрищева сказать о Михайловскомъ-Данилевскомъ то, что вмѣстѣ со многими слышалъ въ Витебскѣ, за обѣдомъ, въ 1856 году, отъ одного генерала, участвовавшаго въ отечественной войнѣ, и тоже какъ-то забытаго Данилевскимъ; я описалъ завтракъ у Петра Петровича Пѣтуха со сцены, которой, вмѣстѣ съ другими, былъ свидѣтелемъ здѣсь, въ Могилевѣ, у одного барина-сибарита, любившаго плотно поѣсть и угостить, и хваставшагося тѣмъ, что онъ не знаетъ, что такое скука; я дополнилъ недосказанное у Гоголя примиреніе Тентетникова съ Бетрищевымъ и сватовства Чичикова. Однимъ словомъ, я, а не кто другой, написалъ варіанты, напечатанные въ «Русской Старинѣ».

«На этомъ я стою твердо—и останусь навсегда». Николай Ястржембскій».

Могилевъ, 2-го іюля 1873 г.

Въ новомъ объясненіи г. Ястржембскаго мы находимъ нѣкоторыя противорѣчія съ предыдущими: 13-го февраля онъ писалъ, что вслѣдствіе литературныхъ споровъ съ г. Богоявленскимъ, и желая надъ нимъ подшутить, передѣлалъ 2-ю часть «Мертвыхъ Душъ» и проч., а 2-го іюля мы узнаемъ, что передѣлки эти были уже прежде сдѣланы г. Ястржембскимъ для удовлетворенія собственной художественной потребности—видѣть 2-ю часть поэмы Гоголя болѣе совершенною, и лишь по случаю споровъ съ М. М. Богоявленскимъ были они ему представлены. 2-го іюля 1873 года, г. Н. Я. пишетъ, что передѣлки были сдѣланы по копіи, снятой у г. Прокоповича, а 14-го февраля 1861 года г. Ястржембскій письменно утверждалъ, что именно этотъ списокъ, т. е. со всѣми его варіантами, полученъ имъ отъ Н. Я. Прокоповича..... Не менѣе загадочнымъ остается, не смотря на всѣ объясненія г. Ястржембскаго, какъ могло случиться, что человѣкъ, по лѣтамъ своимъ вполнѣ почтенный, бывшій профессоръ механики, съигравъ шутку въ 1859 г., не только позволяетъ себѣ не разъяснить ее тогда же своему «весьма уважаемому знакомому», а еще письменно усиливаетъ въ немъ это заблужденіе два года спустя; удостовѣреніе г. Ястржембскаго, что именно «этотъ списокъ» 2-й части «Мертвыхъ Душъ» полученъ имъ отъ Н. Я. Прокоповича—давало право М. М. не обратить внима-

нія на бездоказательное сомнѣніе, въ томъ же письмѣ выраженное, что это соч. не самаго Гоголя. На это сомнѣніе г. Богоявленскій потому еще могъ не обратить вниманія, что онъ, какъ положительно удостовѣрилъ насъ 27-го іюня 1873 г., никакихъ литературныхъ споровъ съ г. Ястржембскимъ ни о Гоголѣ, ни о какомъ другомъ писателѣ, въ 1859 г., прежде и послѣ, не имѣлъ; ничѣмъ и никогда онъ не подавалъ повода г. Ястржембскому вводить его въ мистификацію. Г. Ястржембскій очень былъ къ нему любезенъ, предлагалъ ему часто книги, и такъ какъ не всѣ эти книги интересовали г. Богоявленскаго, то г. Ястржембскій предложилъ ему однажды, совершенно случайно, рукопись — то былъ списокъ 2-й части «Мертвыхъ Душъ»; никогда г. Ястржембскій не бралъ съ него слова не печатать оказавшіеся въ спискѣ варіанты, никогда до 1861 г. не заявлялъ сомнѣнія въ томъ, чтобы они не принадлежали Гоголю, а въ 1861 г. весьма обязательно предоставилъ усмотрѣнію М. М. издать эти варіанты, какъ видно изъ приведеннаго выше письма; наконецъ, если М. М. не напечаталъ ни тогда, ни послѣ до 1872 г., снятой имъ копіи 2-й части «Мертвыхъ Душъ» то только потому, что разсказанный въ одномъ изъ варіантовъ анекдотъ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ могъ быть принятъ, хотя конечно ошибочно, за характеристику весьма нѣкогда извѣстнаго и сильнаго, по своему положенію, вельможи, но за нѣсколько лѣтъ до своей смерти оставшагося «не у дѣлъ».... Предоставляя, однако, самому М. М. Богоявленскому, если только онъ пожелаетъ вести эту полемику, отвѣчать г. Ястржембскому, мы отвѣтимъ лишь на вопросъ, собственно къ намъ обращенный, а именно: г. Ястржембскій, хранившій тринадцатилѣтнее молчаніе о своей мистификаціи и за тѣмъ почти годъ не разъяснявшій ее уже послѣ того, какъ «варіанты» были изданы, — ставитъ намъ въ упрекъ, почему мы сами, предложивъ напечатать его покаяніе отъ 13-го февраля 1873 г., не сдѣлали этого въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ?

Отвѣчаемъ: потому, какъ мы уже говорили выше, что отыскавшееся въ бумагахъ М. М. Богоявленскаго письмо — г. Ястржембскаго отъ 14-го февраля 1861 г. своими противорѣчіями съ тѣмъ, въ чемъ онъ увѣрялъ въ «покаяніи» 13-го февраля 1873 г.,— породило въ насъ опасеніе сдѣлаться жертвою какой-нибудь «шутки» со стороны г. Ястржембскаго; вслѣдствіе этого мы рѣшились предоставить ему выступить съ своею исповѣдью на страницахъ другаго изданія, что онъ, впрочемъ, и не замедлилъ сдѣлать.

Какъ бы то ни было, однако, мы приглашаемъ читателей «Русской Старины», хотя бы до поры до времени, а именно впредь до какихъ-нибудь новыхъ данныхъ или могущихъ быть документальныхъ разъясненій этого, вполнѣ оригинальнаго литературнаго случая, признать полковника Н. Я. Ястржембскаго авторомъ напечатанныхъ въ 1872 г. дополненій, передѣлокъ и поправокъ ко 2-й части «Мертвыхъ Душъ» [1]).

Мы, впрочемъ ни сколько не сожалѣемъ, что они изданы, напротивъ, какъ мастерскіе, даже художнически набросанные очерки, они весьма интересны; но ихъ мѣсто не въ первомъ отдѣлѣ нашего журнала, а въ Листкахъ изъ записной книжки «Русской Старины», въ отдѣлѣ курьезовъ, куда бы мы ихъ и

---

[1]) Наиболѣе непреложнымъ документальнымъ разъясненіемъ могъ бы послужить списокъ 2-й части «Мертвыхъ Душъ»—руки Н. Я. Прокоповича, если бы таковой оказался съ тѣми самыми варіантами, авторомъ которыхъ является теперь Н. Я. Ястржембскій. Ред.

помѣстили, если бы только хотя тѣнь сомнѣнія въ томъ, что они принадлежатъ не Гоголю, была бы намъ своевременно заявлена.

Настоящій случай даетъ намъ поводъ указать на одно обстоятельство, на которые мы обращали уже вниманіе читателей, давая имъ, въ январѣ 1873 г., отчетъ въ своей трехлѣтней дѣятельности по изданію «Русской Старины»: всѣ сообщенія, появляющіяся на страницахъ этого ежемѣсячнаго сборника, мы предпочтительно печатаемъ по подлиннымъ рукописямъ; но это не всегда представляется возможнымъ: не рѣдко оказывается, что подлинные манускрипты, либо навсегда утрачены и извѣстны въ обществѣ только по копіямъ, лишь болѣе или менѣе вѣрнымъ, либо хранятся въ недоступныхъ, по чему-либо, архивахъ. Между тѣмъ, по своему интересу и значенію, матеріалы эти могутъ быть на столько важны, что «Русская Старина», вѣрная своей задачѣ изданію любопытныхъ памятниковъ отечественной исторіи и исторіи русской литературы, не вправѣ ихъ не обнародовать. Печатая, такимъ образомъ, матеріалъ иногда по спискамъ, а не по подлинникамъ, мы всегда предпосылаемъ объясненіе, откуда, какъ и въ какомъ видѣ дошли къ намъ издаваемыя рукописи....

Все это было нами выполнено въ январѣ 1872 г. при напечатаніи любопытнаго списка 2-й части «Мертвыхъ Душъ», сообщеннаго М. М. Богоявленскимъ, и, какъ нынѣ разъяснено, введеннаго въ многолѣтній обманъ «душевно его любящимъ и уважающимъ — Николаемъ Ястржембскимъ».

Ред.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Русское общество и литература понесли новую горестную утрату въ лицѣ Ѳ. И. Тютчева, скончавшагося 15-го іюля 1873 г. послѣ продолжительной болѣзни въ Царскомъ Селѣ. Изображеніе этой прекрасной и благородной личности должно составить предметъ обстоятельной біографіи, которая напишется, когда будутъ собраны нужные для того матеріалы. Теперь возможны только краткія о ней замѣтки и выраженія скорби людей, близко знавшихъ ее и свято чтущихъ его память. Пишущій эти строки былъ въ числѣ этихъ людей; въ дни болѣзни покойнаго, онъ часто видѣлся съ нимъ и раздѣлялъ съ нимъ послѣднія, такъ сказать, капли изсякающей жизни.

Тютчевъ принадлежалъ къ числу людей, призванныхъ всѣми свойствами своей души олицетворять собою, поддерживать и возвышать интиллигенцію страны. Это достигается не одними извѣстными спеціальностями занятій; тутъ важны силы, дѣйствующія въ общемъ направленіи всесторонняго прогресса, къ какому только способенъ народный духъ. Умъ возвышенный, обширная и богатая образованность, сердце, горячо преданное отечеству, дѣлали Тютчева вполнѣ способнымъ къ подобной задачѣ. Ему дорогъ былъ каждый успѣхъ всечеловѣческаго ума, знанія, блага; но живѣйшею радостью его сердца было, когда онъ могъ привѣтствовать подобный успѣхъ въ своемъ народѣ. Онъ былъ, какъ говорится, человѣкъ современный; онъ сочувствовалъ всякой научной общественной истинѣ, содѣйствующей облегченію бѣдствій и лучшему устройству человѣческихъ отношеній; но проницательность его ума и зрѣлая опытность указывали ему и на искаженіе этихъ истинъ, на крайности ученій, прикрытыхъ ихъ именемъ, точно также, какъ и на ошибки людей, противящихся осуществленію всякой плодотворной новой идеи подъ предлогомъ опасностей, сопровождающихъ переходъ отъ застоя къ движенію, или

единственно потому, что идея эта новая. Не говоря о служебныхъ и литературныхъ трудахъ Тютчева, довольно привести на память личное значеніе, пріобрѣтенное имъ въ обществѣ, чтобы видѣть, какую высокую степень занималъ онъ посреди него въ умственномъ отношеніи. Есть люди, которыхъ взгляды на вещи, мнѣнія, простая задушевная бесѣда въ кругу людей мыслящихъ составляютъ какъ бы пропаганду ума,— пропаганду всего честнаго и великаго. Образованное общество достойно цѣнитъ это не систематическое, не преднамѣренное, невольное, инстинктивное, такъ сказать, проявленіе высшихъ способностей, вносящихъ въ среду его самымъ уже присутствіемъ своимъ ту силу, свѣтъ и вліяніе мысли, которое характеризуетъ истинную образованность. Вездѣ, гдѣ ни появлялся Тютчевъ, онъ производилъ подобное дѣйствіе. Начиная съ нимъ бесѣду, вы всегда могли быть увѣрены, что услышите или сужденіе правильное и вѣрное о людяхъ и событіяхъ, интересующихъ общество, или тонкое замѣчаніе о какомъ-нибудь общемъ предметѣ, часто новое и оригинальное, или слово мѣтко обозначающее то, что въ устахъ другаго вращалось смутно и темно. Рѣчь его отличалась своеобразнымъ изяществомъ: говоря съ нѣкоторою разстановкою и медленностью, онъ поражалъ васъ или неожиданнымъ блестящимъ оборотомъ, счастливою какою-то находчивостью, или остроумною, тонкою замѣткою на случаи, подлежащіе осмѣянію. Онъ обладалъ при этомъ тою рѣдкою, если можно такъ сказать, любезностію сердца, которое состоитъ не въ соблюденіи свѣтскихъ приличій, хотя ему они очень хорошо были извѣстны, но въ деликатномъ человѣчественномъ вниманіи къ личному достоинству каждаго, къ его праву участвовать въ общемъ обмѣнѣ мыслей, мнѣній и убѣжденій, къ его не злоупотребляемой свободѣ.

Тютчевъ, какъ писатель, глубоко понималъ высокое значеніе литературы. Когда умы заняты рѣшеніемъ важныхъ задачъ практическихъ и къ участію въ общественныхъ интересахъ призываются даровитые дѣятели мысли и слова, тогда инымъ можетъ показаться, что права и самостоятельность собственно изящной литературы должны уступить мѣсто господствующимъ нуждамъ и требованіямъ времени и она остаться въ сторонѣ, чтобы ожидать своей очереди. Но чувство прекраснаго, присущее природѣ разумныхъ существъ, не можетъ угаснуть въ человѣческомъ сердцѣ, или съ нимъ должно было бы угаснуть и художественное творчество и должны были бы изчезнуть съ лица земли всѣ искусства. Чувство прекраснаго само по себѣ есть неотразимая принадлежность всѣхъ временъ и всѣхъ состояній общественности. Иначе пришлось бы утверждать, что кромѣ дикихъ, т. е. людей,

недостигшихъ полнаго человѣческаго сознанія, могутъ существовать такія общества и такія историческія эпохи, отчужденіе которыхъ отъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій они признаютъ основнымъ принципомъ для себя. Въ Тютчевѣ съ духомъ мыслителя гармонически сочеталось чистѣйшее поэтическое настроеніе. Онъ написалъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ все—содержаніе, образы, языкъ свидѣтельствуютъ о высокомъ художественномъ талантѣ. Здѣсь мы не можемъ вдаваться въ разборъ духа, направленія и красотъ его произведеній, и отлагаемъ это до другаго времени. Замѣтимъ только, что при всемъ идеальномъ настроеніи автора этихъ прекрасныхъ созданій, въ нихъ все такъ полно истинъ природы, жизни и сердца человѣческаго, что всякій, въ комъ живо чувство изящнаго, читая ихъ, какъ-будто прислушивается къ голосу, къ біенію собственнаго сердца.

Предметы служебной своей дѣятельности онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ въ широкихъ видахъ общественнаго добра и понималъ связь всякаго вопроса съ высшимъ началомъ, ведущимъ къ этому добру. Онъ обращался всегда къ существенной внутренней сторонѣ дѣла, а не къ буквѣ, которой часто приносятся въ жертву важнѣйшіе интересы общества. Послѣднее время онъ былъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры. Всѣмъ, принимающимъ участіе въ судьбѣ мысли и литературы отечественной, хорошо извѣстенъ его просвѣщенный образъ мыслей относительно дѣлъ печати. Извѣстно, какъ онъ стремился поддерживать и осуществлять охранительныя мѣры въ этой административной сферѣ безъ вреда развитію и распространенію здравыхъ идей, на которыхъ зиждутся умственные и нравственные успѣхи общества.

Нѣсколько мѣсяцевъ Тютчевъ страдалъ жестокимъ недугомъ. Его духовному существу въ это тяжкое время принадлежала только часть его тѣла, другая—была отнята у него параличемъ. Но и среди, можно сказать, развалинъ его физическаго состава, его не покидали ни свѣтлая мысль, ни теплое чувство ко всему прекрасному, ни участіе въ судьбахъ дорогой ему отчизны и всѣхъ близкихъ ему существъ. Только недѣли за двѣ до своей кончины онъ началъ терять сознаніе, и здѣсь происходила уже настоящая борьба со смертью, которой упорно сопротивлялась еще его крѣпкая, хотя и потрясенная натура. Въ дни, предшествовавшіе этому, мы слышали еще изъ устъ его привѣтливыя и трогательныя слова и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передавалъ намъ свою заботу о какомъ-то бѣдномъ сиротѣ, о которомъ онъ просилъ одно высшее начальственное лицо.

Вотъ, можно сказать, предсмертное изліяніе его чувствованій въ

строкахъ, присланныхъ имъ намъ, и начертанныхъ дрожащею рукою, которыя мы съ трудомъ могли разобрать:

Бываютъ роковые дни
Лютѣйшаго тѣлеснаго недуга
И страшныхъ нравственныхъ тревогъ;
И жизнь надъ нами тяготѣетъ
И душитъ насъ, какъ кошемаръ.
Счастливъ, кому въ такіе дни
Пошлетъ всемилосердый Богъ
Неоцѣненный лучшій даръ
Сочувственную душу друга,
Кого живая, чистая рука
Коснется насъ хотя слегка,
Оцепѣненіе разсѣетъ
И сдвинетъ съ насъ ужаснаго кошмара,
И отвратитъ судебъ ударъ.
Воскреснетъ жизнь, кровь заструится вновь
И вѣритъ сердце въ правду и любовь.

За этими стихами слѣдуетъ приписка: „другъ мой, когда я васъ увижу? мнѣ страшно тяжело и грустно“.

А. В. Никитенко.

и пр. имѣютъ своихъ особыхъ исторіографовъ и свои «исторіи»), но изъ исторій отдѣльныхъ княжествъ, научно и подробно разработанныхъ, мы знаемъ за послѣднее время только одну «Исторію великаго княжества Рязанскаго» Д. И. Иловайскаго. Теперь мы можемъ указать на другой (заглавіе выше выписано) и столь же почтенный трудъ молодаго казанскаго ученаго г. Д. Корсакова, весьма удачно обратившаго вниманіе на исторію Ростовско-Суздальской земли. «Путемъ колонизаціи Славянъ среди Мери», говоритъ авторъ, «мало-по-малу стала образовываться та ячейка, которая съ теченіемъ времени выросла въ племя великорусское». Этому положенію отвѣчаетъ первая часть изслѣдованія г. Корсакова, гдѣ авторомъ сгруппированъ матеріалъ для возможнаго впослѣдствіи возстановленія исчезнувшаго народца Мери. Во второй части разсматривается зарожденіе элементовъ гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ до обособленія отдѣльныхъ княжествъ. Въ третьей — изложена исторія старѣйшаго изъ этихъ княжествъ — Ростовскаго. Авторъ въ предисловіи, между прочимъ, скромно замѣчаетъ о недостаточности своихъ собственныхъ силъ для всесторонней разработки исторіи Ростовско-Суздальской земли, почему онъ и долженъ былъ ограничиться на первый разъ очерками изъ исторіи этой земли. Изъ внимательнаго прочтенія первой части изслѣдованія г. Корсакова оговорка эта уясняется. Въ этой части, чисто историко-этнографической, посвященной группировкѣ матеріала для возстановленія Мери, ощущается недостатокъ въ нѣкоторыхъ урочищахъ (овраги, болота, полевые и луговые участки и пр.). Всего этого, вмѣстѣ съ преданіями объ урочищахъ, до сихъ поръ у насъ не только не собрано, но даже и не обращено на это хотя сколько-нибудь вниманія,—вслѣдствіе чего о россійской Ortsnamenlehre и о ея важномъ значеніи для трудовъ историко-этнографическихъ — и рѣчи быть не можетъ. Конечно, это—не вина г. Корсакова. Восполнить этотъ важный пробѣлъ лежитъ на обязанности нашихъ статистическихъ комитетовъ, на совѣсти мѣстныхъ любителей и почитателей старины. Между тѣмъ, трудъ этотъ—совершенно несложный и неголоволомный: собрать по каждому уѣзду безъ исключенія названія всѣхъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ, овраговъ и прочихъ урочищъ, вмѣстѣ съ преданіями, объясняющими происхожденіе названій. Если такой трудъ окажется почему-либо невозможнымъ для статистическихъ комитетовъ, то неужели не найдется въ Россіи по одному образованному на уѣздъ старожилу, который бы рѣшился объѣхать его и добросовѣстно собрать вышепомянутыя свѣдѣнія. Впрочемъ, мы можемъ заявить, что по одному изъ уѣздовъ Рязанской губерніи дѣло это приводится къ концу. Желательно, чтобы нашлись подражатели.

Двѣнадцатый годъ. Три чтенія для народа И. И. Шалфеева. Спб., 1873. Ц. 20 к. Съ 6-ю рисунками.

Эта брошюра, занимательно и толково написанная преподавателемъ одной изъ здѣшнихъ гимназій И. И. Шалфеевымъ, входитъ въ серію «Трудовъ коммиссіи педагогическаго отдѣла музея прикладныхъ знаній по составленію чтеній для народа». Брошюра эта напечатана на хорошей бумагѣ, шрифтомъ четкимъ и снабжена шестью удовлетворительно сдѣланными рисунками (императоръ Александръ I, Наполеонъ I, Кутузовъ, Барклай, бѣгство Французовъ, медаль въ память 1812 года). Въ дѣлѣ составленія «народныхъ чтеній» авторъ—не новичекъ: ему принадлежитъ также разсказъ «Царь Петръ Великій» (Ц. 8 коп.). Въ виду громадной пользы, оказываемой для народа гуманною дѣятельностью почтенной коммиссіи, нельзя не пожелать, чтобы ея «народныя чтенія» какъ можно болѣе обращались и распространялись въ народѣ.

Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ. Составилъ Яковъ Березинъ-Ширяевъ. Спб., 1873.

Еще до этого, г. Березинъ-Ширяевъ издалъ восемь книжекъ «Матеріаловъ для библіографіи» или «Описанія книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя историческихъ наукъ, литературы и художествъ N. N.». Польза описанія частныхъ библіотекъ болѣе чѣмъ очевидна: благодаря изданнымъ каталогамъ гр. Толстаго, Царскаго, Ундольскаго, Кастерина, Каратаева, Ширяева и другихъ, сдѣлалось возможнымъ подробное изученіе нашей старо-печатной литературы, провѣрка пробѣловъ, вновь открываемыхъ книгъ и даже ихъ оцѣнка. Еще болѣе нуждаются въ такихъ описаніяхъ частныя рукописныя собранія. Глядя съ этой точки зрѣнія на тщательный и кропотливый трудъ почтеннаго г. Ширяева, библіофилы будутъ, конечно, весьма благодарны и признательны, тѣмъ болѣе, что изданные теперь «Матеріалы для библіографіи» заключаютъ въ себѣ, помимо подробнаго оглавленія, разныя свѣдѣнія о книгахъ, ихъ содержаніи, біографіи авторовъ, указанія на книги особенно замѣчательныя и рѣдкія. Въ концѣ труда г. Березина-Ширяева помѣщено: алфавитное оглавленіе всѣхъ сочиненій; имена авторовъ, переводчиковъ, художниковъ и граверовъ; списокъ авторовъ, переводчиковъ и пр., о которыхъ помѣщены біографическія свѣдѣнія въ первыхъ восьми книгахъ «Матеріаловъ для библіографіи».

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. **СЕНТЯБРЬ.** 1873 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ этой книгѣ приложенъ портретъ **А. Т. Болотова**, писанъ съ натуры незадолго до его кончины,— гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣряковъ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1873.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. Соч. М. Кояловича. Спб., 1873, 8⁰, XII и 400 стр. Ц. 2 р.

Почтенный трудъ нашего уважаемаго ученаго М. О. Кояловича весь посвященъ XVIII вѣку и оканчивается приговоромъ императора Павла надъ уніей. Въ самомъ началѣ этого труда помѣщено совершенно вѣрное и остроумное замѣчаніе, что исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью начинается не только съ того самаго времени, какъ введена въ польскомъ государствѣ унія, но можно даже сказать, что она началась еще до объявленія уніи. И дѣйствительно: не успѣлъ еще папа Климентъ VIII утвердить и обнародовать унію на Брестскомъ соборѣ 1596 года, какъ два епископа, согласившіеся-было на нее,—Балабанъ и Копыстенскій,—отказались отъ нея; даже и самъ Рагоза, по свидѣтельству современниковъ, умирая, раскаивался въ ней. Въ прекрасномъ изслѣдованіи М. О. Кояловича особенно ярко обрисована дѣятельность Гервасія, Мельхиседека и Виктора Садковскаго. Все сочувствіе автора отдано первымъ двумъ лицамъ, дѣйствія которыхъ были, дѣйствительно, консервативны и благотворны; къ Виктору же Садковскому почтенный авторъ весьма строгъ и доказываетъ, что заботы Садковскаго о statu quo въ отношеніяхъ между православными и уніатами западной Россіи никогда не имѣли успѣха и потому привели его къ злосчастному исходу. Право на такой жесткій приговоръ дали М. О. Кояловичу тѣ документы, еще не обнародованные, которые онъ во множествѣ нашелъ въ трехъ еще непочатыхъ громадныхъ архивахъ: синодальномъ, уніатскихъ митрополитовъ и греко-уніатской коллегіи (эти оба архива хранятся также при синодѣ). Въ исторіи возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ М. О. Кояловичъ различаетъ два направленія: 1) прямое, непосредственное возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью, начавшееся со времени Брестскаго собора, ослабѣвшее къ началу нынѣшняго столѣтія (ему посвящено все изслѣдованіе М. О. Кояловича), и 2) постепенное сближеніе уніатской церкви съ православною, обозначившееся въ половинѣ XVIII вѣка и завершившееся въ западной Россіи возсоединеніемъ уніатовъ въ 1839 году.

По поводу новаго изслѣдованія М. О. Кояловича позволимъ себѣ выразить два наши желанія: 1) чтобы почтенный авторъ, съ такимъ успѣхомъ и любовію изучающій исторію уніатовъ и уже издавшій по этому предмету три тома, достойно закончилъ это изслѣдованіе, доведя его до конца и представя намъ полный очеркъ жизни и дѣятельности почившаго митрополита Іосифа Сѣмашки, и 2) чтобы петербургская археографическая коммиссія обратила свое просвѣщенное вниманіе на то обстоятельство, что болѣе трехъ четвертей изслѣдованія М. О. Кояловича основано еще на неизданныхъ, весьма важныхъ источникахъ, указывающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, какое богатство хранится въ названныхъ выше трехъ архивахъ. Издать тѣ документы, на которые ссылается или въ частяхъ приводитъ М. О. Кояловичъ, положительно необходимо въ интересахъ строгой критики и просто археографіи, и тѣмъ болѣе, что начало подобнаго рода изданіямъ положено первымъ томомъ «Русской Исторической Библіотеки», о чемъ мы уже имѣли случай однажды замѣтить («Р. Ст.» 1872, ноябрь).

Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ. Соч. г. Вейса. Томъ I, часть 1. Москва, 1873, б. 8⁰, XVIII и 387 стр. Ц. 4 р.

Профессоръ Берлинской академіи художествъ, Германъ Вейсъ, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, приступилъ къ выполненію труда, заглавіе котораго выше выписано. Громадный трудъ этотъ нынѣ съ успѣхомъ оконченъ. Онъ распадается на три отдѣла: первый изъ нихъ посвященъ древнему міру, второй — среднимъ вѣкамъ до XIV столѣтія, третій—продолженъ до нашего времени. Все содержаніе внѣшняго быта (Kostümkunde) авторъ подводитъ подъ четыре рубрики: одежду, вооруженіе, постройки и утварь. Сперва авторъ имѣлъ въ виду необходимость такой книги для художниковъ, нуждающихся въ изученіи этого предмета, чтобы они, соблюдая законную свободу, не выходили при этомъ изъ границъ культурно-исторической дѣйствительности; но впослѣдствіи размѣры труда расширились: авторъ задался цѣлью—«вывести развитіе внѣшняго быта изъ мѣстныхъ условій и взаимныхъ отношеній народовъ, и придти этимъ путемъ къ результатамъ, которые имѣли бы значеніе для исторіи культуры». Такимъ образомъ, книга Вейса, оставаясь преимущественно исторіею пластической формы древней жизни, стала какъ бы иллюстрированною исторіею древней культуры. Въ текстѣ перваго отдѣла (или тома) помѣщено около 2,000 отдѣльныхъ изображеній, съ указаніемъ на источники, откуда заимствованы рисунки. Въ русскомъ переводѣ, изданномъ на иждивеніе извѣстнаго московскаго мецената К. Т. Солдатенкова, появилась пока первая часть перваго отдѣла, описывающая внѣшній бытъ восточныхъ народовъ древности: Египтянъ, Эѳіо-

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

1779—1848.

VIII[1]).

За границей.

Кн. П. М. Волконской.—При Люценѣ.—«Повозки для раненыхъ и цѣпь для трусовъ».—Тѣнь Кутузова.—Отступленіе въ Бауцену.—Ермоловъ.—Производство меня въ полковники.—Моро, Жомини и Мишо въ сраженіи при Теплицѣ.—Кульмскій бой.—Толь.—Барклай-де-Толли.—Назначеніе меня шефомъ 13-го егерскаго полка.

1813 г.

Въ Вильнѣ я получилъ чинъ военнаго совѣтника и орденъ св. Анны. Мѣсто Коновницына скоро заступилъ князь Волконскій, а я, по его приглашенію, остался при немъ и сохранилъ вполнѣ всю его довѣренность. Какъ мнѣ казалось, фельдмаршалъ этимъ выборомъ крайне былъ недоволенъ, потому что живой свидѣтель царя могъ ему передавать живую картину фельдмаршала; при томъ, съ нами онъ работалъ, когда хотѣлъ, а съ Волконскимъ работалъ хотя и по неволѣ, но безъ отказа. Къ тому, Волконскій необыкновенно дѣятеленъ и утомлялъ старика многочисленнымъ выслушиваніемъ дѣлъ. Это правда, что дѣла наши летѣли на парусахъ. Да и не мудрено: Волконскій въ одинъ день ѣшалъ то, что до него накоплялось мѣсяцами. Все, что касается о начальника штаба, подписывалъ безъ Коновницынскихъ преисловій; что нужно подносилъ фельдмаршалу, а чего сей не рѣ-

---

[1]) См. I—VII главы въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 125.

шалъ, въ тотъ же день докладывалъ государю. Фельдмаршалу непріятно показалось быть въ зависимости князя Волконскаго. Онъ иногда отдѣльно призывалъ меня и дѣлалъ порученія; но это были метеоры въ сравненіи съ молніями въ бурную погоду. Бурною погодою называю я фабрику, на которой рѣшали мы въ день по 1,000 бумагъ. Я не понимаю, какъ на это доставало одного Волконскаго, который въ сутки могъ объѣздить: фельдмаршала, царя, всѣхъ королей, прочитать и подписать 1,000 бумагъ [1]). Но Кутузову все хотѣлось замѣнить его Оперманомъ. А я думаю, что кромѣ Волконскаго, который, по привычкѣ къ царю, шутя почти работалъ съ нимъ, никому другому не удалось бы двинуть столь быстро застой армейскихъ нашихъ дѣлъ.

До Дрездена дѣла наши шли въ обыкновенномъ быстромъ разливѣ. Но тамъ роскошь, нѣга и земныя удовольствія овладѣли нами. Я здѣсь заболѣлъ; но тоже, что лишило, возвратило и опять силы мои. Пока я былъ болѣнъ, дѣла мои подносилъ князю нѣкто Старынкевичъ. Но довѣренность перваго такъ была ко мнѣ велика, что онъ не подписывалъ ни одного (дѣла), пока я не напишу карандашемъ, что я читалъ и видѣлъ.

Отъ Люцена начинаю я новый періодъ жизни и службы моей. Наканунѣ сего дня, я, по обыкновенію, ѣхалъ къ мѣсту сраженія въ свитѣ царя. Мы проѣхали верхами цѣлую ночь. Отъ слабости здоровья и сырости ночи у меня разболѣлись зубы и сильно опухла щека. Волконскій, увидѣвши меня, ужаснулся. Но я просилъ позволенія быть при немъ въ дѣлѣ. Волконскій долго не вѣрилъ возможности; но уступилъ усиленной моей просьбѣ.

Надобно замѣтить, что это было первое сраженіе, гдѣ по плану моему приготовлены были повозки для раненыхъ и цѣпь— для удержанія трусовъ. Это сдѣлалось впослѣдствіи закономъ и оставило лишнія тысячи въ рядахъ храбрыхъ. Объѣзжая поле сраженія, я замѣтилъ новость въ войнѣ, вызвался самъ осмо-

---

[1]) Мнѣ много способствовало то, что я могъ вдругъ диктовать троимъ набѣло и безъ поправокъ. Это впослѣдствіи дало мнѣ возможность писать все по моей диктовкѣ. Въ поселеніи жена моя исписала такимъ образомъ цѣлые томы и написала всю Турецкую кампанію. С. М.

Рукописный трудъ С. И. Маевскаго: «Исторія турецкой войны» (1808—1812 гг.) занимаетъ семь частей, въ листъ убористаго письма, всего до 1,000 страницъ, съ приложеніями разныхъ документовъ, снимковъ, вѣдомостей и пр. Ред.

трѣть все и устроить все. Князь далъ мнѣ сотню лейбъ-казаковъ и я, осматривая всѣ закоулки, писалъ донесенія князю, а онъ докладывалъ государю. Съ сей минуты я пользовался у него военною довѣренностью и во всѣхъ сраженіяхъ былъ собственнымъ его глазомъ.

Сраженіе сіе сопровождалось большими погрѣшностями. Но армія дѣйствовала тѣнью еще Кутузова, ибо накануне сраженія, адъютантъ Дишканецъ привезъ извѣстіе о смерти свѣтлѣйшаго и она сокрыта была съ величайшею тайною. Такова сила очарованія и общей любви и довѣренности!

Давъ себѣ слово не входить въ отвлеченныя обстоятельства, скажу только то, что видѣлъ собственными глазами и дѣлалъ по собственному побужденію. По случаю смерти Кутузова, государь, кажется, принялъ на себя управленіе театромъ войны. Сильная довѣренность къ генію Толя ручалась за успѣхъ. Но вышло противное: Толь въ тотъ день сильно заболѣлъ и пролежалъ на курганѣ, гдѣ была главная квартира. Князь Волконскій дѣйствовалъ, сколько могъ; но дѣло, ему незнакомое, не шло на ладъ.

Мы пріѣхали къ Люцену тогда, какъ непріятеля вовсе почти не было. Храбрые пруссаки летѣли на бой съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ и очистили всю равнину. Но не было души, управляющей движеніями. Волонтеры бросались на батареи; но, не имѣя штыковъ, отбрасываемы были назадъ. Какой-то пруссакъ съ коннымъ полкомъ стоялъ на 100 шаговъ противъ 4-хъ непріятельскихъ орудій,—и обѣ стороны ни мало не обезпокоивали себя. Волконскій безпрестанно посылалъ меня вводить войска въ бой. Я исполнялъ это съ честью, и съ помощью егерей очистилъ одну изъ 3-хъ укрѣпленныхъ деревень, которая пламенѣла отъ ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ. Здѣсь ранили подо мной лошадь. Я возвращаюсь назадъ и вижу государя за загруднымъ ретраншаментомъ и на пистолетный выстрѣлъ отъ сражающихся. Государь, увидя меня, спросилъ:

— «Маевскій, что тамъ дѣлается?»

— Хорошо, государь, наши егеря дерутся и уже пронеслись на штыкахъ за самую деревню.

Государь, послалъ меня къ Волконскому сказать о семъ успѣхѣ и велѣлъ вводить въ дѣло прибывающіе корпуса. Вол-

конскій возложилъ это на меня, и я до самой ночи вводилъ корпуса: Сен-Пріеста, Коновницына и др.

Изъ-подъ Люцена отступили мы къ Бауцену. Здѣсь я былъ уже въ лицѣ государя. Государь наканунѣ генеральнаго сраженія, почти уже къ вечеру, приказываетъ Волконскому:

— «Волконскій, пошли надежнаго офицера найти передовыя войска и остановить ихъ тамъ, гдѣ онъ ихъ застанетъ».

Волконскій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Маевскій, поѣзжайте: исполните волю государя».

Въ день генеральнаго сраженія подъ Бауценомъ, государь замѣтилъ впереди одну высоту незанятую, хотя подлѣ нее видны были войска. Государь, обращаясь къ Волконскому, сказалъ:

— «Волконскій, пошли отличнаго офицера и прикажи начальнику войска занять эту высоту».

Волконскій повторилъ мнѣ при царѣ вчерашній приказъ, и я вихремъ полетѣлъ къ высотѣ, самъ занялъ ее и устроилъ батарею противъ непріятеля, который, минуту спустя, упредилъ бы наше намѣреніе. Съ утра еще, когда я ѣхалъ въ сраженіе, встрѣтилъ я графа Аракчеева. Онъ подозвалъ меня къ себѣ, говоря:

— «Маевскій, скажите князю Волконскому, что нашъ правый флангъ въ огнѣ и что тамъ, кажется, не очень-то хорошо».

Я сказалъ это замѣчаніе Волконскому; но онъ принялъ его съ ироническою улыбкою. Правый флангъ нашъ къ вечеру, точно, былъ обойденъ и мы должны были отступить. Я видѣлъ здѣсь весь испугъ пруссаковъ и австрійцевъ, которые съ потерею Бауцена считали уже потерю Берлина и Вѣны. Одинъ только Александръ не потерялъ присутствія духа. У ногъ его, на ужасной высотѣ, ложились ядра необыкновенной величины. Всѣ окружающіе его пришли въ движеніе; но онъ одинъ какъ-будто былъ внѣ всякой опасности. Съ 11-ти часовъ утра до 6-ти вечера безпрестанно скакали къ нему и повторяли одно и тоже, что правый нашъ флангъ отброшенъ и что мы обойдены; но Александръ всѣмъ отвѣчалъ одно:

— «Упрямый въ войнѣ всегда побѣдитъ».

Когда, наконецъ, пріѣхалъ Паленъ, а очевидность говорила намъ, что французы далеко у насъ въ тылу, тогда государь приказалъ арміи отступить, а Ермолову прикрыть отступленіе ея.

Ермоловъ симъ дѣломъ загладилъ ошибки Люцена и вообще управленія по артиллеріи.

Скажу объ Ермоловѣ. Когда его назначили начальникомъ артиллеріи, онъ безпрестанно затруднялъ Волконскаго; а подъ Люценомъ не зналъ, гдѣ его ящики и артиллерія. Это лишило его команды и милостей царя. Хотя я лично уважалъ Ермолова, но не мѣшаетъ мнѣ сказать мимоходомъ о поступкѣ его, имѣющемъ связь съ моею исторіею.

Предъ началомъ войны 1812 г., военный министръ Барклай прожектировалъ устроить 4 осадныя роты. Война до половины кончилась безъ нихъ. На другой (годъ), или когда мы были уже за Вислою, спрашивалъ военнаго министра князь Горчаковъ: приводится-ли планъ Барклая къ исполненію? Какъ общее движеніе дѣлъ, такъ и масштабъ разсужденія объ нихъ предоставлены были непосредственно мнѣ,—кому-жъ, думалъ я, рѣшить сей запросъ, какъ не Оперману и не Ермолову? Бумага послана, отвѣтъ полученъ и представленъ отъ насъ государю. Довѣренность къ талантамъ трактующихъ, а ближе—мое незнаніе не подозрѣвало въ нихъ грубой ошибки въ дѣлѣ государственномъ. Но что же вышло? Оперманъ и Ермоловъ составили смѣту огнестрѣльнымъ запасамъ въ такой пропорціи, каковой бы и нельзя было найти тогда въ Россіи. Графъ Аракчеевъ ужаснулся этой выкладки. Государь прогнѣвался на Волконскаго, а сей, какъ говорится, опрокинулся на меня. Я иду къ Ермолову, говорю ему и онъ, отыгриваясь, говоритъ:

— «Я не былъ введенъ въ тайну войны. Смѣта наша сдѣлана по правиламъ лучшихъ инженеровъ нашего времени. Но что много, этому я уже не виноватъ».

Я передалъ смѣту Рѣзвому и онъ сдѣлалъ другую. Ермоловъ взялъ въ разсчетъ крѣпости всѣхъ ранговъ, начиная съ Вислы, которую мы уже миновали, до Рейна, во всемъ ихъ протяженіи. Но это послужило урокомъ мнѣ, и я наизусть вытвердилъ Вобана и всѣхъ авторовъ съ комплектными вычисленіями осадъ,—и глупость одного раза не повторилась уже въ другой; а надежда на чужой умъ исчезла съ первымъ этимъ опытомъ.

Изъ подъ Бауцена мы пришли въ Штетинъ. Тамъ, между прочими, представленъ былъ и я къ золотой шпагѣ. Государь, разсматривая списки и остановившись на мнѣ, сказалъ:

— «Къ какой статѣ ему золотая шпага (не забудьте, что я былъ тогда военнымъ совѣтникомъ)? Ему дать чинъ: онъ будетъ славный офицеръ!»

Князь Волконскій, придя ко мнѣ въ дежурство, говоритъ:

— «Я представлялъ васъ къ золотой шпагѣ; но государю угодно дать вамъ военный чинъ. Согласны-ли вы принять его?»

Не зная происходившаго, я отвѣчалъ:

— Позвольте ваше сіятельство узнать мнѣ, какой чинъ государь изволитъ мнѣ жаловать (полагая, по тогдашнему, чинъ капитана, а много маіора)?

Волконскій отвѣчалъ:

— «Натурально, полковничій».

— О, когда такъ, то я милость сію считаю величайшею наградою и счастіемъ (и, въ самомъ дѣлѣ, она была образцовая въ Россіи).

На другой день (16-го мая 1813 г.) былъ я полковникъ и въ эполетахъ сего достоинства. Признаюсь въ моей слабости, этотъ чинъ и эти эполеты свели меня совсѣмъ съ ума. Не готовя себя никогда выше вице-губернатора, я тотчасъ обрисовалъ себѣ успѣхъ корпуснаго... И всякій день объѣзжалъ поля, рекогносцировалъ, разбиралъ всѣ ручьи, горы и даже кусты. Въ жару этого сумасбродства, двигалъ по полямъ мысленныя арміи. Разумѣется, что тутъ вездѣ я былъ Наполеонъ, вездѣ побѣдитель!

Среди такого военнаго бреда, я оставался старшимъ адъютантомъ главнаго штаба его императорскаго величества и управлялъ общею военно-походною канцеляріею. Но когда кн. Барклай, послѣ Бауцена, заступилъ мѣсто Кутузова, то и штабъ нашъ, кромѣ меня, перешелъ къ Барклаю.

Перемиріе продолжалось не долго. Прагскій конгрессъ разразилъ военныя бури, и мы пошли къ Дрездену чрезъ Богемію. Неудачное дѣло привело насъ къ Теплицу. Въ этомъ походѣ я видѣлъ, какъ два великіе военные генія, Моро и Жомини, сблизившись съ собою въ первый разъ, раскрыли и даръ свой, и ошибки. Я видѣлъ, какъ Моро потерялъ ноги, какъ несли его гренадеры; какъ Жомини струсилъ и какъ Мишо занялъ высокое ихъ мѣсто.

Въ Теплицѣ я почти всякій день бывалъ въ дѣлахъ противъ непріятеля. Самый походъ нашъ туда и день боя можно отнести

только къ глупости Наполеона [1]) и къ нашему счастію. Представьте высоты горъ, усѣянныя экипажами, войско, идущее подъ облаками въ кучкахъ по сто, по полутораста человѣкъ вмѣстѣ, а въ тылу у нихъ, у воротъ почти Теплица, обширный корпусъ Вандама,—и тогда вы можете заключить, что могло тогда быть съ нами!... Но великъ, великъ Богъ русскій! Велика глупость (!) Наполеона! Прусскій король и цесаревичъ схватили первопопавшіяся имъ горсти солдатъ, сами вводили ихъ въ дѣло, и едва-едва набрали 2 — 3 тысячи человѣкъ: такова была наша опасность! Но когда гвардія пробилась сквозь французовъ и ущелья, тогда мы имѣли твердую передовую ширму. Однако-жъ, только что ширму. Государь отдалъ уже приказъ ретироваться дальше; но Барклай устоялъ дать сраженіе,—и мы пріобрѣли большіе лавры въ Вандамѣ [2]). Въ этомъ дѣлѣ я съ самаго утра былъ въ огнѣ; лично самъ взялъ пушки и посланъ былъ отъ Милорадовича поздравить Барклая съ побѣдою. Подо мной убили лошадь и я довершилъ сраженіе на простой казачей. На этомъ полу-буцефалѣ подъѣхалъ я къ Барклаю, стоявшему подлѣ государя. Барклай, принявъ отъ меня поздравленіе, обратился къ государю, говоря:

— «Ваше величество! имѣю счастіе поздравить васъ съ совершенною побѣдою», указывая на меня и показывая тѣмъ весь разговоръ, который слышалъ государь. Волконскій спросилъ у меня:

— «Маевскій, у тебя вѣрно убита лошадь?»

— Да, убита, отвѣчалъ я.

Волконскій меня обласкалъ, а государь удостоилъ самою очаровательною своею улыбкою!

Послѣ быстрыхъ или взаимно промелькнувшихъ поздравленій, которыя мгновенно воскресили общую радость, государь говоритъ Барклаю:

— «Ваше сіятельство изволите распорядить и преслѣдовать непріятеля».

Но Толь, ни мало не обдумавши вѣсъ словъ, почти прокричалъ:

---

[1]) Разъясненіе глупости Наполеона, вслѣдствіе которой уничтоженъ былъ Вандамъ, см. въ сочиненіи Жомини, т. II, стр. 413. Ред.

[2]) О плѣненіи Вандама см. интересный разсказъ очевидца, П. А. Колзакова, записанный К. П. Колзаковымъ и помѣщенный въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. II. Ред.

— «Государь, намъ не должно повторять той глупости, которую сдѣлалъ Вандамъ и преслѣдовать его» и т. д...

Государь, окруженный свидѣтелями, составлявшими лицо Европы, пораженъ былъ неумѣстнымъ выраженіемъ Толя. Но, цѣня пользу выше честолюбія, согласился съ Толемъ и тутъ же отдалъ другое приказаніе.

Барклай до сей минуты совсѣмъ почти не зналъ меня, и я мало почти и видѣлъ его вблизи. Но здѣсь ему угодно было, чтобы я велъ его на мѣсто боя. Деревня, которую я оставилъ въ огнѣ, пылала уже со всѣхъ сторонъ самымъ яркимъ пламенемъ; пороховые ящики взрывались на воздухъ и не давали подступить къ деревнѣ. Не зная другой дороги, я бросился влѣво, нашелъ тропинку и повелъ Барклая по незнакомому пути, прямо на пирамидальную высоту, гдѣ была обсерваторія и гдѣ Вандамъ находился во все время сраженія. Радуясь хладнокровію и благородству Барклая,—ибо всякій другой принялъ бы кривизну путей за вѣроломство и дурное намѣреніе,—я, чтобъ выказать чистое усердіе и оградить его отъ несчастія быть извнѣ застрѣлену, взлетѣлъ одинъ на обсерваторію. И представьте себѣ ужасъ мой! Тутъ застаю я до 100 вооруженныхъ французовъ, которые, устрашившись, конечно, не менѣе меня, ѣхавшихъ за мной, къ счастію моему, начали бросать ружья и кричать: «пардонъ!» Барклай все это видѣлъ; но не показалъ и знака неудовольствія. Великая душа его истинно умѣла различать зло отъ добра. Со всякимъ другимъ я могъ дорого заплатить за излишнюю смѣлость — навесть фельдмаршала на опасное мѣсто.

Это было послѣднее торжество мое въ лицѣ государя; ибо, вскорѣ послѣ того я получилъ полкъ и фантазировалъ уже не одинъ, но съ помощію 2,000 славнѣйшихъ егерей.

IX.

Шефство.

Графъ Воронцовъ предлагаетъ полкъ.—Соперничество Аракчеева съ Волконскимъ. — Отъѣздъ въ полкъ. — Товарищи. — Опасная шутка. — Возрожденіе 13-го егерскаго полка.—Гамбургъ.—Въ Нидерландахъ.—Битва при Краонѣ.— Торжество моихъ егерей. — Рядъ битвъ. — Походъ на Парижъ.

1813—1814 г.

Дѣло при Кульмѣ возвысило славу мою, и я заслужилъ всеобщее одобреніе и поздравленія. Генералъ Раевскій, поздравляя

меня съ своей стороны, прибавилъ самую лестную похвалу, говоря:

— «Когда мнѣ сказали, что адъютантъ главнаго штаба отбилъ пушки, я тужe минуту сказалъ: это вѣрно Маевскій».

За сіе дѣло я былъ представленъ къ Георгію и иностранному знаку; но то, что возвышаетъ, часто и уничтожаетъ насъ. Еще въ Рейхенбахѣ, т. е. во время перемирія, неожиданно получилъ я письмо графа Воронцова слѣдующаго содержанія: «Ежели вамъ угодно исполнить общую нашу просьбу и принять въ свою команду 13-й егерскій полкъ, то стоитъ только вамъ подать фельдмаршалу прилагаемый при семъ рапортъ». Кто не забылъ еще мечты мои въ первые дни полковничьихъ эполетовъ, тотъ весьма скоро догадается, до какого восхищенія могло меня привести такое предложеніе,—предложеніе, которому не было еще примѣра, котораго я никакъ не ожидалъ и которое, по тогдашнему понятію вещей, ставило меня на верхъ совершеннѣйшаго счастія. Однако-жъ, борьба страсти съ благодарностью уступила всѣ права послѣдней. Я полунѣмой бѣгу къ Волконскому, объявляю ему желаніе графа Воронцова, и когда Волконскій сказалъ:

— «Это пустяки; это отъ тебя не уйдетъ».

Я спросилъ у него:

— Что же я буду отвѣчать графу Воронцову, на столь лестное для меня предложеніе?

— «Напиши ему», подхватилъ кн. Волконскій, «что я прошу его оставить тебя у меня, для меня».

Уже 13-й полкъ получилъ другаго шефа, уже я отчаялся когда-либо двигать мою армію и гремѣть побѣдами, какъ вдругъ въ Теплицѣ нѣкто Омельяненко показываетъ мнѣ новое обо мнѣ представленіе и собственноручную отмѣтку государя императора (20-го сентября 1813 г.) слѣдующаго содержанія: «Маевскаго, какъ отличнаго и извѣстнаго мнѣ штабъ-офицера, назначить шефомъ 13-го егерскаго полка». Вотъ что поставило противъ меня князя Волконскаго и лишило всѣхъ трофеевъ за Кульмъ! Надо замѣтить ходъ страннаго моего назначенія. Графу Воронцову непремѣнно хотѣлось имѣть меня у себя въ корпусѣ и изъ личностей къ князю, съ которымъ онъ былъ не въ ладахъ, и чтобъ болѣе его огорчить, онъ далъ ходъ представленію мимо князя къ Барклаю. Посредствомъ Сабанѣева докладъ сей сдѣланъ не чрезъ князя, а

чрезъ Аракчеева. Аракчеевъ, обрадовавшись, что можетъ оторвать меня отъ князя, который сдѣлался ему соперникомъ и болѣе имѣлъ вѣсу въ дѣлахъ [1]), безпрекословно взялъ сей трудъ на себя, тогда какъ всѣ дѣла шли чрезъ князя, а не чрезъ него. Я въ это время былъ очень болѣнъ отъ ушиба въ бокъ въ Кульмскомъ сраженіи и ничего не зналъ о происходившемъ между сіятельными. Но это-то и ввело меня въ подозрѣніе у князя, и онъ долго былъ непримиримъ. Уже во Франкфуртѣ-на-Майнѣ явился я къ князю Волконскому. Онъ сначала не принялъ меня; а потомъ, выйдя ко мнѣ, сказалъ:

— «Богъ тебѣ судья, ты бросилъ меня».

Сколько я ни увѣрялъ его въ невинности моей, онъ остался неумолимъ. Наконецъ, говорю:

— Ваше сіятельство, я не имѣю ни гроша,—и каково будетъ вамъ, когда полковникъ, имѣвшій счастіе служить подъ вашей командой, отправится почти пѣшкомъ къ новому назначенію.

— «Вы къ шефству проложили себѣ путь безъ меня; слѣдственно и къ деньгамъ можете проложить путь безъ меня».

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ я, къ шефству проложилъ я путь заслугами и честію, къ деньгамъ же не знаю другаго пути, кромѣ вашего сіятельства.

Однако же, все это не помогло, и я съ 100 руб. долженъ былъ отправиться изъ Франкфурта въ Гамбургъ, ѣхавъ — то на форшпанѣ, то на почтовыхъ, то кое-какъ. Въ Гановерѣ какая-то добрая гановрянка дала мнѣ въ долгъ 100 рублей, которые я и отослалъ ей тогда же съ нарочнымъ. Надобно примѣтить, что я въ званіи военнаго совѣтника получалъ жалованья 400 рублей серебромъ и 15 рублей въ сутки столовыхъ денегъ. Въ званіи же полковника получалъ жалованья по чину и тѣже столовыя. Но военный образъ жизни имѣетъ много дыръ, въ которыя деньги сыплются. Взятокъ и барышей я во всю жизнь мою не терпѣлъ, да и дѣти мои не позволяютъ себѣ подарковъ даже и отъ родныхъ.—Глаголъ брать такъ соблазнителенъ, что онъ съ первымъ шагомъ обращается въ болѣзнéнную натуру.

На дорогѣ присталъ ко мнѣ какой-то венгерскій дезертиръ. Онъ былъ у меня и факторомъ, и переводчикомъ. Не понимая себя, мы

[1]) Отъ того, что князь былъ всегда на лицо, а графъ въ безпрестанныхъ отлучкахъ. С. М.

выразительно изъяснялись пантомимами. Онъ зналъ нѣсколько по-славянски,—а я по-нѣмецки, и онъ удивлялся совершенству моему въ этомъ языкѣ, котораго, однако же, со всѣмъ онъ не понималъ. По проворству этого человѣка, я избавленъ былъ отъ многихъ хлопотъ въ такой землѣ, языка которой я вовсе не зналъ. Онъ всегда приготовитъ слухъ къ важности моего чина, пріищетъ мнѣ славную квартиру, услугу и форшпанъ. Въ одно время усадилъ онъ меня въ коляску какой-то нѣмецкой трактирщицы, дѣлавшей вояжъ за 3 или 4 мили отъ мѣста своего пребыванія, и она везла меня съ собою все это разстояніе, а въ домѣ приняла, какъ стариннаго друга ея дома.

Пріѣхавъ къ полку, я обрадованъ былъ встрѣчею съ двумя моими друзьями, Красовскимъ и Дунаевымъ. Графъ Воронцовъ принялъ меня отлично и мы четверо составили какъ-будто родъ особаго товарищества. Графъ въ обращеніи съ военными-подчиненными имѣлъ весь даръ очарованія. Онъ былъ обожаемъ отъ офицера до солдата. Въ минуту боя онъ требовалъ самоотверженія; внѣ боя—любилъ свободу и простоту; за его столомъ обѣдывало насъ по 100, по 200 человѣкъ; его домъ былъ нашею гостинницею, гдѣ мы жили безвыходно. Частые концерты, праздники и угощенія подслащивали жизнь бивуачную и единообразную. Посреди такого образа жизни, который сроденъ натурѣ военнаго, мы забывали опасности и пріятно наслаждались жизнію.

Во все это время тишина сражала меня; я рвался въ поле посмотрѣть на самаго себя и увѣриться въ существительности моихъ мечтаній. Но на зло мое, дѣла нигдѣ не было, а заводить свое стоило бы мнѣ слишкомъ дорого.

Подъ Глюштатомъ датчане напали врасплохъ на изюмскихъ гусаръ и довольно ихъ помяли. По просьбѣ Палена, графъ отрядилъ меня съ полкомъ, и я въ воображеніи моемъ начерталъ уже планъ сраженія. Но и тутъ какъ-будто самъ дьяволъ вмѣшался въ дѣло мое, и я, кромѣ бутылочныхъ пробокъ, не слыхалъ другаго выстрѣла. Признаюсь, пьянство гусаръ такъ опротивѣло мнѣ, что я готовъ былъ отказаться отъ всякаго ихъ товарищества.

Безъ смѣха не могу вспомнить одного случая, который долженъ быть большимъ урокомъ для всякаго военнаго, ежели только онъ опрометчивостью своею не захочетъ сдѣлать себѣ пятна и

несчастія. Многіе изъ молодыхъ офицеровъ имѣютъ гибельную привычку дѣлать неумѣстныя выходки насчетъ невѣжества поселянина. Одна изъ нихъ чуть-чуть не стоила рѣки крови. Графу Воронцову дали знать, что въ одну изъ близъ-лежащихъ къ намъ деревень ожидаются на ночь французы. Чтобъ упредить опасное это сосѣдство и нанесть имъ неожиданный ударъ, графъ отрядилъ туда цѣлую роту съ крестьяниномъ, принесшимъ это извѣстіе; а чтобъ сохранить здѣсь всю военную осторожность и не даться въ возможный обманъ, графъ послалъ эту роту съ надежнымъ капитаномъ, придавъ ему въ руководители своего адъютанта Ягницкаго. Рота расположилась, выставила ведеты и капитанъ спокойно занялъ свою квартиру. По обыкновенію, солдаты поставили чайникъ и пиръ начался своимъ порядкомъ. Хозяинъ, сперва боязливый, потомъ привѣтливый, а потомъ и услужливый, не видавшій никогда ни русскихъ, ни французовъ, осмѣлился сдѣлать запросъ капитану. Этотъ изъ шалости и любопытства, чтобъ лучше узнать прямое расположеніе жителей, назвалъ себя французомъ. Натурально, что они всѣ вмѣстѣ побранили русскихъ и въ веселомъ расположеніи духа составили для себя комическую забаву. Хозяинъ, однако, скрылся, и никому не пришло въ голову подозрѣвать его образа мыслей. Но что же вышло? Хозяинъ полетѣлъ къ графу Воронцову, увеличилъ число постоя и ввелъ его въ ошибку. Графъ полагая, что рота его ошиблась и взяла другое направленіе, посылаетъ туда баталіонъ, приказавъ ему обойти деревню съ непріятельской стороны, ударить и разбить мнимыхъ французовъ. Какъ приказано, такъ и сдѣлано. Но въ сіе время является къ графу адъютантъ Ягницкій. Графъ, послѣ немногихъ объясненій, узнаетъ ошибку, посылаетъ Ягницкаго, возлагаетъ на него упредить послѣдствіе. Это было далеко уже за полночь. Ягницкій летитъ стрѣлою къ атакующему баталіону, застаетъ его на позиціи и готоваго вступить въ дѣло. Съ другой стороны видитъ капитана, приготовившагося къ отпору. Быстрый умъ его рѣшилъ тотчасъ развязку: онъ ѣдетъ къ сторонѣ деревни и затягиваетъ русскую пѣсню: «Растоскуйся, разгорюйся»... Это удивило обѣ боевыя линіи и спасло отъ пролитія собственной крови. Часъ спустя, пѣсня эта обратилась бы въ погребальную!

Я засталъ въ моемъ полку двухъ полковниковъ: одного, ко-

торый старше меня—былъ трусъ и другаго, который былъ моложе — храбръ, какъ шпага, и простъ, какъ индѣецъ. Надобно было съ обоими уладить. Первый ничего болѣе не зналъ, какъ играть въ карты; второй—любилъ войну и гнѣвался на меня за то, что я, по мнѣнію его, лишилъ его полка и славы. Заставъ полкъ ограбленнымъ до гроша, я началъ тѣмъ, что подарилъ солдатамъ изъ собственныхъ моихъ денегъ, которыя сберегались у Красовскаго, 1,000 рублей и приступилъ къ преобразованію ихъ—изъ нищихъ въ солдаты. На музыку далъ другіе 2,000 рублей. Чрезъ мѣсяцъ, полкъ мой не узнавали: изъ замарашекъ, какъ ихъ всѣ и всегда называли, солдаты сдѣлались парадною гвардіею графа Воронцова; это возвысило духъ моихъ товарищей и надѣлало мнѣ пропасть враговъ по зависти. До того времени храбрый полкъ какъ-будто бы гордился именемъ черненькаго; парадными назывались только полухрабрые, а сочетаніемъ того и другаго вмѣстѣ никто еще не дорожилъ. Внутренній огонь моихъ полковниковъ раздувалъ еще больше пламя зависти. Но мой тонъ и прямота умѣли подставить всѣмъ большую пожарную трубу и погасить огонь въ самомъ его воспламененіи. Не было парада, котораго бы не украшалъ мой полкъ,—безъ моего полка не было и парада. Графъ Воронцовъ прилѣпился къ нему всею душою—по храбрости его въ войнѣ и по щегольству, котораго онъ до меня не могъ ввесть въ своемъ корпусѣ. Зависть на крыльяхъ молвы обвиняла меня въ излишествѣ, а старая солдатчина удивлялась и не вѣрила, чтобы тотъ, кто взлетѣлъ на главу сѣдыхъ полковниковъ и не былъ самъ ни солдатомъ, ни ефрейторомъ, могъ быть хорошимъ полковникомъ [1]).

— «Это правда», говорили они, «что Маевскій въ войнѣ, можетъ быть, будетъ и храбръ. Но этого-ли одного требуется отъ полковника? Ему надо знать круглое солдатское дѣло; а можно-ли это знать статскому?».

Другіе же повторяли: «Говорятъ всѣ, что графъ умный человѣкъ. А можно-ли теперь назвать его такимъ, когда онъ избралъ

---

[1]) Въ Лубнахъ, когда Дибичъ смотрѣлъ дивизію и нашелъ мой полкъ отличнымъ, одинъ изъ полковниковъ упрекалъ меня: «Мы всѣ дослужились отъ унтеръ-офицерскаго званія; а вы, какъ принцъ, вдругъ сдѣлались полковникомъ». С. М.

штатскаго и посадилъ на голову двумъ полковникамъ, которые родились и посѣдѣли между солдатами?»

Это мнѣніе смѣшило графа и утѣшало меня. Я искалъ случая разрубить эту молву и однимъ ударомъ истребить сомнѣніе; но случая не было, а гдѣ и были, тамъ другаго сажали мнѣ въ видѣ политическаго учителя. Я терпѣлъ такое униженіе и не смѣлъ до времени жаловаться.

Два раза подъ Гамбургомъ удалось мнѣ быть въ дѣлѣ; но сжатая моя воля не умѣла еще возвыситься до своего достоинства. Мнѣ было, однако же, пріятно, когда корпусъ офицеровъ 3-го баталіона пришелъ ко мнѣ весь, жалуясь, что я, вступая въ дѣло, беру только 1-й баталіонъ, а ихъ лишаю чести драться въ моемъ присутствіи.

— Гг., отвѣчалъ я, наши дѣла слишкомъ незначительны. Настанетъ время, когда я буду имѣть счастіе видѣть оба баталіона подъ моими приказаніями. Теперь я обидѣлъ бы храбраго г. полковника Изб...., ставъ при немъ командовать въ дѣлѣ его баталіономъ.

А г. полковникъ Изб.... на подобную претензію отвѣчалъ:

— «Г. полковникъ, я слишкомъ уважаю ваши достоинства и за оскорбленіе почелъ бы себѣ и вамъ отнимать лавры ваши. Но какъ вы совершили уже кругъ вашихъ побѣдъ и васъ никто не укоритъ ни въ трусости, ни въ нехотѣніи, то позвольте мнѣ сдѣлать и мою репутацію».

Это всѣхъ успокоило, но у завистливыхъ не истребило жало зависти. Я исподоволь знакомился съ солдатскими обязанностями и, благодаря моему глазу, успѣлъ развязать ихъ ловкость, живость и быстроту. Тяжелый строй уничтожился самъ собою, и каждый изъ моихъ солдатъ былъ вольтижеръ и стрѣлокъ. Ни ровъ, ни плетень, ни скала не останавливали ихъ. И я могу похвастать, что солдата моего всегда можно было отличить отъ солдата всей арміи. Я не зналъ баталіоннаго ученья, да его тогда и никто не зналъ. Но я прагностически постигъ науку боя и маневрировалъ не шереножнымъ ученьемъ, какъ всѣ другіе дѣлали, а линіею противъ линіи, развивая этимъ понятія и честолюбіе солдата и офицера; а о желудкѣ ихъ я всѣ заботы принялъ на себя.

Изъ-подъ Гамбурга пошли мы во Францію, взявъ направ-

леніе на Дюсельдорфъ, стоящій на Эльбѣ въ прелестнѣйшихъ рамахъ натуры. Переправа здѣсь была трудная: ледъ провалился и не одна пушка окунулась въ рѣкѣ. Въ Кёльнѣ простояли мы нѣсколько дней. Въ число рѣдкостей можно поставить тамошнюю каѳедральную церковь, гдѣ гробъ Господень украшенъ крупными драгоцѣнными рубинами и другими богатыми каменьями.

Я не брался описывать видѣнныхъ мною мѣстъ ни въ историческомъ, ни въ топографическомъ положеніи; это не вошло теперь въ планъ моего разсказа, ибо записки мои сожжены, а память уступила времени; но я разскажу картину похода и нѣкоторые смѣшные и серьезные случаи.

Въ Кёльнѣ хозяинъ мой приглашаетъ меня на обѣдъ съ офицерами. Я далъ имъ знать и ихъ собралось до 20-ти чел. Между тѣмъ, и хозяинъ пригласилъ своихъ гостей обоего пола до 20-ти особъ. Хозяину показалось, что офицеровъ очень много и что ихъ можно убавить на $^1/_2$, предложивъ мнѣ обѣдать съ его гостями наверху (въ бель-этажѣ), а офицеровъ оставить внизу. Не относя этаго къ оскорбленію, а къ глупости и скупости хозяина, я отклонилъ это раздѣленіе; и чтобъ вывесть его изъ затрудненія, я повезъ всѣхъ своихъ офицеровъ въ трактиръ, гдѣ готовый хозяинъ не сердился за излишество гостей. Къ вечеру мы были дома; и жадная толпа, видя русскихъ съ огромною ихъ музыкою, постепенно перешла внизъ, такъ что, наконецъ, хозяиномъ сдѣлался я и угощеніе съ изобиліемъ, вмѣстѣ съ танцами, довершило пиръ сей и помирило насъ съ хозяиномъ и его гостями.

Къ солдатамъ я успѣлъ присоединить и славныхъ офицеровъ. Между ими были геркулесы, адонисы и купидоны. Это много даетъ вѣсу въ приватномъ обществѣ, а въ дѣлѣ сливаетъ въ одно и геркулеса, и купидона. Любовь къ славѣ былъ общій ихъ девизъ. До меня 13-й полкъ состоялъ не болѣе, какъ изъ 300 всѣхъ чиновъ. Безпечность командовавшихъ избѣгала излишества людей, подъ предлогомъ неимѣнія чѣмъ одѣть и вооружить. Я думалъ инаково, и у меня вдругъ родились 1,000 и одѣтые, и вооруженные. Графъ обрадовался моему усердію и ничего не щадилъ для его усиленія и улучшенія. Впослѣдствіи графъ помирился съ собой, назначая прежде этотъ полкъ, какъ слабый въ людяхъ, къ обращенію въ кадры, или резервъ.

Перейдя въ Нидерланды, походъ нашъ походилъ больше на

карнавальные праздники, чѣмъ на походъ. Въ Бременѣ, остальномъ ганзейскомъ городѣ, публика давала намъ обѣдъ, а за нимъ подавали столѣтній рейнвейнъ изъ бочекъ, которыя, въ видѣ нектара, хранятся въ погребахъ ратуши на цѣпяхъ. Рейнвейнъ этотъ въ обыкновенномъ ходѣ вещей начинаетъ расходываться не раньше 100 лѣтъ, и то по рецептамъ докторовъ и для поддержанія только силъ. Но мы въ полной силѣ пили, какъ гости, и со всѣмъ уже не по рецептамъ: ихъ не успѣли бы написать вмѣстѣ и сто лекарей. Англичане, бывшіе съ нами, увеличивали расходъ этотъ и скорость его отпуска.

До самаго почти Намюра мы форсированно шли и ѣхали; переходы были отъ 12-ти до 15-ти часовъ. На каждомъ привалѣ готовы были завтракъ и вино для солдатъ отъ жителей, а для офицеровъ—взаимное угощеніе, т. е., сегодня офицеры 13-го егерскаго полка угощали 14-й, а завтра 14-й—тринадцатыхъ. Подходя къ Намюру, гдѣ были французы, мы взяли оборонительное положеніе и становились бивуаками. Предъ Краономъ одинъ католическій священникъ спасъ меня и полкъ. Придя въ селеніе заполночь, я отъ усталости бросился въ постель. Но вдругъ входитъ священникъ и говоритъ, что чрезъ полчаса войдутъ сюда же французы и что мнѣ оставаться тутъ не безопасно. Отнеся это къ фарсамъ—политически выжить меня, я взялъ, однако же, мои мѣры и онѣ-то помогли мнѣ счастливо отдѣлаться отъ сильнѣйшаго непріятеля.

Наконецъ наступилъ день и моего торжества. У Краона стали мы въ позицію (22-го и 23-го февраля 1814 года).—Наполеонъ, переправившись съ цѣлою арміею, гналъ въ виду нашемъ казаковъ. Графу хотѣлось блеснуть отдѣльною атакою. Но какъ графъ Воронцовъ принималъ армію Наполеона за отдѣльный корпусъ, то ему хотѣлось завязать дѣло и спасти Карбонье, гдѣ непріятель могъ отрѣзать насъ отъ соединенія съ арміею. Генералу Красовскому поручено было осмотрѣть мѣсто на Натленъ и средства отраженія. Онъ взялъ меня съ собою. Но едва мы доѣхали до передовыхъ постовъ, какъ гусары стали садиться уже на коней и готовились въ бой. Нѣкто Лашкаревъ, командовавшій гусарами, указывая на сильныя массы непріятеля, строившіяся на обширнѣйшей равнинѣ, рѣшительно говорилъ, что онъ при первой атакѣ непріятеля долженъ будетъ отступить.

Красовскій передалъ все это Воронцову, а сей, держась своего мнѣнія и плана, принялъ сіе извѣстіе за увеличенное,—и жаркій споръ съ обѣихъ сторонъ показывалъ явное неудовольствіе графа. Не смотря на то, пѣхотѣ велѣно было отступить.

Едва мы отошли съ версту, какъ насъ воротили назадъ и мы встрѣтили нашихъ гусаръ, несущихся по тропинкѣ у подошвы горы, какъ говорится, во всю прыть! Мы остановились на горѣ, командовавшей всѣмъ плацдармомъ происшествія. Графъ не доумѣвалъ, а Красовскій усиливался въ доказательствахъ перваго своего донесенія. Графъ, теряя терпѣніе, сказалъ ему нѣсколько колкостей и дѣло было все еще не рѣшено. Но графу хотѣлось пробиться въ Карбонье и связать свою линію съ линіею своей арміи. Красовскій спорилъ, доказывалъ невозможность; но перевѣсъ остался на сторонѣ графа.

Уже ночью графъ призываетъ меня и, какъ-будто въ упрекъ Красовскому, тутъ же бывшему, говоритъ:

— «Любезный Маевскій, я надѣюсь, что вы, не смотря на увеличенныя затрудненія, пройдете съ вашимъ полкомъ до Карбонье. Вотъ вамъ и проводникъ».

Я обрадовался случаю. Но Красовскій сказалъ:

— «Ежели ваше сіятельство не вѣрите словамъ моимъ и считаете, что я говорю отъ трусости, то позвольте мнѣ идти съ полкомъ».

Графъ смягчился. Но между мною и Красовскимъ родился споръ: я ему доказывалъ, что онъ сдѣлалъ уже здѣсь свою репутацію, а я новый еще человѣкъ: отнимать у меня случай идти въ опасность, значитъ обижать меня. Графъ и Красовскій уступили мнѣ эту честь и я туже минуту полетѣлъ къ полку; но вмѣсто Карбонье занялъ Краонъ, который лежитъ у подошвы горы, на коей стоялъ весь корпусъ Воронцова. Надобно примѣтить, что, за нѣсколько предъ симъ дней, въ полкъ мой и Красовскаго дали по 5-ти гренадерскихъ ротъ другихъ полковъ и комплектъ солдатъ составлялъ до 1,200 чел. и 20 офицеровъ. Я вошелъ ночью уже въ селеніе, сбилъ непріятельскіе посты и, установивъ на ихъ мѣстахъ свои, спокойно засыпалъ до 11-ти часовъ другаго дня, жалуясь на судьбу, что она и здѣсь играетъ счастіемъ моимъ. Офицеры раздѣляли печаль мою и всѣ приходили въ отчаяніе, что намъ не достанется подраться безъ опекуна.

Посреди того, какъ мы предавались дѣтской горести и безпечно угощали себя славнымъ виномъ, не забывая и аванпостныхъ своихъ товарищей,—графъ Воронцовъ, по важности занимаемаго нами положенія и по обширности соображенія, предугадывалъ роковой для насъ день, и повсечастно присылалъ адъютантовъ узнавать о томъ, что у насъ дѣлается, чего, если правду сказать, не знали и сами мы. Такъ-то новость, самонадѣянность, или ближе, неопытность губитъ многихъ людей.

До 11-ти часовъ утра французская армія въ большихъ массахъ устроивалась въ виду у насъ, на той же самой равнинѣ, на которой расположилась она и наканунѣ. Мы равнодушно смотрѣли на нее, и признаюсь, къ стыду моему, я не принудилъ себя прежде осмотрѣть вокругъ мѣстность моего положенія; самый уже бой познакомилъ меня съ нимъ. Высоту, на которой стоялъ корпусъ Воронцова, можно скорѣе принять за сухопутный мысъ на протяженіи въ ширину 1/4 версты, а въ длину около трехъ; съ фронта, или гдѣ былъ я съ полкомъ, шла болѣе вертикальная, чѣмъ покатая отлогость, на коей засажены были виноградныя лозы. У подошвы покатости ровъ и довольно густой лѣсъ, раздѣленный небольшою сельскою дорогою на двѣ ровныя половины. За лѣсомъ, на 1/4 версты, площадь и непріятельскіе пикеты. Съ правой стороны дорожка у самой подошвы высоты, а правѣе ее—другая, пересѣкаемая виноградникомъ. Съ лѣвой стороны лощина, ведущая чрезъ лѣсъ и упирающаяся въ высоту.

Съ приближеніемъ непріятеля, я схватилъ казаковъ и драгунъ и пошелъ прямо по дорогѣ чрезъ лѣсъ. Во 100, а много въ 200-хъ шагахъ встрѣтилъ я французскаго генерала, конечно, рекогносцировавшаго. Любимое наше «ура!» сплотило насъ: мы опрокинули непріятеля и я, разсыпавъ по лѣсу стрѣлковъ, открылъ огонь. Половина моихъ взводовъ стояла въ цѣпи; другая была въ резервѣ [1]), такъ что одна линія подкрѣплялась другою. Сраженіе сдѣлалось жаркое и упорное. Подо мною убили трехъ лошадей, убили 2-хъ штабъ—и 14-ть оберъ-офицеровъ; но мы дра-

[1]) Это было слѣдствіе не пареножныхъ, но домашнихъ моихъ маневровъ. У меня дралась уже не толпа, а устроенная масса хорошо образованнаго полка и тѣмъ пріятнѣе, что маневристомъ былъ я, а не опекунъ. Отсюда начинается первая довѣренность къ мыслящему и истребляется предразсудокъ.

лись, какъ львы. Огонь былъ столь жарокъ, а солдаты и офицеры столь мужественны и храбры, что мы, дравшись пять часовъ, одинъ противъ 20-ти, не уступили имъ даромъ и пяти шаговъ. Графъ приказывалъ мнѣ нѣсколько разъ отступить; но посланные не могли доѣзжать до меня, а я не могъ отойти, или не потерявъ полка и имени, или не удержавъ непріятельскаго стремленія. Первая опрометчивость или, что все равно, поспѣшное отступленіе по труднымъ мѣстамъ лишило бы меня и славы, и полка. Къ чести гг. офицеровъ, я упомяну о храбрѣйшихъ: поручикъ Товбичъ до десяти разъ бросался въ штыки и удержалъ дорогу, составлявшую главный нашъ пунктъ. Онъ тутъ тяжело былъ раненъ. Поручикъ Литвиновъ защищалъ лѣвый флангъ, и когда ему приказано было ретироваться отдѣльно отъ полка, онъ съ благороднымъ самоотверженіемъ объявилъ: «Доколѣ мой полкъ въ опасности, я умру или обезпечу его флангъ»,—и вслѣдъ за тѣмъ былъ убитъ. Адъютантъ мой Авиловъ, 16-тилѣтній юноша, когда подо мною убиты были вслѣдъ одна за другою двѣ лошади и когда я потребовалъ третью, т. е. изъ подъ него, равнодушно, т. е. подъ градомъ пуль, спросилъ:

— «А я какъ-же буду?»

— Кому ближе быть пѣшкомъ—тебѣ, или мнѣ? подхватилъ я.

— «О, конечно, мнѣ», отвѣчалъ Авиловъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ пошелъ въ стрѣлковую цѣпь.

Потеря 14-ти офицеровъ, между которыми многихъ я любилъ, какъ братьевъ, такъ меня поразила, что я плакалъ о нихъ, какъ ребенокъ.

Оставивъ позицію по необходимости, я еще два раза былъ атакованъ фланговымъ движеніемъ непріятеля въ двухъ дефилеяхъ; но штыки и дружное «ура!» спасли меня вновь.

Графъ сердился сперва за медленное мое отступленіе; но, бывъ убѣжденъ въ невозможности, отдалъ полную справедливость храбрости и неустрашимости полка, а особенно гг. офицеровъ, которые въ сей день кровію и жизнію утвердили славу свою, и, если смѣю такъ выразиться, то и любовь, и усердіе къ

Разбей непріятель сто разъ ефрейтора-полковника, это было бы все тоже, что ничего; разбей меня, цивильнаго полковника, отъ этого взбеленилась бы вся армія и покраснѣлъ бы царь и Воронцовъ. Эти чувства и разсчеты одушевляли меня и я, конечно, не перенесъ бы пораженія. С. М.

начальнику, одушевлявшему ихъ среди величайшихъ опасностей. Они, посреди разговоровъ, часто повторяли мнѣ:

— «Какъ же намъ не драться хорошо, когда вы видѣли каждый шагъ нашъ и заставляли насъ позабыть и опасность, и смерть».

Изъ солдатъ выбыла $^1/_3$; но я похвалиться могу тѣмъ, чѣмъ, конечно, рѣдкіе похвалются: у меня выбыли только тѣ, коихъ похитила только смерть или тяжелыя раны; съ легкими ни одинъ не оставилъ ни мѣста боя, ни полка. Такъ общій духъ его облагорородилъ дѣйствія каждаго и возвысилъ душу до степени героевъ и побѣдителей! Въ вѣкѣ безъ храбрыхъ я, можетъ быть, удостоился бы чести слыть вторымъ Багратіономъ; но въ послѣднемъ и самомъ блистательномъ вѣкѣ обожаемаго Александра I, едва-ли не всякій офицеръ былъ уже Багратіонъ. Сказать-ли вамъ правду, чего жаждала душа моя?... Рѣдкой опасности, отчаяннаго дѣла! А для чего? Чтобы обожаемый мною царь удостоилъ меня при случаѣ ангельской улыбки своей, которую украшала душа его, и чтобы сказалъ самъ себѣ: «Маевскій оправдалъ выборъ мой». Я дожилъ до этого счастія и наслаждался имъ до конца дней сего бога-царя!

День Краонскаго сраженія отрубилъ всѣ вѣтви у предразсудка, но не искоренилъ зависти. Съ этой минуты я положилъ твердое основаніе для военной моей репутаціи. Но сѣдые полковники изъ-подтишка говорили между собою:

— «Хорошо ему здѣсь отличаться; но каково-то будетъ въ мирѣ, для котораго кто не взросъ между солдатъ, тотъ никогда не будетъ солдатъ».

Другіе же говорили:

— «Слыханная-ли вещь—навязываться самому въ дѣло и лишать родителей толикаго числа дѣтей!»

На другой день я отдыхалъ послѣ трудовъ и, признаюсь, оплакивалъ добрыхъ товарищей. Друзья мои и ихъ, т. е. однобокорытники 13-го пѣхотнаго полка — Красовскій и Канивальскій—утѣшали меня; а этой чести удостоилъ меня и графъ, получившій въ тотъ же день сильный ушибъ. Но горе мое еще болѣе увеличивалось потерею друга раннихъ дней моихъ — Дунаева, который охраняя дефиле, остававшееся для моего отступленія, получилъ смертельную почти рану и безъ надежды къ жизни отвезенъ въ госпиталь. Вотъ въ другой разъ оплакиваю я его и въ другой разъ нахожу утѣшеніе въ выздоровленіи его.

За полдень уже было, какъ намъ велѣно отступать. Обширная равнина, пересѣкавшаяся у насъ въ тылу оврагами и пропастями, начала застилаться непріятельскими линіями. Къ несчастію, у насъ вовсе не было кавалеріи. Графъ устроилъ пѣхоту кареями (эшалонами),—и гдѣ больше опасность, гдѣ больше огонь, тамъ, конечно, былъ уже и графъ Воронцовъ. Подъѣхавъ ко мнѣ при самомъ приближеніи непріятельской кавалеріи, съ удивительнымъ хладнокровіемъ отдалъ приказанія и выждалъ, пока мы славно приняли непріятеля и опрокинули его назадъ. Послѣ этого сдѣлалось общее отступленіе эшалонами. По особой довѣренности и надеждѣ, бригада наша, подъ командою Красовскаго, прикрывала ретираду корпуса до самаго вечера, пока не подоспѣла къ намъ армія Блюхера. Но дѣло это послѣ вчерашняго было для меня точно такъ, какъ бываетъ борей послѣ ураргановъ. Конечно, надобно отдать здѣсь всю справедливость графу Воронцову, который изъ всей своей свиты остался цѣлъ только одинъ. Судьба сохранила его для великаго. Къ довершенію моего счастія, или лучше, къ удивленію, судьба явно стала покровительствовать мнѣ. Когда мы съ трудомъ перебрались черезъ пропасти и оставили за собой графа съ частію кавалеріи и батарей, бомба падаетъ между 13-мъ и 14-мъ полками. Общій голосъ закричалъ: «Разсыпься!» 14-й—это сдѣлалъ, а я пошелъ массою. У меня не убило ни одного и полкъ былъ въ порядкѣ, а у 14-го перебило до 20-ти чел. Я строго держался правила: прогонять страхъ устройствомъ: ибо привычка разсыпаться отъ каждаго выстрѣла разстроиваетъ невозвратно духъ и поселяетъ невольный страхъ. Я это испыталъ и надъ собою, и надъ другими.

Вотъ два дня сплошь, какъ кровавый бой не оставлялъ насъ ни на шагъ. Ночью уже пришли мы къ Этуведелю и полагали, что насъ замѣнитъ армія Блюхера. Но въ полночь пріѣзжаетъ генералъ Красовскій и съ ужасомъ говоритъ намъ о положеніи нашихъ армій. Представьте вы себѣ картину, когда въ одну точку сосредоточатся сотни тысячъ войскъ, шедшихъ по разноцентреннымъ направленіямъ и спѣшащихъ къ свѣту занять свои мѣста,—тогда пересѣкаемые пути дѣлаются уже непроходимыми. А добавьте къ этому глубокую ночь, мрачное небо и непріятеля, какъ говорится, на плечахъ,—тогда вы дорисуете остальную картину.

Красовскій объявилъ мнѣ, что мы остаемся въ аріергардѣ и что именно намъ приказано: «или умереть на мѣстѣ съ честью, или, во чтобы то ни стало, удержать непріятеля!» Красовскій, я и Апушкинъ сокрыли положеніе наше въ большой тайнѣ; но дали себѣ взаимную клятву — оправдать довѣренность, хотя бы это стоило величайшихъ жертвъ. Мы всѣ трое жили какъ братья, и никогда никто еще не видѣлъ, чтобы въ мирѣ и въ бою былъ кто-либо насъ дружнѣе. Наши офицеры и солдаты были какъ-будто одного семейства и раздѣляли съ нами самыя высокія и рѣшительныя чувства. Мы знали, что пока одинъ изъ насъ троихъ останется дѣйствующимъ, до тѣхъ поръ дѣло будетъ упорное и кровавое. Когда насъ не станетъ, тогда мы смѣло скажемъ: «мы, трое вмѣстѣ и каждый по одиночкѣ, исполнили долгъ чести».

Я, болѣе другихъ утомленный, бросился на свою бурку и благодѣтельный морѳей скоро принялъ меня въ свои объятія. Но голодъ, несносно сырая и холодная ночь и близость непріятеля не дали долго наслаждаться мнѣ моимъ покоемъ. Тоскуя о томъ, что нечего съѣсть и выпить—ибо запасы съ вьюками отбились, а для чайника огня разводить не возможно — мы, признательно сказать, провели эту ночь точно въ постѣ и большомъ бдѣніи, ожидая, что съ разсвѣтомъ Наполеонъ непремѣнно насъ атакуетъ.

Чтобы дать понятіе о критическомъ положеніи арміи, а тѣмъ болѣе нашемъ, надобно пробѣжать вмѣстѣ со мною по мѣстному очерку обѣихъ позицій.

У Этуведеля сгибаются высоты на 50 — 60 и 70 саж. возвышенности и опоясываютъ селеніе амфіатрально, или ближе сказать, подковою. Съ этой высоты какъ-будто ниспадаетъ дорога въ селеніе: ибо она усѣченно идетъ съ горъ, а по сторонамъ у нея лежатъ пересѣкаемыя мѣста, т. е. низменныя или луговыя, изрытыя правильными каналами и утвержденныя шлюзами. Красовскій сталъ съ своимъ полкомъ въ селеніи на самой дорогѣ, обезпечивъ выходъ къ ней рвами, окопами и славною батареею Апушкина. Я съ моимъ полкомъ расположился вправо, по протяженію рва, служившаго мнѣ въ родѣ крѣпостнаго вала до оконечности каналовъ. Къ счастію нашему, французы во-время дали намъ проснуться, осмотрѣть позицію, утвердиться и познакомиться и съ мѣстоположеніемъ, и съ важными пунктами. Сдѣлай они съ нами съ вечера то, что сдѣлали ввечеру другаго дня съ

смѣнившими насъ войсками, тогда участь наша, а можетъ и всей арміи, равна бы была послѣднимъ. Но французы или сами опасались этого мѣста, или незнали драгоцѣнныхъ выгодъ времени,— они атаковали насъ почти въ 10-ть часовъ утра. Попытка на дорогу была неудачна: два героя—Красовскій и Апушкинъ, одушевляя другъ друга, носились вездѣ, какъ перуны. Апушкинъ, не смотря на холодное время, на слабость здоровья — отъ чего онъ и лѣтомъ не выходилъ изъ шубы—здѣсь сбросилъ съ себя все до рубахи, и самъ заряжалъ, наводилъ и стрѣлялъ. Прочіе всѣ послѣдовали его примѣру. Огнедышащая эта батарея всего страшнѣе была тѣмъ, что заряды ея были — клятва, а фитилемъ служили ей — честь и слава. Красовскій почти въ началѣ получилъ сильную контузію и прислалъ мнѣ сказать, что когда его убьютъ, чтобъ я принялъ команду: такъ мало надѣялся онъ на средства спасти свою жизнь!

Французы, видя твердость упора, начали ощупывать правый мой флангъ и заняли рощу, имѣвшую сообщеніе съ промежуточною полосою нашей позиціи. Я схватилъ роту егерей съ храбрымъ Товбичемъ и повелъ ихъ въ рощѣ. Не долго держались французы: они уступили мѣсто боя. Но огонь усилился и сраженіе завязывалось сильнѣе и сильнѣе. Посреди того, какъ я подъ градомъ пуль и картечи занималъ рощу, принялъ команду надъ нами генералъ-адъютантъ Чернышевъ. Первая обо мнѣ рекомендація была роща; второй онъ уже не требовалъ. Я обратился къ резервамъ, потребовалъ охотниковъ: солдатъ и офицеровъ было много. Но къ стыду, три баталіонныхъ командира отказались отъ команды. Двоихъ, какъ трусовъ, я оставилъ угрызенію собственнаго стыда ихъ, а третьяго, болѣе смѣлѣйшаго, заставилъ идти съ собою. Онъ, отъ страха, слѣзъ съ лошади и при каждомъ ядрѣ падалъ на землю, а сему послѣдовалъ и одинъ изъ офицеровъ... Виноватъ! Я приказалъ: перваго, кто струситъ, отвести къ Красовскому, и это помогло мнѣ довесть баталіонъ до мѣста боя.

Надобно замѣтить, что это не тѣ уже были офицеры, которые дрались подъ Краономъ; ихъ осталось только 6, и это былъ единственный оплотъ храбрыхъ. Прочіе прикомандированы изъ другихъ полковъ, а кто же пошлетъ лучшаго? Къ тому-же, послѣ моего дѣла при Краонѣ, въ арміи получили мудреное какое-то

понятіе, что идти со мной—значитъ идти прямо на пиръ смерти. Такъ всегда трусы боятся храбрыхъ. И это бываетъ только въ часы боя; а послѣ боя говорятъ: «я былъ съ Маевскимъ въ дѣлѣ». Это на нашемъ языкѣ есть тоже, что торжествовать совершенную побѣду надъ собою и преимуществовать предъ другими. Многіе говорили: «я сегодня былъ въ дѣлѣ съ Маевскимъ, и если бы каждая пролетѣвшая мимо насъ пуля попадала прямо въ насъ, тогда-бъ изъ насъ сдѣлалось бы рѣшето!».

Въ войнѣ иногда и излишняя строгость необходима. Трусость хуже всякой заразы. Зараза пожираетъ свои жертвы исподоволь, а трусъ въ минуту уничтожаетъ тысячи: закричи только извнѣ: «спасайся!» и, конечно, на мѣстѣ не останется ни одного. Это доказала намъ славнѣйшая французская армія при Ватерлоо,—отчего главнѣе она и погибла.

Едва я подкрѣпилъ мой флангъ, какъ новыя массы вновь начали дебушировать слабыя мои укрѣпленія. Мнѣ подослали баталіонъ егерей и два мушкатерскихъ полка. Я былъ все это время въ огнѣ и ничего не зналъ о происходившемъ у меня въ тылу: ибо власть моя ограничена до того была однимъ только моимъ полкомъ, бывшимъ съ утра въ самомъ жаркомъ огнѣ, а начальники резервныхъ моихъ войскъ, не явившись ко мнѣ, ожидали появленія моего у себя уже въ линіяхъ. Но каково было мое удивленіе, когда я издали вижу сзади за собой бугры необычайной величины! Не ожидая, чтобъ непріятель взялъ меня въ тылъ, я тѣмъ не менѣе пораженъ былъ странностью вида и неизвѣстностью. Прискакавъ на мѣсто, вижу скачущаго ко мнѣ подполковника Букойскаго. Онъ прибылъ съ егерями и ожидалъ моего приказанія; а съ нимъ же прибыли два полка мушкатеръ—Пензенскій и Саратовскій. При мушкатерскихъ полкахъ почти никого изъ начальниковъ не было, а люди ихъ лежали на льду подъ ружейными выстрѣлами въ видѣ накладныхъ кочекъ. Я приказалъ Букойскому вывесть ихъ изъ-подъ выстрѣловъ, сомкнуть въ колонну и составить твердый резервъ подъ его командою, пока явятся настоящіе мушкатерскіе начальники, изъ коихъ оба были старѣе меня въ чинахъ.

Ровно три дни, какъ люди мои, вмѣсто хлѣба, разжевывали одни только патроны и съ помощію отдѣляемой ими влаги сохраняли еще остатокъ нѣкоторой питательной силы. Ночь застала

насъ опять въ новомъ и весьма сомнительномъ положенiи. Но въ 11-ти часамъ ночи смѣнили насъ мушкатеры Пензенскаго и Саратовскаго полковъ.

По условiю съ Красовскимъ, мы должны были пройти въ ту же ночь къ Лаону, верстъ 20, и примкнуть къ тамошнему войску, гдѣ Блюхеръ торжествовалъ уже побѣду. Я разсчелъ, что мой полкъ, уставшiй и неѣвшiй отъ 3-хъ-дневнаго безпрестаннаго боя, долженъ будетъ въ новомъ лагерѣ искать еще позицiи, приготовлять мѣсто, дрова и воду; а у Этуведеля все это уже было готово. Итакъ, я рѣшился отдохнуть здѣсь и остатками крохъ хлѣба и воды подкрѣпить угасавшiя силы людей. Яркое пламя огней дѣйствовало на насъ, подобно лѣтнему лучезарному солнцу послѣ холодныхъ и влажныхъ ночей. Мы забыли о себѣ и о пищѣ и искали услажденiя въ одной благотворной теплотѣ и покоѣ.

Но тутъ выстрѣлъ, тамъ другой,—тамъ «ура!»,—а тамъ батальный огонь, потомъ тихо,—потомъ огонь, потомъ опять тихо и опять огонь.... Относя это къ недостатку опыта стоять умно въ цѣпи, мы занимались только собой. Но вдругъ слышу голосъ, зовущiй меня: лечу и вижу генералъ-адъютанта Чернышева, котораго сквозь цѣпь обошли французы и стали въ тылу занимать его квартиру! На бивуакахъ подъемъ,—минута—я сталъ въ ружье, ударилъ и отрѣзалъ. Но въ это время въ тылу цѣпи открылся адскiй огонь и два полка мушкатеръ сдѣлались жертвою своего невѣжества. Вотъ главная причина: мушкатеры, какъ я уже сказалъ, пришли и заняли мѣста въ большомъ безпорядкѣ; никто изъ ихъ начальниковъ не обезпокоилъ себя осмотрѣть мѣста, связать цѣпь, пикеты, разъѣзды и патрули. При томъ, по обыкновенiю, они стали ночью и заняли посты такъ, какъ занимаютъ въ лагеряхъ, т. е. офицеръ смѣнилъ офицера, унтеръ — унтера, а часовой—часоваго: «честь и мѣсто!» Вотъ и вся сдача.

Но французы днемъ еще высмотрѣли мѣста, узнали отъ жителей и навѣрное имѣли проводниковъ. Они стали дѣлать фосъатаки, и пользуясь безконечнымъ огнемъ, разрѣзали цѣпь и посты и очутились главными массами въ тылу нашего арiергарда. Мушкатеры, неимѣвшiе тогда привычки къ раздѣльному бою, побросали оружiе и болѣе 800 попало въ плѣнъ, а прочiе всѣ, безъ команды и строя, спасались какъ кто могъ! На цѣломъ плацдармѣ этого боя остался одинъ я съ своимъ и двумя казачьими полками,

и всю ночь и до 10-ти часовъ утра, если можно такъ выразиться, несъ на плечахъ у себя до 10-ти т. непріятеля до самаго Лаона. У меня было убито и ранено не болѣе 100 человѣкъ. Ночь и мѣстное положеніе всего болѣе благопріятствовали моему отступленію. Итакъ, я, за два часа обманчиваго покоя, заплатилъ трудами 12-ти часовъ и 100 человѣкъ людьми. Красовскій былъ прозорливѣе меня.

У Лаона я засталъ торжество побѣды. Здѣсь Мармонтъ потерялъ все, кромѣ чести. Съ этой стороны ни одного француза укорить невозможно, тогда какъ я видѣлъ тутъ же своихъ двухъ-трехъ шефовъ, которые, распустивъ полки въ цѣпь, оставались караулить денежные казенные ящики. По крайней мѣрѣ, такъ они виды свои прикрывали, считая несовмѣстнымъ — генералу быть съ полкомъ въ цѣпи.

Я не знаю торжества выше героизма; чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на тебя сила воображенія,—оно расширяетъ свои крылья и въ полетѣ своемъ чертитъ самыя яркія картины, унося насъ въ міръ волшебный и очаровательный. Въ это время герой чувствуетъ себя выше простаго смертнаго и въ душѣ покоряетъ все своей волѣ и силѣ. Нельзя отвергать, чтобы чувство это не вознаграждало гордости и славолюбія; но если эти два чувства творятъ героевъ, такъ пусть же онѣ существуютъ во всѣ времена и вѣка.

У Лаона опять поставили меня въ цѣпь. Ночной выстрѣлъ произвелъ тревогу; но скоро все успокоилось. На другой день мы простились съ славнымъ нѣкогда Сенъ-При, который заплатилъ жизнію дань Реймсу.

Въ войнѣ, какъ и въ министерствѣ, на кого болѣе надѣются, того болѣе и употребляютъ. Я счастливъ былъ только однимъ, что война и труды меня не утомляли; а гг. офицеры и солдаты искали опасностей, какъ клада: такъ сила одного и преимущество общее очаровываютъ иногда чувства и сливаютъ желанія въ одну урну.

Отъ этого времени начинается эпоха новыхъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Союзные полководцы, по ошибочному разсчету раздѣливши между собою поле войны, спѣшили, каждый по себѣ и безъ связи съ цѣлымъ, занять Парижъ, или просто заслужить вѣнецъ славы. Они пошли туда въ разныхъ направленіяхъ. Блю-

херъ обошелъ Суасонъ и пошелъ далѣе; Сен-Пріестъ занялъ Реймсъ, а Лаонъ былъ въ нашихъ рукахъ. Наполеонъ врѣзался въ средину, выгналъ изъ Реймса Сен-Пріеста, отрѣзалъ Блюхера и пошелъ къ Лаону. Удайся ему здѣсь одна побѣда—и онъ прогналъ бы насъ за Рейнъ. Но судьбы человѣка сильнѣе ума человѣческаго.

Отъ Лаона мы пошли къ Ретелю, заняли его и простояли тамъ два дня. Тамъ нашли мы большой оружейный арсеналъ и фабрику. Графъ позволилъ офицерамъ взять себѣ часть оружія, а я мое раздарилъ офицерамъ. Къ Суасону подошли мы еще во-время, т. е. когда Блюхеръ былъ впереди его на 1/2 дня ходу. Наполеонъ гналъ его и въ хвостъ, и въ голову. Мы всѣ эти полтора дня дрались и намъ капитулировали: комендантъ далъ себя обмануть и мы, почти изъ-подъ картечныхъ выстрѣловъ Наполеона, взяли важнѣйшую эту крѣпость на капитуляцію. Отворивъ ворота Блюхеру и затворивъ ихъ для Наполеона, остановили мы бурный потокъ непріятеля и всѣ ожидавшія насъ бѣдствія.

Въ Суасонѣ я имѣлъ два торжества: 1) то, что я уже независимо отъ опекуна командовалъ самъ-по-себѣ 12-ю батальонами, а 2) то, что побѣда наша надъ сею крѣпостью короновалась церемоніальнымъ вшествіемъ 13-го егерскаго полка, какъ храбрѣйшаго и щеголеватѣйшаго изъ всего корпуса.

Изъ-подъ Суасона пошли мы къ Реймсу, который до насъ взятъ былъ легкой партіей Чернышева, но который того же дня уступилъ его опять превосходной силѣ непріятеля. Полкъ мой, по частой кровавой битвѣ, вошелъ въ кордъ-дарме не для того, чтобъ отдохнуть, а для того, чтобъ заглушить ропотъ другихъ, завидовавшихъ мнѣ и Красовскому, что наши полки всегда идутъ въ головѣ корпуса. А кто изъ военныхъ не зналъ того, что головной полкъ противъ хвостоваго имѣетъ всегда 7-мъ и 8-мъ часовъ въ сутки лишняго отдыха? Къ полудню кричатъ: «13-й и 14-й егерскіе полки впередъ!» Мы обогнали всѣхъ и очутились опять на головѣ. Я по привычкѣ ѣхалъ всегда при полку, а Красовскій ристалъ при главной квартирѣ, но въ дѣлѣ былъ всегда со мной.

Къ семи часамъ вечера Красовскому и мнѣ велѣно штурмовать Реймсъ. Красовскій повелъ атаку отъ юго-западныхъ, а я отъ юго-восточныхъ воротъ. Мнѣ дали пушку и колоновожатаго.

Ночь упредила наше приближеніе. Колоновожатой исчезъ, а пушка, по ошибкѣ 16-ти-лѣтняго артиллерійскаго прапорщика, засорила затравку и не могла стрѣлять. Мы вошли въ дефиле, или чрезъ большую парижскую дорогу, которая съуживалась слѣва каменною крѣпостною стѣною 8-ми и 9-ти саж. высоты, а справа — озеромъ. Прямо противъ меня стояли такой же высоты желѣзныя рѣшетчатыя ворота, а по бокамъ ихъ были двѣ караульни, цѣлою стѣною къ наружной сторонѣ.

Не видя ни зги, мы видѣли воду и прямо предъ собою чернѣющійся путь. Закричали «ура!» и ударились, какъ говорится, лбомъ объ ворота, которыя были забиты и обвиты цѣпями. Общій голосъ закричалъ: «Пушку! пушку!» Она подъѣхала, но стрѣлять никакъ не могла. Устроивъ линіи, я отъ нетерпѣнія бросился къ воротамъ, которыя были въ 10-ти шагахъ отъ насъ, сталъ на плечи моего адъютанта Лисецкаго, который былъ ростомъ чуть-чуть не до трехъ аршинъ, и началъ самъ разламывать цѣпи и ворота. Но сотня выстрѣловъ пролетѣла чрезъ промежутки воротъ прямо въ насъ. Стоявшія за мною линіи отвѣчали огнемъ за огонь и обѣ стороны какъ-будто взяли насъ за свою мѣту. Мы пали на землю, утушили свой огонь и возстановили порядокъ; но воротъ взять не могли. Храбрый Товбичъ (готовый рѣзаться, ежели бы пустили его впередъ) вломился въ окно одной изъ караулень, пробился въ другое во внутрь крѣпости и открылъ намъ путь, хотя трудный и опасный, но, по крайней мѣрѣ, единственный. Красовскій былъ съ Воронцовымъ и не имѣлъ такихъ затрудненій. Мы съ нимъ соединились у моихъ воротъ и заняли Реймсъ. Приди я раньше, я прошелъ бы въ бродъ и не имѣлъ бы такихъ затрудненій [1]).

---

[1]) Вотъ что писалъ двадцать одинъ годъ спустя, послѣ описанныхъ здѣсь событій, историкъ войны 1812—1814 гг. А. И. Михайловскій-Данилевскій къ С. И. Маевскому:

«Милостивый государь, Сергѣй Ивановичъ! Двадцатилѣтнее дружеское ваше ко мнѣ расположеніе подаетъ мнѣ поводъ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Я занимаюсь описаніемъ похода 1814 года во Францію. Все то, что происходило въ главной арміи или богемской, мнѣ извѣстно, потому что я самъ при ней находился; но дѣйствія прочихъ армій я знаю только по описаніямъ, изъ коихъ одни другимъ противорѣчатъ. Вотъ причина, побудившая меня безпокоить васъ и просить васъ покорнѣйше сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о вашихъ дѣйствіяхъ во Франціи съ незабвеннымъ и для меня 13-мъ егерскимъ полкомъ. Блистательное участіе, которое вы принимали

У Реймса я сталъ на аванпостѣ отъ стороны Эперне, знаменитаго своимъ виномъ. Вино, пища, роскошь и излишество въ удовлетвореніи всѣхъ нашихъ желаній вознаградили насъ за двунедѣльный кровавый бой и лишеніе потребностей. Мы походили тогда на мореходцевъ, которые, послѣ грозившей имъ бури и смерти, нашли тихую и пріятную пристань со всѣми житейскими радостями и наслажденіями. Полкъ мой со стороны желудка не терпѣлъ ничего; но со стороны одежды и обуви былъ совершенно голъ. Въ десяти шагахъ отъ меня стоялъ большой госпиталь; больныхъ въ немъ не было, но вещи оставались на лицо. Я, по праву побѣдителя и хозяина, взялъ бѣлье, одѣяла и проч., и тутъ же, на бивуакахъ, одѣлъ полкъ. Графъ погнѣвался на меня за своевольство мое, но въ душѣ былъ радъ, что я, сокрывъ нищенскій, далъ полку видъ щеголеватыхъ солдатъ. Они имѣли рубахи, панталоны и изъ 2-хъ сдѣлали одинъ мундиръ, окунувъ его въ краску нашего цвѣта. Я два года донашивалъ французскіе мундиры и дрался съ ними ихъ же ружьями, подбираемыми на поляхъ сраженія. Человѣкъ, одушевляемый пользою, ищетъ только полезнаго. Офицеръ въ войнѣ похожъ на дилижансъ: онъ знаетъ только одно, когда его запрягутъ и повезутъ. Но куда, зачѣмъ и съ кѣмъ? Это не входитъ въ его разборчивость.

Я здѣсь описалъ бо̀льшую часть моей нравственной и политической жизни. Но жизнь эта была больше машинальная, физическая, чѣмъ мыслящая. Отсюда только начинается свѣтъ моей философіи, объявшей меня впослѣдствіи. Званіе, чинъ, вѣсъ и извѣстность въ свѣтѣ, родили во мнѣ честолюбіе; честолюбіе потребовало ума, ученья и познаній. Я сталъ входить въ самаго себя и увидѣлъ, что природа, одаривъ меня своимъ, ничего еще не

во многихъ сраженіяхъ, а особенно подъ Краономъ, если будетъ описано краснорѣчивымъ перомъ вашимъ, составитъ прелестное украшеніе моей исторіи. Не откажите въ моей усердной просьбѣ, я прошу васъ именемъ славы Россіи, именемъ собственной вашей славы. Если недосуги и служебныя занятія не позволятъ вамъ составить подробнаго описанія Краона, Лаона и другихъ безсмертныхъ дѣлъ, къ сожалѣнію, еще мало извѣстныхъ Россіи, а особенно юному поколѣнію, то̀ удѣлите мнѣ хотя отрывки, отдѣльныя, разбросанныя черты. Вы симъ наичувствительнѣйше меня обязать изволите..... Съ искреннимъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть и проч. А. Михайловскій-Данилевскій».

С.-Петербургъ, 26-го марта 1835 г.

заимствовала у искусства. Ровно въ 33 года я узналъ потребность узнавать и образовывать самаго себя. Однѣ великія нужды или одни великіе примѣры пробуждаютъ наше усыпленіе, развиваютъ наши способности и даютъ намъ возможность отдѣлить невѣжество отъ просвѣщенія.

Но пойдемъ далѣе за нитью военныхъ нашихъ произшествій...

X.

Парижъ.

Бой подъ Парижемъ. — Рекогносцировка. — Въ Парижѣ. — Пале-Рояль. — Сирены. — Забавы и удовольствія. — Достопримѣчательности.

1814 г.

Намъ сказали походъ и мы просто и безъ размышленія пошли къ Парижу. Не думая ни о затрудненіяхъ, ни объ опасностяхъ, мы уже напередъ рисовали себѣ эту столицу моды и вкуса. Какое-то особенное предубѣжденіе, всасываемое съ млекомъ матери, говорило мнѣ, что въ Парижѣ — все сверхъестественно и что, стыжусь сказать, что тамъ люди ходятъ и живутъ не такъ, какъ мы; словомъ, они существа выше обыкновеннаго.

Предъ тѣмъ, какъ подступать къ Парижу, сказано было намъ, что мы поступаемъ въ составъ арміи Блюхера и что Блюхеръ на маршѣ будетъ насъ смотрѣть. Мы одѣлись какъ на смотръ, или ближе, какъ на балъ. Но вдругъ, вмѣсто Блюхера, пошли въ пылъ сраженія. Красовскій командовалъ всею пѣхотою, а я—авангардомъ, т. е. его и своимъ полкомъ. Опрокинувъ вездѣ непріятеля, я занялъ форштадтъ, и здѣсь, подъ стѣною Парижа, выдержалъ жесточайшій огонь! У меня много перебито и переранено.

Когда сраженіе кончилось—это было 5-ть часовъ пополудни, тогда Красовскій приказалъ занять вправо новую позицію. Государь былъ самъ съ гренадерами въ огнѣ на высотѣ, которая командовала всею окрестностью,—и замѣтивъ необыкновенно щеголеватое войско, дерущееся съ отважностью и блестящее одеждою, полюбопытствовалъ узнать, какого рода были войска сіи? Красовскій согрѣшилъ, указавъ на одинъ свой полкъ, оставшійся на сценѣ сраженія, и умолчавъ о другихъ. Конечно, и Красовскій не гордился бы одною одеждою, ежели бы войска къ блистающей одеждѣ не присовокупляли блистательной храбрости. А храбрость эта оказана была подъ личною моею командою. Это

было дѣло авангарда, или двухъ полковъ моей бригады. Въ глазахъ божественнаго Александра храбрость почиталась первѣйшею добродѣтелью воина. Если же сказать правду, то добродѣтель эта не есть и принадлежность всякаго — это особый даръ неба, потому-то и надобно отдѣлять всегда храбрыхъ отъ такъ-извѣстныхъ подъ именемъ: «онъ не трусъ». Впослѣдствіи стали думать, что всякій солдатъ есть уже герой и что простая храбрость не есть уже особая добродѣтель. Эта мысль похожа на ту, когда бы всякаго стихомарателя стали считать писателемъ-геніемъ, ибо и тотъ, и другой пишутъ стихи.

Ввечеру, или послѣ прелиминарныхъ условій, мы расположились на форштадтѣ Парижа. Какъ только мракъ ночи спустилъ свою завѣсу, я съ Красовскимъ поѣхалъ любоваться и посмотрѣть на стѣны Парижа. Главный планъ—любопытство, а второй и рекогносировка, ибо мы были головные бойцы и должны были знать, гдѣ лучше проломить лбомъ стѣну. Намъ предшествовали казаки, кочевавшіе по улицамъ форштадта. Въ одномъ мѣстѣ видимъ мы сотни французовъ, разсматривающихъ мертвую женщину, которая за отвратительное поведеніе заплатила жизнію, и вѣрный признакъ поруганія былъ одинъ изъ многихъ казаковъ. Мы бросились оттуда прочь и подъѣхали къ воротамъ, откуда выходили и выѣзжали смотрѣть русскихъ. Тамъ подошелъ къ намъ одинъ изъ польскихъ офицеровъ, и послѣ отвлеченныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, сказалъ:

— «Господа, мы сегодня братья по оружію; завтра враги по тому же праву».

Но онъ ошибся,— этотъ самый офицеръ первый встрѣтилъ меня въ Варшавѣ и былъ хорошимъ моимъ пріятелемъ. Пруссаки, въ грабежѣ вѣрные послѣдователи учителямъ своимъ—французамъ, успѣли уже ограбить форштадтъ, ворваться въ погреба, отбить бочки и уже не пить, но поколѣно ходить въ винѣ. Мы долго держались человѣколюбиваго правила Александра; но искушеніе сильнѣе страха: наши люди пошли за дровами, а притащили бочки. Мнѣ достался въ удѣлъ коробъ, конечно, въ 1,000 бутылокъ шампанскаго. Я роздалъ ихъ въ полку и, не безъ грѣха, повеселился и самъ на канвѣ жизни, считая, что этотъ узоръ завтра или послѣзавтра завянетъ.

Поутру объявлено намъ шествіе въ Парижъ. Мы были го-

товы; но солдаты наши были больше нежели полупьяны. Долго хлопотали мы прогнать ихъ чадъ и устроить.

Пройдя заставу, меня поставили на бивуакахъ. Около 11-ти часовъ утра, летитъ офицеръ и говоритъ: «нашихъ рѣжутъ». Онъ поспѣшилъ одинъ забраться въ центръ столицы и, конечно, худо былъ принятъ. Цѣлыя сутки простоялъ я у рогатки; къ вечеру взялъ я противоположный домикъ и расположился по-хозяйски, сохраняя и безопасность, и цѣлость имущества хозяина. Долго, очень долго его не было; наконецъ, является хозяйка съ двумя прекрасными дочерьми. Она боязливо разсматривала насъ и долго не вѣрила, что мы русскіе. Такъ-то вездѣ обманываютъ чернь и представляютъ непріятеля въ видѣ циклоповъ и людоѣдовъ. Я вспоминалъ, какъ мы первый разъ пришли въ Венгрію, гдѣ хозяинъ дома попряталъ своихъ дѣтей, полагая, что мы ихъ съѣдимъ живьемъ!

На другой уже день мы были въ Парижѣ, какъ дома. Меня все занимало и все выводило изъ предубѣжденія. Я и Красовскій представляли собой двухъ сросшихся Сіамцовъ, т. е. мы вѣчно были вмѣстѣ, одного желали и одно чувствовали; наша казна была общая, а нужды одного составляли нужды другаго. Мы были вездѣ, осмотрѣли все. Но описывать Парижъ—это было бы тоже, что приняться строить новыя египетскія пирамиды. Къ чести народа, я видѣлъ въ немъ всеобщую вѣжливость; а что всего святѣе, онъ не знаетъ звѣрства, или вѣроломнаго мщенія. Французъ, запятнавшій себя убійствомъ обезоруженнаго, почелся бы извергомъ и пересталъ бы носить имя честнаго. Ихъ стихія—новость, легкость и разсѣяніе; ихъ улицы и площади похожи на волну людей, смѣняющую одна другую. Но чернь—вездѣ чернь. Она слѣдуетъ по движенію перваго впечатлѣнія и готова столько же на глупое, сколько и на великое. Въ первый день входа русскихъ, они хотѣли сорвать бронзовый обелискъ Наполеона, но вскорѣ послѣ того раскаялись и готовы были опять купить его потокомъ крови своей.

Пале-Рояль представляетъ биржу Англіи. Въ 7-мь часовъ вечера спѣшитъ туда маркизъ съ семействомъ и замаранный его истопникъ съ замаранною своей супругою (и въ деревянныхъ башмакахъ); мужчины ходятъ подъ ручку каждый съ своею дамою. Какъ ни тѣсно въ Пале-Роялѣ, но я только въ два раза бытно-

сти моей въ Парижѣ видѣлъ маленькій шумъ, и то на секунду. Маркизъ истопнику, а сей наоборотъ даютъ другъ другу столько мѣста, чтобы только не зацѣпиться плечами. (Мы, напротивъ, какъ турки, любимъ толкать слабѣйшихъ, за что въ Корфу были ежедневныя драки. Извѣстный математикъ нашъ Рахмановъ не могъ сносить равнодушно, что германцы не уступаютъ ему дороги и не снимаютъ предъ нимъ шляпы). Къ чести націи, каждый занимается собою и не знаетъ той презрительной улыбки, которая такъ разительно раздѣляетъ состояніе и наружность вида. А это-то дѣлаетъ всеобщую гармонію и не даетъ повода къ ссорамъ. О характерѣ французовъ всего ближе судить по слѣдующему. Около 11-ти часовъ ночи парижскія сирены вырываются изъ погребовъ своихъ и манятъ охотниковъ до наслажденій. Зная, что русскіе очень падки и щедры, онѣ почти насильно тащатъ въ свои норы молодыхъ нашихъ офицеровъ. Я замѣтилъ это одному пожилому французу. Но вотъ его отвѣтъ: «природа или искусство дали каждому родъ своей мануфактуры. Тутъ нечего удивляться, ежели онѣ промышляютъ тѣмъ, что составляетъ всю ихъ торговлю». Но и тутъ видѣнъ характеръ: женщина, заманившая васъ въ нору, въ домъ, на чердакъ 3—4-го этажа, никогда не рѣшится ни обобрать васъ, ни обворовать, ни ограбить; напротивъ, она дорожитъ репутаціею дома и даетъ вамъ билетъ, гдѣ отыскать ее на предбудущее время. Хозяйка дома и лекарь отвѣчаютъ за ея здоровье, но съ этой стороны не всегда и не на всѣхъ можно полагаться.

Въ Парижѣ на каждомъ шагу 5—6 новыхъ видовъ: здѣсь фокусникъ показываетъ, какъ птички штурмуютъ крѣпость; тамъ—какъ блохи везутъ пушку, заряжаютъ и стрѣляютъ. Но всего смѣшнѣе, какъ среди двухъ является 3-й, крича во все горло: «пожалуйте сюда, я покажу вамъ то̀, чего вы и въ вѣкъ свой не видали!» Толпа бросится къ нему волною и онъ, обобравъ напередъ съ нихъ деньги, отыграется острою шуткой. Народъ захохочетъ и бросится къ новому чуду, которое всегда уже готово. Такъ Парижъ проводитъ дни, а едва-ли и не ночи.

Когда одна часть города утѣшаетъ себя видами фокусника, другая отправляется въ подземелье, гдѣ открываются для нихъ театры въ лубочномъ вкусѣ. Но нѣкоторые изъ нихъ такъ хороши, что ихъ можно предпочесть многимъ нашимъ ярморочнымъ. Въ составѣ съ ними даютъ концерты глухо-нѣмые. Но вы

не отличите ихъ отъ зрячихъ: музыка хороша, пріятна, но сбивается на унылые тоны, какъ-будто чувство платитъ дань природѣ и говоритъ, что они несчастны. За входъ ничего не платятъ; весь доходъ содержателя въ доходѣ за напитки. Я бы счелъ общею государственною аксіомою сдѣлать это правило: за публичныя увеселенія (театры и пр.) класть цѣну меньше, чтобъ получить больше. А эта дешевизна распространила бы вообще вкусъ, смягчила бы общіе характеры и образовала бы цѣлую націю.

Всѣ эти забавы и удовольствія составляютъ пріятность для одной черни и средняго класса; люди, болѣе возвышенные вкусомъ, имѣютъ множество отличныхъ театровъ и гранъ-оперу, которой равной, конечно, нѣтъ ужъ въ Европѣ.

Въ Парижѣ духъ веселости и разсѣянія столь общій, что, начиная отъ вельможи до поденщика, каждый имѣетъ часы своихъ прогулокъ, отдохновенія и веселья въ одномъ изъ многихъ публичныхъ мѣстъ. Пойдете-ли вы въ Тюльерійскій садъ, тамъ найдете всякій день и всякій часъ множество гуляющихъ; подалѣе оттуда—увидите танцующія группы, которыя, увеличиваясь приходящими, составляютъ иногда сотни кругомъ. Во всѣ 24 часа Поле-рояль наполненъ народомъ; въ садахъ, въ трактирахъ, лавкахъ и кофейныхъ домикахъ, вездѣ—вездѣ множество публики. Елисейскія поля наполняются по однимъ только праздникамъ. Но это гульбище не имѣетъ ничего, кромѣ одного метафизическаго названія. Маленькія рощицы, простой домикъ и пески,—вотъ все, что называютъ Елисейскимъ полемъ. Не на зло-ли Магомету и мечтательности, поле сіе названо елисейскимъ, дабы показать, что настоящее милліоны разъ пріятнѣе будущаго? Но не надо забывать, что въ Парижѣ каждое публичное мѣсто имѣетъ своихъ партизановъ-приверженцевъ. Они вѣрны слову и долгу. Измѣнить послѣднему, поставилось бы такимъ же преступленіемъ, какъ ставится въ Италіи кавалеръ-сервенту, когда онъ оставляетъ одну даму для другой. Здѣсь-то партіи, столь-же себѣ вѣрныя, сколько и привычныя, читаютъ газеты, ораторствуютъ, декламируютъ, установляютъ новый порядокъ вещей, спорятъ, соглашаются и творятъ новый міръ по своему понятію. Въ Парижѣ публичные дома замѣняютъ универсалы и изощряютъ умы, понятія и языкъ. Сильнѣйшій грудью и красно-

рѣчіемъ дѣлается диктаторомъ общества и, по мѣрѣ завоеванной довѣренности, заваевываетъ общее мнѣніе. У него всегда знамя распущено и влечетъ за собою толпы цѣлаго его общества. (Подъ этимъ разумѣю я столь извѣстныя партіи республиканцевъ, бурбонистовъ, бонапартистовъ и т. д.).

Въ Пале-Роялѣ есть трактиръ подъ колоннами, который содержитъ увядшая красавица, фаворитка Людовика XVI. Туда собирается вся молодежь лучшаго тона. Надобно представить себѣ обширную зеркальную комнату, гдѣ за длинною перегородкою сидитъ при двухъ восковыхъ свѣчахъ полу-царица, полу-богиня Парижа. При ней два служителя, передающіе письменныя ея приказанія: официантъ объявляетъ ей требованіе гостя; она беретъ перо, пишетъ требуемое, служитель передаетъ официанту, а сей несетъ въ буфетъ и получаетъ ассигнованное. Надобно видѣть прекрасное это существо и бѣлую прекрасную ручку, которая нанизываетъ строки. Она съ каждыми 20-ю лѣтами какъ-будто перерождается, т. е. дѣлается лучше и моложе; но вы никогда ее не увидите прежде 8-ми часовъ вечера. Это—то время, когда фокусъ огня, означая однѣ только прелестныя формы, скрываетъ лѣта, морщины и отвратительность. И добавя ея безмолвіе, тонъ и важность въ ея роли, вы издали невольно подарите сердце воображенію. Это новый Тальма, очаровывающій васъ не красотой, а игрой.

Въ Парижѣ страсть къ новостямъ такъ велика, что нѣтъ гульбища, нѣтъ даже кабака, гдѣ бы не было своихъ афишъ, своихъ проблемъ и своихъ газетъ. Вездѣ углубленье въ чтеніе и вездѣ измѣряютъ міръ!

У входа въ Пале-рояль найдете вы особую услужливость: одинъ бросается чистить ваше платье, другой—сапоги и т. д. Тамъ ненужно запасаться своимъ камердинеромъ; но, войдя туда, найдете вы весь извѣстный міръ. Всего смѣшнѣе видѣть подлѣ солдата національной гвардіи, котораго скорѣе можно принять за Адониса, солдата другой арміи. Я взялъ ихъ въ урокъ и размахалъ, такъ сказать, руки моихъ солдатъ. Когда послѣ, въ Кременчугѣ, введены они были на театръ, то публика удивлялась совершенству ихъ игры.

Въ Луврѣ я видѣлъ чудесную картинную галлерею; но не безъ прискорбнаго чувства смотрѣлъ и на угасшее величіе: за-

навѣшанныя мѣста, гдѣ были прежде рѣдкія сокровища свѣта, доказывали отсутствіе завоевателя и непрочность земнаго счастія. Галлерея скульптурная далеко уступаетъ дрезденской, но Лаоконъ, но Венера и Аполлонъ берутъ верхъ надъ всѣми. Дворецъ Тюльерійскій, въ сравненіи съ нашимъ Зимнимъ, есть простая хижина. Но гордость Наполеона украсила каждый шале его вензелемъ. Впрочемъ, тамъ ничего нѣтъ рѣдкаго, кромѣ древности, «Аустерлицкой ночи», «Плафона» и «Наполеона» въ разныхъ видахъ. Версаль—болѣе величественный и занимательный; фонтаны чрезвычайные. Но Малый и Большой Треанонъ менѣе чѣмъ обыкновенные. Все тутъ что есть любопытнаго—воспоминанія о Людовикѣ XVI и несчастной Маріи-Антуанетѣ, которая платила дань страсти; и каждый закоулокъ, каждая нишь, каждая бесѣдка передаютъ памяти исторію ея жизни. Исторію эту разсказываютъ увѣтшалые придворные служители ея вѣка, и съ такимъ простодушіемъ, какъ бы разсказывали дѣла величайшей добродѣтели. Вотъ что значитъ привычка къ своему. Въ ея вѣкъ они были важные лица въ ролѣ интригъ и имъ кажется, чѣмъ сильнѣе тайна, тѣмъ важнѣе прошедшее, или давно уже улетѣвшее ихъ значеніе.

XI.

Во Франціи и въ Варшавѣ.

Стоянка въ Реймсѣ.— Обученіе капральской службѣ.— Возвращеніе въ Россію.— Тамбуръ-мажоръ.— Варшава.— Щегольство 13-го егерскаго полка.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.— Разводы и порады.

Съ 14-го августа 1814 по 1-е января 1815 г.

Изъ Парижа вошелъ я съ полкомъ въ Реймсъ. Мы тогда носили лавровую вѣтвь въ киверѣ и бѣлую перевязь на рукѣ— въ знакъ соединенія съ Франціею. Чтобы имѣть идею о развратѣ столицы, надобно заглянуть въ другіе города: это будутъ копіи съ оригинальной картины. Въ Реймсѣ точно тоже, что и въ Парижѣ. Мы стояли въ казармахъ. Днемъ женскій полъ занятъ работами по домамъ. Въ 8-мь часовъ онѣ отпускаются и главный ихъ пріютъ у стѣны казармы. Въ 9-ть часовъ парются солдаты, въ 10-ть—офицеры, а въ 10-ть—уже штабъ-офицеры. Эти полуночныя птички скрываютъ еще развратъ свой и поведеніе; но когда увидите вы тѣхъ и другихъ въ саду танцующихъ, не да-

дите вы имъ никакого различія. Это маркизши, со всѣми ихъ грассами, только въ деревянныхъ башмакахъ.

Во Франціи нѣтъ обычая цѣловать женщину въ руку, да это и хорошо; а близко знакомые и родные цѣлуются въ губы. Люди же возвышеннаго тона трясутъ другъ друга за руку. Поцѣловать въ руку—значитъ оскорбить женщину.

Во Франціи намъ положенъ былъ столъ, вино и прихоти отъ хозяина. Это были дни истинной роскоши.

Въ Реймсѣ я занялся капральскою службою, ученьемъ шагу, ружью, маршировкѣ и выправкѣ. Я самъ ничего не зналъ: а къ стыду, изъ 25-ти офицеровъ, всѣ они въ этомъ родѣ были безсмысленнѣе еще меня. Наконецъ, по общемъ совѣщаніи, началъ насъ учить капральской службѣ поручикъ Коломитиновъ. Вся служебная его репутація состояла въ томъ, что онъ два раза былъ въ караулѣ у гр. С. Каменскаго и ни разу не былъ арестованъ. Вотъ этотъ-то Коломитиновъ былъ первымъ моимъ учителемъ и экзерсисъ-мейстеромъ. Судя по сему, можно заключить, въ какомъ совершенствѣ было домашнее образованіе нашего солдата и офицера! Но мы, не забудьте, были побѣдители непобѣдимаго.

Изъ Реймса сказанъ намъ походъ въ Россію. Сколько вдругъ роскошей и радостей представилось нашему взору. Каждый давалъ свободу своему воображенію; каждый ожидалъ или суворовскихъ почестей, или обворожительной дульцинеи, которая бы наградила его поцѣлуемъ за верхъ трудовъ его—храбрости и побѣду. Вездѣ встрѣчали и провожали насъ съ почестью, а это еще больше усилило въ насъ гордость и славолюбіе. Пруссаки въ первый нашъ походъ были друзья наши, во второй—принимали насъ, какъ непріятелей.......

Надобно признаться, что я во весь этотъ походъ былъ просто солдатъ. Не обращая ни на что вниманія, я изъ Парижа и изъ всей Германіи вышелъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и вошелъ, необогатившись особо себя ни свѣдѣніями, ни наблюденіями, ни памятниками. Въ Мангеймѣ я долженъ былъ разстаться съ другомъ и товарищемъ моего дѣтства и славы—Красовскимъ. Онъ вошелъ въ гренадерскій корпусъ, а я остался въ армейскомъ, ибо изъ корпуса взято только по одному полку за храбрость. Тутъ обуяли меня страхи капральской службы и я чуть-чуть не оста-

вилъ фронта, такъ сильно подѣйствовало на меня предубѣжденіе сѣдыхъ ефрейторо-полковниковъ!

Предъ входомъ въ Варшаву, какой-то трепетъ пробѣжалъ въ мою душу. Бывъ всегда и всѣмъ самъ для себя, или другими словами, пріобрѣвъ все самъ собою безъ дядекъ; безъ друзей, безъ покровителей, я входилъ въ команду незнакомыхъ мнѣ людей—Барклая и Сакена. Не зная ихъ и фронтовыхъ отношеній, я полагалъ, что каждый видитъ одни только мои недостатки. Но надежда на усердіе (тогда мое еще цѣнилось) и на милость монарха успокоивало меня такъ, какъ больнаго успокоиваютъ за часъ до его смерти. Въ Брацлавѣ еще принялъ я нѣсколько русскихъ мундировъ. Но они такъ были дурны, что я не рѣшился ихъ и брать изъ коммиссаріата. Къ счастію, коммиссіонеръ меня струсилъ и далъ сукно; но шить походомъ было невозможно. На послѣдней дневкѣ я осмотрѣлъ полкъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что каждый мундиръ моего солдата былъ сшитъ изъ 5—6-ти французскихъ. Это было разноцвѣтное маскарадное платье. Я, какъ говорятъ, ухитрился: накупилъ красокъ, набралъ котловъ и окунули ихъ въ черную краску. Къ свѣту мы были уже во всемъ новомъ, принимая тутъ буквально одну только краску; музыкантамъ сшилъ я басоны изъ моихъ наволокъ и простынь. Офицеры много мнѣ помогали, а солдаты оказали пламенную готовность. Но вотъ наступаетъ новая бѣда. Въ Реймсѣ я первый изъ русскихъ завелъ у себя въ полку тамбуръ-мажора. Дивизіонный командиръ Корниловъ, слѣдуя слѣпо привычкамъ, не хотѣлъ, чтобы онъ, какъ существо новое, шелъ предъ главою полка. Я спорилъ и побѣдилъ[1]).

Входъ въ Варшаву, или лучше, чернáя краска, наволоки, простыни и самый тамбуръ-мажоръ мой составили мою славу. Надобно признаться, что маскированный видъ полка, въ противоположности съ другими, мало думавшими о наружности и много мыслившими о достоинствахъ, столь былъ разителенъ, что фельдмаршалъ, увидя моихъ егерей, не могъ быть равнодушенъ къ прочимъ. Правду говорятъ, что красавица поражаетъ насъ съ перваго взгляда, а умная женщина—со втораго. Мой полкъ далъ мнѣ авантажъ первый. Я, какъ говорится, съ оника по-

[1]) Послѣ меня тамбуръ-мажоры приняты во всей арміи. Я могу похвалиться и тутъ—родоначальникъ русскихъ тамбуръ-мажоровъ. С. М.

палъ въ фавору и къ Сакену, и къ Барклаю. Прелестный и непринужденный видъ моего солдата, ловкость комнатной его походки и свобода чувствъ, не стѣсняемая ни жестокостью, ни наказаніями, такъ плѣнила фельдмаршала, что онъ не зналъ, чему болѣе удивляться—солдатамъ-ли-ученикамъ, или ихъ учителямъ?

Разводы мои довершили его очарованіе и онъ жилъ чувствомъ полной душевной къ намъ привязанности. Въ одинъ вечеръ, когда у него стоялъ мой караулъ и играла славная моя музыка, которую оживлялъ капельмейстеръ-итальянецъ, фельдмаршалъ былъ въ совершенномъ восторгѣ. Разсматривая кругловидъ фронта и слыша совершеннѣйшую музыку, онъ не могъ скрыть своего восхищенія, чтò, по холодному его характеру, не всегда можно было видѣть. Когда вырвалась у него первая еще сердечная похвала Маевскому, то зависть уже ее сторожила. Начальникъ штаба Сабанеевъ, бывши другомъ моего предмѣстника и желая оживить его память, замѣтилъ фельдмаршалу:

— «Ваше сіятельство, эту честь надобно отнести къ К. В. Вы изволите знать, что штатскій не могъ бы дать полку такого совершенства».

— «Напрасно, генералъ, вы такъ думаете», отвѣчалъ Барклай: «ежели бы Маевскій только бы и удержалъ полкъ въ прежнемъ видѣ, то уже и за сіе заслуживаетъ благодарность. Но здѣсь я вижу все его и не могу не отнесть къ непосредственному его достоинству: это первый полкъ въ моей арміи».

Зависть на время замолкла; я блисталъ полкомъ и злоба зародилась въ сотнѣ сокамратовъ. Меня обвиняли то за излишнія издержки, то за излишнее щегольство, то за тамбуръ-мажора; но всѣ приняли мой видъ и мои затѣи. Опять напасть: что они и разорились, и не достигли равной со мной славы. Я могу похвастать, что я первый родилъ въ арміи щегольство и доказалъ, что, не кладя въ карманъ излишняго, достаточно полковнику и для себя, и для полка.

Съ этой минуты я у Сакена и Барклая былъ уже домашнимъ человѣкомъ. Всякій разъ, когда я давалъ разводъ, Барклай самъ выѣзжалъ къ моему фронту и всегда говорилъ:

— «Когда я вижу полкъ вашъ, этотъ день я считаю моимъ праздникомъ».

Въ одинъ день Безродный докладываетъ важныя бумаги

Барклаю. Онъ слушаетъ и вдругъ встаетъ со стула и идетъ къ окну смотрѣть, какъ проходитъ мой полкъ. Безроднаго это удивило. Фельдмаршалъ догадался.

— «Вы, конечно, удивляетесь», сказалъ фельдмаршалъ, «что я оставилъ васъ посреди разсужденій. Но это одно выше меня: я не могу пропустить равнодушно, когда идетъ 13-й полкъ».

— «Не пристрастіе-ли это, ваше сіятельство», подхватилъ Безродный, «къ егерямъ?»

— «Это правда, что я люблю егерей», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «но полкъ 13-й превосходитъ все, что я видѣлъ до него».

Въ такомъ расположеніи я былъ около мѣсяца. Но вдругъ говорятъ: «ѣдетъ государь, ѣдетъ великій князь!» Неувѣренность въ себѣ произвела во мнѣ опять трепетную лихорадку. Я принялся за ученье, постигъ нѣсколько построенія и отдался на волю Бога. Но великій князь проѣзжалъ только мимо. Барклай его встрѣтилъ и при похвалѣ князя войскамъ, Барклай сказалъ:

— «Ежели вашему высочеству угодно знать совершенство полковъ, то я вамъ ручаюсь въ этомъ случаѣ за 13-й егерскій полкъ; онъ у меня первый въ арміи».

Великій князь, не терпя имени штатскаго, сказалъ на мой счетъ нѣсколько экивоковъ и отнесъ это къ пристрастію, полагая невозможнымъ, чтобъ штатскій могъ когда-либо быть военнымъ, т. е. фронтовымъ.

Зная, что фельдмаршалъ будетъ у моего развода, я сдѣлалъ репетицію, и проклятые контръ-марши, которыхъ я не понималъ, задержали меня нѣсколько больше обыкновеннаго. На другой день, я уже готовъ былъ вести разводъ на парадное мѣсто, но Сакенъ велѣлъ ожидать приказанія. Я повиновался и разводъ, по разсчету фельдмаршала, опоздалъ. Фельдмаршалъ прогнѣвался, а Сабанѣевъ воспользовался случаемъ, сказавъ, что я учу мой полкъ день и ночь. Фельдмаршалъ оскорбился этимъ поступкомъ и велѣлъ отдать приказъ по арміи съ выговоромъ мнѣ. Я былъ всѣми любимъ, и слухъ объ этомъ въ тотъ же часъ дошелъ до меня. Я лечу къ Сакену, а онъ хладнокровно отвѣчаетъ мнѣ:

— «Скажите фельдмаршалу, что я такъ приказалъ».

Я увидалъ безнадежность оправданія и уже готовился выслушать роковой приговоръ; но фельдмаршалъ, щадя чувство мое, оставилъ приказъ безъ дѣйствія. Вскорѣ послѣ того пріѣзжаетъ

великій князь. Ему разводъ мой не понравился. Это и немудрено: его высочество не имѣетъ привычки хвалить на первый разъ.

По взаимному нерасположенію великаго князя къ Барклаю и наоборотъ, мы не смѣшивались съ гвардіею, которою особо занимался великій князь, и насъ гналъ отъ себя прочь, называя армейщиною и не показывая своихъ ученьевъ. Но вдругъ генералы главной квартиры даютъ фельдмаршалу балъ. Наканунѣ этого дня сказанъ намъ парадъ и велѣно было явиться къ его высочеству для полученія приказанія. Мы явились; отъ насъ потребовали рапортовъ о состояніи полковъ, но у насъ ихъ не было. Дунаевъ и я содержали гарнизонъ Варшавы. Великій князь, не терпя безпорядка и не зная еще, что мы не знаемъ порядка, потребовалъ, чтобъ мы имѣли въ строю по три баталіона въ 30-ть рядовъ. Дѣло было невозможное: у насъ считалось на лицо много калѣкъ. Но великій князь въ резонъ этого не принималъ, говоря мнѣ:

— «Я буду просить фельдмаршала, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать вамъ инспекторскій смотръ. Я знаю, что у васъ люди не выучены и что одинъ и тотъ же стоитъ всякій день на часахъ».

— Я: Я за счастіе почелъ бы, ежели бы ваше императорское высочество удостоили осмотрѣть мой полкъ по внутреннему его состоянію; тогда бы вы изволили сами оправдать насъ и заключить о нашихъ трудахъ и попеченіи. Я всѣмъ отвѣчаю вамъ, ежели вы найдете хотя одного годнаго не выученнымъ.

Великій князь: «Ну, хорошо, поставьте всѣхъ калѣкъ ко мнѣ въ караулъ, а прочихъ выведите во фронтъ».

Это было исполнено. Витебскій полкъ прошелъ въ головѣ и очень дурно. Сакенъ подъѣзжаетъ ко мнѣ, говоря:

— «Пожалуйста, пройдите лучше,—витебцы такъ ходятъ, что стыдно смотрѣть».

Мнѣ какъ-то это удалось и я вышелъ съ торжествомъ. На балу великій князь взялъ меня подъ руку, и ходя со мною, хвалилъ мой полкъ.

— Ваше высочество, сказалъ я. Я этимъ счастіемъ обязанъ моимъ товарищамъ: вы изволите знать, что я совсѣмъ еще не военный.

— «Врешь, врешь», подхватилъ великій князь, «собаку съѣлъ!»

Это любимая его была поговорка. Съ этой минуты я у князя вошелъ въ большую милость. Онъ не гонялъ уже меня отъ своихъ ученьевъ; но, напротивъ, училъ меня всему самъ, и далъ мнѣ изъ гвардіи унтеръ-офицеровъ и мастеровыхъ. Ежели я получилъ впослѣдствіи навыкъ и вкусъ, то этимъ обязанъ его высочеству. Онъ взялъ у меня въ гвардію 8-мь офицеровъ, а взамѣнъ далъ 12-ть изъ кадетскаго корпуса.

Зависть еще больше зашипѣла, и если бы это было въ отдаленномъ вѣкѣ, то меня сочли бы колдуномъ и сожгли бы публично. Но и тутъ калѣки не прошли даромъ: фельдмаршалъ, относя это къ выходкѣ, велѣлъ Сабанееву меня повѣрить. Сабанеевъ удивился, открывъ своими глазами ошибку исчисленія. По этому случаю изъ арміи исключено до 40 т., почитавшихся въ госпиталяхъ, которые считались въ полкахъ, но которые, по милости лекарей, давно уже не существовали! Сабанеевъ началъ и самъ ко мнѣ перемѣняться, и при всякомъ новомъ случаѣ бралъ меня въ совѣтники преобразованія.

Съ умноженіемъ въ полкахъ людей, отъ 165 до 250 въ ротѣ, представлялась невозможность помѣщать въ фурахъ на новый комплектъ полный 10-ти душный провіантъ. Я доказалъ противное. Приказъ отданъ, армія меня проклинала; но вотъ 18-ть лѣтъ, какъ фуры возятъ сухари и не видятъ затрудненія.

Еще въ армію отпускались всѣ вещи на комплектъ, котораго не было, а считался мысленно. Я представилъ эту ошибку Сабанееву, и армія опять прогнѣвалась на меня за излишнее усердіе. Ибо всѣ госпитальные не дѣлали уже дохода своимъ обмундированіемъ и жалованьемъ. (Эта ошибка теперь, въ 1831 г., опять приняла свое существованіе). Тутъ и Сабанеевъ помирился со мной и взялъ верхъ надъ своимъ своенравіемъ. Я былъ коротокъ съ нимъ и пользовался его расположеніемъ.

Входя всякій день въ общую моду, я сдѣлался принадлежностью всѣхъ верховныхъ лицъ. Сакенъ часто поручалъ мнѣ узнавать о томъ или другомъ при варшавскихъ дворахъ, а великій князь, не имѣя въ гвардіи ни одного тамбуръ-мажора, далъ въ мой полкъ вольнаго. Я платилъ ему по 15-ти червонцевъ въ мѣсяцъ, а онъ парадировалъ въ моемъ мундирѣ съ гвардіею. Мундиръ и содержаніе стоили мнѣ 500 руб., ибо гвардейскіе полковники никакихъ побочныхъ расходовъ не хотѣли принять

на себя, зная, что великій князь замѣнитъ ихъ или своимъ карманомъ, или способомъ власти. Великій князь, находя полкъ мой одѣтымъ единообразнѣе и щеголеватѣе гвардейскихъ, называлъ его, вмѣстѣ съ публикою, «гвардейскимъ, только безъ петлицъ». Онъ приказалъ мнѣ привесть къ себѣ, для образца, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и барабанщиковъ и, по манеру ихъ, уравнять одежду въ гвардіи. Вотъ новые враги Маевскаго. На меня опрокинулись гвардейцы и крайне досадовали, что армейскій дѣлается ихъ законодателемъ, а особенно виновникомъ незнакомыхъ до того имъ расходовъ. Въ одинъ день великій князь призываетъ меня въ свой кабинетъ и, показывая новые кивера, отъ постройки которыхъ отказались гвардейскіе полковники, говоритъ:

— «Маевскій, ты сдѣлаешь мнѣ такіе кивера?»

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

И великій князь, обращаясь къ гвардейскимъ полковникамъ, сказалъ:

— «Вотъ, господа, вамъ все надо положить въ ротъ. Онъ армейскій, но на все готовъ».

Довольно было этого, чтобъ зацѣпить къ армейской и гвардейскую зависть.

У меня были люди, какихъ не было и въ гвардіи. Я подкупилъ отдатчиковъ и выбиралъ изъ 10 т. рекрутъ. Гвардейцы пристали къ великому князю, чтобы онъ позволилъ взять у меня людей для украшенія фланга.

— «Нѣтъ, нѣтъ, господа», отвѣчалъ великій князь. «Я знаю, вы хотите ограбить Маевскаго. Нѣтъ, этого не будетъ, онъ самъ славный офицеръ!»

И это, точно, спасло меня отъ грабежа. Главное мое торжество было—видѣть, что въ дни парадовъ и баловъ, брали моихъ людей для украшенія комнатъ, убранныхъ арматурами и пр. Я для этого давалъ моимъ солдатамъ особые уроки: какое положеніе брать имъ, стоя на часахъ, въ глазахъ публики, собравшейся на балъ. Они, точно, эмитировали тутъ не солдатъ, но милиціоноровъ національной французской гвардіи. Видъ ихъ, одежда, свобода и переходъ изъ одного положенія въ другое впадали въ подозрѣніе, не нанялъ-ли я, на мѣсто солдатъ, актеровъ варшавской труппы?

При столь разнообразныхъ доказательствахъ совершенства моего полка, господа сѣдые полковники рѣшительно заключили, что одинъ только чортъ помогаетъ моему счастію. Но каждый изъ начальниковъ ихъ требовалъ и отъ нихъ того же совершенства. Это еще болѣе бѣсило ихъ, и они не знали, какъ потемнить врага общаго ихъ невѣжества и скупости. Утвердивъ базу моего совершенства извнѣ, я далекъ былъ отъ совершенства внутренняго, т. е. капральнаго: я не умѣлъ постичь глазомъ всѣхъ деплаадъ и движеній гвардіи; но сильнѣе другихъ армейскихъ былъ и въ этомъ. Я не пропускалъ ни одного ученья, и 18-ть часовъ въ сутки посвящалъ службѣ, бѣготнѣ и ученью самого себя. Вотъ и все мое волшебство.

Одеждѣ полка много способствовалъ кригсъ-коммиссаръ Татищевъ, котораго я, въ свою очередь, спасъ отъ большихъ убытковъ. По его вниманію и благодарности, я получалъ лучшую одежду и имѣлъ способъ каждые три мѣсяца надѣвать на полкъ новые мундиры.

Но вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ я въ Варшавѣ, т. е. съ 14-го августа 1814 г. по 1-е января 1815 г. Я и мои офицеры въ домѣ Барклая точно также приняты, какъ офицеры 3-го егерскаго полка, когда онъ былъ ихъ шефомъ. Однимъ словомъ, все благопріятствуетъ мнѣ до невѣроятной степени. Въ это время нашлись тайныя піявицы, окружавшія Сакена и представившія ему, что мой полкъ терпитъ много отъ парадовъ и долговременнаго караула въ Варшавѣ; но что я стараюсь удерживать тамъ полкъ дольше для собственныхъ моихъ видовъ.

Весьма натурально, что послѣднія выраженія потрясли честолюбіе Сакена и онъ отдалъ приказъ: съ 1-го января выдти на смѣну насъ новымъ войскамъ.

Не подозрѣвая ни одной стороны, я спокойно готовлюсь къ походу. Но вдругъ вижу адъютанта Барклая:

— «Пожалуйте къ фельдмаршалу».

Я ѣду, и вотъ интересный разговоръ:

Барклай: «Вы идете въ походъ?»

Я: Я получилъ о семъ повелѣніе отъ корпуснаго командира.

Барклай: «Знаю,—этого вамъ хотѣлось. Хорошо, довольно (показывая знакъ, чтобъ я его оставилъ. Я иду, но Барклай меня

останавливаетъ). Скажите Сакену, что въ моемъ присутствіи никто, кромѣ меня, войсками не располагаетъ. Скажите, что я хочу и приказываю полкъ вашъ оставить въ Варшавѣ».

Я ѣду къ Сакену, объявляю приказаніе. Но Сакенъ, воображая, что я иду противъ воли его, говоритъ:

— «Я знаю, что вамъ этого хочется; но каково бѣдному полку?»

Я: Ваше высокопревосходительство! Польза полка — есть моя польза. Но скажите мнѣ, что мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи? Фельдмаршалъ подозрѣваетъ меня, что я искалъ этого у васъ, а вы подозрѣваете, что я ищу этого у фельдмаршала. По мѣрѣ моего поведенія, я прошу ваше высокопревосходительство вывесть себя и фельдмаршала изъ обиднаго для меня мнѣнія.

Сакенъ: «Хорошо, я объ этомъ поговорю самъ съ фельдмаршаломъ».

Я: Фельдмаршалъ, напротивъ, приказалъ мнѣ сейчасъ привезть отвѣтъ вашъ и остановить передвиженіе.

Сакенъ: «Ну, такъ поговори объ этомъ самъ съ Сабанеевымъ».

Я бросился къ Сабанееву, который былъ одного мнѣнія съ фельдмаршаломъ; я просилъ его объ одномъ — оправдать только меня въ глазахъ Сакена и фельдмаршала.

XII.

Женитьба.—Новый походъ во Францію.—Трусы и храбрецы.—Опять въ Парижѣ.—Стоянка въ Нанси.—Смотръ близъ Вертю.—Скобелевъ.—Успѣхи по службѣ.

1815 г.

3-го января 1815 г. полкъ мой вышелъ въ Гумбинъ, а 6-го я женился на дочери сенатора и воеводы Возницкаго, Марьѣ Алексѣевнѣ, съ которою я счастливо жилъ до 26-го марта 1828 г.

Въ Гумбинѣ я еще болѣе посвятилъ себя службѣ, и если зналъ не больше, то, по крайней мѣрѣ, и не меньше сѣдовласыхъ соперниковъ, которые постоянно занимались не службою, а карманомъ. Я успѣлъ здѣсь познакомиться съ высшею тактикою и дѣлалъ часто маневры по всѣмъ правиламъ атаки и обороны. Чтобы ввести въ офицерахъ честолюбіе къ познанію своего дѣла, они обязывались присылать ко мнѣ диспозиціи мѣстныхъ рот-

ныхъ и баталіонныхъ маневровъ, съ изложеніемъ мѣстности и правилъ нападенія и отпора. Общіе умы напряжены были въ полезной точкѣ. И смѣю похвалиться, что полкъ мой былъ точно полкъ славнѣйшихъ вольтижеровъ. Ученье ихъ не утомляло, но составляло просто игру, развивающую способности; а воображеніе, доведенное до энтузіазма, такъ удерживало сторону чести, что одни брали, а другіе прикрывали свои пункты съ тѣмъ же искусствомъ и даже ожесточеніемъ, какое можно было только видѣть въ бою, но безъ пуль и безъ крови. Пальба въ цѣль была другою охотою. Я покупалъ на свой счетъ порохъ и свинецъ. Приходящая въ штабъ для караула рота не иначе приходила, какъ въ видѣ непріятеля; стоявшая до нее, ее встрѣчала, отражала, маневрировала по всѣмъ правиламъ военнаго искусства и, отступая шагъ за шагомъ, уступала, наконецъ, и городъ. Потомъ они соединялись и стрѣляли въ цѣль вмѣстѣ. Съ одной стороны, стояло ведро водки, съ другой — ведро воды: попавшій въ цѣль пилъ первую, давшій промахъ пилъ поневолѣ послѣднюю. Смѣхъ и стыдъ: вотъ какое неумѣющему было наказаніе. Мастерамъ стрѣлять—платилъ я по рублю и по два. Воспламененные честью, офицеры повторяли точно тоже у себя въ ротахъ.

Я испыталъ совершенно, что палка есть орудіе нетерпѣнія и звѣрства. У меня ее не было, а полкъ гремѣлъ совершенствомъ. Жители Гумбина отдавали справедливость поведенію солдатъ и офицеровъ и напечатали изъявленіе ихъ чувства въ варшавскихъ газетахъ. Это былъ примѣръ новаго и перваго, можно сказать, расположенія къ русскимъ.

Я сблизился съ помѣщиками, бывалъ на всѣхъ ихъ праздникахъ, приглашая ихъ къ себѣ. Но мнѣ никогда не нравился тонъ ихъ молодежи. Она нагла, насмѣшлива, неблагопристойна. Того, чего французъ не хочетъ замѣтить, полякъ старается выискать, выдумать. Антипатія ихъ къ русскимъ обнаруживается часто до излишества и не покрывается вовсе мантіею приличія. Этотъ характеръ въ Варшавѣ отражается съ дерзостью и притязаніями, въ провинціи—съ наглостью и невѣжествомъ. Я боялся входить въ домъ, гдѣ меня искали, ибо мнѣ должно было вытерпѣть болѣе по себѣ выстрѣловъ, чѣмъ подъ Краснымъ. Милая и прелестная жена моя, которая слыла красавицею Вар-

шавы, сблизила меня съ поляками; но сердце мое никогда не лежало къ этому попугайчистому народу.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1815 г. сказанъ намъ новый походъ во Францію. Я служилъ въ дивизіи Маркова, который хотѣлъ, но не могъ вредить моей репутаціи. Онъ вездѣ слабѣе меня былъ принимаемъ. Къ счастію, меня съ баталіономъ назначили въ конвой главной квартиры, чему противились Сакенъ и Марковъ, боясь потерять у себя мой полкъ.

Въ Пеитковѣ уже я соединился съ главною квартирою. Фельдмаршалъ и супруга его обрадованы были свиданіемъ со мной. Фельдмаршалъ повторилъ мнѣ обычный свой комплиментъ и велѣлъ оба мои баталіона соединить въ конвоѣ главной квартиры.

Въ Брацлау я получилъ ордена: св. Георгія, Анны 2-й ст. съ алмазами, Пуръ-ле-меритъ и Шведскаго Меча. И это все въ одинъ день и часъ!

Въ главной квартирѣ шелъ я до Майна. Тамъ велѣно было смѣнить меня Колыванскимъ полкомъ. Но неряшество послѣдняго остановило смѣну. Сакенъ и Марковъ отнесли это къ моему искательству и домогались перемѣны.

Барклай, приказавъ, наконецъ, спустить меня къ дивизіи, добавилъ:

— «Вы не опасайтесь никого: я вашъ покровитель».

Въ Кейсельстраутернѣ я назначенъ въ авангардъ къ г. Деламберту. Вотъ переданный мнѣ разговоръ:

Дибичъ: «Намъ теперь надо дать графу одинъ изъ храбрѣйшихъ егерскихъ полковъ, и я полагаю дать 13-й».

Барклай: «13-й слишкомъ хорошъ для авангарда. Безъ него у насъ не будетъ парагнаго войска».

Дибичъ: «Тѣмъ лучше. Парадный полкъ долженъ быть вездѣ отличный. Впрочемъ, и вся цѣль—имѣть отличное для войны. Да гдѣ же и употреблять отличныхъ, какъ не въ войнѣ?»

Барклай: «Согласенъ; но желалъ бы поберечь этотъ полкъ для переду: ему еще много будетъ дѣла».

Дибичъ: «Да Маевскій и офицеры сами о томъ просятъ, чтобъ имъ дали случай отличиться».

Барклай: «Когда такъ, то съ Богомъ! Мнѣ очень пріятно слышать ихъ усердіе и доставить имъ случай къ отличію».

Это Дибичъ пересказалъ мнѣ, выйдя изъ кабинета фельдмар-

шала,—и я благодарилъ его за упрежденіе нашихъ чувствъ и желаній. Когда я объявилъ о семъ въ полку, всѣ краонскіе мои товарищи были въ восторгѣ, а прочіе повѣсили голову, пускаясь уже напередъ въ условія со смертью; но, на зло первымъ и къ радости послѣднихъ, кампанія наша обошлась безъ боя.

Въ двухъ моихъ кампаніяхъ я видѣлъ въ полку у себя 5 неимовѣрныхъ трусовъ, которыхъ одно слово «сраженіе» приводило уже въ трепетъ. Нѣкто Думбровскій предъ сраженіемъ всегда жаловался, почему я не беру его въ дѣло и съ неимовѣрною хвастливостью разсказывалъ о чудесахъ своей храбрости. Но когда дошла до него очередь, онъ такъ струсилъ, что признался мнѣ безъ обиняковъ въ недостаткѣ своего духа. Другой былъ у меня капельмейстеръ, итальянецъ Анжело. Ему очень захотѣлось имѣть офицерскій чинъ. Предъ тѣмъ, какъ намъ штурмовать Парижъ, мы шли въ самое дѣло съ музыкою, играя, что только пришло въ голову. Когда за ядрами полетѣли пули, онъ бѣжитъ ко мнѣ, говоря:

— «Г. полковникъ, весь мой хлѣбъ въ пальцахъ, а когда ихъ отобьютъ, что я буду тогда дѣлать?»

Третьяго нельзя было никуда послать: онъ вѣчно спрячется. Во вторую кампанію обнаружили свою трусость М. и П... Если изъ 30, 6 естественно всегда трусы, другіе 6 не уходятъ отъ видовъ образованной стыдливости, третьи 6 — только что нетрусы, то въ 300-хъ едва-ли найдется 50 истинно храбрыхъ и на все готовыхъ. Тѣ ошибаются, которые думаютъ, что мундиръ составляетъ храбрость: нѣтъ, она родится съ человѣкомъ и никогда ничѣмъ пріобрѣсться не можетъ. А если и храбрость не есть общій удѣлъ человѣка, то ее и надо считать: тому, кто имѣетъ— даромъ неба, а тому, кому она полезна, — счастьемъ государства. Простая даже храбрость, въ объемѣ общей и благоразумной, столько же необходима, какъ необходимы лафетъ и колеса для пушки; а лафетъ, вѣдь, не стрѣляетъ, такъ же какъ и простая храбрость не распоряжаетъ. Но одно безъ другаго мертво и неподвижно. Великъ тотъ, кому природа подарила оба эти таланта вмѣстѣ. Но въ моихъ глазахъ герой, въ полномъ смыслѣ этого слова, выше сотни стратегиковъ-трусовъ.

Въ Парижъ вошелъ я теперь совсѣмъ съ другими понятіями, нежели прежде. Болѣе солидности, болѣе благоразумія доставило

мнѣ не простую разсѣянность, но истинное удовольствіе. Не разсчитывая уже жизнь на однѣ сутки, я разсчитывалъ ее впередъ и далеко впередъ! Дѣтскія игры меня уже не занимали; я смотрѣлъ на высокое и двигался только къ высокому. Въ это время былъ энтуазистическій хаосъ всѣхъ партій. Но примѣтнѣе другихъ была королевская. Эти живые мертвецы, воставши изъ гроба Бурбоновъ, хотѣли всѣхъ сдѣлать бурбонами,—и, забывая вѣкъ, раздѣлявшій ихъ прошедшее отъ настоящаго, они высказывали всю глупость, всю нескромность своего столѣтія. Францію можно было тогда уподобить картинѣ, на которой одна половина погребаетъ своего генія, а другая—видитъ воскресеніе своего. На 30 т. можно было положить одного, который бы въ тогдашнихъ обстоятельствахъ бралъ участіе въ радости. Даже и тѣ, кои отторгнуты отъ Франціи и получили собственное политическое существованіе, изъ сильныхъ враговъ сдѣлались друзьями Наполеона. Вотъ лучшее доказательство. величности его генія. Потерю Наполеона не одна Франція, но цѣлые народы чувствовали почти въ той же степени, въ какой чувствовала Россія, потерявъ обожаемаго Александра.

Бывъ всегда безпеченъ на собственный свой счетъ, я рѣшился запасти себѣ въ Парижѣ тѣмъ, что составляетъ и память, и потребность. Но посланный отъ меня за покупками истратилъ мои деньги и скрылся. Это лишило меня возможности имѣть классическія рѣдкости Парижа.

Изъ Парижа я выступилъ въ Нанси, 4 часа отъ Парижа. Тутъ простоялъ я около 3-хъ мѣсяцевъ. Слѣдуя духу тогдашняго времени, я воззвалъ къ жителямъ, чтобы они были покойны и въ нуждахъ обращались ко мнѣ. Во все это время взаимная гармонія ничѣмъ нарушаема не была. Нанси небольшой, но густо населенный городокъ. Имъ управляла жена мэра, женщина строптивая и безпокойная. Образъ жизни жителей столь единообразный, что вы не замѣтите въ характерѣ народа ни прилива, ни отлива. Всякій день, посредствомъ городоваго барабанщика, объявляется то или другое приказаніе мэра, и жители свято его исполняютъ. Въ три мѣсяца я видѣлъ только разъ пьянаго, а разврата вовсе не замѣтилъ. Доброе поведеніе обоего пола есть общее достоинство малыхъ городовъ и деревень Франціи.

Французскія сельскія женщины, такъ какъ и сельскіе дома ихъ,

очень дурны. Жители праздны и вѣчно ротозѣютъ на улицахъ, какъ наши ямщики у почтовыхъ станцій; но въ образѣ жизни имѣютъ все удовольствіе. Французъ безъ говядины не сядетъ за столъ; а денегъ въ оборотѣ я болѣе Франціи нигдѣ не видалъ. Одна только у нихъ странная привычка, что они завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ на походѣ, т. е., переходя съ чашкою или кушаньемъ изъ комнаты въ сѣни, а оттуда на дворъ и т. д. Это означаетъ излишнюю живость характера.

Въ Нанси я совершенно преобразовалъ весь свой полкъ. Люди были одѣты единообразно до задивленія; офицеры одѣлись снова съ ногъ до головы, а музыканты перещеголяли и англійскихъ. Одинъ тамбуръ-мажоръ стоилъ мнѣ 800 франковъ. Онъ только что имѣлъ свой остовъ, впрочемъ: бакенбарды, усы и проч., и проч. было прибавочное. Изъ Парижа ко мнѣ и отъ меня въ Парижъ ежедневно летали транспорты, посылки и мастера. Одинъ разъ мастеровъ такъ было много, что двое, за неимѣніемъ мѣста, сидѣли на имперіалѣ дилижанса.

Въ такомъ блескѣ явился я съ полкомъ подъ Вертю. Вся армія бросилась смотрѣть меня и повѣрять, точно-ли я тотъ, какимъ описываютъ. Записной мой соперникъ Скобелевъ, командуя также полкомъ и гремя на другомъ концѣ Россіи славой своего полка, долженъ былъ уступить мнѣ лавровую свою вѣтвь. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ торжествомъ, а возвратился съ завистью.

Подъ Вертю армія стояла большимъ карре. Войска проходили мимо государя разомкнутыми и сомкнутыми колоннами. Нашу велъ генералъ-адъютантъ графъ Потоцкій. Послѣ парада является въ мою ставку Потоцкій, говоря:

— «Государь желаетъ знать, чѣмъ онъ можетъ васъ наградить?»

— Произвесть въ подполковники помощника моего, М. Ходаковскаго: вотъ въ чемъ полагалъ бы я особую милость государя императора.

И къ вечеру Ходаковскій былъ уже подполковникомъ.

Государю, какъ сказывалъ мнѣ Потоцкій, понравилось безкорыстіе мое и послужило къ довершенію счастія Ходаковскаго. Онъ лично удостоилъ его командиромъ 5-го егерскаго полка.

30-го августа 1815 г. былъ парадъ. Войска послѣ обѣдни

и молебна шли домой вообще всѣ въ безпорядкѣ. Нѣкоторые были разсѣяны и сами по себѣ кричали «ура!». Это произошло отъ ошибки первыхъ и сообщилось послѣднимъ. Я, напротивъ, почти одинъ изъ всей арміи шелъ въ сомкнутомъ фронтѣ, съ музыкою и въ величайшемъ порядкѣ. Государь, не ожидая перваго и восхищаясь послѣднимъ, т. е., хотя однимъ стройно идущимъ полкомъ, остановился передъ нами, билъ рукою кадансъ, подозвалъ меня къ себѣ и благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Я самъ согласенъ съ прочими, что этимъ, какъ и всѣмъ, обязанъ не фарсамъ, какъ говорятъ, а истинно моему счастію. За то этотъ день чту я во всю мою жизнь.

Чрезъ нѣсколько дней, государь выбираетъ самъ людей въ гренадеры. Подъѣхавъ къ 1-му полку въ дивизіи, начинаетъ хвалить полкъ Витебскій. Марковъ говоритъ:

— «Ваше величество, это еще не первый полкъ въ моей дивизіи; у меня лучшій Куринскій».

— «Если вы хотите сказать истину, подхватилъ Барклай, такъ у васъ первый полкъ въ дивизіи 13-й егерскій».

Едва только государь подъѣхалъ къ 13-му полку, какъ ему бросился въ глаза мой тамбуръ-мажоръ: это былъ стройный и гибкій Геркулесъ. Посмотрѣвъ съ минуту на него, поѣхалъ къ флангу полка. Окинувъ ярко фронтъ, государь началъ говорить окружающимъ его:

— «Этотъ полкъ лучше гвардіи, лучше Лейбъ-егерскаго, лучше Финляндскаго» и т. д.

Наконецъ, подозвавъ къ себѣ австрійскаго генерала, сказалъ ему:

— «Я увѣренъ, что у васъ ни одного такого полка нѣтъ въ гвардіи».

При такой всеобщей похвалѣ, родились отголоски въ слѣдующей постепенности:

Гр. Ожаровскій: «Государь! какъ же этому полку не быть и хорошимъ: вѣдь имъ командуетъ нашъ Маевскій».

Гр. Воронцовъ: «Государь! этотъ полкъ столько же отличается и храбростью, сколько и наружностью». (Онъ былъ радъ похвалить свой выборъ).

Барклай: «Государь! полкъ этотъ былъ у меня въ конвоѣ,

и въ чести его, я не имѣю ничего болѣе сказать, какъ то, что онъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ».

Прочіе мелкіе голоса вторили большимъ и старались аккордировать мыслямъ и словамъ государя. Государь, будучи въ восторгѣ отъ полка и людей, выбралъ у меня, вмѣсто 20, 40 чел.; но, не желая обижать противу другихъ, сталъ опять перевыбирать. Высылая одного за другимъ, безпрестанно повторялъ:

— «Они всѣ прекрасные; теряюсь, не знаю, котораго выслать и котораго оставить».

Наконецъ, сочли 19. Государь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Маевскій, дай одного, но не выбирай: они у тебя всѣ прекрасны».

Однако-жъ, я далъ изъ лучшихъ лучшаго.

Вслѣдъ затѣмъ государь давалъ обѣдъ всѣмъ генераламъ и командирамъ полковъ и артиллерійскихъ ротъ. Послѣ обѣда государь шутилъ и говорилъ со многими. Наконецъ, обращаясь къ Ермолову, говоритъ:

— «Ну, я, кажется, далъ тебѣ славныхъ людей».

— «Государь», отвѣчалъ Ермоловъ, «я особенно васъ благодарю за людей 13-го егерскаго полка».

Государь: «О, это отличные люди въ полку Маевскаго. Но знаете-ли, вѣдь, онъ не былъ военнымъ. Я его сдѣлалъ». (Кажется, что государь и самъ торжествовалъ безошибочность выбора).

Ермоловъ: «Маевскій, бывши еще и не военнымъ, показывалъ уже всѣ военныя наклонности».

На походѣ уже къ Рейну, я получилъ орденъ Маврикія за Вертю. Награда эта была вовсе неожиданная и тѣмъ пріятнѣйшая, что она составляла трофей непосредственнаго ко мнѣ вниманія государя, столь много обожаемаго и подданными, и всей Европою. Сихъ орденовъ прислано только 5-ть во всю армію. И изъ сихъ-то 5-ти одинъ удостоился получить и я.

От ъ редакціи. Здѣсь мы прерываемъ разсказъ Маевскаго (приведенныя VIII — XII гл. написаны имъ въ теченіи времени съ 30-го марта по 22-е апрѣля 1831 г.). Дѣлаемъ большой пропускъ, такъ какъ въ послѣдующемъ повѣствованіи о „его вѣкѣ“ не встрѣчается подробностей, имѣющихъ общій интересъ или почему-либо характеристичныхъ. Авторъ разсказываетъ о возвратѣ изъ Франціи въ Россію; рожденіе у Маевскаго сына Александра; государь предлагаетъ Маев-

скому полкъ короля Прусскаго, но онъ предпочитаетъ остаться во главѣ 13-го егерскаго полка.—Стоянки съ полкомъ въ Малороссіи.—Бытъ Малороссійскаго дворянства: грубость, развратъ и невѣжество.—Царскіе смотры войскъ; — автору Записокъ пожаловано три тысячи десятинъ земли въ Саратовской губ. Полковая жизнь, стрѣльба, „солдатскіе пунктики"; изученіе Маевскимъ тактики и стратегіи и проч. Далѣе слѣдуетъ изложеніе возникшихъ между Маевскимъ и генераломъ Ротомъ, начальникомъ дивизіи, столкновеній; непріятности и придирки происходили оттого, что Ротъ завидовалъ подчиненному ему—командиру 13-го егерскаго полка. Непріятности съ генераломъ Ротомъ вынудили Маевскаго, по производствѣ въ генералъ-маіоры, оставить командованіе 13-мъ егерскимъ полкомъ (12-го декабря 1819 г.). Офицеры, прощаясь съ нимъ, поднесли ему золотую шпагу. Государь повелѣлъ дать Маевскому, по его просьбѣ, 10 тысячъ рублей въ долгъ, такъ какъ отъ командованія полкомъ Маевскій ничего не нажилъ, между тѣмъ, какъ другіе командиры наживались.—Маевскаго сдѣлали бригаднымъ (3-й бриг. 3-й грен. див.) командиромъ;—рожденіе сына Сергія. — Маевскій трудится надъ составленіемъ исторіи турецкой войны 1808—1812 гг. Въ 1823 г. государь смотрѣлъ корпусъ, въ которомъ состояла бригада Маевскаго, подъ Орломъ. Смотръ кончился удачно, генералу пожалована аренда. — 24-го февраля 1824 г. Маевскій назначенъ, на правахъ дивизіоннаго командира, отряднымъ командиромъ поселенныхъ баталіоновъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій (Старорусскимъ военнымъ поселеніемъ), куда и отправился до вос послѣдованія еще приказа, 11-го января 1824 г.

Съ этого времени начинается подробный и весьма интересный разсказъ, который справедливо назвать: „аракчеевщина". Онъ составляетъ слѣдующую за симъ вторую часть „Моего вѣка, или исторіи генерала Маевскаго".

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КАРАТЫГИНА.

Печатая въ февральской книгѣ „Русской Старины", изд. 1873 г. (т. VII, стр. 179), нѣсколько главъ изъ „Воспоминаній П. А. Каратыгина", мы напомнили читателямъ, что 1-го марта текущаго года минетъ пятьдесятъ лѣтъ артистическаго служенія автора. Русское общество, къ чести его, не осталось равнодушнымъ къ заслугамъ нынѣ старѣйшаго русскаго артиста и драматическаго писателя. Въ лицѣ многочисленныхъ своихъ представителей, явясь на празднество 1-го марта [1]), оно многими адресами, рѣчами, прозою и стихами, многими задушевными тостами и дорогими подарками выразило чувства истиннаго уваженія и любви, давно пріобрѣтенныя П. А. Каратыгинымъ на обѣихъ сценахъ: среди театральныхъ кулисъ и на сценѣ общественной жизни.

1-го марта, Государь Императоръ, въ ознаменованіе заслугъ юбиляра, пожаловалъ ему большую золотую медаль для ношенья на шеѣ.

Отсылая читателей къ брошюрѣ: „Пятидесятилѣтіе артистической и литературной дѣятельности П. А. Каратыгина" (Спб. 1873 г.), въ которой собраны всѣ подробности празднества 1-го марта,—мы приводимъ на страницахъ „Русской Старины" еще нѣсколько главъ изъ неизданныхъ записокъ достоуважаемаго артиста и писателя о русскомъ театрѣ, за время почти полустолѣтія назадъ.

Ред.

---

[1]) С.-петербургское собраніе художниковъ предоставило для устройства этого праздника все свое помѣщеніе; обѣденное зало было обращено въ великолѣпный садъ, украшено бюстомъ юбиляра и проч.

I[1]).

Въ 1832 г. былъ учителемъ драматическаго искусства въ Театральномъ училищѣ извѣстный и даровитый актеръ Яковъ Григорьевичъ Брянскій; но такъ какъ онъ былъ довольно лѣнивъ, то и просилъ себѣ у дирекціи помощника,—выборъ его остановился на мнѣ. Директоръ, кн. Гагаринъ, предложилъ мнѣ занять мѣсто репетитора по драматической части при училищѣ, съ производствомъ 600 руб. ассигнаціями жалованья. Такое предложеніе польстило моему самолюбію и значительно должно было пополнить мой домашній бюджетъ; я, разумѣется, охотно согласился принять на себя эту должность. Брянскій, какъ серьезный трагикъ старинной классической школы, былъ не очень пріятенъ своимъ ученикамъ; онъ слишкомъ строго и педантически съ ними обращался, а потому-то молодой, веселый репетиторъ новаго поколѣнія, скорѣе имъ пришелся по душѣ. Брянскій, представляя мнѣ своихъ учениковъ, указалъ на одного бѣлокураго мальчика небольшаго роста, съ оживленной, но довольно комичной физіономіей, и прибавилъ вполголоса:

— «Вотъ этотъ мальчуганъ учится у Конопи живописи и просится перейти въ драматическій классъ; я заставилъ его выучить одну роль, прослушалъ его, но, кажется, лучше ему оставаться краскотеромъ,—выговоръ у него дурной, голосъ слабый и, кажется, изъ него толку не будетъ».

Этотъ мальчикъ-краскотеръ былъ Мартыновъ, котораго вскорѣ, по моему ходатайству, уволили отъ занятій по декораціонной части и перевели въ драматическій классъ.

Воспитанницъ тогда учила умная и весьма образованная актриса Марья Ивановна Вальберхова, но не долго; едва-ли не черезъ полгода и она, и Брянскій отказались отъ своихъ должностей, и тогда мнѣ одному поручено было учить и воспитанниковъ, и воспитанницъ. Я ревностно принялся за мою новую обязанность и ласковымъ своимъ обращеніемъ съумѣлъ привязать къ себѣ своихъ учениковъ и ученицъ.

Максимову (который былъ въ то время въ числѣ моихъ уче-

---

[1]) См. другія главы изъ Воспоминаній П. А. Каратыгина: «А. С. Грибоѣдовъ» («Рус. Ст.» 1872 г., т. V, стр. 423); «Русскій театръ при Александрѣ I» («Рус. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 297; 1873 г., т. VII, стр. 146—179).

никовъ) тогда было лѣтъ 16 и въ немъ были видны нѣкоторые задатки будущаго jeune premier; ясное произношеніе, оживленная, веселая физіономія и ловкость ручались за его успѣхи въ будущемъ; онъ довольно быстро понималъ и усвоивалъ дѣлаемыя ему замѣчанія. Мартыновъ же, хотя и отличался подвижной, комической мимикой и натурой, но былъ нѣсколько тугъ на пониманіе; а выговоръ, какъ говорилъ Брянскій, былъ, дѣйствительно, у него весьма не ясный, такъ что требовалъ большой обработки и мнѣ приходилось, зачастую, одинъ какой-нибудь монологъ заставлять его повторять по нѣсколько разъ. Изъ воспитанницъ лучше другихъ были: Кольбрехтъ — очень стройная и красивая дѣвица, двѣ сестры Степановы, Гринева, Бормотова (впослѣдствіи по замужеству Громова), Ѳедорова и Семенова.

Ѳедорова, вскорѣ по выпускѣ изъ школы, перешла на провинціальные театры и долго на нихъ съ успѣхомъ занимала амплуа первыхъ любовницъ. Семенова же переведена была въ Москву, поступила въ оперу, была тамъ нѣсколько лѣтъ примадонной и считалась хорошей актрисой.

Въ числѣ тогдашнихъ моихъ учениковъ были также: Леонидовъ, Вороновъ, Пруссаковъ, Марковецкій, Прохоровъ, Смирновъ 1-й, Краюшкинъ, Годуновъ и другіе.

Любимыми моими учениками были—Максимовъ и Мартыновъ, которые тоже полюбили меня, потому что обращеніе мое съ ними было больше дружеское, нежели учительское. Къ чести ихъ надо сказать, что оба эти артиста до конца своей жизни были постоянно мнѣ признательны и благодарны; такъ что, когда черезъ 25 лѣтъ общество первоклассныхъ литераторовъ давало обѣдъ Мартынову, передъ отъѣздомъ его за границу, по случаю его болѣзни,— онъ, посреди торжественныхъ овацій, которыя ему дѣлали, вспомнилъ о своемъ первомъ наставникѣ, какъ я однажды поцѣловалъ его за какую-то удачно-исполненную имъ роль, и что эта первая награда за его сценическіе успѣхи не могла изгладиться изъ его памяти по прошествіи такого продолжительнаго времени,—и впослѣдствіи, когда онъ сталъ играть на большой сценѣ, я былъ постоянно ходатаемъ за него и заступникомъ[1]).

---

[1]) Объ этомъ отзывѣ Мартынова о П. А. Каратыгинѣ было напечатано тогда же въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (см. № 58, 15-го марта 1859 г.).

Ред.

Оба они — Мартыновъ и Максимовъ — впослѣдствіи сдѣлались любимцами публики и, конечно, превзошли своего наставника (особенно первый) и получили оклады жалованья вдвое, даже втрое противъ меня; но, говоря по совѣсти, я не только никогда имъ не завидовалъ, но, любуясь ихъ успѣхами, внутренно говорилъ себѣ:

— Тутъ и моего меду есть частичка.

Относительно дикціи, я часто говаривалъ моимъ ученикамъ: ясная, правильная рѣчь и чистое произношеніе—первое и главное основаніе для хорошаго актера, такъ же точно, какъ даръ слова—лучшій даръ, данный природою человѣку. Если начинающій актеръ пренебрежетъ этими основными правилами и обратитъ все свое вниманіе только на одну внѣшность, т. е. на мимику, жесты и ловкость тѣлодвиженій, то, въ такомъ случаѣ, пусть онъ лучше переходитъ въ балетъ,—тамъ онъ будетъ болѣе на своемъ мѣстѣ. Я совѣтовалъ имъ учить свои роли всегда вслухъ и даже въ полный голосъ, безъ торопливости.

— Если вамъ встрѣтится фраза, или слово, которыя вамъ трудно выговаривать, повторяйте ихъ по нѣсколько разъ, пока не преодолѣете эту трудность; держась такого правила, вы принесете себѣ двойную выгоду! вы незамѣтно обработаете и органъ, и выговоръ.

Здѣсь, кстати, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о такъ-называемой теоріи драматическаго искусства.

II.

Нѣкоторые современные театральные критики имѣютъ довольно странный взглядъ на драматическое искусство и не допускаютъ въ немъ никакой подготовки или теоретическихъ правилъ. Они говорятъ, что талантъ не нуждается въ руководителяхъ, что единственнымъ его учителемъ должна быть одна природа.

«Бездарность (прибавляютъ они), какъ-бы ни старалась, ни училась, вѣчно останется бездарностью, а школьныя правила только вредятъ таланту.

«Если человѣкъ грамотенъ, образованъ, одаренъ пріятною наружностью, звучнымъ голосомъ—этого достаточно. Тутъ всѣ данныя, чтобы быть хорошимъ актеромъ».

Очевидно, что подобный взглядъ на драматическое искусство

весьма ошибоченъ. Развѣ шлифовка отнимаетъ достоинство у драгоцѣнныхъ камней? Природа можетъ быть учителемъ человѣка только въ его животныхъ наклонностяхъ; къ искусствамъ же и художествамъ едва-ли это примѣнимо; бываютъ исключенія, но они весьма рѣдки. Если усовершенствованіе таланта можно сравнить съ шлифовкой алмаза, то недаровитаго, но прилежнаго актера, почему же не сравнить съ хрусталемъ, хорошо ограненнымъ; и въ немъ есть своя игра и у него есть свои радужные, красивые переливы. Не всѣмъ же быть первоклассными талантами. Внѣшнія и даже внутреннія данныя не дѣлаютъ еще актера: красивая наружность, звучный голосъ, даже душевный жаръ— все это только сырые матеріалы, требующіе обработки. Если ими одаренъ человѣкъ, неизучающій искусство, всѣ эти качества только краски и кисти въ рукахъ неимѣющаго понятія объ основныхъ правилахъ живописи. Возьмемъ для примѣра спектакли любителей-самоучекъ: участвующіе въ нихъ, бо́льшею частію люди воспитанные и образованные, необижены природными достоинствами; есть между ними, можетъ быть, и даровитыя личности. Но для человѣка, опытнаго въ дѣлѣ театральнаго искусства, подобные спектакли, зачастую, далеко неудовлетворительны. Положимъ, что масса зрителей часто бываетъ довольна, но судъ публики не есть еще судъ науки; а наука-то и замѣтитъ, что въ этихъ спектакляхъ многіе грѣшатъ противъ правильности дикціи, не рѣдко слышится фальшъ въ интонаціи, ошибочныя удареніа на словахъ, произвольные жесты, вовсе неподходящіе къ смыслу. Стало-быть, драматическое искусство дается не такъ легко, или вѣрнѣе сказать, оно, какъ и всякое искусство, не пріобрѣтается безъ науки. Какъ нельзя быть хорошимъ ремесленникомъ, не изучивъ первыхъ правилъ мастерства, также точно нельзя быть и артистомъ, не изучивъ техники этого искусства, т. е. его ѳеоріи.

Актеръ—сценическій ораторъ, каѳедра его—сцена; онъ заставляетъ зрителя и плакать, и смѣяться,—онъ могучимъ талантомъ потрясаетъ его до глубины души. Актеръ дѣйствуетъ на слухъ, на разумъ, на зрѣніе и на сердце своихъ слушателей. Чтобы пріятно дѣйствовать на слухъ, надобно имѣть ясную, внятную дикцію, основанную на грамматическихъ правилахъ языка; чтобы дѣйствовать на разумъ, актеръ долженъ усвоить всю силу,

всю сущность выражаемой имъ мысли; мало сказать—усвоить, онъ долженъ сродниться съ нею. Только, изучивъ сердце человѣческое и сокровеннѣйшіе его изгибы, актеръ можетъ дѣйствовать на сердце слушателя. Игра физіономіи (т. е. мимики), благородные, умѣренные жесты, плѣняя зрѣніе, довершаютъ наконецъ то очарованіе, которое артистъ можетъ произвести на зрителя. Ухо—главный проводникъ рѣчи къ сердцу и къ разуму, и потому говорящій при многочисленномъ собраніи ни на одну минуту не долженъ забывать о достиженіи каждаго своего слова до чужаго слуха. При этомъ Квинтиліанъ дѣлаетъ остроумное сравненіе: «ухо», говоритъ онъ, «передняя; ежели слова входятъ въ нее, какъ попало, въ безпорядкѣ, то едва-ли они проникнутъ во внутренніе покои, т. е. разумъ и сердце».

Правильность произношенія—въ прямой зависимости отъ грамматики языка. Не надо упускать изъ виду, что отъ неправильнаго ударенія на словѣ не рѣдко искажается самый смыслъ рѣчи. Торопливость—обыкновенный порокъ всѣхъ начинающихъ учиться декламаціи. Конечно, при всякомъ чтеніи встрѣчаются мѣста, которыя слѣдуетъ читать съ ускореннымъ тактомъ; но ускоренный тактъ не надо смѣшивать съ торопливостью; у читающаго торопливо, слова бѣгутъ въ перегонку, окончанія ихъ съѣдаются, звуки сливаются въ какое-то утомительное гудѣнье; онъ не знаетъ, гдѣ перевести духъ, стало-быть, тутъ некогда думать о выраженіи.

Итакъ, послѣ всего сказаннаго мною, кажется, мудрено будетъ согласиться съ тѣмъ актеромъ, который возьметъ себѣ за правило руководствоваться одной только натурой. Вѣдь бормотать себѣ подъ носъ, или шептать, тоже дѣло натуральное,—но каково же тогда будетъ бѣднымъ слушателямъ? Въ недавнее еще время, рьяные поклонники такъ-называемой «натуральной школы» требовали отъ актера только одной безъискусственной натуры; желали, чтобъ онъ игралъ по вдохновенію, игралъ душою. Такъ говаривали, во время оно, о Мочаловѣ (объ этомъ, дѣйствительно, самородномъ, но не развитомъ талантѣ) его поклонники. Нѣкоторые изъ нихъ сами сознавались, что иногда покойному Мочалову случалось играть всю роль изъ рукъ-вонъ плохо; но за то, по ихъ отзывамъ, вырывалась у него одна вдохновенная минута, которая искупала всѣ его недостатки. Странное понятіе о

театральномъ искусствѣ! Тутъ, стало-быть, актеръ уже не художникъ, а вдохновенная пиѳія; но я не думаю, чтобъ и древняя пиѳія могла имѣть способность вдохновляться ежедневно.

Такъ-называемые: паѳосъ, экстазъ, восторженность—есть уже не нормальное состояніе человѣка; актеръ, дошедшій до самозабвенія, естественнымъ образомъ, долженъ забыть свою роль; а забывъ свою роль, онъ разрушаетъ уже очарованіе, произведенное имъ на зрителя. Если высокоталантливый актеръ можетъ владѣть сердцемъ зрителя, то, въ свою очередь, онъ долженъ умѣть владѣть своими чувствами, не увлекаться ими и держать ихъ въ извѣстныхъ границахъ.

Женщина, по природѣ своей, впечатлительнѣе мужчины; если нервная актриса даетъ полную волю своимъ чувствамъ, зальется слезами, съ нею можетъ сдѣлаться истерика, того гляди, наконецъ, упадетъ въ обморокъ,—и тогда, разумѣется, она не въ состояніи будетъ кончить свою роль; тогда придется опустить занавѣсу, послать за докторомъ. Конечно, все это очень естественно, но едва-ли такой результатъ можетъ быть пріятенъ зрителямъ.

Здѣсь мнѣ пришелъ на память случай, бывшій со мною въ Москвѣ: однажды покойный Мочаловъ игралъ Фердинанда въ драмѣ «Коварство и Любовь», и игралъ, дѣйствительно, на этотъ разъ неудачно; но въ одномъ мѣстѣ вдругъ весь театръ разразился оглушительнымъ взрывомъ аплодисментовъ. Мой сосѣдъ-купчикъ прыгалъ на своихъ креслахъ, билъ въ ладоши, стучалъ ногами и бѣсновался громче всѣхъ. Фраза, вызвавшая такой шумный восторгъ, была произнесена Мочаловымъ шопотомъ, такъ что я никакъ не могъ ее уловить. Я обратился къ моему восторженному сосѣду и спросилъ его:

— Что такое сказалъ Мочаловъ?

Мой сосѣдъ немного сконфузился и наивно отвѣчалъ мнѣ:

— «Не слышалъ, батюшка, извините; но играетъ-то, вѣдь, какъ злодѣй, чудо, чудо!»

Надобно признаться, что и этотъ отвѣтъ былъ тоже довольно чуденъ.

— Ужъ не одна-ли это изъ тѣхъ минутъ, отъ которыхъ съ ума сходятъ его поклонники, подумалъ я. Если это такъ, то каково же зрителю сидѣть въ театрѣ часа четыре и ждать одной вдохновенной минуты. И придетъ-ли она, Богъ вѣсть.

И наконецъ, вознаградитъ-ли она его за скуку цѣлаго вечера— это еще вопросъ.

Я помню безпрерывные, отчаянные споры театральныхъ рецензентовъ, когда на двухъ столичныхъ сценахъ были два трагика, ничѣмъ не похожіе другъ на друга и глядѣвшіе на свое дѣло съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Мочаловъ, по словамъ москвичей, былъ вдохновенный поэтъ; Каратыгинъ (братъ мой)—пластикъ и искусный лицедѣй, который никогда не могъ достигнуть мочаловскаго паѳоса. Первому изъ нихъ случалось не рѣдко выходить на сцену съ нетвердой ролью, потому что онъ надѣялся на свою способность вдохновляться; второй— строго изучалъ свое искусство и до того твердо приготовлялъ свои роли, что обыкновенно просилъ суфлеровъ не сбивать его напраснымъ усердіемъ. Говорить на сценѣ своими словами, по моему, большое злоупотребленіе въ актерѣ,—онъ не имѣетъ никакого права распоряжаться чужою собственностью. И можетъ-ли онъ поручиться, что скажетъ лучше своими словами, нежели то, что написано авторомъ въ тиши кабинета, гдѣ каждая фраза была имъ обдумана и округлена, каждое слово взвѣшено и имѣетъ свое мѣсто и значеніе. Оттого-то иногда актеръ, позволяющій себѣ эту вольность, и попадается въ просакъ. Можетъ случиться, что упрямое вдохновеніе не придетъ къ нему свыше, а суфлеръ— не поможетъ ему снизу, тогда и придется ему розыграть роль лѣниваго школьника на публичномъ экзаменѣ.

Знаменитую Ристори также, какъ и моего брата, критики-реалисты упрекали въ излишней пластичности, рутинной ходульности и обдуманной подготовкѣ; но что за дѣло—какимъ путемъ они достигали цѣли, а они ее достигали съ блестящимъ успѣхомъ. Если ихъ игра была не естественна и бездушна, они не могли бы потрясать душу зрителя, не могли бы заставлять его плакать. Теперь спрашивается: возможно-ли, чтобы эти артисты оставались безчувственными, такъ сильно дѣйствуя на чувство своихъ зрителей?

Неужели это былъ фокусъ зажигательнаго стекла, которое, воспламеняя, само остается холоднымъ? Нѣтъ, сердце нельзя обмануть никакимъ фокусомъ.

III.

Занятія мои въ Театральномъ училищѣ шли обычнымъ своимъ чередомъ; я продолжалъ тамъ заниматься раза три или четыре въ недѣлю. Въ Великій и Успенскій посты, какъ я уже говорилъ, были тамъ постоянные спектакли. Максимовъ началъ уже играть на публичномъ театрѣ и года черезъ два вышелъ изъ училища; Мартыновъ продолжалъ прилежно со мною заниматься и, наконецъ, также дебютировалъ на большой сценѣ. Онъ въ первый разъ игралъ, подъ моимъ руководствомъ, въ комедіи «Глухой, или полный трактиръ» роль Глупдубридова; хотя этотъ дебютъ нельзя было назвать вполнѣ удовлетворительнымъ, но и тогда можно было видѣть въ Мартыновѣ хорошіе задатки въ будущемъ. Выйдя изъ училища, онъ продолжалъ играть не важныя роли. Въ ту пору Дюръ былъ въ полномъ развитіи своего разнообразнаго таланта, и по заслугамъ могъ считаться любимцемъ публики; стало-быть, при такомъ счастливомъ соперникѣ, Мартынову мудрено было выдвинуться впередъ; только по смерти Дюра, и то еще не вскорѣ, онъ началъ обращать на себя вниманіе начальства и публики, и наконецъ, занялъ первыя комическія роли.

Театральное начальство было довольно успѣхами моихъ учениковъ и учениць, и послѣ Великаго поста я неоднократно получалъ письменную благодарность директора; потомъ, года черезъ три, по представленію кн. Гагарина, я получилъ отъ государя золотую табакерку. Но окладъ жалованья мнѣ, однако же, не увеличили, не смотря на то, что жалованье Брянскаго и Вальберховой, должность которыхъ я занялъ, оставалось въ экономіи.

IV.

Въ началѣ 1830-хъ годовъ бывшій режиссеръ Боченковъ вышелъ на пенсію; на мѣсто его надобно было выбрать другаго режиссера; тогдашній членъ репертуарной части Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ, съ согласія директора, кн. Гагарина, предложилъ мнѣ это почетное мѣсто; но я уклонился отъ этой чести, не смотря на то, что вмѣстѣ съ этой должностью, увеличился бы окладъ моего жалованья болѣе нежели вдвое. Режиссеръ тогда получалъ 4,000 руб. асс. и полный бенефисъ.

Нѣсколько причинъ побуждали меня отказаться отъ должности режиссера: 1) Должность эта была несходна съ моимъ уступчивымъ и открытымъ характеромъ. Режиссеръ — посредникъ между начальствомъ и своими товарищами; ему слѣдуетъ угождать и той, и другой сторонѣ, а возможно-ли это? Если онъ, положимъ даже по своему убѣжденію, иногда склонится на одну сторону, непремѣнно возбудитъ неудовольствіе въ другой. Самолюбіе артиста — самое раздражительное чувство; а тутъ самолюбіе двухъ половъ! Кто не знаетъ, каково женское самолюбіе. Попробуй, напримѣръ, режиссеръ оказать предпочтеніе талантливой актрисѣ, — какой крикъ поднимутъ ея бездарныя соперницы. Осмѣлься сказать устарѣлой агнесѣ, что ей пора перейти на амплуа пожилыхъ дѣвъ или благородныхъ матерей, — она, въ своемъ ослѣпленіи, готова тебѣ глаза выцарапать. Замѣть какому-нибудь небольно грамотному, хотя и талантливому актеру, что онъ говоритъ безсмыслицу, что другой не понимаетъ характера своей роли, или одѣтъ не такъ, какъ слѣдуетъ, или... но всѣхъ примѣровъ не перечтешь. Не говоря уже о женскихъ костюмахъ, которые, ради кокетства, такъ часто искажаются на сценѣ; о закулисныхъ дрязгахъ и мелочахъ, которыхъ нѣтъ возможности перечесть. Отецъ мой, какъ я уже выше говорилъ въ своихъ «Запискахъ», былъ тоже режиссеромъ; но занималъ эту должность не болѣе двухъ лѣтъ, вѣроятно, по той же самой причинѣ, по которой и я отказался. 2) Эта хлопотливая должность отторгла бы меня отъ моей семьи, въ которой было все мое счастіе; я бы долженъ былъ ежедневно оставлять свою молодую жену, дѣтей — утромъ и вечеромъ; режиссеръ даже ночью, какъ брантмейстеръ, не можетъ поручиться, чтобъ его не потревожили по случаю внезапной болѣзни кого-нибудь изъ артистовъ, — и онъ, зачастую, въ полночь долженъ отправляться въ типографію, чтобы при перемѣнѣ спектакля измѣнить напечатанную уже афишу. 3) Сдѣлавшись такимъ неусыпнымъ труженикомъ, я бы не могъ успѣвать, какъ актеръ: я бы долженъ былъ отказываться отъ многихъ ролей, потому что у меня физически не достало бы времени ихъ приготовлять, а я душой любилъ свое искусство. 4) Въ то время братъ мой и его жена занимали первое амплуа; я легко могъ быть пристрастенъ относительно ихъ обоихъ по родственному чувству, — могъ подчиниться ихъ вліянію и вслѣдствіе того быть не справедливымъ къ моимъ

товарищамъ. Еслибъ я даже дѣйствовалъ по своему убѣжденію, то и тутъ бы я, конечно, не избѣгъ нарѣканій [1]). Наконецъ, 5) мнѣ бы тогда надобно было заниматься только сочиненіемъ рапортовъ, рапортичекъ, требованій и прочихъ пустяковъ, и бросить перо водевилиста, а писать для сцены была у меня страстишка съ малолѣтства. Можетъ быть, мои критики-антагонисты скажутъ по этому случаю:

— «Ну, тутъ еще не велика потеря».

Можетъ быть, они будутъ и правы; да мнѣ-то самому это занятіе доставляло удовольствіе. Итакъ, въ виду вышеизложенныхъ причинъ, я не задумался отказаться и отъ почетной должности, и отъ матеріальныхъ выгодъ. Впослѣдствіи, при другомъ директорѣ, мнѣ два раза вновь предлагали эту должность, но я измѣнилъ моимъ убѣжденіямъ.

Въ этотъ же промежутокъ времени я былъ приглашенъ занять должность учителя драматическаго искусства въ Морскомъ корпусѣ. Такого класса до тѣхъ поръ никогда не бывало ни въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній; и вотъ по какому случаю устроился тамъ этотъ классъ. Однажды покойный государь Николай Павловичъ заѣхалъ въ Морской корпусъ; разспрашивая нѣкоторыхъ старшихъ гардемариновъ, готовившихся къ выпуску изъ корпуса, онъ обратилъ вниманіе на дурной выговоръ и вообще на неясное произношеніе у нѣкоторыхъ изъ нихъ, и тутъ же сказалъ адмиралу Крузенштерну, бывшему тогда директоромъ корпуса:

— «Иванъ Ѳедоровичъ, они у тебя дурно говорятъ, бормочатъ, съѣдаютъ слова,—нельзя-ли этому пособить? пригласи когонибудь изъ актеровъ съ ними заниматься; пусть онъ заставляетъ ихъ читать вслухъ стихи, или хоть театральныя пьесы, чтобы обработать ихъ выговоръ» [2]).

Воля государя, разумѣется, не могла остаться безъ исполненія, и адмиралъ Крузенштернъ предложилъ мнѣ взять на себя

---

[1]) Здѣсь я замѣчу мимоходомъ: по моему мнѣнію, чтобы избѣжать упрека въ пристрастіи, режиссеръ не долженъ имѣть въ труппѣ ни жены, ни дѣтей, ни свата, ни брата; короче сказать, никакихъ родственныхъ связей и отношеній. П. К.

[2]) Эти слова покойнаго государя были мнѣ переданы капитаномъ Юхаринымъ, который былъ тогда командиромъ роты гардемариновъ. П. К.

эту обязанность; я согласился, и такимъ образомъ устроился въ корпусѣ постоянный классъ декламаціи, одинъ разъ въ недѣлю. Я занимался съ гардемаринами по два и по три часа въ недѣлю; заставлялъ ихъ читать Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Кукольника, Полеваго и другихъ,—давалъ имъ выучивать цѣлыя сцены; а на Рождествѣ или на Масляницѣ устраивалъ домашніе спектакли,—у меня до сихъ поръ еще сберегаются печатныя афиши этихъ спектаклей. Многіе изъ тогдашнихъ юныхъ моряковъ теперь—давно уже контръ- и вице-адмиралы и ихъ доблестныя имена теперь красуются на страницахъ исторіи русскаго флота. Занятія мои въ Морскомъ корпусѣ продолжались года полтора; по смерти Крузенштерна, хотя этотъ классъ и былъ отмѣненъ, но меня ежегодно приглашали устраивать домашніе спектакли, какъ въ Морскомъ корпусѣ, такъ равно и въ Пажескомъ и другихъ кадетскихъ корпусахъ.

Въ продолженіе моей долговременной службы никто изъ моихъ товарищей болѣе меня не былъ приглашаемъ для постановки домашнихъ спектаклей, начиная съ высочайшаго двора и аристократическихъ домовъ до солдатскихъ спектаклей въ казармахъ включительно. Вообще объ этихъ домашнихъ спектакляхъ я поговорю поподробнѣе впослѣдствіи; теперь снова обращусь къ моей сценической дѣятельности.

Въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, занятія мои шли очень хорошо и однообразно,—я почти каждый день игралъ; но роли мои были самыя неблагодарныя: кромѣ приторныхъ любовниковъ, изображалъ я холодныхъ резонеровъ, придворныхъ и тому подобныя личности—безъ лицъ. А между тѣмъ, представляя свѣтскихъ молодыхъ людей, я обязанъ былъ ежедневно заботиться объ изяществѣ своего костюма, быть въ чистомъ бѣльѣ, въ чистыхъ перчаткахъ, лаковыхъ сапогахъ, и вообще долженъ былъ быть приличенъ, чтобъ не возбудить смѣха своимъ неряшливымъ туалетомъ или какой-нибудь неловкостью; но при томъ скудномъ жалованьѣ, которое я тогда получалъ, мудрено мнѣ было франтить на сценѣ; дирекція же особенныхъ денегъ на городскіе костюмы мнѣ не назначала.

Семейство мое въ это время умножилось: у меня было тогда уже четверо дѣтей; сынъ отъ перваго брака, двѣ дочери и сынъ отъ втораго. Здѣсь мнѣ пришелъ на память грустный эпизодъ

изъ моей домашней жизни. Въ 1839 году, въ маѣ мѣсяцѣ, захворали наши дѣти корью; два сына и меньшая дочь (Вѣра) лежали уже въ постелѣ нѣсколько дней, а старшая дочь (Надя), 3-хъ лѣтъ, была еще на ногахъ. Докторъ не совѣтовалъ намъ отдѣлять ее отъ другихъ больныхъ дѣтей, такъ какъ эта болѣзнь —дѣло обычное въ дѣтскомъ возрастѣ. Наканунѣ еще эта малютка играла безпечно со своими игрушками, бѣгала, рѣзвилась; но на другой день и она слегла. Бѣдная моя жена сбилась съ ногъ, не отходила отъ дѣтей, не раздѣвалась по цѣлымъ недѣлямъ. Между тѣмъ, болѣзнь старшаго сына моего отъ перваго брака была опасна въ высшей степени. Этотъ первенецъ мой былъ самый любимый внукъ моей матери, которая, разумѣется, навѣщала его въ это время ежедневно. Жена моя, видя ея отчаяніе и мою грусть, сказала мнѣ однажды въ слезахъ:

— «Другъ мой, я вижу, что наши дѣти всѣ одинаково опасны; но если намъ суждено лишиться кого-нибудь изъ нихъ, пусть падетъ этотъ жестокій жребій на одного изъ моихъ дѣтей, лишь бы твой Николай остался живъ».

И что же? Точно ангелъ смерти подслушалъ ея благородный вызовъ. Черезъ нѣсколько дней бѣдняжка Надя умерла, а всѣ прочія дѣти начали выздоравливать. Въ тотъ грустный вечеръ я долженъ былъ играть въ новой пьесѣ добраго моего товарища-однокашника (актера Шемаева); роль моя была довольно значительная, отказъ мой поставилъ бы его въ большое затрудненіе—надо бы было перемѣнить спектакль,—и потому отказаться мнѣ было невозможно.

Уѣзжая въ театръ, я поцѣловалъ, перекрестилъ мою бѣдную дочку, у которой началась уже предсмертная агонія, и поѣхалъ «комедь ломать». Почтеннѣйшая публика! Не судите иногда слишкомъ строго нашего брата-актера, если онъ, подчасъ, не такъ удачно васъ потѣшаетъ: вѣдь онъ тоже мужъ, отецъ, семьянинъ; удѣлите же частичку вашего снисхожденія на долю и человѣка.

Какъ я игралъ въ тотъ вечеръ—не помню; удивляюсь теперь только, какъ я могъ помнить тогда свою роль. Возвратясь изъ театра, я нашелъ умирающее дитя мое еще дышащимъ; но черезъ часъ мы съ женою приняли ея послѣдній вздохъ. Наутро, когда ребенка обмыли и положили на столъ, бѣдная жена моя съ ры-

даньемъ обливала слезами холодный трупъ милой дочери. Я плакалъ вмѣстѣ съ нею, но чтобъ нѣсколько успокоить, сказалъ ей:

— «Другъ мой, не ропщи на Провидѣніе и покорись волѣ Божіей. Можетъ быть, это, точно, жертва искупленія. Ты помнишь свои благородныя и страшныя слова; ты сама вызвалась принести эту жертву для моего первенца. Можетъ быть, судьба подслушала тебя и послала тебѣ испытаніе».

Она пожала мою руку и сказала мнѣ:

— «Да, да, я ихъ помню; я не ропщу, я постараюсь быть тверже, постараюсь удержать свои слезы,—но, вѣдь, это первая моя потеря!». и рыданія заглушили ея слова.

V.

Теперь я стану продолжать свой послужной списокъ и опишу постепенный мой переходъ на другое амплуа. Въ 1833 году, 1-го марта, я отслужилъ свой обязательный десяти-лѣтній срокъ —за воспитаніе въ Театральномъ училищѣ и заключилъ съ дирекціей первый контрактъ. Будучи отъ природы веселаго характера, моя антипатія къ скучнымъ ролямъ любовниковъ была весьма естественна; я только и мечталъ о томъ, чтобъ перемѣнить несносное амплуа, но эта задача была довольно трудная. Главное препятствіе встрѣчалъ я, разумѣется, со стороны администраціи; меня заставляли тянуть любовную канитель не потому, чтобы я былъ, дѣйствительно, хорошъ въ этихъ роляхъ, но потому, что другіе-то молодые люди были чуть-ли не хуже меня.

Первая комическая роль, которую мнѣ давелось сыграть, была роль Загорецкаго—въ «Горе отъ ума» (если не считать роли Репетилова, которую я еще въ 1830 году исполнялъ раза четыре за отсутствіемъ Сосницкаго). За тѣмъ было еще нѣсколько комическихъ ролей, по назначенію дирекціи, какъ-то: Маршала—въ драмѣ «Коварство и Любовь», Вилькинса — въ драмѣ «Она помѣшана», Флорестона — въ комедіи «Первая любовь» (за эту роль я былъ нѣсколько разъ вызванъ, что въ то время считалось большой наградой). Но въ 1837 году Дюръ (зять мой по первой моей женѣ) бралъ въ свой бенефисъ новый водевиль, подъ названіемъ «Архиваріусъ» и уговаривалъ меня сыграть въ немъ главную комическую роль. Я долго не соглашался на его просьбу, боясь, во-первыхъ, принять на себя отвѣтственную роль, отъ

которой зависѣлъ успѣхъ пьесы, а во-вторыхъ, я никогда не пѣлъ на сценѣ, а тутъ было нѣсколько большихъ куплетовъ, что могло бы меня затруднить; но Дюръ, какъ хорошій музыкантъ, брался мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, я рѣшился и роль Архиваріуса удалась мнѣ противъ всякаго моего ожиданія; меня за нее вызывали два раза и похвалили во всѣхъ журналахъ. Это былъ мой первый шагъ на веселой, водевильной дорожкѣ.

Въ этомъ же году пріѣхала въ Петербургъ знаменитая танцовщица Тальони и произвела необыкновенный фуроръ, такъ что билеты на ея представленія брали чуть не приступомъ. Это обстоятельство дало мнѣ мысль написать водевиль-а-ргороs на этотъ случай.

Въ слѣдующемъ 1838 году, апрѣля 25-го, назначенъ мнѣ былъ бенефисъ (по контракту). Этотъ бенефисъ составился у меня довольно удачно: я взялъ «Русалку» —Пушкина, потомъ «15-тилѣтній король»—комедію въ 2-хъ дѣйствіяхъ, «Домъ на Петербургской сторонѣ»—водевиль, передѣланный мною съ французскаго, и оригинальный водевиль-а-ргороs, подъ названіемъ «Ложа 1-го яруса на послѣдній дебютъ Тальони». Въ обѣихъ послѣднихъ пьесахъ я написалъ для себя главныя комическія роли; спектакль удался на славу, доставилъ мнѣ полный сборъ и я получилъ отъ покойнаго государя драгоцѣнный бриллiантовый перстень. Вообще этотъ спектакль такъ понравился публикѣ, что его въ полномъ составѣ давали болѣе 15-ти разъ въ продолженіи мая мѣсяца и каждый разъ при полномъ сборѣ, что въ это время года, когда петербургская публика обыкновенно разъѣзжается за границу, по деревнямъ или на дачи, можно было считать тогда небывальщиной. И точно, этотъ спектакль былъ замѣчателенъ по своему дружному исполненію (ансамблю), что не всегда удается на нашей сценѣ.

Молодая актриса Асенкова, тогдашняя любимица публики, была въ полномъ развитіи своего симпатичнаго таланта; она играла въ трехъ пьесахъ (Русалку, 15-ти-лѣтняго короля и Сонюшку—въ «Ложѣ 1-го яруса») и всѣ три роли исполнены были ею превосходно. Сосницкая, Дюръ, Максимовъ, Мартыновъ, Григорьевъ 2-й[1]) и Воротниковъ много содѣйствовали успѣху моей

[1]) Григорьевъ 2-й былъ неподражаемъ въ роляхъ апраксинскихъ купчиковъ. Въ этой пьесѣ ему разрѣшено было варьировать свою роль и онъ почти

пьесы; даже второстепенные актеры, представлявшіе вводныхъ лицъ въ этомъ водевилѣ, и тѣ были всѣ на своихъ мѣстахъ, исполняли свои маленькія роли съ большимъ стараніемъ и были очень забавны; нѣкоторые изъ нихъ, для бо̀льшаго эфекта, подделывались подъ личности извѣстныхъ въ то время театраловъ и копировали ихъ очень удачно; такъ напримѣръ, актеръ Милославскій карриктурилъ извѣстнаго въ то время барина Поливанова; актеръ Беккеръ поддѣлался подъ фигуру Элькана (также всѣмъ извѣстную личность), и многіе другіе.

Есть русская поговорка: «не родись ни хорошъ, ни пригожъ — родись счастливъ». Эта поговорка сбылась надъ моей пьеской. И точно, можно подумать, что мысль — написать эту бездѣлку родилась у меня въ счастливую минуту. Написалъ я ее въ продолженіи пяти или шести дней — не болѣе; но выгоды, которыя она мнѣ доставила, были огромныя. Не говоря уже о полномъ сборѣ въ мой бенефисъ и царскомъ подаркѣ, эта пьеса имѣла значительное вліяніе на мою театральную карьеру; съ этихъ поръ публика начала мнѣ оказывать свое расположеніе, часто аплодировала при появленіи моемъ на сцену; директоръ также сталъ благоволить ко мнѣ, и не мудрено: моя пьеса давала дирекціи огромные сборы, а она не истратила ни гроша на ея постановку. Наконецъ, этой счастливой бездѣлкѣ я обязанъ былъ рѣшительнымъ переходомъ на комическія роли и, такъ сказать, выдвинулся изъ жалкой посредственности. Но что всего дороже было для меня — это благосклонность и ласка покойнаго государя; тутъ въ первый разъ онъ удостоилъ говорить со мною, и съ тѣхъ поръ постоянно изъявлялъ мнѣ свое милостивое вниманіе, которое продолжалось до самой его кончины.

Въ мой бенефисъ государь не былъ въ театрѣ, хотя я и получилъ, по представленію министра двора, подарокъ; но дня черезъ четыре и именно 30-го апрѣля, въ субботу, по его приказанію, былъ назначенъ русскій спектакль и данъ былъ мой водевиль: «Ложа 1-го яруса». Въ этотъ вечеръ покойный государь пріѣхалъ въ театръ вмѣстѣ съ императрицей, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и другими высочайшими осо-

---

каждый разъ вставлялъ въ свою сцену какой-нибудь новый разсказъ, городской современный анекдотъ и т. п., и потѣшалъ публику своимъ балагурствомъ.
П. К.

бами. Назначеніе русскаго спектакля въ субботу насъ всѣхъ тогда удивило; потому что покойный государь былъ вообще очень строгъ относительно православныхъ обычаевъ; но что именно было причиною такого назначенія, мнѣ въ точности неизвѣстно. Можетъ быть, предположено было двору на другой день переѣхать въ Царское Село, что постоянно бывало въ концѣ апрѣля.

Государь остался совершенно доволенъ, какъ пьесой, такъ и исполненіемъ ея; приходилъ въ антрактѣ на сцену вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и, подозвавъ меня къ себѣ, обласкалъ и похвалилъ меня. Въ то же лѣто, 7-го іюня, по собственному назначенію государя, мы играли эту пьесу въ Петергофѣ; за этотъ спектакль я получилъ опять бриліантовый перстень.

Я помню, какъ въ этотъ день, часа въ три, мы собрались въ Мон-плезирѣ, гдѣ намъ приготовленъ былъ обѣдъ,— и только что мы сѣли за столъ, какъ вбѣжалъ камеръ-лакей и сказалъ, что государь съ императрицей подъѣхалъ въ кабріолетѣ къ крыльцу и желаетъ видѣть актрису Асенкову; она выбѣжала на крыльцо, а мы всѣ подошли къ окнамъ. Государь отрекомендовалъ Асенкову императрицѣ, сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ; потомъ обратился къ намъ и спросилъ: хорошо-ли мы помѣщены и всѣмъ-ли довольны?

По отъѣздѣ государя, мы тутъ же, прежде супа, спросили шампанскаго и съ дружнымъ «ура!» выпили за его царское здоровье. Въ томъ же мѣсяцѣ, 26-го числа, великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ сыграть мой водевиль въ Павловскѣ. По окончаніи спектакля, великій князь представилъ меня своей супругѣ Еленѣ Павловнѣ и былъ ко мнѣ и другимъ артистамъ, участвовавшимъ въ этой пьесѣ, очень милостивъ. Потомъ, въ ноябрѣ, два раза играли этотъ водевиль, по высочайшему повелѣнію, безъ афиши, то есть, назначали его въ самый день представленія. Короче, эта пьеса такъ понравилась государю, что онъ ее видѣлъ, конечно, болѣе десяти разъ.

Покойный государь имѣлъ обыкновеніе ежегодно осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ, переѣзжать въ Гатчину съ царственной своей семьей недѣли на двѣ,— это было время его отдыха; туда же приглашались нѣкоторые изъ придворныхъ чиновъ и близкіе его любимцы. Время проводилось безо всякаго

этикета; утро посвящалось прогулкѣ или охотѣ; на завтракъ и обѣдъ всѣ собирались за-просто; вечеромъ карты, концерты, шарады и разныя развлеченія.

Въ одну изъ этихъ поѣздокъ (кажется, въ 1840 году) вотъ что тамъ происходило, по разсказамъ тѣхъ лицъ, которыя были тогда въ Гатчинѣ. Государю было угодно устроить домашній спектакль и онъ для этого спектакля выбралъ все-таки мою «Ложу 1-го яруса»; самъ назначилъ роли и присутствовалъ на всѣхъ репетиціяхъ. По словамъ участвовавшихъ въ этой пьесѣ, репетиціи эти были самымъ веселымъ препровожденіемъ времени; на каждой изъ нихъ придумывали новую шутку, или остроту. Спектакль, говорятъ, прошелъ на славу, и многіе изъ участвовавшихъ въ немъ долго вспоминали объ этомъ веселомъ вечерѣ.

На память этого спектакля женскій персоналъ получилъ тогда отъ покойнаго государя по драгоцѣнному браслету, на которыхъ было вырѣзано: «Гатчина, такого-то года, мѣсяца и числа»—и тутъ же «имя и отчество того персонажа, какое она занимала въ пьесѣ».

Этотъ водевиль былъ мною тогда напечатанъ и два изданія его разошлись въ самое короткое время. На публичныхъ же сценахъ, онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ былъ сыгранъ около ста разъ. Но, можетъ быть, я уже слишкомъ долго о немъ распространяюсь. Что дѣлать? Старые люди живутъ уже воспоминаніемъ.

Въ 1839 году я для своего бенефиса написалъ новый водевиль, подъ названіемъ «1-е іюля въ Петергофѣ» (ежегодный праздникъ въ день рожденія императрицы). Когда бенефисъ мой уже былъ выставленъ на афишѣ, государь, увидя меня въ Михайловскомъ театрѣ, подозвалъ къ себѣ и съ улыбкой сказалъ мнѣ:

— «Я видѣлъ на афишѣ твой бенефисъ; ты берешь сюжеты изъ моихъ помѣстій? Что же тутъ представляется?»

— Ваше величество, отвѣчалъ я ему, представить лицевую сторону этого великолѣпнаго праздника на театрѣ нѣтъ никакой возможности, онъ выше всякаго описанія,—и потому я взялъ только изнанку его: представилъ задній дворъ и гулянку люде средняго и простаго класса.

— «Ну, въ этотъ день мнѣ не случалось туда заглядывать», отвѣчалъ государь. «Пріѣду, непремѣнно пріѣду къ тебѣ въ гости».

Я поклономъ поблагодарилъ государя за обѣщанную милость и онъ сдержалъ слово — удостоилъ своимъ посѣщеніемъ мой бенефисъ вмѣстѣ съ императрицей, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и съ другими великими князьями.

Здѣсь я приведу въ примѣръ, какъ покойный императоръ былъ милостивъ и снисходителенъ къ артистамъ. Актриса Асенкова, какъ я выше уже замѣтилъ, пользовалась благосклонностью государя за свой прекрасный талантъ; за два года до ея кончины, въ 1839 году, Н. А. Полевой написалъ для ея бенефиса драму: «Параша Сибирячка»; цензура не одобрила ее къ представленію. Авторъ и бенефиціантка были въ отчаяніи; оставалось одно средство — просить высочайшаго разрѣшенія. Асенкова рѣшилась на эту крайнюю мѣру и, выбравъ удобную минуту, лично въ театрѣ просила государя объ этой милости. Онъ потребовалъ къ себѣ пьесу. Времени до бенефиса оставалось уже немного, но отвѣта на просьбу Асенковой не было; она томилась въ мучительномъ ожиданіи, однако-жъ, утруждать государя вторичной просьбой, разумѣется, не осмѣливалась. Въ одно изъ представленій знаменитой танцовщицы Тальони, государь былъ въ Большомъ театрѣ и во время антракта вышелъ изъ своей ложи на сцену; увидя меня, онъ подозвалъ къ себѣ и спросилъ:

— «Когда назначенъ бенефисъ Асенковой?»

Я ему отвѣчалъ, что черезъ двѣ недѣли; тутъ государь, съ обычной своей любезностью, сказалъ мнѣ:

— «Я почти кончилъ представленную мнѣ драму Полеваго и не нахожу въ ней ничего такого, за чтобы слѣдовало ее запретить; завтра я возвращу пьесу; повидай Асенкову и скажи ей объ этомъ. Пусть она на меня не пѣняетъ, что я задержалъ ея пьесу. Что-жъ дѣлать? у меня въ это время были дѣла, нѣсколько поважнѣе театральныхъ пьесъ».

Я, не досмотря спектакля, поскакалъ къ Асенковой обрадовать ее; тутъ же у нее въ гостяхъ случился нѣкто Песоцкій — издатель «Репертуара русскаго театра», который былъ записной театралъ и разсчитывалъ помѣстить новую драму Полеваго въ своемъ журналѣ; онъ тотчасъ поѣхалъ передать эту радость автору и на другой день былъ обѣдъ у Дюссо по этому случаю. Полевой, Асенкова, Песоцкій, Сосницкій, я и другіе были на этомъ обѣдѣ и мы выпили за здоровье государя и за будущій

успѣхъ «Параши Сибирячки». Успѣхъ, дѣйствительно, былъ самый блестящій. Государь осчастливилъ бенефиціантку своимъ посѣщеніемъ и наградилъ ее прекраснымъ подаркомъ. Въ этотъ же бенефисъ, послѣ «Параши», шелъ въ 1-й разъ мой водевиль, передѣланный съ французскаго, подъ названіемъ «Ножка», который я подарилъ Асенковой. Бенефиціантка исполнила обѣ эти роли съ неподражаемымъ искуствомъ и была восторженно принята публикой.

Въ началѣ 1841 г. русскій театръ лишился этой прекрасной артистки; она умерла отъ чахотки, ровно черезъ годъ послѣ Дюра. Эти двѣ потери были невознаградимы для драматической труппы; оба они горячо и безкорыстно[1]) любили искусство и были украшеніемъ русской сцены; оба они были тогда еще во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи своего таланта. Не говоря уже о прекрасномъ и разнообразномъ дарованіи этой молодой артистки, я не могу умолчать о ея миломъ и любезномъ характерѣ; добродушіе и кротость ея доходили до дѣтской наивности. Я не замѣчалъ, чтобъ она кому-нибудь завидовала; не слыхалъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь повздорила, что такъ обыкновенно въ нашемъ закулисномъ муравейникѣ. Если она не получила блестящаго воспитанія, то природный ея умъ и тактъ заставляли забывать въ ней этотъ недостатокъ. Собой она хотя не была красавицей въ строгомъ смыслѣ, но миловидность ея была до того симпатична, что собирала около ее толпу поклонниковъ и вздыхателей изъ такъ-называемыхъ театраловъ.

Припоминая прошлое, я съ грустью обращаюсь назадъ: сколько прекрасныхъ, свѣжихъ талантовъ на моей памяти преждевременно сошли со сцены въ могилу. И большая часть изъ нихъ кончили свое поприще, не вполнѣ оцѣненные за свое честное и безкорыстное служеніе искусству. Въ то старое доброе время не было у публики обыкновенія присоединять къ рукоплесканіямъ другой родъ награды своимъ любимцамъ. Теперь лавровые вѣнки, рос-

[1]) Тогда еще не было, такъ-называемыхъ, «разовыхъ». Асенкова прослужила на сценѣ всего шесть лѣтъ, и только за годъ до своей кончины заключила контрактъ, по которому ей дирекція назначила самую ничтожную поспектакльную плату по 5 руб. ассигнаціями за каждую сыгранную роль. Дюръ не былъ и 10-ти лѣтъ на сценѣ и умеръ, не получая никакой поспектакльной платы. П. К.

кошные букеты и цѣнные подарки сдѣлались такъ обыкновенны, что рѣдкій бенефисъ не только первыхъ, но, зачастую, второстепенныхъ артистовъ, не обходится безъ этихъ вещественныхъ доказательствъ расположенія зрителей къ бенефиціанту (особенно къ бенефиціанткѣ). Въ 1830-хъ же годахъ, болѣе чѣмъ за четверть вѣка до освобожденія крестьянъ, наша аристократія, помѣщики, гвардія и даже средній классъ были, конечно, позажиточнѣе; къ тому же, тогда не было и такой дороговизны, какъ теперь; но тогда, сколько я помню, ни Асенкова, ни Дюръ, ни другіе первоклассные артисты не были такъ награждаемы, какъ въ нынѣшнее время, хотя, конечно, по справедливости, могли называться любимцами публики. Теперь не только на придворныхъ сценахъ, даже въ театрѣ Буффъ, Берга, клубныхъ спектакляхъ, въ Циркѣ, на Минеральныхъ водахъ, словомъ, вездѣ благосклонная публика щедрою рукою вознаграждаетъ любимыхъ своихъ артистовъ. Чему же, какъ не одной только «модѣ», слѣдуетъ приписать всѣ эти щедрыя оваціи! Да, въ то старое доброе время, хотя артистамъ не подносили лавровыхъ вѣнковъ, не осыпали ихъ цвѣтами, а грѣхъ сказать, чтобы тогда не процвѣтало сценическое искусство.

VI.

Покойная Асенкова (Варвара Николаевна) воспитывалась прежде въ пансіонѣ, потомъ поступила въ Театральное училище, гдѣ пробыла не болѣе года, потому что ее оттуда выключили за неспособность. Тогдашній директоръ, кн. Гагаринъ, въ одно прекрасное утро призвалъ къ себѣ ея мать и сказалъ ей:

— «Вы сами талантливая актриса, но у дочери вашей нѣтъ никакихъ способностей для сцены; возьмите ее лучше теперь же изъ школы, а если она въ ней пробудетъ еще нѣсколько лѣтъ, то выйдетъ оттуда на самое ничтожное жалованье и будетъ какой-нибудь жалкой статисткой, что, конечно, не можетъ быть вамъ пріятно».

Мать Асенковой, получа отъ директора такое категорическое рѣшеніе, должна была взять свою дочь изъ училища и обратилась тогда къ Сосницкому, какъ опытному артисту, прося его заняться съ ея дочерью. Сосницкій далъ ей выучить нѣсколько ролей, но тоже, въ продолженіи цѣлаго года, не могъ замѣтить въ ней особеннаго таланта; но Асенкова страстно любила театръ и про-

должала, не смотря на постоянныя неудачи, прилежно заниматься со своимъ учителемъ, какъ-будто внутреннее чувство говорило ей, что страсть ея къ искусству не можетъ пропасть безслѣдно. Проявленіе сценическаго таланта, дѣйствительно, дѣло загадочное; иногда ученикъ кажется совершенной тупицей, положительною бездарностью, но вдругъ одна какая-нибудь роль, или даже фраза, какъ искра мелькнетъ изъ-подъ пепла и обнаружитъ скрытое дарованіе,—такъ было и съ Асенковой. Однажды Сосницкій проходилъ съ нею роль изъ драмы: «Фанни, или мать и дочь—соперницы»; тутъ ученица прочла одинъ монологъ изъ своей роли съ такимъ чувствомъ, съ такимъ глубокимъ, правдивымъ сознаніемъ, что восхитила своего учителя, и онъ тутъ убѣдился въ развивающемся ея талантѣ.

Въ 1835 году, 25-го января, она дебютировала въ бенефисѣ Сосницкаго, въ комедіи: «Три Султанши» и въ водевилѣ: «Лорнетъ», который я тогда перевелъ для нее. Успѣхъ дебютанши былъ самый блестящій. Покойный государь Николай Павловичъ, по окончаніи спектакля, удостоилъ ее милостивымъ своимъ вниманіемъ и сказалъ ей, что такой удачный дебютъ ручается за будущіе ея успѣхи на сценѣ. Но дирекція, не смотря на высочайшій авторитетъ, еще долго не соглашалась заключить съ нею контракта; наконецъ, хлопоты ея матери разными окольными путями достигли своей цѣли и Асенкова поступила на сцену. Выше было сказано мною о ея поклонникахъ-театралахъ; здѣсь мнѣ припомнился одинъ пасквильный, грубый эпизодъ изъ ея жизни. Какой-то очень юный сынъ Марса (фамилію его теперь не могу вспомнить), вѣроятно, отверженный ея обожатель, сыгралъ съ нею возмутительную шутку, которая могла бы имѣть гибельныя послѣдствія. Однажды этотъ армейскій герой рѣшился блистательнымъ образомъ отомстить непреклонной красавицѣ: онъ подкараулилъ ее послѣ спектакля у театральнаго подъѣзда и въ то время, когда она сѣла въ карету, бросилъ туда зажженную шутиху. По счастію, шутиха попала въ шубу актера Григорьева, сидѣвшаго тутъ же, и онъ успѣлъ ее потушить. Лицо этого фейерверкера не могло укрыться отъ свидѣтелей, а гнусный поступокъ его не могъ пройти безъ наказанія. Покойный великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ его немедленно арестовать; но этотъ пылкій юноша не унялся и прислалъ Асенковой грозное письмо,

что если ему не удалось на этотъ разъ ее обезобразить, то онъ рѣшится на болѣе отчаянную мѣру. Однако-жъ, онъ долженъ былъ умѣрить свою запальчивость. За эту злую шутку его отправили на Кавказъ понюхать пороховаго дыму, происходящаго не отъ шутихи. Впослѣдствіи онъ возвратился съ Кавказа, но тогда, кажется, не было на свѣтѣ предмета его пылкой страсти. Асенкова скончалась 19-го апрѣля 1841 года. Она похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ, не далеко отъ большой церкви; прекрасный памятникъ, съ бронзовымъ ея бюстомъ, до сихъ поръ сохранился во всей своей цѣлости.

VII.

Николай Осиповичъ Дюръ,— современникъ и постоянный сотрудникъ Асенковой, былъ человѣкъ вспыльчиваго и раздражительнаго характера. Талантливый актеръ на сценѣ, онъ не могъ терпѣть закулиснаго актерства и лицемѣрія. Это была одна изъ тѣхъ честныхъ и правдивыхъ натуръ, для которой приторная лесть была хуже полыни; онъ не допускалъ ее не только въ самомъ себѣ, но сердился, когда и ему отпускали комплименты, особенно кто-нибудь изъ его собратовъ.

— «Полноте, пожалуйста», говорилъ онъ тутъ, «бросьте эту пошлую привычку — хвалить товарища въ глаза; кто же повѣритъ нашей искренности, когда все наше искусство заключается въ притворствѣ!»

Малѣйшее униженіе, недобросовѣстность кого-нибудь изъ его товарищей, особенно заискиваніе, низкопоклонничество передъ начальствомъ — постоянно возмущали его и онъ никогда не пропускалъ случая громко при всѣхъ высказать о немъ свое мнѣніе. Понятно, что съ такимъ характеромъ ему мудрено было ужиться въ закулисномъ мірѣ. Сколько разъ мнѣ приходилось удерживать его отъ этихъ выходокъ, чрезъ которыя онъ наживалъ себѣ безпрестанно враговъ.

— Уймись, говорилъ я ему; изъ чего ты бьешься,— вѣдь, намъ съ тобою людей не передѣлать.

— «Знаю, Петенька» (такъ привыкъ называть меня мой родственникъ и однокашникъ), «знаю, да что же дѣлать, если я самъ себя передѣлать не могу!»

Первые годы своей молодости, по выпускѣ изъ училища, про-

велъ онъ не совсѣмъ умѣренно,—особенно женскій полъ имѣлъ впослѣдствіи вредное вліяніе на его слабое здоровье.

Музыка была его страсть и онъ прилежно ею занимался; ничѣмъ его, бывало, такъ не потѣшишь, какъ попросишь его написать музыку для куплета или романса; и многое у него выходило довольно удачно. Во всѣхъ моихъ первыхъ водевиляхъ музыка была всегда имъ составлена. Репертуаръ его ролей былъ необыкновенно разнообразенъ: онъ игралъ въ операхъ [1]), комедіяхъ, трагедіяхъ и водевиляхъ; танцовалъ мастерски, какъ любимый ученикъ Дидло. Однимъ словомъ, могъ назваться артистомъ въ полномъ смыслѣ. Въ 1836 году онъ женился на танцовщицѣ Марьѣ Дмитріевнѣ Новицкой, производившей въ то время фуроръ ролью Фенеллы, въ извѣстной оперѣ: «Нѣмая въ Портичи» [2]); но супружеское его счастіе было не продолжительно,—года черезъ три послѣ его женитьбы развилась у него скоротечная чахотка. Во время болѣзни своей, онъ вполнѣ сознавалъ свое безнадежное положеніе и переносилъ страданія съ христіанскою твердостью. Слухъ о его тяжкой болѣзни скоро распространился по Петербургу и многіе, вовсе незнакомые ему люди, часто присылали къ нему на квартиру узнавать о его здоровьѣ, что всегда раздражительно дѣйствовало на его нервы. Однажды, мѣсяца за два до его кончины, когда онъ еще не слегъ въ постель, жена его куда-то ушла со двора, прислуги тоже въ это время тутъ не случилось,—громко позвонили у его входныхъ дверей; онъ самъ отворилъ ихъ и тутъ вошелъ какой-то купчикъ въ сибиркѣ.

— «Что вамъ нужно?» спросилъ его Дюръ.

Купчикъ перекрестился.

— «Что вамъ нужно», повторилъ больной.

— «Извините-съ», отвѣчалъ купчикъ, заглядывая въ зало: «вѣдь здѣсь квартира ахтера г. Дюро?»

— «Ну, да, здѣсь. Да что вамъ надобно? я васъ спрашиваю».

— «Мы слышали, что они изволили скончаться, такъ я, т. е., гробовой мастеръ... я все предоставлю въ наилучшемъ видѣ».

---

[1]) Онъ былъ, особенно хорошъ въ «Севильскомъ Цирюльникѣ»—Бартолѣ, въ «Сорокѣ-воровкѣ»—Подеста и въ «Ченерентолѣ»—Донъ Манифико. П. К.

[2]) По кончинѣ мужа, она перешла изъ балетной труппы въ драматическую и впослѣдствіи была довольно приличная актриса. П. К.

Взбѣшенный отъ такой преждевременной услуги, онъ, разумѣется, живой рукой выгналъ въ шею незванаго гостя. Въ то утро я, по обыкновенію, пришелъ его навѣстить и, онъ, смѣючись, разсказалъ мнѣ объ этомъ пріятномъ визитѣ, и тутъ же прибавилъ:

— «Видите, Петенька, какая выгода быть извѣстнымъ артистомъ,—его прежде времени въ гробъ укладываютъ».

Въ началѣ мая онъ слегъ въ постель и не вставалъ уже болѣе. Въ одно изъ посѣщеній моихъ, воспользовавшись отсутствіемъ своей жены, онъ подозвалъ меня къ себѣ и просилъ написать письмо на имя директора (А. М. Гедеонова) въ такомъ смыслѣ, что, не дослужа нѣсколькихъ мѣсяцевъ до десяти-лѣтняго срока своей обязательной службы по выходѣ изъ училища, онъ не смѣетъ надѣяться на какой-нибудь пенсіонъ его малюткѣ-дочери, но проситъ директора исходатайствовать у министра хоть бенефисъ осиротѣлому его семейству. Я тутъ же съ его словъ написалъ это письмо, которое онъ подписалъ довольно твердою рукою; потомъ онъ вынулъ изъ-подъ подушки листъ бумаги, исписалъ карандашемъ и отдалъ его мнѣ. Это было предсмертное его распоряженіе: онъ просилъ меня не оставлять его жены, помогать ей моими совѣтами, а главное—не давать ее въ обиду его отцу, который былъ человѣкъ буйнаго и строптиваго характера, особенно въ хмѣльную пору, что случалось съ нимъ довольно часто. На другой день я доставилъ письмо къ директору, который обѣщалъ похлопотать у министра двора [1]). Дюръ, дня за два до кончины своей, пожелалъ исполнить послѣдній христіанскій долгъ; и хотя прежде онъ не былъ особенно богомоленъ, но тутъ съ полнымъ умиленіемъ, съ теплою вѣрою и съ христіанскою твердостью исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ. Это было, какъ теперь помню, въ самый Духовъ день. Наканунѣ еще была поставлена молодая березка въ ногахъ у его кровати; въ рукахъ тогда онъ держалъ вѣтку свѣжей сирени, принесенной ему наканунѣ изъ церкви. По уходѣ священника, когда мы окружили его смертный одръ, онъ взглянулъ на березку, поднесъ цвѣтокъ къ горячимъ губамъ своимъ и, грустно покачавъ головою, сказалъ мнѣ:

[1]) По смерти Дюра, покойный государь назначилъ пенсію его дочери въ 500 руб. ассигнаціями до замужества. П. К.

— «Какъ нынче рано распустились цвѣты и какъ рано отцвѣла моя жизнь!»

Онъ тихо скончался 9-го мая 1839 года. Похороны его, также совершились тихо: не было ни овацій, ни лавровыхъ вѣнковъ, ни шумной многолюдной толпы. Онъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. На скромномъ, далеко не изящномъ, его памятникѣ вырѣзана надпись: «Отъ почитателей его таланта» [1]).

VIII.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ Дмитрій Тимоѳеевичъ Ленскій (извѣстный въ то время острякъ и переводчикъ-водевилистъ). Года за полтора до того мы съ нимъ заочно познакомились: я посылалъ ему въ Москву, для его бенефисовъ, мои пьесы, а онъ взаимно предлагалъ мнѣ свои; мы даже вели съ нимъ постоянную переписку, но не знали другъ друга въ лицо (тогда, разумѣется, еще не было фотографіи, не было также и литографическихъ нашихъ портретовъ). Сосницкій подговорилъ меня разыграть съ нимъ знакомыхъ незнакомцевъ; онъ предупредилъ меня, что когда Ленскій будетъ у него обѣдать, онъ позоветъ тоже и меня, но только непремѣнно выдастъ меня за другаго. Сосницкій жилъ тогда на Крюковомъ каналѣ, противъ Никольской церкви. Въ условный день и часъ, когда Ленскій пришелъ къ нему и собрались гости, Сосницкій послалъ за мною (моя квартира была тогда не далеко отъ него). Это было въ лѣтнюю пору; онъ съ Ленскимъ и съ нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей стоялъ на болконѣ; я прохожу мимо, Сосницкій кричитъ мнѣ:

— «Андрей Ивановичъ, Андрей Ивановичъ! что вы у меня давно не были?—зайдите пожалуйста!»

Я поклонился и поднялся къ нему на лѣстницу. Всѣ гости были предупреждены объ этой мистификаціи и едва могли удержаться отъ смѣха при моемъ появленіи. Сосницкій отрекомендовалъ насъ другъ другу; меня онъ выдалъ за какого-то чиновника Андрея Ивановича (фамиліи теперь не помню), служащаго въ Кронштадтѣ. Подали обѣдать, меня посадили рядомъ съ Ленскимъ; онъ былъ веселъ, шутливъ и остроуменъ. Разговоръ, разу-

[1]) Некрологъ покойнаго Дюра былъ составленъ Ѳ. А. Кони и помѣщенъ въ томъ же году въ «Репертуарѣ Русскаго Театра», изданіе Песоцкаго. П. К.

мѣется, шелъ больше о театрѣ; потомъ рѣчь зашла обо мнѣ. И тутъ Ленскій спросилъ Сосницкаго:

— «Да когда же, наконецъ, я увижу Петра Каратыгина? Вы говорите, что онъ живетъ на дачѣ? Завтра же поѣду къ нему. Я просто полюбилъ его заочно по его письмамъ ко мнѣ, по пьесамъ его, наконецъ, по всѣмъ отзывамъ о немъ. Мнѣ кажется, еслибъ я его встрѣтилъ на улицѣ — непремѣнно бы узналъ».

Эта фраза всѣхъ разсмѣшила, но Ленскій не обратилъ на это вниманія. Въ концѣ обѣда подали шампанское и радушный хозяинъ предложилъ тостъ за здоровье московскаго гостя. Послѣ обѣда всѣ мы изъ столовой перешли въ кабинетъ, закурили трубки и продолжали еще мистифировать Ленскаго. Наконецъ, Сосницкій велѣлъ подать новую бутылку шампанскаго и предложилъ Ленскому выпить за здоровье Петра Каратыгина.

— «О! съ большимъ удовольствіемъ», отвѣчалъ Ленскій.

И тутъ-же первый предложилъ мой тостъ. Всѣ выпили, кромѣ меня.

Ленскій это замѣтилъ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— «А вы-то что же, Андрей Ивановичъ, не пьете?»

— Да мнѣ неловко, Дмитрій Тимоѳеевичъ.

— «Что же это значитъ? Развѣ вы имѣете противъ Петра Каратыгина что-нибудь?»

— Напротивъ, я его люблю, какъ самого себя.

Ленскій посмотрѣлъ на всѣхъ съ недоумѣніемъ. Тутъ я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Позвольте васъ поблагодарить за ту честь, которую вы мнѣ сдѣлали и выпить теперь за ваше здоровье!

Ленскій опѣшилъ. Онъ былъ въ то время уже немножко навеселѣ и не могъ въ толкъ взять, что такое я ему говорю.

— «Позвольте, позвольте, Андрей Ивановичъ, я, вѣдь, пилъ за здоровье Каратыгина», сказалъ онъ.

— А теперь Каратыгинъ пьетъ за ваше, отвѣчалъ я ему.

Общій хохотъ совершенно его озадачилъ. Но, наконецъ, Сосницкій вывелъ его изъ заблужденія и объяснилъ сыгранную съ нимъ комедію.

Тутъ Ленскій бросилъ свой бокалъ объ полъ и, обратясь къ Сосницкому, сказалъ:

— «Послушайте, разбойникъ вы, Иванъ Ивановичъ! Развѣ

можно дѣлать такія вещи съ добрыми пріятелями? Ну, хорошо, что вы напали на такого человѣка (продолжалъ онъ, показывая на меня), о которомъ я, по совѣсти моей, не могу сказать ни одного худаго слова; а еслибъ было иначе, такъ какую бы глупую и неприличную роль пришлось мнѣ розыграть въ этой комедіи!»

— Это совершенно справедливо, сказалъ я ему, дѣло было рискованное и моя роль была бы едва-ли не хуже вашей; но теперь, благодаря шуткѣ нашего добраго друга, я вполнѣ убѣдился въ искреннемъ вашемъ ко мнѣ расположеніи!

Тутъ мы съ нимъ обнялись и веселая бесѣда наша продолжалась до восхода солнца. Ленскій не могъ налюбоваться нашей петербургской ночью, которая, дѣйствительно, въ то время была превосходна. Сосницкій обѣщалъ ему на другой день показать Кронштадтъ и Ленскій потребовалъ, чтобъ кронштадскій чиновникъ, Андрей Ивановичъ, непремѣнно съ ними поѣхалъ; онъ долго не могъ безъ смѣха вспомнить о сыгранной съ нимъ мистификаціи и тутъ сказалъ Сосницкому:

— «Ай-да петербургскій народецъ! Вотъ вы иногда упрекаете москвичей въ двоедушіи, а сами люди двуличные».

— «Это почему?» спросилъ Сосницкій.

— «Да какъ же», сказалъ онъ, показывая на меня, «развѣ этотъ злодѣй не въ двухъ лицахъ представлялся мнѣ сегодня?»

Покойный Ленскій былъ человѣкъ очень умный и образованный, хорошій товарищъ и пріятный собесѣдникъ; игривое шампанское какъ-то особенно возбуждало его остроуміе,—жаль, что большая часть его эпиграммъ, куплетовъ и экспромтовъ неудобны для печати.

П. А. Каратыгинъ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

XIX [1]).

Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій.

Время рожденія и первоначальныя обстоятельства жизни Ѳ. О. Туманскаго неизвѣстны. Знаю только, что онъ былъ сынъ Осипа Григорьевича Туманскаго, который служилъ предсѣдателемъ Новгородъ-Сѣверской Уголовной Палаты съ 1785 по 1795 годъ („Губерн. Служебникъ", кн. Туркест., стр. 66-я) и происходилъ изъ рода, принадлежащаго къ лучшимъ въ средѣ малороссійскаго дворянства (Вас. Григ. Тум., біогр. очеркъ въ №№ 28 — 32 „Черниг. Губ. Вѣд."). Слѣды его происхожденія лежали нерѣдко и на литературномъ его языкѣ, въ которомъ отзывался складъ малороссійской рѣчи. Ѳ. О. Туманскій дѣлается мнѣ извѣстнымъ съ 1786 года, къ которому относятся первые печатные труды его. Въ 1791 году, когда Карамзинъ началъ издавать свой „Московскій журналъ", Ѳ. О. Туманскій сталъ присылать ему во множествѣ свои писанія, преимущественно въ стихахъ; но они были такъ плохи, что Карамзинъ ихъ не печаталъ (Письма Кар. къ Дмитр., стр. 17 и 19). Кромѣ того, Карамзинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ рѣзкій разборъ, написанный Подшиваловымъ, переведенной Ѳ. О. Туманскимъ Палефатовой книги „О невѣроятныхъ сказаніяхъ" (Ibid., стр. 024). Все это озлобило Ѳ. О. Туманскаго и онъ выступилъ въ числѣ противниковъ Карамзина, которыми были Клушинъ, Эминъ-сынъ, и другіе сотрудники выходившаго въ 1792 году петербургскаго журнала „Зритель", котораго

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 463; изд. второе, стр. 541; т. II, стр. 74 и 194; 1871 г.: т. III, стр. 205; т. IV, стр. 571 и 681; 1873 г.: т. VII, стр. 616 и 619.

издателемъ былъ знаменитый впослѣдствіи баснописецъ Крыловъ (Ibid., стр. 33). Самъ же Ѳ. О. Туманскій, въ томъ же 1792 году, издавалъ журналъ „Россійскій Магазинъ", гдѣ покушался порицать Карамзина, особенно при сличеніи переводовъ его изъ Оссіана съ переложеніемъ Оссіановыхъ пѣсней, которое сдѣлалъ Костровъ (Ibid., стр. 024). Но месть Ѳ. О. Туманскаго этимъ не ограничилась и отозвалась черезъ нѣсколько лѣтъ Въ 1800 году вышелъ въ Лейпцигѣ, сдѣланный Рихтеромъ нѣмецкій переводъ „Писемъ Русскаго путешественника" Карамзина (Сопик. № 5,067). Ѳ. О. Туманскій, бывшій тогда цензоромъ иностранныхъ книгъ при русской таможнѣ (Слов. Евг., ч. 2-я, стр. 226), не пропустилъ-было этой книги (Письма Кар. къ Дмитр., стр. 115). Но, кажется, ему не удалось запретить ее. Въ 1801 году Ѳ. О. Туманскій оставилъ службу съ пенсіономъ въ чинѣ статскаго совѣтника и умеръ на родинѣ своей, въ Глуховѣ, въ 1805 году (Слов. Евг., ч. 2-я, стр. 227). Онъ оставилъ трехъ сыновей: Михаила, Павла и Николая Ѳедоровичей („Черниг. Губ. Вѣд." 1858 г., № 32); не знаю, кто была его жена.

Ѳ. О. Туманскій написалъ многое, что осталось неизвлеченнымъ изъ современныхъ ему журналовъ. Отдѣльно же изданные труды его суть нижеслѣдующіе:

А. Собственныя произведенія.

1) «Дѣтскій мѣсяцесловъ, съ краткою исторіею, географіею и хронологіею, всеобщею и російскою, и примѣчаніями изъ астрономіи». Спб., 1787 г. (Соп. № 6,387; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

2) «Жизнь и дѣянія государя императора Петра Великаго». Ч. 1-я; Спб., 1788 г. (Соп. № 7,687; тутъ сказано, что обѣщано было пять частей; Плав. № 3,386; Смирд. № 2,802).

3) «Чтеніе для прекраснаго пола». Ч. 1-я; Спб., 1788 г. (у Соп. нѣтъ; у Плав. № 6,476; у Смирд. нѣтъ).

4) «Созерцанія славныя жизни святаго Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго». Спб., 1789 г. (Соп. № 11,077; Плав. № 1,162; Смирд. № 866).

5) «Палефата, греческаго писателя, о невѣроятныхъ сказаніяхъ». Пер. Спб., 1791 г. (Соп. № 8,041; Плав. № 3,823; Смирд. № 3,263).

6) «О благонравіи, твореніе Діонисія Катона». Пер. (Соп. № 2,253; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

7) «Котъ во адѣ», поэма въ пяти пѣсняхъ, соч. Захаріи. Пер. съ нѣм. Спб. 1791 г. (Соп. № 8,677; Плав. № 3,909; Смир. № 6,824).

Б. Изданныя книги.

8) «Краткое описаніе Архипелага и Варварійскаго берега, изъявляющее положеніе: островов, городовъ, крѣпостей, пристаней, подводныхъ камней, мелей, жителей, вѣру, обряды и нравы ихъ; съ тремя чертежами». Соч. бригадира, Матвѣя Григорьевича Коковцева. Спб., 1786 г. (Соп. № 7,526; Плав. № 2,816. Смирд. № 3,609).

9) «Достовѣрныя извѣстія о Алжирѣ, о нравахъ и обычаяхъ тамошняго народа; о состояніи правительства и областныхъ доходовъ, о положеніи Варварійскихъ береговъ, о произрастеніяхъ и о прочемъ». Соч. бригадира Матвѣя Григорьевича Коковцева. Спб., 1787 г. (Соп. № 4,416; Плав. № 2,582; Смирд. № 3,581,—показанъ 1789 годъ).

10) «Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго». 10 частей; Спб., 1787—1788 гг. (Соп. № 10,962; Плав. № 3,395,—показанъ одинъ 1787 годъ; Смирд. № 2,686).

В. Повременныя изданія.

11) «Зеркало Свѣта» (Ежемѣсячникъ). 6 частей; Спб., 1786—1787 гг. (Соп. №№ 3,810 и 3,811,—показаны неправильно 1785—1786 годы; соредакторомъ названъ Петръ Богдановичъ; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 9,699).

12) «Лекарство отъ скуки и заботъ» (Еженедѣльникъ, съ 1-го іюля 1786 г. по 1-е іюля 1787 г.), 2 части; Спб. 1786—1787 гг. (Соп. № 3,897; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 9,670).

13) «Россійскій Магазинъ» (Ежемѣсячникъ, съ сентября 1792 г. по мартъ 1794 г.), 3 части; Спб. 1792—1794 гг. (Соп. № 3,848, показанъ одинъ 1792 годъ; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 8,712).

XX.

Княжна Екатерина Сергѣевна Урусова.

Княжна Е. С. Урусова родилась 13-го февраля 1747 года. Отецъ ея князь Сергѣй Васильевичъ Урусовъ (род. 4-го сентября 1721 г., ум. 16-го августа 1755 г.) былъ женатъ на княжнѣ Иринѣ Даниловнѣ Друцкой, которой родная сестра, княжна Анна Даниловна, была въ въ первомъ бракѣ за г. Херасковымъ и имѣла отъ него сыновей: извѣстнаго писателя Михаила Матвѣевича Хераскова (род. 25-го октября 1733 г., ум. 27-го сентября 1807 г.), Петра и Александра Матвѣевичей; а отъ втораго брака съ вдовцомъ, генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ (род. 12-го мая 1700 г., ум. 16-го октября 1768 г.) имѣла: а) четырехъ сыновей, изъ которыхъ два старшихъ, дѣйствительные тайные совѣтники, князь Юрій Никитичъ (род. 21-го ноября 1736 г., ум. 22-го августа 1811 г.) и князь Николай Никитичъ (род. 6-го ноября 1744 г., ум. 1821 г.) были дѣятельными товарищами Новикова во всѣхъ его предпріятіяхъ, и б) трехъ дочерей, изъ которыхъ княжна Анна Никитична (род. 9-го октября 1737 г.) была за Александромъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, а княжна Елена Никитична (род. 1745 г., ум. 1832 г.) за генералъ-прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ (род. 3-го августа 1727 г., ум. 8-го января 1793 г.) съ іюля 1768 года (Рос. родосл. книга, кн. П. Долг., ч. 1-я, стр. 155, № 214; стр. 322, № 38; и ч. 2-я, стр. 29, № 86, стр. 30; № 95, и по раз-

нымъ другимъ источникамъ). Изъ этихъ свѣдѣній видно, что княжна Е. С. Урусова была въ близкихъ связяхъ съ самою просвѣщенною и знатною частію тогдашняго общества. Она жила въ домѣ двоюродной сестры своей княгини Е. Н. Вяземской, жены генералъ-прокурора, которая въ началѣ 1777 года задумала выдать ее за Державина, который искалъ тогда мѣста у ея мужа; но поэтъ отказался, говоря, что „она пишетъ стихи, да и онъ мараетъ, то они все забудутъ, что и щей сварить некому будетъ" (Зап. Держ., стр. 123), и вскорѣ потомъ помолвленъ на Екатеринѣ Яковлевнѣ Бастидоновой (Ibid., стр. 130). Но это не помѣшало Державину и княжнѣ Е. С. Урусовой остаться друзьями, что видно изъ писемъ ея къ нему въ Казань отъ 9-го ноября 1778 г. и въ Тамбовъ отъ іюля 1786 г., когда она жила въ домѣ двоюроднаго брата своего поэта Хераскова (Соч. Держ., изд. Грота, т. 5, стр. 308 и 516). Уже въ старости, въ 1811 г., сдѣлалась она почетнымъ членомъ въ только что учрежденной Державинымъ „Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова" (Соврем. 1856 г., № 5, Смѣсь, стр. 8). Она сочинила даже надпись къ портрету своей соперницы (Пам. Отеч. Музъ 1827 г., стр. 104). Княжна Е. С. Урусова съ молоду уже была извѣстна по своимъ литературнымъ произведеніямъ, которыя были рѣдкостью между женскимъ поломъ. Въ 1772 году находится у Новикова очень лестный о нихъ отзывъ (Мат. Ефр., стр. 112). Мнѣ неизвѣстно, когда именно скончалась эта знаменитая въ свое время дѣва-писательница.

Стихотворенія княжны Е. С. Урусовой печатались въ разныхъ сборникахъ и журналахъ; между прочимъ, въ „Аонидахъ"—Карамзина, „Патріотѣ"—В. Измайлова и пр. (Русск. Арх. 1865 г., изд. 2, стр. 1464). М. Н. Макаровъ написалъ о ней статью (Дамскій Журн. 1830 г., кн. 29, стр. 97; кн. 30, стр. 113 и кн. 31, стр. 40).

Отдѣльно изданныя произведенія княжны Е. С. Урусовой суть слѣдующія:

1) «Письмо къ Петру Дмитріевичу Еропкину». Спб. 1772 г. (Соп. № 8,228. у Плав. и Смирд. нѣтъ).

2) «Поліонъ, или просвѣщенный нелюдимъ, поэма въ пяти пѣсняхъ». Спб., 1774 г. (Соп. № 8,708; у Плав. нѣтъ; у Смирд. № 6,700).

3) «Ироиды, музамъ посвященныя». Спб., 1777 г. (Соп. № 4,651; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 8,038; имени автора у Смирдина не указано).

4) «Сердечныя чувствія благодарности, изливаемыя предъ престоломъ императора Павла I». Спб., 1798 г. (Соп. № 10,210; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

5) «Стихи императрицѣ Маріѣ Өеодоровнѣ». М., 1801 г. (Соп., № 11,505; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

6) «Стихи на день коронованія императора Александра I». М., 1801 г. (Соп. № 11,523; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

М. Н. Лонгиновъ.

ГРАФЪ НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ПАНИНЪ.

1771 — 1837.

Чѣмъ отдаленнѣе эпоха отечественной исторіи, тѣмъ полнѣе и лучше она у насъ обработана. Русь языческая, времена св. Владиміра и Ярослава; усобицы удѣльныхъ князей: распри разныхъ Всеволодовичей, Игоревичей, Мстиславичей, Ростиславичей; татарское иго; наконецъ, двухвѣковой періодъ: отъ княженія Димитрія Донскаго до кончины Ивана Грознаго,—обо всемъ этомъ существуетъ довольно много лѣтописей, монографій, сказаній. События и дѣятели древней и средневѣковой Руси довольно хорошо извѣстны. За тѣмъ въ русской исторіи начинается «мракъ неизвѣстности» и не только не исчезаетъ, но усиливается именно съ воцареніемъ просвѣтителя Россіи — Петра Великаго. «Правда — лучшій другъ царю», говаривалъ онъ,—и, между тѣмъ, съ его вѣкомъ воцаряется неправда въ историческихъ нашихъ сочиненіяхъ: видимъ пропуски, недомолвки, сокрытіе нѣкоторыхъ фактовъ, упоминаніе вскользь или совершенное молчаніе о личностяхъ, заслуживающихъ памяти потомства и виднаго мѣста въ исторіи.

Если относительно царствованія Петра Великаго мракъ неизвѣстности и началъ разсѣеваться, то давно-ли? нѣтъ еще и двадцати лѣтъ, какъ съ появленіемъ первыхъ томовъ труда Устрялова (на первыхъ томахъ онъ и остановился) наступила пора разработки эпохи преобразованія по достовѣрнымъ, архивнымъ источникамъ.

Исторіи Россіи XVIII столѣтія и первой половины XIX у насъ еще нѣтъ,—и все, что до сихъ поръ было напечатано, не выключая и отдѣльныхъ трудовъ, носящихъ названія «исторій», «обзоровъ» и «очерковъ» этого полуторавѣковаго періода, ничто иное, какъ матеріалы, далеко еще неполные для будущей исторіи.

Собраніе историческихъ матеріаловъ, преимущественно способствующихъ пополненію многочисленныхъ пробѣловъ въ исторіи XVIII вѣка—одна изъ главнѣйшихъ задачъ «Русской Старины». Особенно драгоцѣнными признаемъ мы матеріалы для біографій государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые извѣстны позднѣйшимъ поколѣніямъ только по имени, по наслышкѣ, иные же и вовсе неизвѣстны, такъ какъ наши не многіе изслѣдователи исторіи прошлаго вѣка не говорили о нихъ ни единаго слова. Къ числу таковыхъ, молчаніемъ пройденныхъ личностей, принадлежитъ графъ Никита

Петровичъ Панинъ, о которомъ всѣ, до сихъ поръ обнародованныя, свѣдѣнія ограничивались краткимъ формулярнымъ спискомъ. Между тѣмъ, въ характерѣ этого государственнаго дѣятеля, въ складѣ его ума и образованія, и въ характерѣ его политической дѣятельности, отразились и сосредоточились всѣ черты его эпохи — эпохи переходной отъ одного поколѣнія къ другому, отъ «екатерининскихъ орловъ» къ «сподвижникамъ» Александра I.

Послѣдніе годы царствованія Екатерины II можно назвать осенью; воцареніе Александра I — весною; кратковременный вѣкъ Павла — суровая зима; но безъ зимы переходъ отъ осени къ веснѣ—немыслимъ. Орудіе духа времени, Павелъ круто измѣнилъ порядки предъидущаго царствованія, крайне ему нелюбезнаго; не созидая новаго, онъ разрушалъ старое, но это разрушеніе, по его мнѣнію, было необходимостью. Его царствованіе, будто лютый морозъ, до нѣкоторой степени отрезвляющимъ образомъ повліяло на русское общество, упоенное двумя наносными, одинъ другому противоположными, міазмами: старымъ, изнѣженнымъ аристократизмомъ, отъ котораго вѣяло Версалемъ, и новымъ республиканизмомъ, припахивавшимъ кровью и порохомъ. Павелъ полагалъ, что отъ обѣихъ заразъ «солдатчина» была весьма дѣйствительнымъ средствомъ. Павлу одинаково были ненавистны, какъ раздушенные петиметры, такъ и обрызганные кровью демагоги.......

Панинъ принадлежитъ къ числу людей, поставленныхъ судьбою на рубежѣ двухъ вѣковъ — минувшаго и нынѣшняго; людей, бывшихъ звѣньями, которыя соединяли старое поколѣніе съ новымъ.

При Петрѣ I государственные дѣятели были еще рабами; при Екатеринѣ II—слугами; при Александрѣ I — сотрудниками и сподвижниками.

Графъ Никита Панинъ попытался быть сотрудникомъ въ то время, когда рабство было уже анахронизмомъ, но и пора сотрудничества еще не наступила...

На сколько умъ и способности Панина выразились въ его политической дѣятельности, въ чемъ она состояла и въ какой мѣрѣ была она оцѣнена Павломъ I и его преемникомъ,—отвѣтъ на эти вопросы въ предлагаемыхъ матеріалахъ [1]).

Высочайшимъ приказомъ, отъ 27-го ноября 1770 года, недавній покоритель Бендеръ, генералъ-аншефъ, кавалеръ орденовъ св. Андрея Первозваннаго и св. Георгія 1 класса—графъ Петръ Ивановичъ Панинъ былъ всемилостивѣйше уволенъ отъ службы.

Причинами увольненія героя, остановившагося болѣе нежели на половинѣ служебнаго своего поприща, на которомъ, въ недавнемъ будущемъ, онъ могъ получить фельдмаршальскій жезлъ, титулъ свѣтлости,— причинами тому были правила и характеръ графа Петра

[1]) Они извлечены изъ обширнаго семейнаго архива кн. Александра Борисовича Куракина, составляющаго собственность барона М. Н. Сердобина и имъ весьма обязательно предоставленнаго въ распоряженіе «Русской Старины». Эти-то извлеченія, во многихъ мѣстахъ дополненныя вновь открытыми историческими документами, мы предлагаемъ на страницахъ нашего изданія въ русскомъ переводѣ съ французскаго, на каковомъ языкѣ писана бо́льшая часть корреспонденцій гр. Н. П. Панина. Ред.

Ивановича. Въ вѣкъ фаворитизма, братья Панины[1]), Румянцовъ и Суворовъ были до нѣкоторой степени исключительными, отрадными явленіями. Честный, правдолюбивый, какъ древній римлянинъ или славянинъ, графъ Петръ Ивановичъ полагалъ честолюбіе не въ стремленіи къ чинамъ, но въ дѣяніяхъ, истинно доблестныхъ, хотя бы и не награждаемыхъ, въ безукоризненныхъ поступкахъ, въ сознаніи собственнаго достоинства и честнаго исполненія своего долга. Четырнадцати лѣтъ графъ поступилъ на службу простымъ солдатомъ и черезъ четыре мѣсяца былъ взятъ отцомъ въ годовой отпускъ, къ концу котораго его заочно произвели въ капралы. Молодой служака не только не радовался этому повышенію, но былъ имъ оскорбленъ и пенялъ отцу, что тотъ выпрашиваетъ ему чины и этимъ „ввергаетъ его въ стыдъ и презрѣніе подчиненныхъ его чину; что онъ званія своего меньше еще знаетъ, нежели они, и что онъ будетъ ихъ ученикомъ, а не они будутъ его учениками". Эти, въ отрокѣ проявлявшіеся задатки — прямизны, добросовѣстности и строгости къ себѣ самому, самымъ блестящимъ образомъ оправдались во все продолженіе службы графа Петра Ивановича. Братья Панины начали служебную карьеру въ нижнихъ чинахъ, въ тѣ времена, когда начальники, безъ вниманія къ родовымъ правамъ подчиненныхъ, наказывали ихъ фухтелями и палками; при всемъ томъ, прилежаніе Паниныхъ, ихъ покорность дисциплинѣ и неуклонное исполненіе служебныхъ обязанностей отклоняли отъ нихъ не только наказанія, но даже выговоры и замѣчанія начальства. „Доброе намѣреніе, труды и прилежаніе" — таковъ былъ служебный лозунгъ братьевъ Паниныхъ и графъ Петръ Ивановичъ былъ ему неизмѣнно вѣренъ. „Если подлинно истинное любопытство возбуждаетъ желанія ваши превосходить другихъ", — писалъ графъ Петръ Ивановичъ одному изъ своихъ родственниковъ[2]), — „то забудьте совсѣмъ о своемъ теперешнемъ ребячьемъ чинѣ: всего себя займите прилежаніемъ къ наукамъ и къ пріобрѣтенію истинной добродѣтели. Имъ, конечно, съ руководствомъ проницательнаго разума, отворены дороги — во всякое время достигать до истинной чести и почтенія".

Переворотъ 28-го іюня 1762 года возвелъ на престолъ супругу свергнутаго и вскорѣ скончавшагося Петра III. Панины не противодѣйствовали приверженцамъ Екатерины II, тогда могучимъ братьямъ Орловымъ; они признали права силы, однако же съ условіемъ,

[1]) Графъ Никита Ивановичъ, воспитатель императора Павла I, родился 15-го сентября 1718, † 31-го марта 1783 г. Графъ Петръ Ивановичъ родился 1720, † 15-го апрѣля 1789 года.

[2]) Князю Алексѣю Борисовичу Куракину (род. 19-го сентября 1759, † 1829 г.).

чтобы императрица уступила престолъ законному его наслѣднику Павлу Петровичу, по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Условіе это, конечно, было бы соблюдено Екатериною II, но въ такомъ только случаѣ, если бы великій князь имѣлъ надежную опору въ большинствѣ аристократіи, въ войскѣ, въ народѣ... но что значилъ протестъ Панинымъ предъ обоготвореніемъ Екатерины народомъ, предъ колѣнопреклоненнымъ дворомъ, предъ удивленіемъ Европы, наконецъ, предъ рядомъ временщиковъ, готовыхъ съ оружіемъ въ рукахъ преградить путь къ престолу ихъ владычицы хотя бы и законному наслѣднику! Отстраненный отъ всякаго соучастія въ государственныхъ дѣлахъ, въ безсильномъ негодованіи перенося невнимательность, даже пренебреженіе любимцевъ своей матери, Павелъ Петровичъ проживалъ въ своей Гатчинѣ или въ Павловскѣ, занимаясь тамъ, однако, не одними лишь разводами и вахтъ-парадами, но и пытливымъ изученіемъ лучшихъ классическихъ писателей западной Европы, дѣлая изъ нихъ обширныя своеручныя извлеченія, составляя тактическія задачи и разныя предположенія относительно того времени, когда Провидѣніе возведетъ его на престолъ...[1]). Годы уходили, миновало совершеннолѣтіе, Павелъ приближался къ годамъ мужества; окончательно сложился его характеръ—угрюмый, тяжелый, недовѣрчивый, и не могло быть иначе при окружавшей его обстановкѣ.

Первый бракъ его съ великою княжною Натальею Алексѣевною (10-го октября 1773 года) могъ имѣть самое благотворное вліяніе, какъ на его нравъ, такъ и на всю его будущность. Первая супруга Павла Петровича [2])—умная, кроткая, любящая—поняла его положеніе и употребила всѣ свои силы, чтобы составить по возможности многочисленную партію изъ людей, искренно расположенныхъ къ наслѣднику престола... Отчасти ей удалось: вокругъ Павла Петровича начали группироваться нѣкоторые изъ молодыхъ вельможъ, недовольныхъ правительствомъ; но то была незначительная горстка людей безсильныхъ. Образованіе партіи требовало много времени, а дни Наталіи Алексѣевны были сочтены: 15-го апрѣля 1776 года она скончалась на шестой день мучительныхъ родовъ. Смерть ея тяжко повліяла на характеръ Павла Петровича; нѣсколько смягчившійся въ послѣдніе три года,—онъ окончательно сдѣлался мизантропомъ. Къ числу немногихъ людей, къ которымъ онъ питалъ чувства пріязни и

---

[1]) Въ распоряженіи «Русской Старины» находится большое собраніе копій съ трудовъ великаго князя Павла Петровича;—труды эти проливаютъ новый свѣтъ на жизнь и дѣятельность его въ бытность великимъ княземъ. Ред.

[2]) Урожденная принцесса Вильгельмина, дочь ландграфа Гессенъ-Дармштадскаго.

уваженія, принадлежали братья Панины. Изъ нихъ—Петръ Ивановичъ жилъ тогда въ Москвѣ, гдѣ поселился со своей второю супругою[1]), со времени выхода своего въ отставку.

Внучатный племянникъ Панина, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ[2]), ведя съ нимъ переписку, исправно увѣдомлялъ его о всѣхъ событіяхъ при дворѣ, служа ему посредникомъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ Панина съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Придворная жизнь, выходки фаворитовъ, опалы прежнихъ и появленіе новыхъ, ошибки правительства,—все это со стороны графа Петра Ивановича вызывало замѣчанія, часто саркастическія, мѣткія, проникнутыя справедливымъ негодованіемъ. Временщики были всегда ненавистны правдивому Панину. Когда (въ январѣ 1773 года) А. Б. Куракинъ писалъ ему въ Москву о какой-то предполагаемой очень выгодной партіи, старикъ отвѣчалъ: „Вы, любезный другъ, позволяете себѣ брать примѣръ изъ графа Алексѣя Кириловича[3]), затмѣваясь, что онъ къ подражанію своему ничего другаго въ предкахъ своихъ не имѣетъ, какъ въ отцѣ припадками счастія обогащеннаго,—празднеца, а въ дѣдѣ уже—пастуха". Въ другомъ письмѣ (отъ 7-го марта 1774 года), по поводу возвышенія Потемкина, онъ говорилъ: „Мнѣ представляется, что сей новый актеръ станетъ ролю свою играть съ великою живностью и со многими перемѣнами, если только утвердится". Пророчество Панина сбылось: черезъ четырнадцать лѣтъ Потемкинъ былъ на апогеѣ могущества, и старый графъ, на порогѣ смерти, писалъ Куракину: „...Нынѣшній вѣкъ таковъ, въ которомъ, ежели не вся публика, то бо̀льшая часть ея столько озлоблена и огорчена фаворитами, что всѣмъ тѣмъ, которые на себя сіе названіе пріемлятъ, или только, обманывая оными себя, представляютъ, ничего другаго не желаютъ и ничему другому радоваться не могутъ, какъ единственно тому, чтобы дожить всякому россіанину, дабы сподобиться увидѣть изъ нихъ, кого только справедливость доведетъ, подъ жребій бывшихъ стрѣльцовъ"[4]).

---

[1]) Фрейлиною Маріею Родіоновною Ведель († 1776). Первою супругою графа Петра Ивановича была Анна Алексѣевна Татищева († 27-го октября 1764 г.).

[2]) Старшая сестра графа Петра Ивановича, Александра Ивановна (р. 1711, † 1786 г.) была за дѣдомъ князя Куракина—Александромъ Борисовичемъ (род. 2-го іюля 1697, † 2-го октября 1749 г.). Внукъ ея, соименный дѣду Александръ Борисовичъ род. 18-го января 1752, † 25-го іюня 1818 г.

[3]) Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій (род. въ 1748, † въ 1822 г.) въ царствованіе императора Александра I былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

[4]) Переписка гр. Петра Ивановича Панина съ кн. А. Б. Куракинымъ зани-

Но не словами только, а на самомъ дѣлѣ П. И. Панинъ выказывалъ свое негодованіе на тогдашній порядокъ вещей. Во время московской чумы 1771 года, главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ[1]), неустрашимый на полѣ битвы, поддался паникѣ и бѣжалъ къ себѣ въ помѣстье изъ Москвы, въ стѣнахъ которой свирѣпствовали и язва, и мятежъ. За это, въ началѣ слѣдующаго 1772 года, онъ былъ уволенъ отъ должности, а въ декабрѣ, снѣдаемый стыдомъ, скончался. Погребеніемъ опальнаго вельможи распоряжалась супруга; новый градоначальникъ, въ угоду правительству, не распорядился прислать ко гробу усопшаго почетнаго караула. Графъ Петръ Ивановичъ, въ полной парадной формѣ, во всѣхъ орденахъ, отправился въ домъ покойнаго и, ставъ у гроба съ обнаженною шпагою, объявилъ, что не сойдетъ съ мѣста, покуда почетный караулъ не будетъ присланъ ему на смѣну... Екатерина II могла не любить подобнаго человѣка, но не уважать его было невозможно. Послѣднимъ подвигомъ графа Петра Ивановича было истребленіе шаекъ пугачевщины въ одинъ мѣсяцъ времени. Екатерина II обратилась къ его помощи, какъ къ помощи Александра Ильича Бибикова[2]), котораго не вполнѣ цѣнила, покуда не встрѣтилось въ немъ крайней надобности... Пощечина, данная Панинымъ Пугачеву, при первомъ допросѣ самозванца, была послѣднимъ, смертельнымъ ударомъ, нанесеннымъ мятежу, который угрожалъ охватить половину имперіи.

Отъ перваго и отъ втораго брака у П. И. Панина было двадцать человѣкъ дѣтей; но въ живыхъ остались только—сынъ Никита и дочь Софія[3]), прочіе умерли въ младенчествѣ.

Графъ Никита Петровичъ родился 17-го апрѣля 1771 года и пяти лѣтъ лишился матери. Нѣжно-любящій отецъ съ удвоенной заботливостью пекся о дѣтяхъ и далъ имъ превосходное воспитаніе. Умъ и богатыя способности Никита Петровичъ обнаружилъ въ самомъ дѣтствѣ,—они быстро развились, и въ шестнадцать лѣтъ молодой Панинъ—представитель новаго поколѣнія—могъ потягаться образованіемъ со многими старичками времени Анны и Елисаветы. Изъ

маетъ четыре тома. Извлеченія болѣе интересныхъ изъ нихъ отрывковъ будутъ также напечатаны въ «Русской Старинѣ». Ред.

[1]) Бывшій фельдмаршалъ род. въ 1698, † въ декабрѣ 1772 г.

[2]) Генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ род. въ 1729, † въ Симбирскѣ въ 1774 г., какъ подозрѣваютъ, отъ яду.

[3]) Графиня Софія Петровна (род. 18-го октября 1772, † 22-го мая 1833 г.), была за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Васильевичемъ Тутолминымъ.

множества родныхъ, старикъ Панинъ, выбравъ сыну въ менторы и руководители князя Александра Борисовича Куракина, убѣдительно просилъ послѣдняго завести переписку съ Никитою Петровичемъ — на французскомъ и русскомъ языкахъ, частію для практики, частію же и для окончательнаго развитія способностей сына. Куракинъ былъ девятнадцатью годами старѣе своего „кузена“ Панина, но, не смотря на то, съумѣлъ приблизить его къ себѣ и пріохотить къ перепискѣ. Она началась въ 1786 году. Кромѣ писемъ, молодой Панинъ писалъ Куракину цѣлыя разсужденія о читаемыхъ имъ книгахъ и о политическихъ событіяхъ... То были первыя пробы пера будущаго дипломата; но графъ Петръ Ивановичъ готовилъ сына на иное поприще. Желая, во-первыхъ, ознакомить его съ военной службой, во-вторыхъ, приблизить его къ великому князю Павлу Петровичу, располагавшему отправиться въ походъ противъ шведовъ, старый графъ Панинъ, лѣтомъ 1788 года, обратился къ императрицѣ съ просьбою о разрѣшеніи его сыну поступить въ качествѣ волонтера въ армію графа Мусина-Пушкина[1]). Высочайшее разрѣшеніе вскорѣ послѣдовало и 13-го августа 1788 г. гр. Никита Петровичъ поѣхалъ въ Петербургъ. Впрочемъ, повинуясь родительской волѣ, молодой человѣкъ дѣйствовалъ и не наперекоръ собственному желанію: его не могла не тѣшить мысль — стать въ ряды защитниковъ отечества. По прибытіи въ Петербургъ, графъ Никита Петровичъ представлялся императрицѣ и великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, былъ ими весьма благосклонно принятъ и обласканъ и отправился въ армію; а въ половинѣ ноября того же года возвратился въ родительскій домъ, подобно великому князю Павлу Петровичу, не принявъ въ военныхъ дѣйствіяхъ никакого участія. Хотя, по отзывамъ отца, графъ Никита Петровичъ обучался военнымъ наукамъ, но главнокомандующій, графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, не доставилъ ему случая примѣнить теорію къ практикѣ, принимая во вниманіе его молодость. За эту неудачу графъ Петръ Ивановичъ былъ вознагражденъ тѣмъ, что сынъ его имѣлъ случай обратить на себя вниманіе наслѣдника престола, удостоившаго юношу своею благосклонностью въ память заслугъ его отца и дяди. Въ будущемъ карьера графа Никиты Петровича была обезпечена.

До сихъ поръ сердце молодаго графа было дѣтски-спокойно и чувства любви были ему невѣдомы: оно пробудилось и затрепетало первой страстью, по возвращеніи его изъ похода. Въ бытность графа

---

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. 6-го декабря 1735, † 8-го іюля 1804 г.) былъ пожалованъ въ фельдмаршалы 5-го апрѣля 1797 г.

Никиты Петровича въ Финляндіи, сестра его, графиня Софія Петровна, посѣщала семейство младшаго изъ графовъ Орловыхъ, Владиміра Григорьевича, и вмѣстѣ съ его дочерьми брала уроки танцевъ. Она познакомила возвратившагося брата съ Орловымъ, который, найдя въ немъ сходство со своимъ покойнымъ сыномъ, радушно принялъ и полюбилъ молодаго человѣка; а тотъ, въ свою очередь, страстно влюбился въ младшую дочь графа, Софію Владиміровну[1]), дѣвицу четырнадцати лѣтъ, прелестную собою, очень скромную и превосходно воспитанную. Она отвѣчала Никитѣ Петровичу взаимностью. Позабывъ непріязнь, существовавшую между фамиліями Орловыхъ и Паниныхъ, графъ Петръ Ивановичъ (тогда уже больной) отъ имени сына сдѣлалъ формальное предложеніе отцу Софіи Владиміровны; графъ Орловъ отвѣчалъ согласіемъ, и 23-го марта 1789 года восемнадцати-лѣтній графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ помолвленъ съ пятнадцати-лѣтнею графинею Софіею Владиміровною Орловою. Хотя на этотъ бракъ было испрошено разрѣшеніе императрицы, тѣмъ не менѣе, при молодомъ дворѣ, въ аристократическомъ мірѣ, а частью въ родственномъ кругу онъ возбудилъ великіе толки и неудовольствіе. Менторъ Никиты Петровича—князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ письмахъ своихъ къ великому князю Павлу Петровичу и къ его супругѣ, называлъ эту свадьбу „скороспѣлою, рановременною" (mariage précoce); говорилъ, что Орловымъ онъ доставляетъ болѣе удовольствія, нежели графу Петру Ивановичу... Но всѣ эти толки вскорѣ должны были утихнуть предъ новой, печальной вѣстью: въ полночь съ 15-го на 16-е апрѣля графъ Петръ Ивановичъ Панинъ скончался. Цесаревичъ и цесаревна приняли искреннее участіе въ семейной утратѣ фамиліи Паниныхъ. Екатерина II, по словамъ Храповицкаго въ его „Запискахъ"[2]), отнеслась къ ней „равнодушно". Трауръ смѣнилъ приготовленія къ свадьбѣ графа Никиты Петровича, отложенной на годъ. Не смотря на семейное горе, въ отношеніяхъ князя А. Б. Куракина къ Н. П. Панину замѣтна была какая-то натянутость, а въ отзывахъ о немъ почти недоброжелательство. Причина этихъ измѣнившихся отношеній къ Панину,—какъ молодаго двора, такъ и кн. Куракина—была все та же: именно бракъ гр. Никиты Петровича съ дѣвицею изъ фамиліи Орловыхъ, которыхъ великій князь Павелъ Петровичъ ненавидѣлъ. Князь Куракинъ отзывался, вслѣдствіе этого, о своемъ кузенѣ, какъ „о бездушномъ, избалован-

---

[1]) Графиня Софія Владиміровна род. 6-го ноября 1774, † 7-го января 1844 г.

[2]) Записки Храповицкаго, стр. 186, 23-го апрѣля 1789 г.: «извѣстіе о смерти графа Петра Ивановича принято равнодушно».

номъ мальчикѣ, когда-то обѣщавшемъ быть чѣмъ-нибудь, но нынѣ ни къ чему неспособномъ". „Ребяческая его неопытность просто непостижима!" писалъ, между прочимъ, князь Куракинъ цесаревичу (17-го октября 1791 года).... Охлажденіе къ молодому Панину со стороны великаго князя, а слѣдовательно, и кн. Куракина было. однако, не продолжительно.

6-го ноября 1796 года Екатерина II скончалась. Восходя на престолъ, императоръ Павелъ Петровичъ припомнилъ все, что приходилось ему переносить отъ наглыхъ временщиковъ въ бытность его наслѣдникомъ, но не забылъ и тѣхъ, которые тогда чтили въ немъ будущаго государя. Грянулъ громъ опалъ, полились дождемъ и милости. 4-го декабря 1796 года, недавно пожалованный въ камергеры, графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ опредѣленъ членомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Это назначеніе снова сблизило его съ княземъ А. Б. Куракинымъ, бывшимъ въ то время въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, вице-канцлеромъ. Таково было начало дипломатическаго поприща графа Никиты Петровича. Благосклонность императора и императрицы, родственная снисходительность и покровительство князя Куракина сулили молодому человѣку блестящую будущность; и, не смотря на то, онъ черезъ полгода обратился къ вице-канцлеру съ нижеслѣдующею просьбою, выраженною въ дружескомъ письмѣ:

Графъ Н. П. Панинъ—князю А. Б. Куракину.

7-го іюня 1797 г., воскресенье.

„Съ послѣднею почтою изъ Стокгольма вы, вѣроятно, получили отъ нашего посланника письмо, въ которомъ онъ просилъ о своемъ увольненіи. Канцлеръ должно быть тоже получилъ письмо одинаковаго содержанія, это я узналъ отъ барона Криднера, которому о томъ сообщилъ г. Будбергъ. Вотъ, достойный и почтенный другъ, благопріятный случай—выпутать меня изъ затруднительнаго положенія и застраховать отъ всѣхъ угрожающихъ мнѣ огорченій. Если увольненіе будетъ принято, предложите, чтобы меня назначили въ Стокгольмъ, умоляю васъ! Этимъ вы упрочите мое спокойствіе за служебное мое поприще, можетъ быть и за всю мою жизнь, такъ какъ весьма вѣроятно, все политическое мое поприще ограничится этимъ назначеніемъ. Если вы можете оказать мнѣ эту важную услугу, то я полагаю, надобно прибавить два замѣчанія канцлеру: 1) что я ни въ какомъ случаѣ не останусь въ коллегіи, если она не будетъ организована надлежащимъ образомъ; 2) чтобы шведскій послан-

никъ не препятствовалъ моему отправленію на конгрессъ, такъ какъ это послѣднее назначеніе только временное".

Судя по этому скромному желанію, можно предположить, что графъ Панинъ былъ чуждъ всякаго честолюбія; но это предположеніе было бы крайне ошибочно. Честолюбивый до ревности, независимый и настойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, онъ не могъ терпѣть никакого совмѣстничества; подчиненность была для него невыносима. Между прочими перемѣнами и перемѣщеніями въ иностранной коллегіи, графа Панина встревожила слѣдующая:

„Депеша прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Вегенера.

С.-Петербургъ, 12-го (23-го) іюня 1797 г.

„Кочубей [1]) отозванъ со своего поста въ Константинополѣ и на его мѣсто назначенъ г. Тамара. Послѣдній не пользуется здѣсь лучшей репутаціей, и этому назначенію вообще удивляются. Кочубей, будучи любимымъ племянникомъ князя Безбородко [2]), повидимому, будетъ играть важную роль въ министерствѣ, въ которое поступаетъ, какъ членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ".

Вмѣсто незначительнаго поста посланника въ Швецію, графъ Панинъ получилъ другое мѣсто поважнѣе, позначительнѣе: 5-го (17-го) іюля 1797 года ему было повелѣно исполнять должность чрезвычайнаго посланника въ Берлинѣ. По этому случаю, прусскіе — повѣренный въ дѣлахъ Вегенеръ и посланникъ генералъ Грёбенъ, отправили къ королю Фридриху Вильгельму II слѣдующія депеши:

Депеша Вегенера къ королю прусскому.

С.-Петербургъ, 3-го (14-го) іюля 1797 г.

„Назначеніе графа Панина на мѣсто сенатора Колычева [3]) при дворѣ вашего величества произвело здѣсь большое впечатлѣніе, и изъ того заключаютъ о великой пріязни, которая теперь возникнетъ между обоими дворами. Говоря съ графомъ Брюлемъ о новомъ своемъ назначеніи, графъ Панинъ сказалъ, что такъ какъ онъ уже былъ членомъ министерства, то ему необходимо сохранить за собою это мѣсто, вслѣдствіе чего ему будетъ удобнѣе вѣдать обо всемъ, происходящемъ въ петербургскомъ кабинетѣ, во время его

[1]) Викторъ Павловичъ Кочубей (впослѣдствіи князь) род. 1768, † 2-го іюня 1834 года.

[2]) Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, государственный канцлеръ, род. въ 1742, † въ 1799 г.

[3]) Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ былъ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а по увольненіи Панина, вице-канцлеромъ.

пребыванія въ Берлинѣ; что, впрочемъ, еслибы императоръ не согласился на подобное сочетаніе должностей, то графъ на поприщѣ своемъ пойдетъ вспять вмѣсто движенія впередъ, принявъ миссію послѣ того, какъ былъ членомъ министерства".

Депеша генерала Грёбена къ прусскому королю[1]).

С.-Петербургъ, 17-го (28-го) іюля 1797 г.

„Воспользуюсь первымъ же случаемъ, чтобы сообщить здѣшнему министерству о распоряженіяхъ вашего величества чрезъ г. Сандозъ-Роллена (прусскаго посланника) въ Парижѣ, для извѣщенія французской директоріи о намѣреніяхъ его императорскаго величества и о желаніи, изъявляемомъ этимъ государемъ, сблизиться съ новою республикою".

Панинъ не медлилъ: 28-го іюля онъ былъ уже въ Мемелѣ; 4-го (15-го) августа—въ Данцигѣ, гдѣ осталось его семейство, а 15-го (26-го) августа—прибылъ въ Берлинъ. Еще изъ Мемеля, увѣдомляя князя Куракина о своемъ прибытіи въ прусскія владѣнія, графъ Панинъ приписалъ шифромъ въ своемъ письмѣ:

„Сейчасъ узналъ, къ великому моему удивленію, что шведскій король [2]) отправился въ Пирмонтъ инкогнито. Что значитъ это свиданіе, и не имѣетъ-ли оно цѣлію какихъ-либо замысловъ противъ насъ? [3])".

По прибытіи въ Берлинъ, графъ Панинъ, въ шифрованной депешѣ (на французскомъ языкѣ), отправленной въ Петербургъ, отдавая справедливость дѣятельности своего предмѣстника С. С. Колычева, просилъ о награжденіи его орденомъ св. Анны. Затѣмъ, Никита Петровичъ приступилъ къ усердному отправленію своей должности, сопряженному, особенно для новичка, съ величайшими затрудненіями. Самыя эти затрудненія давали возможность молодому посланнику выказать свои рѣдкія способности—неутомимую энергію и весьма часто проницательность, свойственную только опытнымъ, старымъ дипломатамъ. По ясности идей, по изяществу и правильности изложенія, депеши графа Панина донынѣ могутъ служить образцомъ дипломатическаго слога. Весьма сожалѣемъ, что не можемъ, вмѣстѣ

---

[1]) Грёбенъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ понедѣльникъ вечеромъ, 29-го іюня 1797 года, въ самый день тезоименитства императора Павла. Первую аудіенцію у государя имѣлъ 12-го іюля въ Кронштадтѣ, на фрегатѣ «Эммануилъ». Принятъ Павломъ весьма благосклонно.

[2]) Густавъ IV Адольфъ наслѣдовалъ Густаву III 28-го марта 1792 г. отрекся отъ престола 12-го марта 1809 г. (род. 1-го ноября 1778, † 1837 г.). Онъ былъ нѣсколько помѣшанъ.

[3]) Въ Пирмонтѣ находился тогда король прусскій.

съ переводомъ, печатать и подлинниковъ: мы озаботились о вѣрности перевода и за него ручаемся, но самая эта вѣрность—главная причина мѣстами встрѣчающейся неровности слога.

Прежде нежели приступить къ обзору дипломатической дѣятельности графа Панина, считаемъ необходимымъ бросить взглядъ на положеніе дѣлъ тогдашняго берлинскаго кабинета.

Преемникъ Фридриха Великаго, король Фридрихъ-Вильгельмъ II [1]), котораго народъ прозвалъ „толстымъ королемъ“ (der dicke König), въ теченіи десяти лѣтъ царствованія расточилъ финансы страны и низвелъ Пруссію на степень второстепенной державы. Безпечный сибаритъ, которому государственныя дѣла были непосильнымъ бременемъ, онъ возложилъ ихъ на графа Гаугвица [2]), стоявшаго во главѣ берлинскаго кабинета. Притворство и двусмысленность были приняты графомъ Гаугвицемъ за постоянное и неизмѣнное правило. Въ сознаніи собственнаго безсилія, не чувствуя ни малѣйшаго желанія возобновлять борьбу съ революціонными идеями, олицетворяемыми Франціею, берлинскій кабинетъ помышлялъ только о томъ, чтобы, пользуясь усложненіемъ

---

[1]) Племянникъ Фридриха Великаго, родился 25-го сентября 1744, † 5-го (16-го) ноября 1797 г.

[2]) Графъ Гаугвицъ (Christian Heinrich-Karl graf von Haugwitz) род. въ Силезіи 1752, † въ Венеціи 19-го февраля 1822 г., зять генерала Тауэнціена (1776 г.). Въ молодости, проживая долгое время въ Тосканѣ, пріобрѣлъ особенное расположеніе эрцгерцога австрійскаго Леопольда, наслѣдника австрійскаго престола. По воцареніи своемъ, Леопольдъ изъявилъ желаніе, чтобы Гаугвицъ былъ назначенъ прусскимъ посланникомъ къ вѣнскому двору, что и было исполнено (1790 г.). Затѣмъ, быстро повышаясь, Гаугвицъ получилъ званіе прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ—на мѣсто Шулембурга (1792 г.). Благодаря его стараніямъ, Берлинъ сдѣлался центромъ дипломатическихъ сношеній европейскихъ державъ. Система Гаугвица главнымъ образомъ состояла въ поддержаніи дружелюбныхъ сношеній съ Франціею, что, разумѣется, не могло нравиться ни Англіи, ни Австріи, ни Россіи, хотя впрочемъ способствовало временной безопасности Пруссіи. Въ 1803 г., сознавая отсталость политическихъ воззрѣній, Гаугвицъ подалъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто Гарденбергу. Во время министерства послѣдняго, Пруссія вступила въ непосильную борьбу съ Франціею, за что жестоко поплатилась. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III обратился къ Гаугвицу, желая, при его посредничествѣ, войдти съ Наполеономъ въ пріязненныя отношенія. Послѣ Аустерлицкой битвы Гаугвицъ смѣнилъ Гарденберга, и до 1813 года его стараніями Пруссія была союзницею Франціи. Не смотря на перемѣны въ европейской политикѣ, онъ сохранилъ портфель до 1820 года и удалился отъ дѣлъ по разстроенному здоровью, проживая съ этого времени и до самой смерти постоянно за границей. Полная и любопытная біографія этого дипломата была написана Минутоли: «Graf von Haugwitz. Berlin, 1844».

дѣлъ въ Европѣ, округлить прусскія владѣнія безъ особенныхъ пожертвованій и усилій. Эти корыстныя стремленія, въ ущербъ Австріи и всему германскому союзу, ставили Пруссію передъ ними болѣе нежели въ двусмысленное положеніе, и нарушали Тешенскій договоръ (1779 года), при которомъ на долю Россіи выпала роль—быть примирительницею Австріи съ Пруссіею. Но о соблюденіи тешенскаго договора берлинскій кабинетъ и не думалъ. Базельскій миръ съ Франціей (1795 года) и дополнительное къ нему условіе (подписанное 5-го августа 1796 года) обусловливали нейтралитетъ Пруссіи и обезпечивали за нею въ будущемъ значительное расширеніе территоріи. Уступивъ лѣвый берегъ Рейна Франціи, Пруссія могла вознаградить себя за эту уступку округленіемъ своихъ границъ, включая въ нихъ выморочныя владѣнія германскихъ князей и ландграфовъ, за права которыхъ едва-ли могла вступиться Австрія, занятая войною съ республикой французской.

При восшествіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ I рѣшился не только придерживаться системы невмѣшательства, но даже вступить въ сношенія съ директоріею французской республики. Останавливаемся именно на этомъ моментѣ; о послѣдующихъ событіяхъ узнаемъ изъ слѣдующихъ депешъ.

Графъ Н. П. Панинъ — князю Куракину.

Берлинъ, 30-го августа (10-го сентября) 1797 г.

„Я, можетъ быть, покажусь вамъ дерзкимъ, осмѣливаясь выражать мнѣніе, у васъ не владычествующее. Сознаюсь, что это не языкъ придворнаго; но думаю, что общественный дѣятель обязанъ представлять вещи такъ, какъ онъ на нихъ смотритъ, а не такъ, какъ хотятъ, чтобы онѣ ему казались. Въ данную минуту нашему двору нельзя входить въ какія-либо полюбовныя сдѣлки съ французами, безъ оскорбленія достоинства императора, безъ принесенія въ жертву своихъ союзниковъ. Можно, безъ малѣйшаго затрудненія, ждать исхода ихъ переговоровъ и внутренняго переворота во Франціи. Отъ насъ недалеки эти великія событія — нужно только нѣсколько дней терпѣнія. На что вы рѣшитесь, ежели одновременно получите и актъ, мною подписанный, и вѣсть о возобновленіи военныхъ дѣйствій на берегахъ Рейна и Эчи? Что вы тогда отвѣтите въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, когда отъ васъ потребуютъ помощи и соблюденія договоровъ? Что вы скажете сами себѣ, когда узнаете, что люди, съ которыми вы заставляли меня вести переговоры, возвратились въ ту грязь, изъ которой вышли, чтобы на одну минуту, подобно метеорамъ, ослѣпить васъ? Простите, мой милый кузенъ, если я заблуждаюсь,

увлекаемый усердіемъ; вспомните только, что я—единственный изъ министровъ императора, которому родственныя связи съ вами позволяютъ говорить подобнымъ языкомъ. Умоляю, заклинаю васъ, именемъ собственной вашей славы, зрѣло обсудить мои сегодняшнія депеши. Онѣ дурно редактированы; но перо, начертавшее ихъ, будетъ всегда водимо чистѣйшимъ безкорыстіемъ и неограниченною привязанностью къ интересамъ нашего августѣйшаго монарха. Вы— хлопочите, по крайней мѣрѣ, отсрочку на нѣсколько дней. Министры иностранныхъ дворовъ обыкновенно съ нетерпѣніемъ ждутъ рѣшеній отъ нихъ; я же на сей разъ возсылаю мольбы, чтобы вы пренебрегли мною; сказавъ вы, я говорю о канцлерѣ.

„.... Позвольте мнѣ, любезный кузенъ, обратиться къ вамъ съ двумя просьбами, касающимися интересовъ службы. Первая состоитъ въ томъ, чтобы вы приказали въ коллегіи изготовить, для моего употребленія, копію съ особенной шифровки графа Воронцова [1], и доставить ее мнѣ съ первымъ курьеромъ; вы понимаете, какъ для меня важно имѣть возможность свободно съ нимъ переписываться. Вторая моя просьба: нельзя-ли дать мнѣ, по крайней мѣрѣ, одного фельдегеря?“

Берлинъ, 12-го (23-го) сентября.

(Шифрованная депеша — сокращенно).

Опасное возвращеніе революціонныхъ принциповъ на лѣвомъ берегу Рейна; Панинъ подозрѣваетъ тѣсную связь, или, по крайней мѣрѣ, совершенное согласіе между якобинцами и берлинскими коноводами; Панинъ спрашиваетъ: петербургскій кабинетъ продолжаетъ-ли придерживаться настроенія, подъ внушеніемъ котораго былъ написанъ энергическій рескриптъ касательно тайной конвенціи? Требовать отъ Пруссіи категорическаго объясненія — было бы, по мнѣнію Панина, единственнымъ средствомъ къ преграждевію потока, угрожающаго наводненіемъ Германіи.

„Если мы желаемъ войдти въ соглашенія съ Пруссіею, въ такомъ случаѣ только непосредственная переписка между обоими монархами можетъ произвести спасительное дѣйствіе: все, проходящее черезъ руки королевскихъ министровъ—Гаугвица и Бишофсвердера [2]) дохо-

---

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ род. 15-го іюня 1744, † въ іюнѣ 1832 г. Женатъ былъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сенявиной. Въ это время (1797 г.) онъ былъ нашимъ полномочнымъ посломъ въ Лондонѣ.

[2]) Баронъ Бишофсвердеръ (Hano Rudolph freiherr von Bischoffswerder) скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1803 году. Службу свою, по дипломатической части, началъ при Фридрихѣ Великомъ и при его преемникѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ II игралъ весьма важную роль; но Фридрихъ Вильгельмъ III его

дитъ до короля съ тѣмъ оттѣнкомъ, который имъ заблагоразсудится придать; ихъ могущество усиливается по мѣрѣ истощенія физическихъ и нравственныхъ силъ его величества, принимающаго участіе въ дѣлахъ съ крайнимъ отвращеніемъ".

Императоръ Павелъ — королю Фридриху-Вильгельму II.

Гатчина, 30-го сентября 1797 г.

(Императоръ Павелъ пишетъ, что какъ только онъ убѣдился, что конвенція 5-го августа 1796 года, между Пруссіею и Франціею „была только éventuel [1]) и клонилась къ сохраненію ненарушимости германскаго союза и къ поддержанію европейскаго равновѣсія", единственная цѣль, имъ взятая, привести воюющія державы къ скорѣйшему заключенію мира. Нынѣ вся Европа наполнена слухомъ, будто французы)... „ежедневно создаютъ новыя затрудненія къ приступленію къ переговорамъ въ Удино и въ Лиллѣ, и что, наконецъ, неприкосновенность Германіи и предварительныя статьи, подписанныя въ Леобенѣ, не служатъ болѣе основами переговоровъ; тѣ же самые слухи обвиняютъ ваше величество въ пристрастіи; тѣшатся распространеніемъ молвы, будто вы изыскиваете способы воспрепятствовать, подъ рукою, европейскому миру; что ваше величество, дозволяя французамъ расширять ихъ завоеванія, сами приберегаете себѣ долю отъ разоряемой австрійской имперіи, и что дѣло только за тѣмъ, чтобы вооруженною рукою принудить римскаго императора къ подписанію. Желалъ бы вѣрить, что всѣ слухи ложны"...

(Тѣмъ не менѣе, Павелъ, будучи на основаніи тешенскаго мира „поручителемъ за германскую конституцію", не можетъ)... „взирать на переворотъ теперешней европейской системы, клонящейся къ разъединенію сей конституціи, не принимая участія на столько живаго, насколько обстоятельства, власть и силы, Провидѣніемъ мнѣ врученныя, внушатъ мнѣ".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, 13-го (24-го) октября.

„Отпуская подателя этого письма, любезный кузенъ, я поручилъ ему отдать вамъ точный отчетъ о моемъ образѣ жизни въ здѣш-

---

уволилъ отъ службы за дряхлостью и слабоуміемъ. Къ числу странностей этого министра принадлежало его вѣрованіе въ алхимію и въ универсальное лекарство.

[1]) То есть, такая конвенція, относительно которой, можетъ быть, и не представится случая привести ее въ исполненіе.

ней странѣ, о моемъ мнѣніи о ней и о моихъ видахъ на будущее. Вы этого желали—я повинуюсь. Г. Дольстъ будетъ особенно настаивать на одномъ пунктѣ, именно касательно крайняго моего нежеланія остаться на моемъ постѣ послѣ мира. До сихъ поръ и, покуда дѣла затруднительны, если усердіе искупаетъ мою неопытность, я посвящаю себя должности, на меня возложенной; вы не услышите отъ меня ни просьбы, лично до меня касающейся, ни единой жалобы; но за тѣмъ, я буду почитать наказаніемъ приказаніе—оставаться здѣсь, и тогда потребую исполненія обѣщаній императрицы и канцлера".

Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ II—императору Павлу.

Потсдамъ, 21-го октября (1-го ноября) 1797 г.

(Отвѣчая на письмо императора Павла отъ 30-го сентября, король ссылается на сдѣланное Павлу сообщеніе конвенціи 5-го августа 1796 года, коей „основныя статьи были éventuel" и за симъ онъ продолжаетъ):

„Если миръ, подписанный въ Удино, — въ то самое время, когда меня обвиняли въ препятствіи ему, а я изъявлялъ Франціи желаніе ему содѣйствовать моимъ посредничествомъ,—если этотъ миръ, говорю я, дѣйствительно обезпечиваетъ неприкосновенность Германіи, о чемъ не замедлилъ извѣстить римскій императоръ иностранные дворы и регенсбургскій сеймъ, вслѣдствіе прелиминарныхъ статей договора въ Леобенѣ [1]), я первый тому порадуюсь и раздѣлю радость союзныхъ мнѣ владѣтелей; но если еще остается, чего, конечно, слѣдуетъ ожидать, устроить прочія дѣла, касающіяся германскаго союза, я повторяю вашему величеству предложеніе и приглашеніе—вмѣстѣ со мною содѣйствовать на конгрессѣ, который не замедлитъ собраться по сему предмету, согласно предложеніямъ моимъ французскому правительству. Вы увидите готовность мою приложить всѣ мои старанія къ сему великому дѣлу и раздѣлить съ вами обязательства, о которыхъ изволите помнить, приняты вами по мирному тешенскому договору къ охраненію правъ и владѣній фамиліи дома Пфальцъ".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ (безъ числа; въ Петербургѣ получено 13-го ноября того-же 1797 года).

(Сокращенно). Графъ Панинъ встревоженъ миромъ при Кампо-Форміо [2]) (заключеннымъ 6-го (17-го) октября). Въ Берлинѣ не было

[1]) Переговоры въ Леобенѣ между Бонапартомъ, маркизомъ Галло и Мээрвельдтомъ предшествовали заключенію мира въ Кампо-Форміо.

[2]) Миръ при Кампо-Форміо между Франціей и Австріей былъ заключенъ

о томъ никакого сообщенія, но, по всѣмъ слагающимся обстоятельствамъ, можно судить, что условія, обнародованныя въ газетахъ, подлинны. Сомнѣнія въ честности вѣнскаго двора; совмѣстно-ли съ интересами и достоинствами императора продолжать покровительствовать тѣмъ, которые его не цѣнятъ?

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

6-го ноября 1797 года.

(По-русски). „Въ разсужденіе мирнаго трактата, заключеннаго между вѣнскимъ дворомъ и французами, долженъ я вамъ объявить, что гр. Разумовскій [1]) увѣдомилъ насъ, по нарочной эстафетѣ, только о подписаніи онаго трактата, не упоминая объ условіяхъ, и яко-бы онъ никакого свѣдѣнія о томъ не имѣетъ, и что баронъ Тугутъ [2]) отозвался ему, что черезъ два дня отправитъ отсюда курьера съ подробными по сему дѣлу изъясненіями; но до сихъ поръ сей курьеръ къ намъ не прибылъ и гр. Разумовскій ничего о семъ не доноситъ. Таковое непростительное и ко многимъ для него невыгоднымъ заключеніямъ поводъ подающее молчаніе его весьма удивительно показалось и государь императоръ повелѣлъ изъявить ему за то свое неудовольствіе. По замедленію вѣнскаго двора и по недостатку въ семъ случаѣ той

6-го (17-го) октября 1797 г. (со стороны Франціи—Бонапартъ, со стороны Австріи—маркизъ Галло, Кобенцель, Меэрвельдтъ и баронъ Дегельманъ). За уступку Франціи Нидерландовъ, итальянскихъ своихъ владѣній за рѣкою Ольо, за признаніе цизальпинской республики и владычества Франціи надъ Іоническими островами, Австрія получила Венецію, Истрію, Далмацію и Бокко-ди-Каттаро. По тайному пункту соглашалась на уступку Франціи лѣваго берега Рейна съ Майнцемъ... Однимъ словомъ, за собственныя выгоды Австрія продала Франціи Германію и Пруссію.

[1]) Графъ Андрей Кириловичъ (род. въ 1751, † въ 1823 г.) пользовался особеннымъ расположеніемъ Павла I.

[2]) Баронъ Тугутъ (Franz Maria, Freihen von Thugut) род. 1734, † 29-го мая 1818 г. Сынъ простаго лодочника; благодаря способностямъ и превосходному образованію, достигъ должности австрійскаго государственнаго канцлера. Службу свою началъ драгоманомъ при австрійскомъ посланникѣ въ Константинополѣ (1769), за тѣмъ былъ посломъ и полномочнымъ министромъ (1771). Въ іюнѣ 1794 года возведенъ въ званіе канцлера. Въ политической системѣ своей постоянно выказывалъ расположеніе къ Англіи и ненависть къ Пруссіи. По силѣ одной изъ тайныхъ статей Леобенскаго договора, въ апрѣлѣ 1797 г., былъ удаленъ отъ службы и, опять призванный въ 1799 г., находился на ней до октября 1800 г. Въ Россіи сынъ Тугута пріобрѣлъ извѣстность за его вмѣшательство въ распоряженія Суворова во время кампаніи 1799—1800 гг. Достойное орудіе австрійской политики—Тугутъ былъ лукавъ, лживъ и не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія цѣли.

совершенной довѣренности къ нашему двору, которая, какъ къ первому его союзнику принадлежитъ, судить можно, что условія того трактата не весьма выгодны и не таковы, что бъ мы могли быть ими довольны; а потому и вѣроятно, что вѣнскій дворъ первый нарушилъ германскую конституцію и невредимость имперіи,—въ чемъ онъ всегда укорялъ берлинскій, — и легко можетъ быть также, что, въ угожденіе надменнымъ французамъ, согласился на тайное постановленіе, вопреки всѣхъ собственныхъ своихъ выгодъ и обязательствъ, на счетъ бывшей Польши. Но все сіе еще покрыто глубокимъ мракомъ, а всего желательнѣе, что бы сіи доводы, безпокойства и заключенія наши не оказались справедливыми".

9-го (20-го) ноября графъ Панинъ увѣдомилъ князя Куракина объ отъѣздѣ въ Петербургъ прусскаго генералъ-лейтенанта Клейста съ извѣстіемъ о вступленіи короля Фридриха-Вильгельма III на престолъ [1]).

(Король Фридрихъ-Вильгельмъ II сконч. 5-го (16-го) ноября 1797 г.)

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, 14-го (25-го) ноября.

(Шифромъ). „Если генералъ Клейстъ [2]) привезъ только неопредѣленныя выраженія чувствъ короля, если вся его миссія ограничивается обычными любезностями, вы можете подумать, что молодой государь не совсѣмъ хорошо расположенъ къ намъ и что холодность эта слѣдствіе обдуманной системы. Подобное мнѣніе, во всякомъ случаѣ, было бы преждевременно и могло бы ввести васъ въ заблужденіе, о чемъ позвольте предварить васъ. Обстоятельство это, конечно, слишкомъ тонко, чтобы я могъ говорить съ увѣренностью; но вычисленія, основанныя на теоріи вѣроятностей, также иногда служатъ къ разрѣшенію нѣкоторыхъ задачъ. Новый король не хочетъ торопиться ни въ чемъ: таково его правило; онъ открыто его выражаетъ и подтверждаетъ его съ первыхъ же своихъ шаговъ. Прежде всего онъ хочетъ знать, какъ тѣхъ людей, съ которыми имѣетъ дѣло, такъ и тѣхъ, которымъ поручаетъ веденіе своихъ дѣлъ. Старая система, можетъ быть, не будетъ отринута, но будетъ очищена. Съ чашки вѣсовъ до тѣхъ поръ не снимутъ гирю, покуда ее не замѣнятъ другою. Примѣните это правило къ Франціи: вспомните, что теперешнимъ министрамъ прямая выгода искажать виды и правила нашего

---

[1]) Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III род. 3 августа 1770, † 7-го іюня 1840 г.

[2]) Генералъ Клейстъ-фонъ-Ноллендорфъ род. 9-го апрѣля 1762, † 17-го февраля 1823 года, былъ впослѣдствіи фельдмаршаломъ.

кабинета, и согласитесь со мною, что разрывъ съ Франціею невозможенъ до тѣхъ поръ, покуда не будутъ вполнѣ увѣрены, что въ союзѣ съ нами обрѣтутъ дружбу, довѣріе, подпору. Вы скажете мнѣ, можетъ быть: „въ томъ должны быть увѣрены". Позвольте, князь, не согласиться съ вами и возразить, что юный монархъ до сихъ поръ былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ по рапортамъ Гаугвица, которому онъ не довѣряетъ, и это великій шагъ къ истиннѣ; но, чтобы узнать ее вполнѣ на это потребны время и размышленія. Если нашъ августѣйшій монархъ счелъ нужнымъ отвѣчать конфиденціальнымъ сообщеніемъ, приведеннымъ въ моей секретной реляціи отъ 22-го октября, и отвѣтъ его былъ опять обращенъ къ королевскому принцу, я не сомнѣваюсь, что сей послѣдній дастъ удовлетворительное объясненіе и честно выскажется. Нынѣ все его вниманіе поглощено внутренними дѣлами, которыя онъ ставитъ на первый планъ и процессомъ Лихтенау, исходъ котораго, вѣроятно, рѣшитъ судьбу графа Гаугвица".

„P. S. Эта депеша явная, любезный кузенъ, такъ же точно, какъ и слѣдующая, дабы вы могли обѣими распорядиться по вашему усмотрѣнію. Въ отвѣтъ на эту, потрудитесь только увѣдомить меня, имѣетъ-ли пріѣздъ Клейста связь съ политическими сношеніями. Откажемъ-ли мы Англіи въ просимой ею помощи и будетъ-ли возможность отвергнуть причину союза (casus foederis)? Умоляю васъ, скажите мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ; это указаніе будетъ мнѣ необходимо. Реляцію мою за № 49 поручаю волѣ Божіей, правосудію императора и вашей поддержкѣ. Подписываю ее съ безпокойствомъ, но безъ упрековъ совѣсти".

Берлинъ, 14-го (25-го) ноября.

(Шифромъ). „Правда, любезный кузенъ, что приказанія, полученныя мною чрезъ курьера Амана, доставили мнѣ истинное удовольствіе. Изъ нынѣшнихъ моихъ донесеній явствуетъ, что онѣ были мнѣ необходимы и, можетъ быть, признаютъ за нужное дать мнѣ право говорить языкомъ, и того болѣе рѣшительнымъ. Времени терять нечего, если только хотятъ разрушить ихъ замыслы и спасти германскую имперію отъ конечнаго ниспроверженія.

„P. S. (Собственноручно). Я легко могу попасть въ страшный просакъ, если сегодняшнее мое секретное донесеніе замѣшается между явными бумагами, ходящими по рукамъ. Вы понимаете, любезный кузенъ, что только вашимъ сіятельствамъ я могу сообщать о сношеніяхъ моихъ съ королемъ, равно и о бытѣ двора, о королевѣ и проч. Видите, что я не злоупотребляю правомъ писать императору въ собственныя руки; но когда это случится, цѣль моя не будетъ достиг-

нута, если я не получу приказанія откладывать эти депеши къ сторонѣ. Сегодняшняя депеша заслуживаетъ этого тѣмъ болѣе, что въ ней содержится бумага, похищенная изъ прусскаго министерства, и если Грёбенъ объ этомъ узнаетъ, я пропалъ.

„Завтра день погребенія короля. Такъ какъ для дипломатическаго корпуса устроена особая трибуна, я долженъ проливать на ней слезы, хотя и готовъ помирать со смѣху, глядя на нѣмецкую скупость, выказываемую во всѣхъ торжественныхъ оказіяхъ".

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

Петербургъ, 17-го ноября.

„Спѣшу увѣдомить васъ, что ваша эстафета съ вѣстью о восшествіи на престолъ короля Фридриха-Вильгельма III получена сегодня въ три часа пополудни. Лишь только его величество узналъ о кончинѣ покойнаго короля прусскаго, онъ тотчасъ же приказалъ отмѣнить спектакль, который былъ назначенъ на нынѣшній вечеръ въ эрмитажѣ. Эта внимательность съ его стороны ко двору союзному, дружественному и родственному, надѣюсь, будетъ оцѣнена по достоинству.

„P. S. Сію миниту я возвратился изъ дворца, гдѣ узналъ, что нашъ августѣйшій монархъ, не ожидая оффиціальнаго увѣдомленія, уже приказалъ наложить трауръ на четыре недѣли по случаю кончины Фридриха-Вильгельма II. Подобная аттенція была соблюдена у насъ только при извѣстіи о кончинѣ императрицы-королевы Маріи-Терезіи".

С.-Петербургъ, 14-го ноября 1797 г.

„Письмо ваше подъ № 18 я сегодня получилъ и съ особливымъ удовольствіемъ изъ онаго усмотрѣлъ, что безъ всякаго еще отношенія моего къ вамъ единомысленны вы со мною по случаю мира вѣнскаго съ французами. Справедливы и основательны заключенія ваши объ ономъ.

„Гр. Разумовскій оказалъ себя въ семъ случаѣ непостояннымъ и совершенно предосудительнымъ для себя образомъ. По краткому будто сообщенію барона Тугута о семъ мирѣ, не входя ни въ какія подробности, прислалъ онъ съ симъ извѣстіемъ эстафету; черезъ два дни предвѣстилъ онъ присылку вѣнскаго курьера съ отправленіемъ о всѣхъ мирныхъ постановленіяхъ; но, къ крайнему удивленію и безпокойству нашему, двѣ недѣли протекли въ совершенномъ молчаніи отъ него и отъ барона Тугута, и сіе заслужило сему послу изъявленіе неудовольствія его императорскаго величества. Наконецъ, столь долго ожидаемый курьеръ пріѣхалъ сюда къ графу Дитрихштейну, ко-

торый вручилъ кн. Александру Андреевичу (Безбородко) и мнѣ двоякимъ словомъ составленныя письма отъ графа Кобенцеля[1]) и сообщилъ намъ мирный трактатъ и секретныя артикулы. Содержаніе перваго совершенно сходно съ напечатаннымъ въ вѣдомостяхъ. Секретные же артикулы заключаютъ въ себѣ слѣдующее:

(Краткое изложеніе секретныхъ статей и жалобы на коварство вѣнскаго двора)" легко судить можете, сколь вообще сіе событіе всякое ожиданіе наше превосходитъ и намъ непріятно быть должно, а особливо по пріобрѣтенію французами на Средиземномъ морѣ Венеціанскихъ островов, гдѣ, безъ сомнѣнія, постараются они возмутить грековъ и албанцевъ и распространить звѣрскія свои правила и въ Турціи; и если, къ несчастію, въ томъ предъуспѣютъ и Порта, не усмотрѣвъ угрожаемую ей гибель, имъ въ томъ не воспрепятствуетъ, то можно легко заключить о пагубныхъ слѣдствіяхъ ко вреду и нашему, изъ того произойти могущихъ. Однако, держась неколебимо принятой нами миролюбивой системы, не намѣрены мы явнымъ образомъ оказывать наши истинныя о семъ мирѣ чувствія и будемъ попечительно стараться сохранить доброе согласіе съ вѣнскимъ дворомъ и французами. Къ сему послѣднему имѣете вы, по силѣ данныхъ вамъ вновь предписаній, положить основаніе вашихъ подвиговъ противъ Каліара[2]). Слѣдствіемъ сего мира, вѣнскій дворъ и Францію безсовѣстными похищеніями чужихъ и наслѣдственныхъ владѣній удовлетворяющаго, будетъ, конечно, не токмо сближеніе, но и событіе тѣснаго союза между сими обѣими обязывающимися державами для взаимной обороны ихъ новыхъ пріобрѣтеній. Тогда надобно будетъ

---

[1]) Графъ Лудвигъ Кобенцель род. 1753, † 22-го февраля 1808 г. Начавъ службу въ молодыхъ лѣтахъ по дипломатической части, былъ австрійскимъ посломъ въ Копенгагенѣ (1774), въ Берлинѣ (1777), въ Петербургѣ (съ 1779 до 1797). При безобразной наружности, неистощимо-веселый, остроумный, любезный, вкрадчивый Кобенцель пользовался расположеніемъ Екатерины II, а съ нею, разумѣется, и всего нашего двора. Въ 1797 году императоръ австрійскій Францъ II назначилъ его полномочнымъ министромъ въ Удино и онъ былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ выгодъ и невыгодъ мира, заключеннаго при Кампо-Форміо.

[2]) Антоній Бернаръ Кайльяръ (Antoine Bernard Caillard) род. 1737, † въ маѣ 1807 года, знаменитый французскій дипломатъ и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени; товарищъ Тюрго по семинаріи, онъ былъ обязанъ этому министру своей блестящей карьерой. Въ 1761 году Кайльяръ былъ опредѣленъ секретаремъ посольства въ Парму; послѣ того въ этой-же должности былъ въ ландграфствѣ Гессенскомъ, въ Касселѣ, въ Копенгагенѣ, въ Петербургѣ (три раза въ 1774, 1779 и 1784 годахъ). Въ 1785 году онъ былъ назначенъ въ Голландію повѣреннымъ въ дѣлахъ; здѣсь оставался до 1792 года, въ которомъ получилъ званіе полномочнаго министра. По назначе-

намъ рѣшиться, прилично-ли намъ оставаться въ таковомъ союзѣ, или нѣтъ. Я того мнѣнія, что сохраненіе самой тѣсной связи съ нашею древнею и лучшею союзницею—съ Англіею, первый и непоколебимый предметъ намъ быть долженствуетъ, а потомъ обстоятельства откроютъ пользу и надобность другихъ союзовъ".

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

27 ноября 1797 г.

(Шифромъ по-русски). „Письма ваши отъ 14-го (25-го) ноября я получилъ и не оставилъ сдѣлать изъ оныхъ надлежащее употребленіе.

„Въ удовлетвореніе изъявленнаго вами желанія вѣдать, намѣрены ли мы дать Англіи помощь и признаемъ-ли настоящую ея войну за casus foederis, канцлеръ сообщитъ вамъ при первомъ курьерскомъ отправленіи копію съ посланныхъ къ гр. Воронцову предписаній по сему предмету; но, между тѣмъ, спѣшу сказать вамъ вкратцѣ содержаніе оныхъ: что его императорское величество непоколебимо пребываетъ въ принятомъ имъ правилѣ—свято соблюдать свои обязательства и сохранить дружбу лучшей своей союзницы—Англіи; что настоящія обстоятельства, а особливо пріобрѣтеніе французами Венеціанскихъ острововъ, дающее имъ столь важный перевѣсъ и вліяніе у Порты, обращаетъ наше вниманіе быть во всякой осторожности со стороны турокъ, а по нимъ и шведовъ, и содержать въ готовности знатное число сухопутныхъ и морскихъ силъ; что при всей доброй нашей волѣ находимъ мы невозможностью удовлетворить требованію англійскому, о посылкѣ теперь, по силѣ трактата, войскъ, ибо оныя не прежде будущаго апрѣля изъ Либавы отправлены быть могутъ, когда время угрожающаго теперь французскаго дессанта пройдетъ; слѣдовательно, не будутъ въ состояніи для требуемой помощи прибыть, а подвергнутся многимъ изнуреніямъ и послужатъ къ ослабленію силъ нашихъ, къ нашей собственной оборонѣ въ настоящемъ критическомъ случаѣ нужныхъ; что, судя по вѣрности англійской націи, полагаемъ мы, что ея могущество, ея превосходство на морѣ,

---

нію директоріи переведенъ въ Берлинъ, въ октябрѣ 1795 года, и съ первой аудіенціи заслужилъ расположеніе короля Фридриха-Вильгельма II; съ Гаугвицемъ былъ друженъ. Назначеніе аббата Сіэйса (Sieys) на мѣсто Кайльяра много повредило французской политикѣ. Отозванный въ Парижъ, Кайльяръ продолжалъ службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и указомъ отъ 9-го мессидора IX года (28-го іюля 1801 г.) исправлялъ должность министра до назначенія Таллейрана. Послѣдніе годы жизни Кайльяръ посвятилъ литературнымъ занятіямъ.

достаточны будутъ къ отраженію всякихъ отъ французовъ покушеній противъ нея самой; но, если бы паче чаянія, оказались онѣ явнымъ образомъ недостаточными и миръ Англіи скоро заключенъ не будетъ, то представляемъ мы впредь изъясниться о постановленіи нужныхъ для того мѣръ, и что въ изъявленіе нашего попеченія, быть сколь возможно полезнѣе союзницѣ нашей—Англіи, намѣрены мы изъ вооружаемыхъ къ будущей веснѣ отъ 25 до 30-ти кораблей послать въ Сѣверное море 12 кораблей, если только Швеція останется нейтральною; впрочемъ, что въ разсужденіе сохраненія цѣлости германской имперіи и конституціи ограничиваемся мы въ изъясненіяхъ увѣщательныхъ, нами объ оной въ Вѣнѣ и Берлинѣ сдѣланныхъ, ибо и до сего не токмо всѣ чины имперіи единомысленно о томъ къ намъ не обратились, но даже многіе изъ нихъ оспариваютъ право и существо гарантіи нашей тешенскаго мира, въ чемъ ссылаемся на послѣдніе отзывы ганноверскаго министерства.

„Симъ далъ я вамъ знать главное содержаніе изволенія его императорскаго величества на послѣднее представлѣніе г. Витворта[1]) которое было ему словесно сообщено, и онъ, находя всѣ наши причины совершенно справедливыми, остался доволенъ.

„P. S. Сими строками поспѣшаю васъ успокоить на счетъ вашей реляціи подъ № 49. Я съ своей стороны всю осторожность вашу въ подвигахъ къ возобновленію прерванной негоціаціи съ Кальяромъ не токмо совершено похваляю, но въ оной новое доказательство вашихъ искусства и достохвальнаго усердія къ пользѣ и достоянію отечества нашего вижу. Мнѣ извѣстно, что оная не была противна, но сказано, что напрасно соединили съ симъ, вамъ особенно поручен-

---

¹) Лордъ Витвортъ (sir charles Whitvorth) род. въ 1760, † въ маѣ 1824 г. Типъ англійскаго дипломата въ обширнѣйшемъ значеніи слова. Въ 1786 году былъ великобританскимъ посланникомъ при дворѣ Станислава-Августа короля польскаго; въ 1788 г. назначенъ въ Петербургъ отстаивать интересы Турціи и способствовалъ заключенію ясскаго мира (29-го декабря 1791 года), за что получилъ отъ короля орденъ Бани, а отъ императрицы Екатерины II—шпагу, осыпанную бриллiантами. Склонилъ наше правительство къ заключенію союзнаго договора съ Англіею противъ Франціи, котораго, однако же, императоръ Павелъ I не подвердилъ. Въ замѣну таковаго, Витвортъ убѣдилъ Павла I заключить коммерческій трактатъ (1797) и до такой степени вкрался въ довѣренность императора, что онъ ходатайствовалъ у сент-джемскаго кабинета о пожалованіи Витворта въ пэры (1798). Виды Англіи на Мальту и дѣйствія Витворта, клонившіяся къ этой цѣли, лишили его расположенія Павла I, потребовавшаго у англійскаго правительства, чтобы Витвортъ былъ отозванъ (1-го февраля 1800 г.). Дальнѣйшая карьера этого дипломата возвела его на высоту всевозможныхъ почестей. Геніальнѣйшіе люди своего времени—Наполеонъ I и Вальтеръ-Скоттъ отзывались о способностяхъ Витворта съ величайшею похвалою.

нымъ, предметомъ послѣднее требованіе Англіи и ожиданный отсюда на оный отвѣтъ".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, 29-го ноября (10-го декабря) 1797 г.

(Подъ строжайшимъ секретомъ; собственноручно). „Ваша любопытная депеша отъ 6-го ноября получена мною своевременно.

„Не пойму упорнаго молчанія вѣнскаго двора и какъ ни ломаю голову, не нахожу никакого извиненія къ оправданію поступка, такъ мало совмѣстнаго съ уваженіемъ, которымъ онъ обязанъ своему вѣрному союзнику. Что касается до графа Разумовскаго, я думаю, весьма вѣроятно, всѣ его усилія въ министерствѣ были безплодны. Извините, если я говорю съ такой смѣлостью; вы пріучили меня, милый кузенъ, не скрывать отъ васъ ничего. Впрочемъ, я говорю о человѣкѣ, котораго лично не знаю и, признаюсь, на мѣсто котораго желалъ бы поступить, если бы открылась вакансія. Дѣйствительно, при теперешнемъ положеніи нашего департамента, гдѣ я не могу болѣе засѣдать безъ униженія, я почелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ промѣнять мой постъ на другой—въ Вѣнѣ или въ Лондонѣ. Въ свое время вспомните объ этомъ, мой почтенный другъ! На васъ возлагаю всѣ мои ожиданія; но, если уже дѣло пошло на исповѣдь, прибавлю: если Кочубей оставитъ коллегію, я возвращусь въ нее съ удовольствіемъ.

„Слишкомъ уважаю васъ, милый кузенъ, чтобы скрывать мой образъ мыслей, который расходится съ вашимъ, относительно сближенія съ Франціей. Я думаю, что не пришло еще время; что мы не имѣемъ права, на которое могли бы сослаться, для нарушенія союза съ Англіей; что слава императора нашего запрещаетъ покидать союзника въ самую для него критическую минуту; что планъ, предложенный этимъ дворомъ, есть единственный, согласный съ пользами Россіи: что, отвергая его, мы поспособствуемъ извращенію всякихъ правилъ. Скажу болѣе: я думаю, что императоръ, диктуя свои послѣднія приказанія на счетъ Кальяра, не предвидѣлъ положенія, въ которомъ находится Англія, и что онъ ихъ отмѣнитъ.

„Князь Зубовъ[1]) все еще здѣсь, и я думаю, что онъ еще пробудетъ нѣсколько времени, точно такъ же какъ и графъ Разумов-

---

[1]) Платонъ Александровичъ (род. 1767, † 1822 г.), изъ ротмистровъ конной гвардіи въ шесть лѣтъ достигъ чина генералъ-фельдцейгмейстера, получилъ всѣ ордена первыхъ степеней и достоинство свѣтлѣйшаго князя Римской имперіи (съ 1789 по 1796 годъ). Пользовался особымъ расположеніемъ Екатерины II.

скій. Оба они были приняты при разныхъ дворахъ весьма благосклонно".

Берлинъ, 13-го (24-го) декабря.

(Секретно; собственноручно). „Какова бы ни была, любезный кузенъ, система нашего высочайшаго двора въ его отношеніяхъ къ тому, при которомъ я состою; какова бы ни была степень довѣрія, внушаемаго новымъ царствованіемъ, я думаю, что обязанъ, во всякомъ случаѣ, пользоваться всѣми обстоятельствами, могущими способствовать тѣснѣйшему ихъ сближенію и искорененію начатковъ недовѣрія, питаемыхъ лукавыми поступками прусскаго министерства. Таково чувство, одушевляющее всѣ мои поступки, и, льщусь мыслію, что вы угадали его въ доводахъ, которые я имѣлъ смѣлость привести вамъ о пользѣ дружеской переписки между нашею несравненною императрицею и молодою королевою. Этотъ щекотливый вопросъ еще требуетъ нѣкоторыхъ объясненій, которыя могу сообщить на усмотрѣніе только вамъ однимъ, милый кузенъ.

„Къ несчастію, извѣстно положительно, что въ прусскомъ кабинетѣ нельзя найти твердой почвы, покуда г. Гаугвицъ будетъ занимать въ немъ первое мѣсто. Намѣренія короля чисты, но таковы же были и намѣренія его предшественника, имѣвшаго также характеръ прямой, бывшаго врагомъ скрытности и увертокъ изворотливой политики; онъ умѣлъ цѣнить нашъ союзъ и въ видахъ пользы своей монархіи питалъ чувства личной дружбы къ нашему августѣйшему государю. Однако же, все это ни сколько не благопріятствовало успѣху праваго дѣла; съумѣли его обмануть, ослабить его добрыя намѣренія, извратить его правила и изъ естественнаго союзника Россіи сдѣлать доброхота, чтобы не сказать—раба якобинцевъ. Многіе признаки предвѣщаютъ, что мнѣ пріидется быть свидѣтелемъ повторенія той же сцены. Неопытность и нерѣшительность юнаго монарха точно такъ же выгодны людямъ злонамѣреннымъ, какъ и слабость его отца. Его уже окружили приспѣшники Гаугвица: одни повинуются этому министру корыстолюбія ради, другіе — по простотѣ. Я знаю одного господина изъ этого послѣдняго разряда, который, самъ того не подозрѣвая, орудіе Гаугвица: человѣкъ добрый, прямой, честный, находящій эти же самыя качества и въ своемъ патронѣ. Что же изъ всего этого выходитъ? Выходитъ то̀, что король, видящій все и желающій все видѣть, желающій добра, трудящійся безъ устали, не знаетъ, что ему сообщаютъ, покорствуетъ чужой волѣ, руководствуется рукою невидимою. Вы лучше меня поймете плачевныя послѣдствія этого порядка вещей. Я думаю, что еще есть время ихъ предупредить

и только въ нижеслѣдующихъ средствахъ вижу возможность достиженія этой цѣли и преобразованія прусской системы:

„1) Войдти въ переписку съ герцогомъ Брауншвейгскимъ [1]), поладить съ нимъ, подстрекнуть въ немъ чувства любви къ славѣ, распалить ему воображеніе; словомъ сказать, наэлѐктризовать его изъявленіями уваженія и довѣрія; указать ему ту цѣль, къ которой намѣрены идти, и увѣрить его, что только онъ одинъ знаетъ къ ней дорогу; что препоручаютъ себя его познаніямъ и сотрудничества его ищутъ не для Россіи, не для Пруссіи, но для спасенія всей Европы.

„2) Уладить (какъ я уже указалъ) дружескую переписку между императрицею и королевою; дѣло объ акушерѣ могло бы тому быть предлогомъ, или, скорѣе, починомъ [2]) Это привело бы непримѣтно къ признаніямъ о пользѣ единодушнаго согласія между двумя монархами. Письма, проходя черезъ руки императора, будутъ писаться, такъ сказать, подъ его диктовку; главнымъ предметомъ должно быть объясненіе истинныхъ причинъ недовѣрія всей Европы къ прусской системѣ, а результатомъ—снятіе личины съ г. Гаугвица. Впрочемъ, безполезно дѣлать замѣтку, что улаживать эти тайныя сношенія слѣдуетъ не круто, а къ главному предмему приступить не иначе, какъ послѣ предварительной, постепенной подготовки.

„3) Имѣть при здѣшнемъ дворѣ довѣреннаго агента безъ вѣрительныхъ грамотъ, безъ оффиціальнаго званія, но облеченнаго достаточною властью. Необходимо, чтобы ему, по его происхожденію и чину, доступны были всѣ придворныя собранія. Если на эту должность выберутъ меня, въ такомъ случаѣ, прежде всего я долженъ быть отозванъ, мой министерскій санъ долженъ быть съ меня снятъ; за тѣмъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ порученія въ иномъ мѣстѣ я долженъ

---

[1]) Родился 9-го октября 1735, † 10-го ноября 1806 г.

[2]) Въ этомъ году императрица Марія Θеодоровна была беременна (великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, родившимся 28-го января 1798 г.) и, по случаю смерти ея акушера Моренгейма, поручено было графу Панину пригласить изъ Берлина профессора Мекеля (Meckel), который и принялъ предложенія нашего двора. Но при этомъ королева прусская Луиза (род. 10-го марта 1776, † 19-го іюля 1810 г.), хотя сама была беременна принцессою (которая родилась 1-го (12-го) іюля 1798 г. и впослѣдствіи была всероссійской императрицею Александрою Θеодоровною), предлагала отправить въ С.-Петербургъ своего собственнаго акушера Рибке (Riebke). По этому случаю Панинъ писалъ 30-го ноября (11-го декабря): «короткость отношеній по этому случаю, могущая возникнуть между обѣими государынями, будетъ имѣть благопріятнѣйшее вліяніе на дѣла, если только захотятъ воспользоваться, ибо королева обладаетъ совершеннымъ довѣріемъ своего августѣйшаго супруга».

по временамъ заѣзжать сюда. Если эта должность возложена будетъ на другаго, ее легко можно замаскировать и оправдать какой-нибудь уважительной причиной, напримѣръ, порученіемъ доставить королевскому принцу орденъ св. Андрея, коего кавалеромъ былъ покойный король и который намъ будетъ возвращенъ. Къ чему вся эта таинственность, спросите вы? Къ тому, что нелѣпый этикетъ здѣшняго двора не допускаетъ членовъ дипломатическаго корпуса въ общество короля и королевскаго семейства; къ тому, что полномочные министры могутъ говорить съ нимъ только при публикѣ или на чрезвычайныхъ аудіенціяхъ, случаи которыхъ весьма рѣдки; къ тому, что было бы дѣломъ величайшей важности, если бы ставъ между королемъ и его министрами, имѣть возможность объяснять ему сущность дѣлъ, побудить его къ работѣ, предупредить происки французовъ и разрушить ихъ ковы. Министръ, связанный условіями дипломатическими, жертвующій формами самому дѣлу (какъ мы къ тому всѣ принуждены), для подобной должности не годится и въ данную минуту не можетъ принести истинной пользы.

„Таковы мои мечты, милый кузенъ! Можете мое рукописаніе изорвать на папильотки, если хотите, зовите меня мечтателемъ, если вамъ угодно: одно только принимаю близко къ сердцу—не скрывать отъ васъ ничего, клонящагося къ пользамъ службы. Могу-ли связывать малѣйшее самолюбіе съ многими моими мнѣніями? Правда, если вы обрекаете меня еще на пребываніе здѣсь, вы обязаны, смѣю сказать, утѣшить меня, сдѣлавъ на что-нибудь пригоднымъ, ибо жестоко было бы требовать жертвы, совершенно напрасной. Если я имѣлъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ императора, въ такомъ случаѣ въ видахъ его пользы столько же, сколько и изъ состраданія ко мнѣ, я долженъ быть отозванъ. Если же, напротивъ, меня удостоиваютъ нѣкоторымъ довѣріемъ, тогда да будетъ мнѣ дозволено настаивать на главнѣйшемъ пунктѣ: необходимо, чтобы молодой король высказалъ свою систему. Это зависитъ отъ насъ. Нужно, чтобы онъ объяснился и рѣшилъ выборъ между Россіею и Франціею. Покуда онъ увертывается, а мы медлимъ да откладываемъ, общій врагъ утвердитъ свое владычество и ниспровергнетъ общественную систему. Австрія на своихъ политическихъ вѣсахъ переложила гирю изъ одной чашки въ другую; равновѣсіе нарушено. Есть-ли насущная потребность возстановить его? вотъ въ чемъ вопросъ. Узы тройственнаго союза распутаны, одна только нить еще связуетъ Лондонъ съ Петербургомъ; порвется эта нить и безначаліе восторжествуетъ, событіе свершится!

„Поступки вѣнскаго двора относительно здѣшняго заслуживаютъ

еще полнаго вашего вниманія, милый кузенъ. Его поведеніе также не политично, измѣнчиво, нелѣпо, каковымъ оно было и съ нами послѣ мира. Горечь, злопамятство, ребяческая придирчивость пробиваются сквозь выставленную на показъ умѣренность и разрушаютъ все дѣйствіе увѣреній въ дружбѣ и въ желаніи погасить факелъ раздора. Я болѣе не узнаю г. Тугута, этого человѣка, казавшагося одною изъ прочнѣйшихъ опоръ праваго дѣла. Принцъ Рейсъ, преданный этому дѣлу со всѣмъ пыломъ добродѣтельной души, поспѣшилъ дать ему отчетъ о счастливыхъ способностяхъ герцога Брауншвейгскаго, развивая его систему союза между Англіею и тремя могущественнѣйшими державами континента. Г. Тугуту проэктъ этотъ, повидимому, понравился; по крайней мѣрѣ, онъ призналъ его пользу и неотлагательную въ немъ надобность; но утверждаетъ, что императору германскому не прилично сдѣлать первый шагъ, почему? Потому, что онъ имѣетъ причины къ жалобамъ на покойнаго короля. Фридрихъ-Вильгельмъ III сдѣлалъ первый шагъ; чего же имъ еще надобно? Конечно, поведеніе австрійскаго кабинета, его отреченіе отъ всякихъ правилъ, его коварное двуязычіе, его подлое снисхожденіе ко врагу престоловъ лишаютъ его всякихъ правъ на жалобы. Г. Тугутъ говоритъ, что онъ желаетъ сближенія; что же онъ для этого дѣлаетъ? Начинаетъ съ того, что отдаетъ въ печать и во всѣ газеты договоръ, убивающій германскій союзъ. За тѣмъ, и еще давъ время вѣнской газетѣ прибыть сюда, онъ присылаетъ берлинскому кабинету экземпляръ подлинныхъ статей договора, ни слова не упоминая о статьяхъ секретныхъ. Если римскій императоръ не увѣнчанъ фригійскимъ колпакомъ, какъ-то думаютъ французы, и если эти поступки внушены только злобою, было бы весьма полезно, чтобы вы, милый кузенъ, сдѣлали напоминаніе о томъ въ Вѣнѣ, чтобы дать имъ понять неминуемыя послѣдствія. Только мы и можемъ быть посредниками между обоими дворами.

„Хотите-ли знать Кобенцеля и употребляемыя имъ средства для усыпленія тѣхъ, кого имѣетъ выгоду обмануть? Потрудитесь прочитать у сего прилагаемое письмо. Онъ прислалъ его ко мнѣ, отправляясь въ Удино, уже снабженный полномочіями и инструкціями. Я ничего ему не отвѣчалъ и своевременно не сдѣлалъ объ этомъ доклада потому, что я долженъ былъ предположить, что все, имъ будто бы мнѣ довѣренное за тайну, уже извѣстно въ Петербургѣ. Предоставляю благоразумію вашему употребить этотъ документъ по собственному усмотрѣнію. Если вздумаютъ прислать его нашему двору, было бы, можетъ быть, полезно разоблачить это коварство предъ его императорскимъ величествомъ. На этотъ единственный случай прилагаю при семъ оффи-

ціальное письмо, которое вы въ тоже время предъявите, потому что настоящее письмо пишу единственно вамъ.

„Необходимо, милый кузенъ, чтобы я разъяснилъ еще третій пунктъ моихъ предложеній, хотя и сильно сомнѣваюсь, чтобы онѣ были приняты. Дать мнѣ приказъ отправиться въ путешествіе для маскировки тайной причины порученія—было бы не удобно по той причинѣ, что у меня семейство, а на поѣздку потребуются излишніе расходы, сдѣлать которые въ настоящую минуту мнѣ не позволяютъ средства. Мѣра эта чрезвычайная, на которую слѣдуетъ снабдить меня и суммою чрезвычайною. Легчайшій къ тому способъ—послать кого-нибудь изъ небывалыхъ и отдать его въ мое распоряженіе; ибо два сослуживца одного и того же двора портятъ дѣло, вмѣсто того, чтобы способствовать его успѣху. Для меня, впрочемъ, было бы это оскорбленіемъ незаслуженнымъ. Каково бы ни было рѣшеніе ваше, льщусь надеждою, что вы расположите въ пользу моего предложенія: послать голубую ленту королевскому принцу. По всѣмъ признакамъ я увѣренъ, что эта внимательность будетъ достойно оцѣнена.

„Пожалуй и достаточно, милый кузенъ, чтобы заставить васъ раскаяться въ данномъ мнѣ позволеніи вести этого рода переписку. Скажите откровенно, что я вамъ надоѣдаю, и тогда, хотя и съ сожалѣніемъ, я ограничусь увѣреніемъ въ почтительнѣйшихъ чувствахъ, съ которыми пребуду всю мою жизнь вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою и другомъ Панинъ“.

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

Петербургъ, 29-го декабря 1797 г.

(Шифромъ; конфиденціально). „Не могу выразить, милый кузенъ, удовольствія, доставленнаго мнѣ вашимъ письмомъ отъ 13-го (24-го) сего мѣсяца, адресованнымъ и предназначеннымъ лично мнѣ. Я совершенно согласенъ съ вами во всемъ, что вы такъ хорошо изложили. Съ твердымъ убѣжденіемъ и съ истиннымъ удовольствіемъ я поспѣшилъ докладомъ, подробно объяснивъ вашъ взглядъ на вещи. Я собралъ дань похвалъ, которыя вы заслуживаете за одушевляющее васъ усердіе, за чистоту намѣреній и благоразуміе вашихъ видовъ. Они будутъ приняты и бо̀льшая ихъ часть осуществится. Заранѣе раздѣляю съ вами чувства самодовольствія, которыя доставитъ вамъ успѣхъ вашихъ предложеній.

„Очень вѣроятно, что молодой королевскій принцъ получитъ орденъ св. Андрея, лишь только будутъ возвращены знаки ордена, кавалеромъ котораго былъ покойный король — его дѣдъ. Доставка ордена

препоручена будетъ довѣренному лицу, которое вы такъ желаете имѣть для сотрудничества и для успѣшнѣйшаго хода дѣла, чему вы сами не можете способствовать вслѣдствіе препятствій, налагаемыхъ вамъ этикетомъ двора, при которомъ находитесь, и за невозможностью поддерживать и развивать въ молодомъ королѣ желаніе сближенія съ нашимъ дворомъ, основанное на началахъ, извѣстныхъ нашему августѣйшему монарху, столь свойственное юному государю и долженствующее такъ сильно влiять на спокойствіе и на сохраненіе старѣйшихъ правительствъ Европы. Выборъ этой довѣренной особы довольно трудный, какъ по чину, такъ и по личнымъ ея достоинствамъ, еще не сдѣланъ. Явное порученіе, на эту особу возложенное, скроетъ цѣль ея настоящаго тайнаго назначенія.

„Покуда, я думаю, генералу Кутузову [1]) данъ будетъ приказъ—со своей стороны начать дѣло и предварительные къ нему подступы. При его умѣ и способностяхъ, намъ извѣстныхъ, должно надѣяться, что онъ будетъ дѣйствовать съ умѣренностью и съ прилежаніемъ, и съ исскуствомъ воспользуется хорошимъ расположеніемъ короля въ нашу пользу.

„Вы слишкомъ хорошо служите на занимаемомъ вами постѣ, и вами слишкомъ довольны, милый кузенъ, чтобы могли даже помыслить избрать васъ на должность посредника. Вы рождены для занятій дипломатическихъ и, покуда не призовутъ васъ иныя, обреките себя на постоянно прекрасное, какъ то было донынѣ, исполненіе возложенныхъ на васъ обязанностей.

„Ея величество императрица намѣрена также послать свой орденъ св. Екатерины королевѣ. Сообщаю это единственно вамъ, ибо государыня исполнитъ это тогда только, когда у его величества государя императора будетъ болѣе причинъ быть довольнымъ дѣйствіями относительно его лично и вообще берлинскимъ кабинетомъ.

„Мы совершенно одинаковаго мнѣнія съ вами, что нельзя полагаться ни на одно изъ его увѣреній и еще того менѣе разсчитывать на искреннюю и рѣшительную перемѣну въ лживой и ошибочной системѣ, которую приняли и которой слѣдовали въ прошедшее царствованіе до тѣхъ поръ, покуда г. Гаугвицъ будетъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Надобно удивляться и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣть, что онъ можетъ еще держаться въ мнѣніи своего государя. Вамъ предстоитъ оказать величайшую услугу Пруссіи, выставивъ въ настоящемъ свѣтѣ недовѣріе, которое онъ внушаетъ. Должно опасаться, что онъ обра-

[1]) Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ (род. 1745, † 1813 г.), впослѣдствіи фельдмаршалъ и свѣтлѣйшій князь Смоленскій.

титъ вниманіе и виды короля на союзъ съ Франціей и на территоріальныя выгоды, этимъ союзомъ представляемыя, чтобы тѣмъ удобнѣе произвести смуты въ имперіи германской и въ ея конституціи, улаженной съ такими неправдами между ею и вѣнскимъ дворомъ. Понимаете, что не этимъ путемъ можемъ мы сблизиться съ Пруссіей.

„Если герцогъ Брауншвейгскій, не смотря на всѣ свои права пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ короля, не осмѣлился начертать ему картину истинныхъ его выгодъ и возвратился къ себѣ ни съ чѣмъ, не оправдавъ великаго ожиданія, вами на него возложеннаго, кто-же теперь, кромѣ его, могъ бы это сдѣлать? Такъ какъ нельзя забыть его непонятнаго и позорнаго образа дѣйствій во время похода въ Шампань въ 1792 году, когда въ его рукахъ было спасеніе несчастнаго Людовика XVI и Франціи, когда онъ дѣйствовалъ вопреки волѣ и приказаніямъ покойнаго прусскаго короля,—такъ какъ ему и недостатку въ немъ энергіи приписываютъ бѣдствія, раздиравшія послѣ того Францію и обратнымъ толчкомъ угрожающія всей Европѣ,—вслѣдствіе этого, не къ нему слѣдуетъ обратиться, не ему оказать почетъ и довѣріе, однимъ словомъ, не для него стоитъ входить въ какія-либо сношенія. Долженъ я вамъ сказать то, чего можетъ быть, вы не знаете, что французскія дѣла породили довольно дѣятельную переписку между покойною императрицею и имъ, переписку, которая не повела ни къ чему. Я долженъ вамъ еще замѣтить, что похвалы, которыми вы осыпаете его, и надежды, на него возлагаемыя въ вашемъ частномъ письмѣ отъ 13-го (24-го) сего мѣсяца, разрушаются въ прахъ вашими отзывами о немъ въ оффиціальномъ донесеніи, писанномъ того-же числа.

„Я обязанъ въ то же время не скрывать отъ васъ, что относительно его особа, всегда удостоивавшая васъ особенной благосклонностью, на покровительство которой вы постоянно можете разсчитывать, нарочно приказала мнѣ, отъ ея имени, предложить вамъ остерегаться побужденій вашего добраго сердца, часто заставляющихъ васъ судить о другихъ по себѣ самому; къ этому она приказала присовокупить, что вы доказали то на дѣлѣ извѣстными ей связями, существовавшими между вами, Марковымъ и Рибасомъ. Этихъ немногихъ словъ достаточно, милый кузенъ, что бы вы знали, какого она мнѣнія о ихъ репутаціи, которая даже въ публикѣ сомнительна. Въ этомъ же вы можете видѣть ея крайнюю доброту къ вамъ, распространяющуюся даже на заводимыя вами знакомства.

„Ея императорское величество государыня императрица, какъ я вамъ говорилъ, уже писала дружественное и благодарственное письмо королевѣ прусской. Она не считаетъ нужнымъ заводить дѣловую пере-

писку съ этой государыней, вслѣдствіе принятія ею за правило: никогда не вмѣшиваться въ государственныя дѣла.

„Совершенно справедливы, милый кузенъ, ваши заключенія о вѣроломствѣ вѣнскаго двора и о лукавомъ двуличіи, которымъ Кобенцель думалъ обморочить вашу проницательность и прямизну вашихъ намѣреній. Вы вполнѣ справедливо оцѣнили его письмо. Я сохраню его впредь до возможности переслать къ вамъ съ курьеромъ.

„Не могу также умолчать, что было бы хорошо, если бы вы время отъ времени увѣдомляли князя Репнина[1]) о затрудненіяхъ, вами встрѣчаемыхъ, въ дѣлѣ по договору о размѣнѣ плѣнныхъ, ибо ваше молчаніе въ этомъ случаѣ обезпокоило его и огорчило". –

Графъ Н. П. Панинъ – князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, съ 13-го на 14-е декабря (ст. ст.), 1797 г.

(Собственноручно). „Я почти оканчивалъ мою работу, милый кузенъ, чтобы отправить ее съ этимъ курьеромъ, какъ получилъ ваши шифрованныя депеши отъ 27-го ноября. Какъ ни велика моя увѣренность въ добротѣ вашей ко мнѣ, но вы ежедневно превосходите мои ожиданія постояннымъ и тщательнымъ попеченіемъ вами прилагаемымъ, чтобы мнѣ были вѣдомы всѣ текущія дѣйствія министерства, при чемъ даете мнѣ всякія поясненія. Повѣрьте, мой почтенный благодѣтель, что вы одолжаете не неблагодарнаго; что пріятнѣйшимъ для меня утѣшеніемъ будетъ снисканіе вашего одобренія, и что я вполнѣ цѣню жертву, которую вы мнѣ приносите, оставляя занятія вамъ болѣе пріятныя, чтобы оживлять меня вашимъ поощреніемъ и наставлять вашими разумными замѣчаніями.

„Не имѣю ничего сказать объ отвѣтѣ, данномъ кавалеру Витворту. Не зная его, я рѣшился выразить мои догадки; нынѣ преклоняюсь предъ верховною волею.

„Легко понять, что предложеніе мое — воспользоваться услугами принца Рейссъ не можетъ быть принято послѣ того, какъ его дворъ навлекъ на себя справедливыя подозрѣнія. Разумѣется, объ этомъ я болѣе не долженъ и думать. Прошу васъ, однако, обратить вниманіе на то обстоятельство, что, дѣлая этотъ вопросъ, я не имѣлъ понятія объ измѣнѣ нашего задушевнаго союзника. Если бы принцъ Рейссъ имѣлъ честь быть вамъ знакомымъ, я нашелъ бы новыя оправданія въ его личномъ характерѣ и поспѣшилъ бы высказать ихъ; но вы произнесли свой приговоръ и потому оставимъ это.

[1]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (съ 30-го октября 1794 по 26-е ноября 1798 года) былъ литовскимъ генералъ-губернаторомъ.

„Не могу скрыть отъ васъ, почтенный другъ мой, удивленія моего по поводу того, что въ вашихъ послѣднихъ письмахъ я не нашелъ ни слова о выговорѣ, которымъ меня удостоили за этого несчастнаго поляка. Изъ этого я могу заключить, что вамъ о томъ ничего не было извѣстно. Однако же, было бы довольно странно, если бы вы узнали это только отъ меня".

Примѣчаніе. Панинъ, когда это писалъ, еще не получилъ отъ Куракина нижеслѣдующаго письма отъ 18-го декабря, въ которомъ вице-канцлеръ старался смягчить отправленный къ Панину высочайшій выговоръ.

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

С.-Петербургъ, 18-го декабря 1797 г.

„Нѣжное участіе, принимаемое мною въ васъ, милый кузенъ, даетъ мнѣ право вообще, а въ дѣлахъ, до васъ лично касающихся, въ особенности, говорить вамъ нагую правду, безъ всякихъ обиняковъ. Замѣчаніе, сдѣланное вамъ отъ 16-го ноября по поводу поляка Бронеца, было слѣдствіемъ взгляда и предвзятыхъ правилъ въ отношеніи лицъ, столь подозрительныхъ, какъ этотъ. Оно нисколько не измѣнило, могу васъ увѣрить, ни хорошаго мнѣнія о дарованіяхъ вашихъ, ни благосклонности, которую вы умѣли заслужить вашимъ стараніемъ и дѣятельностью. Но вы не хотѣли положить предѣловъ вашей чувствительности; она была чрезмѣрна и представила вамъ вещи въ свѣтѣ имъ несвойственномъ. Простое правило для соблюденія впредь, данное вамъ, которое вы должны были принять къ свѣдѣнію, показалось вамъ событіемъ досаднымъ, вами незаслуженнымъ, отъ котораго можетъ зависѣть ваша репутація. Будьте увѣрены, что послѣдняя мнѣ дорога столько же, сколько и вамъ самимъ; но такъ какъ до сихъ поръ я вижу въ вашей службѣ только важныя причины вамъ быть довольнымъ и никакого повода тревожиться или огорчаться, то убѣдительнѣйше прошу васъ успокоиться и продолжать отправлять вашу должность съ тѣмъ же усердіемъ и съ той-же горячностью, которыя уже снискали вамъ довѣріе высшаго начальства, одобренія и даже похвалы всѣхъ тѣхъ, кому онѣ извѣстны. Я своевременно узналъ о томъ, что могли написать вамъ по дѣлу Бронеца, но, не придавая этому значенія, которое вы придали, не предполагая даже, чтобы вы приняли это такъ близко къ сердцу, я не счелъ и нужнымъ такъ или иначе говорить объ этомъ".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, 29-го декабря 1797 г. (9-го января 1798).

№ 32. „То, что вы говорите мнѣ, милый кузенъ, на счетъ моего желанія — перемѣнить постъ, безспорно, очень обязательно; но я ду-

маю, что вы дурно меня поняли и я вскорѣ объясню вамъ, почему такъ настойчивъ въ моихъ желаніяхъ. Со вчерашняго дня носится слухъ, что Разумовскій отозванъ! Признаюсь вамъ, это меня очень безпокоитъ послѣ отвѣта, даннаго мнѣ вами на его счетъ".

Берлинъ, 31-го декабря 1797 г. (11-го января 1798).

№ 33. (Собственноручное). „Мнѣ остается, почтенный мой благодѣтель, сказать вамъ очень многое въ отвѣтъ на любезное письмо ваше отъ 11-го (23-го) декабря. Случай представившійся сегодня захватилъ меня въ расплохъ. Мои донесенія его императорскому величеству требовали глубокаго размышленія; я могъ окончить ихъ только теперь (2½ часа утра), и не знаю, какъ выполню данныя мною вамъ обязательства. Наконецъ, будь что будетъ. Начнемъ.

„Такъ какъ императоръ удостоилъ меня личнымъ сообщеніемъ причинъ, препятствующихъ исполненію моего желанія—войдти въ соглашеніе о текущихъ дѣлахъ со здѣшнимъ дворомъ, я счелъ обязанностію препроводить прямо къ его императорскому величеству мои замѣтки о причинахъ продолжительнаго молчанія молодаго короля. Ссылаюсь на то, что вы отыщете въ моей сегодняшней секретной реляціи касательно этого щекотливаго вопроса. Изъ всѣхъ реляцій, вышедшихъ изъ-подъ моего пера, еще не было ни одной, на которую я такъ умолялъ бы васъ обратить особенное ваше вниманіе, какъ на эту; къ тому-же, она даетъ отвѣты на бо́льшую часть вашихъ послѣднихъ сообщеній. Вы замѣтите, что я особенно остановился на вашей мысли о прерваніи узъ, связующихъ Пруссію съ Франціею. Скажите мнѣ на милость, что такое мои разсужденія—софизмы, или вы удостоите ихъ вашимъ одобреніемъ? Вы предполагаете новый, тройственный союзъ, въ которомъ Пруссія замѣнитъ Австрію. Признаюсь вамъ, милый кузенъ, мнѣ все-таки пріятно сомнѣваться, чтобы вѣнскій кабинетъ захотѣлъ найдти въ насъ враговъ. Я предпринялъ бы трудъ, не соразмѣрный слабымъ моимъ средствамъ и противный совѣсти, если бы сталъ ходатайствовать въ его пользу. Но, сознавая его коварство, я не могу сознаться, чтобы баронъ Тугутъ былъ настолько невѣжда, настолько глупецъ, чтобы не понимать всю опасность разрыва между двумя императорскими дворами. Союзъ нужно возобновить—я думаю, что это намъ возможно,—и тогда присообщить берлинскій дворъ къ тройственному союзу, уже существующему. Только въ этомъ единственномъ пунктѣ, милый кузенъ, моя система не вполнѣ согласуется съ вашей; во всѣхъ прочихъ молчу, проникнутый уваженіемъ и восхищеніемъ. Продолжайте наставлять

меня, умоляю васъ; вамъ не найдти ученика, болѣе усерднаго и признательнаго.

„По милости придворнаго этикета, я не могъ найдти никакой возможности передать королевѣ письмо императрицы ранѣе воскресенья— дня собраній въ замкѣ. Вслѣдствіе этого я рѣшился лично вручить его г-жѣ Фоссъ, гофмейстеринѣ двора. Она поспѣшила къ королевѣ съ докладомъ. Возвратясь черезъ десять минутъ на свою половину, она передала мнѣ самый любезный отвѣтъ. Едва она начала говорить, какъ я услышалъ голосъ королевы. То была дѣйствительно ея величество! „Я не могла“, сказала она мнѣ, „отказать себѣ въ удовольствіи лично выразить вамъ, сколь глубоко я тронута любезностями, которыя императрицѣ угодно было написать мнѣ; болѣе же всего для меня лестно ея обѣщаніе, что я почаще буду получать извѣстія отъ нея“, и проч., и проч. Невозможно передать вамъ, милый кузенъ, сколько безконечной граціи молодая королева съумѣла придать этому комплименту. Письмо произвело величайшій эффектъ и доставляетъ мнѣ живѣйшую радость. Если императрица заблагоразсудитъ продолжать эту переписку, я еще разъ ручаюсь вамъ, что дѣла отъ того очень много выиграютъ и сближеніе совершится съ наименьшими препятствіями. Было бы, я думаю, полезно, если бы его императорскому величеству были сообщены подробности, мною приведенныя выше; но этихъ строкъ ему не показывайте, потому что я пишу ихъ сквозь сонъ.

„Надобно, однако-же, сказать вамъ одно слово о предметѣ, который я очень живо принимаю къ сердцу. Говоря мнѣ о Кочубеѣ, вы думали, кажется, что онъ внушаетъ мнѣ чувства соперничества или ревности? Это заблужденіе. Мнѣ пріятно было отдать ему справедливость; но, каковы бы ни были его достоинства, онъ не имѣлъ достаточно случаевъ выказать ихъ, чтобы пользоваться правомъ лишать меня старшинства въ департаментѣ. Дѣло сдѣлано; изъ любви ко мнѣ его не поправятъ, это я слишкомъ хорошо знаю; меня слишкомъ хорошо вразумили, что мнѣ на службѣ иной отрады ждать нечего, кромѣ исполненія моихъ обязанностей; но если я этимъ довольствуюсь, то не слишкомъ-ли жестоко требовать, чтобы я занялъ мѣсто ниже человѣка — моложе меня по службѣ и которому я, по крайней мѣрѣ равенъ, по моей преданности и усердію. Вотъ единственныя воззрѣнія, руководящія мною при просьбѣ оставить меня при посольствѣ, покуда Кочубей будетъ съ вами. Опять повторяю вамъ и по прежнему убѣдительно: если только правда, какъ говорятъ, будто Разумовскій отозванъ—ничѣмъ не докажете вы мнѣ дружбы вашей, какъ не давъ упустить мнѣ этотъ случай.

„Кончаю по недостатку мѣста и обнимаю васъ отъ всего сердца, отъ всей души. Панинъ".

Приписка (на отдѣльномъ листкѣ). „Курьеръ пробылъ у меня только 24 часа и я отпустилъ бы его раньше, если бы не былъ обязанъ сегодня вечеромъ отправиться на балъ, на которомъ присутствовала королевская фамилія. Съ нѣкотораго времени балы здѣсь въ большомъ ходу: король танцуетъ, королева танцуетъ, всѣ танцуютъ, а я—я зѣваю во весь ротъ. Должно признаться, очень весело! Милордъ Гренвиллъ [1]), отъ имени своего двора, поручилъ выразить мнѣ благодарность чрезъ графа Воронцова, за образъ моихъ дѣйствій съ англійскимъ министромъ. Я этого не заслуживаю, потому что знать его и уважать—одно съ другимъ неразлучно".

(Безъ числа; помѣта: получено 6-го января 1798 года).

(Шифромъ). „Я глубоко тронутъ, милый кузенъ, особеннымъ вашимъ стараніемъ въ письмѣ отъ 18-го декабря успокоить меня на счетъ предмета живѣйшихъ моихъ опасеній. Можетъ быть, чувствительность моя увлекла меня слишкомъ далеко; но думаю, что инаго упрека сдѣлать себѣ не могу въ этомъ несчастномъ дѣлѣ и съ грустью признаюсь вамъ, что тщетно въ утѣшеніяхъ вашихъ я искалъ хоть единаго слова, которое убѣдило бы меня, что вы вѣрите въ мою невинность. Я льстился надеждою, что въ отвѣтѣ моемъ его императорскому величеству доказалъ, что мѣры, принятыя мною, лишали Бронеца всѣхъ средствъ приносить вредъ вѣрнѣе, нежели невыдача ему паспорта. Но довольно объ этомъ, милый кузенъ! Изъявленія благосклонности, которыми меня съ тѣхъ поръ удостоили, возвратили мнѣ спокойствіе, и я долженъ быть благодаренъ польскому якобинцу за доставленіе мнѣ новаго доказательства вашей ко мнѣ доброты. Надѣюсь, что вы не находите никакой перемѣны въ моемъ поведеніи и если я, дѣйствительно, былъ сколько-нибудь усерденъ къ службѣ, тоже чувство еще одушевляетъ меня".

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гренвиллъ (William Windham lord Grenville) род. 24-го октября 1759, † 12-го января 1834 г.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

1816—1831.

1826 г.[1]).

29-го генваря (10 февраля) 1826 г. Варшава.

Любезный Өедоръ Петровичъ!....

1) Благодарю васъ за извѣщеніе, какимъ порядкомъ происходила священная и трогательная церемонія принесенія, въ назначенныя мѣста, мундировъ покойнаго государя императора, пожалованныхъ войскамъ. Я увѣренъ въ той глубокой горести, какую его императорское величество изволилъ чувствовать при семъ воспоминаніи нашего благодѣтеля, котораго память останется навсегда въ глубинѣ нашихъ сердецъ; и прошу васъ доложить его императорскому величеству, что здѣсь все въ точности будетъ также сіе исполнено по мѣрѣ возможности.

2) Я очень доволенъ, что крючекъ отъ мундира покойнаго государя императора зацѣпилъ его императорское величество. Это хорошій знакъ и означаетъ, что мундиръ, который имѣлъ счастіе быть покойника государя, какъ-бы чувствуетъ, что царское къ царскому прицѣпляется, и какъ бы поцѣловался.

3) Весьма благодарю за извѣщенія о всѣхъ назначеніяхъ, сдѣланныхъ государемъ императоромъ, для ихъ императорскихъ величествъ государынь императрицъ.

4) На счетъ того, что государь императоръ изволитъ отзываться о несвязности своихъ ко мнѣ писемъ, прошу васъ доложить его императорскому величеству, что, напротивъ—они очень связны и

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VII, стр. 456—476.

понятны; дай Богъ только, чтобы я могъ въ полной мѣрѣ понять волю государя императора и исполнять оную во всемъ въ точности, какъ ему угодно. Въ семъ только и состоитъ мое искреннее желаніе и рвеніе, дабы его императорское величество изволилъ быть доволенъ.

5) Я очень счастливъ, что государь императоръ изволитъ быть доволенъ министромъ генераломъ графомъ Грабовскимъ. Я старался безъ всякаго пристрастія, отъ искренности моей, въ выборѣ человѣка на такое мѣсто, какъ его.

6) Отзывъ австрійскаго министра Лебцетерюа, говоря о князѣ Трубецкомъ[1]), дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе; съ этой стороны князю Меттерниху нельзя попрекнуть, что онъ душитъ карбонаровъ, какъ можетъ; да въ томъ, кажется, и собственный его есть интересъ, дабы не потерять большія свои имѣнія, а кажется, для интереса онъ много кой-что дѣлывалъ.

7) . . . .

8) На счетъ письма тайнаго совѣтника Арсеньева, котораго я вовсе не знаю, что какъ покойный государь императоръ, такъ и я якобы были въ общемъ заговорѣ, на сіе надобно обратить вниманіе: не съ умысломъ-ли сіе пущено письмо; ибо, что касается до государя императора, такъ онъ скончался, то дѣло и кончено, а я, какъ живъ, то не хотятъ-ли подать нѣкоторое сомнѣніе его императорскому величеству въ искренности моей, дабы вселить подозрѣніе; но я совершенно увѣренъ, что никому въ семъ не удастся.

9) Что лейбъ-гвардіи Московскій и Гренадерскій полки не ходятъ въ 1-е отдѣленіе въ караулъ, я такого мнѣнія, что имъ долго и долго не надобно еще занимать оное, покамѣстъ можно будетъ совершенно быть увѣрену, что все кончилось и тѣни подозрѣнія не осталось.

10) Я очень счастливъ, что мысли государя императора были согласны съ моими о вѣрной ротѣ Черниговскаго пѣхотнаго полка, и сіе удостовѣряетъ, что чувства братнинскія и, такъ сказать, одноковныя, есть одинаковы; только прошу васъ доложить его императорскому величеству, что я взываю, при семъ случаѣ, права мои относительно польскихъ уроженцевъ: что ежели есть въ сей ротѣ таковые, хотя одинъ, сдѣлать милость приказать прислать сюда.

Помѣта: «Непремѣнно».

11) Я очень сожалѣю, что государь императоръ не изволилъ быть доволенъ лейбъ-гвардіи драгунскимъ полкомъ; но сіе меня не

[1]) Полковникъ, декабристъ.

удивляетъ, ибо въ россійской арміи, какъ я изъ многихъ опытовъ знаю, существуетъ какая-то привычка, что коль скоро войско употребляется въ такое дѣло, которое имѣетъ подобіе на военное время, какъ-то: на бивуаки или въ разъѣзды и такъ далѣе, то сейчасъ отстаетъ отъ той строевой чистоты, какая обыкновенно бываетъ, полагая, какъ бы оно не нужно, и не вдругъ-то опять придетъ въ прежнее положеніе, что можно отнести и лейбъ-гвардіи къ драгунскому полку, которой, во время бывшаго несчастнаго происшествія, почти съ мѣсяцъ такъ употреблялся.

12) Благодарю за извѣщеніе, какимъ порядкомъ государь императоръ изволилъ доставить мундиръ покойнаго государя императора къ графу Алексѣю Андреевичу (Аракчееву) и былъ оный имъ врученъ войскамъ.

13) Я весьма радъ, что происшествіе, случившееся въ пажескомъ корпусѣ, оказалось не важнымъ, о которомъ я получилъ нынѣ донесеніе и отъ главнаго директора, генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова.

14) Я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что на счетъ того, что пишутъ въ газетахъ, не только французскихъ, но и во всѣхъ, какого бы онѣ рода ни были, я совершенно этимъ пренебрегаю, ни мало не думаю, и, словомъ сказать, во всей силѣ равнодушно принимаю.

15) Прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества за всемилостивѣйшее вниманіе къ моему представительству награжденіемъ состоящихъ при мнѣ: генералъ-маіора Кривцова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гинца и 4-го класса Данилова, котораго, я увѣряю, что будто онъ поступаетъ въ генералъ-интенданты 2-й арміи, вмѣсто извѣстнаго Юшневскаго[1]), и какъ я самъ теперь, какъ выше сказано, замѣшанъ въ заговорѣ, то что чрезъ него буду тамъ дѣйствовать. Почтенный Иванъ Даниловичъ перепугался, руками и ногами отъ онаго отрекается.

(Собственноручно): „16) Dites à l'empereur de ma part, que m'apuyant de l'autorisation, qu'il a daigné me donner d'introduire dans les trouppes polonoises, dans les compagnies et escadrons, qui avoient le bonheur de porter le nom de feu l'Empereur les chiffres sur les épaulettes, j'ai cru abonder dans son sens en permettant de les porter au Lieutenant-Colonel Kolbesj, qui a été Capitaine de la compagnie dans les grenadiers depuis son organisation et qui a été fait Lieutenant-Colonel au dernier séjour de feu l'Empereur ici za

[1]) Декабриста.

отличіе et de son propre mouvement. Il me semble, que cela lui revient de droit. Dites moi ce que l'Empereur vous dira la dessus".

Помѣта: «Хорошо изволилъ сдѣлать».

„17) Tout ce que vous me dites sur les bruits absurdes, qui se rependent sur mon compte á Petersbourg, ne m'inquiéte guére. Ma conduite est trop pure pour que l'on puisse y porter atteinte. Ma présence ici est plus necessaire que jamais, vu les arrestations qui se font autour de vous et qui peut être ne m'eviteront ici. Il faut être pret à tout, afin que désordre n'arrive pas. C'est à vous de prouver le contraire et à rectifier les idées des idéaligues.

„18) Je suis enchanté que l'Empereur vous compte pour le secrètaire de famille. Il ne pouvait mieux placé sa confiance. Quand à ce qui me regarde vous me connaissez depuis trop longtems pour n'être pas à même de donner les explications necessaires sur mon compte et mes idées.

„19) Ma femme vous remercie pour votre lettre et ce papier du Vatican, qui lui a fait grand plaisir et à moi un grand bien en m'interessant infiniment. Elle me charge de ses compliments pour vous. Mes homages chez vous.

„20) Montrez cette lettre à l'Empéreur de ma part. Tout à vous de coeur et d'âme. Constantin.

„P.S. Demandez à l'Empereur si je puis me servire du cachet du feu l'Empereur, qu'il a daigné m'envoyer comme souvenir. Il est tout à fait semblable à ceux, introduits dans les штабы".

(Переводъ). 16) Скажите отъ меня государю, что, основываясь на данное мнѣ его величествомъ полномочіе украшать польскихъ войскъ роты и эскадроны имени покойнаго императора вензелями на эполетахъ, я счелъ долгомъ позволить носить таковые подполковнику Колбези, который служилъ капитаномъ въ гренадерской ротѣ съ самаго ея сформированія, и который, во время послѣдняго здѣсь пребыванія государя, по его же повелѣнію, произведенъ въ подполковники за отличіе. По моему мнѣнію, онъ имѣетъ на это полное право. Сообщите мнѣ, что государь на это скажетъ.

17) Все, что вы мнѣ сообщили о нелѣпыхъ слухахъ, распространяемыхъ на мой счетъ въ Петербургѣ, мало меня безпокоитъ. Поведеніе мое слишкомъ безукоризненно, чтобы кто-нибудь могъ его запятнать. Мое присутствіе здѣсь теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо, въ виду совершающихся вокругъ васъ заарестованій, которыхъ, быть можетъ, и мнѣ тутъ не избѣгнуть. Нужно готовиться ко всему для отвращенія безпорядковъ. Вы должны опровергнуть эти слухи и исправить понятія людей ихъ вымышляющихъ.

18) Я радъ, что государь считаетъ васъ нашимъ семейнымъ секретаремъ. Онъ не могъ избрать человѣка, болѣе васъ заслуживающаго довѣрія. Что же касается меня, то вы слишкомъ давно меня знаете, чтобы не быть въ состояніи дать необходимыя объясненія на счетъ меня и моихъ мыслей.

1-го (13) февраля 1826 г. Варшава.

(Собственноручно). „Mon cher Opochinine, je m'adresse à vous afin de vous prier de soumetre à l'Empereur la demande, que j'ai á Lui faire et qui consiste en ce qui suit: feu mon Père avoit légué par son testament à feu mon bienfaiteur une épée en or qu'il avoit portée de son vivant, et même du vivant de feu l'Imperatrice Cathérine. Je desirerois l'avoir comme une rélique précieuse et que j'espère, que l'Empereur ne me refusera pas. Cette épée doit se trouver chez le sieur Gaseli, dans la garderobe de feu notre maître. Soumettez ma demande à Sa Majesté et je compte sur votre coopération pour l'obtenir. Mettez moi aux pieds de Sa Majesté et assurez le de mon zèle et de mon devouement. Jusqu'à ce moment tout est parfaitement tranquille chez nous. Ne m'oubliez pas et comptez toujours sur l'amitié de votre viel ami Constantin".

Varsovie. Ce 1 (13) Fevrier 1826.

3-го февраля 1826 г. Спб.

Благодѣтель мой! Благодарю васъ за сообщенную мнѣ копію съ донесенія Войска Донскаго; оно достойно храбраго сего и вмѣстѣ чувствительнаго народа, но меня нисколько не удивило, ибо, вѣрьте Богу, чувство сіе раздѣляемо въ полнотѣ его всею Россіею,—нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ цѣнить подвигъ вашъ и который бы не благоговѣлъ бы къ вамъ, по крайней мѣрѣ, я доселѣ подобныхъ не встрѣчалъ. Да подкрѣпитъ васъ Всевышній и продлитъ дни ваши, и да явитъ въ васъ всѣмъ намъ примѣръ добродѣтели и отреченіе самаго себя на пользу общую. По гробъ преданный вашъ Ѳ. Опочининъ.

5-го (17) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ!.....

1) Что касается до князя Антонія Яблоновскаго, который сюда отправленъ, я нахожу, что онъ, содержась въ С.-Петербургѣ, болѣе

---

19) Жена васъ благодаритъ за ваше письмо и за бумагу изъ Ватикана, которая доставила ей много удовольствія, а мнѣ принесла не малую пользу. Я нахожу ее чрезвычайно интересною. Жена проситъ передать вамъ поклонъ. Мое почтеніе вашимъ.

20) Покажите отъ моего имени это письмо государю. Преданный вамъ сердцемъ и душою Константинъ.

P.S. Спросите государя, могу-ли я употреблять печать покойнаго императора, присланную имъ мнѣ на память? Она совершенно сходна съ тѣми, которыя употребляются въ штабахъ.

(Переводъ). Любезный Опочининъ, прошу васъ доложить государю импе-

было бы средствъ открыть соучастниковъ чрезъ доноды и очныя ставки въ слѣдственной комиссіи, такъ какъ тамъ содержутся всѣ открытые преступники и впослѣдствіи, когда бы все уже было обнаружено, ежели бы признано было тогда еще нужнымъ, выслать его сюда, то въ то время бы сіе исполнить.

2) На счетъ высылки сюда изъ пруссихъ и австрійскихъ владѣній соучастниковъ, по показанію князя Яблоновскаго, я считаю, что симъ правительствамъ слѣдовало бы у себя на мѣстѣ надъ своими подчиненными произвести точнѣйшее изслѣдованіе и открыть всѣхъ соучастниковъ, что отсюда будетъ совершенно неудобно: продлитъ весьма дѣло и будетъ безуспѣшно чрезъ однѣ переписки, такъ какъ по многимъ опытамъ въ подобныхъ дѣлахъ сіе случалось.

(Собственноручно). „3) Je vous prie d'insister afin que les prévenus de moeurs etrangers ne soyent par envoyés ici.

„4) D'aprés ce que je lis dans les dépositions ee Jablonovsky, je n'aperçois rien autre qu'une suite naturelle de la position de ce pays ci, et des discours tenu du haut du trône lors des trois dietes qui ont eu lieu; de plus tous ces messieurs voyent la vielle Finlande reunie à la nouvelle et non la nouvelle à la vielle, et je vous le demande coment ce que vous voulez qu'un exemple pareil ne leur tourne pas les têtes? Les paroles et les idées de feu l'Empereur leurs etaient conus à tous puisqu'ils ne leur à pas cachés, et même en dernier lieu en l'ayant manisfesté tant au civil qu'au militaire. En bonne foi pouvés vous le leur reprocher? Mettes vous a leur place et suposés que la Galicie soit devenu etat de partage comme la Pologne, qu'auriés vous fait et pensez vous même? Mettés tous ceci sous les yeux de l'Empereur vu que les couleurs jaunes et cramoisies ne sont pas en avidence comme ici, ainsi qu'en Lithuanie. Sont ils donc aveugles et sourds? Les projets de feu l'Empereur m'etait connu; en un mot je prie que l'on reflechisse un peu sur tout le passé et que l'on se mette a ma place ici. L'on verra la dificulté dans la quelle

---

ратору мою просьбу, съ которою я осмѣливаюсь къ нему обратиться и которая заключается въ слѣдующемъ: покойный родитель мой завѣщалъ моему покойному благодѣтелю золотую шпагу, которую онъ носилъ всю жизнь, и даже при покойной императрицѣ Екатеринѣ. Я бы хотѣлъ имѣть ее, какъ драгоцѣнную святыню; въ чемъ, надѣюсь, государь мнѣ не откажетъ. Эта золотая шпага находится у г. Газели, въ гардеробной покойнаго государя. Передайте мою просьбу его императорскому величеству, что я повергаюсь къ его стопамъ, и увѣрьте его въ моемъ усердіи и преданности. До сихъ поръ у насъ все совершенно спокойно. Не забывайте меня и вѣрьте всегда въ дружбу вашего стараго друга Константина.

je me trouve pour agir, au reste ne sachant qu'obeir, je le ferai precisement comme je le fesais par le passé avec le même zele et le même devouement. L'Empereur à son avenement au trône et par son manifeste a ce pays ci à promis de marcher sur les traces de feu l'Empereur, ce qui a charmé tout le monde, maintenant l'on y vera peut etre autre chose. La verité doit etre dite et je la dis telle qu'elle se presente à ma judiçiaire et jusqu'à ce que l'on me permettra de la dire et que l'on voudra l'entendre de moi. Si je reçevrais l'ordre de me taire, je m'y soumettrai avec toute l'obéissance, que vous me connoissés depuis que j'existe. Lisés tout ceuci a l'Empereur, il est necessaire qu'il le sache pour fixer son opinion. Constantin".

5-го февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Θедоръ Петровичъ! Я получилъ отъ служившаго въ военной службѣ полковника Порошина письмо, коимъ объясняя, что онъ состоитъ при министерствѣ финансовъ безъ жалованья, проситъ моего ходатайства объ опредѣленіи его къ мѣсту.

Зная сего Порошина съ давняго времени, когда еще онъ служилъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку и былъ вамъ современникъ по тогдашней службѣ вашей; и, конечно, вамъ не безизвѣстно и то еще, что онъ женатъ на дочери Николая Сергѣевича Ланскаго, родной сестрѣ бывшаго адъютантомъ моимъ, а потомъ генералъ-лейтенантомъ и убитаго въ сраженіи Ланскаго, на племянницѣ же Василія Сергѣевича Ланскаго,—я препровождаю означенное письмо его къ вамъ и прошу не оставить всеподданнѣйше доложить по оному государю императору и испросить высочайшее его императорскаго

5-го (17) февраля 1826 г. Варшава.

(Переводъ). 3) Прошу васъ настоять, чтобы людей, обвиняемыхъ въ заграничныхъ тенденціяхъ, не присылали сюда.

4) Изъ прочитанныхъ мною показаній Яблоновскаго, я усматриваю лишь естественныя послѣдствія того положенія, въ которомъ находится эта страна, и тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены съ высоты трона во время бывшихъ здѣсь трехъ сеймовъ; притомъ всѣ эти господа воображаютъ, что старая Финляндія присоединяется къ новой, а не новая—къ старой; теперь спрашиваю я васъ, какъ хотите вы, чтобы подобный примѣръ не вскружилъ имъ голову? Имъ всѣмъ были хорошо извѣстны слова и образъ мыслей покойнаго императора, потому что онъ и не скрывалъ ихъ предъ ними и даже, наконецъ, высказалъ ихъ, какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ лицамъ. Говоря чистосердечно, можете-ли вы ихъ въ томъ упрекнуть? Войдите въ ихъ положеніе и предположите, что Галиція стала такимъ же государствомъ раздѣла, какъ Польша; какой тогда былъ бы вашъ собственный взглядъ и образъ дѣйствій? Доложите все это государю императору, такъ какъ оранжевый п.

величества благосоизволеніе, о послѣдующемъ же меня увѣдомить.... Константинъ.

7-го (19) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Өедоръ Петровичъ!....

1) За доставленную вами, по волѣ государя императора, копію съ прокламаціи Бестужева-Рюмина, найденной у мятежниковъ, и что таковыхъ отыскано довольно большое число, которыя, въ свое время, будутъ ко мнѣ доставляться посредствомъ вашимъ, я прошу повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностію и доложить, что я сію прокламацію Бестужева-Рюмина нахожу имитаціею тѣмъ, которыя издавали бунтовщики въ Кадиксѣ.

2) Что доставленную ко мнѣ печать покойнаго государя императора я могу употреблять,—ибо съ тѣмъ намѣреніемъ она ко мнѣ и доставлена,—я прошу васъ равномѣрно повергнуть меня за сіе къ стопамъ его императорскаго величества со всенижайшею моею благодарностію.

3) Въ случаѣ проѣзда герцога Веллингтона въ С.-Петербургъ, черезъ Варшаву, я прошу васъ доложить государю императору, что все будетъ исполнено, какъ слѣдуетъ, и будетъ онъ принятъ, какъ россійскій генералъ-фельдмаршалъ, и что въ проѣздъ нынѣ, черезъ Варшаву же, князя Вреде, ему отдана была честь, какъ иностранному фельдмаршалу: поставлены были у него часовые.

4) На счетъ того, что государь императоръ изволитъ быть весьма много занятъ дѣлами, и что 23-го числа токмо удалось лечь почивать не позже втораго часа, прошу доложить его императорскому

красный цвѣта тутъ также мало замѣтны, какъ и въ Литвѣ. Развѣ они слѣпы и глухи? Намѣренія покойнаго государя были мнѣ извѣстны; однимъ словомъ, прошу подумать о прошломъ и вникнуть въ мое положеніе. Тогда увидятъ, какія препятствія представляются моимъ дѣйствіямъ; впрочемъ, я умѣю повиноваться и буду всегда дѣйствовать совершенно также, какъ и прежде, съ тѣмъ же усердіемъ и съ той же покорностью. Императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ манифестомъ, даннымъ этой странѣ, слѣдовать стопамъ покойнаго государя и привелъ этимъ всѣхъ въ восторгъ. Теперь же, увидятъ, быть можетъ, иное. Истина должна быть высказана и я ее высказываю такою, какою она представляется моему сужденію, и буду говорить, пока мнѣ это позволяютъ и пока желаютъ меня выслушивать. Если я получу повелѣніе молчать, я повинуюсь со всею покорностью, которая, какъ вамъ извѣстно, свойственна мнѣ со дня моего рожденія. Прочтите все это государю, ему необходимо знать все, чтобы опредѣлить свое мнѣніе. Константинъ.

величеству, что я опасаюсь, чтобы сіе не сдѣлало (чего Боже сохрани) вреда его здоровью.

5) Что 14-го числа декабря, въ числѣ защитниковъ престола и государя, находились: графа Николая Александровича Зубова сынъ— кавалергардскаго полка полковникъ, и того же полка унтеръ-офицеръ Платоновъ, сынъ покойнаго князя Платона Александровича, который, въ тоже время, и произведенъ въ корнеты въ лейбъ-кирасирскій ея императорскаго величества полкъ, я очень сему радъ, что, по крайней мѣрѣ, дѣти поступаютъ иначе, какъ ихъ отцы.

6) На то, что въ 1820 году лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ находился въ крѣпости подъ стражею лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, а нынѣ мятежники сего полка отведены были въ крѣпость за конвоемъ Семеновскаго баталіона, который и провелъ тамъ въ караулѣ цѣлую ночь, сверхъ обыкновеннаго, который также состоялъ изъ двухъ ротъ тоже лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, на сіе скажу, что это выходитъ: vice verso, или c'est un rendu.

7) Что манифестъ о бунтѣ Пугачева изданъ былъ декабря 17-го дня, и что въ тоже самое число и того же мѣсяца случайно изданъ манифестъ и по нынѣшнимъ событіямъ, это, дѣйствительно, заслуживаетъ примѣчанія; но только та теперь выходитъ разница, что Пугачевъ былъ казакъ, а нынѣ осрамились дворяне, и такъ, что это останется навсегда пятно.

8) На счетъ подполковника Веригина и г-на Бедряги, которые при началѣ происшествія, 14-го декабря, находились близъ государя императора, и было замѣчено со стороны ихъ усердіе, я весьма радъ таковому похвальному ихъ поведенію.

9) Относительно манифеста, который государь императоръ изволитъ предполагать выдать на случай его кончины, съ тѣми объясненіями, которыя вы описываете на счетъ меня, прошу васъ доложить его императорскому величеству, что, такимъ образомъ, я не только противу сего ничего не могу сказать, но даже остаюсь за оное весьма благодарнымъ.

10) Весьма благодарю васъ за исполненіе всѣхъ моихъ порученій и за стараніе достать для меня извѣстный вамъ планъ, также за обѣщаніе доставить, для любопытства моего, разныя свѣдѣнія о подробностяхъ событія 14-го декабря.

11) Я очень радъ, что получено донесеніе отъ генерала Ермолова, что весь его корпусъ присягнулъ, чего я и ожидалъ.

12) Я весьма радъ, что злодѣй, посягавшій на жизнь его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, Кюхельбекеръ, здѣсьпойманъ. Приказъ о производствѣ въ офицеры, пой

кавшаго его унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи волынскаго полка, Григорьева и о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему 1,000 рублей, уже мною полученъ.

13) Вы пишете, что государь императоръ приказать изволилъ меня увѣдомить, что, по его распоряженію, всѣ верховыя лошади покойнаго государя императора, по жребію, раздѣлены на три части, то есть: между имъ, его императорскимъ высочествомъ Михаиломъ Павловичемъ и мною, и что доставшіяся на мою часть восемь лошадей, при первой возможности, отправлены будутъ сюда; я прошу васъ принесть за оное его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность.

14) Вы благодарите меня за то, что я писалъ о васъ къ государю императору. Вѣрьте въ моемъ искреннемъ къ вамъ расположеніи, и что я умѣю цѣнить васъ, и взаимно въ полной мѣрѣ увѣренъ и никогда не сомнѣвался въ вашихъ ко мнѣ чувствахъ.

15) Вы описываете, какъ государь императоръ изволитъ много заниматься дѣлами, и что оныя потекли съ необычайною дѣятельностію, такъ что государственный совѣтъ, комитетъ гг. министровъ и сенатъ не опомнятся; я очень сему радъ: давно бы пора сихъ господъ разбудить.

16) Также вы пишете, что государь императоръ, занимаясь дѣлами, съ тѣмъ вмѣстѣ, изволилъ диктовать вамъ присланную отъ васъ записку о войскахъ, которыя назначены къ сбору, по случаю коронаціи, и неоднократно изволилъ шутить, что онъ, какъ нѣкій Кесарь, занимается двумя дѣлами вдругъ; я прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность за сообщенное мнѣ свѣдѣніе, и притомъ доложить, что онъ по росту гренадеръ, и если разводъ будетъ въ хорошую погоду, то шинель скатана, а въ худую—надѣта въ рукава, и потому надобно посмотрѣть, чтобы по росту вышла оная въ пору; я же, какъ ниже изъ всѣхъ насъ ростомъ, то развѣ гожусь только что въ волтижеры,—но старъ уже сталъ и дряхлъ, кости болятъ; пора меня въ какую-нибудь Цурукантскую крѣпость въ плацъ-маіоры, а если будетъ особенная милость, то въ коменданты. За тѣмъ прошу васъ меня увѣдомить, когда назначено выступленіе оныхъ войскъ?

Помѣта: «Вскорѣ — послѣ погребенія».

17) Прошу принесть мою всеподданнѣйшую его императорскому величеству благодарность за производство въ чинъ волынскаго гражданскаго губернатора.

18) Что выгнанные изъ измайловскаго и егерскаго полковъ офи-

церы, и отсюда Лореръ, всѣ замѣшаны въ пагубномъ заговорѣ, я очень доволенъ, что ихъ всѣхъ выкопали.

19) На счетъ позволенія дѣлать ученія въ манежѣ Мраморнаго дворца, я прошу васъ доложить государю императору, что все, что мое—есть его императорскаго величества, и я счастливымъ себя почту, если могу только въ чемъ сдѣлать ему угодное.

20) За милостивые и столь лестные его императорскаго величества отзывы для меня, при полученіи моего письма, я прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностью и доложить, что я въ полной мѣрѣ оные чувствую, и верхомъ моего счастія будетъ заслуживать таковую ко мнѣ милость.

(Собственноручно). „21) D'après les intentions de l'Empereur et les ordres, qui me furent communiqués par le c. Grabovsky à cet affet, je viens d'être revetu des pouvoirs pour ainsi dire dictatoriaux et discretionnaires pour commencer les enquêtes dans ce pays, ci d'après les declarations du p. Jablonovsky. Vous sentirés vous même et je vous prie de fixer l'attention de Sa Majesté à ce sujet, que ma position dans ce pays devient de plus délicates et de plus dificiles par les circonstances llees mêmes. Ne sachant qu'obéir et me reglant sur les intentions dont feu mon bienfaiteur m'avoit donnés, quand à ce pays et la marche à y suivre, j'ai cru bien faire d'instituer à l'instar de Petersbourg une commission d'enquete, dont je me reserve la direction et la surveillance et comme les individus qui pouroit y etre appellées, être interrogés et aretés même serait des sujets de l'Empire et du Royaume, ainsi que des Russes, j'ai nommé pour y sieger: M. M. Nowossilcow; Kourouta, Kriwcow, Kolsakow et Mornheim membres russes; le comte Zamoisky — président du Sénat, Sobo-

---

(Переводъ). 21) По волѣ государя императора и въ силу повелѣній, сообщенныхъ по этому поводу гр. Грабовскимъ, я облеченъ властью, такъ сказать, вполнѣ диктаторской, чтобы начать слѣдствія въ этой странѣ, по показаніямъ князя Яблоновскаго. Вы поймете сами и я попрошу васъ обратить вниманіе его императорскаго величества на то, что положеніе мое въ этой странѣ становится весьма щекотливымъ и весьма труднымъ. Желая только повиноваться, и, примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ покойнымъ благодѣтелемъ моимъ на счетъ этой страны и возможнаго въ ней образа дѣйствій, мнѣ казалось полезнымъ назначить здѣсь, по примѣру Петербурга, слѣдственную коммиссію, направленіе и наблюденіе коей остается подъ моимъ личнымъ надзоромъ; а такъ какъ между лицами, которыхъ коммиссія будетъ призывать, вопрошать и даже арестовать, могутъ быть подданные имперіи и королевства, а также и русскіе, то я назначилъ членами коммиссіи: гг. Новосильцева, Куруту, Кривцова, Колзакова и Моренгейма—русски-

lewsky — ministre de la justice, comte Grabowsky — ministre des cultes, Haucke — ministre de la guerre, le palatin comte Grabowskiy et le g. Rautenstrauch—pour tenir la plume. Il y a ici des homes de toutes les couleurs, de toutes les opinions et tous revetus de fonctions publiques. Leur façon de faire les demasquera et fermera la bouche aux dires et aux clabauderies du monde, et ils veront alors ce qui en est et quel est le but des perturbateurs de l'ordre etabli. La plus grande publicité et la plus grande confiance dans ces m. m. les forcera d'agir et de frapper les coupables; c'est un indiciam delégate mixtum. Toutes ces enquetes secretes et contraire à l'opinion, et à l'esprit du siécle et comme nous somes ici sous un ordre des choses constitutionel le tout reste dans le sens du gouvernement etabli et entre de plus en regle. Dites moi, ce que vous dira l'Empereur; je n'ai pas pu mieu agir d'après ma façon de voir. Constantin".

9-го февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Өедоръ Петровичъ! Изъ показанія полковника Пестеля видно, что въ числѣ лицъ, замѣшанныхъ по заговору противу правительства, онъ полагаетъ принадлежащимъ и князя Илью Долгорукаго. Я прошу васъ узнать и меня увѣдомить: кто такой сей князь Илья Долгорукій, служитъ-ли онъ и гдѣ именно?.... Константинъ.

Помѣта: «Адъютантъ братца, что требовалъ, чтобы онъ подписывалъ (?) подобно адъютантамъ его величества и сіе исполнялъ токмо по настоятельному требованію. Впрочемъ, по дѣлу ничего серьезнаго не представляется. Долгорукій находится на службѣ и ведетъ себя прекрасно».

12-го (24) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Өедоръ Петровичъ! ....Скажу вамъ теперь, что комитетъ, о которомъ я васъ предувѣдомлялъ въ прошедшемъ письмѣ,

---

ми членами; графа Замойскаго — первоприсутствующаго сената, Соболевскаго—министра юстиціи, графа Грабовскаго—министра духовнаго вѣдомства, Гауке — военнаго министра, воеводу графа Грабовскаго и графа Раутенстрауха—секретаремъ. Тутъ вы найдете людей разныхъ цвѣтовъ, разныхъ убѣжденій, и всѣ они облечены общественными должностями. Ихъ образъ дѣйствій сниметъ съ нихъ личину и заставитъ умолкнуть толки и оплетни свѣта; тогда они увидятъ, въ чемъ дѣло, и обнаружатъ цѣль людей, противодѣйствующихъ установленному порядку. Наибольшая гласность и наибольшее довѣріе къ этимъ господамъ заставитъ ихъ быть энергичными и казнить виновныхъ; это indiciam delegate mixtum. Всѣ эти подпольныя слѣдствія противны направленію и духу времени, а такъ какъ мы подчиняемся здѣсь конституціонному порядку вещей, то все остается въ смыслѣ установленнаго правленія и болѣе входитъ въ строй. Сообщите мнѣ, что вамъ скажетъ императоръ; я не могу, по моему разумѣнію, лучше дѣйствовать. Константинъ.

что я учредилъ здѣсь, по предоставленной мнѣ власти государемъ императоромъ дѣйствовать неограниченно, на счетъ открытій тайныхъ обществъ, началъ свои засѣданія съ прошедшаго понедѣльника. Объ арестованныхъ, по сіе время, лицахъ препровождаю при семъ списокъ; далѣе кто будетъ, буду васъ увѣдомлять. О сю пору, при всемъ неутомимомъ стараніи и изысканіи комитета, ничего еще не открывается между поляками, какъ nationalité. Сіе самое поставляетъ меня въ обязанность повторить еще вамъ, что я уже и писалъ отчасти, что надобно войти въ тонкость всѣхъ обстоятельствъ и поводовъ, которые были даны полякамъ питать въ себѣ этотъ духъ. Я ихъ ни мало не защищаю: пускай, что угодно будетъ съ ними сдѣлать; но долгъ мой есть поставить на видъ всю истинную правду и обстоятельства, которыя мнѣ ближе всѣхъ извѣстны, ибо и мое положеніе, въ теперешнее время, на счетъ сего весьма есть критическое. Покойному государю императору угодно было не только дать имъ питаться надеждою, но десять лѣтъ сряду словами и дѣяніями своими вкоренялъ и внушалъ въ нихъ сію мысль; и по сему самому, что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ исполнять волю государя и съ оною сообразоваться. Я поставляю вамъ въ свидѣтели: Василія Сергѣевича Ланскаго, который теперь въ С.-Петербургѣ, и Николая Николаевича Новосильцева, что я имъ говорилъ тогда, когда первые дошли сюда слухи на счетъ возстановленія царства польскаго,— что по моему-бы лучше прислать сюда губернаторовъ и вице-губернаторовъ, и даже поименовывалъ таковыхъ. Къ открытію перваго сейма, бывшаго въ 1818 году, я ничего не зналъ, какая приготовляется рѣчь; статсъ-секретарь Каподистріо, въ то время, на счетъ оной мнѣ сказалъ: „посмотрите, что будетъ; она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе". Я также поставляю въ свидѣтели его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, бывшаго во время сейма въ Варшавѣ, въ 1818 году,—что, пріѣхавши съ государемъ императоромъ отъ развода, когда мы входили съ нимъ по круглой лѣстницѣ въ его комнаты, я осмѣлился его императорскому величеству отвѣчать на счетъ его предположенія и представительнаго правленія. На что государь императоръ даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ изволилъ мнѣ отозваться. Потомъ, во всѣхъ случаяхъ, изволилъ мнѣ всегда твердить: „развѣ ты не понимаешь, что не имъ даютъ вмѣсто желтыхъ красные воротники, а вамъ—вмѣсто красныхъ желтые". Сверхъ того, во всѣхъ польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, государь императоръ изволилъ назначить губернаторовъ и вице-губернаторовъ изъ поляковъ; впослѣдствіи для всѣхъ сихъ губерній мундиры даны были съ малиновыми воротниками,

и наконецъ, во время послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ, всего литовскаго корпуса генераламъ, адъютантамъ и другимъ чинамъ, вмѣсто краснаго цвѣта, приказалъ имѣть на воротникахъ и прочемъ обмундированіи малиновый, и даже угодно было, чтобы и шитье генеральское на мундирахъ было бы золотое, но такое же самое, какъ у польскихъ генераловъ,—я уже упросилъ его императорскаго величества оставить прежнее; и въ доказательство сего, что его было такое намѣреніе, вѣрно цѣлъ и хранится еще въ гардеробѣ, въ С.-Петербургѣ, воротникъ генеральскій, который онъ приказалъ сдѣлать на образецъ съ шитьемъ золотымъ на малиновомъ суннѣ по образцу польскаго. Словомъ сказать, государь императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ сеймамъ бывшимъ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими, какъ статскими, такъ и военными чинами, откровенно изволилъ изъяснять свои на счетъ ихъ намѣренія; слѣдовательно, что же мудренаго, что у нихъ вскружились головы на чувствахъ nationalité. Имъ сіе беспрестанно внушалось, они привыкли къ сей мысли и полагали, что сіе есть положительное; винить же ихъ за это, кажется, не можно. Кто бы такой, будучи на ихъ мѣстѣ, не пожелалъ сего? Въ нихъ эта мысль общая, развѣ всѣхъ ихъ можно за оную истребить? А между тѣмъ, они хвастаются и весьма дорожатъ тѣмъ, что у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ, даже въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы были въ Польшѣ цареубійцы. Впрочемъ, я повторяю вамъ еще, что я далекъ отъ той мысли, чтобы защищать виновныхъ поляковъ; но только долгъ истины и обязанности моей побуждаетъ меня все сіе объяснить и просить васъ доложить его императорскому величеству: не благоугодно-ли будетъ обратить особенное свое на оное вниманіе. Рѣчи на сеймахъ, при открытіи и закрытіи государемъ, препровождаются при семъ [1]). Они служатъ доказательствомъ моимъ словамъ. Многіе думали и думаютъ, что это воля государя, чтобъ готовить умы. По прочтеніи оныхъ рѣчей, прошу васъ возвратить ихъ ко мнѣ.

(Собственноручно): „Еще же имъ кружитъ головы Финляндія и ее соединеніе въ одно. Vous n'avez qu'à juger vous même de ce qui en est. Ne m'oubliez pas. Tout à vous de coeur Constantin".

Списокъ лицамъ, арестованнымъ по распоряженію комитета, учрежденнаго для изысканія тайныхъ обществъ:

Графъ Солтыкъ — сенаторъ, каштелянъ царства польскаго.

Гржимало—рекетмейстеръ въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго.

[1]) Одна изъ нихъ, сказанная 15-го марта 1818 г., напечатана въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г, т. VII, стр. 612.

Плихта—секретарь въ канцеляріи онаго же совѣта.

Кжуховскій—библіотекарь сего же совѣта.

Дембекъ—каноникъ, начальникъ типографіи, употребляемой правительствомъ.

Прондзинскій — подполковникъ польской квартирмейстерской части.

Кржижановскій—подполковникъ лейбъ-гвардіи польскаго конно-егерскаго полка.

Мицельскій—адъютантъ его императорскаго высочества цесаревича, онаго же полка капитанъ.

Малаховскій (Густавъ)—сынъ сенатора, каштеляна царства польскаго; онъ служилъ прежде чиновникомъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Делевель—сеймовый посолъ станиславовскаго обвода.

Всенижайше представляется при семъ, на благоусмотрѣніе его превосходительства Θедора Петровича, конституція вновь открывшагося тайнаго общества, отъ принятаго въ члены онаго, но еще не присягавшаго, гофъ-фурьера 11-го класса Бѣляева, „и имъ опробованная во всѣхъ ея отношеніяхъ“ [1]).

12-го (24) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Θедоръ Петровичъ!.....

1) За доставленіе біографіи г-на Булатова [2]) благодарю васъ, и при семъ случаѣ скажу, что видно Всевышней десницѣ угодно было защитить своею благостію нашего государя императора отъ злодѣйскаго его предпріятія.

2) За обѣщаніе присылать подобныя біографіи и прочія свѣдѣнія, и за увѣдомленіе о разговорахъ и сужденіяхъ, какіе на счетъ меня происходятъ, также весьма васъ благодарю.

3) Я получилъ отъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича книгу, о которой вы ко мнѣ пишите: „Описаніе всѣхъ частей свѣта“, изданную въ 1806 году отъ главнаго управленія училищъ для обученія юношества; и отвѣчалъ на оное

---

[1]) «Конституціи» этой, безъ сомнѣнія, шутливой, въ бумагахъ не имѣется. Необходимо замѣтить, что этотъ Бѣляевъ, какъ надо полагать, довольно ограниченный человѣкъ, былъ предметомъ частыхъ шутокъ; великій князь нерѣдко упоминаетъ о немъ въ послѣдующихъ своихъ письмахъ. Ред.

12-го февраля 1826 г. Константинъ Павловичъ поручаетъ Опочинину ходатайствовать предъ государемъ императоромъ за тайнаго совѣтника Корнилова, состояніе коего разстроилось вслѣдствіе непріятностей по службѣ.

[2]) Полковникъ Булатовъ, декабристъ.

его императорскому высочеству, что теперь выходитъ 20 лѣтъ, какъ сія книга издана, а Кюхельбекеръ мнѣ говорилъ, что ему 29 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно, было тогда ему 9 лѣтъ, и что, наконецъ, послѣ такихъ правилъ, какія старались вперять съ младенчества въ юношество, мудрено-ли, что много есть подобныхъ Кюхельбекеровъ. Константинъ.

(Собственноручно): „Скажу вамъ, что когда я, слѣдуя, какъ вамъ извѣстно, постоянно правиламъ просвѣщать Бѣляева, объявилъ ему о содержаніи статьи, помѣщенной на страницѣ 55 въ книгѣ, доставленной ко мнѣ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, изданной въ 1806 году отъ главнаго правленія училищъ,— онъ сему никакъ вѣрить не хотѣлъ, полагая, что я это для него выдумалъ; но когда я сказалъ ему и прочиталъ печатное, то онъ, изумившись, вдругъ самымъ серьезнымъ тономъ сказалъ: „это надобно перепечатать".

Примѣчаніе. Вотъ та страница, которая обратила на себя вниманіе великихъ князей Константина Павловича и Михаила Павловича. Выписка сообщена намъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

«...Вольными государствами они называются только потому, что не отъ единаго зависятъ; впрочемъ, жители сихъ вольныхъ государствъ также подчинены законамъ, какъ и въ единоначальственныхъ державахъ. Итакъ

Государства суть:
- Единодержавныя
  - неограниченныя
  - ограниченныя
- Многодержавныя или вольныя
  - аристократическія
  - народныя

«Государства, которыхъ глава имѣетъ титулъ императора или короля, называются или имперіею или королевствомъ, а однимъ словомъ державою или царствомъ. Однако есть монархическія державы, которыя суть токмо герцогства, княжества и проч., и правители ихъ не называются монархами, хотя и монархически правительствуютъ, ибо монархами именуются только императоры и короли. Ежели повелитель не слѣдуетъ законамъ въ употребленіи своей власти, то называется деспотомъ, а ежели употребляетъ свою власть къ угнетенію, насильствію и жестокостямъ, то называется тираномъ, то есть, утѣснителемъ. Но какъ ни одинъ народъ не желаетъ имѣть утѣснителя, то и нѣтъ деспотіи и тиранства на правѣ основанныхъ». (Изъ книги «Описаніе всѣхъ частей свѣта». Спб. 1806, см. стр. 55).

15-го февраля 1826 г. Спб.

Князь Илья Долгорукій находится адъютантомъ при братцѣ вашемъ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

Онъ, подобно бывшимъ адъютантамъ его высочества, что нынѣ флигель-адъютантъ Перовскій и Кавелинъ, принадлежалъ къ обществу „Зеленой книги"; но сіи тотчасъ и въ свое время сами собою подали письменныя о томъ объясненія, чего Долгорукій не учинилъ;

почему государь, посредствомъ его высочества, потребовалъ отъ него таковое.

Долгорукій давно уже отъ сообщества удалился; съ тѣхъ поръ служилъ и служитъ отлично и прекрасно, и по дѣлу ничего важнаго о немъ не открывается. Опочининъ.

16-го (28) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Өедоръ Петровичъ!.....

1) Относительно подполковника Лунина, что государь императоръ изволилъ отозваться, что нѣтъ никакой надобности высылать его въ С.-Петербургъ, а можетъ быть онъ полезенъ въ Варшавѣ при открывающихся обстоятельствахъ, и что въ соучастіи къ тайному обществу ясныхъ доказательствъ другихъ не можетъ быть, какъ показаніе сообщниковъ, ибо самое общество такъ учреждено, что въ оныхъ письменнаго производства нѣтъ, и даже познаніе членовъ между собою не простирается болѣе восьми, и въ примѣръ, какимъ образомъ сіе производилось въ дѣйствіе, начертили фигуру. Я на сіе скажу вамъ, что какимъ порядкомъ организовались таковыя общества, это не новое, а давно уже извѣстно изъ книги аббата Барюеля объ иллюминатахъ, но при томъ долгомъ поставляю присовокупить, что какъ вы, такъ и я были масонами, и знаете сами, что въ церемоніи, когда принимаютъ въ оные и послѣ развяжутъ глаза, то увидите, что со всѣхъ сторонъ держутъ около васъ обнаженныя шпаги, что означаетъ: ежели останетесь вѣрными обществу, то будете защищаемы братьями, а ежели измѣните оному или отстанете, то они будутъ вамъ всегда мстить и преслѣдовать; что самое можно отнести и къ подполковнику Лунину, который хотя и принадлежалъ къ обществу, но съ 1821 года совершенно отъ онаго удалился и не имѣлъ никакихъ сношеній,—и съ самаго того времени, находясь на службѣ въ литовской уланской дивизіи, а потомъ здѣсь, никого не принималъ, и ни малѣйшаго не открывается въ томъ на него, по сіе время, сомнѣнія. Онъ можетъ быть въ томъ виноватъ, что зналъ о таковомъ обществѣ, но не открылъ его, на счетъ чего я уже вамъ подробно прежде сего писалъ; но повторяю опять, что прежніе его товарищи изъ мщенія и злости, что онъ отъ нихъ совсѣмъ отсталъ, поминая его, стараются его впутывать.

2) Касательно поступка г. Грабовскаго, я, съ своей стороны, весьма согласенъ, что онъ не слѣдующе обратился, мимо министра Татищева, къ вѣнской полиціи; на счетъ чего уже все исполнено.

3) На счетъ присылки отсюда въ С.-Петербургъ польскаго генерала, прошу доложить его императорскому величеству, что когда

представится случай, то отправлю дивизіоннаго генерала Станислава Потоцкаго, который былъ начальникомъ государя, когда изволилъ быть великимъ княземъ.

4) Относительно того, что въ день пріема мундира покойнаго государя императора, у графа Аракчеева во взводахъ, для сего командированныхъ, многіе унтеръ-офицеры для блеска были въ шеренгахъ въ мундирахъ рядовыхъ,— я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что это не новое, а сіе зло давно уже существуетъ въ арміяхъ; даже когда изъ гренадерскаго корпуса были присланы польскіе уроженцы на сформированіе 1-го и 2-го гренадерскихъ и карабинернаго полковъ литовскаго корпуса. что нынѣ самогитскій и луцкій гренадерскіе и нѣсвижскій карабинерный полки, я замѣтилъ тогда оное, и на вопросъ: „для чего сіе дѣлается?" — мнѣ отвѣчали: „для того, чтобы не выбрали въ гвардію"; о чемъ я докладывалъ и покойному государю императору. Въ полку же графа Аракчеева издавна сіе всегда водилось.

5) За всемилостивѣйше пожалованный орденъ св. Владиміра 1-й степени почтеннѣйшему Дмитрію Дмитріевичу (Курутѣ), я прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностью.

6) На счетъ порученія въ вашу команду зауряд дивизію, вы говорите, что досконально знаете, что хотя вы и не великъ ростомъ, но не устрашитесь предстать предъ цѣлыми арміями въ защиту насъ, а потомъ, изыскивая кавалерійское выраженіе, говорите, что не въ худаго коня кормъ владенъ. Позвольте на сіе вамъ пришкладне отвѣчать, что нашъ любезный Ѳедоръ Петровичъ хотя и не великъ ростомъ, но довольно толстъ, то есть massé, и, какъ видно, захвастался,— хочетъ кавалерійскую дивизію, и другой не можетъ быть приличнѣе, какъ конно-егерской, вы легко можете садиться на лошадь и слѣзать, словомъ сказать: во всей силѣ—волтижеръ; да мнѣ кажется отъ этого вамъ и не отдѣлаться.

7) Почтеннѣйшей 3-го класса Дарьѣ Михайловнѣ (Опочининой, рожденной княжнѣ Голенищевой-Кутузовой-Смоленской) приношу мою истинную благодарность, и не такъ какъ кончаютъ въ рескриптахъ, что просятъ Бога о сохраненіи въ своей благодати, а я просто поручаю себя святымъ ея молитвамъ.

8) Я прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность за приказаніе вамъ меня увѣдомить, что ежели будетъ оказываться.... что до лицъ, подъ начальствомъ моимъ состоящихъ, то о семъ я буду въ то же время извѣщаемъ.

9) Равномѣрно прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ его им-

ператорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностью за обѣщаніе приказать отправить сюда польскихъ уроженцевъ, ежели окажутся въ ротѣ, принадлежавшей черниговскому пѣхотному полку, поступившей за отличіе въ гвардію.

10) Я очерь радъ, что даннымъ мною позволеніемъ подполковнику лейбъ-гвардіи польскаго гренадерскаго полка Кольбершу носить веньеля покойнаго государя императора на эполетахъ, я сдѣлалъ согласное съ мнѣніемъ его императорскаго величества.

11) За присылку печати покойнаго государя императора и позволеніе мнѣ оную употреблять, я вторительно прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность.

12) На то, что государь императоръ изволилъ смѣяться при чтеніи 15-го пункта моего письма, гдѣ уподобляется Иванъ Даниловичъ (Даниловъ) съ Юшневскимъ, скажу вамъ, что всякій день продолжаю удостовѣрять его, что непремѣнно послѣдуетъ ему назначеніе вмѣсто Юшневскаго, съ которымъ только нужно дать ему очныя ставки, такъ какъ, по связямъ его съ нимъ, онъ замѣшанъ въ заговорѣ. Онъ страшится и противу сего распинается.

13) На счетъ отзыва Василія Сергѣевича Ланскаго, о которомъ, по волѣ государя императора, вы меня увѣдомляете, оному нечего удивляться. Помните-ли, что я вамъ говаривалъ, какъ между сими господами обыкновенно происходитъ, когда выдетъ какое впослѣдствіи дѣло не такъ, какъ бы слѣдовало, то отзываются одинъ другому: я вамъ, вѣдь, Өедоръ Петровичъ, говорилъ,—я вамъ вѣдь, Василій Сергѣевичъ, говорилъ; а между тѣмъ, все по прежнему продолжаютъ въ присталую одинъ за другимъ подписываться, ибо сіе не стоитъ большаго труда, гораздо покойнѣе.

14) Вы благодарите за милостивую довѣренность его императорскаго величества къ вамъ и выборъ въ фамильные секретари, изъясняя притомъ чувства ваши ко мнѣ; скажу вамъ на сіе, что я въ оныхъ всегда въ полной мѣрѣ увѣренъ и никогда не сомнѣвался.

15) На то, что государь императоръ изволитъ часто шутить съ вами, и, между прочимъ, говоритъ, что когда составится у насъ конституціонное правленіе, то назначитъ васъ ораторомъ камеры, о чемъ и приказать изволилъ вамъ мнѣ написать,—я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что я сомнѣваюсь, чтобы вы были готовы ораторствовать въ представительномъ правленіи; а не лучше-ли будетъ употребить на сіе Бѣляева? Онъ уже къ тому готовъ и въ подкрѣпленіе вытвердилъ и ту 55-ю статью изъ книги, вамъ извѣстной, которую его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ изволилъ ко мнѣ прислать, изданную главнымъ

правленіемъ училищъ въ 1806 году, для преподаванія воспитывающимся....

16) Относительно...... письма, писаннаго отсюда лейбъ-гвардіи литовскаго полка поручикомъ Обручевымъ, которымъ государь императоръ изволилъ быть очень доволенъ, я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что сей офицеръ есть родной братъ командира литовскаго піонернаго баталіона, выпущенъ изъ кадетъ 2-го кадетскаго корпуса, и съ самаго начала, какъ службою, такъ и поведеніемъ своимъ обращалъ мое на него особенное вниманіе, и я весьма радъ, что здѣсь хотя строго и жучковато, но они довольны своимъ положеніемъ.

17) За милостивое уваженіе государемъ императоромъ просьбы моей о присылкѣ мнѣ шпаги покойнаго батюшки, я прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность.

18) Скажу вамъ, что передъ самымъ пріѣздомъ сюда фельдъегеря Васильева, пріѣхалъ переведенный, по милости его императорскаго величества, по прежнему лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ, капитанъ Пущинъ. Я не могу вамъ описать, а былъ тому свидѣтель нашъ почтенный Дмитрій Дмитріевичъ (Курута), какое видно было въ немъ чистосердечное раскаяніе въ прошедшемъ и искреннее желаніе показать усердіе свое и рвеніе заслужить оказанную ему милость, которую, можно сказать, онъ вполнѣ во всей силѣ чувствуетъ. (Далѣе собственноручно): „и когда я ему сталъ говорить о П. Пестелѣ и маіорѣ Лорерѣ, то онъ такъ ужаснулся, что онъ себя за голову взялъ, не сказавъ до того времени ни слова объ ихъ дѣйствіяхъ и ихъ покушеніяхъ. Сіе вамъ дастъ степень понятія и слуховъ около Лиды, гдѣ была его ротная квартира въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ до перевода въ гвардію“.

„19) Je vous renvoi ci joint les papiers de Ч.......; je vous avoue que je n'en reviens pas et je m'etonne bien moins de leur contenu, que de la bassesse de selui qui les a presentés. Pourtant son caractere étoit connu depuis bien longtems et qui le fesoit mepriser généralement. Quand au comte j'en suis desolé puisqu'il jouissait d'une confiance sans bornes de feu notre maître adoré, et je me permet de dire que cela est indigne. Malheureusement feu l'Empereur jugeait les hommes d'après son âme angelique et soupsonnait pas même la possibilité d'une action contraire à tout ce qui est honorable. Que faire pourtant? Faut prendre les hommes tels qu'ils sont, et non comme ils devoient être.

„20) Fixez l'attention de l'Empereur sur la correspondence, qui se trouve dans le cabinet de feu l'empereur avec m-me Narischkine. Je

croi qu'il ferait bien de la renvoyer toute entiere à cette dame à Paris, par un courier, qui pouvait s'y rendre pour lui être remises en mains propres. Ce serait noble et galant en même tems; tous les mois il y a des couriers entre Paris et Petersbourg. Ne m'oubliez pas et comptez toujours sur l'amitié de votre viel et fidel ami Constantin.

„P.S. Dans les papiers de Ч...... il est fait mention d'un certaine G......; ce le même qui venoit chez feu Hitroff? Si c'est le même j'en sais que cet une canaille et un gueux de la plus mauvaise espece, connu tel par l'univers entier et etant sans foi ni lois.

„Son fils est mon filieul set in titeris, et portant mon nom, je l'ai tenu sur les fonds baptis maux du tems du couronement de feu l'empereur à Moscou avec la P. Troubetskoi, née Mansouroff, soeur de celui, qui à servi au regiment d'Ismailow de notre tems, et ayant samai son на Варваркѣ. Ce fils à été elevé au Lycée de Czarsko Selo et en à été chassé pour sa conduite avec injocntion de ne le recevoir nulle part. Pourtant il a eu le moyen d'entrer au chevaliers gardes par protection et ou je croi qu'il etoit pour le momont; c'est le camarade des fameux écrivailleurs Pouschkine et Kuchelbecker.

Set in titeris.

Помѣты руки Опочинина, карандашемъ на поляхъ этого письма: «до сихъ поръ (?) одно,—всѣ 23 (письма Нарышкиной) сожжены; были въ двухъ ящикахъ красналго дерева, которыя стояли въ маленькой комнатѣ за уборной.

«Миніатюровъ же семь, и пять найденныя копируются. Государь въ первый разъ изволилъ ихъ видѣть.

«Что весьма благодаренъ; что онъ изволилъ апробовать отмѣну лосинныхъ панталонъ.—2 и 3: ждутъ оказіи.—Касательно зеленыхъ или синихъ панталонъ, то если таковыя дать, le but seroit manqué, ибо стоило бы дорого, а деньги копить надо. И государь согласенъ дать имъ вторыя.... Кавалерія государь

(Переводъ). 19) «Возвращаю вамъ при семъ бумаги Ч......; признаюсь, я не могу придти въ себя, я не такъ пораженъ содержаніемъ ихъ, сколько низостью того, кто могъ ихъ представить. Однако, душевныя качества его были уже давно всѣмъ извѣстны и всѣми онъ былъ презираемъ. Но все, касающееся графа, приводитъ меня въ отчаяніе, потому что онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ обожаемаго покойнаго государя нашего,—позволю себѣ назвать это подлостью. Къ несчастію, покойный императоръ судилъ о людяхъ по своей ангельской душѣ и не подозрѣвалъ даже возможности поступать иначе. какъ честно. Но что же дѣлать? Надо видѣть людей такими, какими они есть, а не такими, какими имъ слѣдуетъ быть

20) Обратите вниманіе государя императора на переписку, находящуюся въ кабинетѣ покойнаго государя, съ Нарышкиной. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы возвратить всю переписку этой госпожѣ, къ Парижъ; можно было бы поручить это курьеру, который вручилъ бы письма въ собственныя ея руки Это было бы и благородно, и любезно. Курьеры разъѣзжаютъ каждый мѣсяцъ

полагаетъ всѣ панталоны отмѣнить и оставить только рейтузы, тѣмъ болѣе, что ихъ весьма рѣдко въ оныхъ видно, кромѣ 1-й уланской и литовской уланской дивизіи,—а разницу дѣлаютъ чрезвычайную въ дѣлахъ. Примѣромъ тому послужить можетъ то, что отмѣна пуговицъ въ два ряда дѣлаетъ по ихной арміи 81 т. руб. Но не приступая ни къ чему, желалъ бы имѣть на то и ваше мнѣніе и также желалъ бы, чтобъ онъ былъ съ симъ согласенъ, потому болѣе, что финансы въ худомъ положеніи и паче въ нынѣшнемъ году, ибо англинскія банкрутства, что многіе отказываются отъ пріема заказанныхъ уже нашихъ продуктовъ и право не знаетъ, что изъ всего этого и будетъ. Служить молебны за ...., за которые однакожъ принцъ оранскій ругается безпощадно».

19-го февраля (3 марта) 1826 г. Варшава.

Любезный Θедоръ Петровичъ!....

1) На то, что государь императоръ изволилъ приказать вамъ мнѣ написать, что въ бумагахъ генерала **Княжевича** ничего особеннаго не найдено, кромѣ кучи писемъ, однако же, находятся двѣ записки (mémoires), изъ коихъ одна любопытна тѣмъ, что по оной предполагается: Польшу соединить въ прежній ея составъ. Королемъ же оной назначается король саксонскій и его династія. Пруссіи, въ замѣнъ отшедшихъ отъ нея провинцій, дается Саксонія, и дабы индамнизировать Россіи, я дѣлаюсь императоромъ греческимъ. На сіе скажу вамъ, что я читалъ въ подробности всѣ сіи свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельродомъ; и послѣ сего можно-ли не ругать г-на Княжевича? Люди вмѣшиваются не въ свои дѣла и дѣлаютъ нелѣпыя распредѣленія и назначенія; но меня пускай не считаютъ и оставятъ въ покоѣ, мое мѣсто развѣ въ хлѣбопашцы. Замѣшали тутъ Пруссію и саксонскаго короля, который уже такъ старъ, равно и вся его фамилія, и обра-

---

между Парижемъ и Петербургомъ. Не забывайте меня и всегда разсчитывайте на дружбу вашего стараго и вѣрнаго друга. **Константинъ.**

P.S. Въ бумагахъ Ч....ева упоминается о какомъ-то Г....вѣ; не тотъ-ли, что бывалъ у покойнаго Хитрово? Если это онъ, то я знаю, что это негодяй и плутъ послѣдней степени, всѣ считали его такимъ,—это самый безнравственный человѣкъ.

Его сынъ—мой крестникъ и носитъ мое имя; я его крестилъ во время коронаціи покойнаго императора въ Москвѣ, съ княгиней Трубецкой, рожденной Мансуровой,—сестра того Мансурова, который служилъ въ Измайловскомъ полку, въ наше время; у него былъ домъ на Варваркѣ. Сынъ этотъ былъ воспитанъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, былъ оттуда выключенъ за свое поведеніе, съ приказомъ никуда не принимать; однако, ему удалось, по протекціи, попасть въ кавалергарды, гдѣ, мнѣ кажется, онъ находится и въ эту минуту. Онъ товарищъ извѣстнымъ писакамъ Пушкину и Кюхельбекеру.

щаетъ на себя всякое почтеніе и уваженіе, и, безъ всякаго сомнѣнія, не имѣетъ и помышленій о такихъ затѣяхъ. Надобно только остеречься, не дѣйствуетъ-ли тутъ французскій посланникъ въ Дрезденѣ, Рюмини, который былъ въ С.-Петербургѣ при Коленкурѣ и въ большихъ связяхъ съ Княжевичемъ.

2). Крайне сожалѣю о нездоровьи государя императора; прошу Бога, дабы онъ сохранилъ столь драгоцѣнное для насъ его здоровье; я весьма обрадованъ былъ, что ему сдѣлалось гораздо лучше.

3) На счетъ того, что государь императоръ изволилъ приказать вамъ мнѣ написать, что онъ вынужденъ нашелся перемѣнить Шульгина, который, кромѣ глупости, ничего не дѣлалъ и пилъ, а теперь утѣшаетъ себя тѣмъ, что распускаетъ повсюду слухи, что онъ потому, яко бы, удаленъ, что несетъ на себѣ особенныя мои милости; я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что Шульгинъ мужикъ былъ добрый, а что началъ пить, то это новое; за нимъ прежде сего не бывало. Что же касается до оныхъ слуховъ, то я увѣренъ, что никто не можетъ усумниться въ моей непоколебимой преданности къ государю. О Княжнинѣ же, который на мѣсто Шульгина поступилъ, скажу мое замѣчаніе, чтобы не вышло у него—битье и палки, ибо онъ былъ всегда драчунъ.

4) Я очень радъ и душевно благодаренъ за искреннее участіе, которое его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ изволилъ принять, услышавъ отвѣтъ одного изъ заговорщиковъ, что не имѣли они никакого соотношенія съ литовскимъ корпусомъ, ибо имъ извѣстенъ былъ духъ, поселенный въ томъ корпусѣ, который совершенно противенъ образу ихъ мыслей. Къ сему присовокупляю, что за всѣхъ вообще отвѣчать нельзя, но, впрочемъ, совершенно увѣренъ во всѣхъ войскахъ и начальникахъ частей, подъ командою моею состоящихъ; имъ нечѣмъ другимъ заниматься, какъ службою, и, благодаря Бога, о сю пору все въ порядкѣ и благополучно,—и хотя на Лунина, какъ вы знаете, и говорили, но по сіе время ни малѣйше ничего не оказывается; а притомъ, ежели бы онъ и осмѣлился что предпринимать, то я увѣренъ, что не имѣлъ бы здѣсь успѣха, не нашелъ бы себѣ товарищей.

5) Вы пишите, что его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ изволилъ васъ удостоить приглашеніемъ съ собою къ смотру лейбъ-гвардіи московскаго и гренадерскаго полковъ, и что вы людей оныхъ нашли, какъ агнцовъ, ожидающихъ рѣшенія своей участи и на лицахъ ихъ изображено было, съ какимъ усердіемъ они желаютъ загладить свое преступленіе; я совершенно съ вами въ томъ согласенъ, и вѣрно вы вспомните, когда вы были здѣсь,

6-го января на водоосвященіи, и когда проходили взводы, то я вамъ, показывая на оные, сказалъ, что не грѣхъ-ли такихъ почтенныхъ людей приводить въ несчастное заблужденіе?

6) Я весьма благодаренъ его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу за милости его, оказанныя прибывшимъ въ С.-Петербургъ людямъ изъ литовскаго корпуса; я совершенно увѣренъ въ привязанности его къ здѣшнимъ войскамъ, и хотя онъ когда и не здѣсь, но считается какъ-будто между нами. Мои подкомандующіе у него какъ дома, равномѣрно и его у меня.

7) Вы увѣдомляете, что прибылъ флигель-адъютантъ графъ Строгановъ съ извѣстіемъ, что тѣло покойнаго государя императора уже выступило и что представить себѣ не можно, съ какимъ восторгомъ трогательнымъ и благоговѣніемъ священные останки его величества всѣми состояніями встрѣчаемы и препровождаемы бываютъ. Матушка изволитъ мнѣ о семъ же писать. Я совершенно увѣренъ въ преданности и усердіи всѣхъ сословій, и хотя, къ крайнему сожалѣнію, бунтовщики сдѣлали навсегда пятно своимъ братьямъ-дворянамъ, но отнести сего ко всѣмъ нельзя и, по пословицѣ, въ семьѣ бываетъ не безъ урода.

8) Графа Модена прошу благодарить и за меня разцѣловать; я увѣренъ, что ежели бы онъ зналъ, что я въ Варшавѣ и не выѣхалъ, то вѣрно заѣхалъ бы. Письмо его къ вамъ при семъ обратно препровождаю.

9) За доставленіе біографіи Якубовича, благодарю васъ. Это такой злодѣй, котораго имя безъ омерзѣнія нельзя поминать.....[1]).

11) Вы есть фамильный секретарь, а Кривцова я называю теперь фамильнымъ же унтеръ-секретаремъ.

12) „Жена благодаритъ васъ, и графа Модена, за ваше къ ней напамятованіе. Она теперь нездорова, простудясь на дняхъ, но надѣюсь на Бога, что скоро будетъ опять здорова. Навсегда васъ любящій Константинъ“.

---

[1]) Далѣе, въ пунктѣ 10-мъ говорится о вспомоществованіи полковнику Егорову. Ред.

Княгиня Ловичъ.

Въ вышеприведенныхъ письмахъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ часто упоминаетъ о супругѣ своей княгинѣ Ловичъ. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь разсказъ о ней К. П. Колзакова, который заключаетъ въ себѣ дополнительныя свѣдѣнія къ его «Воспоминаніямъ о пребываніи русскихъ въ Польшѣ и о революціи въ Варшавѣ, 1815—1830 гг.» (см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VII, стр. 423 и 587). Ред.

Отецъ княгини Ловичъ, польскій помѣщикъ, прусскій подданный, графъ Антонъ Грудзинскій, служилъ нѣкогда въ наполеоновской арміи и проживалъ потомъ (уже въ отставкѣ) въ имѣніи своемъ Попово, въ герцогствѣ Познанскомъ, близъ мѣстечка Венгровецъ. Онъ былъ женатъ на красавицѣ паннѣ Дерповской, отъ которой и имѣлъ трехъ дочерей. Старшею изъ нихъ была Жанетта (впослѣдствіи княгиня Ловичъ), 2-я—Жозефина вышла замужъ за Гудаковскаго и 3-я—Антуанета, на которой женился Хлоповскій. Красота гр. Грудзинской и ревность ея мужа были причиною семейныхъ несогласій и неурядицъ, вслѣдствіе которыхъ супруги сначала разъѣхались, а подъ конецъ формально развелись. Гр. Грудзинскій остался въ своемъ имѣніи и женился вторымъ бракомъ, а графиня поѣхала съ дочерьми въ Варшаву, гдѣ вскорѣ и вышла сама замужъ за прежняго своего обожателя гр. Бронница; дочерей же своихъ она отдала на воспитаніе въ бывшій тогда въ Варшавѣ пансіонъ французской эмигрантки дѣвицы Воше (Vaucher). Пансіонъ этотъ считался въ то время однимъ изъ лучшихъ въ Варшавѣ, по превосходному и нравственному направленію своему въ дѣлѣ воспитанія, главнымъ руководителемъ коего былъ умный и ученый французскій аббатъ Малэрбъ (Malherbes). Этому аббату обязана была княгиня Ловичъ тѣмъ твердыми зачатками религіозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи которыхъ созидалось впослѣдствіи все нравственное ея образованіе [1]). Окончательное же свое воспитаніе довершила она въ Парижѣ, подъ руководствомъ умной и талантливой гувернантки миссъ Коллинсъ.

---

[1]) Аббатъ Малэрбъ недолго, однако жъ, могъ ужиться въ католической Варшавѣ среди польскихъ своихъ собратій—ксендзовъ-іезуитовъ. Не сочувствуя нисколько ихъ превратнымъ понятіямъ о религіи, онъ имѣлъ совсѣмъ другую систему преподаванія, основанную на здравомъ смыслѣ, а не на фанатизмѣ. А потому, отвлекая невольнымъ образомъ отъ нихъ лучшій цвѣтъ богатыхъ ученицъ, онъ сдѣлался предметомъ ихъ зависти, интригъ и подкапываній; и,

Въ концѣ 1815 г., по возвращеніи изъ Парижа, въ первый разъ появилась графиня Бронницъ со старшею дочерью своею въ салонахъ польской аристократіи. Блестящая красота Жанетты Антоновны, соединенная съ умомъ и образованіемъ, не могли пройти безслѣдно. Она сдѣлалась царицею и душею всѣхъ баловъ, предметомъ заискиванія молодежи, причиною сокровенныхъ мечтаній многихъ изъ нихъ и завистью молодыхъ своихъ подругъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, встрѣчаясь съ нею часто на балахъ, не могъ не подчиниться, подобно прочимъ, такому сильному обоянію, а подъ конецъ и совершенно поддался ему; но нельзя не удивляться, что въ теченіе пяти лѣтъ своего знакомства съ нимъ, до самаго своего замужества, эта молодая дѣвушка умѣла себя съ такимъ тактомъ вести, что, не смотря на свое трудное положеніе, никто и помыслить не могъ о малѣйшемъ злословіи. Какимъ умомъ и какими чарами должна была обладать она, чтобы покорить своей власти человѣка столь непреклонной воли,—предъ кѣмъ все склонялось, все дрожало, которому ничто не казалось невозможнымъ и прихотямъ котораго не было преградъ;—какую силу воли должна была она имѣть, чтобы заставить этого человѣка изъ-за нея расторгнуть двойныя узы, связывавшія его, и что всего изумительнѣе,—склонить его, изъ любви къ ней, на отреченіе отъ престола россійской имперіи.

Левъ былъ побѣжденъ голубицею.

Свадьба великаго князя была для всѣхъ такъ неожиданна, что я припоминаю теперь анекдотъ по этому случаю, разсказанный мнѣ покойнымъ сенаторомъ Феншау, бывшимъ адъютантомъ его высочества. Проходя однажды, за нѣсколько дней до свадьбы великаго князя, по Бриловскому дворцу и отыскивая графа Куруту, Феншау нашелъ его во вновь отстраивающейся половинѣ этого дворца. Курута поспѣшно бросился ему на встрѣчу и, увлекая его, сказалъ:

— „Кто васъ просилъ, монъ-сэръ, сюда прійдти, пойдемте скорѣе вонъ“.

Феншау, озираясь на приготовляемыя роскошно комнаты, спросилъ:

— „Что же это, графъ, ужъ не свадьбу-ли чью вы справляете?“

— „Не васе дѣло, монъ сэръ.... это я венюсь“, прибавилъ послѣ нѣкоторой выдержки и шепотомъ Курута.

— „Не надуете меня“, возразилъ Феншау, „вѣдь я не даромъ англичанинъ“, и назвалъ при этомъ имя другой особы.

не смотря на высокое покровительство, оказываемое ему постоянно цесаревичемъ и княгинею Ловичъ, предпочелъ переѣхать въ православную Москву, гдѣ долгое время и съ успѣхомъ продолжалъ подвизаться на поприщѣ преподаванія и образованія молодаго женскаго поколѣнія. К. К.

— „А я такъ грекъ", отвѣтилъ Курута лукаво, „а нашъ братъ перехитритъ всякаго англичанина".

Польское общество въ Варшавѣ чрезвычайно обрадовалось свадьбѣ цесаревича; надежда имѣть легчайшій доступъ къ нему чрезъ посредство княгини, ихъ соотечественницы, льстила многимъ. Всѣ родственники ея, даже самые дальніе, поднялись на 100 процентовъ. Начались заискиванія о протекціи и всякія интриги,—но и тутъ заявила себя княгиня необыкновеннымъ своимъ тактомъ, отклонивъ отъ себя съ самаго начала всякое вмѣшательство въ дѣла своего мужа; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь ласковою и вѣжливою со всѣми своими прежними знакомыми, она умѣла придать этому отказу самый мягкій видъ и сохранила къ себѣ всеобщее уваженіе.

Радостная вѣсть о бракосочетаніи ея разнеслась быстро по всему королевству и перешла за границу. Отецъ княгини, узнавъ о высокой чести, доставшейся въ удѣлъ старшей его дочери, пожелалъ ее лично поздравить и, списавшись съ нею предварительно, собрался ѣхать въ Варшаву. Великій князь, узнавъ о его пріѣздѣ, самъ повезъ молодую жену свою къ нему на встрѣчу, — и на первой отъ Варшавы станціи, по Калишскому тракту, произошло ихъ свиданіе; послѣ чего, посадивъ стараго графа Грудзинскаго съ собою вмѣстѣ въ открытую коляску, великій князь такимъ образомъ провезъ его лично до самой Варшавы.

К. П. Колзаковъ.

Дрезденъ. 1873 г.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Проэктъ русско-французской экспедиціи въ Индію.

1800 г.

Цѣль экспедиціи.

Изгнать англичанъ безвозвратно изъ Индостана; освободить эти прекрасныя и богатыя страны отъ британскаго ига; открыть новые пути промышленности и торговлѣ просвѣщенныхъ европейскихъ націй, въ особенности Франціи: такова цѣль экспедиціи, достойной покрыть безсмертною славою первый годъ девятнадцатаго столѣтія и главы тѣхъ правительствъ, которыми задумано это полезное и славное предпріятіе.

Какія державы должны принять въ ней участіе.

Французская республика и императоръ россійскій—для отправленія на берега Инда соединенной арміи изъ 70 т. человѣкъ.

Императоръ германскій—для пропуска французскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія и для облегченія имъ способовъ къ плаванію внизъ по Дунаю до его устьевъ въ Черномъ морѣ.

Сборъ въ Астрахани 35 т. рус. арміи и отправленіе ея до Астрабада.

Какъ только проэктъ экспедиціи будетъ окончательно рѣшенъ, Павелъ I дастъ повелѣніе для сбора въ Астрахани 35 т. арміи, въ томъ числѣ 25 т. регулярнаго войска всякаго рода оружія и 10 т. казаковъ.

Этотъ корпусъ арміи немедленно отправится на судахъ по Каспійскому морю въ Астрабадъ, чтобы ожидать здѣсь прибытія французскихъ войскъ.

Въ Астрабадѣ будетъ главная квартира союзныхъ армій; здѣсь будутъ устроены военные и провіантскіе магазины; онъ сдѣлается средоточіемъ сообщеній между Индостаномъ, Франціею и Россіею.

Маршрутъ французской арміи при ея слѣдованіи отъ береговъ Дуная на берега Инда.

Отъ рейнской арміи будетъ отдѣленъ 35 т. корпусъ всякаго рода оружія.

Эти войска на баркахъ поплывутъ по Дунаю и спустятся на баркахъ по этой рѣкѣ до ея устьевъ въ Черномъ морѣ.

Достигнувъ Чернаго моря, войска пересядутъ на транспортныя суда, доставленныя Россіею, переплывутъ Черное и Азовское моря и высадятся въ Таганрогѣ.

За тѣмъ, этотъ корпусъ арміи правымъ берегомъ Дона послѣдуетъ до казацкаго города Пятіизбянки[1]).

Достигнувъ этого пункта, армія переправится черезъ Донъ и сухимъ путемъ направится къ городу Царицыну, построенному на правомъ берегу Волги.

Отсюда армія внизъ по рѣкѣ отправится въ Астрахань.

Здѣсь войска, пересѣвъ на торговыя суда, переплывутъ во всю длину Каспійское море и высадятся въ Астрабадѣ, приморскомъ городѣ Персіи.

Тогда, по соединеніи французовъ съ русскими, союзная армія двинется въ походъ; пройдётъ города: Гератъ, Ферахъ, Кандагаръ и вскорѣ достигнетъ праваго берега Инда.

Продолжительность похода французской арміи.

На плаваніе внизъ по Дунаю до его устьевъ въ Черномъ морѣ	20	дней.
Отъ устьевъ Дуная до Таганрога	16	„
„ Таганрога до Пятіизбянки	20	„
„ Пятіизбянки до Царицына	4	„
„ Царицына до Астрахани	5	„
„ Астрахани до Астрабада	10	„
„ Астрабада до береговъ Инда	45	„
	120	дней.

И такъ, на походъ отъ береговъ Дуная до береговъ Инда французская армія употребитъ четыре мѣсяца; но во избѣжаніе всякаго

---

[1]) Пятіизбянская станица, въ 321 верстѣ отъ Новочеркасска.

усиленія маршей предполагается, что походъ продлится полныхъ пять мѣсяцевъ: такимъ образомъ, если армія выступитъ въ началѣ мая 1801 г. (по старому стилю), то должна прибыть къ мѣсту своего назначенія въ концѣ сентября.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что половина пути будетъ совершена водою, а другая—сухимъ путемъ.

Средства исполненія.

При плаваніи по Дунаю, французская армія повезетъ за собою полевыя орудія съ зарядными ящиками.

Ей не будетъ надобности ни въ какихъ лагерныхъ принадлежностяхъ.

Кавалерія тяжелая и легкая и артиллерія не должны брать съ собою лошадей; на барки грузить только: сѣдла, сбруи, вьюки, постромки, поводья, вожжи и проч. и проч.

Этому корпусу запастись сухарями на мѣсяцъ.

Коммиссары, опережая армію, будутъ приготовлять и распредѣлять этапы, гдѣ въ томъ будетъ надобность.

Достигнувъ устья Дуная, армія пересядетъ на транспортныя суда, высланныя изъ Россіи и снабженныя провіантомъ на время отъ пятнадцати до двадцати дней.

Во время плаванія, коммиссары и офицеры главнаго штаба отправятся сухимъ путемъ и на почтовыхъ, одни—въ Таганрогъ и въ Царицынъ, другіе—въ Астрахань.

Коммиссары, посланные въ Таганрогъ, войдутъ въ соглашенія съ русскими коммиссарами касательно сухопутнаго маршрута арміи отъ Таганрога до Пятіизбянки, приготовленія этаповъ и отведенія квартиръ, наконецъ, набора лошадей и подводъ для перевозки артиллеріи и богажа арміи.

Эти же коммиссары уговорятся съ отправленными въ Царицынъ о пригонкѣ судовъ, необходимыхъ для переправы черезъ Донъ, который въ этомъ мѣстѣ немногимъ шире Сены въ Парижѣ.

Коммиссары въ Царицынѣ должны озаботиться заблаговременно:

1) О соединеніи на трехъ или четырехъ пунктахъ, между Волгою и Дономъ, всѣхъ лагерныхъ принадлежностей и провіанта, потребнаго арміи во время ея похода.

2) О пригонкѣ къ Царицыну достаточнаго количества судовъ для переправы французской арміи внизъ по Волгѣ до Астрахани.

Коммиссары, отправленные въ Астрахань, будутъ держать на готовѣ корабли для перевозки арміи, нагруженные провіантомъ на пятнадцать дней.

При отплытіи французской арміи въ Астрабадъ, она должна быть снабжена нижеслѣдующими припасами, собранными и заготовленными коммиссарами обоихъ правительствъ:

1) Всякаго рода аммуниціею, артиллерійскими снарядами и орудіями.

Аммуниція и орудія могутъ быть доставлены изъ арсеналовъ: Астраханскаго, Казанскаго и Саратовскаго, изобильно снабженныхъ.

2) Упряжными лошадьми для перевозки артиллеріи и аммуниціи соединенной арміи.

3) Фурами и телѣгами и лошадьми для перевозки багажа, понтоновъ и т. п.

4) Верховыми лошадьми для французской кавалеріи, тяжелой и легкой.

Лошади могутъ быть закуплены между Дономъ и Волгою у казаковъ и калмыковъ; онѣ водятся здѣсь въ несмѣтномъ количествѣ, наиболѣе пригодны къ службѣ въ мѣстностяхъ, которыя будутъ театромъ военныхъ дѣйствій, и цѣна этихъ лошадей умѣреннѣе, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

5) Всѣми лагерными принадлежностями, необходимыми французской арміи въ походѣ на берега Инда и далѣе.

6) Складами суконъ, полотенъ, мундировъ, шляпъ, киверовъ, касокъ, перчатокъ, чулокъ, сапоговъ, башмаковъ и проч., и проч.

Всѣ эти предметы должны въ изобиліи находиться въ Россіи, гдѣ на нихъ и цѣны дешевле, нежели въ прочихъ европейскихъ государствахъ. Французское правительство о ихъ постановкѣ можетъ снестись съ директорами колоніи Сарепта—въ шести миляхъ отъ Царицына, на правомъ берегу Волги. Главное управленіе этой колоніи Евангелистовъ, слывущей богатѣйшею, промышленнѣйшею и самою исправною на всякіе заказы, находится въ Саксоніи; оттуда слѣдуетъ получить приказаніе, чтобы колонія Сарепта взялась за подряды.

7) Аптекою, снабженною всякаго рода медикаментами.

Она можетъ быть доставлена тою же колоніею Сарепта, гдѣ съ давнихъ временъ существуетъ аптека, которая разнообразіемъ и добротою лекарствъ соперничаетъ съ императорскою московскою аптекою.

8) Запасами: рису, гороху, муки, крупъ, солонины, масла, винъ, водокъ и проч.

9) Стадами быковъ и овецъ.

Горохъ, мука, крупа, солонина и масло будутъ доставлены Россіею; прочіе предметы въ изобиліи находятся въ Персіи.

10) Складами фуража, ячменя и овса.

Овесъ можно получить въ Астрахани; фуражъ и ячмень — въ губерніи.

Маршрутъ союзной арміи отъ Астрабада до береговъ Инда, мѣропріятія для вѣрнаго успѣха экспедиціи.

До отплытія русскихъ въ Астрабадъ, коммиссары союзныхъ правительствъ будутъ отправлены ко всѣмъ ханамъ и мелкимъ властителямъ странъ, чрезъ которыя армія будетъ слѣдовать, для внушенія имъ:

„Что армія двухъ народовъ, во всей вселенной могущественнѣйшихъ, должна пройдти черезъ ихъ владѣнія, шествуя въ Индію; что единственная цѣль похода—изгнать изъ Индіи англичанъ, поработившихъ эти прекрасныя страны, нѣкогда столь знаменитыя, могучія, богатыя произведеніями—естественными и промышленными, чтобы онѣ привлекали къ себѣ всѣ народы земли для причастія къ дѣяніямъ и всякаго рода щедротамъ, которыми небу угодно было одѣлить эти страны; что ужасное состояніе угнетенія, злосчастія и рабства, въ которомъ нынѣ стенаютъ народы этихъ странъ, внушило Франціи и Россіи живѣйшее къ нимъ участіе; что вслѣдствіе этого оба правительства рѣшили соединить свои силы, чтобы освободить Индію отъ тираническаго и варварскаго ига англичанъ; что князья и народы всѣхъ странъ, чрезъ которыя пройдетъ союзная армія, не должны нисколько ея опасаться; напротивъ, имъ предлагаютъ, чтобы они всѣми своими средствами способствовали успѣху этого полезнаго и славнаго предпріятія; что этотъ походъ на столько же справедливъ по своей цѣли, на сколько былъ несправедливъ походъ Александра, желавшаго завоевать весь міръ; что союзная армія не будетъ взимать контрибуцій, будетъ все закупать по обоюдному соглашенію и платить чистыми деньгами за всѣ предметы, для существованія ея необходимые; что въ этомъ случаѣ будетъ поддерживать ее строжайшая дисциплина, что вѣроисповѣданіе, законы, обычаи, нравы, собственность, женщины—будутъ повсюду уважены, пощажены и проч., и проч.“.

При подобной прокламаціи, при честныхъ, откровенныхъ и прямодушныхъ дѣйствіяхъ, несомнѣнно, что ханы и прочіе мелкіе князьки безпрепятственно пропустятъ армію чрезъ свои владѣнія; впрочемъ, при ихъ разладѣ между собою, они слишкомъ слабы, чтобы оказать мало-мальски значительное сопротивленіе.

Французскихъ и русскихъ коммиссаровъ будутъ сопровождать искусные инженеры, которые сдѣлаютъ топографическую съемку странъ, чрезъ которыя союзная армія будетъ слѣдовать; они отмѣтятъ на

своихъ картахъ: мѣста для привалов; рѣки, через которыя придется переправляться; города, мимо которыхъ должны будутъ проходить войска; пункты, гдѣ обозъ, артиллерія и аммуниція могутъ встрѣтить какія-либо препятствія, при чемъ обозначатъ средства къ преодолѣнію этихъ препятствій.

Коммиссары поведутъ переговоры съ ханами, князьками и частными владѣльцами о доставкѣ припасовъ, телѣгъ, кибитокъ и проч., будутъ подписывать условія, спрашивать и получать залоги.

По прибытіи первой французской дивизіи въ Астрабадъ, первая русская дивизія тронется въ походъ; прочія дивизіи союзной арміи послѣдуютъ одна за другою, на дистанціи другъ отъ друга отъ пяти до шести льё; сообщеніе между ними будетъ поддерживаемо малыми отрядами казаковъ.

Авангардъ будетъ состоять изъ корпуса казаковъ отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ, смѣшаннаго съ легкою регулярною кавалеріею; за нимъ непосредственно слѣдуютъ понтоны; этотъ авангардъ, наводя мосты черезъ рѣки, будетъ защищать ихъ отъ нападеній непріятеля и охранять армію, на случай измѣны или иной неожиданности.

Французское правительство передастъ главнокомандующему оружіе Версальскихъ фабрикъ, какъ-то: ружья, карабины, пистолеты, сабли и проч.; вазы и прочія фарфоровыя издѣлія Севрской мануфактуры; карманные и стѣнные часы искуснѣйшихъ парижскихъ мастеровъ, прекрасныя зеркала, превосходныя французскія сукна разныхъ цвѣтовъ: багрянаго, алаго, зеленаго и синяго—цвѣтовъ, особенно любимыхъ азіатами, особенно персіянами; бархаты; золотыя и серебряныя парчи; галуны и шелковыя ліонскія матеріи; Гобеленевскія обои и проч., и проч.

Всѣ эти предметы, кстати и у мѣста подаренные владѣтелямъ этихъ странъ съ ласкою и любезностью, столь свойственными французамъ, дадутъ этимъ народамъ высокое понятіе о щедрости, промышленности и могуществѣ народа французскаго, а впослѣдствіи будутъ важной отраслью торговли.

Общество избранныхъ ученыхъ и художниковъ должно принять участіе въ этой славной экспедиціи. Правительство поручитъ имъ съемку картъ и плановъ мѣстностей, чрезъ которыя будетъ проходить союзная армія; оно же снабдитъ ихъ записками и особенно уважаемыми сочиненіями, сихъ странъ касающимися.

Весьма полезны будутъ аэронавты (воздухоплаватели) и пиротехники (дѣлатели фейерверковъ).

Для внушенія этимъ народамъ самаго высокаго понятія о Фран-

ціи и Россіи, условлено будетъ до выступленія арміи и главной квартиры изъ Астрабада, дать въ этомъ городѣ нѣсколько блестящихъ праздниковъ съ военными эволюціями, подобнихъ праздникамъ, которыми въ Парижѣ чествуютъ великія событія и достопамятныя эпохи.

Приведя все въ вышеупомянутый порядокъ, нельзя будетъ сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія; но главнымъ образомъ онъ будетъ зависѣть отъ смышленности, усердія, храбрости и вѣрности начальниковъ, которымъ оба правительства довѣрятъ исполненіе проэкта.

Тотчасъ, по прибытіи союзной арміи на берега Инда, должны начаться и военныя дѣйствія.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что изъ европейскихъ мѣстъ—въ Индіи и Персіи—особенно обращаются и цѣнятся: венеціанскіе цехины, голландскіе червонцы, венгерскіе дукаты, русскіе имперіалы и рубли.

(Замѣтки на нѣкоторыя статьи этого проекта, кажется, самимъ первымъ консуломъ Бонапартомъ заявлены были слѣдующія):

Замѣчанія Бонапарта.

1) Есть-ли достаточно судовъ для перевозки 35 т. арміи по Дунаю до его устья?

2) Султанъ не согласится пропустить внизъ по Дунаю французскую армію и воспротивится отплытію ея изъ котораго-либо порта, находящагося въ зависимости отъ имперіи оттоманской.

3) Довольно-ли судовъ и кораблей на Черномъ морѣ для переправы арміи и достаточнымъ-ли ихъ количествомъ можетъ располагать русскій императоръ?

4) Корпусъ, по выходѣ изъ Дуная въ море, не подвергнется-ли опасности быть потревоженнымъ или разсѣяннымъ англійскою эскадрою адмирала Кейта, который, при первой вѣсти объ этой экспедиціи, сквозь Дарданеллы выступитъ въ Черное море, чтобы преградить путь французской арміи и истребить ее?

5) Когда союзная армія въ полномъ составѣ соберется въ Астрабадѣ, какимъ образомъ она проникнетъ въ Индію, сквозь страны почти дикія, безплодныя, свершая походъ въ триста льё отъ Астрабада до предѣловъ Индостана?

Возраженія императора Павла I.

1) Я думаю, что потребное число судовъ собрать будетъ легко; въ противномъ случаѣ армія высадится въ Браиловѣ—портѣ на Дунаѣ, въ княжествѣ Валахіи и въ Галацѣ—другомъ портѣ, на той же рѣкѣ, въ княжествѣ Молдавіи; тогда французская армія переправится на

корабляхъ, снаряженныхъ и присланныхъ Россіею и будетъ продолжать свой путь.

2) Павелъ I принудитъ Порту дѣлать все то, что ему угодно; его громадныя силы заставятъ Диванъ уважать его волю.

3) Русскій императоръ легко можетъ собрать въ своихъ черноморскихъ портахъ свыше 300 кораблей и судовъ всякихъ величинъ; извѣстно всему свѣту возрастаніе русскаго торговаго флота на Черномъ морѣ.

4) Если г. Кейту угодно будетъ пройдти сквозь Дарданеллы и турки тому не воспротивятся — этому воспротивится Павелъ I; для этого у него есть средства дѣйствительнѣе, нежели думаютъ.

5) Эти страны ни дики, ни безплодны; дорога открыта и просторна давно; караваны проходятъ обыкновенно въ тридцать пять, сорокъ дней — отъ береговъ Инда до Астрабада. Почва, подобно Аравіи и Ливіи, не покрыта сыпучими песками; рѣки орошаютъ ее почти на каждомъ шагу; въ кормовыхъ травахъ недостатка нѣтъ; рисъ произрастаетъ въ изобиліи и составляетъ главную пищу жителей; быки, овцы, дичина водятся во множествѣ; плоды разнообразны и отмѣнны.

Единственное разумное замѣчаніе: долгота пути, но и это не должно служить поводомъ къ отверженію проэкта. Французская и русская арміи жаждутъ славы; онѣ храбры, терпѣливы, неутомимы; ихъ мужество, постоянство и благоразуміе военачальниковъ побѣдятъ какія-бы то ни было препятствія.

Въ подтвержденіе можно привести историческое событіе.

Въ 1739 и 1740 годахъ Надир-шахъ, или Тахмас-кули-ханъ, выступилъ изъ Дегли съ многочисленной арміей въ походъ на Персію и на берега Каспійскаго моря. Путь его былъ чрезъ Кандагаръ, Ферахъ, Гератъ, Мешехедъ—на Астрабадъ. Всѣ эти города были значительные; хотя они нынѣ и утратили прежній свой блескъ, но все же еще сохраняютъ большую его часть.

То, что сдѣлала армія истинно азіатская (этимъ все сказано) въ 1739—1740 годахъ, можно-ли сомнѣваться, чтобы армія французовъ и русскихъ не могла нынѣ того совершить!

Названные города будутъ служить главными пунктами сообщенія между Индостаномъ, Россіею и Франціею; для этого необходимо учредить военныя почты, назначивъ къ тому казаковъ, какъ людей, наиболѣе способныхъ къ подобному роду службы.

Примѣчаніе. Приведенный здѣсь проектъ съ замѣтками Бонапарта и императора Павла I извлеченъ изъ брошюры: «Mémoire de Leibnitz à Louis XIV sur la conquête de l'Egypte, publié avec un préface et des notes par

M. de Hoffmann, suivi d'un projet d'expédition dans l'Inde, par terre, con) certé entre le premier consul et l'empéreur Paul I en mil huit cent». Этотъ же отрывокъ былъ перепечатанъ Дюбуа де Жансиньи (Dubois de Jansigny въ его превосходномъ сочиненіи «Индія» (Inde: Univers Pittoresque ed. Firmin Diolet 1845, 8⁰) П. К.

Письма императора Павла къ атаману Донскаго войска генералу отъ кавалеріи Орлову 1-му.

I.

С.-Петербургъ, января 12-го 1801 года.

Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ — шведовъ и датчанъ; я готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ. Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, итого четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы съ онымъ и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдете съ артиллеріею прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія англійскія, по ней лежащія. Войска того края, ихъ таковаго же рода, какъ и ваше, такъ имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги; все богатство Индіи будетъ намъ наградою за сію экспедицію. Соберите войско къ заднимъ станицамъ, и тогда, увѣдомивъ меня, ожидайте повелѣнія идти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте другаго—идти далѣе. Такое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ славою, заслужитъ, по мѣрѣ заслугъ, мое особенное благоволеніе, пріобрѣтетъ богатства и торговлю и поразитъ непріятеля въ его сердце. Здѣсь прилагаю карты, сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благословитъ. Есмь вашъ благосклонный Павелъ.

NB Карты мои идутъ только до Хивы и до Амурской рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣдѣнія до заведеній англійскихъ и до народовъ индѣйскихъ, имъ подвластныхъ.

II.

С.-Петербургъ, января 12-го 1801 года.

Индія, куда вы назначаетесь, управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами, или оружіемъ, то и

цѣль все сіе раззорить, а угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и землю привесть Россіи въ туже зависимость, въ какой они у англичанъ и торгъ обратить къ намъ. Сіе вамъ исполненіе поручая, пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

III.

С.-Петербургъ, января 13-го 1801 года.

Василій Петровичъ, посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до англичанъ только, а миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помогать; итакъ проходя, ихъ увѣряйте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда на Гангесъ и тамъ на англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобъ китайцамъ не досталась. Въ Хивѣ высвободите столько-то тысячъ нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. Если бы нужна была пѣхота, то пришлю вслѣдъ за вами, а не инако прислать будетъ можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сдѣлали. Ващъ благосклонный Павелъ.

IV.

Февраля 7-го 1801 года. Михайловскій замокъ.

При семъ посылаю вамъ маршрутъ, какой могъ для васъ достать, онъ дополнитъ вамъ карту и объяснитъ. Экспедиція весьма нужна и чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе и лучше. Вашъ благосклонный Павелъ.

Симъ маршрутомъ я вамъ вовсе рукъ не связываю однако же.

V.

Въ Михайловскомъ замкѣ, февраля 21-го 1801 года.

(Не собственноручно): Господинъ генералъ отъ кавалеріи Орловъ 1-й, на донесеніе ваше отъ 25-го января не имѣю вамъ ничего инаго сказать, какъ апробую вами представленное. Пребываю вамъ благосклоннымъ Павелъ.

(Собственноручная приписка): Возьмите сколько можно. О пѣхотѣ же будучи вашего мнѣнія—лучше не брать.

Примѣчаніе. Эти собственноручныя письма императора Павла, списанныя съ подлинниковъ, были впервые напечатаны въ «Историческомъ Сборникѣ» (Л., изд. 1861 г., кн. II, стр. 3—6). Мы считаемъ совершенно умѣстнымъ перепечатать ихъ вслѣдъ за проэктомъ русской экспедиціи въ Индію 1800 г., какъ начало исполненія этого проэкта. Неожиданная и внезапная кончина Павла I, въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 г., спасла Англію отъ вторженія русскихъ въ Индію. Ред.

Новгородскіе дворяне и военные поселяне.

По усмиреніи извѣстнаго бунта въ іюнѣ 1831 г. военныхъ поселянъ Новгородской губерніи, мѣстное дворянство отправило къ императору Николаю Павловичу депутацію, съ изъявленіями чувствъ признательности всѣхъ сословій Новгородской губерніи за возстановленіе въ оной спокойствія, съ принесеніемъ государю вѣрноподданническихъ поздравленій съ рожденіемъ сына великаго князя Николая. Вотъ описаніе пріема, какого удостоилась новгородская депутація, составленная тогда же однимъ изъ депутатовъ. **Ред.**

1831 г.

Депутацію составляли дворяне: 1) За губернскаго предводителя—подпоручикъ Андрей Ивановичъ Ухтомскій. 2) Совѣстный судья—помѣщикъ Демянскаго уѣзда, отставной артиллеріи маіоръ Василій Игнатьевичъ Веревкинъ. 3) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Александровичъ князь Лобановъ-Ростовскій—помѣщикъ Демянскаго уѣзда. 4) Капитанъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Аклечеевъ, предводитель дворянства Демянскаго уѣзда. 5) Коллежскій асесоръ Алексѣй Дмитріевичъ Тырковъ—предводитель дворянства Новгородскаго уѣзда. 6) Капитанъ-лейтенантъ Василій Ефимовичъ Путятинъ—помѣщикъ Новгородскаго уѣзда. 7) V-го класса Петръ Ивановичъ Балле—помѣщикъ Новгородскаго уѣзда. 8) Поручикъ Александръ Ивановичъ Балкъ—предводитель дворянства Боровицкаго уѣзда. 9) Поручикъ Владиміръ Петровичъ Козляниновъ—помѣщикъ Боровицкаго уѣзда. 10) Лейтенантъ Степанъ Бачмановъ—помѣщикъ Валдайскаго уѣзда. 11) Гвардіи подпоручикъ Аполлонъ Ивановичъ Веригинъ—помѣщикъ Валдайскаго уѣзда.

Сверхъ того, при депутаціи представленъ былъ новгородской градской глава—купецъ Андрей Кузнецовъ.

Депутація, по прибытіи 21-го августа 1831 года въ Царское Село, остановилась въ домѣ, нарочно отъ двора для того пріуготовленномъ, гдѣ, въ тотъ же вечеръ, фельдъегеремъ доставлена была градскому главѣ золотая медаль, осыпанная алмазами, на Андреевской лентѣ, за сохраненіе тишины и спокойствія въ городѣ Новгородѣ во время бывшаго, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1831 года, возмущенія въ округахъ военнаго поселенія.

На другой день, утромъ въ 9-ть часовъ, 22-го августа, депутація приглашена была во дворецъ и введена въ общій залъ, откуда началось шествіе въ дворцовую церьковь; а вслѣдъ за тѣмъ, особеннаго рода процессіею, внесенъ былъ новорожденный великій князь.

Николай. По выходѣ изъ церкви государя императора, совершено таинство крещенія новорожденнаго. По окончаніи онаго и прибытіи его императорскаго величества въ церковь, начата божественная литургія, за которою его императорское величество самъ изволилъ поднести новорожденнаго къ принятію Святыхъ Таинъ. Съ окончаніемъ литургіи, его величество изволилъ принимать въ церкви поздравленіе отъ духовенства; послѣ того его величество удалился въ свои апартаменты, а депутація, тѣмъ же порядкомъ, возвратилась въ залъ. По прошествіи четверти часа, депутація приглашена была въ Малой дворецъ, для представленія его императорскому величеству. По прибытіи въ Малый дворецъ, депутація введена была въ пріемную комнату, имѣвшую два окна и три двери, которыя всѣ были заперты; комната эта заключала въ себѣ нѣсколько креселъ и два дивана, стѣны украшены были картинами. Спустя четверть часа, вошелъ государь изъ боковой двери, которую самъ изволилъ затворить.

Его величество имѣлъ на себѣ общій генеральскій мундиръ, Андреевскую ленту, но былъ безъ шпаги. Обратясь къ депутатамъ, изволилъ привѣтствовать слѣдующими словами:

— „Здравствуйте, господа!".

По принятіи отъ депутатовъ вѣрноподданническаго поздравленія съ новорожденнымъ и благодарности за милостивое вниманіе ко всѣмъ сословіямъ Новгородской губерніи, изъявленное въ рескриптѣ на имя новгородскаго гражданскаго губернатора (вслѣдъ за симъ помѣщеннаго) его величество продолжалъ:

— „Тихо-ли у васъ теперь?"

Депутація имѣла счастіе отвѣчать:

— „При отъѣздѣ нашемъ было вездѣ уже спокойно".

На это государь императоръ сдѣлалъ вопросъ:

— „А въ Демянскомъ уѣздѣ?".

Отвѣтъ депутатовъ:

— „Совершенно спокойно".

Государь императоръ продолжалъ:

— „Покойный братъ мой, основавъ военное поселеніе, старался, а по немъ и я, классъ людей сихъ устроить и облагодѣтельствовать во всѣхъ отношеніяхъ; но неблагодарные поселяне, впавъ въ буйство, совершили неслыханныя злодѣянія. При чемъ знаю, господа, что и васъ безпокоили; но я переобразую ихъ и такъ устрою, что уже не въ состояніи будутъ въ другой разъ того сдѣлать; а за васъ я постою, господа".

Депутація имѣла счастіе изъявить благодарность благоговѣйнымъ поклономъ предъ лицемъ своего монарха.

Его величество продолжалъ:

— „Пріятно мнѣ было слышать, что крестьяне ваши не присоединились къ моимъ поселянамъ: это доказываетъ ваше хорошее съ ними обращеніе; но, къ сожалѣнію, не вездѣ такъ обращаются. Я долженъ сказать вамъ, господа, что положеніе дѣлъ весьма нехорошо, подобно времени бывшей французской революціи. Парижъ—гнѣздо злодѣяній—разлилъ ядъ свой по всей Европѣ, и мы получили его, но позже всѣхъ, вѣроятно потому, что мы для нихъ потяжелѣе всѣхъ. Не хорошо. Время требуетъ предосторожности. Я съ соболѣзнѣннымъ сердцемъ долженъ былъ приступить къ рекрутскому набору, зная всю тягость его; но честь и величіе государства того требуютъ“.

Поклонъ депутатовъ.

— „Я увѣренъ, господа, что вы, какъ россіяне поступите, въ случаѣ необходимомъ“. (Обратясь къ имѣющимъ военные мундиры) „А вы, старые господа военные, вѣрно, не откажетесь участвовать“.

Поклонъ депутаціи; при томъ депутаты имѣли счастіе отвѣтствовать:

— „Съ послѣднимъ крестьяниномъ пойдемъ, государь“.

Его величество продолжалъ:

— „Но я увѣренъ, что до этого не дойдетъ. Обратите ваше вниманіе, господа, на дворянскіе ваши выборы; избирайте достойныхъ дворянъ — отъ нихъ зависитъ общее спокойствіе. Истина не доходитъ до ушей моихъ; а черезъ васъ я долженъ ее знать. Размыслите хорошенько о воспитаніи дѣтей вашихъ, надобно измѣнить систему. Я велѣлъ выстроить въ Медвѣдѣ [1]) корпусъ, и онъ уже строится, собственно для дѣтей вашихъ; у меня не избалуются они. Прощайте, прощайте, господа. Благодарю васъ“.

По окончаніи рѣчи, государь императоръ вышелъ въ ту же боковую дверь. Депутація, по выходѣ изъ пріемной комнаты, была встрѣчена въ коридорѣ гофъ-фурьеромъ, который препроводилъ на половину государыни императрицы и ввелъ въ комнату, въ коей находился его высочество наслѣдникъ престола. Депутація имѣла счастіе принести его высочеству поздравленіе съ новорожденнымъ. По удаленіи наслѣдника чрезъ боковую дверь, депутація введена была въ опочивальню государыни императрицы, гдѣ удостоилась созерцать крот-

[1]) Мѣстность села Медвѣдя найдена неудобною для помѣщенія кадетскаго корпуса; а потому онъ былъ устроенъ въ 4-мъ округѣ пѣхотныхъ солдатъ, при деревнѣ Новосельцы, въ зданіяхъ бывшаго штаба наслѣднаго принца Прусскаго полка. А. Д.

кую, милостивую помазанницу, стоящую у царскаго ея ложа, держа на подушкѣ его высочество новорожденнаго; въ боку кровати стояли ихъ высочества великія княжны. По принесеніи отъ депутаціи подданническаго поздравленія, ея величество изволила удостоить допущеніемъ поцѣловать священную ея благотворную руку, при изрѣченіи милостиваго привѣтствія: „Это мой Николай"; а по отданіи благоговѣйнаго поклона, депутація отправилась въ общій залъ, гдѣ приглашена была къ столу. По окончаніи обѣда, депутація возвратилась въ отведенный домъ; а оттуда, на другой день, отправилась въ г. Новгородъ.

Вотъ упомянутый выше рескриптъ, котораго удостоилось получить Новгородское дворянство:

„Господинъ новгородскій гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Денферъ.

„При послѣднемъ посѣщеніи моемъ губерніи, вамъ ввѣренной, я съ искреннимъ удовольствіемъ, лично удостовѣрился въ похвальныхъ чувствахъ вѣрности и неизмѣнной преданности къ престолу и отечеству, воодушевляющихъ мирныхъ жителей сей губерніи. Всѣ обитатели Новгорода, издревле знаменитаго въ лѣтописяхъ любезнаго отечества, благородное дворянство всей губерніи, граждане и помѣщичьи крестьяне, среди безпорядковъ, возникшихъ въ той же губерніи со стороны военныхъ поселянъ, твердо сохраняя свои обязанности, явили себя истинными россіянами, достойными сынами отечества. Въ ознаменованіе признательности моей за сіе, лично къ вамъ и ко всѣмъ благонамѣреннымъ жителямъ ввѣренной вамъ губерніи, мнѣ пріятно симъ особымъ рескриптомъ извѣстить васъ о благости Всевышняго, вновь изліянной на мой домъ. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ возвращенія моего изъ Новгорода, любезнѣйшая супруга моя, ея императорское величество государыня императрица благополучно разрѣшилась великимъ княземъ, нареченнымъ Николаемъ. О таковомъ приращеніи дома нашего, повелѣвая вамъ объявить по ввѣренной вамъ губерніи, я увѣренъ, что жители оной раздѣлятъ радость мою и общую всей Россіи, и соединятъ усердныя мольбы свои съ моими о благоденствіи и преуспѣяніи новорожденнаго".

„Пребываю вамъ навсегда благосклоннымъ. Николай".

Царское село, 27-го іюля 1831 г.

Сообщ. **Александръ Долгоруковъ.**

Партизанъ Сеславинъ.

Александръ Никитичъ Сеславинъ принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ, вполнѣ народныхъ героевъ отечественной войны. Между тѣмъ, кромѣ, такъ сказать, оффиціальныхъ о немъ писаній Михайловскаго-Данилевскаго, да краткихъ формулярныхъ замѣтокъ, въ нашей исторической литературѣ почти нѣтъ ничего о доблестномъ партизанѣ Сеславинѣ; говоримъ почти, такъ какъ статья наша о немъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г. (кн. IV) внесла хотя нѣсколько новыхъ данныхъ въ неизвѣстную еще исторію въ высшей степени своеобразной жизни этого героя. Въ настоящее время мы представляемъ любопытный документъ, весьма обязательно сообщенный, при посредствѣ Анны Егоровны Сеславиной, родственникомъ партизана — г. Панафидинымъ, — это подлинное письмо Александра Никитича Сеславина къ одному изъ его братьевъ. Письмо безъ помѣты года и числа, но, по соображенію, оно относится къ концу сороковыхъ или къ началу пятидесятыхъ годовъ, вскорѣ послѣ смерти великаго князя Михаила Павловича. Въ этомъ письмѣ выходки раздраженнаго и громаднаго самолюбія — этой болѣзни А. Сеславина — перемежаются нѣкоторыми историко-біографическими замѣтками. Ред.

Братъ Ѳедоръ Никитичъ! Слово веселость, о которомъ я не упоминаю въ первомъ моемъ письмѣ, несообразно съ затруднительнымъ моимъ положеніемъ; я сказалъ, что я здоровъ, бодръ и свѣжъ, и справедливо, это есть слѣдствіе воздержанной моей жизни въ юныхъ и преклонныхъ моихъ лѣтахъ. Дѣйствительно, въ груди моей пылаетъ пламя юныхъ лѣтъ.

Лучшая въ мірѣ собесѣдница, которую я желалъ имѣть съ того времени, какъ она отказалась отъ замужства, — это Анна Николаевна, но она была воспитательницею своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ.

Относительно исторіи моей партизанской войны, скажу вамъ только, что многіе военные писатели, согласно волѣ государя, изъявляли желаніе писать исторію моей партизанской войны въ 1812, 1813 и 1814 годахъ; но я не могъ удовлетворить ихъ желаніямъ. Въ томъ числѣ находились и Данилевскій, и графъ Медемъ; еще недавно просилъ меня о томъ же Ратчъ, предпринимающій писать исторію гвардейской артиллеріи. Я не могъ удовлетворить ихъ желаніямъ вотъ почему: когда я находился въ Лондонѣ, бывшій мой адъютантъ, впослѣдствіи генералъ, прислалъ мнѣ туда всѣ бумаги, которыя онъ привелъ въ порядокъ, служащія матеріалами къ исторіи моей партизанской войны, которую я предпринималъ писать на водахъ въ Батѣ. Бумаги эти были запечатаны въ огромный конвертъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ связать просто, не запечатывая. Не дождавшись этихъ бу-

27*

магъ и находившись въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, я сѣлъ на корабль и прибылъ въ Россію. Въ отсутствіи моемъ бумаги были получены генеральнымъ консульствомъ, отъ котораго потребовали 15-ть фунт. стерлинговъ (90 руб. сер.). Находясь всегда безъ денегъ, я не могъ выкупить этихъ важныхъ бумагъ, служащихъ матеріалами не только къ партизанской, но и вообще къ войнѣ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Изъ этихъ бумагъ узнаютъ виновника движенія всѣхъ европейскихъ войскъ на Парижъ и голода до полутора милліона жителей и войскъ, тамъ находившихся. Стоитъ только Синявину написать въ Лондонъ, къ нашему посланнику, о присылкѣ этихъ бумагъ, для врученія мнѣ. Тогда я изберу одного изъ военныхъ писателей: графа Медема, Милютина (Д. А.), барона Зедделера, Богдановича, Висковатова, Вуича и другихъ, лишь бы онъ не страшился задѣть кого, находящагося еще на сценѣ.

Историкъ долженъ быть служителемъ истины.

При этомъ я долженъ упредить, что все то, что найдется въ „Отечественныхъ Запискахъ" или „Библіотекѣ для Чтенія" о партизанской войнѣ или обо мнѣ лично, произведено будетъ не мною, а Бискупскимъ, бывшимъ офицеромъ въ моемъ отрядѣ въ 1812 г., который, какъ мнѣ извѣстно, предпринимаетъ издавать записки о партизанской войнѣ и обо мнѣ. Онъ требовалъ моего содѣйствія, но я не отвѣчалъ ему по вышеизложеннымъ причинамъ.

Графъ Шереметевъ, послѣ войны, въ честь мнѣ далъ роскошный обѣдъ. Предо мною была картина во весь ростъ, изображающая меня на деревѣ въ минуту открытія движенія на Калугу арміи Наполеона. Я хочу приказать вылить фигуру съ этой картины на заводѣ его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго, у Калинкина моста, или заказать барону Клодту-фонъ-Юргенсбургу, если онъ возьмется сдѣлать мнѣ эту честь, конечно, не безъ вознагражденія. Говорятъ, у многихъ есть копія съ этой картины; покойный Павлинка мнѣ (объ этомъ) сказывалъ.

Кстати о Павлинкѣ: не угодно-ли будетъ вамъ описать всѣ обстоятельства, предшествовавшія его смерти? Я не хотѣлъ растравлять раны добраго нашего брата Николая Никитича этими не скромными вопросами. Какъ приняли это государь, наслѣдникъ, Михаилъ Павловичъ и другіе?

Гусарскіе полки вступаютъ къ намъ во Ржевъ 27-го августа. Говорятъ, что Константинъ Николаевичъ, шефъ одного полка, встрѣтитъ свой полкъ въ городѣ, правда-ли?

Безбѣдное мое состояніе сдѣлали Богъ, отечество и представитель его, въ бозѣ почивающій Александръ Благословенный.

Предоставляю вамъ устроить, буде пожелаете, особу, о которой я слышалъ, но говорить не хочу болѣе: я отрекся отъ нея. Въ продолженіи 23-хъ лѣтъ вы не находили меня достойнымъ вашего вниманія, не написавъ и строки; вздумали теперь начать переписку объ особѣ, которая, изгнанная изъ отцовскаго дома ...., бѣжала изъ монастыря, гдѣ я ей купилъ келію, далъ пріютъ и содержаніе, въ которомъ она, однако же, не признается, хотя засвидѣтельствуютъ игуменья, если жива, или книги; скиталась по столицамъ, просила милостыню, разсказывая, что я отнялъ у нее имѣніе, ... которую, чтобъ приковать къ одному мѣсту, къ дому—необходима нужда, въ противномъ случаѣ при маломъ пособіи, при деньгахъ она опять бѣжитъ и примется за прежнее. Игуменья писала ко мнѣ, что нѣтъ возможности удержать ее въ монастырѣ, ... чтобъ удержать ее въ кельи, просила деньги не давать ей въ руки, не присылать ей иначе, какъ на имя игуменьи. Вы писали, что не было возможности удерживать ее отъ скитанія по Петербургу; нѣтъ, есть средство—это нужда, которая отниметъ у нее и помышленіе........ Пропитаніе она имѣетъ, 200 руб. пенсіи и отъ рукодѣлія. Если я коснусь ее словомъ или дѣломъ—помощью, она воспрянетъ, потребуетъ услуги, столъ, экипажъ для выѣздовъ и проч., и проч., и проч. Если бы я не дѣлалъ ей помощи въ монастырѣ, она оставалась бы тамъ; но ваше приглашеніе въ Петербургъ необразованныхъ дѣвокъ, въ числѣ коихъ была и она, погубило ее. Въ своемъ кругу, въ провинціи, оставаться приличнѣе было бы для нихъ. Надо было щадить Марію Николаевну***, если вы не хотѣли щадить Николая и меня.

Полно о дрязгахъ семейныхъ! Еще одно слово:

Въ 1816 году, на свадьбѣ Анны Павловны, за ужиномъ, императрица Елисавета, обхаживая и угощая гостей, подошедши ко мнѣ сзади и пожавъ мнѣ плечи, сказала потихоньку:

— „Узнавъ о смерти вашего батюшки, государь жалованье его обратилъ въ пенсію всѣхъ вашихъ сестеръ, за заслуги, которыхъ Россія не можетъ еще оцѣнить“.

Послѣ ужина десятки толпились около меня, любопытствуя узнать, о чемъ такъ милостиво, безпримѣрно говорила мнѣ императрица.

Сестры не признательны.

Для отысканія воспитательницы я хотѣлъ воспользоваться поѣздкою моею въ Москву для освященія храма Спасителя. Но какъ это освященіе будетъ не скоро, по словамъ вашимъ, то буду стараться пріобрѣсть таковую по письменнымъ одобреніямъ достойныхъ людей въ Москвѣ.

Изъ Тверскихъ же жителей, особенно тѣхъ, которые присвоили

чужую собственность ....и не имѣютъ по сему моего довѣрія, просить никого не стану.

О гражданскихъ добродѣтеляхъ моихъ могъ бы судить тотъ, который могъ бы жить со мною; тѣ же клеветники, которые осмѣлились набросить тѣнь на мою честь и которымъ слабоумные могли повѣрить,—погибли или, лишенные нѣкоторыхъ правъ, приведены въ невозможность клеветать.

Я увѣренъ, что вы знаете наизусть Массиліона, Боссюета и Фенелона, (и трактаты) о воспитаніи Руссо и Песталоци. Повѣдайте же эту мораль, которую вы пріобрѣли чтеніемъ, вашему сыну, который, надѣлавъ вамъ столько огорченій, разстроилъ вашу душу, ваше здоровье и содѣлалъ мизантропомъ. Что же касается до меня, то братъ Николай одинъ,—съ которымъ я вмѣстѣ росъ, воспитывался, жилъ и служилъ долго,—можетъ мнѣ, по истинной дружбѣ своей, дѣлать замѣчанія и я приму; съ вами же я видѣлся въ жизни моей, можетъ быть, разъ пятнадцать, можетъ быть по болѣе.

Вы повторяете весьма часто о родствѣ. Скажу вамъ, что дружба подкрѣпляется родствомъ, которое безъ дружбы просто ничто.

Сейчасъ входитъ ко мнѣ посторонній мужикъ и громко говоритъ: „У тебя, Александръ Никитичъ, мои лошади въ клевѣ, прикажи отдать". Я ни мало не огорчился тому, что онъ назвалъ меня ты; всякій, также какъ и я, имѣетъ свободу не слѣдовать обычаямъ свѣта и называть отъ сердца ты или вы. Что же касается до меня, то я отвыкъ отъ васъ, не знаю, какъ судить объ васъ. Послѣ 23-хъ лѣтняго молчанія, вы открыли со мною переписку, и то тогда только, когда на родственномъ конгрессѣ въ Твери постановлено было навязать мнѣ на шею .... женщину, незаслуживающую призрѣнія ...., людей, а такихъ, которые сами, получивъ отъ меня 34 тыс. руб., въ томъ числѣ наличными деньгами за 20 т., могли бы дать убѣжище своей сестрѣ,—побуждая меня къ помощи, затрогивая за честь, говоря о гражданскихъ добродѣтеляхъ, о пятнахъ,—и все это для того, чтобъ вырвать, такъ сказать, денегъ для незаслуживающей помощи женщины, не спросивъ, какъ водится въ свѣтѣ, о моемъ здоровьѣ; словомъ, я отвыкъ отъ васъ, а потому, пользуясь тою же свободою, какъ и вы, слѣдую обычаямъ и называю васъ отъ сердца вы, а не ты.

Хоронятъ въ Невскомъ монастырѣ и въ церкви, лишь бы уплатить положенную сумму денегъ. Князь Багратіонъ похороненъ подъ колонною въ Бородинѣ; я не знаю, почему бы и мнѣ не быть похороненнымъ во храмѣ Спасителя или подъ колонною въ Маломъ-Ярославцѣ? Но, конечно, на это должна быть воля государя и благорасположеніе соотечественниковъ, жителей Москвы.

Государь желалъ, чтобы Данилевскій или Медемъ написали исторію партизанской войны, предпочтительно 1812 г. Слѣдовательно, издержки будутъ приняты на себя государемъ Да дѣло въ томъ, чтобы написать истину, по неволѣ задѣнешь кого-нибудь.

P.S. Я лѣнивъ писать, а вы все-таки пишите, если имѣете охоту. Если государь не продолжитъ аренду—срокъ еще черезъ три года—я продаю послѣ купленныя имѣнія для уплаты неоплатныхъ долговъ и уѣзжаю.... Богъ съ вами!

Сообщ. г. **Панафидинъ.**

Таинственное число.

(Надпись на фронтонѣ Инженернаго зáмка).

Михайловскій инженерный зáмокъ въ Петербургѣ, построенный императоромъ Павломъ I, замѣчательный оригинальностью архитектуры, достоинъ еще вниманія по надписи на главномъ фронтонѣ, избранной самимъ Павломъ Петровичемъ:

«Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней».

Не многимъ извѣстно, что въ ней скрывается таинственный пророческій смыслъ: число буквъ этой надписи (47) равняется числу лѣтъ, прожитыхъ императоромъ Павломъ. Онъ родился 19-го сентября 1754 г., скончался 12-го марта 1801 года.

И. И. Сосницкій и его поклонники.

1.

Любезный Иванъ Ивановичъ! За что такая немилость? Показались и исчезли! Заверните при свободномъ времени, дайте мнѣ случай лично возблагодарить васъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили вчерашній день. Вашъ талантъ таковъ, какого я нигдѣ не видалъ, кромѣ Парижа, да и тамъ вы были бы изъ первыхъ актеровъ. Право, я отъ восторга внѣ себя!

Покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ.

Четвергъ.

Помѣта Сосницкаго: 1823 года, іюля 15-го въ Москвѣ на Пашковомъ театрѣ играно «Ты и Вы», «Вольтерово посланіе или 60 лѣтъ антракта».

2.

Знаменитый нашъ артистъ-товарищъ, любезный кумъ и добрая душа! поздравляю васъ съ ангеломъ и желаю вамъ благополучія и здоровья, здоровья и еще здоровья. Жена моя также вамъ присѣдаетъ! Преданный вамъ душой Николай Дюръ.

24-го февраля 1839 г.

Примѣчаніе. Эти записочки сообщены намъ Ив. Ив. Сосницкимъ не задолго до его кончины († 24 декабря 1872 г.) Ред.

Къ вопросу о происхожденіи русскаго народа.

Замѣтка о новомъ возражателѣ.

Скучно постоянно указывать своимъ противникамъ на ихъ не научные и даже не литературные пріемы, на недостатокъ логики, вниманія и добросовѣстности. Въ сущности приходится вести борьбу не противъ существенныхъ основъ норманской теоріи, а противъ того способа полемики, къ которому прибѣгаютъ защитники этой теоріи. Но въ ожиданіи, пока норманизмъ выставитъ болѣе логичныхъ и добросовѣстныхъ противниковъ, а также въ интересахъ объявленной ему безпощадной войны, не оставляемъ безъ вниманія и тѣхъ возражателей, которые намъ представляются. (Воображаю, какъ при словѣ ожиданіе покоробитъ нѣкоторыхъ представителей русской прессы, которые уже приходятъ въ нетерпѣніе отъ нашей полемики: ибо стоитъ-ли терять время на такое пустое дѣло, какъ вопросъ о происхожденіи русской націи!). Противники, прибѣгающіе къ разнымъ уловкамъ, вмѣсто того, чтобы прямо, систематически разбирать мои наиболѣе существенные доводы и выводы, уже тѣмъ самымъ сильно подтверждаютъ несостоятельность ихъ теоріи. Обычныя свойства ихъ возраженій слѣдующія: не только искаженіе и преувеличеніе моихъ мнѣній, но даже приписываніе такихъ, которыхъ я совсѣмъ не высказывалъ; нежеланье или неумѣнье различать существенное отъ несущественнаго,—того, о чемъ я говорю болѣе положительнымъ тономъ, отъ разныхъ предположеній и соображеній, имѣющихъ для моей задачи второстепенное значеніе; повтореніе такихъ возраженій, отвѣтъ на которыя уже заключается въ моихъ статьяхъ; вращеніе въ сферѣ общихъ фразъ, запутанность мыслей и необыкновенное голословіе мнѣній, разглагольствія о предметахъ, совсѣмъ неидущихъ къ данному вопросу, и тонъ возраженій такой, какъ-будто дѣло идетъ не о научномъ интересѣ, а о личномъ оскорбленіи.

Всѣ означенныя качества замѣчательнымъ образомъ съумѣлъ соединить въ одной небольшой статьѣ мой новый возражатель, г. Ламбинъ („Журн. М. Н. Пр.“ 1873, іюль). А между тѣмъ статья не безъ ученой внѣшности: есть цитаты изъ источниковъ,—и даже цитаты латинскія; есть соображенія, повидимому, глубокомысленныя; наконецъ есть нѣкоторыя открытія въ области русской исторіи; да и самое появленіе въ ученомъ журналѣ, изобилующемъ дѣльными статьями, можетъ усилить недоумѣніе читателя, некомпетентнаго въ данномъ вопросѣ.

Г. Ламбинъ начинаетъ съ того, что приписываетъ мнѣ слѣдующую сентенцію: „теперь пора уже вычеркнуть первые два вѣка изъ нашей лѣтописи“. Итакъ, доказывать баснословіе нѣкоторыхъ сказаній, помѣщенныхъ въ началѣ лѣтописи (явленіе столь обычное лѣтописямъ всѣхъ народовъ)—это на языкѣ подобныхъ возражателей—значитъ вычеркнуть первые два вѣка. Изъ моихъ словъ: „Записки о событіяхъ начались на Руси не ранѣе второй половины XI вѣка“—будто явствуетъ, что не ранѣе этого времени „досужіе книжники начали фантазировать о началѣ Руси и о дѣлахъ первыхъ князей русскихъ, то есть, сочинять изъ своей головы русскую исторію безъ всякихъ источниковъ“. По нашему же крайнему разумѣнію, изъ всего, что говорится тутъ возражателемъ объ источникахъ, сказаніяхъ и лѣтописяхъ, явствуетъ великая путаница и темнота въ его понятіяхъ. Подъ словами записки о событіяхъ (т. е. лѣтописцы) онъ разумѣетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ всѣ письменные источники, а записки о событіяхъ современныхъ смѣшиваетъ со сказаніями о временахъ, давно прошедшихъ. Если повѣрить г. Ламбину, то извѣстные княжескіе договоры я также отношу не къ письменнымъ источникамъ, а къ области разныхъ вымысловъ. Что онъ, дѣйствительно, взводитъ на меня такое ужасное обвиненіе, вотъ тому несомнѣнное доказательство. Сказаніе о походѣ Олега подъ Царьградъ я считаю баснословнымъ. Въ лѣтописномъ сводѣ посреди этого сказанія вставленъ отрывокъ изъ предварительнаго договора съ греками, т. е. того, который предшествовалъ договору 912 года. Эта вставка такъ очевидна, что указывать на нее можно развѣ только въ школѣ, при чтеніи лѣтописи съ учениками, а не въ ученой полемикѣ. При томъ въ моихъ разсужденіяхъ встрѣчались прямыя ссылки на этотъ предшествующій договоръ, именно по поводу города Переяславля и поклоненія Русовъ Перуну и Волосу. Но что же оказывается? „Этого перваго письменнаго договора Олега съ греками г. Иловайскій не признаетъ, считаетъ его за сказку, за измышленіе книжника“. Недавно фельетонистъ одного сатирическаго листка, сѣтующій на продолжительность спора о варягахъ, смѣшалъ мое мнѣніе съ прежнимъ мнѣніемъ г. Костомарова о литовскомъ происхожденіи. Но фельетонисту это простительно: онъ не вступаетъ въ ученую полемику и не имѣетъ претензіи на спеціальныя занятія Русскою исторіей.

Какіе именно доводы предлагаетъ г. Ламбинъ противъ моего мнѣнія о баснословности Олегова похода на Царьградъ, признаюсь, по безсвязности его изложенія, понять довольно трудно. Мы указывали на легендарный характеръ самаго сказанія и на то, что византійцы ничего не говорятъ объ этомъ походѣ, тогда какъ они ясно повѣствуютъ

о походахъ предшествующемъ и послѣдующемъ (т. е. о нападеніи 865 г. и нападеніи Игоря). Эти наши основанія остаются неопровергнутыми. Г. Ламбинъ, повидимому, существованіе похода выводитъ изъ существованія договора. Но и на это мы уже замѣчали, что торговые договоры съ греками были обычнымъ явленіемъ, и они совсѣмъ не обусловливались непремѣннымъ нападеніемъ на Царьградъ. У насъ есть договоръ или, вѣрнѣе, отрывокъ изъ договора Святославова; однако, Святославъ на самый Царьградъ не нападалъ.

Лѣтописное повѣствованіе объ Олеговомъ походѣ г. Ламбинъ дѣлитъ на два сказанія; съ этими двумя сказаніями, по его мнѣнію, лѣтописецъ „распорядился весьма просто, безъ всякой хитрости": онъ разрѣзалъ каждое на три сегмента, „и потомъ, наладивъ эти шесть сегментовъ, согласно съ ихъ содержаніемъ, въ перемежку сшилъ вмѣстѣ". Затѣмъ г. Ламбинъ дѣлаетъ попытку распороть швы и возстановить сегменты. Прекрасно, пусть желающіе упражняются въ распарываніи швовъ и розыскиваніи сегментовъ, которые перепуталъ безхитростный лѣтописецъ,—мы не мѣшаемъ этому занятію; но сказаніе все-таки останется легендой, т. е. фактомъ литературнымъ, а не историческимъ, на что мы главнымъ образомъ и указывали. А затѣмъ каждый литературный фактъ также имѣетъ свою исторію. Мы предложили съ своей стороны нѣсколько соображеній объ источникахъ этой легенды; указали на упоминаніе въ ней св. Димитрія, мѣстно-чтимаго въ Солунѣ („Рус. Арх." 1873, № 4); указали и на слѣды разныхъ редакцій („Русс. Вѣст." 1872, № 12). Для болѣе удовлетворительныхъ разъясненій этого литературнаго факта поле остается открытымъ.

Олеговъ договоръ, какъ извѣстно, не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на походъ подъ Царьградъ. Но г. Ламбинъ открылъ въ немъ прямое указаніе. Какое бы вы думали? Да очень простое: тамъ встрѣчается фраза о свѣтлыхъ и великихъ князьяхъ и боярахъ, „иже суть подъ рукою" Олега. Эпитеты великихъ и свѣтлыхъ, свидѣтельствующіе „о гордости побѣдителя" и составляютъ „еще доказательство, что походъ Олега не сказка". И это говорится не шутя. Далѣе, на основаніи того же упоминанія о свѣтлыхъ князьяхъ, подручныхъ Олегу, слѣдуютъ глубокія соображенія о существовавшей на Руси феодальной системѣ, и не иначе, какъ въ той самой формѣ, въ которой она была введена въ Европѣ германскими народами,—и вотъ опять сильное доказательство въ пользу норманизма! Развѣ г. Ламбину неизвѣстно, что вассальныя или подручныя отношенія встрѣчаются подъ формами весьма разнообразными, и при томъ въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ? Подручныя отношенія, конечно, были не-

избѣжною ступенью къ объединенію всѣхъ руссовъ подъ властью одного княжескаго рода. Гдѣ же тутъ признаки германо-романскаго феодализма?

Надобно отдать справедливость г. Ламбину: Олеговъ договоръ служитъ для него неистощимымъ источникомъ открытій. Оказывается еще, что для упомянутыхъ свѣтлыхъ князей „конечно, а не для жителей городовъ, Олегъ вытребовалъ отъ грековъ уклады, то есть, дань ежегодную, постоянную". Въ договорѣ говорится объ укладахъ на русскіе города—Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и проч. Тутъ же далѣе и объясняется, въ чемъ состояли эти уклады: Русь, приходящая въ Царьградъ (вѣроятно съ посольствомъ), получаетъ хлѣбнаго продовольствія, сколько хочетъ; а русскіе гости или купцы въ теченіе полугода (лѣтней навигаціи) получаютъ мѣсячину, т. е. опредѣленное количество хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; кромѣ того, сколько угодно могутъ мыться даромъ въ царьградскихъ баняхъ; а на обратный путь въ Россію получаютъ отъ царя съѣстные припасы и корабельныхъ снастей, сколько нужно. Въ Игоревомъ договорѣ опять упоминается объ этомъ условіи и повторяется тотъ же чередъ по городамъ, который соблюдался при раздачѣ припасовъ русскимъ гостямъ: первые получали кіевляне, вторые—черниговцы, потомъ—переяславцы. И эти-то любопытныя черты нашихъ древнихъ торговыхъ сношеній съ Византіей г. Ламбинъ обратилъ въ ежегодную дань! (При такомъ-то умѣньѣ толковать текстъ, онъ поправляетъ нашу ссылку по поводу національности Олега на извѣстное выраженіе договора: мы отъ рода русскаго; какъ-будто договоръ не былъ заключенъ отъ имени князя и какъ-будто князь и его бояре не были одной національности) [1]).

Что касается до пресловутой легенды о призваніи князей, то я будто бы считаю сочинителемъ ея какого-то „досужаго новогородца XIII вѣка". Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ г. Ламбинъ. Затрудняюсь предположить въ этомъ случаѣ умышленное искаженіе; скорѣе отношу его все къ тому же рѣдкому искусству толкованія, котораго образчикъ мы только сейчасъ представили.—Я говорилъ, что легенда

[1]) Кстати о поправкахъ. Изъ числа примѣровъ, указывающихъ на болѣе позднюю редакцію лѣтописи, прошу исключить извѣстіе о землетрясеніи въ Сиріи («Рус. Вѣст.» 1872, ноябр., стр. 131, примѣчаніе), такъ какъ это извѣстіе взято изъ Амартола. Настоящая поправка не измѣняетъ сущности дѣла, и относится къ той части разсужденія, въ которой я не высказываю окончательныхъ выводовъ; тѣмъ не менѣе, я весьма благодаренъ К. Н. Бестужеву-Рюмину за указаніе на этотъ недосмотръ, котораго не усмотрѣлъ ни одинъ изъ моихъ печатныхъ возражателей. Д. И.

о Рюрикѣ съ двумя братьями есть, по всей вѣроятности, новгородскаго происхожденія, въ противоположность легендѣ о Кіѣ тоже съ двумя братьями, которая, очевидно, кіевскаго происхожденія и болѣе древняго, чѣмъ новгородская легенда. Я говорилъ, что басня о варягахъ въ томъ видѣ, въ которомъ она дошла до насъ (т. е. смѣшеніе Руси съ варягами) принадлежитъ лѣтописной редакціи XIII вѣка, или не ранѣе второй половины XII, и представилъ на то свои доводы („Русс. Вѣст." 1872, ноябрь и декабрь). Но все, что я писалъ о лѣтописныхъ редакціяхъ, т. е. о томъ, что корень вопроса заключается въ позднѣйшемъ смѣшеніи Руси съ варягами, — все это пропало даромъ для такихъ возражателей, какъ г. Ламбинъ [1]).

Вопросъ о лѣтописныхъ редакціяхъ и порчѣ первоначальнаго текста „Повѣсти временныхъ лѣтъ", очевидно, не совсѣмъ доступенъ пониманію г. Ламбина. На этотъ счетъ онъ изобрѣлъ свою собственную теорію. По его мнѣнію, какой-то „книжникъ, собиратель народныхъ разсказовъ о минувшемъ, составилъ, по всей вѣроятности около половины XI вѣка, первую легендарную лѣтопись"; а потомъ уже сочинена настоящая лѣтопись или „Повѣсть временныхъ лѣтъ", въ которую взяты легенды изъ легендарной лѣтописи. На чемъ основана эта вновь изобрѣтенная теорія? Да все на томъ же Олеговомъ договорѣ, который, какъ мы сказали, служитъ г. Ламбину неистощимымъ источникомъ открытій. Предполагаемый имъ авторъ легендарной лѣтописи „вовсе не зналъ письменныхъ договоровъ и даже не подозрѣвалъ ихъ существованія", а доказательство его незнанія очевидно: если бы онъ зналъ объ Олеговомъ договорѣ, который былъ подписанъ въ сентябрѣ 912 года, то не могъ бы отнести смерть Олега отъ ужаленія змѣи къ осени того же года, „когда змѣи нигдѣ уже не появляются". Стало быть, воображаемый авторъ легендарной лѣтописи былъ замѣчательный естествовѣдъ и необыкновенно логиченъ; тогда какъ сочинитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ" умѣлъ только безъ хитрости разрѣзать сказанія на сегменты и сшивать ихъ въ перемежку. Наконецъ, не знаешь, чему отдать предпочтеніе: отсутствію

[1]) Не лишены особаго рода остроумія и доводы г. Ламбина противъ легендарнаго числа трехъ братьевъ. Это число встрѣчается-де и въ исторіи; такъ, между прочимъ, у Владиміра было двѣнадцать сыновей, но въ дѣйствительности «являются только три брата» (даже Борисъ и Глѣбъ нейдутъ въ счетъ); у Ярослава было пять сыновей, но изъ нихъ двое какъ-то пропадаютъ, и число пять обращается въ три. «Да кажется и въ статистикѣ отецъ, мать и трое дѣтей, или три сына, считаются за нормальную семью». Признаемся, трудно устоять противъ столь убѣдительныхъ историко-статистическихъ доводовъ! Д. И.

хитрости у нашего стариннаго книжника, или остроумному анализу его новѣйшаго толкователя?

Самое важное и самое удачное открытіе г. Ламбина заключается въ самомъ концѣ его статьи. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ отрывкѣ изъ письма какого-то херсонскаго начальника; отрывокъ этотъ былъ изданъ Газе и по нѣкоторымъ признакамъ принадлежитъ X столѣтію. Здѣсь говорится о войнѣ грековъ съ какими-то варварами, князь которыхъ владѣетъ землями къ сѣверу отъ Дуная. Доселѣ въ этомъ князѣ предполагали или Владиміра св., или Святослава. Г. Ламбинъ, во-первыхъ, узналъ въ немъ Олега,—хотя именно въ Олеговомъ договорѣ (источникѣ его открытій) о Корсунской странѣ не упоминается, а начинается о ней упоминаніе только съ Игорева договора. Во-вторыхъ, и это главное, онъ усмотрѣлъ здѣсь несомнѣнное и положительное указаніе на призваніе къ намъ варяжскихъ князей. Вотъ это сказаніе: „исчезла ихъ прежняя справедливость, наблюдая которую они стяжали великіе трофеи, такъ что къ нимъ добровольно присоединялись города и народы (civitates et gentes)". Открытіе свое г. Ламбинъ сопровождаетъ слѣдующими словами: „Это заявленіе, конечно, должно изумить г. Иловайскаго, твердо убѣжденнаго въ томъ, что о прибытіи къ намъ князей и Руси изъ за-моря, отъ варяговъ, нигдѣ, кромѣ нашей лѣтописи, не сохранилось никакихъ воспоминаній, и что о дѣлахъ Олега молчатъ всѣ иноземные источники". Дѣйствительно, нельзя не изумиться. Но прежде всего изъ словъ г. Ламбина не въ правѣ-ли читатель заключить, что этотъ отрывокъ есть для меня совершенная новость, и что я даже не подозрѣвалъ его существованія? А между тѣмъ, онъ приведенъ у меня въ числѣ доказатетьствъ исконнаго бытія Руси Азовско-Черноморской или Тмутраканской („Русс. Вѣст." 1871, декабрь). Что же касается до фразы о прежнемъ добровольномъ присоединеніи городовъ и народовъ къ варварамъ, князь которыхъ владѣетъ къ сѣверу отъ Дуная, то, кромѣ своего реторическаго характера, она можетъ просто намекать на объединеніе восточныхъ славянскихъ племенъ подъ властію Кіевской Руси. Объединеніе это совершалось, конечно, не одною только силою оружія, но и силою умной политики, которая союзами и подручными отношеніями помогала объединенію; особенно она пользовалась давленіемъ на славянскія племена со стороны другихъ народовъ; такъ Тмутраканская Русь, по всѣмъ признакамъ, освободилась отъ хазарскаго ига только помощію Кіевской Руси. Когда же какое либо подручное племя дѣлало попытку отложиться, то начиналъ свирѣпствовать мечъ, и племя покорялось окончательно. Въ отрывкѣ далѣе говорится именно о разореніи и порабощеніи варварами ихъ

собственныхъ соплеменниковъ, и очень можетъ быть, дѣло идетъ объ окончательномъ подчиненіи кіевскому князю Тмутраканской Руси, сдѣлавшей попытку къ отложенію, притомъ не безъ интригъ со стороны греческой политики. (Существованіе этихъ интригъ въ томъ краю подтверждаютъ и другіе примѣры) [1]) Вообще этотъ темный отрывокъ даетъ обширное поле для разныхъ предположеній. Только призванія варяжскихъ князей изъ Скандинавіи въ Новгородъ отсюда никоимъ образомъ не выходитъ, хотя г. Ламбинъ и увѣряетъ, что упомянутыя civitates et gentes „могутъ быть только наши сѣверныя племена Чюдь, Словѣне, Кривичи и Весь, отправившія посольство за море къ варягамъ къ Руси“. Это еще болѣе вопіющее толкованіе, чѣмъ то, по которому уклады о съѣстныхъ припасахъ обратились въ ежегодную дань.

Но довольно. Входя въ разборъ статьи г. Ламбина, я имѣлъ также въ виду оградить себя отъ лишней потери времени, на случай могущихъ и впредь появиться возраженій, относительно которыхъ можно повторить только поговорку: „охота смертная, а участь горькая“.

Д. И. Иловайскій.

24-го іюля 1873 г.

Поправка: Въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 233, и на обертнѣ напечатано: Сообщ. Н. Рудыновскій.... читай: Сообщ. Н. Рудыковскій.

---

[1]) Въ отрывкѣ упоминается еще какой-то варварскій народъ, слегка зависимый отъ грековъ, который, однако, передался на сторону ихъ враговъ. Этотъ народъ принимаютъ за соплеменниковъ тѣхъ варваровъ, съ которыми происходитъ война. Не надобно, однако, упускать изъ виду, что въ текстѣ говорится только объ ихъ сосѣдствѣ и сходствѣ обычаевъ. На Таврическомъ полуостровѣ, кромѣ Тавроскиѳовъ или Руссовъ, встрѣчаются тогда и другія народности, напримѣръ, Готы и Печенѣги. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ мы прежде всего можемъ предположить Тавроскиѳовъ. Д. И.

Въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ **Базунова** въ Спб., и въ магазинѣ **Соловьева** въ Москвѣ, можно получить всѣ 12-ть книгъ, съ приложеніями, изданія:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1872-й г.

(*Осталось немного экземпляров*).

Въ «Русской Старинѣ» 1872 г., между прочимъ, напечатаны: Записки гр. **Чернышева**, сподвижника Петра Великаго. — Воспоминанія академика **Витберга**, съ его словъ записанныя въ Вяткѣ **А. И. Герценомъ (Искандеромъ)** въ 1836 г. — Записки поч. лейбъ-хирурга **Тарасова**. — Записки партизана **Дениса Давыдова**. — Собственноручныя шуточныя произведенія Петра Великаго о князь-папѣ и «всепьянѣйшемъ соборѣ» (Петръ I — какъ юмористъ). — Секретныя депеши прусскаго посла объ обидахъ, нанесенныхъ ему царемъ Петромъ и кн. Меншиковымъ, и др. матеріалы о Петрѣ Великомъ и его времени. — Письма и мнѣнія кн. **М. М. Щербатова**, кн. **Суворова**, кн. **Голенищева-Кутузова-Смоленскаго**, гр. **Мордвинова**, гр. **Сперанскаго**, **Ермолова** и друг. — Секретныя донесенія **Дибича** и **Паскевича** о Ермоловѣ 1826 — 1827 гг. — Письмо Ермолова къ Устрялову. — Письмо **Н. Н. Муравьева (Карскаго)** къ Ермолову 1855 г., съ отвѣтомъ на него кн. **Святополкъ-Мірскаго**. — Письмо фельдмаршала кн. **И. Ѳ. Паскевича** къ кн. **М. Д. Горчакову** о защитѣ и паденіи Севастополя (1855 г.). — Воспоминанія **Т. П. Пассекъ** 1810—1826 гг. — Дѣло о жестокостяхъ помѣщика **Измайлова** 1825 г. — Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей **П. Ѳ. Карабановымъ** и др. лицами. — Думы, посланія, сатира на Аракчеева и пророческая ода «Видѣніе» **Рылѣева**. — Воспоминанія о Гоголѣ — **Берга**, о Грибоѣдовѣ — **Каратыгина**, — объ Аракчеевѣ - доктора **Европеуса**. — Смерть **Грибоѣдова** — изслѣдованіе по подлиннымъ, неизданнымъ документамъ **А. П. Берже**. — Неизд. стихотворенія **Лермонтова**. — «Насильный бракъ» баллада гр. **Ростопчиной**. — Басни и сказки **Хемницера** (по подлинной его рукописи). — Письма **Дубельта**. — «Маіоръ» шутка-поэма **Ѳедотова**. — «Солдатская сказка про царей россійскаго и нѣмецкаго» **Чернышева**. — Мнѣніе по дѣлу **Петрашевскаго** 1849 г. Письма и програмы оперы «Русланъ и Людмила» — **М. И. Глинки**, и проч.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1872 г., третій годъ, имѣетъ приложенія: «Записки» **А. Т. Болотова** (т. III-й). Портреты: академика **Витберга**. — Пѣвца былинъ **Рябинина**. — Фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора XI вѣка. — Рисунки: Храмъ Спасителя въ Москвѣ — по проекту Витберга. — Домъ, въ которомъ скончался кн. Кутузовъ-Смоленскій въ Бунцлау и памятникъ ему тамъ же. — Снимокъ съ письма кн. Кутузова о Бородинской битвѣ 1812 г. — Рисунокъ казни Пугачева и нѣсколько рисунковъ въ Запискахъ Болотова.

Гг. Иногородныхъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“: въ С.-Петербургъ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1872 года съ пересылкой

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

плянъ, Аравитянъ, народовъ Западной и Малой Азіи, Ассиріянъ и Вавилонянъ, Мидянъ и Персовъ, Евреевъ и Финикіянъ, Индусовъ.

Въ виду превосходнаго труда Германа Вейса, нельзя не пожелать искренно, чтобы наша Академія Художествъ поработала бы надъ составленіемъ «Россійскаго внѣшняго быта», благо что и образецъ есть. Матеріаловъ для такого труда есть достаточно, только-бы пожелали приняться за его обработку. Для примѣра укажемъ на собраніе матеріаловъ по западно-русской орнаментикѣ, составленное молодымъ художникомъ В. В. Грязновымъ.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова. А. Никитскаго. Спб., 1873, м. 8°, X и 344 стр.

Трудъ г. Никитскаго состоитъ изъ введенія (взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси) и пяти главъ: областной бытъ Новгорода; Псковъ и его устройство; состояніе церкви въ Псковѣ; торжество московскаго порядка; вліяніе Москвы на дѣла церкви. Въ веденіи авторъ разбираетъ теорію родоваго быта, его защитниковъ и противниковъ, и высказываетъ мысль, могущую быть, по его мнѣнію, «всепримиряющимъ началомъ», именно—«мысль о фиктивномъ или политическомъ родѣ,—мысль, говорящую, что съ одной стороны родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же—община была не чисто политическою, т. е. мѣстною, а родовою». Говоря о времени первоначальнаго составленія Псковской Правды, авторъ не соглашается съ гг. Калачовымъ и Энгельманомъ. относящими это событіе къ половинѣ XIII вѣка, къ княженію Александра Невскаго; г. Никитскій полагаетъ, что Псковская Правда составлена во время Александра Михайловича Тверскаго, въ первой половинѣ XIV вѣка, въ періодъ отъ 1322 по 1348 годъ. Церковная сторона во внутренней исторіи Пскова особенно подробно разработана, что особенно важно въ виду того, что съ этой стороны у Пскова начались неудовольствія съ Новгородомъ, затѣмъ—знакомство съ Москвою, поведшее къ утратѣ самостоятельности.

Первыя славянскія монархіи на Сѣверо-Западѣ. Соч. Ѳ. Успенскаго. Спб., 1872, 8°, VIII нен., 266 и IX стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книга эта издана здѣшнимъ Славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ и посвящена «памяти Александра Ѳедоровича Гильфердинга», который, для поощренія русскихъ молодыхъ людей къ занятію славянскою наукою, возбудилъ въ комитетѣ мысль объ учрежденіи преміи кирилловской. Для этого въ 1868 году была объявлена тема: «О трехъ первыхъ попыткахъ государственнаго объединенія Западныхъ Славянъ». Рукопись, представленная г. Успенскимъ, была одобрена и удостоена первой кирилловской преміи. Не смотря на сравнительно-малый (двухлѣтній, особенно — для студента) срокъ, г. Успенскій, подъ руководствомъ В. И. Ламанскаго, успѣлъ и прочесть, и сдѣлать много. Послѣ очень коротенькаго географико-этнографическаго очерка, авторъ переходитъ къ державѣ Само, подробно говоритъ о Великой Моравіи, объ объединеніи Западныхъ Славянъ подъ чешскими князьями, о Болеславѣ Храбромъ. Вообще—книга эта весьма полезная, пополняющая пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ.

Питомцамъ имп. Спб. Воспитательнаго дома. Въ воспоминаніе столѣтняго юбилея. Спб., 1873, м. 8°, 96 и 39 стр.

Въ началѣ книги помѣщена Высочайшая грамота Восп. Дому. Затѣмъ текстъ начинается двумя вполнѣ поэтическими примѣрами о необходимости состраданія не только къ покинутымъ людямъ, но и къ животнымъ; послѣ чего слѣдуетъ краткая, но хорошо изложенная, исторія воспитательныхъ домовъ за границей и у насъ. Въ концѣ помѣщены приложенія: о правахъ и обязанностяхъ питомцевъ Восп. Дома и ихъ воспитателей, о сельскихъ школахъ и учительской семинаріи и пр., а въ текстѣ—пять портретовъ (государя, государыни, Екатерины II, Бецкаго и Маріи Ѳеодоровны) и видъ Петербургскаго Восп. Дома, а на выходномъ листѣ и обложкѣ—памятникъ Бецкому. Книга вообще интересна, изданіе же ея изящно и вполнѣ полезно для многочисленныхъ питомцевъ Воспитательнаго дома, для которыхъ главнымъ образомъ и составлена эта книга.

Сборникъ рукописей, представленныхъ Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу о Севастопольской оборонѣ севастопольцами. Т. III, Спб. 1873, въ 8-ю д. 446 стр. съ портретами. Цѣна 2 р. 50 коп.

Это уже третій выпускъ прекраснаго по мысли и цѣли изданія, встрѣченнаго всею грамотною Россіею съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ настоящей книгѣ многочисленные читатели «Севастопольскаго сборника» найдутъ: 1) Воспоминанія о Севастополѣ Корженевскаго; 2) Выписки изъ писемъ покойнаго генерала отъ инфантеріи Константина Романовича Семякина, одного изъ мужественныхъ, исполненнаго высокой доблести и пламенной любви къ отечеству, защитниковъ Севастополя; письма Семякина отличаются простотою изложенія и искренностію; въ нихъ нѣтъ той кудрявости и тѣхъ звонкихъ фразъ, которыми грѣшатъ нѣкоторые изъ вкладчиковъ этого, весьма интереснаго сборника; 3) Воспоминаніе брянца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ — Александра Гана, разсказъ также исполненный благородной скромности о себѣ и представляющій нѣсколько новыхъ фактовъ; 4) Дѣйствіе въ альминскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка, любопытная статья Владиміра Бейтнера, и нѣк. друг.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома,** изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія,** не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** —въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногородняго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч., въ д. Трута, кв. № 12.**

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» будутъ, между прочимъ, напечатаны:

Записки (мемуары) и воспоминанія: М. А. Бестужева; Н. В. Веригина (1815—1826 гг.); С. Н. Глинки (1797—1830 гг.); И. И. Горбачевскаго (политич. общества, 1815—1826 гг.); атамана Денисова; полков. Замятнина и генер. Липпина (о польск. камп. 1831 г.); И. С. Жиркевича (1795—1835 гг.); путешествіе квакера въ Россію (1818 г.); дневникъ В. К. Кюхельбекера (часть первая: дневникъ узника, часть вторая: дневникъ ссыльнаго, 1831—1845 гг.); дневникъ цензора А. И. Красовскаго; Лагарпа (записки о воспит. вел. кн.); Н. Г. Левшина (1788 — 1804 гг.); С. И. Маевскаго (1824—1826 гг.: аракчеевщина); артистки импер. москов. театровъ Л. П. Никулиной-Косицкой; К. Ѳ. Опочинина (революція въ Варшавѣ 1830 г.); Т. П. Пассекъ (1829 — 1840 гг.); И. Н. Скобелева (1808 — 1815 гг); Сулокадзева (1825 г.); А. Н. Струговщикова (воспоминанія о средѣ, въ которой жилъ и трудился композиторъ М. И. Глинка (1837—1841 гг.); акад. жив. Ступина; В. И. Фелькнера (путешествіе въ Стокгольмъ, въ свитѣ императора Николая I); кн. Шаховскаго; А. Ѳ. Ушакова (о мятежѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г.) и друг.

Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній: Н. И. Бахтина, декабр. Бестужевыхъ, М. Ѳ. Бороздина, Ѳ. В. Булгарина, акад. Витберга; свѣтл. кн. Волконскаго; Демидовыхъ (XVIII в.); кн. М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго; Кюхельбекера; кн. Куракиныхъ; Ѳ. К. Опочинина; переписка гр. Паниныхъ (XVIII ст.); собр. матер. къ исторіи пугачевщины А. Г. Пупарева; кн. Г. А. Потемкина; быв. попеч. петерб. учебн. округа Д. П. Рунича; писателя С. Русова; бар. М. Н. Сердобина; гр. Стакельберга (XVIII в.); кн. Италійскаго гр. Суворова-Рымникскаго; М. М. Философова; А. С. Хвостова; А. С. Шишкова; кн. М. М. Щербатова; собраніе секретно вскрытыхъ писемъ 1790 - 1794 гг., и проч.

Къ исторіи русск. литературы и искусствъ: переписка и матеріалы для біографій: К. Н. Батюшкова, Н. А. и А. А. Бестужевыхъ; В. Г. Бѣлинскаго (письмо къ родствен.); акад. жив. Венеціанова; Ф. Ф. Вигеля; А. И. Герцена; М. И. Глинки; Т. Н. Грановскаго; А. С. Грибоѣдова; В. И. Даля; И. И. Дмитріева; В. Н. Каразина (письма и статьи); И. П. Кулибина; Кюхельбекера поэма «Вѣчный жидъ»; И. И. Лажечникова; Лунина; Нелединскаго-Мелецкаго; А. С. Пушкина; А. Радищева; К. Ѳ. Рылѣева; гр. Н. П. Румянцова; библіографа Сопикова; С. С. Уварова; А. С. Хомякова; Т. Г. Шевченко; С. П. Шевырева; Н. М. Языкова и др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное участіе **М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. ОКТЯБРЬ. 1873 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ этой книгѣ приложены: а) «**Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся во всѣхъ четырехъ томахъ (29 частей) Записокъ А. Т. Болотова** 1738—1795 гг.»; б) фото-литографическій **снимокъ** съ двухъ страницъ подлинной рукописи Записокъ Болотова (томъ I, часть 1, стр. 330 и 331).

Подписка на „Русскую Старину" изд. **1873** г. продолжается. Цѣна 8 р. съ пересылкой *(Осталось немного экземпляровъ)*.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. **1874** г., пятый годъ изданія. Цѣна 8 р. съ пересылкой и доставкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

X-я книга „Русской Старины" напечатана къ 1-му октября.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Изслѣдованіе Н. Скабалановича. Спб., 1873, м. 8°, 4 нен. V и 225 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Возникшая съ начала Брестскаго собора (1596 г.) полемика между уніатами и православными, положила начало обширной и богатой литературѣ, драгоцѣнные памятники которой, т. е., старопечатныя книги на языкахъ западно-русскомъ и польскомъ (XVI и XVII вѣка), хранятся въ витринахъ Императорской Публичной библіотеки, Московской, Виленской, въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ. Помимо своей главной, богословской стороны, памятники эти, содержащіе въ себѣ массу подлинныхъ документовъ, особенно важны въ отношеніи историческомъ, литературномъ и даже филологическомъ,—какъ образцы литературной западно-русской рѣчи и грамматики, какъ матеріалы для словаря и данныя для изученія лексическаго состава, въ его отношеніяхъ къ рѣчи польской и съ его сѣверными (бѣлорусскими) и южными (малорусскими) видоизмѣненіями. Важность ученаго библіографическаго описанія западно-русской полемической старопечати уже нѣсколько лѣтъ, какъ сознана нашею академіею наукъ: тема эта объявлена и, какъ слышно, разрабатывается А. Н. Поповымъ. Но и помимо академіи, и притомъ гораздо прежде, наши ученые оцѣнили важность западно-русской старопечати, и полнѣе изъ всѣхъ ихъ раскрылъ ея значеніе М. О. Кояловичъ въ первыхъ двухъ томахъ своей «Литовской церковной уніи». Изъ всей западно-русской старопечати особенно выдвигается «Апокрисисъ», недавно переведенный на русскій языкъ и изданный (1869 г.) профессорами Кіевской духовной академіи, возбуждавшій и возбуждающій вопросы, доселѣ еще нерѣшенные, касающіеся—опредѣленія личности загадочнаго автора, скрывшагося подъ псевдонимомъ Филалета, мѣста и года изданія западно-русскаго перевода, сдѣланнаго съ польскаго оригинала, вышедшаго въ Вильнѣ въ 1597 году.

Вотъ этотъ-то любопытный памятникъ и послужилъ для изслѣдованія г. Скабалановича. Болѣе осязательные результаты, добытые г. Скабалановичемъ, слѣдующіе: 1) въ православной западно-русской полемической литературѣ «Апокрисисъ»—первое, по времени, научно-систематическое опровержение римско-католическаго ученія о главенствѣ папы; 2) «Апокрисисъ», въ богословской части своего содержанія, обнаруживаетъ, наряду съ православными, протестантскія мысли автора. Но особенно удачно опредѣлены крайніе пункты времени выхода западно-русскаго перевода «Апокрисиса». Какъ извѣстно, сперва безпрекословно выставлялся 1597 годъ; теперь же, благодаря розысканіямъ г. Скабалановича, опредѣлились слѣдующіе крайніе пункты: не ранѣе іюня 1598 и не позже апрѣля 1599 года. Что же касается опредѣленія личности автора «Апокрисиса» и мѣста выхода западно-русскаго перевода, — изслѣдованіе г. Скабалановича, кромѣ легкой попытки, ничего новаго не представило. Впрочемъ, это и понятно: для окончательнаго рѣшенія о мѣстѣ выхода, требуется филологическое разсмотрѣніе западно-русской книжной рѣчи и изученіе ея сѣверныхъ (бѣлорусскихъ) и южныхъ (малорусскихъ) особенностей,—не говоря уже о ближайшемъ знакомствѣ съ западно-русскими типографіями, изъ которыхъ каждая представляетъ отличія въ правописаніи, знакахъ препинанія, кустодіяхъ, пагинаціи, бумагѣ съ ея водными знаками, и пр., и пр. Всѣми этими средствами, особенно филологическими, авторъ располагать не могъ, во-первыхъ, по отсутствію языкознательной каѳедры въ нашихъ духовныхъ академіяхъ (г. Скабалановичъ—воспитанникъ Петербургской дух. акад.), а во-вторыхъ, что для всего этого нуженъ опытъ и занятія не одного года. Конечно, этимъ трудомъ г. Скабалановичъ не ограничитъ своихъ занятій по «Апокрисису»; судя по настоящему его труду, мы вправѣ отъ него ожидать обстоятельнаго, совмѣстнаго изданія двухъ текстовъ «Апокрисиса»—польскаго (въ высшей степени рѣдкаго, неимѣющагося даже въ Имп. Пуб. библіотекѣ) и западно-русскаго, вмѣстѣ съ словаремъ; тѣмъ болѣе, что нѣкоторое начало для такого труда имъ положено, и даже получился выводъ, что западно-русскій переводъ «Апокрисиса», сравнительно съ польскимъ оригиналомъ, заключаетъ множество видоизмѣненій въ текстѣ.

Г. Скабалановичъ стоитъ восьмымъ по счоту изъ числа лицъ, вышедшихъ изъ ученой школы проф. М. О. Кояловича. Школа эта заслуживаетъ полнаго вниманія, и потому мы позволяемъ себѣ сказать о ея личномъ составѣ, съ указаніемъ изслѣдованій: Рущинскій (О религіозномъ бытѣ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностр. писателей XVI и XVII в.; см. «Р. Ст.» 1872, апрѣль), Николаевскій (Русская проповѣдь XVI в.), Демьяновичъ (Іезуиты въ Зап. Россіи въ 1569—1772 г.; см. «Р. Ст.» 1872, май), Крачковскій (Внутрен. состояніе уніатской церкви, см. «Р. Ст.» 1872, апрѣль), Щербицкій (Исторія базиліанскаго ордена), Еленевскій (о Мелетіѣ Смотрицкомъ), Котовичъ (Исторія христіанства въ сѣверо-западномъ краѣ до

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Аракчеевщина.

I [1]).

Назначеніе меня начальникомъ Старорусскаго военнаго поселенія. — Дибичъ. — Первое представленіе гр. Аракчееву.—Княжной.—Работы съ Аракчеевымъ. — Болѣзнь императора. — Осмотръ военно - поселеннаго гр. Аракчеева полка.—Комитетъ для составленія проекта инструкціи.—Депутаты.—Бесѣда съ Аракчеевымъ о его значеніи и заслугахъ.—Зловѣщій сонъ и ссылка наяву. — Военно-сиротское отдѣленіе. — Аракчеевъ отправляетъ меня на аудіенцію къ государю.—Разговоръ императора со мной о военныхъ поселеніяхъ.

1824 г.

Чтобы дать идею о планѣ, для исполненія котораго избралъ меня Благословенный Александръ, я долженъ пройти ходъ общихъ государственныхъ предположеній. Государь, получивъ расположеніе къ умноженію военныхъ поселеній, рѣшительно предположилъ обратить весь Старорусскій уѣздъ (то-есть, всѣ казенныя вотчины онаго) подъ поселеніе остальныхъ 2-хъ гренадерскихъ дивизій — 2-й и 3-й съ ихъ артиллеріею, а Ярославскую губернію подъ поселеніе пѣхоты. Гр. Аракчееву предоставлено было обработать планъ сей. Но, сказать истину, онъ потелъ надъ нимъ 5—6 лѣтъ даромъ: множество его предположеній, противорѣча одно другому, доказывали только простыя вычисленія, ни на чемъ неразсчитанныя и неимѣвшія хорошихъ по-

[1]) «Исторія ген. Маевскаго», ч. I, см. въ «Русской Старинѣ» 1873 г. т. VII, стр. 125 и 253.

слѣдствій. Планы сіи можно видѣть въ актахъ. Но сравнивая предположенія его съ моими дѣйствіями, тотчасъ увидимъ, что это была игра случайныхъ разсчетовъ. Графъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, сначала вовсе отказывался отъ этого поселенія; потомъ желалъ имѣть его въ меньшемъ видѣ, представляя: то затрудненія управлять такою обширною массою при буйствѣ тамошняго народа, то неимѣніе въ Россіи людей, которымъ бы можно было ввѣрить управленіе народонаселеніемъ до 60 т. людей. Но государь твердо держался своего плана, и Аракчееву оставалось слѣдовать только священной его волѣ.

Я знаю характеръ графа, и подозрѣваю его въ двухъ обстоятельствахъ: первое—графъ, бывши напуганъ неудачами собственнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи, страшился новыхъ непріятныхъ послѣдстій (бунта); второе—боялся имѣть соперникомъ подобнаго гр. Витту и раздѣлять съ нимъ свои лавры [1]). Онъ сначала ввелъ туда на постой до 50 баталіоновъ, «ожесточая поселянъ съ намѣреніемъ», какъ онъ говорилъ, «чтобы званіе поселянина было для него сноснѣе, чѣмъ званіе свободнаго крестьянина».

Утѣснительный этотъ способъ продолжался съ 1817 по 1824 г. Должно думать, что государь, утомившись долговременнымъ отлагательствомъ пламенно желаемаго имъ исполненія, изъявилъ, наконецъ, твердую свою волю. Аракчеевъ согласился; но не бралъ на себя избирать человѣка, способнаго управлять обширною этою массою, говоря:

— «Когда при водвореніи одной дивизіи, гдѣ на 20—30 солдатъ приходилось по одному жителю, было столько затрудненій и безпорядковъ (бунтовъ), то чего же должно ожидать тамъ, гдѣ вдругъ 60 т. должны разстаться съ млечными, такъ сказать, привычками и принять новый родъ жизни и одежды, раставшись

---

[1]) Гр. Аракчеевъ всякій разъ съ удовольствіемъ показывалъ мнѣ высочайшія повелѣнія съ выговорами гр. Витту, говоря: «ежели-бъ государь написалъ мнѣ или тебѣ хотя одинъ такой выговоръ, мы бы съ тобой умерли съ отчаянія. А вотъ—полякъ—ему все ничего».

Графъ, разсыпая одинъ разъ остроту словъ, сказалъ: «я знаю, чего вамъ хочется. Вамъ хочется, чтобъ гр. Виттъ сѣлъ мнѣ на голову, Угрюмовъ—на правое, а ты—на лѣвое мое плечо. Нѣтъ, пока я служу, никогда этого не будетъ; а когда перестану служить, то можете это дѣлать съ другимъ, а не со мною». С. М.

съ бородами, которыя, по ихъ понятію, считаются наравнѣ съ священными, ибо тутъ были все раскольники».

Государь сказалъ: «Отвѣтственность за послѣдствія беру я на себя. А что касается до человѣка, долженствующаго управлять, я выберу его самъ».

И тутъ же, взявъ генеральскій списокъ и проходя имена генераловъ, остановился на мнѣ, сказавъ:

— «Вотъ тебѣ человѣкъ, который все это сдѣлаетъ». (Слова статсъ-секретаря Трофимова.)

Повелѣніе послано было ко мнѣ въ ноябрѣ 1823 г., а я получилъ уже въ январѣ 1824 г. Графъ, зная, что съ нимъ немногіе любятъ служить, полагалъ, что я отдѣлываюсь медленностью. Но Дибичъ, увидѣвши меня, объявилъ мнѣ, что онъ съ намѣреніемъ [1]) продержалъ это повелѣніе, полагая, не будетъ-ли перемѣны «ибо постъ сей пламенно хотѣлъ занять дивизіонный мой командиръ Храповицкій, въ надеждѣ еще болѣе приблизиться къ царю, который и безъ того удостоивалъ его особой своей милости и вниманія».

Я, какъ теперь, помню тотъ день, когда я явился къ графу. Невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Сегюръ правду говоритъ, что и самый близкій къ придворному обращенію, приготовляясь быть представленнымъ къ монарху, котораго онъ еще не видалъ, невольно чувствуетъ какое-то смятеніе, берущее верхъ надъ разсчетами самаго высокаго ума. Меня ввели въ переднюю, гдѣ я дожидался съ полчаса; потомъ перевели въ парадную залу, гдѣ я опять дожидался съ часъ. Во все это время лихорадочная дрожь не оставляла меня. Надобно замѣтить, что храмъ или домъ Аракчеева весьма много похожъ на египетскія подземныя таинства [2]). Въ преддверіи встрѣчаетъ васъ курьеръ и ведетъ, чрезъ большія сѣни, въ адъютантскую; отсюда, направо, собственная канцелярія государя императора, налѣво—департаментъ Аракчеева, а прямо—пріемная. Вездѣ мистика, вездѣ глубокая тишина; даже на физіогноміяхъ ничего болѣе, кромѣ страха, не отсвѣчи-

[1]) Съ этого времени я началъ подозрѣвать Дибича (въ недоброжелательствѣ ко мнѣ) и не безъ причины:—онъ свелъ меня со сцены и обратилъ на грязную дорогу Балты и госпиталей. С. М.

[2]) Этотъ большой деревянный домъ находится въ Петербургѣ, на углу Кирочной и Литейной улицъ. Нынѣ, въ 1873 г., онъ нѣсколько передѣланъ для 3-й С.-Петербургской военной гимназіи для приходящихъ. Ред.

вается. Всякій бѣжитъ отъ вопроса и отвѣта, всякій движется по мановенію колокольчика и почти никто не открываетъ рта. Это тайное жилище султана, окруженнаго нѣмыми прислужниками.

— «Попался!» думалъ я. Но, успѣвши въ $1^1/_2$ часа придти въ самаго себя, я живо представилъ себѣ всю картину могущества и ничтожества. «Такъ, думалъ я, вымышляютъ вельможи разстанавливать время представленія. А для чего? Для того, чтобы, оцѣпенивъ сперва представляющагося и набросивъ на него мракъ, располагать потомъ имъ по первому чувству впечатлѣнія. Не у египетскихъ-ли жрецовъ занялъ графъ тайну сего очарованія, посреди котораго теряется разсудокъ и простая вещь принимается за сверхъестественную, а простой человѣкъ принимается за бога Вулкана или Юпитера?» Наконецъ—раскрываются двери и входитъ графъ. Вотъ нашъ разговоръ:

Графъ: «Государю императору угодно было назначить васъ въ помощь мнѣ, для сформированія Старорусскаго военнаго поселенія».

— Я выборъ сей считаю священнѣйшею для меня обязанностью, и, сколько силы и способности мои позволятъ, буду стараться оправдать довѣренность вашу ко мнѣ.

Графъ: «Нѣтъ, не мою, а государя. Я васъ не выбиралъ и даже не зналъ, а выбралъ васъ самъ государь. Я давно уже запретилъ себѣ избирать помощниковъ; (съ злостью) они проучили меня, и я ни за кого изъ васъ не хочу краснѣть предъ государемъ. (Еще съ бо́льшею злостью): по мнѣ, выбери государь хоть козла, для меня все равно, лишь бы только онъ не умничалъ, а дѣлалъ то, что я приказываю. (Съ улыбкою, означавшею усиливающуюся злость): а вы привыкли говорить: «это невозможно». Васъ тотчасъ и слушаютъ, и думаютъ, что дѣйствительно невозможно. Нѣтъ, братъ, у меня—не у Сакена: я требую службы, слѣпаго исполненія, а не умничанья. Да и тебѣ запрещаю принимать резоны отъ своихъ подчиненныхъ. У меня надобно служить, работать да и работать!»

Пока я былъ одинъ, я походилъ на неціанта, трепещущаго при мысли испытанія. Но когда грубый языкъ и незаслуженная укоризна тронули и чувство и достоинство мыслящаго, я далъ свободу духу моему и продолжалъ:

— Ваше сіятельство! посвятивъ себя службѣ обожаемаго

царя, я не разсчитываю власти, ввѣряемой надо мною. Я слѣпо слѣдую этому правилу и принимаю волю моего начальника, какъ святой законъ. Будетъ время, когда ваше сіятельство оцѣните труды мои и, можетъ быть, отдѣлите сами отъ толпы, неумѣвшей оправдать высокой вашей довѣренности.

Графъ (смягчившись): «Посмотримъ, посмотримъ. Я не люблю армейскаго вашего духа: у васъ все «нельзя, да нельзя!»

— Ваше сіятельство справедливо изволите заключать, что слово «невозможно» составилось аксіомою лѣнивыхъ и худо-обнимающихъ предметы. Но я не лѣнивъ; а не постигать вещей при такомъ совершенствѣ учителя, какъ ваше сіятельство, было бы даже и непростительно.

Графъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Я уже старъ, я не могу всѣхъ учить я не такъ воспитанъ, какъ вы; я не такъ краснорѣчивъ, какъ вы. Васъ мнѣ дали и я только потребую вашего дѣйствія».

— Ежели ваше сіятельство лишаете меня главнѣйшаго пособія на пути предстоящихъ трудовъ моихъ, или все равно, лишаете меня наставленій и тайны управлять обширнѣйшимъ поселеніемъ, то я буду, какъ въ лѣсу, и дѣйствительно, умственная способность уступитъ физической.

Графъ: (съ примѣтнымъ удовольствіемъ): «Ну, когда ты не льстишь мнѣ и дѣйствительно хочешь учиться у меня, то и я скажу тебѣ, что ты мнѣ нравишься, и я хочу имѣть тебя не помощникомъ и не подчиненнымъ, а другомъ моимъ», повторивъ это нѣсколько разъ.

Изъ пріемной перевелъ онъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ, и послѣ недолгихъ отвлеченныхъ разговоровъ, началъ работать при мнѣ, показывая тѣмъ свои занятія и говоря, что онъ все дѣлаетъ самъ, а не другіе.

Графъ: «У васъ, въ арміи, принесутъ къ главнокомандующему бумаги, онъ возьметъ перо и подписываетъ».

— Нашъ главнокомандующій едва-ли въ годъ увидитъ столько бумагъ, сколько ваше сіятельство обработаете въ одинъ день. Да и тутъ разница: всякая бумага требуетъ геніальнаго искусства и опыта; а бумага главнокомандующаго почти составляетъ повтореніе предшествовавшихъ.

Графъ: «Но, вѣдь, онъ — главнокомандующій, а я — просто графъ Аракчеевъ».

— Не только главнокомандующій, но многіе короли предпочли бы васъ себѣ. Во-первыхъ, вы приближены къ первому монарху въ Европѣ; во-вторыхъ, природа излила на васъ всѣ усилія и одарила васъ геніемъ, которому нѣтъ въ Европѣ даже соперниковъ.

Графъ (съ радостною улыбкою): «Ты, братъ, много мнѣ льстишь. Гдѣ мнѣ равняться съ людьми нынѣшняго воспитанія! Они всѣ умнѣе меня. Это гогъ-магоги (такъ онъ называлъ вельможъ). Но я имѣю одно предъ ними преимущество: я душею преданъ царю и, конечно, не продамъ его».

Говоря со мной, онъ продолжалъ читать и поправлять. Перо у него за ухомъ, карандашъ въ зубахъ, а гумми-ластика въ рукахъ. Окончивши все, графъ подаетъ мнѣ табель капитала военнаго поселенія. Я, боясь задержать, пробѣгаю вскользъ; но графъ заставилъ меня прочитать постепенно всю; 30-ти милліонный капиталъ раскрылъ новый матеріалъ.

— Самая сія табель есть уже дѣло возвышеннаго генія! Для васъ мало было сотворить небывалое до васъ, колоссальное заведеніе поселенія,—вы умѣли еще удивить Россію пріобрѣтеніемъ такого капитала, который бы всякій другой на вашемъ мѣстѣ потребовалъ бы самъ на однѣ только издержки.

Графъ: «Всякой другой сдѣлалъ бы тоже, что и я; но, конечно, никто бы ихъ такъ не сохранилъ. У меня, братъ, не украдешь. Но я уже старъ; можетъ быть, государь выберетъ себѣ помоложе, повоспитаннѣе; Богъ знаетъ, можетъ быть, изберетъ и тебя....».

Я догадался, что злоба выкатывалась отъ довѣренности ко мнѣ царя, а можетъ, и противъ воли графа,—и не давая сего замѣтить, (я) продолжалъ:

— Ежели государь, избирая на ваше мѣсто другаго, можетъ сообщить ему даръ небеснаго вашего генія, тогда вашъ духъ будетъ водить перомъ его такъ, какъ нѣкогда конь Тюреня велъ въ бой цѣлую французскую армію.

Графъ (въ восторгѣ): «Ты все мнѣ льстишь. Не думай, братъ, у меня этимъ выиграть: я не люблю лести, я знаю самъ себя».

— Собственное ваше чувство есть уже ручательство за нельстивый языкъ мой. Покажите же другаго, кто бы былъ равенъ вамъ? 30-ти лѣтнее управленіе дѣлами кабинета, довѣренность такого прозорливаго царя, какъ нашъ, и образованіе многихъ пред-

метовъ—не внушаетъ-ли въ каждомъ изъ насъ удивленіе къ генію, которому обязана Россія многимъ прекраснымъ и совершеннымъ!...

Вдругъ докладываютъ, что пріѣхалъ Княжной.

Графъ: «Спросите, зачѣмъ?»

Пока ходили, онъ мнѣ говоритъ:

— «Княжной — другъ мой; его портретъ виситъ въ моемъ кабинетѣ. Но я такъ справедливъ, что ни для кого не перемѣню моего правила».

Клейнмихель: «Княжной просилъ государя дать ему мѣсто въ совѣтѣ военнаго министерства; но государь отправилъ его къ вамъ. Княжной говоритъ, что отъ васъ зависитъ участь службы его».

Графъ: «Нѣтъ, этого я не сдѣлаю. Пусть просится въ военное поселеніе. Другаго мѣста онъ не будетъ имѣть во всю мою жизнь. А послѣ моей смерти, пусть государь посадитъ его хоть въ церковный совѣтъ».

Въ 11 часовъ графъ, по обыкновенію, поѣхалъ во дворецъ, а меня перекрестилъ и отпустилъ домой съ тѣмъ, чтобъ въ 2 часа я пріѣхалъ обѣдать къ нему.

Послѣ обѣда мы были съ графомъ, какъ будто столѣтніе знакомцы. Онъ былъ со мною ласковъ и отбросилъ грубый и злой свой тонъ. Для испытанія меня, графъ далъ мнѣ кодексъ поселенія съ тѣмъ, чтобы я читалъ и сказывалъ ему мысли мои. Для этого назначены были мнѣ часы: всякое утро и 6 часовъ вечера каждаго дня до 11-ти, а иногда и позже. Вотъ опять жизнь по-кутузовски!

Читая проэктъ образованія военнаго поселенія, который въ главнѣйшихъ предметахъ написанъ былъ собственноручно государемъ императоромъ, а исправленъ былъ вообще личнымъ перомъ его, я не могъ безъ слезъ и восторга слѣдовать за движеніемъ души сего великаго образователя-царя. Все, что дышетъ устройствомъ и счастіемъ народа—это говорилось божественнымъ сердцемъ его. Возвышенный языкъ, вмѣстѣ съ счастливымъ изобрѣтеніемъ и желаніемъ, врѣзывались въ душу мою и ослѣпляли меня блаженствомъ золотаго вѣка. Я, какъ ребенокъ, ввѣрялъ чувства мои графу, а онъ передавалъ ихъ царю. Я послѣ только

узналъ, что тиранъ-исполнитель далекъ отъ бога-царя, опредѣляющаго счастіе людей.

Государь хотѣлъ меня видѣть въ первые дни; но онъ опасно заболѣлъ [1]). Самъ графъ не всякій день могъ быть у него. Однажды онъ мнѣ сказалъ:

— «Государь очень нездоровъ, но хотѣлъ принять тебя хотя на постелѣ. Я все, все ему пересказалъ, и онъ такъ же, какъ и я, доволенъ тобою».

Посѣщенія мои графа постепенно продолжались всякій день, по утру—въ 6 часовъ; обѣдалъ я у него всегда, а послѣ обѣда опять являлся въ 6 часовъ. Часто я графа вовсе не видалъ; но онъ всегда присылалъ извиняться предо мной. Когда я бывалъ допущенъ въ кабинетъ, то онъ меня сажалъ и занимался со мной. Все это для того, чтобы показать, что я учусь у него..... [2]).

Сдѣлавши для себя образцовый семейный списокъ, я изложилъ его на бумагѣ и показалъ графу. Графъ его одобрилъ и въ точныхъ моихъ словахъ передалъ всѣмъ поселеннымъ начальникамъ, только подъ своимъ именемъ. Онъ послѣ служилъ закономъ для разсортированія семействъ и утвержденія прочнаго ихъ существованія.

Серьезная болѣзнь государя все еще продолжалась и Петербургъ былъ среди страха и надежды. Между тѣмъ наступила Сырная недѣля и Петербургъ, не видя нигдѣ обожаемаго царя, примѣтно уменьшилъ свои радости. Я, съ остаткомъ моей казны (500 руб.), не могъ быть роскошенъ: небогатая комната, 2—3 блюда—вотъ и все, что составляло утѣшеніе мое. Между тѣмъ, бывши обязанъ всякій день быть у графа, я 5—6 разъ въ день получалъ отъ него приказанія съ фельдъегерями: то онъ велитъ явиться въ столько-то часовъ, то пришлетъ дѣла для обработки ихъ, то зоветъ на обѣдъ, и т. д., и т. д. Между 11-мъ и 3-мъ часомъ утра, между 4-мъ и 6-мъ пополудни я объѣзжалъ сто-

[1]) О болѣзни Александра Павловича въ 1824 г. см. подробный разсказъ въ Запискахъ его доктора, Д. К. Тарасова: «Русская Старина», изд. 1871 г. т. IV. Ред.

[2]) Далѣе въ подлинникѣ три строки тщательно зачеркнуты самимъ авторомъ. Оговоримся разъ навсегда, что въ разсказахъ объ Аракчеевѣ Маевскій во многихъ мѣстахъ повымаралъ по нѣсколько словъ, даже строкъ; очевидно, все это были такія замѣтки, которыя показались ему самому слишкомъ рѣзкими. Таковыя вымарки мы отмѣчаемъ нѣсколькими точками. Ред.

лицу, ибо нанятый извощикъ даромъ бы бралъ въ сутки по 15 руб. ассигнаціями.

Пробывъ съ мѣсяцъ при графѣ, поѣхалъ я, по его волѣ, въ полкъ его имени. Намѣреніе было то, чтобы я познакомился съ образцовымъ устройствомъ поселенія и принялъ всѣ его формы. Графъ столько былъ честолюбивъ, что, показывая лучшую сторону, не умѣлъ примѣтить дурной........ Все, что составляетъ наружность—плѣняетъ глазъ до восхищенія; все, что составляетъ внутренность — говоритъ о безпорядкѣ. Чистота и опрятность есть первая добродѣтель въ этомъ поселеніи. Но представьте огромный домъ съ мезониномъ, въ которомъ мерзнутъ люди и пища; представьте сжатое помѣщеніе—смѣшеніе половъ безъ раздѣленія; представьте, что корова содержится, какъ ружье, а кормъ въ полѣ получается за 12-ть верстъ; что капитальные лѣса сожжены, а на строеніе покупаются новые изъ Порхова, съ тягостнѣйшею доставкою; что для сохраненія одного деревца употребленъ сажень дровъ, для обставки его клѣткою,—и тогда получите вы понятіе о государственной экономіи. Но при этомъ не забудьте, что поселянинъ имѣетъ землю по названію; а общій его образъ жизни—ученье и ружье; что онъ, жена и дѣти, съ груднаго ребенка, получаютъ провіантъ, и что все это пріобрѣтается милліонами казнѣ. Притомъ, отъ худаго разсчета, или оттого, что корова въ два оборота дѣлаетъ въ день по 48 верстъ для пастбища,—опредѣлительно, всякій годъ падало отъ 1,000 до 2,000 коровъ въ полку, чѣмъ лишали себя позема и хлѣбородія, а казна всякой годъ покупала новыхъ коровъ. Еще: всякій названный хозяинъ былъ не болѣе, какъ солдатъ, поступившій въ рекруты изъ другой губерніи. Съ прошествіемъ времени службы, онъ уходилъ на родину; слѣдовательно, его ничто къ поселенію непривязывало, и онъ смотрѣлъ только на число лѣтъ, приближающихъ его къ свободѣ. Бывало не разъ, что такой поселянинъ бросалъ жену и дѣтей и спѣшилъ домой, отъ чего мѣстныя женщины, безъ усилія, никогда почти не выходили замужъ. Странно было слушать обрядъ ихъ свадебъ. Полковникъ строитъ женщинъ въ одну, а солдатъ—въ другую противоположную линію, и, называя солдата по имени, даетъ ему невѣсту, вызывая ее по имени-жъ. Брачные эти союзы никогда не согласовались съ выборомъ и согласіемъ сердца, но учреждались полковникомъ, который разда-

валъ невѣстъ, какъ овецъ, судя по достоинству жениха! Стоитъ бросить взглядъ на плодородіе и развратъ этого поселенія, тогда грѣхъ, великій грѣхъ падетъ на Аракчеева!

Не имѣя глупости Пиѳагора—возмущать младшихъ противъ старшихъ, я взялъ себѣ въ урокъ худое и хорошее; но, чтобъ не озлобить графа, который не терпѣлъ правды,...... я вторилъ только то, что я дѣйствительно видѣлъ хорошаго. Надобно признаться, что въ этомъ поселеніи все придумано ко благу человѣка: повивальныя бабки, родильныя, ванны, носилки, самыя отхожія мѣста—все царскія. Мысль царя изображала его сердце и отражалась на каждомъ шагу человѣколюбиваго и незабвеннаго его чувствованія. Но цари—не боги, ихъ всего легче обманываютъ. Бережливость и чистота погребли пользу всего учрежденія. Въ больницѣ полы доведены были до паркетовъ и больные несмѣли прикоснуться къ нимъ, чтобы ихъ не замарать. Отъ этого-то вошло въ пословицу, что «они ходятъ про себя чрезъ окно.» У каждаго поселеннаго полка были богатая мебель и богатый серебряный сервизъ. Но мебель хранилась, какъ драгоцѣнность, на ней никто не смѣлъ сидѣть. Тоже самое было и съ офицерами: они не смѣли ни ходить, ни сидѣть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано для ихъ употребленія. Комнаты до половины не вмѣщали ихъ вещей и чердаки по большей части были ихъ комнатами [1]). Графъ имѣлъ даръ стѣснить каждое состояніе и поселить такую ненависть, которая доходила до изступленія. Одинъ ужасъ связывалъ языкъ, но чувство отражалось на физіогноміи. Читая одни приказы графа, почувствуешь уже невольный ужасъ и разницу между предположительнымъ счастіемъ и мучительнымъ требованіемъ. У меня отъ приказовъ его всегда подымались волосы. Но, сдѣлавшись послѣдователемъ, и я не избѣгъ его погрѣшностей. Мы оба были Ромулы. Но я, по сердцу, не былъ чудовищемъ.

Это правда, что всякая новизна имѣетъ всѣхъ своими врагами; тутъ нужна стоическая настойчивость.

Наскучивъ безполезною петербургскою жизнію, я порывался проситься къ мѣсту назначенія; но графъ все это откладывалъ, подъ предлогомъ болѣзни государя. Чтобы занять чѣмъ-нибудь

---

[1]) Графъ сюрпризами входилъ въ офицерскія комнаты. И горе тому, кого онъ заставалъ спящимъ или въ безпорядкѣ. С. М.

праздный мой умъ, онъ составилъ комитетъ и велѣлъ мнѣ написать проэктъ для будущаго моего управленія, не давъ, однако-жъ, никакой идеи [1]). Признаюсь, я никогда не былъ такъ глупъ, какъ при этомъ случаѣ. Писать то̀, о чемъ не имѣешъ понятія; изъясняться во власти, которой не дано положительнаго и тогда, когда графъ не терпитъ другой власти, кромѣ своей,— это значило сказать ни то, ни сё. Мы взяли среднюю пропорцію и какъ Старорусское поселеніе не имѣло ничего общаго съ другими, то мы ввели и предметы новые. Графъ назначилъ день для слушанія. Мы собрались у Клейнмикеля, и едва я прочелъ одинъ §, графъ закричалъ:

— «Что это вы написали? Такой вздоръ напишетъ у меня всякій писарь! Не правда-ли, Петръ Андреевичъ?»

Клейнмихель, изъявляя знакъ........ согласія, вторилъ:

— «Точно такъ, ваше сіятельство».

Графъ: «Читай далѣе».

И послѣ всякаго § было одно и тоже повтореніе.

— Ваше сіятельство! Я признаюсь, что этотъ предметъ слишкомъ для меня новъ, и что я, не зная точнаго плана и воли вашего сіятельства, легко могъ не постигнуть высокаго вашего намѣренія. Но...

Графъ: «Но надобно имѣть тутъ (показывая на свой лобъ), тогда всякое намѣреніе будетъ ясно и понятно. Ты привыкъ служить съ такими начальниками, которые соглашались во всемъ, что̀ ты ни напишешь. Нѣтъ, у меня, братъ, не то. Я не Волконскій! я выходокъ и краснорѣчивыхъ словъ не люблю; да и тебѣ запрещаю говорить и писать краснорѣчиво. Я все люблю просто и коротко».

Со всѣмъ тѣмъ, проэктъ прочли. Но графъ изъявлялъ жалкую улыбку, какую изъявляетъ учитель ученику при чтеніи жалкаго его сочиненія. Комитетъ разошелся, а проэктъ поступилъ къ Самбурскому [2]). Онъ прибавилъ только вступленіе, но содержаніе и мысль остались тѣже. Стыжусь сказать, но этотъ трудъ

---

[1]) Онъ даже не могъ терпѣть, чтобъ записывать для памяти и простыя его слова. С. М.

[2]) Въ распоряженіи «Русской Старины» находится обширное собраніе писемъ гр. Аракчеева къ Самбурскому. Это былъ одинъ изъ главныхъ и наиболѣе довѣренныхъ его приближенныхъ. Ред.

совсѣмъ былъ напрасенъ. Это былъ кафтанъ Пигмея, натянутый на великана. Въ немъ только и осталось святаго имя, или подпись графа, а впрочемъ, ни одинъ § не шелъ къ образу мною принятаго дѣйствія. Спрашиваю, кто изъ насъ былъ новѣе въ образѣ понятія о поселеніи?

Въ день гнѣва я у графа не обѣдалъ, но вечеромъ явился по установленію.

Графъ, слѣдуя своей системѣ и поминутно боясь бунта, употреблялъ нѣкоего **Морковникова** въ родѣ агента [1]). Этотъ злой человѣкъ сдѣлалъ многихъ подозрительными... Марковниковъ, по волѣ графа, привезъ депутатовъ отъ всѣхъ 12-ти волостей. Чтобы не сдѣлать шуму въ столицѣ и не надѣлать гласнымъ неудачь, которыхъ очень боялись и которыми въ Петербургѣ ковали невыгодные толки, графъ остановилъ ихъ въ Ижорѣ. Съ вечера приказано мнѣ быть готову къ дорогѣ. Подвезли возокъ. Графъ назначилъ мѣсто, гдѣ сѣсть ему и мнѣ; мы усѣлись и съ нами поѣхалъ воспитанникъ его—**Шумской**. Подъѣхавъ къ дому князя Лопухина, возокъ остановился. Графъ съ воспитанникомъ пошелъ къ князю, чтобы за одинъ разъ, какъ онъ говорилъ, сдѣлать два дѣла, т. е., и съѣздить въ Ижору, и представить воспитанника князю. Чрезъ двѣ минуты, графъ воротился. Шумскій пошелъ домой пѣшкомъ, а графъ сѣлъ ко мнѣ въ возокъ, гдѣ я его дожидался.

— «Ты знаешь-ли», сказалъ мнѣ графъ, «вѣдь, это не нашъ братъ; это гогъ-магогъ! Я, правда, не люблю ихъ и почти никогда у нихъ не бываю. Но чтобъ не сказали, что Аракчеевъ собака, я не могъ отвязаться отъ его просьбы, и долженъ былъ представить ему Шумскаго. Вѣдь у него всегда балы: надобно же молодаго человѣка ввести въ кругъ хорошаго общества».

Дорогою графъ принялъ веселый тонъ. Вотъ нашъ разговоръ. Я пишу слова его потому, что Аракчеевъ—историческое лицо Россіи; но его знаютъ только по отголоскамъ, а не по чувствованіямъ.

Графъ: «Что обо мнѣ говорятъ у васъ въ арміи?»

---

[1]) Далѣе сквозь зачеркнутыя слова видно ясно: **злой**; далѣе, чрезъ три слова, видно: «Мнѣ все кажется, что тутъ былъ тайною пружиною самъ графъ, ибо для его видовъ увеличивать бунты,...... чтобъ побѣдой ихъ увеличить верхъ своего вліянія»...... Затѣмъ совершенно уничтожено семь строкъ. **Ред.**

— Удивляются всеобъемлющему вашему генію и неимовѣрнымъ вашимъ трудамъ, которые вы посвятили отечеству; а несчастные благословляютъ ваше правосудіе и милости.

Графъ (сердито): «Россія глупа: надѣнь на кого хочешь андреевскую, она будетъ въ поясъ ему кланяться. Читалъ-ли ты некрологію Уварова? Его едва-ли не сравниваютъ съ полубогами. А онъ больше ничего, какъ соглядатай и наушникъ. Я его не боялся; да онъ мнѣ и сдѣлать ничего не могъ. Я служу вѣрно. Пусть государь сыщетъ другаго, мнѣ подобнаго! А Уварову написали Богъ-знаетъ чего, и убавили даже лѣтъ жизни: это подлая лесть и ложь! А что говорятъ о твоемъ Волконскомъ?»

— Всѣ думаютъ, что паденіе его и Закревскаго подписано вами.

Графъ (съ самодовольною улыбкою): «Вѣдь они гогъ-магоги, могу-ли я вредить имъ?»

— Говорятъ, что Закревскій недоволенъ своимъ постомъ, не зная ни языка, ни націи, которою управляетъ.

Графъ: «Какъ ему не быть довольнымъ, вѣдь это важнѣйшій постъ въ Россіи».

Я:...... Какъ трудно найти людей въ мірѣ, которые бы вполнѣ были довольны своимъ настоящимъ!

Графъ: «А вотъ тебѣ Богъ свидѣтель, что я своимъ совершенно доволенъ и ничего больше не желаю».

— Ваше сіятельство можете быть причислены къ феноменамъ нашего вѣка. Вашъ геній ставитъ васъ выше всѣхъ смертныхъ. И если можно еще поставить въ паралель къ вамъ, то это не больше, какъ Меттерниха, Велингтона и Наполеона!

Графъ (съ довольною улыбкою): «Гдѣ мнѣ до нихъ! Это народъ ученый, образованный, а я учился на мѣдныя деньги. У нихъ цѣлыя королевства, а у меня одно Грузино,—и тѣмъ я, Богъ свидѣтель, доволенъ».

— Ваше Грузино, конечно, лучше всѣхъ резиденцій германскихъ князей и многихъ королей.

Графъ (очень довольный): «А кто его сдѣлалъ такимъ? Я! Я для управленія его сотворилъ особую методу. И если бы я былъ частный человѣкъ, то выдалъ бы ее въ свѣтъ. Конечно бы короли учились по ней управлять народомъ. У меня ничто не позабыто: я не беру большаго оброка. Лѣсъ и луга — вотъ мой доходъ! Но я недавно выдумалъ новый: мои крестьяне имѣютъ

большое скотоводство. Нанимающіеся у нихъ пастухи платятъ мнѣ положенную цѣну. Изъ этого я содержу ночныхъ сторожей и дѣлаю ежедневное освѣщеніе Грузина».

Проѣзжая чрезъ Царское Село, графъ говоритъ: «Вотъ государю хотѣлось бы, чтобы всѣ города были такъ красивы и хорошо выстроены. Я покажу, какъ возвышать города безъ издержекъ».

Я: Ежели бы всѣ имѣли такую цѣль, какъ ваше сіятельство, тогда бы наши лачуги превратились въ зданія.

Графъ: «Да, они любятъ только воровать».

Мы не ѣхали, а летѣли. Фельдъегеръ, скакавшій впередъ, загналъ двухъ лошадей, а подъ нами пала одна. Я во всю жизнь не ѣзжалъ такъ скоро.

Депутаты были представлены. Графъ говорилъ имъ о непремѣнной волѣ (государя учредить) поселенія. 11-ть преклонили только колѣна; 12-й вдругъ началъ приходить въ изступленіе и разсказывать сонъ, что онъ видѣлъ Пресвятую Богородицу и множество нашедшихъ на нихъ людей съ желѣзными крючьями; что они стали молиться Богу и что Богъ разогналъ ихъ, какъ тьму. Не успѣлъ онъ докончить, какъ его схватили и повезли. У графа всегда была готовая повозка, и онъ любилъ сюрпризныя ссылки. Графъ, придя въ себя, началъ ласкать остальныхъ и, представляя меня имъ, какъ начальника, говорилъ:

— «Не думайте, чтобы онъ (т. е. я) что-нибудь значилъ. Я его тотчасъ сожму въ рогъ: онъ не смѣетъ ничего у васъ брать. А если бы потребовалъ, пишите обо всемъ ко мнѣ: вы посмотрите, что̀ я съ нимъ сдѣлаю».

Я хотѣлъ его остановить. Но можно-ли остановить лаву? Итакъ, я видѣлъ здѣсь, вмѣсто одного, цѣлыхъ двоихъ пришедшихъ въ изступленіе. Графъ имѣлъ низость выигрывать расположеніе у черни униженіемъ мыслящихъ существъ.

Назадъ воротились мы еще скорѣе. Графъ отослалъ меня въ своемъ экипажѣ домой, а самъ послѣ обѣда поѣхалъ къ государю. Весь Петербургъ зналъ уже о нашемъ путешествіи и завидовалъ моему счастію. Вотъ какъ оно по наружности обманчиво!

Всякое воскресенье графъ возилъ меня въ военно-сиротское отдѣленіе . . . .

Я не могу не обратиться къ судьбѣ, которая меня ровно 40 лѣтъ баловала и дѣлала мишенью для выстрѣловъ зависти. Мудрецы правду говорятъ, что лишняя извѣстность есть уже несчастіе [1]).

Графъ, показывая мнѣ военно-сиротское заведеніе, говорилъ: «что 80 т. этихъ малютокъ, раскиданныхъ по лицу Россіи, до поступленія въ его вѣдомство, гасли какъ свѣча: 10-й умиралъ, а 5-й былъ болѣнъ. Вообще же всѣ имѣли закоренѣлую чесотку. Хлѣбъ получали они пополамъ съ пескомъ, а говядину раздавали имъ, какъ артосъ, и то въ годъ не болѣе трехъ разъ. За то наружный видъ замѣнялъ все: кровати были лакированныя, а полы, столы и скамейки свѣтились, какъ зеркало!»

Истину сего могъ я подтвердить и самъ, видѣвши Смоленское отдѣленіе, гдѣ эти малютки ѣли хуже страусовъ. Я понять не могъ, какъ желудокъ человѣка могъ въ себя принимать, вмѣсто хлѣба, почти живой песокъ, а вмѣсто пищи—жидкость, составленную изъ одной почти теплой воды. Въ 1830 году я видѣлъ петербургское сиротское отдѣленіе въ командѣ уже Клейнмихеля: обученіе прелестно, порядокъ необыкновенный, установленіе и разснащиваніе обѣденныхъ столовъ, пріемъ и раздача пищи — почти театральныя; пища прекрасная; гимны, которые 1,000 человѣкъ поютъ однимъ хоромъ, или однимъ согласнымъ тономъ въ церкви, до и послѣ обѣда, восхищаютъ слухъ зрителя и возносятъ душу къ предмету ея обожанія. Содержаніе сихъ дѣтей, какъ Клейнмихель мнѣ говорилъ, казнѣ ничего не стоитъ, но содержатся они остатками провіанта и аммуниціи.........

Въ одинъ день, когда мы обѣдали у графа и шелъ обыкновенный разговоръ о здоровьѣ обожаемаго царя, вдругъ—фельдъегерь съ огромнымъ пакетомъ, за нимъ другой, за тѣмъ третій и т. д. Графъ въ восторгѣ сказалъ:

— «Ну, слава Богу! государю видно легче, если онъ опять начинаетъ работать».

Въ послѣдній день масляницы, когда государь рѣшительно еще никого не принималъ, велѣно мнѣ представиться его величеству: таково его было нетерпѣніе! Графъ Аракчеевъ далъ мнѣ

[1]) На всѣ дружескіе вечера, куда приглашали графа, приглашали и меня. Имена приглашенныхъ вносились въ списокъ швейцара, и лишній, хотя бы былъ другъ дома, мѣста не имѣлъ. С. М.

письменный пропускной видъ къ царю съ тѣмъ, чтобъ я тотчасъ послѣ придворной обѣдни представился. Видъ этотъ предъявилъ я камердинеру и ожидалъ приказанія. Между тѣмъ, никто не воображая, чтобы я могъ имѣть это счастіе, поминутно подходили ко мнѣ съ запросами.

Дибичъ: «Вы, вѣрно, хотите представиться къ государынямъ?»

Я: Нѣтъ, къ государю.

Дибичъ: «Государь никого не принимаетъ».

Я: Вотъ пропускной мой листъ.

Дибичъ изъявилъ знакъ удивленія и пошелъ къ царю.

Кн. Волконскій: тотъ же вопросъ, тотъ же и отвѣтъ. Кн. Волконскій говоритъ: «Какъ ты попался въ военное поселеніе?»

Я: Самъ не знаю: обязанъ-ли я этимъ счастію, или несчастію.

Волконскій: «Какъ-же ты разстался съ славною твоею бригадою, которую государь очень хвалитъ? Тебѣ, вѣрно, ее жаль?»

Я: Что же дѣлать? воля царя священна для меня.

Я потерялъ здѣсь хронологическій разсчетъ и забылъ пересказать наставленіе графа при отправленіи меня къ царю.

Графъ: «Государь, не смотря на свою болѣзнь, нетерпѣливо хочетъ видѣть тебя. Ты долженъ считать это за величайшее счастіе, ибо теперь онъ не допускаетъ къ себѣ и гогъ-магоговъ, а ты будешь говорить съ царемъ».

— Я этимъ счастіемъ обязанъ вашему сіятельству.

Графъ: «Нѣтъ, это воля царя; я ею не располагаю. Но это правда, что я хвалю тебя и говорю ему все, что ты ни говоришь. Я ничего не скрываю отъ государя. Богъ тебя знаетъ, что у тебя на душѣ; но если ты не лжешь и говоришь правду, то государю и мнѣ очень пріятно, что ты любишь наше поселеніе. Ну, смотри-же, скажи государю, что ты все это время занимался со мною въ кабинетѣ и понялъ уже нѣкоторыя правила».

— Святой мой долгъ начать съ того, что ежели я постигъ тайну совершенства, то я обязанъ вашему сіятельству.

Графъ: «Ого-го! Ты уже постигъ все! Скоро же. Я 15 лѣтъ учусь у государя и учу другихъ, а все еще не знаю тайны совершенства. Ну, братъ, тебѣ не надо уже больше никакихъ учителей, ты все знаешь самъ».

Я (догадался, что графу лучше видѣть меня профаномъ, не-

жели посвященнымъ въ таинство): Ваше сіятельство! Познанія мои въ таинствахъ военнаго поселенія не свыше еще того, чтобъ умѣть съ точностью исполнить ваши приказанія. Я въ кабинетѣ у васъ больше постигъ въ день, чѣмъ въ размышленіяхъ съ самимъ собою въ цѣлый мѣсяцъ.

Графъ: «А проэкты мои развѣ не ясны?... Петръ Андреевичъ, вотъ какъ онъ понимаетъ наши съ тобою труды!»

Я: Ни предъ однимъ закономъ не преклонялъ еще колѣнъ моихъ съ такимъ душевнымъ благоговѣніемъ, какъ предъ проэктомъ. Сами боги никогда не писали ничего лучшаго и благодѣтельнѣйшаго. Но это относится къ одному только чувствованію. Въ отношеніи дѣйствія, я похожъ еще на того юношу, который, слушавъ на каѳедрѣ своего учителя, считаетъ уже и себя учителемъ; но каѳедра кончилась, а съ этимъ кончилось и его знаніе.

Графъ: «Ну, когда такъ, такъ скажи же это и государю. Да скажи, что мы прошли съ тобой весь проэктъ и что я самъ лично толковалъ тебѣ истинную цѣль каждаго § и на первый разъ вразумилъ во всемъ, что̀ тебѣ дѣлать. А послѣ ты опять будешь спрашивать меня; а если ты умнѣе меня, такъ пусть государь сдѣлаетъ тебя начальникомъ поселенія. Смотри-жъ, скажи государю всю правду, ничего не лги. Государь у насъ умнѣйшій человѣкъ; онъ такъ и смотритъ въ глаза: чуть солжешь, государь сейчасъ догадается. Да говори просто, а не краснорѣчиво. Государь, такъ какъ и я, терпѣть не можетъ натянутаго краснорѣчія. Не правда-ли, Петръ Андреевичъ?»

— «Права, правда», подхватилъ Клейнмихель.

— «Ну, поѣзжай, а послѣ пріѣзжай ко мнѣ и скажи всю правду, что ты говорилъ государю и онъ тебѣ».

Ровно въ 12-ть часовъ я введенъ былъ въ храмъ святилища. Первый мой предметъ былъ — богъ мой царь!

Если къ обыкновенному царедворцу идешь съ нѣкоторымъ невольнымъ трепетомъ, то благоговѣйный страхъ объемлетъ еще болѣе душу того, кто въ первый разъ представляется царю. Радость, восхищеніе, неизвѣстность и страхъ сливаются въ одно чувство и связываютъ умъ и языкъ.

Государь сидѣлъ за письменнымъ своимъ столомъ; впереди были еще большіе два, на которыхъ въ большомъ порядкѣ ле-

жали карты, пакеты и дѣла. Вправо стояло бюро съ опущеннымъ столомъ.

Государь всталъ, подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ въ форменномъ сюртукѣ, и держась рукою за бюро, началъ говорить:

Государь: «Маевскій! Я призвалъ тебя для важнаго порученія. Алексѣй Андреевичъ вѣрно сказалъ тебѣ обо всемъ. Ты теперь видѣлъ графскій полкъ: это—образчикъ поселенія. Я хочу, чтобы и будущее твое, Старорусское, было точно такое же. Ты, конечно, разсмотрѣлъ все... Какъ ты его находишь?»

Я: Государь! Какъ солдатъ, я восхищался совершенствомъ фронта; какъ гражданинъ—благоговѣлъ предъ творцемъ этого заведенія, гдѣ все придумано ко благу воина, гдѣ все дышетъ его счастіемъ и благоденствіемъ.

Государь: «А вотъ какъ розно думаютъ: Россія и особенно Петербургъ, не понимая цѣли, противоборствуютъ цѣлому». (Государь не употреблялъ общихъ словъ. Но слово «противоборство» равно было у него дурачеству враговъ новости).

Я: Государь! Я думаю, что это происходитъ отъ толпы. Пусть первѣйшій въ мірѣ зоилъ взглянетъ на зданіе поселенія и прочитаетъ творческую мысль проэкта, тогда онъ невольно бросится на колѣни и вѣчно будетъ благоговѣть предъ тѣмъ, кто въ твореніи военнаго поселенія сотворилъ цѣлое счастіе Россіи и воина. Но, я, государь, не доумѣваю: отчего истинная цѣль сокрыта отъ публики? а это-то и даетъ ей поводъ впадать въ толки и въ ошибки.

Государь: «На это еще не время. Я хочу открыть глаза публикѣ съ усовершенствованіемъ уже поселенія. Теперь ты представь себѣ милліонъ солдатъ. У нихъ все занятіе хлопать ружьемъ. Бывъ сведены въ одну массу изъ необъемлемаго пространства Россіи, она для нихъ какъ чужая: родство ихъ не связываетъ, браки служатъ только въ тягость; увѣчный и калѣка не находятъ пріюта; солдатскія жены и ихъ дѣти, а особливо дочери, служатъ образцомъ нищеты и разврата. Милліонъ солдатъ не оживляетъ общества и каждый годъ Россія теряетъ столько же народонаселенія. Въ военномъ поселеніи солдатъ имѣетъ вѣчную свою осѣдлость и, въ случаѣ похода, имущество, жена и дѣти его устроены; самъ онъ служитъ съ надеждой, а возвращается съ радостію. Офицеры въ обыкновенныхъ квартирахъ большею ча-

стію имѣютъ невыгодное помѣщеніе, разбросаны и по году не видятъ другъ друга, — связь товарищества охладѣваетъ; чувство не имѣетъ ни соревнованія, ни порыва; а пріятность службы замѣняется унылостью и скукою. Пороки замѣняютъ мѣсто удовольствій и служба теряетъ хорошихъ офицеровъ. Здѣсь, напротивъ, помѣщенія у нихъ хорошія, столъ общій, занятія приличны образованному офицеру. Вотъ вся цѣль поселенія. Сверхъ того, воспитаніе самихъ кантонистовъ умножаетъ способныхъ людей и многимъ дастъ лучшую дорогу, а люди не имѣютъ нужды ходить для ученья 10—15 верстъ и не будетъ стѣсненія жителей постоемъ. Ты теперь понялъ-ли мое намѣреніе?»

Я: Государь, столь общее и высокое благо не входило еще въ мое соображеніе. Видя одно наружное, я восхищенъ уже былъ каждымъ моимъ шагомъ. Но то, что я теперь слышу, уноситъ меня въ міръ совершеннаго земнаго счастія. Я выше этого и счастливѣе ничего не знаю.

Государь: «Я, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ бы быть виновникомъ этого счастія; но боги, одни только боги,—могутъ только ручаться за исполненіе того, чего хотятъ люди. Соединимъ, по крайней мѣрѣ, общія силы, чтобы привесть къ концу начатое. Мнѣ всѣ твердятъ, что планъ этотъ слишкомъ исполинскій; гдѣ набрать, говорятъ они, хозяевъ? Я думаю напротивъ. Время, усердіе и примѣры разовьютъ способности и легко могутъ быть другіе Фрикены и Полтинины».

Я: При такомъ милостивомъ вниманіи къ подданнымъ, нѣтъ сомнѣнія, государь, что способность ихъ весьма скоро разовьется, и новые хозяева замѣнятъ старыхъ и исполнятъ свято вашу волю.

Государь: «Я надѣюсь на тебя, Маевскій. Я призвалъ тебя съ этою цѣлью и, судя по твоему усердію, надѣюсь, что ты оправдаешь мой выборъ».

Государь, чувствуя сильную боль въ ногѣ, половину разговора велъ, почти прилегши на бюро. Страданія его какъ будто перелились въ мою душу, и я, полупогасшій, чувствовалъ себя однимъ только моимъ восторгомъ и счастіемъ этихъ минутъ. Онѣ вѣчно, вѣчно услаждать будутъ путь моей жизни. Воспоминаніе о нихъ есть уже верхъ всегдашняго моего наслажденія и блаженства!

Графу пересказалъ я весь разговоръ и, признаюсь, прибавилъ запасъ, съ которымъ онъ отпустилъ меня къ государю. Самъ Пиѳагоръ, со всею стойкостью своихъ правилъ, оправдалъ-бы меня въ этомъ случаѣ, ибо и въ его школѣ для каждаго смертнаго было общее и относительное свѣтило..... Графъ, проходя весь нашъ разговоръ, повторялъ поминутно: а говорилъ-ли ты то-то, или то-то? и былъ очень доволенъ неотрицательнымъ моимъ отвѣтомъ.

Въ этотъ день обѣдалъ я у генерала Дашкарева. Избранный кругъ остряковъ и ученыхъ, узнавши, что я былъ у государя, острили на счетъ поселенія, говоря: «Тамъ все прекрасно, выключая свободы. Я хочу ѣсть курицу, а меня заставляютъ ѣсть яйца». Не касаясь подробностей и тайны, я указалъ имъ только на нашъ міръ. Вѣдь и онъ еще не всѣмъ извѣстенъ, когда въ немъ всякій день открывается новое за новымъ. А что свобода не есть общій уставъ природы, въ этомъ наставляютъ насъ отцы семействъ и все населяющее природу, гдѣ одно существо подчинено другому.

На другой день графъ встрѣтилъ меня съ довольною миною.

— «Ну, государь тобою доволенъ также, какъ и я. И когда я сказалъ государю, что мы съ тобою довольно уже занимались, государь изволилъ отвѣчать: «Это видно, графъ, что онъ побылъ съ пользою въ твоей школѣ. Какъ кажется, онъ любитъ поселеніе и подаетъ надежду». Графъ улыбаясь продолжалъ: «видишь-ли, какъ государь прозорливъ, отъ него ничего не скроется. Но онъ также, какъ и я, подозрителенъ. Чуть что̀ солжешь, тогда онъ тебѣ ничего уже не повѣритъ. Мнѣ никто не вѣрилъ изъ гогъ-магоговъ, чтобы я успѣлъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ. Они не могли даже представить себѣ, какъ 30—40 т. рабочихъ помѣстить въ одномъ мѣстѣ и назначить каждому свой кругъ дѣйствій, не мѣшая другому. Но мнѣ Богъ помогъ, и государь до сихъ поръ мною доволенъ. Но я ужъ старъ. Легко можетъ быть, что государь захочетъ имѣть помоложе; можетъ быть, и тебя сдѣлаетъ генералъ-лейтенантомъ, ты же мастеръ писать и говорить и лучше меня учился, а я учился на мѣдныя деньги».

Я молчалъ, чтобы не ввести его опять въ изступленіе, ибо никто легче его не переходилъ отъ умиленія..... къ грубостямъ и преслѣдованію. Я здѣсь догадывался, что мнѣ, конечно, хо-

рошо у государя, когда графъ въ колкостяхъ изображаетъ свою зависть.

.....Надобно отдать графу полную справедливость........ у него на все написаны правила и всякому дано мѣсто. Кто повѣритъ, что солдату и коровѣ написаны съ одною и тою же точностью маршруты для ежедневныхъ ихъ переходовъ! По моему мнѣнію, излишній педантизмъ есть мѣра гибельная, стѣснительная и опасная.

II.

Отъѣздъ въ Старорусское военное поселеніе.—Характеристика Аракчеева.—Высочайшій смотръ 1-й гренадерской дивизіи.—Бритье и стрижка поселянъ старорусскихъ.—Зависть Аракчеева. — Судьба его «однокорытника». — Семеновцы и аракчеевцы.—Балъ въ Старой Русѣ.—Награда.— Щегольство въ полкахъ. — «Воруй да не попадайся». — Богатство и свобода. — Флотилія.

Іюнь — декабрь.

1824 г.

Наконецъ, наступилъ день моего отъѣзда. Графъ, зная, что я небогатъ и не охотникъ просить, упредилъ мои нужды, испросивъ мнѣ 5,000 р. ассигн. на подъемъ, жалованья 8,000 р. ассигн. и прогоновъ по 6,000 р. въ годъ, приказавъ тутъ же послать за моею женою и дѣтьми адъютанта. Смѣшеніе грубостей съ отеческимъ, можно сказать, попеченіемъ, явно противорѣчило свойству одного и того же человѣка. При отъѣздѣ графъ мнѣ запретилъ начинать какое-либо дѣло.

Чрезъ недѣлю пріѣхалъ онъ самъ, и съ этой минуты начинаются новыя сцены.

Чтобъ лучше знать характеръ графа, надобно сперва приблизить къ нему слухъ и вниманіе. Это вотъ какой человѣкъ: золъ, вспыльчивъ безъ ограниченія, а иногда и до забывчивости, нетерпѣливъ, какъ дитя; дѣятеленъ, какъ муравей, а ядовитъ, какъ тарантулъ. Ежели ему хочется кого связать съ собою (это выраженіе можно отнесть къ одному ему, ибо безъ сильной цѣпи не было человѣка, которой бы могъ ужиться съ нимъ), то онъ въ началѣ его ласкаетъ, обнадеживаетъ и даетъ чины и кресты на словахъ [1]). Но когда утвердитъ его на мѣстѣ, тогда обращается съ нимъ, какъ

[1]) Вѣрность этой характеристики подтверждается свидѣтельствомъ многихъ современниковъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ Аракчеевымъ; см. напримѣръ: «Воспоминанія объ Аракчеевѣ» — И. И. Свіязева въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV. Ред.

съ невольникомъ, и позволяетъ себѣ всѣ дерзости. Но чуть кто покажетъ видъ гнѣва, или захочетъ оставить его, того гонитъ съ злодѣйскою жестокостью. Въ этихъ случаяхъ надежда на царя и иногда божественная улыбка его смягчала страданія и отводила душу отъ отчаянія......... Когда ему чего захочется, онъ употребляетъ ласки и большія обѣщанія; когда это исполнится, находитъ недостаточнымъ и никогда у него не обойдется безъ шума и неудовольствія. Скорѣе можно открыть квадратуру круга, чѣмъ средній характеръ графа: у него сто характеровъ въ одинъ день. Будучи охотникъ до мелочей, онъ вѣчно занимается мелочью: ссоритъ подчиненныхъ и, вывѣдывая тайны ихъ, обнаруживаетъ потомъ ихъ въ глаза, дѣлая ихъ непримиримыми врагами. У него шпіонъ и инвалидъ при его домѣ, которому иногда даетъ по 300 лозановъ...............

Образъ мыслей графа столь же страненъ. какъ и характеръ его. Онъ подозрителенъ до неимовѣрности; онъ не знаетъ различія между людьми и всѣхъ считаетъ, какъ одного. Ему кажется, что самое слово человѣкъ есть уже злоупотребленіе; ибо, по его мнѣнію, что ни человѣкъ, тотъ и воръ, что вся страсть его—брать. и наживаться. Для этого-то онъ ссоритъ одного съ другимъ, чтобъ оба ему высказали... Но, можетъ, никто въ мірѣ не былъ столько обманутъ, какъ графъ. Доказательство—собственный его полкъ, или фаворитный Ефимовъ.

Въ первый день пріѣзда графа, къ нему никто не является: этотъ день беретъ онъ на успокоеніе и на осмотръ. Ему подаютъ всѣ домашніе приборы до десертной ложки, и чуть чтолибо запылено или оботрется.......... съ того взыскиваетъ.

Но вотъ онъ уже и въ Старой Русѣ, съ наперсникомъ своимъ—г. Жеребцовымъ, котораго можно поставить въ одну раму съ Марковниковымъ. Онъ принялъ меня ласково и тутъ же далъ кучу письменныхъ коммиссій; къ свѣту я ихъ кончилъ. Графъ, читая мое положеніе о перевозкѣ больныхъ, написалъ своею рукою: «исполнить; а чтобъ память трудовъ генералъ-маіора Маевскаго оставалась всегда въ виду, проэктъ сей хранить въ дежурствѣ». За этимъ посыпались отъ него приказанія и порученія, которыя исполнялись мгновенно и съ точностью. Графъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ объявилъ высочайшій указъ самъ, а въ остальныхъ объявляли—Жеребцовъ, Клейнмихель и. я. Графъ

и усталъ, и струсилъ, ибо на первомъ и последнемъ ночлегѣ обставилъ себя баталіономъ солдатъ, а у входа въ двери положилъ Шумскаго, опасаясь бунта..........

Ему набрали до 20-ти человѣкъ изъ сопротивлявшихся..... которыхъ онъ при себѣ велѣлъ обрить..... Всѣ сомнѣвались въ удачѣ; ежедневныя письма къ графу показывали общую недовѣрчивость и опасенія.........

Меня самаго провожали изъ Петербурга съ сожалѣніемъ, полагая, что я беру на себя весьма опасное предпріятіе и что оно кончится или моею смертію, или бунтомъ. Графъ наставлялъ меня, какъ ребенка, и нарочно при всѣхъ, какъ приступить къ дѣлу. И едва онъ выѣхалъ, какъ я, на другой день, обрилъ и одѣлъ роту до 500 человѣкъ. Донесъ графу; но графъ......... меня остановилъ.

За 1-й опытъ—сына моего, Александра, пожаловали пажемъ, а его—Шумскаго государь пожаловалъ флигель-адъютантомъ.

Чрезъ 3 недѣли я обрилъ и одѣлъ еще 1,500. Я бы сдѣлалъ это въ одинъ день, но графъ меня разстанавливалъ.

Въ іюнѣ 1824 г. былъ смотръ 1-й гренадерской дивизіи, куда былъ приглашенъ и я. Графъ встрѣтилъ меня сухо; а чрезъ полчаса потребовали меня къ государю. Я подалъ рапортъ. Государь, разсматривая оный, сказалъ:

— «А! у тебя за 30 т. подъ ружьемъ».

Я: Государь! больше, нежели армія Миниха и Румянцева.

Государь (улыбнулся): «А каково у тебя?»

Я: Государь! Баталіонъ уже обрилъ и одѣлъ.

Государь: «Какъ баталіонъ? Я слышалъ одну еще роту».

Я: Нѣтъ, государь, 4; прежде одну, а завчера три.

Государь: «Знаетъ-ли объ этомъ графъ?»

Я: Я имѣлъ честь доносить его сіятельству.

Государь: «Хорошо. У тебя это идетъ очень успѣшно».

Я: Кто имѣетъ счастіе имѣть учителемъ васъ, государь, и гр. Алексѣя Андреевича, тому не трудно никакое предпріятіе.

Государь: «Но, вѣдь, всякій достигаетъ своими способами; твои—превзошли мои ожиданія. Я тобою очень доволенъ, и надѣюсь, что ты еще больше окажешь усердія и оправдаешь мою довѣренность».

Съ этимъ я откланялся и вышелъ; а графъ во все время

стоялъ у дверей и подслушивалъ разговоръ. Увидя меня, сказалъ: «Я тобою очень доволенъ и всѣмъ тебя хвалю. Спроси у нихъ», показывая на Дибича и другихъ царедворцевъ.

Я во всѣ 7 дней имѣлъ счастіе обѣдать у государя. Но тутъ были два штрафные генералы: Сентъ-Лоранъ и Рылѣевъ. Первый призванъ былъ для практическаго нравоученія, второй—для познанія службы военнаго поселенія. Они такъ были несчастливы, что ни разу не удостоились быть за государевымъ столомъ. Я чувствовалъ мое преимущество и какое-то особое къ себѣ уваженіе графа. Безъ сего послѣдняго и моя участь не была бы выше Сентъ-Лорана и Рылѣева.

Государь по большей части подзывалъ меня къ себѣ на ученьяхъ, называя уже не Маевскимъ, но Сергѣемъ Ивановичемъ, и говоря о разныхъ эволюціяхъ гвардіи, при концѣ почти смотра, спросилъ: «какъ ты надѣешься на дальнѣйшіе успѣхи?»

Я: Надѣюсь, государь, что конецъ будетъ отвѣчать началу.

Государь: «А не выйдетъ-ли чего?»

Я: Нѣтъ, государь; за это, кажется, смѣло можно поручиться; но только позвольте мнѣ употребить мое средство.

Государь (изумясь немного): «Какое?»

Я: Ассигновать на баталіонъ по бочкѣ водки.

Государь: «А это на что? Ты знаешь, я не люблю такого рода употребленій». (Государь ненавидѣлъ пьянство и не любилъ табачниковъ).

Я: Государь! Я вотъ какъ поступаю: ставлю бочку водки и безъ предисловія говорю: кто хочетъ пить водку, тотъ скорѣе одѣвайся! Въ ¼ часа тысячи обриты и одѣты, и съ пѣснями идутъ домой солдатами. (Я точно такъ поступилъ со всѣми 30 т.).

Государь: «На этихъ условіяхъ я согласенъ. Скажи графу. Но не будетъ-ли тутъ новаго безпорядка?»

Я: Нѣтъ, государь, за это я уже отвѣчаю.

Пріѣхавъ въ Руссу, я въ 11 дней обрилъ и одѣлъ 27 т. человѣкъ. Графу это было очень непріятно, и онъ при первомъ свиданіи вотъ что мнѣ сказалъ:

— «Ты скоренько все дѣлаешь; ты вездѣ спѣшишь и хвастаешь. Ты думаешь, что ты одѣлъ людей? Нѣтъ — я! Что тутъ удивляться: «сила солому ломитъ». Я пять лѣтъ трудился и готовилъ ихъ къ повиновенію и покорности; а ты думаешь, что

ты все сдѣлалъ самъ по себѣ. Знаешь, что я съ тобою сдѣлаю? Разотру, какъ пыль! Я не такихъ училъ, какъ ты: гогъ-магоги, да и тѣ не смѣютъ идти противъ меня! Меня Европа, вся Европа трепещетъ! Ко мнѣ Богъ милостивъ. У меня одинъ только остался злодѣй—Гурьевъ; да и тотъ, слава Богу, околѣваетъ. Нѣтъ, братъ, нѣтъ! мнѣ не надо скороспѣлокъ. Мнѣ надо такой помощникъ, которой бы не умничалъ, а исполнялъ слѣпо мои приказанія. Пусть онъ будетъ дуракъ, лишь бы дѣлалъ только то, что я велю».

— Ваше сіятельство! Я полагалъ, что въ такомъ случаѣ скорость есть первое счастливое средство. Если въ войнѣ должно пользоваться первою удачею, то здѣсь всего болѣе надобно воспользоваться первыми впечатлѣніями и не дать времени простыть и обдумать средства. Впрочемъ, я думаю, что у васъ не можетъ быть дуракъ подчиненный; ибо для того только, чтобы постигнуть вашу волю и умѣть ее исполнить, надобно быть умному человѣку».

Графъ, успокоившись этою лестью, оставилъ колкости; но не могъ простить мнѣ моего успѣха...............

Графъ, при каждомъ видѣ на мое поселеніе, находилъ все не такъ, ко всему придирался и повторялъ, по крайней мѣрѣ, сто разъ: «ты думаешь, что ты это сдѣлалъ..........»

Графъ во весь этотъ годъ нарочито часто ѣздилъ въ Руссу...... ибо его присуствіе было необходимо.............

Къ обнаженію характера графа, разскажу собственный его разговоръ. На смотру царя опоздали войска выдти на плацъ. Графъ сердился, суетился, разсылалъ съ приказаніями. И когда собрались, онъ собралъ всѣхъ генераловъ вокругъ себя и началъ говорить:

— «Хотя А. Сергѣевичъ (Шкуринъ, командиръ сихъ войскъ) и пріятель мнѣ, но я и его не пощажу, отдамъ въ приказѣ по корпусу... Представьте вы себѣ: я посылаю къ Шкурину, а онъ еще въ шлафоркѣ. Я, я—графъ Аракчеевъ, давно уже одѣтъ, а онъ еще нѣжится! Да у васъ и у всѣхъ, гг. генералы, такая же привычка. Вы отдадите приказъ,—вамъ скажутъ: «этого нельзя»,— и вы приказъ уничтожаете. Но если бы вы поступали по моему, тогда бы безпорядковъ не было. Бухмееръ, вѣдь, другъ мой и однокорытникъ по корпусу, но вотъ,—что я сдѣлалъ съ нимъ:

отъѣзжая въ Виттово поселеніе, я отдалъ приказъ, чтобы онъ заступилъ мое мѣсто. Бухмееру показалось это тяжело и свыше его силъ; онъ сказался больнымъ. Я призвалъ его, уговаривалъ и ничто не помогло!» Я ѣду къ государю и прошу выключить изъ службы Бухмеера.

«Государь остановился и говоритъ:

— «Помилуй, графъ, онъ такъ давно и хорошо служитъ. Не лучше-ли отставить его съ пенсіономъ?»

— «Воля ваша, государь, я отдалъ приказъ и ни за что его не перемѣню. Ежели вамъ не угодно исполнить просьбы моей, такъ я ужъ больше не служу».

«Государь, подумавъ немного, сказалъ:

— «Помилуй, графъ, сдѣлай съ нимъ, что хочешь, кромѣ выключки изъ службы».

«Я посадилъ его съ фельдъегеремъ и отправилъ въ Чугуевъ!»

Графъ сказалъ намъ это съ намѣреніемъ, чтобы доказать свое могущество и... послѣ этого, прикусишь языкъ и, конечно, не захочешь скакать на повозкѣ!

За опозданіе войскъ Шкурину былъ выговоръ, а 4-хъ офицеровъ графъ хотѣлъ посадитъ въ крѣпость; но его упросили, и онъ выписалъ ихъ въ дальній гарнизонъ.

. . . .

Графъ былъ самолюбивъ и ему казалось, что природа подарила совершенство одному ему; прочихъ онъ считалъ ниже св... Въ одно время разспрашивалъ онъ у меня объ армейскихъ генералахъ. Я описывалъ ихъ достоинства; а когда коснулось В... (Витта?) и я сказалъ «онъ храбръ», — «что ваша храбрость», подхватилъ графъ; «вотъ напиши это — показывая на свои проэкты и приказы, — тогда будешь храбръ!»

Полкъ свой считалъ онъ совершеннымъ, хотя онъ далеко былъ ниже другихъ; назвать его посредственнымъ, даже равняться съ нимъ, въ глазахъ графа, было преступленіе. Полкъ этотъ составлялся изъ всей арміи и, конечно, въ рукахъ другаго, онъ былъ-бы 1-й въ Россіи. Тогда былъ въ модѣ Семеновскій полкъ. Государю было угодно, чтобъ мы были у развода его. Послѣ ученья графъ спрашивалъ у насъ, какъ этотъ полкъ въ сравненіи съ его? Кто же скажетъ правду! и натурально, мы отдали справедливость графскому. Графъ передалъ это государю.

Но государь не согласился съ нашимъ мнѣніемъ. Да и дѣйствительно, въ Семеновскомъ полку была особая благородная свобода въ движеніи, ловкость и развязка, плѣняющая взоръ; а графскій — былъ................ очень обыкновенный.

Графъ, вводя меня въ поселеніе, приказалъ привесть изъ Новгорода въ Старую Руссу учебный свой баталіонъ, дабы я принялъ его правила. Но баталіонъ этотъ такъ былъ дуренъ, что графъ, разбранивъ всѣхъ, полковника арестовалъ . . . . .

. . . .

Отдѣлавши всѣхъ, графъ принялся за меня.

— Помилуйте, ваше сіятельство, говорилъ я. Я тутъ не принималъ никакого участія; вы сами изволили отдавать приказанія, и слѣдственно я на свой счетъ ничего не беру.

— «Но у тебя нѣтъ вовсе военнаго глаза», и т. д., говорилъ графъ.

Къ несчастію, мимоходомъ попался ему генералъ-маіоръ Кузьминъ, котораго считалъ онъ добрымъ дуракомъ.

— «А ты чего же смотрѣлъ?» говоритъ ему графъ, «ты давно у меня уже въ поселеніи и знаешь мои правила. Пожалуйста, ваше превосходительство (обращаясь ко мнѣ), сажайте его чаще на гауптвахту, а я и государь скажемъ вамъ за то спасибо».

. . . . [1]).

Въ іюлѣ 1824 года графъ смотрѣлъ мой учебный баталіонъ. Баталіонъ учился отлично. Клейнмихель не скрылъ его достоинства, и когда графъ былъ восхищенъ, то и Клейнмихель вторилъ: «Прекрасно! Посмотрите, ваше сіятельство, съ какою аттенціею дѣлаются построенія».

Графъ, послѣ ученія на плацу, обнялъ меня и сказалъ:

— «Ты у меня не только хорошій хозяинъ, но и мастеръ фронтоваго дѣла. Государю скажу. Я отъ него ничего не скрываю».

Графъ обѣдалъ у меня; былъ съ визитомъ у жены моей и подарилъ обоимъ намъ особое свое расположеніе. На жену мою возложилъ ввести въ городѣ веселости и оживить духъ города,

---

[1]) Сквозь чернила, зачеркнутую строку можно разобрать такъ: «общее было счастье, что графъ не зналъ двухъ вещей, которыя онъ болѣе всего требовалъ, это фронта, картографіи (?). Клейнмихель суфлировалъ ему въ обоихъ случаяхъ». Достойно замѣчанія, что даже замѣтки свои о Клейнмихелѣ и его пособничествѣ Аракчееву Маевскій тщательно повычеркивалъ. Ред.

который получалъ что-то мрачное. Мы дали ему вечеръ. Онъ былъ восхищенъ, сказавъ, что онъ въ жизнь свою не имѣлъ пріятнѣе этого дня и что онъ въ Старой Руссѣ оживаетъ и перенесетъ сюда свою резиденцію......... Онъ хотѣлъ завесть тамъ сѣрныя ванны и привлечь туда всю Россію. Чтобъ оказать вниманіе къ столь высокому посѣтителю, я спросилъ его:

— Кого ему угодно будетъ видѣть у меня гостей?

— По мнѣ, кого хочешь, отвѣчалъ графъ: «я и съ волками уживусь».

Обхожденіе графа было по большой части грубое, дерзкое; оно было нестерпимое. Но онъ, отъ недостатка образованія и отъ излишка счастія и власти, вовсе того не примѣчалъ. Напротивъ, всегда думалъ, когда онъ кого бранитъ, то это значитъ— учитъ. Посему онъ всякому, кого онъ бранилъ, говаривалъ:

— «Ты мнѣ долженъ быть благодаренъ за это; ибо я тебя учу добру. Слушайся только меня и дѣлай такъ, какъ я приказываю, ты будешь счастливый человѣкъ».

Графъ всегда противорѣчилъ самому себѣ: письменно приказываетъ, какъ государственный человѣкъ, а словесно велитъ дѣлать, какъ деспотъ. Кто его послушаетъ, онъ самъ же послѣ отречется и надѣлаетъ тьму непріятностей; не послушаться же графа— значитъ быть уже безъ вины преступникомъ. Когда одинъ разъ былъ онъ недоволенъ (а это бывало у него въ часъ по 10-ти разъ), онъ началъ мнѣ говорить:

— «Когда бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я не то бы сдѣлалъ: я сдѣлалъ бы то-то и то-то».

Я зналъ, что графу хочется ввести меня въ грубую ошибку, выставить ее предъ царемъ и потомъ, въ видѣ милости, простить. Я ему отвѣчалъ: «Ежели ваше сіятельство письменно прикажите мнѣ обрить митрополита, я не остановлюсь ни на одну минуту; но ежели дадите приказаніе подъ рукою, я ничего исполнить не осмѣлюсь: ибо послѣ сами же, ваше сіятельство, повторите любимую вашу пословицу: «что вы не Богъ, а человѣкъ», и что вы легко могли ошибиться. Но я, какъ мѣстный начальникъ, долженъ былъ все сообразить и не поступать противъ разсудка».

. . . .

Ежели кого онъ бранитъ и тотъ послѣ признается въ небывалой винѣ и проситъ у графа прощенія, того онъ называетъ

«умнымъ и славнымъ человѣкомъ». Но бѣда, кто споритъ, бѣда, кто дастъ себѣ сѣсть и на шею! Тутъ надобно среднее искусство: «лисій хвостъ и волчій ротъ», какъ говоритъ пословица.

Характера этого довольно бы было для того, чтобъ въ графѣ видѣть Аракчеева. Но это было бы еще простительно въ частности. Но онъ въ цѣломъ разрушалъ цѣлое. Напримѣръ, въ малороссійскомъ баталіонѣ, при 2,000 поселянахъ, началъ бранить начальниковъ безъ всякой вины, и, обращаясь къ поселянамъ, говорилъ имъ: «видите, какъ я съ ними поступаю [1]? Ежели бы не я, у васъ давно бы гнили спины отъ палокъ; молите Бога за меня. Не слушайте ихъ и пишите обо всемъ ко мнѣ—я вашъ покровитель! Но когда меня не станетъ, тогда вы меня вспомните и не разъ кулакомъ утрете слезы».

Между тѣмъ, требуетъ отъ начальниковъ порядка и исполненія до деспотизма, и за проступки поселянъ часто подвергаетъ ихъ аресту. Такое вѣроломство во всякой другой націи произвело бы бунтъ и несчастіе. Графъ какъ-будто поклялся ставить одного противъ другаго и съ намѣреніемъ всегда искалъ просителей, чтобы, по его мнѣнію, знать все и истреблять злоупотребленія, упирая въ глаза, что отъ него ничего не скроется. Жалобы эти не касались до маленькихъ властей, а относились къ высшей, и слѣдовательно, жаловались ему — на него. И графъ обыкновенно оканчивалъ ихъ наказаніемъ самаго просителя. Въ другой разъ графъ бранилъ генерала Чеодаева до того, что у него отъ слезъ сдѣлались сильнѣйшія судороги. Поступокъ этотъ былъ въ присутствіи цѣлой бригады. Я подошелъ къ нему и говорю:

— «Ваше сіятельство, генералъ Чеодаевъ, полагая, что вы на него прогнѣваны, плачетъ, какъ ребенокъ. Утѣшьте его хоть немного!»

Графъ: «Это ваше дѣло. Вѣдь я его учу не къ злу, а къ добру. Вы бы ему растолковали, что графъ—милостивый и справедливый начальникъ, и желаетъ вамъ же добра, а потому и учитъ.

---

[1] Одинъ день, говоря со мною о хозяйствѣ, вывелъ меня изъ кабинета къ представлявшимся офицерамъ. Вотъ чѣмъ онъ началъ: «послушайте вашего генерала..... Ежели бы я его слушалъ, то-бъ пропали вы и все ваше поселеніе. Я знаю армейскую вашу привычку: вы всѣ любите воровать и брать взятки; ты не возьмешь, такъ возметъ твоя жена» и т. д. Вотъ характеръ великаго человѣка. С. М.

Но ежели онъ считаетъ это обидою, такъ онъ ошибается. Я бонжурить не умѣю, по-французски не знаю, комплиментовъ не терплю, учился на мѣдныя деньги, а взыскиваю и говорю съ вами, какъ умѣю. За это надобно не сердиться, но благодарить меня».

Я извинялъ Ѳеодаева новостію и непривычкою къ здѣшней службѣ (или лучше, къ здѣшнему обращенію).

— «То-то», подхватилъ графъ: «у васъ въ арміи гладютъ васъ по головкѣ; вы тамъ все бонжурите, да играете вмѣстѣ въ бостонъ; офицеры тоже; а я этого не люблю, да и тебѣ строго запрещаю».

Графъ, успокоившись, сѣлъ въ мои дрожки. Чтобъ возвратить его къ себѣ, я говорю:

— Съ вашимъ сіятельствомъ гораздо легче работать, чѣмъ съ Петромъ Андреевичемъ (Клейнмихелемъ). Мы осмотрѣли уже три роты, а онъ смотритъ еще одну.

Графъ: «Ну, вѣдь, онъ дѣлаетъ не по вашему, а все аккуратно».

— Ваше сіятельство, вы еще больше не пропускали ничего (смотрѣли и бранились) и уже давно кончили.

Графъ: «Ну, я болѣе его сдѣлалъ навыкъ»........

— Надобно отдать справедливость нашимъ поселянамъ; извольте посмотрѣть, съ какимъ они духомъ идутъ поротно.

Графъ: «А ты думаешь, ты это сдѣлалъ? Нѣтъ я» и т. д., и т. д.

— Я ничего не беру на себя; но чтобы умѣть исполнять и собственно волю вашу, на это нуженъ нѣкоторый умъ.

Графъ далѣе говоритъ: «Государь пожаловалъ тебѣ 3,000 руб. и я прислалъ ихъ тебѣ по эстафетѣ, а ты пишешь, что тебѣ даны въ долгъ. Перепиши свою бумагу. Государь тотчасъ догадается и прогнѣвается».

— После тѣхъ милостей, которыми государь осыпалъ меня, я не смѣю просить пособія; а если бы попросилъ, то не 3 т., а 10 т. рублей.

Графъ: «А 10 т. государь тебѣ бы не далъ».

— А 3 т. я бы не взялъ.

Тутъ графъ былъ какъ-то любезнѣе, и ни слова болѣе не сказалъ; но перемѣнилъ разговоръ, говоря:

— «Вы думаете, графъ собака, онъ кусаетъ. А ежели бы вы знали, какъ мнѣ часто за чубъ (это его слово) отъ государя достается. Я одинъ разъ осмѣлился сказать государю: «Государь! ежели бы я служилъ чорту и тотъ бы уважалъ меня болѣе!»— Я уже старъ; у меня написанъ уже и прощальный приказъ. Пусть государь изберетъ другаго помоложе и поспособнѣе меня,—помнѣ, хоть тебя. Я уѣду за границу».

— А насъ обрадовалъ слухъ, что государь жалуетъ васъ новгородскимъ княземъ.

Графъ: «А на что мнѣ это? Ежели бы это увеличило мою жизнь или ввело въ царство небесное, тогда было бы хорошо; но это ни къ чему не ведетъ. Отъ этого я не буду ни святѣе, ни счастливѣе; мнѣ эти титлы не нужны. (Потомъ продолжалъ): У тебя, пока-што, идетъ хорошо. Богъ тебя знаетъ, можетъ, ты и атеистъ; но я не проникаю ни въ чью душу, а наружнымъ твоимъ поведеніемъ доволенъ. Едва ты написалъ письмо ко мнѣ, я туже минуту поѣхалъ во дворецъ предъ самымъ выѣздомъ уже государя, и онъ велѣлъ пожаловать тебѣ 3,000 рублей. Видишь, какъ государь тебя любитъ!»

Служа и живя съ такимъ начальникомъ, какъ графъ, у котораго по-утру одно, а въ полдень другое расположеніе и наоборотъ, нельзя похвастать равнодушіемъ мудреца и спокойствіемъ духа: они ежеминутно въ трепетномъ, по крайней мѣрѣ, въ горько-нестерпимомъ положеніи. Самый великодушный человѣкъ, подъ эгидою его управленія, сдѣлается раздражителенъ. . . .

. . . .

Онъ отдалъ подъ судъ маіора Сухачева. Я положилъ мое мнѣніе, основанное на истинѣ. Графъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе за слабость мнѣнія; но я въ другой разъ остался при моемъ.

Графъ требовалъ щегольства и издержекъ на украшеніе фронта. Издержки эти, натурально, падали на собственность солдата. Графъ самъ это зналъ и одобрялъ въ тишинѣ кабинета. Но когда невольныя злоупотребленія случайно обнажались, онъ преслѣдовалъ ихъ.. ... такъ, какъ будто это дѣлалось самопроизвольно.

Я по дѣлу Сухачева объяснился съ графомъ, говоря: «ежели обвинять за это Сухачева, то, не разбирая лицъ, надо судить начальниковъ всей арміи и самаго меня. Ибо тѣ тысячи, кото-

рыя употребляются на украшенія, равно вездѣ падаютъ на собственность солдата, подъ скрытыми, но допущенными видами».

Графъ мнѣ на сіе отвѣчалъ:

— «Я и самъ твоего мнѣнія. Но пока оно негласно, мнѣ нѣтъ дѣла до того».

Слѣдовательно, графъ держался пословицы Ваньки-Каина: «воруй, да не попадайся».

. . . .

Графъ возложилъ на меня составить проэктъ для промышленниковъ-поселянъ. Я сдѣлалъ его, сообразно съ государственнымъ постановленіемъ, приспособивъ его къ званію поселянъ и къ мѣстнымъ необходимостямъ, способствовавшимъ имъ и отправлять свои обязанности, и заниматься съ выгодною промышленностью, обогащавшею край. Графъ былъ другого мнѣнія. Боясь разсѣянности поселянъ и толковъ ихъ, и наоборотъ, онъ хотѣлъ сжать весь кругъ ихъ промышленности въ кругу одной Старой Руссы, сдѣлавъ купцовъ ея монополистами; привязывая всѣми способами купцовъ, полагалъ торжествомъ и то, что они не оставили города. Но я воспротивился его мнѣнію, утверждая, что выгода поселянина-хлѣбопашца есть первостепенная, выгода купца— есть второстепенная. Довольно для него (поселянина), говорилъ я, когда перекупщикъ, получая рубль на рубль барыша, не стѣсняетъ производителя и не лишаетъ его охоты къ трудамъ и умноженію произведеній земли.

Когда графъ упрекалъ меня, что я не хочу споспѣшествовать ему, я сказалъ: . . . .

— Ваше сіятельсто требовали моего мнѣнія, я изложилъ его. За мнѣніе никто не сердится: оно есть свидѣтельство или истины, или ошибки. Высокіе умы принимаютъ только полезное и отбрасываютъ излишнее.

— «Но я не хочу», подхватилъ графъ, «чтобъ поселяне были купцами и заражались другими мнѣніями. Знаешь-ли ты», продолжалъ онъ, «что ничего нѣтъ опаснѣе богатаго поселянина? Онъ тотчасъ возмечтаетъ о свободѣ и не захочетъ быть поселяниномъ. Да и кто же изъ свободы пойдетъ въ неволю?... Я не вѣрю ихъ чувствованіямъ и увѣреніямъ».

— Такъ всего лучше, сказалъ я, не писать положенія о про-

мышленности, гдѣ тѣнь свободы покрываетъ яркими красками всю картину невольничества.

— «Вы всѣ филантропы, у васъ вездѣ свое, а я хочу вести по моему».

. . . .

Я должень, впрочемъ, признаться, что я обязанъ графу точностію идей моихъ и глубокимъ изслѣдованіемъ самаго себя. Графу нельзя написать того, чего нельзя доказать анализами; а эту науку пріобрѣлъ я, служа только съ графомъ. Боясь говорить поверхностно, я сталъ обнимать основательно, и корень извлеченій моихъ не слабѣе былъ кубическаго корня. Взвѣшивая каждую мысль, даже каждое слово, я видѣлъ самъ, что поверхностное знаніе съ глубокимъ и основательнымъ есть тоже, что мракъ при молніи съ дневнымъ свѣтомъ, при яркихъ лучахъ солнца. Графъ подалъ мнѣ первую о семъ мыслѣ двумя родами: первый былъ тотъ, что онъ кучу моихъ предположеній проходитъ со мною самъ и на каждый предметъ требуетъ неопровержимыхъ доказательствъ. Послѣ чего кладетъ рѣшенія собственною рукою, что можно видѣть въ штабѣ Старорусскаго военнаго поселенія; второй—тотъ, что графъ сильнѣе разсматриваетъ бездѣлицы, чѣмъ важныя дѣла. Въ одинъ разъ, когда онъ строго повѣрялъ строевой рапортъ баталіоннаго командира и исписалъ его кругомъ своими замѣчаніями, вотъ что онъ мнѣ сказалъ:

— «Ты скажешь, что графъ занимается такими пустяками посреди важныхъ государственныхъ занятій. А я тебѣ скажу, что я важными никогда такъ не занимаюсь, какъ пустыми. Ибо важнымъ занимается и вполнѣ обработываетъ тотъ, на кого это возложено, а бездѣльнымъ никто не занимается. Но когда я найду и здѣсь ошибку, тогда всѣ скажутъ: ежели графъ занимается и видитъ ошибки въ бездѣлицахъ, то что же онъ увидитъ уже въ важномъ дѣлѣ, которое, конечно, читаетъ онъ съ большимъ напряженіемъ и вниманіемъ?... И ты учись этому и дѣлай такъ, какъ я дѣлаю».

Отчетность въ людяхъ и формы о томъ такъ были перепутаны и неудобопостигаемы, что графъ, отъ дня изданія ихъ, не обращалъ на то вниманія. При излишествѣ требованій, потребовалъ онъ и отъ меня точнаго изъясненія его формамъ. Дѣло это предоставлено было Клейнмихелю, какъ созидателю формъ, и онъ

самъ увидѣлъ спутанность, затруднявшую собственное его понятіе. Итакъ, формы перемѣнили по моему.

Графъ имѣлъ злую привычку, минуя начальника, обращаться непосредственно къ его подчиненнымъ. Адъютанту моему прислалъ онъ собственноручное повелѣніе, требуя отвѣта въ его дѣйствіи. Адъютантъ, въ испугѣ, принесъ эту бумагу и, по словамъ моимъ, отвѣчалъ, что онъ только исполнитель, но что все пишу и дѣйствую я. Графъ, увидѣвши меня, говоритъ:

— «Для чего ты по моему предписанію все принялъ на себя? Чтобъ скрыть адъютанта? Я этого не люблю. Это—значитъ потворить и баловать подчиненныхъ. Ты бы сказалъ, когда графъ находитъ тебя виноватымъ, то ты ужъ долженъ быть виноватъ».

— Ваше сіятельство! Такой способъ выведетъ только подчиненныхъ изъ подчиненности, и когда я буду что приказывать, то никто меня не послушается, не зная, худо-ли, хорошо-ли это дѣлается. Я и такъ едва успѣлъ покорить общій отзывъ: «я не смѣю, графъ за это меня арестуетъ». Ежели мой подчиненный будетъ дѣлить себя между исполненіемъ моего приказанія и отвѣтомъ за то предъ вами, то всякій будетъ уже въ зависимости вашей, а не моей. И что̀ тогда будетъ съ лицомъ, на которое падаетъ общая отвѣтственность? . . . .

Графъ три раза велѣлъ мнѣ упущенное исправить на счетъ баталіонныхъ командировъ. Я взялъ вину на себя, ибо ее не было, и заплатилъ 300 рублей. Графъ почувствовалъ несправедливость, и деньги приказалъ мнѣ возвратить.

Всѣ мои письма графъ читалъ государю. Въ одномъ отвѣтѣ, графъ мнѣ писалъ: «и государь изволилъ замѣтить, что ты теперь въ лучшемъ расположеніи духа».

Графъ терпѣть не могъ похвалъ и наградъ; я и того, и другаго домогался.

Графъ говоритъ:

— «Не хвали ты мнѣ никого: я и самъ знаю, кого и чѣмъ наградить».

— Ваше сіятельство, ежели бы я былъ вельможа, какъ вы, тогда бы одного моего слова, одной улыбки довольно было составить ихъ счастіе; но какъ я простой генералъ, то мнѣ надобно показать всю мою признательность, чтобы подвигнуть лю-

дей къ безкорыстному дѣйствію и неимовѣрнымъ трудамъ, успѣху которыхъ сами вы отдаете справедливость.

Графъ: «Ну, съ этимъ я согласенъ. Да я уже и такъ произвелъ трехъ твоихъ капитановъ въ маіоры, чего я другимъ не дѣлаю». (Графъ никогда не производилъ капитановъ въ маіоры, чтобы не было лишнихъ штабъ-офицеровъ и чтобъ они не выбыли въ армію и тѣмъ избавились-бы отъ ужасовъ поселенія).

Графъ хотя и не хотѣлъ, не могъ не отдать справедливости Старорусскому поселенію. Оно въ полтора года, какъ-будто волшебною силою, сотворилось въ прелестнѣйшемъ видѣ. Всѣ его части имѣли полный видъ совершенства. А что всего важнѣе, не стоивъ казнѣ ни копѣйки, составило собственно своего капитала до 6-ти милліоновъ, разумѣя съ запасами хлѣба и съ продовольствіемъ отъ себя поселенныхъ солдатъ.

Въ концѣ 1824 года графъ возложилъ на меня устроить Старорусскую флотилію. Я сдѣлалъ смѣту однимъ деревяннымъ матеріаламъ, и сумма далеко была ниже той, которая выдавалась въ Новгородѣ. Но экономическій комитетъ требовалъ, чтобъ я на эту же сумму сдѣлалъ и такелажъ. Знавши пословицу графскую: «гдѣ рука (подпись), тамъ и голова (отвѣтъ)», я писалъ ему: «Вашему сіятельству угодно было сдѣлать меня пѣхотнымъ адмираломъ. Я умѣлъ прежде строить однѣ только пѣхотныя колонны, а теперь строю уже и флотилію. Со всѣмъ добрымъ намѣреніемъ и остатками экономіи, меня заставляютъ дѣлать то, чего я на себя не бралъ. Ежели я, по твердости правила, долженъ буду приплатить отъ себя 3 — 4 т. рублей, то это неслишкомъ лестная награда за минутное званіе адмирала и безкорыстіе, которое доказывается уменьшенною на суда цѣною» [1]). Графъ былъ столько внимателенъ, что отмѣнилъ прежнее приказаніе комитету..........

Въ это же почти время графъ привезъ съ собою положеніе для Старорусскаго экономическаго комитета и, отдавая мнѣ, сказалъ:

[1]) Надобно и здѣсь примѣтить, что мысль о постройкѣ флотиліи я первый сообщилъ графу (см. мое донесеніе). Но графъ принялъ это худо, а особенно выраженіе объ опасности, которой я, въ семъ случаѣ, подвергался и велѣлъ актъ сей совершенно уничтожить. Но онъ остался въ книгѣ исходящаго журнала; а флотилія построена вслѣдъ за уничтоженіемъ акта! С. М.

— «Прочитай его хорошенько и подпиши, когда въ немъ нѣтъ противнаго: ты знаешь, гдѣ рука, тамъ и голова. Да не сдѣлай такъ, какъ сдѣлалъ П. А. Угрюмовъ.» —И, обратясь съ усмѣшкою къ Клейнмихелю, спросилъ: «какъ-бишь, сказалъ П. А?»

Клейнмихель: «Когда я отдалъ ему бумаги и именемъ вашимъ приказалъ разсмотрѣть ихъ, исправить сообразно мѣстности и потомъ подписать, тогда онъ взялъ перо и, не читая, подписалъ. Я требовалъ, чтобъ онъ прочелъ то, что подписываетъ; но Угрюмовъ отвѣчалъ: когда графъ что обдумалъ и подписалъ, то оно уже очень хорошо. И какъ бы я ни выдумывалъ, лучше графа не выдумаю».

Графъ (обращаясь къ Клейнмихелю съ самодовольною улыбкою): «Петръ Адреевичъ! хорошо за нами жить. Онъ только спитъ, да куритъ трубку и играетъ въ бостонъ. А мы за него трудимся; а онъ за насъ получаетъ всякой годъ награду за наградою. Я, впрочемъ, имъ доволенъ: онъ добрый и честный человѣкъ, дѣлаетъ то, что велятъ, и не умничаетъ. Его и государь за то любитъ.»

Я (зная, что это идетъ о наставленіи меня): Я завидую участи П. А. Угрюмова и желалъ бы имѣть его характеръ и счастіе.

Графъ: «Нѣтъ, ты совсѣмъ другое: ты можешь работать самъ безъ помощи другихъ. Но въ тебѣ то не хорошо, что ты все берешь на себя. Нѣтъ, братъ, я всѣ твои письма ко мнѣ велѣлъ переплесть въ аглицкой переплетъ и поставить на полку въ библіотекѣ главнаго штаба. Если и меня не будетъ, то П. А. (Клейнмихель) обнаружитъ тебя, что ты учился у меня; а если ты мнѣ льстишь, такъ это непростительно тебѣ.»

— Я писалъ, говорилъ и говорю, что я и знаніемъ моимъ дѣлъ военнаго поселенія, и счастливымъ успѣкомъ обязанъ однимъ вамъ. Повторять это предъ лицомъ свѣта считаю данью чувствъ, а не лести. Да кто бы и повѣрилъ мнѣ, что я могу что-либо начать, продолжать и исполнять безъ наставленія вашего сіятельства? . . . .

Графъ успокоился и принялъ обыкновенный тонъ.

Но вслѣдъ за его выѣздомъ, мнѣ нужно было начать новыя и довольно смѣлыя дѣйствія. Отправляя къ графу адъютанта моего—Яковлева въ С.-Петербургъ, для познанія порядка дѣлъ графскаго штаба, что графъ любилъ показывать и наставлять,—

я писалъ къ графу: «Всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я пріобрѣлъ въ кабинетѣ вашего сіятельства, подъ непосредственнымъ руководствомъ вашего сіятельства, составляли науку и алфавитъ моихъ дѣйствій по сей день. Теперь наступаетъ новый періодъ дѣйствій; но я совершенный рекрутъ въ нихъ Ваше сіятельство! по примѣру прошедшаго, не лишите меня новымъ запасомъ наставленій и вразумленія» . . . .

Наканунѣ почти 1825 г. графъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ онъ говорилъ, чтобы избѣжать придворнаго этикета и поздравленій, отъ которыхъ онъ не можетъ укрыться и въ своемъ Грузинѣ, куда пріѣзжаютъ съ поздравленіями къ нему первыя лица въ государствѣ.

— «Сюда», говоритъ графъ, «далеко, и никто, слава Богу, не пріѣдетъ. Эти визиты мнѣ наскучили и, кромѣ тягости, отнимаютъ много времени у дѣлъ. А здѣсь мы съ тобою пообработаемъ остальныя наши дѣла» [1]).

Дѣло шло о разсортированіи неимущихъ семействъ.

Графъ по опыту узналъ, что бобыли, ни къ чему неспособные, обремѣняютъ только поселеніе. И потому, отдѣливъ больныхъ и увѣчныхъ въ мѣстную больницу, остальныхъ выслалъ въ гражданское вѣдомство, гдѣ они, войдя опять въ разрядъ своего класса людей, платили бы подати или, лучше, другіе платили бы за нихъ. Казалось бы 3-хъ часовъ довольно и дѣло бы кончено. Нѣтъ, мы провозились отъ 7-ми до 10-ти дней[2]). Графъ, кончивъ разборъ семействъ, хотѣлъ отправить ихъ такъ, чтобы это и поселянъ не растраивало; и казну не обременяло. Вотъ его средство: онъ вздумалъ увѣрять меня, что я ему это обѣщалъ. Я отказывался, а онъ сильно въ томъ настаивалъ. Отправить ихъ было не трудно; но исполненіе безъ его предписанія повело бы меня въ взысканный отвѣтъ.

— Вашему сіятельству нѣтъ надобности въ моихъ средствахъ. Ваше предписаніе есть одно мое средство.

Графъ (гнѣвно): «Какъ же ты мнѣ сказалъ вотъ здѣсь (указывая на мѣсто), что ты самъ ихъ перевезешь, и это ничего не будетъ стоить? Меня и самаго это очень удивило».

---

[1]) Но представьте себѣ, ежели ему тяжелы посѣщенія покорности, униженія, почести и лести, то каковъ же долженъ былъ быть мой новый годъ!

С. М.

[2]) Далѣе чернилами затерты три параграфа (18 строкъ), возстановить которые въ подлинности невозможно. Изъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, сквозящихъ сквозь темный покровъ, фразъ можно заключить, что Маевскій описываетъ педантизмъ гр. Аракчеева во время работъ и страсть его говорить при этомъ преимущественно о себѣ, что, разумѣется, уносило почти все время. Примѣчаніе, написанное авторомъ сбоку, также зачеркнуто. Вотъ оно: «Онъ любилъ разсказывать, какъ онъ вошелъ въ корпусъ, какъ высѣкъ кадета, какъ билъ Булатова, какъ мать его, по мановенію отца, бѣгивала въ подвалъ и какъ государь хотѣлъ наградить ее, за его заслуги, статсъ-дамою; какъ былъ принятъ Павломъ I и какъ терпѣлъ отъ бѣдности и ненависти». Ред.

— Чтобы я перевелъ ихъ на свой счетъ за 250 верстъ съ полнымъ продовольствіемъ, ваше сіятельство сами того не захотите; но перевезть ихъ можно на обывательскихъ подводахъ, съ отпускомъ жизненныхъ припасовъ изъ запасныхъ нашихъ магазиновъ, ибо 1,000 чел. обоего пола, а особливо калѣкъ и дѣтей, перевезть приватными средствами приватнаго человѣка— это не только невозможно, но и неудобопостижимо.

Графъ: «Твое хвастовство самаго меня удивило. Я все полагалъ, что ты духъ и что для тебя все возможно. Нѣтъ, братъ, передо мною нельзя лгать и хвастать: у меня ухо и память хороши. Я если разъ что услышу, то никогда не забуду».

Въ это же время было у насъ другое смѣшное происшествіе. Графъ возложилъ на меня планъ огромной и, можно сказать, не бывалой перевозки плиты изъ Устрика въ Русу. Бѣдные способы 1-й дивизіи дѣлали операцію сію неудобовозможною. Я написалъ планъ, графъ утвердилъ (прибавилъ оболочку)—и дѣйствія превзошли ожиданія (см. приказъ по отряду). Операція должна была начаться съ 15-го декабря и кончиться по 15-е марта, разумѣя весь зимній путь; но она кончилась по 1-е января. Графъ, проѣзжая мѣсто перевозки и видя, что она кончилась $2^1/_2$ мѣсяцами прежде, требуетъ, чтобы я всѣхъ баталіонныхъ командировъ отдалъ подъ судъ за неисполненіе, или ближе, за отступленіе отъ печатнаго его приказа.

— Ваше сіятельство, предоставивъ мнѣ распоряженіе и дѣйствіе, можете обвинять только одного меня. Скорость произошла вотъ отчего: каждый баталіонъ разсчиталъ перевозку по числу хозяевъ, а каждый хозяинъ, чтобы скорѣе ее кончить, вмѣсто однихъ саней, взялъ 5— 6, судя по числу его лошадей. Итакъ, вмѣсто 1,000, выходило вдругъ 5—6 т. подводъ. Перевозка кончена во-время, люди свободны и могутъ заняться другими работами, а слѣдовательно и выгодами. Время выиграно, а стужа и распутица не пугаютъ.

Графъ: «Но для чего ты не упредилъ меня объ этомъ? Я бы далъ другое предписаніе, сообразное съ мѣстными возможностями».

— Я зналъ скорый пріѣздъ вашъ и думалъ объяснить все это лично.

Графъ: «То-то, ты все спѣшишь. А ты знаешь, что я люблю, чтобъ приказы мои исполнялись буквально».

(Окончаніе слѣдуетъ).

465–562 ... Censur verboten

МИХАЙЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа.

1761 г.

«Помѣщаемое здѣсь произведеніе великаго русскаго писателя, которое онъ самъ озаглавилъ: «О сохраненіи и размноженіи народа», было напечатано нѣсколько разъ: В. Олинъ помѣстилъ его въ «Журналѣ древней и новой словесности» 1819 года, часть V, мартъ, № 6, стр. 52—78; потомъ г. Погодинъ издалъ его въ «Москвитянинѣ» 1842 года, № 1, стр. 126—143, съ примѣчаніемъ: «подлинность этого разсужденія засвидѣтельствована Россійскою Академіею; отрывокъ изъ него, именно оглавленіе другихъ предположенныхъ Ломоносовымъ сочиненій, найденъ г. Ѳедоровымъ въ собственноручномъ подлинникѣ Ломоносова»: Въ изданіе Смирдина—Сочиненій Ломоносова, томъ I, стр. 631—654, разсужденіе это перешло въ томъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано въ «Москвитянинѣ».

«Надобно думать, что названные издатели имѣли въ своемъ распоряженіи неполные или плохіе списки «Разсужденія», такъ какъ, при сравненіи текста изданій, оказываются между ними разнорѣчія и неполноты. Въ «Библіографическихъ запискахъ» 1859 г., № 11, стр. 345—348, въ статьѣ: «Матеріалъ для будущаго издателя сочиненій Ломоносова» сдѣланы дополненія къ прежде изданному тексту «Разсужденія». Въ матеріалахъ для біографіи Ломоносова, изд. Билярскимъ, есть выписки изъ протоколовъ бывшей Россійской Академіи, касающіяся того же «Разсужденія». Редакція «Русской Старины» получила въ свое распоряженіе списокъ его съ такими же выписками, которыя сочла нужнымъ помѣстить въ началѣ для бо́льшей достовѣрности въ несомнѣнной принадлежности этого произведенія Ломоносову. Что касается до самого письма, то оно, будучи написано за 110 лѣтъ до нашего (1871 г.) времени, само собою разумѣется, изображаетъ много такихъ чертъ, которыя уже не встрѣчаются болѣе въ наши времена; независимо отъ того, всякая строка такого дѣятеля въ нашей исторіи, какъ Ломоносовъ, должна быть старательно сохраняема въ позднѣйшемъ потомствѣ. Кромѣ того, нельзя не признать, что статья изобилуетъ достоинствами въ литературномъ отношеніи,—и редакція «Русской Старины» смѣетъ думать, что оказываетъ услугу русской литературѣ помѣщеніемъ произведенія Ломоносова по списку, болѣе исправному, чѣмъ тѣ, съ которыхъ оно печаталось прежде».

Приведенныя строки принадлежатъ перу академика П. П. Пекарскаго († 1872 г.), который въ 1871 году доставилъ намъ вмѣстѣ съ ними: «Выписку изъ журналовъ Императорской Россійской Академіи 1836 г.» и «списокъ письма Ломоносова 1761 г.» [1]). Мы тогда же предполагали помѣстить интересное сообщеніе нынѣ покойнаго академика, какъ вдругъ въ III-мъ выпускѣ «Бесѣдъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности», вслѣдъ за тѣмъ въ томъ-же 1871 г. вышедшемъ въ Москвѣ, нашли, что Н. С. Тихонравовъ помѣстилъ это самое письмо Ломоносова, по другому, нѣсколько отличающемуся отъ академическаго, списку [2]).

Пріостановившись въ то время изданіемъ сообщенія г. Пекарскаго, мы, печатаемъ его нынѣ, какъ во вниманіе къ важности настоящаго документа, такъ и потому, что «Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійкой Словесности»,— изданіе, впрочемъ, для исторіи отечественной словесности хотя и весьма полезное,—но къ сожалѣнію чрезвычайно мало вѣстны публикѣ.

Печатаемъ письмо Ломоносова вмѣстѣ съ помянутою «Выпискою изъ журналовъ Россійской Академіи». Замѣтимъ при этомъ, что мы сочли нужнымъ сохранить неприкосновенною ореографію Ломоносова, по скольку она соблюдена академическимъ спискомъ, не исправляя даже описокъ. Измѣнять характеристическія особенности письма Ломоносова было бы грѣшно. **Ред.**

Выписки изъ журналовъ Императорской Россійской Академіи.

Мая 2-го дня 1836 года.

«Статья 4-я. Непремѣнный секретарь читалъ принадлежащую ему копію съ письма Ломоносова къ Ивану Ивановичу Шувалову отъ 1-го ноября 1761 года о разныхъ предметахъ государственной экономіи, объяснивъ при томъ, что рукопись эту, однако же неподлинную, онъ получилъ слишкомъ за 40 лѣтъ до сего, что она нигдѣ не напечатана, кромѣ издаваемаго г. Оленинымъ [3]) журнала, подъ названіемъ: «Древней и Новой Словесности», но въ искаженномъ видѣ, и что онъ, непремѣнный секретарь, жертвуя Академіи сею бумагою, не ручается за то, чтобы письмо это писано было дѣйствительно Ломоносовымъ. По прочтеніи, собраніе нашло, что письмо могло быть дѣйствительно произведеніемъ Ломоносова, ибо въ немъ ясно видѣнъ слогъ его; а поелику оно содержитъ въ себѣ предметъ великой важности и оставалось до сего времени въ неизвѣстности, то для сохраненія онаго отъ совершеннаго забвенія, для чести безсмертнаго нашего писателя, тѣмъ болѣе достойнаго памяти, что нѣкоторыя изъ мыслей его, изображенныхъ въ семъ письмѣ, приведены были въ исполненіе Великою Екатериною,—

«Опредѣлено: съ представленной непремѣннымъ секретаремъ копіи, снявъ два списка хорошею рукою, хранить ихъ въ Академіи въ библіотекѣ, а приносителю изъявить благодарность».

---

[1]) Тетрадь въ бумажномъ переплетѣ въ 4-ю д. 76 стр., четкаго письма, безъ малѣйшей помарки. **Ред.**

[2]) Отличія эти состоятъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. **Ред.**

[3]) Въ подлинномъ протоколѣ Академіи сказано «Оленинъ», но это описка, надо читать Олинъ, какъ и значиться въ академическомъ спискѣ того-же протокола. **Ред.**

Мая 16-го.

Статья 9-я. Членъ академіи Б. М. Θедоровъ представилъ снимокъ съ собственноручной записки М. В. Ломоносова, въ которой записаны слѣдующіе предметы:

«1) О сохраненіи и размноженіи народа.

«2) О истребленіи праздности.

«3) О исправленіи нравовъ и о просвѣщеніи.

«4) О умноженіи внутренняго изобилія.

«5) О купечествѣ, особливо со внѣшними народами.

«6) О ремесленныхъ дѣлахъ и художествахъ.

«7) О Государственной Економіи.

«8) О сохраненіи военнаго искусства и храбрости во время долговременнаго мира.

«Оріентальная Академія.

«О лѣсахъ.

«Економическая Географія.

«Олимпическія игры.

«Истребленіе Раскола.

«Економическая Ланкарта.

«Праздность показать: по мѣстамъ и по персонамъ, и по временамъ. Мужъ мѣльницу не здѣлаетъ а жена весь день мелетъ».

Сія собственноручная записка выводитъ изъ всякаго сомнѣнія достовѣрность сочиненія Ломоносова, читаннаго въ собраніи 2-го мая сего года (статья 4).

Собраніе, принявъ съ благодарностью къ г. Θедорову доставленіе столь важнаго акта,—опредѣлило: снимокъ съ записки Ломоносова приложить къ рукописному его сочиненію» [1]).

Письмо М. В. Ломоносова къ И. И. Шувалову.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Разбирая свои сочиненія, нашелъ я старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы. По разсмотрѣніи разсудилось мнѣ за благо пространнѣе и обстоятельнѣе сообщить ихъ Вашему Высокопревосходительству, яко истинному рачителю о всякомъ добрѣ любезнаго Отечества, въ упованіи (что), можетъ быть, найдется въ нихъ что-нибудь къ дѣйствительному поправленію Россійскаго свѣта служащее, что Вашимъ проницательствомъ и раченіемъ разобрано, расположено и къ подлинному исполненію приве-

---

[1]) Согласно сему точный списокъ съ собственноручной записки М. В. Ломоносова приложенъ къ академическому списку письма его къ И. И. Шувалову, 1761 г. Ред.

дено быть можетъ. Всѣ оныя по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли подведены быть могутъ, какъ мнѣ кажется, подъ слѣдующія главы:

1) О размноженіи и сохраненіи Россійкаго народа.

2) О истребленіи праздности.

3) О исправленіи нравовъ и о большомъ народа просвѣщеніи.

4) О исправленіи земледѣлія.

5) О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.

6) О лучшихъ пользахъ купечества.

7) О лучшей Государственной Экономіи.

8) О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира.

Сіи толь важныя главы требуютъ глубокаго разсужденія, долговременнаго въ Государственныхъ дѣлахъ искусства къ изъясненію и предосторожной силы къ произведенію въ дѣйство.

И такъ, М. Г., извините мою дерзость, что, не имѣя къ тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени, только изъ усердія, которое мнѣ непозволяетъ ничего (хотя бы только и повидимому) полезнаго обществу оставить подъ спудомъ. Начало сего полагаю самымъ главнымъ дѣломъ: сохраненіемъ и размноженіемъ Россійскаго народа, въ чемъ состоитъ величество, могущество и богатство всего Государства, а не въ обширности тщетной безъ обитателей. Божественное дѣло и милосердыя и человѣколюбивыя нашея Монархини кроткаго сердца достойное дѣло, избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы иные по законамъ и достойны были. Сіе помилованіе есть явное и прямо зависящее отъ Ея материнскія Высочайшія воли и повелѣнія. Но много есть человѣкоубивства и еще самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія, или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить невозможно.

1) Въ обычай вошло во многихъ Россійскихъ предѣлахъ, а особливо по деревнямъ, что малыхъ ребятъ, къ супружеской должности неспособныхъ, женятъ на дѣвкахъ взрослыхъ, и часто жена могла бы по лѣтамъ быть матерью своего мужа. Сему съ натурою спорному поведенію слѣдуютъ худыя обстоятельства: слезныя приключенія и рода человѣческаго приращенію вредныя душегубства. Первыя послѣ женитьбы лѣта проходятъ безплодны, слѣдовательно, такое супружество не супружество и сверхъ того вредно размноженію народа, затѣмъ, что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить нѣсколько дѣтей обществу. Мальчикъ побуждаемъ будучи отъ

задорной взрослой жены усиливаніемъ себя прежде времени, портитъ и впредь въ свою пору къ дѣтородію не будетъ довольно способенъ, а когда достигнетъ въ мужескій возрастъ, то жена скоро выдетъ изъ тѣхъ лѣтъ, въ кои къ дѣтородію была способнѣе. Хотяжъ она и въ малолѣтство мужнее можетъ обрюхатѣть непозволеннымъ образомъ, однако боясь безславія и отъ мужнихъ родителей попрёку и побоевъ, легко можетъ поступить на дѣтоубивство еще въ своей утробѣ. Довольно есть и такихъ примѣровъ, что гнушаясь малымъ и глупымъ мужишкомъ, спознавается жена съ другимъ, и чтобъ за него выдти, мужа своего отравливаетъ, или инако убиваетъ, а послѣ изобличена предается казни. Итакъ сими непорядками еще нерожденные умираютъ и погибаютъ повинные и неповинные. Второе неравенство въ супружествѣ бываетъ, когда мужчина въ престарѣлыхъ лѣтахъ женится на очень молодой дѣвушкѣ, которое хотя и не столь опасно, однако приращенію народа вредно, и хотя не позволенною любовію недостатокъ можетъ быть наполненъ, однако сіе недружелюбія, подозрѣнія, безпокойства и тяжебъ въ наслѣдствѣ и большихъ злоключеній причиною бываетъ. Для сего вредное приумноженію и сохраненію народа неравенство супружества запретить и въ умѣренные предѣлы включить должно. По моему мнѣнію невѣста жениха не должна быть старѣе развѣ только двумя годами, а женихъ старѣе можетъ быть 15-ю лѣтами. Сіе для того, что женщины скорѣе старятся, нежели мужчины, а особливо отъ частой беременности. Женщины родятъ едва далѣе 45 лѣтъ, а мужчины часто и до 60-ти лѣтъ къ плодородію способны: всего сходнѣе, ежели мужъ жены старѣе отъ 7 до 10 лѣтъ. Хотяжъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, затѣмъ что ежели кто семью малую, а много пашенъ, или скота имѣетъ, тотъ наймуй работниковъ, прими третьщиковъ или половиньщиковъ, или продай излишнее другому.

2-е) Неравному супружеству много подобно насильное: ибо гдѣ любви нѣтъ, ненадежно и плодородіе. Несогласія, споры и драки вредятъ плоду зачатому и нерѣдко бываютъ причиною безвременному и незрѣлому рожденію. Для того должно вѣнчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить, чтобы они услышавъ гдѣ о невольномъ сочетаніи, онаго не допускали и не вѣнчали подъ опасеніемъ лишенія чина. Жениха бы и невѣсту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены въ Церковь къ вѣнчанію, но нѣсколько прежде.

3-е) Хотя больше одной жены вдругъ имѣть въ нашемъ законѣ не позволяется, однако четвертая послѣ третьей смерти въ нашихъ

узаконеніяхъ незаказана, кромѣ того, что нѣкто Арменопулъ, судья Солунской, заказалъ приватно, положась, какъ уповаю, на словаНазіанзиновы: „первый бракъ—законъ, вторый—прощеніе, третій—пребеззаконіе". Но сіе никакими соборными узаконеніями не утверждено затѣмъ что онъ сіе сказалъ какъ ораторъ, какъ проповѣдникъ, а не какъ законодавецъ; и не взирая на слова великаго сего святителя, Церковь Святая третій бракъ благословляетъ, а четвертаго запрещеніе пришло къ намъ изъ Солуня, а не отъ Вселенскихъ Соборовъ, или Монаршескихъ и общенародныхъ узаконеній. Сіе обыкновеніе много возпрещаетъ народному приращенію. Много видалъ я вдовцовъ отъ третьей жены около 30-ти лѣтъ своего возраста, и отецъ мой овдовѣлъ въ третій разъ хотя 50-ти лѣтъ, однако еще въ полной своей бодрости и могъ бы еще жениться на четвертой. Мнѣ кажется, было-бъ законамъ не противно, если бы для размноженія народа и для избѣжанія непозволенныхъ плотскихъ смѣшеній, а отъ того и несчастныхъ приключеній, четвертой, а по нуждѣ и пятой бракъ былъ позволенъ, по примѣру другихъ христіанскихъ народовъ. Правда, что иногда не безъ сомнительства бываетъ, всели происходило натурально, когда кто въ третій, и притомъ въ немногіе годы овдовѣетъ, и не былоли какого потаеннаго злодѣйства? Для сего лицо, требующее четвертаго или пятаго брака, должно представить въ свидѣтели сосѣдей, или еще лучше, родственниковъ по первымъ супружествамъ, что въ оныхъ поступки его были незлобны и беззазорны, а у кого окажутся вѣроятные знаки невѣрности, или свирѣпости, а особливо въ двухъ, или во всѣхъ трехъ супружествахъ, тѣмъ лицамъ непозволять четвертаго брака.

4-е) Вошло въ обычай, что натурѣ человѣческой противно, (противно-ли законамъ на соборахъ положеннымъ не помню), что вдовыхъ молодыхъ поповъ и дьяконовъ въ черпцы насильно постригаютъ, чемъ къ грѣху, а не ко спасенью дается поводъ, и приращенію народа немалая отрасль пресѣкается. Смѣшная неосторожность! Не позволяется священнодѣйствовать женясь вторымъ бракомъ законно, честно и благословенно, а въ чернечествѣ блуднику, прелюбодѣю, или еще и мужеложцу Литургію служить и всякія Тайны совершать дается воля. Возможноли подумать, чтобы человѣкъ молодой, живучи въ Монашествѣ, безъ всякой печали, довольствуясь пищами и напитками, и по всему внѣшнему виду здоровой, сильной и тучной, не былъ бы плотскихъ похотей стремленіямъ подверженъ, кои всегда тѣмъ больше усиливаются, чемъ крѣпче запрещаются. Для сихъ причинъ кажется, что молодымъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ надобно позволить вторый бракъ и не постригать прежде лѣтъ пятидесяти, или снявъ чинъ

священства позволить быть мірскими чинами. Сюдажъ надлежитъ и постриженіе молодыхъ людей прямо въ Монахи и Монахини, которое хотя въ нынѣшнія времяна и умалилось предъ прежними, однако еще много есть излишества, особливо въ Малороссіи и при Синодальныхъ школахъ. Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочіе поступки вездѣ показываютъ, что Монашество въ молодости ничто иное есть, какъ чернымъ платьемъ прикрытое блудодѣяніе и содомство, наносящее знатной ущербъ размноженію человѣческаго рода, не упоминая о бывающихъ дѣтоубивствахъ, когда законопреступленіе закрываютъ злодѣяніемъ. Мнѣ кажется, что надобно клобукъ запретить мужчинамъ до 50, а женщинамъ до 45-ти лѣтъ.

5-е) Вышеписанное касалось больше до обильнѣйшаго плодородія родящихъ, слѣдующее надлежитъ особливо до сохраненія рожденныхъ. Хотя запрещеніемъ неравнаго и насильнаго супружества, позволеніемъ четвертаго и пятаго брака, разрѣшеніемъ къ супружеству вдовыхъ поповъ и дьяконовъ и непозволеніемъ до указныхъ лѣтъ принятія Монашескаго чина, несомнѣнно воспослѣдовать можетъ знатное приумноженіе народа и нестолько будетъ беззаконнорожденныхъ, слѣдовательно, и меньше дѣтскаго душегубства, однако по разнымъ случаямъ и по слабости человѣческаго сложенія быть тому невозможно, чтобы непозволеннымъ сластолюбіемъ, или и насильствомъ обремененная женщина нехотя быть обезславлена, неискала бы способовъ утаить своего беззаконія и несчастія, отъ чего иногда въ отчаяніи матери дѣтей своихъ убиваютъ. Для избѣжанія столь ужаснаго злодѣйства и для сохраненія жизни неповинныхъ младенцевъ, надобно бы учредить нарочные богодѣленные домы для невозбраннаго зазорныхъ дѣтей пріему, гдѣ богодѣленныя старушки моглибъ за ними ходить вмѣсто матерей, или бабокъ; но о семъ особливо въ письмѣ о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.

6-е) Слѣдуютъ сему младенческія болѣзни, изнуряющія и въ смертныя челюсти повергающія начинающуюся жизнь человѣческую, изъ которыхъ первое и всѣхъ лютѣйшее мученіе есть самое рожденіе. Страждетъ младенецъ не менѣе матери и тѣмъ только разнится ихъ томленіе, что мать оное помнитъ, непомнитъ младенецъ. Коль же оно велико, изъявляетъ Давидъ Пророкъ, ибо, хотя изобразить ужасныя враговъ своихъ скорби, говоритъ: тамо болѣзни, яко рождающія (сирѣчь женщины). Проходя болезненной путь въ прискорбной и суетной свѣтъ, коль часто нѣжной человѣкъ претерпѣваетъ великія поврежденія, а особливо въ головѣ, тѣмъ что въ самое свое рожденіе лишается едва начатыя жизни и въ первые почерпнутой духъ,

въ послѣднее испускаетъ, либо нѣсколько часовъ или дней только лишь съ настоящею смертію борется. Сіе первое страданіе, которымъ нерѣдко изъ рожденныхъ живыхъ на весь вѣкъ здравіе повреждается. Сего иначе ничемъ не можно отвратить, или хотя нѣсколько облегчить, какъ искуствомъ повивальныхъ бабокъ и осторожностію беременныхъ. Потомъ слѣдуетъ болѣзнь при выходѣ зубовъ, младенцамъ часто смертоносная, когда особливо падучую болѣзнь съ собою приноситъ. Такъ же грыжи, оспа, сухотка, черви въ животѣ и другія смерти дѣтской причины, всѣ требуютъ знанія: какъ лечить нѣжныхъ тѣхъ болѣзни. Для умаленія толь великаго зла, совѣтую въ дѣйствіе произвести слѣдующее: 1-ое) выбрать хорошія книжки о повивальномъ искуствѣ, и самую лучшую положивъ за основаніе сочинить наставленіе на Россійскомъ языкѣ, или сочинивъ на другомъ перевесть на Россійской, къ чему необходимо должно присовокупить добрые пріемы Россійскихъ повивальныхъ искусныхъ бабокъ, для сего созвавъ выборныхъ долговременнымъ искуствомъ дѣло знающихъ. спросить каждую особливо и всѣхъ вообще и что за благо принято будетъ внести въ оную книжицу. 2-ое) Для излеченія прочихъ дѣтскихъ болѣзней положивъ за основаніе великаго медика Гофмана, который упражнявшись черезъ 60 лѣтъ въ Докторскомъ званіи, при концѣ жизни писалъ наставленіе о излеченіи младенческихъ болезней, по которымъ я дочь свою дважды отъ смерти избавилъ, и присовокупивъ изъ другихъ лучшее, соединить съ вышеписанною книжкою о повивальномъ искуствѣ, при томъ не позабыть, что наши бабки и лекари съ пользою вообще употребляютъ. 3-ое) Въ обѣихъ совокупленныхъ сихъ искуствъ въ одну книжку, наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большой части не трудно было сыскать вездѣ въ Россіи, затѣмъ что у насъ аптеками такъ скудно, что не токмо въ каждомъ городѣ, но и въ знатныхъ великихъ городахъ понынѣ неустроены, о чемъ давно бы должно было имѣть попеченіе, но о семъ особливо представлено будетъ. 4-ое) Оную книжку напечатавъ въ довольномъ множествѣ разпродать во все Государство, по всѣмъ церквамъ, чтобы священники и грамотные люди читая могли сами знать и другихъ наставленіемъ пользовать. По изчисленію умершихъ по приходамъ, учиненному въ Парижѣ, сравнивъ ихъ лѣта, умираютъ въ первые три года столько же почти младенцовъ, сколько въ прочія до ста считая. Итакъ положимъ, что въ Россіи мужеска полу до 12-ти милліоновъ, изъ нихъ состоитъ одинъ милліонъ въ такомъ супружествѣ, что дѣти родятся, положивъ обще, одинъ въ два года. Посему на каждый годъ будетъ рожденныхъ полмилліона, изъ коихъ въ три года умретъ половина, или еще по здѣшнему небреженію и

больше, такъ что на всякой годъ достанется смерти въ участіе по сту тысячъ младенцовъ, не свыше трехъ лѣтъ. Не стоитъ ли труда и попеченія нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть, 10 тысячъ, можно было удобными способами сохранить въ жизни?

7-ое) Доселѣ о натуральныхъ обстоятельствахъ младенцамъ вредныхъ; остается упомянуть о поврежденіяхъ отъ суевѣрія и грубаго упрямства происходящихъ. Попы, нетокмо деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцовъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, указывая на предписаніе въ требникѣ, чтобы вода была натуральная безъ примѣшенія и вмѣняютъ теплоту за примѣшенную матерію, а недумаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплою водою, по ихъ мнѣнію, смѣшенною. Итакъ, сами себѣ прекословятъ, а особливо по своему недомыслію, незнаютъ, что и въ самой холодной водѣ еще теплоты очень много. Отъ замерзанія въ ледъ принимаетъ вода на себя стужу до 130 гр., да и тутъ можно почесть ее горячею, затѣмъ, что замерзающая ртуть несравненно большее разстояніе отъ сего градуса имѣетъ, нежели вода отъ кипетка до замерзанія. Однако невѣждамъ попамъ Физику толковать нѣтъ нужды, довольно принудить властію, чтобы всегда крестили водою лѣтней въ разсужденіи теплоты равною, затѣмъ, что холодная изшедшему недавно изъ теплой матерней утробы младенцу конечно вредна, а особливо который много претерпѣлъ въ рожденіи. Одно погруженіе въ умѣренной водѣ не безъ тягости младенцу, когда мокрота въ глаза, въ уши, въ ноздри, а иногда и въ ротъ вливается, (а когда ротъ и ноздри запираетъ попъ рукою, тогда пресѣкается дыханіе, которое недавно лишь получилъ младенецъ). Когда-жъ холодная вода со льдомъ охватитъ члены, то часто видны бываютъ признаки падучей болезни, и хотя отъ купели живъ избавится, однако въ слѣдующихъ болезняхъ, кои всякой младенецъ послѣ преодолѣть долженъ, а особливо при выходѣ первыхъ зубовъ, оная смертоносная болезнь удобнѣе возобновится. Такихъ упрямыхъ поповъ, кои хотятъ насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами затѣмъ, что желаютъ послѣ родинъ и крестинъ вскорѣ и похоронъ для своей корысти. Коль много есть столь несчастливыхъ родителей, кои до 10 и 15-ти дѣтей родили, а въ живыхъ ни единаго не осталось?

8-ое) Бѣдственному младенческому началу жизни слѣдуютъ приключенія, нападающія на здравіе человѣческое впрочемъ оныя теченія. И во-первыхъ невоздержаніе и неосторожность съ уставленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и имѣющими видъ нѣкоторой святости. Паче другихъ временъ пожираютъ у насъ Масляница и Св. Недѣля великое множество народа однимъ

только перемѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію Великаго Поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени неостается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частыя похороны доказываютъ то ясно. Розговѣнье томужъ подобно Да и дивиться не для чего? Кромѣ невоздержанія въ заговѣнные дни питіемъ и пищею, стараются многіе на весь В. Постъ удовольствоваться плотскимъ смѣшеніемъ законно и беззаконно, и такъ себя до чистаго понедѣльника изнуряютъ, что здоровья своего никоею мѣрою починить не могутъ, употребляя грубыя постныя пищи, которыя и здоровому желудку тягостны. Сверхъ того вскорѣ слѣдуетъ начало весны, когда всѣ скверности, накопленныя отъ человѣковъ и отъ другихъ животныхъ, бывшія во всю зиму заключенными отъ морозовъ, вдругъ освобождаются и наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водою и намъ съ мокротными и цинготными рыбами въ желудокъ, въ легкое, въ кровь, въ нервы и во все строеніе жизненныхъ членовъ человѣческаго тѣла вливаются, рождаютъ болезни въ здоровыхъ, умножаютъ оныя въ больныхъ и смерть ускоряютъ въ тѣхъ, кои бы еще могли пожить долѣе. Послѣ того приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе — всеобщая христіанская радость, — тогда, хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяются страсти Господни, однако мысли наши уже на Св. недѣли. Иной представляетъ себѣ пріятныя и скоромныя пищи; иной думаетъ поспѣетъ-ли ему къ празднику платье; иной представляетъ какъ будетъ веселиться съ родственниками и друзьями, иной ожидаетъ прибудутъ ли запасы изъ деревни, иной готовитъ живописныя яица и несомнѣнно чаетъ случая поцѣловаться съ красавицами или помилѣе свидаться. Наконецъ Заутреню въ полночь начали, и обѣдню до свѣту отпѣли. Христосъ воскресе! только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены. Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри, — рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ; тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, раебитая посуда, текутъ пролитые напитки, тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ, тамъ валяются обнаженные и блудомъ утомленные недавніе строгіе постники. О истинное Христіанское пощеніе и праздноство! не на такихъ ли Богъ негодуетъ у Пророка: „Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше мерзость есть предо Мною!“ Между тѣмъ бѣдной желудокъ привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать

тучныя и сальныя брашна въ сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы, и неимѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренныя ядѣнія по жиламъ посылаетъ: онѣ спираются, пресѣкается теченіе крови и душа въ отворенныя тогда райскія двери изъ тѣсноты тѣла прямо улетаетъ. Для увѣренія о семъ можно справиться по церковнымъ запискамъ, около котораго времени въ цѣломъ году у поповъ больше меду на кутью изходитъ? Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и круто перемѣнное питаніе тѣла не токмо вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ праздниколюбцевъ, самоубійцами почесть можно. Правда, что ежели кто на Масленицѣ приуготовляется къ посту житіемъ умѣреннымъ, въ постъ не изнуряетъ себя излишно, и говѣетъ больше духомъ, нежели брюхомъ, на Св. Недѣлѣ радуется о препровожденіи В. Поста въ истинныхъ добродѣтеляхъ, въ трудахъ обществу полезныхъ и Богу любезныхъ, а не въ томъ, что дожилъ до разрѣшенія на вся, — тотъ конечно меньше почувствуетъ припадковъ отъ нездороваго времени, а особливо, когда трудами кровь приводитъ въ движеніе и, словомъ, содержитъ себя хотя то постными, то скоромными пищами, однако равно умѣренными, безъ крутыхъ скочковъ и пригорковъ. Но здѣсь, въ Сѣверѣ, сіе по концамъ тучное, а въ середкѣ сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне неимѣютъ никакой большой работы и только посѣянныя, пожатыя, измолоченныя и смолотыя плоды полевые доѣдаютъ. Купцамъ, за испорченными дорогами и распутицами, почти нѣтъ проѣзду изъ города въ городъ съ товарами; нѣтъ кораблямъ плаванія и морскимъ людямъ довольнаго движенія; военные люди стоятъ въ походахъ по зимнимъ квартирамъ, а дома, то для морозовъ, то для слякости не могутъ быть удобно экзерцицій. Итакъ, большая часть народа должна остаться въ праздности, которая въ заговѣнье и розговѣнье даетъ причину къ необузданной роскоши, а въ постъ съ худыми прошлогодними пищами и съ нездоровымъ воздухомъ соединенная, портитъ здоровье и жизнь коротитъ.

Многіе скажутъ: „да проживаютъ же люди! отцы наши и прадѣды жили долгіе вѣки!“ Правда! живутъ и Лопари, питаясь почти одною только рыбою; да посмотритежъ, коль они тѣломъ велики и коль многолюдны и сравните ихъ съ живущими въ томъ же климатѣ Семоядами, питающимися по большой части мясомъ. Первые ростомъ мѣлки, малолюдны, такъ что на 700 верстахъ въ длину, а въ ширину на 300, Лопарей толь мало, что и въ большіе солдатскіе наборы со всей земли по два солдата съ числа душъ наймаютъ изъ нашего народа, затѣмъ что изъ нихъ весьма рѣдко, чтобы кто и по

малой мѣрѣ въ солдаты годился. Семояды, напротивъ того, ростомъ не малы, широкоплечи и сильны, и въ такомъ множествѣ, что если бы междуусобныя частыя кровавыя сраженія между многими ихъ князьками не случались, то бы знатная Восточно-Сѣвернаго берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что тѣ Россійскія области многолюднѣе, гдѣ скотомъ изобильнѣе, затѣмъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ скотомъ скудно, и въ мясоѣдъ по большой части питаются рыбою или пустыми щами съ хлѣбомъ. Еслибъ наша Масленица положена была въ Маѣ мѣсяцѣ, то В. Постъ былъ бы въ полной веснѣ и въ началѣ лѣта, а Св. Недѣля около Петрова дня то бы кромѣ новыхъ плодовъ земныхъ и свѣжихъ рыбъ и благораствореннаго воздуха: 1-ое) поспѣшествовалобы сохраненію здравія движеніе тѣла въ крестьянахъ пахатною работою, въ купечествѣ — дальнею ѣздою по землѣ и по морю, военнымъ — экзерциціею и походами. 2-ое) Ради исправленія такихъ нужныхъ работъ, меньше бы было праздности, матери невоздержанія, меньше гостьбы и пирушекъ, меньше пьянства, неравнаго житія и прерывнаго питанія, надрывающаго человѣческое здравіе. А сверхъ того, хотя бы кто и напился, однако возвращаясь домой не замерзъ-бы на дорогѣ, какъ о Масленицѣ бываетъ, и не провалился бы подъ ледъ, какъ случается на Св. Недѣлѣ.

Я къ вамъ обращаюсь великіе учители и разположители постовъ и праздниковъ, и со всякимъ благоговѣніемъ вопрошаю вашу святость, что вы въ то время о насъ думали, когда Св. Великій Постъ поставили въ сіе время? Мнѣ кажется, что вы, по своей святости, кротости, терпѣнію и праводушію, милостивый отвѣтъ дадите, и не такъ, какъ Андреевской Протопопъ Яковъ дѣлалъ, — въ церкви матерно не избраните, или еще, — какъ онъ съ Морскимъ Капитаномъ Яньковымъ въ Свѣтлое Воскресеніе у креста за непоцѣлованіе руки поступилъ: въ грудь кулакомъ не ударите. Вы скажите: „Располагая посты и праздники жили мы въ Греціи и въ землѣ обѣтованной; Святую четыредесятницу тогда содержать установили, когда у насъ полнымъ сіяніемъ вешняго солнца земное богатое нѣдро отверзается, произращаетъ здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздухъ возобновляетъ ароматными духами. Поспѣваютъ ранніе плоды въ пищу, въ прохлажденіе и въ лекарство купно служащіе. Пѣнію нашему для славословія Божія соотвѣтствовали журчащіе ручьи, шумящіе листы и воспѣвающія сладкогласныя птицы; а про ваши полуночныя стороны мы разсуждали, что не токмо тамъ нѣтъ и не будетъ Христіанскаго закона, но ниже единаго словеснаго обитателя, ради великой стужи. Не жалуйтесь на насъ! Какъ бы мы вамъ предписали ѣсть финики и смоквы и пить добраго виноград-

наго вина по Красоулѣ, чего у васъ не родится? Расположите, какъ разумные люди, по вашему климату; употребите на постъ другое способнѣйшее время, или въ дурное время пользуйтесь умѣренноздоровыми пищами. Есть у васъ духовенство, равную намъ власть отъ Христа имѣющее вязати и рѣшити. Для толь важнаго дѣла, можно въ Россіи Вселенской соборъ составить: сохраненіе жизни толь великаго множества народа того стоитъ. А сверхъ того, ученьемъ вкорените всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цинготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества, что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ, вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичь, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновѣ. Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данныя Христомъ заповѣди, на коихъ весь законъ и Пророки висятъ: „Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ (сирѣчь не кишками) и ближняго какъ самъ себя“, (т. е. совѣстію, а не языкомъ). Исправленію сего недостатка ужасныя обстоятъ препятствія, однако не больше опасны, какъ заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, сообщаться обходительствомъ съ иновѣрными, звставить матрозовъ въ лѣтніе посты ѣсть мясо, уничтожить боярство, патріаршество и стрѣльцовъ, и вмѣсто ихъ учредить Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое мѣсто и новый годъ въ другой Мѣсяцъ! Россійской народъ гибокъ!

9-ое) Кромѣ сего впадаетъ великое множество людей и въ другія разныя болезни, о излеченіи коихъ весьма еще мало порядочныхъ есть учрежденій, какъ вышеупомянуто, и только по большой мѣрѣ простыя, безграмотныя мужики и бабы лечатъ на угадъ, соединяя часто натуральныя способы, сколько смыслятъ, съ вороженьемъ и шептаніями и тѣмъ не только не придаютъ никакой силы своимъ лекарствамъ, но еще въ людяхъ укрѣпляютъ суевѣріе, больныхъ приводятъ въ страхъ унылыми видами и умножаютъ болезнь, приближая ихъ скорѣе къ смерти. Правда много есть изъ нихъ, кои дѣйствительно знаютъ лечить нѣкоторыя болезни, а особливо внѣшнія, какъ коновалы и костоправы, такъ что иногда и ученыхъ хирурговъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходятъ, однако все лучше учредить по правиламъ, медицинскую науку составляющимъ. Къ сему требуется по всѣмъ городамъ довольное число докторовъ, лекарей и аптекъ,

удовольствованныхъ лекарствами, хотябъ только по нашему климату пристойными, чего не токмо нѣтъ и сотой доли, но и войско Россійское весьма не довольно снабжено медиками, такъ что лекари не успѣваютъ перевязывать и раненыхъ, не токмо чтобы всякаго осмотрѣть, выспросить обстоятельства, дать лекарства и тѣмъ страждущихъ успокоить. Отъ такого непризрѣнія, многіе, коимъ бы ожить, умираютъ. Сего недостатка ничемъ не можно скорѣе наполнить, какъ для изученія докторства послать довольное число Россійскихъ студентовъ въ иностранные университеты и учрежденнымъ и впредь учреждаемымъ внутри Государства университетамъ, дать между прочими привиллегіями власть производить достойныхъ въ доктора. 2-е) Медицинской канцеляріи подтвердить накрѣпко, чтобы какъ въ аптекахъ, такъ и при лекаряхъ было довольное число учениковъ Россійскихъ, коихъ бы они въ опредѣленное время своему искуству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики Россійскаго народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, почти никакихъ лекарствъ составлять неумѣютъ, а ради чего? Затѣмъ, что аптекари держатъ еще учениковъ Нѣмецкихъ, а русскіе при иготѣ, при решетѣ и при угольѣ, до старости доживаютъ и учениками умираютъ, а нѣмецкими всего государства ненаполнишь. Сверхъ того, недостаточное знаніе языка, разность вѣры, несходные нравы и дорогая имъ плата много препятствуютъ.

10-е) Смертямъ отъ болезни слѣдуютъ насильственныя, натуральныя и случайныя обстоятельства, какъ причины лишенія жизни человѣческой, т. е., моровыя язвы, пожары, потопленія, морозы. Повѣтрія на людей хотя по большой части въ Южныхъ предѣлахъ здѣшняго государства случаются, однако всякіе способы противъ того употреблять должно. Оные состоятъ въ истребленіи уже начавшагося, или въ отвращеніи приходящаго. Къ первому требуются извѣстныя употребительныя противъ такого несчастія средства и для того лучшіе должно выбравъ изъ авторовъ сочинить Медицинскому Факультету книжку и напечатавъ распродавать по государству. Ко второму надобно съ бывшихъ примѣровъ собрать признаки, изъ которыхъ главный есть затмѣніе солнца, причиняющее почти всегда вскорѣ падежъ на скотъ, а послѣ и на людей повѣтріе. Въ наши просвѣщенные вѣки знаютъ о томъ въ великомъ свѣтѣ обращающіяся люди отъ астрономовъ и могутъ предостеречся не выпуская скота изъ дому и не давая травы того дня снятой,—такъ въ другихъ Государствахъ остерегаются два, или три дни, послѣ и сами никакихъ плодовъ въ то время не снимаютъ и не употребляютъ, говоря, что во время солнечнаго затмѣнія, падаютъ ядовитыя росы. Главная причина быть кажется, по моему

мнѣнію, что во время затмѣнія закрывается солнце луною, такимъ же тѣломъ, какъ и земля наша пресѣкается круто электрическая сила, которую солнце на всѣ ростенія во весь день изливаетъ, что видно на травахъ ночью спящихъ, и тоже страждущихъ въ солнечное затмѣніе. Время научитъ, сколько можетъ электрическая сила дѣйствовать въ разсужденіи повѣтрія. Затмѣнія во всемъ государствѣ не знаютъ, и для того надобно заблаговременно публиковать, и что требуется, повелѣть указами, по примѣру какъ водится въ другихъ государствахъ. Для избавленія отъ огненной смерти, служитъ предосторожность о утоленіи частыхъ и великихъ пожаровъ, о чемъ покажется пространно въ письмѣ о лучшей государственной экономіи. Потопленія суть двояки: отъ наводненія и отъ неосторожной дерзости, особливо въ пьянствѣ. Первое легко отвратить можно, запретивъ, чтобъ при великихъ рѣкахъ на низкихъ мѣстахъ, вѣшней особливо водѣ подверженныхъ, никакихъ жилищъ не было. Сіе дѣлается отъ одной лѣности, чтобъ вода и сѣно и всякая отъ воды удобность была близко, однако часто на высокихъ мѣстахъ живущіе видятъ весною, сами будучи въ безопасности, какъ скотъ и люди и цѣлые домы неприступной ледъ несетъ въ отчаяніи всякаго спасенія. Вторыхъ потопленій ничемъ отвратить нельзя, не умаливъ много гощенія и пьянства, для коихъ люди дерзаютъ переѣзжать чрезъ рѣки въ бурную погоду, перегрузивъ суда множествомъ, или переходить черезъ ледъ осенью и весною, когда онъ весьма ненадеженъ и опасенъ. Въ главѣ о истребленіи праздности предложатся способы, равно какъ и для избавленія померзанія многихъ зимою.

11-е) Не малой ущербъ причиняется народу убивствами, кои бываютъ въ дракахъ и отъ разбойниковъ. Драки происходятъ вредныя между сосѣдями, а особливо между помѣщиками, которыхъ ничемъ, какъ межеваніемъ, утушить не можно. На разбойниковъ хотя посылаются сыщики, однако чрезъ-то вывести сіе зло, или хотя знатно убавить, нѣтъ почти никакой надежды. Основательнѣйшія и сильнѣйшія къ тому требуются способы. Слѣдующій кажется мнѣ всѣхъ надежнѣе, бережливѣе и Монархинѣ Всемилостивѣйшей славнѣе, и притомъ любезнѣе, затѣмъ, что онъ дѣйствіе свое возымѣетъ меньшимъ пролитіемъ человѣческой крови. Разбойники безъ пристанища въ городахъ и около деревень пробыть и злодѣйствомъ своимъ долго пользоваться не могутъ. При деревняхъ держатся, а въ городахъ обыкновенно часто бываютъ для продажи награбленныхъ пожитковъ: итакъ, когда имъ сіи мѣста сдѣланы будутъ узки и тѣсны, то не могутъ долго утаиться, не занадобится далече посылать команды и дѣлать кровопролитныя сраженія со многими, когда можно имѣть случай не-

ребрать по одиначкѣ и ловить ихъ часто. Всевожделѣнной и долговременной покой внутри нашего отечества чрезъ полтораста лѣтъ, въ кое время, послѣ разоренія отъ Поляковъ не нужно было стѣнами защищаться отъ непріятелей, подалъ нерадѣнію нашему причину мало имѣть попеченія о градскихъ огражденіяхъ, и потому большая часть малыхъ городовъ и посадовъ и многихъ провинціальныхъ и Губернскихъ городовъ, не токмо стѣнъ каменныхъ, или хотя надежныхъ валовъ и рвовъ, но и деревянныхъ полисадниковъ, или тыновъ не имѣютъ, что не безъ сожалѣнія вижу изъ отвѣтовъ, присылаемыхъ на географическіе вопросы въ Академію наукъ изо всѣхъ городовъ указомъ Правительствующаго Сената, по моему представленію. Кромѣ того, что проѣзжающіе иностранные не безъ презрѣнія смотрятъ на наши безпорядочные города, или лучше сказать почти на развалины, разбойники употребляютъ ихъ къ своему прибѣжищу и также могутъ закрываться отъ достойнаго каранія въ городѣ, или еще лучше нежели въ деревнѣ, затѣмъ, что городъ больше и со всѣхъ сторонъ въ него на всякомъ мѣстѣ ворота днемъ и ночью безпрестанно отворены ворамъ и добрымъ людямъ. Когдажъ бы Всемилостивѣйше повелѣть благоизволено было всѣ Россійскіе города, у коихъ огражденіе рушилось, или его и небыло, укрѣпить хотя не каменными стѣнами, но токмо валомъ и рвомъ и высокимъ полисадникомъ и не во многихъ мѣстахъ оставить ворота съ крѣпкими запорами и съ надежными мѣщанскими караулами, гдѣ нѣтъ горнизоновъ, такъ чтобы ряды и лавки были внутри огражденія, то бы ворамъ провозить въ городъ грабленныя вещи для продажи было весьма трудно и всѣ для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели вмѣстѣ, со всѣхъ сторонъ отворенныиъ, а разбойникъ можетъ быть въ воротахъ скорѣе примѣченъ, который не продавъ грабленныхъ вещей, корысти не получитъ. Сверхъ того въ каждомъ огражденномъ городѣ назначить постоянные ночлеги для прохожихъ и проѣзжихъ съ письменными дозволеніями и съ вывѣскою, и приказать, чтобы каждый хозяинъ на всякой день объявлялъ въ Ратушѣ, кто у него былъ на ночлегѣ и сколько времени, а другіе бы мѣщане принимать къ себѣ въ домъ пріѣзжихъ и прихожихъ, воли не имѣли, подъ опасеніемъ наказанія, кромѣ своихъ родственниковъ, въ городѣ извѣстныхъ. По всѣмъ волостямъ, погостамъ и деревнямъ публиковать, что ежели крестьянинъ, или двое и больше, поймаютъ разбойника, приведутъ его въ городъ, или въ другое безопасное мѣсто, и докажутъ надежными свидѣтелями и спору въ томъ не будетъ, то давать приводчикамъ за всякую голову по 10 руб. изъ мѣщанскаго казеннаго сбору, а за главныхъ злодѣйскихъ предводителей, за атамана, Эсаула,

такъ же и за поймание и доводъ того, кто держитъ воровскія прибѣжища, по 30 руб. Сіе хотя довольно быть кажется, гдѣ города не въ весьма дальномъ разстояніи, однако многіе мѣста есть въ Россіи глухіе, на 500 и больше верстъ безъ городовъ, прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безъпашпортнымъ людямъ: примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около рѣки Ветлуги, которая, на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго города. Туда съ Волги укрывается великое множество зимою бурлаковъ, изъ коихъ не малая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полтину человѣка, а буде онъ что работаетъ, то кормятъ и безъ платы, неспрашивая пашпорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, давъ знатнымъ селамъ гражданскія права, учредить Ратуши и воеводствы, и оградивъ надежными укрѣпленіями и осторожностями отъ разбойниковъ, какъ выше показано. Сіе будетъ служить нетокмо для общей безопасности, и къ сбереженію Россійскаго народа, но и къ особливой славѣ Всемилостивѣйшей Нашея Самодержицы, яко возобновительницы старыхъ и состроительницы многихъ новыхъ городовъ Россійскихъ.

12-е) Переставая говорить о потерѣ Россійскаго народа болезнями, несчастіями и убивствами, должно упомянуть о живыхъ покойникахъ. Съ пограничныхъ мѣстъ уходятъ люди въ чужія государства, а особливо въ Польшу и тѣмъ лишается подданныхъ Россійская корона. Подлинно, что расположивъ предосторожности на рубежѣ Литовскомъ, однако толь великой скважины силою совершенно заперѣть невозможно: лучше поступить съ кротостію. Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. Итакъ мнѣ кажется лучше пограничныхъ съ Польшею жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству. Для расколу много уходитъ россійскихъ людей на Ветку: находящихся тамъ бѣглецовъ неможноли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ? А впредь могутъ служить способы, кои представятся о исправленіи нравовъ и большемъ просвѣщеніи народа.

13-е) Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно пріемомъ иностранныхъ, ежели къ тому употреблены будутъ пристойныя мѣры. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ нетокмо одинокихъ людей, но и цѣлыя разоренныя семейства оставлять свое отечество и искать мѣстъ отъ военнаго насильства удаленныхъ. Пространное владѣніе Великой Нашей Монархини въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное нѣдро цѣлые народы и довольствовать всякими потребами, кои единаго только посильнаго труда отъ

человѣковъ ожидають къ своему полезному произведенію. Условія, коими иностранныхъ привлечь можно къ поселенію въ Россіи, не представляю, не вѣдая довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельствъ между воюющими и мирными сторонами.

Хотѣлъ бы я сочинить примѣрный счетъ, сколько бы изъ сихъ 13-ти способовъ (а есть еще и больше) воспослѣдовало сохраненія и приращенія подданныхъ Ея Императорскаго Величества. Однако требуется къ тому для извѣстія многія обстоятельства и не мало времени, для того только одною догадкою досѣгаю нѣсколько, что на каждый годъ можетъ взойти приращеніе россійскаго народа больше, противъ прежняго до полумилліона душъ, а отъ ревизіи до ревизіи, въ 20-ть лѣтъ до 10-ти милліоновъ. Кромѣ сего уповаю, что сіи способы не будутъ ничемъ народу отяготительны; но будутъ служить къ безопасности и успокоенію всенародному.

Окончивая сіе надѣюсь, что Вашему Высокопревосходительству что-нибудь понравится изъ моихъ доброжелательныхъ къ обществу мнѣній, и прошу о вашемъ безпрерывномъ здравіи и во всемъ удовольствіи Всевышняго строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, произведшаго Васъ въ сей день, и влившаго Вамъ кровь сына Отечества къ произведенію дѣлъ полезныхъ, а паче къ покровительству наукъ и художествъ, къ которымъ я, равно и къ Вамъ, отъ всей искренности усердствуя, съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ пребываю.

Ноября 1.
1761.

Сообщ. въ 1871 г. Акад. П. П. Пекарскій.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

XXI [1]).

Андрей Андреевичъ Нартовъ.

Андрей Андреевичъ Нартовъ родился въ Петербургѣ, 25-го ноября 1737 года (Слов. Евг., т. II, стр. 99; отсюда же заимствованы почти всѣ свѣдѣнія о собственно служебной карьерѣ Нартова, только въ этомъ словарѣ и собранныя). По окончаніи ученія въ университетѣ при Академіи (въ которой съ 1740 по 1743 годъ служилъ совѣтникомъ какой-то Андрей Нартовъ,—вѣроятно, отецъ его, (см. Матеріалы для біографіи Ломоносова Билярскаго 056—062), а затѣмъ въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ выучился языкамъ—французскому и нѣмецкому, Нартовъ пожалованъ былъ въ поручики арміи въ 1755 году, а въ слѣдующемъ — перешелъ тѣмъ же чиномъ въ артиллерію. Въ томъ же году, 30-го августа, основанъ былъ императорскій театръ, а вскорѣ театральныя представленія начались и въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ университета. Нартовъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, доставившихъ пьесы на вновь учрежденную русскую сцену; это были переводы комедій: „Граціи"—изъ Сенъ-Фуа; „Привидѣніе съ барабаномъ"—изъ Детуша и „Генрихъ и Пернилла"—изъ Гольберга, представленныя въ Петербургѣ въ 1757, 1759 и 1760 годахъ (Драм. Слов. 1787 г., стр. 40, 109 и 36). Затѣмъ Нартовъ печаталъ не мало произведеній своихъ въ прозѣ и особенно въ стихахъ въ журналахъ, выходившихъ въ концѣ царствованія Елизаветы, во время Петра III и въ первые годы царствованія Екатерины II. Между тѣмъ, Нартовъ

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1870 г., т. I. изд. первое, стр. 463; изд. второе, стр. 541; т. II, стр. 74 и 194; 1871 г. т. III, стр. 205; т. IV, стр. 571 и 681; 1873 г. т. VII, стр. 616 и 619. Андрей Андреевичъ Нартовъ, о которомъ нынѣ представляются біографическія и библіографическія свѣдѣнія, то самое лицо, о которомъ такъ часто упоминаетъ А. Т. Болотовъ въ послѣднихъ двухъ томахъ своихъ Записокъ. Ред.

занимался исполненіемъ важныхъ порученій по технической части артиллерійскаго искусства, при починкѣ орудій и изобрѣтеніи разныхъ машинъ. Въ 1758 году пожалованъ онъ капитаномъ, въ 1759—маіоромъ, 1763—подполковникомъ. Въ 1765 году онъ былъ въ числѣ основателей Вольнаго Экономическаго Общества и тогда же сдѣланъ его секретаремъ, котораго мѣсто занималъ до 1790 года. Въ 1766 году Нартовъ перешелъ, съ сохраненіемъ чина подполковника, въ состоявшій при бергъ-коллегіи монетный департаментъ. Въ 1767 году онъ былъ въ знаменитой коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія, депутатомъ отъ монетнаго департамента и членомъ частной коммиссіи о полиціи. Въ 1770 году произведенъ въ статскіе совѣтники, а въ 1772—императрица поручила ему, вмѣстѣ съ княземъ Мих. Мих. Щербатовымъ и Херасковымъ, приготовить медаллическую исторію Россіи со временъ Петра I до 1762 года, что и было приведено къ окончанію однимъ Нартовымъ. Въ 1779 году онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1781 — назначенъ вице-президентомъ бергъ-коллегіи, съ оставленіемъ и при монетномъ департаментѣ.

Нартовъ занималъ довольно видное мѣсто между петербургскими масонами. 26-го апрѣля 1783 года Московскіе братья, составлявшіе, по постановленію Вильгельмсбадскаго масонскаго конвента, директорію осьмой провинціи ордена, обнимавшей всю Россію, учредили по этой системѣ ложу-мать въ Петербургѣ, подъ префектурою Алексѣя Андреевича Ржевскаго. Нѣкоторые изъ тамошнихъ масоновъ были его противниками и изъ нихъ Нартовъ, Лукашевичъ и двое Митусовыхъ просили Московскую директорію открыть въ Петербургѣ префектуру, какъ бы не признавая назначенія Ржевскаго, но имъ было въ томъ отказано (Новик. и Шварцъ, изслѣд. Лонг., 197). Въ 1796 году Нартовъ, награжденный чиномъ тайнаго совѣтника, опредѣленъ былъ президентомъ бергъ-коллегіи и избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, каковое званіе получилъ онъ, кромѣ того, впослѣдствіи и отъ Академіи Художествъ, Харьковскаго университета и Стокгольмской Академіи. При императорѣ Павлѣ I, въ 1797 году, Нартовъ сдѣлался президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества и оставался имъ до кончины. 29-го мая 1801 года Нартовъ назначенъ былъ президентомъ Императорской Россійской Академіи, не бывши до того ея членомъ (имян. спис. дѣйств. и поч. чл. Им. Рос. Ак., 11), также сохранивши эту должность до смерти, и получилъ Анненскую ленту; онъ имѣлъ также датскій орденъ Данеброга. Въ 1807 году Нартовъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и умеръ въ Петербургѣ 2-го апрѣля 1813 года, на 76 году отъ роду.

Многія произведенія Нартова разсѣяны въ трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества и Россійской Академіи.

Отдѣльно изданы слѣдующія произведенія Нартова:

1) «Граціи, комедія въ 1 дѣйствіи, пер. съ французскаго» (изъ Сенъ-Фуа). М., 1757. (Сопик. № 5,346; Плав. № 5,617; Смирдинъ № 7,067. Въ Драм. Слов., стр. 40, сказано, что она представлена въ первый разъ въ Петербургѣ 22-го декабря 1757).

2) «Ода на восшествіе на престолъ императрицы Екатерины II». Спб., 1762. (Сопик. № 7,114; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

3) «Эпистола къ вѣрнымъ сынамъ отечества». Спб., 1762. (Сопик. № 3,745 у Плав. и Смирд. нѣтъ).

4) «Наставленіе о военномъ искусствѣ короля прусскаго къ своимъ генераламъ, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1762. (Сопик. № 6514. Тоже сочиненіе показано у него подъ № 6,515, какъ вышедшее новымъ изданіемъ, Спб., 1791; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 4,222).

5) «Баккалавръ Саламанскій, или похожденіе дона Херубина де-ла-Ронда», соч. Лесажа, пер. съ французскаго, 2 части. Спб., 1763. (Сопик. № 5,924; Плав. № 4,059; Смирд. № 8,543; показано новое изданіе, 2 ч., Спб., 1784).

6) «Повѣствованія Иродота Аликарнасскаго», переводъ, 3 ч., Спб., 1763 — 1764. (Сопик. № 4,649; Плав. № 2,612; Смирд. № 3,270).

7) «Генрихъ и Пернилла, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Гольберга, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1764. (Сопик. № 5,333, показанъ 1760 годъ; Плав. № 5,603, показанъ тоже 1760 годъ; Смирд. № 7,051, показанъ 1764 годъ, но это должно быть не вѣрно. Въ Драм. Слов., стр. 36, сказано, что эта пьеса была представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1760 году).

8) «Артаксерксъ, трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Гольберга; пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1764. (Сопик. № 11,856; Плавильщ. № 6,118; Смирд. 6,863. Въ Драм. Сл., стр. 22, сказано, что эта пьеса представлена въ первый разъ съ величайшимъ успѣхомъ въ Москвѣ, вольными актерами, на Головинскомъ театрѣ въ 1778 году. Но въ означеніи года тутъ, вѣроятно, опечатка или ошибка и надо читать: «въ 1768 году», ибо на Головинскомъ театрѣ представленія прекратились въ 1769 году и затѣмъ театръ до 1780 года помѣщался въ Воронцовскомъ домѣ, на Знаменкѣ. Притомъ же вѣроятнѣе, что пьеса эта играна черезъ четыре года послѣ напечатанія, нежели черезъ четырнадцать лѣтъ).

9) «Лондонскій купецъ, или приключенія Георга Барневеля, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, пер. съ французскаго». Спб., 1764. (Сопик. № 11,920; показанъ 1755 годъ, вѣроятно, по ошибкѣ. У Плав. нѣтъ; Смирд. № 6,922).

10) «Привидѣніе съ барабаномъ или пророчествующій женатый, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, пер. съ французскаго» (изъ Детуша). Спб., 1764. (Сопик. № 5,569; Плав. № 5,849; Смирд. № 7,305, безъ означенія года. Въ Драм. Слов., стр. 109, сказано, что эта пьеса представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1759 году; если это правда, то переводъ игранъ у насъ раньше, нежели во Франціи оригиналъ, первое представленіе котораго въ Парижѣ происходило 16-го октября 1762; см. Hist. phil. et litt. du Théatre Francais, par H. Lucas; T. 3, p. 336).

11) «Притворная Агнеса, или сельскій стихотворецъ, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Детуша, пер. съ французскаго». Спб., 1764. (Сопик. № 5,572; Плав. № 5,853. Смирд. № 7,309).

12) «Молодой ученый, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Лессинга, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1765. (Сопик. № 5,459; Плав. № 5,733; Смирд. № 7,185).

13) «Превращенный мужикъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Гольберга, пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1765. (Сопик. № 5,566; Плав. № 5,846; Смирд. № 7,302).

14) «Плутусъ, или споръ между бѣдностію и богатствомъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Гольберга, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1765. (Сопик. № 5,552, показанъ 1766 годъ; Плав. № 5,830, Смирд. № 7,285. Въ Драм. Слов., стр. 106, сказано, что пьеса эта «примѣчанія достойна по множеству дѣйствующихъ лицъ»).

15) «Торжество философіи, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1765. (Сопик. № 11,841; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 6,433. Эта книга сочинена госпожею Готшедъ; см. Кат. Рус. Кн., изд. Имп. Ак. Наукъ, 1865, стр. 6).

16) «Спокойствіе Кирово, или повѣствованіе его жизни, отъ шестнадцати до сорока лѣтъ рожденія его», переводъ. 3 ч. Спб., 1766. (Сопик. № 5,143, имя переводчика не обозначено; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 3,336).

17) «Іоганна Лемана металлургія», переводъ. Спб., 1772. (Сопик. № 6,223, показанъ 1771 годъ; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 4,459).

18) «Слово похвальное императору Траяну, говоренное римскимъ консуломъ Каіемъ Пдиніемъ Цециліемъ вторымъ», переводъ. Спб., 1777. (Сопик. № 10,826 у Плав. нѣтъ; Смирд. № 6,535).

19) «Валха, каменное царство», переводъ. Спб., 1784. (Сопик. № 2,375, Плав. № 314, Смирд. № 4,493).

20) «Картина Парижа». Часть I. (Пер. съ франц., изъ Мерсье). Спб., 1786. (Сопик. № 5,169, Плав. № 2,842, Смирд. № 8,901. Остальныя части не изданы и, вѣроятно, остались даже непереведенными).

21) «Рѣчь въ чрезвычайномъ собраніи императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества». Спб., 1797. (Сопик. № 10,061; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

22) «Металлургія горнаго совѣтника и химіи профессора Скополи», переводъ. 2 ч. Спб., 1800. (Сопик. № 6,210, Плав. № 320, Смирд. № 5,219).

23) «Описаніе землянаго миндаля и опыта надъ произращеніемъ онаго въ С.-Петербургѣ 1803 года». Спб., 1803. (Сопик. № 7,570, безъ имени автора. Плав. № 351; Смирд. № 5,113).

24) «Рѣчь, говоренная Императорской Россійской Академіи президентомъ Андреемъ Нартовымъ, въ первое торжественное собраніе въ новомъ сей академіи домѣ, іюля 12-го дня 1804». Спб., 1804. (Сопик. № 10,017, безъ означенія года; Плав. № 6,297; Смирд. № 6,447, безъ означенія года).

25) «Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи, въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова», переводъ съ французскаго (изъ Бартелеми), ч. 1. Спб., 1804. (Сопик. № 9,159, Плав. № 4,742, Смирд. 9,316. Книга эта состоитъ изъ 6 частей, изданныхъ Россійскою академіею въ 1804—1809 годахъ и переведенныхъ академиками: 2—А. С. Никольскимъ, 3—гр. Д. И. Хвостовымъ, 4—А. Ѳ. Севастьяновымъ, 5—В. М. Севергинымъ и 6—И. А. Дмитревскимъ и Я. А. Дружининымъ, см. Соп. № 9,159).

Въ Слов. Евг. (II, 101) въ числѣ переведенныхъ Нартовымъ комедій значатся еще «Докучливые». Должно быть, это переводъ комедіи Мольера «Les fâcheux»; но онъ, вѣроятно, не былъ никогда напечатанъ, а только игрался на сценѣ по рукописи,—по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ библіографическомъ пособіи не показано, кажется, комедіи подъ заглавіемъ «Докучливые».

Сообщ. **М. Н. Лонгиновъ**.

МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СПЕРАНСКІЙ.

1772 — 1839.

Мысли о новыхъ билетахъ казначейства [1]).

1831 г.

Эти «мысли» были сообщены министру финансовъ гр. Канкрину при слѣдующемъ письмѣ отъ 27-го мая 1831 г.: «Представляю вашему сіятельству мои бредни. Многоė со стороны кажется возможнымъ, что на дѣлѣ невозможно и есть дѣйствительно бредъ. Предаю ихъ совершенно въ вашу волю. Если найдете въ нихъ что-нибудь путное: хорошо; если нѣтъ: то положите въ тотъ ящикъ, въ которомъ хранятся у васъ всѣ несбыточные проэкты. Примите свидѣтельство совершеннаго и искренняго моего почитанія. Сперанскій. 27-го мая 1831 г.».

На верху письма отмѣтка гр. Канкрина: «данъ отвѣтъ моею рукою 27-го мая 1831 г.». Настоящія бумаги, по распоряженію М. Х. Рейтерна, въ подлинникѣ доставлены для храненія въ императорскую Публичную Библіотеку; копіи съ нихъ весьма обязательно сообщены директоромъ библіотеки И. Д. Деляновымъ для напечатанія на страницахъ нашего изданія. Ред.

Позвольте мнѣ, совсѣмъ не въ видѣ спора, но въ личномъ довѣріи представить вамъ нѣкоторыя мысли о новыхъ билетахъ казначейства. Ни слова здѣсь не будетъ о необходимости; въ ней я столько же увѣренъ, какъ и вы, и радъ вездѣ и предъ всѣми защищать мысль вашу, если бы то было нужно.

Рѣчь идетъ здѣсь только о свойствѣ сихъ билетовъ и внутреннемъ ихъ достоинствѣ.

---

[1]) См. нѣкоторыя другія замѣтки Сперанскаго, а также данныя къ его біографіи въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. V, стр. 81, 469—472.

Въ своемъ мѣстѣ я осмѣлился сказать, что они мнѣ кажутся слишкомъ хороши. Здѣсь раскрою мысль сію нѣсколько подробнѣе.

Достоинство сихъ билетовъ слагается изъ двухъ вещей: 1) изъ хода ихъ наравнѣ съ ассигнаціями во всѣхъ податяхъ и пошлинахъ. Это я называю ассигнаціоннымъ ихъ достоинствомъ: ибо они, дѣйствительно, ассигнуются на всѣ казначейства, когда представляются туда въ видѣ податей; 2) изъ процентовъ по 4%. Это есть ихъ облигаціонное значеніе [1]).

Мнѣ кажется, изъ сихъ двухъ элементовъ одинъ есть лишній. Если одно облигаціонное ихъ значеніе не можетъ дать имъ ходу, то кажется однако же, что ассигнаціонное ихъ достоинство и одно могло бы поддержать ихъ въ полномъ движеніи и силѣ. Проценты суть элементъ лишній, и сей лишній элементъ есть, во-первыхъ—крайне многосложенъ; во-вторыхъ — дорогъ и, въ-третьихъ — можетъ повредить достоинству ассигнацій.

Вотъ три темы, кои должно доказать; но прежде должно доказать, что проценты суть элементъ лишній.

Билеты полагается допустить въ платежѣ податей и пошлинъ. Можетъ-ли быть какое-либо затрудненіе размѣстить 30 милліоновъ въ составѣ 400 милліоновъ? Въ однихъ винныхъ откупныхъ сборахъ, въ однихъ таможенныхъ пошлинахъ откроется имъ пространное поле.

Какой откупщикъ усомнится принять отъ кого-либо билетъ въ 250 рублей ассигнаціями, когда онъ знаетъ, что казначейство при первомъ взносѣ приметъ его точно также, какъ ассигнаціи. Если же билеты могутъ съ удобностію помѣститься даже и въ двухъ только кассахъ, то открывъ имъ двѣ другія, не можетъ быть сомнѣнія, что они и безъ процентовъ пойдутъ наравнѣ съ ассигнаціями. Если бы выпускъ ассигнацій не былъ прегражденъ, то неужели бы выпустили настоящіе 30 милліоновъ съ процентами, тогда какъ 595 милліоновъ ходятъ безъ процентовъ, слѣдовательно, проценты для хода билетовъ суть совершенно излишни.

Теперь обращусь къ тремъ моимъ темамъ:

1) Излишекъ сей весьма многосложенъ. Онъ предполагаетъ въ 500 или, по крайней мѣрѣ, въ 50-ти казначействахъ, провизію или назначеніе суммъ для платежа процентовъ; предполагаетъ особые счеты, книги, штемпели,—и на что все это огромное и раздробитель-

[1]) Exchequer bills и Navy bills суть des effets publics. Они негоцируютъ такъ, какъ и всѣ другіе fondes publics, и въ податяхъ никакъ не принимаются. Bank notes, напротивъ, принимаютъ, но они не суть фонды и не имѣютъ курса, ибо платятся всегда серебромъ, исключая нѣкоторыхъ остановокъ временныхъ. М. Сперанскій.

ное устройство? Для того только, чтобъ, напримѣръ, въ Олонцѣ или Иркутскѣ, куда едва-ли дойдетъ одинъ или два изъ сихъ билетовъ, быть въ готовности заплатить 10 или 20 рублей процентовъ. Тутъ, кажется, нѣтъ никакой соразмѣрности между цѣлію и средствами.

2) Излишекъ сей и весьма дорогъ. Издержать 1 милліонъ 200 тысячъ, а въ четыре года до 4-хъ мил. 800 тысячъ, для того только, чтобъ дать движеніе 30-ти мил. билетами, есть такая золотая колесница, въ коей наши 595 милліоновъ ассигнаціи никогда не путешествовали. Къ сему прибавить должно издержки штемпелей, изготовленіе бумагъ и проч., и проч.

3) Дѣйствіе сего излишка на ассигнаціи. Что всякій выпускъ ассигнацій, достигшихъ или перешедшихъ уже свою мѣру, унижаетъ ихъ достоинство, въ семъ, кажется, спора быть не можетъ,—нелѣпые толки о недостаткѣ и потребности ассигнацій, толки людей, съ сими понятіями не знакомыхъ, для васъ, безъ сомнѣнія, всегда будутъ ничтожны. Но билеты подъ щитомъ облигацій произведутъ-ли тоже дѣйствіе? Мнѣ кажется, произведутъ еще болѣе, хотя и не вдругъ и не на другой день, и не на другой мѣсяцъ; ибо, ставъ на ряду съ ассигнаціями въ податяхъ, они замѣнятъ равное ихъ количество и, слѣдовательно, умножатъ ихъ массу; проценты же, увеличивъ ихъ достоинство, дадутъ имъ верхъ надъ ассигнаціями, т. е., билеты въ ассигнаціонномъ ихъ значеніи будутъ представлять не только 30 милліоновъ, но 31, 32 и даже до 34 милліоновъ.

Здѣсь темы мои кончились. Начинаются ваши опроверженія; одно изъ нихъ стоитъ всѣхъ моихъ доводовъ, и едва-ли все зданіе мое не рушится. „Помощь казначейству скорая, рѣшительная необходима. Выпускъ ассигнацій прегражденъ закономъ и общимъ мнѣніемъ,—что же дѣлать въ сей крайности, какъ не выпустить бумаги, кои бы, имѣя всѣ свойства ассигнаціонныя, несли съ собою, во-первыхъ, удостовѣреніе, что онѣ вскорѣ будутъ погашены и, во-вторыхъ, представлялись бы не въ видѣ ассигнацій, но ходили бы въ одеждѣ облигацій, сколь бы, впрочемъ, нарядъ сей ни былъ дорогъ и многосложенъ!"

Противъ сего сказать почти нечего. Но если одежда симъ бумагамъ необходима, то нельзя-ли, по крайней мѣрѣ, сдѣлать се дешевле и простѣе, и вотъ какимъ образомъ:

1) Назначить проценты 2, 3 или даже и 4; но за одинъ послѣдній годъ и, слѣдовательно, на тѣ только билеты, кои въ 4-й годъ останутся въ обращеніи и кои будутъ по необходимости уже поступать въ казначейство для размѣна.

2) Назначить сей платежъ и самый окончательный размѣнъ при концѣ срока въ однихъ городахъ губернскихъ.

Отъ сего произойдутъ слѣдующія выгоды: 1) билеты будутъ ходить также, но обойдутся дешевле въ четверо; 2) они будутъ оставаться долѣе въ обращеніи, ибо 3) достоинство ихъ будетъ возрастать по мѣрѣ приближенія къ сроку; 4) вся многосложная операція штемпелеванія процентовъ, счеты, книги сократится и сдѣлается простѣе; 5) будетъ болѣе равновѣсія между ими и ассигнаціями и, слѣдовательно, менѣе будетъ униженія въ сихъ послѣднихъ.

Мнѣ совѣстно, что употребляю во зло ваше терпѣніе; но не могу въ заключеніе не прибавить слѣдующей мысли:

Если бы казначейство имѣло въ запасѣ не болѣе, какъ 10 милліоновъ золотой и серебряной монеты, и даже нѣсколько менѣе, то мнѣ кажется, не должно было бы колебаться учредить билеты, основанные на серебрѣ, и выпускать ихъ по мѣрѣ надобности такъ, чтобъ количество ихъ не привышало наличности металла болѣе, какъ втрое или даже и вчетверо. Билеты сіи имѣли бы ходъ самый вѣрный и сверхъ того:

1) Они дали бы и внѣ, и внутри имперіи самое высокое понятіе о нашихъ способахъ и благоразумномъ ихъ управленіи.

2) Они возвысили бы нашъ кредитъ при предстоящемъ внѣшнемъ займѣ и подѣйствовали бы на наши фонды столь же разительно, какъ и неожиданно.

3) Не только не унизили бы достоинства ассигнацій, но можетъ быть еще и пособили бы ему.

4) Нигдѣ не встрѣтили бы ни малѣйшаго затрудненія въ ходѣ ихъ, при открытомъ размѣнѣ въ столицахъ и, можетъ быть, въ Ригѣ.

5) Если бы къ сему присоединенъ былъ пріемъ ихъ въ тѣхъ родахъ пошлинъ, гдѣ нынѣ допускается серебро, то они вездѣ обращались бы на равнѣ съ нимъ и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ превосходствомъ.

Что значатъ, въ сравненіи съ симъ средствомъ, всѣ минутныя пособія, кои вы весьма справедливо сами называете заплатками. На что же ходить въ заплаткахъ, когда можно ходить въ серебрѣ? На что унижать вамъ вашу возвышенную и просвѣщенную администрацію?

Всѣ эти вопросы и всѣ сіи умствованія вы можете рѣшить однимъ словомъ: нельзя; и понеже я увѣренъ, что вы слово сіе скажете, все обдумавъ и измѣривъ—то и я, нимало не колеблясь, скажу за вами: нельзя. Сперанскій.

27-го мая 1831 г.

Сообщ. И. Д. Деляновъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Ѳ. О. Туманскій.

Цензорская его дѣятельность въ 1800—1801 гг.

Въ „Русской Старинѣ", изд. 1873 г., т. VIII, (стр. 334—336) помѣщена статья М. Н. Лонгинова: „Русскіе писатели въ XVIII столѣтіи". Уважаемый нами библіографъ въ этой статьѣ, со свойственнымъ ему знаніемъ дѣла, исчислилъ всѣ литературные труды Ѳ. О. Туманскаго и коснулся его дѣятельности, какъ писателя и цензора при рижской таможнѣ (Слов. митр. Евгенія, часть 2-я, стр. 226-я). Объ этой-то послѣдней дѣятельности его мы и хотѣли бы прибавить отъ себя нѣсколько словъ, чтобы очертить нагляднѣе самую личность редактора: „Зеркала свѣта".

Въ сочиненіи Коцебу: „Une année mémorable de ma vie. Berlin, 1802", — книгѣ, составляющей въ настоящее время библіографическую рѣдкость,—находится весьма любопытный разсказъ о Туманскомъ (см. самое сочиненіе Т. II, стр. 225 — 234), вполнѣ характеризующій его цензорскую дѣятельность въ Ригѣ. Изъ него явствуетъ, что не одна только месть къ Карамзину руководила имъ при запрещеніи нѣмецкаго перевода „Писемъ русскаго путешественника", вышедшаго въ 1800 году, въ Лейпцигѣ; но что стѣсненія печати и стремленія проявлять, такъ или иначе, свою цензорскую бдительность были „parties prises" Ѳ. О. Туманскимъ. Вотъ почему имя его, по всей справедливости, и должно занять видное мѣсто въ ряду тѣхъ личностей, которыя заслужили громкую извѣстность въ исторіи русской цензуры. Мы переводимъ въ цѣлости отрывокъ изъ сочиненія Коцебу, относящійся до Туманскаго,

въ виду болѣе полнаго съ нимъ знакомства читателей „Русской Старины“. Вотъ этотъ отрывокъ:

„Г-нъ С...., пасторъ изъ окрестностей Дерпта, устроилъ для своихъ прихожанъ маленькую библіотеку. Туманскій, назначенный цензоромъ этой мѣстности, чтобы доказать свою неутомимую бдительность, проситъ пастора сообщить ему каталогъ книгъ этой библіотеки. Смущенный существовавшими порядками того времени, С.... отвѣчаетъ, что онъ уже отказался отъ мысли имѣть въ своемъ приходѣ читающее общество,—и дѣйствительно, его намѣреніе было таково: онъ въ это тремя собиралъ уже обратно въ библіотеку книги, находившіяся по рукамъ читателей,—чего, за немногими исключеніями, почти и достигъ совершенно. Въ числѣ невозвращенныхъ книгъ находилась одна часть сочиненія Августа Лафонтена. подъ названіемъ: „Сила любви“. Позабывъ, кто взялъ эту книгу и не желая съ тѣмъ вмѣстѣ ея лишиться, онъ избралъ обыкновенный путь для ея отысканія и напечаталъ въ Дерптской газетѣ, что онъ проситъ того, у кого находится книга, входящая въ составъ его библіотеки, ее возвратить обратно ему.

„Это объявленіе попало, къ несчастію, въ руки Туманскаго. Увиряютъ, что намѣреніе этого чудовища было не столько повредить пастору С...., на сколько вызывалось стремленіемъ навлечь выговоръ доброму лифляндскому генералъ-губернатору г. Нагелю, къ которому онъ чувствовалъ затаенную ненависть, по поводу воображаемой какой-то обиды, ему будто-бы нанесенной. Онъ донесъ обо всемъ этомъ рапортомъ своему защитнику и покровителю Обольянинову, прибавивъ отъ себя гнуснѣйшія обстоятельства; этотъ же послѣдній, въ свою очередь, увѣдомилъ рапортомъ о происшествіи самаго императора, съ прибавленіемъ отъ себя новыхъ подробностей, по своему личному вкусу. Однимъ словомъ, пасторъ С.... былъ обвиненъ въ томъ, что, не смотря на предупрежденіе цензора, онъ держалъ свою библіотеку открытой и, съ помощію запрещенныхъ и якобинскаго содержанія книгъ, старался распространять въ кругу своихъ читателей опасные принципы. (Пасторъ обвинялся и въ томъ, что не имѣлъ каталога запрещенныхъ книгъ). Все это было представлено предъ глазами императора въ такомъ превратномъ и гнусномъ видѣ, что онъ немедленно приказалъ: „арестовать пастора С.... и доставить его въ Петербургъ, въ крѣпость“, послѣ того, какъ Туманскій, окруживъ его домъ отрядомъ войскъ, предаетъ публично огню всѣ его книги.

„Когда Туманскій готовился къ отъѣзду, для исполненія этого блестящаго порученія, на этотъ праздникъ (?), всѣ жители города

Риги просили его употребить, на сколько онъ могъ, свое вліяніе для спасенія несчастнаго семейства пастора; онъ обѣщалъ исполнить просимое, но, какъ видно, не сдержалъ своего слова. Посреди ночи, солдаты, подъ предводительствомъ благороднаго (noble) Туманскаго, окружили домъ пастора, гдѣ онъ, его жена и дѣти спокойно спали. Пусть теперь составятъ себѣ понятіе о ихъ пробужденіи! Всѣ выходы изъ дома заграждены; производится опись бумагъ пастора, на нихъ накладываются печати; всѣ его книги, не исключая даже и библіи, сваливаются въ груду и предаются пламени; самого несчастнаго хозяина дома бросаютъ въ кибитку и, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, отправляютъ въ Петербургъ.

„Оправившись нѣсколько, около утра, отъ своего перваго изумленія, онъ проситъ позволенія у сопровождавшаго его офицера написать нѣсколько строкъ своей женѣ. Этотъ лукавый человѣкъ, давъ ему на это разрѣшеніе и дѣлая видъ, что онъ самъ желаетъ отдать письмо на почту, оставляетъ его у себя и передаетъ его, по прибытіи въ Петербургъ, генералъ-прокурору. Письмо это, кромѣ весьма естественныхъ жалобъ, содержало просьбу къ женѣ: „стараться прежде всего успокоить крестьянъ до его возвращенія“. Изъ этихъ словъ вывели заключеніе, что онъ „уже“ возмущалъ крестьянъ и что послѣдніе ожидали только возвращенія „своего вожака“, чтобы окончательно возмутиться. Другіе утверждаютъ, что пасторъ въ письмѣ просилъ свою жену сжечь его старую переписку съ однимъ изъ его пріятелей, въ которой говорилось о французской революціи; и что дѣйствительно, будто-бы, былъ посланъ сыщикъ съ оковами, чтобы арестовать этого пріятеля, который, къ счастію, еще задолго до этого случая умеръ.

„Какъ бы то ни было, но все это происшествіе было доведено до свѣдѣнія монарха генералъ-прокуроромъ (въ которомъ человѣческаго была только личина) и въ такихъ черныхъ краскахъ, что немедленно было приказано юстицъ-коллегіи „опредѣлить виновному тѣлесное наказаніе и затѣмъ сослать его въ сибирскіе рудники“. Юстицъ-коллегія поставлена была въ немалое затрудненіе, потому что опредѣленіе наказанія, долженствующаго быть результатомъ разсмотрѣнія дѣйствій виновнаго, ей было предписано напередъ — такъ что въ данномъ случаѣ она низводилась на степень простаго исполнительнаго полицейскаго мѣста. Президентъ ея отважился по этому поводу сдѣлать нѣкоторыя представленія генералъ-прокурору, на которыя послѣдній отвѣчалъ сухо, что онъ можетъ поступать, какъ знаетъ, подъ своей личной отвѣтственностью, и что ему, впрочемъ, уже извѣстна по этому предмету высочайшая воля.

„И вотъ, однажды утромъ, въ крѣпости объявили несчастному С...., которому не назначили даже защитника, что онъ долженъ былъ надѣть свое священническое облаченіе и слѣдовать за г-мъ Макаровымъ въ помѣщеніе юстицъ-коллегіи для выслушанія приговора.

„Полный надеждъ, возникшихъ, отчасти даже вслѣдствіе того одѣянія, въ которое ему приказали облачиться, онъ отправился выслушать о рѣшеніи своего жребія. Въ залѣ, гдѣ объявлялись приговоры, его поставили къ стѣнѣ, секретарь прочелъ ему приговоръ, и когда дошелъ до словъ: „пасторъ С.... смѣщается съ занимаемаго имъ мѣста, лишается священническихъ крагъ и мантіи, присуждается къ полученію двадцати ударовъ кнута и, по исполненіи сего, имѣетъ быть препровожденъ въ оковахъ въ Нерчинскіе рудники,—работы до своей смерти", несчастный потерялъ всякое сознаніе. Конвульсивно качнувъ два-три раза головой, онъ упалъ лицомъ на землю; ему подали помощь, и когда пришелъ въ себя, онъ кинулся на колѣни и просилъ, чтобы его выслушали.

— „Здѣсь не мѣсто", отвѣчалъ ему генералъ-прокуроръ.

— „Гдѣ же?" закричалъ страшнымъ голосомъ несчастный: „гдѣ? тамъ, на верху! на небѣ!"

„Его увлекли обратно въ общую тюрьму.

„Весь Петербургъ принялъ участіе въ его судьбѣ: всѣ просили, хлопотали въ его пользу, даже русское духовенство, которому этотъ порывъ великодушія дѣлаетъ много чести. Графъ Паленъ заслужилъ общее одобреніе неимовѣрными усиліями, имъ употребленными для его спасенія. Все, однако-жъ, было напрасно! Обольяниновъ черезчуръ ловко схватилъ свою жертву и С.... былъ отвезенъ на лобное мѣсто. На половинѣ дороги его вернули назадъ, чтобы напутствовать таинствомъ причащенія, которое онъ и получилъ изъ рукъ пастора Рейнбота; затѣмъ процессія вновь двинулась въ путь.

„Его руки были уже прикручены къ столбу, его уже раздѣли, чтобы приступить къ экзекуціи,—какъ вдругъ прибылъ курьеръ и сообщилъ что-то на ухо палачу. Послѣдній почтительно отвѣчалъ: „слушаю-съ", и затѣмъ двадцать разъ, не прикасаясь, подымалъ и опускалъ надъ несчастнымъ кнутъ, ловко скользя имъ по платью осужденнаго, не причиняя ему боли. Ясно, что какая-то добрая душа, не имѣя возможности избавить этого невиннаго отъ безчестія, оградила его, по крайней мѣрѣ, отъ физическихъ истязаній.

„По совершеніи экзекуціи, пасторъ С.... былъ обратно отведенъ въ тюрьму. Графъ Паленъ, подъ разными предлогами, отдалялъ его отправленіе въ рудники и имѣлъ даже по этому поводу нѣсколько размолвокъ съ генералъ-прокуроромъ; но императоръ такъ настоя-

тельно потребовалъ окончательнаго приведенія въ исполненіе приговора, что, наконецъ, надо было уступить,—и несчастный С...., шагъ за шагомъ, повлекъ свои оковы въ Нерчинскъ. Жена его, хотѣвшая его сопровождать, не могла выхлопотать на это позволенія.

„Теперь онъ, какъ и многіе другіе, освобожденъ. Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга (1802 г.), его возвращеніе изъ ссылки ожидалось съ каждымъ днемъ и никто не сомнѣвается, что молодой императоръ (Александръ I), на столько же справедливый, на сколько и милостивый, возстановитъ и его доброе имя, и его общественное положеніе.

„Нѣсколько дней спустя послѣ вошествія на престолъ Александра I, князь Зубовъ у одного изъ рестораторовъ далъ большой обѣдъ на сто персонъ, по двадцати пяти рублей съ каждой особы, безъ вина; на этомъ обѣдѣ, между прочимъ, выпито четыреста бутылокъ шампанскаго, по пяти рублей за каждую. Я не сталъ бы упоминать объ этомъ княжескомъ банкетѣ, если бы онъ не служилъ характеристикой самому князю. Чокаясь бокалами, кто-то вспомнилъ о несчастномъ пасторѣ С.... и немедленно составленная подписка въ его пользу принесла, какъ говорятъ, десять тысячъ рублей.

„..... Г-нъ Туманскій, столько времени бывшій страшилещемъ города Риги, окончилъ самымъ печальнымъ образомъ свою роль. Съ бѣшенствомъ относясь къ презрѣнію, ему повсюду выражаемому, онъ вознамѣрился погубить всѣхъ жителей этого добраго города,—и съ этой цѣлью сдѣлалъ на нихъ на всѣхъ доносъ императору, какъ на якобинцевъ, препроводивъ ко двору длинный листъ, на которомъ находились имена главныхъ гражданъ и должностныхъ, оффиціальныхъ лицъ города, а во главѣ всѣхъ ихъ имя достойнаго, стараго генералъ-губернатора Нагеля.

„Прямой и прозорливый Аександръ I, прочитавъ этотъ пасквиль, объявилъ, можетъ быть, съ нѣкоторой и излишней добротой, что Туманскій сошелъ съ ума и смѣстилъ его съ занимаемой имъ должности. Во время моего проѣзда чрезъ Ригу, въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго (1802) года, онъ проживалъ въ немъ въ бѣдности, всѣми презираемый, на подаянія тѣхъ самыхъ жителей, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать несчастными. Такимъ образомъ „храмоногое правосудіе", какъ его называетъ Горацій, достигло и этого преступника; но, разумѣется, оно чрезъ мѣру къ нему снисходительно въ виду тѣхъ слезъ и стоновъ, которые выпали на долю многимъ несчастнымъ во время его служебной дѣятельности".

Сообщ. Н. П. Варыпниковъ.

Г. Орелъ.

Устройство военныхъ поселеній.

(Изъ записокъ отставнаго маіора А. П. Рудыковскаго).

1820—1821 гг.

....Въ 1820 году, послѣ лагеря, полкъ нашъ (Бутырскій) потребованъ въ Москву, въ караулъ. Квартиры временно были намъ показаны за Москвой, въ Богородскомъ уѣздѣ; тамъ полкъ простоялъ не долго и потребованъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Москву. Полку показаны квартиры въ Хамовницкихъ казармахъ. Караулы полкъ занималъ до февраля 1821 г.; тутъ послѣдовало распоряженіе: отдѣлить отъ полка второй баталіонъ въ резервъ и отправить въ Новгородъ, въ кругъ военнаго поселенія. Въ этотъ баталіонъ и меня судьба забросила.

Никто понятія не имѣлъ о военномъ поселеніи. Насъ обманывали и льстили тѣмъ, что всякому офицеру дадутъ по три лошади съ фуражемъ для объѣзда работь, а солдаты будутъ пахать и засѣвать землю; но вышло противное. Не доходя до Новгорода, въ Бронницкомъ яму, получено баталіоннымъ командиромъ назначеніе на кирпичныя работы. Пройдя Новгородъ, въ 9-ти верстахъ есть деревушка Трубичино, около которой велѣно строить бараки для баталіона, а съ открытіемъ весны дѣлать кирпичъ. Глина была тамъ накопана, дрова въ саженяхъ стояли для обжиганія кирпича.

По вступленіи баталіона въ Новгородъ, былъ назначенъ смотръ. Отрядный командиръ Княжнинъ выѣхалъ къ баталіону, посмотрѣлъ, разругалъ баталіоннаго командира и всѣхъ прогналъ съ поля; притомъ генералъ кричалъ долго, что „это толпа свиней, а не солдатъ!“

Съ этимъ напутствіемъ баталіонъ пришелъ къ назначенному мѣсту и приступилъ къ постройкѣ балагановъ въ мартѣ мѣсяцѣ, 1821 г. Снѣгъ былъ глубокъ, земля глубоко промерзла; должны были грѣть воду въ котлахъ и лить въ ямы для столбовъ. Лѣсъ былъ не далеко. Одни рабочіе назначались рубить лѣсъ и приносить на мѣсто постройки балагановъ, другіе—копали ямы для столбовъ. Офицеры всѣ при рабочихъ дрожатъ отъ холода и голода; купить что-нибудь для пищи въ поселеніи ни за какія деньги нельзя, было по строгому запрещенію. Надо было посылать въ городъ за покупками, и у кого были деньги тѣ давали ихъ на покупки артельщикамъ. Солдатамъ готовилась кашица, хлѣбы пеклись въ выкопанныхъ подъ горой печахъ. Костры горятъ, дровъ не жалѣли и около костровъ согрѣва-

лись. Балаганы кое-какъ построены плетневые, но крышъ еще не было. До открытія весны приказано съ елей кору снимать и этими лубьями крыть балаганы, а стѣны обмазывать глиной. На подстилку солдатамъ въ балаганы не давалась солома. Деньщики для своихъ господъ тайкомъ, въ ночное время, у поселянъ покупали вязанки соломы. Офицеры всѣ молоды, кромѣ ротныхъ командировъ; ни у кого изъ-нихъ не было теплой одежды, ночью покрыться не чѣмъ,—въ чомъ кто ходилъ днемъ, такъ и ложился.

Наступило теплое время; глина разстаяла, очистили мѣста, начали дѣлать кирпичъ. Глина была очень жирна, никто ничего не зналъ—давай дѣлать; а когда начали кирпичи высыхать—трескались въ куски, и никто не зналъ, что дѣлать и чѣмъ помочь горю. Нѣтъ въ бataлioнѣ ни одного солдата, который бы зналъ кирпичное дѣло. Вскорѣ какъ-то былъ назначенъ Аракчеевымъ смотръ въ Новгородѣ; графъ проѣзжалъ мимо нашего баталіона; доѣхалъ до передняго пикета и остановился. Ему сдѣлали на караулъ, пробили полный походъ. Онъ принялъ рапортъ баталіоннаго командира, взялъ его подъ руку и повелъ на мѣста, гдѣ дѣлались кирпичи. Обошелъ заводъ, увидѣлъ, что ни одного кирпича нѣтъ цѣлаго, разбранилъ баталіоннаго командира, сказалъ, что пришлетъ мастера, и поѣхалъ въ Новгородъ.

Черезъ недѣлю прибылъ этотъ мастеръ — штабсъ-капитанъ, изъ разночинцевъ, Дарченко. Увидѣлъ онъ глину и сказалъ, что въ эту глину надо добавлять половину песку. Песку вблизи не было, надо было возить за четыре версты. Употребили подъемныхъ лошадей: пошло дѣло на ладъ. Кирпичи выходили цѣлы и хороши. Надѣлали 200 т., надо было обжигать, надо было класть наружныя печи. Мастеръ показалъ и начали нагружать по сту тысячъ въ печь. Нагрузили, щебнемъ обложили и обмазали кругомъ. Начали обжигать, а какъ начать обжигать—и самъ мастеръ не зналъ; и съ перваго разу начали большимъ огнемъ жечь. Жгли что-то долго, нельзя было уже обжигателямъ подступить къ печамъ—подкладывать дрова. Велѣно перестать жечь — пусть простываютъ печи. Недѣли двѣ ждали, пока простынутъ печи, чтобъ разбирать, нельзя было до печей приступиться. Отбросили кругомъ щебень и еще недѣлю ждали, пока простынутъ печи, но печи все не приступны къ разборкѣ. Начали сверху снимать и ряда два сняли, а тамъ далѣе невозможно было и одного кирпича взять—вся масса слилась въ одну груду; такъ и бросили. Надо было рапортовать о случившемся, на это послѣдовалъ приказъ: „что стоила выдѣлка кирпича, по задѣльной платѣ, взы-

скать съ баталіоннаго командира и офицеровъ, которые дежурили по работамъ".

Новое горе офицерамъ; и такъ не было чѣмъ жизнь поддерживать, за большими вычетами изъ жалованья — за экипировку, въ офицерскую сумму, на медикаменты — вотъ еще и за кирпичъ! Ропотъ и негодованіе на свою горькую участь.... Всѣ ждемъ сентября, всѣ согласились подать въ отставку. Наконецъ дождались сентября, давай сочинять просьбы и подавать по порядку установленному. Одинъ баталіонный командиръ и адъютантъ не подали. Наши просьбы были представлены, пролежали гдѣ-то три мѣсяца и мы всѣ ожидали, что вотъ-вотъ послѣдуетъ развязка наша съ постылою службою. А между тѣмъ, какъ мы ожидали отставокъ, назначенъ былъ смотръ.

На смотръ пріѣхалъ Аракчеевъ; не долго онъ смотрѣлъ—разругалъ всѣхъ за худое состояніе баталіона и недоведеніе по фронтовой части солдатъ, за что и объявилъ запрещеніе всѣмъ штабъ- и оберъ-офицерамъ на четыре года подавать въ отставку и домовые отпуски. Всѣ наши просьбы были возвращены съ выговоромъ строгимъ баталіонному командиру—за это допущеніе, и на каждой просьбѣ было надписано: „На четыре года запрещается подавать таковыя".

Что было дѣлать намъ? Терпѣть и терпѣть; пословица говоритъ: „плеть обуха не перебьетъ". Наступила осень, дожди, холодъ, наконецъ, морозы,—октябрь проходитъ. Тутъ нагнали лѣсу въ плотахъ; заставили выгружать на берегъ, чтобы весной не унесло рѣкой. Солдаты изнурены, начали валиться десятками и отсылались въ новгородскій госпиталь. Офицеры также начали болѣть, а тутъ надо выполнить приказъ и лѣсъ на берегъ выгрузить; и тогда баталіонъ будетъ отпущенъ на зимнія квартиры, которыя уже назначены были въ Боровицкомъ уѣздѣ, въ селѣ Кончанскомъ (имѣніе князя А. А. Суворова).

Наступилъ уже и ноябрь; морозы усилились, такъ что ледъ уже былъ въ четверть аршина; надо рубить ледъ и бревна вытаскивать на берегъ. Огни на берегу горятъ, солдаты грѣются и по очереди лѣзутъ въ воду обрубать и завязывать веревками бревна. Дежурные офицеры тутъ же у огня грѣются и понуждаютъ рабочихъ, чтобы скорѣе работали.

Наконецъ, къ 20-му ноября 1821 г. окончили выгрузку; было донесено о выполненіи предписанной работы. Вскорѣ послѣдовало предписаніе выступить на зимнія квартиры; 24-го ноября 1821 г. баталіонъ распрощался съ своимъ девятимѣсячнымъ бивуакомъ....."

Сообщ. Н. Рудыковскій.

Замѣтка къ календарю для хронологическихъ справокъ.

Въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 120, строка 13 снизу, вкралась ошибка: вмѣсто числа 15, слѣдовало поставить число 16.

Отъ чего опредѣленіе четвертаго остатка измѣнится такъ:

Четвертый остатокъ получается отъ дѣленія на 30 числа 16, сложеннаго съ первымъ остаткомъ, умноженнымъ на 19.

Примѣръ, взятый для 1873 годъ, отъ этого не перемѣнится.

Первый остатокъ отъ $\frac{1873}{19}$ = будетъ 11.

Второй остатокъ отъ $\frac{1873}{4}$ = будетъ 1.

Третій остатокъ отъ $\frac{1873}{7}$ = будетъ 4.

Четвертый остатокъ отъ $\frac{16 + 19 \times 11}{30} = 15$.

Пятый остатокъ отъ $\frac{2 \times 1 + 4 \times 4 + 6 \times 15}{7}$ будетъ 3.

$15 + 3 + 21 = 39 - 31 = 8$ апрѣля.

Остальное все вѣрно.

Предложенныя формулы нѣсколько отличаются отъ формулъ Гауса; по нимъ опредѣленіе пятаго остатка дѣлается проще, а сумма четвертаго и пятаго остатковъ прямо даетъ церковный ключъ границъ.

Дѣйствительныя же формулы Гауса выражаются такъ: если черезъ N обозначить номеръ года, а черезъ x, y, z, u, v остатки, то

$$x = \text{ост.} \left(\frac{N}{19}\right).$$

$$y = \text{ост.} \left(\frac{N}{4}\right).$$

$$z = \text{ост.} \left(\frac{N}{7}\right).$$

$$u = \text{ост.} \left(\frac{19x + 15}{30}\right).$$

$$v = \text{ост.} \left(\frac{2y + 4z + 6u + 6}{7}\right).$$

Для опредѣленія же числа Пасхи къ суммѣ $u + v$ должно придать 22.

Сообщ. **Н. И. Черухинъ.**

Плита въ память А. С. Пушкина.

Отвѣчаю на вопросъ А. В. Фр., предложенный на 244 стр., VIII т., изд. «Русской Старины» 1873 г.: мраморная плита, менѣе квадратнаго аршина, съ прибитыми выпуклыми золочеными буквами надписью Genio Loci, изъ сада Царскосельскаго лицея перенесена въ садъ лицея, въ настоящее его помѣщеніе на Каменноостровскомъ проспектѣ, и находится на правой сторонѣ лицейскаго сада старшихъ двухъ курсовъ.

А. М. Смирновъ,
воспитанникъ лицея XXIII курса, выпуска мая 1853 г.

Г. Сопожокъ,
Рязанской губерніи.

Поправки и замѣтки.

Исправляемъ замѣченныя опечатки и погрѣшности въ «Русской Старинѣ», 1873 г., т. VIII.

Воспоминанія о русскомъ театрѣ П. А. Каратыгина.

Страница 308, 11-я строка сверху—напечатано: «Кольбрехтъ»—должно быть: «Кальбрехтъ».

Стр. 316, строка 14-я сверху: «измѣнилъ моимъ убѣжденіямъ»—должно быть: «не измѣнилъ моимъ убѣжденіямъ».

Стр. 319, строка 7-я снизу: «Флорестона»—должно быть: «Флорестана».

Стр. 325, строка 10-я сверху: «ровно черезъ годъ»—должно быть: «черезъ два года».

Стр. 329. въ текстѣ строка 4-я снизу: «Дюро» — должно быть: «Дюра»

Графъ Никита Петровичъ Панинъ.

Стр. 343, строка 9-я—вмѣсто: «распоряжалась супруга»—должно быть: «распоряжалась прислуга».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Стр. 380—381, снизу первая и на слѣдующей первая-же сверху строки, необходимо замѣнить слѣдующими: «Представьте все это на воззрѣніе государя императора, потому, что жолтые и малиновые цвѣта не бросаются такъ въ глаза въ Петербургѣ, какъ здѣсь—въ Варшавѣ и какъ въ Литвѣ».

Къ этому, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что эти цвѣта были національными цвѣтами польскихъ и литовскихъ войскъ: въ польской арміи воротники были малиновые, въ литовскомъ корпусѣ—жолтые.

О сохраненіи и размноженіи россійскаго народа.

Вотъ что пишетъ намъ Б. М. Ѳедоровъ по поводу этого весьма замѣчательнаго трактата М. В. Ломоносова: «Подлиннаго письма я не имѣлъ въ рукахъ, но несомнѣнность этого письма доказывается собственноручною запискою Ломоносова, въ которой намѣчены «предположенія его по разнымъ предметамъ къ государственной и общественной пользѣ (см. выше, стр. 563), отчасти изложенныя въ упомянутомъ письмѣ. Эту собственноручную записку Ломоносова подарилъ мнѣ мой добрый пріятель П. П. Свиньинъ, путешествовавшій по Архангельской губерніи, гдѣ и пріобрѣлъ онъ многія изъ рукописей Ломоносова отъ потомковъ сестры Ломоносова, а къ нимъ перешли они по кончинѣ князя Григ. Григ. Орлова, бывшаго покровителемъ Ломоносова».

«Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей».

Въ предисловіи къ этому изданію мы забыли оговорить, что письмо гр. Н. П. Румянцова, въ немъ помѣщенное, имъ лишь подписано, но самый текстъ принадлежитъ рукѣ одного изъ довѣреннѣйшихъ его секретарей Богацкаго.

Въ библіографической замѣткѣ г. Неустроева («Русск. Стар.» 1873 г., т. VIII стр. 242) издатель «Музыкальнаго увеселенія» названъ Керцеліемъ, но правильнѣе писать, кажется, Керцелли. Упоминаемыя г. Неустроевымъ свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ журналовъ прошлаго столѣтія, въ существованіи которыхъ сомнѣвался почтенный библіографъ, сообщены Л. Весинымъ въ письмѣ, подпись котораго не была разобрана.

О ПРІЕМѢ ПОДПИСКИ

на

„РУССКУЮ СТАРИНУ“

1874 г.

пятый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ **1874** г. будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первые **четыре года** своего существованія (1870—1873 гг.), но нѣсколько въ бóльшемъ противу прежняго объемѣ.

Годовое изданіе изъ **двѣнадцати** книгъ составитъ **три тома,** каждый не менѣе 44 листовъ убористой печати [1]).

При изданіи, время отъ времени, прилагаются **портреты** замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, **снимки** съ подлинныхъ ихъ писемъ, **рисунки** историческихъ памятниковъ, зданій и проч.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ **ежемѣсячно**, непремѣнно 1-го числа, и одновременно разсылается как городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1874 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

---

[1]) Въ предыдущіе годы мы обязывались давать **два** тома тексту, каждый не менѣе 33 печ. листовъ и **одинъ** томъ въ приложеніи, не менѣе 36 листовъ. Нынѣ, для удобства размѣщенія историческаго матеріала и для приданія бóльшаго интереса книгамъ, однѣ и тѣже Записки не будутъ тянуться въ приложеніи; текстъ же будетъ состоять не изъ двухъ, а изъ трехъ томовъ, каждый, вмѣсто 33 — изъ 44-хъ обязательныхъ для редакціи листовъ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ **восьми** рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію—**два** рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—**три** рубля.

При перемѣнѣ адреса городскаго на иногородный, по почтовымъ правиламъ, слѣдуетъ вносить—64 к., при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ въ **С.-Петербургѣ**, въ Главной Конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ книжномъ магазинѣ Александра Өедоров. **Базунова** (Невскій проспектъ, д. № 30); въ Москвѣ— въ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева** (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. **Иногороднихъ** просятъ обращаться **исключительно** въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, у Спаса Преображенія, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Оба изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1870** г. (первый годъ) и все изданіе **1871** г. (второй годъ) разошлись по подпискѣ и теперь ни въ редакціи, ни въ конторахъ ея нѣтъ ни одного экземпляра этихъ годовъ.

„РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1872** г. **(второе изданіе)** можно получить всѣ 12 книгъ со всѣми приложеніями, портретами и рисунками.

Цѣна **восемь** рублей съ пересылкой.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1873** г. **продолжается** *[Осталось немного экземпляровъ]*. Цѣна за 12 кн. со всѣми приложеніями, портретами и рисунками, **восемь** рублей съ пересылкою.

Весьма обширное собраніе матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, съ каждымъ годомъ значительно увеличивается, такъ что все напечатанное на страницахъ этого изданія въ теченіи **четырехъ** лѣтъ, составляетъ сравнительно лишь незначительную ихъ долю, несмотря на то, что каждая книга „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, вмѣсто **восьми** печатныхъ листовъ, какъ то было обѣщано редакціей, состояла изъ двѣнадцати, четырнадцати, а иногда даже **шестнадцати** печатныхъ листовъ. Мы даемъ, такимъ образомъ, въ два раза болѣе того, что нами обѣщано и что можетъ быть дано при настоящей цѣнѣ изданія и можемъ съ удовольствіемъ сообщить, что вниманіе къ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ со стороны общества продолжаетъ возростать, что всего осязательнѣе доказывается тѣми непрерывными сообщеніями, нерѣдко весьма важныхъ, полныхъ интереса матеріаловъ для отечественной исторіи и исторіи русской литерарартуры, которыя „РУССКАЯ СТАРИНА“ продолжаетъ получать со всѣхъ концовъ Россіи.

Къ первой **книгѣ** «РУССКОЙ СТАРИНЫ» **1874** г. будетъ, **между прочимъ**, приложенъ портретъ тайнаго секретаря Петра III, **Дмитрія Васильевича Волкова**, составителя манифестовъ 1762 года: объ освобожденіи Россійскаго дворянства и объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи.

„Русская Старина“ изд. 1874 г. 8 руб. съ пересылкой.

VI. **Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.** 1809—1831 гг. Новые разсказы очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., 1871 г., въ 8-ю д. л.

Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

VII. **Записки Екатерины Александровны Хвостовой.** 1812—1841 гг. Очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., 260 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

VIII. **Состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ,** записки **Джона-Перри,** перев. съ англійскаго кн. **О. М. Дондуковой-Корсаковой,** съ предисл. **М. И. Семевскаго.**

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1872

Достопамятныя сказанія о жизни и дѣлахъ Петра Великаго. Изданіе Вспомогательной Кассы С.-Петербургскихъ наборщиковъ, подъ наблюденіемъ редакціи журнала «Русская Старина».

Цѣна книги на велен. бумагѣ съ приложеніями снимковъ и портрета Петра Великаго **2 руб.** На простой бумагѣ съ прилож. портрета Петра Великаго — **1 руб.**

Контора редакціи «Русской Старины» извѣщаетъ, что поступающія, на нижеслѣдующія изданія, требованія не могутъ быть удовлетворяемы, такъ какъ книги эти разошлись сполна, до послѣдняго экземпляра, а именно: 1) «Русская Старина», изд. 1870 г. (первый годъ, два изд.); 2) «Русская Старина», изд. 1871 г. (второй годъ). 3) «Записки М. И. Глинки», изд. 1870 г.; 4) «Бунтъ военныхъ поселянъ», изд. 1870 г., и 5) «Дневникъ Іоанна Георга Корба, о бунтѣ и казняхъ стрѣльцовъ въ 1698 — 1699 гг.».

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ

во время его намѣстничества на Кавказѣ.

1854—1856.

I.

Недоразумѣнія и несогласія, возникшія на Кавказѣ послѣ выѣзда князя Воронцова между генераломъ Реадомъ[1]) и командовавшимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ княземъ Бебутовымъ, ускорили назначеніе въ этотъ край генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева. Ничему въ жизни, казалось, не радовался онъ такъ, какъ этому назначенію: съ одной стороны, обширное поприще, на которомъ предстояла возможность удовлетворить даже самому притязательному честолюбію, а съ другой—какъ нельзя болѣе удобный случай свести старые счеты съ нѣкоторыми изъ своихъ недоброжелателей, среди коихъ едва-ли не самое видное мѣсто занималъ князь Воронцовъ, — все это рисовало передъ нимъ открывавшуюся роль въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Но разсчеты его въ обоихъ случаяхъ оказались несостоятельными. Прослѣдимъ въ нѣсколькихъ словахъ его кратковременную здѣсь дѣятельность въ званіи намѣстника.

Назначеніе Муравьева послѣдовало 29-го ноября 1854 года. Оставивъ Петербургъ и проживъ нѣсколько дней въ Москвѣ, онъ, въ началѣ января 1855 года, былъ уже въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края.

---

[1]) Генералъ отъ кавалеріи Николай Андреевичъ Реадъ вступилъ въ командованіе кавказскимъ корпусомъ, на правахъ командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, 2-го марта 1854 года. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ былъ назначенъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса и убитъ 4-го августа 1855 года въ сраженіи при рѣкѣ Черной. А. В.

Прежняя служба Муравьева на Кавказѣ, предпринятая имъ отсюда, по порученію генерала Ермолова, поѣздка въ Хиву, участіе въ послѣдней войнѣ съ Персіей и послѣдовавшей за ней войнѣ съ Турціей, командованіе въ 1833 году русскимъ отрядомъ на Босфорѣ, наконецъ, начальствованіе надъ отдѣльными частями войскъ внутри имперіи,—все это, вмѣстѣ взятое, заставило въ Россіи смотрѣть на него, какъ на замѣчательный военный талантъ. Кромѣ того, онъ пользовался репутаціей строгаго, но справедливаго начальника и, въ добавокъ, человѣка не только образованнаго, но по тогдашнему—и ученаго, въ особенности же хорошаго оріенталиста. Но не такъ смотрѣлъ на него Кавказъ: знакомый съ нимъ еще со времени командованія этимъ краемъ генерала Ермолова и графа Паскевича, онъ помнилъ лишь его педантически суровый характеръ, а потому большая часть кавказцевъ ожидала со страхомъ и трепетомъ новаго намѣстника. Нашлись даже личности, которыя неотразимому вліянію этого именно чувства приписывали смерть начальника резервной дивизіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Варпаховскаго, приключившуюся ему 20-го января 1855 года въ Ставрополѣ, т. е. на другой день по прибытіи генерала Муравьева въ этотъ городъ.

Послѣ 10-ти дневнаго пребыванія въ Ставрополѣ, посвященнаго пріему разныхъ депутацій и ознакомленію съ положеніемъ тамошнихъ дѣлъ, Муравьевъ 29-го числа выѣхалъ на правый флангъ Кавказской линіи по тракту на Прочный-Окопъ. 11-го февраля онъ прибылъ въ Владикавказъ, а 15-го выѣхалъ на лѣвый флангъ линіи, гдѣ посѣтилъ крѣпости Внезапную и Грозную — этотъ важный въ данное время стратегическій оплотъ противъ чеченцевъ, хорошо ему знакомый со времени перваго служенія на Кавказѣ.

Крѣпость Грозная основана въ 1818 году генераломъ Ермоловымъ на берегу рѣки Сунжи. До того здѣсь не было поселенія и Алексѣй Петровичъ, руководствуя и наблюдая лично за земляными и другими работами, устроилъ себѣ ту, пріобрѣтшую впослѣдствіи почти историческую извѣстность, землянку, изъ которой исходили его распоряженія по краю. Болѣе удобнаго помѣщенія, въ то время и при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нельзя было и требовать. Но tempora mutantur: спустя 37 лѣтъ, Муравьевъ нашелъ Грозную обстроенною и населенною крѣпостью, въ которой ничто, казалось, не напоминало прошлаго, кромѣ развѣ и понынѣ сохранившейся во дворѣ прекраснаго дома, построеннаго подъ помѣщеніе начальника лѣваго фланга, землянки, составляющей историческій памятникъ славнаго командованія на Кавказѣ генерала Ермолова.

Новое-ли зданіе по своему европейскому комфорту, проникнувшему

и въ это, тогда еще дикое и пустынное, захолустье, составляющее рѣзкій контрастъ съ скромною землянкой знаменитаго кавказскаго героя, или другія какія причины невыгодно повліяли на Муравьева,— мы не предрѣшаемъ; дѣло только въ томъ, что онъ изъ Грозной адресовалъ къ Ермолову извѣстное письмо, наполненное укоромъ и выходками противъ современныхъ кавказцевъ; вскорѣ послѣ того письмо это,—конечно, не безъ вѣдома его автора,—было распространено въ спискахъ между публикой, на которую оно произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Мы не сообщаемъ самаго письма, такъ какъ оно уже напечатано въ VI-мъ томѣ „Русской Старины" (см. стр. 542 и 543), гдѣ оно приведено дословно. Ермоловъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался письмомъ недоволенъ, а военное сословіе на Кавказѣ глубоко имъ оскорбилось. Понятно, что оно не могло быть пройдено молчаніемъ. И дѣйствительно, едва только письмо получило гласность, какъ явился и отвѣтъ (см. VI-й томъ „Русской Старины", стр. 544—546).

Возраженія со стороны Муравьева на отвѣтное письмо не послѣдовало, надо думать, потому, во первыхъ, что это было бы непріятно Ермолову, который, какъ тогда поговаривали, остался недоволенъ и самымъ письмомъ Муравьева; а во вторыхъ, Муравьевъ, по складу своего ума и характера, никогда не снизошелъ бы до того, чтобы вступить въ открытую полемику съ подчиненными, коихъ убѣжденія онъ не только не раздѣлялъ, но и не уважалъ, какъ бы даже основательны они ни были.

Въ послѣднихъ числахъ февраля Муравьевъ переѣхалъ горы, направляясь къ Тифлису. Не доѣзжая Ананура, его настигъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о смерти императора Николая. Обстоятельство это задержало его на нѣкоторое время въ городѣ Душетѣ. Туда къ нему выѣхали на встрѣчу начальникъ штаба кавказской арміи — генералъ-адъютантъ князь Барятинскій (впослѣдствіи намѣстникъ и генералъ-фельдмаршалъ), генералъ-интендантъ кавказской арміи — генералъ-маіоръ Калустовъ и директоръ канцеляріи намѣстника—дѣйствительный статскій совѣтникъ Щербининъ. Раньше другихъ прибылъ Щербининъ. Войдя въ комнату, онъ засталъ Муравьева стоящимъ около камина въ глубокомъ раздумьи; лицо его выражало сильную скорбь и крупныя слезы по временамъ падали изъ его глазъ. Не было сомнѣнія, что полученная роковая вѣсть произвела на него потрясающее дѣйствіе. Вечеромъ, наканунѣ выѣзда изъ Душета, онъ отправилъ курьера къ тифлисскому коменданту Ѳ. Ф. Роту [1]) съ приказа-

[1]) Генералъ-маіоръ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, Ѳедоръ Филиповичъ Ротъ, тифлисскій комендантъ, прославившійся геройскою защитою Ахтинскаго укрѣпленія въ 1848 году. А. В.

ніемъ немедленно объявить войску въ городѣ о кончинѣ государя. Письмо было доставлено къ коменданту за часъ до полуночи.

Наконецъ, 1-го марта Муравьевъ имѣлъ въѣздъ въ Тифлисъ. За городскою чертою ему была устроена встрѣча. Генералъ Ротъ находился тутъ же.

— „Исполнили мое приказаніе?“ обратился онъ къ нему.

— „Нѣтъ!“ былъ отвѣтъ.

— „Почему?“

— „Потому, что я не рѣшился идти къ солдатамъ ночью, разбудить ихъ и объявить, что они лишились отца, которымъ они считали покойнаго государя. Вотъ если-бы умерли вы или я — это другое дѣло“.

Муравьевъ нахмурился и отошелъ.

2-го марта, онъ, на Александровской площади, вмѣстѣ съ войскомъ и народомъ присягалъ царственному преемнику въ Бозѣ почившаго императора.

II.

Съ пріѣздомъ Муравьева, общественная жизнь въ Тифлисѣ видимо стала утрачивать ту привлекательность, которая придавала ей какой-то особенный, своеобразный отпечатокъ. Тоже самое замѣчалось и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, хотя далеко не въ одинаковой степени. Словомъ, отсутствіе князя Воронцова съ каждымъ днемъ становилось чувствительнѣе и только что пережитое былое скоро перешло въ область воспоминаній.

Начавъ службу въ бывшей канцеляріи намѣстника при этомъ маститомъ вельможѣ, въ распоряженіе котораго я, по высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ въ концѣ 1851 года, мнѣ привелось быть свидѣтелемъ перелома, составляющаго одну изъ самыхъ грустныхъ страницъ въ новѣйшей лѣтописи Кавказа.

Извѣстно, что Муравьевъ вступилъ въ управленіе Кавказомъ въ тяжкую для Россіи годину. Война была въ полномъ разгарѣ; матеріальныя и физическія силы наши, послѣ крайняго напряженія, истощались, а лучшіе боевые генералы одинъ за другимъ сходили съ военнаго поприща. Къ довершенію всего, по Россіи внезапно распространилась роковая вѣсть о смерти государя. Извѣстіе это, достигшее Кавказа одновременно съ прибытіемъ Муравьева, туземное населеніе сочло за дурное предзнаменованіе: „Тяжелою ногою“, говорило оно, „ступилъ онъ на почву нашу и не видать намъ отъ него добра“. Въ словахъ этихъ слышался голосъ правды.

Но помимо этихъ, такъ сказать, чисто внѣшнихъ обстоятельствъ,

истекавшихъ изъ общаго положенія дѣлъ того времени, на общество произвели тяжелое впечатлѣніе и личный характеръ Муравьева, въ особенности же его недовѣрчивость, придирчивость и то крутое обращеніе, которому, за немногими исключеніями, подвергались всѣ, приходившіе съ нимъ въ какое-либо соприкосновеніе.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, почему многіе изъ лицъ служащихъ, между которыми были и люди семейные, начали выѣзжать въ Россію и устраивать тамъ дальнѣйшую судьбу свою. Тифлисъ видимо пустѣлъ и только иногда, во дни отсутствія изъ него Муравьева, сквозь мракъ напускнаго бюрократизма и водворившагося затишья, пробивался лучь оживленія и раздолья, которыми отличалось предшествовавшее десятилѣтіе......

8-го марта 1855 года Муравьеву представлялись чиновники канцеляріи намѣстника, въ которой я занималъ тогда весьма скромное мѣсто. Тутъ же присутсвовали и лица, состоявшія при особѣ князя Воронцова. Не могу не упомянуть здѣсь о слѣдующемъ обстоятельствѣ:

Князь Михаилъ Семеновичъ, какъ извѣстно, не былъ взыскателенъ относительно парадной формы; гражданскіе мундиры, особенно низшихъ классовъ, были у насъ въ его время большою рѣдкостью. Наканунѣ же пріѣзда Муравьева вопросъ этотъ сдѣлался чуть-ли не жизненнымъ вопросомъ. Чиновники всѣхъ ранговъ и степеней, какъ угорѣлые, бросились во всѣ стороны: кто пріобрѣталъ мундиръ у портныхъ-торгашей, кто нарочно его заказывалъ; третьи, наконецъ, обезпечивались на этотъ счетъ обѣщаніемъ знакомаго, такъ какъ чиновники разныхъ учрежденій представлялись не вдругъ. При этомъ, въ обуявшей всѣхъ суматохѣ, не принималось въ соображеніе, приходился-ли мундиръ по росту и какой должности или вѣдомству онъ былъ присвоенъ. Въ виду всего этого, картина вышла не безъ комизма. Но вотъ въ пріемную залу вошелъ Муравьевъ.

Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, онъ упомянулъ о прекрасной репутаціи, какою пользовалась канцелярія въ Россіи, и о тѣхъ лестныхъ отзывахъ, какіе ему довелось слышать о ней отъ генерала Закревскаго, въ проѣздъ черезъ Москву. За тѣмъ онъ сталъ знакомиться съ каждымъ порознь, при чемъ къ нѣкоторымъ отнесся не совсѣмъ благосклонно. Такъ, напримѣръ, графа В. А. Соллогуба онъ спросилъ:

— „Вы авторъ „Тарантаса"?" и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ: „Ну, такъ можете сѣсть въ вашъ тарантасъ и уѣхать".

15-го марта графа Соллогуба уже не было въ Тифлисѣ.

Вообще же дѣло на этотъ разъ обошлось довольно благополучно. Но нельзя того же сказать о первомъ пріемѣ просителей. По пого-

воркѣ, что новая метла хорошо мететъ, къ Муравьеву явилось около 60-ти человѣкъ съ самыми разнообразными прошеніями и до 30-ти туземокъ, въ чадрахъ, за денежнымъ пособіемъ, въ которомъ имъ почти никогда не отказывалъ князь Воронцовъ и на которое они разсчитывали теперь тѣмъ болѣе, что, по случаю военнаго времени, цѣны на жизненныя потребности поднялись до крайнихъ размѣровъ. Но каково же было ихъ удивленіе, когда имъ было категорически отказано, съ приказаніемъ на будущее время не являться съ подобными глупыми просьбами. Что касается другихъ просителей, то и они, за рѣдкими исключеніями, получили не лучшее удовлетвореніе. Одного офицера (Кунцевича), имѣвшаго несчастіе лишиться ноги въ одной схваткѣ въ Чечнѣ и грудь котораго была украшена Владимірскимъ и Георгіевскимъ крестами, онъ даже приказалъ посадить на гауптвахту за то, что, требуя взысканія съ одного военнаго медика за безчестіе, нанесенное его сестрѣ, онъ при изложеніи дѣла не согласовался съ показаніями тифлисскаго коменданта.

Въ слѣдующіе пріемные дни число просителей ограничивалось 6 и никогда не превышало 10.

Особенно врѣзался въ моей памяти слѣдующій случай:

Муравьевъ имѣлъ привычку послѣ утреннихъ занятій отправляться на прогулку. Однажды, по выходѣ его изъ дому, къ нему подошелъ солдатъ и подалъ прошеніе, въ которомъ жаловался на своего ротнаго командира. Муравьевъ взялъ бумагу, прочелъ ее и обратился къ солдату съ слѣдующими словами:

— „Я приму твое прошеніе, потребую дѣло, разсмотрю его лично; будешь правъ—взыщу съ ротнаго командира, нѣтъ—пройдешь сквозь строй. Выбирай!“

Солдатъ помолчалъ и, разсудивъ, что у сильнаго безсильный, хотя бы и правый, всегда виноватъ, взялъ прошеніе и скрылся.

Всѣ эти и имъ подобные случаи, получая гласность, разумѣется, не слишкомъ-то располагали въ пользу новаго намѣстника и подавали поводъ къ несовсѣмъ благопріятнымъ о немъ отзывамъ.

— „Ничего“, говорили туземцы; „пусть попьетъ Курской воды — перемѣнится“.

Но на перемѣну было мало надежды. Когда Муравьеву сообщали о подобныхъ поговоркахъ, онъ отвѣчалъ просто:

— „Не стану я пить воды, когда есть кахетинское (вино)“.

Муравьевъ былъ человѣкъ вполнѣ русскій не только по рожденію, но и по природнымъ наклонностямъ. Среди безчисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ дѣлъ по всѣмъ отраслямъ обширнаго управленія краемъ, онъ вспомнилъ даже о русской банѣ, любимой имъ до стра-

сти, и которую замѣнить ему не могли даже прославленныя тифлисскія минеральныя воды. Но какъ имѣвшаяся въ городѣ баня также не совсѣмъ пришлась ему по вкусу, то онъ велѣлъ построить себѣ баню въ саду при намѣстническомъ домѣ. Баня эта уцѣлѣла и понынѣ въ память кратковременнаго его пребыванія на Кавказѣ. Въ ней-то онъ любилъ зачастую, преимущественно въ утренніе часы, наслаждаться подъ вѣниками парильщиковъ, задыхавшихся отъ нестерпимаго жара, который на Муравьева, повидимому, дѣйствовалъ какъ-то особенно и до того возбуждалъ его служебную энергію, что онъ, забывая всякое приличіе, тутъ же, въ образѣ перваго человѣка, отъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ принималъ доклады... Это выпадало на долю въ особенности тифлисскаго старшаго полиціймейстера, подполковника Сиверикова, который въ урочный утренній часъ являлся къ нему, по обязанности, съ суточнымъ рапортомъ о состояніи города.

Но странностямъ и причудамъ Муравьева не было конца. Такъ, напримѣръ, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы при докладахъ директора канцеляріи присутствовали его адъютанты, и это для того, говорилъ онъ, чтобы они знакомились съ дѣлами и пріучались ихъ обсуживать. Адъютанты присутствовали стоя. Одинъ изъ нихъ, его любимецъ, подпоручикъ гвардейской конной артиллеріи Александръ Корсаковъ (впослѣдствіи флигель-адъютантъ) имѣлъ привычку, по выходѣ изъ кабинета, тутъ же вертѣться колесомъ въ знакъ удовольствія, что вырвался на свободу.

Не могу не разсказать еще слѣдующаго забавнаго случая:

Вторженіе лезгинъ, въ началѣ іюля 1854 года, въ Кахетію заставило Муравьева на первыхъ же порахъ обратить особенное вниманіе на лезгинскую кордонную линію. Ему хотѣлось прежде всего уяснить себѣ вопросъ: какимъ образомъ столь смѣлый прорывъ горцевъ на плоскость и въ такой значительной массѣ могъ быть произведенъ при близительности нашего кордона и затѣмъ изыскать средства къ предупрежденію подобнаго вцаденія, которое, при тогдашней нашей войнѣ съ союзниками, могло имѣть для насъ весьма опасныя послѣдствія. Въ этихъ именно видахъ и для ближайшаго ознакомленія съ мѣстностью, онъ приказалъ подполковнику генеральнаго штаба М. И. Астафьеву [1]), въ то время начальнику штаба на лезгинской кордонной линіи, явиться къ нему для разнаго рода объясненій. Въ назначенный часъ офицеръ былъ въ кабинетѣ Муравьева; потребовалась карта Кавказа.

[1]) Генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Астафьевъ, нынѣ начальникъ управленія государственными имуществами, дѣлами сельскаго хозяйства и промышленности на Кавказѣ. А. В.

— „Поищите ее тамъ, на полкѣ", обратился къ нему Муравьевъ съ своею обычною суровостью, указывая на книги и бумаги.

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, конечно, не могъ не засуетиться съ перваго раза. Нужно было время, чтобы оріентироваться въ незнакомомъ кабинетѣ и найти карту въ грудѣ разныхъ бумагъ.

Но Муравьевъ, спустя какую-нибудь минуту, съ видимымъ нетерпѣніемъ проговорилъ:

— „Офицеръ генеральнаго штаба, а карты найти не можетъ!"

Какъ-будто званіе это давало право на нѣчто, весьма близкое ко всевѣдѣнію.....

Около половины марта Муравьевъ получилъ высочайшее повелѣніе объ отправленіи въ Тегеранъ одного изъ кавказскихъ генераловъ со свитою, для доставленія Наср-Эддин-шаху извѣстительнаго письма Государя, которымъ его величество увѣдомлялъ шаха о восшествіи своемъ на престолъ. Выборъ палъ на генералъ-маіора Брусилова [1]), а въ свиту были назначены: полковникъ Бартоломей [2]), подпоручикъ Корсаковъ, я, докторъ Шнейдеръ [3]) и, кромѣ того, 10 человѣкъ конвойныхъ казаковъ при хорунжемъ Заридзе.

Наканунѣ нашего выѣзда въ Персію, мы обѣдали у Муравьева. Случай этотъ далъ мнѣ возможность ближе, такъ сказать, лицомъ къ лицу, узнать своего новаго начальника, хотя откровенно говоря, я не слишкомъ былъ этимъ доволенъ. Вотъ что произошло.

Когда всѣ приглашенные собрались, и я въ числѣ другихъ подошелъ къ закускѣ, Муравьевъ спросилъ меня, въ какомъ университетѣ и по какому факультету я кончилъ курсъ?

— „Въ Петербургскомъ", отвѣчалъ я, „по разряду восточной словесности и затѣмъ довольно долго жилъ въ Персіи".

— „Ну", замѣтилъ онъ, „не многому же можно было научиться въ вашемъ университетѣ".

Слова эти затронули мое самолюбіе, но на этотъ разъ я смолчалъ.

---

[1]) Состоявшій по кавалеріи генералъ-маіоръ Алексѣй Николаевичъ Брусиловъ занималъ должность предсѣдателя военнаго аудиторіата кавказской арміи; онъ скончался, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, 8-го ноября 1859 года, на 71-мъ году отъ роду. А. В.

[2]) Полковникъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка Иванъ Алексѣевичъ Бартоломей, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и членъ совѣта главнаго управленія намѣстника кавказскаго; онъ скончался 5-го октября 1870 года, на 57-мъ году отъ роду. А. В.

[3]) Докторъ медицины Генрихъ Фердинандовичъ Шнейдеръ, нынѣ статскій совѣтникъ и дивизіонный врачъ кавказской кавалерійской дивизіи. А. В.

Сѣли за столъ. Во время обѣда Муравьевъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ, что значитъ слово négresse.

— „Негритянка", отвѣчалъ я, увѣренный, что дѣло идетъ о значеніи французскаго слова.

Муравьевъ улыбнулся и покачалъ головой, видимо неудовлетворенный отвѣтомъ.

Я понялъ, въ чемъ дѣло, и тутъ же продолжалъ:

— Если мой отвѣтъ васъ не удовлетворилъ, то виноватъ отнюдь не я. Вы, вѣроятно, имѣли въ виду значеніе арабскаго слова, т. е. nigris, въ переводѣ—подагра, но въ такомъ случаѣ его слѣдовало произнести нѣсколько иначе. Впрочемъ,— заключилъ я—вѣрное произношеніе словъ даннаго языка требуетъ извѣстнаго знанія и навыка...".

Муравьевъ вспыхнулъ, замѣтивъ мнѣ, чтобы я не забывалъ, съ кѣмъ говорю.

Я повиновался, довольный, что достигъ цѣли.

Нѣсколько дней спустя, я былъ уже на пути въ Персію.

III.

5-го апрѣля 1855 года Муравьевъ отправился въ Кутаисъ, а оттуда, въ сопровожденіи начальника гурійскаго отряда, генералъ-маіора князя Мухранскаго, прибылъ 9-го числа на границу Мингреліи. Въ Сартіанахъ, гдѣ находился лагерь нашихъ войскъ, его встрѣтилъ 8-ми-лѣтній владѣтель Мингреліи—князь Николай Дадіани, съ которымъ онъ въ тотъ же день прибылъ въ Квашихори, къ его матери, княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ [1]). Это была старая знакомка Муравьева, который зналъ ее еще ребенкомъ въ домѣ ея отца, князя Чавчавадзе, съ которымъ былъ очень близокъ въ первое служеніе на Кавказѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Квашихорахъ, онъ 12-го апрѣля совершилъ поѣздку въ Зугдиди, посѣтивъ на пути Хопскій монастырь. На слѣдующій день онъ возвратился въ Квашихори, а 15-го, простившись съ княгинею Дадіани, отправился въ Озургеты на смотръ расположеннаго тамъ отряда. Затѣмъ онъ черезъ Кутаисъ и Тифлисъ, гдѣ оставался до 10-го мая, выѣхалъ къ дѣйствующему корпусу на кавказско-турецкой границѣ.

По прибытіи въ Александрополь, гдѣ его встрѣтилъ командовавшій до этого корпусомъ князь В. О. Бебутовъ,—онъ тогда же вступилъ въ главное начальствованіе войсками, привѣтствовавъ ихъ слѣдующимъ приказомъ:

---

[1]) Родная сестра Нины Александровны Грибоѣдовой. А. В.

„Принимая главное начальство надъ дѣйствующимъ корпусомъ, привѣтствую васъ, воины Кавказа! Болѣе полвѣка съ гордостью и изумленіемъ Россія внимаетъ подвигамъ вашимъ; вѣсть о нихъ давно достигла и за предѣлы обширнаго нашего отечества.

„Уже 25 лѣтъ прошло съ той поры, когда я считалъ себя въ рядахъ вашихъ. Изъ бывшихъ боевыхъ сподвижниковъ и товарищей только немногихъ нахожу теперь среди васъ,—ихъ смѣнило новое поколѣніе; но и въ немъ встрѣчаю прежній духъ геройства.

„Славныя преданія прошедшаго всегда будутъ передъ вами. Ихъ изучайте, имъ слѣдуйте. Среди васъ взросъ и прославился Котляревскій; пусть имя его будетъ всегда въ памяти и сердцѣ вашемъ, какъ примѣръ всѣхъ воинскихъ доблестей.

„Воинъ-христіанинъ, строгій къ себѣ, Котляревскій былъ строгъ и къ подчиненнымъ, уклоняющимся отъ исполненія своего долга. Онъ любилъ и сберегалъ солдата, самъ раздѣлялъ съ нимъ труды и лишенія, неразлучныя съ военнымъ бытомъ. Онъ не пренебрегалъ строемъ, въ дисциплинѣ видѣлъ онъ залогъ нравственной силы, а потому и успѣха,—и войско понимало и любило его. Съ именемъ Котляревскаго передало оно потомству имена Ахалкалаки, Асландуза и Ленкорани, гдѣ съ малыми силами поражалъ онъ сильныхъ враговъ.

„Благоговѣя передъ правилами Котляревскаго, среди васъ, воины Кавказа, буду искать ему подобныхъ и найду ихъ.

„Для Россіи настала година испытанія. Уже многія сотни тысячъ ратниковъ ополчаются на защиту роднаго края, воскрешая въ памяти народа безсмертное время войны отечественной. Станемъ же и мы, полные рвенія и готовности, за святое дѣло. Вспомнимъ недавніе подвиги, еще свѣжіе въ памяти невѣрныхъ, и грянемъ всѣ дружно, съ единодушіемъ, съ теплою вѣрою въ правосудіе Божіе, на нечестиваго врага Россіи и православія.

„Командующаго дѣйствующимъ корпусомъ князя В. О. Бебутова, достойнаго вождя побѣдителей Баш-Кадыклара и Кюрук-дара, сослуживца молодыхъ лѣтъ моихъ, прошу принять выраженія душевнаго моего уваженія къ подвигамъ его, охранившимъ край. Въ Бозѣ почившій императоръ уже гласно призналъ заслуги его; себя считаю только вправѣ всеподданнѣйше довести до свѣдѣнія всемилостивѣйшаго Государя о томъ отличномъ состояніи, въ коемъ я нашелъ войска, ввѣренныя начальству генералъ-лейтенанта князя Бебутова".

Таковъ былъ отзывъ Муравьева, между прочимъ, о князѣ Бебутовѣ, котораго онъ вслѣдъ за симъ отпустилъ въ Тифлисъ, поручивъ ему войска, не входившія въ составъ дѣйствующаго корпуса.

Но спрашивается, что же побудило его сложить съ достойнаго вождя командованіе и самому заступить его мѣсто, и на сколько выиграло въ этомъ отношеніи самое дѣло? Вопросъ этотъ разрѣшается просто:

Прежде всего замѣтимъ, что Муравьевъ смотрѣлъ далеко не равнодушно на военные подвиги своего стараго товарища, который не могъ не возбудить въ немъ чувства весьма понятной зависти. Къ тому же извѣстно, что онъ былъ крайне честолюбивъ и что именно это свойство заставило его еще въ 1827 году, въ послѣднюю войну нашу съ Персіей, вмѣстѣ съ княземъ Эристовымъ [1]) занять Тавризъ, что, однако же, кромѣ неудовольствія графа Паскевича, не принесло ему никакой пользы. Въ описываемую же эпоху вся власть сосредоточивалась исключительно въ его рукахъ; а потому, имѣя полную возможность располагать движеніями нашихъ войскъ, онъ не могъ не ожидать блестящихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что твердо былъ увѣренъ въ своемъ громадномъ военномъ талантѣ, въ виду котораго не только не находилъ себѣ равныхъ, но, напротивъ, считалъ всѣхъ далеко ниже себя.

Послѣ сказаннаго мною, кажется, я не впаду въ ошибку, если выражу догадку, имѣющую всѣ шансы вѣроятности, и скажу, что затаенная цѣль Муравьева съ принятіемъ главнаго начальствованія надъ дѣйствующимъ корпусомъ состояла въ томъ, чтобы взять Карсъ, пройти Аббас-Туманскимъ ущельемъ въ Имеретію, разбить Омер-пашу и получить фельдмаршальскій жезлъ.

Но Муравьевъ забылъ, что между Карсомъ 1828 года и Карсомъ 1855 была разница громадная. На этотъ разъ онъ былъ вполнѣ обезпеченъ, чтобы выдержать продолжительную осаду, и то, чего не сдѣлала къ его оборонѣ природа, довершило искусство. Словомъ, планы Муравьева рушились и горькій опытъ показалъ всю несостоятельность его стратегическихъ соображеній.

Я не стану входить здѣсь въ описаніе подробностей военныхъ дѣйствій, подъ главнымъ его начальствомъ, въ Азіятской Турціи, а также неудачнаго штурма Карса, стоившаго намъ около 9 т. человѣкъ прекраснаго войска и не разъ уже бывшаго предметомъ спеціальныхъ монографій [2]). Мнѣ остается развѣ привести собственныя слова генерала Вилліамса, который открыто говорилъ въ Тифлисѣ, что русскихъ считали положительно съумашедшими, когда они безъ фашинъ и лѣстницъ пошли на штурмъ крѣпости, которая и безъ того чрезъ

[1]) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго. А. В.

[2]) См. Записки генерала Я. П. Бакланова въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г., т. II, стр. 567—610.

нѣсколько дней должна была бы сдаться, будучи доведена продолжительною блокадой до такой крайности, что гарнизону угрожала голодная смерть.

Нѣтъ сомнѣнія, что Муравьевъ глубоко сознавалъ свою ошибку, но было поздно,—и, вмѣсто лавровъ, которыми онъ мечталъ украсить свою голову, онъ стяжалъ одни упреки и всеобщее неудовольствіе. Что касается собственно войска, то, не пользуясь въ средѣ его популярностью и прежде, онъ тѣмъ менѣе могъ разсчитывать на особенное расположеніе его послѣ штурма, которымъ солдаты, случалось, подчасъ отваживались его уколоть. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что когда онъ, прогуливаясь однажды по лагерю, остановился около небольшой кучки солдатъ и спросилъ: „отъ чего, ребята, не играете въ городки?“ ему прямо отвѣчали: „да наигрались подъ Карсомъ“.

Послѣ неудачи 17-го сентября 1855 г., въ войскѣ исчезла всякая вѣра въ умѣнье Муравьева вести его къ побѣдамъ, вездѣ сопровождавшимъ князя Бебутова, противъ котораго, по общему мнѣнію, не сдобровалъ бы и Карсъ. Къ этому убѣжденію не можемъ не присоединиться и мы. Преимущество князя Бебутова надъ Муравьевымъ сразу бросалось въ глаза. Будучи почти одниxъ лѣтъ, они оба посвятили себя службѣ военной, которую проходили съ равнымъ усердіемъ. Дѣло только въ томъ, что князь Бебутовъ былъ одаренъ способностями, несравненно болѣе обширными, чѣмъ Муравьевъ, не выдвигавшійся изъ ряда людей самыхъ обыкновенныхъ,—и то, что одному доставалось легко, другой пріобрѣталъ долгимъ терпѣніемъ и усидчивымъ трудомъ. Къ тому же, и самое поприще дѣятельности князя Бебутова было всегда несравненно разнообразнѣе. Не говоря уже о томъ, что онъ былъ хорошимъ администраторомъ,—тогда какъ Муравьевъ объ администраціи не имѣлъ почти никакого понятія,—большая часть его жизни была посвящена службѣ боевой, въ которой онъ, благодаря умѣнью и счастью, стяжалъ славу, неразрывно связанную съ именами Кутиши, Баш-Кадыклара и Кюрук-дара. Муравьевъ, напротивъ того, хотя и участвовалъ въ походахъ, но никогда, нигдѣ и ничѣмъ не заявилъ своихъ военныхъ дарованій, не считая маневровъ и командованія отдѣльными частями войскъ внутри имперіи въ мирное время. Но все это скорѣе свидѣтельствовало о его теоретическихъ познаніяхъ, въ которыхъ ему нельзя и отказать. Когда же дѣло дошло до войны и ему привелось стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, всѣ его дѣйствія и самый штурмъ Карса какъ нельзя лучше доказали во-очію, что онъ былъ плохой практикъ.

Опредѣлить въ настоящее время успѣхи нашего оружія въ Азіатской Турціи, если бы командованіе осталось за княземъ Бебутовымъ,

разумѣется, весьма трудно; но позволяемъ себѣ думать, что мы овладѣли бы Карсомъ—или безъ всякой потери, вынудивъ гарнизонъ блокадою сдаться, или-же взявъ крѣпость штурмомъ, чего не удалось Муравьеву, далеко не съ тѣми громадными пожертвованіями, какихъ это стоило послѣднему. За это намъ ручается, сколько благоразумная осторожность князя Вебутова, столько же опытность его въ веденіи азіатской войны и податливость на всякій добрый совѣтъ, съ которымъ онъ соображалъ свои дѣйствія. Всего этого не доставало у Муравьева: онъ руководствовался единственно собственными соображеніями и, считая себя непогрѣшимымъ, пренебрегалъ мнѣніемъ людей, хотя и ниже его стоявшихъ въ служебной іерархіи, но болѣе его искусныхъ и опытныхъ въ боевомъ дѣлѣ. Это самообольщеніе и привело его къ той печальной кровавой развязкѣ, которая была послѣдствіемъ Карсскаго штурма.

Положеніе нашего корпуса послѣ штурма было не слишкомъ-то выгодное,—и если бы гарнизонъ крѣпости воспользовался совѣтомъ генерала Кмети и насъ атаковалъ, то мы, быть можетъ, нашлись бы вынужденными снять блокаду. Но атаки сдѣлано не было и блокада возстановлена съ прежнею бдительностью, что и продолжалось до 16-го ноября, т. е., до сдачи крѣпости. Съ паденіемъ Карса, имѣвшимъ важное вліяніе на весь ходъ тогдашней войны, анатолійская армія была уничтожена. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились и разсчеты Омерпаши въ отвлеченіи нашихъ силъ изъ-подъ Карса, и дальнѣйшее движеніе его во внутрь края было окончательно парализовано.

Съ образованіемъ изъ покореннаго нами Карсскаго пашалыка и прилегающей къ нему части Олтинскаго, особой области, подъ наименованіемъ Карсской, начальникомъ которой былъ назначенъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ, кончилось и личное присутствіе Муравьева при дѣйствующемъ корпусѣ.

IV.

16-го августа 1855 года генералъ Брусиловъ и я возвратились изъ Персіи въ Тифлисъ, а полковникъ Бартоломей и подпоручикъ Корсаковъ отправились въ дѣйствующій отрядъ. Еще до выѣзда нашего изъ Тегерана, шахъ назначилъ чрезвычайнаго посла въ Петербургъ для принесенія поздравленія Государю Императору съ восшествіемъ на престолъ. Высокое порученіе это онъ возложилъ на Сейф-уль-Мулька[1]) Аббас-Кули-хана, который, вскорѣ послѣ насъ отправившись въ

[1]) Т. е., «мечъ государства»—титулъ, даваемый высшимъ сановникамъ въ Персіи. А. В.

дорогу, 29-го сентября 1855 г. прибылъ въ Тифлисъ. Проѣздъ черезъ этотъ городъ столь важнаго сановника, акредитованнаго къ нашему двору, само собою разумѣется, потребовалъ устройства разнаго рода овацій, спектаклей и обѣдовъ, и потому не могъ не отразиться на жизни городскаго общества, которому онъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Но участіе во всѣхъ развлеченіяхъ и устраивавшихся увеселеніяхъ принимало, понятно, только меньшинство; въ массѣ же населенія слышались плачъ и стенанія по поводу свирѣпствовавшаго въ то время въ Тифлисѣ голода, бывшаго слѣдствіемъ не недостатка въ Закавказскомъ краѣ хлѣба, котораго, напротивъ, имѣлись большіе запасы, а скорѣе ни предъ чѣмъ не останавливающагося корыстолюбія монополистовъ. Благодаря дѣйствіямъ ихъ, голодъ достигъ своего апогея: цѣны на пудъ простой муки возвысились до 5-ти р. с.; хлѣбопёки нашлись вынужденными закрыть пекарни, и въ средѣ низшаго класса населенія были случаи, что несчастныя женщины съ дѣтьми бросались въ р. Куру, предпочитая мгновенную смерть продолжительнымъ и мучительнымъ страданіямъ. Все это не могло не возбудить народнаго неудовольствія: оно главнымъ образомъ обрушилось на князя Бебутова, въ рукахъ котораго, за отсутствіемъ намѣстника, сосредоточивалась высшая административная власть. Это плачевное положеніе дѣлъ продолжалось до исхода 1856 года.

Между тѣмъ, какъ Аббасъ-Кули-ханъ развлекался въ Тифлисѣ, совѣтникъ посольства Касим-ханъ, бывшій до того генеральнымъ консуломъ, отправился въ дѣйствующій отрядъ къ Муравьеву для поднесенія ему шахскаго фирмана и украшеннаго алмазами портрета Наср-Эддин-шаха. Принятый тамъ со всею любезностью и предупредительностью, онъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, оставилъ нашъ лагерь, вполнѣ довольный пріемомъ главнокомандующаго. 20-го октября 1855 г. посольство отправилось въ дальнѣйшій путь. Съ выѣздомъ его, въ Тифлисѣ водворилось прежнее спокойствіе и все пошло обычнымъ порядкомъ.

Около этого самаго времени прибылъ, проѣздомъ изъ Персіи въ Тифлисъ, начальникъ высочайше командированной экспедиціи для изслѣдованія каспійскаго рыболовства, нашъ извѣстный академикъ Карлъ Максимовичъ Бэръ. Образованное сословіе привѣтствовало его съ подобающимъ уваженіемъ и радушіемъ, а князь Бебутовъ, какъ сдѣланною ему встрѣчею, такъ и созваніемъ въ честь его торжественнаго засѣданія въ Кавказскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества и нѣкоторыми другими дѣйствіями, видимо старался доказать, что и на этой окраинѣ Россіи достойнымъ образомъ умѣютъ цѣнить безсмертныя научныя заслуги знаменитаго путешественника.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Муравьевѣ, какъ мы это увидимъ ниже.

Академикъ Бэръ поселился у своего стараго университетскаго товарища — генерала Рота, съ которымъ онъ встрѣтился на Кавказѣ послѣ чуть-ли не 40-лѣтней разлуки. Посвятивъ все время своего пребыванія въ Тифлисѣ наукѣ, академикъ Бэръ встрѣтилъ здѣсь болѣе, чѣмъ ожидалъ, людей научно-образованныхъ и въ особенности его поразило обиліе книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

— „Тифлисъ", говорилъ онъ мнѣ, „опередилъ въ этомъ отношеніи многіе губернскіе города имперіи. Такъ, въ бытность мою въ нынѣшнемъ году въ Астрахани, мнѣ съ большимъ трудомъ удалось найти географическій атласъ, который отыскался въ тамошней гимназіи, да и тотъ былъ старъ и далеко не полонъ: на картѣ Азіи не доставало Камчатки".

Спустя ровно десять лѣтъ, мнѣ привелось услышать не менѣе лестный отзывъ и отъ другаго знаменитаго ученаго, доктора Бастіана, который считалъ, между прочимъ, Тифлисскую публичную библіотеку первою въ Азіи, послѣ подобныхъ учрежденій англичанъ—въ Калькутѣ и голландцевъ—въ Батавіи

Вмѣстѣ съ К. М. Бэромъ прибыли члены экспедиціи Вейдеманъ и извѣстный ученый Н. Я. Данилевскій, составившій себѣ столь почетное имя изслѣдованіями рыболовства на Бѣломъ и Азовскомъ моряхъ. Пребываніе этихъ дорогихъ гостей оставило во многихъ изъ насъ самыя пріятныя воспоминанія о тѣхъ немногихъ часахъ, которые намъ привелось провести въ ихъ обществѣ.

16-го ноября 1855 г. послѣдовала, наконецъ, давно ожиданная сдача Карса. Вслѣдъ за полученіемъ этого радостнаго извѣстія, въ Тифлисѣ стали появляться военно-плѣнные. Сначала прибыли англичане: генералъ Вилліамсъ, полковникъ Лекъ, капитаны—Тисдель и Томсонъ, и Чёрчиль, секретарь Вилліамса, а вслѣдъ за ними главнокомандующій анаталійскою арміею Мустафа-Васиф-паша, генералъмаіоры: Хафиз-паша, Ахмед-Тауфик-паша, Хусейн-паша и начальникъ штаба Ферик-Абдул-паша. 7-го декабря возвратился и самъ Муравьевъ, котораго присутствіе въ городѣ было тѣмъ необходимѣе, что 29-го ноября князь Бебутовъ отправился къ сторонѣ Чернаго моря для успокоенія тамошняго края, встревоженнаго сколько высадкою Омер-паши, столько же, если не болѣе, личными несогласіями и интригами между владѣтелемъ Абхазіи и правительницею Мингреліи.

Съ возвращеніемъ Муравьева изъ-подъ Карса, прежній образъ его жизни не измѣнилъ своего порядка. Послѣ раннихъ прогулокъ у себя въ саду и посѣщенія канцеляріи, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе

распивать утренній чай, онъ отправлялся въ свой кабинетъ для выслушиванія обычныхъ докладовъ, что и продолжалось до 2-го часа пополудни. Затѣмъ онъ совершалъ прогулку пѣшкомъ или въ экипажѣ; по возвращеніи обѣдалъ въ обществѣ немногихъ приглашенныхъ, послѣ чего удалялся въ кабинетъ, гдѣ и заканчивалъ день въ бесѣдѣ съ приближенными или чтеніемъ бумагъ. Въ домѣ его всегда царила невозмутимая тишина, отъ которой вѣяло тѣмъ же холодомъ, какъ и отъ суроваго и непривѣтливаго характера хозяина,—и только изрѣдка шаги или голосъ одного изъ присутствовавшихъ въ немъ нарушали эту подавляющую монотонность. Какая разительная противоположность съ недавно минувшимъ, которое, повидимому, уже было такъ далеко позади насъ! Бывало, при князѣ Воронцовѣ, не только гдѣнибудь въ отдаленной комнатѣ того же дома, но даже въ адъютантской, сосѣдней съ кабинетомъ, во время самаго доклада слышались громкій говоръ, смѣхъ и шутки, отдававшіеся даже въ кабинетѣ, вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ, который поднимался, какъ говорятъ, коромысломъ. Помнится мнѣ, какъ однажды князь Михаилъ Семеновичъ, войдя въ адъютантскую, полою сюртука старался разсѣять облако дыма, чтобы въ числѣ другихъ отыскать одного изъ приближенныхъ. И все это сходило съ рукъ, какъ-будто оно такъ и должно было быть. Но необыкновенная деликатность и утонченная вѣжливость, отличавшія князя Воронцова, были чужды Муравьеву подчасъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сходился съ людьми, стоявшими неизмѣримо выше его, если не по служебному положенію, то по уму и извѣстности. Подтвердимъ наши слова фактомъ.

По заведенному порядку, лица, пріѣзжавшія въ Тифлисъ, обыкновенно являлись къ главнокомандующему, побуждаемыя къ тому или своими служебными обязанностями, или же изъ простаго приличія къ его общественному положенію. Послѣднее побудило къ тому же и академика Бэра. О свиданіи его съ Муравьевымъ сохранился слѣдующій разсказъ:

К. М. Бэръ въ одинъ изъ пріемныхъ дней, сопровождаемый членами экспедиціи, прибывъ въ домъ главнокомандующаго, былъ введенъ генераломъ Ротомъ въ адъютантскую, гдѣ въ то время находились еще три или четыре посѣтителя, и между ними молодой прапорщикъ или поручикъ одного изъ кавказскихъ полковъ.

Лишь только часы пробили 12, какъ двери кабинета растворились и вошелъ Муравьевъ, тутъ же обратившійся къ академику Бэру, который стоялъ у самаго входа.

— „Кто вы такой?“ спросилъ онъ.

— „Академикъ Бэръ“, былъ отвѣтъ.

— „А за чѣмъ вы здѣсь?"

Бэръ объяснилъ.

— „Ну, извините", продолжалъ Муравьевъ", ничѣмъ не могу вамъ быть полезенъ; вы хлопочете о размноженіи рыбъ, а я — солдатъ, время военное".

— „Я съ удовольствіемъ помогъ бы вамъ, генералъ", возразилъ маститый ученый, наклонивъ голову и разведя руками, „да къ сожалѣнію, слишкомъ уже старъ".

Оставивъ Бэра, онъ обратился къ другимъ присутствовавшимъ и, между прочимъ, къ офицеру, котораго тутъ же пригласилъ къ обѣду.

Тѣмъ аудіенція и кончилась. На слѣдующій день Муравьевъ поѣхалъ къ Бэру съ визитомъ: было ясно, что ему уже сообщили тѣ свѣдѣнія о знаменитомъ путешественникѣ, о которыхъ онъ, къ стыду своему, не имѣлъ понятія, но которыя давнымъ давно были извѣстны всему ученому и образованному міру.

Въ одномъ, полученномъ мною впослѣдствіи, письмѣ академика Бэра изъ Астрахани, куда онъ выѣхалъ 29-го декабря, говоря о Муравьевѣ, онъ называетъ его вандаломъ, примѣняя это слово какъ къ его личности, такъ и къ системѣ его управленія Да и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ознаменовалось намѣстничество Муравьева и какую существенную пользу принесла краю его административная въ немъ дѣятельность? Пользы, отвѣчаемъ, никакой, а скорѣе вредъ, такъ какъ, придираясь къ мелочамъ и упуская изъ виду главныя, существенныя стороны дѣла, онъ усложнялъ переписку и застой въ дѣлопроизводствѣ дошелъ до того, что, по оставленіи имъ края, изъ кабинета его цѣлыми возами вывозились дѣла и бумаги, по коимъ не были даны разрѣшенія. Къ тому же, ко многимъ благимъ начинаніямъ своего предшественника Муравьевъ относился крайне не сочувственно, при чемъ нерѣдко выказывалъ полнѣйшую ретроградность. Такъ, между прочимъ, онъ ничего не хотѣлъ знать о театрѣ; при поднесеніи ему вышедшей тогда книжки „Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества" выразился, что о подобныхъ вещахъ думать еще рано и пр. Удивительно-ли послѣ всего этого, что присутствіе Муравьева въ краѣ, а въ особенности въ Тифлисѣ, съ каждымъ днемъ давало себя чувствовать сильнѣе, и что всякое извѣстіе о его выѣздѣ въ ту или другую часть Кавказа принималось съ непритворнымъ восторгомъ. Послѣднюю поѣздку онъ предпринялъ 3-го марта 1856 года; она была довольно продолжительна и имѣла цѣлью Черноморіе и Ставропольскую губернію. 19-го мая онъ возвратился въ Тифлисъ, а въ іюнѣ, во избѣжаніе жаровъ, поселился въ 12-ти верстахъ отъ города, на одной изъ коджорскихъ дачъ. Здѣсь-то, не

долго спустя, онъ получилъ свое увольненіе, состоявшееся 22-го іюля. Радостное извѣстіе это было истиннымъ торжествомъ для населенія, въ особенности же для служащихъ, и не было, кажется, человѣка, который бы ему не сочувствовалъ. Такое всеобщее ликованіе не скрылось отъ Муравьева, а когда справедливость дошедшихъ до него слуховъ была подтверждена тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ Лукашомъ, то онъ, увѣряютъ, прослезился, убѣдившись въ общемъ нерасположеніи къ себѣ народа. Съ этихъ поръ онъ сталъ задумчивъ, подпавъ впослѣдствіи общей мизантропіи. Да и было, признаться, надъ чѣмъ призадуматься. Нѣтъ ничего грустнѣе и тяжелѣе, какъ разочаровываться въ тѣхъ именно мечтахъ, съ которыми насъ сроднило время и въ которыя мы привыкли такъ тепло вѣрить. Любимою же и самою завѣтною мечтою Муравьева была популярность и слава,—та слава, которая присуща генію, за каковаго онъ всегда признавалъ себя. Но мечта эта оказалась не болѣе, какъ призракомъ, и Муравьевъ вышелъ въ дѣйствительности самымъ обыкновеннымъ смертнымъ, да къ тому же надѣленнымъ общечеловѣческими недостатками съ избыткомъ.

Но чтобы снять съ себя всякое нареканіе въ субъективности нашего воззрѣнія на Муравьева,—въ чемъ, безъ сомнѣнія, не замедлили бы насъ упрекнуть его партизаны,—считаемъ долгомъ оговориться, что мы разсматривали его исключительно съ точки зрѣнія общественнаго дѣятеля; внѣ службы, въ частной жизни онъ могъ быть и другимъ человѣкомъ—это тѣмъ болѣе возможно, что намъ самимъ случалось слышать благопріятные о немъ отзывы отъ людей, близко его знавшихъ.

Мы прилагаемъ къ настоящему очерку 10 писемъ Муравьева къ князю В. О Бебутову; изъ нихъ 7 написаны изъ-подъ Карса, въ лагерѣ при селѣ Чивтлик-гая, на р. Кара-су, а остальныя 3—изъ Тифлиса, во время нахожденія князя Бебутова въ Имеретіи, откуда онъ возвратился въ концѣ января 1856 года. Но, печатая цѣликомъ эти письма, какъ бы въ дополненіе, а отчасти въ подтвержденіе нашего мнѣнія о Муравьевѣ, считаемъ нужнымъ оговориться на счетъ слѣдующаго обстоятельства: въ очеркѣ нашемъ упоминается, между прочимъ, о недовѣрчивости Муравьева и о той увѣренности въ своемъ умѣ, вслѣдствіе которой онъ не уважалъ чужихъ мнѣній, тогда какъ въ приводимыхъ ниже письмахъ онъ не только обращается за совѣтами къ князю Бебутову, но даже, по мѣстамъ, какъ-будто отдаетъ преимущество его знанію и опытности. Очевидно, что одно съ другимъ не согласуется. Мы объясняемъ это кажущееся противорѣчіе такъ: Муравьевъ, дѣйствительно, спрашивалъ у князя

Бебутова совѣтовъ, но только по тѣмъ вопросамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о дѣлахъ, такъ сказать, второстепенныхъ, т. е. такихъ, которыя не сосредоточивали на себѣ его главнаго вниманія. Такъ, напримѣръ, по блокадѣ и штурму Карса онъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, и если обращался къ нѣкоторымъ лицамъ за совѣтами, то никакъ не къ князю Бебутову; совѣтами же другихъ не только не пользовался, но положительно пренебрегалъ ими, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить статья: „Блокада и штурмъ Карса“ (см. „Русская Старина“, т. II, стр. 567—610), составленная по запискамъ генерала Бакланова, одного изъ участниковъ штурма. А потому и самое увѣреніе Муравьева въ одномъ изъ писемъ, что штурмъ Карса былъ долго обдуманъ и рѣшенъ, должно быть отнесено собственно къ нему самому; винить же въ неудачѣ другихъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Что же касается недовѣрчивости Муравьева, то и въ этомъ отношеніи князь Бебутовъ не составлялъ особаго исключенія, не смотря даже на давнишнее ихъ знакомство и совмѣстное служеніе при Ермоловѣ. Вѣдь извѣстно, что Муравьевъ, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, спрашивалъ мнѣнія о немъ у князя Андроникова [1]), который, будучи личнымъ врагомъ князя Бебутова, тѣмъ не менѣе воздержался отъ всякаго сужденія. Еще лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить отзывъ о Муравьевѣ самого Ермолова, который говорилъ: „если съ нимъ вздумаетъ объясниться человѣкъ умный, то онъ не только его не выслушаетъ, но даже и не допуститъ до себя; если же ему поднесетъ къ подписи бумагу какой-нибудь писарь, то онъ ее подмахнетъ, не прочитавши, въ увѣренности, что де-скать посмѣетъ-ли его обмануть писарь?“

Наконецъ, если даже допустить, что Муравьевъ былъ искрененъ къ князю Бебутову, то искренность эта была вынужденною, по извѣстной поговоркѣ, что „одинъ въ полѣ не воинъ“.

19-го августа 1856 г. Муравьевъ отдалъ слѣдующій приказъ, который былъ послѣднимъ его словомъ, обращеннымъ къ войску, и который мы приводимъ до-словно, какъ краснорѣчивое свидѣтельство его грустнаго настроенія въ минуту оставленія края, а съ тѣмъ вмѣстѣ и высокаго мнѣнія о его боевыхъ товарищахъ, такъ глубоко имъ оскорбленныхъ въ письмѣ къ Ермолову изъ Грозной.

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ, впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи, князь Иванъ Малхозовичъ Андрониковъ 1-й, былъ тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ (1849—1856 г.), и въ минувшую войну нашу съ союзниками прославился двумя побѣдами, одержанными надъ турками подъ Ахалцихомъ и на Чолокѣ. Онъ скончался 19-го сентября 1868 г., на 75-мъ году жизни. А. В.

„Отправляясь къ новому назначенію, я, по высочайшему разрѣшенію, объявленному мнѣ военнымъ министромъ, до пріѣзда въ край генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, передаю начальствованіе войсками кавказскаго корпуса генералъ-лейтенанту князю Бебутову. Не долгое время предназначено мнѣ было служить съ вами, воины Кавказа, и принадлежать къ дружной семьѣ вашей. Оставляя васъ въ нынѣшній разъ, можетъ быть, навсегда, приношу вамъ искреннюю признательность мою за тѣ дорогія воспоминанія, которыя во всю жизнь мою пребудутъ незабвенными. Я видѣлъ боевые подвиги ваши, видѣлъ терпѣніе ваше, неразлучное съ достоинствомъ истиннаго воина, видѣлъ въ васъ то безусловное усердіе, которое рождается только послѣ сознанія каждымъ святости обязанностей своихъ,—все это неотъемлемо принадлежитъ вамъ, доблестные сподвижники, преданные царю и долгу своему. Сохраните и вы, почтенные сослуживцы, добрую память о заботахъ и начинаніяхъ моихъ, имѣвшихъ цѣлью въ благоустройствѣ вашемъ соединить пользу службы съ улучшеніемъ быта вашего. Я всегда признавалъ въ васъ одно изъ лучшихъ украшеній и надеждъ возлюбленнаго отечества нашего. Да благословитъ васъ Господь на дальнѣйшіе подвиги!"

Въ самый день отдачи приказа Муравьевъ выѣхалъ изъ Тифлиса. Время его намѣстничества продолжалось 1 годъ, 7 мѣсяцевъ и 23 дня[1]); собственно же онъ пробылъ въ предѣлахъ Кавказа 577 дней[2]), изъ коихъ въ самомъ Тифлисѣ—170, подъ Карсомъ—201 и въ разъѣздахъ по краю—206 дней.

Почти въ тоже самое время, какъ Муравьевъ направлялся на сѣверъ, черезъ Ставрополь, внизъ по Волгѣ, окруженный небольшою свитою, плылъ его преемникъ, которому вскорѣ суждено было сдѣлаться однимъ изъ именитѣйшихъ героевъ Кавказа. Выйдя въ открытое море и высадившись на берегахъ Дагестана, въ Петровскѣ, онъ слѣдовалъ къ древней грузинской столицѣ, которая, 3-го ноября 1856 года, и привѣтствовала новаго намѣстника въ лицѣ князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Ад. П. Берже.

---

[1]) Считая со дня его назначенія, т. е. 29-го ноября 1854 г., по день увольненія, состоявшагося 22-го іюля 1856 года. **А. Б.**

[2]) Считая со дня пріѣзда въ Ставрополь по 19-е августа 1856 года. **А. Б.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письма Н. Н. Муравьева къ кн. В. О. Бебутову.

1855.

1.

От 13-го сентября 1855 г.
Лагерь при сел. Чивтлик-гая, на Карс-чаѣ.

Удивляюсь, какъ князь Мухранскій [1]), при своемъ умѣ, изъ начальниковъ своихъ обратилъ меня въ союзники, дабы выручить генерала Базина [2]). Надобно бы ему нѣсколько времени послужить поближе со мною, чтобы лучше постичь свои обязанности въ этомъ отношеніи. Что же касается до военныхъ соображеній его, въ кругу дѣйствій, ему предоставленномъ, то надѣюсь, что по способностямъ своимъ онъ управится. И изъ писемъ моихъ къ военному министру, постоянно открытыми къ вамъ посылаемыхъ, вы имѣете достаточныя свѣдѣнія о томъ, что у насъ дѣлается. Увѣренъ, что и вы не оставите меня безъ увѣдомленія о происходящемъ со стороны Чернаго моря.

Если у васъ мингрельскій баталіонъ въ Нухѣ свободенъ, то могли бы послать оный, или часть его, въ Шемаху, если бы то было нужно; но сами знаете, хорошо-ли пріучать къ такимъ размѣрамъ войскъ мѣстныхъ начальниковъ. Жили же безъ баталіона; съ весны усилены одною линейною ротою, казалось бы и довольно, а пошлете баталіонъ, такъ не захотятъ и разстаться съ нимъ. Это все вы сами увидите, князь Василій Осиповичъ, какъ лучше сдѣлать, только бы баталіонъ не застрялъ тамъ. Не удобнѣе-ли усилить ихъ изъ Кахетіи сотнями двумя или тремя казаковъ, и то, если бы подлинно было нужно.

Душевно сожалѣю о смерти почтеннаго Іосифа Антоновича [3]). Зналъ я его съ 1816 года, вотъ уже почти 40 лѣтъ. Лукаша [4]) въ совѣтъ (главнаго управленія Закавказскаго края) сажать не слѣдуетъ; пускай дождется въ Тифлисѣ моего возвращенія, тогда и получитъ онъ свое назначеніе.

---

[1]) Генералъ-маіоръ князь Иванъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій, командиръ кавказской резервной гренадерской бригады, во время восточной войны былъ начальникомъ гурійскаго отряда; нынѣ генералъ-лейтенантъ и состоитъ при кавказской арміи. **А. В.**

[2]) Генералъ-лейтенантъ Базинъ, начальникъ резервной дивизіи; онъ игралъ при штурмѣ Карса весьма видную роль. Не удостоясь получить въ то время заслуженной награды, онъ имѣлъ счастіе быть пожалованнымъ Государемъ Императоромъ, не въ примѣръ прочимъ, кавалеромъ св. Георгія 3-го класса въ день празднованія учрежденія этого ордена въ 1872 году. **А. В.**

[3]) Генералъ-лейтенантъ Іосифъ Антоновичъ Реуттъ. Онъ род. въ 1786 году; въ мартѣ 1809 г. поступилъ юнкеромъ въ 9-й (впослѣдствіи 42-й) егерскій полкъ и, посвятивъ всю службу Кавказу, скончался въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ Тифлисѣ, 9-го сентября 1855 года, на 69-мъ году отъ роду. **А. В.**

[4]) Генералъ-маіоръ Николай Евгеніевичъ Лукашъ, впослѣдствіи былъ назначенъ Муравьевымъ тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ. **А. В.**

Благодарю васъ за попеченіе о моемъ здоровьи. Пока еще сохраняется и лучше, чѣмъ я могъ когда-либо ожидать. Силы держутся, вѣроятно, отъ нравственнаго напряженія, въ которомъ пребываю день и ночь.

2.

Отъ 24-го сентября.

Не писалъ къ вамъ особо, потому что открытыя письма къ военному министру довольно объясняютъ вамъ положеніе дѣлъ нашихъ; конечно, чувствительны потери, но изъ 7 т. многіе остались во фронтѣ; и легко раненые, надѣюсь, скоро возвратятся. Непріятель имѣлъ, безъ сомнѣнія, до 4 т. утраты—невозвратной.

Блокада возстановлена была въ день штурма въ томъ же порядкѣ, какъ прежде; теперь все зависитъ отъ времени и погоды. Стерегу Соганлугскій хребетъ, на которомъ показался уже снѣгъ. Сусловъ [1]) угрожаетъ Эрзеруму, куда по слухамъ ожидаютъ прибытія Омера-паши безъ войскъ.

О батумскомъ дессантѣ вы должны знать болѣе меня; по мнѣнію моему, не должно было высадиться болѣе 10 или 12 т.; можетъ быть подвинутся въ Гурію; на то Мухранскій и грозныя многолюдныя милиціи Гуріи и Мингреліи.

Вы уже знаете, что въ ахалцихскомъ отрядѣ, кромѣ кавалеріи и артиллеріи, $10^3/_4$ баталіоновъ, которыхъ частію, въ случаѣ надобности, вы распорядитесь. Къ Ахалциху болѣе чѣмъ набѣга не ожидаю, но имѣйте въ виду, что можетъ случиться и движеніе черезъ Ардаганъ къ Карсу; тогда Базину не слѣдовало бы спускаться къ Ахалциху. Дѣйствія ваши будутъ зависѣть отъ извѣстій, которыя вы получите о непріятелѣ. Меня порадовало, что я нашелъ въ Базинѣ человѣка военнаго и распорядительнаго. До сихъ поръ зналъ только объ его усердіи.

Войска здѣсь очень бодры. Чинимся, и въ этомъ вы намъ помогите, также какъ въ сухаряхъ помогли; нужны и скоро: лекаря, фельдшера, штабъ- и оберъ-офицеры. Если, за обезпеченіемъ стороны къ Имеретіи, остались бы у васъ свободныя пѣхотныя войска, то и тѣхъ пришлите, а я къ вамъ посылаю въ Тифлисъ батарейную батарею. Пособите намъ тоже развозомъ раненыхъ, пока еще погода стоитъ хорошая, по дальнимъ отъ Гумровъ госпиталямъ. Пошлите офицеровъ распорядительныхъ, чтобъ выслать изъ гренадерскихъ штабъ-квартиръ людей, которые тамъ понапрасно проживаютъ.

Не знаю, куда дѣваться съ Журавскимъ [2]), кого бы вы мнѣ на мѣсто его выбрали,—а дѣло это не терпитъ отлагательства.

Невѣровскій [3]) слабъ здоровьемъ; все дѣло ѣдетъ на меньшомъ Кауфманѣ [4]). Кто бы могъ занять хотя временно мѣсто Невѣровскаго?

---

[1]) Генералъ-маіоръ Александръ Алексѣевичъ Сусловъ состоялъ по особымъ порученіямъ при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ и командовалъ во время войны кавалеріею. А. В.

[2]) Генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Журавскій, командиръ 21-й полевой артиллерійской бригады. А. В.

[3]) Генералъ-маіоръ Александръ Андреевичъ Невѣровскій исправлялъ должность начальника штаба при дѣйствовавшемъ корпусѣ. А. В.

[4]) Полковникъ Михаилъ Петровичъ Кауфманъ, нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ и начальникъ главнаго интендантскаго управленія. Старшій братъ его, въ то время также въ чинѣ полковника, нынѣ генералъ-адъю-

Въ замѣщеніи должностей людьми способными ожидаю вашего совѣта, такъ какъ вы болѣе меня въ краѣ знакомы.

3.

От 25-го сентября 1855 г.

По полученнымъ сегодня свѣдѣніямъ, кажется, что десантныя войска всѣ направляются на Чорок-су, и что едва-ли можно будетъ ожидать отъ Батума натиска къ Ахалциху, въ особенности къ Карсу.

Въ Эрзерумѣ все въ томъ же положеніи—войскъ тамъ мало, но кавалерію свою турки выдвинули на Драм-дагъ, противу отряда полковника Хрещатицкаго [1]), на поддержаніе коего генералъ Сусловъ выслалъ одинъ баталіонъ. Вершины Саганлуга въ нынѣшнюю ночь снова покрылись снѣгомъ.

Изъ Карса лазы бѣгутъ большими командами. Сегодня ихъ привели человѣкъ 25, съ начальникомъ и значкомъ. Холера сильно свирѣпствуетъ между жителями Карса и гарнизономъ крѣпости. Жители бѣдствуютъ до крайности. Регулярной конницы и конныхъ баши-бузуковъ почти вовсе не осталось. Изъ регулярной пѣхоты побѣги прекратились. Изъ перелавливаемыхъ жителей Карса иные показываютъ, что продовольствія для войска имѣется тамъ мѣсяца на два, другіе же утверждаютъ, что нѣтъ болѣе, какъ на двѣ недѣли.

Всего болѣе забочусь теперь объ отвозѣ и успокоеніи раненыхъ и о сборѣ фуража. Войска очень бодры и желаютъ новаго боя.

Вы мнѣ присылаете два резервныхъ баталіона; я требовалъ пѣхоты въ такомъ только случаѣ, еслибъ она у васъ оставалась свободною, за обезпеченіемъ лезгинской линіи и стороны къ Имеретіи; поэтому я заключаю, что вы не предвидите въ нихъ надобности. Впрочемъ, въ распоряженіи вашемъ, въ крайности, остается сильный ахалцихскій отрядъ генералъ-маіора Базина.

Буду ожидать присылки штабъ-и оберъ-офицеровъ, лекарей и фельдшеровъ, въ которыхъ имѣю надобность. Знаю, что полковникъ Коргановъ [2]) человѣкъ весьма способный, но послѣ слышаннаго мною о поступкахъ его въ Гуріи не рѣшаюсь принять его.

тантъ, генералъ-лейтенантъ и начальникъ Туркестантской области. Оба брата командовали кавказскимъ саперныхъ баталіономъ и оставили по себѣ добрую память въ краѣ. А. В.

[1]) Полковникъ Александръ Павловичъ Хрещатицкій 2-й, командиръ 23-го донскаго казачьяго полка; нынѣ генералъ-лейтенантъ и походный атаманъ. А. В.

[2]) Полковникъ Іосифъ Ивановичъ Коргановъ. Поступки, на которые намекаетъ ниже Муравьевъ, относятся къ тому времени, когда Коргановъ состоялъ начальникомъ штаба при кутаисскомъ военномъ губернаторѣ. Извѣстно, что онъ, находясь въ Озургетахъ, въ Гуріи, съ тремя баталіонами Литовскаго полка и одной батареей 13-й артиллерійской бригады, не принялъ никакихъ мѣръ къ выручкѣ николаевскаго поста, перешедшаго въ руки башибузуковъ. Впослѣдствіи Коргановъ былъ начальникомъ лѣваго фланга лезгинской линіи, а затѣмъ командующимъ войсками въ Абхазіи. Будучи въ чинѣ генералъ-маіора, онъ, въ 1861 году, былъ уволенъ княземъ Барятинскимъ отъ этой должности и, выйдя въ отставку, участвовалъ въ откупу сальянскихъ рыбныхъ промысловъ. Онъ скончался въ 1871 году. А. В.

Не увѣренъ, чтобы непріятель сталъ наступательно дѣйствовать въ Гуріи, во всякомъ случаѣ онъ не пойдетъ далѣе рѣки Сунсы: тамошнія грязи стоютъ доброй крѣпости.

Теперь вся задача состоитъ въ количествѣ продовольствія, имѣющагося въ Карсѣ. По ходу дѣла и имѣющимся у меня свѣдѣніямъ можно полагать, что у турокъ есть хлѣба скорѣе на двѣ недѣли, чѣмъ на два мѣсяца; но разсчитывать дѣйствіями своими долженъ по послѣднему, дабы не ошибиться въ первомъ.

P. S. Врангелю [1]), слышно, назначаютъ 2-ю пѣхотную дивизію.

У насъ все покойно; ловимъ лазовъ, выбѣгающихъ изъ Карса.

Ермоловъ [2]) строитъ для меня домъ, въ который помѣщу пріятеля нашего Касим-хана [3]), когда пріѣдетъ.

4.

От 5-го октября 1855 года.

Открытое письмо къ военному министру покажетъ вамъ, въ какомъ состояніи у насъ здѣсь идетъ дѣло. Жители Карса истинно бѣдствуютъ и стоятъ не за насъ, а противу насъ. Сколько времени гарнизонъ устоитъ противъ получаемой на человѣка въ сутки дачи—по драхмѣ хлѣба, безъ мяса, коего выдача, по показаніямъ многихъ, уже трое сутокъ какъ прекратилась,—того опредѣлить не могу.

Благодарю васъ за распоряженія о раненныхъ. По доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, они въ хорошомъ положеніи и съ добрымъ духомъ.

Долженъ сказать вамъ слово о Невѣровскомъ: не имѣю прямаго повода полагать его въ числѣ дурныхъ людей; сколько онъ по письменной части способенъ, не имѣлъ случая испытать,—полагаю, что онъ ее знаетъ. Усердіе его ограничивается кругомъ дѣйствія, къ которому онъ привыкъ; но нахожу, что онъ не охотно предается занятіямъ внѣ своего обычая. Съ картой обходиться не привыкъ, въ полѣ практики никакой не имѣетъ, а въ бумагахъ смотритъ только на отписку, не заботясь о цѣли;—въ этомъ онъ меня убѣдилъ, въ особенности однимъ случаемъ, повредившимъ тогда и дѣлу. Все это я бы перенесъ, но меня увѣряли, что онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ; я его, впрочемъ, мало вижу.

---

[1]) Генералъ-маіоръ баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель. Онъ началъ службу въ Преорбаженскомъ полку и, по прибытіи на Кавказъ, состоялъ адъютантомъ при главнокомандовавшемъ баронѣ Розенѣ; въ 1837 году, во время бытности въ Тифлисѣ императора Николая, былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ и назначенъ командиромъ Ширванскаго полка. Впослѣдствіи онъ занималъ должности: военнаго губернатора въ Шемахѣ, начальника 20-й дивизіи и лѣваго фланга кавказской линіи, 2-й гвардейской дивизіи, командующаго войсками въ Дагестанѣ, гдѣ въ 1859 году участвовалъ при взятіи Гуниба; затѣмъ командовалъ корпусомъ, а нынѣ состоитъ членомъ военнаго совѣта. А. В.

[2]) Капитанъ гвардіи Клавдій Алексѣевичъ Ермоловъ. А. В.

[3]) Касим-ханъ, бывшій персидскій консулъ въ Тифлисѣ. Онъ въ 1855 году состоялъ совѣтникомъ при чрезвычайномъ посольствѣ Аббас-Кули-хана, отправленнаго шахомъ для поздравленія Государя Императора съ восшествіемъ на престолъ. А. В.

Мнѣніе ваше по дѣлу о Журавскомъ совершенно такъ, и я бы не замедлилъ назначеніемъ на его мѣсто Ктитарева [1]), если бы рекомендуемый на мѣсто сего Цумпфортъ [2]), коего знаю за ревностнаго и боеваго штабъ-офицера, не имѣлъ привычки, какъ я слышалъ, играть въ карты. Сколько это справедливо, не знаю; но если засимъ вы не будете мнѣ вторично рекомендовать Цумпфорта для Шуши, то прошу васъ избрать другаго.

Сколько вы съ меня сложили заботъ съ пріемомъ, въ отсутствіе мое, персидскаго посла [3]). Буду ожидать пріѣзда Касим-хана, котораго приму въ выстроенномъ возлѣ палатки моей домикѣ.

Скажите Лукашу, что если-бы поѣздка его ко мнѣ мало мальски затрудняла его, то отложилъ бы оную. Богъ дастъ, и безъ того скоро свидимся.

Пріѣхалъ сюда генералъ Васмундъ [4]); мѣсто его въ Кахетіи осталось празднымъ. Прошу васъ безотлагательно назначить туда, вмѣсто его, начальника дѣльнаго, который остался бы тамъ до роспуска кавалеріи, безъ чего можетъ пропасть втунѣ сухой фуражъ, да и вамъ трудно будетъ распорядиться.

Кажется мнѣ, нельзя миновать прибавки почтовыхъ лошадей по тракту отъ Александрополя до Тифлиса, частію по большому разгону, частію же по неисправности содержателей станцій. По послѣдней причинѣ неминуемо будетъ поставить въ отвѣтственность тѣ губернскія власти, на попеченіи коихъ дѣло сіе лежитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ есть большія упущенія съ ихъ стороны.

Аларминстовъ вездѣ и всегда бываетъ довольно; онлардан экcикъ дегюль [5]). Этихъ людей утѣшеніе—всякая неудача, не смотря даже, касается-ли она общаго дѣла. Они же, можетъ быть, будутъ сожалѣть объ успѣхѣ, если Богъ пошлетъ. Изъ хода дѣлъ вы видите, что обстоятельства не такъ дурны: есть войска, хлѣбъ, фуражъ и деньги,—нужно терпѣніе.

P. S. Маіора Джафар-агу [6]) курды обвиняютъ бездоказательно въ предательствѣ. Вы его знаете; скажите, можно-ли этимъ слухамъ давать вѣру?

5.

От 14-го октября 1855 года.

Хотѣлъ-было своеручно отвѣчать на письмо ваше отъ 11-го октября, сегодня полученное, но до сихъ поръ не могъ; а теперь нѣсколько уморился и разсудилъ, что въ торопяхъ напишу не связно и васъ только больше затрудню,—почему и рѣшился лучше продиктовать письмо, на что избралъ Александра Корсакова [7]).

---

[1]) Полковникъ Иванъ Леонтьевичъ Ктитаревъ былъ сначала комендантомъ гор. Шуши, а потомъ Александрополя.

[2]) Полковникъ Юлій Карловичъ Цумпфортъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, человѣкъ весьма способный. Онъ служилъ въ Мингрельскомъ егерскомъ полку и былъ впослѣдствіи комендантомъ г. Шуши.

[3]) Сейф-уль-мулькъ-Аббас-Кули-ханъ.

[4]) Генералъ-маіоръ Васмундъ, бывшій командиръ Терскаго казачьяго полка.

[5]) Въ переводѣ съ татарскаго: ихъ (т. е. аларминстовъ) довольно.

[6]) Маіоръ (нынѣ генералъ-маіоръ) Джафар-ага, начальникъ курдовъ въ Эриванской губерніи. А. В.

[7]) Подпоручикъ гвардейской конной артиллеріи Александръ Семеновичъ Корсаковъ, любимецъ Муравьева. Онъ былъ посланъ къ Государю Императору съ извѣстіемъ о сдачѣ Карса и пожалованъ во флигель-адъютанты. А. В.

Отвѣчаю на письмо ваше по статьямъ. Вы пишете, что непредвидѣнныя обстоятельства были причиною измѣненія первоначальнаго моего плана, что и принудило меня измѣнить терпѣнію, коимъ теперь вооружаюсь. Выраженіе сіе требуетъ возраженія. Если обстоятельства заставили меня перемѣнить первоначальный планъ мой, то ужъ перемѣна эта не могла произойти отъ нетерпѣнія; если же допустить, что нетерпѣніе мое было тому причиною, то изложеніе измѣнившихся обстоятельствъ должно быть несправедливо. Одно съ другимъ не согласуется. Не буду повторять причинъ, побудившихъ меня къ штурму—это былъ общій голосъ, и вамъ причины эти довольно извѣстны изъ моихъ писемъ къ Государю и военному министру.

Меня удивило, что, послѣ сорокалѣтняго знакомства нашего, вы могли еще полагать во мнѣ недостатокъ терпѣнія — качество, въ которомъ я изощренъ еще съ молодыхъ лѣтъ моихъ и въ которомъ, конечно, уже не способенъ измѣниться на 62-мъ году моей жизни. Могли-ли вы полагать, что я побуждаемъ былъ мелочными видами—скорѣе пріобрѣсти славу, за которою и не думаю гнаться въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, имѣя въ предметѣ только пользу общаго дѣла и рѣшительно болѣе ничего. Повторяю, дѣло приступа было долго обсуждаемо, обдумано и рѣшено. Не упустилъ я и тогда изъ виду, что, въ случаѣ неудачи, будутъ пересуды; но это не могло меня остановить, какъ и теперь не измѣнятъ моего взгляда и моихъ дѣйствій сужденія другихъ послѣ совершившагося дѣла. Къ сожалѣнію, не слыхалъ мнѣнія ихъ до дѣла.

Не оскорбляюсь я вашимъ сужденіемъ, какъ человѣка, мнѣ близкаго, но сожалѣю, что вы меня до сихъ поръ мало познали.

Касательно Ктитарева и Цумпфорта буду руководствоваться вашимъ мнѣніемъ.

Назначеніе генерала Лукаша, какъ вамъ извѣстно, не могу еще опредѣлить, пока существуетъ начальствованіе отъ Нухи до Арагвы; но съ возвращеніемъ въ Тифлисъ прежде всего займусь симъ важнымъ дѣломъ. Лукашъ сегодня выѣхалъ обратно.

Жаль, что вамъ некого было поставить на мѣсто Васмунда. Слышно, что съ ячменемъ казаки тамъ управляются не по надлежащему; сколько это справедливо—не знаю.

Касим-хана я здѣсь не задержалъ, и, кажется, онъ поѣхалъ довольный нами. Хотя я мало забочусь о разсѣваемыхъ врагами моими слухахъ, но распространяемыя неблагонамѣренными людьми ложныя извѣстія могутъ имѣть дурное вліяніе въ народѣ. Я знаю, что вы заботитесь о прекращеніи ихъ, а Касим-ханъ, надѣюсь, намъ въ этомъ поможетъ, ибо онъ, сколько умѣлъ, убѣдился въ истинѣ, что здѣсь все идетъ хорошо.

На Джафар-агу доносили не курды, а, къ сожалѣнію, подозрѣваютъ его въ предательствѣ наши русскіе служащіе и турецкіе армяне; но я сему не вѣрилъ и буду руководствоваться вашимъ мнѣніемъ въ семъ отношеніи.

Въ письмѣ моемъ къ военному министру вы найдете довольно вѣрныя свѣдѣнія о силахъ Омер-паши. Что нужно будетъ, передайте князю Мухранскому. Между тѣмъ, распорядитесь такъ, чтобы князь Мухранскій почаще сообщалъ объ извѣстіяхъ и слухахъ въ его сторонѣ. Въ настоящее время очень любопытно знать о состояніи погоды, дорогъ и рѣкъ въ Мингреліи и Гуріи, о чемъ мнѣ нужно имѣть почаще свѣдѣнія.

Никто лучше васъ не найдетъ способа успокоить жителей Имеретіи, кото-

рую вы знаете вдоль и поперегъ. Въ Кутаисѣ нужно имѣть, за отсутствіемъ князя Мухранскаго, человѣка, заслуживающаго общее довѣріе.

Передайте также генералу Козловскому [1]), что въ письмѣ моемъ къ военному министру писано объ Карачаѣ и англичанинѣ Лонгвуртѣ [2]). Хорошо бы его уловить, когда будетъ онъ пробираться къ Шамилю.

Не полагаю, чтобы Омер-паша въ нынѣшнемъ году тронулся съ мѣста; не думаю также, чтобы Селимъ или Вели-паша перешелъ Саганлугъ въ такое позднее время года,—но тутъ и тамъ надобно взять заблаговременно мѣры для встрѣчи.

Что относится до Невѣровскаго, то я, можетъ быть, не долженъ былъ выразиться, что не имѣю прямаго повода полагать его въ числѣ дурныхъ людей, ибо, какъ вы справедливо замѣчаете, когда нѣтъ прямаго повода, то могутъ еще быть косвенные,—я къ тому и косвеннаго повода не имѣю; но признаюсь вамъ, что, по строгому обсужденію, едва-ли всегда можно лѣниваго человѣка причислить къ разряду хорошихъ людей.

Вамъ также непріятно будетъ узнать, что я былъ постоянно недоволенъ княземъ Яссе Андрониковымъ [3]), которому давалъ нѣсколько случаевъ показать свое умѣнье въ службѣ передовой кавалеріи и постовъ, въ чемъ онъ не оправдалъ ни ожиданій, ни желаній моихъ, такъ что я его уже нахожу здѣсь совершенно излишнимъ.

Съ другой стороны, я не могу довольно нахвалиться трудолюбіемъ и пользою которую постоянно приноситъ здѣсь вами-же избранный Лорисъ-Меликовъ [4]),—человѣкъ этотъ незамѣнимый. Очень хорошъ и, назначенный вами въ должность дежурнаго штабъ-офицера, меньшой Кауфманъ; на немъ все дѣло ѣдетъ. Племянникъ вашъ, молодой князь Мухранскій [5]), офицеръ расторопный и усердный. Отлично также старателенъ и полезенъ александропольскій уѣздный начальникъ Фон-Воюцкій [6]).

6.

От 16-го октября 1855 года.

Донесеніе князя Мухранскаго, съ извѣстіемъ о выступленіи перваго эшелона турецкихъ войскъ 2-го октября къ р. Кодоръ, пролежало безъ доклада

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ Викентій Михайловичъ Козловскій, временно командовавшій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи. А. В.

[2]) Военный агентъ, присланный англійскимъ правительствомъ во время восточной войны къ горцамъ, съ цѣлью руководствовать дѣйствіями противъ насъ Магомед-Амина и Шамиля. А. В.

[3]) Князь Яссе Андрониковъ состоялъ при кавказской арміи по кавалеріи; человѣкъ весьма сомнительнаго поведенія. Онъ былъ женатъ на вдовѣ, князя Абхазова, извѣстнаго при А. П. Ермоловѣ генерала. А. В.

[4]) Полковникъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, Михаилъ Таріеловичъ Лорис-Меликовъ состоялъ при главнокомандовавшемъ по особымъ порученіямъ; нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ и начальникъ Терской области. А. В.

[5]) Князь Николай Давидовичъ Мухранскій, нынѣ полковникъ гвардіи и въ отставкѣ. А. В.

[6]) Титулярный совѣтникъ Петръ Францовичъ Фонъ-Воюцкій, нынѣ статскій совѣтникъ и членъ елисаветпольскаго губернскаго, по поселянскимъ дѣламъ, присутствія. А. В.

мнѣ два дня, по ошибкѣ съ другими бумагами, менѣе важными. Свѣдѣнія, въ этомъ рапортѣ изложенныя, озаботили бы меня, еслибъ я не получилъ писемъ вашихъ отъ 11-го и 13-го октября, изъ которыхъ въ послѣднемъ вы пишите, что тревожныхъ слуховъ изъ Гуріи пока не имѣется. Между тѣмъ, въ одномъ турецкомъ письмѣ, найденномъ брошеннымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ казаки наши взяли почту, и коего переводъ при семъ прилагаю [1]), говорится тоже о предполагаемомъ движеніи Омер-паши изъ Сухума. Свѣдѣнія, заключающіяся въ письмѣ этомъ, кажется, не заслуживаютъ большаго довѣрія, потому что, судя по цифрамъ войскъ, какія считаются въ Сухумѣ, очевидно много увеличенныхъ; это есть успокоительное или ободряющее письмо для гарнизона карсскаго. Не думаю, чтобы Омер-паша былъ въ состояніи двинуться впередъ: позднее время года, дурныя дороги и грязи, о которыхъ я, впрочемъ, не имѣю еще положительныхъ извѣстій,—не весьма значительныя силы, которыми онъ располагаетъ,—ибо по англійскимъ письмамъ той же почты у него было еще не болѣе 6 т. регулярнаго войска,—не позволятъ ему предпринять рѣшительное наступательное дѣйствіе. Если бы онъ и перешелъ за Ингуръ, то князь Мухранскій, надѣюсь, дастъ ему первый отпоръ. Судя также по одному изъ англійскихъ писемъ, въ которомъ положительно говорится, что Омер-паша будетъ дѣйствовать для отвлеченія силъ нашихъ отъ Карса, не непосредственно, а косвенно (indirectement), надо думать, что все это есть лишь демонастрація со стороны Омер-паши для отвлеченія насъ отъ Карса, или же движеніе въ Самурзаканъ по настоянію Михаила Шарвашидзе [2]), чего онъ всегда домогался.

---

[1]) Письмо ардаганскаго мудира Хусейн-бека къ бригадному командиру Хафиз-пашѣ, въ Карсъ, отъ 8 сафара (6-го октября):

«По причинѣ случившагося въ Пенякѣ происшествія, я, выѣхавъ оттуда съ моимъ семействомъ, прибылъ въ Ливанъ; а какъ носились слухи о прибытіи сердаря экрема (Омера-паши) въ Батумъ, съ намѣреніемъ отправиться въ Карсъ, то я рѣшился ѣхать представиться его свѣтлости. Онъ изволилъ подробно меня разспрашивать о положеніи русскихъ и я ему все доложилъ, упомянувъ и о ревности, и необыкновенной храбрости каждаго изъ воиновъ нашихъ, во все время осады Карса русскими. Извѣстіе это чрезвычайно порадовало его свѣтлость. Когда въ разговорахъ я коснулся нашего благодѣтеля Реис-паши, называя его Баба-пашей, то сердарь спросилъ: «кто это такой?» Я отвѣчалъ, что это Керим-паша, что всѣ его теперь такъ титулуютъ, и объявилъ, что онъ теперь составляетъ нашу надежду и подпору. Это обстоятельство также чрезвычайно понравилось сердарю.

«Онъ объявилъ мнѣ, что пойдетъ на Тифлисъ. Подъ его начальствомъ будетъ состоять, вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ и съ войскомъ, привезеннымъ изъ Севастополя и Варны, съ Абди-пашею, всего 60 т. регулярнаго войска съ которымъ онъ двинется изъ Сухума. 5-го числа сего мѣсяца, въ понедѣльникъ, армія выступаетъ изъ Сухума по волѣ его свѣтлости. Да вспомоществуетъ ему Богъ! Въ 10 или 15 дней, Кутаисъ и тамошнія мѣста, безъ сомнѣнія будутъ покорены и заняты. Очевидно, что русскіе отступятъ и изъ-подъ Карса. Я, вашъ покорный слуга, предвижу великія торжества. Теперь пока вкратцѣ докладываю вамъ; Богъ дастъ, при свиданіи съ вашимъ высокостепенствомъ подробно порадую васъ этимъ извѣстіемъ».

[2]) Владѣтельный князь Абхазіи.

Оставить Карса я не располагаю, ибо 1) я лишился бы тѣмъ надежды овладѣть этимъ пунктомъ, и 2) съ приближеніемъ нашимъ, что потребуетъ много времени, непріятель, отступивъ, достигнулъ-бы своей цѣли,—и, слѣдовательно, также большихъ результатовъ отъ того нельзя ожидать.

Повторяю мнѣніе мое, что для успокоенія имеретинъ, которыхъ встревожила высадка Омер-паши въ Сухумъ, я бы полагалъ весьма полезнымъ послать туда человѣка разумнаго, твердаго, который бы пользовался или могъ пріобрѣсти довѣріе народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ княземъ Мухранскимъ (что вы думаете о графѣ Штейнбокѣ? я его мало знаю, но слышалъ, что онъ человѣкъ съ духомъ); надѣюсь, что вы такого найдете, хотя бы и не между военными,—считаю эту мѣру необходимою.

Передавая вамъ все сіе, я прошу васъ сообщить мнѣ свое мнѣніе о состояніи дѣлъ къ сторонѣ Чернаго моря: я увѣренъ, что и вы не упустите изъ виду заблаговременно принять дѣятельныя мѣры къ отраженію всякаго натиска съ той стороны; у васъ теперь будетъ свободна часть войскъ, находящихся на лезгинской линіи, и вы можете всегда, въ случаѣ нужды, выдвинуть нѣкоторую часть таковыхъ изъ ахалцихскаго отряда. Думаю, что неизлишнимъ было бы собрать опять, какъ то было сдѣлано съ весны, небольшую часть войска около Зурнабада [1]), для наблюденія за мусульманскими провинціями, которыхъ, впрочемъ, много успокоитъ уже проѣздъ персидскаго посла.

Въ дополненіе прибавлю, что появленіе турецкихъ войскъ изъ Эрзерума на Саганлугѣ могло бы быть событіемъ болѣе въ нашу пользу; буду стеречь появленіе сего на Котанлинскихъ равнинахъ; но мало надѣюсь на это,—Сусловъ будетъ у нихъ въ тылу.

Карсъ, по всѣмъ указаніямъ, бѣдствуетъ: въ гарнизонѣ за берёгами 600 артиллерійскихъ лошадей; когда кавалерія уничтожилась, то стали выдавать лошадей этихъ подъ всадниковъ, но и тѣхъ погибло 300,—осталось 300 артиллерійскихъ, которыхъ на дняхъ скомплектовали опять до 600 изъ числа офицерскихъ лошадей; но и тѣ всѣ изнурены и едва-ли могутъ служить. Между тѣмъ, побѣги почти вовсе прекратились; бѣглыхъ воздерживаютъ и разстрѣливаніемъ, и надеждою на скорую помощь; а тѣ, которые изрѣдка показываются, приходятъ совсѣмъ голодные. Удивительно, какою силою это до сихъ поръ держится, и потому трудно опредѣлить, сколько еще продлится такое состояніе. Оторваться мнѣ отъ Карса не приходится.

Займитесь Мингреліею; я надѣюсь, что все нужное для сбереженія Мингреліи и Гуріи будетъ сдѣлано. Вы вѣрно обратили вниманіе на извѣстныхъ вамъ 4-хъ Дадіановъ [2]). Это дѣло близко въ связи съ дѣлами князя Михаила и жены его. Богъ дастъ, прежде мѣсяца будетъ развѣдка всей кампаніи. Я ожидаю вашего мнѣнія.

P. S. Сейчасъ узналъ, что Вилліамсъ и иностранцы продали Муширу въ казну своихъ лошадей подъ артиллерію.

---

[1]) Близъ Елисаветополя.

[2]) Князья Константинъ, братъ его Григорій, Георгій (тесть князя Михаила Шарвашидзе) и правительница Мингреліи—княгиня Екатерина Александровна Дадіани. А. В.

7.

От 13-го ноября 1855 года.

Сего числа обѣдалъ у меня генералъ Вилліамсъ, который, въ качествѣ уполномоченнаго отъ Мушира, подписалъ условія сдачи Карса. Завтра онъ мнѣ привезетъ окончательный отвѣтъ отъ Васиф-паши. Спѣшу сообщить вамъ это извѣстіе, а между тѣмъ прошу съ нарочнымъ прислать мнѣ ваше предположеніе, какъ поступить съ военно-плѣнными, которыхъ будетъ много. Не полагаете-ли лучше направить ихъ на Баку, чѣмъ плѣнные избѣгнутъ неудобства проходить чрезъ горы въ суровое зимнее время,—и могутъ-ли они зимовать въ Баку, если бы сообщеніе моремъ съ Астраханью было бы невозможно. Прошу васъ также представить полный докладъ о томъ, какъ вы полагаете ихъ обезпечить одеждою.

Плѣнные будутъ отправлены отсюда чрезъ Делижанское ущелье, гдѣ они должны встрѣтить уже ваши распоряженія.

P. S. А если простымъ путемъ на Тифлисъ ихъ направить? Но на Тифлисъ, какъ вы думаете? Вамъ лучше извѣстны средства. Чрезъ Тифлисъ будетъ эффектнѣе.

15-го (ноября) всѣ условія сдачи подписаны по довѣренности, данной Муширомъ Вилліамсу. Завтра передача въ 10 часовъ утра: Муширъ, Керим-паша и Вилліамсъ, со всѣми англичанами и всѣмъ войскомъ—военноплѣнные; 6,000 редифовъ, по обезоруженіи ихъ, будутъ отпущены въ домы; прочіе 11,000 возьмутся въ плѣнъ; вся артиллерія и все, что въ крѣпости есть, сдастся по опискамъ. Еще счеты не сведены ни людямъ, ни оружію; множество оружія и имущества,—130 орудій. Не Карсъ отъ Омер-паши будетъ зависѣть, а Омер-паша отъ Карса. Поздравляю и обнимаю васъ. Пошлите поскорѣе денегъ Базину, чтобы хлѣба купить въ Ардаганѣ. Завтра, въ 10 часовъ, все должно кончиться; тогда и курьеръ.

8.

Тифлисъ, 11-го декабря 1855 года.

Пріѣхалъ я сюда 7-го декабря и какъ ни пріятно было бы для меня видѣться съ вами, но признаюсь, порадовался тому, что вы въ Имеретіи: лучше васъ никто не знаетъ тамошнихъ дѣлъ; лучше васъ никто не успокоитъ край и не погаситъ личныхъ междоусобій, возродившихся послѣ попытки, сдѣланной Омер-пашею [1].

Всякое рѣшеніе съ моей стороны до точнаго узнанія дѣла могло бы быть неумѣстнымъ, но съ правомъ, вамъ предоставленнымъ, вы, будучи на мѣстѣ, можете хотя сколько-нибудь возстановить порядокъ.

Прошу васъ, князь Василій Осиповичъ, въ такомъ случаѣ устранить всякое снисхожденіе къ лицу, если бы то оказалось необходимымъ. Трудно и едва-ли возможно въ такомъ состояніи достигнуть порядка, оставивъ дѣйствующими лицами допустившихъ безпорядокъ и между собою враждующихъ ко всеобщему вреду.

Мнѣ кажется, что правительница должна менѣе вступаться въ дѣло при

---

[1]) Здѣсь дѣло идетъ о несогласіяхъ между владѣтелемъ Абхазіи—княземъ Михаиломъ Шарвашидзе и правительницею Мингреліи—княгинею Екатериною Александровною Дадіани, лично ненавидѣвшихъ другъ друга. А. В.

настоящихъ обстоятельствахъ и что князь Мухранскій не можетъ тамъ болѣе оставаться. Генералъ-маіоръ Бруннеръ [1]), говорятъ, человѣкъ съ головою, а другаго въ настоящее время не имѣю въ виду. Сдѣлайте, какъ разумѣете.

Если мингрельцы показали слабость, то надобно быть къ тому снисходительнымъ, потому что они, какъ подчиненные, могли быть вовлечены раздорами начальства ихъ и распоряженіями, несоотвѣтствующими обстоятельствамъ.

Истинные виновники изъ нихъ не замедлятъ сами оказаться.

Весьма важное дѣло—продовольствіе войскъ; какъ не будетъ пшеницы, такъ рады будемъ и кукурузѣ, и гоміи [2]); не признаете-ли вы полезнымъ теперь уже озаботиться заготовленіемъ сихъ предметовъ на мѣстѣ.

Другой предметъ:

Омер-паша, кажется, уберется безнаказанно; но развѣ грязи и снѣгъ не составляютъ для отступающаго такое же препятствіе, какъ и для преслѣдующаго; развѣ мы въ этомъ случаѣ не имѣемъ передъ нимъ преимущество мѣстнаго вооруженнаго народонаселенія? Нужно только коснуться для того настоящихъ пружинъ — и вы, чуждый личностямъ, ихъ вѣрно найдете.

Омеръ долженъ поплатиться за сожженіе нашихъ запасовъ.

Не имѣю надобности убѣдительно просить васъ о сбереженіи войскъ; вы знаете, какъ они драгоцѣнны будутъ въ будущемъ году, и вы вѣрно сдѣлаете въ семъ отношеніи все, что отъ васъ зависитъ. Желаю вамъ здравія и успѣха.

9.

Отъ 19-го декабря 1855 г.

Неоднократно изъ разговоровъ съ находящимися у насъ въ плѣну турецкими пашами я имѣлъ случай удостовѣриться не только въ нерасположеніи ихъ къ англичанамъ, но и въ явной ихъ недовѣрчивости вообще къ намѣреніямъ ихъ союзниковъ въ отношеніи къ Турціи,—при томъ еще сознаніи, что хотя они и принуждены воевать съ нами, но вполнѣ цѣнятъ доброе обхожденіе русскихъ и безкорыстіе, съ которымъ мы поддержали нѣкогда власть покойнаго султана Махмуда, при весьма критическихъ обстоятельствахъ.

Эти мысли, какъ по всему замѣтить можно, имѣютъ отголосокъ между мусульманами Турціи и они для насъ тѣмъ болѣе выгодны, что, распространяясь и въ здѣшнемъ краѣ, должны имѣть полезное вліяніе на народонаселеніе Кавказа.

Соображая это обстоятельство съ ходомъ, который начинаютъ принимать дѣла наши въ Мингреліи, я нахожу, что было бы не безъ пользы во многихъ отношеніяхъ, чтобы вдовствующая владѣтельница Мингреліи княгиня Дадіани не оставила безъ отвѣта послѣднее письмо, полученное ею отъ Омер-паши,—и вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ могъ бы состоять этотъ отвѣтъ: «княгиня Екатерина Александровна написала бы, что она промедлила нѣ-

---

[1]) Генералъ-маіоръ Бруннеръ изъ офицеровъ генеральнаго штаба. Онъ началъ службу на Кавказѣ; впослѣдствіи уѣхалъ въ Россію, гдѣ командовалъ Брестскимъ полкомъ, съ которымъ снова пришелъ на Кавказъ, гдѣ потомъ получилъ бригаду; нынѣ командующій войсками Казанскаго военнаго округа.

[2]) Гоми — родъ проса, составляющее любимую пищу имеритинъ, мингрельцевъ и гурійцевъ. А. В.

сколько отвѣчать на присланное ей письмо по той причинѣ, что содержащіяся въ ономъ предложенія и угрозы, выходя изъ круга обыкновенныхъ дѣлъ, поставили ее въ весьма затруднительное положеніе и даже въ незнаніе: слѣдуетъ-ли ей входить въ переписку по столь важному предмету, превосходящему ея разумѣніе и ограниченную власть, которая ей предоставлена,—какъ попечительницѣ своего малолѣтняго сына, находящагося со всѣмъ народомъ мингрельскимъ подъ высокимъ покровительствомъ императора всероссійскаго: а потому она, по долгомъ размышленіи о предстоящихъ обстоятелтствахъ, рѣшилась передать ему, Омер-пашѣ, свое убѣжденіе, что если дѣйствительно онъ имѣетъ въ виду какія-либо благопріятныя предложенія или сообщенія, то лучшій путь для соотвѣственныхъ объясненій есть: представить таковыя прямо отъ себя главнокомандующему на Кавказѣ—генералу Муравьеву,—тому самому, который издавна знаетъ его, Омер-пашу, и безошибочно можетъ судить о всякихъ его предложеніяхъ и, бывъ въ прежнее время однимъ изъ сподвижниковъ памятнаго для Турціи событія—поддержанія престола султана Махмуда, и нынѣ не откажется, какъ намѣстникъ Государя Императора на Кавказѣ, выслушать и уважить всякое слово, съ искренностью выраженное, если оно будетъ имѣть цѣль благую».

Таковый отзывъ мнѣ кажется весьма приличнымъ и устранитъ отъ княгини Екатерины Александровны всякія непріятныя запутанности; между же тѣмъ, дастъ почувствовать Омер-пашѣ, что дальнѣйшія его попытки относительно владѣтельницы Мингреліи останутся безъ успѣха, а съ другой стороны, укажетъ ему дорогу на случай, если бы, при какомъ либо нечаянномъ переворотѣ, онъ рѣшился войти въ секретные съ нами переговоры.

Передавая все вышеизложенное обсужденію вашему, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство, взвѣсивъ эти мысли съ обстоятельствами на мѣстѣ и сообразивъ оныя съ собственнымъ взглядомъ вашимъ на дѣла, дать настоящему предположенію надлежащій ходъ, если вы это признаете равномѣрно полезнымъ.

10.

Отъ 2-го января 1856 года.

По изустнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ нашимъ достойнымъ княземъ Малакіемъ [1]), должно полагать, что турецкія войска, укрѣпляющія свой лагерь впереди Хопи, располагаютъ зимовать въ Мингреліи. Сего непріятнаго обстоятельства, конечно, не случилось бы, если бы не были сожжены провіантскіе наши запасы, ибо подкрѣпленія, пришедшія уже къ генералу Мухранскому, при усиленіи ихъ приведенными мною еще войсками изъ Александрополя, легко бы сбили Омер-пашу съ позиціи и загнали бы его въ Редут-Кале.

По несчастію, встрѣтилось еще новое обстоятельство, вамъ, вѣроятно, уже извѣстное: это неустойка подрядчика Тамамшева [2]), о коей я узналъ только на другой день пріѣзда своего въ Тифлисъ. Дѣло это дошло до такой степени, что я вынужденъ былъ приняться за крайнія мѣры, дабы обезпечить продовольствіе собранныхъ сюда войскъ, и еще далеко не увѣренъ въ томъ,

[1]) Штабсъ-капитанъ милиціи князь Малакія Гуріели. Онъ былъ переведенъ въ гвардейскій казачій полкъ съ чиномъ поручика и командовалъ милиціею на гурійской границѣ. А. В.

[2]) Почетный потомственный почетный гражданинъ Гавріилъ Тамамшевъ. А. В.

чтобы мѣры сіи имѣли успѣхъ; но если бы дѣло это и удалось, то войска останутся только при насущномъ своемъ продовольствіи, а запасовъ не будетъ.

Прилагая всевозможныя старанія, чтобы выйдти изъ сего затруднительнаго положенія, я долженъ также заботиться о томъ, чтобы пріобрѣсти избытки хлѣба и перевалить ихъ въ нынѣшнюю дурную погоду, когда дороги почти непроходимы въ Кутаисъ. Здѣсь пріискиваются къ тому всѣ подвозочныя средства, какія только въ краѣ, въ настоящее время, можно собрать. Между тѣмъ князь Малакій и бывшій атаманъ князь Эристовъ [1]) сказывали мнѣ, что въ Имеретіи можно собрать довольно значительное количество вьючныхъ лошадей для транспортировки хлѣба, находящагося въ Сурамѣ. Такое пособіе нахожу весьма важнымъ, если его только можно осуществить; почему прошу васъ увѣдомить меня, могу-ли я надѣяться на сіи средства; какое количество вьючныхъ лошадей наберется на сей предметъ въ Имеретіи; найдутся-ли подрядчики и во сколько перевозка одной четверти могла бы обойтись отъ Сурамы до Кутаиса?

Полагаю, что и въ имеретинцахъ, вызванныхъ на защиту своей родины, вы найдете къ сему дѣлу готовность; но въ какой мѣрѣ можно на это разсчитывать, прошу васъ увѣдомить меня. Скажите также что-нибудь на счетъ гоміи: можно-ли ее найти большое количество въ покупкѣ; можно-ли сохранить ее и употреблялась-ли она когда-либо въ пищу, въ крайнихъ случаяхъ для войскъ?

Прошу васъ также передать мнѣ мысли ваши на счетъ пріобрѣтенія хлѣба въ здѣшнемъ краѣ, не коммиссіонерскимъ способомъ и не раскладкою, если бы, какъ вѣроятно, на торги никто не явился.

До полученія ожидаемыхъ отъ васъ свѣдѣній о непріятелѣ послѣ рекогносцировокъ генерала Бруннера и подполковника Доливо-Добровольскаго [2]), мнѣ пришла мысль потревожить турокъ съ тыла и потому я спросилъ князя Малакія: будетъ-ли возможность пробраться ему съ 2 тыс. отрядомъ гурійской милиціи, изъ Гуріамта или Ланчхути, чрезъ Чаладиди въ Хорго, чтобы ощупать и спугнуть непріятеля въ неожиданномъ для него мѣстѣ; на что князь Малакія безъ запинанія отвѣчалъ мнѣ, что это сдѣлать очень возможно. Если вы съ тѣмъ же согласны, то устройте дѣло сіе. Князь Малакія, ежели не самъ доставитъ вамъ письмо сіе, то вслѣдъ за онымъ явится къ вамъ. Турки, говорилъ онъ мнѣ, не занимаютъ селеніе Чаладиди. Зная Малакія, какъ перваго молодца въ краѣ, можно ожидать, что въ теперешнее время, когда Гурія обезпечена отъ вторженія турокъ, такая экспедиція нанесетъ имъ большой страхъ, а можетъ быть и значительный уронъ, ибо они сего не ожидаютъ. Хорошо, если бы въ то самое время можно было сдѣлать мингрельскою милиціею демонстрацію съ фронта отъ Циви.

Ожидаю отвѣта вашего.

P. S. Если бы, по возвращеніи генерала Бруннера, вы нашли бы возмож-

---

[1]) Генералъ-маіоръ князь Георгій Романовичъ Эристовъ 2-й, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и кутаисскій генералъ-губернаторъ, нынѣ состоитъ при главнокомандующемъ. А. В.

[2]) Впослѣдствіи генералъ-маіоръ и помощникъ начальника 20-й пѣхотной дивизіи. Онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, съ присоединеніемъ къ его фамиліи и фамиліи Евдокимова, на родной племянницѣ жены котораго онъ былъ женатъ. А. В.

*

ность, передавъ ему всѣ дѣла по военной, гражданской и провіантской частямъ въ краѣ, пріѣхать сюда, то прошу васъ пріѣхать; но обезпечьте прежде всѣ тѣ затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ общій начальникъ теперь тамъ долженъ находиться.

Надобно, чтобы всѣ повиновались Бруннеру; надобно, чтобы онъ былъ дѣятеленъ и не ограничивался бы однимъ лагеремъ; чтобы онъ способствовалъ заботами своими къ запасамъ провіанта, чтобы онъ ужился съ правительницею, съ губернаторомъ; можетъ-ли онъ все это сдѣлать? Вы его видѣли и можете все это опредѣлить и рѣшить.

Если вы рѣшились сюда ѣхать, то снабдите убѣдительнымъ и строгимъ наставленіемъ всѣ означенныя лица.

Подъ гражданскими дѣлами не разумѣю присутственныя мѣста, а участіе въ нарядахъ, въ дѣйствіяхъ участковыхъ, въ сборахъ милиціи по надобности и т. п.

Сообщ. **А. П. Берже.**

плянъ, Аравитянъ, народовъ Западной и Малой Азіи, Ассиріянъ и Вавилонянъ, Мидянъ и Персовъ, Евреевъ и Финикіянъ, Индусовъ.

Въ виду превосходнаго труда Германа Вейса, нельзя не пожелать искренно, чтобы наша Академія Художествъ поработала бы надъ составленіемъ «Россійскаго внѣшняго быта», благо что и образецъ есть. Матеріаловъ для такого труда есть достаточно, только-бы пожелали приняться за его обработку. Для примѣра укажемъ на собраніе матеріаловъ по западно-русской орнаментикѣ, составленное молодымъ художникомъ В. В. Грязновымъ.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова. А. Никитскаго. Спб., 1873, м. 8°, X и 344 стр.

Трудъ г. Никитскаго состоитъ изъ введенія (взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси) и пяти главъ: областной бытъ Новгорода; Псковъ и его устройство; состояніе церкви въ Псковѣ; торжество московскаго порядка; вліяніе Москвы на дѣла церкви. Въ веденіи авторъ разбираетъ теорію родоваго быта, его защитниковъ и противниковъ, и высказываетъ мысль, могущую быть, по его мнѣнію, «всепримиряющимъ началомъ», именно—«мысль о фиктивномъ или политическомъ родѣ,—мысль, говорящую, что съ одной стороны родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же—община была не чисто политическою, т. е. мѣстною, а родовою». Говоря о времени первоначальнаго составленія Псковской Правды, авторъ не соглашается съ гг. Калачовымъ и Энгельманомъ, относящими это событіе къ половинѣ XIII вѣка, къ княженію Александра Невскаго; г. Никитскій полагаетъ, что Псковская Правда составлена во время Александра Михайловича Тверскаго, въ первой половинѣ XIV вѣка, въ періодъ отъ 1322 по 1348 годъ. Церковная сторона во внутренней исторіи Пскова особенно подробно разработана, что особенно важно въ виду того, что съ этой стороны у Пскова начались неудовольствія съ Новгородомъ, затѣмъ—знакомство съ Москвою, поведшее къ утратѣ самостоятельности.

Первыя славянскія монархіи на Сѣверо-западѣ. Соч. Ѳ. Успенскаго. Спб., 1872, 8°, VIII нен., 266 и IX стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книга эта издана здѣшнимъ Славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ и посвящена «памяти Александра Ѳедоровича Гильфердинга», который, для поощренія русскихъ молодыхъ людей къ занятію славянскою наукою, возбудилъ въ комитетѣ мысль объ учрежденіи преміи кирилловской. Для этого въ 1868 году была объявлена тема: «О трехъ первыхъ попыткахъ государственнаго объединенія Западныхъ Славянъ». Рукопись, представленная г. Успенскимъ, была одобрена и удостоена первой кирилловской преміи. Не смотря на сравнительно-малый (двухлѣтній, особенно — для студента) срокъ, г. Успенскій, подъ руководствомъ В. И. Ламанскаго, успѣлъ и прочесть, и сдѣлать много. Послѣ очень коротенькаго географико-этнографическаго очерка, авторъ переходитъ къ державѣ Само, подробно говоритъ о Великой Моравіи, объ объединеніи Западныхъ Славянъ подъ чешскими князьями, о Болеславѣ Храбромъ. Вообще—книга эта весьма полезная, пополняющая пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ.

Питомцамъ имп. Спб. Воспитательнаго дома. Въ воспоминаніе столѣтняго юбилея. Спб., 1873, м. 8°, 96 и 39 стр.

Въ началѣ книги помѣщена Высочайшая грамота Восп. Дому. Затѣмъ текстъ начинается двумя вполнѣ поэтическими примѣрами о необходимости состраданія не только къ покинутымъ людямъ, но и къ животнымъ; послѣ чего слѣдуетъ краткая, но хорошо изложенная, исторія воспитательныхъ домовъ за границей и у насъ. Въ концѣ помѣщены приложенія: о правахъ и обязанностяхъ питомцевъ Восп. Дома и ихъ воспитателей, о сельскихъ школахъ и учительской семинаріи и пр., а въ текстѣ—пять портретовъ (государя, государыни, Екатерины II, Бецкаго и Маріи Ѳеодоровны) и видъ Петербургскаго Восп. Дома, а на выходномъ листѣ и обложкѣ—памятникъ Бецкому. Книга вообще интересна, изданіе же ея изящно и вполнѣ полезно для многочисленныхъ питомцевъ Воспитательнаго дома, для которыхъ главнымъ образомъ и составлена эта книга.

Сборникъ рукописей, представленныхъ Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу о Севастопольской оборонѣ севастопольцами. Т. III, Спб. 1873, въ 8-ю д. 446 стр. съ портретами. Цѣна 2 р. 50 коп.

Это уже третій выпускъ прекраснаго по мысли и цѣли изданія, встрѣченнаго всею грамотною Россіею съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ настоящей книгѣ многочисленные читатели «Севастопольскаго сборника» найдутъ: 1) Воспоминанія о Севастополѣ Корженевскаго; 2) Выписки изъ писемъ покойнаго генерала отъ инфантеріи Константина Романовича Семякина, одного изъ мужественныхъ, исполненнаго высокой доблести и пламенной любви къ отечеству, защитниковъ Севастополя; письма Семякина отличаются простотою изложенія и искренностію; въ нихъ нѣтъ той кудрявости и тѣхъ звонкихъ фразъ, которыми грѣшатъ нѣкоторые изъ вкладчиковъ этого, весьма интереснаго сборника; 3) Воспоминаніе брянца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ — Александра Гана, разсказъ также исполненный благородной скромности о себѣ и представляющій нѣсколько новыхъ фактовъ; 4) Дѣйствіе въ альминскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка, любопытная статья Владиміра Бейтнера, и нѣк. друг.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. НОЯБРЬ. **1873 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Къ этой книгѣ приложены: а) **Памятникъ Екатеринѣ II**, рисунокъ К. О. Брожа; б) **Памятникъ Павлу I** и дворецъ въ Павловскѣ, рисун. В. С. Шпака; в) Портретъ генералъ-лейтенанта **С. И. Маевскаго**, рисов. В. С. Шпакъ. Всѣ три гравюры исполнены Академикомъ **Л. А. Сѣряковымъ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

XI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го ноября.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Князь А. М. Курбскій. Историко-библіографическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія его «Сказаній» М. П—скаго. Казань. 1873. 52 стр.

Эта брошюрка есть отдѣльный оттискъ изъ ученыхъ извѣстій казанскаго университета. Въ ней г. П—скій указываетъ неполноту послѣдняго изданія «Сказаній», въ которое не вошли многія сочиненія Курбскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. П—скій высказываетъ и свой взглядъ на борьбу Курбскаго съ Грознымъ, въ которой онъ видитъ отнюдь не государственное, а чисто личное начало,—причемъ Курбскій, не думая ни о правѣ отъѣзда, ни о правѣ совѣта, просто уносилъ свою голову отъ плахи, а Грозный, тоже помимо всякой государственной идеи, по его выраженію, «за себя есмь сталъ». Но въ этой борьбѣ двухъ личностей симпатіи автора на сторонѣ Курбскаго: «Курбскій—лучшій выразитель идей русской гражданственности, образецъ доблестей, какія могла дать Русь XVI вѣка, гражданинъ - представитель идеи прогресса» и т. д.

Объ антиминсахъ православной церкви. Константина Никольскаго. Спб., 1872. Стр. 384 и 25 рисунковъ.

О. Никольскій, извѣстный своими трудами по изслѣдованію богослуженія православной русской церкви, издалъ въ нынѣшнемъ году весьма важное сочиненіе, заглавіе котораго выписано выше. Извѣстно, что антиминсами (слово полугреческое—ἀντὶ—вмѣсто, полулатинское — μίνσα — mensa—столъ, престолъ) или вмѣсто-престоліями называются холщевые, полотняные или шолковые (атласные) платки, на которыхъ совершается таинство Евхаристіи. Такъ какъ это таинство, по древнимъ церковнымъ правиламъ, могло совершаться только на престолѣ, освященномъ епископомъ, епископы же не всегда могли непосредственно освящать церкви, то и придуманы были антиминсы, которые освящаются архіереемъ, и такимъ образомъ, съ одной стороны, служатъ свидѣтельствомъ объ освященіи храма епископомъ, съ другой — замѣняютъ собою престолъ. Въ христіанской церкви первое ясное упоминаніе объ антиминсахъ встрѣчается въ VIII вѣкѣ, но, по мнѣнію о. Никольскаго, ихъ древность восходитъ ко временамъ болѣе отдаленнымъ; въ Россіи же древнѣйшій сохранившійся антиминсъ относится къ XII вѣку. Такъ какъ на антиминсѣ обозначались обыкновенно церковь, для которой онъ назначенъ, лицо, его освящавшее, и время освященія, то антиминсы, по справедливому выраженію о. Никольскаго, «составляютъ собою своего рода церковную (и притомъ вещественную, прибавимъ мы отъ себя) лѣтопись». Но и сами по себѣ, по своему матеріалу, формату, надписямъ и въ особенности изображеніямъ, на нихъ находящимся, они составляютъ любопытный матеріалъ для археологическаго изученія. Въ этомъ отношеніи особенно важны въ трудѣ о. Никольскаго главы VI—VIII, гдѣ говорится именно объ этихъ предметахъ. Къ этимъ главамъ о. Никольскій приложилъ 25 снимковъ антиминсовъ — рукописныхъ и печатныхъ, и такимъ образомъ далъ читателямъ въ руки значительную долю того матеріала, на которомъ основано его изслѣдованіе. Эта щедрость о. Никольскаго (рисунки, конечно, стоили не дешево) заслуживаетъ глубочайшей признательности ученыхъ. Но съ другой стороны нельзя не пожалѣть, что о. Никольскій поскупился на общіе выводы изъ своего изслѣдованія, безъ чего оно представляется какъ бы незаконченнымъ. Быть можетъ, причина этому та, что хотя авторъ, при составленіи своего изслѣдованія, пользовался документами архива св. синода и богатою коллекціею старыхъ антиминсовъ, хранящихся (?) въ Невскомъ монастырѣ, но и этотъ матеріалъ казался ему еще недостаточнымъ. Было бы желательно, чтобы старые антиминсы не сожигались (такіе примѣры нерѣдко бывали) и не оставались въ каѳедральныхъ соборахъ, гдѣ они не всегда ограждены отъ разныхъ случайностей, а собирались бы и хранились въ одномъ центральномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ архивѣ св. синода. Сочиненіе о. Никольскаго увѣнчано уваровскою преміею.

Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ Ник. Вас. Гербель. Спб., 1873. Стр. VIII, 656 и VIII.

Нельзя сказать, чтобы г. Гербель назвалъ свою книгу удачно; быть можетъ, онъ хотѣлъ избѣжать тѣхъ напыщенныхъ заглавій: Поэтическихъ вѣнковъ, Лучей поэзіи, Сноповъ, Звѣздъ и т. п., какія даютъ нѣмцы подобнымъ сборникамъ, но во всякомъ случаѣ слово Хрестоматія пахнетъ школой. У многихъ при этомъ словѣ встанутъ въ памяти школьныя хрестоматіи съ наводящими тоску ятями, юсами, правописаніемъ болгарскимъ, правописаніемъ сербскимъ, съ одами, гимнами, поэмами героическими, поэмами романтическими и, наконецъ, даже «разными стихотвореніями».... Между тѣмъ книга г. Гербеля всего менѣе страдаетъ педантизмомъ. Это дѣйствительно книга для всѣхъ. Это прекрасная книга для чтенія, могущая замѣнить въ извѣстной степени цѣлую библіотеку, какъ того и хотѣлъ г. Гербель. Если мы не согласимся съ тѣмъ, что въ нее вошли всѣ русскіе поэты (г. Гербель самъ знаетъ, кого и почему нѣтъ въ его

ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го

1873 г.

Прилож. къ „Русск. Стар." изд. 1873 г., т. VIII. Дозволено цензурою. Спб., 28 окт. 1873 г.

ПАМЯТНИКЪ ЕКАТЕРИНѢ II.

24-го ноября 1873 г.

7-го августа 1782 года, въ двадцать первое лѣто царствованія императрицы Екатерины II, въ Петербургѣ, на Сенатской площади, происходило торжественное открытіе монумента Петру Великому. Работы по сооруженію длились одинадцать лѣтъ съ половиною (съ 20-го января 1770 года), напоминая своей смѣлостью и громадностью исполинскіе труды державнаго труженика. Великолѣпный его монументъ былъ воздвигнутъ соединенными силами иностранныхъ художниковъ и русскихъ мастеровъ. Доставка гранитной скалы съ Лахты въ столицу была исполнена по проэкту французскаго механика Ласкари; французъ Фальконетъ изваялъ, а русскій мастеръ Хайловъ отлилъ конную статую Петра. Четвертымъ (впрочемъ, совершенно случайнымъ) сотрудникомъ былъ простой кузнецъ, — со всей смѣтливостью русскаго человѣка, указавшій заморскому скульптору на его ошибку: переднія копыта коня, взвившагося на дыбы, были безъ подковъ. Фальконетъ послушалъ кузнеца и бронзовый конь былъ подкованъ.

Открытіе монумента происходило именно въ ту эпоху, когда могущество Россіи, вмѣстѣ со славою Екатерины, достигло своей вершины. Вторая, подобно Первому, царствовала тридцать четыре года [1]; по мѣрѣ возможности, она старалась довершить

---

[1]) Во всѣхъ учебникахъ русской исторіи принято считать годомъ воцаренія Петра—1682 годъ, что «по существу дѣла» невѣрно. Самодержавіе Петра Великаго началось съ сентября 1690 года, по сверженіи Софіи Алексѣевны, когда царю было восемнадцать лѣтъ. Этотъ счетъ, какъ намъ кажется, вѣрнѣе прочихъ согласуется съ истиною. Могъ-ли быть царемъ—властителемъ десятилѣтній отрокъ?

начатое Петромъ и довершила многое, особенно въ первыя двадцать лѣтъ своего царствованія. Чествуя память Преобразователя, она, какъ-будто, отдавала ему отчетъ во всемъ, ею содѣянномъ. Иностранныя державы, въ семью которыхъ Петръ такъ усердно старался ввести свою любезную Россію, теперь сами заискивали ея пріязни, завидовали ея величію, страшились ея грозныхъ силъ — на сушѣ и на морѣ. Неудача прутскаго похода была искуплена Ларгою, Кагуломъ; турецкіе флаги, уцѣлѣвшіе отъ кораблей, сожженныхъ подъ Чесьмою, были положены Екатериною на гробницу основателя рускаго флота. Границы имперіи значительно расширились на всѣ четыре страны свѣта. Размежевалась Россія и со своей безпокойной сосѣдкой—Польшей, а черезъ три года уничтожила и Запорожскую сѣчь—военную республику, въ предѣлахъ имперіи нетерпимую, не только безполезную, но и вредную послѣ усмиренія кичливой Польши, надменной Турціи и безпокойнаго Крыма... Послѣдующія четырнадцать лѣтъ царствованія Екатерины, если и не столь славны, какъ предыдущія, не мало принесли пользы России, — и при всемъ томъ, съ кончиною императрицы, болѣе нежели на полвѣка, значительно ослабла память о ней. Славу Екатерины затмили: ненастье суроваго царствованія ея преемника, зарево московскаго пожара въ 1812 г., тучи пороховаго дыма десятилѣтней войны Россіи съ Наполеономъ. Новое поколѣніе — подданные Александра I, сокрушителя Наполеона—упоенные славою Россіи, почти съ насмѣшливой улыбкой слушали разсказы своихъ дѣдовъ о временахъ великой государыни. Люди новаго поколѣнія, указывая на нѣкоторыя погрѣшности царствованія Екатерины, умалчивали о заслугахъ несомнѣнныхъ; судили о ней не какъ о царицѣ—матери отечества, а только какъ о женщинѣ—дочери своего вѣка; мало и говорили, да и писали о многолѣтнихъ трудахъ Екатерины и черезъ чуръ много о ея досужихъ часахъ. Этотъ ложный взглядъ на Екатерину сохранялся до нашего времени. Спѣшили судомъ, торопились приговоромъ, но долга справедливости ей не вполнѣ отдавали.

Протекло девяносто лѣтъ со дня открытія монумента, воздвигнутаго Первому—Второю, и въ девятнадцатое лѣто благословеннаго царствованія Правнука Екатерины послѣдуетъ, въ той же

сѣверной столицѣ, на Александринской площади, открытіе монумента Второй и Единственной. И на этотъ разъ не обошлось безъ сотрудничества иностранцевъ, но они въ этомъ дѣлѣ только мастера — имъ принадлежитъ отливка: составитель проэкта монумента во всѣхъ его подробностяхъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ архитектурныхъ) русскій художникъ — Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ; ваятель фигуръ подъ отвѣтственной дирекціей Микѣшина академикъ А. М. Опекушинъ, подрядчикъ всѣхъ каменныхъ и другихъ работъ по памятнику, кромѣ бронзовыхъ, купецъ 1-й гильдіи Н. П. Осетровъ и Балушкинъ; ближайшій блюститель всѣхъ работъ по сооруженію членъ Русской Академіи Художествъ профессоръ Д. И. Гриммъ[1]). Въ девяносто лѣтъ художества въ Россіи на столько подвинулись впередъ, что намъ уже нѣтъ надобности прибѣгать къ содѣйствію иностранныхъ художниковъ,— и не кстати-ли сказать здѣсь, что безъ Екатерины не двинулись бы такъ далеко художества въ Россіи. И тутъ, какъ вездѣ и во всемъ, насажденное Екатериною принесло изобильный плодъ. Ея вѣкъ относится къ нашему времени точно такъ же, какъ относился къ ея времени вѣкъ Петра. Починъ великихъ преобразованій, которыми мы такъ справедливо гордимся, въ большей ихъ части, принадлежитъ Екатеринѣ неотъемлемо. Лучше простить десятерыхъ виноватыхъ, нежели наказать одного невиннаго—говорила она— и этотъ завѣтъ осуществленъ мировыми учрежденіями и гласнымъ судопроизводствомъ. Въ просвѣщеніи народа государыня полагала преграду преступленіямъ — и въ наше время вопросъ о народномъ образованіи — одинъ изъ передовыхъ. Гласность, какъ коренное средство къ искорененію злоупотребленій, была не безъизвѣстна и Екатеринѣ, по крайней мѣрѣ въ лучшіе годы ея царствованія...

Первая заслуга монархини заключается въ томъ, что она поняла и по достоинству оцѣнила русскія народныя силы, въ предыдущія царствованія заглушенныя вліяніемъ иноземнымъ. Идеаломъ для Россіи она, подобно Петру, не признавала чужихъ краевъ и избавила насъ отъ европейскихъ помочей. Во всѣхъ дѣя-

[1]) Г. Гримму принадлежатъ нѣкоторыя архитектурныя украшенія, цѣпь во кругъ памятника, канделябры съ фонарями и доска для надписи надъ подножіемъ монумента.

ніяхъ Екатерины, совершенныхъ ею для счастія и славы Россіи, сподвижниками государыни были не заѣзжіе Лефорты, Гордоны, Боуры, Брюсы, а коренные русскіе: Орловъ, Румянцовъ, Потемкинъ, Суворовъ, Бецкій, Дашкова, Безбородко, Державинъ Чичаговъ, —цѣлые ряды людей даровитыхъ и геніальныхъ.

Французы хвалятся вѣкомъ Людовика XIV; но этотъ версальскій полу-богъ не былъ самъ великъ—велики были его сподвижники: онъ заимствовалъ отъ нихъ свой блескъ, хотя и величалъ себя солнцемъ. Екатерининскіе «орлы» — ея птенцы: она умѣла угадывать способныхъ людей, выбирать сотрудниковъ; про нее можно сказать, что она дѣйствительно, какъ солнце, придавала блескъ своимъ спутникамъ. Нѣкоторые укоряютъ Екатерину, что она, прилагая особенныя попеченія о дворянствѣ, увеличивала его права и преимущества въ ущербъ простому народу... Благоденствовали въ ея царствованіе дворяне, купцы, горожане, а народъ-де бѣдствовалъ, угнетенный рабствомъ. Въ этихъ укорахъ есть частица правды, но мы сами, люди нашего времени, давно-ли мы сами усвоили вполнѣ человѣчный взглядъ на младшую братію? Можно-ли требовать отъ Екатерины, чтобы она, опередивъ свой вѣкъ, отнеслась къ народу съ сочувствіемъ нашего времени? Тѣмъ не менѣе, что она любила народъ — въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Ея «Наказъ» (1767 г.), учрежденіе воспитательныхъ домовъ, совѣстныхъ судовъ, коммиссій о народныхъ училищахъ, преобразованія устава о тюрьмахъ (проэктъ), энергическія мѣропріятія къ удешевленію жизненныхъ припасовъ, введеніе въ Россію прививанія оспы,— еще-ли не свидѣтельствуютъ о любви Екатерины къ народу и попеченіи о немъ? Въ ея время рабство существовало въ Европѣ почти повсемѣстно, торгъ невольниками процвѣталъ въ Америкѣ; при всемъ томъ Екатерина, въ первые же годы своего царствованія, помышляла объ уничтоженіи крѣпостнаго права, но мысли, выраженныя государынею ея приближеннымъ по этому предмету, не вызвали съ ихъ стороны ни поддержки, ни сочувствія, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ лицъ и въ томъ числѣ Григорія Орлова, ближайшаго сподвижника въ первые годы ея царствованія. Пугачевскій бунтъ, а черезъ двадцать лѣтъ за нимъ — французская революція заставили Екатерину отступиться отъ святой мысли, осуществиться которой суждено было только въ

наше время. Не должно, однако же, забывать, что литературѣ и театру предоставлены были (въ первую половину ея правленія) права обличать тѣхъ закоснѣлыхъ крѣпостниковъ, типы которыхъ находимъ въ «Недорослѣ»—фонъ-Визина.

Упомянувъ о литературѣ, можно-ли умолчать, что царствованіе Екатерины, по крайней мѣрѣ въ первыя десятилѣтія, было блестящею эпохою для нашей отечественной словесности? Не при ней-ли родилась русская журналистика? Екатетерина сама подавала примѣръ нашимъ писателямъ, въ чемъ должно состоять ихъ прямое назначеніе: въ искорененіи злоупотребленій путемъ печатнаго слова... При ней если не воскресла, то, конечно, выросла русская сатира, со временъ родителя своего — Антіоха Кантемира пребывавшая въ младенчествѣ. На театръ Екатерина смотрѣла съ точки зрѣнія той пользы, которую онъ долженъ приносить общественному образованію и нравственности. Ѳ. Г. Волкову неотъемлемо принадлежитъ честь основанія русскаго театра; но чѣмъ же былъ этотъ театръ до Екатерины II? Трагедіи Сумарокова, съ ходульными героями и утомительно скучными монологами, были блѣдными копіями съ произведеній французскихъ трагиковъ; о русской комедіи не было и помину. Народный нашъ театръ возникъ при Екатеринѣ; при ней явился на сценѣ «Мельникъ» — Аблесимова, за нимъ слѣдовали «Недоросль», «Бригадиръ»—фонъ-Визина и многія пьесы съ попытками выставлять нравы русскаго общества. Сама императрица писала для театра, возбуждая тѣмъ въ вельможахъ любовь къ родному слову...

Перечень заслугъ Екатерины для Россіи по всѣмъ отраслямъ государственной администраціи, словесности, наукъ, художествъ и промышленности затруднителенъ тѣмъ, что заслуги эти неизчислимы. Но прошелъ вѣкъ со дня ея восшествія на престолъ; смѣнилось нѣсколько поколѣній русскихъ людей,— и только на долю нынѣшняго нашего поколѣнія выпалъ жребій почтить память Екатерины монументомъ. Развитію и упроченію этой мысли въ нашемъ обществѣ способствовали два обстоятельства. Первое изъ нихъ, преобразованія въ общественномъ строѣ ознаменовавшія начало шестидесятыхъ годовъ; второе—прилежное и всестороннее изученіе отечественной исторіи и особенно XVIII вѣка, къ которому пріохотили русское общество новременныя истори-

ческія изданія и сборники. Многіе факты, до нынѣ скрывавшіеся подъ спудомъ, были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе; многіе историческіе дѣятели, еще въ недавнее время вовсе не оцѣняемые, пріобрѣли въ общественномъ мнѣніи права на уваженіе и признательность потомства. Къ числу таковыхъ принадлежала Екатерина II, память о которой полуизгладилась-было въ народѣ. И только нынѣ обновляется она въ полномъ своемъ блескѣ и въ славѣ истинно заслуженной

Въ началѣ 1860 года Императорская Академія Художествъ объявила (впрочемъ, довольно глухо) о конкурсѣ на сочиненіе проэкта монумента Екатеринѣ II, назначеннаго украсить дворъ царскосельскаго дворца — любимой резиденціи великой государыни. На соисканіе представили свои проэкты: гг. академики скульптуры: Штромъ, Залеманнъ, Мейнертъ; профессора: Іенсенъ и фонъ-Бокъ, и художникъ Микѣшинъ. Послѣднему, какъ не имѣвшему званія скульптора, первоначально Академіей было отказано въ правѣ участвовать въ соисканіи. Тѣмъ не менѣе проэктъ Микѣшина удостоился высшаго одобренія и утвержденія. Статуя была отлита изъ бронзы на фабрикѣ Шопена, а за ея модель, представленную на Лондонскую Всемірную выставку, была присуждена почетная медаль. Екатерина была изображена въ коронѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ, въ императорской мантіи, шлейфъ которой роскошными складками ниспадалъ съ пьедестала, во вкусѣ рококо, соотвѣтствующемъ архитектурѣ большаго дворца, въ Царскомъ Селѣ, какъ того и требовалось условіями конкурса. Вскорѣ на одномъ изъ засѣданій С.-Петербургской Городской Думы былъ поднятъ вопросъ и принятъ сочувственно о сооруженіи памятника Екатеринѣ II на одной изъ площадей Петербурга, по образцу модели г. Микѣшина, поставленной въ саду въ Царскомъ Селѣ; бывшій с.-петербургскій генералъ-губернаторъ — князь Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій поддержалъ съ своей стороны эту мысль; ходатайство Думы удостоилось высочайшаго одобренія, памятникъ повелѣно было поставить уже не въ Царскомъ Селѣ, а въ Петербургѣ, и на г. Микѣшина возложено исполненіе этого дѣла. Художникъ, сознавая, что для столицы, царскосельскій монументъ не соотвѣтствуетъ ни стилемъ,

ни размѣрами, замѣнилъ стиль рококо стилемъ во вкусѣ Людовика XVI (style Louis XVI), и по новому рисунку приступилъ къ изготовленію модели.

Счастливъ художникъ въ творчествѣ своемъ свободный и независимый, какъ самое художество. Положеніе г. Микѣшина было не столь благопріятно, такъ какъ при осуществленіи своей идеи онъ находился въ зависимости отъ указаній Академіи Художествъ и нѣкоторыхъ техниковъ разныхъ комитетовъ. Какъ бы то ни было, однако, новая модель была окончена и отлита г. Соколовымъ въ $^1/_{16}$ долю противъ настоящей величины (нынѣ находится въ Царскомъ Селѣ, въ такъ называемомъ гротѣ, въ бѣломъ повильонѣ у пруда).

Намъ памятны толки и сужденія, возбужденныя въ публикѣ этою моделью Микѣшина. Особенно осуждали художника за небрежную позу фигуры Потемкина, изображеннаго сидящимъ съ закинутой ногой. Нѣкоторые, однако, говорили, что эта поза какъ нельзя лучше характеризуетъ баловня счастія, великолѣпнаго князя Тавриды, отличавшагося вообще своеобразными привычками. Послѣдовали, вслѣдствіе того нѣкоторыя поправки, перемѣны, дополненія.... Увеличеніе затѣмъ объема пьедестала вызвало необходимость сдѣлать нѣкоторыя дополненія въ первоначальной модели. Медальоны съ рельефами Чичагова и Орлова-Чесменскаго, помѣщенныя на пьедесталѣ (не бывшія, впрочемъ, на модели) замѣнены ихъ исполинскими статуями, которыя помѣщены на задней сторонѣ пьедестала, до того занятаго ниспадающимъ шлейфомъ порфиры и доскою съ надписью; доска перемѣщена внизъ пьедестала, съ передней стороны. Столѣтняя давность сняла съ личности Орлова-Чесменскаго сопряженныя съ нею печальныя воспоминанія; огонь и вода очищаютъ все: пламя турецкихъ кораблей, истребленныхъ подъ Чесмою, и волны Архипелага, на которомъ прославился русскій флотъ,—вотъ права Алексѣя Орлова для занятія уголка на подножіи монумента Екатерины. Поза Потемкина, по мнѣнію весьма многихъ, прозаическая, тривіальная, къ глубочайшему сожалѣнію автора, замѣнена другою: князь Таврическій нынѣ попираетъ ногою турецкую чалму съ полумѣсяцемъ. Теперь, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ будетъ открытъ, монументъ изображаетъ Екатерину II въ императорскомъ облаченіи, т. е. со скипетромъ, въ полу-ко-

ронѣ и порфирѣ; вокругъ пьедестала группируются представители военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ, государственной, общественной, ученой и литературной дѣятельности славнаго вѣка Екатерины: Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко, Бецкій, Орловъ, Чичаговъ, Державинъ и Дашкова. Надпись на монументѣ:

ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й
въ царствованіе
Императора Александра II-го 1873 г.

Высота памятника 21½ аршинъ, статуи Екатерины — 6 аршинъ, каждой изъ прочихъ фигуръ — отъ 3 арш. 7 верш. до 4 арш. 12 вершковъ. Всѣ фигуры отлиты на литейномъ заводѣ г. Кохуна, фирма «Никольсъ и Плинке». Стоимость монумента до 500,000 руб. сер. (461,896 р. 67 к., но съ дополнительными расходами дойдетъ до 500 т.).

Работы по сооруженію продолжались одинадцать лѣтъ (съ 1862 по 1873 годъ), столько же времени, сколько и при сооруженіи монумента Петру Великому,—и вотъ еще параллель между двумя вѣками, говорящая въ пользу техническихъ усовершенствованій нашего времени. Пьедесталъ конной статуи Петра, такъ называемый громъ-камень, везли въ Петербургъ съ Лахты тысячи рабочихъ на саняхъ, катившихся по желобамъ посредствомъ мѣдныхъ шаровъ, подкладываемыхъ подъ полозья. Такимъ образомъ гранитная глыба, вѣсомъ въ 70,000 пудовъ, ежедневно подвигалась на 200 саженъ. Кромѣ извѣстныхъ стиховъ Рубана: «Нерукотворная днесь Россская гора, внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины» и проч., прославившихъ это событіе,—по случаю доставки грома-камня въ Петербургъ, была выбита медаль съ надписью: «Дерзновенію подобно» и это же событіе сохранено въ большой гравюрѣ. Для монумента Екатерины громадныя гранитныя глыбы, по подряду Н. П. Осетрова, доставлялись по переноснымъ рельсамъ, при маломъ числѣ рабочихъ и съ такой легкостью, что перевозка камня поперекъ Невскаго проспекта почти не прерывала движенія экипажей.

Выборъ мѣста для монумента удаченъ, какъ нельзя болѣе. Площадь, правда, не обширна, но зданія, окаймляющія ее съ

трехъ сторонъ, вполнѣ гармонируютъ съ монументомъ, напоминая многостороннюю дѣятельность Екатерины. Справа отъ ея монумента—Аничковъ дворецъ,—съ домовою своею церковью, съ крестомъ, сіяющимъ на небольшомъ куполѣ,—символически изображаетъ центръ верховной императорской власти; слѣва представительница науки: Императорская Публичная Библіотека—неизсякаемый источникъ народнаго просвѣщенія; съ тылу—театръ—храмъ искусствъ, просвѣщенію народному содѣйствующій [1]); наконецъ—прямо предъ монументомъ—первый изъ проспектовъ столицы, всегда живой, шумный, великолѣпный Невскій, который можно назвать главною артеріею Петербурга; во кругъ монумента дубовая роща.

При взглядѣ на статую Державина, въ числѣ прочихъ украшающую пьедесталъ, многимъ придутъ на память оды нашего сѣвернаго барда и послѣдніе его стихи на аспидной доскѣ, хранящейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монумента—въ Императорской Публичной Библіотекѣ:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья —
Народы, царства и царей....

— Нѣтъ! можно отвѣтить тѣни поэта. Противъ волнъ рѣки временъ существуютъ вещественныя плотины, объ которыя волны разбиваются, какъ о гранитныя скалы. Эти плотины слагаются именно изъ монументовъ, воздвигаемыхъ для увѣковѣченія памяти великихъ людей. Пройдетъ нашъ вѣкъ, за нимъ—обычной чередой—канетъ въ вѣчность другой, пятый, десятый..... милліоны людей исчезнутъ съ лица земли въ «пропасти забвенья»; но памятникъ Екатерины въ числѣ прочихъ, украшающихъ нашу столицу, сохранитъ на землѣ воспоминаніе о Великой. Когда жеи онъ рухнетъ, останется другой памятникъ—несокрушимый—исторія.

Прилагаемый рисунокъ, съ безукоризненной точностью, снятъ чешскимъ рисовальщикомъ К. О. Брожемъ, давно извѣстнымъ русскому обществу своими прекрасными рисунками надеревѣ. Гравировалъ Академикъ, граверъ Его Императорскаго Величества, Л. А. Сѣряковъ подъ наблюденіемъ академика Микѣшина.

[1]) Говоримъ, смотря на театръ съ точки зрѣнія прямаго его назначенія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

Считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности относящіяся до сооруженія памятника. Бутъ подъ памятникомъ — пять аршинъ глубины; онъ помѣщается на четырехсаженныхъ сваяхъ, плотно вколоченныхъ въ грунтъ, между ними плотно набитъ путиловской плитнякъ. Весь пьедесталъ памятника состоитъ изъ трехъ рядовъ сердобольскаго финляндскаго гранита: темно-краснаго, свѣтло-сѣраго и темно-сѣраго, почти чернаго. Высота пьедестала надъ бутомъ пять саженъ; весь памятникъ—семь саженъ; діаметръ пьедестала внизу девять саженъ, окружность—двадцать семь саженъ. Въ составъ пьедестала вошло 576 кусковъ гранита, общій вѣсъ которыхъ, послѣ грубой обдѣлки для доставки на мѣсто, равнялся 22,500-мъ пудовъ послѣ окончательной отдѣлки всего 16,500 пуд., конечно, приблизительно. Вѣсъ наибольшихъ кусковъ камня въ отдѣльности доходилъ въ выломкѣ до 4 тыс. пудовъ, а по отдѣлкѣ—до 3 тыс. пудовъ въ каждомъ.

Достойно замѣчанія, что при соединеніи всѣхъ частей памятника и пьедестала вовсе нѣтъ гвоздей, винтовъ, желѣзныхъ полосъ: все соединяется посредствомъ соотвѣтственныхъ выступовъ и гнѣздъ въ частяхъ гранита; главная статуя памятника съ ея бронзовымъ подножіемъ надѣта на подымающійся куполъ гранита. Подобныя соединенія едва-ли не впервые въ такихъ большихъ размѣрахъ примѣнены при настоящемъ сооруженіи, вызваны же они тѣмъ, что желѣзо въ нашемъ климатѣ портится въ камнѣ. Необходимо также имѣть въ виду, что вся гранитная часть памятника имѣетъ характеръ монолита, т. е. здѣсь не одна облицовка, а весь памятникъ сплоченъ изъ одной массы.

Бронзы пошло на сооруженіе 3,100 пудовъ, считая въ томъ числѣ и канделябры, рисунокъ и размѣщеніе которыхъ принадлежитъ г. Гримму. Ему же принадлежитъ рисунокъ цѣпи вокругъ подножія пьедестала, цѣпь имѣетъ видъ развернутаго лавроваго вѣнка.

Надъ доскою съ надписью соединены атрибуты наукъ, художествъ, земледѣлія (колосья), военнаго сухопутнаго и морскаго дѣла; на книгѣ, стоящей среди этихъ атрибутовъ, написано «Законъ»—(слѣдовало-бы написать «Наказъ»).

Подъ каждой изъ девяти фигуръ сподвижниковъ Екатерины II сдѣлана выпуклыми буквами надпись: кн. Дашкова, гр. Румянцевъ, кн. Потемкинъ кн. Суворовъ, и т. д. Обращаемъ вниманіе на маленькую погрѣшность вкравшуюся въ подписи: Суворовъ и Безбородко сдѣланы князьями лишь въ царствованіе Павла, а потому придавать имъ этотъ титулъ—изображая ихъ сподвижниками Екатерины II—едва-ли слѣдовало.

Статуи Дашковой, Румянцева, Потемкина и Суворова хорошо видны изъ рисунка, приложеннаго къ этой книги, и исполненнаго подъ наблюденіемъ М. О. Микѣшина; что же касается до послѣдующихъ фигуръ, то они изображены такъ: за Суворовымъ сидятъ Безбородко и Бецкій, у Бецкаго на колѣняхъ планъ, на который устремлено его вниманіе; Безбородко бесѣдуетъ съ нимъ, держа въ лѣвой рукѣ лорнетъ, а въ правой—карандашъ, которымъ и

указываетъ что-то на планѣ. Сзади монумента два знаменитые воина—моряка Чичаговъ и Алексѣй Орловъ; первый сидитъ съ опущенною шпагою въ правой рукѣ, а лѣвою—держитъ на колѣняхъ шведскій штандартъ; Орловъ опирается локтемъ на морскую подзорную трубу, а ногами попираетъ турецкій бунчукъ съ полумѣсяцемъ. Затѣмъ Державинъ и Дашкова составляютъ особую группу: поэтъ стоитъ опираясь лѣвымъ локтемъ на книгу, а въ правой держитъ листъ и читаетъ, вѣроятно, свое стихотвореніе, Дашкова задумчиво слушаетъ его, держа на колѣняхъ книгу.

Вотъ точные размѣры въ высоту сидящихъ и стоящихъ фигуръ: Державинъ—4 арш. 2 вершка; Дашкова—3 арш. 10 вершк.; Румянцевъ—3 арш. 11 вершк.; Потемкинъ—3 арш. 14 вершк.; Суворовъ—4 арш. 1 вершк.; Безбородко—3 арш. 7 вершк.; Бецкій—3 арш. 7 вершк.; Чичаговъ—3 арш. 8 вершк.; и Алексѣй Орловъ—3 арш. 13 вершковъ.

Работы по заготовленію статуй и проч. начаты, какъ мы сказали выше, въ 1862 году, но собственно каменныя работы, какъ ломка гранита въ Финляндіи, такъ и устройство фундамента подъ памятникъ на Александринской площади, начато лишь въ іюнѣ 1869 г., а потому, отдавая полную справедливость г. Гримму, какъ ближайшему исполнителю созданія г. Микѣшина, нельзя не отмѣтить распорядительность и энергію Н. П. Осетрова: съ небольшимъ въ четыре года выполнить всѣ работы по сооруженію (кромѣ бронзовой части)—дѣло довольно замѣчательное. Любопытно также, что, не смотря на то, что работы длились нѣсколько лѣтъ и въ нихъ принимали участіе многія сотни рабочихъ, не было ни одного несчастнаго случая. Такимъ образомъ, какъ возведеніе на престолъ Екатерины II, такъ и сооруженіе ей памятника обошлось безъ пролитія капли крови [1]).

Еще одна случайность: при закладкѣ настоящаго памятника присутствовалъ, въ числѣ прочихъ, главноуправлявшій министерствомъ путей сообщенія графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій и имя его начертано на доскѣ, положенной въ гранитную основу монумента; монументъ оконченъ при министрѣ путей сообщенія графѣ Алексѣѣ Павловичѣ Бобринскомъ.

Оба графа суть правнуки графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, питомца князя Григорія Григорьевича Орлова, главнаго сподвижника Екатерины II при восшествіи ея на престолъ и ближайшаго совѣтника въ первые годы ея славнаго царствованія.

II.

Академикъ М. О. Микѣшинъ.

Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ родился въ 1836 году (въ Рославльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи) отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его, Осипъ

---

[1]) Болѣе того, суждено было даже совершиться чуду: въ іюнѣ мѣсяцѣ 1871 г., при ломкѣ гранита для ея памятника, одна скала тысячи въ три пудовъ, оторвавшаяся усиліями рабочихъ, полетѣла внизъ и придавила помощника г. Осетрова—крестьянина Целпанова. Крикъ ужаса вырвался у нѣсколькихъ сотъ рабочихъ. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, перекрестились и помолились за душу погибшаго; часъ спустя, обвалившаяся глыба была сдвинута съ мѣста и подъ ней въ разщелинѣ, между двумя скалами, лежалъ Целпановъ—живой. Онъ всталъ здоровехонекъ и понынѣ распоряжаетъ работами при созданіи памятника матушкѣ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Ред.

Егоровичъ Микѣшинъ, ветеранъ 1812 года, принималъ участіе въ отечественной войнѣ въ партизанскомъ отрядѣ подъ командою знаменитаго Фигнера. Израненный въ кавалерійской стычкѣ подъ Криволѣсьемъ (въ Смоленской губерніи), Осипъ Микѣшинъ былъ взятъ французами въ плѣнъ; но черезъ три мѣсяца бѣжалъ изъ Смоленска, въ ту самую минуту, когда въ городъ въѣзжалъ Наполеонъ на обратномъ своемъ пути изъ Россіи. По окончаніи войны, посвятивъ себя занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ и медициною, Осипъ Егоровичъ дожилъ до глубокой старости и пріобрѣлъ обще уваженіе всѣхъ окрестныхъ жителей. Его добрыхъ дѣлъ не позабылъ весь уѣздъ и донынѣ, спустя десять лѣтъ послѣ его смерти. Почтенный старецъ поощрялъ въ сынѣ своемъ страсть къ черченію и рисованію, обнаружившуюся въ Михаилѣ Осиповичѣ съ юныхъ лѣтъ. Будучи десятилѣтнимъ отрокомъ, Михаилъ Микѣшинъ уже писалъ масляными красками подъ руководствомъ сельскаго иконописца Тита Андроныча, при чемъ самъ приготовлялъ холстъ, кисти и выдѣлывалъ краски изъ минераловъ и растеній. Учиться началъ въ рославльскомъ народномъ училищѣ; потомъ окончилъ курсъ въ трехъ-классномъ уѣздномъ. Затѣмъ занимался черченіемъ топографическихъ и архитектурныхъ плановъ, полотна и зданій строившагося тогда Московско Варшавскаго шоссе и тѣмъ содержалъ престарѣлыхъ и обѣднѣвшихъ своихъ родителей. Въ 1852 году шестнадцатилѣтній М. О. Микѣшинъ былъ привезенъ въ Петербургъ смоленскимъ помѣщикомъ А. А. Вонлярлярскимъ и поступилъ въ Академію Художествъ въ баталическій классъ профессора Б. И. Виллевальда. Первые годы въ Академіи молодой художникъ испытывалъ крайнюю бѣдность и лишенія, но при всемъ томъ получилъ послѣдовательно всѣ художественныя награды за картины масляными красками баталическаго содержанія и окончилъ исторической картиной: «Въѣздъ графа Тилли въ Магдебургскій соборъ» [1]). Получилъ двѣ серебряныя и двѣ золотыя медали отъ Академіи и былъ стипендіатомъ императора Николая I. За рисунки, дѣланные по заказамъ высочайшихъ особъ, много разъ былъ награждаемъ перстнями, часами и т. п. драгоцѣнными подарками. Давалъ уроки рисованія при дворахъ ея высочества великой княгини Маріи Николаевны и его высочества великаго князя Николая Николаевича. Въ свитѣ великаго князя, въ качествѣ художника, Микѣшинъ совершилъ путешествіе въ Польшу, Малороссію, Крымъ, на Кавказъ и по Закавказью, при чемъ произвелъ множество рисунковъ. Курсъ въ Академіи онъ окончилъ въ 1858 году и, кромѣ большой золотой медали, получилъ, въ видѣ награды, право на шестилѣтнее заграничное содержаніе, которымъ, однако же, не воспользовался потому, что въ слѣдующемъ 1859 году получилъ первый призъ на конкурсѣ за модель памятника тысячелѣтію Россіи, сооруженнаго въ Новгородѣ [2]). По высочайшему повелѣнію, Микѣшину были поручены главныя колоссальныя работы по этому памятнику и дирекція надъ всѣми прочими по немъ работами.

Въ 1861 году Микѣшинъ выигралъ конкурсъ за сочиненіе памятника Ека-

---

[1]) Картина эта пріобрѣтена его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

[2]) На этомъ конкурсѣ участвовало пятьдесятъ семь конкурентовъ, большею частію академиковъ и профессоровъ Академіи. Премія была присуждена Академіею и спеціальною коммиссіею изъ ея членовъ и ученыхъ инженеровъ.' Ред.

теринѣ II. Въ томъ же году по заказу покойнаго профессора А. М. Горностаева, сдѣлалъ массивныя скульптурныя двери на гробницу князя Пожарскаго въ г. Угличѣ; эти двери были отлиты на заводѣ Шопена.

Открытіе памятника тысячелѣтію Россіи послѣдовало осенью 1862 года. Микѣшинъ былъ всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. и пожизненнымъ пенсіономъ въ 1,200 руб. сер. (При этомъ замѣтимъ, что ни за памятникъ тысячелѣтія, ни за монументъ Екатерины II художникъ Академіею награжденъ не былъ).

Въ 1864 году Микѣшинъ выигралъ конкурсъ, предложенный португальскимъ правительствомъ за проэктъ монумента португальской конституціи, дарованной королемъ Дономъ Педро I. Крестъ Христа Спасителя и дипломъ на званіе члена Лиссабонской Академіи были наградами, пожалованными русскому художнику португальскимъ правительствомъ.

Въ 1866 году Микѣшинымъ сочиненъ былъ памятникъ освобожденія Сербіи (Георгію Черному). За это онъ получилъ отъ черногорскаго князя Николая крестъ ордена «за независимость» и причисленъ къ членамъ сербскаго ученаго дружества.

Въ сентябрѣ 1867 г., по желанію Его императорскаго высочества Генералъ-Адмирала, г. Микѣшинъ сочинилъ проэктъ памятника адмиралу Алексѣю Самуиловичу Грейгу, для города Николаева. Проэктъ этотъ удостоился Высочайшаго одобренія и, согласно проэкту, морскимъ министерствомъ заказано было художнику сдѣлать модель, которая также была вполнѣ одобрена.

Въ 1868 году г. Микѣшинъ, по собственноручному письменному приглашенію покойнаго князя Сербіи Михаила Обреновича III, отправился въ Сербію по поводу переговоровъ о сооруженіи тамъ памятника освобожденію Сербіи, т. е. князю Георгію Черному, проэктъ котораго сочиненный, Микѣшинымъ, за два года тому назадъ, былъ заранѣе одобренъ княземъ Михаиломъ III. Это приглашеніе было возобновлено сербскимъ министромъ (впослѣдствіи регентомъ княжества) Ристичемъ, который тогда былъ посылаемъ къ европейскимъ дворамъ съ дипломатическими порученіями. Прибывъ въ Сербію, г. Микѣшинъ уже не засталъ въ живыхъ приглашавшаго его князя: Михаилъ Обреновичъ палъ отъ руки убійцъ въ Топчидерѣ, близъ Бѣлграда и въ соучастіи этого убійства былъ заподозрѣнъ тогда князь Александръ Карагеоргіевичъ, развѣнчанный властитель Сербіи—сынъ Георгія Чернаго, арестованный и преданный суду въ минуту прибытія Микѣшина въ Сербію. Тогда все напоминавшее династію Карагеоргіевичей, было гонимо, презираемо сербами. Монументъ родоначальнику ненавистной династіи былъ, конечно, неудобенъ и несвоевременъ, потому и остался невѣдомъ массѣ населенія, а г. Микѣшину—радушно принятому молодымъ княземъ Миланомъ Обреновичемъ IV и членами регентства—поручено было сочинить памятникъ политической и государственной дѣятельности покойнаго князя Михаила III. Въ теченіе шести недѣль, проведенныхъ въ Бѣлградѣ, г. Микѣшинъ сочинилъ два проэкта памятниковъ: 1) для сооруженія въ Топчидерѣ на мѣстѣ убіенія князя, и 2) для главной бѣлградской площади. Оба проэкта были апробованы нарочными комитетами и коммиссіями и вполнѣ одобрены княземъ, членами регентства и министрами. Сооруженіе монументовъ было отложено до сбора нужныхъ на то пожертвованій. Уѣзжая изъ Сербіи, г. Микѣшинъ пожертвовалъ оба проэкта съ тѣмъ, чтобы коммиссія сооруженія памятника могла ихъ напечатать и издать, а деньги, вырученныя, отъ продажи пріоб-

щить къ общему фонду сооруженія, что и было исполнено весьма успѣшно, ибо отъ продажи этого изданія, коммиссія (какъ мы слышали) выручила свыше 10,000 червонцевъ.

Позволяемъ себѣ распространиться здѣсь объ этомъ трудѣ г. Микѣшина потому, что именно теперь онъ переживаетъ весьма интересный фазисъ. Со времени сочиненія упомянутыхъ проэктовъ протекли годы... Пожертвованія собирались въ обиліи и достигли требуемой суммы въ 20,000 червонцевъ; художникъ полагалъ, что наступило уже и время для сооруженія... но—въ сербскихъ газетахъ прошлаго года появилась публикація коммиссіи, вызывающая на конкурсъ для сочиненія памятника князю Михаилу Обреновичу III. Всего замѣчательнѣе, что коммиссія предложила конкурентамъ сочиненіе г. Микѣшина не только въ общей идеѣ, но и въ мельчайшихъ подробностяхъ, не выключая ни сюжетовъ для барельефовъ, ни надписей. Приписывая этотъ ни съ чѣмъ несообразный поступокъ коммиссіи ея невѣдѣнію и неопытности въ дѣлахъ подобнаго рода, г. Микѣшинъ, не желалъ огласкою этого факта дать поводъ къ насмѣшкамъ партіи противной идеѣ славянскаго объединенія и молча выжидалъ, чѣмъ окончится дѣло. Конкурсъ, по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ, не состоялся. Затѣмъ послѣдовала новая ошибка уже не коммиссіи, но самаго сербскаго правительства, въ нынѣшнемъ году назначившаго универсальный конкурсъ съ тремя денежными преміями. Условія сочиненія опять были тѣ же, что и предложенныя коммиссіей, т. е. основаны были на идеѣ г. Микѣшина. Срокомъ доставки проэктовъ въ Бѣлградъ назначено было 1-го сентября текущаго года, а объявленіе результата и присужденіе премій опредѣлялось въ пятнадцатидневный срокъ. Эти условія, напечатанныя въ Бѣлградѣ на сербскомъ и на русскомъ языкахъ, были разосланы художникамъ по почтѣ; этимъ путемъ получилъ ихъ и г. Микѣшинъ. И на этотъ разъ онъ располагалъ быть безучастнымъ, находя неудобнымъ конкурировать съ самимъ собою; но въ концѣ нынѣшняго лѣта онъ получилъ оффиціальнаго характера письмо за подписью сербскаго министра публичныхъ сооруженій, которымъ г. Микѣшина въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ приглашали принять участіе въ конкурсѣ, при чемъ назначеніе конкурса объясняли неизбѣжными и «позитивными законами страны», которымъ слѣдуютъ при всѣхъ важныхъ отечественныхъ сооруженіяхъ.

Г. Микѣшинъ и послѣ этого приглашенія счелъ неудобнымъ конкурировать отъ своего имени, но рѣшился сочинить новый проэктъ и представить его на конкурсъ, скрывъ свое имя подъ девизомъ: to be or not to be (быть, или не быть). На англійскомъ же языкѣ были сдѣланы описанія, объясненія проэкта и смѣты его сооруженія и чрезъ здѣшнюю коммиссіонерскую контору г. Ваншейдта, 23-го августа (т. е. за 9 дней до срока), проэктъ былъ посланъ на конкурсъ, въ Сербію, при чемъ контора дала и телеграмму въ Бѣлградъ объ отсылкѣ того числа, проэкта отъ англійскаго художника подъ вышеупомянутымъ девизомъ. Къ крайнему удивленію г. Микѣшина, въ 168 № сербской газеты «Видов'данъ», онъ прочиталъ, что коммиссія сооруженія памятника князю Михаилу, въ засѣданіи своемъ 4-го сентября стараго стиля, по разсмотрѣніи 17-ти проэктовъ, представленныхъ на конкурсъ—опредѣлила 1-ю премію вѣнскому художнику Пильцу, 2-ю—Бочини, изъ Флоренціи и 3-ю—Вагнеру—изъ Вѣны. Къ этому редакція присовокупила, что ни одинъ изъ награжденныхъ проэктовъ въ общихъ частяхъ не былъ признанъ коммиссіею годнымъ къ сооруженію, но она признала, что у одного можно заимствовать статую князя,

у другаго—пьедесталъ, у третьяго—атрибуты и проч. Въ то же время г. Микѣшинъ чрезъ контору г. Ваншейдта получилъ увѣдомленіе, что его проэктъ былъ доставленъ въ Бѣлградъ 5-го сентября, но коммиссіею не принятъ, такъ какъ конкурсъ рѣшенъ и преміи были присуждены 4-го числа. Это извѣстіе получено было г. Микѣшинымъ 15-го сентября и онъ немедленно, телеграммою, жаловался сербскому митрополиту высокопреосвященному Михаилу на эту вопіющую несправедливость, а министру сооруженій послалъ протестъ, но рѣшеніе коммиссіи, присудившей преміи одинадцатью днями ранѣе ею объявленнаго срока, не смотря на то, что еще 23-го августа была увѣдомлена телеграммою объ отсылкѣ ей на разсмотрѣніе проэкта изъ Петербурга. Вслѣдствіе протеста министръ принялъ проэктъ и, по сличеніи съ другими, онъ былъ признанъ лучшимъ изъ всѣхъ о чемъ митрополитъ Михаилъ и увѣдомилъ г. Микѣшина, но такъ какъ конкурсъ былъ уже рѣшенъ, преміи были выданы, то и проэктъ г. Микѣшина могъ быть утвержденъ только высшею властію, по возвращеніи изъ путешествія по Европѣ, князя Милана Обреновича IV. Въ такомъ положеніи въ настоящее время вопросъ, рѣшеніе котораго составляетъ весьма важный эпизодъ въ жизни нашего художника.

Возвращаемся къ обзору его дѣятельности.

Осенью 1868 года нашимъ морскимъ министерствомъ г. Микѣшину было поручено опредѣлить лучшее мѣсто въ гор. Николаевѣ для памятника А. С. Грейгу, также осмотрѣть каменоломни въ гор. Вознесенскѣ, на рѣкѣ Бугѣ, для пріисканія породы порфира или гранита, годной для пьедестала, что и было исполнено г. Микѣшинымъ осенью того-же 1868 г. на возвратномъ его пути въ Россію изъ славянскихъ земель.

Изъ Николаева г. Микѣшинъ былъ приглашенъ въ Кіевъ для переговоровъ о сооруженіи памятника гетману Богдану Хмельницкому. По прибытіи въ Кіевъ, г. Микѣшинъ сочинилъ эскизъ этого памятника, по основной идеѣ сходный съ высочайше утвержденною впослѣдствіи моделью.

По возвращеніи въ Петербургъ, г. Микѣшинъ занялся исполненіемъ колоссальной статуи адмирала А. С. Грейга и малой моделью памятника Богдану Хмѣльницкому. Ровно черезъ годъ, 4-го ноября 1869 г., въ занимаемой художникомъ мастерской, въ зданіи главнаго адмиралтейства, обѣ работы, вполнѣ оконченныя, Высочайше одобрены, а модель памятника Богдану Хмельницкому утвердена къ сооруженію въ колоссальную величину. По сему въ Кіевѣ былъ учрежденъ комитетъ для сбора приношеній на этотъ памятникъ.

Послѣдніе четыре года г. Микѣшинъ, продолжая работы по памятнику императрицы Екатерины II, произвелъ многія работы по заказамъ морскаго министерства, какъ-то: рѣзныя колосальныя статуи для броненосныхъ судовъ нашего военнаго флота: Мининъ, Пожарскій, Чичаговъ, Спиридовъ Грейгъ, Лазаревъ и для императорскихъ яхтъ: Ливадія и Держава сочинилъ памятникъ для гор. Николаева побѣдамъ Черноморскаго флота и матросу Игнатію Ивановичу Шевченкѣ. Оба памятника къ сооруженію одобрены. Для Малахова Кургана, въ Севастополѣ, имъ же сочиненъ памятникъ адмираламъ: Корнилову, Нахимову и Истомину.

Въ настоящее время Микѣшинъ занятъ изготовленіемъ статуй для носовыхъ частей броненосныхъ фрегатовъ Петръ Великій и Генералъ-Адмиралъ и колоссальными, только что начинающимися работами памятника Богдану Хмѣльницкому. Въ свободное отъ этихъ обязательныхъ занятій время, художникъ занятъ сочиненіемъ громаднаго монумента въ память ве-

ликой нашей отечественной эпопеи — Севастополя и памятника своему геніальному земляку—М. И. Глинкѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что послѣ многихъ лѣтъ, отвлекавшихъ Микѣшина отъ его первоначальной профессіи, онъ теперь снова занялся живописью.

Сообщивъ біографическія свѣдѣнія о М. О. Микѣшинѣ, считаемъ обязанностью сказать нѣсколько словъ о его ближайшихъ сотрудникахъ при первоначальныхъ работахъ по памятнику Екатерины II. Въ началѣ работъ, Микѣшину помогалъ никому неизвѣстный юноша, почти мальчикъ — теперь одинъ изъ даровитыхъ нашихъ художниковъ — Матвѣй Аѳанасьевичъ Чижовъ, который во время работъ по монументу прошелъ курсъ Академіи и теперь, въ качествѣ пенсіонера Императорской Академіи Художествъ, находится въ Римѣ.

Другой помощникъ г. Микѣшина—о которомъ уже было упомянуто выше—Александръ Михайловичъ Опекушинъ тоже былъ неизвѣстенъ публикѣ: это былъ скромный труженикъ на заводѣ Іенсена, гдѣ работалъ орнаментныя вещи и каріатиды для архитектурныхъ украшеній. Во время работъ по монументу Екатерины II, Опекушинъ получилъ отъ Академіи Художествъ званіе класснаго художника, а впослѣдствіи и академика (за бюстъ М. О. Микѣшина, бывшій на выставкѣ). Какъ Чижовъ, такъ и Опекушинъ—по происхожденію простые русскіе люди — достойные представители отечественныхъ талантовъ, въ которыхъ, благодаря Бога, у насъ на святой Руси не было, нѣтъ и никогда не будетъ недостатка. **Ред.**

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

ВЪ БИБЛІОТЕКѢ

ДВОРЦА ГОРОДА ПАВЛОВСКА.

Павелъ Петровичъ, въ бытность его наслѣдникомъ престола, проводилъ большую часть времени то въ Гатчинѣ, то, въ особенности во вторую половину царствованія Екатерины II, въ любимомъ и уединенномъ своемъ Павловскѣ. Въ 1776 году Великій Князь положилъ основаніе этому живописному городку и съ того времени Павловскъ справедливо славится своимъ превосходнымъ по размѣрамъ и расположенію парку, безспорно лучшему въ Россіи и имѣющимъ немного ему равныхъ во всей Европѣ.

Дворецъ въ Павловскѣ, рисунокъ котораго помѣщенъ на этой страницѣ въ виньеткѣ, есть одно изъ самыхъ изящныхъ созданій архитектуры Екатерининскаго вѣка. Строителемъ его былъ знаменитый Камеронъ; художественная часть принадлежитъ не менѣе славному Гонзаго.

Сравнительно небольшой, дворецъ въ Павловскѣ вмѣщаетъ въ себѣ нынѣ два собранія драгоцѣнныя въ художественномъ и научномъ отношеніяхъ: мы говоримъ о Художественномъ Музеѣ, устройство котораго относится къ послѣднимъ годамъ столѣтней жизни Павловска, именно къ 1872 г. и о Библіотекѣ, начало которой поло-

жено еще великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, а полное развитіе принадлежитъ послѣдующему времени.

Музей въ Павловскѣ вмѣщаетъ въ себѣ значительное собраніе древнихъ памятниковъ искусства. Изъ его описанія, составленнаго въ 1872 г. академикомъ Стефани (Спб., 1872 г., въ 8-ю д.), видно, что эти памятники находились въ разныхъ частяхъ дворца (и частью даже въ паркѣ), но нынѣ, по волѣ Августѣйшаго Владѣльца Павловска, соединенные въ одну превосходную галлерею, они составили такое собраніе, которое, если не можетъ соперничать съ другими подобными, по количеству содержащихся въ немъ предметовъ, то тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству г. Стефани, „заслуживаетъ полнаго вниманія по ихъ внутреннему достоинству, при чемъ бо́льшая часть, и при томъ самыхъ замѣчательныхъ предметовъ, еще совершенно не извѣстна ученому міру [1]).“ Описаніе г. Стефани касается, впрочемъ, только греческихъ и римскихъ художественныхъ произведеній, входящихъ въ составъ Павловскаго Музея, кромѣ ихъ въ немъ есть нѣсколько памятниковъ египетскаго искусства, а также собраніе произведеній искусствъ и художествъ новѣйшихъ временъ.

Что касается Библіотеки, то она занимаетъ длинную и весьма свѣтлую галлерею въ правомъ циркулѣ Павловскаго дворца, и вмѣщаетъ въ себѣ 20,895 томовъ книгъ, на всѣхъ новѣйшихъ языкахъ; книги расположены по нѣсколькимъ отдѣламъ. Кромѣ книгъ, въ библіотекѣ хранится 1,354 собраній видовъ, чертежей, рисунковъ и 1,294 экземпляра болѣе или менѣе отличныхъ гравюръ, въ 27-ми портфеляхъ. Рукописный отдѣлъ Библіотеки состоитъ изъ 62-хъ рукописей церковно-славянскаго до-Петровскаго письма, 392-хъ рукописей XVIII и XIX вв. (русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ) и 57-ми связокъ разныхъ историческихъ матеріаловъ, каковы: переписка Екатерины II, Павла Петровича, большое собраніе бѣловыхъ и черновыхъ писемъ великой княгини Маріи Θеодоровны, а также изъ обширныхъ собраній учебныхъ тетрадей, замѣтокъ и выписокъ Павла I, Маріи Θеодоровны и Елисаветы Алексѣевны.

Съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, ознакомившись съ помянутыми историческими матеріалами, редакція „Русской Старины“ представляетъ нынѣ переписку императрицы Екатерины II съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгинею Маріею Θеодоровной, за время съ 1783-го по 1796 г.

Ред.

---

[1]) Лѣтомъ 1873 г. Музей этотъ былъ ежедневно открытъ для публики.

Catherine II.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Письма и документы, хранящіеся въ архивѣ дворца гор. Павловска,

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя

Великаго Князя Константина Николаевича.

Въ Библіотекѣ дворца города Павловска хранятся многіе документы, составляющіе драгоцѣнные матеріалы для исторіи царствованій Екатерины II и Павла I. Изъ нихъ въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества» (томъ IX 1872 года) были напечатаны: переписка о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича съ принцессою Виртембергскою Софіею-Доротеею-Августою и письма императрицы Екатерины II къ великому князю и его супругѣ — съ 1779 по 1782 годъ.

Эти историческіе документы весьма любопытны; но не менѣе интереса представляютъ бумаги, относящіяся къ годамъ послѣдующимъ, нынѣ украшающія страницы нашего изданія. Письма эти—дорогой вкладъ въ сокровищницу отечественной исторіи. Многія изъ нихъ, яркими чертами характиризуя умъ, сердце и силу воли великой императрицы, въ то-же время знакомятъ съ ея семейнымъ бытомъ: ея отношеніями къ сыну, невѣсткѣ, ея материнскія заботы о внукахъ и внучкахъ, и выясняютъ ихъ положеніе въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II.

Располагая эти письма въ хронологическомъ порядкѣ, мы, разумѣется, не включили въ ихъ число тѣхъ писемъ и записокъ, которыя, будучи неоцѣненны единственно — какъ автографы, не могутъ быть причислены — по незначительности своего содержанія — къ историческимъ матеріаламъ.

Бóльшая часть нынѣ печатаемыхъ документовъ писаны на французскомъ языкѣ: подлинники помѣщены внизу, переводъ—въ текстѣ.

Ред.

Разговоръ императрицы Екатерины II съ великимъ княземъ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ.

Этотъ важный разговоръ о занятіи Крыма и о дѣлахъ польскихъ былъ записанъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ собственноручно и немедленно по его возвращеніи отъ императрицы. Документъ драгоцѣнный въ двоякомъ отношеніи: онъ проливаетъ яркій свѣтъ на политическія воззрѣнія Екатерины II,

и въ то-же время служитъ доказательствомъ степени той искренности, которая существовала (1783 г.) между императрицею и наслѣдникомъ престола.

Разговоръ записанъ на листѣ толстой, сильно-проклеенной сѣроватой бумаги съ золотымъ обрѣзомъ. Листъ обложенъ поперекъ полоской бѣлой бумаги съ нижеслѣдующей надписью:

Собственноручное императора Павла означеніе для памяти его о бывшемъ его разговорѣ 12-го мая 1783 года съ государынею матерью его о занятіи Крыма и о выборѣ короля Станислава Понятовскаго въ наслѣдники короля польскаго.

Сего дня, мая 12, 1783 г., будучи по утру у Государыни, по прочтеніи депешей, читанъ былъ объявительной манифестъ о занятіи Крыма. Сей манифестъ будетъ всему свѣту извѣстенъ, то я о немъ ничего и не пишу. Когда сіе чтеніе кончилось, я вставъ, сказалъ: должно ожидать, что Турки на сіе скажутъ.

Государыня: Имъ ничего отвѣчать не можно, ибо сами примѣръ подали занятіемъ Тамана и генерально неисполненіемъ Кайнарджицкаго трактата.

Я: Но что протчія державы станутъ тогда дѣлать?

Государыня: Франція не можетъ дѣлать, ибо и въ прошлую войну не могла каверзами ничего надѣлать. Швеціи—не боюсь. Императоръ, если-бы и не сталъ ничего дѣлать, такъ мѣшать не будетъ......

Я: Французы могутъ въ Польшѣ насъ тревожить.

Г.: Никакъ, ибо и въ прошлую войну ничего же важнаго всѣми конфедераціями не надѣлали и намъ въ главномъ ни въ чемъ не помѣшали.

Я: Но въ случаѣ-бы смерти нынѣшняго Польскаго Короля, при выборѣ новаго, ибо нынѣшній слабъ здоровьемъ, могутъ насъ безпокоить или выборомъ своимъ, или мѣшая намъ, какъ-то именно Саксонской фамиліи.

Г.: Для сего стараться надобно выборъ свой сдѣлать.

Я: Что в: в: думаете по сему: лучше-ли по связямъ нашимъ съ Польшею желать намъ Піаста или инаго дома, имѣющаго по себѣ силу, или опять Піаста взявъ, сдѣлать корону въ его домѣ наслѣдственною, ибо частые выборы насъ лишь надсажають и другимъ охоту могутъ дать намъ подражать?

Г.: Я тебѣ скажу откровенно и какъ Императрица Россійская, что для блага Россіи, а особливо по силѣ Польши желать надобно, чтобъ она наслѣдственною не была, дабы силы не имѣла и съ нею перекинуться къ другой державѣ не могла.

Я: Но чтобъ другія, вмѣсто насъ, того-же съ Польшею, по нынѣшнему ея состоянію, дѣлать не захотѣли?

Г.: Я тебѣ скажу, что для сего надобно попасть на человѣка пріятнаго націи и не имѣющаго связей (Anhang); въ довѣренности я тебѣ скажу, что для сего у меня на примѣтѣ есть уже племянникъ Королевской князь Станиславъ, котораго качествы и тебѣ и мнѣ извѣстны.

Я: На сіе не могъ инако отвѣчать какъ со удовольствіемъ.

Г.: Прошу о семъ не говорить. Я и сама никакъ ему даже виду не подаю, чтобъ дѣла прежде времени не испортить.

Я: Но чтобъ таковое молчаніе, приведя его въ неизвѣстность о будущемъ его состояніи, не заставило перекинуться на другую какую-нибудь сторону?

Г.: Всегда время будетъ его поворотить, предоставя таковую перспективу.

Помѣта: Довѣренность мнѣ многоцѣнна, перьвая и удивительна. Павелъ.

Письма императрицы къ великому князю цесаревичу и его супругѣ.

Писаны собственноручно во время путешествія императрицы по Финляндіи, со дня ея отъѣзда изъ Петербурга (15-го іюня) по день возвращенія (11-го августа).

1783 годъ.

Петербургъ, 15-го іюня 1783 г.

Любезныя дѣти, я пріѣхала сюда въ совершенномъ здоровьи, обѣдала у г. Бецкаго и въ настоящую минуту сижу въ саду Эрмитажа, откуда и пишу вамъ; черезъ полтора часа, то есть въ 6 часовъ, я уѣзжаю отсюда. Прощайте, обнимаю васъ и дѣтей вашихъ, будьте здоровы.

На оборотѣ: «Ихъ высочествамъ».

Выборгъ, 17-го іюня 1783 г.

Любезныя дѣти, я пріѣхала сюда въ добромъ здоровьи вчера между восемью и девятью часами вечера, днемъ было очень пыльно;

à Petersb., ce 15 juin 1783.

Je suis arrivée ici en bonne santé, mes chers enfants, j'ai diné chez Mr Betzky et présentement je suis assise dans le jardin de l'Ermitage d'où je Vous écris; dans une heure et demi je pars d'ici, c'est-à-dire à 6 heures. Adieu, je Vous embrasse et Vos enfants aussi, portez Vous bien.

à Выборгъ, ce 17 juin 1783.

Je suis arrivée ici, mes chers enfants, en bonne santé hier au soir entre neuf et dix heures du soir, pendant toute la journée nous avons eu beaucoup

сегодня утромъ около девяти часовъ уѣзжаю въ Фридрихсгамъ, гдѣ мы отдохнемъ завтра. По извѣстіямъ съ границъ его величество король пріѣдетъ въ понедѣльникъ, но почтѣ и почтмейстерамъ довѣряться нельзя, сегодня вечеромъ мы получимъ болѣе точныя извѣстія. Прощайте, обнимаю васъ и дѣтей вашихъ. Какъ здоровье принцессы Виртембергской? Пишу вамъ между шестью и семью часами утра, въ ту пору, когда въ Царскомъ Селѣ или въ Павловскѣ приготовляются къ прогулкѣ, а люди рано встающіе уже покидаютъ свои гнѣзда. Когда будете писать мнѣ, отправляйте письма ваши прямо на почту, мнѣ съумѣютъ ихъ доставить, и это не такъ хлопотливо.

На оборотѣ: «Ихъ высочествамъ, любезнымъ дѣтямъ моимъ, великому князю и великой княгинѣ».

Фридрихсгамъ, 18-го іюня 1783 г.

Вчера. за двѣ станціи отсюда, любезныя дѣти, мнѣ передали ваши письма отъ 16-го іюня, радуюсь, что у васъ всѣ здоровы. Вчера около девяти часовъ вечера я пріѣхала въ Фридрихсгамъ. Начиная съ Выборга въ продолженіе всего дня мы видѣли только двухъ птицъ, да и то были: ворона да рыболовъ; въ этой странѣ совсѣмъ не видать живыхъ существъ, даже комаровъ нѣтъ, которыхъ здѣсь не водится, мы не встрѣчали ихъ отъ самой Осиновой-Рощи, за то камней въ безчисленномъ множествѣ; сама почва кажется каменистая, жители рѣдки, такъ же какъ и плодоносная земля; финляндцамъ однако удается уничтожать каменья и обращать ихъ въ пахатную землю; дѣлается это медленно, но все-таки дѣлается, и я

---

de poussière; je pars d'ici ce matin vers neuf heures pour Fridrichsham ou nous nous reposerons demain; les nouvelles des frontières disent que Sire Roi viendra lundi, mais bruit de commissaire ou maitre de poste n'est pas toujours vérité, nous en recevrons ce soir de plus positives. Adieu, je Vous embrasse et Vos enfants aussi. Comment se porte la Princesse de Wurtemberg? Je Vous écris entre six et sept heures du matin, heure où à Czarsko-çelo ou à Pawlofsky on se prépare à la promenade, et où les matinaux sont déjà hors du nid. Quand Vous voudrez m'ecrire envoyez Vos lettres tout droit à la poste. on saura bien me les faire parvenir et il y a moins d'embarras à cela.

à Fridrichsham, ce 18 juin 1783.

Hier à deux postes d'ici on m'a remis Vos lettres, mes chers enfants, du 16 juin, je suis bien aise de voir que tout le monde chez Vous se porte bien, je suis arrivée vers les neuf du soir hier à Fridrichsham; depuis Wiborg nous n'avons vu toute la journée que deux oiseaux, encore l'un était-ce une corneille et l'autre un рыболовъ, cette contrée est toute dégarnie d'être vivans, il n'y a pas jusqu'au cousin qui ne l'habite pas, nous n'en avans pas vu depuis Assi-

не преувеличиваю, говоря, что мы видѣли тысячи — подобнымъ образомъ обращенныхъ въ землю каменьевъ. Чтобы понять, откуда берется мгла, застилающая солнце въ Царскомъ Селѣ и состоящая изъ дыма и испареній, разсѣять которые не могли ни дожди, ни грозы прошедшей недѣли, стоитъ побывать здѣсь. На встрѣчу намъ подулъ свѣжій морской вѣтеръ, наносящій къ намъ дымъ отъ финляндскихъ работъ: здѣсь каждый поселянинъ приготовляетъ поле свое, пережигая предназначенное для сего пространство земли, пламя обращаетъ большіе и малые каменья въ дресву и довольно тонкую пыль, затѣмъ срубаютъ выжженный лѣсъ, одна его часть отъ корня превращается такимъ образомъ въ уголь, другая служитъ на прочія потребности. Вся эта дорога безъ большаго труда могла бы быть сокращена на половину, но до сихъ поръ выбирали путь, или лучше сказать ѣздили по дорогѣ, проторенной чухонскими таратайками; дорога до того узка, что съ трудомъ можетъ проѣхать одна карета, встрѣчи же, слава Богу, не случаются: вотъ уже двадцать четыре часа, какъ мы не встрѣчали даже и телѣжки, да это и невозможно; повороты и извилины дороги такъ многочисленны, что въ теченіе получаса, даже меньше, то солнце, то свѣжій вѣтеръ съ моря попеременно обдавали насъ со всѣхъ сторонъ. Дорога такъ неудобно проложена, что съ нея чуть ли не случается ворочаться назадъ—и когда воображаешь, что подвигаешься впередъ, ни чуть не бывало, васъ везутъ въ ту сторону, въ которую вы никакъ не ожидали; только при лѣни и нерадивости прежней администраціи могла существовать подобная дорога. Помнится, что когда-то и Московская была въ та-

---

nova роща, en revanche la miltitude de pierres est innombrable et le terrain parait être roche, les habitations sont extrêmement rares de même que le terrain labourable, cependant les Finois sont parvenus à détruire les pierres et à les convertir en terrain labourable; l'opération est lente, mais elle se fait et si je dis que nous en avons vu des milliers ainsi converties, je n'exagère pas. Pour savoir d'où vient cet air épais qui couvre le soleil à Czarsko-çelo moitié fumée, moitié vapeur, que les pluies et orages de la semaine passée n'ont pu abattre, il faut venir ici, nous y avons trouvé une brise fraiche venant de la mer qui Vous amène la fumée des opérations finoises; ici toute habitation prépare son champ en mettant le feu à l'espace qu'il y destine; ce feu réduit les pierres petites et grandes en gravier et en poussière assez fine, après quoi on en coupe le bois brulé, une partie depuis la racine en est devenue charbon, le reste sert à tous les autres besoins. Le chemin de toute cette route pourrait être diminué au moins de la moitié sans beaucoup de peine, mais jusqu'ici on a choisi, ou plutôt suivi. la route tracée par les charettes finoises: la route est si étroité qu' à peine un carrosse peut il passer, pour des rencontres on n'en fait pas Dieu merci: depuis vingt-quatre heures nous n'avons pas rencontré

комъ же родѣ. Но, баста! съ преобразованіемъ здѣшняго управленія дорога значительно сократится, сдѣлается шире и будетъ вымощена отличнымъ булыжникомъ съ такой легкостью, что въ глаза бросится. Прощайте, будьте здоровы; его величество король пріѣдетъ завтра, и кажется, что въ четвергъ мнѣ можно будетъ тронуться въ путь. Обнимаю васъ обоихъ; пусть любезная дочь моя поцѣлуетъ за меня бѣленькое личико своей невѣстки: мѣсто предоставляю на ея выборъ.

Фридрихсгамъ, 19-го іюня 1783 г.

Вчера утромъ я писала вамъ, что шведскій король пріѣдетъ сегодня, но послѣ обѣда узнала, что онъ прибылъ въ тотъ же день, и дѣйствительно, услышавъ, что я уже пріѣхала, онъ поспѣшилъ и прибылъ сюда вчера между шестью и семью часами вечера. Мы вмѣстѣ провели вечеръ, рука у него на перевязи и видно, что онъ немного страдаетъ, вообще же онъ кажется здоровъ; при немъ графъ Крейцъ и графъ Таубе и нѣсколько другихъ молодыхъ людей, которыхъ я впрочемъ не замѣтила. Вечеръ мы провели довольно весело, каждый разсказывалъ приключенія свои, и я также разсказала о всѣхъ пріятностяхъ дороги. Ваши императорскія высочества, также Александръ и Константинъ не были забыты, я не забыла и королевскаго принца: такъ какъ табакерка моя при мнѣ, онъ видѣлъ портреты ихъ, нашелъ, что старшій похожъ на свою мать — великую княгиню и за-

---

même une charette, mais aussi cela est impossible, on tourne et retourne tant de fois que dans une demi-heure et moins, bien des fois, nous avons eu le soleil et la brise fraiche de la mer dans toutes les directions, le chemin est si mal disposé que l'on révient sur ses pas presque, et que quand on croit aller en avant, point du tout, l'on Vous mène on Vous Vous attendiez le moins; il n'y a absolument qne la paresse et l'inattention des anciens arrangements qui ait pu laisser mener ainsi cette route, je me souviens qu'anciennement le chemin de Moscou etait dans ce genre. Mais basta, quand ce gouvernement prendra la nouvelle forme, ce chemin se raccourcira singulièrement et deviendra plus large, et sèra fait du plus beau gravier possible avec une facilité qui saute aux yeux. Adieu, portez Vous bien. Sire Roi viendra demain, et il parrait que je pourrai être en chemin jeudi. Je Vous embrasse tous les deux; ma chère fille appliquera de ma part un baiser sur le teint blanc de sa belle sœur; la place, je la laisse à son choix.

à Fridrichsham, ce 19 juin 1783.

Je Vous mandais hier matin que le Roi de Suède viendrait aujourd'hui; a midi j'appris qu'il arriverait le même jour, et effectivement, lorsqu'il a appris que j'étois arrivée il a fait plus de diligence et est venu ici hier au soir entre six et sept heures, nous avons passé la soirée ensemble; il a le bras en écharpe et l'on voit qu'il souffre un peu, mais d'ailleurs il parait se bien porter; le

тѣмъ спросилъ о времени родовъ? отвѣтъ: въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ іюля—сама она этого навѣрное не знаетъ. Прощайте, любезныя дѣти, обнимаю васъ. На сегодня достаточно, не надобно слишкомъ наклоняться и писать черезъ чуръ много. Поклонъ принцессѣ Виртембергской, мнѣ крайне не пріятно, что у нея опухла щека.

Фридрихсгамъ, 20-го іюня 1783 г.

Не можете себѣ представить, любезныя дѣти, до какой степени здѣсь отвратительна погода съ самаго моего пріѣзда: дуетъ холодный вѣтеръ и при томъ съ такою силою, что я удивляюсь, какъ еще держатся крыши, трубы и башни; по моему дому ходитъ сквозной вѣтеръ, а ежеминутные ливни дождя пополняютъ пріятность этого неистоваго вѣтра. Комнаты мои низки и нѣтъ возможности отворить ни одного окна, такъ что спертый воздухъ и вой вѣтра положительно оглушаютъ меня до такой степени, что чуть голова не кружится. Его величество король сильно страдаетъ отъ руки, вчера вечеромъ я съ величайшимъ трудомъ уговорила его лечь спать. Онъ уѣзжаетъ въ четвергъ рано утромъ и немедленно послѣ него отправлюсь и я; мѣсто это такъ хорошо, что можетъ служить ссылкой, а погода похожа на ту, которую мы вытерпѣли въ Братовщинѣ. Занимаемый мною домъ въ томъ же вкусѣ, милый мой сынъ можетъ описать его любезной дочкѣ, которой на память о Финляндіи я посылаю сердце,

---

Comte Kreutz et le Comte Taube sont avec lui et plusieurs autres jeunes gens, que je n'ai pas trop remarqués. La soirée etait assez gaie, chacun contait ses aventures et mes aventures du voyage avec tout les agréments que la matière comportait. Vos Altesses Impériales et Mess. Alexandre et Constantin n'ont pas été oubliés ni le prince Royal non plus, comme j'ai ma tabatière avec moi il a vu leurs portraits et il a trouvé que l'ainé ressemblait à Mad. Sa mére la Gr. Duchesse, puis on m'a demandé quand accuchera-t-elle? réponse: à la fin de ce mois ou au commencement de juillet, elle même ne le sait au juste. Adieu, mes chers enfants, je Vous embrasse. Suffit pour aujourd'hui, il faut tenir tête haute et pas trop écrire. Mes compliments à la Princesse de Wurtemberg, je suis très fachée de sa joue enflée.

à Fridrichsham, ce 20 juin 1783.

Vous ne sauriez Vous imaginer, mes chers enfants, quel temps abominable l fait depuis que je suis ici: une tempête froide y règne avec tant de violence, que je suis etonnée comment les toits, les cheminées et les tours y résistent, ma maison en est persée de part en part, et des bouffées de pluie ajoutent de l'agrément à ce vent impetueux, mes chambres sont basses et il n'y a pas moyen d'ouvrir une fenêtre de sorte que ces air enfermé et le bruit du vent m'étourdit à un point, qu'il y des moments où la tête m'en tourne ou peu s'en faut. Sire Roi souffre beaucoup de son bras, hier au soir je l'ai persuadé avec bien

твердое какъ скала (NB—это не мое), но я купила его, потому что мнѣ понравились бриліанты и работа. Что же касается принцессы Виртембергской, которой я обѣщала послать все, что я найду здѣсь наилучшаго, имѣю честь подарить ей портретъ баронессы фридрихсгамской: можете увѣрить ее, что это наилучшее украшеніе города, который есть непріятнѣйшее приморское мѣсто, также какъ и вся окрестность на пятьдесятъ верстъ. Прощайте, обнимаю васъ и дѣтей вашихъ, мы ждемъ не дождемся минуты, когда наконецъ выберемся изъ этого чистилища. Царское Село—рай въ сравненіи съ этой отвратительнѣйшей стороной. Всѣхъ тѣхъ, которые на будущее время не хорошо будутъ отзываться объ окресностяхъ Петербурга, я буду присылать на жительство на нѣсколько дней сюда.

На оборотѣ: «ихъ высочествамъ.

Петергофъ, 11-го августа 1783 года, семь часовъ утра.

Любезныя дѣти, я пріѣхала сюда между десятью и одинадцатью часами вечера, сыновья ваши со шталмейстеромъ опередили меня на полтора часа, но пріѣхавъ сюда не захотѣли ложиться спать до моего пріѣзда, и я чрезвычайно удивилась, увидя ихъ бѣгущихъ ко мнѣ на встрѣчу. Ихъ отдѣляетъ отъ меня лишь одна небольшая комната, вчера они ложились спать при мнѣ и я опять присутствовала сегодня при ихъ вставаніи, они совершенно здоровы и чрезвычайно

---

de la peine d'aller se coucher, il partira jeudi de grand matin, et dés qu'il sera parti, je me mettrai aussi en chemin, cet en droit est si beau, qu'il pourrait servir d'exil, et le temps, au peu s'en faut est comparable à celui que nous avons essuyé à Братовщина, la maison que j'habite est dans le même goût; mon cher fils, en pourra faire une description, à ma chère fille à laquelle j'envoie en mémoire des pierres de la Finlande, un cœur dure comme roche (NB. ce n'est pas le mien) mais je l'ai acheté ici parceque les brillants et l'ouvrage m'en ont plu. Pour la Princesse de Wurtemberg à qui j'ai promise d'envoyer ce que je trouverai de meilleur ici, j'ai l'honneur de lui présenter le portrait de la baronne de Fridrihsham. Vous pouvez l'assurer qu'elle est le meilleur meuble de la ville, qui est l'endroit de la mer le plus vilain, de même que tout ce qui l'eutoure à cinquante verstes à la ronde. Adieu, je Vous embrase de même que Vos enfants, nous soupirons d'après le moment où nous sortirons du purgatoire; Czarsko-çelo est un paradis vis á vis de cette vilainissime contrée. Tous ceux, qui à l'avenir diront du mal des environs de Petersbourg, je les enverrai démeurer quelques jours ici.

Peterhof, ce 11 d'Août 1783, à sept heures du matin.

Je suis venue ici entre dix et onze heures du soir, mes chers enfants, Vos fils m'ont dévancée de chez le grand écuyer d'une heure et demie, mais arrivés ici, ils n'ont pas voulu se coucher jusqu'à ce que je sois arrivée, et j'ai

радуются, что ихъ помѣстили внизу. Письма ваши я получила при отъѣздѣ изъ города, поздравляю любезную дочь мою съ переѣздомъ за городъ и чрезвычайно радуюсь, что воздухъ благотворно на нее дѣйствуетъ. Мнѣ казалось, что сынъ мой находился въ затрудненіи кого-нибудь пріискать, и потому я говорила съ графомъ Пушкинымъ о человѣкѣ, о которомъ онъ вамъ говорилъ и который слыветъ за порядочнаго. Здоровье Александры меня чрезвычайно радуетъ и я не сомнѣваюсь, что со временемъ она будетъ такъ же мила, какъ и ея братья. Прощайте, любезныя дѣти, обнимаю васъ.

На оборотѣ: «ихъ высочествамъ великому князю и великой княгинѣ».

1784 годъ.

Всѣхъ писемъ и записокъ этого года тринадцать; но изъ нихъ мы приводимъ только одно, любопытное въ историческомъ и въ біографическомъ отношеніи. Содержаніе прочихъ записокъ касается сообщеній о здоровьи, распоряженій хозяйственныхъ и, по большой части, ограничивается нѣсколькими строчками. Ред.

Великому князю.

17-го сентября 1784 г.

Дѣломъ справедливости и благоразумія признаю, любезный сынъ мой, чтобы вы послали орденъ св. Анны младшему сыну принца—намѣстника Любскаго, котораго я люблю и уважаю. Если сѣверный

été fort étonnée de les voir venir courrir à ma rencontre. Il n'y a qu'une chambrette entre eux et moi, j'ai assisté à leurs coucher hier et à leur lever d'aujourd'hui; ils se portent à merveille, et c'est une vraie joie d'enfants que d'être logé au rez-de-chaussé; j'ai reçu Vos lettres en partant de la ville, je félicite ma chère fille d'être parvenue jusqu'à sa campagne et me réjouis de ce (quel l'air lui fait du bien. J'ai cru que, mon cher fils, était dans l'embarras de trouver quelqu'un, et alors j'ai parlé ou Comte Pouschkin de la personne qu'il Vous a nommée, et qu'on dit être un homme comme il faut; la santé de Mademoiselle Alexandrine me cause beaucoup de satisfaction, je ne doute point qu'elle ne devienne avec le temps un personnage tout aussi aimable que Messieurs ses frères. Adieu, mes chers enfants, je Vous embrasse.

Ce 17 sept. 1784.

Je trouve juste et raisonnable, mon cher fils, que Vous envoyiez l'ordre de Ste Anne au fils cadet du Prince coadjuteur de Lubeck, que j'aime et estime. Si le veut du Nord qui nous a amené de la neige ce matin continue, Vous pourriez trouver de la possibilité mes chers enfants, à revenir de Gatchina en traineaux. Constantin est convalescent, mais Alexandre était encore incommodé hier, je pense que ce n'est autre chose qu'un développement de croissance. Les progrés et la bonne santé de Votre fille sont très satis faisants. Adieu, portez Vous bien.

вѣтеръ, нанесшій намъ снѣгу сегодня утромъ, будетъ еще дуть нѣкоторое время, вамъ можетъ быть возможно будетъ, любезныя дѣти, возвратиться изъ Гатчины на саняхъ. Константинъ поправляется, но Александръ не далѣе какъ вчера не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ; полагаю, онъ хвораетъ къ росту. Успѣхи и здоровье дочери вашей весьма удовлетворительны. Прощайте, будьте здоровы.

1785 годъ.

Великому князю съ супругою.

Городъ Новоторжекъ, мая 31-го 1785 г.

Я получила письма ваши, любезныя дѣти, отъ 28-го мая вчера при выѣздѣ изъ Вышняго-Волочка, куда? Какъ видите: письмо помѣчено изъ Новоторжка. Всѣ маленькіе города лежащіе на дорогѣ до того похорошѣли, что такъ и хочется переѣзжать изъ одного въ другой. Теперь я въ 70-ти верстахъ отъ Твери—города, всегда нравившагося мнѣ болѣе другихъ; оттуда я можетъ быть направлю путь свой къ Петровскому дворцу, а за тѣмъ чрезъ Москву ко дворцу Коломенскому, отъ котораго, какъ вамъ извѣстно, всего 4 версты до Царицына, оттуда до Екатерининскаго дворца всего 17 верстъ, а тамъ чрезъ Москву прямая дорога въ Петровскій дворецъ; изъ всего же

Городъ Новоторжекъ, мая 31-го 1785.

J'ai reçu Vos lettres, mes chers enfants, du 28 mai, en partant de Вышной-Волочекъ hier, pour où? Comme Vous voyez ma lettre est datée de Торжекъ. Toutes le petites villes de la route sont devenues si jolies, qu'on a envie d'aller de l'une à l'autre, me voilà à 70 verstes de Twer, qui toujours a été mon joujoux, de là la route peut mener au Petrovskoi «дворецъ», et de là, en passant par Moscou a Kolomensky дворецъ, d'où, comme Vous savez il n'y a que 4 werstes jusqu'à Царицинъ, de là à «Екатерининскій дворецъ» il n'y a que 17 et de là par la ville de Moscou au Petrofsky дворецъ le chemin vient en droiture, et de tout céla résulte que mardi prochain je prendrai de rechef le chemin de Вышной-Волочекъ, d'où ma routé continuera vers Petersbourg comme elle a été réglée avant mon départ. Le chemin que je fais me fait plaisir et je me porte bien. Adieu, je Vous embrasse.

NB. Le Roi de Suède n'a qu'à courrir après moi presentement pour m'attraper.

Sur la rivierè Волховъ entre Novgorod et Ladoga, ce juin 1785.

Je viens de recevoir ce matin, me chers enfants Vos lettres du 14 de ce mois. J'ai dîné hier à Novgorod, et j'en suis partie après diner; dans la soirée et ce matin le vent nous contrarie et il fait assez froid, et par conséquent il est difficile de déterminer au juste le jour de mon arrivée. Je suis fachée de l'indisposition de la belle Hélène, il ne sufft pas d'être belle il faut aussi qu'elle

этого слѣдуетъ, что будущій вторникъ я опять буду на дорогѣ въ Вышній-Волочекъ, откуда путь свой до Петербурга буду продолжать согласно маршруту, составленному еще до моего отъѣзда. Путешествіе доставляетъ мнѣ удовольствіе и я совершенно здорова. Прощайте, обнимаю васъ (NB—поперекъ страницы). Пусть теперь шведскій король погоняется за мною, покуда не поймаетъ меня.

На оборотѣ: «ихъ высочествамъ великому князю и великой княгинѣ».

На р. Волховѣ, между Новгородомъ и Ладогой, 16-го іюня 1785 г.

Только сегодня утромъ получила я, любезныя дѣти, письма ваши отъ 14-го числа сего мѣсяца. Вчера обѣдала въ Новгородѣ и уѣхала оттуда послѣ обѣда; вечеромъ и сегодня утромъ дуетъ встрѣчный вѣтеръ и довольно холодно, а потому и довольно трудно съ точностію опредѣлить день моего пріѣзда. Нездоровье Елены-прекрасной огорчаетъ меня; ей недостаточно быть красивой, надобно, чтобы она была и здоровой, какъ я этого и желаю; надѣюсь, что это пустяки. Наилучшее содержаніе въ Москвѣ безспорно Ростокинскій водопроводъ, кажется легкимъ какъ перо, имѣетъ 190 сажень въ длину и отъ четырехъ до пяти въ высоту, причемъ отличается чрезвычайною прочностью. Прощайте, обнимаю васъ, будьте здоровы. Екатерина.

Поклонъ мой принцессѣ Виртембергской; помнитъ-ли она меня?

---

se porte bien selon mes désirs, j'esprère que cela ne veut rien dire. Le plus beau des bâtiments de Moscou est sans contredit l'Aqueduc de Rostokina: il parait léger comme une plume, il a 190 toises de long et quatre à cinq de haut et est d'une grande solidité. Adieu, je Vous embrasse, portez Vous bien. Catherine.

Mes compliments à la Princesse de Wirtemberg, est-ce qu'elle se souvient de moi?

C'est dans la plus vive affliction que nour adressons ces lignes a V. M. J venant d'aprendre qu'elle est intentionnée de se faire accompagner par nos fils dans le grand voyage qu'elle va entreprendre. Dans les premiers moments d'agitation et de douleur que nous ressentons par cette nouvelle, et trop vivement émus pour pouvoir nous exprimer de bouche, nous avons recours à la plume pour Vous dire, Madame, tout ce que nous éprouvons à ce sujet. L'idée d'être éloingés de V. M. J. pendant six mois etait déjà accablante pour nous, le devoir nous a obligé de respecter Votre silence, Madame, sur ce voyage, et de renfermer ce sentiment de douleur en nous même; mais la nouvelle des ordres que Vous venez de donner pour les aprêts de voyage de nos fils, a mis le comble à nos douleurs, car l'idée, Madame, d'être séparés de Vous et d'eux est trop accablante pour nous, c'est l'expérience qui nous en fait parler, et le souvenir de ce que nous avons souffert pendant une absence pareille, ne nous permet

1786 годъ.

О предстоящемъ путешествіи императрицы.

Великій князь и супруга его — императрицѣ[1]).

Съ величайшимъ прискорбіемъ пишемъ сіи строки вашему императорскому величеству, только что узнавъ о вашемъ намѣреніи взять съ собой нашихъ сыновей въ предпринимаемое вами большое путешествіе. Въ первыя минуты волненія и горести, ощущенныя нами при этомъ извѣстіи, подъ вліяніемъ слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, чтобы быть въ состояніи выражаться изустно, мы прибѣгаемъ къ письму, чтобы выразить вамъ, государыня, все, что мы испытываемъ по сему случаю. Мысль быть въ разлукѣ съ вашимъ императорскимъ величествомъ въ теченіе шести мѣсяцевъ была уже сама по себѣ тяжела для насъ, но долгъ принудилъ насъ уважить молчаніе ваше, государыня, по поводу путешествія этого и скрывать горесть нашу; но извѣстіе о данныхъ вами приказаніяхъ касательно приготовленій къ путешествію сыновей нашихъ довершило нашу скорбь, ибо уже одна мысль, государыня, быть въ разлукѣ съ вами и съ ними слишкомъ тягостна для насъ. Говоримъ по опыту и воспоминаніе о томъ, что мы выстрадали во время подобной же разлуки, дѣлаетъ для насъ невыносимою ту мысль, что мы опять находиться будемъ въ такомъ же положеніи. Благоволите прочитать сіи строки снисходи-

---

pas de supporter l'idée de nous trouver de nouveau dans ce cas. Daignez lire avec bonté, avec indulgence ces lignes. Voyez y surtout, Madame, l'attendrissement avec lequel nous Vous les adressons, nous en appelons à Votre cœur maternel, qu'il soit notre juge, et nous ne craignons plus alors d'être réfusés. Nous osons Vous exposer Madame le tableau de nos peines, de nos craintes de nos inquiétudes sur le voyage de nos enfants. Celui de nos peines se présentera fortement à Vos yeux, Madame, en Vous souvenant de l'état dans lequel nous nous sommes trouvés au moment de notre départ pour les pays étrangers. Ce moment a été tel, Madame, que le souvenir du congé que nous avons pris alors de V. M. I. et de nos enfants, qui n'étaient cependant alors que dans la première enfance, nous cause encore la plus vive émotion, et qu'en verité nous ne nous sentons pas la force d'en supporter une semblable. Nos craintes, Madame, se portent sur la santé de nos enfants, dont l'âge tendre fait douter s'ils soutiendront les fatigues d'un long voyage, entrepris au plus fort de l'hiver, et le changement de climat, d'autant plus que nos fils, n'ont pas encor passé par toutes les maladies qu'éprouvent ordinairement les enfants. Nos inquiétudes se fondent encore sur ce que ce voyage et les distactions qui en seront une suite naturelle ne pourront qu' arrêter les progrés de leur éducation (et enfin, Ma-

---

[1]) Черновой набросокъ въ двухъ экземплярахъ, писанныхъ рукою великаго князя подъ диктовку его супруги. Ред.

тельно и милостиво: обратите вниманіе ваше на то умиленіе, съ которымъ онѣ писаны, обращаемся къ материнскому сердцу вашему, да будетъ оно судьей нашимъ, и тогда мы можемъ не опасаться болѣе отказа. Осмѣливаемся начертать вамъ, государыня, картину нашихъ страданій, опасеній и безпокойствъ по поводу путешествія дѣтей нашихъ. Страданія наши будутъ вамъ очевидны, государыня, если соблаговолите вспомнить объ ужасномъ положеніи, въ которомъ мы находились въ ту минуту, когда выѣзжали изъ Царскаго Села въ чужіе края. Минута эта такъ ужасна, ваше величество, что одно воспоминаніе о прощаніи нашемъ съ вами и съ дѣтьми нашими — тогда еще младенцами — до сихъ поръ тяжело для насъ, и мы по истинѣ не сознаемъ въ себѣ силъ вынести еще подобную минуту. Опасенія наши, государыня, основываются на здоровьи дѣтей нашихъ, нѣжный возрастъ которыхъ возбуждаетъ сомнѣнія, вынесутъ-ли они утомленіе долгаго пути, предпринятаго среди зимы и перемѣну климата, тѣмъ болѣе, что у сыновей нашихъ еще не было болѣзней, обыковенно свойственныхъ ихъ возрасту. Безпокойство наше основывается на томъ, что путешествіе это и сопряженныя съ нимъ развлеченія могутъ замедлить успѣхи ихъ воспитанія [1]). Вотъ, государыня, вѣрный и откровенный отчетъ о томъ, въ какомъ положеніи сердца наши, а ваше императорское величество слишкомъ справедливы и милостивы, сердце у васъ слишкомъ нѣжно, чтобы вы не снизошли

---

dame, une absence de sept mois jointe à des changements d'objets continuels ne pourra qu'affaiblir dans leurs cœurs la tendresse de nos enfants pour nous. Et cette même crainte n'a pû subsister lors de notre départ pour les pays etrangers, parcequ'ils étaient d'un âge si peu avancé, que nous ne pouvions prétendre à aucun sentiment de leur part). Voilà, Madame, l'exposé fidèle et sincère de la situation de nos cœurs, et V. M. J. est trop juste, trop bonne, elle a le cœur trop tendre pour ne pas avoir égard aux prières d'un père et d'une mère qui après le respect et l'attachemant qu'ils Vous portent, ne connaissent pas de sentimens plus forts que celui de la tendresse qui nous lie nos enfants

Mes très chers enfants. Une mère qui voit ses enfants affiligés ne peut que leur conseiller de modérer leur affliction, de ne point nourrir des idées sombres et chagrinantes, de ne pas se livrer à la douleur d'une imagination agitée, et d'avoir recours aux raisons qui peuvent adoucir de pareils chagrins et cal-

---

[1]) Въ другомъ черновомъ экземплярѣ еще включены фразы: «наконецъ, государыня, семимѣсячное отсутствіе вмѣстѣ съ непрерывными перемѣнами въ окружающемъ только ослабитъ въ сердцахъ дѣтей нашихъ нѣжность къ намъ. Этого опасенія не могло существовать во время путешествія нашего въ чужіе края, такъ какъ дѣти были тогда еще въ томъ возрастѣ, отъ котораго никакихъ чувствъ и требовать нельзя». Ред.

къ мольбамъ отца и матери, которые послѣ уваженія и привязанности къ вамъ не знаютъ болѣе сильнаго чувства, какъ любви, связующей насъ съ дѣтьми нашими.

Императрица—великому князю съ супругою.

Любезнѣйшія дѣти мои. Мать, видя огорченіе своихъ дѣтей, можетъ только совѣтовать имъ умѣрить огорченіе это, не питать чорныхъ, уныніе наводящихъ мыслей, не поддаваться скорби растроеннаго воображенія, а обращаться къ доводамъ здраваго смысла, которые могутъ утѣшить подобнаго рода скорби и усмирить душевную тревогу. Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, принадлежатъ мнѣ, принадлежатъ государству. Съ самаго ихъ младенчества я вмѣнила себѣ въ обязанность и за удовольствіе считала прилагать о нихъ нѣжнѣйшія попеченія. Вы неоднократно выражали мнѣ изустно и письменно, что на заботливость мою о нихъ смотрите какъ на истинное счастіе для дѣтей вашихъ, и что лучшаго для нихъ ничего быть не можетъ. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: въ разлукѣ съ вами для меня будетъ утѣшеніемъ, чтобы они были близъ меня, изъ пятерыхъ—трое останутся при васъ; неужели же мнѣ одной, на старости лѣтъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ быть лишенной удовольствія имѣть при себѣ кого-нибудь изъ моей семьи? Что касается до здоровья сыновей

---

mer les allarmes. Vos enfants sont à Vous, ils sont à moi, ils sont à l'état. Dès leur plus tendre enfance, je me suis fait un devoir et un plaisir d'en prendre le soin le plus tendre. Vous m'avez dit plus d'une fois de bouche et par écrit, que Vous regardiez les soins que je leurs donnais, comme un vrai bonheur pour Vos enfants, et que c'etait ce qui pouvait leur arriver de plus heureux. Je les aime tendrement. Voici comme j'ai raisonné: ce me séra une consolation éloignée de Vous, de les avoir auprès de moi. De cinq, trois restent auprès de Vous; n'y aurait-il que moi seule qui serait privée sur mes vieux jours pour six mois du plaisir d'avoir quelqu'un de ma famille avec moi? Pour ce qui regarde la santé de Vos fils, je suis intimement persuadée que leur corps et leur ame se fortifiera par ce voyage; le climat d'ici à Kiovie depuis janvier jusqu'en avril ne diffère que par quelques semaines de printemps de plus. Les progrès d'éducation n'en souffriront pas non plus, par ce que leurs maîtres les accompagneront. Au reste je suis infiniment sensible aux sentiments de tendresse que Vous me donnez, et je Vous embrasse de tout mon cœur tous les deux.

Ma bien chère mère. C'est avec le reconnaissance et la sensibilité les plus vives que nous avons lu la réponse que V. M. J. nous a fait. Si l'idée d'une séparation nous cause des peines, il est en son pouvoir de les adoucir et de les remplacer par d'autres—consolantes et agréables, nous Vous appartenons, Madame, de plus près que nos enfants et c'est un bonheur précieux pour nous. Prenez nous avec, Madame, et nous serons près de Vous et de nos fils. Quant

вашихъ, я вполнѣ убѣждена, что путешествіе это укрѣпитъ физическія и душевныя ихъ силы. Разница въ климатѣ до самаго Кіева отъ января до апрѣля заключается лишь въ нѣсколькихъ лишнихъ недѣляхъ весны. Успѣхи воспитанія также не пострадаютъ, ибо учителя будутъ ихъ сопровождать. Впрочемъ, я глубоко тронута высказываемыми вами чувствованіями ко мнѣ и обоихъ васъ обнимаю отъ всего сердца.

На оборотѣ: «великому князю и великой княгинѣ».

Великій князь съ супругою—императрицѣ.

Дрожайшая матушка. Съ живѣйшей благодарностью и чувствительностью мы прочли отвѣтъ вашего императорскаго величества. Если мысль о разлукѣ огорчаетъ насъ, то въ вашей власти разсѣять огорченіе и замѣнить его иными, утѣшительными и пріятнѣйшими чувствами. Мы ближе къ вамъ, нежели дѣти наши, и въ этомъ со-состоитъ неоцѣненное наше счастіе. Возьмите насъ вмѣстѣ съ ними, государыня, и мы, такимъ образомъ, будемъ близъ васъ и сыновей нашихъ. Что касается до нашихъ дочерей, имъ нужны покуда однѣ лишь физическія попеченія, присутствіе же отца и матери для нихъ еще не составляетъ необходимости. Мы можемъ обойтись безъ всего и путешествовать на-легкѣ, лишь бы только не быть вдали отъ васъ

à nos filles, elle n'ont encore besoin que de soins physiques, et la présence de leur père et mère ne leur est pas encore immédiatement nécessaire. Nous pourrions nous passer de tout, et marcher à la légere, pourvu que nous ne soyons éloignés ni de Vous ni de nos fils, c'est l'effusion de nos cœurs qui nous porte en entier vers Vous, ce sont les sentiments de ceux qui sont, ma bien chère mère, Vos enfants Paul et Marie.

le 7 janvier.

Je profite du premier courrier pour me mettre aux pieds de Votre Majésté Jmpériale et de reitérer les voeux que je forme pour Son heureux voyage. Nos enfants se portent grâces à Dieu, de même que nous, fort bien; quant à Constantin je me refère au rapport que Votre Majésté en recevera. Je joins ici une lettre du Duc-Evêque au sujet de ses affaires. Daignés recevoir avec bonté les assurances des sentimens inviolables avec lesquels je suis, etc.

le 14 janvier. Smolensk.

J'ai reçu, mon chèr fils, la lettre que vous m'avez écrite du 9 de ce mois. Mon voyage a été selon vos souhaits très heureux jusqu'ici. Ma santé est bonne; les nouvelles que Vous me donnés de la votre et de celle de vos enfants remplissent mes desirs. L'eruption dont Constantin se trouve incommodé me parait être ce que l'on appèle «золотуха»; on dit que c'est le mouvement qui contribue à la guérir. L'affaire du Duc-Evêque se terminera pour sûr à sa satisfaction. Adieu, je Vous embrasse.

отъ и сыновей нашихъ; обращаемся къ вамъ въ увлеченіи сердецъ нашихъ,—это, дрожайшая матушка, чувства дѣтей вашихъ—Павла и Маріи.

Императрица—великому князю съ супругою.

(По-русски). Чистосердечно я вамъ должна сказать, что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меньшія ваши дѣти оставались бы безъ всякаго призрѣнія, одни они брошены.

Великій князь—свѣтлѣйшему князю Потемкину.

С.-Петербургъ, 16-го декабря 1786 г.

Положеніе, въ каковомъ мы теперь находимся, князь Григорій Александровичъ, таково, что я разсудилъ открыться вамъ, зная, что вы всегда были расположены оказывать намъ дружбу. Мы узнали уже послѣ вашего отъѣзда, что государыня намѣрена взять съ собою въ дорогу сыновей нашихъ, а свѣдали о семъ не инако, какъ по повелѣніямъ, даннымъ Салтыкову [1]) о пріуготовленіяхъ къ пути. Таковое повелѣніе не могло насъ не потревожить. Мы разсудили о семъ писать къ ея величеству, изъясняя, сколь намъ прискорбно будетъ разставаться и безпокойство наше о здоровьѣ дѣтей нашихъ. Мы получили весьма милостивый отвѣтъ, въ которомъ государыня изволитъ писать, что она утѣшеніемъ почитаетъ, имѣя дѣтей нашихъ съ собою. Сей отвѣтъ былъ въ такихъ милостивыхъ израженіяхъ, что не думали прогнѣвить, просясь сами съ нею ѣхать; но, къ удивленію нашему, получили не только отзывъ непріятный, но даже и неудовольствіе. Съ тѣхъ поръ ничего рѣшительнаго не послѣдовало, а пріуготовленія къ путешествію дѣтей нашихъ продолжаются. Вы изъ сего видите наше положеніе и желаніе наше быть неразлучными съ дѣтьми нашими. Поступокъ нашъ противу васъ до-

---

St.-Petersbourg, ce 21 janvier 1787.

Ma très chère Mère. Jai reçue avec la reconnaissance la plus vive la lettre que V. M. J. m'a faite l'honneur de m'écrire de Smolensk; je suis enchantée surtout de la savoir bien portante, et je fais mille voeux pour qu'elle continue à jouir pendant tout ce voyage de la meilleure santé possible. Le peu de jours de repos que Vous avez pris à Smolensk, ma chère mère, Vous auront certai-

---

[1]) Наставникъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ родился 31-го октября 1736: скончался, въ чинѣ генералъ-фельдмаршала, 16-го мая 1816 года. См. о немъ, «Р. С.», т. V, 144, 476; т. VI, 304, 406, 411, 413, 416, 418—420, 421, 424, 425.

казать вамъ долженъ довѣренность нашу къ вамъ; и такъ ожидаемъ теперь отъ васъ, чтобы вы намъ съ своей стороны помогли, полагаясь на ваше расположеніе и благоразуміе, довольствуясь даже тѣмъ, если насъ хотя въ Кіевѣ оставятъ. При окончаніи сего, позвольте еще разъ увѣрить васъ о расположеніи моемъ къ себѣ, и что я есмь и буду вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

1787 годъ.

Путешествіе императрицы въ Тавриду и въ Крымъ.

Собраніе писемъ за первое полугодіе — весьма значительно — всѣхъ писемъ до семидесяти трехъ, изъ нихъ сорокъ два писаны императрицею. Какъ автографъ—драгоцѣнна и малѣйшая записка; но въ отношеніи историческомъ нѣкоторыя письма лишены интереса и потому не включены нами въ число тѣхъ, переводы которыхъ здѣсь представляемъ. **Ред.**

Великій князь—императрицѣ.

7-го января.

Пользуюсь первымъ курьеромъ, чтобы повергнуться къ стопамъ вашего императорскаго величества и усугубить мои пожеланія вамъ счастливаго пути. Дѣти наши, благодаря Бога, точно такъ же какъ и мы, совершенно здоровы; что же касается до Константина, ваше величество изволите получить рапортъ о его здоровьи. При семъ прилагаю письмо герцога-епископа, до его дѣлъ относящееся[1]). Удостойте съ благосклонностью принять увѣренія въ ненарушимыхъ чувствахъ, съ коими есмь и проч.

Императрица — великому князю.

14-го января. Смоленскъ.

Я получила, любезный сынъ мой, письмо ваше отъ 9-го числа сего мѣсяца. Путь мой, согласно желаніямъ вашимъ, былъ до сихъ поръ очень счастливъ. Здоровье мое хорошо; увѣдомленія же ваши о здоровьи вашемъ и дѣтей радуютъ меня. Сыпь, появившаяся у Кон-

nement paru agréables, car après avoir passé une semaine entière en voiture, on est charmé de se trouver en place pendant quelque temps: j'en parle d'expérience et de souvenir. Mon mari se met aux pieds de V. M. I. et Vous baise les mains. Nous et nos enfants jouissent d'une bonne santé; quant à l'ébolution de Constantin, V. M. I. verra por le rapport de Mr. de Saltikoff qu'elle commence à diminuer. Ma petite Marie a fait sa dent primitive, on s'en est aperçu à son dîner d'avant-hier: elle est très gaie, se tient toute seule, et marche

[1]) За нѣсколько дней передъ тѣмъ герцогъ-епископъ Ольденбургскій писалъ къ великому князю о своей инвеститурѣ (вводѣ во владѣніе), прося ходатайства Екатерины II предъ императоромъ австрійскимъ. **Ред.**

стантина, какъ мнѣ кажется, такъ называемая „золотуха“; говорятъ, она проходитъ отъ движенія. Дѣло герцога-епископа рѣшится, навѣрное, къ его удовольствію. Прощайте, обнимаю васъ.

Князь Г. А. Потемкинъ—великому князю Павлу Петровичу.

Симферополь, 7-го января 1787 г.; получено 23-го января [1]).

Ваше императорское высочество

всемилостивѣйшій государь:

Получа милостивѣйшее писаніе вашего высочества, я бы всіо употребилъ, что можно, но, будучи въ отсутствіи, самъ судите, сколь сіе трудно; ктому-же, воля вашего высочества до меня дошла такъ поздно, что уже и прозба моя будетъ неумѣстна.

Прибывъ въ Кіевъ, я не оставлю употребить всіо, что въ моей возможности будетъ, съ крайней осторожностью, чтобы не прогнѣвать и тѣмъ бы не нанести вашему высочеству непріятности.

Всемилостивѣйшій государь, вѣрте, что я усерденъ и преданъ вамъ неложно, съ чѣмъ всю жизнь мою пребуду вашего императорскаго высочества, всемилостивѣйшій государь, вѣрнѣйшій и всенижайшій подданный князь Гр. Потемкинъ.

Великая княгиня—императрицѣ.

Петербургъ, 21-го января 1787 г.

Дрожайшая матушка! Съ живѣйшей признательностью получила я письмо, которымъ ваше императорское величество почтили меня изъ Смоленска; особенно радуетъ меня, что вы здоровы, и я отъ всей души возсылаю моленія, чтобы вы, во все время путешествія вашего, пользовались наилучшимъ здоровьемъ. Кратковременный отдыхъ въ Смоленскѣ, дорогая матушка, вѣроятно, показался вамъ пріятнымъ, ибо,

---

à l'aide d'un doigt. Je crois que sous peu de jours elle marchera seule. Mes deux filles ainées on été très rejouies par votre souvenir, ma chère Mère: voici de l'écriture de leur façon, dictée par elles et tracée par elles à l'aide de ma main: Alaxandrine a commencé à dessiner, et il porait qu'elle a beaucoup de goût pour ce talent. Hélène est toujours jolie et de bien bonne humeur. Votre souvenir nous occupe beaucoup, ma chère mère, daignez nous accorder le votre, ce sera chaque fois un témoignage de vos bontés que nous méritons par le profond respect, et l'attachement inviolable aves lesquels j'ai l'honneur d'être ma très chère mère, votre très humble et bien obéissante servante et fille Marie.

---

[1]) Въ реэстрѣ великаго князя снята копія и тутъ же вшито подлинное письмо. Ред.

не выходя изъ кареты въ продолженіе цѣлой недѣли, можно съ наслажденіемъ расположиться на мѣстѣ на нѣкоторое время: говорю по опыту и по воспоминанію. Мужъ мой повергается къ стопамъ вашего императорскаго величества и цѣлуетъ ваши руки. Мы и дѣти наши здоровы, что же касается до сыпи у Константина, то изъ рапорта г. Салтыкова ваше императорское величество изволите усмотрѣть, что она уменьшается. У моей малютки Маріи прорѣзался первый зубокъ, это замѣтили третьяго дни во время ея обѣда: она очень весела, можетъ стоять безъ посторонней помощи на ножкахъ и ходитъ, придерживаясь за палецъ, я думаю, что чрезъ нѣсколько дней будетъ ходить одна. Воспоминаніе ваше о двухъ старшихъ дочеряхъ моихъ весьма ихъ обрадовало, дрожайшая матушка,—вотъ ихъ рукописаніе или диктованное и начертанное подъ моимъ руководствомъ. Александра начала рисовать, и кажется, что къ этому искусству у нея есть склонность. Елена все такая же хорошенькая и очень веселая. Память о васъ, дорогая матушка, весьма намъ дорога и неизгладима; благоволите насъ не забывать — каждый разъ это будетъ доказательствомъ доброты вашей, которую мы заслуживаемъ глубочайшимъ уваженіемъ и ненарушимой привязанностью, съ которыми имѣю честь пребыть, дорогая матушка, всепокорной слугой и дочерью вашей. Марія.

Императрица — великой княгинѣ.

Городъ Нѣжинъ, 28-го января 1787 г.

Вчера въ Черниговѣ я получила письмо ваше отъ 21-го января, любезная дочь моя; около восьми часовъ вечера я прибыла сюда въ добромъ здоровьи; завтра, Богъ дастъ, буду въ Кіевѣ, гдѣ мы успѣемъ отдохнуть, хотя никто и не жалуется на утомленіе; напротивъ, мое путешествіе такъ расположено, что это скорѣе прогулка. Прошу

Городъ Нѣжинъ, janvier 28—1787.

J'ai reçu hier à Czernigow votre lettre du 20 Janvier, ma chère fille; vers les huit heures du soir je suis arrivée ici en bonne santé, demain, s'il plait à Dieu, j'arriverai à Kiew, où nous aurons le temps de nous reposer, quoique personne ne se plaigne de la fatigue; au contraire, de la façon dont mon voyage est arrangé c'est plutôt une promenade. Je Vous prie, Madame, d'embrasser votre cher époux de ma part. Je me réjouis avec Vous de la bonne santé de vos enfants, Mademoiselle Marie est fort aimable d'avoir fait sa première dent avec moins de bruit qu'il n'y avait à appréhender. Si je puis trouver des jouets je les enverrai à la belle Helène, mais je ne répondrai pas ni à l'une ni à l'autre par ce qu'elles ne savent pas lire, je Vous prie de leur faire gouter mes excu-

васъ, сударыня, обнять за меня дорогаго супруга вашего. Радуюсь вмѣстѣ съ вами доброму здоровью вашихъ дѣтей; со стороны дѣвицы Маріи было весьма любезно, что первый зубокъ прорѣзался у нея безъ того шума, котораго можно опасаться. Если мнѣ удастся найдти игрушекъ, я пришлю ихъ Еленѣ-прекрасной, но отвѣчать не буду ни той, ни другой, по той причинѣ, что онѣ читать не умѣютъ; прошу васъ передать имъ мои извиненія. Итакъ, пятая часть пути моего окончена! Прощайте, сударыня моя, будьте здоровы, обнимаю васъ.

Мнѣ только что принесли два куска черкесской парчи, которая мнѣ понравилась; голубую съ серебромъ назначаю вамъ, сударыня, и внучкамъ моимъ, надѣюсь, что ея достанетъ на васъ; фіолетовую же съ золотомъ — великому князю и внукамъ моимъ, и такимъ образомъ къ пасхѣ всѣ семеро будутъ съ обновками, купленными въ Нѣжинѣ; игрушекъ же найдти невозможно.

Великій князь — императрицѣ.

30-го января.

Полагаю, что ваше императорское величество изволите сегодня прибыть въ Кіевъ и отъ всего моего сердца желаю, чтобы прибытіе ваше совершилось при вожделѣнномъ здравіи вашемъ и не сопровождалось жестокими холодами, стоящими у насъ уже нѣсколько дней. Уже весьма давно Кіевъ не имѣлъ счастія видѣть васъ, любезная родительница, и я воображаю себѣ его радость видѣть васъ въ стѣнахъ своихъ. До вашего прибытія туда вы соизволите слѣдовать по странѣ прелестной, воздѣланной и во многихъ мѣстахъ по-

---

ses. Voilà la cinquième partie de ma route terminée; Adieu, Madame, portez Vous bien, je Vous embrasse.

Ou vient de m'apporter deux pièces de Circassa qui m'ont paru fort jolies; la bleue et argent est pour Vous, Madame, et pour mes petites filles, j'espère qu'il y en aura assez pour cet usage; la violette et argent est pour le Grand-Duc et pour mes petits fils, et alors tous les sept auront un habit neuf pour Pâque acheté à Нѣжинъ; des jouets il est impossible d'en trouver.

le 30 janvier.

Je suppose que Votre Majésté Jmpériale arrive aujourd'hui à Kiew et désire de tout mon coeur que cela soit en parfaite santé et sans souffrir de froids violens que nous avons ici depuis quelques jours. Kiew n'a pas eu le bonheur de Vous voir, ma chère mère, depuis bien longtems et je me représente sa joie de Vous voir dans ses murs. Vous aurés traversé avant que d'y arriver une superbe contrée de la culture de tous côtés et des bois de chênes dans beaucoup d'endroits. Nos enfants, qui présentent leurs respects à Votre Majésté, se

крытой дубовыми лѣсами. Наши дѣти, свидѣтельствующія свое почтеніе вашему величеству — здоровы, какъ изволите усмотрѣть изъ рапортовъ, извѣщающихъ васъ также и о состояніи сыпи у младшаго моего сына. Позвольте мнѣ, заключая письмо, поручить себя благосклонности вашего императорскаго величества и усугубить увѣренія въ ненарушимыхъ чувствахъ, съ коими есмь и проч.

P. S. Жена моя поручаетъ мнѣ засвидѣтельствовать вашему величеству совершеннѣйшее свое почтеніе.

Въ минуту окончанія сего письма я получилъ всемилостивѣйшее письмо ваше, дрожайшая матушка, отъ 22-го числа изъ Новгорода-Сѣверскаго: оно обрадовало меня, заключая въ себѣ извѣстія о благополучномъ продолженіи путешествія вашего и что вы при этомъ пользуетесь вожделѣннымъ здравіемъ. Спѣшу засвидѣтельствовать мою радость и мою признательность.

Императрица — великому князю.

Кіевъ, 6-го февраля.

Сегодня утромъ, любезный мой сынъ, мнѣ доставили письмо ваше отъ 30-го января. Со времени моего прибытія холода прекратились, а оттепель продолжается съ большими туманами. Я безпрестанно восхищаюсь сладостью воздуха, которымъ дышу; сплю по восьми и по десяти часовъ; ѣмъ съ рѣдкимъ аппетитомъ; не знаю, слѣдствія-ли эти дороги, или климата. Очень рада извѣстію, что вы и ваши дѣти здоровы. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь—все ищу: гдѣ городъ; но до сихъ поръ ничего не обрѣла, кромѣ двухъ крѣпостей и предмѣстій; всѣ эти разрозненныя части зовутся Кіевомъ и за-

---

portent très bien, comme Elle le verra par les rapports qui l'auront aussi instrūit de l'état de l'ebolution du cadet de mes fils. Permettés moi, avant que de finir de me recommender aux bontés de Votre Majésté Impériale et de Lui reitérer les assurances des sentimens iuviolables avec lesquels je suis—etc.

P. S. Ma femme me charge de présenter ses hommages à Votre Majésté.

Au moment où je finissois ma lettre, je reçois Votre gracieusé lettre, ma chère mère du 22 de Novgorod-Seversky, qui n'a pu que me faire du plaisir par son contenu et les nouvelles que Vous nous donnés de la continuation de l'heureux voyage et de ce que Vous jouissés d'une bonne santé. Je me hâte de Vous en témoigner ma joie et ma reconnoissance.

Kiew, le 6 fevrier.

Ce matin, mon chèr fils, on m'a remis votre lettre du 30 janvier. Depuis mon arrivé les froids nous ont quitté et le dégel continue avec beaucoup de brouillard; je me recrie continuellement sur la douceur de l'air que je respire; je dors huit à dix heures et je mange avec un appetit rare; je ne scais si ce

ставляютъ думать о минувшемъ величіи этой древней столицы. „Въ саду передъ окошками деревья бурѣютъ, что въ городѣ св. Петра не прежде апрѣля бываетъ“. Обнимаю милую дочь мою и весьма тронута ея ласками; тоже скажу и моему сыну.

Получено: «13-го февраля».

Великой княгинѣ.

Кіевъ, 20-го февраля 1787 года.

Вами неоднократно повторяемыя благодаренія, любезная дочь моя, за высланную мною изъ Нѣжина матерію, доказываютъ мнѣ то удовольствіе, которое она вамъ доставила. Надѣюсь, что вы не терпите недостатка въ извѣстіяхъ обо мнѣ, такъ какъ я, кажется, сообщаю ихъ довольно часто. Память Александры и Елены мнѣ чрезвычайно пріятна; при письмѣ моемъ изъ Нѣжина я вложила два отрывка бумаги, служащіе отвѣтомъ на то, что вы заставляете ихъ писать, но при распечатаніи письма, они, вѣроятно, остались въ конвертѣ, который, конечно, спровадили въ каминъ. Извѣстія о вашемъ здоровьи и о здоровьи дѣтей вашихъ согласуются съ моими желаніями. Мое здоровье также очень хорошо. Кланяюсь дорогому моему сыну. Желательно, чтобы новый зубокъ маленькой Маріи не повредилъ хорошему расположенію ея духа. Здѣшніе оттепели и морозы совпадаютъ, какъ видно, съ петербургскими, вся разница только въ

---

sont les fruits de voyage ou de climat. Je suis bien aise d'apprendre que Vous et Vos enfants se portent bien. Depuis que je suis ici je cherche où est la ville, mais, jusqu'ici je n'ai trouvé que deux forteresses et des faux-bourgs, toutes ces pièces détachées s'appèlent Kiew et font penser de la grandeur passée de cette ancienne capitale. «Въ саду, передъ окошками, деревья бурѣютъ: что въ городѣ св. Петра не прежде апрѣля бываетъ». J'embrasse ma chère fille et je suis très sensible aux choses agréables qu'elle me dit; j'en fais autant à mon fils.

Kiew, le 16 fevrier.

Votre lettre du 6 fevrier, mon chèr fils, par laquelle Vous me témoignés le plaisir que Vous a fait ma lettre et l'étoffe que j'ai trouvé à Négin m'est parvenue ce matin. Je me réjouis de votre bonne santé et de celle des Vos enfants; je me porte très bien aussi. Je Vous remercie de même que ma chère fille des compliments que Vous me faites sur mon arrivée en cette ville et surtout ce que Vous me dites tous les deux d'agréable sur l'étoffe envoyée et sur les voeux que Vous faites pour le continuation de mon voyage et je Vous embrasse tous les deux en pensée.

à Kiew, ce 20 février 1787.

Vos remerciments reitérés ma chère fille au sujet de l'étoffe que je Vous ai envoyée de Нѣжинъ me prouvent bien le plaisir qu'elle Vous a faite. J'espère que Vous ne manquez pas de mes nouvelles car il parait que j'en envoie

нѣсколькихъ градусахъ, можетъ быть соразмѣрно мѣстоположенію на сѣверѣ. Я говѣла на первой недѣлѣ и вотъ уже цѣлыхъ три, какъ я здѣсь. Пока прощайте, обнимаю васъ, любезная дочь моя.

Кіевъ, 26-го февраля 1787 г.

Письмо ваше, любезная дочь моя, отъ 14-го февраля, мною только что полученное, извѣщаетъ меня о полученіи вами моего письма отъ 3-го числа сего мѣсяца и объ удовольствіи, которое оно вамъ доставило. Очень люблю дѣвочекъ, которыя изъявляютъ желанія писать и радуются, получая письма. Прошу васъ, сударыня, быть увѣренной, что чувства мои неизмѣнны и къ вамъ и къ дѣтямъ вашимъ. Передайте мой поклонъ дорогому супругу вашему. Кажется, у младшей дочери вашей зубы пройдутъ также легко, какъ и у старшихъ. Александрѣ была необходима та перемѣна, которая въ настоящее время происходитъ съ нею, что же касается до Елены-прекрасной, пусть продолжаетъ, какъ начала. Мнѣ кажется, когда на здѣшнемъ термометрѣ десять градусовъ, у васъ въ Петербургѣ восемьнадцать, но достаточно двухъ или трехъ часовъ солнца, чтобы земля обнажилась отъ снѣга и льда. Прошедшее воскресенье мы видѣли уже травку, пробивающуюся пучками; погода была такъ хороша, что всѣ окна были открыты съ 12-ти до 5-ти часовъ вечера, птички распѣвали какъ весной, и отъ самаго Новгорода-Сѣверскаго вѣтки де-

---

assez fréquemment. Le souvenir d'Alaxandrine et d'Hèlène m'est bien agréable, dens ma lettre de Нѣжинъ j'avais fourré deux petits chiffons qui devaient servir de réponse a ce que Vous leur faites écrire, mais apparemment, qu'en tirant la lettre il sont restés dans l'enveloppe qui probablement aura pris le chemin de la cheminée. Les nouvelles de Votre santé et de celle de Vos enfants sont telles que je le souhaite. Je me porte très bien aussi; je salue mon cher fils. Il est à souhaiter que la nouvelle dent de M-lle Marie ne diminue point sa bonne humeur. Le dègèl et la gelée d'ici paraissent faire dans le même temps qu'à Petersbourg avec la différence de plusieurs degrés seulement, peut être à proportion de la position au Nord. J'ai fait mes devotions la première semaine et en voilà trois que je suis établie ici. Adieu pour aujourd'hui, je Vous embrasse, ma chère fille.

à Kiew, ce 26 février 1787.

Votre lettre ma chère fille du 14 février que je viens de recervoir m'instruit de l'arrivée de le mienne du 3 de ce mois, et de la satisfaction que Vous en avez eue. J'aime beaucoup ces petites filles qui veulent écrire et se réjouissent de recevoir des lettres. Je Vous prie, Madame, d'être assurée que mes sentiments sont toujours les mêmes et pour Vous et pour Vos enfants. Je salue Votre cher époux. Il parait que la cadette de Vos filles va faire ses dents avec autant de facilité que ses ainées. Alaxandrine avait besoin du changement qui se fait en elle présentement; pour la belle Hèlène elle n'a qu'à continuer comme elle

ревьевъ, гдѣ ихъ только ни ломали, не только налиты сокомъ, но видно, что готовы развернуть распуколки листьевъ, если только оттепель продлится. Прощайте, любезная дочь моя, обнимаю васъ.

Великая княгиня — императрицѣ.

3-го (14-го) марта 1787 г.

Дрожайшая матушка! Милостивое вниманіе вашего императорскаго величества всегда невыразимо радуетъ меня: все сказанное вами въ послѣднемъ письмѣ вашемъ къ мужу моему, выраженія ваши, исполненныя доброты, были мною поняты и запечатлѣны въ сердцѣ моемъ. Здоровье ваше, дорогая матушка, соотвѣтствуетъ желаніямъ моимъ: я всегда и отъ всей души желаю того же на все время путешествія вашего, въ особенности же для вашего благополучнаго возвращенія. Погода, хотя и снѣжная, сердитъ меня, ибо задерживаетъ курьеровъ съ извѣстіями о вашемъ императорскомъ величествѣ [1]): я хочу этимъ сказать, дорогая матушка, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ихъ ожидаемъ; мужъ мой, повергаясь къ стопамъ вашимъ, поручаетъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшее свое уваженіе, также какъ и дѣти мои, которые всѣ совершенно здоровы: пять дней тому назадъ Константинъ началъ уже выходить, онъ значительно выросъ также какъ и братъ, и сестры его; Марія отваживается на гимнастическія упражненія, что служитъ доказательствомъ ея здоровья и веселости. Нѣсколько дней тому назадъ ей вздумалось встать головой внизъ, дер-

---

a débutée. Il me parait que le thermomètre d'ici quand il est à dix degrés Vous en avez 18 à Petersbourg, mais deux, trois heures de soleil ici nous découvrent la terre sans neige ni glace. Dimanche passé nous avans vu des brins d'herbes qui sortent par touffes; aussi faisait il si beau que toutes les fenêtres out été ouvertes depuis midi jusqu'à cinq heures du soir, les oiseaux chantaient comme au printemps, et depuis Новгородъ-Сѣверскій les branches d'arbres où on en a rompu ont non seulement de la sève, mais on voit que les feuilles n'auront pas de peine à pousser, dès que le dégel sera plus soutenu. Adieu ma chère fille, je Vous embrasse.

Ce 3 (14) mars 1787.

Ma très chère mère. Le gracieux souvenir de Votre Majesté Impériale me comble toujours d'une vive satisfaction, celui qu'elle a daigné me témoigner dans sa dernière lettre à mon mari, les expressions pleines de bonté dont Elle s'est servie, ont eté senties et sont gravées dans mon cœur; la bonne santé dont Vous jouissez ma chère Mère est conforme à mes vœux: j'en fais toujours de très

---

[1]) Зачеркнуто: «Вотъ уже 12 дней, какъ я не получала писемъ отъ васъ, дорогая матушка, между тѣмъ, когда дороги были лучше, мужъ мой и я всегда имѣли счастіе получать извѣстія о васъ.

жась на рученкахъ; она что-то лепечетъ и по цѣлымъ часамъ играетъ одна, сидя на коврѣ, не обращая ни на кого ни малѣйшаго вниманія. Старшія дочери мои желаютъ писать и при этомъ требуютъ моей помощи, на что я соглашаюсь тѣмъ охотнѣе, что этимъ представляется мнѣ новый случай возобновить чрезъ нихъ увѣренія въ глубочайшемъ уваженіи и ненарушимой привязанности, съ которыми имѣю честь пребыть и проч., и проч.

От 10-го марта 1787 г.

Дрожайшая матушка! Я имѣла счастіе получить оба письма вашего императорскаго величества отъ 20-го и 26-го февраля, доставившія мнѣ то живѣйшее удовольствіе, которое только доброта ваша въ состояніи доставлять моему сердцу. Память ваша о насъ, дрожайшая матушка,—предметъ общихъ нашихъ желаній, когда же вы удостовѣряете насъ въ томъ письмами вашими, тогда для всѣхъ насъ праздникъ. Добрыя вѣсти о здоровьи вашего императорскаго величества намъ необходимы для облегченія продолжительной разлуки съ вами. Желаніе опять увидѣться съ вами, дрожайшая матушка, возрастаетъ по мѣрѣ приближенія нашего къ счастливому времени вашего возвращенія. Мужъ мой и дѣти повергаются къ стопамъ вашимъ, дрожайшая матушка, и тысячу разъ цѣлуютъ ручки ваши. Большое и малое семейство совершенно здоровы. У Маріи выходитъ четвертый зубокъ, она говоритъ уже довольно много словъ; отлично знаетъ портретъ вашего императорскаго величества у меня въ браслетѣ, назы-

---

vifs pour la continuation de Votre voyage, mais surtout pour Votre heureux retour. Le temps d'asteur (sic) quoi qu'il chasse la neige, me fâche, parcequ'il retarde l'arrivée des courriers et des nouvelles de Votre Majesté Impériale («il y a douze jours que je n'ai pas reçu de Vos lettres, ma très chère mère, tandis que lorsque le chemin etait meilleur, mon mari et moi avions chacun le bonheur d'en recevoir»). C'est Vous dire, ma très chère mère, l'impatience avec laquelle nous les attendons: mon mari, qui est à Vos pieds, me charge de Vous présenter l'hommage de son respect de même que mes enfants que jouissent tous d'une bonne santé: Constantin sort depuis cinq jours, il a beaucoup grandi, son frère aussi et ses soeurs en font de même. Marie s'avise de faire des tours de force qui prouvent sa bonne santé et sa gaieté. Elle a commencé depuis quelques jours à vouloir se tenir sur la tête et sur ses deux petites mains: elle dit quelques mots et joue toute seule des heures de suite sur un tapis, sans se soucier de personne. Mes deux filles ainées veulent écrire et me demandent l'assistance de mes mains, ce que je fais d'autant plus volontiers que c'est une nouvelle occasion pour moi de renouveller par elles á V. M. I. l'assurance du profond respect et de l'attachement inviolable aves lesquels j'ai l'honneur d'être etc.

ваетъ его „баба“, показываетъ на сердце, чтобы выразить любовь свою къ вамъ, и затѣмъ цѣлуетъ его. Старшихъ моихъ дочерей обѣ записочки ваши, дорогая матушка, несказанно осчастливили. Александра, отправляясь въ ванну и проходя тронной залой, сказала, что это кресло дорогой ея бабушки; затѣмъ, вздохнувъ, спросила: „когда же я опять ее увижу?“ Тогда Елена взяла ее за руку, прибавивъ: „пойдемъ, побѣжимъ къ бабушкѣ“. Осмѣливаюсь передать вашему императорскому величеству всѣ эти подробности въ томъ убѣжденіи, что вы благоволите прочитать ихъ не безъ удовольствія, такъ какъ въ нихъ найдете простое и наивное выраженіе любви дѣтей моихъ къ вамъ — чувства имъ врожденныя, ибо онѣ, конечно, наслѣдственны. Кончая сіи строки, умоляю васъ, дрожайшая матушка, не оставлять добротой вашей ту, которая съ глубочайшимъ уваженіемъ и чувствомъ искренней привязанности и проч., и проч.

Императрица—великой княгинѣ.

Кіевъ, 12-го марта 1787 г.

Только что получила я, любезная дочь моя, письмо ваше отъ 3-го числа сего мѣсяца, въ которомъ вы выражаете удовольствіе,

---

Du 10 mars 1787.

Ma très chère mère. J'ai eu le bonheur de recevoir les deux lettres de V. M. I. du 20 et 26 février et elles m'ont fait ce plaisir sensible que Vos bontés seules savent faire éprouver à mon cœur. Votre souvenir, ma très chère mère, fait l'objet de nos voeux à nous tous, et quand Vous daignez nous en assurer par Vos lettres, c'est alors une jubilation universelle. Les bonnes nouvelles de la santé de V. M. I. nous sont bien nécessaires pour nous faire supporter Votre longue absence. Le désir que nous avons de Vous revoir, ma très chère mère, s'augmente à mesure que nous nous trouvons rapprochés de l'heureuse époque de Votre retour. Mon mari et nos enfents sont à Vos pieds, ma très chère mère, et Vous baisent mille fois les mains. Le grande et petite famille se portent au mieux Marie a fait la quatrième dent, elle a commencé à dire beaucoup de mots, elle connait très bien le portrait que j'ai en brasselet de V. M. I. Elle l'appelle «баба», montre son coeur pour exprimer qu'elle Vous aime, et ensuite elle le baise. Mes deux filles ainées sont heureuses par Vos deux billets, ma très chère mère. Alexandrine en passant la chambre du throne pour aller au bain a dit que c'etait là le fauteuil de sa chère grand maman, et puis en soupirant elle a demandé: mais quand la reverrai-je? Alors Hélène l'a prise par le bras et lui a dit: allons, courrons chez grand-maman. J'ose rendre à V. M. I. tous ces petits détails, persuadée que Vous daignerez les lire avec quelque plaisir, y voyant l'expression simple et naïve de l'attachement que Vous portent mes enfants, et qu'ils ont porté au monde car bien certainement ces sentiments sont héréditaires. Je finis ces lignes en Vous suppliant, ma très chère mère, de continuer Vos bontés á celle qui est avec le plus profond respect et les sentiments du plus tendre attachement, ma très chère mère etc.

доставляемое вамъ моими письмами. Извѣстіе о добромъ здоровьи, которымъ вы всѣ пользуетесь, мнѣ чрезвычайно пріятно. Продолженіе путешествія моего зависитъ отъ погоды; днемъ сильно пригрѣваетъ солнце, но лишь только оно скроется, морозитъ и нельзя сказать, чтобы весна подвинулась въ теченіе этого мѣсяца; дороги должны быть отвратительны, такъ какъ письма, нами получаемыя, приходятъ нѣсколькими днями позже обыкновеннаго. Кланяюсь дорогому супругу. Я опасалась, чтобы болѣзнь не задержала роста Константина, благодарю за увѣдомленіе о противномъ. Полагаю, что найду его, такъ же какъ и брата его, и сестеръ, удивительно выросшими. Что касается дѣвицы Маріи, мнѣ весьма интересно будетъ съ нею познакомиться. Я увѣрена, что она встрѣтитъ меня съ плачемъ и криками, а я ей скажу, плачь не плачь, кричи не кричи—перестанешь. Вы хорошо дѣлаете, оставляя ее одну играть на коврѣ, дѣти всегда очень довольны судьбою, когда ихъ оставляютъ на волѣ. Досадно мнѣ, что старшія утруждаютъ васъ, заставляя водить ихъ руками (когда пишутъ), скажите имъ, чтобы онѣ вараксали сами. Прощайте, сударыня, обнимаю васъ.

à Kiew, ce 12 mars 1787.

Je viens de recevoir, ma chèr fille, Votre lettre du 3 de ce mois par laquelle Vous me témoignez le plaisir que Vous font les miennes. La bonne santé dont Vous jouissez tous me cause beaucoup de satisfaction. La mienne est très bonne aussi. La continuation de mon voyage dépend du temps, nous avons beaucoup de soleil pendant le jour et des gelées assez fortes dés qu'il disparait, et l'on ne peut pas dire que le printemps soit plus avancé qu'il ne l'etait il y a un mois; les chemins doiveut être détestables, puisque les lettres qui nous arrivent sont de quelques jours plus vieilles que nous ne sommes accoutumés d'en recevoir. Je salue le cher époux. Je craignais que la maladie n'arretât la croissance de Constantin; je Vous remercie de m'avoir avertie du contraire. Je pense que je le trouverai de même que son frère et ses sœurs prodigieusement grandi. Pour Mademoiselle Marie ce sera une connaissence intéressante à faire, je suis persuadée qu'elle me recevra avec des pleurs et des cris, et moi je lui dirai: tu as beau pleurer, tu as beau crier tu cessera. Vous faites bien de la laisser jouer seule sur un tapis, les enfants ne sont jamais plus heureux que quand on les laisse à eux mêmes. Je suis fachée que les ainées Vous donnent la peine de leur mener la main, dites leur de barbouiller elles-mêmes. Adieu, Madame, je Vous embrasse.

St. Petersbourg, 14 mars 1787.

Ma très chère mère. Après le rapport que V. M. J. a reçu de M-r de Saltikoff et qui etait d'hier matin, elle aura vu que Constantin était de rechef incommodé d'une ébolution, mais depuis hier après diner Buk a soupsonné que c'était la rougeole, laquelle effectivement s'est déclarée ce matin, mais grâce à Dieu elle est de la nature légère et l'enfant est aussi bien que son état le per-

Великая княгиня—императрицѣ.

С.-Петербургъ, 14-го марта 1787 г.

Дрожайшая матушка! Изъ донесенія полученнаго вашимъ императорскимъ величествомъ отъ г. Салтыкова, отъ вчерашняго утра, вы изволили усмотрѣть, что у Константина снова появилась сыпь; но со вчерашняго дня, послѣ обѣда, Букъ (Buk) заподозрилъ, что это корь, которая дѣйствительно сегодня утромъ и обнаружилась, но, слава Богу, она легкаго свойства, и ребенокъ чувствуетъ себя на столько хорошо, сколько дозволяетъ его состояніе; онъ даже не въ постели, а лежитъ на кушеткѣ. Лишъ только Букъ выразилъ подозрѣніе о кори, всякое сообщеніе между больнымъ ребенкомъ и Александромъ было прервано, и для него были приготовлены покои, которые мужъ мой занималъ до нашей свадьбы; мы даже хотѣли, въ случаѣ если бы послѣдніе нельзя было протопить довольно скоро, уступить ему часть нашихъ покоевъ; но въ это же время Александръ также началъ жаловаться на головную боль, на утомленіе и легонькую лихорадку, а потому мы уже и не рѣшились выпускать его изъ его комнаты. Хотя сыпи у него еще и не появляется, но Крузе (Krouse) полагаетъ, что она можетъ показаться въ теченіе завтрашняго дня и что если онъ даже и заболѣетъ корью, то она будетъ весьма легкая, ибо симптомы весьма слабы: онъ ходитъ, веселъ и, можетъ быть, съ его болѣзнію мы отдѣлаемся однимъ только страхомъ. Александра по прежнему помѣщается близъ братьевъ, мы взяли ее изъ ея комнаты и уступили ей часть нашей: всякое сооб-

---

met, même il n'est pas au lit et est couché sur une chaise langue. Dès que Buk eut le soupçon que la rougeole pourrait se déclarer, toute communication entre l'enfant malade et Alexandre fut empêchée, et on a préparé les appartements que mon mari a occupé avant notre mariage, pour qu'il pût y passer, même si ceux-ci ne pourront se chauffer assez vite, nous voulions lui céder une partie de nos appartements; mais dans le même temps Alexandre a aussi commencé à se plaindre, de maux de tête, de lassitude et d'un peu de fièvre, aussi on n'osa plus le faire sortir de sa chambre. Quoique l'eruption ne se montre pas encore chez lui, Krouse soupçonne qu'elle pourra peut être se déclarer dans la journée de demain, mais que si même il prend cette maladie, elle sera des plus légères, puisque les symptômes sont très faibles, il marche, il est gai, et peut-être que nous en serons quitte avec lui pour la peur. Alexandrine demeure toujours près de ses frères, nous lui avons fait quitter sa chambre, et nous lui avons cédé une partie du notre: toute communication avec les enfants malades est interrompue; les toutes petites se portent au mieux, et j'espère qu'elle ne seront pas attaquées de cette maladie. Marie a fait sa cinquième dent et toutes trois sont de bonne humeur. Constantin même supporte cette

щеніе съ заболѣвшими дѣтьми прервано; младшія совершенно здоровы и я надѣюсь, что ихъ минуетъ эта болѣзнь. У Маріи прорѣзался пятый зубъ, и всѣ три дочери въ отличномъ расположеніи духа. Даже Константинъ переноситъ болѣзнь эту съ обычною своею молодцоватостью, твердый и рѣшительный тонъ голоса не покидаетъ его. Богъ дастъ, все пройдетъ къ тому времени, когда вы получите это письмо, дрожайшая матушка, и я надѣюсь, что мы будемъ сообщать вамъ только добрыя вѣсти. Съ величайшей радостью и благодарностію получила я милостивое письмо ваше отъ 4-го марта, отрадныя извѣстія о здоровьи вашемъ составляютъ предметъ всѣхъ желаній моихъ,—для меня всего важнѣе, дорогая матушка, что вы удостоиваете милостями вашими ту, которая имѣетъ честь именоваться съ глубочайшимъ уваженіемъ—Марія.

Великая княгиня—императрицѣ.

Мартъ 1787 г.

Дрожайшая матушка! Я въ восхищеніи, что могу сообщить вашему императорскому величеству добрую вѣсть о здоровьи моихъ сыновей: лучшаго желать нельзя, даже кажется, что послѣ болѣзни обновилась силами ихъ веселость; Александръ выдѣлываетъ въ своей комнатѣ разные скачки и всегда въ прекрасномъ расположеніи духа, Константинъ прыгаетъ на сколько это ему возможно; тотъ и другой обѣдаютъ и ужинаютъ съ величайшимъ аппетитомъ, и лишь только сойдутъ пятна, отъ болѣзни не останется и слѣдовъ. Старшая моя дочь и Марія также совершенно здоровы, но хоро-

---

maladie avec son courage ordinaire et son ton résolu et ferme ne le quitte pas. S'il plait à Dieu tout sera passé quand Vous recevrez cette lettre, ma très chère mère, et j'espère que nous n'aurons que de bonnes nouvelles à Vous donner. J'ai reçue Votre gracieuse lettre du 4 mars avec bien de la joie et de la reconnaissance, les bonnes nouvelles de votre santé font l'objet de mes vœux et de mes désirs, c'est bien essentiel pour moi, c'est que Vous daignez, ma chère mère, continuer Vos bontés à celle, qui a l'honneur de se nommer avec le plus profond respect Marie.

Mars 1787.

Ma très chère mère. Je suis enchantée de pouvoir donner la bonne nouvelle à V. M. J., que la santé de mes fils est à souhait, il semble même que cette maladie a donné un nouvel essor a leur gaieté; Alexandre fait des entrechats dans la chambre, étant de la meilleure humeur possible; Constantin saute autant qu'il peut: tous deux dinent et soupent du meilleur appetit, et dès que le taches disparaitront, ou ne s'appercevra plus de leur maladie. Ma fille ainée et Marie se portent très bien aussi, mais la jolie Héléne nous donne quelques soupçons, elle a un grand rhume, les yeux battus, le tête lui

шенькая Елена немножко тревожитъ насъ, у ней сильный насморкъ, глазки мутные, головка горитъ и даже появилось нѣсколько пятенъ, однако, она пока еще бѣгаетъ и охотно играетъ; вслѣдствіе этого, доктора, не рѣшая положительно, что у нея будетъ корь, подозрѣваютъ, однако, эту болѣзнь, а потому всякое сообщеніе съ обѣими сестрами прервано. Мысль о кори дочерей моихъ достаточно безпокоитъ насъ; доктора утверждаютъ, что за ней обыкновенно слѣдуетъ оспа; для предупрежденія этой болѣзни Крузе (Krouse) и Букъ (Buk) совѣтуютъ намъ предложить вамъ, дорогая матушка, и испросить разрѣшеніе ваше на привитіе оспы тремъ малюткамъ тотчасъ по ихъ выздоровленіи отъ кори, если она у нихъ обнаружится. И тотъ и другой говорятъ, что необходимо предупредить болѣзнь, которую можно предвидѣть, тѣмъ болѣе, что она весьма обыкновенно малозначуща, если ее захватить во-время, между тѣмъ, какъ при запущеніи весьма легко можетъ открыться натуральная оспа, что было бы несчастіемъ. Оба они предлагаютъ доктора Голлидея (Hollidé) и съ Божью помощью отваживаются ручаться намъ за успѣхъ. Я замѣтила имъ, что у Маріи прорѣзываются зубы; но они отвѣтили, что это совершается у нея такъ легко, что опасаться нечего, тѣмъ болѣе, что ко времени полученія рѣшенія вашего императорскаго величества, она, вѣроятно, покончитъ съ восемью первыми зубами, такъ какъ пять уже прорѣзалось, два готовы показаться, слѣдовательно,

---

brule, et même elle a quelques tâches; cependant elle court et joue encore de bon cœur: aussi la faculté sans vouloir décider absolument qu'elle aura la rougeole, l'en soupçonne, aussi toute communication avec les deux est interrompue. L'idée de la rougeole pour mes filles nous inquiète assez, quoique la faculté pretend qu'elle est suivie assez généralement de la petite vérole; pour prévenir à ce mal Krouse et Buk nous engagent à Vous faire la proposition, ma chère mère, et à Vous demander la permission d'inoculer les trois petites, en cas qu'elle prennent la rougeole, dès qu'elles en seront rétablies; ils disent qu'il faut prévenir un mal qui est à prévoir, et qui arrive assez ordinairement, mais qui est peu de chose si on s'y prend à temps, au lieu que si on tardait, la petite vérole naturelle pourrait nous surprendre, ce qui serait un malheur. Ils proposent tous les deux le médecin Hollidé, et avec le secours de Dieu ils osent nous répondre du succés; je leur ai fait l'objection de la dentiture de Marie, mais ils m'ont répondu qu'elle la faisait si faiblement qu'il n'y avait aucun danger, d'autant plus qu'il est probable, que vers le temps que nous pourrons recevoir la décision de V. M. I., elle aura fait ses huit premières dents, vu qu'elle en a déjà cinq, que deux autres sont prêtes à sortir, et qu'il ne lui en reste plus qu'une à pousser, et qu'alors il y a une intervalle jusqu'à ce qu'elle fasse les dents ocullères: ils ont fini par me dire qu'en Angleterre on inoculait avec succès à tout âge: mais leur plus forte réplique est toujours celle, à la quelle il n'y a rien à répondre, qu'il vaut mieux qu'elles prennent la petite vérole ino-

остается только одинъ зубъ, а затѣмъ пройдетъ промежутокъ времени до появленія глазныхъ зубовъ; въ заключеніе они сказали мнѣ, что въ Англіи успѣшно прививаютъ оспу во всѣхъ возрастахъ; но самый вѣскій ихъ доводъ, противъ котораго возражать было нечего, заключается въ томъ, что лучше имѣть привитую оспу, нежели натуральную: они даже того мнѣнія, что если у нихъ въ настоящее время кори и не обнаружится, хотя Елена заставляетъ предполагать противное, во всякомъ случаѣ, такъ какъ въ городѣ корь ходитъ эпидемически, то за ней, вѣроятно, послѣдуетъ и оспа, и что такимъ образомъ, онѣ всегда подвергаются опасности заразиться, подобно моимъ новымъ больнымъ, захворавшимъ корью, хотя онѣ ни съ кѣмъ не сообщались, а потому-то, по ихъ мнѣнію, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ привить оспу. Я обстоятельно изложила вамъ, дрожайшая матушка, мнѣнія докторовъ, кажущіяся намъ справедливыми; понятно, что опасность, грозящая дочерямъ нашимъ, о которой доктора предупреждаютъ насъ, будетъ безпокоить до тѣхъ поръ, дрожайшая матушка, покуда вы, какъ оракулъ, къ которому прибѣгаютъ по долгу и по сердечной склонности, не изречете вашего мнѣнія. Благоволите въ скоромъ времени сообщить намъ рѣшеніе ваше, дрожайшая матушка, и дозвольте окончить эти строки постояннымъ увѣреніемъ глубочайшаго уваженія, съ которымъ осмѣливаюсь именоваться и проч., и проч.

---

culée, que naturelle. Ils sont même de l'avis, que si elles n'attrapent pas la rougeole dans ce moment, quoiqu' Hélène nous fasse soupçonner le contraire, que cette épidémie régnant en ville, elle sera probablement suivie de celle de la petite vérole, et qu'ainsi elles coûrent toujours le risque de la prendre, comme nos fils ont eu la rougeole, quoiqu'ils n'aient eu aucune communication quelconque avec personne: par conséquent ils opinent dans tous les cas pour l'inoculation. Je Vous ai fait ma très chère mère, l'exposé fidèle des sentiments de la faculté, qui nous paraissent justes en Vous avouant naturellement que le danger qu'elle nous fait prévoir pour nos fils nous inquiètera aussi longtemps que Vous, ma très chère mère, comme l'oracle auquel on aime à se rapporter par devoir et par inclination, vous aurez fait..... Vos intentions. Daignez nous faire parvenir bientôt Votre décision, ma très chère mère, et permettez moi de finir ces lignes par la répetition éternelle de profond respect avec lequel j'ose me nommer—etc.

Kiew, le 22 mars.

J'ai reçu, mon chèr fils, consécutivement hier et aujourd'hui, vos deux lettres du 12 et 14 mars. Je ne sais si je me trompe, mais il me paroit que la petite vérole volante de Costantin, l'ébolution qui l'a empêché de m'accompagner et la rougeole qu'il vient de prendre, ont été périodiques de mois en mois. Il est étonnant comment ce petit corps ait pu produire tant d'acreté en aussi peu de tems. Comme Vous me dites et m'assurés qu'il n'y a rien d'inquiètant dans son

Императрица—великому князю.

Кіевъ, 22-го марта; получено 2-го апрѣля.

Я получила, любезный мой сынъ, послѣдовательно вчера и сегодня оба ваши письма отъ 12-го и отъ 14-го марта. Не знаю, не ошибаюсь-ли, но вѣтряная оспа Константина, сыпь, помѣшавшая ему сопровождать меня, и корь, только что бывшая у него, смѣнялись періодически изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Удивительно, какъ въ этомъ маленькомъ тѣлѣ въ такое короткое время могло выработаться такъ много острыхъ соковъ. Такъ какъ вы говорите мнѣ и увѣряете, что въ его положеніи нѣтъ ничего опаснаго, то желала бы вѣрить, что иныхъ послѣдствій не будетъ, кромѣ обычнаго правильнаго теченія болѣзни, которая была и у меня самой на двадцатомъ году, но такая сильная, что покойный Бергавъ говорилъ, будто подобнаго рода корь можетъ изрябить, какъ оспа. Коль скоро у Александра была прививная оспа и такая сильная, каковой рѣдко бываютъ примѣры, надѣюсь, что и корь, если пристала къ нему отъ брата, то будетъ легкая. Желала бы, чтобы предосторожности, принятыя къ пресѣченію сообщеній между дѣтскими покоями, предохранили дочерей вашихъ отъ заразы; но, признаюсь вамъ, боюсь, чтобы онѣ не заразились, такъ какъ болѣзнь уже въ домѣ. Знаю по опыту, что она пристаетъ еще легче, нежели самая оспа. У оспы для этого только одинъ періодъ, а корь прилипчива съ перваго и до послѣдняго дня.

Рижскій рейдъ, о которомъ вы упоминаете, любезный мой сынъ, чѣмъ доставили мнѣ, право, большое удовольствіе, въ нынѣшнемъ году вскрылся очень рано. Вы знаете, что Западная Двина—мой барометръ для вскрытія Невы. Борисѳенскій рейдъ (Днѣпровскій лиманъ)

état, j'aime á me persuader que cela n'aura aucune autre suité que le cours ordinnaire et régulier de cette maladie que j'ai eue moi-même dans ma vingtième année, mais d'une telle force, que feu Boerhave disoit que de cette espèce-là, on en pouvoit être marqué comme de la petite verole. Comme Alexandre a eu la petite verole inoculée, d'une force, comme il n'y a guère d'exemple, j'ai espérence qu'il a gagné la rougeole de son frère; elle sera légère. Je souhaite que les précautions prises pour empêcher la communication entre les appartements des enfants garantissent vos filles de cette maladie; mais je vous avoue, que j'apréhende qu'elles ne la gagnent, puisqu'elle est une fois entrée dans la maison. Je sais, par expérience, qu'elle se communique plus aisément que la petite verole même. Celle-cy n'a qu'une période pour cela et la rougeole se gagne du premier jour au dernier. La rade de Riga, dont Vous faites mention mon chèr fils, et dont en vérité vous m'avés fait plaisir de me parler, s'est ouverte donc cette année de fort bonne heure. Vous savés que la Dwina est mon baromètre pour la debacle de la Néva. La rade de Boristhène est

вскрылся шесть недѣль тому назадъ. Намъ оттуда привозятъ апельсины, величиною съ небольшую дыню. Третьяго дня и вчера у насъ здѣсь была довольно сильная буря, окончившаяся весеннимъ дождемъ, истребившимъ снѣгъ, еще остававшійся во впадинахъ и въ тѣни. Переправы чрезъ Борисѳенъ (Днѣпръ) почти нѣтъ. Травы не видно здѣсь, въ старомъ Кіевѣ. Въ февралѣ я видѣла ея пучки, но ихъ занесло снѣжными мятелями, бывшими у насъ послѣ того. Прощайте любезный мой сынъ, обнимаю васъ.

Императрица—великой княгинѣ.

Кіевъ, 26-го марта 1787 г.

Добрыя вѣсти, сообщаемыя вами, любезная дочь моя, о состояніи здоровья обѣихъ больныхъ малютокъ вашихъ, достаточны для моего успокоенія. Если Александръ не въ постели, его корь должна быть очень легка; удивительно, что Константинъ выдержалъ сыпь, три раза выступавшую, не ослабѣлъ и не унылъ. Желаю, чтобы здоровье трехъ дочерей вашихъ не измѣнилось и прошу васъ обнять ихъ за меня. Я думаю, что Марія, по привычкѣ цѣловать образа, воображаетъ, что надо цѣловать каждую картину, потому-то цѣлуетъ и мой портретъ: готова побиться объ закладъ, что, увидѣвъ меня, она раскричится. Здѣсь холодно и холодъ пронзительный, хотя Днѣпръ съ послѣ обѣденной поры, 23-го марта, по немногу вскрывается, но онъ до того извилистъ, что ледоходъ ежеминутно задерживается. Увѣряю васъ, что суровость петербургскаго климата по моему лучше дурачествъ здѣшняго, и не я одна такъ думаю. Прощайте, сударыня, обнимаю васъ.

---

ouverte depuis six semaines. Nous en recevons des oranges, grosses comme des petits melons. Avant hier et hier nous avons eu ici une assés forte tempête qui a fini par une pluie de printems qui a fait main-basse sur la neige qu restoit dans les creux et dans l'ombre. Le Boristhène n'est presque plus passable, l'herbe il n'y en a pas à voir icy dans le vieux Kiew. J'en ai vu des bouffées èn fevrier, mais cela a été recouvert par des tourbillons de neige que nous avons eu depuis. Adieu, mon chèr fils, je vous embrasse.

à Kiew, 26 mars 1787.

Les bonnes nouvelles ma chère fille que Vous me donnez de l'état de Vos deux petits malades sont bien propres à me tranquilliser. Puisqu' Alexandre n'est pas couché sa rougeole doit être bien légère, il est étonnant que Constantin après trois ébolutions énormes qui lui sont venues le unes après les autres ne soit ni faible ni abattu. Je souhaite que la santé de Vos trois filles se soutienne, je Vous prie de les embrasser de ma part. Je pense que Marie

Императрица — великому князю.

30-го марта. Кіевъ.

Благодарю васъ, любезный мой сынъ, за добрыя вѣсти, которыя вы поспѣшили сообщить мнѣ о состояніи здоровья обоихъ вашихъ сыновей. Онѣ разсѣяли мои опасенія на этотъ счетъ. Желаю отъ всего сердца, чтобы дочери ваши продолжали пользоваться здоровьемъ. Я весьма опасалась, чтобы къ нимъ не пристала болѣзнь ихъ братьевъ. Борисѳенъ (Днѣпръ) разошелся въ теченіе трехъ послѣднихъ дней Святой недѣли, а въ субботу, такъ какъ Печерская крѣпость очистилась отъ льда, я приказала дать о томъ сигналъ, или сигналы, какъ въ Петербургѣ въ подобныхъ случаяхъ. Это меня развеселило, потому что только въ эту минуту я нашла въ Кіевѣ нѣкоторое сходство со столицей сѣвера, въ которой привыкла жить столько лѣтъ и въ которой народная ненависть, какъ я видѣла, уменьшилась и превратилась у весьма многихъ въ дѣйствительную склонность. При ледоходѣ погода была пріятная и тихая, а такъ какъ садъ подъ моими окнами, то я и гуляла въ немъ нѣсколько разъ и не безъ восхищенія смотрѣла на прелестное мѣстоположеніе, съ котораго видны три города и извилистое теченіе рѣки. Прощайте, желаю вамъ хорошо провести праздники и обнимаю васъ. Я здорова.

Получено 8-го апрѣля.

---

est accoutumée à baiser les images et qu'elle croit qu'il faut baiser toutes les peintures et que voilà pourquoi elle en fait autant à mon portrait, je parierai que quand elle me verra elle criera. Il fait froid ici et un froid vif, mais le Boristhène depuis l'après diné du 23 mars est a faire sa débacle mais il a tant de sinuosités qu' à chaque instant cette opération est interrompue. Je Vous assure que la vigueur du climat de Petersbourg, selon moi, est préférable aux bêtises de celui-ci, je ne suis pas la seule à penser ainsi. Adieu, Madame, je Vous embrasse.

Kiew, le 30 mars.

Je Vous remercie, mon chèr fils, des bonnes nouvelles que Vous Vous êtes empressé de me donner sur l'état de Vos deux fils. Elles sont bien propres à diminuer mes inquiètudes à ce sujet. Je souhaite de tout mon cœur que Vos filles continuent à se bien porter. J'ai eu beaucoup d'appréhension qu' elles ne gagnent la maladie de leurs frères. Le Boristhène a fait sa debacle les trois derniers jours de la semaine sainte et le samedi, la forteresse de Petchersky se trouvant débarrassée de glace, j'ai ordonné d'en donner le signal ou les signaux, comme à Pétersbourg en pareil cas. Ceci m'a rejoui, parce qu'en ce moment seul j'ai trouvé à Kiew un air de ressemblance avec la capitale du Nord, où je suis habituée de démeurer depuis tant d'années et pour laquelle j'ai vu la haine nationale diminuer et se changer en inclination réelle chez un grand nombre. Pendant la débacle de la rivière le tems fait agréable et doux,

Императрица—великому князю съ супругою.

1-го апрѣля 1787 г.

Любезныя дѣти, сію минуту только что получила я письма ваши отъ 20-го марта, въ которыхъ вы увѣдомляете меня, что сыновья ваши поправляются, чему чрезвычайно радуюсь. Признаюсь, я была уже приготовлена къ сообщенному вами извѣстію объ опасности, угрожающей дочерямъ вашимъ. Лишь только я узнала, что сыновья ваши въ кори, то подумала, что и дочерямъ вашимъ, вѣроятно, не миновать ея, что затѣмъ слѣдуетъ опасаться оспы, которую доктора совѣтуютъ привить; вы очень хорошо сдѣлаете и я охотно соизволяю на эту спасительную мѣру, которую испытала сама, о чемъ и спѣшу писать вамъ: но предоставляю докторамъ рѣшить, не лучше ли приступить къ этой операціи за городомъ, а не въ городѣ, гдѣ весной воздухъ смрадный отъ испареній, тогда какъ на дачѣ онъ благовонный и чистый. Вполнѣ чувствую привязанность, вами высказываемую по этому поводу, и тѣ подробности, въ которыя вы входите со мною. Молю небо, да благословитъ оно предстоящее дѣло и обнимаю васъ обоихъ; я совершенно здорова и думаю выѣхать отсюда недѣли черезъ двѣ. Съ самой Пасхи погода стоитъ прекрасная.

Примѣчаніе. Далѣе о беременности великой княгини съ приложеніемъ № газеты изъ слова въ слово находится въ письмѣ отъ 3-го апрѣля (см. ниже).

Ред.

---

et comme le jardin est sous mes fenêtres je m'y suis promenée plusieurs fois et ce n'est point sans admiration que j'ai vu cette belle et charmante situation où l'on découvre les trois villes et beaucoup de sinuosités de la rivière. Adieu, je Vous souhaite de bonnes fêtes et Vous embrasse. Je me porte bien.

1 avril.

Mes chèrs enfans, je viens dans ce moment même de recevoir Vos lettres du 20 mars, ou Vous me mandés que Vos fils se rétablissent cs qui me réjoui infiniment. Je Vous avoue que j'étais tout préparée à la nouvelle que Vous me donnez du danger dont Vos filles sont menacées. Dès que j'ai su que Vos fils avaient la rougeole j'ai cru qu'immanquablement Vos filles l'auraient aussi, et puisque la petite vérole est à appréhender, et que les médecins conseillent de les inauculer. Vous ferez très bien et je consens volontiers de procéder à cette précaution salutaire per lequelle j'ai passée moi-même, et je me hate de Vous écrire cette lettre a cet effet, mais je laisse aux médecins de décider s'il ne vaut pas mieux faire cette opération à la campagne qu'en ville, où l'air des exhalaisons du printemps est puant, au lieu qu'à la campagne il est odoriférant et pur. Je suis très sensible à l'affection que Vous me témoignez à ce sujet et aux détails dans lesquels Vous entrez avec moi. Je prie le ciel de bénir cette opération et Vous embrasse tous les deux, je me porte bien et pense de sortir dans une quinzaine de jours d'ici; depuis Pâque le temps est charmant.

Великій князь — императрицѣ.

3-го апрѣля.

Съ величайшей признательностью получилъ я письмо вашего императорскаго величества отъ 22-го прошедшаго мѣсяца. Могу сообщить вамъ лучшія новости о здоровьи моихъ дѣтей, нынѣ, благодаря Бога, здравствующихъ. Нашъ Свѣтлый праздникъ былъ весьма хорошъ въ отношеніи погоды; даже улицы начали просыхать, а на солнцѣ было тепло, какъ лѣтомъ. Если рижскій рейдъ давно открытъ, за то Двина еще не очистилась по послѣднимъ извѣстіямъ. Нева вскрылась до Пеллы, хотя здѣсь у насъ по ней еще переѣзжаютъ въ экипажахъ. Вчера, идучи по мосткамъ, я однако замѣтилъ, что она синѣетъ и просвѣчиваетъ. Желалъ бы занять васъ болѣе любопытными предметами, но по не имѣнію таковыхъ, прошу васъ соблаговолить принять увѣренія въ моей привязанности и въ чувствахъ, съ коими есмь ненарушимо и проч.

Императрица — великому князю.

3-го апрѣля. Кіевъ.

Изъ вашихъ писемъ отъ 22-го марта, любезный мой сынъ, я узнала, что пятна, показавшіяся у Елены, исчезли и что она, вы и всѣ дѣти ваши здоровы. Въ самый день полученія мною вашихъ писемъ отъ

---

le 3 avril.

C'est avec bien de la reconnaissance que j'ai reçu la lettre de Votre Majésté Impériale du 22 du passé. Je puis Lui donner les meilleurs nouvelles de la santé de nos enfants, qui se portent actuellement bien, grâces à Dieu. Nos fêtes de Pâques ont été très belles par rapport au tems qu'il faisoit; les rues même commencent à sécher et au soleil il a fait comme en été. Si la rade de Riga est ouverte depuis longtems, la Duna ne l'est pas encor d'après les dernières nouvelles. La Neva l'est jusqu'a Pella, quoiqu'icy on la passe en voiture encor. Hier en passant les ponts je l'ai trouvée toute bleue et transparente cependent. J'aurois désiré pouvoir L'entretenir de choses plus intéressantes si j'en avois, au défaut de quoi je La supplie de vouloir bien recevoir les assurances de mon attachement et des sentimens avec lesquels je suis inviolablement-etc.

Kiew, le 3 avril 1787.

Par vos lettres du 22 mars, mon chèr fils, je viens d'apprendre que les tâches qu' Héléne a eues se sont dissipées et qu'elle et vous et tous vos enfants se portent bien. Le même jour que j'ai reçu vos lettres du 20 et au même instant je vous ai répondu et le courrier a été expédié pour vous dire que j'approuve le projet d'inoculer vos filles pour les prévenir du danger qu'elles courent seulement. Je conseille de le faire à la campagne et pas à la ville par une infinité de raisons trop longues à détailler. Au reste je me porte bien et me pro-

20-го числа, я тотчасъ же отвѣчала вамъ, а курьеръ былъ отправленъ, чтобы сказать вамъ, что я одобряю намѣреніе привить оспу вашимъ дочерямъ для предохраненія ихъ отъ опасности, пока имъ только угрожающей. Совѣтую сдѣлать это въ загородномъ дворцѣ, а не въ городѣ по множеству причинъ, распространяться о которыхъ было бы слишкомъ долго. Впрочемъ, я здорова и гуляю въ хорошую погоду, которая хотя и пріятнѣе петербургской, но тоже со своими причудами, особенно обилуетъ туманами и вѣтромъ. Прощайте, будьте здоровы.

P. S. (По-русски). Прилагаю „Гамбургскія Вѣдомости", въ которыхъ, подъ артикуломъ Франкфурта, напечатано о беременности великой княгини. Въ еженедѣльныхъ письмахъ вашихъ вы о семъ ни слова не упоминаете, ложь, или правда — Богъ вѣсть [1]).

Помѣта: «Получено 19-го апрѣля».

Великая княгиня—императрицѣ.

8-го апрѣля 1787 г.

Я получила оба письма, которыми ваше императорское величество изволили удостоить меня отъ 23-го и 26-го февраля, съ живѣйшею радостью, которой не могу выразить. Въ изъявленіи живѣйшей и искренней признательности моей тысячу разъ цѣлую руки ваши, дрожайшая матушка, и осмѣливаюсь повторить вамъ, что память обо мнѣ и доброта ваша навсегда составятъ мое счастіе; мои сыновья

---

mène lorsque le temps est beau et quoique plus doux qu'à Pétérsbourg, mais il a ses caprices et surtout beaucoup de brouillard et du vent. Adieu, portés vous bien.

P. S. Прилагаю «Гамбургскія Вѣдомости», въ которыхъ, подъ артикуломъ Франкфурта, напечатано о беременности великой княгини. Въ еженедѣльныхъ письмахъ вашихъ вы о семъ ни слова не упоминаете, ложь, или правда—Богъ вѣсть!

8 avril.

J'ai reçu les lettres que V. M. I. a daigné m'addresser le 23 et 26 février avec un plaisir sensible et qui ne saurait s'exprimer. Je Vous baise mille fois les mains, ma très chère mère, pour Vous en témoigner ma vive et tendre reconnaissance, et j'ose Vous répétér que Votre souvenir et Vos bontés feront à

---

[1]) Къ письму приложенъ листокъ нѣмецкой газеты (Staats und Galerhter Zeitung des Hamburgischen unparteyischen Correspondenten. Anno 1786, Num. 47 Freytag den 23 März), въ которомъ напечатаны слѣдующія строки: «По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Петербурга, великая княгиня находится въ благословенномъ состояніи беременности» (Nachrichte aus Petersburg melden, dass sich die Grossfürstin in gesegneten Leibesumständen befinde). Это извѣстіе нельзя было назвать неосновательнымъ, оно было только преждевременно. Ред.

пользуются совершеннымъ здоровьемъ; на этихъ дняхъ они выйдутъ на воздухъ, и дѣйствительно хорошій цвѣтъ лица и веселое въ нихъ расположеніе духа не позволяютъ сомнѣваться въ совершенномъ ихъ выздоровленіи. Надѣюсь, что съ Божьей помощью Константинъ навсегда отдѣлался отъ сыпей своихъ, ибо количество извергнутой имъ мокроты—невѣроятно и весьма удивительно о чемъ и ваше императорское величество справедливо изволили замѣтить въ вашемъ письмѣ, что онъ не ослабѣлъ; напротивъ того, умственныя его способности стали еще живѣе прежняго и веселость его все та же, какъ была. Дочери мои также здоровы, хотя у Маріи и появилась легкая сыпь, но это бездѣлица и ребенокъ вообще здоровъ. Двѣ старшія поручаютъ мнѣ повергнуть ихъ къ стопамъ вашимъ, дорогая матушка, и передать вамъ сіи строки. Погода нынѣшней весной намъ чрезвычайно благопріятствуетъ, и въ тѣ дни, когда вы жаловались, дрожайшая матушка, на суровость кіевской весны, мы пользовались прекрасной и теплой погодой; наша рѣка не сегодня, такъ завтра вскроется, у Александро-Невской лавры она уже очистилась, разошлась-бы и вся, если бы вчера не было мороза и ненастья. Судя по тому, что ваше императорское величество изволили написать мнѣ о хваленомъ кіевскомъ климатѣ, я думаю, что вамъ не рѣдко приходилось сожалѣть о теплотѣ температуры вашихъ здѣшнихъ апартаментовъ. Помню, какъ въ бытность мою въ Неаполѣ, во время тогдашнихъ холодовъ, я съ горестью вспоминала о моемъ каминѣ, который весьма желала

---

jamais mon bonheur; mes fils jouissent tous deux d'une bonne santé, ils vont sortir ces jours, et en vèrité leur colorit et leur bonne humeur ne permet plus de s'appercevoir d'aucune trace de maladie. J'espère, s'il plait à Dieu, Constantin sera dèlivré pour toujours de ses ébolutions, car la quantité d'humeurs qu'il a jeté est incroyable, et il est très etonnant comme V. M. I. le remarque dans sa lettre, qu'il n'en soit point affaibli mais au contraire son imagination est devenue encore plus vive, qu'elle ne l'était, et sa gaieté est tout aussi grande que par le passé. Mes filles se portent très bien aussi; quoique Marie ait une petite ébolution, mais c'est très peu de chose, et l'enfant est au reste bien portant. Les 2 ainées me chargent de les mettre à Vos pieds, ma très chère mère et de Vous envoyer ces lignes. Le temps nous fovorise beaucoup ce printemps et pendant les jours que Vous Vous plaignez ma chère mère de la saison rude qu'il a fait à Kiew, nous avons joui d'un temps superbe et chaud. Aussi notre rivière va-t-elle débacler aujourd'hui ou demain. Devant le couvent de Nevsky elle est déjà ouverte, elle le seroit même déjà aussi ici sans la gelée et le mauvais temps d'hier. Après ce que V. M. I. me fait l'honneur de me dire du climat tant vanté de Kiew, je crois qu'elle aura été souvent dans le cas de regretter la bonne température de ses appartements d'ici. Je sais que lors de mon séjour à Naples pendant le froid vif qu'il y faisait je pensais avec dou-

имѣть тамъ. Сестра поручаетъ мнѣ повергнуть ее къ стопамъ вашимъ, дорогая матушка, и умолять васъ поручить ее милостивому вниманію императора во время его пребыванія въ Херсонѣ. Сестра глубоко убѣждена, что одно ваше слово, дорогая матушка, придастъ ей еще болѣе привлекательности въ глазахъ императора. Доброта ваша и участіе, которое ваше императорское величество всегда принимали въ судьбѣ сестры моей, вами устроенной, позволяютъ мнѣ надѣяться, что вы извините меня, дорогая матушка, что я осмѣливаюсь говорить вамъ съ такой откровенностью. Я даже дерзаю льстить себя надеждою, что въ сихъ строкахъ вы узнаете то сердечное чувство, которое ихъ мнѣ подсказываетъ—такова надежда той, которая съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣетъ честь быть и проч.

P. S. Мужъ мой, повергаясь къ стопамъ вашимъ, дрожайшая матушка, проситъ васъ не оставлять его впредь вашимъ добрымъ вниманіемъ.

Императрица — великой княгинѣ.

Кіевъ, 14-го апрѣля 1787 г.

Письмо ваше, любезная дочь моя, отъ 1-го апрѣля, извѣщаетъ меня объ удовольствіи, доставляемомъ вамъ моими письмами, и объ участіи, вами принимаемомъ въ моемъ здоровьи, которое по прежнему хорошо, не смотря на частыя перемѣны погоды и на рѣзкій воздухъ здѣшняго края. Съ величайшимъ удовольствіемъ вижу, что вы здо-

---

leur à ma cheminée, que je désirai beaucoup a y retrouver. Je suis chargée par ma sœur de la mettre à Vos pieds, ma chère mère et de Vous supplier de daigner la recommander aux bontés de l'Empereur lors de son séjour à Cherson. Ma sœur est intimement persuadée qu'un mot de Votre part, ma chère mère, la rendra plus chère encore à l'Empereur. Les bontés, l'intérêt que V. M. I. à daigné prendre de tout temps au sort de ma sœur, qui est Votre ouvrage, me fait espérer que Vous, me pardonnerez, ma chère mère, d'oser Vous parler avec cette confiance. J'ose même me flatter que Vous reconnaîtrez dans ces lignes les sentiments du cœur qui Vous les adresse. C'est l'esperance de celle qui a l'honneur d'être avec le plus profond respect etc.

P. S. Mon mari est à Vos pieds, ma très chère mère, en Vous demandant la continuation de Vos bontés.

à Kiew, ce 14 d'avril 1787.

Votre lettre, ma chère fille, du 1 d'avril m'instruit du plaisir que Vous font les miennes et de la part que Vous prenez à ma santé qui continue à être bonne, malgré les fréquentes variations du temps et de l'air extrêmement vif de cette contrée. C'est avec beaucoup de satisfaction que je vois que Vous Vous portez bien, que Vos fils sont rétablis, et qu'il parait que les appréhensions au

ровн, что сыновья ваши поправились и что опасенія на счетъ дочерей вашихъ уменьшились. Можно было бы сказать, что я увезла изъ Петербурга дурную погоду и что она пожаловала сюда въ моей свитѣ. Весьма тронута я поздравленіями всего вашего семейства и желаю, чтобы милость, въ которой я нахожусь у Александрины и Елены, продолжалась: трудно полагаться на милость дѣтей. Марія для меня будетъ новою знакомкою по моемъ возвращеніи, ибо съ тѣхъ поръ, какъ она на свѣтѣ, я не думаю, видѣла-ли я ее и десять разъ проснувшеюся. Прощайте, сударыня, обнимаю васъ.

---

sujet de Vos filles sont diminuées. L'on pourrait dire que j'ai emporté de Pétersbourg le mauvais temps et qu'il est venu ici à ma suite; je suis très sensible aux compliments de toute la famille, je souhaite que la faveur dans laquelle je suis près d'Hélène et d'Alexandrine se soutienne, il est difficile de compter sur celle des enfants. Marie sera une nouvelle connaissance que je ferai quand je reviendrai, car depuis qu'elle est au monde je ne crois pas l'avoir vue dix fois éveillée. Adieu, Madame, je Vous embrasse.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Catherine II.

СПОДВИЖНИКИ ЕКАТЕРИНЫ II.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

1744—1810.

Княгиня Е. Р. **Дашкова**, рожденная графиня **Воронцова**, родная племянница канцлера Елисаветинскаго царствованія, родилась въ 1744 г. Императрица Елисавета была ея воспріемницей, а наслѣдникъ престола—Петръ Ѳедоровичъ былъ ея крестнымъ отцемъ. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ потерявъ мать, княжна получила прекрасное образованіе въ домѣ своего дяди, канцлера; «но для образованія характера и умственнаго развитія»—по ея собственнымъ словамъ—«ничего не было сдѣлано: дядя не имѣлъ времени, а тетка—ни способности, ни призванія». «Политика съ самыхъ раннихъ лѣтъ особенно интересовала гордую, но въ то же время «необыкновенно чувствительную и мягкую сердцемъ» княжну (такъ она сама себя характеризуетъ) и этой склонности какъ нельзя лучше содѣйствовала та среда, въ которой развивалась ея молодость; всѣ иностранцы—артисты, литераторы, посланники, посѣщавшіе домъ ея дяди, подвергались ея пытливымъ допросамъ. Она разспрашивала о чужихъ краяхъ, о формахъ правленій и законовъ... Страсть къ чтенію довершила ее развитіе и зимою 1759 года впервые сблизила съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной. «Въ ту эпоху,—замѣчаетъ по этому поводу княгиня Екатерина Романовна,—навѣрное можно сказать, что въ Россіи нельзя было найдти и двухъ женщинъ, которыя бы, подобно Екатеринѣ и мнѣ, серьезно занимались чтеніемъ; отсюда, между прочимъ, возродилась наша взаимная привязанность, и такъ какъ великая княгиня обладала неотразимой прелестью, кому она хотѣла понравиться, то легко представить, какъ она должна была увлечь меня—пятнадцатилѣтнее и необыкновенно впечатлительное существо».

Въ февралѣ 1760 г. героиня наша вышла за мужъ за молодого князя **Дашкова** и уѣхала жить въ Москву; тамъ у молодыхъ родилась дочь Настасья; слѣдующимъ ребенкомъ былъ сынъ Михаилъ. Лѣтомъ 1761 г. счастливая чета отправилась въ Петербургъ, куда и прибыла 28-го іюня 1761 г., «день,—говоритъ княгиня **Дашкова**,—которому суждено было, черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ, сдѣлаться замѣчательнымъ и славнымъ днемъ для моего отечества». Съ первыхъ же дней по пріѣздѣ, княжна замѣтила, что «молодой дворъ» состоитъ изъ двухъ партій—наслѣдника и его супруги и что полная холод-

вечеромъ наканунѣ, предупредивъ объ опасности, которою угрожало нетерпѣніе солдатъ, въ особенности гренадеровъ; повѣривъ распущеннымъ слухамъ относительно императрицы, они открыто говорили противъ Петра III и громко требовали, чтобъ ихъ вели противъ голстинскихъ отрядовъ въ Ораніенбаумъ. Желая успокоить тревогу этихъ двухъ молодыхъ людей, я подтвердила имъ свою личную готовность встрѣтить опасность, и просила ихъ еще разъ увѣрить солдатъ, прямо отъ меня, въ томъ, что императрица совершенно благополучна, живетъ на свободѣ въ Петергофѣ, и что они должны быть спокойны и покорны приказаніямъ другихъ, иначе дѣло будетъ проиграно. Пассекъ и Бредихинъ немедленно отправились въ казармы съ моимъ порученіемъ, но среди общей суматохи наша тайна дошла до свѣдѣнія преображенскаго маіора Воейкова, который тотчасъ же арестовалъ Пассека и такимъ образомъ ускорилъ счастливую развязку катастрофы.

Когда Орловъ извѣстилъ меня объ этомъ арестѣ, не зная ни причины, ни подробностей его, со мной находился Панинъ; съ свойственной его характеру флегмой и медленностью, а можетъ быть и изъ желанія скрыть отъ меня опасность, онъ, повидимому, считалъ это происшествіе менѣе серьезнымъ, чѣмъ я, и представлялъ его, какъ слѣдствіе какого-нибудь военнаго проступка. Напротивъ, я приняла его за сигналъ рѣшительнаго дѣйствія, хотя и не могла убѣдить его въ этомъ мнѣніи. Между тѣмъ, Орловъ хотѣлъ немедленно идти въ казармы и обстоятельно разузнать, арестованъ-ли Пассекъ за государственное преступленіе, или за военный проступокъ? въ первомъ случаѣ, онъ обѣщалъ возвратиться ко мнѣ со всѣми подробностями и послать своего брата съ тѣмъ же увѣдомленіемъ къ Панину.

Когда Орловъ ушелъ, я попросила моего дядю оставить меня подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ нуженъ былъ отдыхъ. Но какъ скоро онъ удалился, я накрылась мужскимъ широкимъ плащемъ и, такимъ образомъ переряднвшись, пошла пѣшкомъ къ Рославлеву [1]).

На дорогѣ я встрѣтила верховаго офицера, скакавшаго во весь галопъ по направленію ко мнѣ. Не знаю, какъ я узнала въ немъ Орлова, хотя никогда не видѣла ни одного изъ нихъ, кромѣ Григорія; но убѣжденная въ этомъ, я рѣшилась остановить его, назвавъ собственнымъ именемъ. Наѣздникъ сдержалъ лошадь, и когда узналъ, кто говоритъ съ нимъ:

— „Княгиня“, сказалъ онъ, „я ѣхалъ увѣдомить васъ, что Пассекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ; четверо часовыхъ

[1]) Николай Ивановичъ, Измайловскаго полка премьеръ-маіоръ. Ред.

стоять у его дверей и двое у каждаго окна его комнаты. Брать мой побѣжалъ извѣстить Панина, а я передалъ уже эту новость Рославлеву".

— Ну, что послѣдній сильно былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ? спросила я.

— „Да, нѣсколько испугался", отвѣчалъ Орловъ; „но зачѣмъ вы стоите на улицѣ? Позвольте мнѣ проводить васъ домой".

— Мы безопаснѣе здѣсь, замѣтила я, чѣмъ дома, гдѣ трудно укрыться отъ наблюденія слугъ. Но, теперь, терять слова нечего. Скажите Рославлеву, Ласунскому[1]), Черткову[2]) и Бредихину, чтобъ они сію же минуту отправились въ Измайловскій полкъ и оставались при своихъ постахъ, съ цѣлью принять императрицу въ окрестностяхъ города. Потомъ вы, или одинъ изъ вашихъ братьевъ, молніей летите въ Петергофъ и отъ меня просите государыню немедленно сѣсть въ почтовую повозку, которая уже приготовлена для нея, и явиться въ лагери измайловскихъ гвардейцевъ: они готовы провозгласить ее главой имперіи и проводить въ столицу. Скажите ей, что дѣло такой важности, что я даже не имѣла времени зайдти домой и извѣстить ее письменно; что я на улицѣ и изустно отдала вамъ порученіе привести ее безъ малѣйшаго замедленія. Можетъ быть, я сама пріѣду и встрѣчу ее.

Почтовая повозка, о которой я сказала, требуетъ нѣсколькихъ пояснительныхъ словъ. Послѣ того, какъ я видѣла у себя Пассека и Бредихина и услышала отъ нихъ о тревожномъ состояніи солдатъ, можно было подумать, что они, не дожидаясь приказаній, начнутъ дѣло: на этотъ случай я написала Шкуриной, женѣ камеръ-лакея Екатерины, чтобъ она отправила къ своему мужу въ Петергофъ телѣгу на четырехъ почтовыхъ лошадяхъ, съ тѣмъ, чтобъ эти лошади были постоянно готовы для императрицы, если внезапно присутствіе ея будетъ необходимо въ Петербургѣ; я хорошо знала, какъ трудно было бы ей, въ случаѣ надобности, достать себѣ придворную карету безъ особеннаго позволенія Измайлова, министра двора, человѣка менѣе всѣхъ расположеннаго въ пользу государыни. Панинъ думалъ, что начало революціи еще далеко и неизвѣстно, и потому смѣялся надъ моей слишкомъ поспѣшной предосторожностью. Но еслибъ мы пренебрегли этими дальновидными мѣрами, Богъ знаетъ, когда и какъ были бы достигнуты наши надежды.

Отпустивъ Орлова, я возвратилась домой, но въ такомъ возбуж-

---

[1]) Михаилъ—капитанъ Измайловскаго полка.

[2]) Евграфъ Александровичъ—поручикъ Преображенскаго полка. Ред.

денномъ настроеніи духа, что рѣшилась немного отдохнуть. Между тѣмъ, приказала приготовить къ вечеру мужское платье, но портной опоздалъ. Когда же я одѣлась, оно было узко и стѣсняло мои движенія. Чтобъ не возбуждать подозрѣнія со стороны домашней прислуги, я легла въ постель; но не прошло и часу, какъ раздался страшный стукъ въ ворота. Вскочивъ съ постели, я вышла въ ближайшую комнату и приказала принять, кто бы это ни былъ. Молодой человѣкъ, неизвѣстный мнѣ, явился и назвалъ себя младшимъ Орловымъ. Онъ пріѣхалъ спросить (говорилъ онъ), не рано-ли посылать за императрицей и безпокоить ее слишкомъ поспѣшнымъ требованіемъ въ Петербургъ.

Я остолбенѣла. Это такъ взбѣсило меня, что я не могла сдержать своего гнѣва (при чемъ выразилась довольно энергично) противъ самовольнаго замедленія моихъ приказаній, данныхъ Алексѣю Орлову.

— Вы упустили самое драгоцѣнное время, сказала я. Вы боялись потревожить государыню и рѣшились вмѣсто того, чтобъ своевременно явиться съ ней въ Петербургъ, обречь ея жизнь темницѣ или, одной съ нами участи — эшафоту. Скажите же своему брату, чтобъ онъ немедленно скакалъ въ Петергофъ и привезъ ее въ городъ, какъ можно скорѣе; иначе Петръ III предупредитъ ее и разрушитъ всѣ наши надежды на спасеніе Россіи и императрицы.

Орловъ, очевидно, былъ тронутъ моимъ протестомъ и увѣрилъ меня, что братъ его сію же минуту исполнитъ мои порученія.

Когда онъ ушелъ, я предалась самому печальному раздумью. Мысль боролась съ отчаяніемъ и ужасными представленіями, я горѣла желаніемъ ѣхать на встрѣчу императрицы; но стѣсненіе, которое я чувствовала отъ моего мужскаго наряда, приковало меня, среди бездѣйствія и уединенія, къ постели. Впрочемъ, воображеніе безъ устали работало, рисуя по временамъ торжество императрицы и счастіе Россіи; но эти сладкія видѣнія быстро смѣнялись другими страшными мечтами. Малѣйшій звукъ будилъ меня и Екатерина, идеалъ моей фантазіи, представлялась блѣдной, обезображенной. Эта потрясающая ночь, въ которую я страдала за цѣлую жизнь, наконецъ прошла; и съ какимъ невыразимымъ восторгомъ я встрѣтила счастливое утро, когда узнала, что государыня вошла въ столицу и провозглашена Измайловскимъ полкомъ главой имперіи, который проводилъ ея въ Казанскій соборъ среди огромнаго собранія войска и гражданъ, готовыхъ принести ей присягу.

Было шесть часовъ. Я приказала подать себѣ парадное платье и поспѣшно отправилась въ лѣтній дворецъ, гдѣ предполагала найдти Екатерину. Трудно сказать, какъ я добралась до нея. Дворецъ былъ

окруженъ множествомъ народа и войскъ, со всѣхъ концовъ города стекавшихся и соединившихся съ измайловцами; я принуждена была выйдти изъ кареты и пѣшкомъ пробираться сквозь толпу. Но какъ скоро узнали меня нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ, я была поднята на рукахъ и отвсюду слышала привѣтствія, какъ общій другъ, и осыпана тысячами благословеній. Наконецъ очутилась я въ передней съ вскруженной головой, съ изорваными кружевами, измятымъ платьемъ, совершенно растрепанной, вслѣдствіе сего тріумфальнаго прихода, и поторопилась представиться государынѣ. Мы были немедленно въ объятіяхъ другъ у друга. „Слава Богу!“—вотъ все, что мы могли сказать въ эту минуту.

Потомъ она разсказала о своемъ побѣгѣ изъ Петергофа, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ передъ этимъ ударомъ. Я слушала ее съ сильно бьющимся сердцемъ; въ свою очередь, описала ей тоскливые часы, проведенные мной въ то же самое время, которые были тѣмъ тягостнѣе, что я не могла встрѣтить ее и слѣдить за успѣхомъ ея судьбы, блага или бѣдствій всей Россіи. Мы еще разъ обнялись, и я никогда такъ искренно, такъ полно не была счастлива, какъ въ эту минуту! Замѣтивъ, что императрица была украшена лентой св. Екатерины и еще не надѣла Андреевской,—высшаго государственнаго отличія (женщина не имѣла права на него, но царствующая государыня, конечно, могла украситься имъ),—я подбѣжала къ Панину, сняла съ него голубую ленту и надѣла ее на императрицу, а ея—Екатеринскую, согласно съ желаніемъ ея, положила въ свой карманъ.

Послѣ легкаго завтрака, государыня предложила двинуться во главѣ войска въ Петергофъ и пригласила меня сопутствовать ей. Съ этой цѣлью, желая переодѣться въ гвардейскій мундиръ, она взяла его у капитана Талызина[1]), а я, слѣдуя примѣру ея, достала себѣ отъ лейтенанта Пушкина[2]),—оба молодые офицера были нашего роста. Эти мундиры, между прочимъ, были древнимъ національнымъ одѣяніемъ Преображенскаго полка со времени Петра Великаго, впослѣдствіи замѣненныхъ прусскими куртками, введенными Петромъ III. Замѣчательно, что едва императрица вошла въ городъ, какъ гвардейцы, будто по командѣ, сбросили съ себя иностранный мундиръ и одѣлись въ свое старое платье.

Когда императрица стала приготовляться къ походу, я уѣхала домой переодѣться; по возвращеніи моемъ, я застала ее въ совѣтѣ, разсуждавшемъ о будущемъ манифестѣ. Съ ней находились тѣ сена-

---

[1]) Александра Өедоровича.

[2]) Михаила Алексѣевича. Ред.

торы, которые были тогда въ городѣ, и Тепловъ, призванный въ качествѣ секретаря.

Такъ какъ извѣстіе о побѣгѣ императрицы изъ Петергофа и о всѣхъ другихъ событіяхъ этого дня уже могли дойдти до Петра III, то я думала, что онъ двинется къ Петербургу, чтобъ остановить возстаніе войскъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, я рѣшилась сообщить свое мнѣніе государынѣ. Двое офицеровъ, стоявшихъ на часахъ у дверей совѣта, вѣроятно, удивленные моимъ смѣлымъ движеніемъ, или полагавшіе, что я имѣю право всегда являться на глаза Екатерины, безпрепятственно меня пропустили въ комнату. Я подошла къ государынѣ и на ухо ей сообщила свою мысль, совѣтуя принять всевозможныя мѣры противъ прихода Петра III. Теплову тотчасъ же было приказано написать указъ и разослать копіи его, вмѣстѣ съ другими инструкціями, въ двѣ главныя части, которыя должны были охранять два приступа къ городу съ моря,— единственные незащищенные пункты. Мое нечаянное появленіе въ совѣтѣ изумило почтенныхъ сенаторовъ, изъ которыхъ никто не узналъ меня въ военномъ мундирѣ; Екатерина, замѣтивъ это, сказала имъ мое имя, прибавивъ, что она обязана моей дружбѣ указаніемъ въ эту минуту на одну очень необходимую предосторожность, которую они совершенно упустили изъ виду. Сенаторы единодушно встали съ своихъ мѣстъ, чтобъ поздравить меня, при чемъ я покраснѣла и отклонила отъ себя честь, которая такъ мало шла мальчику въ военномъ мундирѣ.

Когда засѣданіе кончилось и отданы были приказанія относительно безопасности столицы, мы сѣли на своихъ лошадей и по дорогѣ въ Петергофъ осмотрѣли двѣнадцать тысячъ войска, кромѣ волонтеровъ, ежеминутно стекавшихся подъ наше знамя.

Въ Красномъ кабачкѣ, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, мы отдохнули немного, чтобъ дать роздыхъ пѣхотному войску. Да и намъ необходимъ былъ покой, особенно мнѣ, ибо послѣднія пятнадцать ночей я едва смыкала глаза. Когда мы вошли въ тѣсную и дурную комнату, государыня предложила, не раздѣваясь, лечь съ нею на одну постель, которая, при всей окружающей грязи, была истинной роскошью для моихъ измученныхъ членовъ. Едва мы расположились на постели, завѣшанной шинелью, взятой у полковника Карра, я замѣтила маленькую дверь позади изголовья императрицы. Не зная, куда она вела, я попросила позволенія выйдти и увѣриться, все-ли безопасно; удостовѣрившись, что эта дверь сообщалась тѣснымъ и темнымъ корридоромъ со внѣшнимъ дворомъ, я поставила у нея двухъ часовыхъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста безъ моего

позволенія. Потомъ я возвратилась къ императрицѣ, которая перебирала какія-то бумаги; и такъ какъ мы не могли заснуть, то она прочитала мнѣ копію будущаго манифеста. Мы на досугѣ разсуждали о томъ, что надо было дѣлать, полныя восторга, отъ котораго далеко отлетѣла всякая тревожная мысль объ опасности.

Между тѣмъ Петръ III, не захотѣвъ послѣдовать совѣту фельдмаршала Миниха, находился въ самомъ нерѣшительномъ состояніи. Онъ скакалъ взадъ и впередъ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ, уступивъ просьбамъ своихъ друзей, поплылъ въ Кронштадтъ, чтобъ овладѣть флотомъ. Императрица, впрочемъ, не забыла обратить вниманіе на это важное обстоятельство и расположить въ свою пользу морскую силу. Она послала адмирала Талызына командовать флотомъ во имя ея; увидѣвъ, что Петръ подъѣзжаетъ къ кронштадскому берегу, Талызынъ не позволилъ ему высадиться. Несчастный государь принужденъ былъ плыть назадъ въ Ораніенбаумъ, отправивъ Измайлова къ Екатеринѣ съ самыми покорными предложеніями и обѣщаніемъ отречься отъ престола [1]).

Послѣ этихъ переговоровъ, онъ встрѣтилъ насъ на дорогѣ въ Петербургъ; и какъ были отличны языкъ и поведеніе Измайлова отъ моего дяди, канцлера, который представился императрицѣ въ ту самую минуту, когда мы покидали городъ. Послѣдній возражалъ противъ дѣла, начатаго Екатериной, и когда она не убѣдилась его доводами, онъ оставилъ ее, не присягнувъ на подданство.

— „Будьте увѣрены, сударыня“, сказалъ онъ хладнокровно и съ достоинствомъ великой души, „что я никогда не присягну ни словомъ, ни дѣломъ вашему ложному правленію; а чтобъ увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставьте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ стражемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню клятвѣ, данной императору, пока онъ существуетъ“.

Нельзя было не удивляться мужеству моего почтеннаго дяди, руководимаго въ настоящемъ случаѣ однимъ строгимъ долгомъ къ своему государю; онъ не заискивалъ его милости, онъ не довѣрялъ его правленію, съ трудомъ повиновался ему и грустно смотрѣлъ на его будущее [2]).

Государыня отослала назадъ генерала Измайлова, заклиная его уговорить Петра III покориться ея волѣ, изъ опасенія навлечь сопротивленіемъ страшное зло,— обѣщая при томъ, что она съ своей

---

[1]) Измайловъ, Михаилъ Львовичъ, генералъ-маіоръ; умеръ въ 1799 г. Ред.

[2]) Канцлеръ гр. Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, р. 1714, ум. 1767 г. Ред.

стороны постарается устроить его жизнь возможно веселой въ резиденціи, какую онъ самъ изберетъ въ окрестностяхъ Петербурга.

Когда мы достигли Сергіевскаго монастыря, князь Голицынъ[1]) явился съ письмомъ отъ императора; между тѣмъ толпа, слѣдовавшая за нами, съ каждымъ часомъ прибывала, приходя съ противоположной стороны.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Петергофъ, Петръ III, въ сопровожденіи Измайлова и Гудовича, явился во дворецъ съ изъявленіемъ покорности [2]). Онъ былъ, никому невидимый, введенъ въ отдаленный покой, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ; и такъ какъ онъ избралъ мѣстомъ своего будущаго пребыванія загородный дворецъ Ропшу, принадлежавшую ему, когда онъ еще былъ великимъ княземъ, то его немедленно отправили туда, подъ прикрытіемъ Алексѣя Орлова и подчиненныхъ ему капитана Пассека, князя Өедора Барятинскаго, Баскакова, съ приказаніемъ охранять развѣнчаннаго монарха [3]).

Я не видѣла его въ минуту паденія, хотя и могла бы; но мнѣ говорили, что онъ мало горевалъ о перемѣнѣ своего положенія. Прежде чѣмъ разстаться съ Петергофомъ, онъ написалъ небольшія двѣ или три записки императрицѣ; въ одной, какъ я узнала, онъ произнесъ ясное и рѣшительное отреченіе отъ короны; назвавъ нѣкоторыя лица, которыхъ онъ желалъ имѣть при себѣ, онъ не забылъ упомянуть о нѣкоторыхъ необходимыхъ принадлежностяхъ своего стола, между прочимъ, просилъ отпускать ему вдоволь бургонскаго, табаку и трубокъ.

Но довольно объ этомъ злосчастномъ государѣ, котораго судьба ошибкой вознесла на престолъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ совершенно порочен; но тѣлесная слабость, недостатокъ воспитанія и естественная наклонность ко многому дурному[4]), если-бъ онъ продолжалъ царствовать, могли имѣть для его народа не менѣе гибельные результаты, чѣмъ самый необузданный порокъ.

Въ продолженіе всего этого дня, начиная съ вечера наканунѣ, я почти вовсе не отдыхала; впрочемъ, умъ и страсти такъ были взволнованы настоящими обстоятельствами и событіями, что я чувствовала усталость только тогда, когда переставала дѣйствовать.

---

[1]) Князь Голицынъ, Александръ Михайловичъ, р 1723, ум. 1807 г. **Ред.**

[2]) Гудовичъ, графъ Андрей Васильевичъ, р. 1731, ум. 1808 г. **Ред.**

[3]) Барятинскій, кн. Өедоръ Сергѣевичъ, впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ; Баскаковъ, Михаилъ Егоровичъ, л.-г. Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ. **Ред.**

[4]) Преувеличенные отзывы эти принадлежатъ врагу Петра III. **Ред.**

Этотъ вечеръ я провела въ разнообразныхъ хлопотахъ то на одномъ, то на другомъ концѣ дворца; потомъ между гвардейцами, разставленными на часахъ у разныхъ входовъ. Возвращаясь, между прочимъ, отъ Голстинской принцессы, родственницы императрицы, съ просьбой дозволить ей видѣть государыню, я чрезвычайно изумилась, замѣтивъ Григорія Орлова, расположившагося во весь ростъ на диванѣ (кажется, онъ ушибъ себѣ ногу) въ одной изъ царскихъ комнатъ; предъ нимъ лежалъ огромный пакетъ бумагъ, который онъ собирался распечатать; я замѣтила, что это были государственные акты, сообщенные изъ верховнаго совѣта, что мнѣ приводилось часто видѣть у моего дяди въ царствованіе Елисаветы.

— Что такое съ вами? спросила я его съ улыбкой.

— „Да вотъ императрица приказала распечатать это“, отвѣчалъ онъ.

— Невозможно, сказала я; нельзя раскрывать ихъ до тѣхъ поръ, пока она не назначитъ лицъ, оффиціальпо уполномоченныхъ для этого дѣла, и я увѣрена, что ни вы, ни я, не можемъ имѣть притязанія на это право.

Въ ту самую минуту мы были прерваны докладомъ, что солдаты, томимые жаждой и усталые, вломились въ погреба и наполнили каски венгерскимъ виномъ, думая, что это водка. Я немедленно вышла, чтобъ возстановить порядокъ; къ крайнему моему удивленію, при всеобщей суматохѣ, ири совершенномъ отсутствіи дисциплины, моя рѣчь такъ подѣйствовала, что солдаты, выливъ вино на землю, положили свои кивера на мѣста и удовольствовались утолить жажду изъ ближайшаго ручья. Я бросила имъ всѣ деньги, какія были со мной, и выворотила карманы, чтобъ показать, что я отдала имъ все, что могла; въ тоже время я обѣщала, что, по возвращеніи въ городъ, будутъ открыты кабаки и они могутъ пить, сколько душѣ угодно, на казенный счетъ. Эта риторика была совершенно въ ихъ вкусѣ и они весело разошлись.

Коснувшись этого пункта, я вспомнила, что въ нѣкотрыхъ изданіяхъ было напечатано, будто я получала отъ императрицы и отъ иностранныхъ дворовъ деньги на подмогу своимъ революціоннымъ проэктамъ,—это чистая клевета. Отъ государыни я никогда не просила и не приняла ни одного рубля; и хотя французскій министръ открывалъ мнѣ неограниченный кредитъ на этотъ случай, но я всегда отвѣчала, что для нашего переворота мы не имѣемъ нужды ни въ какихъ иностранныхъ пособіяхъ.

Проходя къ императрицѣ чрезъ ту комнату, гдѣ Григорій Орловъ лежалъ на софѣ, я нечаянно замѣтила столъ, накрытый на три при-

бора. Обѣдъ былъ поданъ и Екатерина пригласила меня обѣдать вмѣстѣ. Вошедъ въ залу, я съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣла, что столъ былъ придвинутъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Орловъ. На моемъ лицѣ отразилось непріятное чувство, что не скрылось отъ Екатерины.

— „Что съ вами?“ спросила она.

— Ничего, отвѣчала я, кромѣ пятнадцати безсонныхъ ночей и необыкновенной усталости.

Тогда она посадила меня рядомъ съ собой, какъ-будто въ укоръ Орлову, который изъявилъ желаніе оставить военную службу.

— „Подумайте, какъ бы это было неблагодарно съ моей стороны, если-бъ я позволила ему выйти въ отставку“.

Я, конечно, была не совсѣмъ согласна съ ея мнѣніемъ и прямо замѣтила, что она, какъ государыня, имѣетъ много другихъ средствъ выразить свою признательность, не стѣсняя ни чьихъ желаній.

Съ этого времени я въ первый разъ убѣдилась, что Орловъ пользовался ея особеннымъ расположеніемъ. Эта мысль давно тяготила и огорчала мою душу.

Послѣ нашего обѣда и отъѣзда Петра III въ Ропшу, мы отправились въ Петербургъ и по дорогѣ провели два часа въ загородномъ домѣ князя Куракина, гдѣ Екатерина и я опять отдыхали на одной постели. Отсюда мы проѣхали въ Екатерингофъ, гдѣ насъ встрѣтило огромное стеченіе народа; онъ собрался на случай борьбы за насъ съ голстинской гвардіей, ненавистной русскому народу.

За тѣмъ послѣдовала сцена, выше моего описанія, превосходнѣе моего достоинства. Когда мы въѣхали въ столицу, проходя по ней торжественною процессіей, улицы и окна были загромождены зрителями; радостныя привѣтствія оглашали воздухъ; военная музыка и звонъ колоколовъ сливался съ веселымъ говоромъ толпы, бѣжавшей за поѣздомъ; двери церквей были отворены настежъ, и въ глубокой перспективѣ виднѣлись группы священниковъ, стоявшихъ предъ ярко-освѣщенными алтарями; религіозная церемонія освятила народный восторгъ!

Какъ, однако-жъ, ни была одушевлена и поразительна сцена вокругъ меня, но она почти меркла передъ моей собственной мыслью, полной энтузіазма; я ѣхала возлѣ императрицы, участвуя въ благословеніяхъ перевороту, не запятнанному ни одной каплей крови; съ тѣмъ вмѣстѣ, объ руку со мной была не только добрая монархиня, но и первый мой другъ, которому я содѣйствовала, цѣной жизни, освободиться отъ гибельной неволи и взойдти на престолъ возлюбленнаго отечества!

Когда мы приблизились къ подъѣзду лѣтняго дворца, мой духъ изнемогъ подъ вліяніемъ быстраго ряда событій; желая знать, какія впечатлѣнія произвелъ этотъ день на моего отца и дядю, и видѣть свое дитя, я попросила государыню отпустить меня въ одной изъ придворныхъ каретъ; она позволила, но съ тѣмъ, чтобъ я какъ можно скорѣе возвратилась. Я прежде заѣхала къ дядѣ, такъ какъ его домъ былъ ближе, и нашла этого достойнѣйшаго старца совершенно спокойнымъ. Онъ говорилъ, что низверженіе Петра III было событіемъ весьма вѣроятнымъ; но разговоръ его особенно живо коснулся опасности — слишкомъ безусловно довѣряться дружбѣ царей; „она", замѣтилъ онъ, „также непродолжительна, какъ и ненадежна". Онъ убѣждалъ меня своимъ собственнымъ опытомъ, доказавшимъ, что самыя чистыя побужденія, самыя справедливыя дѣйствія не всегда защищаютъ отъ ядовитой зависти и интриги, даже близъ трона такого монарха, который признавалъ его заслуги и которому онъ былъ преданъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни.

Отсюда я отправилась къ моему отцу и, къ крайнему своему изумленію, застала его домъ, оцѣпленный сотнею солдатъ[1]). Это произошло вслѣдствіе ложно-понятаго усердія Каковинскаго, присланнаго сюда защитить его отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, такъ какъ казармы ихъ находились по сосѣдству. Но этотъ офицеръ, вѣроятно, испуганный многочисленной дворней моего отца, произвольно созвалъ весь этотъ отрядъ на помощь, зная въ то же время, что въ городѣ, послѣ отъѣзда императрицы въ Петергофъ, осталось войска не больше, чѣмъ это было необходимо для охраненія дворца и великаго князя Павла Петровича. Незадолго передо мной приходилъ унтеръ-офицеръ отъ генералъ-поручика Вадковскаго[2]), оставленнаго начальникомъ гарнизона въ Петербургѣ, и требовалъ тридцать человѣкъ изъ этого отряда на смѣну другихъ, простоявшихъ на часахъ вдвое больше опредѣленнаго времени по глупости Каковинскаго. Я просила его немедленно исполнить это требованіе; проходя по дому и видя у каждой двери часоваго, я повторила ему, что онъ не понялъ приказаній государыни, которая поставила его здѣсь на службу моему отцу, а не для ареста его, какъ измѣнника; потомъ, обратившись къ солдатамъ, сказала имъ, что напрасно мучили ихъ, и если-бъ изъ нихъ осталось здѣсь десять или двѣнадцать человѣкъ, этого было бы совершенно достаточно впредь до новыхъ распоряженій.

Отецъ принялъ меня безъ всякаго ропота и неудовольствія. Онъ

---

[1]) Отецъ княгини Дашковой, генералъ-аншефъ графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, р. 1707, ум. 1783 г. Ред.

[2]) Вадковскій, Ѳедоръ Ивановичъ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ. Ред.

жаловался на обстоятельство, о которомъ я сейчасъ упомянула, и былъ недоволенъ тѣмъ, что дочь его, Елисавета, находилась съ нимъ подъ одной кровлей[1]). Въ первомъ случаѣ я успокоила его, объяснивъ, что виной стѣсненія его было недоразуменіе Каковинскаго и что къ вечеру не будетъ въ его домѣ ни одного солдата. Что же касается до втораго обстоятельства, я умоляла его поразсудить о критическомъ положеніи моей сестры, для которой домъ его обратился въ единственное честное убѣжище, какъ онъ нѣкогда былъ естественнымъ ея пріютомъ.

— Скоро, впрочемъ, прибавила я, ваше покровительство ей будетъ не нужно и тогда, если-бъ на то была ваша обоюдно-добрая воля, можно разстаться совершенно прилично.

Я не могла долго пробыть у дяди и отца, потому что обѣщала скоро возвратиться къ императрицѣ; при томъ мнѣ еще было необходимо заѣхать домой, чтобъ увидѣть дочь и снять военный мундиръ. Отецъ жалѣлъ о томъ, что я такъ скоро покидала его, и съ трудомъ отпустилъ меня къ сестрѣ, которую я отправилась навѣстить. Никогда онъ не принималъ никакого участія въ ея судьбѣ; впрочемъ, чувства его, каковы бы они ни были, отнюдь не оправдывались рѣшительнымъ неуваженіемъ дочери къ своему отцу и тѣмъ презрѣніемъ, которое онъ вынесъ отъ общества вслѣдствіе ея поведенія.

Когда я вошла въ комнату сестры, она начала горько оплакивать бѣдствія этого дня и свое собственное несчастіе. Относительно личныхъ непріятностей я совѣтывала ей утѣшиться; увѣривъ въ полной готовности служить ей, я въ тоже время замѣтила: „государыня такъ добра и благородна, что поможетъ тебѣ, безъ всякаго съ моей стороны участія“. Въ этомъ отношеніи моя увѣренность была совершенно основательна; хотя императрица сочла отсутствіе Елисаветы Воронцовой необходимымъ во время коронаціи, но она постоянно посылала ей гонцевъ съ увѣреніями о своемъ покровительствѣ. Сестра вскорѣ удалилась въ подмосковную деревню отца; когда же, послѣ коронованія, дворъ оставилъ Москву, она переселилась въ этотъ городъ и жила здѣсь до своего замужства съ Полянскимъ; вмѣстѣ съ нимъ она переѣхала въ Петербургъ. Императрица была крестной матерью ея старшаго сына, а чрезъ нѣсколько лѣтъ дочь ея, по моей просьбѣ, была назначена фрейлиной.

Простившись съ сестрой, я спѣшила поцѣловать свою крошку Настасью. Эти разъѣзды такъ много унесли времени, что я не успѣла

---

[1]) Гр. Елисавета Романовна Воронцова (1739—1792), любимица Петра III. Ред.

переодѣться. При выходѣ изъ дома, служанка напомнила мнѣ, что въ моемъ карманѣ была красная лента съ бриліантовымъ значкомъ: то былъ Екатерининскій орденъ императрицы; я взяла его съ собой.

Когда я вошла въ переднюю, находившуюся предъ комнатами государыни, мнѣ встрѣтились Григорій Орловъ и Каковинскій. Увидавъ Екатерину, я тотчасъ поняла, что Орловъ былъ мой врагъ и, кромѣ его никто бы не ввелъ этого послѣдняго къ императрицѣ. Она стала упрекать меня за то, что я говорила по-французски съ этимъ офицеромъ въ присутствіи солдатъ и хотѣла распустить ихъ по своимъ мѣстамъ. Отвѣтъ мой былъ энергичный, выраженный на лицѣ не совсѣмъ ласковой миной.

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы на престолѣ, сказала я, въ это короткое время ваши солдаты показали такую довѣренность ко мнѣ, что я не могла оскорбить ихъ, на какомъ бы языкѣ ни говорила.

И чтобъ покончить дальнѣйшее объясненіе, подала ей красную ленту.

— „Погодите", сказала она; „вы, конечно, согласитесь, что вы не въ правѣ распускать солдатъ съ ихъ постовъ?"

— Правда, отвѣчала я; но неужели, наперекоръ требованію Вадковскаго, я должна была позволить этому дураку Каковинскому дѣлать, все, что-бы ему ни вздумалось, и оставить безъ стражи вашъ дворецъ?

— „Ну ладно", прибавила она, „дѣло кончено; мое замѣчаніе относится къ вашей торопливости, а это за ваши заслуги" и повѣсила мнѣ екатерининскую ленту на плечо.

Вмѣсто того, чтобъ принять ее на колѣнахъ, я возразила:

— Простите мнѣ, государыня; я думаю, что уже настало время, когда истина должна быть прогнана отъ васъ; позвольте мнѣ, однако-жъ, сказать, что я не могу принять этого отличія: какъ простымъ украшеніемъ, я не дорожу имъ; какъ награда—она не стоитъ ничего для меня, которой заслуги хотя и оцѣнены нѣкоторыми, но никогда не продавались и не будутъ продаваться съ торгу.

Екатерина горячо обняла меня, примолвивъ:

— „По крайней мѣрѣ, дружба имѣетъ нѣкоторыя права и неужели вы не позволите мнѣ воспользоваться ими въ настоящую минуту?"

Я поцѣловала ея руку въ знакъ признательности.

Такимъ образомъ я была затянута въ мундиръ, съ алой лентой чрезъ плечо, безъ звѣзды и со шпорой на одномъ сапогѣ.

Государыня сказала мнѣ, что она уже повелѣла отправить гвардейскаго поручика къ князю Дашкову, желая немедленнаго возвра-

щенія его въ Петербургъ[1]). Такое вниманіе съ ея стороны и въ такое время такъ утѣшило меня, что я тотчасъ же забыла о прошломъ неудовольствіи.

— „Также отдано приказаніе", продолжала она, „отвести для васъ комнаты во дворцѣ, которыя завтра будутъ готовы".

Я попросила только разрѣшенія обождать мужа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ переѣхать во дворецъ.

Вскорѣ за тѣмъ, когда всѣ стали расходиться, я поспѣшила домой и, раздѣливъ ужинъ съ своей маленькой Настасьей, бросилась въ постель. Но волненія духа и крови, послѣ чрезмѣрной дѣятельности, не давали мнѣ спокойно уснуть, и я провела всю ночь въ лихорадочныхъ грезахъ возбужденнаго воображенія и раздраженныхъ нервовъ.

Я забыла упомянуть въ своемъ мѣстѣ объ одномъ небольшомъ разговорѣ съ императрицей во время возвращенія нашего изъ Петергофа, когда государыня, графъ Разумовскій, князь Волконскій и я сошли съ лошадей, сѣли въ карету и спокойно ѣхали въ Петербургъ. Екатерина съ необыкновенно-ласковымъ тономъ, обратившись ко мнѣ, сказала:

— „Чѣмъ я могу отблагодарить васъ за ваши услуги?"

— Чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшей изъ смертныхъ, отвѣчала я, немного нужно: будьте матерью Россіи и позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ.

— „Все это, конечно", продолжала она, „составляетъ мою непремѣнную обязанность, но мнѣ хотѣлось бы облегчить себя отъ чувства признательности, которымъ я обязана вамъ".

— Я думаю, что обязанности дружбы не могутъ тяготить насъ.

— „Хорошо, хорошо", сказала Екатерина, обнимая меня, „вы можете требовать отъ меня, что угодно; но я никогда не успокоюсь, пока вы не скажете мнѣ, и я желала бы знать именно теперь, что я могу сдѣлать для вашего удовольствія?"

— Въ такомъ случаѣ, государыня, вы можете воскресить моего дядю, хотя онъ живъ и здоровъ.

— „Что это значитъ?" спросила она.

Я растерялась въ самомъ началѣ своей просьбы и потому предложила потребовать объясненія отъ князя Волконскаго.

— „Я думаю", сказалъ онъ, „что княгиня Дашкова разумѣетъ генерала Леонтьева, отлично служившаго противъ Пруссіи; онъ потерялъ седьмую часть своихъ помѣстій и четвертую изъ его прочей

[1]) Дашковъ находился, съ января мѣсяца 1762 г., въ Константинополѣ въ званіи посланника. **Ред.**

собственности по интригамъ своей жены, которая, по законамъ, не имѣетъ права на это имѣніе впредь до его смерти".

Императрицѣ было извѣстно желаніе Петра III разорять тѣхъ изъ офицеровъ, которые усердно служили противъ прусскаго короля; она поняла несправедливость и обѣщала ее поправить.

— „Воскресеніе его", сказала она, „будетъ предметомъ моего перваго указа, который я подпишу".

— „И я совершенно буду вознагражденъ вами", сказалъ кн. Волконскій: „генералъ Леонтьевъ—единственный братъ и задушевный другъ княгини Дашковой, моей свекрови".

Я тѣмъ больше была довольна, такъ какъ могла въ это время оказать услугу семейству моего мужа и отклонить отъ себя всякую личную награду, противную моимъ внутреннимъ убѣжденіямъ.

На слѣдующій день Панинъ получилъ графское достоинство съ пенсіономъ въ пять тысячъ рублей; князь Волконскій и графъ Разумовскій—тотъ же пенсіонъ, а прочіе соучастники въ переворотѣ —по шести сотъ крестьянъ каждый и по двѣ тысячи рублей, или вмѣсто крестьянъ двадцать четыре тысячи рублей [1]). Я удивилась, встрѣтивъ свое имя въ этомъ спискѣ, но рѣшилась отказаться отъ всякого подарка; за это безкорыстіе упрекали меня всѣ участники переворота. Мои друзья, впрочемъ, скоро заговорили другимъ тономъ; наконецъ, чтобъ остановить всякія сплетни и не оскорбить государыню, я расписалась въ полученіи награды. Составивъ счетъ всѣмъ долгамъ моего мужа, я нашла, что сумма ихъ равняется почти двадцати четыремъ тысячамъ рублей, и потому перенесла на его кредиторовъ права получить эти деньги изъ дворцовой казны.

На четвертый день послѣ переворота, Бецкой просилъ свиданія съ императрицей и получилъ его. Я была наединѣ съ Екатериной, когда онъ вошелъ и, къ общему нашему изумленію, ставъ на колѣна, умолялъ ее сказать, чьему вліянію она обязана своимъ восшествіемъ на престолъ?

— „Всевышнему и избранію моихъ подданныхъ", отвѣчала Екатерина...... [2]).

[1]) Милости и награды, дарованныя Екатериною II ея первымъ пособникамъ были обнародованы въ «Петерб. Вѣдомостяхъ» 1762 г. (9-го августа, пятница, № 64); между прочими, упоминаемые выше: фельдмаршалъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій, дѣйст. тайн. совѣтн., сенаторъ и оберъ-гофмейстеръ великаго князя Павла Петровича—графъ Никита Ивановичъ Панинъ и генералъ-аншефъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, получили каждый пенсію по 5 т. рубл. въ годъ. Ред.

[2]) Дальнѣйшія подробности разговора Екатерины II съ Бецкимъ приведены въ «Запискахъ Позье» (см. «Русская Старина», 1870 г., т. I, изданіе второе, стр. 112, въ примѣчаніи). Ред.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ.

1737 — 1808.

Письмо къ брату, князю Г. Г. Орлову.

1770 г. іюня 27-го. Изъ-подъ острова Хіо, изъ канала, что между Анатоліею.

Государь братецъ, здравствуй! Скажу тебѣ немного о нашемъ плаваніи: Морею принуждены были оставить, зажогши вездѣ огонь; со флотомъ за непріятелемъ пошли, до его дошли, къ нему подошли, схватились, сразились, разбили, побѣдили, поломали, потопили, сожгли и въ пепелъ обратили. Азъ, вашъ слуга покорной, здоровъ и братъ (гр. Ѳедоръ Орловъ) тако-жъ, чего и вамъ оба желаемъ, и остаюсь вѣрный навсегда вашъ слуга графъ Алексѣй Орловъ.

Со всѣмъ же вышеписаннымъ Васъ поздравляю, а что впредь Богъ дастъ—не знаю. Вотъ этотъ камушекъ у меня на шеѣ былъ, о которомъ я къ вамъ изъ Италіи прежде писалъ шутя. Мнѣ стало полегче, какъ онъ у меня свалился. Не знаю, каково-то теперь тебѣ?

Примѣчаніе. Это характеристическое письмо писано на другой день послѣ знаменитаго Чесменскаго боя, прославившаго русскій флотъ, предводимый гр. Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ. 24-го іюня 1770 г., когда русскій флотъ сталъ противъ турецкаго, у насъ было девять кораблей (всѣ 66-ти пушечные и только одинъ 84-хъ пушечный), три фрегета, одинъ бомбардирскій корабль (10-ти пушечный) и 17 легкихъ судовъ; на сторонѣ же непріятеля было 16 кораблей (изъ нихъ шесть отъ 80-ти до 90-ти пушечныхъ, а прочіе — 66-ти пушечные), 6 фрегатовъ и до 60-ти мелкихъ судовъ и транспортовъ. Бой возобновлялся въ теченіе 24-го, 25-го и 26-го іюня, причемъ весь турецкій грозный флотъ уничтоженъ и лишь небольшая часть его уцѣлѣла и захвачена въ плѣнъ. Прозваніе «Чесменскаго» придано было (въ 1774 г.) къ титулу безстрашнаго вождя героевъ русскихъ моряковъ.

Документъ напечатанъ со списка, сохранившагося въ книгохранилищѣ Н. П. Дурова. Списокъ, судя по бумагѣ и почерку, принадлежитъ началу семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка. Ред.

Иванъ Ивановичъ Бецкой.

1704—1795.

Получивъ въ разное время и отъ разныхъ лицъ нѣсколько оригиналовъ и копій съ писемъ И. И. Бецкаго, мы обратились къ А. П. Пятковскому съ просьбою—обставить ихъ подстрочными примѣчаніями. Результатомъ нашей просьбы являются предлагаемыя замѣтки, въ которыхъ авторъ, держась неуклонно самаго текста объясняемыхъ имъ писемъ, избѣгалъ вдаваться въ теоретическое изложеніе преобразовательныхъ плановъ Бецкаго. Если же кто-нибудь изъ нашихъ читателей захотѣлъ-бы, по этому поводу, припомнить себѣ всю педагогическую систему Бецкаго, то мы отсылаемъ его къ статьямъ А. П. Пятковскаго, напечатаннымъ въ №№ 4, 5, 7, 8 и 9 журнала «Дѣло» за

1867 г. Статьи эти, дополненныя и переработанныя авторомъ по новѣйшимъ источникамъ, составили цѣлую монографію по исторіи русскаго воспитанія, которая приготовляется авторомъ къ печати отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: «Иванъ Ивановичъ Бецкой и его время».

Нельзя не выразить при этомъ искренняго сожалѣнія, что другой трудъ А. П. Пятковскаго, касающійся того же времени и того же историческаго лица,—а именно «Исторія С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома подъ управленіемъ Бецкаго» — не можетъ до сихъ поръ выйти въ свѣтъ; причины этого— извѣстный процессъ, учиненный автору администраціей Воспитательнаго Дома которая оспариваетъ у А. П. Пятковскаго право на собственность этого труда, имѣя въ основаніе своего спора то, что означенный трудъ составленъ по матеріаламъ, принадлежащимъ архивамъ Воспитательнаго Дома: Желательно, чтобы начальство Воспитательнаго Дома, въ интересахъ науки, прекратило этотъ споръ и, кстати сказать, открыло бы свои архивы для научныхъ изслѣдованій.

Обращаясь къ соч. г. Пятковскаго, замѣтимъ, что отрывки изъ его исторіи Воспитательнаго Дома были прочтены авторомъ въ одномъ изъ засѣданій здѣшняго Педагогическаго Общества и вызвали самое лестное одобреніе, какъ со стороны членовъ общества, такъ и со стороны почтеннаго его предсѣдателя— нынѣшняго ректора С.-Петербургскаго университета—П. Г. Рѣдкина. Ред.

Отъ главнаго попечителя въ опекунскій совѣтъ.

1.

С.-Петербургъ, февраля 18-го дня 1774 года.

„Изъ полученныхъ мною отъ 10-го февраля писемъ усматриваю: какое высокопочтенный совѣтъ тщательное прилагалъ во взысканіи по вексельнымъ претензіямъ [1]) старательство, единственно почитая чрезъ то быть довѣренности общества и знатно приносимой подаяніемъ для Дома пользѣ; намѣреніе и рачительное производство онаго дѣла столь похвальны, чтобъ если оное могло случиться прямо въ упущеніи чего-либо противъ данныхъ Воспитательному Дому привиллегій, то-бъ, кажется, болѣе того и требовать не можно. Но мнѣ-бъ казалось: въ семъ дѣлѣ признаваемую отъ магистрата проволочку прошу почтенный совѣтъ принять только терпѣливно; за такое нарушеніе привиллегіи, какъ нынѣ представляется, не стоило такого уваженія, что̀, я думаю, и самъ почтенный Совѣтъ признаетъ, если, войдя въ благоразсмотрительное разсужденіе трехъ частей Генераль-

---

[1]) Въ «Привиллегіяхъ Воспитательнаго Дома» (ч. I, гл. VI Генеральнаго Плана) говорится: «Всѣ вышнія и нижнія присутственныя мѣста во всемъ государствѣ имѣютъ оному (Воспитательному Дому) показывать всякое защищеніе и вспомоществованіе». Понятно поэтому, что многіе, потерявъ надежду получить сполна всю долговую сумму по векселю, жертвовали часть ея Воспитательному Дому для ускоренія взысканія. А. П.

наго плана, во-первыхъ, приметъ все основаніе того учрежденія, устроенное на правилѣ человѣколюбія, какъ негдѣ и сказано: „чтобы всѣмъ людямъ безъ изъятія таковую же воздать справедливость, какой бы мы себѣ въ подобномъ случаѣ отъ другихъ требовали, и чтобы собственная наша совѣсть строгимъ была надъ нами судіею“; то, кажется, будетъ приличествовать изъ части 2-й, въ главѣ 1-й, § 5-мъ сказанное: „весьма остерегаться отъ всего, что справедливости противно, и неправедное имѣніе не сквернило-бъ сего учрежденія, отъ всѣхъ доходовъ, кои слѣдуютъ обществу въ тягость; а наипаче къ утѣсненію бѣдныхъ должно имѣть омерзѣніе“. И такъ, разбирая одно по другому, опасно, чтобъ не подумали, что Воспитательный Домъ, вступаясь не въ принадлежащія ему дѣла, да что несноснѣе, если прибавятъ, что употребляетъ нѣкоторый родъ насильничества для полученія прибыли, на обидѣ ближняго основанной,—то едва-ли чаемая отъ того польза намъ быть можетъ, когда, таковыми поступками досаждая многимъ, придемъ чрезъ разныя взысканія, суды, споры и отъ того происходимыя тяжбы у общества въ ненависть, такъ намъ легко изъ части 2-й, гл. 1-й, § 10 упрекательно упомянуть: „Дому, отъ власти другихъ правительствъ свободному, не прилично спорными дѣлами подвергать себя судебнымъ приговорамъ“; а потому изъ той же части и главы § 9 весьма остерегаться должно, чтобъ заключительно не сказали: „никто-бъ изъ принадлежащихъ къ службѣ или изъ состоящихъ подъ защищеніемъ Воспитательнаго Дома не преступалъ сихъ узаконеній, ниже простиралъ оныя далѣ положенныхъ предѣловъ, дабы отвратить злоупотребленіе, которое бы могло подать причину къ уменьшенію привиллегій, либо къ отнятію нѣкоторой части оныхъ“. Сіе все соображая, высокопочтенный Совѣтъ ясно благоволитъ усмотрѣть, что по таковымъ дѣламъ переписка съ магистратомъ или наступательное и якобы принадлежащее въ защищеніе нарушаемыхъ привиллегій требованіе, нѣкоторымъ образомъ, послѣдовать можетъ не къ смягченію искомаго въ удовольствіе Дому, но къ принужденному упорству и защищенію противъ того; слѣдовательно, весьма приличествовать будетъ: „мы всегда больше выиграемъ, терпя нѣсколько, нежели причиняя другимъ досаду“; къ тому-жъ присовокупить: „не инако сего достигнуть можно, какъ слѣдуя безъ изъятія прямому разуму всѣхъ предписанныхъ для того правилъ“. Я сіе напомянулъ не въ отраженіе доброхотнаго таковаго подаянія, либо справедливаго и Воспитательному Дому принадлежащаго требованія, но въ соблюденіе чести Дома и правящихъ онымъ, дабы благосклонная поступка болѣе могла производству намѣренія и важности сего учрежденія содѣйствовать; и по-

тому впредь по таковымъ векселямъ и тому подобнымъ дѣламъ, надѣюсь, не надлежитъ письменнымъ порядкомъ ввязываться, похоже на обрядъ приказовъ, не бывъ увѣрену партикулярно отъ тѣхъ мѣстъ прежде,—что оное, конечно, исполнено быть можетъ, дабы важность выходящихъ изъ Совѣта письменныхъ сообщеній была сохраненіемъ чести самаго того мѣста......"

2.

Генваря 3-го дня 1776 года.

Милостивые государи мои! Принося мою благодарность за поздравленіе съ новымъ годомъ, равномѣрно и васъ тѣмъ же поздравляю, желая всякаго благополучія и успѣховъ общаго добра.

При семъ за надобное нахожу почтенный Совѣтъ увѣдомить, что отъ пріѣзжающихъ сюда изъ Москвы, какъ очевидныхъ свидѣтелей, сколь много слышу похвальнаго въ порядочномъ содержаніи Дома, столь часто проговариваютъ и о нѣкоторыхъ примѣченныхъ неисправностяхъ, какъ-то, между прочимъ, во-первыхъ: яко-бы усматривается распредѣленіе, сдѣланное въ квартирахъ, не по приличеству многимъ и не по состоянію Дома, даже въ примѣръ приводя, и самыхъ надзирателей съ прочими, въ Домѣ находящимися, чинами, для коихъ житья распредѣляемое большое количество квартиръ,—буде то правда, что по три и по четыре одному дается,—нечувствительно можетъ вводить Домъ въ большія издержки, какъ на починки, перестройки и передѣлки онаго, такъ и на прочее содержаніе, къ тому принадлежащее, съ покупкою для топки печей дровъ. Потому-жъ лишнимъ содержаніемъ почитаютъ множество рабочихъ людей, на которыхъ не только, что само собою показывается, должна быть употребляема лишнею издержка, но и заключаемое отъ того быть великое неустройство по Дому, какъ въ исправностяхъ налагаемыхъ, такъ въ заключаемомъ быть по воспитанію помѣшательствѣ, ибо чѣмъ такихъ усугубляется число, тѣмъ болѣе не можетъ сохранено быть предписанное, дабы воспитываемые ни видѣть, ни слышать не могли противнаго ихъ воспитанію. 2-е. Расходамъ, производимымъ по Дому, поставляютъ столь быть неумѣреннымъ, что, при разсматриваніи хозяйства и отрѣшеніи ненужнаго, почти половинѣ сохраненной быть почитаютъ, и потому таковое излишество даже доходитъ и до самой публики; какъ сказывали мнѣ, многіе, отзываясь, говорятъ: „къ чему-де наше подаяніе служитъ? оно, видно, не нуждѣ пособляетъ воспитанниковъ, но благоугожденію другимъ, живущимъ въ немъ"; а таковыя мысли со временемъ не только охолодятъ, но и вовсе могутъ пресѣчь усердіе къ Дому. 3-е. Что всего страннѣе: яко бы при-

нятые въ Домъ надзиратели принимаютъ къ себѣ, для своей единственно прибыли, со сторонъ учениковъ; слѣдственно: каковыхъ чаять долженъ Домъ въ своихъ воспитанникахъ отъ нихъ плода и успѣховъ? каковой поступокъ сколь противенъ нашему положенію воспитанія, столь и неприличествующъ сему мѣсту,—и если оное, въ самомъ дѣлѣ, такъ водится, то, всеконечно, въ самой скорости отмѣнено быть должно. Буде-жъ, кто-бъ похотѣлъ во оправданіе свое сказать, что тѣмъ опредѣленнымъ жалованьемъ недоволенъ и безъ таковаго пансіона не захотѣлъ-бы при томъ назначиваемомъ распредѣленіи остаться, то такого того-жъ часу, нимало медля, выгнать, да и послѣ, хотя-бъ оный и хотѣлъ уже опять вступить, не принимать, ибо тотъ самый поступокъ довольно ужъ показываетъ, что нѣтъ усердія, нѣтъ и доброжелательства къ Дому.

Хотя я сему быть, так какъ мнѣ сказывали, не уповаю, а буде-бъ и могло что-либо изъ того похоже случиться, то я не иначе то почитаю, какъ, можетъ быть, по причинѣ введеннаго при прежнихъ бывшихъ господахъ членахъ Совѣта такого неустройства, могло подъ видомъ обыкновенія и донынѣ оставаться. Чего ради и прошу почтенный Совѣтъ, войдя въ тѣ самыя и прочія могущія встрѣтиться обстоятельства, о всемъ томъ, имѣя разсужденіе съ Главнымъ Надзирателемъ [1]) и обще съ нимъ, приложить всякое стараніе къ основательному въ томъ распредѣленію и къ отвращенію излишества, сохраняя нужное съ потребною для Дома надобностью, дабы тѣмъ соблюсть пользу и избыть отъ публики устремляемыя нареканія. Правда, мнѣ еще не удалось о всемъ томъ переговорить съ пріѣхавшимъ сюда недавно отцомъ-духовникомъ [2]), чрезъ котораго надѣюсь услышать въ подтвержденіе, можетъ быть, и о тѣхъ недостаткахъ; но между тѣмъ, что можно исправить, повторяя, прошу не откладывать вдаль. А потому надѣюсь, милостивые государи, что, по усердію вашему, все нужное къ благосостоянію Дома, съ согла-

---

[1]) Главнымъ надзирателемъ Московскаго Воспитательнаго Дома, въ это время, былъ Антонъ Ивановичъ фонъ-Эссигъ, вступившій въ отправленіе своей должности 12-го апрѣля 1774 г. и выбывшій 3-го января 1778 г. А. П.

[2]) Здѣсь идетъ рѣчь о духовникѣ императрицы Екатерины II, Ив. Ив. Памфиловѣ, который вступилъ въ попечители Воспитательнаго Дома въ апрѣлѣ 1771 г., переименованъ въ заопекуны въ январѣ 1772 г., выбылъ изъ заопекуновъ въ сентябрѣ 1780 г., а въ 1788 г., 4-го октября, былъ предложенъ Бецкимъ въ почетные благотворители, при чемъ оба Опекунскіе Совѣта (Московскій и С.-Петербургскій) подтвердили выборъ Бецкаго, который и извѣстилъ объ этомъ Памфилова особымъ письмомъ отъ 20-го ноября 1788 г. А. П.

сіемъ во всемъ Главнаго Надзирателя, примете на себя трудъ учредить въ желаемомъ порядкѣ, дабы сходственно тому могли видѣть самое дѣйствіе въ благословенномъ исполненіи. Впрочемъ съ моимъ почтеніемъ остаюсь.

P. S. При семъ посылаю оригинальное письмо желающаго вступить въ должность опекунскую, о которомъ прошу развѣдать и прислать каждому особо свое мнѣніе: можетъ-ли до предбудущаго баллотированія [1]), въ разсужденіи нынѣшняго недостатка въ членахъ при Совѣтѣ, оный принятъ быть заопекуномъ и употребленъ по крайности къ той должности.

3.

С.-Петербургъ, октября 29-го дня 1784 г.

„Милостивые государи мои! Въ письмѣ вашемъ отъ 10-го числа сего октября, видя ваше собственное соболѣзнованіе о учиненномъ вами скоропостижно, публично наказаніи [2]), я предаю сіе забвенію,

---

[1]) Лица, желавшія вступить въ званіе опекуна, подвергались, во время Бецкаго, баллотировкѣ, которая повторялась ежегодно для оцѣнки «поведенія и обхожденія» служащихъ въ Воспитательномъ Домѣ. Двѣ трети бѣлыхъ шаровъ утверждали баллотируемаго въ его званіи, двѣ трети черныхъ — исключали изъ опекуновъ. Къ произнесенію приговора посредствомъ баловъ приглашались, кромѣ опекуновъ и главныхъ надзирателей, почетные благотворители и нѣкоторые изъ попечителей, имѣвшіе штабъ-офицерскій чинъ. Попечителями назывались (по опредѣленію 1-ой части Генеральнаго Плана) такія лица, которыя предлагали свои услуги для сбора подаяній на Воспитательный Домъ, а «особливо же для защищенія вышедшихъ изъ онаго дома обоего пола дѣтей». Этимъ же званіемъ облекались и благотворители, принимавшіе на себя обязанность—воспитывать до извѣстнаго возраста незаконныхъ дѣтей и отсылать ихъ затѣмъ въ Московскій или С-Петербургскій Воспитательный Домъ. Въ 1780 г. Бецкой учредилъ новую должность контролера, который считался помощникомъ главнаго надзирателя и, баллотируясь при вступленіи въ эту должность, поступалъ уже потомъ прямо въ опекуны на открывшуюся вакансію.

А. П.

[2]) Для объясненія этого письма слѣдуетъ сказать, что въ августѣ 1784 г. Бецкой предостерегалъ Московскій Воспитательный Домъ на счетъ того, что «воспитанники воспитываются весьма подло.... паче же всего говорятъ объ отданныхъ воспитанникахъ фабрикантамъ, а между прочимъ о тѣхъ, кои у Тонауэра, что оные содержатся ни мало не сходственно съ человѣчествомъ и хуже рабствующихъ мужиковъ, чѣмъ безмѣрно унижаются души людей, уготовляемыхъ быть свободными». Въ отвѣтъ на это предостереженіе московскіе опекуны произвели цѣлое уголовное слѣдствіе, о которомъ Бецкой, въ письмѣ отъ 1-го октября 1784 г., писалъ слѣдующее: «Я ни мало не чаялъ, чтобъ изъ того вышла такая суровая стремительность, которая показываетъ болѣе по страсти одну личную злобу, нежели преклонность къ пользѣ ввѣреннаго юношества.... Думать надобно, что сія запальчивая съ допросами

надѣяся, что ваше человѣколюбіе не допуститъ васъ впредь до такихъ крайностей. При семъ случаѣ мнѣ паче всего то дѣлаетъ неудовольствіе, что я по сему поступку заключить долженъ, что и во всемъ воспитаніи поступается не согласно съ разумомъ предметовъ устава Воспитательнаго Дома, предписывающаго изъ воспитанниковъ производить людей благомыслящихъ, полезныхъ для занятія средняго степени, государству толь нужнаго, которые, яко свободные люди, долженствуютъ непремѣнно имѣть воспитаніе, безъ коего человѣкъ едва достоинъ сего названія,—почему ихъ воспитаніе, хотя не должно быть отмѣнное, однако же и не такъ грубо и сурово, какъ самыхъ подлыхъ людей, дабы они поселенными въ нихъ чувствованіями достойны были званія свободныхъ гражданъ, умѣя себя помѣщать на томъ степени, для котораго произведены; знали бы своимъ благонравіемъ и трудолюбіемъ, симъ единымъ ихъ имѣніемъ, приносить самимъ себѣ пользу и заслуживать себѣ удовольствіе. Вотъ, милостивые государи мои, та средина, по которой они должны быть ведены, и воспитателямъ надлежитъ какъ можно стараться, чтобы изъ нихъ не сдѣлать, какъ-то прежде было, бояряшихся, окруженныхъ лѣностію и нѣгой господъ, ниже, какъ-то нынѣ, мнѣ кажется, выходитъ, грубыми чувствами наполненныхъ и рабствующихъ крестьянъ. Въ ономъ мое мнѣніе подтверждаетъ заведеніе у насъ въ Домѣ фабрикъ и мануфактуръ, на которыя воспитанники фабричными отдаются, что ни мало не согласно съ вышепомянутыми предметами воспитанія, поелику всѣхъ воспитанниковъ, предопредѣляемыхъ быть людьми средняго степени, польза въ томъ, чтобъ быть уготовленными по усмотрѣнію: инымъ, коихъ понятія не такъ далеко простираются, хорошими ремесленниками, отдавая ихъ мастеровымъ, а не фабрикантамъ; инымъ —чтобъ разными услугами въ домахъ могли находить себѣ съ честію пропитаніе, а иныхъ, если откроется въ нихъ способность къ художествамъ, то, не препятствуя природнымъ дарованіямъ, отсылать сюда въ Академію, что разумѣется и о разныхъ наукахъ, какъ-то въ Планѣ предписано и мною часто подтверждаемо, а не фабричными дѣлать, во что обыкновенно крестьяне употребляются. Слѣдовательно, и должно стараться о томъ, чтобы учить ихъ

строгость привела въ трепетъ всѣхъ воспитанниковъ, къ которымъ надлежитъ имѣть сердце чадолюбивыхъ отцовъ, и страхъ принудилъ ихъ признаться въ томъ, чего совсѣмъ не бывало.... А то уже достойно смѣха, что у отданныхъ на мануфактуры и къ Тонауэру спрашивали: довольны-ли они своими начальниками? Кто изъ притѣсненныхъ подчиненныхъ осмѣлится навести на себя пущее несчастіе, показавъ свое огорченіе противъ тѣхъ, у кого они въ рукахъ?» А. П.

соразмѣрнымъ предыдущему состоянію знаніямъ, а не о томъ, чтобъ заводить купечеству принадлежащія мануфактуры и фабрики для мнимой прибыли Дому, вмѣсто которой выходитъ оному только одно отягощеніе отъ принимаемыхъ на жалованье и на прочее содержаніе фабрикантовъ, которые, если бы столько искусны были, чтобы могли содержаться сами собою, не пошли бы въ Домъ,—да хотя бы оные были и искусные люди, но Дому ни мало не свойственно входить въ принадлежащее купечеству и притомъ губить на вѣки воспитанниковъ, употребляя ихъ единственно въ крестьянскія невольническія работы, чрезъ что они, не имѣя никакого инаго промысла, ни воспитанія, вѣчно должны быть, по неразумѣнію другихъ ремеслъ, въ порабощеніи у фабрикантовъ! Сія-ли, милостивые государи мои, должна быть ихъ участь? и такъ ли въ разсужденіи ихъ наблюдается долгъ тѣхъ, кои о ихъ счастіи стараться должны? Вамъ извѣстно изображеніе на медали, представляющей кроткую и человѣколюбивую нашу вѣру, которая показываетъ любви, подъявъ младенца, отнести въ Воспитательный Домъ, яко въ надежное человѣчеству пристанище, съ надписью: и вы живы будете. Но что есть жизнь безъ воспитанія? едино бремя, въ тягость самимъ себѣ и другимъ и въ предосужденіе воспитателямъ. Увидя впредь себя лишенныхъ онаго украшенія рода человѣческаго, сіи несчастные, привлекающіе на себя отъ общества презрѣніе и оставленные всѣми, въ безмѣрной горести будутъ проклинать жизнь свою, обвиняя слезами тѣхъ, кои ее для бѣдствія сохранили. Я надѣюсь, что вы, соображая сіе, употребите всевозможныя старанія, ежели того еще не было, сдѣлать воспитанниковъ достойными приносить съ истинною пользою удовольствіе всему обществу и мнѣ, а вамъ ту честь, которую представляетъ, въ награду вашихъ попеченій, титло истинныхъ отцовъ сиротъ, вамъ ввѣренныхъ........"

4.

Письмо къ Григорію Григорьевичу Гогелю.

С.-Петербургъ. Апрѣля 1784 г.

Государь мой Григорій Григорьевичъ [1])! На письмо ваше отъ 8-го апрѣля сего года симъ соотвѣтствую: что къ Графу Захару Григорьевичу

[1]) Гейнрихъ Гогель, въ русской передѣлкѣ Григорій Григорьевичъ, перешелъ въ русскую службу въ 1775 г. въ чинѣ подполковника польскихъ войскъ и занялъ должность окружнаго коммисара иностранныхъ поселенцевъ около Саратова. Въ 1777 г. онъ принялъ русское подданство, а 14 іюня 1779 г. поступилъ главнымъ надзирателемъ въ Московской Воспитательный Домъ, и съ небольшимъ черезъ годъ переименованъ въ оберъ-директоры. Уволенъ отъ службы въ 1797 году. А. П.

(Чернышеву) отъ меня писано объ отвращеніи, по долгу его обязанности Почетнаго Благотворителя, всего, о чемъ вы меня увѣдомляли. Но какъ мнѣ кажется, по свойству положенія нашего Дома, то намъ ни въ чемъ не приличествуетъ употребленіе одинакихъ подлыхъ способовъ съ тѣми нищими, кои пріѣзжаютъ сюда содержать себя денежными сборами; какъ то, оные алча умножить свои доходы, ни мало не думаютъ о чести своей, а только о корысти, всячески и разсылкою афишей приманиваютъ къ себѣ людей. Воспитательный Домъ не на такой ногѣ. Оный, имѣя всегда въ виду пользу и удовольствіе общества, долженъ тѣ низкіе способы презирать и, смотря на свои предметы, если между воспитанниками имѣетъ приуготовленныхъ къ театру, кои могутъ заслужить похвалу общества, то, довольствуяся сею честію, лутче ничево не пріобрѣтать, нежели такими подлостями прибыль получать. Почему надлежало бы придумать средства для нашего Дома благопристойнѣйшія; напримѣръ: вы и господа опекуны имѣете знакомыхъ, которымъ можно бы было сказать, какой спектакль будетъ, и попросить, чтобъ и они своихъ знакомыхъ увѣдомили; а сверхъ того, на воротахъ дома выставливать доску съ надписаніемъ того, что будетъ играно, и тѣмъ по малу приучить публику присылать къ воротамъ навѣдываться о вашихъ зрѣлищахъ,—или что нибудь сему подобное. Сіе, я думаю, было бы для такова мѣста благороднѣе и не навлекло бы изображенныхъ въ вашемъ писмѣ непріятностей, подвергающихъ Воспитательной Домъ уничиженію, которое, какъ выше сказано, равняетъ съ прочими содержателями, не упоминая о хлопотахъ съ приказными мѣстами и разныхъ издержкахъ для печатанія афишей и разсылку оныхъ по городу.

Чтожъ касается до счетныхъ балансовъ по вашему письму, то образомъ писанія какъ московскихъ, такъ и здѣшнихъ нельзя быть довольнымъ; въ разсужденіи того, что оные такіе жъ, какъ въ купеческихъ конторахъ употребляются, кои лишь только ихъ однимъ бухгалтерамъ вразумительны, и которые, запутанностію своею затмѣвая смыслъ, могутъ иногда показывать и то, чего нѣтъ, что для нихъ нужно, для того, что они со всѣми въ Европѣ конторами по купечеству имѣютъ сношеніе. Намъ же надобно имѣть таковые, кои чисто и тотчасъ могли бы изъяснять все состояніе приходовъ, расходовъ и прочихъ разныхъ пріобрѣтеній, почему постараюся прислать новую для производства балансовъ форму, которая своею ясностію, легкое подая понятіе, была бы приличнѣе для нашего Дома. Впрочемъ остаюсь вамъ, государю моему, покорнымъ слугою Иванъ Бецкой.

P. S. Предъ запечатаніемъ сего письма получено мною изъ здѣшняго Совѣта—присланное отъ вашего—сообщеніе Московскаго Губерн-

скаго Правленія и вамъ въ то Правленіе отвѣтъ. Я бы думалъ, что не надлежало бъ такъ спѣшить и на помянутое сообщеніе, положивъ свое мнѣніе, оное, по установленію въ послѣднемъ законоположеніи для полученія на то согласія, прислать въ здѣшній Совѣтъ; дабы въ такомъ немаловажномъ дѣлѣ, которое касается до удержанія нашихъ привиллегій, скоропостижностью не подвергнуть бы нашего Дома тому, что несвойственно оному, какъ то и случилося, а именно: во первыхъ, Московской Совѣтъ, будучи по преимуществамъ Воспитательнаго Дома никакому мѣсту не подчиненъ, сдѣлался на равнѣ съ Медоксомъ [1]) отвѣтчикомъ въ Губернское Правленіе; а во вторыхъ, по скорому желанію отвѣчать, подведены изъ плана въ доказательство пункты совсѣмъ несоотвѣтствующаго дѣлу содержанія. Ибо на привиллегіяхъ, кои еще должно испрашивать, никто утверждать своего права не можетъ, а надлежитъ защищаться тѣми, кои уже утверждены,—и такъ должно бы возражать тѣмъ, что отъ меня къ Графу Захару Григорьевичу писано, съ котораго письма, отосланнаго на прежней предъ симъ почтѣ, при семъ копію сообщаю [2]).

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій.

1725—1796.

Помѣщаемыя здѣсь письма (первыя два) относятся къ самой блестящей эпохѣ въ боевой жизни гр. П. А. Румянцова—ко времени первой турецкой войны Россіи съ Турціей, въ царствованіе Екатерины II. Въ концѣ 1769 г. Румянцовъ очистилъ отъ непріятеля Валахію; 17-го іюня 1770 г. обратилъ въ бѣгство 20-ти т. турецкій корпусъ близъ Рябой Могилы; 7-го іюля—полная побѣда за рѣкою Ларгою, а 21-го іюля 17 т. русскихъ воиновъ, предводимые Румянцовымъ, разбили на-голову, близъ озера Кагула, 150 т. мусульманъ. 11-го августа 1770 г. славный вождь получилъ отъ государыни высшую для военачальника награду: жезлъ фельдмаршала при самомъ лестномъ рескриптѣ [3]).

Далѣе приводимъ два письма Румянцева къ Григорію Александровичу Потемкину, весьма любопытныя для обрисовки отношеній двухъ наиболѣе замѣчательныхъ сподвижниковъ Екатерины, и наконецъ одно письмо того же Румянцева къ графу Валеріану Зубову, брату любимца Екатерины II, князя Платона Зубова. **Ред.**

1.

Письмо къ Екатеринѣ II.

Всемилостивѣйшая государыня! Одинадцатаго числа сего мѣсяца (августа) прибывшій въ армію курьеромъ лейбъ-гвардіи поручикъ

---

[1]) Медоксъ—арендаторъ театра Воспитательнаго Дома въ Москвѣ. **А. П.**

[2]) Копіи этой у насъ не имѣется. **Ред.**

[3]) См. Бумаги Екатерины II въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества». Спб. 1872 г., т. X, стр. 425—431. **Ред.**

Хотяинцовъ осчастливилъ меня врученіемъ всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества рескрипта. Еще вкушеніе въ ономъ благъ изощряло мои чувствованія, еще привержены были уста и сердце мои достодолжнымъ лобзаніемъ и словъ, и милостей монаршихъ,—какъ съ неожиданною и новою милостію на третій день, то есть, 13-го августа, подоспѣлъ ко мнѣ подполковникъ Ламбъ, чрезъ котораго удостоился я получить другое всевысочайшее вашего императорскаго величества, съ наименованіемъ и пожалованіемъ меня всемилостивѣйше въ свои генералъ-фельдмаршалы. Не радость, но восхищеніе во мнѣ подѣйствовало, ощутивъ наивеличайшую милость, по сердцу вашему, всемилостивѣйшая государыня, а не по заслугамъ моимъ воздаваемую. Сіе и первое останется блистательнымъ залогомъ и цѣны неимущимъ во всѣ дни мои и на всѣ лѣта, доколѣ прейдетъ мой родъ, во мнѣ теперь прославленный и обогащенный проліянными щедротами вашими, великая монархиня!

Похвала, въ премудрости слова и толикомъ снисхожденіи изображенная, моимъ дѣламъ и высочайшее благоволеніе вашего императорскаго величества возносятъ ихъ, а не они сами собою. Се суть вѣнцы лестные военныя славы, которые ваша десница оружіе державная дарствуетъ мнѣ. Я оными превышу многихъ вождей, которые судіями своихъ подвиговъ не имѣли подобной, какъ я, во бранѣхъ и тишинѣ величествомъ и премудростію прославленной во всѣ концы земныя Героини.

Сколь ни лестно рабу быть осчастливлену изреченіемъ своей государыни, „что онъ займетъ въ ея вѣкѣ несомнѣнно превосходное мѣсто предводителя искуснаго и усерднаго“ [1]; но я не смѣю сего инако принять, какъ только за безпредѣльную къ себѣ милость, а чту непреложно ту истину, что имя вашего величества даетъ великость и вѣку самому, и въ чертоги славы и безсмертія вводитъ по себѣ и своихъ подданныхъ, довольно прославленныхъ и однимъ уже вашимъ къ нимъ благоволеніемъ.

Всемилостивѣйшая государыня! Не соберу я словъ на изъясненіе чувствуемой благодарности, которую долгъ и усердіе внушаютъ: когда я украшаюсь знакомъ, священнымъ высочайшей милости вашего императорскаго величества, возложа на себя нынѣ присланный орденъ св. Георгія [2]; когда въ одно время обрадованъ немень-

---

[1]) «Вы займете въ моемъ вѣкѣ несумнѣнно превосходное мѣсто предводителя разумнаго, искуснаго и усерднаго. За долгъ почитаю вамъ отдать сію справедливость».... такъ своеручно писала Екатерина II-я Румянцеву въ концѣ іюля 1770 г. См. «Спб. Рус. Историческаго Общ.» т. X, стр. 421. **Ред.**

[2]) Первой степени.

шею щедротою вашею въ пожалованіи мнѣ недвижимаго имѣнія въ Малой Россіи, и когда, къ сугубому удовольству въ преклоненіи моего вѣка, какъ ужѐ ремесло долголѣтное истощеваетъ силы,—не только подкрѣпляютъ меня сіи благодѣянія монаршія, но и возведенъ я вашимъ величествомъ на степень верховную, которую за вѣнецъ уже чтутъ своимъ подвигамъ военноначальники. Чего еще я могу желать, все сіе имѣвши отъ вашего императорскаго величества? Сего одного, всемилостивѣйшая государыня: да продлитъ Всевышній драгоцѣнный вѣкъ вашего императорскаго величества за предѣлъ обыкновенный человѣчеству, для благоденствія нашего Отечества, которое посвятило вамъ имя своей Матери, и да воздастъ его Промыслъ, какъ онъ одинъ и можетъ, по своимъ щедротамъ за таковы для меня явленныя.

При повержeніи себя къ стопамъ вашего императорскаго величества дозвольте, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше лобзать ту священную руку и мысль на вѣки открыть къ тому горящую, которая сотворила для меня и всего моего потомства великія, славныя и богатыя милости, которыхъ учиниться достойнымъ, естьли сіе возможно, нигдѣ я не уклонюсь и самою жизнію.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Петръ Румянцевъ.

Августа 14-го 1770 г.
Изъ лагеря при озерѣ Елпускомъ.

2.

Письмо къ Екатеринѣ II.

Всемилостивѣйшая государыня! Изъ Краіова отъ одного архимандрита, употребленнаго отъ меня для поднятія сербскихъ и другихъ христіанскихъ народовъ противу турковъ, получены гаданія и пророчества, дѣланныя въ Видинѣ. Я осмѣливаюсь вашему императорскому величеству ихъ поднесть при семъ, поелику князь Гика удостовѣряетъ меня, что магометане имѣютъ подлинно обычай прибѣгать къ такимъ суевѣрствамъ и чтить предсказанное симъ образомъ за непреложную свою судьбину.

Я счастіе имѣю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ пребыть и проч. Графъ Петръ Румянцевъ.

Апрѣля 30-го 1771 г.
Изъ главной квартиры въ городѣ Яссахъ.

Гаданія и пророчества турковъ.

1771 г.

Происходило 2-го марта въ городѣ Видинѣ отъ волхвовъ турецкихъ предъ глазами Мегмедъ-паши и всѣхъ аговъ, предузнавая, кто побѣду сего года одержитъ.

1) Смотрѣли въ рѣку Дунай, полагая: ежели рыбы ходить начнутъ къ Европѣ, то турки россовъ побѣдятъ; но рыбы обратились къ Азіи, и то привело турковъ въ смущеніе.

2) Волшебникъ опредѣлилъ принесть двухъ пѣтуховъ и, назвавъ одного туркомъ, другаго—россомъ, сказалъ: когда одолѣетъ первый послѣдняго, то побѣдительми быть туркамъ; но и сіе не удалось, ибо русскій пѣтухъ превозмогъ турецкаго. Тогда волшебникъ примѣтилъ собранію, что русской пѣтухъ сбилъ турецкаго отъ того, что онъ былъ жиренъ; то, напротивъ, назначилъ онъ первому представлять росса, а другому—турка, но и въ семъ разѣ вновь нареченный россіяниномъ одержалъ верхъ надъ носящимъ имя турка.

3) Наконецъ приговорилъ волшебникъ подложить по 21-му яйцу подъ двухъ курицъ, и, нарекши одну русскою, а другую турецкою, предвозвѣщалъ: если первая выведетъ цыплятъ всѣхъ женскаго рода, то побѣду одержатъ турки. За сими курицами они толь прилежно надзирали, что и караулъ поставленъ былъ при нихъ; но, къ унынію магометанъ, и тутъ гаданіе объявилось въ пользу русскихъ, когда русская курица вывела цыпленковъ всѣхъ мужеска, а турецкая—женскаго пола, потому, на страхъ туркамъ въ Видинѣ, теперь общимъ голосомъ говорятъ, что конецъ ихъ уже пришелъ.

4) Сонъ, который разсказывалъ Муле или Кади Видинской явно предъ всѣми агами, яко онъ видѣлъ фельдмаршала графа Румянцева, пріѣхавшаго на бѣлой лошади съ двумя другими на рѣку Дунай и воспалившаго огонь посреди водъ, отъ коего выгорѣла вся рѣка Дунай. За сіе сновидѣніе Кади изгнанъ изъ Видина.

Сообщ. **Ив. Я. Андреевскій**.

3.

Письмо къ Г. А. Потемкину.

19-го апрѣля 1774 г. Яссы.

Милостивый государь мой Григорій Александровичъ [1])! Возвратившійся изъ С. П. Бурга сынъ мой вручилъ мнѣ всепріятнѣйшее письмо ваше и не могъ выхвалиться вашими милостями, ему оказанными. Знаю, мой дражайшій другъ, что онъ никогда не будетъ въ силахъ заслужить оныя; но я приписываю ихъ свойственнымъ душѣ твоей расположеніямъ благодѣтельствовать всѣмъ, кому только можешъ. Не нарѣкаю я: потому, ни на краткость письма твоего; пріемля оное въ прямой его цѣнѣ по мѣрѣ совершенно испытанной мною твоей дружбы, къ которой благодарность и признаніе мои безпредѣльны:

---

[1]) Оба письма (№№ 3 и 4) печатаются буквально. **Ред.**

ниже на невыполненіе даннаго слова къ намъ возвратиться. Правда, что для меня собенно конечно ощущаю я великую тягость, не имѣя тебя, Любезный Другъ, въ томъ краѣ, въ разсужденіи коего былъ я спокоинъ, возложа на тебя всѣ распоряженія, которыхъ бреме теперь на меня падаетъ.. Но съ другой стороны щедроты и милости государскія тебѣ явленныя сугубое и крайнее обрадованіе мнѣ приносятъ, какъ по личнымъ моимъ къ особѣ твоей обязательствамъ, такъ и что ты въ настоящемъ состояніи твоемъ, тончайше вѣдая положеніе и обстоятельства наши, можешъ противу стоять всѣмъ тѣмъ, кои чужди пребывая всякой существительной тягости легко судятъ о всемъ на рамена другихъ налагаемомъ; еще и нарѣкаютъ на такихъ, которые жертвуютъ собою на службу Государю и Отечеству, и всю тягость Исполнителей на себѣ несутъ; и коимъ, ты самъ бывши соучастникомъ трудовъ ихъ, не отречешся подавать заступленіе и помощь. Прошу тебя, мой дражайшій другъ, всеприлѣжно о благосостояніи твоемъ не оставлять пріятнѣйшими увѣдомленіями человѣка сердцемъ и душою тебѣ преданнаго; пріемлющаго нелицемѣрное участіе во всемъ до тебя касающемся, и который въ найбольшее удовольствіе поставляетъ пользоваться всегдашнимъ твоимъ дружествомъ и благосклонностью, пребывая съ непоколѣбимымъ усердіемъ и почтеніемъ вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Румянцевъ.

На оборотѣ: «Его высокопревосходительству, милостивому государю моему, Григорію Александровичу Потемкину в Петербурх» [1]).

4.

Письмо къ кн. Г. А. Потемкину.

29-го марта 1779 г. Парафѣевка.

Милостивый Государь мой Князь Григорей Александровичъ! Сей день получилъ я изъ Константинополя отъ Господина Стахіева приятное известіе, что 10-го числа текущаго мѣсяца миръ тамъ подтвержденъ во всей своей силе, и зделанныя на нѣкоторые артикулы обяснения по большой части внесены отъ слова въ слово по точности

---

[1]) Григорій Александровичъ Потемкинъ, въ чинѣ генералъ-поручика, отправился въ 1772 г. изъ арміи Румянцева въ Петербургъ и въ 1774 г., пріобрѣвъ особенное расположеніе Екатерины II, сдѣлался самымъ приближеннымъ къ ней лицемъ. 28-го февраля 1774 г. онъ получилъ званіе генералъ-адъютанта, а вслѣдъ за тѣмъ орденъ св. Александра Невскаго. Любопытныя свѣдѣнія о Потемкинѣ, записанныя П. Ѳ. Карабановымъ, см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. V, стр. 463—468. Ред.

даннаго ему предписанія, кромѣ малой въ оныхъ и въ деклараціи татарамъ отмѣны, безъ которой не можно бы Господину Стахіеву совершить сіе дѣло при тонкомъ и сильномъ содѣйствіи французскаго Посла, руководствовавшаго турецкое невежество. Турки, сколько образы поведенія ихъ мнѣ известны, думаютъ отнять у насъ поспешное на подобные прежнимъ случаи пособіе, и всякой родъ безпосредственнаго нашего съ Татарами сообщенія. Но сіе являетъ меньше важности, коль свойственное Туркамъ кичливое и грубое мудрствованіе.

Пребывающій къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію вашей Свѣтлости всепослушнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга Графъ Румянцевъ-Задунайскій.

5.

Письмо къ графу Валеріану Александровичу Зубову.

16-го іюля 1794 г.

Милостивой Государь мой Графъ Валеріанъ Александровичъ. Что вы не взяли Варшавы и не побили Костюшку, чѣмъ бы всіо можетъ быть уже давно кончилось и къ чему ваши силы, соединенно стали, что находилися на лѣвой сторонѣ Вислы, были очень достаточныя, учинилось увѣрительно не по нашимъ общественнымъ желаніямъ, а по теченію чрезвычайныхъ вещей, коихъ не можно ни предвидѣть, ни предназначить, и еще менѣе судить о нихъ, я жалѣю между другими крайне о томъ, что я чрезъ сей нечаянной оборотъ буду лишенъ вмѣстѣ способа и для меня въ каждомъ разумѣ лестной и всепріятной переписки съ вами. Водимъ сими расположеніями и чувствами, я не могу упустить сего надежнаго случая, чтобы при пожеланіи вамъ всѣхъ лучшихъ успѣховъ во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, (чтобы) васъ не увѣрить о чистотѣ первыхъ и о искренности другаго и что я вамъ привязанъ сердцемъ и душей на всѣ дни моей жизни. Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга Г. Румянцевъ-Задунайскій.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

1738—1791.

1.

Приказъ въ войска, начальству моему Высочайше ввѣренныя.

Изъ опытовъ извѣстно, что полковые командиры обучаютъ часто рѣдко годнымъ къ употребленію на дѣлѣ, пренебрегая самыя нужныя, и для того я предписываю обучать слѣдующему:

Маршъ долженъ быть шагомъ простымъ и свободнымъ, чтобы, не утруждаяся, больше впередъ подвигаться. Конверціи взводами и большими частями производиться должны со всевозможною скоростію, не наблюдая ровности шага, а, подобно коннымъ оборотамъ, равняться по окончаніи оныхъ.

Строить колонны и разводить оныя во фронтъ съ такою же скоростію должно.

Какъ въ войнѣ съ турками построеніе въ каре испытано выгоднѣйшимъ, то и слѣдуетъ обучать формировать оныя изъ всякаго положенія.

Особенное употребить стараніе обучать солдатъ скорому заряду и вѣрному прикладу.

Паче всего я требую, дабы обучать людей съ терпѣніемъ и ясно толковать способы къ лучшему исполненію. Господа полковые и баталіонные командиры долгъ имѣютъ испытать напередъ самихъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ, достаточны-ли они сами въ знаніи. Унтеръ-офицерамъ и капраламъ отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать лѣнивыхъ палкой не больше шести ударовъ.

Отличать прилежныхъ и добраго поведенія солдатъ, отчего родится похвальное честолюбіе, а съ симъ и храбрость; читать притомъ, въ свободное время, изъ военнаго артикула, чѣмъ солдатъ обязанъ службѣ. Не упускать въ воскресные дни приводить на молитву.

Въ конницѣ также исполнять, что ей можетъ быть свойственно. Выстроеніе фронтами и обороты производить быстро, а паче атаку, коей ударъ на ближней дистанціи долженъ быть во всей силѣ; сидѣть на лошади крѣпко съ свободностію, какую казаки имѣютъ, а не по-манежному—принужденно; стремена чтобы были не длинны.

Построеніе, какъ въ конницѣ, такъ и пѣхотѣ, должно быть въ двѣ шеренги, ибо третья только мѣшаетъ двумъ первымъ; полезнѣе прибавлять линіи или резервы.

Артиллеристовъ обучать ежедневно и съ порохомъ, развѣ бы погода не позволяла; егерей преимущественно обучать стрѣлять въ цѣль.

Всякое принужденіе, какъ-то: вытяжки въ стояніи, крѣпкіе удары въ пріемахъ ружейныхъ, должны быть истреблены; но вводить бодрый видъ при свободномъ держаніи корпуса, наблюдать опрятность, столь нужную къ сохраненію здоровья, содержаніе въ чистотѣ аммуниціи, платья и обуви, доставлять добрую пищу, лудить почасту котлы. Таковыми попеченіями полковой командиръ можетъ отличаться, ибо я на сіе буду взирать, а не на вредное щегольство, удручающее тѣло. Князь Потемкинъ-Таврическій.

2.

Объ одеждѣ и вооруженіи силъ[1]).

1783.

Въ прежнія времена въ Европѣ, когда всякъ, кто могъ, долженъ былъ ходить на войну и, по образу тогдашняго бою, сражаться бѣлымъ оружіемъ и каждый, по мѣрѣ достатка своего, былъ снабженъ желѣзными бронями,—защиты таковыя простирались даже и до лошадей; потомъ, предпринимая дальніе походы или строясь въ эскадроны, начали себя облегчать: полныя латы перемѣнились на половинныя, а наконецъ и тѣ уменьшились такъ, что въ конницѣ осталось отъ сего готическаго снаряду только передняя часть и каскетъ на шляпѣ, а въ пѣхотѣ—знакъ и то только у офицеровъ.

Тогда болѣе сражались по одиначкѣ, то защиты таковыя не мало обороняли, особливо же отъ копій; почему не напрасное имѣли къ нимъ уваженіе, которое, превратясь въ нѣкоторое военное педантство, поставило цѣну и аммуниціи вовсе не обороняющей; а какъ все казалось легко въ разсужденіи желѣзнаго снаряда, то при перемѣнѣ аммуниціи ввели множество вещей излишнихъ и нескладныхъ.

Въ Россію же, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные съ педантствомъ тогдашняго времени; а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ и какъ-будто таинственнымъ; имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, въ ружейныхъ пріемахъ и прочее. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: маршированья, разныхъ построеній и оборотовъ; а что касается до исправности ружья, тутъ полированье и лощенье предпочтено добротѣ, а стрѣлять почти не умѣютъ; словомъ, одежда войскъ нашихъ и аммуниція такова, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдата, тѣмъ паче, что онъ, взятъ будучи изъ крестьянъ, въ 30 почти лѣтъ возраста узнаетъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей, вѣкъ сокращающихъ.

Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ. Платье чтобы было солдату одеждою, а не въ тягость, всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно—плодъ

---

[1]) Это обозрѣніе одежды и вооруженія войска, написанное въ 1783 г., было напечатано (по другому списку) въ сборникѣ «Пам. нов. рус. истор.» (т. III, стр. 311). Нашъ списокъ болѣе исправенъ и мы печатаемъ его вмѣстѣ съ приказомъ Потемкина, котораго нѣтъ въ помянутомъ сборникѣ. Ред.

роскоши, требуетъ много времени и иждивенія, и слугъ, чего у солдата быть не можетъ. На семъ основаніи предложу по порядку о вещахъ, составляющихъ аммуницію.

Шляпа—уборъ негодный: она головы не прикрываетъ и, торча концами на всѣ стороны, озабочиваетъ навсегда солдата опасностію, чтобы ея не измять, особливо мѣшаетъ положить голову и, будучи треугольникомъ, препятствуетъ ей поворачиваться, да и не закрываетъ также отъ морозу ушей.

Кафтанъ и камзолъ съ рукавами,—какъ сихъ вещей вдругъ не носятъ, то которая-нибудь и есть излишняя. Покрой кафтана подаетъ много поводу дѣлать его разнообразнымъ, слѣдовательно, уравненія быть не можетъ.

Штаны въ конницѣ—лосинные, которымъ срокъ положенъ весьма долгій, такъ что, сберегая ихъ, солдатъ долженъ на свои деньги дѣлать другую пару суконныхъ,—убытокъ несносный, коего требовать отъ него несправедливо, при томъ много заботятъ чищеніемъ и трудностію надѣванія; зимою отъ нихъ холодно, а лѣтомъ—жарко, подъ ними же нельзя имѣть полотняной одежды. Нынѣ лосинная одежда не нужна; въ старину ее носили для того, что употребляли желѣзныя латы, а какъ лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочиталась.

Сапоги дѣлаютъ такъ узки, что и надѣвать трудно, а скидывать еще труднѣе, особливо когда намокнутъ; при томъ сколько подвязокъ, чтобъ гладки были, и сколько лакированья, чтобъ лоснились.

Для пѣхотнаго шпага—лишняя тягость, оружіе неупотребительное, о которомъ главное стараніе у всѣхъ—какъ бы ловчѣе надѣть, чтобы маршировать свободнѣе, также и ворочаться. Многія арміи шпагъ въ пѣхотѣ не употребляютъ, а носятъ штыки.

Сѣдло венгерское лучше всѣхъ сѣделъ, доказательствомъ тому, что всѣ націи, ѣздящія верхомъ, такія употребляютъ: венгры, татары, черкесы, казаки и поляки: они легки, лошадей вовсе не саднятъ, дѣлать ихъ въ полкахъ можно и дешевле старыхъ.

О уборкѣ волосъ.

Завивать, пудриться, плесть косы—солдатское-ли сіе дѣло? у нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ. Еслибъ можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! И простительно-ли, что стражъ цѣлости оте-

чества удрученъ прихотями, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ!

Употребленіе солдатами пуколь и косъ сопряжено съ слѣдующими невыгодами: уноситъ у нихъ понапрасно много времени и изнуряетъ ихъ; ибо когда бываетъ отрядъ на караулъ, то обыкновенно шесть, а когда эскадрону или цѣлому полку назначается строй, то 12 часовъ употребить имъ непремѣнно должно для убиранія себѣ взаимно волосъ и препроводить цѣлую ночь въ семъ безпокойствѣ, безъ сна,—отчего неминуемо должно послѣдовать неизбѣжно упущеніе въ другихъ нужныхъ исправленіяхъ, ибо, препроводивши такимъ образомъ ночь, въ семъ изнуреніи, не имѣютъ они ни времени, ни силы исправить другихъ своихъ дѣлъ, какъ напримѣръ, вычистить и накормить своихъ лошадей и проч.; или, ежели сего упущенія не сдѣлаютъ, то, не будучи подкрѣплены сномъ, бываютъ слабы, нерасторопны и мало способны къ такимъ дѣйствіямъ, гдѣ потребны бодрость, живость и сила. А притомъ слѣдуетъ раззорительное для бѣдныхъ солдатъ иждивеніе, которые и такъ нуждаясь во многомъ по малости своего жалованья, должны еще изъ того употребить на пудру, помаду и косныя ленты, въ годъ каждый, по меньшей мѣрѣ, по 1 рублю по 5 коп.

Суконные—лосинныхъ штановъ выгоднѣе тѣмъ, что суконные полагаются только на одинъ, а лосинные на четыре года,—почему нижніе чины принуждены бываютъ замѣнять оные суконными, покупая ихъ на счетъ своего жалованья, что составитъ въ годъ каждому не дешевле 60 коп. Во время осеннихъ и дождливыхъ погодъ лосинные причиняютъ великое безпокойство, а паче вновь приверстаннымъ; зимою же оные ни мало не грѣютъ.

Лосинные—суконныхъ убыточнѣе для солдатъ, поелику не только потребно ихъ часто вохрить, на что въ годъ изойдетъ, по меньшей мѣрѣ, 20 коп., но надлежитъ еще имѣть къ нимъ пары три штиблетъ, манжетъ, что будетъ стоить въ годъ, по крайней мѣрѣ, 30 коп. Суконные же, по новому образцу, ничего того не требуютъ.

Просторные сапоги предъ узкими и онучи, или портянки, предъ чулками имѣютъ ту выгоду, что въ случаѣ, когда ноги намокнутъ или вспотѣютъ, можно, при первомъ удобномъ времени, тотчасъ ихъ скинуть, вытерѣть портянкою ноги и, обвертѣвъ ихъ опять сухимъ уже оной концемъ, въ скорости обуться и предохранить ихъ тѣмъ отъ сырости и ознобу; въ узскихъ же сапогахъ и чулкахъ то учинить никакъ не можно, которыхъ неудобно скинуть, ни свободно опять надѣть нельзя, да и чулки невсегда бываетъ возможность перемѣнить или высушить, чрезъ что бѣдные солдаты, имѣя безпрестанно ноги мокрыя, подвергаютъ себя нерѣдко простудѣ и другимъ болѣз-

нямъ, не имѣя нужды, какъ (это дѣлаютъ) при узскихъ сапогахъ, подвязывать крѣпко своихъ ногъ, солдаты могутъ и свободнѣе ходить, и больше переносить путеваго труда, и обращеніе крови не останавливается.

Ежели всѣ сіи, столь очевидныя въ теперешнихъ мундирныхъ и другихъ вещахъ, неудобства исправить, то солдатъ, сверхъ другихъ многихъ выгодъ, будетъ имѣть еще отъ своего жалованья въ остаткѣ, противъ теперешнихъ издержекъ, до 2-хъ рублей.

Каска же, сверхъ выгоды и способности въ употребленіи своемъ, имѣетъ предъ шляпою и ту предпочтительность, что и видъ дѣлаетъ пригожій солдату, и есть нарядъ военный характеристическій. Князь Потемкинъ.

Сообщ. въ 1868 г. **М. А. Бестужевъ**.

3.

Письмо къ Екатеринѣ II.

Елисаветградъ. 5 маія.

Цесарцы, занявъ Яссы, не оставили ихъ, но держутъ тамо деташементъ изъ пяти тысячъ, чрезъ что Хотинъ, не имѣя продовольствія, поставленъ въ нужное состояніе. Взяли они и Шабацъ на Савѣ. Матушка, всемилостивѣйшая Государыня, все сіе доказываетъ, что союзники начали дѣйствовать серьезно, а движенія ихъ въ Молдавіи принуждаютъ насъ перемѣнить планъ и поддерживать ихъ успѣхи, для чего армеи Украинской теперь дѣйствовать надлежитъ между Днѣстра и Прута.

Такимъ положеніемъ корпусъ Цесарской зависить будетъ отъ Г. Петра Але [1]): и Бендерской непріятель конечно прижмется къ крѣпости. Союзники просятъ объ общемъ тамо дѣйствіи; нельзя ихъ оставить безъ удовольствія, иначе они остановятъ начатые успѣхи: уже объявили, что будутъ принуждены и Буковину оставить. За чистосердечіе тѣмъ же платить надлежитъ; мы, по повелѣнію — согласить дѣйствія, рѣшились на сей планъ ради предстоящихъ выгодъ. Отъ меня Принцъ Линь требовалъ отзыву писменнаго; я ему далъ, какъ и письмо отвѣтное мое Графу, отъ котораго сей часъ получилъ, гдѣ онъ меня благодаритъ за рѣшительность и съ сего копію прилагаю здѣсь [2]).

---

[1]) Графа Румянцева-Задунайскаго. Это письмо относится ко времени второй войны Россіи съ Турціей, когда русскіе дѣйствовали подъ главенствомъ Потемкина, въ союзѣ съ австрійцами. **Ред.**

[2]) Копія у насъ не имѣется. **Ред.**

Полки мои подходятъ къ Бугу ближніе, дальніе же — въ дорогѣ но которые въ Кременчугѣ переправляются, тѣмъ скоро быть нельзя по трудности переправы. Суда непріятельскія у береговъ Кринскихъ и у Березани начали показываться: сіи мнѣ больше всего наскучать, а на сухомъ пути я радъ ихъ найтить. Текелію выступить приказалъ.

Теперь дѣла много; не дотого, чтобы заниматься о злодѣйствахъ, на меня устремленныхъ, а скажу только, что, Матушка Государыня, полагаю всю и во всемъ пространствѣ надежду на Васъ и изъ за сей презираю злостью; принцъ Линь какъ вѣтреная мельница: я у него иногда Ѳерситъ, а иногда Ахилессъ; теперь превозноситъ меня до небесъ, а навалился на капуцина здѣшняго.

Прилагаю чертежи лодки канонерской большой и малой; я приказалъ сдѣлать рисунокъ первой со всѣмъ вооруженіемъ: они несравненно лутче галеръ.

Касательно обращенія ямщиковъ и мѣщанъ въ казаки, нужно мнѣ знать, сколько ихъ гдѣ, дабы по сему росписать станицы; впротчемъ тутъ только будетъ стоить прислать съ Дону старосту къ пріобученію ихъ изворотамъ казацкимъ и построенію сѣделъ, что и буду ожидать.

О хорунгахъ, Матушка, Бѣлорусскихъ указъ былъ данъ мнѣ и команда надъ ними; у меня все заготовлено для начатія, теперь же повелѣно Пассеку ихъ формировать. Я боюсь, чтобы не вышло вздору, и какъ ему это дѣло производить; ежели изволите приказать отъ меня сему зависѣть, то я преподамъ образъ. Я сего прошу для пользы вашихъ дѣлъ. По смерть вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный Князь Потемкинъ-Таврическій.

P. S. Я сдѣлалъ девятсотъ верстъ на дрожкахъ; поѣхалъ больной, воротился здоровъ; Матушка Государыня, цѣлую ручки Ваши.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

Александръ Васильевичъ Суворовъ.

1729—1800.

Письма къ гр. Петру Ив. Панину.

1.

Въ 1778-мъ году Суворовъ командовалъ войсками, расположенными въ Крыму, и занимался переселеніемъ армянъ и грековъ въ Екатеринославскую губернію. «Бомбардированіе» и «горячка» на своеобразномъ языкѣ Суворова, безъ сомнѣнія, означаютъ нѣкоторыя непріятности, полученныя имъ отъ его недоброжелателей въ Петербургѣ. Ред.

Числа 18 августа, 1778 году.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ. Худо съ болшими людьми вишенки ѣсть. Бомбардированіе началось, и съ полученія—я, жена, дочь въ одинъ день въ публичной горячкѣ. Прости, мой благодѣтель. Всегда съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

Генералъ-аншефу графу Петру Ивановичу Панину.

2.

Числа 24 маія, 1781 году. Астрахань.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ. Стоическое мое прежней почты письмо, съ приложеніемъ о пасквили на меня подъ именемъ Ѳет. X., должны вы были получить, милостивый государь мой; такъ терпѣливо ожидаю на него вашего отвѣта, паче, что болше мѣсяца отъ васъ писемъ не имѣю. Почтенный другъ, удѣлите у себя времяни полъ $^1/_4$ часа, переселитеся мысленно на мое удаленіе; всѣ лестныя тѣ метеоры изчеснутъ, одно уныніе есть питаніемъ моей души. Скончался здѣсь философъ Ник. Серг. Долгорукой. Лишенъ я въ немъ того, кто наилутчее утѣшеніе мнѣ въ моей грусти подавалъ. Прости, голубчикъ Петръ Ивановичъ. Всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего высокородія покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

Генералъ-аншефу Петру Ивановичу Панину.

Изъ собранія автографовъ Н. К. Богушевскаго.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

1743 — 1816.

1.

Письмо къ управляющему имѣніемъ.

1-го сентября, Званка. (1800-хъ годовъ).

Логинъ Сергѣевъ [1]). Препровождаю письмо Мальцова и отца твоего, изъ коихъ первое покажи Василью Алексѣевичу Злобину съ тѣмъ, чтобъ посмотрилъ онъ самъ, какъ его слово, мнѣ данное, не исполняется, то какъ онъ думаетъ и что мнѣ дѣлать? По этому не буду надеженъ я на свой доходъ. Второе письмо сохрани у себя до времени, а къ отцу напиши, чтобъ онъ сходилъ къ Федору Яковлевичу Шишкову и расказалъ бы ему безпорядки Мальцова, прося о нихъ довесть до моего свѣденія. А буде теперь писать, то только произведешь ссору; а

[1]) Управляющій имѣніемъ Державина.

правда-ли, то безъ доказательствъ утвердиться въ томъ не можно, и ежели Шишковъ будетъ посылать..... [1]), то зачѣмъ его тутъ мѣшать, ему никакого нѣтъ дѣла. А я просилъ Шишкова, что ежели дойдетъ до него какая жалоба, то чтобъ меня увѣдомлялъ, а потому и долженъ я дожидаться отъ него увѣдомленія. Къ Мальцову я теперь ничего не пишу по жалобѣ твоего отца, а только отвѣтствую на его письмо. Заблаговременно въ хорошую погоду осмотри баню и чтобъ паръ не уходилъ, то надобно завалины хорошенько и потолокъ усыпать землею и окошки уконопатить. Мы ждемъ здѣсь дроби, а ты не пресылаешь. Бакунина письмо положи къ дѣламъ Зорича. Дѣлаютъ-ли нашу рѣшотку къ дому? Гавріилъ Державинъ.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

2.

Письмо къ А. В. Злобину.

18-го марта 1806 года.

Письмо ваше, братецъ Константинъ Васильевичъ, отъ 28-го истекшаго мѣсяца съ приложеніемъ, получилъ я исправно. Весьма васъ благодарю за прекрасные стихи ваши, на счетъ мой написанные; не стою я того, чтобъ равняли меня съ безсмертнымъ пѣвцомъ Ѳивъ. Другіе три же мелкіе стиха, вами присланные, также по нѣжнымъ мыслямъ ихъ очень хороши; только по пріязни вашей и по желанію дѣлать мои примѣчанія на труды ваши дозволяю себѣ сказать вамъ, что въ пиндарійской пѣсни вашей, въ первомъ куплетѣ, послѣднія двѣ строки очень, мнѣ кажется, темны, какъ то:

. . . . Мнилъ я вновь слышать,
Гласъ какъ священный умолкъ.

Не лучше-ли:

Гласы Ѳивъ пѣснопѣвца.

Въ прочихъ, когда въ одномъ куплетѣ начали писать риѳмами, то не надобно уже оставлять въ небреженіи риѳмъ и въ другихъ куплетахъ, напримѣръ:

По вечеру въ саду зеленомъ.
Я слышу, соловей поетъ.

(Не лучше-ли бы сказать):

Въ широкомъ долѣ, борѣ темномъ
Свой громкій голосъ подаетъ,

или:

Голосъ краткодневный.

---

[1]) Два слова намѣренно вытерты. **А. В.**

(Можно бы риѳму сказать):

Вымолвить душевной
Любви и горести конецъ.

и такъ далѣе.

И потому прошу васъ не торопиться, а пересматривать въ продолженіе нѣкотораго времени и, по малу исправляя, приводить въ совершенство, слѣдуя правиламъ Горація. Я васъ увѣряю, что ежели вы послѣдуете сему дружескому совѣту, то вы будете изъ первыхъ нашихъ пѣвцовъ. Затѣмъ, желая вамъ здоровья, спокойствія и удовольствія, а при всемъ томъ частаго собесѣдованія музъ, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вашъ, милостивый государь, покорный слуга Гавріилъ Державинъ.

Посылаю вамъ мою кантату на случай побѣдъ.

Примѣчаніе. К. В. Злобинъ, сынъ извѣстнаго откупщика Василія Алексѣевича Злобина, служилъ подъ начальствомъ Державина, бывшаго въ то время министромъ юстиціи, и ѣздилъ по какому-то порученію въ южныя губерніи, откуда и переписывался съ своимъ начальникомъ, мѣшая стихи съ прозою. См. стихотвореніе «Молодому Злобину» въ сочиненіяхъ Державина, съ примѣч. Я. К. Грота, т. III, стр. 445. Настоящее письмо, недавно доставленное постороннимъ лицомъ К. К. Злобину, было сообщено имъ Я. К. Гроту, отъ котораго и получено редакціею «Русской Старины». Ред.

3.

Басня „Горностай".

Въ бумагахъ Хемницера, изданныхъ Академикомъ Я. К. Гротомъ, найденъ имъ писанный рукою Державина и очевидно имъ же составленный, планъ слѣдующей басни:

Умный горностай, живучи въ лѣсу, со многими звѣрями имѣлъ дружбу. Всѣ его любили и почитали. Между знакомыми его были медвѣди и зайцы, и онъ только наблюдалъ, что ежели кто имѣлъ какіе дурные поступки, то самъ того не дѣлалъ. Но были же у него и непріятели, которые завидовали и говорили: „къ чему такое многое знакомство, а особливо съ неравными себѣ?" Но случилось, что наѣхали заячьи охотники въ лѣсъ. Тотчасъ зайца бѣднаго ослѣдили, обставили тенетами, тукнули и поймали. Изъ крику его услужливый и добрый горностай узналъ несчастье пріятеля своего, бросился въ ту минуту къ медвѣдю, который спалъ въ берлогѣ, и просилъ его, чтобы онъ только показался охотникамъ. Медвѣдь показался. Охотники струсили, бросили тенета и зайца, и ушли. Заяцъ, будучи на свободѣ, изъ благодарности, въ честь горностая написалъ стихи:

Съ кѣмъ можно, надобно дружиться:
Другъ, если не себѣ, для друга пригодится.

Сообщ. Я. К. Гротъ.

Василій Яковлевичъ Чичаговъ.

1726 — 1809.

Письмо къ Василію Григорьевичу Рубану.

Славный мореходъ «Екатерининскаго вѣка», бывшій главнымъ начальникомъ флота съ 1788 г., Чичаговъ 15-го іюня 1789 г. отразилъ шведскій флотъ, а въ іюнѣ слѣдующаго года совершенно его поразилъ на Ревельскомъ рейдѣ и въ Выборгской губѣ; силы Чичагова были втрое слабѣе непріятельскихъ. Чичаговъ былъ единственный во флотѣ кавалеръ Георгія 1-й степени. **Ред.**

30-го іюня 1795 г. (Изъ Ревеля [1]).

Государь мой Василій Григорьевичъ. Дружеское ваше письмо и при томъ нѣсколько сочиненій я получилъ, которыя съ удовольствіемъ читаемъ; напрасно вы ихъ нарекли въ жертву Нептуну или Вулкану. Они достойны вниманія и тамъ, гдѣ ихъ избытокъ, а у насъ они рѣдки, потому что живіомъ мы въ лѣсу, удалены отъ города и общества. Мы надѣемся, что вы и впредь подобными сочиненіями посѣщать насъ не оставите, и будьте увѣрены, что вы одолжите людей благодарныхъ и искренне съ непремѣннымъ почтеніемъ васъ любящихъ, а изъ первыхъ есть таковъ покорный вашъ слуга Василій Чичаговъ.

Въ концѣ письма замѣтка Рубана: «Получено 7-го іюля 1795 г.; отвѣтствовано тогда же, съ пріобщеніемъ оды на 28-е іюня и прочихъ сочиненій».

Сообщ. **А. Ө. Бычковъ.**

Графъ (впослѣдствіи князь) А. А. Безбородко.

1742 — 1799.

Письмо къ князю Г. А. Потемкину.

28-го іюля 1784 г. Царское Село.

Болѣзнь Екатерины II, о которой говорится въ письмѣ Безбородко, произошла отъ тяжкаго огорченія, причиненнаго ей кончиною генералъ-адъютанта Александра Дмитріевича Ланскаго. Онъ умеръ 25-го іюня 1784 г. въ самой цвѣтущей порѣ и на верху почестей. **Ред.**

Милостивый Государь. Здоровье Ея Императорскаго Величества продолжаетъ быть въ такомъ состояніи, какъ я доносилъ Вашей Свѣтлости послѣднимъ моимъ письмомъ. Кровопусканіе вчерашнее здѣлало кажется облегченіе. Изъ выпущенной крови первыя двѣ чашки были чрезвычайно инфламмированныя. Боль въ горлѣ еще не

---

[1]) Это слово написано Рубаномъ.

проходитъ, но по увѣренію Г. Рожерсона она не опасна. Сію ночь проводила Ея Величество весьма безпокойно, чувствовавъ ..... стѣсненіе въ груди; съ помощію лекарства, обыкновенно ею въ такихъ случаяхъ употребляемаго, боль сія утушена была, а сегодня по утру приняла соль для очищенія груди и желудка. Г. Рожерсонъ увѣряетъ, что при извѣстномъ Ея Величества отъ пищи воздержаніи, физическое состояніе вскорѣ поправится; но нужнѣе всего находитъ стараться объ истребленіи печали и всякаго душевнаго безпокойства, кои и понынѣ въ самой вышней степени продолжаются. Къ сему одно намъ извѣстное есть средство—скорѣйшій пріѣздъ Вашей Свѣтлости, прежде котораго не можемъ мы быть спокойны. Государыня меня спрашивала, увѣдомилъ ли я васъ о всемъ прошедшемъ и всякій день навѣдывается, сколь (скоро) ожидать васъ можно. По сію пору еще Ея Величество, кромѣ Великаго Князя, Великой Княгини, Николая Ивановича (Салтыкова), Графа Шувалова и меня, никого къ себѣ допускать не изволитъ; бо̀льшею же частію хочетъ все одна оставаться.

Погребеніе вчера по утру въ городѣ Софіи совершено. Сколько мы ни старалися отправить его, взявъ всѣ распоряженія на себя и ни о чемъ не докладывая, но безперерывно о томъ выспрашивали, а сіе только умножало болѣе печаль.

Пребуду навсегда съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію Вашей Свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Безбородко.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЛИБИНЪ.

1735—1818.

Объ этомъ замѣчательномъ механикѣ-самоучкѣ было довольно много писано. Первая, по времени, его біографія написана П. П. Свиньинымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1819 г. (стр. 225 и слѣд.). Затѣмъ въ «Москвитянинѣ» помѣщенъ очеркъ жизни Кулибина, составленный Пятериковымъ (1853 г. XIV, 1—26) и дополненія къ очерку тамъ-же въ книгѣ XXIV, 1853 г. Эти біографіи съ разными фразистыми дополненіями многократно передѣлывались въ позднѣйшее время нѣкоторыми составителями народныхъ книжекъ. Между прочимъ, лучшая изъ нихъ принадлежитъ г. И. Троицкому («Народное Чтеніе» 1860 г., кн. IV, стр. 57—106). Мы передаемъ подлинную автобіографію И. П. Кулибина, имъ составленную около 1769 г. Автобіографія Кулибина найдена въ бумагахъ статсъ-секретаря Козицкаго; при печатаніи мы сохранили нѣкоторыя особенности правописанія подлинника, писаннаго рукою самаго И. П. Кулибина.

Ред.

— —

Нижегородской купецъ Иванъ Кулибинъ съ изъ-дѣтства обучался отъ своего отца торговать хлѣбнымъ небольшимъ торгомъ и сидѣлъ въ лавкѣ мушнаго ряду, а между тѣмъ имѣлъ охоту смотрѣть колоколенные часы и другія подобныя тому штуки, и какъ пришелъ въ возрастъ до 17-ти лѣтъ, увидѣлъ въ сосѣдствѣ у свекра своего деревянные часы съ большими дубовыми колесами, у котораго по дружеству оные выпросилъ къ себѣ въ домъ и началъ съ тѣхъ дѣлать ходовой ярусъ, который по первенству въ дѣйствіе привесть не могъ, началъ другіе, вырѣзывая зубцы ножемъ и оные поставилъ на ходу одинъ точію ходовой ярусъ.

Потомъ имѣлъ я случай быть въ Москвѣ за гражданскимъ дѣломъ и по охотѣ своей ходилъ къ одному часовому мастеру разъ до пяти, и былъ у него времени по получасу и по часу, и видѣлъ стѣнные и карманные часы въ починкѣ, у котораго купилъ испорченную рѣзальную колесную машину, да токарной маненкой лучковой станокъ

По прі́ѣздѣ въ домъ, въ свободное время оную машину починилъ и началъ учиться дѣлать съ кокушкою деревянные часы, прорѣзывая къ боку зубцы особливымъ манеромъ и по совершенству оные продалъ; потомъ дѣлалъ деревянные круга и отдавалъ вольяшникамъ отливать по нимъ мѣдныя колеса, при томъ же сдѣлалъ токарный съ колесомъ станокъ и часть другихъ инструментовъ, отдавая кузнецамъ отковывать изъ стали по образцамъ штучки и въ ономъ станкѣ мѣдныя колеса, и сдѣлалъ съ кокушкою-жъ часы мѣдные; потомъ купилъ старые порченные карманные часы и началъ ихъ разбирать и опять собирать и то дѣлалъ многократно, потомъ взялъ у купца старые карманные часы почистить и, оные разобравъ, перетеръ штуки платомъ и прочистилъ въ скважняхъ спицею, потомъ собралъ и съ того началъ брать, которые немного повредны часы стѣнные и карманные въ починку, а когда перемежится починка, тогда дѣлалъ стѣнные мѣдные съ кокушкою, которыхъ всего мною сдѣлано,—одни деревянные, да трои мѣдные, между тѣмъ починивались и съ курантами стѣнные и столовые, всякіе карманные, простые и репетишные часы уже и много порченные, оттого имѣлъ и пропитаніе. А между тѣмъ, старался выдумывать, какіе пристойнѣе сдѣлать часы, которые бы представить къ поднесенію ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, и началъ рисовать на картахъ рисунки, чтобъ быть часамъ яишною фигурою, а съ каковымъ дѣйствіемъ, о томъ будетъ ниже сего, на которыхъ рисункахъ по мнѣнію своему и утвердился.

Въ одно время между разговоровъ, по знакомству съ Черноярскимъ купцомъ Михаиломъ Андреевичемъ Костроминымъ, который жительство имѣетъ въ городѣ Нижнемъ, объявлено ему отъ меня было обстоятельно, который, какъ скоро услышалъ, принялъ меня въ согласіе и утвердился на моемъ одномъ замышленномъ дѣлѣ и положилъ со мною словесный договоръ на такомъ основаніи, чтобъ дѣлать мнѣ помянутые часы и для сочиненія оныхъ какія потребуются машины и инструменты моею выдумкою, также для вспоможенія нанять работника, который у меня учился прежде, все на его, Костромина, коштѣ, а во время дѣланія часовъ и инструментовъ со стороны въ починку часовъ ни у кого не брать, отъ чего имѣлъ я прежде пропитаніе, но содержать и домъ мой на его-жъ коштѣ, а по совершенству оныхъ часовъ представить ко двору ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, съ нимъ, Костроминымъ, обще. И во всемъ томъ съ нимъ говорѣ положились во власть всевышняго Бога и началъ я дѣлать принадлежащіе инструменты и оные часы съ нанятымъ работникомъ отъ октября мѣсяца 1764 года, а когда оныхъ часовъ часть пришедъ къ сдѣланію по случаю уви-

дѣлъ я электрическія силы машину и, по согласію съ нимъ же, купцомъ, таковую-жъ электризацію сдѣлалъ; потомъ сталъ искать разными опытами, какъ полировать стекла зрительныхъ трубъ, которыемъ сдѣлалъ особливую машину и чрезъ тое сыскалъ онымъ полировку, потомъ сдѣлалъ двѣ трубки зрительныя, длиною по три аршина, да одинъ посредственной собранный изъ пяти стеколъ микроскопъ. А какъ уже часы стали приходить къ совершенству, по случаю получилъ я для посмотрѣнія зрительной телескопъ съ металлными зеркалами аглинскія работы, который разобравъ какъ въ стеклахъ, такъ и въ зеркалахъ, сталъ искать къ солнцу зажигательныя точки и снимать отдаленную отъ тѣхъ зеркалъ и стеколъ до зажигательныхъ точекъ мѣру, по которымъ бы можно было познать, каковою вогнутостію и выпуклостію для стеколъ и зеркалъ потребуется сдѣлать мѣдныя формы для точенія на пескѣ зеркалъ и стеколъ оныхъ, и со всего того телескопа сдѣлалъ рисунокъ; потомъ сталъ дѣлать опыты, какъ бы противъ того составить металлъ въ препорцію, а когда твердостію и бѣлостію сталъ выходить на оной сходственнъ, изъ того по образцу налилъ зеркалъ и сталъ ихъ точить на пескѣ нареченныхъ и уже сдѣланныхъ випуклистыхъ формахъ и изъ тѣхъ точеныхъ зеркалъ началъ дѣлать опыты, какіемъ бы способомъ найти такую-жъ чистую полировку, въ чёмъ и продолжалось не малое время и, выпробовавъ одно зеркало въ полировкѣ на мѣдной формѣ, натирая оную сожженнымъ оловомъ и деревяннымъ масломъ, и такъ тѣмъ опытомъ изъ многихъ сдѣланныхъ зеркалъ вышло одно большое зеркало и другое противное малое въ препорцію и помощію Божіею сдѣлалъ такой же телескопъ и, по совершенству оныхъ часовъ, также телескопа, микроскопа и электризаціи, пріѣхавши съ нимъ, Костроминымъ, въ Санктъпетербургъ марта 29-го дня 1769 года, представленъ я былъ съ нимъ же, купцомъ, къ его высочеству государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу. Его высочество соизволилъ жаловать обоихъ насъ къ ручкѣ и изволилъ смотрѣть часы и въ нихъ дѣйствіе, притомъ же электризацію и реченныя вещи. Мѣсяца апрѣля въ первый день сего-жъ 1769 году, съ реченнымъ же купцомъ обще былъ я представленъ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, и поднесъ часы и реченныя вещи. Ея императорское величество щедрою своею десницею соизволила часы принять и изволила жаловать меня съ тѣмъ купцомъ къ ручкѣ, и высочайшимъ своимъ зрѣніемъ соизволила смотрѣть въ оныхъ часахъ дѣйствіе, которое происходитъ въ прообразованіе Воскресенія Христова, нижеслѣдующимъ порядкомъ: въ доходѣ каждаго часа внутрь корпуса отворяются створныя двери, внутри онаго яйца представляется въ

подобіе зала, въ котороемъ противу дверей поставленъ на примѣръ полатки въ подобіе гроба Господня гробъ и въ него затворенная малая дверь, а къ двери приваленъ камень; по сторонамъ онаго гроба стоятъ съ копьями два стража; по отвореніи реченныхъ дверей, чрезъ полминуты вдругъ является въ подобіе ангелъ, отъ того являнія камень отвалится и дверь въ гробъ разрушается, а стоящіе стражи вдругъ ницъ падаютъ, чрезъ полминуты приходятъ къ ангелу двѣ жены въ подобіе мѵроносицъ и съ ихъ явленіемъ надпѣваетъ звономъ голосъ стиха: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ", трижды; потомъ въ корпусѣ вдругъ двери затворяются и сіе дѣйствіе бываетъ предъ каждымъ часомъ, и оной стихъ выходитъ передъ пробитіемъ осьми часовъ по полуночи за каждыемъ часомъ и дѣйствіемъ, а перемѣняется по пробитіи четырехъ часовъ по подолудни, предъ пробитіемъ же пятаго часа по полудни даже до осьмаго часу по полуночи за каждымъ часомъ и дѣйствіемъ выходитъ голосъ другаго стиха: „Воскресъ Іисусъ отъ гроба, якоже прорече, даде намъ животъ вѣчный и велію милость", по однажды за часомъ.

А по совершеніи реченнаго дѣйствія и по пробитіи двѣнадцати часовъ, выходитъ голосъ одинъ разъ въ сутки сочиненнаго канта, во время высочайшаго шествія ея императорскаго величества въ низовые города прошлаго 1767 году маія въ 22-й день, и продолжается оной кантъ минуты съ четыре, а когда потребно будетъ пустить какой ни есть изъ тѣхъ трехъ голосовъ, голосъ на оные поставляется рукою стрѣлки, а по прошествіи голоса оную стрѣлку обращать рукою на свое мѣсто.

Величиною оные часы противу средства гусинаго и утинаго яйца.

Бьютъ часы и четверти каждую четверть, имѣютъ лицевую доску со стрѣлками, какъ и у карманныхъ.

Заводить должно каждые сутки. Ходъ сдѣланъ съ галіимскимъ силендаромъ и все оное вышеписанное художество продолжалось съ октября мѣсяца 1764 года по 1769 годъ марта по 1-е число, на его, купца Костромина, коштѣ.

Сообщ. **Ив. Андреевскій.**

Примѣчаніе. Духовное завѣщаніе И. П. Кулибина его дѣтямъ, сообщенное въ подлинникѣ И. Ѳ. Горбуновымъ, напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г. (т. V, стр. 773—774) и воспроизведено фотолитографически въ «Сборникѣ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей», изд. «Русской Старины» и Ѳ. К. Опочинина (стр. 18 и 19). Ред.

АНДРЕЙ ТИМОѲЕЕВИЧЪ БОЛОТОВЪ.

1737—1833.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ А. Т. Болотовъ занималъ читателей «Русской Старины» своимъ жизнеописаніемъ. Четыре года развивалась предъ нами самая обстоятельная, иногда до мелочности подробная, картина быта великороссійскаго дворянства XVIII вѣка. Важность и значеніе для исторіи нравовъ и быта русскаго общества, достоинства и недостатки Записокъ Болотова, безъ сомнѣнія, оцѣнены уже всѣми и каждымъ, кто только слѣдилъ за разсказомъ русскаго офицера въ Семилѣтнюю войну, расторопнаго адъютанта при дворѣ Петра III, помѣщика села Дворенинова и, наконецъ, дѣятельнаго управителя «удѣла» питомца Екатерины II—Бобринскаго, какимъ былъ А. Т. Болотовъ. Многіе изъ читателей, конечно, пожалѣли, что простодушный разсказъ Болотова прекратился на 1795 годѣ и пожелали бы ознакомиться съ дальнѣйшими фактами трудовой жизни этого ученаго, славнѣйшаго въ свое время сельскаго хозяина и честнѣйшаго представителя того дворянскаго сословія, изъ среды котораго выступили лучшіе, доблестнѣйшіе сыны нашего отечества.

Намъ очень пріятно, что мы можемъ удовлетворить любопытству читателей и почитателей Болотова (а таковыхъ у него много) и привести нѣсколько интересныхъ чертъ къ характеристикѣ знаменитаго агронома. Свѣдѣнія эти извлекаемъ изъ записки, весьма обязательно сообщенной намъ роднымъ внукомъ Андрея Тимоѳеевича — Михаиломъ Павловичемъ Болотовымъ.

«Жизнеописаніе», какъ извѣстно, прерывается 1795-мъ годомъ; говоримъ прерывается, а не оканчивается—потому, что Записки А. Т., какъ свидѣтельствуетъ его внукъ, ведены были и далѣе и обнимали событія эпохи императора Павла и первые годы царствованія Александра Павловича, до 1811 года включительно; отрывки изъ разсказа объ этомъ времени Андрей Тимоѳеевичъ читалъ своему внуку. Куда дѣвались 30-я и послѣдующія книжечки «Жизнеописанія»—неизвѣстно.

Увѣряютъ, что на третій день по восшествіи своемъ на престолъ, а именно 9-го ноября 1796 года, императоръ Павелъ далъ слѣдующій указъ правительствующему сенату. «Родная́го ...., Александра Григорьевича Бобринскаго жалую въ графское россійской имперіи достоинство, производу въ чинъ генералъ-маіора и въ кавалеры ордена св. Анны первой степени;

укрѣпляю за нимъ назначенныя ему волости Богородицкую и Кіясовскую, а новорожденнаго его сына Алексѣя причисляю къ камеръ-юнкерамъ двора нашего. Павелъ».

Вѣрно, впрочемъ то, что, три дня спустя, императоръ Павелъ тоже слѣдующимъ рескриптомъ, даннымъ на имя графа П. В. Завадовскаго, такъ устроилъ положеніе волостей, отведенныхъ въ удѣлъ Бобринскому.

«Графъ Петръ Васильевичъ! Находившіяся въ особомъ вѣдомствѣ вотчины въ Тульской губерніи волости Бобриковскую и Богородицкую, за исключеніемъ въ послѣдней устроеннаго уѣзднаго города, да въ Московской губерніи волость Кіясовскую, съ принадлежащими къ нимъ землями и угодьями и со всѣми хозяйственными строеніями и наличностью, тако-жъ въ С.-Петербургѣ домъ, на Мойкѣ лежащій, именуемый Штегельманскій, всемилостивѣйше повелѣваемъ отдать въ вѣчное и потомственное владѣніе бригадиру графу Алексѣю Бобринскому; а какъ вы, по волѣ блаженныя памяти нашей любезнѣйшей родительницы, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, имѣли попеченіе о дѣлахъ его, то и возлагаемъ на васъ сіе повелѣніе наше, чрезъ кого слѣдуетъ, по порядку привести въ исполненіе, впрочемъ вы не оставьте продолжать таковое ваше попеченіе, подкрѣпляя его потребными совѣтами при новомъ его устроеніи. Пребываю вамъ благосклонный «Павелъ».

Въ С.-Петербургѣ, ноября 12-го 1896 года.

Помѣта: «Слушанъ 14-го ноября 1796 г.; вторично слушанъ 19-го декабря 1796 года».

На основаніи указа 12-го ноября 1796 г., Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій (род. 1762 † 1813 г.) сдѣлался полновластнымъ владѣльцемъ отведенныхъ еще Екатериною II ему волостей; онѣ изъяты изъ вѣдѣнія тульскаго намѣстника и уже волею графа Бобринскаго переданы тѣ волости въ непосредственное управленіе Дурова, о которомъ много говорится въ послѣднихъ главахъ или письмахъ «Жизнеописанія». Ред.

Дѣдъ мой, Андрей Тимоѳеевичъ,—пишетъ М. П. Болотовъ,—съ переходомъ изъ казеннаго вѣдѣнія Богородицкихъ волостей въ полную собственность графа Бобринскаго, не захотѣлъ оставаться въ Богородицкѣ и, не смотря на убѣдительныя просьбы графа, а также Дурова, подалъ въ отставку. Она была имъ получена съ чиномъ коллежскаго ассесора. Затѣмъ А. Т. не сталъ хлопотать о полученіи пенсіи или какой-нибудь награды и переѣхалъ прямо,— со всѣми дворовыми людьми, которые были у него вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкантами,— въ родовоесвое имѣніе—сельцо Дворениново (Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда). Сельцо это расположено при красиво-извивающейся рѣкѣ Скнигѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ бывшей станціи Соломенные или Ведменскіе заводы и въ 7-ми верстахъ отъ тульскаго шоссе.

Во весь остатокъ жизни А. Т. не занималъ уже никакой общественной должности, тѣмъ не менѣе, почти сорокъ лѣтъ (1796—1833 гг.) употребилъ на общественную пользу.

Поселившись на постоянное жительство въ Двореникновѣ, онъ не покидалъ его, за исключеніемъ рѣдкихъ разъѣздовъ къ роднымъ и сосѣдямъ, которые всѣ безъ исключенія уважали и довольно часто посѣщали старичка.

Садъ его, съ правой и лѣвой стороны огромнаго вновь выстроеннаго дома (съ бельведеромъ и двумя по бокамъ флигелями, которые соединялись съ домомъ галлереями), примыкалъ къ двумъ садамъ родственниковъ его; всѣ жили тутъ постоянно въ ладу между собою, а дѣти его двоюроднаго племянника, Андрея Михайловича Болотова, всегда съ почтеніемъ прибѣгали къ нему и величали его дѣдушкою. Какъ самые ближайшіе сосѣди, они видались всѣхъ чаще; другіе же сосѣди посѣщали А. Т. болѣе по праздникамъ и всегда неотступно приглашали его на всѣ семейныя празднества.

Отецъ мой, Павелъ Андреевичъ, служившій въ тульской уголовной палатѣ ассесоромъ, вскорѣ послѣ переѣзда дѣда изъ Богородицка, женился и, отпраздновавъ свадьбу въ Москвѣ (куда ѣздилъ и дѣдъ мой), поселился въ имѣніи тетки и воспитательницы моей матушки, въ Орловской губерніи, Кромскаго уѣзда, въ сельцѣ Гниломъ-Болотѣ[1]). Оттуда отецъ ежегодно на два и на три лѣтніе мѣсяца переѣзжалъ со всѣмъ семействомъ въ Дворениново къ Андрею Тимоѳеевичу.

Съ самаго малолѣтства, какъ я только себя запомню, эти переѣзды къ любимому и веселому нашему дѣдушкѣ и потомъ заѣзды къ роднымъ въ Данковскій уѣздъ составляли въ моей жизни весьма важное событіе, доставлявшее намъ много удовольствій.

Старшая изъ дочерей дѣда, Елисавета Андреевна, выданная замужъ за П. Г. Шишкова, жила въ селѣ Ламкахъ, Богородицкаго уѣзда; вторая—Настасія Андреевна за П. И. Воронцова-Вельяминова и жила въ селѣ Головнинѣ, Крапивинскаго уѣзда, въ 30-ти верстахъ за Тулою; третья—Ольга Андреевна за Ѳ. И. Бородина, въ Богородицкомъ уѣздѣ, въ селѣ Зміевкѣ. Всѣ онѣ ежегодно со всѣми дѣтьми пріѣзжали къ дѣду моему осенью, къ дню его рожденія или имянинъ, что всегда имъ праздновалось 7-го и 17-го октября. Младшая же изъ дочерей его, Екатерина Андреевна, выдана была въ 1808 году замужъ за каширскаго помѣщика А. И. Пестова и постоянно жила въ 18-ти верстахъ отъ Дворенинова, въ селѣ Сенькинѣ.

По разсказамъ дѣда, съ 1797 года онъ только два раза отлучался на довольно продолжительное время изъ Дворенинова, а именно: въ 1803 году въ С.-Петербургъ, съ цѣлью хлопотать въ Межевомъ де-

[1]) Жена Павла Андреевича, рожденная Ашанина. Ред.

партаментѣ сената, съ жалобою на насильственный захватъ земель Пашковымъ (тамбовскимъ помѣщикомъ) близъ деревни Болотовки, въ Кирсановскомъ уѣздѣ, и въ 1804 году А. Т. ѣздилъ въ Тамбовъ, чтобы распорядиться высочайше подаренною ему, въ количествѣ 866 десятинъ, землею: разбить мѣста подъ поселеніе новой деревни. названной имъ „Александровкою"; сюда онъ перевезъ въ томъ же году нѣсколько крестьянскихъ дворовъ изъ Болотовки, отстоящей въ 20-ти верстахъ, и изъ села Ендовища—въ 70-ти верстахъ. Въ позднѣйшее время въ Александровкѣ было 200 душъ и болѣе 1,200 десятинъ земли, ибо отецъ мой, Павелъ Андреевичъ, въ 1811 году прикупилъ отъ казны еще участокъ земли, которая продавалась тогда по рублю за десятину.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1810 году лѣтомъ дѣдъ мой ѣздилъ на короткое время къ отцу моему въ вышепомянутое Гнилое-Болото.

Вотъ образъ жизни моего дѣда, порядокъ которой оставался неизмѣннымъ почти сорокъ лѣтъ, именно съ 1797 по 1833 годъ, т. е., по годъ его кончины.

Андрей Тимоѳеевичъ вставалъ всегда очень рано (лѣтомъ въ 4-мъ часу, а зимою въ 6-мъ); послѣ утренней молитвы онъ прочитывалъ одно изъ утреннихъ размышленій на каждый день года, потомъ садился за свой письменный столъ и записывалъ:

1) Въ „Книжкѣ метерологическихъ замѣчаній": погоду вчерашняго дня и наступившаго утра, т. е., сколько градусовъ по термометру, какое стояніе или измѣненіе барометра, какой вѣтеръ и какое небо при восходѣ солнца. Весь этотъ трудъ, кажется, за 52 года постоянныхъ отмѣтокъ, послѣ кончины А. Т. отправленъ отцемъ моимъ, Павломъ Андреевичемъ, въ С.-Петербургъ—въ Академію Наукъ, которая съ признательностью приняла этотъ подарокъ, ибо подобныхъ наблюденій и за столь продолжительный періодъ времени въ средней Россіи никто не дѣлалъ. 2) Въ „Журналѣ вседневныхъ событій" записывались занятія и приключенія, бывшія въ теченіе протекшаго дня, т. е., чѣмъ именно онъ занимался, какія приходили ему идеи или размышленія, а если бывали гости, то какой въ особенности занимательный былъ разговоръ или разсказъ. Все это онъ успѣвалъ сдѣлать до того времени, пока весь домъ подымется уже на ноги и бабушка моя пришлетъ ему чая. Дѣдушка очень любилъ чай и пивалъ его всегда однообразно, а именно: первую чашку выпивалъ самаго горячаго, вторую—съ кускомъ хлѣба (если не было бубликовъ, крендельковъ или обварныхъ тульскихъ калачиковъ), третью и четвертую чашки пивалъ уже—какъ онъ выражался—съ прохлаждені-

емъ; при этомъ А. Т. читалъ любимыя свои „Гамбургскія Газеты“ и выкуривалъ трубку турецкаго табаку, который у него всегда былъ смѣшанъ съ травою мати-мачиха и смоченъ для пріятнаго запаха растворомъ каскарилы. Онъ увѣрялъ, что курить эту смѣсь и запивать чаемъ очень здорово, ибо она способствуетъ легкому отдѣленію въ груди мокроты. Мой отецъ и два зятя его постоянно въ этомъ слѣдовали совѣту Андрея Тимоѳеевича. Во время чтенія газетъ онъ доставалъ иногда тетрадь подъ названіемъ: „Магазинъ достопримѣчательностей и достопамятностей“; въ этотъ „Магазинъ“ вписывалъ онъ все, что находилъ особенно замѣчательнымъ. Потомъ принимался за свои сочиненія и, такимъ образомъ, въ писаніи проводилъ время до обѣда. Въ первомъ часу А. Т. постоянно садился за столъ; обѣдъ состоялъ изъ 4-хъ, иногда и 5-ти блюдъ (холоднаго, горячаго, соуса, жаренаго и пирожнаго),—кромѣ кваса, онъ ничего не пилъ; потомъ отдыхалъ ровно часъ, а проснувшись, всегда любилъ чѣмъ-нибудь полакомиться и въ особенности любилъ фрукты. Въ 5 часовъ приходилъ въ диванную пить чай, во время котораго любилъ слушать чтеніе газетъ, и такъ проводилъ вечеръ, а въ 9 часовъ ужиналъ и тотчасъ уходилъ спать.

Постоянно онъ проводилъ такимъ образомъ каждый день осенью и зимою, а весною и лѣтомъ занятія въ саду дѣлали нѣкоторое измѣненіе въ дневныхъ занятіяхъ, такъ что онъ занимался сочиненіями только въ ненастные дни.

Въ 1811 году онъ принялъ къ себѣ на воспитаніе внучку Ал. Ѳед. Бородину, оставшуюся сиротою, которая до замужества постоянно жила у него и вышла изъ подъ его руководства вполнѣ образованною женщиною, съ развитыми талантами къ музыкѣ, рисованію и рукодѣлію (сынъ ея — извѣстный ученый, бывшій профессоръ московскаго университета, Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ). Свадьба ея была справлена въ 1821 году въ Дворининовѣ, во время нашего тамъ гощенія; пиры продолжались нѣсколько дней сряду, а балъ,—который дѣдъ задалъ на прощаньи, пригласивъ всѣхъ сосѣдей на такъ называемый княжой обѣдъ,—окончился въ полномъ весельи. Андрей Тимоѳеевичъ самъ танцовалъ съ нами до 11-ти часовъ ночи и не только не отставалъ отъ молодежи, но подъ конецъ замучилъ многихъ, предводительствуя гросъ-фатеромъ съ разными выдуманными имъ фигурами.

Быть воспріемникомъ онъ не любилъ, а потому всегда отказывался отъ приглашеній.

Въ послѣднія два десятилѣтія своей жизни Андрей Тимоѳеевичъ похоронилъ трехъ старшихъ своихъ дочерей, ихъ мужей и свою те-

щу—почтенную и умную старушку, которую онъ очень любилъ и уважалъ. А сколько онъ потерялъ внучатъ и правнучатъ—не могу и перечислить!

Отношенія его къ своимъ крестьянамъ и дворовымъ были наилучшія; даже посторонніе крестьяне во всемъ округѣ считали его благодѣтелемъ. Рѣдкой день, что не приходили къ нему изъ-далека больные за помощью или за совѣтомъ. Андрей Тимоѳеевичъ умѣлъ съ ними разговаривать, шутить, обо всемъ разспрашивать и, безвозмездно надѣляя простыми лекарствами, удачно помогалъ страждущимъ; въ особенности были замѣчательны его вылечки застарѣлыхъ болѣзней посредствомъ электричества,—для чего собственными руками онъ устроилъ у себя въ кабинетѣ машину съ лейденскими банками и съ различными аппаратами, примѣняясь къ разнымъ болѣзнямъ; по этому предмету онъ также много писалъ и описывалъ всѣ сдѣланныя имъ исцѣленія.

Въ послѣднія два десятилѣтія его жизни, Кирсановскія его деревни—Болотовка и Александровка (слишкомъ 300 душъ) были переданы, кажется съ 1813 года, въ полное управленіе отцу моему съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ ему ежегодно по 1,000 руб. ас., а себѣ оставилъ только Дворениново и Козловскаго уѣзда приданое моей бабки, т. е., часть изъ родоваго имѣнія Кавериныхъ—въ серединѣ огромнаго села Ендовища, которое было въ чрезполостности со многими помѣщиками и однодворцами. Тамъ на часть Андрея Тимоѳеевича приходилось 70 рев. душъ, состоявшихъ подъ управленіемъ старосты; вся обязанность крестьянъ заключалась въ доставкѣ Андрею Тимоѳеевичу зимою двухъ обозовъ съ хлѣбомъ и разною провизіею, для прокормленія двoрениновской дворни, которая была слишкомъ уже многолюдна и помѣщалась въ восьми огромныхъ избахъ около дома.

Въ годъ смерти дѣдушки (1833 г.), въ Двoрениновѣ изъ 109 рев. душъ числилось 57 дворовыхъ мужескаго пола и столько же женскаго пола, которыхъ нужно было прокормить, но онъ ими не только не тяготился, но, напротивъ, веселился. Кромѣ ближайшей къ нему прислуги,—т. е., двухъ или трехъ лакеевъ, двухъ кучеровъ и поваровъ, которымъ онъ давалъ жалованье и одѣвалъ,—у него была въ сборѣ такъ называемая имъ рота молодцевъ: 20 человѣкъ, а иногда и болѣе, обязаны были ежедневно съ лопатами и заступами являться на работу въ садъ, собираясь всякое утро къ его крыльцу. Они окапывали старыя яблони, обмазывали и очищали ихъ, пересаживали молодыя изъ питомника, огораживали сады и дѣлали разныя работы по украшенію гулябельнаго нагорнаго сада, въ которомъ было много

клумбъ съ цвѣтами, нѣсколько сажелокъ съ проточною водою, разные мостики, сидѣлки, бесѣдки; гроты и множество сходовъ по лѣстницамъ. Старшіе изъ работниковъ были садовниками, которыхъ онъ самъ обучилъ, и они въ извѣстное время занимались отдѣльно прививками и колеровкою деревьевъ.

Дѣдушка любилъ, чтобы всѣ окружающіе его были всегда веселы, шутилъ съ ними, поучалъ ихъ во время отдыха, подстрекалъ ихъ самолюбіе,—и они дѣйствительно были развитые, ловкіе работники, всегда работавшіе на уроки съ веселымъ духомъ и съ пѣснями. Почти каждый изъ нихъ самоучкой зналъ какое-нибудь мастерство, а потому осенью, будучи отпущены въ Серпуховъ на фабрики для заработковъ, они могли въ шесть мѣсяцевъ всегда пріобрѣсти достаточную сумму для окопированія себя, не требуя отъ него въ теченіе года жалованья и шестимѣсячнаго продовольствія, т. е. мѣсячины; а съ наступленіемъ весны, онъ требовалъ ихъ къ себѣ и, соображаясь съ раннимъ вскрытіемъ весны, старался ранѣе кончать осеннія работы. Эта дворня дѣйствительно доставляла ему удовольствіе и прибыль, ибо сады восхищали его и, по десятилѣтней сложности, приносили не менѣе 3,500 руб. асс. въ годъ чистаго дохода—сумма, по тогдашнему времени, не только достаточная для аккуратнаго прожитія старичкамъ, но даже громадная, такъ что онъ ежегодно могъ удѣлять нѣкоторую часть въ сбереженіе.

Любопытна судьба этого „сбереженія“: привожу отрывокъ изъ письма Андрея Тимоѳеевича къ отцу моему, въ февралѣ 1822 года; письмо это какъ нельзя лучше рисуетъ нравственную личность дѣдушки:

„Любезный другъ, Павелъ! благодарю тебя...... (отвѣчаетъ на его письмо, исписываетъ цѣлую страничку и потомъ продолжаетъ):

„Теперь скажу тебѣ, мой другъ, какую неожиданную, гадкую штуку сыгралъ со мною мой кучеръ, Петрушка. Во вторникъ ночью, подговоривъ пріятеля своего (сосѣдскаго) кучера Степку, они свели съ конюшни Андрея Михайловича (Болотова) пару лучшихъ его лошадей и, забравшись ко мнѣ изъ-подъ горы сада въ окно кладовой, выломавъ желѣзную рѣшотку, утащили мой дубовый изголовокъ, окованный желѣзомъ. Ничего не вѣдая о такомъ ночномъ событіи, я напился уже чаю и собирался приняться за урочную работу—составленія записокъ, какъ присылаетъ къ намъ съ того двора Андрей Михайловичъ гонца извѣстить о случившейся у него покражѣ и сообщаетъ мнѣ, что онъ, хватившись бѣглецовъ, разослалъ уже погоню по разнымъ направленіямъ, что, по слухамъ, и у меня въ домѣ должно быть неблагополучно. Тутъ только объяснилось, что во дворнѣ

давно уже хватились и нашего молодца, который не явился въ конюшню на уборку лошадей, но мнѣ о томъ не сообщали, не желая безвременно тревожить. Вслѣдъ затѣмъ вбѣгаетъ, плача и рыдая, наша Палагея [1]); съ трудомъ добился я отъ нее толку: оказалось, что она, услыхавъ тревогу, вздумала отпереть кладовую и какъ увидѣла, что окно выломано, а изголовка не оказалось, такъ и ну вопить и голосить на весь домъ. Тутъ начались розыски и развѣдки, а у насъ съ женою пересуды: какъ, дескать, псы наши не почуяли воровъ, чего же смотрѣлъ караульный и какъ такъ могли эти мошенники вдвоемъ выволочить такую тягость по глубокому снѣгу,—ибо по слѣдамъ видно было, что они по самой кручѣ оврага тащили его вдвоемъ, а какъ добрались до верхней сажелки, то на льду и слѣдъ ихъ пропалъ; къ тому же замѣтно, что ночью порядочная несла поземка. Какъ бы то ни было, а молодцы ловко спроворили дѣльцо! И каковы же силачи, ибо тебѣ извѣстно, что заголовокъ самъ по себѣ на порядкахъ былъ тяжолъ, а изъ 21,600 р. было значительное количество золота и серебра; къ тому же, добавилось въ октябрѣ при послѣдней уплатѣ Щенковыми [2]) почти всѣ 3,000 звонкой монетой. Мнѣ, мой другъ, не столько жалко было потери денегъ, какъ грустно было подумать, что эти негодяи утащили драгоцѣнные для меня манускрипты, записки и разныя письма, которыя я тщательно хранилъ въ своемъ изголовкѣ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ Сережка мой [3]) несказанно утѣшилъ меня, притащивъ въ двухъ полахъ разныя искомканныя бумаги, а вслѣдъ затѣмъ приволокли на три части разбитый изголовокъ, который они покинули въ углу нижней сажелки, близъ липовой куртины,—и оттуда, перебравшись черезъ изгородь на подготовленныхъ тамъ лошадкахъ, съ денежками пустились вверхъ по рѣкѣ. „Ну! шутъ съ ними, воскликнулъ я; давайка мнѣ мои драгоцѣнности!“ и тотчасъ принялся перебирать всѣ тетрадки, письма, записки, отрехать отъ снѣга моихъ голубушекъ, а иныя просушивать, разглаживать, подбирать, припоминая, все-ли уцѣлѣло и, слава Богу, кромѣ двухъ бумажонокъ, ничего съ собою не утащили. А что пропали многолѣтнимъ трудомъ накопленныя денежки—на то воля Божія, все творится къ нашему добру; видно Провидѣнію не угодно, чтобы въ нашемъ родѣ скоплялись капиталы. Вотъ и я предполагалъ въ нынѣшнемъ году, дополнивъ нѣсколько

---

[1]) Старушка ключница. М. В.

[2]) Богатые серпуховскіе купцы, которые постоянно у него снимали на откупъ сады. М. В.

[3]) Это довѣренный изъ лакеевъ, который завѣдывалъ садовымъ хозяйствомъ. М. В.

сотенокъ, внести, по совѣту Алекс. Ив. [1]), четверть сотни тысячъ въ сохранную казну на сбереженіе, какъ приданое къ моему Дворенинову для будущаго наслѣдника,—но не тутъ-то было! Всѣ человѣческія предположенія, самыя кажется вѣрныя, разрушаются въ одно мгновеніе и все это по распоряженію Высшаго Промысла. Не стоитъ болѣе объ этомъ говорить, да и тебѣ, мой другъ, не совѣтую также много объ этомъ съ кѣмъ-нибудь толковать".

Къ разсказу дѣдушки нахожу необходимымъ примолвить, что чрезъ два года послѣ описаннаго происшествія, Андрей Тимофеевичъ, получивъ порядочныя суммы денегъ за сады, придумалъ, за неимѣніемъ своего любимаго изголовка, прятать деньги весьма оригинальнымъ образомъ — раскладывая по нѣсколько крупныхъ ассигнацій въ томики своихъ сочиненій, причемъ, вѣроятно, записывалъ, сколько въ какую книгу всякій разъ спрячетъ. Взятый на услуженіе въ компаты молодой малый, родной братъ убѣжавшаго Петрушки, подмѣтилъ дѣдушкинъ секретъ и, выждавъ, когда онъ отправился на нѣсколько дней въ Сенькино къ дочери, забрался съ поддѣльнымъ ключемъ въ его кабинетъ и болѣе тысячи рублей успѣлъ набрать изъ разныхъ книгъ, а въ ночь. подговоря сосѣдскаго кучера,—который, по примѣру прежняго, увелъ также съ конюшни у Андрея Михайловича Болотова двухъ лошадей,—пустились въ бѣгство; но этимъ не посчастливилось; ихъ поймали за Тулою и по суду сослали на поселеніе. При судопроизводствѣ оказалось, что Петрушка съ украденнымъ капиталомъ благополучно пробрался въ Одессу (гдѣ свободно тогда принимали всѣхъ бѣглыхъ), записался въ купцы, купилъ домикъ, женился и письмами вызывалъ къ себѣ на житье родителей и остальныхъ братьевъ.

Съ 1826 года, когда отецъ мой пріѣхалъ изъ Орловской губерніи съ семействомъ въ Дворининово на постоянное жительство, то Андрей Тимоѳеевичъ уже ничего не тратилъ на свое продовольствіе и отказался даже отъ полученія 1000 р., будучи успокоенъ и удаленъ отъ всѣхъ хлопотъ по домоводству; онъ ограничился полученіемъ въ свое полное распоряженіе дохода съ садовъ.

Для представленія лучшаго понятія о двориниковскомъ хозяйствѣ, замѣчу, что изъ 109 душъ—52 души было крестьянъ, которые поселены были: за рѣкою противъ дома, въ самомъ Двориниковѣ, три избы; въ сельцѣ Болотовѣ, 5 верстъ разстоянія, четыре избы, и, наконецъ, шесть избъ въ селѣ Тулеинѣ, въ противоположной сторонѣ отъ Болотова и въ 6-ти верстахъ разстоянія отъ Дворенинова, которое находилось поэтому въ центрѣ, и тутъ устроены были: господ-

[1]) Пестовъ—его зять. М. В.

свое гумно, рига, овины, амбары; весь хлѣбъ свաживался въ одно мѣсто и крестьяне ежедневно должны были ходить туда на молотьбу. Ихъ обязанность была—обработывать въ каждомъ полѣ по 40 десятинъ господской запашки, которыя были раскиданы въ чрезполостности съ шестью владѣльцами, по шести дачамъ генеральнаго межеванія и въ 36-ти разныхъ мѣстахъ; крестьянская земля была также раскинута по всѣмъ направленіямъ.

Въ первые года по пріѣздѣ изъ Богородицка, Андрей Тимоѳеевичъ сдѣлалъ самъ геометрическую съемку по всѣмъ дачамъ отдѣльно: вымѣрилъ всю свою чрезполостность и составилъ отдѣльные планчики не только собственныхъ участковъ, но и своихъ родственниковъ. Очень естественно, что въ мелкой чрезполостности, при дурномъ присмотрѣ старосты, господскіе участки со всякимъ годомъ (сторонними и своими крестьянами) не только отпахивались, уменьшаясь въ величинѣ, но даже совсѣмъ измѣнялись фигурою, такъ что дѣдушкѣ доводилось впослѣдствіи нѣсколько разъ перемѣрять и исправлять межи своихъ владѣній. Такъ какъ въ Алексинскомъ уѣздѣ земля весьма дурнаго качества, требующая непремѣнно сильнаго удобренія, котораго хотя и набиралось довольно много отъ господской и дворовой скотины, но его не доставало на удобреніе яблоней, отъ которыхъ въ сущности предвидѣлось болѣе пользы; поэтому урожай съ двоениновскихъ полей былъ всегда самый жалкій, сравнительно съ урожаемъ его сосѣдей, которые хотя и немного, но удобряли свои ближніе участки,— такъ что у дѣда моего за-частую возвращались только однѣ сѣмяна въ амбаръ, слѣдовательно, въ барышѣ оставались только солома и мелкой кормъ.

Библіотека дѣдушки была весьма обширна и съ каждымъ годомъ увеличивалась прикупкою разныхъ книгъ, а въ особенности его сочиненіями по разнымъ предметамъ. Андрей Тимоѳеевичъ самъ мнѣ высчитывалъ, что кромѣ „Экономическаго Магазина", который былъ напечатанъ и заключался въ 40 томахъ, имъ написано еще до 80-ти разныхъ сочиненій, изъ которыхъ могу припомнить нѣкоторыя, прочитанныя мною, а именно: цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей, касающихся хозяйства и домоводства, о разныхъ постройкахъ, землебитныхъ строеніяхъ (называемыхъ пизе), о построеніи прудовыхъ спусковъ, объ украшеніи садовъ, о садоводствѣ вообще, описаніе разныхъ породъ яблокъ, о производствѣ табаку, въ особенности виргинскаго, и проч., и проч. Собраніе этихъ статей, въ нѣсколькихъ томикахъ, по смерти его, отправлено въ Московское Общество сельскаго хозяйства. Дѣдушка изъ всѣхъ своихъ сочиненій особенно совѣтывалъ молодымъ

людямъ читать „Бесѣды дѣда со внукомъ“ (касательно разныхъ предметовъ—XV томиковъ) и „Размышленія о чудесахъ природы“—XII томиковъ. Выписки его „О французской революціи“ занимали XII томиковъ, какъ и всѣ его рукописи переплетенныя; выписки „О польской революціи“ занимаютъ три томика. На какомъ именно годѣ онъ остановилъ свои записки, въ видѣ писемъ къ другу—достовѣрно сказать не могу; но помнится, что онъ покончилъ ихъ на 1810 или на 1811 годѣ, ибо онъ мнѣ разсказывалъ, что описалъ подробно поѣздку свою въ Орелъ и мое рожденіе. Всѣ эти записки онъ составлялъ изъ подробно веденнаго имъ „Черноваго журнала вседневныхъ событій“, которыхъ было болѣе 50-ти томиковъ: изъ нихъ 39-ть проданы мною гг. Киселеву и Самарину.

Вотъ краткая ихъ опись [1]): 1) Жизнь Андрея Болотова, ч. I. 2) Приключенія А. Б. съ 1752 до 1758 г. (частію въ письмахъ, частію въ связномъ разсказѣ; содержаніе этого томика есть сокращеніе частей II—V Записокъ, за исключеніемъ 1751 г., котораго у меня вовсе нѣтъ). 3—9) Жизнь и приключенія Андрея Болотова съ 1758 до 1769 гг. (части VI—XII; частей XIII—XVI у меня вовсе нѣтъ). 10—13) Жизнь и приключенія А. Б. съ 1774 до 1780 гг. (части XVII—XX). 14) Домашній историческій журналъ 1766 г. (краткій ежедневникъ). 15) Тоже на 1772 г. 16) Продолженіе Записокъ, касающихся до моей жизни 1773 г. (связный разсказъ о первомъ полугодіи этого года). 17) Дневникъ 1790 г. (подробный ежедневникъ). 18) Продолженіе описанія моей жизни, 1793—1794 гг. (краткій ежедневникъ). 19—21) Краткій ежедневникъ 1797—1802 гг. 22—24) „Богородицкій Вѣстникъ или историческое обозрѣніе всего происходившаго въ свѣтѣ“ въ 1792 и 1793 гг. 25—26) „Памятникъ протекшихъ временъ“, 1796 и 1797 гг. (26-й томикъ былъ напечатанъ въ „Р. А.“ 1864 г.; 25-й готовится къ печати). 27—34) „Магазинъ достопамятныхъ бумагъ“, 1812 и 1813 гг. 35—39) „Отечественникъ“, содержащій въ себѣ современныя записки и замѣчанія о происшествіяхъ въ Россіи (писаны въ 1814—1826 гг. Между 38 и 39 томиками не достаетъ одного, заключающаго пятую часть Отечественника).

Дѣдъ мой,—продолжаетъ М. П. Болотовъ,—обладалъ замѣчательною памятью до послѣднихъ дней жизни,—всѣ его разсказы о прошломъ вообще и о бываломъ съ нимъ передавались съ большимъ юморомъ; при этомъ часто случалось, что, коснувшись какого-нибудь предмета, онъ приносилъ томикъ своихъ послѣднихъ записокъ, т. е. изъ текущаго столѣтія, и прочитывалъ самъ описанное о томъ прежде

[1]) Сообщена г. Н. Киселевымъ. Ред.

или отдавалъ кому-нибудь для прочтенія на домъ. Въ особенности въ двадцатыхъ годахъ пользовались его расположеніемъ нѣкоторые изъ сосѣдей (личности весьма образованныя), напримѣръ, С. П. Бобрищевъ-Пушкинъ, М. И. Золотухинъ и Н. А. Кругликовъ, которые чрезвычайно любили старичка, и онъ давалъ имъ поочередно читать всѣ свои записки и сочиненія.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Андрей Тимоѳеевичъ потерялъ лѣвый глазъ; дѣдушка самъ не зналъ, когда именно онъ пересталъ имъ видѣть. По вечерамъ, читая „Гамбургскія газеты", чтобы лучше разглядѣть мелкую печать, онъ подносилъ всегда свѣчку съ правой стороны и зажмуривалъ лѣвый глазъ; но однажды ему вздумалось закрыть правый и вдругъ расхохотался, вскрикнувъ: „Вотъ, братъ, штука-то, я вѣдь лѣвый глазъ потерялъ,—право такъ, и самъ не знаю когда". Это заставило его поберегать зрѣніе и потому онъ придумалъ сдѣлать трубочку изъ картона въ 1 вер. діаметра и около 3-хъ вер. длины, обклеивъ внутри черною бумагою, и съ помощію оной читалъ по вечерамъ. Въ 1830 году начало слабѣть зрѣніе и праваго глаза, такъ что, по совѣту отца моего, дѣдушка сталъ носить зонтикъ и согласился, чтобы ему наняли особеннаго чтеца, которому онъ диктовалъ ежедневно все то, что, по заведенному порядку, должно было быть записано [1]). Во время моего пребыванія у него въ Двореніновѣ (послѣ окончанія мною курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1829 году, весь 1830 годъ и до сентября 1831 года), я много читывалъ ему по утрамъ и, пріостанавливаясь, любилъ слушать его разсужденія по многимъ предметамъ; а по вечерамъ постоянно его занимало слушаніе газетъ, и тутъ разговоры направлялись къ политикѣ и военнымъ дѣйствіямъ, ибо въ это время было усмиреніе Польши. При этомъ, бывало, попроситъ онъ меня отыскать на картѣ то или другое мѣстечко или городъ, упоминаемый въ извѣстіяхъ о войнѣ Россіи съ Польшей, и нерѣдко вспомнитъ, что въ Семилѣтнюю войну съ Пруссіей онъ либо проходилъ, либо стоялъ въ этомъ мѣстѣ съ полкомъ, въ которомъ служилъ, и разскажетъ такимъ образомъ о старинѣ, чуть ни столѣтней!

Слѣпоту свою дѣдушка переносилъ очень терпѣливо; гораздо болѣе огорчала его усиливающаяся глухота: безъ помощи рожка онъ иногда ничего не могъ разслышать, и когда бывали гости, а ему хотѣлось участвовать въ разговорахъ и все слышать, то онъ крѣпко

[1]) Въ этомъ году братъ мой, возвращаясь изъ турецкаго похода, гостилъ въ Двореніновѣ,—и какъ радовался дѣдушка, когда, бывало, посадимъ его въ телѣжку и втроемъ прокатываемъ по саду, т. е., отецъ въ корню, а мы по пристяжкамъ. **М. Б.**

сѣтовалъ на свою глухоту. Въ началѣ 1833 года я пріѣзжалъ на короткое время изъ Петербурга въ отпускъ, и тутъ онъ мнѣ съ соболѣзнованіемъ объявилъ, что болѣе ничего не видитъ и не можетъ меня хорошо разглядѣть, а между тѣмъ всегда бодро ходилъ одинъ съ палочкою къ обѣду, къ чаю въ диванную и къ ужину.

Нѣсколько разъ дѣдушка упрашивалъ меня покинуть службу и предоставить отличаться на этомъ поприщѣ брату, а я чтобы занялся поддержаніемъ его многолѣтнихъ трудовъ, такъ какъ онъ видѣлъ во мнѣ способности и особенную охоту къ сельскому хозяйству.

За два дня до смерти онъ слегъ въ постель и очень покойно скончался на рукахъ моего отца; а ровно черезъ годъ въ тоже самое число, 7-го октября 1834 года, скончалась неожиданно, отъ разрыва сердца, жена его, моя бабушка, 88-ми лѣтъ отъ роду, и также въ присутствіи моего отца и Пестовой.

Старички похоронены въ своемъ приходѣ—селѣ Русятинѣ. Въ полутора верстахъ отъ дворениновскаго дома, на горкѣ, среди поля виднѣется старинная деревянная церковь и возлѣ нея четыре двора церковно-служителей, тамъ, съ лѣвой стороны алтаря, находится возвышенность съ четвероугольнымъ памятникомъ изъ простаго известковаго камня, съ надписью—чина, имени, отчества и фамиліи, годовъ рожденія и смерти Андрея Тимоѳеевича Болотова, а на другой сторонѣ подобная же надпись о его супругѣ; возлѣ него покоятся кости его матери, тещи и четырехъ внучатъ. Вотъ уже болѣе 20-ти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ поклонялся праху моего незабвеннаго дѣда.

На этомъ мѣстѣ я желалъ-было остановиться, прекративъ свои бѣглыя, отрывочныя замѣтки; но мнѣ необходимо еще добавить нѣсколько крайне грустныхъ для меня воспоминаній, именно—о разлукѣ съ Двorениновымъ, которое я любилъ, а между тѣмъ тяжкими обстоятельствами вынужденъ былъ его покинуть.

Весну 1836 года (вышедши только что въ отставку) я встрѣчалъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, тогда какъ отецъ мой приготовлялъ и отдѣлывалъ мнѣ дворениновскій домъ (для переѣзда и житья въ ономъ, тотчасъ послѣ моей свадьбы, назначенной въ концѣ мая). Въ тотъ годъ было самое раннее вскрытіе весны, какой я еще не припомню. Ока очистилась ото льда къ 7-му марта, а въ Епифанскомъ уѣздѣ—къ 25-му марта всѣ помѣщики покончили уже свои овсяные посѣвы. Погода стояла великолѣпнѣйшая въ теченіе всего апрѣля и отецъ мой писалъ мнѣ радостные письма изъ Дворенинова, описывая, какъ онъ ежедневно восхищаетя роскошнымъ цвѣтомъ яблонь и благоуханіемъ во всѣхъ садахъ, которые покрыты какъ бы бѣлымъ саваномъ и по

завязи обѣщаютъ обильный урожай для новыхъ молодыхъ хозяевъ; но 2-го мая подулъ вдругъ сѣверный вѣтеръ, поднялась мятель какъ зимою: сплошнымъ бѣлымъ саваномъ покрылись уже не только сады, но всѣ поля, и снѣгъ, мѣстами нанесенный сугробами, пролежалъ трое сутокъ. Этого достаточно было, чтобы не только уничтожилась вся завязь на плодовыхъ деревьяхъ, но рушилось все садоводство въ среднихъ губерніяхъ Россіи; въ эту несчастную весну, не только уничтожились сады, но въ нашей сторонѣ погибло множество рощей и лѣсовъ, которые въ послѣдующіе за тѣмъ года срублены на дрова. Въ первый годъ я еще ласкалъ себя надеждою, что деревья оживутъ, ибо на нѣкоторыхъ показалось достаточное количество листьевъ, а потому осенью и весною производилъ тѣ же работы по унавоживанію и окапыванію старыхъ деревьевъ; но съ открытіемъ весны 1837 года эта надежда рушилась: всѣ не пришедшія съ листомъ, какъ совершенно погибшія, надобно было срубать, выкапывать и пустыя мѣста засаживать изъ питомника уцѣлѣвшими привитыми деревцами. Оказалось, что въ питомникѣ для подсадки не хватитъ деревьевъ на третью часть садовъ, которыхъ числилось по плану до 16-ти десятинъ и всѣ обнесены были плетневою оградою. Итакъ, въ тотъ же годъ я разбилъ мѣсто въ двое больше подъ питомникъ для будущихъ подсадковъ, а между тѣмъ накупилъ нѣсколько тысячъ молодятника въ Тулѣ и перевезъ осенью также значительное количество отъ отца моего изъ Гнилаго-Болота, гдѣ онъ тогда поселился и безвыѣздно жилъ тамъ до смерти своей (18-го іюля 1850 г.). Помня завѣщаніе дѣда, что никогда не слѣдуетъ унывать, особенно, когда несчастія и неудачи происходятъ не отъ нашей вины, а посылаются свыше, то и въ этомъ утѣшалъ я себя надеждою, что труды мои со временемъ вознаградятся и лѣтъ черезъ 10 дождусь опять доходовъ съ двоенинновскихъ садовъ; но въ зиму подъ 1839 годъ проявилось у насъ неслыханное и не бывалое дотолѣ количество полевыхъ мышей (предвѣщавшія по народному замѣчанію страшный голодъ, который дѣйствительно и совершился, такъ что рожь для посѣвовъ и прокормленія въ 1840 году покупалась нами въ Курской и Воронежской губерніи по 40 руб. ассиг. за четверть); ежедневно при молотьбѣ хлѣба мышей уничтожали не только сотнями, но тысячами, сгребали ихъ лопатами въ ворохъ и выносили изъ риги четвериками или плетушками. Эти голодныя твари накинулись на молодыя деревца въ садахъ и всѣ, какъ въ питомникахъ, такъ и пересаженныя, привитыя яблоньки погибли отъ ихъ прожорства: онѣ обточили шкурку деревцовъ кругомъ, оставивъ, смотря по пониженію таявшаго снѣга, по два и болѣе колецъ. Тогда я уви-

дѣлъ, что всѣ старанія мои остаются тщетными и нѣтъ уже надежды на приведеніе садовъ въ прежнее ихъ доходное положеніе. Необходимость требовала обратить вниманіе на земледѣліе; но какъ принятся за оное въ такомъ имѣніи, которое не размежевано къ однимъ мѣстамъ, а находится въ выше описанной чрезполостности?

Въ то время тесть мой пріобрѣлъ уже для меня покупкою село Огарево, въ Богородицкомъ уѣздѣ, гдѣ я былъ избранъ въ посредники полюбовнаго земли размежеванія; хозяйничество въ плодородной мѣстности и служебныя обязанности требовали постояннаго жительства въ новокупленомъ имѣніи, гдѣ былъ къ тому же сахарный заводъ, въ которомъ требовались мастеровые и хорошіе работники, а потому всему молодому поколѣнію двoрениновскихъ дворовыхъ найдено было занятіе и прокормленіе ихъ меня не затрудняло. Дворениново я оставилъ на попеченіе одного изъ слугъ моего дѣда, который и при немъ завѣдывалъ полевыми работами, слѣдовательно, знакомъ былъ хорошо со всею чрезполостностью, и каждый годъ два раза посѣщалъ его; всякій разъ переговоры съ совладѣльцами дачи на счетъ промѣновъ и размежеванія не могли кончаться по несговорчивости одного изъ владѣльцевъ Г. С...... Наконецъ, только въ 1846 году полюбовный актъ былъ подписанъ, утвержденъ судомъ и я получилъ въ 3-хъ дачахъ отмежеванной къ однимъ мѣстамъ 420 десятинъ земли. Черезъ 3 года, войдя въ полный сѣвооборотъ, я публиковалъ о продажѣ Дворенинова и полковникъ г. Прянишниковъ, желавшій имѣть имѣньице подъ Москвою, купилъ его у меня въ августѣ 1850 года за 52 т. ассигн. Продержавъ его 3 или 4 года, онъ перепродалъ его г. Угрюмову, а въ настоящее время я уже и не знаю, кому оно принадлежитъ [1]).

Мнѣ не хотѣлось здѣсь касаться своей дѣятельности въ Дворениновѣ, употребленной съ пыломъ молодаго хозяина, — я упомянулъ о ней потому, что искренно желалъ поддержать труды дорогаго моего дѣда; но Провидѣнію не угодно было помочь мнѣ и обстоятельства такъ сложились, что Дворениново нельзя было удержать въ родѣ Болотовыхъ.

Независимо отъ приведенныхъ замѣтокъ, желательно бы было сообщить „Русской Старинѣ“ нѣкоторые эпизоды изъ жизни Андрея Тимоѳеевича, которые онъ до такой степени занимательно умѣлъ разсказы-

[1]) Отъ г. Угрюмова Дворениново переходило продажею къ гг. Прянишникову, г-жѣ Грабовской и нынѣ находится во владѣніи г. Карпова. Изъ сосѣдей Андрея Тимофеевича и его добрыхъ знакомыхъ нынѣ въ живыхъ: Варвара Ивановна Ладыженская и Александра Платоновна Журавлева.

Сообщ. Тульскій помѣщ. А. И. Цвиленевъ.

вать, что по неволѣ они врѣзались въ память; я всегда старался при разговорѣ съ нимъ наводить его на какой-нибудь разсказъ о прошедшемъ, такъ какъ онъ представлялъ собою живой, интереснѣйшій архивъ. Къ сожалѣнію, я не наслѣдовалъ отъ него ни привычки, ни дарованія къ литературному труду, и мнѣ приходится ограничиться лишь этими замѣтками, въ которыхъ все-таки найдутъ хотя нѣкоторыя черты для пополненія біографіи столь замѣчательнаго помолога XVIII столѣтія, который умѣлъ своими Записками заинтересовать большинство читателей „Русской Старины" и доставилъ многимъ, даже въ глухихъ углахъ Россіи, истинное удовольствіе.

Михаилъ Болотовъ.

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Аракчеевщина.

III [1]).

Встрѣча новаго года.—Бобыли.— Перевозка плиты.— Положеніе о нестроевыхъ поселянахъ.—Аракчеевская аппробадія.—M-me Аклечеева.—Остановка прибавки жалованья.— Серьезная размолвка съ Аракчеевымъ.— Смотръ и разговоръ съ государемъ.— Совѣты императора.—Мнѣніе о лазутчикахъ.— Царскія объятія и послѣднее прости.

1825 г.

Въ 1825 г., при освященіи церкви полку графскаго, графъ говоритъ при мнѣ всѣмъ, бывшимъ тамъ, петербургскимъ посѣтителямъ:

— «Мы сей годъ сдѣлали такую перевозку плиты, какой у меня еще не было. Вотъ и онъ (указывая на меня) никогда мнѣ не вѣрилъ, чтобы это возможно было такъ скоро сдѣлать. Мы все это сдѣлали по военному, какъ дѣлается въ большихъ арміяхъ».

Это правда, что перевозку прожектировалъ и сдѣлалъ я по плану моему о продовольствіи молдавской арміи. (См. Исторію турецкой войны).

Еще нѣчто о святости печатныхъ графскихъ приказовъ.

Графъ предоставилъ мнѣ сдѣлать планъ для поселянъ - работ-

[1]) «Исторія» генерала Маевскаго см. «Русскую Старину» 1873 г., т. VII, стр. 125, 253 и 427.

Т. VIII

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ МАЕВСКІЙ.

1779—1848.

Издано иждивеніемъ Н. С. Маевскаго. Гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 октября 1873 г.
Типографія В. С. Балашева, Бол. Садовая, д. № 49-2.

никовъ, не вошедшихъ въ строевые округи. Графъ передѣлалъ планъ этотъ по своему, взявъ масштабъ съ полевыхъ рабочихъ баталіоновъ, и отдалъ въ печатномъ приказѣ. Когда дошло до исполненія, то люди, живущіе за 80 верстъ, должны были, подобно волнѣ, смѣнять одну другою, не оставаясь дома и двухъ часовъ. Я ариѳметически сдѣлалъ выкладку и поднесъ графу. Графъ разсердился; но повѣряя, увидалъ, что я еще смягчилъ выкладку. Тогда, бросивъ перо, сказалъ:

— «Я, вѣдь, не учитель ариѳметики, а учился ей просто для себя. Но печатнаго моего приказа ни за что не перемѣню прежде двухъ лѣтъ. А ты сдѣлай, какъ хочешь, чтобы «и волкъ былъ сытъ, и овцы цѣлы». Понимаешь? Я на это буду смотрѣть сквозь пальцы».

Я всегда былъ остороженъ и всякое распоряженіе посылалъ къ нему; а онъ своею рукою отмѣчалъ: «читалъ», или «аппробую». И тогда только, когда имѣлъ сей актъ, приступалъ къ дѣлу. Это впослѣдствіи спасло меня отъ великихъ бѣдъ.

Еще странность: графъ послалъ меня и Клейнмихеля въ поселеніе. Дорогою объяснялъ я ему доводы моего плана, посланнаго къ графу, о прогонѣ скота. На другой день я поѣхалъ съ графомъ по той же дорогѣ, и онъ, какъ-будто вдохновенно, началъ мнѣ говорить:

— «Вотъ, ежели бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я многое бы тутъ сдѣлалъ. Надобно только имѣть глазъ, умъ и охоту,—и тогда, не только поселеніе, но и каждый клочекъ земли принесетъ пользу. Ты посмотри, что я тутъ сдѣлаю: я направлю сюда прогонъ скота всей Россіи», доказывая выгоды вчерашними моими словами Клейнмихелю.

На бѣду мою, я познакомилъ графа съ женою помѣщика Аклечеева. Она принадлежала къ числу литераторокъ. Графъ, выѣхавъ отъ нее, сказалъ мнѣ:

— «Вотъ въ Петербургѣ всѣ думаютъ, что я собака, и отъ гордости ни у кого не бываю. А теперь скажутъ, видно графъ не гордъ, когда у себя въ поселеніи посѣщаетъ и простыхъ дворянокъ».

— Этотъ день, конечно, самый счастливый въ ея жизни и она золотыми буквами изобразитъ вездѣ день вашего посѣщенія.

Графъ: «А кто этимъ домомъ управляетъ: хозяинъ или хозяйка?»

— Мнѣ кажется, что здѣсь хозяйка повелительница, а хозяинъ—просто исполнитель ея воли.

Графъ: «Ну, что ежели гдѣ мужъ и жена равно умны (относя, кажется, къ ней), кто тогда старшій въ домѣ?»

— Мужъ и жена имѣютъ равную степень власти: жена—губернаторъ въ домѣ, мужъ—губернаторъ внѣ дома........

1-го января 1825 г. графъ пожаловалъ старорусскому поселенію прибавочное жалованье и объявилъ о томъ высочайшую волю, которою онъ былъ уполномоченъ. Эта милость дѣлала выгоду офицерамъ и утѣшала собственно мое самолюбіе; ибо мое поселеніе чрезъ 8 мѣсяцевъ получило то, чего всѣ старые, прежде старорусскаго основавшіеся, не получали въ 10 и даже 15 лѣтъ. Но что же тутъ вышло? Графъ осмотрѣлъ, въ 1825 г., одинъ баталіонъ, и за этотъ одинъ отнялъ прибавочное жалованье у 12-ти. Это было слѣдствіе моей нескромности съ Аклечеевою. Всего страннѣе то, что остальные 11 баталіоновъ осматривалъ со мною Клейнмихель, и совершенство ихъ, въ такое короткое время, приводило его въ изумленіе, о чемъ онъ откровенно и дружески повторялъ это дорогою сто разъ........

Съ этого дня я уже не приглашался къ графскому столу, и графъ разъѣзжалъ одинъ и безъ меня, улавливая (время для посѣщенія) г-жи Аклечеевой.

Предъ тѣмъ, какъ ѣхать графу въ Петербургъ, графъ сказалъ мнѣ:

— «Государь приглашаетъ васъ на высочайшій смотръ 1-й гренадерской дивизіи», прибавивъ: «государь дѣлаетъ вамъ эту милость, а онъ не многихъ ею удостоиваетъ. А вы можете пріѣзжать всегда, и мой приказъ примите за высочайшее о томъ разрѣшеніе».

Это правда, что быть на государевомъ смотру войскъ военнаго поселенія означало особую милость его величества, а ею немногіе и придворные даже пользовались.

За обѣдомъ графъ, придираясь ко мнѣ, говоритъ, что онъ, во время моего отъѣзда, нашелъ большіе у меня безпорядки (писаря въ шинели) и по дѣламъ много упущеній.

Графъ: «Не правда-ли, Петръ Андреевичъ?»

Клейнмихель: «Точно такъ, точно такъ».

Я: Петръ Андреевичъ не можетъ знать ни порядковъ, ни безпорядковъ.

Клейнмихель: «Какъ вы можете это сказать мнѣ? Я—начальникъ штаба».

Я: Графъ самъ изволилъ мнѣ сказать, что мои дѣла извѣстны только мнѣ и графу, и что они изъ моей портфели переходятъ только въ графскую, имъ разрѣшаются и обращаются ко мнѣ. Слѣдовательно, гдѣ въ предположеніяхъ тайна, тамъ въ заключеніяхъ ошибка.

Графъ, говоря со мною дружески, сказалъ:

— «Ты думаешь, что твои дѣла обработываетъ у меня кто-нибудь? Нѣтъ! я самъ ими занимаюсь. И что ты ко мнѣ пишешь и я къ тебѣ, объ этомъ не знаетъ даже и Петръ Андреевичъ».

А въ другой разъ графъ сказалъ: «ты думаешь, что у меня много умныхъ людей? А я тебѣ не начту и четверыхъ въ штабѣ».

Послѣ этого графъ началъ хвалить умершаго генерала Эшина:

— «Вотъ былъ истинный мой помощникъ! Въ печатномъ приказѣ объявлю мое прискорбіе о потерѣ и сердечную признательность трудамъ его».

— Я завидую счастію Эшина; но умереть еще не хочу [1]).

Графъ такъ озлился, что хлопнулъ себя по носу и, почти недокончивъ обѣда, пошелъ въ кабинетъ. Я во всю жизнь мою не видалъ его столь злаго. Спустя полчаса, зовутъ меня въ кабинетъ графа. Вотъ нашъ разговоръ:

Графъ: «Садитесь ваше превосходительство. Мы теперь поговоримъ, какъ генералъ съ генераломъ, какъ русскій дворянинъ съ русскимъ дворяниномъ. Васъ Богъ одарилъ остротою и вы могли бы быть министромъ [2]). Но у васъ такой спорный характеръ, что вы ни съ кѣмъ не уживетесь. Чуть вамъ скажешь слово, у васъ на лицѣ формируется намѣреніе солгать, отговориться, вы-

---

[1]) Далѣе слѣдовало нѣсколько, какъ надо полагать, рѣзкихъ словъ, но они тщательно зачеркнуты Маевскимъ. Ред.

[2]) Признаюсь, я и самъ имѣлъ глупость мечтать объ этомъ; а особливо послѣ письма графа, гдѣ онъ говоритъ: «желая изъ васъ сдѣлать государственнаго человѣка, службѣ и государю полезнаго»... и т. д. Графъ никогда не говорилъ объ отечествѣ; онъ это замѣнялъ словомъ служба.—Но графъ былъ оракулъ служебъ: какъ ему не вѣрить?... С. М.

вернуться. Посмотри даже и теперь въ зеркало, ты это тотчасъ на себѣ замѣтишь». Потомъ продолжалъ сердито: «Вы безпрестанно защищаете виноватыхъ, а я и государь этого не любимъ. Вы говорите, что я называю васъ всѣхъ генераликами. Нѣтъ, я постоянно съ вами, какъ генералъ съ генераломъ. А если бы кто что и совралъ, то вамъ должно сказать: нѣтъ, графъ поступаетъ съ нами милостиво, онъ отечески взыскиваетъ. (Это исторія Чаадаева).

— Ежели отраженіе физіогноміи есть печать чувства, то ваше сіятельство согласитесь, что нельзя быть равнодушнымъ, когда вы насъ браните.

Графъ: «Я васъ не браню, а взыскиваю (и возвыся голосъ, съ сердцемъ повторялъ): я—начальникъ и никто мнѣ не запретитъ взыскивать».

(Я всталъ) «Какъ вы», продолжалъ графъ, «осмѣливаетесь дѣлать мнѣ грубость и непослушаніе,—когда я приказалъ вамъ сидѣть, а вы встали! Фрикенъ—другъ мой, а никогда не сидитъ предо мною, а я вамъ одному дѣлаю эту честь».

— Пока ваше сіятельство изволили говорить со мною не въ тонѣ начальника, я позволилъ себѣ сидѣть; но когда вы говорите, какъ начальникъ подчиненному, то я не смѣю принимать приказанія сидя.

Графъ: «Извольте сѣсть: я вамъ приказываю».

Я (сѣлъ): Позвольте, наконецъ, откровенно доложить вашему сіятельству: какая пріятность въ такой службѣ, гдѣ съ самымъ чистымъ и пламеннымъ усердіемъ поминутно трепещешь или суда, или крѣпости?

Графъ: «А что-жъ за бѣда! Я самъ былъ и подъ судомъ, и въ крѣпости, а все я — графъ Аракчеевъ».

— Васъ природа одарила и геніемъ, и твердостію души. Я, напротивъ, не перенесу такого страдательнаго положенія. (Всталъ и отошелъ къ двери).

Графъ: «Не думаешь-ли ты уйти? Я приказываю вамъ остаться. Развѣ ты не чувствуешь милостей, видя, что графъ Аракчеевъ пишетъ къ тебѣ самъ письма. Къ кому же графъ писалъ, кромѣ тебя? И кромѣ того, помогалъ даже въ семейныхъ твоихъ нуждахъ».

Тутъ пошелъ сильнѣйшій дождь. Графъ то читалъ бумаги,

то писалъ, то подходилъ къ окну. Придя нѣсколько въ себя, началъ разговоръ шутливымъ тономъ:

— «Хорошо, что я тебя такъ скоро не отпустилъ: ты человѣкъ горячій, поѣхалъ бы въ дождь, простудился бы и умеръ». Возвыся опять голосъ: «Не думаешь-ли ты идти въ отставку? Нѣтъ! Отъ меня дешево не отдѣлаешься».

— Пока я видѣлъ, что труды мои полезны обожаемому мною государю, до тѣхъ поръ я счелъ бы преступленіемъ не посвящать ему трудовъ и самой даже жизни. Но когда вижу, что я не могу угодить вамъ, а слѣдовательно, и труды мои безполезны, то лучшее средство—оставить путь, уготовлящюій одни только несчастія. Отчетовъ я не боюсь, совѣсть моя чиста, а благость монарха—лучшій мой щитъ.

Графъ: «Мнѣ тебя не жаль; но жаль жену твою и дѣтей».

— Онѣ давно уже рѣшились раздѣлять мой жребій, и хотя бы пѣшкомъ, пойдутъ со мною на край свѣта.

Графъ (перемѣня тонъ, сказалъ): «Ваше превосходительство! Безъ высочайшаго повелѣнія не извольте ѣздить на смотръ. Я обо всемъ доложу государю: посмотримъ, что онъ скажетъ».

Я ожидалъ только сентября. Но вдругъ повелѣніе, дозволяющее мнѣ быть на смотру! Сцена перемѣняется и я опять въ большой милости.

У графа было постоянное правило—назначать день и часъ пріѣзда. Я явился въ назначенное время, но, признаюсь, не безъ страха, думая, что легко могу отправиться въ новый путь, т. е., въ крѣпость. Я запасся на дорогу и бѣльемъ, и деньгами. Это удивило жену мою, непроникавшую въ мои тайны. Но пріемъ государя меня успокоилъ.

Государь самъ третей осматривалъ всѣ зданія и устройство полку графа. Это любимое было его общество. Графъ такъ искусно умѣлъ показывать, что государь видѣлъ все хорошее. . . .

. . . .

Государь Александръ не даромъ спѣшилъ окончательнымъ устройствомъ поселенія. Судьба, конечно, ему шептала: «и вѣкъ великихъ не свыше обыкновеннаго смертнаго».

Графъ часто мнѣ говаривалъ: «Я не знаю, для чего государь спѣшитъ поселеніемъ и хочетъ открыть еще новое въ Ярославской губерніи. Онъ—молодъ, силенъ и твердъ въ своей волѣ; но

я старъ и не доживу до конца всѣхъ этихъ началъ. Я и теперь уже утомился этими работами. Я и старорусское поселеніе принялъ въ свою команду только потому, что оно близко и подъ рукою. Но ярославскаго ни за что не приму. Я скорѣе оставлю службу, чѣмъ возьмусь за такое дѣло, которое погребетъ 17-лѣтніе труды мои и славу творца поселеній. Я люблю видѣть все своими глазами, но какъ же мнѣ скакать въ Ярославль и Херсонъ, имѣя на шеѣ дѣла всего государства?»

Клейнмихель, упредивъ государя, осмотрѣлъ весь нашъ фронтъ, построенный изъ представлявшихся генераловъ. Я имѣлъ строевой рапортъ, но Клейнмихель не велѣлъ мнѣ подавать. Государь, подойдя къ намъ, вдругъ бросилъ первый милостивый взглядъ на меня, ожидая рапорта; но его уже не было. Потомъ сказалъ:

— «Мнѣ надобно теперь же о многомъ поговорить съ Маевскимъ».

Графъ: «Государь! я знаю, что предметъ Маевскаго займетъ васъ долго, а теперь вамъ некогда. Не угодно-ли будетъ вамъ поговорить съ нимъ, когда совсѣмъ кончится смотръ,—тогда вы можете подольше заняться съ нимъ».

Потомъ государь, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— «Хорошо, мы послѣ поговоримъ. Но теперь не мѣшаетъ сказать, Маевскій, присланные отъ тебя люди заморены. Ихъ надобно лучше содержать».

— Государь! это все поселяне. Они дѣлаютъ первый еще военный вояжъ и при томъ по водѣ. Разлука съ семействами, неизвѣстность, какой-то невольный страхъ представленія и непривычка измѣнили ихъ физіогноміи. Впрочемъ, они живутъ посреди своихъ семействъ и изобиліе зависитъ собственно отъ нихъ; ихъ бытъ ничемъ не измѣняется.

Государь пошелъ во дворецъ, а графъ обратился ко мнѣ:

— «Ты у меня, кажется, и умный человѣкъ, а сдѣлалъ такую ошибку: государь хотѣлъ видѣть твой рапортъ, а ты его не взялъ съ собою».

Я промолчалъ, зная, что откровенность дорого бы (мнѣ) стоила.

. . . .

Графъ: «Ну, какъ ты теперь обо мнѣ думаешь? Ты думалъ,

что графъ всѣхъ ѣстъ. Напротивъ, я никому зла не желаю. Ты видишь, что и государь къ тебѣ милостивъ».

— Когда я имѣлъ несчастіе заслужить гнѣвъ вашъ, я полагалъ, что я, вмѣстѣ съ вашими, потерялъ уже и всѣ милости царя. Ибо въ одномъ его благоволеніи я полагалъ и полагаю и награду мою, и все мое счастіе. Но теперь, когда я вижу, что гнѣвъ вашъ былъ только гнѣвъ начальника безъ несчастныхъ послѣдствій, то я тѣмъ болѣе чту вашу милость ко мнѣ и нахожу, что я ошибался въ моемъ мнѣніи.

Графъ: «То-то, вы всѣ такъ ошибаетесь. Вотъ Фрикенъ и другъ мнѣ, а ему достается всѣхъ болѣе. За то я его выучилъ: онъ теперь славный хозяинъ и государь его отлично жалуетъ».

— Фрикенъ знаетъ васъ болѣе всѣхъ насъ, и потому онъ знаетъ и то, что гнѣвъ вашъ есть дѣйствіе необходимости. Я самъ съ этой минуты буду имѣть другой образъ мыслей и понятій.

Я пробылъ на смотру семь дней; всякій день обѣдалъ у царя и былъ осыпаемъ милостями и участіемъ графа.....

Пока человѣку все благопріятствуетъ, тогда онъ философъ и для него все земное ничто. Я былъ у генерала Турчанинова, приглашеннаго съ намѣреніемъ видѣть поселеніе и завести новое въ Ярославлѣ. Вдругъ является фельдъегерь съ приглашеніемъ къ столу царя. Объявивъ ему волю государя, прошелъ мимо меня, не сказавъ ни слова, хотя онъ при мнѣ прочелъ списокъ всѣхъ приглашаемыхъ. Я былъ этимъ пораженъ и думалъ — это новая буря, новый гнѣвъ. Турчаниновъ бросалъ на меня робкіе взоры и молчалъ. Я безмолвно пошелъ домой, раздѣлся и велѣлъ готовить ѣсть. Но вдругъ является тотъ же фельдъегерь и, извиняясь своею ошибкою, приглашаетъ и меня. Сердце у меня ожило. Я видѣлъ мое малодушіе, но оно было выше меня.

Едва я вошелъ во дворецъ, Дибичъ извиняется въ ошибкѣ или пропускѣ моего имени и извиняется, что я буду сидѣть за его столомъ, а не за царскимъ, ибо, по тѣснотѣ комнатъ, не могло помѣститься въ одной болѣе 10-ти человѣкъ, а государю угодно было кушать съ генералами и полковниками тѣхъ войскъ, которыя онъ смотрѣлъ.....

Предъ выѣздомъ государя въ 3-ю карабинерную бригаду, я хотѣлъ ѣхать впередъ, но графъ меня не пустилъ. Вотъ его слова:

— «Я самъ отпустить тебя не смѣю; а если доложу государю, вѣдь онъ на тебя прогнѣвается; захочешь-ли ты рисковать такою просьбою?»

Въ Медвѣдѣ я спѣшилъ на смотръ и отъ скорости надѣлъ шляпу задомъ на передъ. Проходя мимо дворца, вижу выбѣжавшаго оттуда фельдъегеря; по словамъ его, я поправилъ шляпу, и хотя зналъ, что меня въ этомъ положеніи видѣлъ царь, однако же, благость его успокоивала меня. Я трепеталъ только одного графа, и это бы мнѣ даромъ не прошло, ежели бы только онъ узналъ: такъ онъ былъ точенъ и честолюбивъ и за своихъ даже подчиненныхъ.

Въ это время я примѣтилъ между государемъ и графомъ какую-то холодность. Графъ, проведя разъ артиллерію церемоніальнымъ маршемъ, остановилъ ее въ другой разъ безъ воли государя; но рѣшительное «я хочу!» тотчасъ было исполнено.

Въ Медвѣдѣ, во время ученія, которое ливмя обливалъ дождь, государь не хотѣлъ уступать стихіямъ, и не смотря на то, что у него болѣла нога, промокъ, какъ самъ мнѣ изволилъ выразиться, до костей [1])!

Давъ переодѣться царю, я, по волѣ его, явился къ нему съ мѣста ученья такъ мокръ, что съ платья моего текли цѣлые ручьи. Вотъ разговоръ:

Государь: «Я думаю, что ты очень промокъ?»

— Нѣтъ, государь. У меня промокла только одна оболочка; впрочемъ, я весь сухъ.

Государь: «Я, напротивъ, промокъ весь до костей. Теперь поговоримъ съ тобою на счетъ твоего поселенія. Вообще ходомъ его и успѣхами ты превзошелъ общее ожиданіе; можно сказать, что ты сдѣлалъ это безъ постепенностей».

— Государь! Исполняя волю вашу и дѣйствуя съ полною рѣшимостью, я сдѣлалъ только то, въ чемъ успѣлъ бы и всякій другой. Здѣсь мнѣ не трудно дѣйствовать, когда каждый мой планъ предварительно утверждается графомъ, а въ каждомъ трудномъ обстоятельствѣ руководствуетъ меня онъ самъ. (Надобно

---

[1]) Причины и ходъ болѣзни ноги у императора Александра I подробно изложены въ Запискахъ его доктора Д. К. Тарасова, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV, стр. 612 и слѣдующія. Ред.

замѣтить, что графъ въ сей разъ былъ недоволенъ и оставался на дворѣ).

Государь: «Всѣ дѣлаютъ съ бо́льшею или меньшою успѣшностью; но твоя далеко превзошла все. Тутъ, кромѣ доброй воли, нужна была большая способность, хладнокровіе и разсмотрительность, а ты всѣ сіи качества соединилъ въ одно. Но тебѣ, конечно, сказывалъ уже графъ, что у тебя есть еще нѣкоторыя маленькія неисправности (приказъ, о которомъ я говорилъ выше и о которомъ я тогда еще не зналъ). Я люблю во всемъ единообразіе, которое ты видишь въ 1-й дивизіи, и желаю, чтобы правила мои были равно исполняемы отъ Петербурга до Китая. Графъ Алексѣй Андреевичъ совершенно уже понялъ меня. Я желалъ бы, чтобы и ты столько же понялъ меня, и чтобы и у тебя было точно также, какъ и у него».

— Ваше величество! Новость моего поселенія и обширность этой машины столь многосложна, что со всѣмъ моимъ усиліемъ, я вижу самъ много еще несовершенствъ и даже погрѣшностей. Но кто имѣетъ счастіе имѣть своими наставниками васъ, государь, и графа Алексѣя Андреевича, тому не трудно довершить начатое въ томъ видѣ, какой угодно видѣть вашему величеству. По крайней мѣрѣ, я усугублю все мое усердіе и, сколько достанетъ моихъ способностей, постараюсь исправить и собственно мои, и общія погрѣшности.

Государь: «Я не скажу, чтобъ у тебя были погрѣшности. Но я не желалъ бы даже видѣть и подобныхъ неисправностей. Ты знаешь, что человѣческое сердце всегда бываетъ загадкою. Проницать въ него, или, ближе, отклонять злоупотребленія есть дѣло самое трудное, но необходимое. По моему, вотъ лучшій способъ: ты въѣзжаешь въ деревню, спроси мальчика, дѣвочку, мужчину, женщину, какъ ведутъ себя съ ними начальники, т. е., не бьютъ-ли ихъ, не притѣсняютъ, не дѣлаютъ вымогательства?»

— Государь! Я головою отвѣчаю вамъ за всякое злоупотребленіе, ежели бы оно нашлось въ самомъ отдаленномъ углу моего поселенія. На этотъ счетъ приняты самыя строгія мѣры. Поселяне знаютъ уже мои правила — справедливость и безпристрастіе. Они имѣютъ ко мнѣ полную довѣренность и для нихъ двери мои всегда отперты. Всякій, имѣющій претензіи, долженъ получить изъ комитета билетъ съ изложеніемъ его претензіи, хотя

бы она простиралась на того самаго, кто даетъ билетъ. По этимъ билетамъ справедливая сторона тотчасъ получаетъ удовлетвореніе; а чего я не въ силахъ рѣшить самъ, представляю графу чрезъ самаго просителя, дабы онъ, слыша изустное графское — какъ окончательное рѣшеніе,— не подозрѣвалъ моихъ намѣреній и не толковалъ рѣшенія по отвлеченному понятію, считая, что я рѣшаю все это самопроизвольно и вопреки волѣ вашей, государь.

Государь: «Все это прекрасно, хорошо; но постигать тайны, дѣлающіяся тайными или отъ страха, или отъ другаго побужденія, какъ-то: ласкъ, надеждъ, обѣщаній, потачки и т. д., нельзя лучше, какъ чрезъ лазутчиковъ».

— Государь! Наше поселеніе слишкомъ ново. И всякій, не постигая еще цѣлаго, видитъ только одну худую для него сторону. На этомъ всякой снуетъ свое мнѣніе. И, выставляя все въ превратномъ видѣ, видитъ одно только свое стѣсненіе. Народъ, пріобыкшій къ буйной свободѣ, независимости и порокамъ, никогда ненаказывавшимся [1]), не можетъ равнодушно смотрѣть на благоустройство поселенія и подчиненность, которая оковываетъ дурныя его привычки. Слѣдовательно, каждый отдѣльный голосъ вводилъ бы насъ въ ошибочныя заключенія и, вмѣсто добра, увеличилъ бы зло.

Государь: «Но ты не принимай этого въ буквальномъ смыслѣ. Человѣкъ съ умомъ отдѣляетъ ложное отъ истиннаго и въ самомъ началѣ умѣетъ пресѣчь зло, прежде, нежели оно успѣетъ распространить корни свои».

— Я употреблю всѣ силы исполнить волю вашу, государь, и постараюсь оправдать свято столь священную для меня довѣренность по моему объему. У меня теперь одинъ только недостатокъ.

Государь: «А какой?»

— Письменное управленіе. Обширность предметовъ и слабое наше приготовленіе къ столь высокому назначенію, которое соединяетъ въ себѣ и дѣло офицера, и дѣло государственнаго че-

---

[1]) Поселяне раздѣлялись, до поселянія, на зловредныхъ промышленниковъ, напримѣръ: самъ украдетъ лошадь и, взявъ 25 руб., отдаетъ назадъ въ видѣ ворожей (?). Отдать въ судъ, значитъ, дать пищу суду, а освобожденный зажжетъ домъ и поступокъ останется ненаказаннымъ. (См. мой отчетъ). С. М.

ловѣка, и занятія хлѣбопашца. Вотъ предметъ, требующій всѣхъ напряженій и усилія. Но, судя по краткости времени и по окончанію 10—20 т. запутанныхъ дѣлъ, мы, кажется, и въ этомъ имѣемъ уже начало и успѣхъ.

Государь: «Я увѣренъ, что у тебя и эта часть пойдетъ на равнѣ съ другими. Зато *(съ чувствомъ пламеннаго восторга)* Отечество, Отечество будетъ тебѣ всегда благодарно!»

— Государь! Отечество мое, полагаю я, въ лицѣ моего государя, и когда онъ будетъ мною доволенъ, тогда я почту себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Государь: «Когда такъ, то государь твой будетъ тебѣ вѣчно, вѣчно благодаренъ».

И съ этимъ, обнявъ меня мокраго, поцѣловалъ и отпустилъ.

Вотъ послѣднія слова, вотъ послѣдніе поцѣлуи, вотъ и послѣднее объятіе божественнаго Александра! Богоподобный государь! Послѣднія ласки твои и милости сладко сопроводятъ меня на край гроба. Онѣ и теперь (28-го мая 1831 г.) служатъ мнѣ сладостнѣйшими воспоминаніями лучшихъ дней моей жизни; онѣ и теперь составляютъ бальзамъ среди горестей моихъ и несчастій, неразлучныхъ съ существованіемъ человѣка. Вообще, всѣ, кто зналъ близко императора Александра I, единогласно соглашаются, что въ нашъ вѣкъ не было ни одного смертнаго, который бы равносильно съ нимъ могъ обворожить собою. Высокое его чувство, будучи одѣто силою души и недоступнымъ другому краснорѣчіемъ, изливалось въ сладостныхъ словахъ его и обворожающемъ голосѣ его и обращеніи. Величіе царя, такъ счастливо уживавшееся съ простотою его характера, открывало предъ нимъ сердце каждаго и приковывало къ нему невыражаемую любовь и преданность до забвенія самаго себя. Правду говорятъ, кто разъ видѣлъ вблизи милостивое его обращеніе, одному ему свойственное, кто разъ слышалъ божественный голосъ его, тотъ изъ врага долженъ былъ сдѣлаться пламеннымъ другомъ его: такъ сильно владѣлъ онъ искусствомъ очаровывать сердца и покорять ихъ своему, всегда благотворному, всегда благодѣтельному. Это намъ доказала неумолимая смерть его и непритворный плачь 50 мил. подданныхъ,—еще болѣе, плачь и соболѣзнованіе цѣлой Европы и даже другихъ частей свѣта!

IV.

Разговоръ съ Аракчеевымъ.— Зависть и подозрѣніе его по поводу кн. Шаховскаго.— Убійство Настасьи.— Болѣзнь и выздоровленіе Аракчеева.— Шпіонство и вымогательство у подчиненныхъ обвиненій начальниковъ.— Кончина императора Александра I.

1825 г.

Государь уѣхалъ изъ Медвѣдя, а графъ, оставшись со мной, началъ говорить:

Графъ: «Слышалъ-ли ты, что государь говорилъ за столомъ?»

— Нѣтъ.

Графъ: «Государь хочетъ взять сюда князя Шаховскаго съ корпусомъ и ввести въ твое поселеніе. Богъ съ нимъ! Князь лучше меня ученъ, лучше понимаетъ это дѣло, нежели я. Пусть же онъ довершитъ то, что начато мною. Я уже старъ и для такой поспѣшной службы не гожусь; я не могу дѣлать ничего нàскоро, не обнявъ прежде всѣхъ звеньевъ машины и ея послѣдствій».

— Князь безъ вашихъ наставленій будетъ слишкомъ новъ и, конечно, по благоразумію, не возьмется за то, что будетъ свыше его силъ.

Графъ: «Не возьмется! Кто не возьмется, когда захочетъ государь! Ну, онъ не захочетъ, захочетъ княгиня. А ее пожалуютъ или кавалерскою дамою, или статсъ-дамою,—вотъ воля княгини и возьметъ верхъ надъ волею князя».

— Но, со всѣмъ тѣмъ, съ одною простою волею князя и княгини дѣло безъ васъ не пойдетъ на ладъ.

Графъ: «Нѣтъ, братъ, нѣтъ! Я ужъ учить его не стану; я и такъ утомился, уча даже и тебя. А когда князь пріѣдетъ, пусть онъ учится у тебя. Ты довольно уже понялъ это дѣло и можешь изъяснять ему все; а я пришлю тогда къ тебѣ фельдъегеря и передамъ тебя ему съ рукъ на руки».

— Тогда насъ двое будетъ незнающихъ. Я долженъ признаться, если вы откажетесь отъ насъ, я самъ готовъ отказаться отъ моего поста. Новость князя, нерѣшительность, неразлучная съ незнакомымъ дѣломъ, будетъ на каждомъ шагу останавливать насъ и погребетъ счастливое начало подъ несчастнымъ продолженіемъ.

Графъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Я ни за что не возьмусь за это дѣло. А ты—какъ хочешь. Вотъ я тебѣ разскажу послѣдній мой разговоръ съ государемъ. Ты видѣлъ, что государь во все время неразлучно былъ съ принцемъ Оранскимъ; слѣдовательно, я не могъ ничего съ нимъ говорить. Но коль-скоро принцъ уѣхалъ въ Петербургъ, государь взялъ меня къ себѣ въ коляску и первое слово началъ съ того:

Государь: «Графъ, я хочу сей годъ непремѣнно ввесть къ Маевскому весь гренадерскій корпусъ 2-й и 3-й дивизій. Ты вѣрно не будешь разнаго со мною мнѣнія?»

Графъ: «Остановитесь, государь, съ этимъ намѣреніемъ, если вамъ угодно, чтобъ я еще служилъ вамъ. Я не хочу потерять моей славы, которую пріобрѣталъ съ такимъ усиліемъ. Маевскаго поселеніе еще ново, и никакъ столь скоро не можетъ принять водворяемыхъ войскъ».

(Неправда. Они могли войти еще въ началѣ 1825 г.; но графъ не хотѣлъ допускать эту мысль, боясь обнаружить неожиданный успѣхъ. Онъ даже отклонилъ государя не только видѣть старорусское поселеніе, но даже быть въ Русѣ, чего государь нетерпѣливо хотѣлъ прежде, пока онъ не отстроитъ городъ и..... своихъ успѣховъ. 2-я дивизія и вся артиллерія, вмѣстѣ со смѣною графа, перешли въ поселеніе; слѣдовательно, они могли перейти и въ 1824 г.).

Государь: «Поговори-ка ты съ Маевскимъ, не возьмется-ли онъ за сіе дѣло».

Графъ: «Если вамъ угодно, не изволите-ли поговорить сами съ Маевскимъ, а я никакъ за это дѣло не возмусь, ибо я считаю его невозможнымъ».

«Государь прекратилъ разговоръ и болѣе уже не напоминалъ до Медвѣдя. А тутъ опять весь столъ проговорилъ о кн. Шаховскомъ и о твоемъ поселеніи. Видишь-ли ты, теперь у государя съ языка не срывается кн. Шаховской. Вотъ, братъ, какова царская благодарность! Я старъ и не гожусь. Ему надо помоложе и посговорчивѣе. Я давно уже чувствую слабость мою и рѣшился ѣхать за границу къ водамъ. Теперь я настоятельно попрошусь и ничто меня не остановитъ».

Эгоизмъ графа лишилъ меня блаженнѣйшихъ восторговъ. Я увѣренъ, что государь, воззрѣвъ на мое поселеніе прежде, не-

жели онъ сомкнулъ на вѣкъ глаза, подарилъ бы меня божественною своею улыбкою. А въ этомъ только я полагалъ все благо мое и все мое счастіе. Но, увы! оно сокрылось отъ меня вмѣстѣ съ его смертію!

Государь съ намѣреніемъ оставилъ мѣсто начальника 2-й гренадерской дивизіи вакантнымъ, желая назначить меня шефомъ оной, не смотря на множество претендентовъ. И графъ говорилъ мнѣ объ этомъ нѣсколько разъ. Но, увы! Все будущее безнадежно; одно настоящее едва вѣрно, да и то часто не надолго.

Возвратясь въ Старую Русу, я нашелъ приказъ графа съ выисканными приказаніями, и о которыхъ, какъ думать должно, говорилъ государь. Я послалъ объясненія. Графъ доложилъ государю и государь живо чувствовалъ мою невинность и истину (см. мою переписку съ графомъ) [1]). Графъ, дѣлая мнѣ за то высочайшія замѣчанія, вмѣстилъ странныя двѣ мысли: 1) что онъ докладывалъ мою бумагу чрезъ начальника штаба, тогда какъ другихъ награждалъ (и слѣдственно, еслибъ не бумага, то и я былъ бы награжденъ); 2) что государь и онъ надѣются, что я заслужу мой поступокъ и при будущемъ случаѣ удостоюсь награжденія вмѣстѣ съ прочими.

Графъ при одномъ парадѣ мнѣ сказалъ:

— «Я никогда не надѣваю никакихъ украшеній тамъ, гдѣ генералы не имѣютъ лентъ. Ты, можетъ, на меня и сердишься (да по мнѣ, пожалуй, сердись, сколько хочешь) за то, что ты осю пору не имѣешь ленты. У меня такой законъ: я прежде трехъ лѣтъ никого не награждаю».

По этому закону я и получилъ табакерку, а не ленту.

Вскорѣ государь уѣхалъ въ Таганрогъ, а графъ — въ Грузино. Несчастная исторія съ его Настасьей лишила его разсудка [2]). Онъ проклиналъ свѣтъ, людей и, какъ увѣряютъ, осквернялъ уста свои богохуленіемъ; отказался отъ всѣхъ должностей и, бѣгая съ окровавленнымъ платкомъ и отрубленными пальцами Настасьи, скрывался отъ всѣхъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Время,

---

[1]) Переписка эта напечатана нами въ отдѣльной книгѣ: «Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія». Спб. 1872 г. стр. 252—308. Ред.

[2]) Убійство Настасьи, любовницы гр. Аракчеева, подробно разсказано по подлинному дѣлу въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV, стр. 262—294. Ред.

разсудокъ и увѣщанія извѣстнаго архимандрита Фотія возвратили его къ себѣ. Онъ открылъ процессъ и запуталъ въ него множество людей [1]).

Этотъ переворотъ удивилъ всю Россію, а особенно меня, которому графъ, за нѣсколько недѣль до сего печальнаго происшествія, говорилъ:

— «Я вижу, что Богъ меня любитъ. Я не знаю еще случая, который бы огорчилъ меня. Даже мое Грузино и мой садъ поминутно приводятъ меня въ восхищеніе».

Изъ этого можно вывесть общее заключеніе, что человѣкъ прежде смерти не можетъ похвалиться своимъ счастіемъ.

Наконецъ графъ выздоровѣлъ, вступилъ въ отправленіе должностей и принялся за Русу. Онъ постепенно сталъ вызывать къ себѣ, начиная съ младшаго. Тутъ услужливость, желая выказаться съ безпорядками, и на меня представила сотни нелѣпостей. Графъ требуетъ меня; меня представляютъ съ пышными церемоніями. Я говорю Клейнмихелю:

— Ежели государь удостоилъ меня этихъ эполетовъ, то я требую и уваженія, равнаго посту и достоинству: иначе, я предпочту извѣстность—неизвѣстности.

Клейнмихель пересказалъ это графу и меня потребовали къ нему.

Графъ: «Во время несчастной моей болѣзни, я множество видѣлъ вездѣ безпорядковъ, а особенно у тебя. Ну, ежели бы я умеръ, или васъ вовсе оставилъ,—что я скоро и сдѣлаю,—тогда вы въ годъ опрокинете все вверхъ дномъ и погребете 17-лѣтніе труды мои и славу подъ развалинами своенравныхъ распоряженій. На тебя жалуется Эйлеръ, что ты его не слушаешь, а N. и А., что ты ихъ притѣсняешь. Подай, Петръ Андреевичъ, ихъ жалобы».

— Эйлеръ можетъ повелѣвать мною, какъ начальникъ, заступивши только ваше мѣсто, но не оскорблять упреками въ незнаніи военнаго дѣла; онъ не долженъ. . . . .
. . . .

[1]) Пять строкъ затерты чернилами. Изъ вышедшихъ и оставшихся словъ можно заключить, что авторъ описывалъ звѣрство изслѣдованія этого дѣла.
Ред.

Графъ: «По этому онъ пишетъ вздоръ: замѣть это ему, Петръ Андреевичъ, да хорошенько».

— А. жалуется, что я затрудняю его вычисленіемъ возки камня. Ваше сіятельство, удостойте взглянуть на карту, вы увидите, что радіусы, проведенные къ центру, сокращаютъ мѣсяцемъ перевозку.

Графъ: «Да, вѣдь, онъ дуракъ, гдѣ же ему понять геометрическія выкладки. Онъ хоть и артиллеристъ, но учился на мѣдныя деньги, а тебя Богъ одарилъ умомъ и познаніями. Ты скажешь: зачѣмъ я далъ тебѣ дурака? А я стану отвѣчать: гдѣ же мнѣ взять умныхъ? Я за лубочный его домикъ далъ ему 8 т. руб., чтобы только онъ взялъ на себя эту должность. Петръ Андреевичъ напиши и этому выговоръ и скажи, чтобы онъ лучше понималъ то, что ему, сообразно съ пользою, предписываютъ».

— N. жалуется, что я хотѣлъ арестовать его офицера. Я и дѣйствительно это сдѣлалъ за то, что онъ имѣлъ дерзость носить усы, когда они ему не позволены. Вы сами взыскали бы за это строго съ меня и назвали бы слабымъ, ничтожнымъ начальникомъ.

Графъ: «И хорошо сдѣлалъ; да написалъ бы еще ко мнѣ; я бы посадилъ его въ Петропавловскую крѣпость и доложилъ государю. Впрочемъ, я тебѣ скажу, что я и самъ побранилъ N. и велѣлъ просить у тебя прощенія».

— Ваше сіятельство! посудите о моемъ положеніи: вы вызываете меня послѣдняго, всякій говоритъ: его зовутъ для головомытья. Потерявъ этимъ уваженіе въ глазахъ подчиненныхъ, я уже не могу быть полезнымъ службѣ. Приказывать и знать, что мои приказанія отмѣняются непосредственно вашими,—это такое чувство, котораго я побѣдить не умѣю. Вы взыщите съ меня, но не давайте приза моимъ подчиненнымъ, изъ которыхъ каждый, гордясь непосредственнымъ сношеніемъ съ вами, забудетъ, что у него есть ближайшій начальникъ. Какъ бы иначе смѣлъ А. представить вамъ мое предписаніе въ видѣ разрушающаго порядокъ, когда вы сами изволите находить, что предписаніе это составляетъ главную пользу. Я не виноватъ, что онъ не умѣетъ понять выгодъ. Но ему ближе спросить меня, чѣмъ затруднять васъ. Я долженъ признаться, ваше сіятельство, что меня ничто болѣе уже не льститъ. Я хотѣлъ исполнить святую волю государя и за-

служить его одобренiе; у меня нѣтъ и не было другихъ видовъ, кромѣ одного, чтобы угодить обожаемому мною государю, которому я обязанъ всѣмъ моимъ счастiемъ.

Графъ: «Ну, ежели ты такой святой, что ничего не хочешь (чему я, однако, не вѣрю), то не прiятно-ли тебѣ будетъ, когда государь лично скажетъ тебѣ: «спасибо?» Спроси у П. А., мы всегда хвалимъ твое поселенiе. И я напередъ увѣренъ, что имъ и государь будетъ очень доволенъ. (Это было 23-го ноября 1825 г., и графъ о болѣзни государя ничего не зналъ)

— Я все мое счастiе полагаю въ томъ, чтобъ государь взглянулъ на мое поселенiе и въ душѣ сказалъ: «Маевскiй оправдалъ мою довѣренность. Но...».

Графъ: «Но! Но клянусь тебѣ моимъ Богомъ, что я о тебѣ ничего дурнаго не говорилъ; а напротивъ, вездѣ поддерживаю уваженiе къ тебѣ. Покажи мнѣ того, кто тебѣ это сказывалъ, ты посмотришь, что я съ нимъ сдѣлаю. Но если это сплетня Ж., такъ это совсѣмъ другое дѣло. Я знаю, что это происходитъ отъ А.; но она и здѣсь гонима была за свои сплетни».

Послѣ обнялъ меня и поцѣловалъ.

Графъ: «Ну, намъ нужно теперь многое еще дѣлать! Я скоро пришлю за тобой фельдъегеря. Вотъ какъ непостоянно человѣческое счастiе! Давно-ли я считалъ себя счастливѣйшимъ? А не зналъ того, что меня окружаютъ 40 разбойниковъ съ готовыми противъ меня кинжалами. Теперь они всѣ идутъ подъ кнутъ.»

Раставшись съ графомъ я черезъ 5—6 дней, получаю повелѣнiе съ фельдъегеремъ. Разсматривая конвертъ съ черною печатью, спрашиваю у фельдъегеря: «что это значитъ?» Онъ отвѣчаетъ: «не знаю». Полагая, что графъ слишкомъ далъ свободу горестному своему чувству, ознаменовывая его въ дѣлахъ службы печатью своей скорби,—но едва я коснулся ее, фельдъегерь съ рыданiемъ произнесъ:

«Александръ, отецъ нашъ, приказалъ долго жить».

Не вѣря еще словамъ, я трепетно пробѣжалъ роковую бумагу... и, увы! вижу, что, дѣйствительно, нѣтъ уже на свѣтѣ лучшаго изъ смертныхъ—государя, украшавшаго вѣкъ нашъ и озарявшаго оный своими добродѣтелями. Чрезъ 10 минутъ, вопль народа и рыданiе наполнили эхомъ цѣлый городъ и казармы. Я думалъ, что я не переживу этого несчастiя, тѣмъ болѣе, что

скорбь объ одномъ, при радости о другомъ, невмѣстна была съ приличіемъ начальника.

На другой день войска и городъ присягнули Константину. Солдаты были въ восторгѣ, а поселяне—въ восхищеніи: первые, по слуху, обожали Константина, а вторые—надѣялись возвратить свою свободу.

V.

Присяга Николаю Павловичу.—Въ Петербургѣ.—Паденіе временщика.—Представленіе государю.—Переписка императора Александра Павловича съ Аракчеевымъ.—Увольненіе Аракчеева за границу.—Императоръ Николай осматриваетъ военныя поселенія.—Двухъ годичный отчетъ.

1826 г.

Междуцарствіе Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря всѣмъ извѣстно. 15-го декабря я получилъ повелѣніе о восшествіи на престолъ Николая. Чтобы не подать причины къ толкамъ, я, подъ видомъ парада, собралъ войска, объявилъ перемѣну—и всѣ съ благоговѣніемъ присягнули. Къ чести поселенія и вопреки общихъ толковъ, спокойствіе и повиновеніе ни на минуту не нарушались, хотя въ сосѣднихъ деревняхъ показывались безпорядки. Не зная, что дѣлалось, я схватилъ перо и написалъ въ старомъ моемъ журналѣ: «Злобные министры! Перестаньте обманывать царя, чтобъ только быть необходимыми. Вотъ 24 дня, а мы имѣемъ третьяго уже монарха! Любовь къ престолу и династіи доказывается нашею вѣрностью и преданностью къ царствующему дому. Ты, образованный Петербургъ, вмѣстилище цѣлаго міра, и ты гордая феодальная Москва, покорностью своею показали самый лучшій примѣръ Россіи.»

Но чрезъ три-четыре дня я услышалъ совсѣмъ противное. Герои 14-го декабря осмѣлились возмечтать о перемѣнѣ лица Россіи. Безразсудные! Неужели вы думали, что мы не пройдемъ по трупамъ вашимъ и не возстановимъ любезнаго намъ порядка и брата того, кто цѣною благостей приковалъ къ себѣ наше сердце! Но тотъ, кто хорошо чувствуетъ, никогда не подозрѣваетъ другихъ въ злодѣйствѣ. Я радъ моей ошибкѣ и всегда готовъ такъ ошибаться.

Въ январѣ 1826 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ въ ту самую минуту, когда войска поселеннаго корпуса стояли въ парадѣ, ожидая царя для полученія и относа мундира императора Але-

ксандра. Всѣ были въ глубокомъ траурѣ; я одинъ явился къ графу въ полномъ парадѣ. Графъ принялъ меня съ отеческою заботливостью, но сказалъ:

— «Напрасно ты не далъ мнѣ знать прежде о своемъ пріѣздѣ; по крайней мѣрѣ, прислалъ бы ко мнѣ своего адъютанта: я сказалъ бы тебѣ, въ какой быть формѣ. А въ этой я принять не могу. Ты видишь общій предметъ нашей горести».

Я бросился въ карету и тамъ же переодѣлся. Этой легкости выучила меня нужда. Я, пріѣзжая въ Петербургъ, долженъ былъ въ одно утро переодѣваться 3—4 раза, судя потому, кто какъ принимаетъ. Гдѣ же всякій разъ скакать на квартиру!

Парадъ кончился. Государь сказалъ рѣчь и вручилъ войску мундиръ покойнаго государя. Оно отправило панихиду по покойномъ и пошло на свои квартиры. Смѣшеніе чувствъ, надеждъ и т. д., дѣлало это время совершенно противоположнымъ прежнимъ. Конечно, каждая неожиданная перемѣна измѣняетъ лице цѣлаго и твердитъ пословицу: «такъ на свѣтѣ все превратно!»

Вечеромъ я явился къ графу и вниманіе его ко мнѣ еще болѣе удвоилось. Онъ зналъ чистую и глубокую преданность мою къ императору Александру, и потеря сего великаго монарха еще болѣе связала наши чувства. На другой день, въ пятницу, онъ былъ съ докладомъ у государя и испросилъ мнѣ высочайшую аудіенцію—знакъ особаго его вниманія и милости государя. Милость эта тѣмъ сугубѣе была велика, что я одинъ изъ всѣхъ удостоился этой чести.

Въ субботу, въ 12 часовъ, я имѣлъ счастіе представляться государю послѣ саксонскаго посланника. Отеческій пріемъ царя увеличилъ мое счастіе и удвоилъ мою преданность.

На другой день я благодарилъ графа за доставленіе мнѣ случая видѣть вблизи государя. Онъ разсматривалъ уланъ, присланныхъ отъ **Коровкина** и **Витта**. Сохраняя прежній тонъ, онъ диктовалъ свою строгость въ передачѣ приказаній. Потомъ, введя меня въ кабинетъ, началъ говорить:

— «Пока я служу, я не перемѣню моихъ правилъ; да и тебѣ тоже совѣтую. У васъ, конечно, теперь толки: графъ упалъ въ милости царя. Ну, можно его теперь и не слушать. Нѣтъ, я этого не допущу прежде моей смерти. И пока я буду управлять, я все буду тотъ же **графъ Аракчеевъ**. Но когда не буду

служить, приди кто хочешь—хотя бы и ты—и брани меня подъ окномъ, я не скажу ни слова; а кто придетъ ко мнѣ на дворъ, того попрошу вонъ, а если не послушаетъ—пошлю за полиціей. (Это былъ голосъ павшаго вельможи, котораго одинъ взоръ, даже одно имя приводило въ трепетъ всю Россію!). Вотъ разскажи это всѣмъ и внуши, что графъ не упалъ и что ему должно по прежнему повиноваться. Конечно, я ужъ старъ и слабъ—никуда теперь не гожусь. Я скоро ѣду за границу: годъ меня не будетъ—и тогда посмотримъ, что будетъ съ вами и со всѣмъ вашимъ поселеніемъ. Я ничего не хочу и всѣмъ доволенъ; моя драгоцѣнность — вотъ эти письма (подаетъ мнѣ цѣлую связку собственноручныхъ писемъ императора Александра). Читай, ты увидишь, что это писалъ не Д. (т. е., не Дибичъ?), а самъ государь. Цари не имѣютъ такихъ писемъ. Я ихъ напечатаю и покажу цѣлому свѣту».

Я, изъ скромности, хотѣлъ только пробѣжать; но графъ заставилъ меня прочитать всѣ.

— Конечно, сказалъ я, ни одинъ подданный не излилъ бы на бумагѣ столь высоко и столь искренно чувствъ своего государя, какъ самъ государь. Это языкъ и чувство боговъ, а не человѣка.

Графъ, принимая отъ меня письма, сказалъ:

— «А теперь онъ несчастливъ, я несчастливъ—мы оба несчастливы».

И, поцѣловавъ ихъ съ горестнымъ чувствомъ, положилъ въ комодъ.

Одинъ домъ графа клалъ уже тяжелую грусть на человѣка. Прежде въ немъ заключалась служба Россіи, а можетъ и Европы. Каждая стѣна говорила о памятникахъ великихъ происшествій. Теперь все пусто, и кромѣ литографскихъ камней, не видно было ни одного стола, съ котораго прежде разсыпались перуны собственнаго его ватикана. Теперь все еще больше въ немъ опустѣло и грустное чувство скоротечнаго счастія доказываетъ только ничтожность нашего счастія.

Когда я откланивался графу, онъ съ удивленіемъ спросилъ меня:

— «Неужели ужъ ты ѣдешь? Поэтому ты не такъ, какъ другіе, не ищешь и не даешь пышныхъ обѣдовъ, и не составляешь себѣ новыхъ партій».

Это произнесъ онъ съ горькимъ тономъ противъ тѣхъ, кои наканунѣ почти ползали подлѣ него и теперь оставили.

Въ апрѣлѣ, кажется, графъ уѣхалъ за границу. Клейнмихель заступилъ его мѣсто. Все шло хорошо и пріятно. . . .

. . . .

Графъ, прощаясь со мною письмомъ, излилъ желчь противъ князя Шаховскаго и за тайну сообщилъ мнѣ копію собственноручнаго письма покойнаго государя (см. переписку съ графомъ) [1].

Предъ коронаціей царствующій государь (Николай) осматривалъ 1-ю гренадерскую дивизію, куда и я приглашенъ, былъ по высочайшей волѣ. Здѣсь я, вмѣстѣ съ прочими, имѣлъ счастіе представляться ихъ величествамъ и допущенъ былъ къ поцѣлую руки государыни. На другой день приглашенъ къ царскому столу, и среди общаго разговора, государь сказалъ мнѣ:

— «Маевскій, ты очень скоро посѣдѣлъ».

— Лѣта и время, государь, отвѣчалъ я.

— «Ну, вотъ и у меня», показывая рѣдкіе волосы сзади головы, сказалъ государь. «Это для меня ново; по крайней мѣрѣ, я этого прежде не видалъ».

Къ этому разговору Васильчиковъ сказалъ:

— «Государь! Маевскій обязанъ мнѣ военнымъ своимъ постомъ. Подъ Бородинымъ онъ не былъ еще военнымъ, но вмѣстѣ со мною собиралъ разбитыя части войскъ и дрался съ ними, какъ храбрѣйшій и отличнѣйшій офицеръ».

Это обратило вниманіе всѣхъ и сорвало признательную улыбку

Во время парада государь подозвалъ меня къ себѣ, сказавъ:

— «Маевскій, я надѣюсь тоже и у тебя видѣть. Не хочу, чтобы твои лучше были этихъ: здѣшніе отличны».

Я: Государь! Старорусское поселеніе благословлять будетъ тотъ день, въ который вы удостоите его своего лицезрѣнія. Оно съ нетерпѣніемъ ожидаетъ этого счастія.

Государь: «Теперь мнѣ некогда; но чуть выберу время, я буду и у тебя».

---

[1]) См. въ книгѣ, нами изданной: «Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія», Спб., 1872 г., стр. 303—307. Письмо гр. Аракчеева, при которомъ онъ прислалъ упоминаемую копію, воспроизведено фото-литографически въ нашемъ-же и Ѳ. К. Опочинина роскошномъ изданіи: «Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей». Спб., 1873 г., см. листъ 13, № 46. Ред.

Государь поѣхалъ въ Москву, а Клейнмихель пріѣхалъ въ Старую Русу. Не ожидая прибытія царя, онъ всѣхъ солдатъ обратилъ въ работы. Вдругъ получается курьеръ, что государь будетъ въ Русу. Десять дней осталось для того, чтобы ихъ одѣть по новой формѣ и приготовить. Короткое это время не дозволило мнѣ представить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ должно представить фронтъ знатоку этого дѣла — государю. Притомъ, независимо отъ меня, были отступленія отъ новыхъ правилъ. Государь былъ недоволенъ и . . . .

. . . .

Совсѣмъ тѣмъ, по моему представленію, удостоилъ награды до 40 особъ. Къ этой неудачѣ присоединились сотни людей, просившихъ о возстановленіи ихъ въ первобытное состояніе. Все это не могло не огорчить царя — и жребій мой, кажется, рѣшонъ съ этой минуты. Однако-жъ, за столомъ государь былъ ко мнѣ милостивъ и удостоилъ меня разговоромъ. Просьбы впослѣдствіи разсмотрѣны и ни одной изъ нихъ лично на меня не было, кромѣ К. П., котораго я представлялъ къ переводу, но котораго графъ выключилъ.

Въ концѣ года государь издалъ благодѣтельное преобразованіе военнаго поселенія. Я въ 4 мѣсяца изъ 12-ти округовъ сформировалъ 6 кадровыхъ дивизій. Но труды эти, имѣвшіе свое достоинство, остались безъ вниманія.

Въ это время случилось странное происшествіе. Шотландцы носили нѣкогда панталоны на ружьяхъ; мои поселяне притащили на себѣ всю свою аммуницію и бросили ее баталіонному командиру. Я донесъ по командѣ, и Клейнмихель прискакалъ для усмиренія. Онъ хотѣлъ подвинуть баталіоны; но, по совѣту моему, кончилъ выпискою шалуновъ въ армію.

Желая сколько возможно ближе передать потомству мысль и намѣренія великаго преобразователя военныхъ поселеній, я, по общему порядку, написалъ отчетъ за два года. Отчетъ этотъ утвержденъ Клейнмихелемъ и напечатанъ; но, надѣлавъ много шуму, надѣлалъ мнѣ много горькихъ непріятностей.

Отъ редакціи. На этомъ мѣстѣ мы прерываемъ разсказъ С. И. Маевскаго: приведенныя выше главы второй части его записокъ написаны, какъ видно изъ помѣтъ автора на поляхъ, въ теченіи времени съ 6-го по 29-е мая 1831 г. въ его имѣніи Александровскомъ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда,

Екатеринославской губерніи, гдѣ составлена и **первая** часть этихъ Воспоминаній.

Служба въ военномъ поселеніи, причинивъ много горя и треволненій самыхъ тяжкихъ генералу Маевскому, награждена была въ 1825 г., табакеркою съ вензелевымъ изображеніемъ Александра I и выдачею 3 т. рублей. Съ паденіемъ Аракчеева измѣнилась и судьба начальника Старорусскаго военнаго поселенія: онъ былъ перемѣщенъ съ своего поста и сдѣланъ окружнымъ командиромъ 24-хъ баталіоновъ и 1-й артил. роты въ Елисаветградѣ; оттуда переведенъ въ Крымъ, затѣмъ назначенъ предсѣдателемъ Коммиссіи въ Балту, и, наконецъ, вызванъ во 2-ю армію. Частые переходы, смерть жены и двоихъ дѣтей, попеченья объ остальныхъ троихъ—довершили, пишетъ Маевскій: «мои несчастія, которыя я считаю сплошь почти **пять** лѣтъ». 16-го октября 1829 г. С. М. Маевскій женился, въ С.-Петербургѣ, во второй разъ, именно: на дочери генералъ-лейтенанта Дмитрія Михайловича **Буткевича**—Любови Александровнѣ (отъ третьяго брака) и, взявъ продолжительный отпускъ, поселился въ селѣ Александровскомъ, гдѣ и писалъ свои Воспоминанія, уже извѣстныя читателю. Опуская разсказъ С. И. Маевскаго о событіяхъ въ его жизни съ 1826 по 1831 годъ включительно, какъ неимѣющій общаго интереса, мы заканчиваемъ его Записки біографіей Аракчеева, имъ самимъ устно изложенной въ частыхъ бесѣдахъ съ Маевскимъ и симъ послѣднимъ внесенной въ Записки, въ видѣ особой нижеслѣдующей главы. **Ред.**

VI.

Исторія графа Аракчеева изъ собственныхъ его словъ, сообщенныхъ въ теченіи всего нашего знакомства.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ—сынъ отставнаго маіора, человѣка бѣднаго, но строгаго. Мать его происходила изъ небогатыхъ дворянокъ и замѣняла у отца и ключницу, и кухарку. Графъ часто говаривалъ, что она, по мановенію отца его, а ея мужа, должна была, не разбирая времени, бѣгать сама въ отдаленный погребъ и приносить сама все, чего бы ни потребовалъ мужъ.

Когда графу совершилось 7 лѣтъ, отецъ привезъ его въ Петербургъ, чтобы отдать въ корпусъ. По тогдашнему порядку вещей, должно было новиціанту или принимаемому кадету имѣть собственный свой фракъ, стоившій не болѣе 7-ми рублей. Но фрака этого отецъ графа сдѣлать былъ не въ состояніи (такъ-то деньги тогда были рѣдки!). Итакъ, отецъ графа, не смотря на всѣ слезы сына, готовъ уже былъ взять послѣдняго назадъ въ деревню и предоставить судьбу его жребію обыкновеннаго хода. Но, бывъ убѣжденъ отчаяніемъ и слезами сына, которому, видно, не совсѣмъ сладко было при отцѣ, рѣшился прибѣгнуть еще къ послѣднему способу. Вотъ онъ: С.-петербургскій митрополитъ,

имѣя правиломъ всякую субботу раздавать бѣднымъ нѣкоторую часть денегъ, питалъ въ отцѣ последнюю надежду: не поможетъ-ли онъ ему, услыша нужду, отъ которой зависѣло счастіе молодаго человѣка. Итакъ, въ назначенный день, отецъ съ сыномъ пошли къ митрополиту и ожидали его выхода. Графъ говоритъ (автору):

— «Я и теперь помню еще эту ступеньку, на которой, среди другихъ нищихъ, заняли мы свое мѣсто».

Митрополитъ вышелъ, обошелъ всѣхъ и дошелъ до Аракчеевыхъ. Видъ маіорскаго мундира сдѣлалъ на него впечатлѣніе и онъ (не) равнодушно выслушалъ виды старика Аракчеева. Но потому-ли, что и для митрополита 7 руб. составляли большую сумму, или потому, что онъ въ раздачѣ милостыни не хотѣлъ отступать отъ своихъ разсчетовъ,—онъ далъ Аракчеевымъ 150 коп.,, а въ остальной суммѣ извинился собственными недостатками.

Потерявъ послѣднюю надежду, Аракчеевы собрались совсѣмъ уже ѣхать домой. Но, желая на прощанье посѣтить нѣкую свою знакомую (Гурьеву), безъ всякихъ видовъ или, больше, посреди разговоровъ, разсказали ей и цѣль пріѣзда, и цѣль отъѣзда. Она была богата и издержки въ 7 руб. приняла на себя. Вотъ кто положилъ начало счастью героя моей исторіи. За то графъ по гробъ питалъ благодарность къ ней и оказалъ большія услуги сыну ея—горбылю Гурьеву.

Въ ученьи графъ былъ неутомимъ. Но какъ метода тогдашнихъ наукъ оканчивалась на томъ, съ чего нынѣ она начинается, то графъ зналъ первыя четыре правила ариѳметики, нѣсколько алгебры, математики и часть слабую артиллеріи. Совсѣмъ тѣмъ, трудолюбіемъ, точностью и исправностью онъ превосходилъ другихъ, хотя вовсе не зналъ словесности и не умѣлъ написать ортографически двухъ-трехъ словъ [1]). Товарищи ненавидѣли его за мрачный и уединенный характеръ, и не было дня, чтобы они его ни били и чтобы онъ ни орошалъ слезами бѣдной подушки. Но старшіе любили его и ставили въ образецъ другимъ; а этого и довольно (было), чтобъ въ немъ (видѣть) виноватаго и бить. Когда онъ вошелъ въ корпусные офицеры, то Милисино, директоръ

---

¹) См. его письма ко мнѣ. С. М.

Письма эти напечатаны нами въ книгѣ «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія». Спб., 1872 г. Ред.

корпуса, отличалъ его предъ всѣми и удостоилъ довѣренности быть учителемъ его дѣтей. Онъ сблизилъ его съ собою и сдѣлалъ почти домашнимъ своимъ человѣкомъ. Когда Павлу I желалось имѣть лучшаго артиллерійскаго офицера, который бы умѣлъ составить металлъ орудій, то Милисино послалъ Апрѣлева и Аракчеева. Послѣдняго Павелъ предпочелъ первому и съ этой минуты продолжалось 30-ти-лѣтнее его счастіе Вотъ собственный разсказъ графа:

«Я сдѣлался комендантомъ Гатчины, и всякій день долженъ былъ быть въ парадѣ, въ разводѣ и на ученьѣ. У меня былъ одинъ мундиръ и одни лосинныя панталоны. Въ ночь сниму я ихъ съ себя, выбѣлю и поутру рано мокрые надѣваю опять. Лѣтомъ это было сносно; но зимою доходило почти до слезъ, когда панталоны примерзали къ тѣлу и жестокій холодъ проницалъ всѣ нервы мои. Всякій день обѣдалъ я у Павла, но на ужинъ получалъ два блюда, которыя приносились въ мою комнату. Итакъ, и здѣсь все богатство мое заключалось въ одномъ жалованьѣ, которымъ я помогалъ родителямъ. Отецъ мой часто твердилъ мнѣ: «Алеша, ты дослужись до маіора и выйди въ отставку съ пенсіономъ,— тогда мы всѣ будемъ счастливы. Но чтобы онъ сказалъ теперь, увидѣвъ меня въ нынѣшнемъ моемъ состояніи?

«Всякую зиму Павелъ оставлялъ Гатчину, чтобы проводить сіе время съ матерью въ столицѣ. Тогда мнѣ шли порціонныя деньги. Съ моею бережливостью накопилъ я около 3,000 руб., и считалъ себя богатѣйшимъ и счастливѣйшимъ въ мірѣ! Съ сею суммою вошелъ я въ генералы, и теперь видишь, какъ я пріобрѣлъ все трудами и милостями моего государя, котораго я боготворю и до сихъ поръ.

«Съ нынѣшнимъ государемъ (Александромъ) знакомъ я съ 1794 г. Вотъ его первое ко мнѣ письмо, и съ тѣхъ поръ я служу ему душою, такъ же, какъ и его отцу. Мнѣ ничего не надобно: все мое желаніе—угодить государю. Я разскажу тебѣ два пассажа, по которымъ ты можешь судить, какъ мнѣ бываетъ прискорбно, когда я и видомъ даже заслужу гнѣвѣ государя. Въ одинъ день работалъ я съ государемъ въ кабинетѣ и не знаю какъ-то замаралъ носъ. (Ты знаешь, что государь не любитъ табашниковъ). Государь, увидя это, говоритъ мнѣ:

— «Графъ! Ныньче и ты нюхаешь табакъ?»

«Мнѣ такъ было стыдно, что я поклялся быть впередъ осторожнѣе. ‖ Въ другой разъ докладывалъ я рапортъ П. В. о понтонахъ. Новость вещи и слова ввела меня въ ошибку. Государь это замѣтилъ и вывелъ меня изъ затрудненія. Я въ другой разъ поклялся, прежде чѣмъ говорить о вещахъ, надо узнать въ подробности всю ихъ сущность».

Въ веселомъ расположеніи духа, графъ говорилъ мнѣ одинъ разъ:

«Послѣ кампаніи (?) государь возвращается въ Петербургъ. Всякій рисовалъ собственныя свои надежды. Я, напротивъ, считалъ себя счастливымъ и тѣмъ, ежели государь, среди многихъ отличившихся въ войнѣ, вспомнитъ хоть издалека меня. (Графу среди боеваго пыла было хуже, чѣмъ среди бумажнаго). На другой день, довольно еще рано, слышу я вѣстовой колокольчикъ, которымъ швейцаръ извѣщаетъ о пріѣздѣ государя. Я поспѣшилъ одѣться и встрѣтить государя. Государь меня обнялъ, расцѣловалъ и просилъ поспѣшить пріѣздомъ къ нему. Я явился въ кабинетъ государя и снова былъ счастливъ его ласками и милостію. Но вижу, что государь что-то безпокоится, чего-то ищетъ на столѣ и между бумагъ. Наконецъ, онъ нашелъ и подалъ мнѣ бумагу. Я читаю и вижу, что мать моя жалуется въ статсъ-дамы! Я бросился на колѣни и умолялъ государя отмѣнить сію милость. Мать моя не рождена для двора и милость сія, выводя ее изъ неизвѣстности, уронила (бы) насъ обоихъ. Государь долго не соглашался, говоря: «я не знаю, графъ, чѣмъ другимъ тебя наградить». Но, наконецъ, убѣдился моею просьбою и согласился милость сію отмѣнить. Женщины всѣ честолюбивы. Мать моя не знала до гроба о сей милости. Но ежели бы узнала, она и за гробомъ не простила бы этого мнѣ».

Паденіе графа при Павлѣ I. (Слова товарища его, корпуснаго офицера Ѳедорова).

Графъ, бывши корпуснымъ офицеромъ, считался и учителемъ классовъ артиллеріи и фортификаціи; но никогда не училъ, кромѣ дѣтей Милисино и нѣкоторыхъ другихъ. Когда онъ былъ с.-петербургскимъ комендантомъ, то имѣлъ небольшой бостонный свой кругъ. Въ одно время, когда лейбъ-егерьскій полкъ работалъ въ артиллерійскомъ арсеналѣ,. пропало уничтоженное знамя. Графъ, надѣясь его найти, не донесъ Павлу; а Паленъ съ Ку-

тайсовымъ, ненавидя графа, извѣстили о томъ подъ рукою государя. Графъ всякій день входилъ безъ доклада къ государю. Но въ сей разъ, когда хотѣлъ войти, Кутайсовъ взялъ его за руку и вывелъ вонъ, объявя, что государь запретилъ его впускать къ себѣ. Графъ отправился въ свое Грузино и жилъ тамъ до восшествія на престолъ государя Александра [1]).

Портретъ Ѳ. И. Маевскаго.

При послѣднихъ главахъ Записокъ генералъ-лейтенанта С. И. Маевскаго, согласно желанію его сына Николая Сергѣевича, приложенъ портретъ автора «Моего Вѣка», изданный нами на иждивеніе Н. С. Маевскаго.

Для этого изданія мы получили отъ Н. С. два портрета его родителя: одинъ миніатюрный, относящійся къ 1824 г., другой—большой, поясной портретъ, писанный красками на полотнѣ, «въ городѣ Глуховѣ, въ 1837 г., П. Васьковымъ»—такъ значится на самомъ портретѣ.

Н. С. предоставилъ намъ выборъ оригинала и мы остановились на послѣднемъ, такъ какъ при всемъ несовершенствѣ кисти, его писавшей, нельзя не замѣтить, что портретъ этотъ лучше перваго, да притомъ въ бо́льшихъ размѣрахъ передаетъ типическія черты доблестнаго участника «Шестнадцати кампаній и ста сраженій» и энергическаго исполнителя предначертаній Александра I и Аракчеева по устройству и управленію военныхъ поселеній.

Прилагаемая гравюра Академика Л. А. Сѣрякова, по рисунку художника В. С. Шпака, въ совершенной точности передаетъ подлинный портретъ генерала съ тою самою воинственною обстановкою, которою художнику Васькову, писавшему портретъ съ натуры, вздумалось обставить свое произведеніе,—что сдѣлано, весьма вѣроятно, помимо желанія С. И. Маевскаго.

Ликъ генерала изображенъ въ дыму и заревѣ сраженія, которое кипитъ на заднемъ планѣ картины; въ правой рукѣ его шпага, а лѣвою—опирается на колонну съ надписями: «Бородин.—Краон.—Париж.»—«Миръ съ Турціей 1829 г.».—«16 кампаній.—Сто сраженій».

Мы сохранили всю эту обстановку—какъ довольно характерную и вполнѣ напоминающую манеру прежняго времени писать портреты сподвижниковъ великой отечественной борьбы 1812—1814 гг. Въ самомъ дѣлѣ, въ извѣстной галлереѣ сподвижниковъ Александра I—весьма многіе генералы изображены въ воинственно-героическихъ позахъ: то съ воздѣтыми горѣ очами, то съ рукою на ефесѣ шпаги, то съ полуобнаженнымъ мечемъ, то съ рукою, указывающей войскамъ куда направить атаку, то съ подъятымъ знаменемъ и т. п. Такимъ образомъ художникъ, писавшій въ 1837 г. портретъ С. И. Маевскаго, платилъ лишь дань обычаю своего времени. Считаемъ, однако, необходимымъ оговорить, что Николай Сергѣевичъ выразилъ желаніе при изданіи портрета «натурализировать положеніе, уничтожить шпагу и геройскую позу», но, къ сожалѣнію, заявленіе его желанія получено лишь 21-го октября, когда гравюра была совершенно выполнена. **Ред.**

---

[1]) Другой разсказъ о причинѣ немилости императора Павла I къ Аракчееву напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. III, стр. 241; онъ нѣсколько разнится, по своимъ подробностямъ, отъ приведеннаго разсказа Ѳедорова и принадлежитъ покойному московскому генералъ-губернатору Тучкову. С. И. Маевскій скончался въ отставкѣ, въ 1848 году. **Ред.**

ЗАПИСКА КНЯЗЯ МЕТТЕРНИХА

о состоянии умовъ въ Европѣ и объ обязанностяхъ правительствъ.

(Profession de foi du Prince de Meternich á S. M. I. de toutes les Russie).

1848 г.

Князь Меттернихъ, герцогъ Партелла, родился 15-го мая 1773 года, получилъ образованіе въ Страсбургскомъ университетѣ и впослѣдствіи изучалъ права въ Майнцскомъ университетѣ. Свое знаменитое дипломатическое поприще Меттернихъ началъ при раштадскомъ мирномъ конгрессѣ, въ званіи посланника вестфальской графской коллегіи. Въ 1804 году онъ заключилъ, какъ австрійскій посланникъ въ Берлинѣ, союзъ между Австріей, Пруссіей и Россіей. Въ 1806 году былъ посланникомъ въ Парижѣ, въ 1809 году назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Событія слѣдующихъ годовъ представили обширное поле для дипломатической дѣятельности Меттерниха. Онъ содѣйствовалъ переходу Австріи на сторону союзниковъ; имѣлъ свиданіе въ Прагѣ, въ 1813 году, съ императоромъ Александромъ; въ томъ же году установилъ договоръ съ союзниками въ Рейхенбахѣ и Теплицѣ; велъ переговоры во время шатильонскаго конгресса и подписалъ потомъ во Франціи всѣ заключенные тамъ договоры съ Австріей. На вѣнскомъ конгрессѣ всѣ министры единогласно предоставили ему предсѣдательство, а въ 1815 году онъ заключилъ 2-й парижскій миръ. Потомъ участвовалъ въ конгрессахъ—въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, и въ конференціяхъ—въ Карлсбадѣ и Вѣнѣ. Въ 1821 году Меттернихъ былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ; вліяніе его на дѣла продолжалось и при императорѣ Фердинандѣ I. Въ сентябрѣ 1835 года сопровождалъ онъ императора въ Теплицъ и Прагу для свиданія съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и королемъ прусскимъ, гдѣ стремился къ поддержанію мира по случаю несогласія въ восточномъ вопросѣ. Въ 1848 году онъ сошелъ съ государственнаго поприща. Вѣнское возстаніе принудило его бѣжать въ Англію; потомъ онъ поселился въ Брюсселѣ и въ 1851 году возвратился въ Вѣну, гдѣ и умеръ въ 1859 году.

Печатаемая въ «Русской Старинѣ» Записка князя Меттерниха принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ числу самыхъ замѣчательныхъ историческихъ документовъ. Она относится къ началу 1848 года, когда во всей западной Европѣ начались революціонныя движенія и когда европейскія правительства смотрѣли на князя Меттерниха, какъ на оракула, какъ на глав-

наго и опытнаго руководителя въ дѣлѣ возстановленія законнаго порядка. Пользуясь тогдашними обстоятельствами и желая найти для своей политики энергическую поддержку со стороны Россіи, онъ представилъ упомянутую записку императору Николаю Павловичу. Въ этомъ мемуарѣ князь Меттернихъ изображаетъ бѣдственное положеніе европейскихъ монархій и разсматриваетъ вопросъ о томъ, находятся-ли, и какія именно средства для уничтоженія и предотвращенія, на будущее время, всякихъ революціонныхъ попытокъ въ Европѣ. Настоящій документъ, равно и послѣдующій, сообщены намъ покойнымъ Павломъ Александровичемъ Мухановымъ. Ред.

„Европа,—сказалъ недавно одинъ знаменитый писатель,—служитъ нынѣ предметомъ сожалѣнія—умнымъ людямъ и предметомъ отвращенія—добродѣтельнымъ...“.

Трудно въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить вѣрнѣе положеніе дѣлъ, какимъ оно намъ представляется въ настоящую минуту!

Государи соображаютъ все, что можетъ ихъ ожидать въ самомъ близкомъ будущемъ. Необузданныя страсти дѣйствуютъ во едино для ниспроверженія всего, что общество цѣнило, какъ основу своего существованія; религія, общественная нравственность, законы, нравы, права и обязанности—все преслѣдуется, уничтожается, ниспровергается и подвергается сомнѣніямъ. Народная толпа взираетъ равнодушно на эти нападки, на перевороты и на свое безсиліе къ отпору. Одна часть погружена въ умозрѣнія, а желанія огромнаго большинства—въ пользу поддержанія спокойствія, которое уже болѣе не существуетъ и основныя начала котораго кажутся уже утраченными.

Гдѣ же источникъ столькихъ бѣдствій?

Какими путями зло могло проникнуть и водвориться и все еще продолжаетъ проникать въ государственный организмъ?

Существуютъ-ли еще средства къ уничтоженію развитія этого зла и въ чемъ могутъ онѣ состоять?

Вотъ вопросы, которые, безъ сомнѣнія, должны быть первою заботой всякаго благонамѣреннаго человѣка, истиннаго друга общественнаго порядка и спокойствія—этихъ двухъ элементовъ, неразрывныхъ въ своемъ основаніи и вмѣстѣ составляющихъ главную потребность и необходимое благо человѣчества.

Неужели въ мірѣ не существовало до нашего времени никакого политическаго установленія, дѣйствительно достойнаго этого имени? Неужели истина могла быть смѣшана съ заблужденіями съ тѣхъ поръ, какъ общества полагаютъ возможнымъ отличить одно отъ другаго? Неужели опыты, пріобрѣтенные столькими жертвами и много разъ повторенные въ разныя времена и въ разныхъ странахъ, неужели

они всѣ ошибочны? Неужели лучь свѣта вдругъ, неожиданно озарилъ общество и наука сдѣлалась даромъ вдохновенія?

Если бы можно было допустить подобные феномены, то тѣмъ не менѣе слѣдовало бы прежде всего удостовѣриться въ дѣйствительности событія. Нѣтъ ничего пагубнѣе заблужденій, и мы не хотимъ и не намѣрены имъ предаваться.

Разсмотримъ вопросъ.

I.

Источникъ зла.

Натура человѣческая неизмѣнна. Главныя потребности общества остаются однѣ и тѣже; а измѣненія, въ нихъ замѣчаемыя, объясняются разнообразнымъ вліяніемъ природы, которому подвергаются племена, напримѣръ: различіе климата, неплодородіе или богатство почвы, положеніе прибрежное или континентальное и т. д. Эти мѣстныя различія развиваютъ, конечно, не одни только физическія потребности: они создаютъ и опредѣляютъ особенныя стремленія въ высшихъ сферахъ, они, наконецъ, учреждаютъ законодательство,—нельзя отрицать и вліяніе ихъ на религію.

Съ другой стороны, есть установленія, которыя, какъ вообще все, неопредѣленное въ своемъ основаніи, проходятъ періоды и усовершенствованія, чтобы достигнуть предѣловъ своего упадка; и, сообразуясь съ законами человѣческой натуры, установленія, какъ и люди переживаютъ свои возрасты: дѣтства, юности, возраста силы и разсудка и дряхлости.

Только два начала пребываютъ во всемъ своемъ могуществѣ и несокрушимое ихъ вліяніе никогда не перестанетъ дѣйствовать съ одинаковой силой. Говоримъ о правилахъ нравственности, столько религіозной, сколько и общественной, и о потребностяхъ, вызываемыхъ мѣстными условіями. Стоитъ только людямъ уклониться отъ этихъ началъ, возстать противъ этихъ верховныхъ властителей нашихъ судебъ — и общество подвергается страданіямъ, доводящитъ, рано или поздно, до судорожнаго состоянія. Въ исторіи каждаго народа находимъ кровавыя страницы съ описаніемъ послѣдствій подобныхъ заблужденій; но мы осмѣлимся утверждать, не опасаясь быть опроверверженными, что едва-ли когда-либо въ лѣтописяхъ исторіи подобное зло дѣйствовало такъ разрушительно и въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ въ настоящее время. Причины тому естественны.

Исторія обнимаетъ очень тѣсный періодъ времени. Она начинаетъ заслуживать свое названіе гораздо позже паденія великихъ государствъ. Тамъ, гдѣ она указываетъ намъ на колыбель цивилизаціи, она приводитъ насъ къ развалинамъ.

Видимъ, какъ республики возникаютъ, созидаются, борются, и подчиняются волѣ солдата, родившагося подъ счастливой звѣздой.

Видимъ, какъ одна изъ этихъ республикъ переходитъ черезъ всѣ фазисы, свойственные обществу, чтобы превратиться во всемірную монархію, т. е. поработить разрозненныя части образованнаго уже тогда міра.

Видимъ эту монархію, подвергающуюся участи, общей всякому политическому учрежденію; мы видимъ, какъ ея главныя пружины слабѣютъ, падаютъ и уничтожаются.

Цѣлые вѣка мрака послѣдовали за вторженіемъ варваровъ. Однако же, міръ уже болѣе не могъ обратиться въ варварство. Явилось христіанство, нетлѣнное по своему существу и достаточно было его появленія, чтобы разсѣять этотъ мракъ и утвердить цивилизацію на новыхъ началахъ, примѣнимыхъ во всякое время и ко всѣмъ странамъ, удовлетворяющихъ всѣмъ потребностямъ и утверждающихъ главнѣйшія изъ нихъ на основахъ закона, чистаго и вѣчнаго.

За образованіемъ новыхъ христіанскихъ государствъ, послѣдовали крестовые походы — это странное сочетаніе добра и зла.

Три открытія имѣли вскорѣ рѣшительное вліяніе на судьбу цивилизаціи: изобрѣтеніе книгопечатанія, пороха и открытіе Новаго Свѣта. Позже явилась реформація — новое событіе, имѣвшее неисчислимыя послѣдствія по своему вліянію на нравственный міръ. Съ этихъ поръ міръ преобразился.

Книгопечатаніе, способствовавшее обмѣну мыслей, совершенно другой способъ къ нападенію и оборонѣ—вслѣдствіе изобрѣтенія пороха, внезапное измѣненіе цѣны на поземельную собственность отъ прилива массы металловъ, пущенныхъ въ оборотъ послѣ открытія Америки,— **жажда къ приключеніямъ**, вызванная удачами на новомъ полушаріи и перемѣнившая отношенія общества между собой,— все это еще быстрѣе развилось и, въ нѣкоторомъ родѣ, усовершенствовалось тѣмъ переворотомъ, который реформація произвела въ нравственномъ мірѣ.

Вотъ почему въ эти послѣдніе три вѣка умъ человѣческій такъ изумительно быстро двинулся впередъ! Но развитіе это шло слишкомъ быстро, сравнительно развитію разсудка—единственнаго противовѣса страстей и заблужденій,— и потому революція, подготовленная ложными системами, пагубными заблужденіями нѣсколькихъ знаменитѣйшихъ государей послѣдней половины XVIII столѣтія, вспыхнула, наконецъ, въ странѣ самой просвѣщенной, болѣе всѣхъ разслабленной роскошной жизнью,—въ странѣ самаго легкомысленнаго народа, способнаго легко понимать, но не умѣющаго хладнокровно обсуждать.

Бросивъ бѣглый взглядъ на первоначальныя причины состоянія нынѣшняго общества, намъ необходимо въ особенности указать на то, какого рода зло можетъ угрожать обществу, лишивъ его разомъ огромнаго количества наличнаго имущества — этого плода истинной цивилизаціи—и нарушить его благосостояніе. Мы находимъ опредѣленіе этого зла въ словѣ самонадѣянность — естественное послѣдствіе такого быстраго движенія впередъ человѣческаго ума къ усовершенствованію столь многихъ предметовъ.

Эта самонадѣянность увлекаетъ нынѣ много людей на путь заблужденій, потому что сдѣлалась почти господствующимъ чувствомъ. Религія, нравственность, законодательство, финансы, политика, администрація — все обратилось какъ бы въ общую собственность, которою всѣ одинаково могутъ располагать. Наука обратилась въ даръ природы, опытъ не имѣетъ никакой цѣны для самонадѣяннаго человѣка, вѣра — для него пустое слово, она замѣняется ему такъ называемыми внутренними убѣжденіями;—чтобы выработать ихъ, онъ не трудится надъ собой, не испытываетъ своихъ силъ; эти средства кажутся ему слишкомъ маловажными для такого развитаго ума, который можетъ однимъ взглядомъ охватить всѣ жизненные вопросы и событія. Законы не имѣютъ для него никакой цѣны, потому что не онъ содѣйствовалъ ихъ составленію и потому, что человѣку такого закала, какъ онъ, было бы унизительно признавать предѣлы, начертанные поколѣніями дикихъ и необразованныхъ людей. Власть онъ признаетъ только въ самомъ себѣ; ему-ли покоряться тому, что было полезно только людямъ, лишеннымъ свѣта и знаній? по его убѣжденіямъ то, что годилось для вѣка дряхлости, не годится болѣе для вѣка разума и силы,—для той степени всемірнаго прогресса, которому въ Германіи прогрессисты даютъ нелѣпое названіе эмансипаціи народовъ.

Только на одну нравственность онъ открыто не нападаетъ, потому что безъ нея онъ ни одной минуты не могъ бы ручаться за собственную безопасность; но онъ истолковываетъ ея значеніе по своему произволу и позволяетъ каждому дѣйствовать также, лишь бы его самаго не убили и не ограбили.

Описывая такимъ образомъ характеръ самонадѣяннаго человѣка, мы сдѣлали очеркъ современнаго общества, состоящаго въ наше время изъ тѣхъ же элементовъ,—если только можно назвать обществомъ тотъ порядокъ вещей, который стремится по принципу къ обособленію всѣхъ элементовъ, составляющихъ общество, и желаетъ дать каждой личности право имѣть свои собственные догматы, быть властелиномъ законовъ, по которымъ, какъ ему заблагоразсудится, онъ

можетъ распоряжаться собой или позволять управлять собой и своими сосѣдями,—однимъ словомъ, быть единственнымъ судьей своихъ вѣрованій, дѣйствій и принциповъ, по которымъ онъ понимаетъ законы.

Доказывать-ли послѣднюю истину? Для этого довольно замѣтить, что самыя естественныя чувства національности вычеркнуты изъ катехизиса либераловъ, и что тамъ, гдѣ это слово еще употребляется, оно служитъ вожакамъ партій только предлогомъ къ наложенію оковъ на правительства, или рычагомъ, для поддержанія переворотовъ. Дѣйствительная же цѣль идеалистовъ партій — сліяніе религіи съ политикой; если ее разсмотрѣть поближе, она окажется ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ создать въ пользу отдѣльныхъ личностей существованіе совершенно независимое отъ всякой власти и всякой другой воли, кромѣ собственной.

Понятіе нелѣпое, противное натурѣ человѣка и несовмѣстное съ потребностями человѣческаго общества.

II.

Какими путями зло распространялось и продолжаетъ распространяться.

Средства, которыми зло, тяготѣющее надъ обществомъ, пріобрѣло такую пагубную силу, кажутся намъ двоякими. Однѣ такъ тѣсно связаны съ порядкомъ вещей, что никакое человѣческое предвидѣніе не можетъ ихъ предотвратить.

Другія должны быть подраздѣлены на двѣ категоріи, какъ бы однородны ни казались они по своему вліянію.

Изъ этихъ средствъ, однѣ — отрицательны, другія—положительны.

Мы причисляемъ къ разряду первыхъ—слабость и бездѣйствіе правительствъ.

Достаточно бросить взглядъ на жизнь государствъ въ теченіе XVIII-го столѣтія, чтобы убѣдиться, что ни одно изъ нихъ не подозрѣвало тѣхъ недуговъ и кризисовъ, къ которымъ приближалось общество.

Иная была судьба людей, одаренныхъ, къ несчастію, большими способностями и сознавшихъ свою силу. Они скоро убѣдились въ быстромъ развитіи своего в..нія, въ слабости и бездѣйствіи своихъ соперниковъ,—искусно ..дготовляли и направляли умы въ пользу успѣха гнуснаго своего предпріятія, тѣмъ болѣе гнуснаго, что при исполненіи его, ставили себя выше успѣха, которымъ они сами не могли пользоваться, преимущественно предаваясь чувству ненависти къ Богу и къ его неизмѣннымъ нравственнымъ законамъ.

Во Франціи болѣе нежели въ другихъ странахъ были подобные

люди. Въ ея нѣдрахъ религія и все, что въ ней есть священнаго, нравственнаго и власть съ ихъ охранительной силой,—все было оскорблено этими людьми съ послѣдовательностью и систематическимъ ожесточеніемъ; тутъ орудіе насмѣшки должно было дѣйствовать всего легче и успѣшнѣе. Начните втаптывать въ грязь имя Божіе и власти, установленныя волей Божіей—и революція будетъ подготовлена; заговорите объ общественномъ соглашеніи—и революція вспыхнетъ. Когда во дворцахъ государей, въ гостинныхъ и будуарахъ нѣкоторыхъ городовъ революцію считали оконченною, она начинала только подготовляться въ массѣ народной.

Трудно было бы не остановиться здѣсь на томъ вліяніи, которое съ давнихъ поръ оказывалъ на Францію примѣръ Англіи—страны, находящейся въ такомъ исключительномъ положеніи, и мы смѣло можемъ утверждать, что никакой порядокъ, пригодный для этого государства, ни его обычаи, ни его учрежденія не примѣнимы ни къ какому континентальному государству, и что тамъ, гдѣ они будутъ приняты за образецъ, кромѣ неудобствъ и опасностей, они никакой выгоды не принесутъ.

Судя по направленію умовъ во Франціи, въ эпоху собранія государственныхъ чиновъ и вслѣдствіе принятаго уже болѣе 50-ти лѣтъ общественнымъ мнѣніемъ направленія,—которое въ послѣднее время усилилось и до нѣкоторой степени укоренилось во Франціи, благодаря неблагоразумной помощи, оказанной ея правительствомъ американской республикѣ,—всякая реформа во Франціи, даже въ пользу монархическаго правленія, превращалась вскорѣ въ революцію. То, что всѣ другіе, кромѣ самаго правительства, предвидѣли и предчувствовали, сбылось слишкомъ скоро. Революція вспыхнула и прошла въ полный революціонной жизни въ періодъ времени, который долженъ былъ казаться продолжительнымъ только для ея жертвъ и для современниковъ. Сцены ужасовъ, послѣдовавшія за первыми фазами французской революціи, сильно воспрепятствовали быстрому распространенію за предѣлы страны ея разрушительныхъ началъ; побѣдоносная же война, послѣдовавшая за ней, развила въ иностранныхъ державахъ общественное мнѣніе, весьма не лестное для успѣховъ революціонныхъ принциповъ. Такимъ образомъ, пропаганда якобинцевъ разбилась при первыхъ своихъ преступныхъ попыткахъ.

Но сѣмя, брошенное революціей, успѣло уже проникнуть во всѣ государства и, болѣе или менѣе, даже пустило корни. Оно особенно развилось подъ игомъ военнаго деспотизма Бонапарта. Его побѣды низвергли массу законностей, учрежденій и обычаевъ,—эти узы, священныя для всякаго народа. Онѣ долѣе противостоятъ, нежели самыя

благодѣянія, отъ времени до времени навязываемыя преобразователями.

Такимъ образомъ въ Германіи, въ Италіи, а позже и въ Испаніи революціонный духъ могъ легко себя прикрыть маской истинной любви къ отечеству.

Пруссія впала въ большую ошибку, прибѣгая къ помощи орудія, столь опаснаго, какимъ всегда будутъ тайныя общества; эту ошибку нельзя даже оправдать плачевнымъ положеніемъ, въ какомъ находилась въ то время эта держава. Она первая дала сильный толчекъ революціонному духу въ своемъ государствѣ,—и онъ быстро распространился, поддерживаемый, какъ это можно было ожидать, въ остальной Германіи развитіемъ съ 1806 года системы иностраннаго деспотизма,—системы, къ которой примкнули и поддерживали нѣсколько государей Рейнскаго союза, ниспровергая подъ ея щитомъ учрежденія, которыя съ незапамятныхъ временъ служили своей странѣ охранительной стражей противъ произвола и демократіи.

Война союзниковъ, положивъ преграды преобладанію Франціи, вызвала горячее сочувствіе въ Германіи даже со стороны тѣхъ людей, которые, подъ личиной ненависти къ Франціи, таили въ глубинѣ сердца своего только негодованіе противъ военнаго деспотизма Бонапарта и не менѣе противъ законной власти своихъ собственныхъ государей.

Не смотря на то, благоразуміемъ правительствъ и постоянствомъ въ принципахъ можно было бы, по окончаніи войны въ 1814 г., обезпечить въ Европѣ спокойствіе и счастливую будущность. Такіе сильные опыты и глубокіе уроки могли бы быть съ пользой приложены. Но судьба рѣшила иначе.

Возвращеніе во Францію похитителя власти и совершенно ложная система французскаго правительства 1815 и 1820 гг. повели къ умноженію новыхъ опасностей и страшныхъ бѣдствій для всемірной цивилизаціи. Первому бѣдствію отчасти обязаны своимъ критическимъ положеніемъ общественные интересы. Бонапартъ уничтожилъ во 100 дней труды 14-ти лѣтъ, въ продолженіе коихъ онъ пользовался властью; онъ разнуздалъ революцію, которую ему сначала удалось подавить; онъ возвратилъ умы не къ эпохѣ 18-го брюмера, но къ принципамъ учредительнаго собранія въ эпоху самаго грустнаго ослѣпленія.

То, что сдѣлалъ Бонапартъ въ ущербъ Франціи и Европы, важныя ошибки, сдѣланныя позже французскимъ правительствомъ,—и которымъ, съ своей стороны, предались другія державы въ своихъ собственныхъ рѣшеніяхъ,—результаты всего этого тяготѣютъ еще и въ наше время надъ міромъ: они угрожаютъ совершенно разрушить дѣло реставраціи—плодъ столькихъ славныхъ усилій и союза первыхъ мо-

нарховъ, небывалаго въ лѣтописяхъ исторіи; угрожаютъ обществу пагубными катастрофами, превосходящими всякій разсчетъ.

Мы не коснулись еще въ настоящей запискѣ самыхъ животрепещущихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ опасныхъ орудій, которыми пользуются революціонеры всѣхъ націй съ успѣхомъ, нынче никѣмъ неоспариваемымъ. Это—тайныя общества—сила дѣйствительная и тѣмъ болѣе опасная, что дѣйствуетъ подъ спудомъ, подкапываясь подъ всѣ части общественнаго организма, всюду оставляя зародышъ нравственной заразы, которая быстро развивается и приноситъ плоды. Посвящаемъ особую главу разбору этого бича, одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ, за которымъ правительства, дорожащія спокойствіемъ своимъ и своего народа, должны неусыпно слѣдить и ему противодѣйствовать.

III.

Существуютъ-ли еще средства противъ этого зла и какія могутъ они быть.

Мы принимаемъ за правило, что каждое зло содержитъ въ себѣ противоядіе и что изученіе корня зла приводитъ къ открытію средства противъ него. Немногіе, однако, даютъ себѣ трудъ вникнуть въ то зло, которое они готовятся побороть. Всѣ болѣе или менѣе подчиняются вліянію страстей и находятся подъ гнетомъ предразсудковъ; многіе достойны еще большаго порицанія тѣмъ, что дѣйствуютъ подъ пріятной и иногда даже блестящей личиной; мы говоримъ о духѣ системы—объ этомъ направленіи, почти всегда ложномъ, но неистощимомъ, отважномъ, не способномъ отступать, удовлетворяющемъ людей, которые его поддерживаютъ, потому что они живутъ и дѣйствуютъ въ мірѣ, ими самими созданномъ,—тѣмъ болѣе пагубнымъ для жителей міра дѣйствительнаго, что онъ совершенно противоположенъ фантастическому міру.

Другой разрядъ людей, видя только наружную оболочку зла, смѣшиваетъ побочныя обстоятельства съ главнымъ предметомъ; и вмѣсто того, чтобы направить всѣ свои усилія къ источнику зла, они удовлетворяются противодѣйствіемъ нѣкоторымъ симптомамъ проходящихъ припадковъ.

Обязанность наша—стараться избѣгать эти оба подводные камня.

Зло существуетъ и оно громадно. На источникъ его, всегда и вездѣ безпрерывно дѣйствующій, мы уже указали и не можемъ точнѣе опредѣлить его, какъ словомъ самонадѣянность — эта неразлучная спутница полузнанія, развивающая самолюбіе и легко находящая себѣ удовлетвореніе въ смутахъ государственныхъ переворотовъ. Эта нравственная зараза поражаетъ преимущественно средній классъ общества,—изъ этого сословія и рождаются настоящіе пред-

водители партій. Масса народонаселенія не поддается этому злу и никогда не станетъ его добычей. Трудовая жизнь, на которую обреченъ нисшій классъ, т. е. народъ въ настоящемъ смыслѣ слова, слишкомъ положительна и насущна, чтобы все неопредѣленно-отвлеченное и чувство честолюбія могло имѣть для него притягательную силу. Простой народъ знаетъ, что самое большое благополучіе для него, если завтрашній день обезпеченъ, потому что только слѣдующій день даетъ ему вознагражденіе за труды и заботы прошедшаго дня. Законы, гарантирующіе свою справедливую защиту первѣйшему изъ благъ — безопасности личностей, семействъ и собственности, совершенно просты по своему существу. Народъ боится волненій, потому что они вредятъ промышленности; онъ ихъ страшится, потому что они навлекаютъ на него новыя тягости. Люди высшихъ сословій, увлекающіеся поприщемъ, которое имъ представляетъ революція, бо̀льшею частію — или ложные честолюбцы, или люди развратные и слабодушные въ самомъ обширномъ смыслѣ этихъ словъ. И потому роль ихъ обыкновенно кратковременна — ихъ головы падаютъ постоянно первыми жертвами политическихъ переворотовъ; а тѣ немногіе, которые переживаютъ событія, обыкновенно обращаются въ царедворцевъ, презираемыхъ даже своими подчиненными, достигшими высшихъ почестей въ государствѣ.

Франція, Германія, Италія и Испанія представляютъ намъ въ настоящее время бездну живыхъ примѣровъ, подтверждающихъ наши слова.

Мы не думаемъ, чтобы Францію ожидали новые революціонные перевороты, исключая, быть можетъ, какихъ-нибудь отдѣльныхъ возмущеній въ палатахъ или въ высшихъ сферахъ правительства; ненависть народа ко всему, что можетъ поколебать спокойствіе, которымъ онъ наслаждается послѣ стольких страданій и злополучій, слишкомъ очевидна.

Въ Германіи, такъ же какъ въ Испаніи и въ Италіи, народъ жаждетъ только мира и спокойствія. Въ этихъ четырехъ государствахъ революціонеры принадлежатъ къ разряду или финансовыхъ людей, настоящихъ космополитовъ, обезпечивающихъ свои выгоды въ ущербъ общественнаго порядка; или, людей, содержимыхъ государствомъ, а также литераторовъ, адвокатовъ и личностей, занимающихся народнымъ образованіемъ. Къ этому классу людей присоединяются ложные честолюбцы; число ихъ незначительно при скромныхъ условіяхъ жизни, но обыкновенно увеличивается въ высшихъ слояхъ общества.

Впрочемъ, не было времени, когда бы не раздавался какой-либо лозунгъ партій. Этотъ лозунгъ съ 1815 года состоитъ изъ слова кон-

ституція. Но не забудемъ, что слово это понимается весьма различно, и мы ошибаемся, если думаемъ, что партіи приписываютъ ему одинаковый смыслъ при разныхъ правленіяхъ. Совсѣмъ нѣтъ. Въ настоящихъ монархіяхъ слово конституція обозначаетъ народное правительство. Въ странахъ, гдѣ только недавно стали подчиняться правленію этого рода, конституція превращается въ развитіе и гарантію хартій и основныхъ законовъ.

Въ единственномъ государствѣ, гдѣ существуетъ древнее народное представительство, слово конституція преобразилось въ реформу. Вездѣ же оно обозначаетъ: перевороты и смуты.

Точнѣе опредѣлить значеніе слѣдуетъ такимъ образомъ: въ настоящихъ монархіяхъ, „чтобы уровень равенства проходилъ по вашимъ головамъ, чтобы ваша собственность переходила въ чужія руки, чтобы честолюбіе ваше, удовлетворенное уже вѣками, уступило мѣсто нашему честолюбію".

Въ государствахъ же, гдѣ принятъ новый образъ правленія, говорится, „чтобы честолюбіе, удовлетворенное вчера, уступило мѣсто честолюбію завтрашнему, а это завтра уже наступаетъ для насъ".

Въ Англіи, наконецъ, въ странѣ, единственно принадлежащей къ 3-му разряду, лозунгъ соединяетъ въ себѣ оба значенія слова.

Такимъ образомъ Европа представляетъ собой безпристрастному наблюдателю зрѣлище въ одно и то же время—плачевное и странное.

Мы всюду видимъ народы, всѣ желанія которыхъ стремятся въ пользу поддержанія мира и спокойствія, вѣрные Богу и своему государю, равнодушные къ постояннымъ обольщеніямъ и искушеніямъ мятежниковъ, которые, подъ именемъ истинныхъ друзей народа, стараются склонить его къ движеніямъ, народомъ неодобряемымъ.

Видимъ правительства, утратившія свою самоувѣренность, испуганныя, пристыженныя, смущенныя криками средняго класса общества, поставленнаго между государями и народомъ, разбивающаго скипетры первыхъ и захватывающаго голоса послѣдняго, завладѣвающаго всѣми путями къ престолу;—этого сословія, такъ часто не признаваемаго народомъ, когда ему вздумается говорить отъ его имени, и котораго, однако, слишкомъ много слушаютъ, ласкаютъ и боятся тѣ, которые однимъ словомъ, могли бы обратить его въ ничто.

Видимъ, какъ эти люди бросаются въ слѣпой ярости и съ ожесточеніемъ, обнаруживая болѣе боязни, нежели надежды, во всѣ предпріятія, которыя должны утолить властолюбіе; видимъ, какъ они увѣряютъ государей, что права ихъ должны быть ограничены возсѣданіемъ на престолѣ, а управленіе государства должно быть въ рукахъ ихъ сословія; нападаютъ на все священное и непреложное, завѣщанное вѣ-

ками человѣчеству; отрицаютъ прошлое и признаютъ себя творцами будущаго. Мы видимъ людей этого сословія подъ всѣми возможными масками,—видимъ, какъ они соединяются и расходятся, смотря по своимъ надобностямъ, какъ они помогаютъ другъ другу въ день опасности и не щадятъ другъ друга послѣ всякой новой удачи.

Это сословіе завладѣло печатью, которая управляетъ имъ, заставляетъ проповѣдывать безбожіе, ослушаніе законамъ религіи и государства и увлекается до того, что проповѣдуетъ убійство, какъ долгъ того, кто знаетъ, чего онъ хочетъ. Одинъ изъ подобныхъ предводителей въ Германіи далъ слѣдующее опредѣленіе общественному мнѣнію: „воля человѣка, сильнаго духомъ партіи",—правило, слишкомъ часто прилагаемое къ дѣлу и слишкомъ мало признанное людьми, прямая обязанность которыхъ—спасать общество отъ его собственныхъ заблужденій, слабостей и преступленій, совершаемыхъ мятежниками какъ бы въ интересахъ общества. Предводители мятежа, встрѣтивъ затрудненія управлять народомъ по произволу своихъ желаній, своихъ интересовъ и къ удовлетворенію своего честолюбія, обратили взоры на другое орудіе, болѣе способное служить ихъ преступнымъ предпріятіямъ и ускорить ихъ исполненіе. Они обратились къ войску; это было верхъ опасности или, быть можетъ и спасеніе для правительствъ, если Богу угодно будетъ внушить имъ рѣшеніе, твердое и выдержанное.

Зло очевидно; средство, употребляемое партіями, до такой степени предосудительно въ самомъ своемъ основаніи, до того преступно въ своемъ приложеніи и даже представляетъ такую опасность для партій, что то, на что люди съ ограниченнымъ взглядомъ, съ сердцемъ и умомъ разбитыми обстоятельствами, оказавшимися сильнѣе ихъ ожиданій и храбрости, смотрятъ какъ на предѣлъ существованія общества, именно то самое можетъ послужить первымъ шагомъ къ улучшенію порядка вещей.

Право будетъ на сторонѣ этихъ слабыхъ людей, если болѣе сильные не явятся, не сплотятся и не удержатъ за собой побѣду.

Мы убѣждены, что общество не можетъ быть спасено безъ мѣръ рѣшительныхъ и сильныхъ со стороны правительствъ, еще свободно располагающихъ своей мыслію и своими дѣйствіями; а также и въ томъ, что оно можетъ быть спасеннымъ, если правительства встанутъ лицомъ къ лицу къ истинѣ, если онѣ отрѣшатся отъ всякихъ заблужденій, сомкнутъ свои ряды и утвердятся на пути вѣрныхъ началъ, поставленныхъ внѣ всякой двусмысленности, откровенно высказанныхъ и выдержанныхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, монархи исполнятъ первѣйшую изъ своихъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ тѣмъ,

кто, ввѣряя имъ власть, поручаетъ имъ пещись о сохраненіи правосудія, правъ личныхъ и общественныхъ, избѣгать путей, ведущихъ къ заблужденіямъ, и идти по стезѣ истины. Поставленные внѣ сферы страстей, которыя волнуютъ общество, они призваны для того, чтобы разоблачать истину отъ ложныхъ призраковъ, показать себя въ настоящемъ свѣтѣ отцами, облеченными властію, принадлежащею по праву главѣ семейства,—доказать, что и во дни печали они болѣе, чѣмъ когда-либо, сильны, справедливы и мудры, и что они никогда не пожертвуютъ своими народами, которыми обязаны управлять, игрѣ партій, заблужденію и его послѣдствіямъ, не могущими быть ни чѣмъ инымъ, какъ погибелью общества.

Минута, въ которую мы высказываемъ нашу мысль, есть одна изъ минутъ кризиса и этотъ кризисъ важенъ; онъ будетъ рѣшителенъ, смотря по тому, будутъ-ли приняты какія-нибудь мѣры, или нѣтъ. Существуетъ правило поведенія, общее какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для государствъ, испытанное опытомъ какъ цѣлыхъ вѣковъ, такъ и каждаго дня; это правило гласитъ: „среди волненія страстей не слѣдуетъ думать о реформахъ; благоразуміе требуетъ, чтобы въ подобныя минуты было только соблюдено охраненіе".

Монархи должны твердо стоять за это правило, всѣ ихъ повелѣнія должны носить его отпечатокъ; ихъ дѣйствія, ихъ мѣры и даже ихъ слова должны обнаруживать и доказывать міру это рѣшеніе,—и тогда они всюду найдутъ себѣ союзниковъ.

Правительства, придерживаясь принципа непоколебимости, вовсе не порицаютъ этимъ развитія всего хорошаго, потому что непоколебимость не есть неподвижность. Но это хорошее должно быть даруемо правительствами, а не партіями, для которыхъ благосостояніе народовъ есть дѣло совершенно постороннее. Только правительство можетъ опредѣлить его предѣлы, смотря по нуждамъ и времени. Благоразумныя реформы могутъ быть достигнуты отнюдь ни уступками, которыхъ партіи вымогаютъ у законной власти, не имѣя никакого права требовать ихъ, ни способности удерживать въ настоящихъ предѣлахъ. Да совершается все хорошее – вотъ наше самое горячее желаніе; но да будетъ хорошее отличено отъ дурнаго, и дѣйствительно хорошее да будетъ совершаемо только тѣми, кто соединяетъ въ себѣ—право, власть и средства къ его исполненію. Таково должно быть также искреннее желаніе народовъ, которые горькимъ опытомъ узнали цѣну и достоинство извѣстныхъ фразъ и извѣстныхъ ласкательствъ.

Уваженіе ко всему существующему; предоставленіе свободы каждому; правительству быть блюстителемъ благосостоянія своего собствен-

наго народа; поддержаніе союза между всѣми правительствами противъ заговорщиковъ всѣхъ странъ; презрѣніе къ словамъ, лишеннымъ смысла и обратившимися въ лозунгъ для мятежниковъ; уваженіе постепенныхъ усовершенствованій учрежденій на пути законности; отказъ со стороны всѣхъ монарховъ въ помощи и содѣйствіи людямъ партій, прикрывающихся какой-либо маской,—вотъ, къ счастію, каковъ образъ мысли великихъ монарховъ. Міръ можетъ быть спасенъ, если они приведутъ эти мысли въ исполненіе, если же нѣтъ,—то онъ погибнетъ.

IV.

Продолженіе.

Союзъ между монархами составляетъ въ наше время главную основу послѣднихъ средствъ, которыя остается употребить для спасенія общества отъ его окончательнаго разрушенія.

Въ чемъ же заключается цѣль, къ которой должны быть направлены эти средства? Чѣмъ важнѣе этотъ вопросъ, тѣмъ необходимѣе его разрѣщеніе. Правило важно, но настоящее свое значеніе получаетъ оно только черезъ примѣненіе къ дѣлу.

Первоначальные источники зла, тяготѣющаго надъ міромъ, уже упомянуты нами въ нашей запискѣ въ видѣ легкаго очерка. Возрастающія причины зла были тоже указаны. Если относительно отдѣльныхъ личностей мы опредѣлили это зло словомъ самонадѣянность, то мы можемъ, примѣняя его къ обществу, взятому въ цѣломъ, опредѣлить существующее зло, назвавъ его: сбивчивостью понятій, къ которой постоянно приводитъ чрезмѣрное обобщеніе.

Разсмотримъ, что̀ въ настоящую минуту волнуетъ общество.

Все, что до сего времени признавалось неизмѣннымъ въ правилахъ, нынѣ преслѣдуется и опровергается.

Въ религіозномъ отношеніи: умъ замѣняетъ вѣру, изслѣдованіе замѣняетъ исповѣдь, христіанская нравственность замѣняетъ законъ Христа, переданный намъ авторитетами христіанства.

Въ этомъ направленіи дѣйствуютъ съ горячимъ рвеніемъ въ католической церкви янсенисты и тьма отдѣльныхъ сектантовъ, желающихъ достигнуть религіи безъ церкви; въ протестантскихъ сектахъ—методисты, подраздѣленные между собой почти на столько же сектъ, сколько находится отдѣльныхъ лицъ, рьяные ревнители библейскихъ обществъ и унитаристы, т. е., ревнители соединенія лютеранъ и кальвинистовъ въ одну евангелическую общину.

Общая цѣль этихъ людей, какой бы религіей они не прикрывались, ничто иное, какъ посягательство на авторитетъ,—съ ду-

ховной точки зрѣнія, они добиваются освобожденія духовнаго; революціонеры же, которые увлекаются не одними только разсчетами личнаго честолюбія, домогаются освобожденія личностей.

Какъ тѣ, такъ и другіе говорятъ: существуетъ Богъ и существуютъ права для людей; права эти дарованы имъ природой. Первѣйшее право—свобода духа, нераздѣльное съ свободой личной. Богъ же, создавая человѣка и одаривъ его разумомъ, далъ ему способности и право создать свои правила и законы; вѣра есть свойство личное, навязывать ее нельзя никому, ибо, вынужденная, она станетъ въ борьбу съ главнымъ правиломъ—съ свободой сужденія. Законы иначе не должны ограничивать свободу дѣйствій, какъ въ виду личной безопасности; слѣдовательно, единственные законы, могущіе быть согласны этому правилу и этой потребности, суть тѣ, для наблюденія, составленія и развитія которыхъ безпрерывно содѣйствуютъ отдѣльныя личности.

Нелѣпая система, столько же безбожная, сколько смѣшная. Она принята и превозносится тщеславіемъ поколѣнія, возбужденнаго льстивыми страстями и предоставленнаго обольщеніямъ, систематически разсчитаннымъ и поддерживаемымъ развратными и испорченными людьми этой массы, —предоставленной толпѣ сатириковъ и шарлатановъ и нѣсколькимъ ловкимъ, но не глубокимъ мыслителямъ, виновникамъ столькихъ заблужденій и соучастникамъ столь многихъ, ужасныхъ катастрофъ!

Если подобныя же начала разрушенія, волнующія въ настоящее время общество, существовали во всякомъ столѣтіи,—такъ какъ всякая эпоха порождала безнравственныхъ честолюбцевъ, лицемѣровъ, восторженныхъ сумасбродовъ, ложныхъ мыслителей и прожектеровъ,— то въ наше время одинъ фактъ существованія свободы печати заключаетъ въ себѣ болѣе средствъ, чѣмъ всѣ предшествующія времена, къ сообщенію, обольщенію и согласованію,— средствъ, гораздо сильнѣйшихъ и удобнѣе приводящихся въ исполненіе, чтобы дѣйствовать на различныя сословія.

Конечно, не мы одни утверждаемъ, что общество не можетъ существовать вмѣстѣ съ свободой печати — съ этимъ бичемъ, неизвѣстнымъ міру въ послѣдней половинѣ XVII вѣка и ограниченнымъ до конца XVIII столѣтія, съ нѣкоторыми постыдными исключеніями относительно Англіи,—этой части Европы, отрѣзанной отъ континента, столько же морями, сколько своими своеобразными обычаями и нарѣчіемъ.

Главное правило, которому должны слѣдовать монархи, соединенные волей вслѣдствіе единства желаній и сужденій, должно быть слѣдующее:

Непоколебимость въ политическихъ учрежденіяхъ, какъ противодѣйствіе необузданному **волненію**, охватившему умы.

Постоянство правилъ, какъ противодѣйствіе страсти къ **истолкованіямъ**.

Уваженіе къ законамъ въ силѣ, какъ противодѣйствіе ихъ **низверженію**.

И дѣйствительно, говоря помимо всякаго политическаго анализа, можно-ли назвать разумнымъ человѣкомъ того, который вздумалъ бы, въ минуту осады города, выбирать планъ для новой постройки въ его оградѣ, или во время пожара—приводить въ порядокъ свое хозяйство, или во время какой-либо катастрофы—заняться разрѣшеніемъ отвлеченной задачи?

Положенія государей, сидящихъ на престолахъ, уподобляются въ наше время положенію такого человѣка; народы раздѣляютъ нужды и опасности своихъ государей. Тутъ вопросъ о жизни и о существованіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Вотъ почему народы хотя страдаютъ, но спокойны. Пусть престолы пребываютъ непоколебимы — и среднее сословіе увидитъ себя между охраной трона и народа, этими двумя огромными силами. Къ тому же, классъ этотъ раздѣляется на двѣ категоріи, весьма отличныя другъ отъ друга. Къ одной изъ нихъ принадлежатъ проповѣдники равенства (niveleurs), къ другой—доктринеры.

Дѣйствуя во едино во дни волненій, эти люди расходятся во дни ожиданій. Обязанность правительства—узнать и оцѣнить ихъ по достоинству.

Между проповѣдниками равенства встрѣчаются люди, сильные волей и рѣшимостью; между доктринерами подобныхъ людей нѣтъ. Если первыхъ слѣдуетъ бояться во время дѣйствій, то послѣдніе опасны во время обманчиваго затишья, которое всегда предшествуетъ какъ бурямъ физической природы, такъ и волненіямъ въ общественномъ строѣ.

Постоянно увлекающіеся отвлеченными идеями и постоянно находящіеся внѣ всякаго приложенія къ дѣйствительнымъ потребностямъ, и даже обыкновенно противодѣйствующіе имъ, люди этого разряда не перестаютъ волновать народы своими вымышленными или притворными опасеніями и приводить въ безпокойство правительства, чтобы заставить ихъ уклониться отъ истиннаго пути.

Міръ требуетъ для своего управленія фактовъ и правосудія, а не пустословія и однѣхъ теорій; главная потребность общества найти поддержку въ силѣ власти, а всякая власть безъ дѣйствительной силы не достойна своего названія и не въ состояніи управлять сама

собой. Соображая число распрей между партіями въ разнородныхъ правительствахъ и прислушиваясь къ жалобамъ, справедливымъ по своему существу, которыя порождаетъ уклоненіе отъ власти въ христіанскомъ государствѣ, сравненіе будетъ не въ пользу доктринъ. Главная и самая важная необходимость для большинства каждой націи—непоколебимость въ законахъ, ничѣмъ непрерываемое ихъ примѣненіе, но никакъ не измѣненія и ихъ неопредѣленное усовершенствованіе,—это мечта, такая же нелѣпая, какъ безконечное усовершенствованіе самаго человѣка.

И такъ, да правятъ правительства.

Да поддерживаютъ онѣ основныя начала своихъ учрежденій, старыхъ и новыхъ; если измѣненія въ нихъ были во всѣ времена сопряжены съ опасностью, то тѣмъ болѣе онѣ опасны теперь, во время всеобщаго волненія.

Пусть правительства заявятъ передъ лицомъ народа свое твердое рѣшеніе и докажутъ его въ дѣйствіяхъ своихъ!

Да заставятъ онѣ молчать доктринеровъ въ нѣдрахъ своего государства и да покажутъ свое презрѣніе къ доктринерамъ, находящимся внѣ государства.

Да не содѣйствуютъ они своимъ существованіемъ и своими дѣлами поддержанію заблужденій, и да не допустятъ менѣе отважныхъ къ предпочтенію пустыхъ попытокъ опыту, имѣющему свои права.

Да будутъ онѣ точны и ясны въ своихъ словахъ и да не стремятся онѣ къ пріобрѣтенію успѣха уступками партіямъ, мечтающимъ лишь о низверженіи всякой чуждой имъ власти; уступками онѣ ничего не пріобрѣтутъ—каждая уступка придаетъ партіи смѣлости на притязаніе ко власти.

Да будутъ онѣ осторожны во время волненій болѣе, чѣмъ во всякое другое время, въ предпріятіяхъ къ дѣйствительнымъ усовершенствованіямъ, а не насильно вытребованнымъ нуждами настоящей минуты, дабы благо это не послужило имъ же во вредъ,—что можетъ случиться всегда, когда мѣра правительства была вызвана страхомъ.

Да не смѣшиваютъ онѣ добра, которое могутъ сдѣлать своему народу, съ уступками партіямъ, уменьшая, сообразно признаннымъ потребностямъ, ту вѣтвь управленія, которая требуетъ подобной мѣры.

Да приложатъ онѣ должное вниманіе къ состоянію финансовъ своей страны, дабы, посредствомъ облегченія общественныхъ должностей, дать возможность народу вкусить благо мира—не обманчиваго, но дѣйствительнаго.

Да будутъ онѣ справедливы, но сильны; благосклонны, но строги.

Да поддерживаютъ онѣ религіозныя начала во всей ихъ чистотѣ и да не потерпятъ посягательства на догматы и толкованія нравственности, соотвѣтственно общественнымъ условіямъ или бреднямъ простыхъ сектантовъ.

Да уничтожатъ они тайныя секты—эту язву общества.

Наконецъ, да сплотятся между собой великіе монархи и докажутъ свѣту, что если ихъ союзъ существуетъ, то онъ благодѣтеленъ, потому что обезпечиваетъ политическій миръ въ Европѣ; что онъ силенъ, чтобы поддерживать спокойствіе въ то время, какъ все направлено противъ него; что правила, которыхъ онъ придерживается, отеческія и попечительныя для добрыхъ, но грозныя для посягателей на общественное спокойствіе.

Правительства второстепенныя увидятъ въ подобномъ союзѣ якорь своего спасенія и поспѣшатъ также къ нему присоединиться.

Въ народахъ возродится довѣріе и смѣлость, и можетъ водвориться спокойствіе самое глубокое и самое благодѣтельное, какое можетъ доказать исторія всѣхъ временъ,—ибо этотъ миръ сразу подѣйствуетъ на всѣ существующія еще государства и не останется безъ рѣшительнаго вліянія на судьбу тѣхъ, учрежденія которыхъ близки къ разрушенію, и на отрезвленіе тѣхъ, которые уже испытали бичъ революціи.

Каждое великое государство, рѣшившееся пережить волненія минуты, сохраняетъ великія надежды па спасеніе.

Крѣпкій союзъ между государствами, основанный на высказанныхъ нами началахъ, поборетъ и самыя волненія.

(Перев. съ французскаго **А. В. З**.).

ГРАФЪ КАРЛЪ НЕССЕЛЬРОДЕ.

Защита политики Россіи и положенія, принятаго ею въ Европѣ[1]).

1854 г.

Пришлось бы вдаться въ разсужденія, слишкомъ пространныя, чтобы разобрать по пунктамъ историческій обзоръ нашей полувѣковой политики, сдѣланный г. Погодинымъ и оцѣнить по достоинству его воззрѣнія. всегда пристрастныя, часто не точныя и одностороннія.

Достаточно будетъ краткаго изложенія его главнаго тезиса и выводовъ, изъ него дѣлаемыхъ.

Авторъ письма старается доказать, что политика Россіи въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ шла ложнымъ путемъ; а такъ какъ она поддерживала въ Европѣ начало консервативное, то и успѣла только въ томъ, что народы противъ себя возстановила, не привязавъ къ себѣ правительствъ, изъ чего и явствуетъ, что таковая политика оказалась несостоятельною и что ее слѣдуетъ замѣнить иною.

Можно подумать, что въ этотъ долговременный періодъ императорскій кабинетъ былъ воленъ въ выборѣ иного принципа и иныхъ союзовъ.

Легко, однако же, убѣдиться, что и этотъ принципъ, и эти союзы были, напротивъ, дѣломъ не выбора, но необходимости. Если бы это было иначе, то какимъ образомъ могло случиться, чтобы подобной системѣ неизмѣнно слѣдовали въ теченіе трехъ царствованій, при различныхъ монархахъ и различныхъ государственныхъ людяхъ?

---

[1]) Этотъ мемуаръ приписываемый графу Нессельроде, былъ вызванъ одною изъ записокъ М. П. Погодина: «О восточномъ вопросѣ», во множествѣ списковъ распространившеюся въ обществѣ въ 1854—55 годахъ. М. П. Погодинъ, между прочимъ, трактовалъ о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыя была вовлечена Россія своею не славянскою, не національною политикою. **Ред.**

Между тѣмъ, самъ авторъ сознается, что эту систему предписывали своимъ министрамъ, императоры: Павелъ, Александръ и Николай. Даже императрица Екатерина, въ послѣдніе годы своего царствованія, въ ту минуту, когда французская революція внезапно замѣнила вопросами общественными, дѣла, чисто политическія, была принуждена направить всю тяжесть своихъ силъ на поддержаніе принципа порядка.

Его величество императоръ Николай, менѣе нежели который-либо изъ его предшественниковъ, могъ принять иную систему.

Царствованіе свое началъ онъ подавленіемъ въ самой Россіи ужаснаго бунта. Черезъ пять лѣтъ ему пришлось укрощать возмущеніе въ Польшѣ, болѣе опасное и ожесточенное.

Съ этой минуты его путь явственно былъ ему начертанъ.

Сосѣднія державы: Австрія, Пруссія. Германія были средоточіемъ или цѣлью революціонныхъ предпріятій, подобныхъ предъидущимъ, и онъ по необходимости былъ принужденъ заключить союзъ съ государями и матеріальными силами поддерживать ихъ противъ безначалія. Вслѣдствіе этой же самой причины на его нравственную опору могли полагаться и всѣ прочіе государи, какъ бы они ни были отдалены отъ насъ, если только вступали въ борьбу съ безначаліемъ— общимъ врагомъ всѣхъ престоловъ.

Слѣдуя этой политикѣ и подчиняя ей свои союзы, императоръ не дѣлалъ выбора: онъ невольно повиновался не чувствамъ личнаго предпочтенія, но требованіямъ, внушаемымъ ему чувствами самосохраненія.

Ненадежное положеніе Польши, происки эмиграціи вмѣняли ему это рѣшеніе и онъ поставилъ его себѣ въ непреложный законъ. Государь не добровольно, какъ выражается авторъ, служилъ Австріи и Пруссіи. Онъ нисколько не жертвовалъ Россіею выгодамъ Австріи или Пруссіи. Онъ только отстаивалъ свой собственный домъ, утушая пожаръ у сосѣдей.

Вотъ настоящая, практическая точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на принципъ дѣйствія нашей политики. Она достаточно выясняетъ положеніе, принятое императоромъ относительно Европы, и въ особенности тѣ услуги, которыя его величество оказалъ Австріи, нравственно—въ Италіи, и матеріально—въ Венгріи.

Эта политика могла имѣть свои неудобства, но какая же человѣческая политика ихъ не имѣетъ? Она могла не всегда превозмогать препятствія, не вездѣ въ одинаковой степени, въ томъ или въ другомъ случаѣ; но вопросъ въ томъ: удалась-ли она вообще? упрочила-ли она внутреннее спокойствіе Россіи, ея значеніе и нравственную

силу Россіи извнѣ? Никто, конечно, не станетъ отрицать, что съ 1815, а тѣмъ болѣе съ 1848 года, вліяніе Россіи значительно усилилось. Кто станетъ оспаривать, что до послѣдняго кризиса, разстроившаго всѣ прежнія отношенія и измѣнившаго всѣ положенія, Россія, въ лицѣ своего государя, занимала преобладающее положеніе въ Европѣ. Но такое положеніе требовало отъ Россіи уступчивости, умѣренности и постояннаго безкорыстія и вслѣдствіе этого не одну жертву не только со стороны самолюбія, но даже личнаго честолюбія, лишь бы высшій интересъ ея политики не подчинялся второстепеннымъ соображеніямъ.

Разбирая событія, ознаменовавшія долгій періодъ времени, автору легко было для группировки выхватывать факты единичные, одинъ отъ другаго отдаленные, съ цѣлію доказать, что торжество нашего принципа никогда не было полно. Но его можно также спросить, есть-ли въ исторіи хотя одинъ примѣръ всецѣлаго и всемірнаго торжества какого-либо начала? Справедливо-ли утверждать, что такая-то политика потерпѣла неудачу, потому что въ промежутки 15-ти или 20-ти лѣтъ подавленная-было опасность снова возникала; и что приходилось снова бороться, когда каждый разъ борьба оканчивалась въ пользу порядка? Отъ насъ-ли зависѣла во Франціи смѣна Карла X, Лудовика-Филиппа, республики и имперіи? Не думаютъ-ли, что Россія желаетъ, или что она въ состояніи издалека вліять съ неотразимою силою на направленіе умовъ и на правительство этого государства?

Если Англіи никогда не признававшей Наполеона I, ни его сына, угодно было признать Наполеона III; если она покорилась необходимости идти въ разрѣзъ историческимъ преданіямъ, имѣли-ли мы поводъ предписывать Англіи болѣе честолюбія и чувства собственнаго достоинства, нежели она сама сочла нужнымъ выказать.

А между тѣмъ, по словамъ автора, наша политика должна была въ доказательство своей силы предупредить и отвратить всѣ эти событія.

Онъ негодуетъ на то, что Греціи дали короля изъ нѣмцевъ. А развѣ онъ предпочелъ бы француза или англичанина? Авторъ долженъ сознаться, что въ случаѣ выбора русскаго князя, не обошлось бы безъ всеобщей войны — результата, несовмѣстнаго съ видами нашихъ противниковъ въ дѣлѣ нашей восточной политики. Если правленіе въ Греціи и духъ его учрежденій не всегда согласовались съ цѣлями нашихъ желаній, этому удивляться нечего, если принять въ соображеніе существованіе двухъ державъ, которыя, благодаря своему географическому положенію, своимъ морскимъ силамъ, своимъ книгамъ и журналамъ, располагаютъ тысячею средствъ перевѣшивать въ Греціи чисто религіозное вліяніе Россіи.

Еще разъ повторяемъ: въ цѣломъ, а не по одиночнымъ событіямъ политики надобно судить о результатахъ всяческой; и до послѣдняго времени, особенно въ настоящее царствованіе, та именно политика, которую обвиняютъ въ неудачѣ, дала Россіи высокую роль въ Европѣ. Но съ той минуты, когда временно сложившіеся и обезпеченные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ вопросамъ,—съ той минуты и союзы, заключенные въ духѣ этихъ интересовъ, перестаютъ соотвѣтствовать видамъ, возникающимъ изъ тѣхъ вопросовъ. Мы видѣли подтвержденіе этому каждый разъ, когда восточный вопросъ всплывалъ наружу. При каждомъ столкновеніи нашемъ съ Турціей, Австрія начинала относиться къ намъ холодно, и если не въ силахъ была препятствовать нашимъ видамъ, то, по крайней мѣрѣ, отказывалась слѣдовать имъ.

Она могла бы ту враждебную политику, которою увлекается нынѣ начать еще въ 1828 г., впрочемъ и безъ нашего союза съ Франціей Карла X, союза, на этотъ разъ невозможнаго, вслѣдствіе существованія священнаго союза и многихъ другихъ обстоятельствъ. У Австріи есть — или она воображаетъ, что у нея есть свои интересы на востокѣ не тождественные съ нашими. Даже тѣ мысли, которыя авторъ письма излагаетъ относительно 30 тысячъ подвластныхъ Австріи и Турціи славянъ, не способны были бы разубѣдить Австрію въ противномъ. Эта причина, конечно, не оправдываетъ ни образа дѣйствія ея въ отношеніи къ намъ, ни ея неблагодарности въ отплату за наши недавнія услуги. Но если австрійское правительство справедливо можетъ упрекать себя, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Россія сама себя осудила.

Настоящее положеніе дѣлъ не можетъ быть помѣхою тому, чтобы императоръ не былъ правъ, оказавъ поддержку Австріи въ другомъ случаѣ, гдѣ ея интересы были тождественны съ нашими; это же положеніе не есть доказательство ложной политики Россіи во время венгерскаго возмущенія, союзнаго съ польскою эмиграціей, когда они грозили нашей собственной безопасности. Что же касается до Пруссіи и до остальной Германіи, то память о нашихъ услугахъ, въ этихъ правительствахъ, вовсе такъ не изгладилась, какъ полагаетъ авторъ. Главныя государства германскаго союза чувствуютъ, какъ важно для нихъ сохранить въ будущемъ нашу защиту. Одно только безсильное ихъ положеніе препятствуетъ имъ откровенно говорить и дѣйствовать въ духѣ Россіи. Но этимъ еще не сказано, что должно нынѣ-же потерять надежду на ихъ сопротивленіе гнету, которому они подвержены; еще того менѣе причислять ихъ къ нашимъ отъявленнымъ врагамъ. Политика, основанная на поддержаніи порядка въ Европѣ, неизбѣжно

должна была навлечь на себя ненависть, какъ вольныхъ, такъ и невольныхъ дѣятелей смуты.

Наконецъ, куда мѣтитъ авторъ и какія его заключенія? Недостаточно указать, что такая-то политика дурна и что необходимо ее перемѣнить; слѣдуетъ еще указать: какая же должна быть новая политика?

Авторъ благодаритъ Провидѣніе за то, что оно, наконецъ, избавило насъ отъ нашихъ друзей. Но такъ какъ Россіи нельзя оставаться одинокой,—если только она не хочетъ отказаться отъ всякаго вліянія,—то и это благодѣяніе приноситъ намъ мало пользы покуда взамѣну однихъ друзей, отъ которыхъ насъ избавило небо, мы не найдемъ другихъ.

Кто же эти новые друзья? Кошутъ или Мадзини? Развѣ потому-что консервативныя правительства намъ измѣнили, слѣдуетъ заключать договоръ съ противною партіей? Авторъ, конечно, и не мечталъ объ этомъ; оттого цѣль его письма и сводится къ слѣдующей простой истинѣ.

Настоящее положеніе дѣлъ, отличаясь отъ того, къ которому примѣнялась дѣйствовавшая донынѣ политика, требуетъ и отличнаго отъ прежняго образа дѣйствія. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы средства, употребленныя при другихъ обстоятельствахъ, были дурны въ свое время, или, что эти средства породили настоящее положеніе дѣлъ.

Ошибка автора заключается въ томъ, что онъ въ своемъ историческомъ обзорѣ слишкомъ исключительно придерживается настоящей минуты, тогда какъ она въ нашихъ политическихъ сношеніяхъ есть только случайный кризизъ, положеніе переходное, неопредѣленное, способное неожиданно измѣниться. Авторъ ссылается на опасенія и предосторожности, внушаемыя этою минутою, обвиняетъ все прошедшее, объемлющее періодъ времени въ 50 лѣтъ, и безразлично осуждаетъ политику трехъ царствованій. Минута серьозная, спору нѣтъ; но для Россіи, покровительствуемой дланью Божію, испытанія—дѣло привычное. Не впервые придется ей видѣть измѣну союзниковъ и даже ихъ возстаніе противъ нея. Если бы что-нибудь подобное повторилось, то оборотъ и исходъ кризиса укажутъ ей, въ комъ надобно ей искать союзниковъ. Если эта перестановка отношеній послужитъ къ наказанію малодушія или недоброжелательства австрійскаго правительства, то еще будетъ время рѣшить, кто изъ насъ повиненъ въ дурной политикѣ: мы-ли, оказавъ ему услугу, или оно забвеніемъ оныхъ?

До тѣхъ-же поръ воздержимся отъ всякаго крутаго поворота въ образѣ дѣйствія; въ особенности будемъ избѣгать всякаго пути, который шелъ бы въ разрѣзъ съ консервативными началами, составляющими нашу силу. Поступать иначе, значило бы хвататься за ненадежное, опасное оружіе, рано или поздно обращающееся противъ тѣхъ же правительствъ, которыя имъ дѣйствуютъ.

(Перев. съ французскаго Е. П. В.).

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Рапортъ на берестѣ.

На далекихъ окраинахъ сѣверной Россіи и Сибири употребленіе писчей бумаги донынѣ не всѣмъ доступно, какъ по недостатку ея въ продажѣ, такъ и по ея высокой стоимости. Прибавлять-ли къ этому, на сколько этотъ недостатокъ въ предметѣ насущной потребности грамотнаго люда вредитъ распространенію грамотности въ тѣхъ краяхъ? Нужда изобрѣтательна — и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пустыннаго сѣвера дорогую писчую бумагу замѣняютъ берестою, которую можно назвать полярнымъ папирусомъ. Одинъ изъ нашихъ русскихъ туристовъ видѣлъ у крестьянина въ Архангельской губерніи цѣлыя святцы, написанныя на берестяныхъ листкахъ, изъ которыхъ составлена довольно объемистая книжка. Нѣтъ сомнѣнія, что при тщательныхъ изысканіяхъ подобнаго рода рукописи можно обрѣсти и въ старинныхъ монастыряхъ, и въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ сѣвернаго края. Какъ любопытный образчикъ писанія на берестѣ, прилагаемъ копію съ хранящагося у насъ рапорта, доказывающаго, что, сто лѣтъ тому назадъ, въ писчей бумагѣ терпѣли недостатокъ даже низшія инстанціи правительственныхъ учрежденій въ Сибири.

Этотъ рапортъ писанъ на гладко вылощенномъ кускѣ бересты въ 6 вершковъ длины и 4 ширины, перегнутомъ пополамъ въ форматѣ почтоваго листка, и, благодаря самому матеріалу, на которомъ писанъ, сохранился превосходно. Приводимъ его отъ слова до слова, безъ соблюденія нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма незначительныхъ, орѳографическихъ ошибокъ. **Ред.**

Въ Камчатскую Большерѣцкую канцелярію изъ Верхнекамчатской приказной избы.

№ 197. Репортъ.

По силѣ присланнаго Камчатской Большерѣцкой канцеляріей ея императорскаго величества указа, маія отъ 27-го подъ № 489, полученнаго здѣсь 8-го числа іюня сего (1)768 года, велѣно—на исправленіе здѣсь письмянныхъ дѣлъ приторговать бумаги пищей до пяти дестей искупить и по договору продавцамъ деньги выдать изъ здѣшнихъ доходовъ безъ передачи; а понеже здѣсь въ Верхнекамчатскомъ острогѣ, бумаги пищей ни у кого нисколько не обыска-

лось, а хотя обыскалось здѣсь въ Верхнемъ острогѣ у отставнаго казачья сотника Максима Заозерскаго, оставленной у него на время отъ Тотемскаго купца Өедора Холодилова, бумаги дестей до пяти, только онъ, Заозерской, безъ извѣстности того Холодилова продать оную смѣлости не имѣетъ; а оной Холодиловъ нынѣ находится въ Большеретску, — того ради Камчатской Большерѣцкой канцеляріи Верхнеприказна изба симъ покорнѣйше представляетъ, дабы соблаговолено было у предписаннаго купца Холодилова, имѣющейся здѣсь у отставнаго сотника Заозерскаго, бумаги пищей пять дестей приторговать и о пріемѣ оной здѣшну приказну избу снабдить ея императорскаго величества указомъ, за которую деньги отъ здѣшней приказной избы изъ казны почему приторговано будетъ, выданы быть имѣютъ неудержно. Іюня 10 дня 1768 года. Казачій сотникъ Архипъ Стаковникофъ. Копіистъ Мартьянъ Уксушсеседовъ.

Помѣта: «Открыта въ древнемъ Камчатскомъ архивѣ 1830 года въ іюлѣ мѣсяцѣ».

Казань.

Сообщ. Н. В. Сорокинъ.

Емельянъ Пугачевъ.

Бывшій симбирскій совѣстный судья, а впослѣдствіи губернскій предводитель дворянства Нижегородской губерніи, Владиміръ Васильевичъ Бобоѣдовъ, передалъ мнѣ несчастную исторію, случившуюся въ семействѣ его дѣда. Дѣдъ его лѣтъ двадцать не выѣзжалъ никуда изъ своего имѣнія и жилъ спокойно и счастливо съ своимъ семействомъ. Казалось бы, что могло потревожить обычную тишину жизни симбирскаго помѣщика? Однако же, мятежное движеніе, возникшее по низовьямъ Волги въ 1773—1774 гг., дало себя почувствовать и въ этомъ скромномъ уголкѣ.

Въ одинъ изъ обыкновенныхъ тихихъ дней, вошелъ къ его дѣду вотчинный староста, блѣдный и оторопѣлый, и объявилъ, что крестьяне, бывшіе на сосѣднемъ базарѣ, слышали читанный дьячкомъ «Царскій Указъ», повелѣвающій всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ вести, волей и неволей, своихъ господъ помѣщиковъ въ Курмышъ—ближайшій уѣздный городъ. Такая вѣсть поразила какъ громомъ весь домъ. Поднялся плачъ и вой; но старикъ, будучи энергическаго характера, вздумалъ рѣшительно воспротивиться такому невѣроятному требованію. Но тутъ ввалилась въ покои цѣлая толпа крестьянъ, изъ которыхъ одинъ, недавно наказанный старикомъ за воровство, вырвалъ изъ стѣны гвоздь, которымъ выкололъ ему оба глаза, и свирѣпо потребовалъ отъ своихъ товарищей немедленнаго исполненія воли царской; всѣ крестьяне и самъ староста, повиновались рѣшительному злодѣю, и тутъ же своихъ добрыхъ господъ взвалили на повозки и повезли подъ своимъ присмотромъ въ гор. Курмышъ. Черезъ нѣсколько часовъ, они были уже на площади Курмышскаго собора, невдалекѣ отъ котораго стояли три висѣлицы, предназначенныя для казни помѣщиковъ. Посреди паперти собора, на раскинутомъ коврѣ, сидѣлъ самъ Пугачевъ или одинъ изъ его отрядныхъ начальниковъ (чего не могъ мнѣ положительно сказать В. В. Бобоѣдовъ), а вокругъ него пять или шесть человѣкъ въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, пожалованныхъ имъ Пугачевымъ, за отличіе и удальство. Этимъ-то людямъ, поправшимъ всякой законъ, всякое человѣческое право, было предоставлено крестьянами мирное

семейство Бобоѣдовыхъ. Какъ только крестьяне, вытащивъ изъ повозокъ своихъ господъ, представили ихъ главному начальнику мятежниковъ, тотъ безъ всякихъ распросовъ приказалъ вести ихъ къ висѣлицамъ и исполнить казнь. Жестокое приказаніе едва небыло исполнено;—въ это время одинъ изъ пугачевскихъ генераловъ, а въ дѣйствительности отставной солдатъ, который, за годъ не болѣе передъ этимъ происшествіемъ, былъ въ домѣ Бобоѣдовыхъ печникомъ и перекладывалъ у нихъ печи, а потому, зная все ихъ семейство, зналъ, что мальчикъ, внукъ старика-помѣщика мастерски умѣлъ плясать порусски, сообщилъ объ этомъ главному начальнику мятежниковъ; тотъ приказалъ немедленно заставить мальчика плясать подъ музыку находившагося тутъ бандуриста. Какъ ни было велико отчаяніе несчастнаго ребенка, но въ виду ужаснаго положенія, въ которомъ находилось все семейство, онъ не замедлилъ исполнить волю разбойника и началъ плясать. Безусловная покорность мальчика спасла его и все семейство отъ неизбѣжной смерти въ то время, когда на старуху-бабку его и на его матерь уже были надѣты петли. Такое ничтожное обстоятельство, какъ пляска ребенка, смягчило жестокое сердце повелителя и онъ обратился къ крестьянамъ съ вопросомъ:

— «Кого вы мнѣ привезли? бояръ-ли, или злодѣевъ, или добрыхъ помѣщиковъ?»

Тѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что старикъ помѣщикъ былъ добрымъ бариномъ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что дѣдъ Бобоѣдовъ, лишенный зрѣнія, былъ освобожденъ со всей семьей. Привезшіе ихъ въ Курмышъ крестьяне, по приказанію того же главнаго начальника, получили по пятидесяти ударовъ плетьми, а злодѣй, выколовшій глаза старику Бобоѣдову, былъ тутъ же повѣшенъ.

Несчастные бояре были угощены ужиномъ и отправлены съ коннымъ конвоемъ обратно въ свое имѣніе.

Сообщ. г. **Загряжскій.**

Отпускная на волю.

1785 года марта 1-го дня отпустила я крѣпостную свою крестьянскую дѣвку, Ярославской моей вотчины, деревни Пономарицына, Аксинью Прокофьеву вѣчно на волю; почему оной сія отпускная и дана за подписаніемъ моей руки и съ приложеніемъ герба моего печати.

Двора ея императорскаго величества дѣйствительная штатсъ-дама, императорской Академіи Наукъ директоръ и ордена святыя Екатерины кавалеръ, княгиня Екатерина Дашкава. (М. П).

Примѣчаніе. Отпускная писана на простомъ листѣ сѣрой бумаги и на оборотѣ помѣта: «По записной книгѣ № 66.—1787 года іюля 23-го дня, сія отпускная въ Рыбинскомъ уѣздномъ судѣ, отъ предписанной крестьянской дѣвки Аксиньи Прокофьевой, при челобитьѣ, явлена и у крѣпостныхъ дѣлъ, въ силу указа 1704 года, въ книгу записана; и при оной запискѣ за гербовой листъ по указной цѣнѣ деньги двадцать копѣекъ отъ нея, Прокофьевой, взяты и въ приходъ записаны; и сія отпускная ей, Прокофьевой, съ сею съ надписью отдана обратно съ которою вольна она, гдѣ пожелаетъ для пропитанія, себя работою жить или вытить въ замужство; а при дѣлѣ оставлена съ оной отпускной копія. Секретарь Иванъ Лалаевъ. Справилъ надсмотрщикъ канцеляристъ Иванъ Поповъ».

Сообщ. **А. Томашевичъ.**

Фарфоровая кукла, изображающая монаха.

(Выписка изъ дѣла 1822—1823 гг.).

Саратовскаго монастыря архимандритъ Савва, представивъ въ тамошнее губернское правленіе, взятую имъ на ярмаркѣ въ лавкѣ изъ продаваемыхъ вещей, фарфоровую куклу монашескаго вида, имѣющею на себѣ родъ снопа съ видомъ женскимъ, просилъ объ истребленіи подобныхъ куколъ, какъ служащихъ къ безчестію монашескаго сана и причиною къ христіанскимъ соблазнамъ.

Губернское правленіе, разсуждая, что представленная архимандритомъ кукла не заключаетъ въ себѣ ничего соблазнительнаго, но, напротивъ того, изображаетъ человѣколюбіе и добродѣтель монаха, который, забывъ слабость силъ своихъ и увлекаясь состраданіемъ къ невинности, гонимой, можетъ быть, какимъ-нибудь злодѣяніемъ, старается посредствомъ снопа, скрывающаго несчастную жертву, избавить ее отъ предстоящей погибели,—и потому признаетъ, что нѣтъ достаточныхъ причинъ къ истребленію подобныхъ куколъ и что несправедливо было бы лишить собственности продавца оныхъ, положило объявить архимандриту, чтобы онъ представилъ объясненіе, почему именно считаетъ куклу сію соблазнительною? Ассесоръ же губернскаго правленія подалъ мнѣніе, чтобы продажу таковыхъ куколъ въ Саратовѣ запретить. Но какъ губернское правленіе мнѣніе его не уважило, то онъ представилъ о семъ правительствующему сенату.

Первый департаментъ сената, въ ноябрѣ 1821 г., находилъ съ своей стороны, что разсужденіе губернскаго правленія основано на однихъ гадательныхъ и романическихъ идеяхъ, представляющихъ видъ сатиры, каковыя и въ частныхъ просьбахъ писать, а присутственнымъ мѣстамъ принимать воспрещено законами, тѣмъ паче не свойственно употреблять въ опредѣленіяхъ самыхъ тѣхъ мѣстъ, и какъ всѣ сіи безпорядки несовмѣстны ни съ должностію, ни съ достоинствомъ такого мѣста, какъ губернское правленіе, то сенатъ полагалъ за сіе сдѣлать саратовскому губернскому правленію и предсѣдательствующему въ ономъ за отсутствіемъ губернатора, исправляющему должность вице-губернатора коллежскому совѣтнику Розингу строжайшій выговоръ, предписавъ дальнѣйшее производство дѣла сего о куклѣ прекратить; а какъ, по силѣ закона, наблюденіе и надзоръ въ городахъ, дабы ничего противнаго благочинію не происходило, принадлежитъ полиціи, то имѣлъ ли право архимандритъ самъ собою отбирать въ городѣ изъ лавки помянутую куклу и представлять оную въ губернское правленіе—поступокъ сей предоставить разсмотрѣнію святѣйшаго синода.

Министръ юстиціи, 20-го іюня 1822 года, призналъ опредѣленіе сената правильнымъ; съ этимъ согласился, 18-го іюля 1822 г., и комитетъ министровъ. Меморія комитета была представлена императору Александру I, который написалъ собственноручно слѣдующію резолюцію: «куклу прислать сюда, узнавъ, гдѣ она была сдѣлана; о поступкѣ архимандрита сужденіе оставить до освидѣтельствованія здѣсь сей куклы».

Во исполненіе сего министръ юстиціи, представляя помянутую куклу, объяснилъ, что она, какъ увѣдомлялъ московскій военный генералъ-губернаторъ, сдѣлана, назадъ тому четыре года, на фарфоровомъ заводѣ богородицкаго 3-й гильдіи купца Хрипунова, состоящемъ Московской губерніи, Богородицкаго уѣзда, въ деревнѣ Кузневой, принадлежащей помѣщицѣ Власовой.

Комитетъ министровъ полагалъ: означенную куклу представить Е. И. Величеству; послѣдовавшее же въ правительствующемъ сенатѣ заключеніе оставить въ своей силѣ и привесть въ исполненіе, испросивъ на то высочайшее соизволеніе. Въ засѣданіи 3-го февраля 1823 года объявлено комитету, что государь императоръ положеніе комитета министровъ объ учиненіи строжайшаго выговора саратовскому губернскому правленію и тамошнему вице-губернатору—коллежскому совѣтнику Розингу высочайше утверждаетъ; относительно же разсмотрѣнія поступка архимандрита, отобравшаго изъ лавки помянутую куклу, его величество не только не изволитъ согласиться съ заключеніемъ комитета, но и повелѣваетъ, напротивъ, объявить ему за оный монаршее благоволеніе и сдѣлать сіе извѣстнымъ по всѣмъ епархіямъ чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Вмѣстѣ съ симъ его величество явилъ волю свою, чтобы выставка и отдѣлка подобныхъ сему соблазнительныхъ фигуръ была повсемѣстно воспрещена, съ истребленіемъ таковыхъ, если гдѣ оныя сыщутся; отъ купца же Хрипунова, отобравъ свѣдѣніе, по чьему рисунку сдѣлана была нынѣшняя кукла на его заводѣ, представить оное на высочайшее усмотрѣніе чрезъ комитетъ министровъ.

Комитетъ опредѣлилъ сообщить о томъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія къ исполненію выписками изъ журнала.

Боровическаго уѣзда, с. Старое.

Сообщ. **Ард. В. Ивановъ.**

Предки М. Ю. Лермонтова.

(дополненія и поправки).

I.

Когда наша статья о предкахъ М. Ю. Лермонтова («Рус. Стар.» 1873 г., т. VII, стр. 547—566) была уже напечатана, мы получили отъ Александра Михайловича Лермонтова наиболѣе полную родословную Лермонтовыхъ. Принося искреннюю благодарность Александру Михайловичу, пользуемся его бумагами для пополненія и исправленія составленной нами генеалогической росписи рода Лермонтовыхъ.

Вторую жену Евтихія (Юрья) Петровича (5) Бѣлкину звали Прасковья Михайловна Петръ Евтихіевичъ (7) былъ отъ 1-й жены, остальныя дѣти—отъ второй. Первую жену Матвѣя Евтихіевича (8) Готовцеву звали Анисья Васильевна. вторую, Лызлову—Ирина Петровна. Яковъ Евтихіевичъ (9) былъ въ 1744 г. секундъ-маіоромъ Бѣлгородскаго гарнизона, † 1757 г. Всѣ дѣти Евтихія Петровича въ означенной родословной называются Юрьевичами Двойственность имени вообще не была рѣдкостью въ древней Россіи.

Юрій Матвѣевичъ (17) былъ женатъ на Ѳедосьѣ Кириловнѣ Посниковой. Настасья Ѳедоровна, жена Михаила Михайловича (19), по фамиліи была Бизюкина. Чагина, мужа Марьи Александровны, звали Гавриломъ. Григорій Михайловичъ (21) былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ NN и, кромѣ сына Александра (28), имѣлъ еще дочь Анну. Жену Петра Юрьевича (22), бабушку поэта, звали Анна Васильевна. Свиньина Екатерина названа здѣсь не Петровной (22), какъ у насъ, а Юрьевной (15); стало быть, выходитъ не теткой, а тоже бабушкой поэта. Матвѣй Юрьевичъ (23) род. въ 1771 г., служилъ во флотѣ, вышелъ въ отставку въ 1804 году капитаномъ 2-го ранга; былъ женатъ на Дарьѣ Ивановнѣ Юшковой. Между его дѣтьми пропущены: (29 а) Юрій Матвѣевичъ,

род. 1805 г., (29 b) Владиміръ, род. 1807 г., и дочь Александра, род. 1810. Михайло Алексѣевичъ (34), штабъ-офицеръ 13-го егерскаго полка, убитъ въ 1810 г. подъ Рущукомъ. Аполлонъ Алексѣевичъ (75) служилъ въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку, уволенъ въ отставку въ 1819 году съ чиномъ маіора.

II.

Отъ члена парламента г. А. Лермонта, представителя шотландскихъ Лермонтовъ, мы получили отвѣтъ на наше письмо. Помѣщаемъ изъ него (въ переводѣ) отрывокъ, относящійся къ тожеству русскихъ Лермонтовыхъ и шотландскихъ Лермонтовъ.

....«Что моя фамилія происходитъ отъ Томаса — поэта, равно какъ и то, что мы нѣкогда были владѣльцами помѣстья Рэрси (Raigsie), которое находится въ графствѣ Файфъ, въ Шотландіи,—это совершенно справедливо. Но я никогда не слыхалъ и не имѣю никакихъ письменныхъ извѣстій о томъ, чтобы какой-нибудь членъ нашей фамиліи уѣхалъ въ Россію въ то время, о которомъ вы говорите. Впрочемъ, отечество наше тогда было въ такомъ смутномъ состояніи, что трудно прослѣдить исторію отдѣльной фамиліи. Нашлемникъ на щитѣ (the crest on the shild) нашего фамильнаго герба первоначально и составляла роза, которая съ нѣкотораго времени замѣнена голубемъ и масличною вѣтвію. Гербъ же таковъ, какъ вы его описали. Если мнѣ удастся собрать какія-нибудь дальнѣйшія подробности о нашей фамиліи, я сообщу ихъ вамъ. Кажется, теперь составляется для частнаго обращенія исторія нашей фамиліи, которую я, конечно, получу, когда она будетъ готова».... А. Лермонтъ».

Сообщ. **В. В. Никольскій.**

Примѣчаніе. Считаемъ не излишнимъ присовокупить, что извѣстный русской публикѣ библіотекарь Британскаго Музея г. Рольстонъ въ англійскомъ журналѣ «Атеней» (The Athenaeum 15 sept. 1873) сообщилъ содержаніе статьи В. В. Никольскаго о предкахъ Лермонтова; такимъ образомъ, согласно выраженному г. Рольстономъ желанію, мы можемъ ожидать подтвержденія и продолженія розысканій г. Никольскаго отъ шотландскихъ генеалоговъ.

Ред.

Портретъ М. Ю. Лермонтова.

1839 г.

Извѣстно, что всѣ изданные до сихъ поръ портреты нашего знаменитаго поэта, не выключая и того, который гравировалъ съ акварели, принадлежащей кн. Меншикову, и приложенъ къ послѣднимъ изданіямъ сочиненій Лермонтова, весьма плохи. Выразительное лицо автора «Героя нашего времени» и полные ума и прелести глаза его вовсе не переданы гравюрами и литографіями, до сихъ поръ печатавшимися съ наименованіемъ портрета Лермонтова: на нихъ является какой-то дюжинный офицеръ, съ самой пошлой физіономіей. Въ виду этого, читателямъ «Русской Старины», конечно, пріятно будетъ узнать, что наше собраніе портретовъ обогатилось совершенно случайно превосходнымъ подлиннымъ акварельнымъ портретомъ Лермонтова. Портретъ этотъ сдѣланъ, какъ значится изъ подписи на немъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839 года, художникомъ Klünder. Этотъ подлинникъ, въ общей коллекціи 33-хъ акварельныхъ портретовъ офицеровъ Лейбъ-Гусарскаго полка 1838—1849 гг., принадлежалъ товарищу Лермонтова по полку—В. Д. Бакаеву († 1871 г.); г. Ба-

каевъ, не задолго до своей кончины, подарилъ все собраніе Николаю Петровичу Васильеву, который весьма обязательно предоставилъ эту интересную коллекцію въ собственность «Русской Старины».

Не связывая себя положительнымъ обѣщаніемъ, редакція, впослѣдствіи времени, постарается сдѣлать подарокъ читателямъ «Русской Старины», отпечатавъ красками, въ самомъ точномъ снимкѣ, вновь открытый портретъ нашего геніальнаго поэта. Ред.

Замѣтки и поправки.

Проэктъ о тюрьмахъ, составленный Екатериною II.

Необходимо оговорить, что этотъ замѣчательный проэктъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (т. VIII, стр. 60—85) лишь въ переводѣ, впрочемъ, дословно вѣрномъ; подлинникъ же, хранящійся въ государственномъ архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, писанъ императрицею Екатериною II собственноручно на французскомъ языкѣ.

Ѳ. О. Туманскій.

Жертва доносовъ этого изверга въ исторіи русской цензуры, упоминаемая въ статьѣ о немъ подъ буквою С. («Русск. Стар.», т. VIII, стр. 589—593), былъ нѣкто пасторъ Зейберъ; онъ издалъ въ царствованіе Александра I подробное изложеніе своихъ страданій и книга его, выдержавъ два тисненія (на нѣмецкомъ языкѣ), составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

Опечатка. Въ этой книгѣ на стр. 633-й, строка 4-я снизу: напечатано: «1690 года», читай: «1689 года».

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ XVIII ВѢКА

изъ собранія П. В. Шейна.

Неутомимый собиратель сокровищъ народнаго нашего творчества—П. В. Шейнъ, который извѣстенъ не только у насъ въ Россіи, но и за границей, какъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вкладчиковъ въ новое у насъ еще дѣло изученія нашего народа, представилъ въ Этнографическое отдѣленіе русскаго Географическаго Общества огромный сборникъ народныхъ пѣсенъ, который долженъ служить какъ бы продолженіемъ его сборника, изданнаго Московскимъ Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ. Для того, чтобы ознакомить хотя нѣсколько читающую публику съ новымъ трудомъ П. В. Шейна, мы представляемъ на страницахъ «Русской Старины» нѣсколько пѣсенъ чисто историческаго содержанія, сообщенныхъ самимъ собирателемъ.

Интересъ этихъ пѣсенъ совершенно ясенъ. Народъ забылъ подробности, но отозвался на тѣ крупныя явленія нашей исторіи, которыя касались его житья-бытья. Съ простотою, свойственною лишь чисто народной поэзіи, онъ отнесся къ тому, что приходилось ему выносить въ той борьбѣ, которую онъ велъ съ личностями, народами и обстоятельствами. Рѣдко встрѣтится въ этихъ образчикахъ герой народный, любимецъ, къ которому лежитъ сердце народное; по большей части это—злая насмѣшка, поминанье лихомъ лихаго человѣка. Съ теченіемъ времени досугъ народный, все болѣе и болѣе поглощаемый злобою дня, перестаетъ уже порождать безъискусственную пѣсню народную,—и воспѣванье горя и радости народной, съ точки зрѣнія исторической, выпадаетъ на долю того, кто вышелъ изъ народной же среды—солдата. Солдатская пѣсня историческая мало по малу смѣняетъ пѣсню историческую народную; но солдатъ несетъ ее снова въ народъ же и она получаетъ широкое распространеніе по землѣ русской. Таже мѣткость и ѣдкость сатиры, зачастую таже простота и сердечность, которою отличается чисто народная пѣсня, замѣчается и въ исторической солдатской пѣснѣ. Пѣсня, хитро сплетенная,—та, которая сочинена, а не спѣта отъ души,—не можетъ долго продержаться ни въ кружкѣ солдатскомъ, ни въ народѣ. Только пѣсня, облюбленная народомъ,—только та пѣсня, которая вполнѣ подходитъ къ его вкусу и отвѣчаетъ его требованіямъ, вліяетъ на его духъ,—та только пѣсня перейдетъ въ народъ и долго будетъ жить въ немъ. Нѣсколько такихъ общераспространенныхъ и излюбленныхъ народомъ пѣсенъ мы и представляемъ вниманію читателей «Русской Старины».

В. Майновъ.

О погребеніи императора Петра II.

Хотя въ пѣснѣ этой и упоминается имя императора Павла, но указанныя въ пѣснѣ время кончины — зима и мѣсто этого событія—Москва заставляютъ думать, что пѣсня сложена была на смерть Петра II, а впослѣдствіи имя Петра Алексѣевича замѣнено именемъ Павла Петровича. **А. П.**

Со вечера порошица мелкая порошила,
Ко полуночи бѣлыя снѣжки выпадали,
Ко бѣлой зорѣ дороженька торная пролегала.
И знать-то у насъ въ каменнОй Москвѣ не здорово:
Бѣлокаменны царскія палатушки стоятъ растворёны,
Призакрыты всѣ его красныя окошички черною фатою,
И што знать-то у насъ царя бѣлова въ живѣ нѣту.
Переставился нашъ батюшко, бѣлъ царь, бѣлъ Павелъ Петровичъ.
Построили ему царю бѣлому труну золотую,
Во труну-то стелютъ матерьицы, стелютъ дорогіе;
Тутъ кладутъ-то, кладутъ царя бѣлова, кладутъ во гробницу,
Тутъ несутъ-то, несутъ царя бѣлова, несутъ хоронити.
Напередъ-то идутъ царя бѣлова, идутъ архиреи,
И несутъ-то царя бѣлова скипетръ и державу;
По правую руку идутъ сенатóры,
По лѣвую руку идетъ царская персона,
Позади-то идутъ царя бѣлова всѣ полки, салдаты,
И сами они солдатушки слезно плачутъ:
Не стало у насъ въ Егропѣ царя бѣлова.

На требованіе разъяснить, что такое Егропа, мы получили въ отвѣтъ, что такъ Россія называется.

Записана А. Г. Пупаревымъ въ Старошешминскѣ, Казанской губ., въ 1860 г.

О взятіи Берлина.

Какъ не бѣлая березынька къ землѣ клонилась,
Не шелковая ковыль-травынька разстилалась,—
Какъ растужится, расплачется самъ пруцкой король,
Сидючи король на украсушкѣ, на крутой горѣ,
Глядючи король на укрѣпушку, на Берлинъ городъ:
—«Ты укрѣпа моя, укрѣпушка Берлинъ городъ!
«Ты кому моя укрѣпушка достанешься?
«Доставалась моя укрѣпушка Царю Бѣлому,
«Царю Бѣлому—генералушкѣ Краснощекову».
Какъ беретъ-ли генералушка Берлинъ городъ,
Забираетъ въ плѣнъ королевишну,
Королевишну съ малымъ дѣтушкамъ;
Ужъ какъ сталъ генералушка разспрашивать:
—«Ты скажи, скажи, королевишна, гдѣ пруцкой король?»
—«Я кричала ему—вы не слышали,
«Я махала ему—вы не видѣли».

Сообщ. **Молчановъ**.

Пѣсня на смерть Петра Θеодоровича [1]).

На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ краснова солнышку,
На закатѣ свѣтлова мѣсяцу,
Не золотая трубонька вострубила,
Не серебряная сипавочка возыграла,
Не бѣлинькая лебедушка восплакнула.
Восплакнула царица надъ гробницею;
Стоючи-то, она, надъ гробницей сыродубою:
«Ты раскройся-ко гробница сыродубая,
Распахнись-ко камоточка мелкотравчатая,
Ты востань-ко, ты востань, нашъ батюшко православной царь,
Промолви-ко со мной словечушко хоть единое,
Обрадуй-ко мое сердечушко ретивое,
Отъ чего тебѣ скорая смёртонька солучилася?......

Записана А. Г. Пупаревымъ въ Казанской губ., Старошешминскѣ, въ 1860 г.

О взятіи Хотина.

Ахъ мы Польшею идемъ,
Сами пѣсенки поемъ;
Подходили подъ Хотинъ,
Промежь себя говоримъ:
—«Ужъ ты городъ нашъ Хотинъ!
«Мы стоять въ тебѣ хотимъ».
Цѣлый мѣсяцъ простояли,
Все приказу ожидали.
Какъ до вечера за часъ
Отдавали намъ приказъ;
Прозоровскій генералъ
По корпусу разъѣзжалъ,
Какъ ясенъ соколъ
Всѣмъ приказы отдавалъ:
—«Ахъ вы, егери, стрѣльцы!
«Бомбардиры молодцы!
«Вы стрѣляйте, не робѣйте,
«Пуль, пороху не жалѣйте!»
Ужъ какъ начали стрѣлять —
Турки прочь отъ насъ бѣжать;
Бомбардиры осерчали,
Всѣ въ погоню побѣжали;
Гдѣ одинъ солдатъ бѣжитъ —
Пять-шесть турокъ лежитъ,
А гдѣ корпусъ-то бѣжитъ—

---

[1]) Хотя въ пѣснѣ имя императора не упоминается, но такъ онъ названъ малолѣткомъ, который намъ ее передалъ. Ред.

Тутъ какъ мостъ турокъ лежитъ;
Турки гласно закричали,
Отъ Хотина прочь бѣжали.
Оставайся нашъ Хотинъ,
Мы стоять въ тебѣ не станемъ,
Какъ пришла на умъ Москва—
Одолѣла насъ тоска.

Выписана изъ старинннаго рукописнаго сборника въ Твери.

Пѣсня о Румянцевѣ-Задунайскомъ.

Мы вечоръ въ торгу торговали,
Свинцу, пороху закупали,
Въ мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменную стѣну стрѣляли.
Стѣны каменной не разбили,
Красну дѣвицу полонили,
Да къ Румянцову отводили.
Графъ Румянцовъ взрадовался,
Красотѣ ея дивовался:
Хороша дѣвушка, румяна,
По нѣмецкому изубрана.
На ней юбочка голубая,
Душегрѣечка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая
До шелковаго поясочку,
До нѣмецкаго до чулочку.
Графъ Румянцовъ говорилъ ей,
Графъ Румянцовъ вопрошалъ ей:
— «Ты скажи-скажи, дѣвка нѣмка,
«Про свою силу про нѣмецку.
«И поди ты въ Россію замужъ,
«За моего сына за Ивана,
«За россійскаго генерала».
Дѣвка нѣмка отвѣчала,
Напрямивъ ему сказала:
— «Не скажу я про нашу силу
«И нейду я въ Россію замужъ,
«За твоего сына за Ивана,
«За россійскаго генерала».
Графъ Румянцовъ разсердился,
До безмилости распалился,
Востру саблю обнажаетъ,
Красну дѣвицу стращаетъ.
Красна дѣвка испугалась
И во всемъ ему созналась:
— «Нашей силушки немного
«И иду въ Россію замужъ,

«За твоего сына за Ивана,
«За россійскаго генерала».

Записана крестьяниномъ Гр. Сущевскимъ, въ с. Сущевѣ, Ростовскаго уѣзда.

Сообщ. Вадимъ Лѣствицынъ.

Г. Ярославль.

О Пугачѣ.

Какъ во славномъ городѣ Астраханѣ
Проявился добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Емельянъ Пугачъ;
Обряженный онъ въ кафтанчикъ сто рублей,
Шефорочекъ на немъ въ пятьдесятъ рублей,
Шапочку на бекрень держитъ;
Во правой-ли рукѣ тросточка серебряная,
На тросточкѣ ленточка букетовая.
Хорошо онъ по городу погуливаетъ,
А тросточкой упирается,
Ленточкой похваляется,
Со князьями, со боярами не кланяется,
Къ астраханскому губернатору и подъ ладъ не идетъ.
Астраханскій губернаторъ призадумался;
Онъ увидѣлъ его изъ хрустальнаго стекла,
Посылаетъ за нимъ слугъ вѣрныихъ
Допросить его словеснымъ допросомъ.
Нагоняли его слуги вѣрные,
Допрашивали его словеснымъ допросомъ:
—«Какого ты рода-племени?
«Царь-ли ты, или царскій сынъ?»
А онъ имъ на то молвилъ:
—«Я не царь и не царскій сынокъ,
«А родомъ—Емеля Пугачъ.
«Много я вѣшалъ господъ и князей,
«По Расеи вѣшалъ я неправедныхъ людей» [1]).

Записана В. А. Мясоѣдовой, Саратовской губерніи въ Сердобскомъ уѣздѣ.

Пѣсня о перемѣнѣ солдатской прически.

Солдатъ очень доволенъ, что волосы остригли.
Виватъ, виватъ, что волосы остригли!
Дай Богъ тому здоровье, кто выдумалъ сіе.
Виватъ, виватъ, кто выдумалъ сіе!
Избавились отъ пудры, булавокъ, шпилекъ, сала.
Виватъ, виватъ, избавились всего!
Поди прочь, дерзка пудра, погано скверно сало.

---

[1]) Существовалъ, вѣроятно, конецъ этой крайне интересной пѣсни, но сказатель не могъ его вспомнить. В. М.

А мы теперь воскликнемъ: «виватъ, виватъ!»
Спросить было у пудры, спросить было у сала,
Куда ихъ дѣлась слава? Виватъ, виватъ!
Пудра, сало въ адѣ —
Солдаты въ вертоградѣ
Кричатъ: «Виватъ, виватъ!»
Солдаты въ вертоградѣ!
Теперь скажи-жъ ребята: довольны мы десницей
Всевышняго надъ нами? Виватъ, виватъ!
Довольны мы царицей, наслѣдникомъ ея?
Вскричали: «Ура, ура, ура!»

Сообщ. **В. Я. Стоюнинъ.**

О шведскомъ королѣ.

Пишетъ, пишетъ король шведскій государынѣ письмо:
«Ты россійская государыня, помирися ты со мной,
«Помирися ты со мной, со шведскимъ королемъ.
«Ты отдай мнѣ города, отдай прежніе мои,
«Отдай Питеръ, отдай Ригу, отдай славный Коронштатъ.
«А не отдашь мнѣ эти городочки — не прогнѣвайся на меня.
«Я и самъ на тебя пойду, въ каменну Москву взойду.
«Распиши въ Москвѣ фатеры по всѣмъ разнымъ мѣстамъ,
«Моимъ милымъ начальникамъ—по господскіимъ домамъ,
«Моимъ милымъ солдатушкамъ—по купеческимъ домамъ».
Наша матушка государыня испугалася,
Ея рѣзвы, скоры ноженьки подломилися,
Ея бѣлыя рученьки опустилися.
«Ты не бойся, ты не бойся, матушка государыня!
«У насъ есть чѣмъ его встрѣтити, есть чѣмъ подчивати:
«Есть у насъ сухари—они въ Тулѣ крошены,
«Онѣ въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены».

Записана, по порученію А. Н. Островскаго,
въ гор. Коломнѣ, Московской губ.

Пѣсня на войну съ Швеціей.

Пишотъ, пишотъ король светской къ осударынѣ въ сенотъ,
Онъ на вербовой бумагѣ лебединовымъ перомъ:
«Ты, русейска осударыня, замирилась бы со мной,
Отдай Питеръ, отдай Ригу, отдай славенъ городъ Корноштадъ;
Не отдашъ ты эти города, не прогнѣвайся на меня,
И што самъ я, король светской, всю Русеюшку на свозь пройду,
Всю Русеюшку пройду, въ каменну Москву зайду.
Вотъ я въ Астрахань взойду позавтракать, а въ Москву—пообѣдать,
Въ Москву пообѣдать, въ Питенбурхѣ буду начевать.
Я раставлю свою армію по трактирамъ только, кабакамъ,
Ужъ я членшичковъ, барабаншичковъ по осподскимъ только по домамъ;
Ужъ я встану, король светской, въ Шелеметьевскомъ только во дому».
И што наша осударыня задрожжала на ногахъ,

Бѣлотѣльные жо бѣлы ноженьки задрожжали подъ ёй,
Бѣлотѣльные жо её бѣлы ручиньки опустились внизъ по ёй,
А буйная жо её головушка долой катитца съ её.
Енералъ Шелеметьевъ ёй на думу приходилъ:
— «Не убойся осударыня, не убойся ты враговъ,
«Если будутъ къ вами гости, будемъ подчивать гостей.
«Испечены пироги, чернымъ макомъ чинены,
«Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ—высушены.
«Есь у насъ закусочка—у салдатовъ на штыкѣ,
«Есь у насъ похлёбочка—у салдатовъ на бедрѣ».

Записана А. Г. Пупаревымъ въ деревнѣ Черкасовой близъ Царевококшайска, Казанской губ., въ 1855 г.

О Суворовѣ.

Что во славномъ городѣ Брызгалѣ,
На славномъ шведскомъ курганѣ,
Тамъ стоятъ бѣлы каменны палаты;
Въ этихъ палатушкахъ подзорники были шелковые,
Въ подзорникахъ стояли столы дубовые.
Вокругъ стола стоятъ стулья раздвижные,
На этихъ стульяхъ сидятъ гости дорогіе;
На первомъ стулѣ сидитъ графъ Суворовъ,
А передъ нимъ россійскіе генералы
И всѣ думчіе пріѣзжіе сенатȏры;
Они думали-гадали думу крѣпкую.
Какъ возговоритъ князь великій:
«Вы послушайте, россійскіе генералы
«И думчіе пріѣзжіе сенатȏры!
«Намъ кого послать на пруцкую границу?
«Мушкатеръ послать - не дождешься,
«Гренадеръ послать—не надежно.
«А, знать, послать будетъ казачьяго эсаула».

Записана тамъ же.

О кончинѣ Екатерины II.

Какъ во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
Ай! въ каменной Москвѣ,
Въ Петропавловской славной крѣпости,
Какъ рядовой-то солдатъ на часахъ стоитъ.
Какъ не такъ-ли ёнъ плачетъ, какъ рѣка течетъ,
Слезы такъ и льются, какъ волна бьется;
Какъ послѣ золотое слово выговорилъ:
«Какъ ты востань-ка, востань, наша матушка,
«Катерина встань Алексѣевна!
«Ахъ, вѣдь, безъ тебя-то жить намъ похужилось,
«Намъ жить похужилось, притяжелилось.
«Что при твоемъ-то сынѣ при любимоемъ,

«Что при Павлѣ-то Петровичѣ,
«Ахъ у насъ начальнички все стали новые,
«Приказаньицы намъ отдаютъ все строгіе».

Записана П. В. Шейномъ въ Новгородской губ.,
Валдайскаго уѣзда, отъ 70-ти лѣтней старухи.

О прусскомъ королѣ.

Не кручинушка меня молодца сокрушила,
Сокрушила меня молодца красная дѣвонька,
Прежняя бывшая моя сударушка;
Провожала она меня до сыраго бору,
Все наказывала она мнѣ тайное словечко:
—«Ты поѣдешь, мой любезный другъ, сырымъ боромъ,
«Не услышишь-ли, мой милый другъ,
«Вольную пташку, горькую кукушку?»
Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,
Не кукуй во сыромъ борочкѣ!
Не давай-ка намъ, кукушенька, тоски на долю,
Безъ того намъ солдатушкамъ больно-тошно:
Учба и стрѣльба намъ скоро не дается.
Какъ загналъ-то насъ пруцкой король во иную землю,
И не шлетъ пруцкой король пища никагого;
Хоть и шлетъ пруцкой король—къ намъ пища не доходитъ;
А прислалъ-то къ намъ пруцкой король вѣстоньку,
Бѣлую грамотку за черною печатью;
Какъ пришла-то къ намъ молодцамъ мука-то кулевая,
А мука-то добрымъ молодцамъ очень надокучала [1]).

Записана П. В. Шейномъ отъ крест. Кузьмы Ослова,
Симбирской губерніи, Корсунскаго уѣзда.

Разбойничьи пѣсни.

1.

Горы развысокія, ничего вы, горы, не порóдили,
Вы не травоньки, горы, не муравоньки.
Не алыхъ свѣтковъ, не лазоревыхъ,
Вы порóдили, горы, бѣлъ горючь камень.
Изъ подъ камешка бѣжитъ быстрая рѣченька,
Надъ рѣченькой стоялъ частъ ракитовъ кустъ,
На кусточкѣ сидѣлъ младъ сизóй орелъ,
Во кохтяхъ-то онъ держитъ чернаго ворона,
Онъ и бить-то его не бьетъ, все выспрашиваетъ:
—«Гдѣ ты, воронъ, леталъ, гдѣ полётывалъ?»
—«Леталъ-то я, воронъ, по дикóй степѣ,
По дикóй степѣ, по саратовской;

[1]) Можно не безъ основанія предполагать, что въ этой пѣснѣ народъ вспоминаетъ объ итальянскомъ походѣ (1799) Суворова и о замѣчательныхъ распоряженіяхъ вѣнскаго гофкригсрата. В. М.

«Ужъ я видѣлъ диво дивное,
«На черной-то грядѣ видѣлъ тѣло бѣлое,
«Не бурлацкое тѣло, молодецкое.
«Прилетали только къ тѣлу три ласточки,
«Три ласточки, три сизые косаточки:
«Первая ласточка—родная матушка,
«Другая ласточка—родна сéстрица.
«Третья ласточка—молода жена.
«И мать-то плачетъ, какъ рѣка льется;
«Родна сéстрица плачетъ, какъ съ горъ ключи текутъ,
«Молодая жена плачетъ, какъ роса утренна;
«Когда солнышко взойдетъ, роса высохнетъ,
«Молодая то жена гулять пойдетъ».

Записана А. Г. Пупаревымъ въ Казанской губ., въ 1860 г.

2.

Рябина-ли ты моя, рябинушка,
Ты зеленая моя, маложавая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весной-то взошла, лѣтомъ выросла,
По зорямъ-то свѣла по вечернiимъ,
Середи бѣлова дня, въ полдни свѣтъ опалъ.
При долинушкѣ стоялъ кустъ калинушки,
На калинушкѣ сидѣлъ соловеюшка;
Онъ поётъ-то пѣсни заунывные,
Заунывные пѣсни горемышные.
Ты дѣтинушка, круглой сиротинушка,
И што, кто тебя воспоилъ, воскормилъ?
—«Воспоилъ-то, воскормилъ меня Ярославъ городъ,
Возлелеяла Волга славная,
Воскачала легкая лоточка».

Записана въ Казанской губ. А. Г. Пупаревымъ, въ 1860 г.

Пѣсня о разбойникѣ Копѣечкинѣ.

Во славномъ было городѣ въ Омскомъ,
Собиралося собраньецо вольно,
Собираетца воръ Копѣечкинъ со своемъ приборомъ,
Со названнымъ съ своемъ братцомъ со Семеномъ,
Со любезнымъ своемъ товарищемъ братцомъ Соколовымъ.
Онъ со вечера, добрый молодецъ, поздо спать ложился,
По утру ранымъ ранёхонько пробужался,
Со травоньки, со муравоньки росой умывался.
Шитымъ бранымъ полотенечкомъ утирался,
На всѣ четыре стороны Богу помолился,
На восточную сторону Богу поклонился:
—«Вы здоровы-ли, моѣ товарищи, спали, ночевали,

И спалась-ли вамъ, моѣ товарищи, темная ночка?
А мнѣ-то, доброму молодцу, малымъ-то мало темная ночка спалась;
Не хорошъ то мнѣ, доброму молодцу, сонъ приснился:
И што всѣ друзья, товарищи пьютъ, гуляютъ,
Ну одинъ-то я, доброй молодецъ, не пью, не гуляю.
Ходилъ-то я, гулялъ, добрый молодецъ, по край синёва моря,
Правой ножинькой во синё море оступался,
За кропкое деревцо сохватился,
За кропкое деревцо за крушину.
Не ты-ли же меня крушинушка сокрушила?
Сушитъ-то, крушитъ меня, молодца, печаль, горе,
Печаль-то, горе меня, молодца, худая слава,
Отъ худой-то я славы, доброй молодецъ, погибаю,
Я на чуженькой на дальной на сторонкѣ».

Записана А. Г. Пупаревымъ въ Казанской губ., въ 1860 г..

Ягайлы). Всѣ эти лица, за исключеніемъ Николаевскаго, — западно-руссы, изслѣдующіе судьбы своей родины. Такая школа и такая систематическая разработка исторіи извѣстной части Россіи заслуживаютъ полнаго подражанія со стороны ученыхъ вождей нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммиссіею. Архивъ главнаго управленія Намѣстника Кавказскаго, т. V, изд. подъ ред. предсѣд. коммиссіи Ад. Берже. Тифлисъ, 1873 г., въ б. листъ, стр. VIII и 1167.

Мы уже имѣли случай дать отзывъ о первыхъ четырехъ томахъ этого монументальнаго изданія. (Библіогр. лист. въ VII кн. «Р. Ст.» 1872 г.). Нынѣ предъ нами пятый томъ, которымъ и завершается драгоцѣнное собраніе матеріаловъ, относящихся къ первому періоду владычества русскихъ на Кавказѣ, т. е., до вступленія въ его управленіе Ермолова. Собственно V-й томъ обнимаетъ время съ сентября 1811 г. по исходъ 1816 г. Ближайшими предшественниками Ермолова были: маркизъ Паулуччи—управлявшій Закавказьемъ, и генералъ Ртищевъ — вѣдавшій Кавказскую линію и Астраханскую губер.; впрочемъ, съ марта 1812 г. власть сосредоточена въ лицѣ одного Ртищева, а Паулуччи отозванъ. Пятилѣтній періодъ командованія Ртищева, какъ видно изъ обстоятельнаго обзора, предпосланнаго настоящему тому актовъ, и составленному его редакторомъ, — былъ весьма знаменателенъ въ исторіи Кавказа. Таковы для его гражданской жизни были: введеніе въ обращеніе ассигнацій, учрежденіе въ Тифлисѣ Грузино-Имеретинской св. Синода Конторы—иначе сказать, введеніе хотя нѣкотораго благоустройства въ духовной части въ Грузіи, отличавшейся до того полнѣйшимъ безурядьемъ, устройство горнаго дѣла на Кавказѣ и проч. Что же касается до военной исторіи, то пятилѣтіе—1812—1816 гг. прославлено блестящими побѣдами одного изъ любимѣйшихъ героевъ Кавказа, генерала Котляревскаго надъ персіянами. Побѣды эти широко раздвинули владѣнія Россіи за Кавказомъ, такъ какъ по Гюлистанскому трактату, 12-го октября 1813 г., восемь обширныхъ ханствъ навсегда присоединены къ Россіи.

При такой многознаменательности въ исторіи Кавказа событій 1812—1816 гг., совершенныхъ средствами изумительно ничтожными, понятно, какую громадную важность получаетъ нынѣ изданный Тифлисскою Археографическою Коммиссіею собраніе правительственныхъ и иныхъ документовъ; они вполнѣ вводятъ изслѣдователя въ самый кругъ этихъ событій и ярко обрисовываютъ начало и весь ходъ оныхъ, причемъ документы, до «гражданской части» относящіеся, вполнѣ рисуютъ внутреннюю жизнь Кавказа и весь ея складъ наканунѣ, такъ сказать, пріѣзда Ермолова.

Порядокъ расположенія актовъ, по своей строгой систематичности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько записокъ 1807—1816 гг.: о Персіи, Грузіи, Азіятской Турціи, мысли объ экспедиціи въ Индію (1807 г.), родосл. табл. ханскихъ домовъ, и обширное изслѣдов. г. Бакарадзе: «Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства». Этотъ трудъ полезенъ не только для справокъ при изданіи Кавказскихъ актовъ, но онъ заслуживалъ бы отдѣльнаго изданія, какъ путеводитель по древнимъ памятникамъ этого края; для этой цѣли его пришлось бы расположить не въ азбучномъ порядкѣ, а въ порядкѣ путей.

КъV-му т. актовъ приложено два плана и четыре портрета: Паулуччи, Ртищева, Котляревскаго и царевича Александра, сына Ираклія. Внѣшность всего изданія «Актовъ Кавказской Коммиссіи» не только превосходна, но весьма роскошна: бумага, шрифтъ, виньетки, заставки,—все это дѣлаетъ большую честь высшему управленію Кавказа, которое не щадитъ средствъ на то, чтобы это изданіе, долженствующее лечь краеугольнымъ камнемъ исторіи Кавказа, было бы во всѣхъ отношеніяхъ достойно своей цѣли; что же касается до худож. литографіи Томсона въ Тифлисѣ, въ которой выполнены заглавные листы и портреты, то чистотѣ и изяществу ея работъ (литогр. Дюстердикъ) могутъ позавидовать лучшія литографіи Петербурга.

Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises du comte Emeric Hutten-Czapski. Vol. II. Спб., 1872, 4°, 6 нен., XVII и 546 стр. (съ 22 табл. снимковъ).

Еще въ сентябрѣ 1871 года мы привѣтствовали первый томъ этого прекраснаго изданія и тогда же ознакомили съ этимъ важнымъ для нумизматики предпріятіемъ графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго. Теперь вышелъ второй томъ. Онъ открывается указателемъ именъ собственныхъ, встрѣчающихся въ двухъ томахъ «Каталога»; затѣмъ слѣдуетъ описаніе медалей и монетъ Августа II (съ 1697 года), Варшавскаго герцогства (1807—1815), Царства Польскаго подъ русскимъ владычествомъ (съ 1815 года), польской эмиграціи 1831 года и послѣдняго возстанія; медали и жетоны, выбитыя для разныхъ лицъ и расположеныя въ алфавитномъ порядкѣ; церковныя медали; бумажныя деньги; иностранныя монеты и медали, имѣющія отношеніе къ исторіи Польши и ея городовъ; масонскіе знаки польскихъ ложъ и, наконецъ, дополненіе. Кромѣ всего этого, во второмъ томѣ «Каталога» помѣщена весьма интересная статья графа Гуттенъ-Чапскаго о подѣлкахъ медалей и монетъ.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. ДЕКАБРЬ. **1873 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Указатель именъ и фамилій, находящихся въ ПЕРВОМЪ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской имперіи. 1649—1825 гг. Спб., въ листъ, 1873 г., стр. 154 (въ три столб.). Ц. 1 р. 50 к. Состав. Г. К. Рѣпинскій.

Первое полное собраніе законовъ съ 1649 по 1825 гг. (44 громадныхъ тома, изд. 1830 г.) есть основной, наиглавнѣйшій источникъ для исторіи Россіи въ послѣднія два столѣтія. Но этотъ источникъ во многихъ случаяхъ не давалъ отвѣта на тѣ справки, для которыхъ недостаточно предметно-алфавитнаго и хронологическаго къ нему указателей; настоятельная необходимость, зачастую, сказывалась въ указателѣ именъ и фамилій. Потребность эта, наконецъ, удовлетворена. Всѣ счастливцы, обладающіе нынѣ весьма дорогимъ первымъ полнымъ собраніемъ законовъ, имѣютъ въ трудѣ г. Рѣпинскаго ключь къ этому источнику. Какое обширное средство даетъ этотъ ключь для всевозможныхъ розысканій: историческихъ, генеалогическихъ, біографическихъ и проч., и проч. Нельзя не поблагодарить г. Рѣпинскаго за этотъ въ высшей степени полезный трудъ; чтобы судить сколь много требовалъ онъ времени и вниманія отъ составителя, стоитъ только замѣтить, что въ указатель г. Рѣпинскаго вошло до 25,000 отдѣльныхъ фамилій. Указатель этотъ пригоденъ не для однихъ лицъ, владѣющихъ изданіемъ перваго полнаго собранія законовъ: такъ какъ экземпляръ этого собранія имѣется почти въ каждомъ прежнемъ присутственномъ мѣстѣ и во многихъ общественныхъ книгохранилищахъ, то, имѣя у себя указатель г. Рѣпинскаго, легко будетъ дѣлать потребную справку въ этакомъ, хотя бы иногда единственномъ для всего города, экземплярѣ собранія законовъ. Кстати замѣтимъ, такъ какъ перваго полнаго собранія давно уже нѣтъ въ продажѣ, то пора бы озаботиться новымъ его изданіемъ; всего бы удобнѣе это дѣло предоставить, съ пособіемъ отъ казны, обществу частныхъ, вполнѣ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, опытныхъ въ изданіи юридическихъ и историческихъ актовъ. Собраніе должно быть значительно дополнено и исправлено по подлиннымъ, въ послѣдніе сорокъ три года, въ разныхъ архивахъ найденнымъ указамъ, манифестамъ и прочимъ актамъ правительственной дѣятельности.

Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біографическою статьею и примѣчаніямъ Я. Грота. Къ тексту приложены: портретъ Хемницера и снимки съ его почерка. Спб., 1873 г., въ 8-ю д., V; 434 стр.

Русское Отдѣленіе Академіи Наукъ вполнѣ исполняетъ свое назначеніе, издавая, ежегодно обстоятельные и чрезвычайно полезные для исторіи отечественнаго языка и словесности труды своего сочлена Я. К. Грота. Послѣ монументальнаго изданія—полнаго собранія сочиненій Державина, вышедшаго изъ-подъ его редакціи, — русская литература въ названной выше книгѣ пріобрѣла превосходное собраніе сочиненій писателя съ талантомъ самобытнымъ, занимающимъ видное мѣсто въ семьѣ русскихъ даровитыхъ людей вѣка Екатерины II. Басни Хемницера изучаются русскимъ юношествомъ до сихъ поръ почти наравнѣ съ баснями Крылова; между тѣмъ, мы не имѣли хорошаго собранія его басень и этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе былъ ощутителенъ, что многія басни Хемницера потерпѣли сильную передѣлку, послѣ смерти автора, отъ его услужливаго друга—Капниста. Читателямъ «Русской Старины» извѣстенъ настоящій текстъ десяти лучшихъ басень Хемницера, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ по подлинной рукописи автора («Р. С». изд. 1872 г., т. V, стр. 585—600) и они могли судить, въ какой грубой передѣлкѣ ходили эти басни до сихъ поръ подъ именемъ Хемницера. Въ академическомъ изд. сочиненій этого писателя Я. К. Гротъ помѣстилъ: біографическія извѣстія о Хемницерѣ по новымъ рукописнымъ источникамъ, обширное собраніе матеріаловъ для его біографіи, 15 писемъ, записную книжку, 104 басни, изъ нихъ 12 басень были до сихъ поръ неизданы; нѣсколько неизданныхъ же сатиръ, эпиграммъ, надписей, эпитафій и проч. «опытовъ» Хемницера; выписки изъ журнальныхъ статей о его басняхъ и сказкахъ и проч. Все это обставлено множествомъ примѣчаній, варіантовъ; наконецъ, книга снабжена подлежащими алфавитными указателями. Вообще редакторская сторона изданія отличается тою образцовою точностью и полнотою, съ которыми давно знакомо русское общество въ трудахъ Я. К. Грота.

Дневныя морскія записки, веденныя на кораблѣ «Уріилъ» во время плаванія его въ Средиземномъ морѣ, съ эскадрою, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина, составленныя Г. М. Мельниковымъ. Спб., 1873 г., in 8°, ч. 2 и 3, 237 и 710 стр.

Продолженіе и окончаніе сочиненія, указаннаго въ библіографическомъ листкѣ новыхъ русскихъ книгъ въ N 7 «Русской Старины» за 1872 г. Вторая часть содержитъ эпоху отъ 30-го іюля 1806 г. по 29-е декабря 1807 г., а третья—отъ 1-го января 1808 г. до возвращенія автора чрезъ Венгрію и Галичину въ Кронштадтъ въ

ДОМАШНІЙ ПАМЯТНИКЪ
НИКОЛАЯ ГАВРИЛОВИЧА ЛЕВШИНА
1788 — 1804.

Авторъ „Домашняго Памятника" — Николай Гавриловичъ Левшинъ (род. въ 1788, умеръ въ 1845 году). Изъ настоящихъ Записокъ, подъ названіемъ „Домашняго Памятника", и изъ „Историческаго сказанія о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословія благородныхъ дворянъ Левшиныхъ, Москва 1812 г." (соч. В. А. Левшина)—книги весьма рѣдкой, усматривается, что авторъ „Памятника" служилъ въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку и сдѣлалъ походы въ 1805 году въ австрійскія владѣнія и въ 1807 году—въ Пруссію, гдѣ при „селеніи Ломиттенъ" раненъ въ грудь; въ 1810 году, вслѣдствіе этой раны, уволенъ съ мундиромъ отъ службы; за отличіе имѣлъ ордена св. Анны 3-й степени и золотую шпагу „за храбрость". Считая для себя обязательнымъ стать въ ряды защитниковъ своего отечества, онъ въ 1812 г. поступилъ въ пензенское ополченіе и въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ состоялъ на дѣйствительной службѣ. Заграницей онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Изидорой Августовной Людвигъ, дочерью саксонскаго сенатора. Вышедъ въ отставку, онъ поселился въ своемъ имѣніи, въ селѣ Введенскомъ, Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, гдѣ и скончался въ 1845 году, оставивъ единственнаго сына—Петра Николаевича Левшина, которому мы считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность, какъ за обязательное сообщеніе намъ рукописи „Домашняго Памятника", такъ и за дозволеніе ее напечатать. Въ Болховскомъ уѣздѣ есть еще много лицъ, лично знавшихъ автора „Памятника"—Николая Гавриловича Левшина; всѣ они безъ изъятія относятся о немъ съ

отличнымъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ честномъ и вполнѣ достойномъ. Онъ имѣлъ всестороннее образованіе, основательно зналъ новѣйшіе языки, сочувствовалъ всему изящному и былъ знатокомъ въ живописи и ваяніи, чему много способствовала его супруга, имя которой занимаетъ видное мѣсто между живописцами по акварельной живописи.

„Домашній Памятникъ“ писанъ, какъ усматривается на заголовкѣ его первой тетради, въ 1840 г., уже въ селѣ Введенскомъ, слѣдовательно, по воспоминаніямъ. Разумѣется, если-бы авторъ своевременно записывалъ все, чему онъ былъ свидѣтелемъ, то его „Памятникъ“ былъ бы еще болѣе интересенъ; тѣмъ не менѣе, мы нашли его и въ настоящей формѣ достаточно любопытнымъ и полагаемъ, что наше мнѣніе раздѣлится и читателями. Мы задались мыслью не измѣнять ни въ чемъ ни сущности его текста, ни его, иногда своеобразныхъ, выраженій. Весьма сожалѣемъ, что „Памятникъ“ не составляетъ цѣлаго, непрерывнаго разсказа; причина тому—нѣкоторыя его затерянныя тетради, которыя не были между собою своевременно сшиты; по всему замѣтно, однако же, что онъ былъ веденъ авторомъ послѣдовательно, годъ за годъ и безъ перерывовъ, со времени описанія своего домашняго воспитанія. Мы издаемъ его въ томъ видѣ, какъ онъ находится, въ настоящую минуту, въ нашихъ рукахъ, держась послѣдовательно порядка времени, хотя, разумѣется, не можемъ избѣгнуть тѣхъ перерывовъ въ годахъ, о которыхъ упомянули, и явившихся вслѣдствіе утраты нѣсколькихъ тетрадей рукописи. Мы получили съ тѣмъ вмѣстѣ отъ П. Н. Левшина обѣщаніе—сообщить намъ недостающія тетради „Памятника“, если бы онъ отыскалъ ихъ между бумагами своего родителя,—и тогда мы поспѣшимъ пополнить пробѣлы недостающихъ годовъ. Для большаго уясненія нѣкоторыхъ мѣстъ „Домашняго Памятника“, мы сочли умѣстнымъ сдѣлать подстрочныя примѣчанія къ тексту рукописи.

Село Александровское. Н. П. Барышниковъ.

Къ читателю.

Всѣ сіи тетради моего «Домашняго Памятника» не могутъ быть занимательны для чуждаго мнѣ человѣка; одни родственники, и то немногіе, захотятъ пробѣжать листки сіи, потому-то и прошу снисхожденія. Если же будетъ читать такой, который уважаетъ и любитъ старину и (умѣетъ) уважать ее, то можетъ быть увѣренъ, что все, что я напишу, есть сущая правда, въ чемъ честью моей завѣряю.

Начинаю съ того, съ чего всѣ земнородные начинаютъ, то есть, разсказъ о самомъ себѣ.

Родился я въ столичномъ городѣ Москвѣ въ 1788 г., 2-го числа генваря. Родители мои были коренные, знатные господа. Родъ благородныхъ дворянъ Левшиныхъ, хотя уже безъ малаго 500 лѣтъ россіяне, но были въѣзжіе. Во времена великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго, предокъ Левшиныхъ выѣхалъ изъ Швабіи, что можно въ подробности видѣть по гербовнику, грамотамъ и даже печатной исторіи рода гг. Левшиныхъ [1]). Что предокъ Левшиныхъ былъ въ сраженіи на полѣ Куликовскомъ, на Мамаевомъ побоищѣ, то доказывается гербомъ, ибо въ ономъ луна и звѣзда, а сіи два знака не давались иначе никому въ гербъ, какъ только тѣмъ, кои участвовали въ упомянутой битвѣ. Отецъ мой Гаврилъ Ѳеодуловичъ Левшинъ былъ Екатерининскій преміеръ-маіоръ, и хотя никогда не служилъ въ статской службѣ, но въ 1797 году, не знаю почему, а былъ переименованъ въ коллежскіе ассесоры; съ симъ чиномъ и жизнь кончилъ. Мать моя Марья Петровна, по отцу Опухтина, была старинныхъ и довольно богатыхъ бояръ Болховскаго уѣзда. Предки моей матери были въ близкомъ родствѣ съ боярами Милославскими, Еропкиными [2]) и Скуратовыми. Бабка моя родная по матери была Скуратова [3]).

---

[1]) См. сочиненіе В. А. Левшина, хранящееся при семъ «Домашнемъ Памятникѣ» подъ литерою *А* и *Б*. Примѣч. автора.

Сочиненіе, на которое ссылается авторъ, есть: «Историческое сказаніе о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи брагородныхъ дворянъ Левшиныхъ», соч. Василія Алексѣевича Левшина. Москва въ университетской тип. 1812 г., in 4°, съ гравюрами. Книга эта въ настоящее время весьма рѣдка. На экземплярѣ, хранимомъ при «Домашнемъ Памятникѣ», рукой Н. Г. Левшина сдѣлана слѣдующая надпись: «Куда бы какъ хорошо было, если бы потомки заглядывали почаще въ сію книгу, да не съ тѣмъ, чтобы надъ неискусными картинками посмѣяться, а чтобы предковъ помнить, похвалять, да съ нихъ примѣръ брать». Мы выписали эту надпись, потому что она характеризуетъ, какъ намъ кажется, автора «Домашняго Памятника». **Н. В.**

[2]) Подъ знакомъ (*) сохраняется записная книжка прадѣда моего А. И. Скуратова и. что страннѣе всего, начато троянской исторіей. Между многими записками реестровъ есть замѣчательный расходъ, какъ г. Скуратовъ давалъ знакомымъ своимъ взаймы деньги, въ томъ числѣ и бывшему московскому генералъ-губернатору Еропкину; вѣроятно, еще когда они были въ молодыхъ лѣтахъ, то жили дружно, ибо близкая родня. Примѣч. автора.

[3]) Дочь капитанъ-командора Алексѣя Ивановича Скуратова, который съ г. Овцынымъ открылъ въ Сибири Обскую губу. Имена сихъ мореходцевъ есть на ландкартахъ, ибо симъ открытіемъ прославились они. Примѣч. автора.

Очень, очень часто бываетъ такъ: родствà знатнаго хотя и большее число, но искренно любящихъ и помнящихъ родню оказывается весьма мало, какъ водится всюду или, лучше сказать, завелось въ новѣйшія времена между людьми въ цѣломъ свѣтѣ. Казалось бы, что такое небратолюбіе не долженствовало бы существовать между просвѣщенными христіанами! Къ стыду, а должно сказать, у жидовъ лучше: они моисеевъ законъ въ этомъ случаѣ всегда помнятъ и исполняютъ; не допускаютъ собратій своихъ нищенствовать и другъ другу съ величайшимъ удовольствіемъ помогаютъ. Давно пора, православные, обратить вниманіе на первѣйшую добродѣтель — помощь и состраданіе къ ближнему, ожидая единой и великой награды, то есть, мзды на небеси.... Но обратимся къ начатому разсказу.

По старинному обряду, таинство св. крещенія совершено на мнѣ въ церкви Іоакима и Анны, что̀ въ Замоскворѣчьи. Воспріемниками были: родной дядя мой—генералъ-лейтенантъ Павелъ Өеодуловичъ Левшинъ [1]), а мать крестная — дѣвица Варвара Алексѣевна Скуратова, родная сестра бабки моей.

По тогдашнему обычаю [2]), крестный отецъ выправилъ мнѣ (какъ говорилось, подарокъ на крестъ) пачпортъ на чинъ сержанта и я, бывши еще въ колыбели, но числился уже на службѣ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Въ 1798 году пачпортъ былъ отобранъ и я со всѣми тысячами моихъ товарищей, по малолѣтству, а лучше сказать, по младенчеству былъ исключенъ [3]).

На 7-мъ году начала учить меня русской грамотѣ сама покойная родительница моя. По грифельной доскѣ писалъ я до 8-ми лѣтъ. Катехизисъ св. грекороссійскія вѣры и церковныя книги подъ титлами читалъ я подъ надзоромъ добродѣтельной старушки, страдалицы бабки моей Екатерины Алексѣевны Опухти-

---

[1]) Павелъ Өеодуловичъ Левшинъ (ум. въ августѣ 1809 г.)—генералъ-лейтенантъ, оберъ-штеръ-кригс-коммиссаръ и кавалеръ орденовъ св. Владиміра 2-го класса, Анны 1-й ст. и Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1800 г. онъ отставленъ по прошенію отъ службы, съ правомъ носить мундиръ, и въ вознагражденіе пожалованъ отъ императора, 26-го октября, въ Саратовской губерніи въ потомственное владѣніе землею въ 5,000 десятинъ. Онъ имѣлъ въ супружествѣ Екатерину Николаевну Дурново, дочь генералъ-маіора и сенатора Николая Дмитріевича Дурново. Н. В.

[2]) Въ царствованіе императрицы Екатерины II. Примѣч. автора.

[3]) Сіе было по повелѣнію императора Павла I. Примѣч. автора.

ной. Сердечно-радостнымъ долгомъ считаю говорить здѣсь, сколько помню о святости жизни ея.

Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, бывъ, своего времени, красавица, она вышла замужъ, по любви, за арміи поручика Петра Петровича Опухтина, который былъ ее достоинъ въ полномъ смыслѣ, красовался добродѣтелью и пригожъ наружностью. Они жили счастливо, такъ что многіе радовались и многіе завидовали. Блаженство ихъ не долго продолжалось—четыре года. Въ 1764 году покойный дѣдъ мой строилъ въ с. Введенскомъ каменный домъ—двух-этажный, и когда начали уже крышу крыть, онъ, распоряжая стройкой, взошелъ на самую вышину, оскользнулся, упалъ внизъ, разбилъ себѣ ногу и чрезъ нѣсколько дней кончилъ жизнь. Отчаянная, неутѣшная вдова его осталась съ двумя дочерьми; беременная, прежде времени родила сына Алексѣя, который до году не дожилъ,—и съ той минуты Екатерина Алексѣевна начала страдать разными недугами и бѣдствіями. На первый же годъ вдовства ея разболѣлась у ней щека и подбородокъ; отъ простуды опухоль превратилась въ хроническія раны и малоискусные медики не лечили, а только портили перемѣнными снадобьями своей латинской кухни и операціями. Раны были открыты болѣе 15-ти лѣтъ; избавила же отъ болѣзни или, короче сказать, отъ мучительной смерти какая-то женщина своими простыми средствами, какимъ-то настоемъ изъ травъ (и) мыла: секрета же своего не открыла. Вся нижняя челюсть осталась на вѣкъ въ шрамахъ, почему бабушка и завязывала подбородокъ черною тафтою; при всемъ томъ сохранила всю нѣжность лица и экспрессію несравненной добродѣтельной души своей.

Не долго послѣ кончины дѣда моего, началось генеральное межеванье; вдова съ малолѣтными поступила въ опеку и гг. опекуны и сосѣди С—ъ и К—въ такъ хорошо дѣлами управляли, что лучшія части земли по с. Введенскому, да и по прочимъ деревнямъ тоже, замежевали и именно въ свою пользу. По с. Введенскому твердо знаю по крѣпостямъ, что владѣніе гг. Опухтиныхъ было по живымъ урочищамъ—по рѣчкамъ Луневкѣ и Вязовкѣ, а гг. опекуны перешли за обѣ рѣчки и присвоили себѣ по значительному количеству зёмли,—такъ и осталось; а корыстолюбивые на завладѣнной ими землѣ поспѣшили поскорѣе по-

селиться. К—въ и домъ себѣ каменный построилъ въ самый короткій срокъ — года въ два.

Во время бѣдствій чумы, въ 1771 г., бабка моя съ дѣтьми жила въ Москвѣ и тамъ бѣды большія претерпѣла. Въ день убіенія преосвященнаго Амвросія, она спаслась отъ бунта въ домѣ самаго генералъ-губернатора, Петра Дмитріевича Еропкина [1]); онъ ей былъ близкій родственникъ. По причинѣ такого сильнаго смута, всѣ жители московскіе не оставались въ своихъ домахъ, но собирались къ старшимъ родственникамъ своимъ— первымъ чинамъ московскимъ.

Съ самаго дня вдовства своего, бабка моя посвятила жизнь свою Богу, молилась неутомимо (по нѣсколько часовъ стоя на колѣнахъ на молитвѣ, отчего на всѣхъ суставахъ пальцевъ на рукахъ были наросты, отвердѣлые такъ, что пальцы едва разгибались) и воспитала въ добродѣтели и непорочности сердца мать мою, которая и поднесь, въ изустномъ преданіи, славится ангельскимъ своимъ нравомъ и терпѣніемъ. Лѣтъ за 10 до кончины, бабка моя поражена была параличемъ, едва ходила и лѣвой рукой мало владѣла. Въ 1800 г. кончила она, въ духѣ истинной христіанки, поприще земное, исполненное тягостнѣйшихъ бѣдствій, могущихъ поколебать всякаго человѣка, кромѣ надѣющагося на Господа Христа-Спасителя. Хотя я и не великъ былъ, но помню, что при самыхъ предсмертныхъ минутахъ страдалица Екатерина безпрестанно повторяла сіи слова: «остро копье, остро копье! вѣнецъ сплетенный, вѣнецъ сплетенный!» съ симъ и испустила духъ. По завѣщанію ея, погребена она рядомъ съ супругомъ

[1]) Авторъ ошибается: Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ былъ въ это время лишь сенаторъ и генералъ-поручикъ, хотя и находился въ Москвѣ, на службѣ; онъ былъ назначенъ въ помощь къ гр. Григорію Григорьевичу Орлову (впослѣдствіи князю), который былъ присланъ въ Москву въ самый разгаръ чумы. Мѣстныя московскія власти, т. е., генералъ-губернаторъ—фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, губернаторъ—тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Юшковъ и оберъ-полиціймейстеръ—бригадиръ Николай Ивановичъ Бахметевъ уѣхали изъ города по деревнямъ и покинули столицу на произволъ бунтующей толпы. За этотъ-то неумѣстный и несвоевременный отъѣздъ изъ Москвы гр. Салтыковъ былъ отставленъ отъ должности генералъ-губернатора; для усмиренія бунта присланъ гр. Орловъ, а въ помощь ему назначенъ П. Д. Еропкинъ. Впослѣдствіи, т. е. съ 28-го іюня 1786 г. по 19-е февраля 1790 г., П. Д. Еропкинъ, дѣйствительно, состоялъ главнокомандующимъ въ Москвѣ; онъ замѣнилъ собою гр. Якова Александровича Брюса. Н. В.

ея, въ церкви с. Введенскаго, въ предѣлѣ св. апостоловъ Петра и Павла. Надъ мѣдной доской, памятникомъ Петра Петровича [1]), поставленъ и образъ Успенія Пресвятыя Богородицы въ память Екатерины Алексѣевны; предъ сей иконой она всегда взывала молитву ко Господу Силъ и пречистой Дѣвѣ-Маріи.

На восьмомъ году начала бабушка учить меня счисленію и 4-мъ правиламъ ариѳметики. При семъ не могу безъ досады на себя вспомнить, какъ я былъ непонятенъ (т. е., не понятливъ) и плохъ въ изученіи архимедовой науки. Покойная бабка моя и всею кротостію, и терпѣніемъ неизъяснимымъ старалась толковать мнѣ и нерѣдко въ неудовольствіи напоминала мнѣ объ одномъ какомъ-то, извѣстномъ ей, тупоумцѣ-ученикѣ Родіонѣ.

По старинному обычаю, преподаваніемъ всякихъ наукъ, т. е., россійской грамматики и ариѳметики, занимались по большей частію дьячки и подъячіе, то къ какому-то старинному боярину Шамордину ходилъ дьячекъ учить сына его. На письмѣ цифровъ (?) не могъ одолѣть ученика, показывая вычитаніе, клалъ нѣсколько мелкихъ монетъ на столъ, начиная уровъ свой такъ: «слушай Родіонъ, пойми Родіонъ, яко сіи три денежки, 3 рубли, возьми Родіонъ»... При семъ словѣ ученикъ-баловень, старинный

---

[1]) На доскѣ написано слѣдующее: «1765 г. іюня 11-го, кончилъ жизнь Петръ Петровичъ Опухтинъ 30-ти лѣтъ». Петръ Петровичъ Опухтинъ былъ человѣкъ довольно просвѣщенный тогдашняго времени; послѣ него осталось много книгъ, по которымъ можно судить, что онъ былъ любитель чтенія; всѣ книги свои надписывалъ, одну изъ нихъ здѣсь сохраняю подъ литерою *В*: «Собраніе оригинальныхъ писемъ и приложеній изъ Саксоніи» *). Также былъ онъ и истинный христіанинъ, ибо много духовныхъ книгъ сохранилось послѣ его кончины, и видно по всему, что отъ родителей своихъ былъ воспитанъ въ страхѣ Божіемъ. Петръ Ивановичъ и супруга его Параскева (по отцу осталась въ неизвѣстности) были точно истинные ревнители вѣры христіанской. Ихъ памятниковъ много въ церквахъ и домѣ. Есть крестъ съ мощами, привезенный ими изъ г. Кіева, и въ церкви образъ Пресвятыя Богородицы. Они были строители церкви с. Введенскаго и погребены въ Болховскомъ Тихвинскомъ-Оптинѣ монастырѣ, гдѣ всѣ господа Опухтины хоронились. Одинъ только камень уцѣлѣлъ Марины Аверкіевой, жены Опухтина, Петра Ивановича дѣда роднаго. Камень лежитъ противъ входа въ соборную церковь.

Примѣч. автора.

---

*) Книга, о которой упоминаетъ авторъ, есть: «Собраніе оригинальныхъ писемъ и приложеній о нынѣшнемъ печальномъ состояніи курфирства Саксонскаго». Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1757 г.; въ 4 д. У Сопикова она помѣщена подъ № 10,950.

Н. В.

и новѣйшій Митрофанушка [1]), не дожидаясь окончанія рѣчи учителя, схватывалъ всѣ монеты въ горсть и, вспрыгнувъ со скамьи, съ преннзкимъ поклономъ убѣгалъ, дурачась, въ другія горницы. Дьячекъ за нимъ, боясь потерять свои монеты, нападалъ на похитителя, борьба и возня сильная происходила; на шумъ сбѣгался весь домъ, нерѣдко и родители Родіоновы,—кончалось все смѣхомъ, да Родіоновымъ ревомъ, а въ заключеніе дьячку—стаканъ водки. Бабушка часто стыдила меня подобнымъ разсказомъ и я не отъ баловства, а отъ неразумія, не могъ выучить 4 правила ариѳметики прежде 10-го года возраста моего.

Ученіе по-россійски происходило медленно; едва умѣлъ ставить литеры, водить перомъ по бумагѣ, что видно въ пожалованной мнѣ бабушкой книги «Алфавитъ духовный» [2]) (подъ литерою *В* здѣсь приложенный), какъ я росписался. Ежедневно читалъ я, подъ надзоромъ наставницы моей, церковныя книги подъ титлами, и она мнѣ толковала то, что могъ я понимать.

Не зная еще отечественнаго (языка), меня, по модѣ XVIII столѣтія, съ самыхъ малыхъ лѣтъ стали учить иностранному—по-французски и по-нѣмецки. Французскій языкъ знали родители мои и бабушка; говорить всѣ учили (меня), и какъ я, такъ и всѣ братья и сестры мои, какъ попугаи, выучились поговаривать изрядно; но для сихъ предметовъ браты были безпрестанно учители и учительницы, коихъ до 16-ти-лѣтняго моего возраста перемѣнено было несчетное число. Сколько упомню, 1-я была m-lle Гальценъ, 2-й – г. Ганри, чахоточный, который также училъ и танцевать. Смѣшно мнѣ и теперь, вспомнивъ, какъ бывало учили насъ танцевать «Минаветъ-а-ла-ренъ». Домашній скрипачъ и живописецъ Антонъ Трофимовъ игралъ, а одна родственница, именно Екатерина Николаевна Тургенева, бывшая въ замужествѣ за г. Веневитиновымъ, танцовала сей «Минаветъ» съ припѣвомъ слѣдующаго:

Ты скажи, моя прекрасна,
Что я долженъ ожидать?
Неизвѣстность мнѣ ужасна,
Заставляетъ трепетать.

---

[1]) Въ комедіи, сочиненія г. Фонъ-Визина, Митрофанушка все множитъ ноль на ноль, а до чиселъ не добрался; видно и г. Фонъ-Визинъ знавалъ Родіона.
Примѣч. автора.

[2]) Сочиненіе св. Дмитрія Ростовскаго. Н. В.

Иль я тѣмъ тебя прогнѣвалъ,
Раскрасавица моя,
Что рабомъ себя содѣлалъ
Красы вѣчной твоея?....

и много, много еще подобнаго вздору было пѣто, что намъ казалось прелестно и величайшимъ совершенствомъ.

3-й—г-нъ Ришеръ, у котораго, какъ сейчасъ помню, во лбу была пуля: во время варшавской революціи, когда фельдмаршалъ Суворовъ покорялъ Польшу, Ришеръ былъ солдатомъ у генерала Костюшки конфедератовъ и получилъ мѣтку сію отъ русскихъ героевъ. Лобъ крѣпокъ былъ, пуля за кожей удержалась; впрочемъ, былъ смирный, добрый человѣкъ; науки зналъ плохо, а дѣтей рожалъ часто и всегда самъ ихъ крестилъ.

4-й—г-нъ Ранси—итальянецъ, невѣжда и неопрятный. Какъ теперь легко могу судить о бывшихъ моихъ учителяхъ, то онъ, вѣроятно, прибылъ въ Россію съ канарейками, суркомъ или собаками.

5-й—г-нъ Пине, съ женой. Сей былъ въ русской статской службѣ, имѣлъ чинъ 14-го класса;—по той единственно причинѣ выведенъ былъ въ чинъ, что женился на г-жѣ Адамовичевой, Александрѣ Степановнѣ, дочери генерала Адамовича, въ Смоленскѣ. Пине былъ французъ изъ простаго званія, говорилъ изрядно, а грамматики и прочихъ (наукъ) не вѣдалъ. Онъ же училъ насъ и рисовать перомъ. Не зная нисколько правилъ искусства, заставлялъ насъ чертить по бумагѣ, клѣтки городить; а какъ великъ былъ его талантъ подражать гравированнымъ эстампамъ, то можно судить по приложенной здѣсь его картинѣ подъ литерою *Д*. M-me Пине была безграмотная, говорила нарѣчіемъ бѣлорусскимъ, а въ довершеніе такъ зла, что мы ее боялись, какъ огня. Только бывало и слышишь, что бьетъ свою единственную крѣпостную дѣвку Мароу и бьетъ не то, чтобы ежедневно, но, право, почти ежечастно. Насъ учащихся было 7 человѣкъ, а именно: Анна Гавриловна, Екатерина Гавриловна, я, Николай, Петръ, Гаврилъ Гавриловичъ, да еще два родственника: богачъ Дмитрій Ивановичъ Карповъ ѣздилъ къ намъ въ классы и жившій въ домѣ Ардаліонъ Николаевичъ Левшинъ [1]). Всѣ мы изъ состраданія всегда бѣдную

---

[1]) Сего Ардаліона мать была молдаванка, котораго называла всегда «Іордакіемъ», приговаривая: «мой Іордаки такъ хорошъ, какъ цидронъ». Точно полу-

битую Мареу утѣшали сахаромъ, яблоками, конфектами и прочимъ, что имѣли, уговаривая, чтобы не плакала,—ибо Мареа реветъ и вопитъ безпрестанно, что намъ мѣшало уроки твердить. Ученье было плохое и примѣровъ добронравія отъ учителевой семьи занять было невозможно.

6-я—была какая-то мадамъ, высокая ростомъ, сердитая, капризная; имя ея не помню. Жила въ домѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Всѣ рады были, когда ее отпустили, какъ господа, такъ и домочадцы.

7-й—почтенный профессоръ Эверсъ [1]). Какъ онъ, такъ и супруга его были самые добродѣтельные и ученые люди. Имя (ихъ) сохраняю я въ душѣ моей. Помню, съ какимъ истинно родительскимъ вниманіемъ они пеклись о воспитаніи насъ, съ какою кротостію обращались съ сестрами моими и всѣми нами, различая возрасты. Не только, чтобы манера ихъ была похожа на слѣпое баловство обыкновенныхъ, добрыхъ стариковъ, напротивъ, они были взыскательны, подчасъ строги; но съ такою мудрою, философскою разборчивостью, что всѣ мы, дѣти, были привязаны къ нимъ не изъ страху, а именно единственно изъ уваженія, которое они имѣли даръ къ себѣ вселять. Родители наши ихъ любили, какъ ближнихъ родственниковъ. Г. Эверсъ былъ уже лѣтъ 60-ти, а супруга его—50-ти. Во всѣ три года пребыванія ихъ въ нашемъ домѣ ни мы, ни люди домашніе не слыхали отъ нихъ ни одного слова непріятнаго или, паче чаянія, досадъ. Къ величайшему сожалѣнію, по обстоятель-

---

азіатъ, былъ желтъ и глупъ, какъ столбъ; но за то храбръ, какъ кость (?). По протекціи родителей моихъ, онъ былъ записанъ въ Старооскольскій мушкетерскій полкъ юнкеромъ, въ 1800 г. Ардаліонъ Николаевичъ служилъ въ кампаніи турецкія, шведскія, противъ французовъ,—отечественную войну,—все во фронтѣ, не былъ никогда раненъ. Бывши маіоромъ, часто командовалъ полкомъ и въ 1817 г. изъ того же Старооскольскаго полка вышелъ въ отставку подполковникомъ и въ своей рязанской деревнѣ вскорѣ умеръ,—если грѣха не потаить, отъ излишняго употребленія спиртуозныхъ напитковъ.

Примѣч. автора.

[1]) Члены фамиліи Эверсовъ весьма многочисленны; изъ нихъ особенно два пользуются извѣстностью—оба профессора Дерптскаго университета: одинъ богословъ, а другой—историкъ. Послѣдній извѣстенъ сочиненіями о Россіи и о происхожденіи славянъ. Хотя онъ былъ въ Россіи, а также и въ Москвѣ около 1808 г., но по годамъ лицо, о которомъ говоритъ авторъ «Памятника»— это не то же лицо. Наставнику г. Левшина было, около 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, уже 60 лѣтъ, тогда какъ историкъ Эверсъ, родившись въ 1781 г., былъ въ это время еще очень молодъ. Н. В.

ствамъ гг. Эверсы должны были возвратиться въ Москву и всѣ разставались, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, съ чувствомъ искренней дружбы и благодарности, обоюдно сожалѣя, что не могутъ быть всегда неразлучно. Дѣти плакали отъ чистаго сердца. Впослѣдствіи г. Эверсъ основалъ пребываніе свое всегда въ Москвѣ, имѣлъ пансіонъ; но самъ, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ, не могъ преподавать уроковъ. Когда семейство наше пріѣзживало на зиму въ Москву, то всегда гг. Эверсы посѣщали насъ и дружественныя отношенія не измѣнились.

Когда требовалось имѣть учителя, то, отправляя стараго, поручалось искать и привезть на той-же повозкѣ новаго; обыкновенно дѣлалось сіе на удачу—какой попадется. Коммиссія сія по большей части возлагалась на покойнаго дядю нашего—Павла Θеодуловича; но нерѣдко бывало и такъ, что бывшій собственный писарь и стряпчій, Осипъ Яковлевъ Поляковъ, пойдетъ на Кузнецкій мостъ или въ католическую церковь, въ воскресный день, и у крыльца спрашиваетъ учителя (учителей), беретъ ихъ адресы, потомъ представляетъ ихъ на испытаніе къ Павлу Θеодуловичу, сторгуется въ цѣнѣ и непремѣнно привезетъ учителя-мадамъ, а иногда учителя—съ мадамой; такъ сіе и продолжалось всегда безостановочно.

О музыкѣ—рѣчи не было, ибо батюшка музыки терпѣть не могъ, а матушка любила, почему хотя и съ немалымъ трудомъ, но выпрашивалось позволеніе брать музыканта для обученія сестеръ моихъ на фортепіанахъ. Первоначально учитель въ деревнѣ былъ полякъ Пацковскій [1]), а въ Москвѣ—г. Элихъ, слав-

---

[1]) Трагическій конецъ былъ сему г. Пацковскому. Онъ былъ нраву самаго кроткаго, молчаливъ и трудолюбивъ; въ часы свободные все писалъ ноты, и когда спрашивали его: «долго-ли онъ будетъ сидѣть заниматься?» онъ только и отвѣчалъ: «а вотъ понапишу, понапишу и тогда ужъ полно». Иную пору и обѣдать нейдетъ, все пишетъ. Такою неутомимою дѣятельностью собралъ онъ себѣ небольшой капиталъ, купилъ въ Орлѣ домишко и подъ старость жилъ спокойно; семейства у него не было, а всей прислуги—кухарка. Однажды вечеромъ спросилъ онъ себѣ ужинать; кухарка въ тотъ часъ подала ему все, какъ должно; вдругъ закричала: «пожаръ, пожаръ!» Загорѣлся его домъ; хозяинъ самъ едва выскочилъ, а домъ и пожитки—все сгорѣло до-чиста. На другой же день музыкантъ Пацковскій, пришедъ на свое пепелище, застрѣлился. Причиной пожара была кухарка, которая, угощая своего пріятеля пьянаго въ людской горницѣ, заронила, а пьяный былъ безъ чувствъ—вмѣсто помощи, самъ тутъ же сгорѣлъ. Примѣч. автора.

ный музыкантъ; онъ говорилъ всегда, что покойная сестра моя Екатерина Гавриловна Тараканова была изъ первыхъ, лучшихъ его учеництъ, и что онъ съ большимъ удовольствіемъ ей уроки даетъ. Дѣйствительно, она прекрасно играла на фортепіано.

8-й—и послѣдній учитель мой былъ голландецъ г. Аллерсъ, человѣкъ лѣтъ 40, умный, ученый и самый скромный, съ тѣмъ вмѣстѣ оригиналъ; всегда былъ молчаливъ, уроки же преподавалъ съ большимъ тщаніемъ, стараясь какъ можно яснѣе толковать ученикамъ своимъ. Почти безпрестанно ходилъ по комнатѣ своей, въ свободное время отъ классовъ, находясь въ безпрерывныхъ размышленіяхъ; много очень читалъ и писалъ (что писалъ? намъ не могло быть сообщено), иногда сочинялъ повѣсти и для дѣтей, которыя заставлялъ насъ переписывать и переводить. Разсѣянность, задумчивость и безкорыстіе его были столь велики и странны, что онъ, когда занимался прилежно чтеніемъ, то могли шумѣть и стучать,—онъ ничего не слыхалъ и не обращалъ вниманія; нерѣдко, вмѣсто портфеля, въ книги клалъ ассигнаціи,—ибо у него ни сундуковъ, ни ларцевъ не было, одинъ чемоданъ заключалъ все его имущество, о завтрашнемъ днѣ не заботился; получая условное жалованье, никогда не повѣрялъ, а пряталъ куда ни попало; когда же издерживалъ или, лучше сказать, запрятывалъ всѣ деньги, то бывалъ въ недоумѣніи, куда скоро такъ вышли? Мы, ученики, и приставленный къ нему слуга всегда совѣтывали поискать денегъ около себя, а наиболѣе въ библіотекѣ, чему онъ всегда много отъ чистаго сердца смѣялся и, поискавъ поприлежнѣе, всегда находилъ; но никогда не зналъ навѣрно, гдѣ найдетъ деньги. Костюмомъ своимъ не занимался. Гороховаго цвѣта былъ у него фракъ, сюртукъ, шинель и шуба,—онъ когда-то вдругъ купилъ штуку сукна и обмундировалъ себя съ ногъ до головы въ гороховый цвѣтъ. Всегда пудрился самъ, безъ зеркала, и нерѣдко все лицо запудритъ, такъ и придетъ въ классъ, отчего происходилъ между учениками хохотъ, за коимъ слѣдовали наказанія—въ уголъ на колѣни, а иногда и безъ завтрака. Шапку соболью, съ зеленымъ бархатнымъ верхомъ, нерѣдко надѣвалъ и лѣтомъ, когда холодный вѣтеръ подуетъ; впрочемъ, онъ говаривалъ, что азіатцы и въ самые жары носятъ чалму. Сей философъ жилъ въ домѣ нашемъ два года, уѣхалъ въ Москву и болѣе о немъ никогда не слыхали.

Перемѣна часто учителей не принесла должныхъ успѣховъ; каждый учитель вводилъ свою методу и всегда ученье предшественника своего, сколько помню, осуждалъ. Такъ достигъ я до 16-ти-лѣтняго возраста и тутъ уже рѣшено было отдать меня въ военную службу.

Матушка моя была истинная христіанка, весьма богомольна; уроки русскіе преподавала всѣмъ дѣтямъ своимъ, большею частію, по книгамъ священнаго писанія, отчего я свободно научился читать подъ титлами, зналъ довольно изъ евангелія и каноновъ, даже разумѣлъ нѣсколько и кругъ церковный, всегда пѣвалъ на клиросѣ съ дьячками, что мнѣ сдѣлалось въ необходимый навыкъ и подъ старость.

Гимнастикѣ меня не учили, а единственныя упражненія гимнастическія состояли лѣтомъ въ бѣганьи взапуски въ саду, по недосмотру дядьки (дядьковъ) лазаньи по деревьямъ, и если хорошо уроки училъ, то тотъ день кавалькада. Верховая ѣзда была статья презабавная. До 12-ти лѣтъ—стараго чалка, именуемаго «Круглый», привязывали на длинную свору и старикъ дядька Иванъ Рудницкій не выпускалъ веревки изъ рукъ. Лошадь «Круглый» была замѣчательное твореніе: жила до 30-ти лѣтъ и всѣхъ насъ, то-есть, меня и 4-хъ братьевъ, обучилъ искусству рыцарскому; всегда былъ толстъ, ибо рѣдко, очень рѣдко, бѣгалъ рысью и наметомъ, а болѣе шагомъ съ разстановкой. Случалось, что сѣдокъ упадетъ долой и чалый сталъ, какъ вкопанный. Чудо былъ конь, благодѣтель человѣку, никогда не спотыкался и кончилъ жить, какъ заслуженный; ему одному дозволено было по барскому двору пастись, но и тутъ всегда былъ въ должности, запряженный въ дрожки, ибо батюшка любилъ одинъ ѣздить на дрожкахъ,—самъ придетъ, возьметъ его, а поѣздивши, самъ развозжаетъ и пуститъ на траву; такъ былъ онъ на дежурствѣ ежедневно во все лѣто и осень, зиму же очень рѣдко былъ на работѣ тревоженъ.

Однажды дѣти, именно Гаврилъ Гавриловичъ вздумалъ покатать сестру Екатерину Гавриловну на дрожкахъ, во время послѣобѣденнаго отдыха батюшки, и чуть не утопилъ чалаго, заѣхавъ въ рѣку Турью, недалеко отъ сада. Ну, тутъ была тревога порядочная! досталось правымъ и виноватымъ! Родитель шутить не любилъ.....

Зимой въ снѣжки играть и на салазкахъ съ горы кататься. Помню, разъ игравши на прудѣ, попалъ я въ прорубь.... счастье, что была прорубь для водопоя и я половиной корпуса окунулся; спасибо скоро вытащили,—насъ всегда сопровождали 3 или 4 лакея.

Минуло мнѣ 12-ть лѣтъ—и борзаго коня спустили со своры, а славному ѣздоку была не малая радость; но отнюдь не дозволялось скакать отъ дядьки ни няди. Знаю то, что о правилахъ верховой ѣзды никто никогда ни слова мнѣ не говорилъ; я самъ присматривался, какъ другіе, бóльшіе (ѣздятъ), и видѣвъ, что разъ выпороли мальчишку охотника за то, что онъ садится на лошадь съ правой стороны, и за себя боялся, какъ бы не ошибиться.

Отецъ мой былъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и до старости страстный охотникъ псовый. Какъ осень начнется, т. е., когда хлѣбъ уже съ поля сберутъ, тутъ охота начинается; человѣкъ 20-ть псарей и около сотни собакъ всегда готовы на увеселеніе. Веселье это довольно часто обращалось въ горе не малое, ибо когда пропустятъ зайца, а спаси Боже, лисицу, то тутъ же всѣхъ перепорятъ ихъ же плетками.

Родитель меня довольно часто биралъ на охоту и я исполнялъ должность маленькаго адъютанта; только и доставалось же мнѣ иногда за малѣйшую неисправность, была бѣда! словомъ сказать, всѣ окружающіе родителя трепетали. Должность моя состояла въ томъ, чтобы я всякую неисправность въ сбруѣ и лошади родительской прежде всѣхъ (усмотрѣлъ). Собаки своры родительской тоже были подъ моимъ вѣдѣніемъ. Всѣ охотники радовались сердечно, когда кто изъ сосѣдей пріѣзживалъ охотиться съ батюшкой, ибо тогда онъ былъ веселѣе и не такъ взыскателенъ. Ѣзжали же слѣдующіе: Николай Сергѣевичъ Кологривовъ, который былъ нраву самаго хорошаго, добродушный и весельчакъ. Фигура его была престранная: толщины необъятной, голова и лицо несоразмѣрно большія и кривой. Онъ такъ былъ толстъ, что только и была у него одна вороная лошадь, которая въ осенній короткій день едва могла ему выслуживать поле, а скакать подъ нимъ почти не могла, да онъ и не хотѣлъ рисковать; какой ни былъ горячій охотникъ, но скачки боялся, особенно послѣ паденія его въ оврагъ съ лошадью. Кологривовъ,

разскакавшись, съ лошадью упалъ въ оврагъ лѣсной, прямо на претолстую колоду; лошадь его на сучьяхъ остановилась мертвá, что и спасло сѣдока, ибо онъ сидѣлъ на мертвой лошади невредимъ (?) до тѣхъ поръ, пока его, опутавъ веревками, стащили съ лошади прямо вверхъ изъ оврага. Когда опасность миновала, то всѣ много хохотали; однако, Калогривовъ долго послѣ того не ѣздилъ на охоту, да и лошади другой не могъ скоро пріискать.

Второй сосѣдъ и охотникъ былъ изъ с. Введенскаго—П. В. Матвѣевъ. Сей не былъ еще богатъ, какъ нынѣ онъ сдѣлался; и помня, что онъ не потомокъ[1]) славныхъ Матвѣевыхъ, боярина А. С. Матвѣева, не церемонился много, и часто забавлялъ бывало родителя моего сраженіемъ съ псаремъ Өедотомъ, по прозванію «Дедюля». Сей Дедюля терпѣть не могъ, когда его называли «гривной»; Матвѣевъ не переставалъ его дразнить; гривна вышелъ разъ изъ терпѣнія, погнался за Матвѣевымъ по полю съ арапникомъ; Матвѣевъ,—карапузикъ, маленькій ростомъ и чрезвычайно безобразенъ, брюхо необычайное,—какъ-то потерялъ равновѣсіе, полетѣлъ съ коня и вывихнулъ себѣ ногу; тутъ шутка кончилась худо: гривну отдули плетьми и печально всѣ по домамъ разъѣхались, а Матвѣевъ мѣсяца три пролежалъ и на-силу вылечился; съ тѣхъ поръ полно воевать съ Дедюлей.

Третій камрадъ на охотѣ былъ Өедоръ Артемьевъ Гнѣздиловъ, однодворецъ. Этотъ былъ настоящій умный шутъ, какіе всегда въ тотъ вѣкъ еще бывали при домахъ феодальныхъ господъ. Гнѣздиловъ всѣхъ умѣлъ имитовать очень ловко и передразнивать такъ похоже, что батюшка всегда много смѣется. Особенно умѣлъ отлично представлять богатаго сосѣда, дурака Чулкова, какъ онъ умывается и чиститъ зубы по нѣсколько часовъ сряду. Этотъ же Гнѣздиловъ былъ не пьяница, но только не безкорыстный.

Многіе еще были товарищи охоты, какъ-то Волжинскій, бывшій болховской городничій. Этотъ былъ такой говорунъ и лгунъ, что врядъ-ли ему подобный найдется. Родственникъ Николай Алексѣевичъ Левшинъ—настоящій придворный хитрецъ: все хвалитъ и все бранитъ, какъ что ко времени приходилось, отъ всякой бездѣлицы ахаетъ, не дослушавъ, тáкаетъ и самая кривая душа, льстецъ и ругатель.

[1]) Дѣдъ П. В. Матвѣева былъ поповичъ. Примѣч. автора.

Рѣдкое поле происходило безъ баталіи,—бо̀льшею частію вся прислуга кулакомъ глаза утирала и вздыхала. Травили лисицъ и волковъ, даже иногда и медвѣдей, почти ежегодно, но съ большей опасностью.

Въ 1801 году, когда еще казенная засѣка была точно дремучій лѣсъ, медвѣди осенью выходили всегда кормиться по небольшимъ лѣсамъ и ежегодно приходили они и въ лѣса с. Введенскаго. Въ семъ году пришли три въ Плоховскій лѣсъ, что за Прилѣпами, прямо противъ дому. Въ тотъ часъ ловчій и лѣсникъ донесли о семъ. Въ нѣсколько минутъ вся охота была въ готовности: люди съ ружьями, съ рогатинами и батюшка на конѣ. Обыкновенно пустятъ въ островъ гончихъ собакъ 70 и болѣе и онѣ гонятъ звѣрей до того, что онѣ совсѣмъ опѣшаютъ. Народъ же и всѣ верховые охотники, окружа лѣсъ, стоятъ на опушкѣ, дабы звѣрей изъ лѣсу не выпускать. Вдругъ раздается крикъ, что убили лисицу на опушкѣ, въ кустахъ противъ лугу, гдѣ протекаетъ рѣка Орсъ. Батюшка первый прискакалъ на свалку. Что же увидѣлъ? Полумертваго человѣка. Камердинеръ Алексѣй, по прозвищу «лисица», валялся окровавленный. Поваръ, сидя не далеко отъ спрятавшагося въ кустахъ камердинера и увидѣвъ, что что-то шевелится, ударилъ во всю силу дубиной и чуть «лисицу» до смерти не убилъ. Долго былъ о семъ толкъ бо̀льшой: съ умысломъ-ли поваръ хватилъ такъ ловко, или въ азартѣ, съ горяча̀? Впрочемъ извѣстно, что̀ этого камердинера-«лисицу» никто терпѣть не могъ, ибо онъ былъ самый злой человѣкъ, ябедникъ и доносчикъ.

Между тѣмъ, за медвѣдями гонялись безпрестанно и ввечеру (это было въ половинѣ октября) утомили ихъ и двухъ убили въ лѣсу, а третій—убѣжалъ чрезъ поле къ деревенскому мосту, гдѣ стояла коляска,—ибо сама матушка выѣхала на травлю, не потому, чтобы она желала забавляться спектаклемъ, но изъ безпримѣрной любви къ батюшкѣ, не желая его видѣть въ опасности изъ окошекъ дома. Тутъ близъ самой коляски убили и третьяго медвѣдя; лошадей, которыя весьма старыя были, на-силу удержали, а матушка лежала въ обморокѣ; тѣмъ и кончилось медвѣжье побоище. Родитель былъ чрезвычайно веселъ, сотрудниковъ приказалъ перепоить виномъ, а собакъ—двойной порціей накормить. Алексѣй-«лисица» былъ долго боленъ и долго хо-

дилъ съ обвязанной головой, а медвѣжьи шкуры, какъ значительные трофеи, висѣли долго напоказъ; потомъ изъ нихъ сшита была для батюшки шуба, которую онъ до самой кончины изволилъ носить. Въ чужихъ краяхъ медвѣжье мясо ѣдятъ охотно, особенно лапки, какъ лакомый кусокъ,—теперь и въ Россіи уже покушиваютъ; но въ то время, сохрани Богъ!... почему и отдали мясо собакамъ, а сала надрали болѣе двухъ пудовъ и продали въ аптеку за сущую бездѣлицу.

Вотъ какъ проходила моя юность! Вмѣсто систематическаго, толковаго ученья, я бòльшею частію развлекаемъ былъ домашними новостями, а болѣе всего по охотѣ псовой.

Были учители и учительницы, смѣнявшіеся ежегодно, о коихъ нечего упоминать, развѣ только о г. Вальтерѣ, который, вѣроятно, былъ чуть-ли не мусульманинъ, ибо ежедневно два раза мылся въ большомъ тазу, стоя, а былъ мужикъ высокій и кудрявый; открылось послѣ, что онъ сумасшедшій. Однажды за обѣдомъ началъ съ батюшкой разговоръ и, взбѣсившись, заговорилъ-было непристойности. Батюшка человѣкъ былъ горячій, нрава самаго крутаго и не позволялъ никому (не) равному себѣ говорить двусмысленности,—пустилъ въ г. Вальтера чрезъ столъ тарелкой. Тутъ—кто въ обморокъ, кто плакать, всѣ изъ-за стола разбѣжались по своимъ конурамъ; шумъ продолжался долго, намѣревались даже, по правиламъ феодальнымъ, неучтивца выпороть, да, слава Богу, какъ-то планъ перемѣнился, и того же дня, къ вечеру, уже на тройкѣ въ кибиткѣ г. Вальтера выпроводили за границу с. Введенскаго, черезъ Болховъ и въ Москву. На той же тройкѣ приказано было привезти новаго учителя; но какъ-то дѣло задержалось, а по первому пути поѣхали всѣ въ Москву со всѣмъ домомъ на зимованье и болѣе я уже учителей не имѣлъ, ибо рѣшительно опредѣлено было отвезть меня въ Петербургъ, въ службу.

Въ продолженіе пребыванія моего дома, т. е., до конца 1803 года, бралъ я вмѣстѣ съ покойнымъ братомъ Петромъ Гавриловичемъ уроки математики у извѣстнаго ученаго—г. штыкъ-юнкера Ефима Дмитріевича Войтяховскаго [1]). Нерѣдко вспоминаю я о семъ

[1]) Войтяховскій получилъ извѣстность сочиненіями: 1) Курсъ чистой математики, содержащій ариѳметику, геометрію и алгебру, съ прибавленіемъ фортификаціи. Москва, 1786 г. Сочиненіе это выдержало нѣсколько изданій.

почтенномъ человѣкѣ, а участь его въ старости не была завидная. Ефимъ Дмитріевичъ былъ бѣдный бѣлорусскій шляхтичъ; необыкновеннымъ своимъ прилежаніемъ къ высокимъ наукамъ, въ особенности къ математикѣ, открылъ себѣ путь пространный по части глубокаго ученья и сдѣлался въ царствованіе императора Павла I извѣстнѣйшимъ математикомъ, занималъ каѳедру профессорскую, былъ учителемъ ихъ императорскихъ высочествъ и всѣхъ знатныхъ господъ, въ числѣ коихъ были его ученики графъ Николай Михайловичъ Каменскій [1]), кажется, и Ермоловъ [2]), также и графъ Кутайсовъ [3]). Милостями государя императора былъ осыпанъ, подарки были у него дорогіе: перстни, табакерки съ портретами императорской фамиліи, между коими одна была осыпана бриліантами, съ видомъ дворца села Павловска, стоющая болѣе 5,000 руб. Сими подарками онъ всегда гордился и съ величайшимъ удовольствіемъ, показывая ихъ, разсказывалъ случаи, по которымъ подарки получалъ, именно тогда, какъ царственные юноши экзамены выдерживали при самомъ императорѣ въ наукахъ математическихъ.

Помнится, что въ 1802 году Ефимъ Дмитріевичъ купилъ село Кудиново [4]): близъ него пожалована была ему государемъ дача —

---

2) Полная наука военнаго укрѣпленія или фортификація. Москва, 1790 г.
3) Электрическіе опыты Георга Адамса. Переводъ. Москва, 1793 года. (См. «Словарь свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія). Кажется, что указаніе автора «Домашняго Памятника» на то, что Войтяховскій былъ преподавателемъ математики великихъ князей Александра и Константина Павловичей, встрѣчается чуть-ли ни въ первый разъ и, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія по тому важному значенію и знаменательной роли, которыя выпали впослѣдствіи на долю его августѣйшимъ ученикамъ. Н. В.

[1]) Графъ Николай Михайловичъ (умеръ 4-го мая 1811 г.) генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ св. Андрея, Владиміра и Георгія 2-й ст., подававшій блестящія надежды и прославившійся кампаніями въ Финляндіи и Турціи. Н. В.

[2]) Алексѣй Петровичъ, лице извѣстное всей Россіи, какъ полководецъ и администраторъ, а также своимъ умомъ и блестящимъ остроуміемъ. Н. В.

[3]) Графъ Александръ Ивановичъ (род. въ Петербургѣ 30-го августа 1784 г., убитъ подъ Бородинымъ 26-го августа 1812 г.), извѣстный боевой артиллерійскій генералъ. Писалъ русскіе и французскіе стихи, рисовалъ, зналъ отлично математику, былъ музыкантъ, имѣлъ блестящіе таланты и всестороннее образованіе. Его смерть причинила справедливое сѣтованіе о его ранней утратѣ. (См. его біографію въ Военной Галлереѣ Зимняго дворца). Н. В.

[4]) Сельцо Кудиново—на границѣ уѣздовъ Болховскаго и Козельскаго; въ настоящее время оно принадлежитъ частью г. Буравцову, частью г. Мотову.

земли лѣсныя, рядомъ съ казенной Дубенской засѣкой; тутъ онъ выстроилъ себѣ хутора, которые назвалъ: «Павлодаромъ». Это было его благополучіе, ибо основалось ему къ старости прочное и даже довольно богатое убѣжище. Въ селѣ Кудиновѣ онъ выстроилъ себѣ домъ, развелъ садъ и воду провелъ чистую. Домъ наполненъ былъ предметами учености его: моделями, инструментами, машинами, хорошими гравюрами и картинами дорогими[1]).

Около 20-ти лѣтъ наслаждался онъ плодами своихъ полезныхъ трудовъ, былъ жизни весьма скромной и въ 70 лѣтъ кончилъ жизнь, тоскуя сильно о несчастіи своемъ: единственный сынъ его Ѳедоръ Ефимовичъ не былъ къ нему почтителенъ, находился всегда въ отлучкѣ въ столицахъ и моталъ шибко,—а старикъ Войтяховсхій былъ скупенекъ и сіе его столь сильно огорчало всегда, что онъ, бывъ друженъ съ родителемъ моимъ, открыто говорилъ ему, что хочетъ сына своего лишить наслѣдства; но батюшка отсовѣтывалъ ему. По праву наслѣдства, сынъ завладѣлъ имѣніемъ какъ недвижимымъ, такъ и движимымъ, и года въ два промоталъ и умеръ въ бѣдности.

Какъ сейчасъ гляжу, Ефимъ Дмитріевичъ всегда одѣвался по старинному въ нѣмецкіе разноцвѣтные кафтаны, съ стеклянными и бронзовыми пуговицами, напудренъ, съ буклями и длинной косой; перстень брилліантовый на пальцѣ, жалованная табакерка въ глазетовомъ жилетѣ и часы жалованные, съ брилліантовыми брелоками; шуба и шапка соболья, верхъ бархатный. Бывши дѣтьми, я съ братьями и сестрами каждый праздникъ, бывало, ждемъ пріѣзда Войтяховскаго, какъ великой радости, чтобы насмотрѣться на его блестящій нарядъ; онъ бывалъ въ домѣ нашемъ весьма часто. Я уже былъ въ гвардіи, въ службѣ, когда

Садъ теперь значительно выросъ, а планъ его все тотъ же и не измѣнился до сего времени; но садовыя бесѣдки, гроты и вообще затѣи прошлаго вѣка отъ времени разрушились. Домъ находится все на томъ же мѣстѣ, и хотя нѣсколько и измѣнилъ свой наружный видъ, но его главный корпусъ все-таки постройки Ефима Дмитріевича Войтяховскаго. Н. В.

[1]) Сельцо «Павлодаръ» и до сего времени существуетъ также на границѣ Козельскаго и Болховскаго уѣздовъ. Оно принадлежитъ въ настоящее время гг. Апухтинымъ; и досталось имъ по наслѣдству отъ ихъ матери, Марьи Андреевны Желябужской, къ которой перешло по дарственной отъ ея дѣда Алексѣя Ивановича Желябужскаго, пріобрѣвшаго его куплей уже отъ г. Чернавскаго, къ которому также перешло по куплѣ отъ г. Войтяховскаго—сына. Н. В.

Войтяховскій скончался; онъ погребенъ на общемъ кладбищѣ Болховскаго уѣзда, въ селѣ Луневѣ. Исчезло все, какъ бо́льшей частію все изчезаетъ, какъ дымъ: о Войтяховскомъ всѣ забыли, а его «Курсъ чистой математики» оставленъ; рѣдко кто о немъ что знаетъ. Имѣніе его разошлось по рукамъ наслѣдниковъ,—не осталось ничего теперь и помянуть некому!

Учитель былъ строгій; бывало, ѣдешь къ нему съ заданнымъ урокомъ каждую среду и субботу, и, подъѣзжая къ дому, дрожь беретъ, если не умѣлъ безъ него задачу рѣшить. Я очень мало понималъ глубокую науку и мнѣ сильно доставалось терпѣть брань неумолкаемую; покойный же братъ Петръ Гавриловичъ учился очень хорошо и свободно проходилъ всѣ правила ариѳметики. Не долго я надоѣдалъ учителю своему (однако-жъ, года полтора ѣздилъ два раза въ недѣлю), ибо недоученаго меня по всѣмъ наукамъ, даже и по русской грамотѣ, родители рѣшили скорѣе отдать въ военную службу, примолвивъ, какъ сейчасъ помню: «военная служба — душа всему, тамъ всему выучатъ». Сказано и сдѣлано.

Не могу не вспомнить о самыхъ лучшихъ друзьяхъ родителей моихъ. Это были старики — Василій Борисовичъ и супруга его Анна Михайловна Сомовы, сосѣди и помѣщики козельскіе въ с. Бѣтовѣ; они были истинно Филимонъ и Бавкида, люди благороднѣйшіе и добродѣтельные. Василій Борисовичъ былъ отецъ крестный покойной сестры моей Ирины Гавриловны и отдавалъ ей все свое имѣніе, но родитель мой не принялъ,—отказался, не желая огорчить наслѣдниковъ г. Сомова. До 1803 года оба старика скончались: Анна Михайловна—ударомъ въ одну минуту, и когда извѣстили о семъ матушку, то съ ней такой былъ обморокъ, что на-силу ее оттерли, и всѣ мы перепугались—смятеніе было въ домѣ полное. Вскорѣ послѣ (ея) скончался и Василій Борисовичъ—отъ жабы. Имѣніе свое отдалъ онъ совсѣмъ постороннему человѣку—Ивану Васильевичу Кривцову, который въ тотъ же часъ и завладѣлъ имъ. Пріѣхали наслѣдники гг. Суковкины, хотѣли-было заводить дѣло; но имѣніе было такъ передано и укрѣплено, что они ничего не могли выиграть, а только разругали того, кто получилъ ихъ достояніе по закону и чуть-ли не наплевали ему въ глаза (à la lettre). Вотъ и вышло: родитель мой хорошо сдѣлалъ, что отказался.

Какъ сейчасъ гляжу на стариковъ Сомовыхъ. Василій Борисовичъ былъ росту довольно высокаго, голова лысая, а сзади и немного на вискахъ сѣдые локоны падали по плечамъ, въ синемъ сюртукѣ, съ большими шелковыми пуговицами въ пятакъ; а Анна Михайловна—росту небольшаго, толстая и всегда въ бѣломъ, накрахмаленномъ и такомъ же высокомъ чепцѣ, какъ римская каска, съ голубой, атласной, широкой лентой. Оба супруга были нраву самаго веселаго и общество ихъ было пріятнѣйшее. Насъ всѣхъ любили и утѣшали, какъ своихъ дѣтей. Домашнее же ихъ занятіе было одно — разводить пчелъ, и пчелъ у нихъ было довольно,—сами ухаживали за ними, даже въ комнатѣ стоялъ всегда улей стеклянный и пчелы въ окошко летали — въ жительство свое; видѣть же никакъ нельзя было, какъ онѣ трудятся, ибо всѣ стекла залѣплены были весьма тщательно воскомъ. Трудолюбивыя животныя отнюдь не хотятъ сообщать секретовъ своихъ и чуднаго искусства людямъ. Многіе испытатели природы хлопотали и теперь стараются разсмотрѣть до тонкости устройство ихъ дивнаго дѣйствія, но никакъ не могутъ.

По древнему и новѣйшему обряду россійскихъ дворянъ вообще, къ празднику Рождества Христова отправляютъ обозы въ Москву, а послѣ и сами подымаются на свиданіе съ родными, на увеселенія и по всѣмъ прочимъ надобностямъ. Такъ точно и родители мои всегда ѣзжали въ столицу, почти ежегодно. Въ 1803 году, болѣе ради отправленія меня на службу, поднялись со всѣми домочадцами, съ тѣмъ, чтобы весновать въ Москвѣ. На 80-ти лошадяхъ тянулись экипажи; тутъ весь домъ былъ: учителя, мамки, няньки, дядьки, мальчишки, дѣвочки, собачки, птицы разныя, даже былъ хорекъ—любимый звѣрокъ сестры Екатерины Гавриловны. Всѣ благополучно, недѣли за двѣ до праздника, пріѣхали на нанятый у г. Тинькова домъ, близъ Большой Ордынки.

Хотя родитель мой и терпѣть не могъ выѣздовъ и визитовъ, но тутъ надобно было объѣздить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, по существующему обычаю, что кто на житье въ Москву (пріѣхалъ), обязанъ первый всѣ визиты сдѣлать, отдохнувъ нѣсколько отъ путешествія. На Святкахъ и къ Новому году покатились изъ нашего дома двѣ кареты, и какъ у насъ много

родныхъ, то всѣ улицы объѣздили. Батюшка всегда бралъ меня съ собой, а матушка—съ сестрой Анной Гавриловной.

Главные визиты были къ Обольяниновымъ, Хитрово и Васильчиковымъ, которыхъ тогда было 5 домовъ. Особенно уважалъ родитель мой Александра Семеновича Васильчикова [1]), тогда онъ былъ уже лѣтъ 70-ти. Небольшой человѣчекъ, сухощавый и слабый, все сидитъ-бывало на большомъ креслѣ, не двигаясь съ мѣста. Онъ былъ нѣкогда, въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ случаѣ и роль игралъ важную, только весьма не долго; въ короткое время былъ возведенъ въ чинъ генералъ-аншефа, имѣлъ александровскую ленту, осыпанъ былъ милостями и богатствами и отправленъ на всегдашнее житье въ Москву—во всеобщій инвалидный домъ всѣхъ россійскихъ дворянъ знатныхъ и незнатныхъ, чиновныхъ и безчиновныхъ. Москва—удивительное пристанище для всѣхъ, кому дѣлать болѣе нечего, какъ свое богатство расточать, въ карты играть, ѣздить съ двора на дворъ; дѣловыхъ людей въ Москвѣ мало. Всѣ вообще отставные, старики, моты, весельчаки и празднолюбцы,—всѣ стекаются въ Москву и тамъ вѣкъ свой доживаютъ припѣваючи. Раздѣлять-ли родители дѣткамъ имѣніе — ѣдутъ на покой въ Москву вѣкъ доживать; надобно-ли дѣтокъ малолѣтныхъ въ пансіоны отдавать (которыхъ лѣтъ 20 тому назадъ нигдѣ, кромѣ Москвы, найти нельзя было)—ѣдутъ въ Москву; въ службу записывать сынковъ—опять на совѣты и отыскиваніе по роднымъ покровительства ѣдутъ въ Москву,—словомъ сказать, со всего россійскаго свѣта стекается многое множество къ зимѣ въ родимую Москву; за то лѣтомъ—хоть шаромъ покати—никого нѣтъ, даже на улицахъ станетъ травка пробиваться; всѣ разбредутся по деревнямъ—къ зимѣ деньги собирать.

Старый Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, который былъ отцу моему дядя двоюродный, жилъ, какъ вельможа. Домъ у него былъ сущій за̀мокъ или какой дворецъ, недалеко отъ дома Пашкова, что̀ на Моховой, противъ бывшаго театра. Подъѣздъ былъ съ навѣсомъ—въѣдешь, какъ будто прямо въ парадныя сѣни въѣхалъ. Швейцары встрѣчаютъ, звонятъ вверхъ, а тамъ ливрейныхъ лакеевъ высыпитъ съ дюжину и начнутъ двери от-

[1]) Александръ Семеновичъ Васильчиковъ былъ въ случаѣ при дворѣ съ 1772 по 1774 годъ. Н. В.

ворять и провожать съ поклонами, и 10-ю церемоніями, по-китайски, ведутъ чрезъ всѣ парадныя комнаты, убранныя драгоцѣнными картинами, мебелью, фарфорами и проч. и проч.; въ самой же отдаленной, небольшой комнаткѣ сидѣлъ (бывало) хозяинъ, въ бархатномъ халатѣ, темнозеленомъ, на манеръ старинной боярской шубы, опушенной соболями, при двухъ звѣздахъ непремѣнно.

Петръ Хрисанфовичъ и Анна Александровна Обольяниновы [1]) были первые друзья родителю моему и Анна Александровна была по матери двоюродная ему сестра. Генералъ отъ инфантеріи, П. Х. Обольяниновъ, бывшій при императорѣ Павлѣ I генералъ-прокуроръ и любимецъ его, жилъ, по кончинѣ императора, въ отставкѣ въ Москвѣ, заслужилъ любовь и уваженіе всего дворянства столицы, долго былъ губернскимъ московскимъ предводителемъ, за что, по статуту Владимірскаго ордена, получилъ Владимірскій крестъ 1-й степени. Обольяниновъ былъ человѣкъ нраву весьма горячаго, крутаго, но любезенъ въ обществѣ; дѣлалъ много добра искавшимъ въ немъ, скупъ былъ всегда и, какъ слышно, по кончинѣ своей, оставилъ 7 милліоновъ наличными, нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ и большое сокровище бриллiантами и прочими вещами.

Анна Александровна была изнѣженная и избалованная счастьемъ женщина, иногда добра и любезна, а иногда—горда и капризна; жила около 70-ти лѣтъ и послѣдніе годы не могла ходить—ноги отнялись. Сидя въ креслахъ, (тѣмъ не менѣе) всегда наряжалась по модѣ и въ табельные дни непремѣнно была во всемъ парадѣ, при Екатерининскомъ орденѣ 2-й степени. По отцу она была Ермолаева, отъ перваго брака родной тетки отца моего, Екатерины Гавриловны Хитрово; сама же была прежде замужемъ за г. Нащокинымъ. Богатство ея также было очень значительное, которое она большею частью укрѣпила второму мужу своему — Обольянинову.

Вотъ примѣръ характера и капризовъ Анны Александровны, въ послѣдніе годы жизни ея, она часто была не здорова, особенно судорогами въ ногахъ. Однажды припадокъ этотъ такъ

---

[1]) Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ (умеръ 22-го сентября 1841 г.) былъ генералъ-прокуроромъ со 2-го февраля 1800 г. по 16-е марта 1801 г. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Обольяниновыхъ помѣщены въ «Запискахъ Мертваго» и въ «Запискахъ Современника» (Жихарева). Н. В.

сдѣлался силенъ, что она кричала и билась на постелѣ; въ сіе время служили молебны; но какъ судорги не унимались, то она, едва давъ кое-какъ дослужить молебенъ, выгнала поповъ вонъ изъ комнаты, а иконы всѣ приказала обернуть ликами къ стѣнѣ, говоря: «вотъ, знаете-ли (это была ея всегдашняя поговорка), ничего не милуютъ, то и нечего же молиться имъ». Впрочемъ, была человѣкъ души самой доброй; одинъ странный недостатокъ имѣла: если кому сдѣлала или намѣревалась сдѣлать добро, то сама всему городу о семъ разскажетъ и такъ возблаговѣститъ, что всюду, и въ отдаленныхъ губерніяхъ, говорили о благодѣяніяхъ ея съ преувеличеніемъ.

Вотъ дошло до свѣдѣнія родственницы ея, г-жи Ермолаевой, что отказано ей, по духовной, около 200 душъ. Немедленно г-жа Ермолаева изъ дальнихъ краевъ прискакала въ Москву и, не пропуская удобнаго случая, приносила благодарность Аннѣ Александровнѣ самымъ униженнымъ образомъ; а какъ г-жа Ермолаева была въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, то и вздумала предложить благодѣтельницѣ своей, чтобы она ей, вмѣсто имѣнія, теперь бы дала деньгами хотя половину той цѣны, чего стоитъ назначенное ей наслѣдство. Лишь только успѣла старуха Ермолаева выговорить прошеніе о деньгахъ, какъ Анна Александровна такъ разгорячилась, что разбранила ее какъ можно хуже и приказала безъ церемоніи, подъ руки, вывести ее изъ дома и съ тѣхъ поръ не пускала ее на глаза; но, однако же, послѣ смерти эта родственница назначенное имѣніе по духовной получила.

Обольяниновы жили открыто до 1812 года, хотя въ небольшомъ, но богато убранномъ домѣ; пріѣздъ былъ неумолкаемый, они были очень любимы московскимъ дворянствомъ. По понедѣльникамъ всегда были балы и съѣзжалось столько, что негдѣ было помѣститься, такъ что многіе, не входя въ домъ, возвращались именно потому, что ступить негдѣ, отъ жару свѣчи гасли: настоящіе англійскіе рауты!

Кто, бывало, не зналъ на Тверской пріятныхъ собраній у Обольяниновыхъ? Послѣ пожара, въ нашествіе французовъ, домъ боярскій опустѣлъ, — весь дворъ усыпанъ былъ дорогимъ фарфоромъ и хрусталемъ битымъ и разными обломками мебелей. Въ 1813 году, въ началѣ весны, я самъ это видѣлъ.

По возобновленіи столицы, старики Обольяниновы не захо-

тѣли себѣ большаго дома и выстроили себѣ маленькій флигель, при новомъ и домовую церковь соорудили, очень богатую старинными иконами въ иконостасѣ.

Не могу забыть странностей покойной Анны Александровны: она настоятельно просила позволенія у духовныхъ властей, чтобы ей позволено было повѣсить колокольчикъ при входѣ въ церковь, отъ коего веревка чтобы протянута была до ея спальни, дабы она сама, сидя въ креслахъ, могла благовѣстить къ службѣ. Но въ семъ ей рѣшительно отказали.

Петръ Хрисанфовичъ скончался въ глубокой старости, слишкомъ 88-ми лѣтъ, въ 1841 году въ Москвѣ. Кончина его была самая тихая, безболѣзненная. Анна Александровна умерла за нѣсколько лѣтъ прежде, лѣтъ 75-ти. По завѣщанію погребены они въ селѣ Талажнѣ, Тверской губерніи. Эти люди, въ свое время, играли роль весьма значительную.

Варвара Петровна Оленина, по отцу Хитрово, двоюродная сестра родителю моему. Къ ней, какъ къ ближайшей родственницѣ, всегда первый визитъ. Варвара Петровна вышла замужъ 45-ти лѣтъ и была горбата. Всѣ боялись, что она скоро умретъ отъ слабаго ея сложенія; но напротивъ, она, къ году послѣ замужества, родила благополучно дочь, которая теперь замужемъ за флигель-адъютантомъ Грессеромъ, имѣетъ дѣтей прелестныхъ, сама прездоровая и претолстая. Оленины не долго жили въ ладу— развелись. Генералъ Евгеній Ивановичъ Оленинъ былъ весельчакъ и волокита, герой аустерлицкій. Онъ, бывши въ конной гвардіи полковникомъ, въ аустерлицкомъ сраженіи самъ, своеручно, взялъ штандартъ у французовъ, чѣмъ и прославился. Варвара Петровна большую часть имѣнія своего, около 1,000 душъ, промотала на Кузнецкомъ мосту и очень скудно доживала 70-лѣтній вѣкъ свой. Правду сказать, была большая, по старинному, хлѣбосолка и вся Москва ѣзжала на ея обѣды и ужины. Старинное богатство родителей ея было большое. Петръ Васильевичъ Хитрово былъ при императрицѣ Екатеринѣ II экономъ, коллегіи президентъ, самый безкорыстный человѣкъ, извѣстный всему царству за честность его. Онъ женился вдовцемъ, имѣя дочь Вѣру Петровну (бывшую за Баскаковымъ), на теткѣ родной отца моего,—Екатеринѣ Гавриловнѣ, по отцу Бѣлкиной. Она также шла за него замужъ вдовою,—была за Ермолаевымъ и

имѣла дочь Анну Александровну Обольянинову, а эти два вдовца прижили Варвару Петровну Оленину. Всѣ люди были именитые, богатые. Не одинъ разъ видывалъ я китайскій ларецъ,—въ аршинъ длины и въ 1/2 аршина вышины, который бывало бабка моя, Екатерина Гавриловна, сама показывала намъ,—полонъ накладенъ жемчугами, брилліантами и всякими драгоцѣнностями, которые собирала для любимой дочки своей, Варвары Петровны; между прочимъ, были нитки брилліантовыя, собираемыя ею ежегодно по 10-ти камней, каждый въ краяхъ обдѣланный въ серебро, и эти нитки собирались что-то долго—лѣтъ 25 или болѣе на приданое дочкѣ. Богатство это все пошло не вѣсть-какъ: досталось англичанкамъ, да моднымъ француженкамъ....

Съ батюшкиной стороны родни много: Левшины, Бѣлкины, Леонтьевы, кн. Волконскіе, Власовы, Евлашевы, Наумовы, Сомовы, Стремоуховы, Камынины, Колычевы, Загряжскіе, Соймоновы, Петрово-Соловаво, а знакомыхъ почти въ каждой улицѣ. Едва, едва успѣвали всѣхъ объѣздить въ мѣсяцъ времени.

Теперь надо вспомнить родныхъ и съ матушкиной стороны: Андрей Егоровичъ и Марья Егоровна Замятины —оба старичка, холостяки и самые добродѣтельные, радушные оба. Бывало, радости болѣе не было, какъ ѣхать къ нимъ въ гости, и кто изъ родныхъ не помнитъ пріятнѣйшаго дома ихъ!

Львовы: Михайло Лаврентьевичъ [1]), генералъ, и Анна Егоровна (сестра Замятинымъ)—точно такіе же сердечные друзья нашего дома.

Марья Николаевна дѣвица Ртищева, двоюродная сестра бабки

---

[1]) Вѣроятно, это братъ Сергѣя Лаврентьевича Львова, любимца князя Потемкина, который въ 1800 г., вмѣстѣ съ Гарнереномъ, леталъ въ Петербургѣ на аэростатѣ, почему графъ А. С. Хвостовъ напутствовалъ его слѣдующимъ экспромптомъ:

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ,
Проситъ боговъ
О заплатѣ долговъ.

На что Львовъ, садясь въ гондолу, безъ запинки отвѣчалъ:

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ.
Берегись Хвостовъ! (См. «Записки Современника», стр., 157).

Н. В.

моей по матери, самая добродѣтельнѣйшая и, если есть святые въ живыхъ, то она была навѣрное одна изъ таковыхъ. Она жила всегда съ племянницей своей, родной сестры дочерью, Анною Гавриловной Кашкиной[1]), урожденной Бахметевой. Эту племянницу она сама воспитывала отъ колыбели, была ей истинно вѣрная мать, ибо Анна Гавриловна была недоносокъ —мать ея родами скончалась, а Марья Николаевна болѣе 6-ти недѣль племянницу свою приводила къ жизни, содержа въ ваннѣ молочной съ бѣлымъ хлѣбомъ, чѣмъ ее выростила.

Даніилъ Григорьевичъ Волчковъ и супруга его Марья Михайловна, урожденная Ртищева, тетка матери моей,—чета самая почтенная и домъ ихъ былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ; тутъ всѣ безпрестанно съѣзжались, во весь день пріѣздъ былъ безпрестанный, отчего домъ ихъ и получилъ названіе: «поварское собраніе»[2]). И точно правда, тутъ ежедневно по вечерамъ были балы. Коль скоро соберется молодежи паръ нѣсколько, то и являлась и музыка. Старики же неумолкаемо играли въ бостонъ и вистъ. Даніилъ же Григорьевичъ былъ учителемъ навигаціи императора Павла I и щедро награжденъ былъ отъ государя. Кромѣ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и анненской ленты 1-й степени, получилъ много денегъ и подарковъ, между прочимъ, пожаловано 5,000 душъ крестьянъ Марьѣ Михайловнѣ «на булавки», такъ именно и сказано. Старичекъ Волчковъ былъ очень скупъ и собралъ много. Часто любилъ разсказывать сонъ свой: когда онъ былъ еще въ молодости очень бѣденъ, то видѣлъ во снѣ, что Божія Матерь ему подала кошелекъ съ деньгами; онъ тотчасъ же приказалъ написать икону Богоматери, подающую ему кошелекъ, и что онъ, стоя на колѣнахъ, принимаетъ даръ. Сей образъ всегда стоялъ у него въ кабинетѣ. Гг. Волчковы, послѣ нашествія французовъ, вскорѣ оба скончались въ глубокой старости. Дѣтей у нихъ не было и имѣніе все досталось племяннику ихъ—г. Курманалѣеву.

Съ матушкиной стороны родни еще больше. Кромѣ Скура-

---

[1]) Жена сенатора Николая Евгеньевича Кашкина, сына генералъ-аншефа Евгенія Петровича Кашкина, бывшаго при Екатеринѣ II первымъ «намѣстникомъ» въ Сибири. Примѣч. автора.

[2]) Домъ ихъ былъ на Поварской, въ приходѣ Бориса и Глѣба. Примѣч. автора.

товыхъ, Тургеневыхъ и Языковыхъ, двоюродные: князья Голицыны—дѣти княгини Анны Ивановны, Бибиковы, Алмазовы, Кашинцевы, Опухтины, Кривцовы, Карповы, Веневитиновы, Былимъ-Колосовскіе, Тепловы, Хитрово, Лавровы.

Хотя и стыдно родню забывать, а многихъ забылъ; такъ и всегда бываетъ, особенно въ настоящемъ нашемъ вѣкѣ. Часто и двоюродные другъ друга не знаютъ, стыдомъ и неприличіемъ находятъ считаться родней.

Въ 1803 г., въ первый разъ отъ роду, былъ я въ московскомъ благородномъ собраніи, т. е., на балѣ. Чувство неизъяснимое, незабвенное на вѣкъ осталось во мнѣ, когда я вступилъ въ славную ротонду, неожиданно представившуюся моему взору; я не хотѣлъ глазамъ вѣрить и долго не вразумлялся, гдѣ я! Вотъ ужъ правду сказать: ногъ подъ собой не слышалъ, расхаживая въ черномъ фракѣ и въ красномъ тисненомъ казимировомъ жилетѣ. Я думалъ, что наряднѣе меня не надо.

Въ продолженіе зимы 1803 г. и до марта 1804, учили меня танцовать весьма пристально. Г. Меранвиль (танцмейстеръ ловкій, мужчина статный, расфранченный; вездѣ брилліанты на немъ помню: на рукахъ по перстню и въ галстукѣ большой перстень съ желтымъ камнемъ (topase du Brésil) тысячи въ двѣ или болѣе, двое часовъ съ брилліантовыми цѣпочками) долго хлопоталъ научить меня своему искусству; но успѣхи были плохи. Этотъ г. Меранвиль былъ сынъ стараго Меранвиля, учившаго еще танцовать матушку мою. Сверхъ сего, ѣздилъ я съ сестрами моими въ танцклассъ—въ домъ къ дядѣ Павлу Ѳеодуловичу Левшину, котораго дѣтей училъ славный г. Іогель. Сей геній танцовальнаго искусства давалъ бывало маскарады въ благородномъ собраніи для учениковъ своихъ, по 10 руб. за билетъ, и въ эти маскарады съѣзжались тысячи по двѣ персонъ, гдѣ и я бывалъ, только танцовать не пускался.

По воскресеньямъ насажаютъ насъ въ карету человѣкъ 8, вмѣстѣ съ дѣтьми дяди Павла Ѳеодуловича, и онъ насъ одѣлитъ по пятаку серебромъ и отправятъ насъ на бѣгъ на Москву-рѣку. Тутъ радость несказанная и лучшее наше было удовольствіе — на пожалованную сумму купить у конфетчиковъ коробочныхъ попрыгунчиковъ или билетцевъ изъ драганту, пѣтушковъ, собачекъ, часовъ и проч.,—каждый былъ по копѣйкѣ—и въ совер-

шенномъ удовольствіи дома раскрываемъ сіи фигурки, доставая оттуда печатные билетцы и читаемъ преглупѣйшіе стихи; а послѣ— снова склеивать, а подчасъ и грызть ихъ, а какъ красками всѣ руки и лица перепачкаемъ, то и получали достойное награжденіе: за вихоръ, за уши и т. д.

Вотъ какой я дитя былъ, когда меня обрекли уже на военную службу, да еще и въ гвардію, на житье въ страшномъ и великомъ городѣ.

Въ это время былъ въ отпуску, въ Москвѣ, шуринъ покойнаго дяди Павла Ѳеодуловича—лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикъ Иванъ Николаевичъ Дурново [1]). Кому же лучше было поручить меня, какъ не свату? Свату вручили сумму въ 300 руб., благословили меня, поплакали всей семьей—и отпустили кораблликъ въ открытое море. Г. Дурново, молодой человѣкъ, весельчакъ и благовоспитанный по тогдашнему времени, хотя и имѣлъ обо мнѣ попеченіе, какъ о ребенкѣ, но везъ меня въ свѣтъ свой, какъ овцу, отставшую отъ стада.

Что страннѣе и удивительнѣе этого, какъ въ то время всѣ вообще отправляли дѣтей на службу! Только и помышляли объ одномъ, какъ бы скорѣе получилъ офицерскій чинъ, а знаетъ-ли онъ хотя бы русскую грамоту порядочно, о томъ не заботились; выучивъ кое-какъ болтать по-французски и по-нѣмецки, полагали курсъ науки конченнымъ. Такимъ-то и я былъ ученымъ и недоученымъ, когда меня подхватили въ кибитку и—маршъ въ Петербургъ. Помню какъ бы сейчасъ, какъ меня восхищали колокольчикъ ямской и безпрестанная перемѣна лошадей, ибо я понятія не имѣлъ о почтовой ѣздѣ. Дорога была предурная; ухабы меня такъ закачали, что я совсѣмъ обезпамятѣлъ, недѣлю цѣлую мука эта продолжалась и я въ самомъ изнеможенномъ положеніи готовился встрѣтить столицу сѣвера.

Н. Г. Левшинъ.

Примѣчаніе. Со времени опредѣленія автора на службу, въ «Памятникѣ» осязательно чувствуется пробѣлъ. Съ этого мѣста разсказъ начинается съ

---

[1]) Нынѣ генералъ-маіоръ. Сынъ генерала отъ инфантеріи Николая Дмитріевича Дурново, бывшаго начальника кригсъ-коммиссаріата, котораго великая Екатерина уважала за безкорыстіе и честность. Примѣч. автора.

Онъ былъ кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 1-й степ., Александра Невскаго и св Анны; ум. въ 1816 г. См. біографію Ив. Ник. Дурново въ Военной Галлереѣ Зимняго дворца, III, VI. Н. В.

февраля 1807 года; между тѣмъ, какъ изъ «Историческаго сказанія объ выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи благородныхъ дворянъ Левшиныхъ» мы знаемъ, что, находясь на службѣ въ 1805 году, авторъ сдѣлалъ походъ въ австрійскія владѣнія и 20-го ноября, того же года, принималъ участіе въ сраженіи противъ французовъ при мѣстечкѣ Аустерлицѣ. Къ сожалѣнію, всего этого не усматривается въ дальнѣйшемъ разсказѣ автора «Памятника».

г. Орелъ.

Сообщ. Н. П. Барышниковъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ дворца города Павловска

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя

Великаго Князя Константина Николаевича.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» текущаго года [1]) помѣщены письма Великаго Князя Павла Петровича къ императрицѣ Екатеринѣ II за время 1783—1787 гг., письма кн. Потемкина къ Великому Князю и его на нихъ отвѣты, а также приведенъ весьма замѣчательный «Разговоръ Екатерины II съ Павломъ Петровичемъ», имъ собственноручно записанный. Важность послѣдняго документа, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣнена историками борьбы Россіи съ Польшею, раздѣловъ и присоединенія послѣдней къ имперіи; въ немногихъ словахъ, сказанныхъ наслѣднику престола, Екатерина II изложила всю систему своей политики въ отношеніи къ безпокойной сосѣдней державѣ. Въ той же книгѣ «Русской Старины», для уясненія отношеній Императрицы къ ея сыну, невѣсткѣ и внукамъ, мы привели нѣсколько писемъ Екатерины II къ великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ за время 1783—1787 гг.

Такъ какъ письма, приведенныя нами, достаточно знакомятъ съ семейнымъ бытомъ великой государыни, то мы опускаемъ бóльшую часть дальнѣйшей переписки за время съ 1787-го по 1790-й годъ (включительно), ограничиваясь печатаніемъ только нѣкоторыхъ, наиболѣе любопытныхъ. Впрочемъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что переписка Екатерины II исключительно съ великой княгинею Маріею Өеодоровною, за упомянутые годы, т. е. по 1790-й годъ, цѣликомъ, безъ пропуска даже не важныхъ, по значенію, записочекъ, появится въ XIII-мъ томѣ «Сборника Русскаго Историческаго Общества», какъ окончаніе корреспонденціи, начатой въ IX-мъ томѣ этого почтеннаго изданія.

Затѣмъ, начиная съ нынѣшней книги, въ «Русской Старинѣ» будетъ помѣщаться только та переписка Екатерины II съ ея августѣйшими дѣтьми,

---

[1]) См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 649—690.

а также письма великаго князя Павла Петровича, кн. Потемкина, гр. Мусина-Пушкина и друг., которые не вошли въ собраніе документовъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества». **Ред.**

Императрица—великому князю.

14-го апрѣля, Кіевъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ, любезный сынъ мой, усмотрѣла я изъ вашего письма, отъ 3-го апрѣля и полученнаго мною вчера, что вы и ваши дѣти здоровы. Примѣта, что за вскрытіемъ Двины слѣдуетъ непремѣнно вскрытіе Невы, до сего года оправдывалась. Петербургская Академія должна бы ежегодно печатать вѣдомости вскрытій всѣхъ рѣкъ имперіи, какъ она печатаетъ о вскрытіи и замерзаніи Невы; это было бы полезно для торговли. Я сообщу эту мысль г-жѣ директрисѣ [1]). Здѣсь весеннія воды запоздали и въ нынѣшнемъ году разливаются очень медленно. Я хотѣла выѣхать 16-го апрѣля, но буду принуждена отложить мой отъѣздъ до 22-го, по множеству причинъ, о которыхъ пришлось бы слишкомъ долго разсказывать, изъ нихъ же всѣхъ первая та, что еще слишкомъ холодно; не смотря на это, валъ и возвышенности зеленѣютъ. Прощайте, обнимаю васъ.

Помѣта: «Получено 24-го апрѣля».

Великій князь—императрицѣ.

24-го апрѣля.

Послѣ моего послѣдняго письма отъ третьяго дня, могу сообщить вашему императорскому величеству однѣ только добрыя вѣсти объ инокулированныхъ дѣтяхъ. Они продолжаютъ быть здоровы и пользуются хорошей погодой. Надѣюсь, государыня, что непосредственныя

Kiew, le 14 avril, 1787.

C'est avec bien de la satisfaction, mon chèr fils, que j'ai vu par votre lettre du 3 avril que j'ai reçu hier, que Vous et vos enfants se portent bien. La remarque, qu'il faut que la Duna s'ouvre pour que la Neva en fasse autant, jusqu'à cette année-ci ne s'est pas démentie. L'académie de Pétérsbourg devrait imprimer des registres de la débâcle de tous les fleuves de l'Empire, tous les ans, tout comme elle imprime celui de la Néva; cela diviendrait utile au commerce. J'en communiquerai l'idée à M-me la Directrice. Ici les eaux du printemps se font attendre et haussent cette année-ci fort lentement. J'ai voulu partir le 16 avril, mais je serai obligée de différer jusqu'au 22 par quantité de

---

[1]) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743 † 1810 г.), именовавшаяся директоромъ, а въ послѣдствіи президентомъ Академіи. **Ред.**

мои сообщенія вы изволите признавать не менѣе вѣрными, какъ и сообщенія „Гамбургской Газеты", выдаваемыя ею за истинныя, а мало-ли о чемъ ни говоритъ она. Впрочемъ, ваше величество уже изволите знать, въ чемъ дѣло, изъ послѣдняго письма жены моей.

Свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій—великому князю цесаревичу Павлу Петровичу [1]).

Кременчугъ, 23-го іюня 1787 г.

Ваше императорское высочество всемилостивѣйшій государь цесаревичъ!

Ея императорское величество благополучно и въ совершенномъ здравіи кончить изволила путешествіе во ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ я сътоль былъ счастливъ, что вездѣ удостоился высочайшей апробаціи. сверхъ моихъ заслугъ пожалованъ титломъ таврическаго въ приставленіе къ моему фамильному наименованію.

По разнымъ мѣстамъ ея императорское величество изволила видѣть всю легкую конницу и 3 драгунскія полка съ оказаніемъ всемилостивѣйшаго благоволенія. флотъ и адмиралтейство того-же удостоены.

я препроводя ея императорское величество изъ предѣловъ моего начальства [2]) остался ради наблюденія сосѣднихъ движеній, которыя къ границамъ нашимъ придвинули нѣсколько войскъ. часть флота ихъ стоитъ у варны, а другая—у очакова. всѣ сіе сдѣлано отъ нихъ для собственной безопасности и по возвращеніи нашего министра въ царь-градъ уповательно съ божіею помощью кончится всѣ. остается мнѣ еще свести гранодерскія полки, которыя еще по частямъ, и раздѣлить рекрутъ на укомплектованіе другихъ пехотныхъ полковъ послѣ

---

raisons, trop longues à détailler, dont la première de toutes est, qu'il fait encore trop froid; malgré cela une partie du rempart et des hauteurs est verte. Adieu, je Vous embrasse.

le 24 avril.

Après ma dernière d'avant hier je n'ai que de bonnes nouvelles à donner à Votre Majesté Impériale de la santé des enfants inoculés. Ils continuent à se bien porter et profitent du beau temps que nous avons. Je me flatte, Madame, que Vous voudrez regarder nos nouvelles directes comme n'en moins sûres que celles que la Gazette de Hambourg annonce pour vraies; elle dit tant de choses. Au reste Votre Majesté aura déjà vu ce que c'est dans la dernière lettre de ma femme.

---

[1]) Правописаніе подлинника соблюдено. [2]) «Намѣстничества»—въ отпускѣ, снятомъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Ред.

чего буду имѣть столь желаемое мною счастіе повергнуть себя стопамъ вашего императорскаго высочества и ея императорскаго высочества любезнѣйшей супруги вашей, будучи во всю мою жизнь вашего императорскаго высочества всемилостивѣйшаго государя цесаревича вѣрнѣйшій подданный К. Потемкинъ-Таврическій.

Великій князь—свѣтлѣйшему князю Потемкину-Таврическому.

Гатчина, 5-го іюля, 1787 г.

Письмо ваше, князь Григорій Александровичъ, отъ 23-го прошедшаго я получилъ. Принимаю участіе въ успѣхахъ вашихъ и въ пріобрѣтеніи наименованія, признаюсь вамъ, что сколь чистосердечно сіе участіе, то не менѣе и удовольствіе оное, узнавъ, что дѣла наши того края идутъ съ желаемымъ успѣхомъ; вы, зная мои расположеніи къ вамъ, можете судить какъ и объ удовольствіи, съ каковымъ я буду ожидать вашего возвращенія. Жена моя поручила мнѣ васъ благодарить. За симъ есмь и буду вамъ благосклонный—Павелъ.

Великій князь—императрицѣ.

10-го сентября 1787 г. Гатчина.

Манифестъ вашего императорскаго величества объ объявленіи войны туркамъ только что полученъ мною. Пріемлю смѣлость просить у васъ того же самого дозволенія — отправиться въ качествѣ волонтера, о которомъ просилъ въ 83 году, во время тогдашнихъ приготовленій къ войнѣ, и напомнить вамъ о томъ, что тогда произошло. Цѣль моя и намѣренія должны быть вамъ извѣстны, государыня, и къ сему могу только присовокупить увѣренія въ чувствахъ, съ коими есмь навсегда и проч.

Gatchina, le 10 septembre 1787.

Je viens de recevoir le manifeste de Votre Majésté Impériale contenant la déclaration de guerre aux turcs. Je prends la liberté de Lui demander la même permission d'aller comme volontaire, que je Lui ai demandé en 83 lors des préparatifs de guerre qui se fesaient à cette époque et de Lui rappeler ce qui s'est passé alors. Mon bût et mes intentions doivent Vous être connus, Madame, et je ne puis rien ajouter à ceci que les assurances des sentimens avec lesquels je suis à jamais etc.

St.-Pétérsbourg, le 10 séptembre.

Pour répondre, mon chér fils, à la lettre que Vous m'avez écrit aujourd'hui afin de me témoigner le désir que Vous avés formé d'aller à l'armée comme volontaire, il est nécessaire que j'entre dans quelques détails.

Malheureusement, le moment que Vous avez choisi n'est guère brillant pour

Императрица—великому князю.

10-го сентября, 1783 г. С.-Петербургъ.

Чтобы отвѣтить, любезный сынъ мой, на письмо, сегодня вами ко мнѣ писанное, съ изъявленіемъ желанія отправиться въ армію волонтеромъ, мнѣ необходимо войдти въ нѣкоторыя подробности.

Къ несчастію, пора, избранная вами, для насъ далеко не благопріятна и не имѣетъ никакого сходства съ 1783 годомъ, на который вы ссылаетесь. Для лучшаго уясненія скажу вамъ, что на этотъ разъ Порта объявила намъ войну 5-го августа — въ весьма неожиданную пору, такъ какъ дворы вѣнскій и версальскій,—признавъ справедливость статей примиренія, съ которыми мой министръ Булгаковъ [1]) отправился изъ Херсона,—готовились вступить въ переговоры совокупно со мною. Подъ разными предлогами, Порта съ самой весны начала стягивать небольшіе отряды войскъ на границахъ и держала на-готовѣ нѣсколько эскадръ, появившихся на Черномъ морѣ, такъ что я ожидаю ежеминутно вѣсти о какомъ-нибудь вторженіи въ наши предѣлы. Такъ какъ сіи послѣдніе весьма обширны, трудно будетъ защитить ихъ всѣ своевременно. Войска на походѣ для образованія армій двухъ фельдмаршаловъ: графа Румянцева и князя Потемкина. Оба они, въ данную минуту, находятся въ величайшихъ затрудненіяхъ касательно снабженія ихъ армій провіантомъ, вслѣдствіе неурожая во многихъ губерніяхъ. Кромѣ того, въ Херсонѣ и въ Тавридѣ свирѣпствуютъ болѣзни, распространяющіяся даже до Кременчуга. Князь Потемкинъ и всѣ его окружающіе—больны: болѣзни же эти—диссентеріи, сопровождаемыя желчными лихорадками. На эти опасности и различныя затрудненія, любезный сынъ мой, вы прибудете въ исходѣ сентября въ южный климатъ, къ которому вы

---

nous, et ne ressemble point du tout à celui de 1783 que Vous me citez. Pour rendre ceci plus clair, je vous dirai que la Porte a déclaré la guerre cette fois-ci le 5 d'Août—moment très inattendu, puisque la cour de Vienne et celle de Versailles, ayant préalablement reconnu la justice des points d'accomodements avec lesquels mon ministre Boulgakoff est parti de Cherson, allait entrer en négociations conjointement avec moi. Sous différens prétextes la

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1748—1809 г.), тотчасъ по прибытіи въ Константинополь, былъ заключенъ въ семибашенный замокъ (Эдикулъ). Въ этомъ заточеніи, презирая угрозами турокъ, нашъ посланникъ занимался переводомъ съ французскаго сочиненія аббата де-ла-Портъ: Всемірный Путешествователь и перевелъ нѣсколько томовъ. Они были напечатаны. См. о Я. И. Булгаковѣ: «Рус. Стар.», т. V, стр. 223, 224, 616, 617, 620, 767—768.

Ред.

не привычны. Кампанія будетъ весьма непродолжательна въ виду позднягo времени года [1]). Вы слишкомъ справедливы, слишкомъ разсудительны, любезный сынъ мой, чтобы не могли сами сознать, что значительно умножите обоимъ фельдмаршаламъ настоящія затрудненія и безпокойства, которыхъ и безъ того не мало. Подумайте сами, любезный сынъ мой, какъ ихъ озаботятъ и отвлекутъ отъ дѣла однѣ только попеченія о вашемъ здоровьѣ и вашей безопасности. Повторяю, кампанія будетъ весьма коротка по случаю поздней осени. Единственный планъ, которому послѣдуютъ, будетъ заключаться въ возможномъ отраженіи нападеній. То, что я вамъ говорю, любезный сынъ мой, говорю—какъ вы можете посудить—съ крайнимъ сожалѣніемъ; но должна, по совѣсти, сказать вамъ это, какъ сущую правду и истинное положеніе дѣлъ, и что, видя желаніе, — безъ сомнѣнія весьма похвальное, выражаемое вами,—никому, можетъ быть, не прійдетъ охоты представить на ваше обсужденіе пункты, столь важные сами по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ. Прощайте, обнимаю васъ.

Великій князь—императрицѣ.

11-го сентября. Гатчина.

Чувствительнѣйше признателенъ вашему императорскому величеству за сказанное въ отвѣтъ на мое вчерашнее письмо. Заботливость ваша

Porte a fait défiler depuis le printemps de petits corps de troupes vers les frontières et a tenu prêtes plusieurs escadres, qui se sont rendues dans la mer Noire, de façon que je m'attends à tout moment à la nouvelle de quelque invasion sur les frontières. Comme celles-ci sont étendues, il sera difficile de les couvrir toutes à tems. Les troupes sont en pleine marche pour former les armées des deux maréchaux: C-te Romanzoff et P-ce Potemkin. Ceux-ci se trouvent tous les deux dans ce moment en de fort grands embarras, à cause de la difficulté de pourvoir leurs armées de vivres, la récolte de plusieurs gouvernements ayant manqué. Outre celà, Cherson et la Tauride sont affligés de maladies, celles-ci é'étendent jusqu'à Krementchouk même. Le prince Potemkin et tout ce qui l'entoure en sont attaqués: ce sont des dissenteries qui sont suivies de fièvres bileuses. C'èst dans ces dangers et embarras divers, mon chèr fils, qu'à la fin de septembre Vous arriveriez dans cette région méridionale à laquelle vous n'êtes pas accoutumé. La campagne ne saurait être que très courte, vû la saison avancée. Vous êtes trop juste, trop raisonnable, mon chèr fils, pour ne pas voir Vous-même que Vous augmenteriez considérablement les embarras présents et les angoisses des deux maréchaux, qui ne sont déjà pas en petit nombre. Pensez Vous-même, mon chèr fils, quelles distractions et appré-

---

[1]) Сверхъ ожиданія императрицы, вторая война ея съ Турками была довольно продолжительна, именно съ 1787-го по 1791-й годъ. Ред.

глубоко меня трогаетъ, но я принужденъ возобновить мою вчерашнюю просьбу, потому что причина, заставляющая меня дѣйствовать, побудитъ меня преодолѣть затрудненія, возникшія, повидимому, въ настоящую минуту. Не думалъ я точно также, чтобы присутствіе мое теперь могло причинить одному изъ фельдмаршаловъ, къ которому ваше величество изволили бы разсудить за благо прикомандировать меня, болѣе затрудненій, нежели въ 1783 году. Впрочемъ, государыня, если обстоятельства настоящаго времени не допускаютъ войны наступательной, всякія военныя дѣйствія равномѣрно могли бы мнѣ быть поучительны и подготовить меня къ лѣтней кампаніи будущаго года, которая вознаградила бы меня за мои ожиданія. Вотъ, государыня, что я осмѣливаюсь повергнуть на произволеніе вашего величества, пользуясь правомъ, даннымъ мнѣ тѣмъ довѣріемъ, съ которымъ вы благоволили объясниться со мною,—довѣріемъ, коего всю цѣну вполнѣ сознаю, за которую усугубляю мою къ вамъ признательность и есмь и проч.

Императрица—великому князю.

11-го сентября, 1787 г. С.-Петербургъ.

Въ отвѣтъ, любезный сынъ мой, на ваше сегодняшнее письмо могу только повторить сказанное мною вчера, и вслѣдствіе этого могу

---

hensions votre santé seule et votre sûreté ne pourraient que leur donner. Je le répète, cette campagne ne saurait être que courte, vû la saison avancée. L'unique plan que l'on y suivra sera de se défendre comme l'on pourra, là où on sera attaqué. Ce que je Vous dis là, mon chèr fils, je Vous le dis, comme Vous le jugez, bien à regrêt, mais je dois Vous le dire en conscience, parce que c'est la vérité et le véritable état des choses; et que, voyant le désir, sans doute très louable, que Vous témoignez, personne ne sera tenté, peut-être, de présenter à votre réflexion des points d'une aussi forte importance et conséquence. Adieu, je Vous embrasse.

Gatchina, le 11 septembre.

Je suis très sensible à ce que Votre Majésté Impériale m'a dit dans sa réponse à ma lettre d'hier. Ses sollicitudes ma touchent infiniment, mais je ne puis que renouveler la demande, que j'ai faite hier, parce que le motif qui me fait agir me ferait passer par dessus les difficultés, qui semblent s'être présentées dans le moment présent. Je ne croyais point non plus que ma présence auroit pû causer plus d'embarras asteurs (à cette heure) à l'un des Maréchaux auprès duquel Votre Majésté aurait jugé à propos de me mettre, qu'en 1783. D'ailleurs, Madame, si les circonstances actuelles ne permettaient point une guerre active, toute opération pourrait également me servir d'instruction et me mener à la campagne de l'été de l'année qui vient, qui pourrait récompenser mon attente. Voilà, Madame, ce que j'ose soumettre aux volontés de Votre

только отговаривать васъ въ нынѣшнемъ году не ѣхать въ армію въ качествѣ волонтера, будучи увѣрена, по настоящему положенію вещей, что причины, выраженныя въ моемъ предъидущемъ письмѣ, достаточно важны и вѣски, чтобы отклонить васъ отъ вашего намѣренія. Кланяюсь моей милой дочери, а васъ обнимаю

Переписка, касающаяся увольненія отъ службы принца Фридриха Виртембергскаго.

Манифестъ о войнѣ съ Турціей пробудилъ и въ принцѣ Фридрихѣ Виртембергскомъ желаніе отличиться на полѣ брани и онъ обратился къ императрицѣ съ просьбою,—дозволить ему участвовать въ предстоящей кампаніи. Не получивъ отвѣта, принцъ, подъ вліяніемъ обиды и досады, написалъ къ императрицѣ два письма, хотя и почтительныхъ, но безъ соблюденія нѣкоторыхъ условій, требуемыхъ этикетомъ. Екатерина II отвѣчала ему увольненіемъ отъ службы. Принимая живѣйшее участіе въ судьбѣ своего брата, великая княгиня Марія Θеодоровна и супругъ ея ходатайствовали предъ императрицею о прощеніи принца; но старанія ихъ не увѣнчались успѣхомъ: императрица была непреклонна и принцъ выѣхалъ изъ Россіи [1]). Ред.

Переписка объ отъѣздѣ великаго князя въ армію.

Великая княгиня—императрицѣ.

Дрожайшая матушка! Обращаюсь къ вамъ съ тѣмъ довѣріемъ, внушить которое можетъ мнѣ только доброта ваша, подающая надежду на все, зависящее отъ великодушія и любви вашей, такъ какъ

Majésté, autorisé par la confiance avec laquelle Elle a eu la bonté de s'expliquer avec moi; confiance, dont je sens tout le prix et pour laquelle je Lui réitère ma reconnoissance et suis. etc.

St. Petersbourg le 11 septembre.

En réponse, mon cher fils, à votre lettre d'aujourd'hui, je ne puis que vous réitérer ce que je vous ai dit hier et, en conséquence de quoi, je ne puis que vous déconseiller cette année-ci d'aller à l'armée comme volontaire, étant per-

---

[1]) Братъ великой княгини Маріи Θеодоровны, принцъ Фридрихъ Виртембергскій въ 1784 году былъ Выборгскимъ губернаторомъ, но за многіе беспорядки былъ уволенъ отъ службы и вообще не пользовался расположеніемъ Екатерины II, какъ за нерадѣніе къ службѣ, такъ и за странное обхожденіе съ супругою. Еще въ декабрѣ 1786 года принцесса жаловалась на него императрицѣ; дальнѣйшее его поведеніе истощило мѣру терпѣнія Екатерины и

чѣмъ болѣе благодѣяніе, ожидаемое отъ васъ, тѣмъ болѣе надежды, что вы его окажете. Прося у васъ, дорогая матушка, дозволенія сопровождать мужа моего сколь возможно далѣе и оставаться сколь возможно ближе къ мѣстамъ, гдѣ онъ будетъ находиться, я прошу васъ о счастіи и спокойствіи жизни моей: заклинаю, умоляю васъ согласиться на мою просьбу. Для самой себя я ничего не прошу, никакое лишеніе для меня чувствительнымъ не будетъ; свиты мнѣ не надо; счастіе—провести нѣсколько лишнихъ недѣль съ мужемъ своимъ и увидать его нѣсколькими недѣлями ранѣе—замѣнитъ мнѣ все.

Именемъ самаго Бога умоляю васъ, дорогая матушка, оказать мнѣ это новое благодѣяніе,—заклинаю васъ согласиться, оказать милость, которая составитъ мое счастіе; и вы, столь любящіе видѣть счастливыхъ, не откажете мнѣ въ этой милости, ради удовольствія, находимаго вами въ содѣяніи людей счастливыми. Еще разъ позволяю себѣ повторить, дорогая матушка, соблаговолите сократить, на сколько возможно, свиту мою; мнѣ ничего не нужно, я буду довольна всѣмъ, не откажите только сыну и дочери вашимъ въ счастіи видѣться нѣсколькими недѣлями больше и оставаться сколь возможно ближе другъ къ другу: соблаговолите избрать мѣсто, гдѣ я должна буду остаться послѣ разлуки съ мужемъ,—я всѣмъ буду довольна, и чѣмъ ничтожнѣе будетъ мѣстечко, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе. Что же касается до расходовъ, то содержаніе штата моего, такъ какъ я никого не буду тамъ видѣть, не обойдется дороже, нежели здѣсь. Во всякомъ случаѣ благодѣяніе, ожидаемое отъ васъ, чрезвычайно велико, а потому мы, льстясь надеждой тронуть ваше сердце, увѣрены, что вы не откажете въ этомъ новомъ доказательствѣ вашей любви, до-

---

suadée, selon l'état présent des choses, que les raisons que contient ma précedente sont d'une conséquence assés majeure et prépondérante pour vous en détourner. Je salue ma chère fille et je vous embrasse.

Ma très chère mère. Je m'addresse à Vous, ma très chère mère, avec la confiance que Vos bontés seules peuvent inspirer, et qui me font tout espérer de Votre génerosité et de Votre tendresse, car plus le bienfait qu'on attend de Vous est grand et plus il est permis d'espérer de le voir accorder par Vous.

онъ былъ уволенъ изъ службы. Взявъ съ собою дѣтей, принцъ выѣхалъ за границу, оставивъ супругу при нашемъ дворѣ. Она скончалась въ сентябрѣ 1788 г. (О принцѣ Фридрихѣ упоминаютъ въ своихъ Запискахъ — графъ Сегюръ и А. В. Храповицкій).

Всѣхъ писемъ, до этого случая относящихся, четырнадцать, изъ нихъ шесть писаны императрицею; всѣ они будутъ напечатаны въ XIII т. «Сборника Русскаго Историческаго Общества». Ред.

броты и великодушія къ дѣтямъ своимъ. Если выраженія мои недостаточно убѣдительны, чтобы тронуть васъ, я полагаюсь на сердце ваше: оно будетъ говорить за насъ, къ нему я прибѣгаю, ибо мнѣ извѣстна доброта ваша, дозволяющая надѣяться на все.

У ногъ вашихъ, дорогая матушка, съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и покорности, и проч.

Императрица—великой княгинѣ.

29-го ноября, послѣ обѣда.

Я получила ваши сегодняшнія послѣобѣденныя письма. Дорогой сынъ мой знаетъ очень хорошо, что на случаи съ частными лицами не всегда прилично ссылаться въ занимаемомъ имъ положеніи, ибо неисполнимое и невозможное въ одномъ случаѣ бываетъ исполнимо и возможно въ другомъ. Что же касается до васъ, любезная дочь моя, то, отдавая полную справедливость вашимъ чувствамъ, позвольте мнѣ сказать вамъ, что мужу вашему нѣтъ никакой необходимости, ни обязанности ѣхать въ армію; что онъ самъ добровольно заявилъ о своемъ желаніи отправиться въ качествѣ волонтера, на что я и согласилась, безъ всякой необходимости или обязанности, а единственно ради снисхожденія,—и если бы онъ не ѣхалъ, или не выразилъ

En Vous demandant, ma très chère mère la faveur d'accompagner mon mari le plus loin possible, et de rester le plus près qu'il se peut des lieux où il se trouvera, je Vous demande le bonheur et la tranquilité de mes jours. Je Vous conjure, je Vous supplie de me l'accorder; je ne demande rien pour moi, aucun retranchement ne me coutera, il ne me faut aucune suite, le bonheur de passer quelques semaines de plus avec mon mari, de le revoir quelques semaines plus tôt me tiendra lieu de tout. Au nom du ciel accordez-moi, ma très chère mère, ce nouveau bienfait, je Vous en conjure, Vous en supplie comme d'une grâce qui fera mon bonheur, et Vous qui aimez tant à faire des heureux Vous m'accorderez cette faveur par le plaisir que Vous trouvez à répandre le bonheur. J'ose le répéter encore une fois, ma très chère mère, daignez arranger ma suite aussi petitement que possible, je ne fais aucune prétention, je serai contente de tout, mais accordez a Votre fils et à Votre fille le bonheur de se voir quelques semaines de plus, et de rester le plus près possible l'un de l'autre; daignez choisir le lieu où je dois rester après m'être séparée de mon mari je serai contente de tout, et plus l'endroit sera petit, et plus j'en serai charmée. Quand à la dépense, en ne voyant personne, ma maison ne saurait guère couter d'avantage là bas qu'ici, et puis, d'ailleurs, j'ose le répéter encore une fois, le bienfait que nous Vous supplions de nous accorder étant bien grand, nos coeurs se flattent d'autant plus d'attendrir le Vôtre et de Vous voir donner ce témoignage de générosité, de bonté de tendresse à Vos enfants. Que-ne puis-je donner à mes expressions toute la sensibilité que je voudrais, mais pour Vous attendrir, ma très chère mère, j'en appelle à Votre coeur, il plaidera notre cause auprès de Vous, c'est à lui que je m'en rapporte, connaissant Votre sensibilité, qui me

своего желанія, то поступилъ бы такъ, какъ поступаютъ тысячи лицъ одинаковаго съ нимъ происхожденія, а противъ турокъ и татаръ даже не бывало тому и примѣровъ. Впрочемъ, по неимѣнію чего-либо прибавить къ предыдущимъ моимъ письмамъ, я ссылаюсь на нихъ и кончаю, цѣлуя васъ.

Великая княгиня—императрицѣ.

29-го ноября 1787 г. С.-Петербургъ.

Дрожайшая матушка! Я получила письмо ваше съ невыразимымъ чувствомъ, ибо въ немъ вы, повидимому, не такъ поняли мои намѣренія и желанія; нѣтъ, дрожайшая матушка, я понимаю долгъ моего мужа, повелѣвающій ему ѣхать въ армію, и заглушила въ себѣ всѣ тѣ чувства, которыя могли пробудить во мнѣ это рѣшеніе. Испрашивая у васъ, дрожайшая матушка, какъ милости, какъ благодѣянія, дозволенія сопутствовать ему сколь возможно далѣе и оставаться сколь возможно ближе къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ онъ будетъ находиться, я хотѣла этимъ сказать, дрожайшая матушка, что мы готовы къ разлукѣ и съумѣемъ разстаться, когда необходимость того потребуетъ; но мы желаемъ только отдалить эту необходимость, но

---

fait tout espérer. Je suis à Vos pieds, ma très chère mère, avec les sentiments du plus tendre respect et de la soumission la plus parfaite.

Ce 29 novembre, après diner.

J'ai reçu Vos lettres de cet après diner. mon cher fils sait très bien que les cas des particuliers ne sont pas toujours ceux qu'il convient de citer pour la place qu'il occupe, par ce que dans un cas devient impossible et impraticable ce qui ne l'est pas dans un autre. Pour Vous, ma chère fille, en rendant justice à Vos sentiments, Vous me permettrez de Vous dire, qu'il n'y avait aucune obligation ni devoir pour Votre char époux d'aller à l'armée, qu'il s'est offert de bon gré d'y aller comme volontaire, que j'ai consenti qu'il y aille sans aucune nécessité ni devoir, et uniquement par complaisance, et que s'il n'y allait pas, ou ne s'était pas offert d'y aller, il n'aurait fait que ce que mille autres personnes de sa naissance ont fait en pareil cas, et même contre les Turcs et les Tartares il n'y a guère d'exemples du contraire. N'ayant au reste rien à ajouter a mes précédentes je m'y réfère et finis en Vous embrassant.

S.-Petersbourg, le 29 novembre 1787.

Ma très chère mère, j'ai reçu Votre lettre avec une sensibilité, qu'aucun terme ne saurait Vous rendre, ma très chère mère, car Vous semblez y méconnaître nos intentions, et nos désirs; non ma très chère mère, je connais le devoir de mon mari qui lui prescrit d'aller à l'armée, j'ai fait taire tous les sentiments, qui pouvaient me rendre cette résolution douloureuse en Vous demandant, ma très chère mère, comme une faveur, comme une grâce de

не избѣгнуть ея вслѣдствіе моей просьбы, ибо никогда взаимная нѣжность наша не будетъ мужу моему помѣхою къ его отъѣзду въ армію, ибо я умѣю пожертвовать ему всѣми чувствами души моей, такъ какъ его долгъ и слава для меня дороже моей собственной. Я этимъ хотѣла сказать, дрожайшая матушка, что я никогда не была и не буду помѣхою его желаніямъ, но, что на доброту вашу мы надѣялись. Во вчерашнемъ вашемъ письмѣ къ нему, дрожайшая матушка, вы сами говорили объ опасностяхъ, болѣзняхъ и случайностяхъ, которымъ можетъ подвергнуться мужъ мой,—мы и подумали, что даже при этихъ несчастныхъ случаяхъ, если я буду близъ него, то мнѣ возможно будетъ поспѣшить къ нему на помощь и расточить ему свои попеченія (которыя, смѣю сказать, никѣмъ не могутъ быть замѣнены). Вы сами, дрожайшая матушка, точно такъ же какъ и мы, были бы спокойнѣе. Соблаговолите снисходительно прочитать эти строки — это языкъ сердца, довѣрія и покорности; да обрѣтутъ же онѣ милость въъ глазахъ вашихъ—въ томъ единственное желаніе той, которая дерзаетъ именоваться, дрожайшая матушка, вашей всепокорнѣйшей и послушнѣйшей слугою и дочерью—Марія.

Императрица—великой княгинѣ.

29-го ноября, 1787 г.

Рѣчь идетъ, любезная дочь моя, не о великодушіи или какихъ

---

l'accompagner le plus loin possible, et de rester le plus près possible des lieux, ou il se trouvera, c'était Vous dire, ma très chère mère, que nous voulions nous séparer, que nous saurions le faire lorsque la nécessité l'éxgeait, nous ne désirions que de réculer cette nécessité et non de l'annuler par ma démarche car jamais notre tendresse mutuelle ne saurait être un empêchement pour mon mari d'aller à l'armée, car je sais lui sacrifier tous les sentiments de mon âme, son devoir et sa gloire m'étant plus chèrs que la mienne propre. C'est Vous dire, ma très chère mère, que je ne suis ni ne serai jamais un empêchement à ses désirs: mais nous comptions sur Vos bontés. Dans Votre lettre d'hier, à lui Vous-même, ma trés chère mère, Vous parliez des dangers, des maladies et des chutes auxquels mon mari pouvait être exposé—eh bien, nous pensions que même dans ces cas malheureux, si je me trouvais près de lui, je pourrais voler à son secours, lui prodiguer mes soins (qui, j'ose le dire, ne sauraient être compensés par ceux de personne). Vous-même, ma chère mère, en seriez plus tranquille de même que nous. Daignez lire ces lignes avec indulgence, elles sont le langage du coeur, celui de la confiance et de la soumission, puissent-ils trouver grâce a Vos yeux, c'est l'unique voeu de celle qui ose se nommer, ma très chère mère, Votre très humble et bien obéissante servante et fille Marie.

ce 29 novembre.

Il ne s'agit point là, ma chère fille, de générosité, ou d'autres sentiments

другихъ чувствахъ, не о страсти, не о просьбахъ—дѣло въ томъ, что слѣдуетъ слушаться разсудка и повиноваться ему; я вамъ совѣтывала не думать объ этомъ путешествіи, сказала это и повторяю; могу только къ этому прибавить, что если вамъ уже такъ трудно разстаться и быть другъ безъ друга, то, вмѣсто безконечныхъ стенаній, всего лучше обоимъ вамъ остаться въ Петербургѣ—вамъ и моему любезному сыну: тогда исполнятся желанія и ваши, и мои, и всей имперіи; да и не вижу я никакой настоятельной надобности въ путешествіи моего сына, находя въ томъ болѣе опасности, нежели существенной пользы. Такъ какъ, во всякомъ случаѣ, порицанію подвергнусь я одна, то весьма охотно принимаю на себя вину, говоря сама, что не пустила васъ обоихъ. Прощайте.

Адресъ: Ея высочествѣ.

1788 годъ [1]).

Графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ—великому князю.

2-го января 1788 г.

Шталмейстеръ Ребиндеръ вчера въ вечеру былъ у меня, сказывалъ, что государыня спрашивала его о поворочсніи экипажа: онъ ей доложилъ, что нѣтъ, а онъ идетъ впередъ; на это сказала ему: „за чѣмъ же ему идти впередѣ? Теперь тамъ содержаніе его будетъ

---

ni de passion, ni de plaidoyer, mais il s'agit d'écouter, et de se soumettre à la raison; je Vous ai déconseillé de penser à ce voyage, je Vous l'ai déjà dit, et je Vous le répète, tout ce que je puis y ajouter, c'est, que si Vous avez tant de peine à Vous séparer et a être l'un sans l'autre, et plustôt que de Vous livrer à des lamentations sans fin, Vous ferez fort bien de rester ici à Pétersbourg tous les deux, et Vous et mon chèr fils: alors Vos voeux, les miens et ceux de l'Empire seront remplis; aussi bien ne vois-je aucune nécessité au voyage de mon chèr fils, et beaucoup plus de risque que d'utilité réelle. Comme le blâme dans tous les cas retombera sur moi, celui-ci sera un de ceux duquel je me chargerai volontiers, en disant moi-même, que c'est moi qui ne Vous ai pas laissé partir tous les deux. Adieu.

Ce 16 janvier 1788.

Le comte Puschkin, mon chèr fils, ayant porté à ma connaissance qu'il Vous avait plû de fixer au 7 février Votre départ d'ici pour l'armée, demandant que

---

[1]) Въ январѣ 1788 г. Екатерина II разрѣшила-было великому князю отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Готовясь къ этой поѣздкѣ, цесаревичъ 4-го и 15-го января того года составилъ завѣщательныя письма и особое «предписаніе» о порядкѣ управленія Россіею, на тотъ случай, если онъ будетъ убитъ и взойдетъ на престолъ его сынъ. Эти весьма замѣчательные документы найдены нами и напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1867 г. т. I, стр. 297—330. Ред.

дорого, надобно его поворотить, а если нужда въ немъ будетъ, тогда его можно отправить отсюда, скажи о семъ графу Пушкину". Я ожидаю отъ вашего высочества, что прикажите мнѣ на это отвѣчать?

Великій князь—графу В. П. Мусину-Пушкину.

2-го января 1788 г.

Извольте отвѣчать отъ меня, что я не могъ лошадей поворотить, ибо государыня изволила мнѣ писать, чтобы я отложилъ отъѣздъ свой до родинъ жены моей; только лошадямъ ходу туда два мѣсяца съ лишнимъ, то когда же послѣ родовъ посылать, которымъ быть въ половинѣ мая? Теперь имъ мѣсяцъ ходу назадъ по малой мѣрѣ, что будетъ мартъ,—и такъ все время пройдетъ въ пусто и лошади будутъ измучены. Лучше бы было сказать, что не хотятъ меня пустить, нежели волочить. Извольте сіе сказать и можете сіе письмо все показать.

Императрица—графу В. П. Мусину-Пушкину.

2-го января 1788 г.

Графъ Валентинъ Платонычъ! Письмо, присланное отъ васъ, писанное съ тѣмъ, чтобы мнѣ показано было, я получила. Въ отвѣтъ вамъ объявляю, что я изъ онаго поняла и вижу, что судятъ и въ семъ случаѣ криво и косо о моихъ намѣреніяхъ. Мнѣ осталось предать оное забвенію; пусть лошади идутъ впередъ, но можетъ-ли онъ ѣхать за ними послѣ жениныхъ родовъ, на сіе ни я, ни вы, ни кто, окромѣ единаго Бога, ручаться не можетъ, понеже будущія обстоятельствы, возможности и случаи Ему Единому, а не намъ, извѣстны.

Императрица—великому князю

16-го января 1788 г.

Такъ какъ графъ Пушкинъ довелъ до моего свѣдѣнія, дорогой сынъ мой, что вамъ угодно было назначить день отъѣзда вашего въ

---

les relais fussent établis pour ce temps; cette circonstance m'oblige de Vous dire à ce sujet ce que j'en pense. Primo, en partant d'ici le 7 ou 9 février, et en employant dix huit jours de route d'ici à Elisabethgrad, Vous y arriverez par des chemins impraticables au commencement de mars, mais qu'y faire de si bonne heure: non seulement là, en Moldavie, même avant la moitié d'avril il n'y a pas d'herbe dans les champs, par conséquent la campagne ne saurait commencer de si bonne heure. Par ce que j'ai vu moi-même au printemps de l'année passée, c'est une vérité dont je suis convaincue. Secondo, ce qui est d'une autre conséquence, c'est que toute la ville est non seulement remplie, mais même persuadée de la grossesse de la grande-duchesse; mais comme ni Vous, ni elle

армію на 7-е февраля, причемъ вы требовали заготовленія подставъ къ этому времени, то я, вслѣдствіе таковаго обстоятельства, принуждена сказать вамъ, что объ этомъ думаю. Первое: полагая, что вы, выѣхавъ отсюда 7-го или 9-го февраля и пробывъ восемнадцать дней въ дорогѣ до Елисаветграда, прибудете туда, по весьма плохимъ дорогамъ, въ началѣ марта; да и что дѣлать тамъ такъ рано? Не только тамъ, въ Молдавіи, даже ранѣе половины апрѣля и травы на поляхъ нѣтъ, слѣдовательно, кампанія такъ рано начаться не можетъ. Судя по тому, что я видѣла весной прошлаго года, это истинна, въ которой я убѣждена. Второе касается другаго болѣе важнаго обстоятельства: по городу не только ходятъ слухи, но весь городъ убѣжденъ въ беременности великой княгини; но такъ какъ ни вы, ни она до сихъ поръ мнѣ объ этомъ ничего не говорили, а я никакъ не могу предполагать, чтобы вы желали хранить это въ тайнѣ, не зная, на сколько оно справедливо, то обращаюсь къ вамъ и прошу дать мнѣ обстоятельный отвѣтъ, что мнѣ обо всемъ этомъ думать? Въ случаѣ-же малѣйшаго сомнѣнія, совѣтую вамъ, дорогой сынъ мой, отложить отъѣздъ вашъ до времени, когда то или другое подтвердится; и если любезная дочь моя беременна, предпочесть всякому иному влеченію или склонности, сладостныя, прямыя и священныя обязанности супруга и отца и остаться здѣсь, не подвергая горести разлуки, заботамъ, безпокойству и опасеніямъ, неизбѣжнымъ въ подобныхъ случаяхъ, обожаемую супругу, нѣжно васъ любящую, и жизнь, и здоровье третьяго невиннаго существа, которое она носитъ въ своемъ чревѣ; посвятить все вниманіе ваше драгоцѣнному сохраненію и той, и другаго. Я убѣждена, что если только оправдаются предположенія всего города, вы тѣмъ охотнѣе уступите, дорогой сынъ мой, желаніямъ моимъ, а также и всего общества, что еслибы, Боже упаси, что случилось съ матерью или ребенкомъ въ ваше отсутствіе, вы подверглись бы упреку за то, что сами были тому причиной, а я—за то, что имѣла неблагоразуміе согласиться на отъѣздъ вашъ.

---

jusqu'ici ne m'en avez parlé, et que je ne puis ni ne saurais penser ni supposer, que Vous vouliez en faire un secrêt, ne sachant pas ce qui en est, je m'adresse à Vous, et Vous demande une réponse cathégorique, sur ce qu'il faut que j'en croie, et en cas qu'il y ait le moindre doute, je Vous conseille, mon chèr fils, de différer Votre départ jusqu'a ce que l'une ou l'autre vérité soit constatée, et si ma chère fille est grosse, je Vous prie de préférer à toute autre pente ou inclination les devoirs doux, solides et sacrés d'époux et de père, de rester ici de ne point exposer au chagrin d'une séparation, aux soucis, aux inquiètudes, aux apréhensions inévitables en pareils cas, une épouse chèrie qui Vous aime tendrement, et la vie et constitution d'un tiers innocent qu'elle porte dans son

Великій князь—императрицѣ.

Петербургъ, 16-го января 1788 г.

Дрожайшая матушка! Если я намѣреваюсь отправиться отсюда въ началѣ февраля, тому причиною мое желаніе избѣжать дурныхъ дорогъ, по которымъ мнѣ пришлось бы ѣхать позже,—здѣшнія испортились бы въ то время. какъ южныя дороги стали бы хороши. Впрочемъ, я уже представлялъ вашему императорскому величеству, что желаю ѣхать, чтобы поспѣть къ открытію военныхъ дѣйствій. Касательно втораго пункта письма, я никакъ не думалъ, чтобы беременность жены могла когда-нибудь быть помѣхою къ исполненію моей обязанности. Мы ничего не говорили объ этомъ вашему величеству потому, что ожидали вашего о томъ вопроса, особенно въ настоящую минуту; когда же вы однажды насъ объ этомъ спрашивали, мы и сами ничего не знали. Впрочемъ, если вы, государыня, столь милостивы, что принимаете такъ близко къ сердцу то положеніе, въ которомъ мы можемъ находиться, то, конечно, можете себѣ представить, что мнѣ было бы весьма тяжело остаться тогда, когда я уже совсѣмъ приготовился къ походу съ вашего же собственнаго соизволенія. Я слишкомъ хорошо знаю чувства жены моей, чтобы ни минуты не сомнѣваться въ участіи, которое она принимаетъ въ славѣ моей, и чтобы положеніе, въ которое можетъ быть поставлено мое

---

sein, mais de donner ici Votre attention à la précieuse conservation de l'une et de l'autre. Je suis persuadée. si le cas est tel, que toute la ville le suppose. que Vous Vous rendrez d'autant plus volontiers, mon chèr fils, a mes souhaits et desirs, avec ceux du public, que s'il arrivait, Dieu préserve. quelqu' accident à la mère ou à l'enfant pendant Votre absence, Vous Vous exposeriez au reproche d'y avoir donné lieu, et moi d'avoir manqué de prudence en y consentant.

Petersbourg, 16 janvier 1788.

Ma bien chère mère. Si je suis dans le cas de partir dès le commencement de février d'ici, c'est que j'ai voulu éviter les mauvais chemins que je rencontrerais en partant plus tard, qui deviendraient mauvais ici quand ceux des parties méridionales seraient déjà bons. D'ailleurs, j'ai déjà marqué à V. M. que je vaulais y aller pour y être á l'ouverture de la campagne. Quant au second point de la lettre, je n'ai pas cru que la grossesse de ma femme aurait jamais pu me devenir un obstacle à faire mon devoir. Si nous n'en avons pas parlé à V. M. c'est que nous avions attendu qu'Elle nous le demanda. surtout dans un moment, comme celui-ci; d'ailleurs, quand Elle me l'avait une fois demandé, nous ne le savions pas nous-mêmes. Au reste, Madame, si Vous avez la bonté de prendre tant au coeur la situation dans laquelle nous pouvons nous trouver, Vous ne pourrez manquer de Vous représenter qu'il me paraitra bien dur de rester, quand j'ai déjà fait tous mes apprêts pour faire la campagne.

сердце, не причинило ей болѣе страданій въ случаѣ, если бы я остался, вмѣсто того, чтобы ѣхать. Вотъ настоящее положеніе дѣла; пусть ваше величество будетъ моимъ судьею; я къ сказанному не имѣю присовокупить ничего инаго, кромѣ увѣреній въ тѣхъ чувствахъ, съ которыми я есмь и проч. Павелъ.

Императрица—великому князю.

17-го января 1788 г.

Полагаю, любезный сынъ мой, что имѣю множество правъ на то, чтобы узнавать о случаяхъ беременности великой княгини не изъ распросовъ, не изъ городскихъ слуховъ и не послѣ всѣхъ. Въ прошедшемъ году, когда я изъ Кіева прислала вамъ „Гамбургскую Газету“, вы отвѣчали мнѣ, что если бы дѣйствительно такъ было, то мнѣ прежде всѣхъ было бы сообщено объ этомъ. Въ началѣ декабря, когда у дорогой моей дочери была лихорадка, вы сами сознались, что тогда дали мнѣ отвѣтъ отрицательный. Съ какого же времени великая княгиня беременна? Прошу васъ сообщить мнѣ объ этомъ. Чтобы справедливо судить о чемъ-либо, надобно взвѣсить съ обдуманностью доводы и за, и противъ. Доводы въ пользу вашу заключаются въ выраженномъ вами желаніи — отправиться въ армію въ качествѣ волонтера, дабы видѣть военныя дѣйствія; это желаніе въ

---

avec Votre propre agrément. Je connais trop l'âme de ma femme pour ne pas savoir que l'intérêt qu'elle prend à ma réputation ne l'interessât, et à la position dans laquelle se trouverait mon cœur la ferait plus souffrir, si je restais, qu'en partant. Voilà l'exposé de la chose; que V. M. soit mon juge, je n'ai rien à ajouter que de lui réitérer l'assurance des sentiments avec lesquels je suis, etc.

Ce 17 janvier 1788.

Je me crois, mon chèr fils, plus d'un droit, à n'apprendre pas les grossesses de la grande duchesse, ni par des demandes, ni par des bruits de ville, ni la dernieré. L'année passée, quand, de Kief je Vous envoyais la gazette d'Hambourg, Vous m'avez répondu que lorsque le cas existerait, j'en serais la première instruite; au commencement de décembre, lorsque ma chère fille avait la fièvre, Vous convenez que Vous m'avez donné une réponse négative. D'où date donc cette grossesse? Je Vous prie de m'en faire part. Pour juger une cause avec équité il faut peser avec rèflexion les raisons pour et contre. Les raisons pour, sont, le désir que Vous avez témoigné d'aller á l'armée comme volontaire, pour voir une campagne. Ce désir présentement Vous le nommez devoir, quoiqu' assurément il n'y a aucune sorte de devoir à celà pour Vous. Vous m'avez demandé, depuis le mois de septembre, deux fois de Vous permettre ce voyage: la première, je Vous l'ai déconseillé; la seconde j'y ai consenti, parce que je n'y voyais aucun empèchement. Présentement la thèse change.

настоящее время вы называете обязанностью, хотя положительно никакой обязанности на васъ тутъ не налагается. Съ сентября мѣсяца вы дважды просили меня разрѣшить вамъ эту поѣздку; въ первый разъ я вамъ это отсовѣтовала; во второй согласилась, потому что не видѣла къ тому никакихъ препятствій. Въ настоящее время обстоятельства измѣнились. Отдавая полную справедливость душевнымъ качествамъ великой княгини, я, тѣмъ не менѣе, убѣждена, что усиліе, которое она должна сдѣлать надъ собой, можетъ не поблагопріятствовать ей и подвергнуть опасности жизнь третьяго лица и все это ради прихоти, безъ всякой необходимости. Коль скоро подобное сомнѣніе существуетъ, было бы безчеловѣчно и жестоко не обратить на него вниманія. Что же касается до меня, то я обязана, я поставлена въ необходимость убѣдительнѣйше просить васъ покуда отказаться отъ этой поѣздки и отложить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, т. е., до разрѣшенія отъ бремени любезной моей дочери, срокъ котораго мнѣ неизвѣстенъ, и когда оно послѣдуетъ — лѣтомъ, или зимою?

Императрица—великому князю.

18-го января 1788 г.

Письмо ваше, любезный сынъ мой, отъ 18-го сего января и сущность его содержанія согласуются съ моимъ желаніемъ и я могу только выразить вамъ на оное мое удовольствіе. Касательно отсрочки поѣздки вашей и предлагаемаго мнѣ вопроса, именно: на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы? отвѣчать не трудно: вы будете похожи на человѣка, покорнаго моей волѣ, исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я убѣдительнѣйше просила васъ. Впрочемъ, вся Европа знаетъ, и не съ сегодняшняго дня привыкла видѣть, что принцы, вамъ подобные, поступаютъ не по прихоти, но согласно требованіямъ приличія и по обстоятельствамъ; которыя, въ свою очередь, не всегда зависятъ отъ насъ, а подчиняются требованіямъ даннаго случая.

Je rends très parfaitement justice à la trempe de l'âme de la grande duchesse, mais je n'en suis pas moins persuadée, que l'effort, qu'elle est dans le cas de devoir faire sur elle même, ne puisse devenir défavorable et n'expose la vie d'un troisième, et cela pour quelle raison de gaieté de coeur, sans aucune nécessité; pareil doute existant, il deviendrait inhumain et cruel de n'y pas avoir égard. Pour moi, il est de mon devoir, et je me trouve dans la nécessité de Vous prier très instamment de Vous désister de ce voyage dans le moment présent, et d'en renvoyer l'époque à quelques mois d'ici, c'est-à-dire après les couches de ma chère fille, dont j'ignore le terme, et si elles auront lieu en été ou en hiver.

Думаю, что этого за-глаза достаточно, даже болѣе нежели достаточно, для цѣлой Европы. Прощайте, обнимаю васъ и кланяюсь любезной моей дочери.

Великій князь—императрицѣ.

Гатчина, 24-го января 1788 г.

Дрожайшая матушка! Съ прискорбіемъ отношусь къ положительному повелѣнію вашего величества, препятствующему моему отъѣзду, не смотря на всѣ мои доводы. Трудно мнѣ будетъ полагаться на неопредѣленную надежду, вами мнѣ подаваемую въ такомъ дѣлѣ, которое не долженъ считать прихотью съ моей стороны, въ виду собственнаго же вашего одобренія и согласія, — вслѣдствіе права, даннаго мнѣ примѣромъ моихъ современниковъ и равныхъ мнѣ. Послѣ всего свершившагося я долженъ покориться волѣ вашего величества; но никогда не буду въ состояніи заглушить чувствъ, меня одушевляющихъ, въ которыхъ мы не властны, ибо эти чувства основываются на чести и убѣжденіи столько же непоколебимыхъ, сколько и тѣ чувствованія, съ которыми есмь, дрожайшая матушка, и проч. Павелъ.

Жена моя повергается къ стопамъ вашего величества.

Повинуясь державной волѣ своей родительницы, великій князь отложилъ свой отъѣздъ на пять мѣсяцевъ. Совѣтъ императрицы, данный цесаревичу, чтобы онъ не оставлялъ своей супруги въ положеніи, при которомъ его присутствіе было необходимо, былъ совершенно основателенъ: 10-го мая 1788 года великая княгиня Марія Θеодоровна разрѣшилась отъ бремени дочерью, нареченною Екатериною [1]). Въ первыхъ числахъ іюля великій князь отправился въ Финляндію. Графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ, радѣя о безопасности цесаревича, отдалялъ его отъ принятія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; оно ограничилось незначительною рекогносцировкою, какъ явствуетъ изъ нижеприведеннго письма. Ред.

Ce 18 Janvier 1788.

Votre lettre, mon cher fils, du 18 janvier, et l'empreinte de son contenu portent le sceau que je désire, je ne puis que Vous en marquer mon contentement. Pour ce qui regarde le retard de Votre voyage, et la demande que

[1]) Великая княжна Екатерина Павловна 18-го апрѣля 1809 года сочеталась первымъ бракомъ съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ; овдовѣвъ — 15-го декабря 1812 года, великая княгиня 12-го января 1816 года вышла за Вильгельма, герцога (впослѣдствіи короля) Виртембергскаго. Скончалась 26-го декабря 1818 года. Ред.

Великая княгиня—императрицѣ.

Спѣшу, дорогая матушка, сообщить вамъ новость, которая, благодаря добротѣ вашей къ намъ, доставитъ вамъ такое же удовольствіе, какъ и намъ: мужъ мой понюхалъ пороху,—сдѣлана была рекогносцировка, во время которой произведены были пушечные выстрѣлы; благодаря Бога, убито только нѣсколько лошадей. Мужъ мой здоровъ и весьма доволенъ, что видѣлъ непріятеля, и что далъ ему возможность видѣть сына, сражающагося за правое дѣло нѣжно-обожаемой матери.

Императрица—римскому императору.

С.-Петербургъ, 7-го іюля 1788 г.

Милостивый государь братъ мой! Я глубоко тронута сочувствіемъ, выраженнымъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ письмѣ отъ 16-го іюня, по случаю рожденія четвертой моей внучки, а также внимательностью, изъявленною вами по этому поводу и лично до меня относящеюся.

Нисколько не сомнѣваюсь, что единственно вслѣдствіе важныхъ воинскихъ соображеній ваше императорское величество донынѣ от-

---

Vous me faites à ce sujet, savoir: de quoi Vous avez l'air aux yeux de toute l'Europe? il ne sera pas bien difficile d'y répondre: Vous aurez celui de Vous être soumis à ma volonté, d'avoir fait ce que j'ai désiré, et ce dont je Vous ai prié instamment; toute l'Europe sait du reste, et est accoutumée, non pas d'aujourd'hui, à voir que des princes, comme Vous, ne se conduisent point par fantaisie, mais selon qu'il est convenable, et que les circonstances l'admettent, et ces circonstances ne dépendent pas toujours de nous, mais se règlent selon l'exigence du cas; je crois qu'en voilà beaucoup plus qu'il n'en faut à l'Europe entière. Adieu, je Vous embrasse et salue ma chère fille.

Gatchina, ce 24 janvier 1788.

Ma bien chere mère, je ne puis voir qu'avec douleur l'ordre positif de V. M. qui met empèchement à mon départ malgré toutes mes représentations. Il me sera difficile de compter sur l'espérance vague qu'Elle me donne dans une affaire que je ne dois point croire être une fantaisie de ma part par l'approbation et le consentement qu'Elle y a donné et autorisé par l'exemple de mes contemporains et mes égaux; après tout ce qui vient d'arriver, je dois me soumettre á la volonté de V. M., mais je ne pourrai jamais etouffer les sentiments qui m'animent, qui ne se commandent point, étant fondés sur l'honneur et la conviction aussi peu ébranlable que les sentiments avec lesquels je suis ma bien chère mère—Paul.

Ma femme se met aux pieds de V. M.

Je m'empresse ma chère mère à Vous donner une nouvelle qui par Vos bontés pour nous Vous fera le même plaisir qu'à nous; mon mari a senti la

кладывали осаду Бѣлграда. Приближеніе непріятеля къ крѣпости, доставляя вамъ случай побѣдить его, вслѣдъ за побѣдою повлечетъ или паденіе крѣпости, или, по крайней мѣрѣ, облегчитъ ея взятіе. Прошу ваше императорское величество быть увѣреннымъ, что мои вамъ пожеланія успѣховъ и славы вполнѣ искренни, что онѣ на столько же, и даже болѣе, относятся къ августѣйшей особѣ вашей, какъ и къ нашимъ общимъ выгодамъ.

Соперникъ героя Ламанчскаго [1]), о которомъ ваше императорское величество упоминаете въ письмѣ вашемъ, теперь окончательно снялъ личину. Я узнала, что онъ вырядился въ одежду Густава-Адольфа, въ доспѣхахъ, въ налокотникахъ и набедренникахъ проникъ въ мои предѣлы между скалами Финляндіи: подвиги его покуда ограничились убійствомъ старика-офицера и двухъ гарнизонныхъ солдатъ, которые, ничего не подозрѣвая, мирно плыли на баркѣ, нагруженной дровами, къ Нейшлоту [2]) (Nyslott). Отправляясь изъ Стокгольма, шведскій король пригласилъ дамъ на завтракъ, который онъ намѣренъ дать имъ въ Петергофѣ. Войскамъ своимъ онъ обѣщалъ превзойти Густава-Адольфа и окончить начатое Карломъ XII; но, на сколько я помню, первый имѣлъ притяванія драться съ невѣрными, отъ которыхъ под-

---

poudre — on a fait une reconnaissance à laquelle il y a eu des coups de canon de tirés; mais grâce à Dieu il n'y a eu que quelques chevaux de tués. Mon mari se porte bien, et est bien content d'avoir vu l'ennemi, et de lui avoir montré un fils qui combat pour la bonne cause d'une mère tendrement chérie.

St. Petersbourg, du 7 de juillet, 1788.

Monsieur mon frère: je suis trés sensible à l'interêt que V. M. I veut bien me témoigner par la lettre du 16 de juin à l'occasion de la naissance de ma quatrième petite-fille ainsi qu'à tout ce qu'Elle ajoute d'obligeant en cette occasion, personnellement pour moi. Je ne doute point que ce ne soit par des raisons impérieuses de guerre que V. M. I. a différé jusqu'à présent le siège de Belgrade. L'approche de l'ennemi, qui s'avance vers elle, en Lui fournissant l'occasion de le vaincre, fera tomber après la victoire cette place d'elle-même ou, du moins, en facilitera la conquête. Je prie V. M. I. d'être persuadé que les voeux que je fais pour Ses succès et Sa gloire sont bien sincères, et qu'ils sont faits à Son auguste personne, autant, et plus encore, qu'à nos intérêts communs.

L'émule du héros de la Manche dont V. M. I. fait mention dans Sa lettre, vient de lever tout à fait le masque. J'apprends qu'il a révêtu le costume de Gustave Adolphe et qu'en cuirasse, brassards et cuissarts, il a pénétré

---

[1]) То-есть, король шведскій Густавъ III. Ред.

[2]) Или Нистадту? Трудно разобрать по связности почерка и по сходству именъ. Ред.

ражатель его беретъ деньги, а второй — началъ раззореніе Швеціи. Ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ нотъ и декларацій, сообщенныхъ послу вашему, до какой степени достигло самохвальство его шведскаго величества. Ваше императорское величество найдете смѣсь непристойности выраженій съ нелѣпостью предложеній. Это—чистый бредъ. Не могу, однако, скрыть, что неожиданное это событіе по истиннѣ огорчаетъ меня, вслѣдствіе того, что оно неминуемо замедлитъ прибытіе моего флота на мѣсто его назначенія. Не могу съ точностью опредѣлить, долго-ли еще его шведское величество и чѣмъ именно можетъ продержаться.

Вполнѣ полагаясь на дружбу вашего императорскаго величества, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, прошу васъ быть въ увѣренности, что я никогда не премину доказать вамъ ненарушимую привязанность и глубочайшее уваженіе, съ которыми есмь и проч.

Великая княгиня—императрицѣ.

31-го іюля 1788 г.

Дрожайшая матушка. Обращаюсь къ вамъ, дрожайшая матушка съ тѣмъ почтительнымъ довѣріемъ, которое питаю къ вамъ въ моемъ сердцѣ, и вполнѣ подчиняю рѣшенію вашему и мою просьбу, и мое

---

dans mes frontières entre les roches de la Finlande. Ses exploits se sont bornés jusqu'à présent, à faire massacrer un bien vieux officier avec deux soldats de garnison, qui, sans se douter de rien, conduisaient paisiblement une barque chargée de bois à Nyslott, (ou Nystatt?) En partant de Stockholm, le roi de Suède a invité les dames à un déjeuner qu'il veut leur donner à Peterhoff. A ses troupes il a promis de surpasser Gustave Adolphe, et d'achever ce que Charles XII avait commencé: mais, si je m'en souviens, le premier prétendait à combattre contre les infidèles, dont son imitateur prend de l'argent, et le second a commencé la ruine de la Suède. V. M. I. verra par les notes et déclarations communiquées à Son ambassadeur sur quel ton de fanfaronade S. M. Suèdoise est montée. V. M I. y trouvera l'indécence des expressions jointe à l'absurdité des propositions. C'est un vrai délire. Je ne saurais cependant dissimuler, que je n'éprouve une véritable peine de cet incident imprévu, à cause des retards qu'il apporte nécessairement à l'arrivée de ma flotte à sa destination. Je ne peux encore bien déterminer, jusqu'où Sa Majésté Suèdoise, et par qui elle pourrait être soutenue. Remplie dans tous les évènements d'une juste confiance dans l'amitié de V. M. I, je La prie d'être persuadée que je ne me départirai en aucun temps du Lui donner des preuves de l'inviolable attachement et de la très haute considération avec lesquels je suis.

Ce 31 juillet 1788

Ma très chere mère. Je m'adresse à Vous, ma bien chere mère, avec cette confiance respectueuse que mon coeur Vous porte, en soumettant entièrement

желаніе. Зная, что съ отступленіемъ шведовъ, теперь всякая опасность миновала для Выборга, мнѣ весьма естественно пришло на мысль сдѣлать сюрпризъ моему мужу—побывать у него день, другой. По чувствамъ, которыя я питаю къ нему, вы можете судить о радости, о счастіи, которыя возбуждаетъ во мнѣ эта мысль, какъ дорога она моему сердцу; но тѣмъ не менѣе я ее вполнѣ подчиняю вашему рѣшенію, любезная матушка, и какова бы ни была ваша воля, вы увидите, что я, какъ и всегда, ей подчинюсь съ почтеніемъ и довѣріемъ. Не распространяюсь о томъ счастіи, которое вы доставили бы мнѣ дозволеніемъ вашимъ, которое дерзаю у васъ испрашивать, ибо сама себѣ говорю, что ваши милости ко мнѣ таковы, что если вы удостоите снизойти къ моей просьбѣ, то васъ къ тому побудитъ мысль доставить удовольствіе вашимъ дѣтямъ. Осмѣлюсь признаться, что я обращаюсь къ вамъ съ настоящею просьбою съ тѣмъ довѣріемъ, которое мнѣ внушаетъ ваша материнская нѣжность. Для этой поѣздки нѣтъ надобности ни въ какомъ предварительномъ приготовленіи. Мнѣ нужны только одна карета для меня, коляска—для одной изъ моихъ дамъ и для камердинера и еще коляска — для прислуги этой дамы, такъ что всего-на-все мнѣ понадобится только шестнадцать или восемнадцать лошадей. Выѣхавъ рано утромъ, я очень

---

ma demande et mon désir à Votre décision. Sachant tout danger éloigné de Wibourg dans ce moment, par la retraite des suèdois, l'idée de faire une surprise à mon mari, d'aller le voir, pour un ou deux jours, s'est présentée bien naturellement à moi. D'après les sentiments que je porte à mon mari Vous pouvez juger du plaisir, du bonheur, que cette idée me donne, et comme elle est chère à mon coeur; mais je la soumets, cependant, entièrement à Votre décision, ma chère mère, et quelle que soit Votre volonté, Vous m'y verrez toujours obéir avec respect et confiance. Je n'appuie pas sur le bonheur que Vous répanderiez sur moi en m'accordant la permission que j'ose Vous demander, car, je sais me dire, que Vos bontés sont telles pour moi, que si Vous daignez m'accorder ma demande, l'idée de faire plaisir a Vos enfants Vous y portera, et j'ose Vous avouer, que je Vous la fais avec cette confiance que Votre tendresse maternelle m'inspire. Aucun arrangement préliminaire n'est nécéssaire pour cette course, car il ne me faut qu'une seule voiture pour moi, une calèche pour une de mes femmes et un valet de chambre et une autre calèche pour la femme de la dame: ainsi, en tout, il ne faut que seize ou 18 chevaux. En partant le matin de bonne heure, je suis très commodement le soir à Wibourg, je n'y reste qu'un, ou deux jours, comme Vous le permettrez, et je reviens aussi dans un jour, porter à Vos pieds le tribut de notre reconnaissance. Jugez, ma très chère mère de la satisfaction que mon mari éprouverait de me revoir dans un moment, où il s'y attend si peu, et ce serait encore à Vos bontés que nous devrions ce bonheur inattendu. Daignez Vous arrêter un instant à cette idée et y reconnaitre l'empreinte de la consiance et de l'atta-

удобно буду въ Выборгѣ къ вечеру; останусь тамъ одинъ или два дня, какъ вы позволите, и возвращусь тоже въ одинъ день, чтобъ повергнуть къ вашимъ стопамъ дань нашей признательности. Судите, дрожайшая матушка, объ удовольствіи моего мужа — свидѣться со мною въ ту минуту, въ которую онъ этого такъ мало ожидаетъ, и этимъ неожиданнымъ счастіемъ мы опять были бы обязаны вашимъ милостямъ. Соблаговолите на минуту остановиться на этой мысли и видѣть, что она запечатлѣна довѣріемъ и почтительною, безграничною привязанностію, которую я повергаю къ стопамъ вашимъ, осмѣливаясь, дрожайшая и возлюбленнѣйшая матушка, именоваться вашей покорнѣйшей, послушнѣйшей и преданной слугою и дочерью Маріей.

1789.

О началѣ волненій во Франціи.

Великая княгиня — императрицѣ.

1789 г.

Дрожайшая матушка! Милостивое участіе, которое вы, дрожайшая матушка, благоволили принять въ непріятностяхъ, постигшихъ родителей моихъ, даетъ мнѣ смѣлость препроводить къ вамъ копію письма, только что полученнаго отъ отца моего и снятую мною, такъ какъ я знаю, что вашему императорскому величеству трудно разбирать его почеркъ. Повидимому, въ ихъ критическомъ положеніи нѣтъ иной перемѣны, кромѣ того, что эта бѣшеная шайка дала имъ время сдѣлать необходимыя распоряженія, вслѣдствіе чего они взяли съ собою все, что только было возможно взять въ столь короткій промежутокъ времени. Что же касается до послѣдствій, какія можетъ имѣть это

---

chement respectueux et sans bornes dont je mets l'hommage à Vos pieds, en osant me nommer, ma bien chère et bien aimée maman, Votre très humble. bien obéissante et attachée servante et fille Marie.

Ma très chere mère, l'interêt rempli de bonté que Vous avez daigné prendre, ma très chère mère, aux alarmes de mes parents, m'enhardit à Vous envoyer la copie d'une lettre de mon père, que je viens de recevoir et que je copie, sachant que sa main est indéchiffrable pour V. M. I. Il semble qu'il n'y a de changement dans leur situation critique, que celui, que cette troupe effrénée ayant laissé le temps de prendre des arrangements, on a pris tout ce qu'il a été possible de prendre dans ce court espâce de temps; mais quant aux suites que cette désagréable affaire peut avoir, il est impossible de les calculer, ne pouvant prévoir les démarches d'une populace si dissolue. Je n'ai pas une ligne de ma mère depuis deux postes; je ne sais à quoi attribuer un silence aussi extraordinaire, étant accoutumée à recevoir deux fois par

непріятное дѣло, ихъ не возможно и исчислить, такъ какъ нельзя предвидѣть поступковъ неистовой черни. Вотъ уже двѣ почты, какъ я не имѣю ни строки отъ моей матери. Привыкнувъ получать отъ нея письма два раза въ недѣлю, не знаю, чему приписать столь необыкновенное молчаніе. Можетъ быть, такъ какъ она находится на французской территоріи, ея письма перехватываютъ. Передаю всѣ эти подробности моей доброй и дорогой матушкѣ съ сердцемъ, преисполненнымъ довѣрія и нѣжности къ ней. Осмѣливаюсь просить ее, чтобы въ случаѣ полученія какихъ-либо извѣстій, касающихся моихъ родителей, она не оставила меня въ невѣдѣніи. Мой мужъ повергаетъ себя къ стопамъ вашимъ, любезнѣйшая матушка, равно какъ и всѣ наши маленькія дочери. Мысли наши заняты вами, такъ какъ вы почти постоянный предметъ нашихъ разговоровъ, для меня любимѣйшій: онъ даетъ свободный токъ чувствамъ уваженія и нѣжности, съ которыми я пребываю и пребуду на всю жизнь.

Герцогъ Виртембергскій—великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Въ столь ужасную минуту я едва имѣю время написать вамъ два слова, такъ какъ третьяго дня, въ пятницу, мнѣ помѣшали распоряженія, которыя я постоянно долженъ былъ принимать для защиты здѣшняго края города Монбельяра съ зàмкомъ и Этюпа противъ толпы злодѣевъ и разбойниковъ, которые захватывая въ плѣнъ цѣлыя общины сосѣднихъ деревень, принуждаютъ ихъ всѣхъ за собой слѣдовать, чтобы раззорять, разрушать, жечь, и грабить зàмки знатныхъ господъ. Я вооружилъ, на сколько могъ, монбельярскихъ гражданъ, у меня было нѣсколько отрядовъ конныхъ стрѣлковъ и

---

semaine de ses lettres. Peut-être que se trouvant sur le territoire français on intercepte ses lettres. Je parle à ma bonne et chère mère de tous ces détails avec un coeur pénétré de confiance et de tendresse pour Elle. J'oserai La supplier, que s'il Lui arrivent quelques nouvelles concernant mes parents, de daigner ne pas me les laisser ignorer. Mon mari se met à Vos pieds, ma bien chère mère, de même que toutes nos petites filles. Vous nous occupez beaucoup faisant presque toujours le sujet de nos conversations, comme celui que j'aime le plus, pouvant donner alors essor aux sentiments de respéct et de tendresse avec lesquels je suis et serai toute ma vie etc.

C'est dans un moment terrible que je n'ai que le temps de Vous écrire ces deux mots en ayant été empêché avant hier, vendredi, par les arrangements de défense que j'ai été continuellement obligé de faire pour préserver ce pays-ci, la ville de Montbélliard(t) le chateau et celui d'Etupes, contre une troupe de scélerats et de bandits, qui attrapent et forcent même des communautés en-

пѣшихъ изъ Бельфортскаго гарнизона. Съ этими небольшими средствами, съ Божьей помощью, мнѣ удалось предохранить здѣшній край и наши замки отъ нападеній и грабежа. Но злодѣи въ конецъ раззорили и разрушили нашу значительную соловарню въ Сомбрà, что для меня составляетъ свыше сорока тысячъ ливровъ ежегоднаго убытку. Словомъ сказать, опустошеніе страшное и Францiя видитъ ужасы, безпримѣрные въ исторіи! Эти презрѣнные изверги, число которыхъ едва превысило тысячу или полторы тысячи человѣкъ, раззорили всѣ дворянскiе зàмки, какіе только могли раззорить въ Франшъ-Контѣ; всѣ дворяне бѣжали въ Швейцарію, это было въ высшей степени трогательное зрѣлище! Если-бъ я не принялъ столь хорошихъ мѣръ, я бы здѣсь погибъ; но онѣ устрашили злодѣевъ. Правда, они угрожаютъ мнѣ нападеніемъ не сегодня, такъ завтра; но я готовъ ихъ встрѣтить и они не явятся сюда безъ того, чтобъ я не зналъ о томъ за нѣсколько часовъ. Впрочемъ, теперь я сильно сомнѣваюсь, чтобы это могло случиться. Я получилъ вчера и еще въ эту самую минуту извѣстіе чрезъ моихъ объѣздныхъ, что ихъ преслѣдуютъ драгуны; что эта разбойничья шайка хотѣла напасть на Везуль, но что ее хорошо помяли и часть ея была изрублена и загнана до Арсэ, какъ и въ нашей бароніи де-Гранжъ. У меня повсюду ходятъ патрули и я получаю постоянныя извѣстія; меня съ точностію увѣдомляютъ о всѣхъ движеніяхъ шайки. Любезная матушка ваша, по моей настоятельной просьбѣ, удалилась въ Б., гдѣ она въ совершенной

---

tierès des villages voisins de ce pays-ci à les suivre, pour saccager, démolir, bruler et piller les chateaux des seigneurs. J'ai mis sous les armes autant qu'il m'a été possible la bourgeoisie de Montbelliard(t) et j'ai eu des détachements de chasseurs-à-cheval et quelques d'infanterie de la garnison de Belfort et avec ces peu de moyens j'ai eu le bonheur, et le bon Dieu m'a fait la grâce, de présérver ce pays-ci et nos chateaux d'attaques et de saccagement. Mais ils ont démoli et détruit totalement notre importante saline de Sombrat qui est une perte de passé quarante mille livres de revenus pour moi par an. Enfin la désolation est affreuse et la France voit des horreurs dont jamais l'histoire n'a fourni d'exemple. Ces malheureux scélerats, qui ont déjà passé le nombre de mille à quinze cents hommes, ont ravagé tous les chateaux seigneuriaux qu'ils ont pu en Franche-Comté et la noblesse s'est enfuit en Suisse et c'était un spectacle bien touchant de voir cela. Si je n'avais pris de si bonnes mesures, j'etais perdu ici, mais cela leur en a imposé et pourtant ils menacent toujours encore de m'attaquer aujourd'hui ou demain, mais ils me trouveront tout-prêt à les recevoir et ils ne me viendront pas sur le corps sans que je le sache plusieurs heures d'avance. Mais j'en doute actuellement beaucoup, car j'ai reçu hier et encore dans ce moment-ci, des nouvelles par mes patrouilles que les dragons sont après eux, que cette troupe de bandits a voulu attaquer Vésoul, qu'ils ont été bien frottés et que même on en a sabré de même

безопасности и принята, какъ нельзя лучше. Мои добрые монбельярцы—молодцы, неутомимые и благонамѣренные люди. Они мнѣ вполнѣ довѣряютъ, а—я имъ; они ко мнѣ чрезвычайно привязаны. Прошу васъ, любезное дитя мое, при малѣйшемъ удобномъ случаѣ повергнуть меня къ стопамъ ея императорскаго величества и нашего дорогаго великаго князя Я убѣжденъ, что они соблаговолятъ выразить сочувствіе нашему ужасному положенію и моимъ потерямъ. Ваша любезная матушка, вѣроятно, напишетъ вамъ обо всемъ остальномъ, я же только имѣю время и проч.

Забылъ вамъ сказать, любезное дитя мое, что эта разбойничья шайка вооружена только топорами и дубинами, но она очень многочисленна. По всѣмъ вѣроятностямъ, однако, скоро уменьшится.

Императрица—великой княгинѣ.

27-го августа 1789 г.

За исключеніемъ нѣкоторой слабости, милая дочь моя, кажется, что гадкая колика моя перестала; къ Александрову дню я надѣюсь выйдти. Бѣгство его Густавовскаго величества (Sa Majesté Gustavienne), какъ его называете, любезная дочь моя, на этотъ разъ изрядно было похоже на бѣгство собаки, выгнанной изъ кухни. Надѣюсь, что порошокъ, приготовленный для Машутки и ею принятый, принесетъ ей пользу. Прощайте, обнимаю васъ, также какъ и любезнаго сына моего и дѣтей вашихъ.

---

qu'à Arcey dans notre baronie de Granges J'ai continuellement des patrouilles dehors et des nouvelles, et je suis exactement informé de tous les mouvements de cette troupe. Votre chère mère est allée a ma sollicitation á B. où elle est en pleine sureté et reçue au mieux. Mes bons Montbelliardais sont de braves gens, remplis de la meilleure volonté et infatigables; ils ont pleine confiance en moi et moi en eux et ils me sont bien attachés. Je vous prie, ma chère enfant, de ne négliger aucune occasion de me mettre aux pieds de S. M. I. et de notre chèr grand-duc. Je suis persuadé qu'ils daigneront compatir à notre horrible situation et à mes pertes; Votre chère maman Vous ecrira apparemment tout le reste et je n'ai que le temps. J'oubliais de Vous dire, ma chère enfant, que cette troupe de brigands n'est armée que de hâches, gros bâtons, mais elle est fort nombreuse. Elle diminuera, selon toutes les apparences, bientôt.

Ce 27 août 1789.

A quelque faiblesse près, ma chère fille, il parait que cette vilaine colique m'a quitté; j'espère sortir à la fête de St. Alexandre. La fuite de S. M. Gustavienne, comme Vous l'appelez ma chère fille, cette fois-ci ne ressemblait pas mal à celle d'un chien chassé de la cuisine. Je souhaite que la poudre de préparation que Machoutka a prise lui fasse du bien Adieu, je Vous embrasse de même que mon chèr fils et Vos enfants.

Великая княгиня—императрицѣ.

Гатчина, 11-го октября 1789 г.

Дрожайшая матушка! Я должна исполнить три обязанности въ отношеніи васъ, дрожайшая матушка, такъ какъ мнѣ слѣдуетъ дать вамъ отчетъ о здоровьи Машутки, которой день ото дня лучше... . . . . Вторая моя обязанность, дрожайшая матушка,— выразить вамъ признательность мужа моего и мою за прелестное, милостивое письмо ваше вчерашняго дня; осмѣливаемся увѣрять васъ, что если вы удостоиваете насъ любовью вашей, то и мы любимъ, и обожаемъ васъ отъ всего нашего сердца, какъ нашу милую и обожаемую матушку, какъ нашу государыню, и что мы гордость нашу полагаемъ въ томъ, чтобы превзойти всѣхъ вашихъ подданныхъ въ любви и вѣрности. Еще остается мнѣ исполнить третью обязанность, а именно: повергнуть къ стопамъ вашимъ, дрожайшая матушка, дань глубочайшаго уваженія моихъ родителей и ихъ поздравленія съ рѣшительной побѣдой, одержанной вашими судами надъ шведами; родители мои пишутъ мнѣ, что для вѣрной оцѣнки храбрости русскихъ войскъ, имъ можно только сказать: вы достойны августѣйшей монархини, царствующей надъ вами для вашего счастія и для вашей славы.

Маленькія мои дѣвочки цѣлуютъ ручки ваши, дрожайшая матушка, я также и есмь съ глубочайшимъ уваженіемъ, дрожайшая матушка, ваша всепокорная и послушная слуга и дочь Марія.

Gatchina ce 11 oct. 1789.

Ma très chère mère. J'ai à m'acquitter de trois devoirs vis à vis de Vous, ma très chère mére, ayant à Vous rendre compte de la santé de Maschoutka qui va de mieux en mieux... Le second devoir dont j'ai à m'acquitter, ma très chère mère, est de Vous parler de la reconnaissance de mon mari et de la mienne pour Votre charmante et gracieuse lettre d'hier; nous osons bien Vous assurer, que si Vous daignez nous aimer, nous Vous aimons et chérissons de tout, tout notre coeur, comme notre chère et bien adorée mère, comme notre souveraine, et que nous ambitionnons toujous de surpasser tous Vos sujets en amour et en fidélité. J'ai encore à m'acquitter d'un troisième devoir, celui de mettre à Vos pieds, ma très chère mère, l'hommage respectueux de mes parents et leurs félicitations sur la victoire décisive que Vos galères ont remporté sur les suèdois. Mes parents me marquent, qui pour bien caractèriser la valeur des troupes russes, on ne peut que leur dire: vous méritez la souveraine auguste qui règne sur vous, pour votre bonheur et pour votre gloire. Mes petites filles Vous baisent les mains, mà très chère mère, j'en fais de même et suis avec le plus profond respect, ma très chère mère. Votre très humble et bien obéissante servante et fille Marie.

1791—1792 гг.

Императрица—великому князю и его супругѣ.

25-го августа 1791 г.

Пишу вамъ, любезныя дѣти мои, это письмо съ грустью и сокрушеніемъ сердечнымъ о печальномъ положеніи, въ которомъ, какъ предвижу, находится моя любезная дочь. Живо чувствую ея горе, принимаю въ немъ искреннѣйшее участіе и надѣюсь, что оно не повредитъ ея здоровью, о которомъ прошу ее прилагать возможное попеченіе. Отправляю это письмо и посланнаго нарочно за тѣмъ, чтобы освѣдомиться о состояніи ея здоровья. Прощайте, любезныя дѣти; обнимаю васъ отъ всего сердца и дѣтей вашихъ также.

Императрица—великой княгинѣ.

16-го сентября 1791 г.

Я совершенно здорова, любезная дочь моя, но сильно раздосадована тѣмъ, что матушка ваша такъ тревожится о своихъ сестрахъ и племянницѣ и что возмущеніе проникло до города Монбельяра. Говорятъ, въ Фальсбургѣ случилась еще странная исторія съ Оверньскимъ полкомъ, который не признаетъ болѣе надъ собою никакой власти, овладѣлъ городомъ, своевольничаетъ и намѣревается выдержать осаду. Я убѣждена, что король неаполитанскій съ большимъ удовольствіемъ приметъ у себя принца—вашего брата. Прощайте, любезная дочь моя; обнимаю васъ вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ.

Ce 25 d'août 1791.

Je vous écris, mes chèrs enfants, cette lettre avec l'amertume et l'affliction dans le coeur sur l'état de douleur dans lequel je prévois que ma chère fille se trouve. Je sens vivement le chagrin dans lequel elle doit être et j'y prends une part très sincère; je fais des voeux pour que sa peine ne nuise point à sa santé et je la prie d'y apporter le soin possible. J'envoie cette lettre et son porteur tout exprès pour m'informer de l'état de sa santé. Adieu, mes chèrs enfants, je Vous embrasse de tout mon coeur et Vos enfants aussi.

Ce 16 septembre 1791.

Je me porte parfaitement bien, ma chère fille, et suis très-fachée de ce que Madame Votre merè ait autant d'inquiètudes au sujet de Mesdames ses soeurs et sa nièce et des troubles qui agitent jusqu'à la ville de Montbélliard. L'on dit qu'à Phalsbourg il y a encore une singulière histoire avec le régiment d'Auvergne qui ne se connait plus aucune autorité, s'est emparé de la ville, vit à discrétion et veut soutenir un siège. Je suis persuadée que le roi de Naples verra avec bien du plaisir le prince Votre frère chez lui. Adieu, ma chère fille, je Vous embrasse en compagnie du chèr mari.

Императрица—великой княгинѣ.

Изъявляю вамъ нѣжнѣйшую признательность за выраженія любви, которыми вы сопровождаете только что принесенные мнѣ отъ васъ драгоцѣнные подарки; я была ими тронута до слезъ. Да благословитъ васъ Богъ съ вашимъ мужемъ и вашими дѣтьми. Я нахожу, что камея очень похожа и превосходной работы, точно также, какъ и лампа.

Императрица—великой княгинѣ.

Благодарю васъ, любезная дочь, за вашу миленькую работу изъ воску и за шерстяной снурокъ, которые вы мнѣ прислали. Я въ немъ имѣю большую надобность, такъ какъ хожу не безъ труда, но пятно и опухоль уменьшаются. Обнимаю васъ обоихъ отъ всего сердца и пишу вамъ изъ комнаты, куда я помѣстила всѣ ваши рисунки: ихъ набралось уже порядочное количество.

Императрица—великой княгинѣ.

6-го октября 1792 г.

Сію минуту получила я, любезная дочь моя, ваше сегодняшнее письмо, закоторое много вамъ благодарна. Вамъ извѣстны мои чувства и потому не могу вамъ надоѣдать повтореніями. Увы! хотѣла бы я, чтобъ видѣли и поменьше хвалили моихъ бѣдныхъ баденскихъ принцессъ [1]:

Je Vous remercie bien tendrement, ma chère fille, de ce que Vous me dites d'affectueux en m'envoyant les precieux dons qu'on vient de m'apporter de Votre part; j'en ai été touchée jusqu' aux larmes. Que Dieu vous bénisse avec Votre mari et Vos enfants. Je trouve la camée bien ressemblante et d'un beau travail de même que la lampe.

(Карандашémъ). Je Vous remercie, ma chère fille, de votre bien joli ouvrage en cire et du cordon de laine que Vous m'avez envoyés. De celui-ci j'en ai grand besoin ne pouvant marcher qu'avec assez de peine, mais la tache et l'enflure diminuent; je Vous embrasse tous les deux de tout mon coeur et je Vous écris de la chambre où j'ai placé tous Vos dessins: il y en a déjà bon nombre.

Ce 6 d'octobre 1792.

Je viens de recevoir, ma chère fille, Votre lettre d'aujourd'hui de laquelle je vous remercie beaucoup. Vous connaissez mes sentiments et voilà pourquoi

---

[1]) Дочери маркграфа Дурлахъ-Баденскаго Луиза-Марія-Августа и Фридерика-Доротея. Старшая (род. 13-го января 1779 г.), во святомъ миропомазаніи нареченная Елисаветою, сочеталась бракомъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Ред.

признаюсь вамъ въ томъ откровенно, потому что мнѣ хотѣлось бы, чтобъ къ нимъ не были пристрастны ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ, тѣмъ болѣе, что имъ трудно, или будетъ трудно, произвести то́ впечатлѣніе, которое было бы желательно. Прощайте; обнимаю васъ обоихъ.

Императрица—великой княгинѣ.

16-го октября 1792 г.

Поздравляю васъ, любезная дочь моя, съ вашимъ прибытіемъ въ Гатчину и желаю, чтобъ вы были тамъ здоровы. Кажется, опасенія наши остаются все тѣже; вотъ, я полагаю, предметъ разговора, о которомъ вы упоминаете и который вамъ не прискучилъ. Кланяюсь моему любезному сыну и обнимаю васъ обоихъ.

Императрица—великой княгинѣ.

Благодарю васъ, любезная дочь моя, за присланный вами прекрасный рисунокъ, хотя предметъ его весьма грустенъ. Я его оставляю у себя, а васъ обнимаю отъ всего сердца за милыя и нѣжныя вещи, которыя вы мнѣ говорите.

Императрица—великой княгинѣ.

23-го октября 1792 г.

Благодаря васъ за содержаніе вашего письма, любезная дочь,

---

je ne veux pas Vous ennuyer avec la répétition. Hélas! je voudrais qu'on voit et qu'on loua moins mes pauvres princesses de Bade, voilà ce que je Vous avoue tout franchement, parce que je souhaite de tout mon coeur qu'on ne se passionne aucunément ni pour, ni contre elles, car, d'ailleurs, il est difficile, ou il sera difficile, qu'elles fassent l'effet qu'il est à désirer pour elles. Adieu; je Vous embrasse tous les deux.

Ce 16 octobre 1792.

Je Vous félicite, ma chère fille, de Votre arrivée à Gatchina. Je souhaite que Vous Vous y portiez bien. Il parait que nos apprehensions sont toujours les mêmes; c'est, je pense, la matière de la conversation dont Vous faites mention et qui ne Vous a pas ennuyé. Je salue mon cher fils et je Vous embrasse tous les deux.

Je Vous remercie, ma chère fille, du beau dessin que Vous venez de m'envoyer quoique le sujet en soit bien triste; je le garde et Vous embrasse de tout mon coeur pour les choses aimables et affectueuses que Vous me dites.

Ce 23 octobre 1792.

En Vous remerciant, ma chère fille du contenu de Votre lettre, je Vous réitère l'expression de mes sentiments. Ce que Vous me dites de la misère, des

вновь повторяю вамъ выраженіе моихъ чувствованій. То, что вы говорите мнѣ о нищетѣ эмигрантовъ, служитъ подтвержденіемъ слуховъ, доходящихъ до меня со всѣхъ сторонъ, и поддерживаетъ удивленіе, въ которомъ находятся всѣ военные, по случаю выступленія въ походъ первыхъ полководцевъ нашего времени; вѣроятно, на это есть десятки причинъ, намъ не извѣстныхъ. Прощайте; обнимаю васъ, также какъ и моего любезнаго сына.

Императрица—великой княгинѣ.

Чувства, которыя вы мнѣ выражаете, любезная дочь моя, мнѣ всегда дороги. Я привыкла, чтобъ обо мнѣ говорили и хорошаго, и дурнаго болѣе, нежели я заслуживаю. Отдаю справедливость матушкѣ вашей; я знаю, что она желаетъ мнѣ добра. Я прочла изъ ея письма только подчеркнутыя строки. Обнимаю васъ, любезная дочь, и посылаю вамъ письмо, которое вы мнѣ сообщили.

Императрица—великой княгинѣ.

Я была весьма удивлена, получивъ вашу записку, любезная дочь. Если я могла васъ утѣшить, то вполнѣ вознаграждена вашею чувствительностью; но, Бога ради, будьте какъ можно спокойнѣе, не пишите и не думайте ни о чемъ, что могло бы разстроить ваши нервы избыткомъ чувствительности. Прощайте, обнимаю васъ.

émigrés me confirme ce qui m'en revient de tous côtés, de même que l'étonnement dans lequel se trouvent tous les militaires sur la campagne des premiers capitaines du siècle; il y a sans doute à cela dix raisons que nous ignorons. Adieu; je Vous embrasse de même que mon chèr fils.

Les sentiments que Vous me marquez, ma chère fille, me sont toujours chèrs. Je suis accoutumée à entendre dire de moi plus de bien et plus de mal que je ne mérite. Je rends justice à Madame Votre mère, je sais qu'elle me veut du bien. Je n'ai lu de sa lettre que les lignes soulignées. Je Vous embrasse, ma chère fille, et Vous envoie la lettre que Vous m'avez communiquée.

J'ai été bien étonnée, ma chère fille, de voir arriver Votre billet. Si j'ai pu Vous soulager j'en suis bien récompensée par Votre sensibilité, mais au nom de Dieu tenez-Vous bien coi; n'ecrivez, ni ne pensez à rien qui puisse irriter vos nerfs par trop de sensibilité. Adieu, je Vous embrasse.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СПОДВИЖНИКИ ЕКАТЕРИНЫ II.

Вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ.

(Собственноручное письмо къ нему Екатерины II).

Князь Александръ Михайловичъ. Третьево дни я не отвѣтствовала на ваше письмо по причины той, что я приложеніи, при томъ письмѣ присланныя, не прочла до сего утра; а теперь имѣю вамъ сказать: 1) На примѣчаніи князя Долгорукова, что будьто у насъ секретъ въ коллегіи худо хранится, что я прежде всѣхъ сіе примѣтила и неоднократно Никиту Ивановичу (Панину) сказывала; я же нынѣ такъ осторожна, что у меня въ комнаты никому безъ изъятій знать не можно, гдѣ и когда бумаги читаю, и кой часъ прочтены, назадъ ихъ посылаю, и тако рѣдко три часа у меня бумаги бываютъ. Не знаю, каковъ секретъ у Н. Й. и у васъ въ коллегіи, а у меня, права, крѣпко хранится, и я ни съ кѣмъ о дѣлахъ не говорю. 2) Я получила предлинное и преконфузное письмо отъ брата моего, на которое буду отвѣтствовать; а онъ упоминаетъ о томъ же дѣлѣ, о которомъ пишетъ Буркерерода. 3) Письмо князя Дми: Алек: изъ Парижа я, какъ и прочія его письмы, съ удовольствіемъ прочла. Проэктъ присланные (sic) отъ него о мостахъ прикажите доставить сенатору Муравьеву, а другой о лонштюды отдайте гр. Ив. Гр. Чернышеву. Впрочемъ, желаю вамъ здравствовать и веселиться О бѣд— господина Оскирка я уже писала къ Никиту Ива. Въ понедѣльникъ надѣюсь васъ видѣть. Екатерина.

Маія 7 ч. 1764.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

Примѣчаніе. Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ род. въ 1723 г.; съ 1742 г. служилъ по дипломатической части; 9-го іюля 1762 г. назначенъ вице-президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и вице-канцлеромъ. уволенъ съ этого поста въ 1775 г.; умеръ въ 1807 г. Ред.

Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ.

1767—1782.

Господинъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ.

Строющуюся въ Хотиловѣ, подъ смотрѣніемъ санктпетербургскаго губернатора Ушакова, церковь поручаемъ мы, по близости, достроить вамъ, чего ради и повелѣли ему сдать вамъ все, что до строенія оной принадлежащаго въ вѣдомствѣ его было. Екатерина.

20-го февраля 1767 г.
Москва.

Господинъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ.

Прикажите изъ новгородскихъ доходовъ выдать генералу квартирмейстеру Боуру, для скорѣйшаго окончанія при Старорусскихъ соляныхъ варницахъ строенія, десять тысячъ рублей, вычитая оные изъ слѣдуемыхъ ему, въ будущихъ годахъ, изъ казны выдачъ. Екатерина.

18-го апрѣля 1773 г.
Царское Село.

Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ.

Графъ Яковъ Александровичъ! Съ особливымъ удовольствіемъ вижу изъ донесенія вашего труды и старанія ваши по губерніямъ, вамъ ввѣреннымъ, и желаю вамъ въ томъ добраго успѣха. Для поправленія дороги между двумя столицами, приказала я изъ кабинета отпустить въ казенную палату новгородскаго намѣстничества тринадцать тысячъ рублей; а для сдѣланія ея точнымъ образомъ, не премяну назначить потребную сумму по годамъ.

Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 26-го 1782 г.

Сообщ. графъ **Э. К. Гуттенъ-Чапскій**.

Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ.

(Собственноручное письмо Екатерины II).

Петръ Дмитріевичъ. Усердіе и любовь ваша ко мнѣ и къ отечеству мнѣ извѣстна. Вѣдаю я, что болѣзненное состояніе принудило васъ отъ дѣлъ взять увольненіе. Я о семъ какъ тогда сожалѣла, такъ и нынѣ. Графъ Брюсъ проситъ увольненіе отъ нынѣшняго поста. По справедливости и по моей къ вамъ довѣренности сіе принадлежитъ вамъ. Согласитесь, пожалуйте, принять мѣсто главнокомандующаго

въ Москвѣ. Обрадуите, право, многихъ. Во ожиданіи вашего отвѣта, пребываю, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Изъ Царскаго Села, іюня 14-го числа 1786 года.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко.

1742—1799.

Письма къ князю Г. А. Потемкину.

1.

Іюля 2-го, 1784 г.

Милостивый государь! Поспѣшаю донести вашей свѣтлости, что ея величество въ здоровьѣ своемъ въ сіи два дня весьма поправилася. Кажется, вся лихорадка миновала и боль въ горлѣ гораздо утишилася. Не могла она еще сама написать своеручно къ вашей свѣтлости, а при подписаніи посланнаго съ симъ указа сказать изволила, что она надѣется васъ увидѣть, по крайней мѣрѣ, на слѣдующей недѣлѣ. Агличане, о коихъ ваша свѣтлость писать изволили, выписаны архитекторомъ Камерономъ для здѣшнихъ строеній по контрактамъ и на жалованьѣ. Число ихъ съ женами и дѣтьми простирается до 140. Они располагаются пробыть здѣсь годы уреченные и сомнительно, чтобъ согласилися поселиться. О шалостяхъ польскихъ ея величество указала поговорить славно и послу, и министру польскимъ. Первый на сихъ дняхъ прислалъ оправданія свои по дѣламъ господъ Каховскаго и Чернышова, по коимъ онъ, по обычаю своему, ничего не сдѣлалъ, предъявляя невозможность и склоня, какъ видно, короля сдѣлать свои ламентаціи, что нѣтъ его силы перемѣнить форму судопроизводства тамошняго.

Есмь всегда съ должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію вашей свѣтлости всепокорнѣйшій слуга Александръ Безбородко.

P. S. Государыня очень довольна была донесеніями о губерніи и чрезъ два дня, думаю, будетъ отвѣтствовать вашей свѣтлости.

2.

Іюля 8-го 1786 г.

Милостивый государь! Сегодня исполнилъ я приказаніе вашей свѣтлости докладомъ о мѣстахъ, близъ дома вашего лежащихъ. Вслѣдствіе высочайшаго соизволенія ея императорскаго величества прилагаю при семъ, подъ открытою печатью, письмо мое къ Ивану Пер-

фильевичу [1]) о дворцовыхъ, а о конно-гвардейскомъ и артиллерійскихъ означенныхъ на планѣ подъ буквами b, d и g, записаны именные указы Е. (sic) дежурнымъ генералъ-адъютантомъ. Никто тутъ не потерпѣлъ убытка, особливо г. Михелсонъ, которому велѣно притомъ для себя собственно пріискать и купить домъ.

Записку вашу и рапорты я также представлялъ сегодня. Ея величество была довольна вашими распоряженіями и считаетъ, что исполненіемъ извѣстныхъ предположеній, а не инако, спокойствіе того края возставится.

Ваша свѣтлость милостиво меня извините, есть-ли я осмѣлюсь о подателѣ сего повторить мою всепокорнѣйшую просьбу. Дерзость мою поставьте на счетъ особливаго вашего ко мнѣ благоволенія, которое потщуся заслуживать нелицемѣрною къ вамъ преданностію, пребывая всегда вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою гр. А. Безбородко.

3.

Ваша свѣтлость по особливой ко мнѣ довѣренности благоволили, чтобъ я изъяснился относительно товарищей моихъ по извѣстной коммиссіи. Исполняя волю вашу, съ должною откровенностію имѣю честь донесть:

Что принадлежитъ до графа Андрея Петровича (Шувалова), неоспоримо онъ былъ первымъ въ дѣлѣ семъ и, по изобрѣтенію и труду, занимался онымъ близко года съ того времени, какъ я ему сообщилъ волю и намѣреніе государыни о пособіи городамъ и разнымъ предпріятымъ ею заведеніямъ и объ изысканіи средствъ къ умноженію доходовъ. Ваша свѣтлость проникли его мысли; и есть-ли онъ удостоится пожалованія перваго ордена съ знатною денежною суммою, то конечно и всѣ его желанія удовлетворятся.

Графъ Александръ Романовичъ (Воронцовъ) и Петръ Васильевичъ (Завадовскій), я думаю, совершенно довольны будутъ, есть-ли имъ пожаловано будетъ [2]) тысячъ по пятидесяти; а притомъ первому— крестъ и звѣзда алмазныя св. Александра Невскаго, а послѣднему— орденъ св. Владиміра перваго класса; но впрочемъ примите ваша свѣтлость сіе, какъ единственно для васъ сказанное, и ежели найдете что излишнимъ, вы сами то лучше исправите, привыкши людямъ отдавать справедливость и ободрять усердіе къ службѣ.

Денежныя суммы, на награжденія употребляемыя изъ кабинета, замѣнятся съ избыткомъ изъ тѣхъ, кои казна пріобрѣтетъ отъ вы-

---

[1]) Елагину.

[2]) Въ подлинникѣ «быть»; вѣроятно пропущено: «имѣетъ». А. Б.

мѣна ассигнацій и отъ другихъ сверхъ предложеннаго нами расчета находимыхъ. Сихъ послѣднихъ тотчасъ вступитъ полмилліона, особливо ежели конторъ не заводить.

Я забылъ доложить вашей свѣтлости, что слышалъ я прежде желаніе Петра Васильевича—быть гофмейстеромъ; но кажется, что первое для него будетъ выгоднѣе, развѣ бы крестъ замѣнить симъ званіемъ.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

Иванъ Ивановичъ Бецкой.

(Объяснительная замѣтка по поводу его писемъ, напечатанныхъ въ кн 11 и 12 «Р. С.»).

Письма Ивана́ Ивановича Бецкаго, печатаемыя нынѣ въ „Русской Старинѣ", составляютъ лишь небольшой отрывокъ изъ огромной дѣловой корреспонденціи этого государственнаго человѣка, любившаго не просто приказывать въ своей административно-педагогической дѣятельности, но главное — разъяснять, убѣждать и вообще привлекать на свою сторону умственныя силы подчиненныхъ ему лицъ. Учрежденіе Воспитательныхъ Домовъ,— при той широкой цѣли, съ которой они были предварительно задуманы, при новизнѣ началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе, — требовало отъ человѣка, поставленнаго во главѣ ихъ, и неусыпной бодрости, и внимательнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы духъ новыхъ уставовъ не искажался въ ихъ примѣненіи къ дѣйствительности. Отсюда возникла необходимость частыхъ письменныхъ сношеній, въ которыхъ Бецкой подвергалъ строгой критикѣ всѣ, извѣстныя ему, дѣйствія его подчиненныхъ, разсматривалъ соотвѣтствіе ихъ съ коренными постановленіями Генеральнаго Плана, сильно журилъ своихъ сотрудниковъ за явную небрежность или превратное пониманіе ими своихъ обязанностей, но иногда и ободрялъ ихъ падавшую энергію, выясняя высокій и гуманный смыслъ того дѣла, которому они призваны были служить. Словомъ, въ перепискѣ Бецкаго съ подчиненными ему мѣстами и лицами развиваются, въ связи съ фактами изъ практической жизни, и притомъ развиваются съ замѣчательною послѣдовательностью и силою выраженія, тѣ же самыя мысли, которыя легли въ основу всѣхъ уставовъ и инструкцій по Воспитательнымъ Домамъ. Нерѣдко вѣрность основной идеи, въ соединеніи съ обработанной и даже прекрасной ея формой, даетъ право этимъ письмамъ назваться образцовыми, по тому времени, литературными произведеніями. Мѣнялись секретари [1]) Бецкаго, разныя лица принимали участіе въ со-

[1]) До 1778 г., т. е., до того времени, когда въ должность секретаря вступилъ Я. Б. Княжнинъ, русскую корреспонденцію Бецкаго велъ Алексѣй Евдо-

ставленіи его уставовъ; но общій тонъ всѣхъ писемъ и законодательныхъ работъ главнаго попечителя всегда оставался неизмѣннымъ: мы постоянно видимъ, что за всѣми разнообразными индивидуальностями секретарскаго изложенія, какъ въ мысляхъ, такъ и въ выраженіяхъ, слѣдилъ одинъ и тотъ же твердо направленный умъ, сглаживалъ въ нихъ противорѣчія, восполнялъ встрѣчавшіеся пробѣлы и недосмотры. Самъ Бецкой рѣдко писалъ по-русски и любилъ, какъ бо̀льшая часть образованныхъ людей того времени, прибѣгать, въ случаѣ надобности, къ языку французскому; но ни одна бумага на русскомъ языкѣ, подписанная имъ, не обошлась безъ множества поправокъ, изъ которыхъ иныя дѣлались имъ собственноручно на поляхъ. Требовательность Бецкаго въ этомъ отношеніи удовлетворить было трудно, и содержаніе его писемъ, равно какъ и форма ихъ изложенія, выработывались медленно и, повидимому, послѣ неоднократныхъ совѣщаній секретарей съ своимъ начальникомъ.

Съ 1763-го по 1774-й годъ Бецкой посылалъ въ Московскій Воспитательный Домъ только одни оффиціальныя письма, озаглавленныя: „Отъ главнаго попечителя въ Опекунскій Совѣтъ", которыя заносились въ журналы и подшивались къ дѣламъ Опекунскаго Совѣта. Но въ мартѣ 1774 года, главный попечитель призналъ болѣе удобнымъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ не въ формѣ оффиціальныхъ предложеній, адресуемыхъ на имя всей опекунской коллегіи, но въ видѣ частныхъ, конфиденціальныхъ писемъ, которыя доставлялись на руки одному изъ опекуновъ, а тотъ сообщалъ ихъ, тоже частнымъ образомъ, для прочтенія остальнымъ членамъ Опекунскаго Совѣта. Такія письма, начинавшіяся обращеніемъ: „милостивые государи мои", не вносились уже въ журналы засѣданій и не усложняли собой бумажной процедуры, до которой Бецкой былъ небольшой охотникъ, такъ же какъ и до всѣхъ (по его выраженію) „приказныхъ обрядовъ". Новое подраздѣленіе писемъ не уничтожило, однако, ихъ внутренней солидарности: и въ тѣхъ, и въ другихъ Бецкой продолжалъ внушать опекунамъ, что „общественная довѣренность есть душа Воспитательнаго Дома", что кредитъ — лучше денегъ, и что Домъ, „основанный и твердый единымъ кредитомъ", долженъ ру-

кимовичъ Евдокимовъ, бывшій впослѣдствіи с.-петербургскимъ опекуномъ, и въ этой же работѣ принималъ, кажется, участіе Матвѣй Алексѣевичъ Ильинъ, заопекунъ с.-петербургскаго отдѣленія Воспитательнаго Дома, пользовавшійся нѣкоторое время большою довѣренностью главнаго попечителя. По французской корреспонденціи секретаремъ Бецкаго былъ, съ 1780 г., графъ де-Салинъ (de Salins), перешедшій въ 1783 г. изъ Петербурга на службу въ московское Коммерческое училище. А. П.

шиться, если утратитъ свою главнѣйшую поддержку. Для пріобрѣтенія этой нравственной довѣренности и финансоваго кредита, Бецкой совѣтовалъ опекунамъ держаться честнаго и моральнаго воззрѣнія на свои обязанности, не впадая въ приказный тонъ и не гоняясь за одной формальной очисткой бумагъ; предписывалъ — „пользоваться, а не злоупотреблять данными привиллегіями и, въ подкрѣпленіе своихъ правъ и преимуществъ, оказывать болѣе тихости и умѣренности, нежели вспыльчивости и упорства". Нужно было, по мнѣнію Бецкаго, чтобы кротость и умѣренность привлекали къ Воспитательному Дому сердца людей самыхъ строптивыхъ: „должно, чтобъ званія и чины (опекуновъ) не предпочитались никогда существеннымъ Воспитательнаго Дома пользамъ, въ собственное самолюбіе; должно, чтобъ миръ и совершенное согласіе въ Домѣ царствовали; чтобъ всѣ дѣла съ другими присутственными мѣстами производились дружелюбно и средствами, на кротости, учтивствѣ и здравомъ разсужденіи основанными; должно, чтобъ важность и сила привилегій не посрамляемы были привязкою къ разнотолкамъ, ошибкамъ и малостямъ; наконецъ, должно знать, что̀ самое правосудіе требуетъ, дабы въ важныхъ дѣлахъ подкрѣплять свои права съ твердостью духа, которая, однако-жъ, не освобождаетъ отъ благопристойности и почитанія другихъ, но еще, напротивъ того, отцы бѣдныхъ должны въ ономъ всегда подавать примѣры". Сообразно съ этими взглядами, Бецкой горячо вступался за привиллегіи Воспитательнаго Дома, когда считалъ ихъ серьезно нарушенными вмѣшательствомъ посторонныхъ властей: такъ поступилъ онъ, напримѣръ, узнавъ, что московская полиція нарушила юрисдикцію Опекунскаго Совѣта и присвоила себѣ право суда и расправы надъ крѣпостнымъ человѣкомъ, состоявшимъ въ услуженіи при Воспитательномъ Домѣ,—послѣдствіемъ чего былъ строгій выговоръ, объявленный виновному полицейскому чиновнику. Вмѣшательство полиціи,—справедливости и безкорыстію которой нельзя было довѣряться,—въ особенности не нравилось Бецкому, и онъ, обсуждая въ одномъ письмѣ предположеніе Московскаго Опекунскаго Совѣта объ устройствѣ публичнаго театра въ зданіи Воспитательнаго Дома, находилъ прежде всего неудобство въ томъ, что полиція получила бы право, по этому поводу, появляться и дѣлать распоряженія въ мѣстахъ, которыя были для нея недоступны въ силу Генеральнаго Плана. (О такомъ случаѣ вмѣшательства полиціи, по поводу театра Воспитательнаго Дома, говорится въ письмѣ Бецкаго отъ 5-го мая 1784 г.). Въ другой разъ Бецкой, усмотрѣвъ, что, по дѣлу Демидова съ сенатскимъ секретаремъ Скорняковымъ, привиллегіи Воспитательнаго Дома вновь были нарушены,

а „надобный человѣкъ безъ всякой защиты оставленъ и какъ бы сталъ брошенъ“, энергически поднялся на защиту благодѣтеля-эксцентрика, который тѣмъ временемъ, разогорченный судебными проволочками, угрожалъ уже пріостановить всѣ свои дальнѣйшія пожертвованія. Охраняя преимущества Дома и желая также сберечь для своихъ заведеній поддержку московскаго богача, Бецкой приготовилъ въ этомъ смыслѣ для императрицы особую пространную записку и закончилъ ее просьбою объ отставкѣ, въ случаѣ, если ходатайство его не будетъ уважено. Въ той же запискѣ, раздраженный слухами, доходившими и до государыни, о томъ, что всѣ опекуны только злоупотребляютъ своими привиллегіями, такъ что предвидится надобность разрушить цѣлое учрежденіе, не успѣвшее ни развиться, ни окрѣпнуть; увѣренный наоборотъ, что всѣ проявлявшіеся недостатки отнюдь не составляютъ неотвратимаго, какъ бы прирожденнаго грѣха новаго института, Бецкой счелъ нужнымъ оградить и своихъ подчиненныхъ, и самое заведеніе отъ преувеличенныхъ толковъ и поспѣшныхъ выводовъ. Но это заступничество, оказанное въ критическій моментъ Воспитательнымъ Домамъ, не переходило у Бецкаго въ преднамѣренное укрывательство ошибокъ или злонамѣренныхъ дѣйствій, встрѣчавшихся въ его вѣдомствѣ: напротивъ того, его рѣзкость и правдивость въ этомъ отношеніи были безпощадны, и нѣсколько лѣтъ спустя послѣ поддержки, оказанной имъ Московскому Опекунскому Совѣту, онъ не затруднился высказать его членамъ множество самыхъ сильныхъ упрековъ, вызванныхъ различными ихъ дѣйствіями, не сообразными ни съ духомъ, ни съ буквою учрежденій Воспитательнаго Дома. Еще позже, а именно въ концѣ 1780 г., признавъ необходимымъ переработать и дополнить первоначальный уставъ Воспитательнаго Дома, Бецкой писалъ опекунамъ Московскаго Воспитательнаго Дома и С.-Петербургскаго его Отдѣленія: „Вы, купно со мною, обращая взоръ на прошедшее, скажите: кто изъ именовавшихся отцами сирыхъ и оградами общихъ пользъ, вкушая во внутренности своего сердца чистую радость добродѣтели, превосходящую всѣ утѣхи свѣта, можетъ самъ въ себѣ сказать: „я моимъ стараніемъ, слѣдуя долгу моему и ни о чемъ иномъ не помышляя, какъ только о благоуспѣшности ввѣреннаго мнѣ, сохранилъ то, исправилъ другое, не угрызаюся совѣстію и не постыжуся предъ лицомъ Создателя и отечества?“ Скажите, кто можетъ сею мыслью утѣшаться? и который изъ предметовъ, для блага общественнаго въ Воспитательномъ Домѣ постановленныхъ, достигнутъ? Мрачность, запутанность неразрѣшимая, представляя повсюду и къ поправленію упущеннаго неодолимыя препятствія, не показываетъ ни тѣни того,

чтобъ были разумы благоустрояющіе и сердца благотворительныя. Кажется, все было предано на произволъ слѣпаго случая, и во всѣхъ бывшихъ въ Домѣ происшествіяхъ правители онаго, долженствующіе быть тѣсно соединены единымъ союзомъ усердія, доставлять изъ отверженныхъ и спасенныхъ сиротъ полезныхъ гражданъ, соблюдать довѣренность общества нелицемѣрнымъ сохраненіемъ пользъ его, въ предѣлахъ сего Дома заключенныхъ, — оставили по себѣ слѣды поступокъ, весьма близкихъ извѣстнымъ, бывшимъ въ старину, во время войны, въ сраженіяхъ, вредоноснымъ общему благу мнѣніямъ: не нашу тысячу рубятъ или сей, происшедшей отъ несвойственнаго человѣку чувствованія, пословицѣ: по мнѣ хоть трава не рости. Все, представляя нерадѣніе и упущеніе должностей, показываетъ очевидно помышленія только о томъ, чтобы, наружностію прикрывая нерадивость, кое-какъ отправлять дѣла; вездѣ видно, что сердце мнимыхъ благотворителей отъ устъ и обѣтовъ далеко отстояло" и пр. Когда же опекуны, обижаясь прямотою и откровенностью обращенныхъ къ нимъ замѣчаній, выражали свое недовольство такою формою заявленія, то Бецкой отвѣчалъ имъ лаконически: „мнѣ кажется, я бы васъ болѣе тѣмъ могъ оскорбить, еслибы, скрывая мои мысли, думалъ, что вы неспособны слушать голоса истины".

Письма Бецкаго, напечатанныя въ 11-й и 12-й книгахъ „Русской Старины", вполнѣ подтверждаютъ все вышесказанное: въ нихъ выражаются тѣже взгляды и въ такой же точно формѣ, какъ въ приведенныхъ нами извлеченіяхъ. Первыя три письма, помѣщенныя въ предъидущей книгѣ, (изъ нихъ второе — частное, неоффиціальное), адресованы въ Московскій Опекунскій Совѣтъ и трактуютъ о злоупотребленіи привиллегіями, — злоупотребленіи, „обратившемся въ нѣкоторый родъ насильничества, на обидѣ ближняго основанный", — о непроизводительномъ расходованіи суммъ, собранныхъ благотворительностью, о дурномъ распредѣленіи помѣщенія, при которомъ администрація Дома отвоевывала, въ свою пользу, у сиротъ наилучшія условія жизни; наконецъ, объ истинномъ воспитаніи дѣтей и о безтолковыхъ, безчеловѣчныхъ наказаніяхъ. Сомнѣніе въ пользѣ разнообразнаго фабричнаго производства при Воспитательномъ Домѣ, выраженное Бецкимъ въ письмѣ отъ 29-го октября 1784 г., никогда и прежде не оставляло его, хотя, склоняясь на представленія опекуновъ, сулившихъ, по обыкновенію, золотыя горы, главный попечитель позволялъ испытывать успѣхъ подобнаго рода предпріятій. Такъ напримѣръ, въ одномъ, извѣстномъ намъ письмѣ, Бецкой, по поводу предложеннаго ему заведенія новой фабрики при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, писалъ слѣдующее: „Опытъ показалъ мнѣ, что никакая фабрика не

удается въ нашей странѣ: во-первыхъ, потому, что сбытъ незначителенъ; во-вторыхъ, потому, что никто не платитъ аккуратно. Кредитъ не установился (le crédit n'étant pas établi), издѣлія идутъ туго и, заимствуя все изъ-за границы, фабрики лопаются сами собою. Вы знаете, какъ мало барыша даютъ намъ галунная, шелковая и штофная фабрики.... Я весьма одобряю, что вы устроили въ Домѣ ткацкія мастерскія: если дѣло идетъ хорошо, можно будетъ получить дѣйствительную выгоду, такъ какъ вязанье и тканье льняныхъ издѣлій требуютъ только отечественнаго продукта; къ тому же, сбытъ этихъ издѣлій легокъ и постояненъ, и слѣдуетъ непремѣнно позаботиться, чтобы товаръ нашего Дома превосходилъ качествомъ и былъ дешевле того, который продается купцами". Впослѣдствіи Бецкой формально предписывалъ закрыть при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ всѣ фабрики, кромѣ одной чулочной.

Такія же точно уклоненія отъ правильнаго пониманія и исполненія опекунскихъ обязанностей служатъ предметомъ писемъ, помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ. (Изъ нихъ только первое—оффиціальное). Въ особенности любопытны между ними 2-е и 3-е письма, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь о крупномъ столкновеніи между главнымъ надзирателемъ Московскаго Воспитательнаго Дома и Опекунскимъ Совѣтомъ,—столкновеніе, которое, по словамъ Бецкаго, „наслушило (т. е. огласило) весь городъ Москву и Петербургъ".

Послѣднее письмо изъ напечатанныхъ въ 11-й книгѣ (отъ 5-го мая 1784 г.) адресовано Бецкимъ къ оберъ-директору Московскаго Воспитательнаго Дома—Григорію Григорьевичу Гогелю, и такъ какъ личность этого послѣдняго представляетъ довольно много интереса, то мы сообщимъ о ней, имѣющіяся у насъ, біографическія свѣдѣнія.

Гейнрихъ Гогель (въ русской передѣлкѣ: Григорій Григорьевичъ) перешелъ въ русскую службу въ 1775 г. въ чинѣ подполковника польскихъ войскъ и занялъ должность окружнаго коммиссара иностранныхъ поселенцевъ, около Саратова. Въ 1777 г. онъ принялъ русское подданство съ переименованіемъ въ коллежскіе асессоры, и въ томъ же году опредѣленъ членомъ въ „контору опекунства иностранныхъ" въ Саратовѣ. Въ 1779 г., 14-го іюня, онъ переведенъ главнымъ надзирателемъ въ Московскій Воспитательный Домъ, а съ небольшимъ черезъ годъ, переименованъ въ оберъ-директоры. Въ обѣихъ этихъ должностяхъ Гогель заявилъ себя расторопнымъ, умнымъ и аккуратнымъ дѣльцомъ, и въ 1781 г. Московскій Опекунскій Совѣтъ свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ „своимъ превосходноревностнымъ стараніемъ, не имѣвшимъ еще до того примѣра, принесъ Воспитательному Дому точной прибыли въ два года 167,574 р.",

да кромѣ того, „благоразумными устройствами воспитаніе юношества поправилъ и разныя заведенія при Домѣ фабрикъ и рукодѣлій привелъ въ несравненно-лучшее и выгоднѣйшее состояніе“, — за что̀ и получилъ въ займы изъ Сохранной Казны, по рѣшенію обоихъ Опекунскихъ Совѣтовъ, 7 т. р. безъ залога и процентовъ, „въ награжденіе ему за его необыкновенныя Дому услуги“, а впослѣдствіи вся эта сумма была ему подарена. И дѣйствительно: покуда наблюдалъ за нимъ бдительный глазъ Бецкаго, еще не подавленнаго дряхлостію лѣтъ и болѣзнями, Гогель умѣлъ вполнѣ заслужить къ себѣ довѣріе, и если въ его дѣйствіяхъ прорывались уже и тогда зачатки своекорыстныхъ стремленій, то они казались незамѣтными или были трудно уловимы по сравненію съ дѣятельностью его предмѣстниковъ. Такъ, напримѣръ, до поступленія Гогеля, при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ существовало уже четыре фабрики: 1) фабрика шелковыхъ чулковъ, заведенная въ 1769 г.; 2) карточная фабрика, основанная въ 1774 г.; 3) мануфактура бумажныхъ матерій, заведенная, по представленію главнаго надзирателя Коваленскаго, въ 1778 г., и 4) мануфактура шерстяныхъ чулокъ, учрежденная, по журналу Опекунскаго Совѣта, 13-го іюня 1778 г. По всѣмъ этимъ фабрикамъ находились въ оборотѣ значительныя суммы, но Совѣтъ не могъ представить о нихъ ни одной ясной вѣдомости, такъ какъ, по словамъ подлиннаго дѣла, „все происходило по экономіи съ одною только запискою выдачи денегъ, а какой былъ оборотъ, то по темнотѣ тогдашняго обряда не можно добраться никоимъ образомъ, и о продажѣ выработанныхъ вещей никакихъ записокъ не сыскалося“. Въ отвращеніе этихъ безпорядковъ Гогель, вступивъ въ должность, завелъ сейчасъ же фабрикантскую контору и, усиливъ надзоръ, какъ за производствомъ издѣлій, такъ и за расходованіемъ суммъ, могъ уже въ скоромъ времени представлять гораздо болѣе удовлетворительные отчеты. Благодаря его бдительности, карточная фабрика въ теченіе 14-ти лѣтъ (1780 — 1794 г) дала приращенія дохода 105,535 р., а штемпелеваніе при Домѣ картъ, доставляемыхъ съ частныхъ фабрикъ, принесло въ тотъ же срокъ 124,513 р. 52 к.,—тогда какъ до Гогеля отъ карточной фабрики совсѣмъ не было дохода, а штемпелеваніе дало прибыли, въ 17 лѣтъ, ровнымъ счетомъ 13,845 р. Такія же улучшенія произвелъ Гогель и по другимъ частямъ своего вѣдомства и, возвысивъ кредитъ и доходы Дома, сократилъ значительно его издержки благоразумною экономіею и „отрѣшеніемъ тунеядцевъ“. До него содержаніе каждаго питомца, при болѣе умѣренныхъ цѣнахъ на провизію и всякія другія потребности, обходилось въ годъ не дешевле 33 р. ассигн., а ему удалось низвести эту цифру до 27 р.,

включая сюда издержки на рабочихъ и нянекъ, находившихся въ Домѣ. Бецкой, хотя находилъ еще высокой и эту стоимость, указывая на возможность убавить ее посредствомъ развитія работъ питомцевъ, но все же былъ доволенъ сбереженіемъ, сдѣланнымъ московскимъ оберъ-директоромъ.

Труды Гогеля не оставались безъ вознагражденія со стороны главнаго попечителя: кромѣ должности оберъ-директора Воспитательнаго Дома, ему же поручено было завѣдываніе учебною частью въ Коммерческомъ Училищѣ (съ 8-го октября 1780 г) за особое жалованье — сначала по 400, а потомъ по 900 р. въ годъ. Въ 1781 г., вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе новаго законоположенія въ Воспитательныхъ Домахъ, репутація Гогеля, а съ нимъ и Московскаго Опекунскаго Совѣта, въ которомъ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ, настолько уже упрочилась въ мнѣніи Бецкаго, что петербургскимъ опекунамъ предписано было,—въ видѣ упрека отъ главнаго попечителя,— не отставать отъ Московскаго Воспитательнаго Дома въ развитіи внутренняго благоустройства подвѣдомственнаго учрежденія. Въ 1785 г. Гогель былъ вызванъ въ Петербургъ для водворенія порядка въ здѣшнемъ Домѣ, а въ слѣдующемъ году получилъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, орденъ Владиміра 4-й степени.

Послѣдствія показали однако, что заслуги Гогеля были сильно преувеличены его ловкими рекламами о самомъ себѣ, и что онѣ, во всякомъ случаѣ, не опирались на твердое, всегда вѣрное своему принципу, сознаніе общественнаго долга. Уже въ 1784 г., т. е., когда репутація Гогеля достигла своего апогея, Бецкой имѣлъ, повидимому, кое-какія сомнѣнія на его счетъ и прислушивался не безъ вниманія къ различнымъ толкамъ о московскомъ оберъ-директорѣ, которые комментировали не всегда лестно его управленіе Домомъ и приводили на память французскую пословицу: pas de fumée sans feu. Гогелю тогда уже приходилось объясняться и жаловаться—по его обыкновенію — на клеветниковъ, которые ищутъ помрачить его въ глазахъ Бецкаго, на что послѣдній, успокоенный представленными объясненіями, отвѣчалъ просьбою — „истребить сію напрасно смущающую мысль и окончить такъ часто повторяемыя въ письмахъ сомнѣнія".

Кромѣ собственной житейской ловкости Гогеля, репутація его создавалась и поддерживалась людьми, близко стоявшими тогда къ главному попечителю: — въ нихъ онъ умѣлъ заискать себѣ защитниковъ, на столько ревностныхъ и нелицемѣрныхъ, что одинъ изъ нихъ, — графъ де-Саленъ,—заблаговременно сообщалъ ему о всѣхъ новостяхъ, слухахъ, происках и событіяхъ, волновавшихся вокругъ Бецкаго; а другой — Княжнинъ—полагаясь всецѣло на страждущую невинность

Гогеля, довѣрчиво пересылалъ ему даже копіи со всѣхъ писемъ, въ которыхъ дѣйствія оберъ-директора изображались Бецкому съ невыгодной или сомнительной стороны. Для привлеченія этихъ сильныхъ союзниковъ, Гогель употреблялъ разныя мѣры, искусно видоизмѣняя ихъ смотря по личности, съ которой приходилось имѣть дѣло: графу де-Салену, который пріѣхалъ въ Россію съ нескрываемою цѣлью—„сдѣлать карьеру" и былъ не совсѣмъ доволенъ недостаткомъ усердія у Бецкаго къ устройству этой карьеры, — Гогель давалъ понять, что въ случаѣ нужды графъ можетъ найти убѣжище въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ ему заготовятъ хорошее мѣсто съ приличнымъ окладомъ жалованья; Княжнину, какъ человѣку менѣе требовательному, онъ угождалъ разнообразными мелкими услугами, оказывая нѣкоторыя одолженія его знакомымъ, устраивая его бенефисы на театрѣ Воспитательнаго Дома, находившемся въ арендѣ у Медокса, или заботясь о скорѣйшей распродажѣ его сочиненій. Поддавшись вполнѣ этому дружескому игу, довѣрчивый и простодушный Княжнинъ до того вошелъ въ интересы Гогеля, что съ явнымъ неудовольствіемъ исполнялъ порученія Бецкаго, когда приходилось писать выговоры и замѣчанія въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, и заранѣе отговаривался передъ своимъ другомъ, что дѣлаетъ это противъ себя, повинуясь только своей секретарской обязанности, которая, въ такихъ случаяхъ, угнетаетъ его до глубины души. Иногда, въ этихъ дружескихъ предупрежденіяхъ, Княжнинъ даже совершенно отказывался оправдывать или извинять своего гнѣвнаго начальника; иногда же указывалъ, какъ на смягчающую причину, на то обстоятельство, что Бецкой, встрѣчая часто на своемъ вѣку людей злыхъ, не дорожившихъ никакою святынею „и готовыхъ пойти на всякія средства, чтобы добиться его расположенія" (pour gagner sa faveur),—могъ естественно ожесточиться, сдѣлаться подозрительнымъ, и что онъ, вслѣдствіе этого, „чувствуя какъ бы удовольствіе въ своемъ гнѣвѣ, часто придумываетъ поводы, чтобы излить на кого-нибудь свою желчь". Не смотря, однако, на заступничество Княжнина, Бецкой, въ концѣ осьмидесятыхъ годовъ, нашелъ уже достаточные поводы—учредить строгій надзоръ за дѣятельностію Гогеля, и съ этою цѣлью придалъ ему въ помощники Алексѣя Ивановича Дурново, который, въ свою очередь, ни мало не скрывалъ, что присланъ въ Москву „для поправленія испорченнаго", т. е., для лучшаго исполненія уставовъ и поддержанія кредита Дома. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, а именно 11-го апрѣля 1795 г., преемникъ главнаго попечителя—гр. Христофоръ Минихъ, уволилъ Гогеля сначала отъ главнаго надзирательства по Дому, а затѣмъ, найдя „равномѣрныя неустройства и упущенія" по

управленію Сохранною и Ссудною казнами, отдалъ и ихъ въ завѣдываніе другому опекуну. Гогель сопротивлялся, не сдавалъ своихъ должностей и, называя „незаконнымъ поступкомъ" распоряженіе гр. Миниха, угрожалъ принести жалобу императрицѣ.

Съ своей стороны и Минихъ, въ предложеніи Московскому Опекунскому Совѣту отъ 11-го мая 1795 г., отозвался, что „находитъ Гогеля недостойнымъ носить званіе не только по упорству его, оберъ-директора, но ниже опекуна, а оставляетъ его вовсе не отрѣшеннымъ для того только, пока обо всѣхъ его таковыхъ поступкахъ, равно какъ и о неповиновеніи начальству, на донесеніе ея императорскому величеству получитъ высочайшее предписаніе". Далѣе Минихъ предлагалъ Опекунскому Совѣту—„никакихъ бумагъ къ подписанію Гогеля не посылать и не давать, въ присутствіе Совѣта не допускать и никакихъ бумагъ отъ лица его не принимать до резолюціи о немъ ея императорскаго величества". Съ увольненіемъ Гогеля уже въ чинѣ ст. сов., отъ занимаемыхъ имъ должностей, онъ приглашенъ былъ оставить казенную квартиру въ Воспитательномъ Домѣ; но, не любя отступать безъ бою, завелъ новыя „пререканія" съ Опекунскимъ Совѣтомъ, вслѣдствіе которыхъ въ дѣло вмѣшался московскій главнокомандующій Измайловъ и взялъ съ Гогеля обѣщаніе переѣхать не долѣе, какъ въ двѣ недѣли. Однако, двѣ эти недѣли продолжались съ 18-го сентября 1795 до 26-го марта слѣдующаго года, когда Измайловъ снова подтвердилъ Гогелю о выѣздѣ. На этотъ разъ подтвержденіе сопровождалось, вѣроятно, какою-нибудь сильною угрозою, потому что на другой же день отставной оберъ-директоръ сталъ перебираться въ свой собственный домъ въ Новой Басманной, противъ церкви Петра и Павла, при чемъ просилъ Опекунскій Совѣтъ освободить этотъ домъ, въ силу привиллегій, отъ всѣхъ полицейскихъ повинностей и прислать ему туда на 1796-й годъ 50 саж. дровъ и 10 пуд. свѣчей, отпускаемыхъ опекунамъ по общему положенію. Наконецъ, 2-го января 1797 г. новый главный попечитель Я. Е. Сиверсъ отрѣшилъ Гогеля и отъ опекунскаго званія, которое онъ такъ удачно отстаивалъ для себя при Минихѣ. Вмѣстѣ съ Гогелемъ отрѣшены были отъ своего званія и два другіе опекуна (Лодыженскій и Арсеньевъ), признанные Сиверсомъ виновными въ обнаружившихся безпорядкахъ. А безпорядки эти были не малые и, по мнѣнію Сиверса, „возъимѣли свое начало" около 1787 г., т. е. въ то время, когда Бецкой, до котораго уже доходили о нихъ слухи, командировалъ въ Москву Дурново „для поправленія испорченнаго". По изслѣдованію Сиверса, оказалось, что „невѣроятной оплошностью" сумма просроченныхъ капиталовъ и процентовъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ простиралась до

3.584,000 р., что проценты, невзнесенные въ срокъ, приписывались къ капиталамъ и на нихъ выдавались новыя закладныя, что денежныя суммы ассигновывались заемщикамъ безъ „всякаго законнаго основанія и безъ настоящихъ залоговъ", что выпущено было почти до милліона билетовъ Сохранной казны вмѣсто денегъ „къ вящему подрыву кредита", и что они учитывались съ потерью 20—25%, что векселей за проданныя въ долгъ карты нашлось на 34,600, а изъ нихъ — надежныхъ ко взысканію только на 2,600 р., что капиталы Воспитательнаго Дома истрачены на безполезныя и дорогія постройки (въ родѣ, напримѣръ, лабазовъ, на которые было издержано до 126,000), что дровъ сожжено въ годъ на 35,000 р., что аптека находилась въ „непристойномъ, сыромъ и дурномъ помѣщеніи". Изъ этой аптеки опекуны употребили въ 10 лѣтъ, на себя и на своихъ домашнихъ, болѣе чѣмъ на 1,800 р. лекарствъ и—„что было всего безстыднѣе", по выраженію Сиверса,—почти на 800 р. сельтерской воды, которую потреблялъ большею частію одинъ Гогель, ссылаясь на свою каменную болѣзнь. При этомъ Сиверсъ замѣчалъ еще, что опекуны „брали фунтами такія лекарства, которыя должно золотниками употреблять, а брали ихъ, какъ видно, для всѣхъ своихъ знакомыхъ".

Замѣчательно, что неправильная выдача Ларинскаго капитала изъ здѣшней Сохранной Казны, по подложнымъ бланковымъ надписямъ, произошла именно въ тотъ короткій срокъ (въ 1785 г.), когда Гейнрихъ Гогель управлялъ С.-Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ на правахъ оберъ-директора...

А. П. Пятковскій.

I.

Отъ главнаго попечителя въ (Московскій) Опекунскій Совѣтъ.

Письмо отъ 7-го числа сего мѣсяца получилъ, изъ котораго усмотря учиненныя маіоромъ Жигачевымъ [1]) непорядки, крайне сожалѣю, что сначала, когда экспедиція строенія изъ доноса его надлежащаго доказательства не нашла, Совѣтъ не изволилъ отрѣшить и выслать, а учиненную предосторожность безъ него чинить, слѣдуя по однѣмъ основаннымъ привилегіямъ, совѣстнымъ обрядомъ, — въ (намъ) другихъ коллегій и канцелярій правы не принадлежатъ,—дабы надлежащій нашъ порядокъ правленія вовсе не испровергнулся, въ чемъ какъ предъ Богомъ, такъ и предъ людьми, совѣстный отвѣтъ

[1]) Маіоръ Жигачевъ состоялъ въ Воспитательномъ Домѣ при экспедиціи строенія, для надзора за работами, и однажды, зазвавъ къ себѣ въ квартиру служанку изъ Дома, мучительно истязалъ ее. А. П.

дать должны, а паче тѣ, которые такихъ людей рекомендуютъ. Того для, симъ паки съ прошеніемъ представляю: ни въ чемъ и ни по какимъ причинамъ изъ плана и данныхъ привилегій не выступать.

Нынѣ инаково миновать, кажется, нельзя, какъ по плану отослать его (Жигачева) въ надлежащее присутственное мѣсто при депутатѣ отъ Совѣта; а сей первый случай научаетъ насъ остерегаться—изъ чиновныхъ отставныхъ болѣе отнюдь не принимать и сыскивать всегда человѣка, а не чины [1], а меньше того—по рекомендаціямъ, какого бы званія ни былъ.

Декабря 14-го дня 1766 г.

С.-Петербургъ.

II.

Мая 1-го дня 1775 года.

Милостивые государи мои. Слыша, что во время происходимаго балотированія нѣкоторые изъ балотирующихъ, не могши желанія своего удовольствовать полагаемыми балами въ назначенныя по своему сужденію черное или бѣлое мѣсто, прямо отважились, по усердію-ли почесть къ общей пользѣ, или по жестокосердіямъ, оказать свою якобы ревность неприличествующимъ ни званію, ни мѣсту, ниже долгу человѣколюбія отзывомъ: т. е., говорить о порокахъ другихъ публично, не стыдясь ни совмѣстныхъ въ благодѣтельствѣ соучастниковъ, ниже равно пекущихся объ общественномъ добрѣ благотворителей; какой поступокъ сожалѣтельно, что отъ всѣхъ почитаться долженъ предосудительнымъ, а мнѣ сіе прискорбнымъ, ибо Домъ Воспитательный есть мѣсто благотворенія, миролюбія и покоя, а не ненависти, распри и злобы, когда мы обязаны служить роду человѣческому, служить и всему обществу изъ любви къ тому, а не изъ какого-либо пристрастія. Я не сомнѣваюсь, чтобъ вамъ все сіе дико показалось, да, можетъ быть, еще и скажете: есть-ли де за что пенять? То на то немного надо словъ; прошу только войти въ чистосердечное разбирательство, такъ сами свободно увидите. Первое, что самая ошибка есть или причиною пренебреженія настоящаго дѣла, или примѣрнымъ поводомъ къ ожесточенію другихъ. Второе, не знаю, что̀ должно думать: меньше-ли было стремительнаго старанія къ утвержденію благосостоянія Дома? или больше наблюдаемо личное презрѣніе? а можетъ быть, ненависть и злоба? А потому и состоитъ не ошибка виною, но производимое намѣреніе, ибо, когда уже, не одумавшись, поступлено въ собраніи явно возстать злословіемъ на участвующихъ, такъ какъ я слышалъ

---

[1]) Слова эти подчеркнуты въ подлинникѣ. А. П.

въ томъ числѣ и на главнаго надзирателя [1]), о которомъ хотя въ генеральномъ планѣ и сказано: „Главный надзиратель управляетъ одинъ, какъ отецъ въ Домѣ; экономъ и всѣ прочіе, подчиненные Дому, представленія свои чинятъ обо всемъ ему, а не Совѣту; потому-жъ и безъ важной причины оныхъ людей въ Совѣтъ не требовать, а того меньше допускать бѣгать въ домы къ членамъ Совѣта, или ходить къ нимъ съ представленіями, ибо изъ того слѣдуютъ непорядки, упущенія въ должности и причины наказаній, коимъ они себя подвергаютъ, какъ непокорные. Введенный главнымъ надзирателемъ добрый порядокъ въ семъ заведеніи храниться долженъ ненарушимо. Ошибокъ его не ставить въ преступленіе: каждый человѣкъ ошибается, но тѣмъ не заслуживаетъ еще упреканій и, того меньше, какого оскорбленія. Главный надзиратель мѣста своего можетъ быть лишенъ только за невѣрность и неспособность, совершенно извѣданную" и пр. Но, не смотря на то, судилось рѣшительно и явно обругать человѣка по наружности, хватая одну поверхность дѣлъ, ни мало не воображая и не понимая могущихъ произойти впредь вредныхъ послѣдствій для Дома. Да еслибъ и заподлинно оное въ немъ примѣтно и дѣйствительно-бъ было, то не прежде-бъ надлежало поносными словами обносить, пока-бъ о томъ еще я увѣдомленъ не былъ о тѣхъ почитаемыхъ препятствующими въ томъ мѣстѣ быть причинахъ: тогда-бъ было время, зная, что̀ говорить и какимъ образомъ поступить, успѣть было еще можно. Но нетерпѣливость преодолѣла, видно, весь слѣдуемый при томъ быть разсудокъ, что, даже не вспомня ни самаго, предписываемаго въ генеральномъ планѣ трехъ частей, основаннаго на человѣколюбіи, законоположенія, ни своего долга званія, ниже, что̀ могло пособствовать въ противность сему, предлагаемыя отъ соучаствующей равнымъ попеченіемъ и званіемъ почтенной и саномъ и достоинствомъ персоны, отца духовника (отъ Панфилова) ея императорскаго величества возраженія; ниже правила при балотированіи наблюдаемой благопристойности предохранены, то есть: какъ каждый, имѣя свободное время на развѣданіе о качествѣ балотируемаго, право имѣетъ довольствоваться, по свѣдѣнію своему, единственно объясненіемъ своихъ мыслей чрезъ полагаемый въ балотировальникъ балъ, а не очерняющимъ вызовомъ въ тогдашнее время поощрять къ согласію на свою сторону другихъ. Да и не одно оное токмо быть не позволительно, но изъ постороннихъ кому-бъ тутъ оставаться весьма не приличествовало, такъ какъ при вашемъ балотированіи, я слышу, и

[1]) Главнымъ надзирателемъ Московскаго Воспитательнаго Дома былъ въ это время А. И. фонъ-Эссигъ, о которомъ говорится въ одномъ изъ нашихъ примѣчаній въ XI книгѣ «Русской Старины» изд. 1873 г. А. П.

экспедиторъ, и казначей тутъ же находились; а зачѣмъ? и что они притомъ дѣлали? развѣ что свидѣтельствующими были зрителями своихъ начальниковъ противъ своей должности?—Не понимаю. Теперь прошу покорно дать знать: какое-бъ примѣченная важность нарушеній или предусмотрѣнное въ чемъ неисполненіе и несохраненіе силы онымъ главнымъ надзирателемъ генеральнаго плана предубѣдили въ томъ дерзновенную отважность поступить, чтобъ огласить его, какъ зловреднаго Дому человѣка, публично и таковымъ своимъ поступкомъ о безпорядочномъ того дѣла производствѣ наслушить весь городъ Москву и С.-Петербургъ?

Вотъ, милостивые государи, сколько и какое попеченіе о благоустройствѣ и благосостояніи Дома я понимать долженъ; и видно, что генералѣный планъ и къ тому присоединенное дополненіе ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ напечатанію для народа, а мои предписанія и напоминовенія единственно къ прочтенію, а до исполненія тѣхъ ни малой нужды нѣтъ. Я сіе пишу какъ по причинѣ сказаннаго, такъ и, съ сожалѣніемъ, напоминаемаго всего того неудовольствія, что вижу во многомъ поступки, несоотвѣтствующіе ни силѣ и ни пользѣ даваемыхъ установленій, обрядовъ и повторяемыхъ о томъ же мною предписаній, и кажется, какъ будто все происходило только что по выбору: кто въ чемъ сильнѣе могъ предуспѣть, то и законъ въ сторону, совѣсть не нужна, до сохраненія привилегіи дѣла нѣтъ, а до соблюденія неколебимости вообще сего основанія и не вспамятуется! Не дивитесь, пожалуйте! Я вамъ, въ лучшее доказательство да нѣкоторымъ образомъ теперь и кстати, о вашемъ усердствующемъ Дому доброжелательствѣ и о проницающемъ вами къ утвержденію непоколебимости въ основанномъ благосостояніи Дома скажу, или лучше сами изволите изъ приложенной при семъ копіи съ вашего въ магистратъ сообщенія увидѣть, сколько соотвѣтствующимъ тому вашъ поступокъ былъ. Милостивые государи! благоволите прилежно войти: какое право Воспитательный Домъ имѣлъ вступить въ родъ стряпчества, и пожалованную привилегію,—позвольте, милостивые государи, выговорить,—во зло употреблять? Я говорю: во зло употреблять, потому, набравъ чужіе вексельные иски [1]), требовать, чтобъ всходствіе привилегіи Воспитательнаго Дома преимущественно предъ прочими кредиторами во взысканіи поступить, по каковому здѣсь понужденію, въ должное исполненіе той предписанной привилегіи, и

[1]) Объ этихъ вексельныхъ искахъ тоже говорилось прежде, равно какъ и о балотированіи служащихъ въ Воспитательномъ Домѣ. Прибавимъ только, касательно балотированія, что ему подвергались, вмѣстѣ съ опекунами, главные надзиратели, а съ 1778 г. и главныя надзирательницы Дома. А. П.

имѣніе запечатать принуждены быть стали: чтожъ, не сіе ли почитается благотвореніемъ Дома? Въ чужомъ и нимало не принадлежащемъ Дому имѣніи, присвоя себѣ, по могуществу или случаю, власть—одного неправильно помиловать, а другихъ невинно разорить; я уже умалчиваю, что сколько разъ о томъ напоминалъ и просилъ, чтобъ не ввязываться въ письменныя приказныя или стряпческія дѣла, совсѣмъ до насъ не подлежащія, но помышлять о настоящемъ благосостояніи Дома, памятуя, что благотворящимъ всегда благое послѣшествуетъ,— о достальномъ же послѣдствіи сами изволите видѣть: какое изъ того нареканіе произойти, какая ненависть, невинно возводимая, быть можетъ противъ Дома и живущихъ въ немъ. Вотъ, милостивые государи, въ каковыхъ случаяхъ и сему подобныхъ требуетъ Домъ вашихъ стараній и трудовъ, дабы вашимъ истиннымъ усердіемъ и доброжелательствомъ отъ того очищаемъ, до того не допускаемъ и въ томъ подкрѣпляемъ, содержанъ и соблюдаемъ былъ, а не въ нарушеніи привилегіи, разоряя согласіе, покой и тишину, оставлять оный въ колеблющемся видѣ. Сего единственно прошу, сего отъ васъ благотворенія требую, сего ожидая, съ моимъ почтеніемъ пребуду.

III.

Мая 22-го дня 1775 года.

Изъ полученнаго мною отъ 11-го мая вашего письма, усматривая о причиненной мною вамъ чрезъ письмо мое прискорбности, весьма много сожалѣю; но, полагаясь на благоразсужденіе ваше, я увѣренъ, что, конечно, и о моемъ въ томъ огорченіи справедливо не менѣе заключать можете,—да кажется и очень легко, потому, если только въ самое дѣло настоящимъ образомъ вникнуть изволите. Но я не намѣренъ болѣе подробно о томъ распространять или повторять, дабы не умножить вашего огорченія, а моей къ тому печальной чувствительности. Дѣло уже оное кончено, и изъ прежнихъ писемъ моихъ о посредствахъ въ общую нашу предосторожность довольно изъяснено; то и думаю, по теперешнимъ обстоятельствамъ, лучшій свой поворотъ возымѣть долженствуетъ, особливо-жъ лишась причинствующаго въ томъ предмета [1]), каковое зло, какъ я думаю, ничѣмъ инымъ поправляемо не бываетъ, какъ вовсе испровергнутымъ того искорененіемъ, въ разсужденіи чего я уже имѣю,

---

[1]) Причиною распри между Главнымъ Надзирателемъ и Опекунскимъ Совѣтомъ Бецкой считалъ интриги тогдашняго цензора Воспитательнаго Дома, Коттія. Цензоръ считался помощникомъ главнаго надзирателя и наблюдалъ за «сохраненіемъ физическихъ и нравоучительныхъ правилъ» въ воспитаніи дѣтей. (Генер. Планъ, ч. 2, гл. 3, § 15). А. П.

кажется, надежно-способнаго человѣка заступить мѣсто цензора, котораго думаю уговорить и, заключа съ нимъ договоръ, отправить на сихъ же дняхъ въ Воспитательный Домъ, что̀ какъ время окажетъ, такъ и сами лучше его по дѣлу усмотрѣть изволите. Только-жъ за надобное еще почитаю сказать: я всегда вижу изъ вашихъ писемъ о за-главномъ надзирателѣ, что онъ гордъ, грубъ, и расходъ у него неумѣренный, и принимаю сіе за порокъ, но есть-ли же въ немъ какое достоинство, о томъ никогда не упоминается. Слышу-жъ отъ всѣхъ, бывающихъ въ Домѣ и съ любопытствомъ разсматривающихъ, свѣдущихъ людей, какъ прежде, такъ и нынѣ сюда пріѣзжающихъ, даже и сама ея величество изволила ко мнѣ на все съ примѣчаніемъ писать о поступкахъ, порядкѣ, учтивствѣ и устройствѣ въ Домѣ, съ касающимся присмотромъ и до дѣтей, съ похвалою,—и потому вижу въ немъ качества и нужныя для Дома, о которыхъ отъ васъ ни мало не слышу, кромѣ однихъ злобныхъ, такъ и не знаю, на чемъ долженъ положиться, какую взять соразмѣрность его дѣлъ противъ надобности. Пусть же, я ужъ и тому-бъ не поспорилъ быть, что за-главный надзиратель — неспособный человѣкъ быть въ томъ званіи; но надлежитъ, милости вы государи, и должно принять въ разсмотрѣніе, во первыхъ, то: не имѣвъ другаго на мѣсто его прiисканнаго человѣка, можно-ль вдругъ отбросить, чтобъ такое установленіе безъ управляющаго оставалось? а потому-жъ, когда мы его такимъ порядкомъ огорчимъ, то и желаемаго въ правленіи успѣха ожидать нельзя будетъ,—и для того васъ, милостивые государи мои, прошу посмотрѣть самое настоящее того дѣла основаніе и къ тому присовокупить только искреннее ваше желаніе, съ усердіемъ прилагая для исполненія онаго одну любовь къ сему заведенію и общее согласіе всѣхъ съ долгомъ вашего званія, оставя прочее мимо про ходящему времени.

Итакъ, милостивые государи мои, оставляя все то, яко мимошедшее, прошу единственно вашего дружелюбія, искренности, усердія, согласія и общаго попеченія о полезномъ сему Дому благопоспѣшествованіи, чѣмъ сохраняя воспріятое и всегда блюдомое то желаніе и любовь къ Дому, съ которою я въ васъ, усердствующихъ, увидѣть бы могъ достойное споспѣшности вашей соревнованіе, а посредствомъ къ тому единодушнаго согласія несомнѣнно надѣюсь получить и ожидаемыхъ обществомъ плодовъ, чего желая, съ моимъ всегдашнимъ почитаніемъ пребуду.

(P. S.) Я слышалъ, милостивые государи, что есть еще и такіе нѣкто изъ членовъ Совѣта, что во все время своего въ томъ соучастія при Воспитательномъ Домѣ рѣдко какое дѣло или какая экономская книга чтобъ подписана была безъ производимаго спора

и оказываемаго безпрестаннаго несогласія,—и нѣтъ дѣла, нѣтъ обстоятельства, о которомъ бы не совѣтовалъ въ своемъ домѣ съ своими знакомцами. Но что всего хуже: рѣдко что есть въ Совѣтѣ, чего-бъ не копировалъ и не разглашалъ, и, буде такой поступокъ справедливъ, то можно выговорить — позабытъ долгъ честности, не вспамятована обязанность присяги, пренебрежено дѣйствующее о томъ предписаніе въ Генеральномъ 3-хъ частей планѣ и совсѣмъ уничтожено исполненіе долга своего званія, сколь основаннаго на любви къ ближнему, столь подкрѣпляемаго общественною пользою. И буде, я говорю, въ комъ примѣченъ быть можетъ неизвиняемый таковой пуступокъ, то несравненно больше можетъ почитаться во сто разъ прискорбнымъ, нежели что о за-главномъ надзирателѣ сказано—что̀ и оставляю въ собственное того, до кого сіе принадлежать будетъ, признаніе и восчувствованіе съ раскаяніемъ, и ежели такой человѣкъ,—повторя, напомяну,—въ нашемъ сообществѣ находится или кто впредь такъ поступать будетъ, то нимало терпимъ быть не можетъ; да и гораздо-бъ лучше было, еслибъ тотъ, не допуская до себя могущихъ произойти послѣдствій, искалъ случая съ похвалою отойти, нежель дожидаться по правости заслуживаемаго себѣ нареканія. Все сіе пишу, буде оное правдою быть можетъ.

IV.

Получено 16-го сентября 1785 года.

Милостивые государи мои! Какъ по послѣднему законоположенію [1]), я, власть, предоставленную мнѣ сверхъ званія главнаго попечителя, сложивъ съ себя, отдалъ обоимъ попечительнымъ Опекунскимъ Совѣтамъ, дабы увидѣть благоуспѣшность оныхъ правленія послѣ меня, то и предписано тѣмъ же послѣднимъ законоположеніемъ имѣть каждому Совѣту попеченіе о̀ своихъ дѣлахъ посредствомъ переговоровъ господъ опекуновъ или оберъ-директора, по удобности, съ присутствующими или начальниками тѣхъ мѣстъ, до кого оное касается;

[1]) При учрежденіи воспитательныхъ домовъ Бецкому была дарована особенная власть, «которой будущіе по немъ главные попечители безъ общаго совѣта опекуновъ имѣть уже не должны», и всѣ его «инструкціи» и «частныя постановленія» получали силу закона (см. томъ I-й, «Собранія учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола юношества», изд. 1789 г., конфирмованное мнѣніе гр. Н. Панина, гр. Э. Миниха и др., стр. 299 — 300). Но въ 1780 г., издавъ новое законоположеніе для воспитательныхъ домовъ, Бецкой добровольно отказался отъ этой власти въ пользу опекунскихъ совѣтовъ, оставивъ, впрочемъ, за собой право въ случаѣ неумѣнія опекуновъ, воспользоваться своею самостоятельностью—вернуться къ прежнему экстренному порядку. А. П.

когда же одинъ Совѣтъ въ своемъ стараніи никакого успѣха имѣть не могъ, такъ что и никакой бы надежды не было, то о томъ писать въ другой,—а если-бъ и тотъ не предъуспѣлъ, тогда уже обращаться къ предстательству главнаго попечителя; развѣ въ такомъ только случаѣ прямо къ нему писать, когда какое важное дѣло не можетъ терпѣть ни малѣйшаго отлагательства и требуетъ скорѣйшей единственно отъ него помощи. О чемъ, и сверхъ помянутаго законоположенія, отъ меня неоднократно писано. Но оное не исполнялося, какъ-то и нынѣ Московскій Совѣтъ, не употребя старанія по вышеписанному и не списываяся съ здѣшнимъ, представилъ прямо ко мнѣ, съ приложеніемъ изъ Московскаго банка сообщенія, касательно до взнесенныхъ отъ заводчика Твердышева 180,000 руб. [1]), съ чего, какъ

[1]) Въ 1778 г. фабрикантъ Белавинъ сообщилъ Московскому Опекунскому Совѣту, что «нѣкто изъ его пріятелей, изъ полученія чрезъ ходатайство Воспитательнаго Дома асессорскаго чина, могъ бы сдѣлать сему Дому великую пользу». Этотъ «пріятель» долженъ былъ одному казенному мѣсту 180 т. руб. и сумму эту обязанъ былъ заплатить по прошествіи семи лѣтъ, а до этого срока платилъ процентовъ по 3 на сто. Имѣя уже всю капитальную сумму въ наличночти, «пріятель» могъ бы возвратить ее сполна казенному мѣсту и тѣмъ освободить свое заложенное имѣніе изъ-подъ секвестра; но, по совѣту Белавина, онъ склоненъ отдать этотъ капиталъ въ Воспитательный Домъ, съ тѣмъ, чтобы «оный (капиталъ) чрезъ семь лѣтъ употребленъ былъ въ пользу Воспитательнаго Дома, платя тому казенному мѣсту три процента, а другіе три оставались бы для Воспитательнаго Дома». Выгоды отъ этой операціи, по разсчету Белавина, простирались бы до 41,377 руб. 29½ коп., считая проценты и проценты на проценты. Воспитательный Домъ долженъ былъ при этомъ перевести долгъ на себя, исходатайствовать освобожденіе имѣнія отъ запрещенія и наградить жертвователя, который уже, по безсмѣнному директорскому званію, состоялъ въ капитанскомъ рангѣ,—асессорскимъ чиномъ. За тѣмъ открылось, что этотъ жертвователь — директоръ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ—Яковъ Васильевичъ Твердышевъ, который въ 1758 г., по сенатскому указу, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ и компаньономъ Мясниковымъ, исключенъ былъ изъ подушнаго оклада съ дозволеніемъ всѣмъ имъ именоваться директорами—за «ихъ тщательныя и рачительныя тѣхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ въ Оренбургской губерніи, внутрь самой Башкиріи, яко первыхъ фундаторовъ заводовъ, въ пользу и славу государственную, произведенія и размноженія». Во время пугачевскаго бунта, заводы Твердышева пострадали отъ раззоренія, и онъ занялъ, по силѣ манифеста отъ 4-го апрѣля 1775 г., изъ оренбургской банковой экспедиціи, для выдачи ссудъ пострадавшимъ отъ мятежа, 180 т. руб. на 10 лѣтъ (съ 29-го сентября 1775 г.), съ платежемъ въ первые три года по одному пронейту, а въ остальныя семь лѣтъ—по три процента. Московскій Опекунскій Совѣтъ, принимая предложеніе Твердышева, высчитывалъ, что оно, включая проценты, подаянія и на все то проценты, дастъ прибыли Воспитательному Дому 71,360 руб. 20 коп. Бецкой въ отвѣтѣ своемъ желалъ сначала узнать: «нѣтъ-ли въ разсужденіи обязанностей его (жертвователя) съ казеннымъ мѣстомъ какихъ неудобствъ, которыя, въ продолженіи семи лѣтъ, могли

и съ письма Григорья Григорьевича Гогеля, при семъ копіи препровождаю и прошу о вышеписанномъ мною подтвердить, упомянувъ, что и по сему дѣлу надлежало бы ему прежде въ Москвѣ употребить способы словесно или письменно съ банковыми членами, а притомъ и попросить господина московскаго намѣстника, графа Якова Александровича Брюса, который, по воспріятому имъ званію почетнаго благотворителя, могъ бы принять трудъ по сему вспомоществовать Дому; а если бы никакія средства тамъ не помогли, тогда бы написать въ здѣшній Совѣтъ, который, по совѣту со мною, могъ бы употребить свое стараніе гдѣ должно, а буде и оный никакихъ бы способовъ не нашелъ, тогда-бъ сіе дѣло касалось бы точно до моего попеченія. Я, еще повторяя о сообщеніи почтенному Совѣту здѣсь изображенныхъ моихъ мыслей, остаюсь съ почтеніемъ вамъ, милостивые государи мои, покорнѣйшимъ слугою Иванъ Бецкой.

Сентября 16-го дня 1785 года.
Почтеннымъ гг. членамъ С.-Петербугскаго
Опекунскаго Совѣта.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.

Письмо къ Денису Ивановичу Фонъ-Визину[1]).

Письмо это относится къ тому времени, когда гр. П. И. Панинъ, по зову Екатерины, принялъ на себя чрезвычайно трудное порученіе потушить пугачевскій бунтъ, охватившій уже восточную Россію. Ред.

1774 году, августа 29 дня. Шацкъ.

Заботы, превосходящія по истинѣ и здоровыя силы человѣческія, не только мои, задержали меня до сего по неволѣ безъ отвѣту вамъ,

---

бы произвести препятствія, разрушающія воображаемую прибыль Воспитательному Дому»,—и когда препятствій не оказалось, то согласился на предложеніе Твердышева и выхлопоталъ ему асесорскій чинъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ указъ Сената о снятіи запрещенія съ заводовъ Твердышева и о переводѣ его долга казнѣ на Воспитательный Домъ (1779 г. 28-го января) Твердышевъ добивался, кромѣ того, чтобы Бецкой принялъ его въ военную службу, въ баталіонъ при строеніи домовъ и садовъ ея величества, съ переименованіемъ въ капитаны, «а потомъ бы въ отставку и въ маіоры произвести», но это желаніе не было удовлетворено Бецкимъ. А. П.

Въ 1785 г., когда наступилъ срокъ возвратить въ московскій государственный для дворянства банкъ сумму, занятую Твердышевымъ (самъ Твердышевъ въ это время уже умеръ), то Московскій Опекунскій Совѣтъ обратился къ Бецкому съ просьбою—оставить эту сумму въ Сохранной казнѣ, въ видѣ займа, съ уплатою пяти процентовъ и съ разсрочкою, въ возвращеніи самаго капитала. На эту просьбу Бецкой и отвѣчаетъ въ настоящемъ письмѣ.

[1]) Фонъ-Визинъ, состоя на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ подъ начальствомъ графа Никиты Панина, былъ близокъ и къ брату его Петру Ива-

государь мой и дорогой пріятель Денисъ Ивановичъ, на полученныя мною въ настоящее время три любезныя письма, пущенныя сего мѣсяца отъ 12-го, 15-го и 19-го чиселъ, но всѣ на дорогѣ по выѣздѣ уже изъ Москвы. Теперь, урвавши малое время изъ моего обремененнаго упражненія, хотя и при такомъ критическомъ положеніи, въ какомъ порученное мнѣ дѣло еще не бывало, но усердіе мое къ вамъ, дорогой пріятель, возбудило меня симъ съ великою благодарностію вступить въ отвѣтъ на оныя. Пребезмѣрно я обрадуюсь, когда удобность воспособствуетъ мнѣ, которой я, конечно, и не пропущу, сдѣлать вспомоществованіе тому, въ комъ Денисъ Ивановичъ себя собственно быть поставляетъ. Я крайне сожалѣю, что содержаніе о вашемъ зятѣ[1]) не застало уже меня въ Москвѣ, дабы свѣдать отъ него, какой онъ чинъ при отставкѣ имѣетъ, взять желаніе на письмѣ о вступленіи его въ какое званіе службы, понеже, при теперешней моей коммисіи, имѣю я при себѣ не только военную, но и гражданскую экспедицію. Что-жъ принадлежитъ до мѣста при мнѣ генеральсь-адъютантскаго[2]), то не будучи введенъ настоящимъ образомъ ни въ службу, ни въ штатъ арміи, чего я и не хочу, не имѣю при себѣ настояще штабныхъ чиновъ, а употребляю только въ правленіе должностей оныхъ; да и по теперешнему моему званію не можетъ при мнѣ быть, какъ одного генеральсь-адъютантъ ранга маіорскаго, должность котораго слѣдуетъ заступить князю Куракину[3]), какъ настоящему генеральсъ-адъютанту равнаго со мной

новичу (род. 1721, ум. 1789). Въ собраніи сочиненій Фонъ-Визина, изданныхъ въ 1866 г. напечатано около 50-ти писемъ его къ знаменитому полководцу-онѣ писаны частью изъ Петербурга во время первой турецкой войны, частью изъ-за границы, въ послѣднихъ 1770 и въ 1780 годахъ, изъ чего видно, что переписка между обѣими этими лицами была очень постоянна и продолжалась почти до смерти Петра Панина; но за время пугачевщины до сихъ поръ не было извѣстно ни одного письма изъ этой переписки, да и вообще изъ отвѣтныхъ писемъ Панина, сколько намъ помнится, ничего еще не было напечатано. Въ этомъ отношеніи настоящее письмо представляетъ особенный интересъ. Я. Г.

[1]) Т. е. о Василіи Алексѣевичѣ Аргамаковѣ, женатомъ съ 1764 года на старшей сестрѣ Д. И. Фонъ-Визина, Прасковьѣ Ивановнѣ («Русская Родосл. книга»: изд. «Русской Стариной», стр. 312). Я. Г.

[2]) Такъ назывались у насъ въ то время адъютанты генераловъ, какъ кажется, по образцу шведской военной терминологіи. Я. Г.

[3]) У князя Бориса Александровича было нѣсколько сыновей; трудно сказать, о которомъ изъ нихъ здѣсь рѣчь идетъ. Князья Куракины были въ близкомъ родствѣ съ Паниными; оберъ-шталмейстеръ—князь Александръ Борисовичъ Куракинъ († 1749 г., сынъ Бориса Ивановича) былъ женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Паниной, сестрѣ знаменитыхъ сотрудниковъ Екатерины II (кн. Долгор., «Родосл. книга», ч. I, стр. 316). Я. Г.

покойнаго генерала, естьли онъ ко мнѣ ѣдетъ. Между тѣмъ, однако-жъ, доставьте ко мнѣ, любезный пріятель, отъ зятя вашего и челобитную о желаніи вступить въ службу и абшидъ его. Мой дружескій совѣтъ вамъ—позволить мнѣ съ тѣмъ пообождать лутчаго времени въ положеніи теперешняго моего основанія, которое въ самомъ высшемъ еще кризисѣ, такъ что ежели не сдѣлается вскорѣ тому лучшей перемѣны, то я не могу желать никому изъ усердныхъ ко мнѣ вступать къ теперешнему моему дѣлу. Надобно больше всего одной Высшей Десницѣ вывесть меня изъ онаго съ тою честію, чтобъ я нашелся въ состояніи обнадежить себя, что могу уже съ вѣрностію управлять моими распоряженіями и что слѣдствія ихъ должны зависѣть только отъ моихъ предусмотрѣній или отъ ошибокъ, которыя теперь еще, по своему существу, въ единой Божеской, а не человѣческой зависимости. Самыхъ бездѣлицъ не достаетъ: людей, денегъ, пропитанія и извѣстности еще—откуда, что и къ какимъ мѣстамъ заготовлять въ срединѣ огня воспламеняющагося и въ срединѣ предательствъ, и не въ ожидаемыхъ мѣстахъ. Моя рѣшимость теперь еще, дорогой пріятель, въ томъ только, чтобъ умереть съ честію. Сожалѣю крайне я, что, по изъясненію вашему, отъ 19-го числа писанному, которое меня равномѣрно въ дорогѣ уже нашло, не отыскалъ я между газетъ, кои, конечно, самъ перебиралъ; но радуюсь тому, что оно было извѣстнымъ образомъ, а что газеты того времени я уже всѣ перебралъ. Полно, дорогой пріятель, не забыли-ль вы сами онаго включить? Пожалуй, не оставляй и теперь продолжать пересылку ко мнѣ газетъ; во отдаленіи и въ безлюдствѣ онѣ еще гораздо будутъ мнѣ пріятнѣе.

Впрочемъ, вѣрьте, что вездѣ и всегда не перестаню я пребывать съ прежнимъ почтеніемъ и искренностію вашего высокоблагородія, государя моего, искреннѣйшій слуга графъ Петръ Панинъ.

Адресъ: Его высокоблагородію, государю моему, Денису Ивановичу фонъ-Визину. Въ С.-Петербургъ.

Изъ собранія автографовъ Н. К. Богушевскаго.

СМОЛЕНСКІЕ ДВОРЯНЕ И ОБЯЗАННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

1846—1849.

22-го декабря 1846 г. дворянство Смоленской губерніи, окончивъ занятія своихъ губернскихъ собраній, постановило: принести императору Николаю Павловичу благодареніе за дарованныя дворянству права и преимущества, для чего избрало депутатами генералъ-маіоровъ Храповицкаго и Александра Ив. Шембеля и V-го класса Шупинскаго и обратилось съ просьбою о принятіи этихъ депутатовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, такъ какъ Храповицкій и Шупинскій оказались „одержимыми болѣзнію", то взамѣнъ ихъ, 14-го марта 1847 г., избраны въ депутаты Смоленской губерніи: предводитель дворянства — полковникъ князь Мих. Вас. Друцкой-Соколинскій и рославльскій уѣздный предводитель дворянства — полковникъ Михаилъ Фантонъ-де-Верраіонъ, которые и должны были отправиться вмѣстѣ съ Шембелемъ въ Петербургъ; но 3-го мая 1847 г. кн. Друцкой-Соколинскій, увѣдомляя, что онъ „заболѣлъ вскорѣ послѣ избранія и, къ величайшему прискорбію, лишенъ счастія участвовать въ депутаціи",— просилъ г. Фантона заступить, по званію предводителя дворянства, его мѣсто въ депутаціи.

23-го мая 1847 г., рославльскій предводитель дворянства нижеслѣдующимъ оффиціальнымъ письмомъ изъ С.-Петербурга увѣдомилъ кн. Друцкаго-Соколинскаго объ исполненіи возложеннаго на него порученія:

„Начну принесеніемъ вашему сіятельству моего покорнѣйшаго извиненія въ продолжительномъ молчаніи; причиною этому было сначала желаніе представить въ одномъ цѣломъ весь ходъ возложеннаго на меня порученія, а потомъ болѣзнь: я простудился сильно и, признаюсь откровенно, не въ силахъ былъ писать своею рукою; употребить же на это писаря я считалъ неумѣстнымъ; принявъ все это въ сообра-

женіе, я увѣренъ, что ваше сіятельство, извѣстные добротою и разсудительностью, простите мнѣ невольную вину мою.

„Прибывъ въ С.-Петербургъ, я, на другой день, имѣлъ честь представиться г. министру внутреннихъ дѣлъ и подать ему отношеніе ко мнѣ вашего сіятельства, коимъ вы изволили увѣдомить меня, что, къ крайнему сожалѣнію вашему, вы не можете, по болѣзни, участвовать въ депутаціи и предлагаете мнѣ занять въ ней ваше мѣсто.

„16-го мая я получилъ записку, которою г. министръ увѣдомилъ меня, что государь императоръ повелѣть соизволилъ быть мнѣ и генералъ-маіору Шембелю у его величества послѣ обѣдни, въ воскресенье.

„17-го мая, по утру, я и генералъ Шембель отправились въ Зимній дворецъ и ожидали окончанія обѣдни на верху въ пріемной, близъ кабинета его величества, вмѣстѣ со многими лицами иностранныхъ посольствъ, имѣвшихъ счастіе представиться въ тотъ день государю императору въ часъ по полудни; по окончаніи представленія сказанныхъ лицъ, мы были введены въ кабинетъ. Имѣть счастіе еще разъ представиться его величеству, быть можетъ, мнѣ не случится; по этому, дорожа симъ воспоминаніемъ, я прошу простить мнѣ нѣкоторыя подробности, въ сущности не важныя.

„Его величество изволилъ подойти ко мнѣ и пожать мнѣ руку, сказавъ:

— „Здравствуйте, полковникъ! очень радъ, что вижу васъ въ числѣ депутатовъ Смоленской губерніи".

„Потомъ, обратившись къ генералу Шембелю, спросилъ о состояніи его здоровья и чувствуетъ-ли онъ боль отъ ушиба? Генералъ поблагодарилъ государя за милостивое вниманіе, присовокупивъ, что еще носитъ перевязь. За симъ я сказалъ коротко, сколь я и генералъ Шембель считаемъ себя счастливыми, удостоившись высокой чести выразить предъ его величествомъ чувства вѣрноподданнической признательности цѣлой губерніи за дарованныя дворянству права и преимущества и за оказанныя намъ, смольянамъ, въ послѣднее трудное время льготы и пособія.

„На это его величество изволилъ отвѣчать слѣдующее:

— „Я, господа, въ мое царствованіе не принималъ еще подобныхъ депутацій; но выраженіе признательности смоленскаго дворянства мнѣ очень пріятно,—я смольянъ знаю за вѣрныхъ слугъ отечеству; на поприщѣ военномъ и гражданскомъ они всегда отличались усердіемъ и знаніемъ, а дома—благоустройствомъ. По этому я изъявилъ желаніе принять васъ, во-первыхъ, чтобы выразить, въ лицѣ вашемъ, смоленскому дворянству, сколько я люблю оное и уважаю за его чувства и

рыцарскія правила; во-вторыхъ, сказать вамъ, что я имѣю въ виду продолженіе шоссе отъ Соловьева перевоза до гор. Юхнова. Конечно, шоссе это будетъ для губерніи полезно, но линія московскаго шоссе нужнѣе; по окончаніи же сей послѣдней, будетъ приступлено и къ той, а также и къ другимъ работамъ по части сообщеній въ губерніи. Въ особенности мнѣ желательно, чтобы вы занялись обсужденіемъ выгодъ водяныхъ сообщеній въ губерніи, дабы, съ одной стороны, поставить оную въ независимость отъ неурожая подвозомъ хлѣба изъ южнаго края, а съ другой—доставить ей способы къ выгодному и безостановочному сбыту къ Рижскому порту, такъ какъ Гжатская пристань не совсѣмъ надежна, и въ-третьихъ, главное, поговорить съ вами келейно объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ указѣ моемъ по этому предмету я ясно выразилъ мысль мою, что земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими,—есть наша дворянская, замѣтьте, что я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ государствѣ; но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи почти не по праву, а обычаемъ, чрезъ долгое время, не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ менѣе вещію; слѣдственно, мое мнѣніе, при обнародованіи сказаннаго указа, было и теперь есть, чтобъ дворянство помогло мнѣ въ этомъ дѣлѣ, столь важномъ для развитія благосостоянія отечества нашего, постепеннымъ переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные,—и я убѣжденъ, что такой переходъ, хотя на разныхъ условіяхъ, примѣненныхъ каждымъ къ мѣстности, можетъ одинъ предупредить крутой переломъ. Со всѣмъ тѣмъ, доселѣ только нѣкоторыми помѣщиками представлены условія и между сими послѣдними есть несоотвѣтствующія цѣли; знаю, что противъ обязанныхъ крестьянъ есть возраженія: кто дворянамъ поручится, что крестьяне будутъ исполнять принятыя на себя обязанности? Суды не хорошо составлены, и т. д. На это я скажу, что порукою обоюднаго исполненія обязанностей, дѣйствительно, должны служить суды, состоящіе изъ дворянъ же,—и если суды эти не хороши, то виноваты сами дворяне, опустивъ не вездѣ, но во многихъ мѣстахъ, должности по выборамъ. Я, напротивъ, нахожу, что всѣ эти должности достойны быть заняты лицами, достигшими не малыхъ чиновъ на коронной службѣ и имѣющими знаки отличія. Основываясь на всемъ этомъ, я желаю, господа, чтобы вы потолковали келейно, какъ я теперь съ вами, и написали мнѣ о томъ свое мнѣніе, прямо въ собственныя руки".

„Когда государь императоръ изволилъ кончить, я имѣлъ честь отвѣчать его величеству слѣдующее:

— „Слова ваши, государь, будутъ руководить насъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ по этому предмету; съ нимъ связана вся будущ-

ность наша и дѣтей нашихъ. Но какъ порученіе мое и генерала Шембеля ограничивается изъявленіемъ вѣрноподданнической признательности вашему императорскому величеству, то и не смѣемъ предпринять что-либо въ столь важномъ дѣлѣ отъ своего лица собственно; а потому испрашиваемъ теперь вашего высочайшаго соизволенія, посовѣтоваться, по прибытіи въ губернію, съ г. губернскимъ предводителемъ".

„На это его величество изволилъ сказать:

— „Да, разумѣется, я съ этимъ совершенно согласенъ; повторяю вамъ, напишите мнѣ, но не забудьте, что все это должно быть келейно, по домашнему".

„За симъ государь императоръ изволилъ спрашивать о здоровьѣ вашего сіятельства. Я отвѣчалъ, что болѣзнь г. губернскаго предводителя тѣмъ болѣе опечалила его, что она произошла внезапно и что самая мысль—не имѣть счастія представиться на сей разъ вашему величеству—усилила недугъ, требующій нынѣ продолжительнаго и затруднительнаго лѣченія. Далѣе его величество изволилъ разспрашивать о состояніи всходовъ, отстроился-ли Смоленскъ, о положеніи уѣздныхъ городовъ вообще, и, по выслушаніи надлежащихъ отвѣтовъ нашихъ, изволилъ раскланяться; однимъ словомъ, государь императоръ очаровалъ насъ своимъ милостивымъ пріемомъ.—Разговоръ продолжался болѣе часа и день этотъ останется у насъ навсегда въ памяти".

Представляясь другимъ лицамъ августѣйшаго семейства, г. Фантонъ имѣлъ случай вновь говорить объ обязанныхъ крестьянахъ, причемъ объяснялъ, что: „во-первыхъ, при составленіи какого бы то ни было предположенія объ условіяхъ съ крестьянами, необходимо имѣть въ кредитныхъ установленіяхъ крестьянскую казенную недоимку и, наконецъ, самые долги крестьянъ помѣщикамъ; и во-вторыхъ, относительно замѣчанія государя императора, что дворянство опустило должности по выборамъ, что если это есть, то сему причиною отчасти самая коронная, военная и гражданская служба, занимающая лучшіе годы высшаго дворянства, съ чѣмъ и соглашались съ нимъ, говоря, что какъ здѣсь (т. е. въ коронной службѣ), такъ и тамъ (по выборамъ) служба дворянъ одинаково нужна".

„Въ слѣдующій за тѣмъ день,—продолжаетъ г. Фантонъ,—я и генералъ Шембель отправились къ г. министру внутреннихъ дѣлъ и были приняты въ кабинетѣ. Главнымъ предметомъ разговора была депутація; г. министръ жалѣлъ очень, что не могъ передать намъ прежде представленія нашего мысли объ инвентаряхъ; что, по его мнѣнію, это есть одно изъ удобнѣйшихъ средствъ къ переходу изъ крѣпостнаго въ обязанное состояніе. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ,

какъ-то: о всходахъ, о духѣ крестьянъ, о мирскихъ запашкахъ и т. п., г. министръ отпустилъ насъ.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч. Михаилъ Фантонъ-де-Верраіонъ".

„Что слова государя императора изображены вѣрно, въ томъ удостовѣряю: депутатъ дворянства, генералъ-маіоръ Александръ Шембель".

Послѣдствіемъ этого оффиціальнаго сообщенія было слѣдующее письмо смоленскаго губернскаго предводителя дворянства:

„Августѣйшій, монархъ! Всемилостивѣйшій государь! Ваше императорское величество удостоили дворянство Смоленской губерніи высокой чести принять его депутатовъ. Они имѣли счастіе повергнутѣ къ стопамъ вашимъ, государь, чувства вѣрноподданнической признательности губерніи за права и преимущества, дарованныя дворянскому сословію достославнымъ домомъ вашимъ и вами, августѣйшій монархъ; а также льготы, оказанныя намъ, смольянамъ, въ послѣдніе неурожайные годы.

„Къ этой высокой чести ваше величество присовокупить изволили тотъ лестный отзывъ о смоленскомъ дворянствѣ, который останется у насъ вѣчно въ памяти и будетъ переданъ нами дѣтямъ и внукамъ нашимъ; но и это было недостаточно для заботливости вашей. Какъ чадолюбивый отецъ, вы, всемилостивѣйшій государь, изволили войти въ подробности дворянскаго быта и, главное, обратили вниманіе ваше на крѣпостное право въ нашемъ отечествѣ, выразивъ депутатамъ, въ милостивыхъ словахъ, желаніе, чтобы вопросъ о постепенномъ переходѣ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные былъ обсужденъ нами келейно и вашему императорскому величеству было прямо поднесено о томъ мнѣніе.

„Слова обожаемаго монарха нашли отголосокъ въ сердцахъ нашихъ; исполненные усердія и стремясь къ осуществленію высокой мысли вашего императорскаго величества, мы занялись предварительными для сего соображеніями. По мѣрѣ тщательнаго разсмотрѣнія предмета сего въ предѣлахъ, намъ доступныхъ, и по мѣрѣ его постепеннаго развитія въ различныхъ подробностяхъ, мы убѣдились, что въ дѣлѣ толикой важности прежде всего намъ слѣдовало дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью, дабы поспѣшностью и подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія не выставить дѣло въ иномъ видѣ, нежели какъ оно есть, и не поставить тѣмъ въ затруднительное положеніе предъ монарха цѣлое дворянское сословіе. На такомъ основаніи, съ помощію уѣздныхъ предводителей и сказанныхъ депутатовъ, я, губернскій предводитель, занялся обсужденіемъ сего предмета келейно, отби-

рая отъ каждаго лица мнѣніе врознь. Нынѣ, по соображеніи сообщенныхъ мнѣній съ настоящимъ положеніемъ Смоленской губерніи въ отношеніи къ вопросу о постепенномъ переходѣ помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные посредствомъ добровольныхъ договоровъ, я имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества мнѣніе, изложенное во всеподданнѣйше подносимой у сего запискѣ, обсужденной губернскимъ, уѣздными предводителями и депутатами".

Записка по вопросу о переходѣ крестьянъ крѣпостныхъ въ обязанные.

Дворянство, воспитанное въ духѣ вѣры и неограниченной любви къ своимъ монархамъ, престолу и отечеству, всегда стремилось ознаменовать непоколебимость этихъ чувствъ на самомъ дѣлѣ; всегда и вездѣ русское дворянство, во всѣхъ случаяхъ, являлось усерднымъ дѣятелемъ на пользу отечества. Нынѣ оно, вѣрное своему государю, готово содѣйствовать дѣятельно и усердно, всѣми зависящими отъ него средствами, благотворнымъ намѣреніямъ правительства. Цѣль высочайшаго указа 2-го апрѣля 1842 года (поясненнаго циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 3-го того же апрѣля), содержащаго въ себѣ мысль учрежденія обязанныхъ крестьянъ, понята дворянствомъ Смоленской губерніи съ благоговѣніемъ. Ежели никто изъ помѣщиковъ не воспользовался правомъ, предоставленнымъ указомъ, то на это существуютъ причины, отъ насъ независящія. Причины, затрудняющія помѣщиковъ заключать съ крестьянами договоры на основаніи указа 1842 года, суть слѣдующія:

I. Нравственное и умственное состояніе народа.

Императоръ Петръ I и мудрые его преемники дали новое устройство имперіи россійской и, положивъ основаніе просвѣщенію, преобразовали высокій слой общества. На дворянствѣ, высшемъ государственномъ сословіи, мгновенно отразились всѣ благотворныя предначертанія и учрежденія мудрыхъ нашихъ государей. Дворянство первое уразумѣло благія цѣли этихъ учрежденій и устремилось къ ихъ исполненію. Но быстрое распространеніе въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія, объемля высшіе классы народонаселенія, не освѣтило еще понятій простаго народа, не только до степени сознанія выгодъ государственнаго благоустройства, но даже и до степени уразумѣнія, что это сознаніе для него необходимо. При совершенномъ отсутствіи понятія о взаимной зависимости членовъ гражданскихъ обществъ, крестьяне составили себѣ идею о свободѣ, выражая ее словами: вольность—въ смыслѣ естественнаго права, и не имѣя никакого понятія

о свободѣ въ смыслѣ гражданскомъ,— свободѣ, облеченной формами гражданской жизни и ограниченной законоположеніями. Словомъ, разумъ ихъ еще въ младенческомъ состояніи; а съ такими людьми какимъ образомъ помѣщикъ начнетъ договариваться. Притомъ крестьяне издавна составили себѣ убѣжденіе, обратившееся съ теченіемъ времени въ твердую увѣренность, что земля, на которой они живутъ и которою только пользуются, если не собственность ихъ, по крайнѣй мѣрѣ, общая съ помѣщикомъ,—по выраженію многихъ земля есть Божія. При такой, освященной временемъ, увѣренности въ нераздѣлимости собственности крестьянина и помѣщика, крестьянинъ не въ состояніи понять и объяснить, какимъ образомъ онъ, сдѣлавшись уже не крѣпостнымъ, долженъ быть тѣмъ же работникомъ; онъ будетъ убѣжденъ, что онъ вольный, но что помѣщикъ противится дать ему вольность и, обманывая его, предлагаетъ обязаться быть на него работникомъ или плательщикомъ оброка. Эти убѣжденія могутъ еще болѣе вкоренять въ крестьянахъ неблагонамѣренные, праздные, безнравственные люди. Послѣдствія же такихъ убѣжденій принесутъ плоды гибельные для общественнаго спокойствія и благоустройства государства.

II. Затрудненія матеріальныя заключить договоръ.

1) Не только крестьяне, но и помѣщики не могутъ предвидѣть и опредѣлить всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя раскроются лишь по заключеніи договоровъ и изъ которыхъ бы нынѣ слѣдовало вывести необходимыя данныя для ихъ составленія. Невозможность предвидѣть и опредѣлить, что можетъ быть впередъ, бываетъ одною изъ причинъ, почему часто составляются не полные договоры между весьма свѣдущими и благонамѣренными людьми, и потомъ невольно ими нарушаются; нарушенія же, хотя и невольныя, влекутъ за собою многолѣтнія и раззорительныя тяжбы. Тѣмъ болѣе при составленіи договоровъ между помѣщиками и крестьянами, въ дѣлѣ столь новомъ,— его освѣтитъ лишь опытъ и время, — никакой человѣческій разумъ не можетъ нынѣ предвидѣть всѣхъ послѣдствій новаго порядка дѣлъ, чтобъ оговорить ихъ теперь, заблаговременно, въ обезпеченіе правъ и пользъ какъ помѣщика, такъ и крестьянина. Договоры, по указу 1842 года, составляютъ навсегда не нарушимо; а если бы правительство и предоставило измѣнять ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они окажутся невыгодными для одной изъ сторонъ, то та изъ нихъ, которая будетъ пользоваться выгодами договора, не согласится на измѣненіе его.

2) Предположивъ, что время и мудрыя распоряженія правитель-

ства прояснять понятія крестьянъ и они поймутъ, что гражданская свобода состоитъ не въ вольности, какъ они ее разумѣютъ, не въ томъ, чтобъ ничего не платить за землю и не давать работника, или, какъ они выражаются, не служить барщины; наконецъ, что земля, которою они пользуются есть собственность помѣщика, а не ихъ; предположивъ все это, заключеніе договоровъ и тогда встрѣтитъ множество препятствій, которыя найдутъ опору въ непремѣнномъ условіи, принятомъ правительствомъ при договорахъ за основаніе, что они по самому ихъ существу должны быть добровольны и что крестьнинъ долженъ остаться крѣпокъ землѣ.

Это можно объяснить слѣдующими примѣрами:

a) Крестьяне, будучи крѣпки землѣ и притомъ убѣждены, что во всякомъ случаѣ — состоится-ли договоръ, или нѣтъ, они будутъ продолжать ею пользоваться, станутъ предлагать помѣщику самыя невыгодныя условія. Помѣщикъ, съ своей стороны, желая оградить себя отъ неблагонадежности и неисправности крестьянъ (чего ожидать должно), будетъ требовать отъ нихъ за землю плату выше той, которую, дѣйствительно, слѣдовало бы получить, не рискуя неумѣреннымъ требованіемъ лишиться работниковъ, ибо крестьяне останутся крѣпкими къ землѣ. Такимъ образомъ обѣ стороны, желая себя оградить сколь возможно выгоднѣйшимъ договоромъ и зная, что въ случаѣ неуспѣшности его, каждая изъ нихъ останется при томъ, что имѣетъ, т. е. крестьяне съ тою же землею, помѣщикъ—съ тѣми же работниками,—будутъ далеки отъ сближенія, и результатомъ этого будетъ только то, что между ними установится явное недовѣріе, весьма опасное при крѣпостномъ состояніи.

b) Предположивъ, что помѣщикъ и бо́льшая часть крестьянъ будутъ согласны на договоръ съ извѣстными условіями, а остальные или вовсе не согласятся договариваться, или станутъ предлагать невозможныя условія,—возникнетъ вопросъ: какъ поступить съ несоглашающимися крестьянами? а этого вопроса невозможно разрѣшить потому, что, съ одной стороны, договоры должны быть добровольные, съ другой — помѣщику съ своими крестьянами однокачественныхъ имѣній нельзя заключать договоровъ на различныхъ условіяхъ.

3) Почти всѣ помѣщичьи имѣнія заложены въ кредитныхъ установленіяхъ и обременены частными долгами. Причины такой запутанности имѣній независимы отъ помѣщиковъ. Благосостояніе нашего хозяйства до 1812 года всѣмъ извѣстно. Но въ бѣдственный 1812 годъ имущества были разграблены, скотоводство уничтожено, жилища сожжены или разрушены; каждою жизненною потребностью нужно было обзаводиться вновь. По этой крайности были открыты зай-

мы изъ казны и изъ государственнаго заемнаго банка. Эти займы, по своимъ малымъ размѣрамъ, не удовлетворяли потребностямъ раззоренннаго народа; посему владѣльцы, для устройства имѣній, обратились къ займамъ изъ кредитныхъ установленій. Но имѣнія, не успѣвшія еще оправиться, были постигнуты въ 1822 году другимъ бѣдствіемъ—неурожаемъ хлѣба. Это потребовало новыхъ пособій народу и новыхъ займовъ. Слѣдующіе за тѣмъ многіе и сильные неурожаи окончательно запутали имѣнія долгами до крайности, въ которой они и теперь находятся. Кромѣ издержекъ на поправленіе и устройство имѣній, расходы помѣщиковъ, безъ сравненія съ прежними, увеличены современными требованіями воспитанія дѣтей для службы государственной. Всѣ эти долги, однако, сдѣланы съ разсчетами, основанными на той системѣ управленія, на томъ положеніи имѣній и вліянія помѣщиковъ на крестьянъ, наконецъ, по тѣмъ размѣрамъ помѣщичьихъ заведеній, какія тогда существовали и теперь существуютъ. Съ измѣненіемъ же системы нынѣшняго управленія крестьянами, вліяніе помѣщиковъ на нихъ уничтожится и помѣщики лишатся дѣятельности производящихъ силъ, а слѣдовательно, и доходовъ, и средствъ къ уплатѣ долговъ, такъ что имѣнія, заложенныя и обремененныя долгами, неминуемо сдѣлаются несостоятельными.

4) При заключеніи договоровъ, земля, предоставляемая помѣщикомъ въ пользованіе крестьянамъ, должна быть формально ограничена, съ положеніемъ на немъ числа определяемыхъ въ пользованіе крестьянамъ десятинъ разныхъ угодій, съ положительною оговоркою о томъ въ самомъ договорѣ. Теперь помѣщикамъ вообще извѣстно только общее количество земли въ окружной межѣ принадлежащихъ имъ дачь по планамъ генеральнаго и нынѣшняго спеціальнаго межеванія; но помѣщики не имѣютъ свѣдѣнія о количествѣ земли, находящейся подъ пашней, лугами, лѣсами, что совершенно необходимо для обоюднаго убѣжденія какъ помѣщика, такъ и крестьянина, къ составленію безобиднаго и отчетливаго договора, и что можетъ быть приведено въ извѣстность лишь посредствомъ топографическихъ съемокъ и кадастра. Для этой операціи мы не имѣемъ землемѣровъ. Недостатокъ въ нихъ слишкомъ ощутителенъ при спеціальномъ размежеваніи къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ дачъ; это доказывается тѣмъ, что въ Смоленской губерніи, по январь 1848 года, соглашено къ размежеванію 1,677 дачь, а размежевано только 878, по недостатку землемѣровъ. Но если бы и были свободные землемѣры, то подробность топографическихъ съемокъ земель потребовала бы отъ нашихъ помѣщиковъ огромной платы. Издержки на приведеніе въ требуемую

извѣстность жалованныхъ въ царствѣ польскомъ майоратовъ могутъ въ семъ случаѣ служить нормою; но употребить доходъ, хотя и нѣсколькихъ лѣтъ сряду, съ полученнаго дара для кадастра весьма возможно. Между тѣмъ, какъ на наши имѣнія уже употреблены капиталы или на покупку ихъ, или на улучшеніе, или на поддержаніе крестьянъ во время голода. Сверхъ того, издержки, которыя потребовались бы для съемки нашихъ имѣній, были бы несравненно значительнѣе, нежели употребляемыя на этотъ предметъ въ Царствѣ Польскомъ: тамъ менѣе земли, но она даетъ болѣе дохода; у насъ огромныя пространства земли, часто неудобной или невоздѣланной по малому народонаселенію, даютъ менѣе дохода, нежели въ Царствѣ Польскомъ. Очевидно, что такая операція русскихъ помѣщиковъ была бы тяжкимъ бременемъ.

Конечно, для помѣщика ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ пользоваться произведеніями своей земли, не неся тѣхъ, весьма тяжкихъ обязанностей, какія нераздѣльны съ управленіемъ крестьянъ,— не прилагая той заботливости и попеченій о ихъ благосостояніи, которыя при всѣхъ неблагопріятныхъ случаяхъ, особенно при неурожаяхъ, разстраиваютъ, часто совсѣмъ уничтожаютъ все достояніе помѣщика. Если бы договоры могли, съ этой стороны, оградить ихъ отъ убытковъ, то, конечно, нашлись бы образованные и ловкіе помѣщики, которые, можетъ быть, съумѣли бы отстранить всѣ вышеизложенныя препятствія къ заключенію договора, употребивъ все теперешнее свое вліяніе на крестьянина (но тогда договоры не были бы добровольны). Но кромѣ тѣхъ препятствій, которыя мы объяснили, представляются опытному и осторожному владѣльцу еще другія и важнѣйшія: 1) Кто можетъ быть порукою, что крестьяне, уже не крѣпостные, а обязанные, будутъ выполнять въ точности обязанности, которыя примутъ на себя по договорамъ,—и, въ случаѣ ихъ неисправности, чѣмъ и какимъ образомъ вознаградить владѣльца за причиненные ему убытки? 2) Какъ предупредить послѣдствія договоровъ для помѣщиковъ, крестьянъ и для самаго государственнаго благоустройства?

Чтобы объяснить основательность этихъ опасеній, необходимо разсмотрѣть каждое обстоятельство особо.

Нѣкоторые просвѣщенные и высокостоящіе мужи, въ постоянномъ стремленіи къ общественному благу, изыскивали мѣры для обезпеченія помѣщиковъ въ точномъ выполненіи обязанными крестьянами заключенныхъ съ ними договоровъ; но, ограничиваясь собственно означеннымъ изысканіемъ, они обращались къ разсмотрѣнію тѣхъ обстоятельствъ, которыя прямо или косвенно могли бы указать благонадежные способы къ достиженію предположенной цѣли. Обозрѣвъ дѣло

съ сей стороны, они прежде всего принимали на видъ, что неисправность крестьянъ можетъ послѣдовать отъ двухъ, совершенно различныхъ, причинъ: или отъ ослушанія, или отъ несостоятельности; между прочимъ, они полагаютъ, что вторая причина, т. е. несостоятельность, едва-ли возможна въ имѣніяхъ, собственно землевладѣльческихъ, гдѣ крестьяне находятся на запашкѣ,—ибо тамъ, по ихъ мнѣнію, вся повинность крестьянъ заключается только въ рабочихъ дняхъ, а наряды дѣлаются вотчиннымъ управленіемъ, состоящимъ подъ вліяніемъ владѣльца; такимъ образомъ они утверждаютъ, что одно только неповиновеніе сему управленію или владѣльцу можетъ (если имѣніе не постигнуто какимъ-либо особымъ бѣдствіемъ) быть причиною неисправности крестьянъ. А неповиновеніе, замѣчаютъ они, прекращается силою существующихъ законовъ.

Но этотъ взглядъ на дѣло и это заключеніе невѣрны: мы разсмотримъ его поближе и докажемъ, что не одно только ослушаніе можетъ быть причиною неисправностей крестьянъ.

III. Отъ какихъ причинъ можетъ произойти неисправность крестьянъ?

Неисправность крестьянъ можетъ произойти отъ трехъ, совершенно различныхъ, причинъ: a) отъ ослушанія; b) отъ несостоятельности, и c) отъ недостатка сознанія крестьянами гражданскихъ обязанностей по договорамъ.

a) Неисправность отъ ослушанія.

Относительно ослушанія въ исполненіи обязанностей хотя и постановлены причины, опредѣляющія власть помѣщиковъ въ случаѣ преступленій и проступковъ крестьянъ крѣпостныхъ и обязанныхъ, но можно утвердительно сказать, опираясь на понятіе и духъ простаго народа, что съ учрежденіемъ обязанныхъ крестьянъ, власть надъ ними, закономъ предоставленная помѣщику, потеряетъ всю силу, и помѣщикъ уже не будетъ имѣть того нравственнаго вліянія, которое нынѣ доставляетъ ему возможность быть руководителемъ крестьянъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и не допускать между ними своеволія и безпорядковъ. Законъ, опредѣляющій власть помѣщика, святъ и съ давнихъ временъ существуетъ, но крестьянинъ его не знаетъ. Онъ признаетъ надъ собою власть помѣщика не вслѣдствіе существующаго на то закона, а по обычаю, издавна укоренившемуся въ его образѣ жизни и понятіяхъ. Измѣнить этотъ обычай изданіемъ новаго закона легко; но ничего нѣтъ труднѣе, какъ заставить простой народъ понять новый законъ въ его дѣйствительномъ смыслѣ, понять свои новыя отношенія къ помѣщику,—и до тѣхъ поръ, пока онъ пойметъ и сроднится съ ними, помѣщикъ лишится своего вліянія

на крестьянъ и не будетъ имѣть возможности удерживать ихъ въ повиновеніи своею новою законною властью, непонятною крестьянамъ, освоившимся съ мыслью о свободѣ и независимости. А правительственныя и судебныя мѣста будутъ обременены безконечными жалобами на крестьянъ и, по неимѣнію достаточныхъ средствъ и времени, не успѣютъ разрѣшать ихъ въ скорости; медленность взысканія послужитъ къ большему укорененію ложныхъ понятій между простымъ народомъ, слѣдовательно, еще къ труднѣйшему обращенію его къ законнымъ обязанностямъ.

b) Неисправность отъ несостоятельности.

Въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне находятся на запашкѣ, несостоятельность обязанныхъ крестьянъ не только возможна, но неизбѣжна, даже гораздо чаще должна встрѣчаться, чѣмъ въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не обязаны обработывать помѣщичью землю. Въ такихъ имѣніяхъ, повинность крестьянъ состоитъ не собственно въ рабочихъ дняхъ, но въ самой работѣ, которая можетъ быть исправно выполнена тогда только, когда крестьянинъ содержитъ въ порядкѣ рабочихъ лошадей, земледѣльческія орудія и самъ снабженъ пищею и одеждою. Напротивъ, безъ лошади и инструментовъ, съ недостатками въ пищѣ и другаго рода, работникъ, и при желаніи быть исправнымъ, будетъ лишь для счета на работѣ, убивая время; между тѣмъ по наряду, сдѣланному подъ вліяніемъ помѣщика вотчиннымъ управленіемъ, крестьянинъ явится на работу, т. е., онъ состоитъ на лицо, но не можетъ работать; слѣдственно, ясно, что съ его стороны это будетъ не ослушаніе, но очевидная несостоятельность.

c) Неисправность отъ недостатка сознанія крестьянами обязанностей по договору.

Гражданскія обязанности, хотя и начертаны въ законахъ съ давнихъ временъ, но масса народа необразованнаго и неграмотнаго и донынѣ ихъ не знаетъ; а всякая обязанность, тѣмъ болѣе гражданская, можетъ быть исполнена только тогда, когда она понятна. Теперь простой народъ знаетъ только старинный свой обычай, слѣпо и безсознательно идетъ привычною стезею, проложенною его предками, не сознавая, что, по нынѣ существующимъ законамъ, онъ уже не то, чѣмъ были его дѣды. Законы ему совершенно неизвѣстны, слѣдовательно, и не имѣютъ для него той силы, которая можетъ служить ручательствомъ стройнаго порядка, тишины и спокойствія при важныхъ нововведеніяхъ.

IV. Какъ и чѣмъ вознаградить владѣльцевъ за убытки, причиненные крестьянами отъ неисправности по договорамъ.

Изложивъ три главныя причины, отъ которыхъ можетъ послѣдовать неисправность крестьянъ, необходимо разсмотрѣть, могутъ-ли представиться какія средства къ обезпеченію помѣщиковъ отъ убытковъ, которые они понесутъ отъ неисправности крестьянъ?

Для вознагражденія убытковъ, причиненныхъ помѣщику нѣсколькими крестьянами или цѣлымъ селеніемъ, правительство предоставляетъ обращать въ пользу владѣльца всѣ ихъ произведенія и движимое имущество, которое, однако, не составляетъ рѣшительной въ сельскомъ быту необходимости, т. е., за исключеніемъ того, что необходимо нужно на уплату податей, на продовольствіе и посѣвъ, а также орудій и скота для сельскихъ работъ. Но это, предоставляемое помѣщикамъ, вознагражденіе за убытки, въ дѣйствительности никогда не можетъ осуществиться. Возможно-ли что-либо обратить въ пользу помѣщика отъ крестьянина, который вообще не имѣетъ ничего лишняго, напротивъ, весьма часто нуждается и въ необходимомъ [1]), а тѣмъ болѣе отъ такого, который сдѣлался неисправнымъ по несостоятельности? Онъ не имѣетъ даже и рабочаго скота, не говоря уже о хлѣбѣ. Если бы крестьяне не оставались крѣпкими землѣ (чего въ нашемъ земледѣльческомъ отечествѣ, при маломъ народонаселеніи, допустить еще нельзя), то помѣщикъ могъ бы еще окончить свою претензію удаленіемъ съ своей земли неисправнаго работника. Но при системѣ обязанныхъ крестьянъ и исправный работникъ, понявъ, что отъ неисправности, по договору, онъ ничего не потеряетъ, также можетъ сдѣлаться неисправнымъ, по той неоспоримой истинѣ, что тотъ не можетъ быть благонадеженъ въ исполненіи обязательствъ, кто, въ случаѣ ихъ нарушенія, ничего не теряетъ. Тутъ убытокъ для помѣщика неизбѣжный и невознаградимый, потому что онъ будетъ состоять въ потерѣ золотаго рабочаго времени, котораго не можетъ вознаградить даже все имущество и зажиточнаго крестьянина. Отыскивать удовлетворенія судомъ безполезно. Рѣшеніе суда, при всей его справедливости (ежели суды будутъ успѣвать разсматривать спорныя дѣла, чего никакъ нельзя и предполагать), признаетъ лишь правильность иска, но не можетъ указать средствъ ко взысканію, по

---

[1]) Помѣщичьи крестьяне не имѣютъ ничего лишняго, а многіе часто нуждаются въ необходимомъ, не потому, что они помѣщичьи, но потому, что у нихъ трудъ земледѣльца не окупается; чтобы болѣе убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить бытъ крестьянина помѣщичьяго съ бытомъ казеннаго.

Кн. Друц.-Сок.

неимѣнію у крестьянина не только равностоющаго, но даже какого-нибудь излишняго имущества. Между тѣмъ, исправный и неисправный крестьянинъ будутъ продолжать наравнѣ пользоваться землею помѣщика, въ силу того, что они крѣпки землѣ и что помѣщикъ не можетъ, отославъ неисправнаго работника, замѣнить исправнымъ. Примѣръ, что убытки, происходящіе отъ лѣности и неисправности, могутъ оставаться безъ удовлетворенія, послужилъ бы поводомъ къ ослабленію силы закона и къ подрыву нравственности.

V. Послѣдствія договоровъ, какъ въ частности для помѣщика и крестьянина, такъ и для государственнаго благоустройства.

По изложеніи затрудненій, которыя встрѣчаютъ помѣщики къ заключенію договоровъ и опасеній ихъ относительно неисправности крестьянъ по договорамъ, слѣдуетъ представить послѣдствія, которыя порождены будутъ договорами, какъ въ частномъ быту помѣщика и крестьянина, такъ и въ самомъ государственномъ благоустройствѣ.

a) Послѣдствія въ частномъ быту крестьянъ.

При настоящихъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, послѣдніе, въ случаѣ какого-либо несчастія, находятъ всегда готовую помощь въ своемъ владѣльцѣ, который поставленъ въ необходимость ее оказывать не только въ видахъ человѣколюбія или вслѣдствіе требованій закона, но и по своимъ экономическимъ разсчетамъ. Онъ, какъ наслѣдственный владѣлецъ, весьма естественно желаетъ оставить своему потомству благоустроенное имѣніе; отказывая крестьянамъ въ помощи и допуская ихъ до нищеты, владѣлецъ подвергается строгости взысканія отъ правительства безъ всякихъ оправданій; если бы онъ избѣгнулъ законной отвѣтственности, то состояніе его растраивается. При установленіи же договоровъ, ни одинъ помѣщикъ не будетъ въ возможности принять на себя подобной обязанности и отвѣтственности за благосостояніе крестьянъ, предвидя отсюда неминуемый и невознаградимый ущербъ, а безъ этой отвѣтственности изчезаетъ и обязанность оказывать помощь крестьянамъ, постигнутымъ бѣдствіемъ или несчастіемъ.

b) Помѣщичьи заведенія въ скоромъ времени придутъ въ разстройство.

Крестьяне сѣютъ для себя на отведенныхъ имъ поляхъ озимаго и яроваго хлѣба такое количество, болѣе котораго, при самомъ отеческомъ и попечительномъ управленіи, сѣять не могутъ, потому что они высѣваютъ на всѣхъ участкахъ вдвое болѣе, нежели на помѣщика. Но и такой посѣвъ обезпечиваетъ крестьянъ только при благопріят-

ныхъ урожаяхъ, при слабыхъ же имъ хлѣба не достаетъ, и они получаютъ пособіе отъ своихъ помѣщиковъ. По этой причинѣ хлѣбъ, собираемый съ крестьянскихъ полей, даже и въ урожайные годы, обращается собственно для продовольствія крестьянъ и ихъ скота, а въ продажу вообще не поступаетъ; уплата же государственныхъ податей и прочія потребности крестьнина въ домашнемъ его быту обезпечиваются высѣваемою въ самомъ маломъ количествѣ, и то не во всѣхъ уѣздахъ, пенькою и побочными заработками, состоящими преимущественно въ извозахъ; а хлѣбъ, поступающій въ продажу для внутренняго въ государствѣ потребленія и отпускаемый за границу, есть хлѣбъ, собираемый собственно на поляхъ помѣщичьихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что развитіе и усовершенствованіе земледѣлія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ есть интересъ государственный. Пока въ помѣщичьихъ имѣніяхъ будетъ все стройно, въ порядкѣ земледѣліе можетъ процвѣтать и совершенствоваться; когда же стройность и порядокъ нарушатся, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ будетъ то, что заведенія помѣщичьи придутъ въ разстройство, а многіе и совершенно уничтожатся; а что стройность и порядокъ неминуемо будутъ нарушены, въ томъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго факта: помѣщики управляютъ своими имѣніями чрезъ особый надзоръ, составленный изъ избранныхъ помѣщикомъ людей, какъ потому, что помѣщикъ однимъ своимъ лицомъ не можетъ находиться во всѣхъ мѣстахъ, требующихъ ближайшаго надзора за успѣшностью и правильностью въ работахъ, такъ и потому, что русскіе помѣщики, какъ дворяне, обязаны посвящать лучшіе годы своей жизни—службѣ отечеству, поручая въ отсутствіи своемъ имѣніе особому домашнему управленію, составленному изъ избранныхъ ими, по извѣстнымъ качествамъ, людей, и опредѣленныхъ къ мѣстамъ законною властью помѣщика. Эти избранные люди называются: бурмистрами, старостами, выборными и проч. При всей своей простотѣ, будучи совершенно свѣдущи въ сельскомъ хозяйствѣ, они тщательно берегутъ его достояніе, изъ угодій котораго имѣютъ все необходимое для удовлетворенія своихъ нуждъ; смотрятъ за нравственностью крестьянъ, за исполненіемъ земскихъ повинностей, дѣлаютъ вотчинные наряды на работу, смотрятъ за обработкою земли, засѣваютъ поля, собираютъ хлѣбъ, продаютъ его и бо́льшею частью, не имѣя при себѣ грамотныхъ людей или конторъ, отдаютъ помѣщику вѣрный отчетъ въ приходѣ и расходѣ по биркамъ. Эти люди заботятся о точномъ исполненіи своихъ обязанностей, безъ обремененія крестьянъ; принадлежа сами къ ихъ сословію, будучи связаны съ ними узами родства и отношеніями въ домашнемъ быту, они знаютъ ихъ положеніе, потребности и, сораз-

мѣрно тому, разсчитываютъ и степень возможности къ исполненію извѣстныхъ работъ. Когда же будутъ существовать договоры, помѣщики уже не вправѣ будутъ опредѣлять къ должности, по своему избранію, людей благонадежныхъ, потому что по договору крестьяне всѣ наравнѣ будутъ обязаны извѣстными и одинакими повинностями въ отношеніи собственно къ помѣщику. Обязанности должностныхъ лицъ многосложны и соединены съ отвѣтственностью, которую, по доброй волѣ, никто на себя не приметъ; сдѣлать должности очередными для уравненія повинностей тоже невозможно: онѣ должны быть замѣщены благонамѣренными, свѣдущими и опытными хозяевами, а такіе люди рѣдки. Помѣщики, для поддержанія своихъ заведеній, рѣшились бы нанять управителей, прикащиковъ, но этихъ людей у насъ нѣтъ, а ежели и находятся, то не управители, а охотники управлять имѣніемъ, безъ свѣдѣній и навыка въ сельскомъ хозяйствѣ, и еще болѣе, безъ всякаго ручательства въ сохраненіи имѣній и получаемыхъ съ нихъ доходовъ, съ желаніемъ лишь пристроиться къ мѣсту и, наживпшись около помѣщика и обобравъ крестьянъ,—по обыкновенію, какъ водится теперь, — удалиться въ той увѣренности, что отвѣчать виновному гораздо легче, нежели правому отыскивать. Въ теперешнемъ порядкѣ дѣлъ, довѣренность помѣщика къ учрежденному имъ надзору, опирается на томъ, что люди, составляющіе надзоръ, охраняютъ имущество помѣщика, какъ бы свое собственное.

с) Послѣдствія договора противорѣчатъ буквѣ закона.

Наконецъ, мы представимъ себѣ помѣщика, который, не взирая на всѣ затрудненія и неблагонадежность крестьянъ, рѣшился заключить съ ними договоръ; крестьяне съ своей стороны согласились договариваться,—условія приняты обоюдно и договоръ заключенъ. Какія выдутъ отсюда послѣдствія, сверхъ исчисленныхъ выше? Онѣ будутъ прямо противорѣчить буквѣ закона, — почему? Съ заключеніемъ договора крѣпостное право помѣщика надъ крестьянами прекратилось, обѣ договаривающіяся стороны — помѣщикъ и крестьяне стали въ обязательныя коммерческія отношенія и пользуются обоюднымъ равенствомъ предъ закономъ въ отвѣтственности за неисполненіе по договору; значитъ, крестьяне пріобрѣли самостоятельность, личную свободу. Между тѣмъ, тѣже крестьяне все еще остаются крѣпкими землѣ помѣщика, или другими словами, земля, которою они пользуются, имъ крѣпка. Послѣднее правильнѣе, потому что крестьянинъ не можетъ быть удаленъ помѣщикомъ съ земли, какъ бы онъ ни былъ неисправенъ; крестьянинъ живетъ на ней и пользуется ею, слѣдо-

вательно, въ дѣйствительности, она—его собственность. Этого обстоятельства никакъ нельзя согласить съ силою закона, по которому вся земля есть неотъемлемая собственность помѣщика, ибо можно-ли полной собственностью назвать ту, которою владѣлецъ не вправѣ распорядиться, какъ бы обязанный крестьянинъ ни былъ неисправенъ? Какъ разрѣшить столкновеніе этихъ двухъ правъ собственности на землю, изъ которыхъ каждое произошло вслѣдствіе закона же, съ тою только разницею, что право крестьянина существуетъ въ дѣйствительности, а помѣщичье—будетъ только нарицательное. Между, тѣмъ помѣщикъ обязывается, тоже по закону, наблюдать за нравственностью, благосостояніемъ крестьянъ и отвѣтствуетъ за это. Слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ не крестьянинъ, а помѣщикъ сдѣлался обязаннымъ. Очевидно, что послѣдствія указа 2-го апрѣля 1842 года противорѣчили бы высочайшей волѣ государя императора, изображенной въ указѣ, чтобы при заключеніи договоровъ съ крестьянами принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ.

d) Послѣдствія договоровъ для государственнаго хозяйства.

Словомъ, договоры поведутъ за собою послѣдствія, которыя трудно себѣ и представить; можно только утвердительно сказать, что нынѣшняя связь помѣщика съ крестьянами—связь, основанная на ихъ общихъ интересахъ, не только рушится и обѣ стороны станутъ между собою во враждебныя отношенія,—возникнутъ споры, разорительныя тяжбы, которымъ не будетъ конца, ибо, по системѣ договоровъ, помѣщики и укрѣпленные землѣ его крестьяне разойтись никогда не могутъ; слѣдовательно, помѣщичьи заведенія должны будутъ придти въ разстройство, а многія и уничтожатся, количество произведеній съ помѣщичьихъ полей—главнѣйшихъ источниковъ хлѣбныхъ запасовъ, уменьшится до того, что ихъ не достанетъ не только для отпуска за границу, но и для внутренняго употребленія въ государствѣ; скотоводство и коннозаводство уничтожатся; лѣса отъ недосмотра подвергнутся истребленію;—сколько падетъ заведеній, устроенныхъ трудами, иждивеніемъ и временемъ! Помѣщики лишатся доходовъ и останутся при своихъ правахъ на землю, если только съумѣютъ оградить свои законныя права на оную. Во всякомъ случаѣ, отъ несостоятельности и ихъ земля должна будетъ поступить въ продажу; покупщиковъ не будетъ, имѣнія останутся за казною или за кредитными установленіями, съ убытками какъ для первыхъ, такъ и для послѣднихъ, потому что лица, правительствомъ опредѣленныя къ тѣмъ

имѣніямъ, не дадутъ съ нихъ и половины тѣхъ доходовъ, какіе выручались самими помѣщиками; фабрики и заводы, устроенные, соразмѣрно нынѣшней потребности въ мануфактурныхъ издѣліяхъ, лишатся въ обѣднѣвшихъ помѣщикахъ своихъ потребителей. Сколько погибнетъ капиталовъ, какое сдѣлается замѣшательство во всей государственной экономіи!

Заключеніе.

Принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя затрудненія къ заключенію договоровъ между помѣщиками и крестьянами на основаніи указа 1842 года, изъ коихъ главнѣйшими являются: a) положеніе крѣпостныхъ, вслѣдствіе котораго они теперь крѣпки землѣ и остались бы такими и по заключеніи договоровъ; b) то обстоятельство, что помѣщики ничѣмъ не обезпечены въ исполненіи обязательствъ со стороны крестьянъ, исполнивъ съ своей стороны, отдачей имъ въ пользованіе опредѣленной земли,—можно сказать, что при данныхъ основаніяхъ, измѣненіе нынѣшняго положенія крѣпостнаго состоянія не будетъ имѣть успѣха. Изъ многихъ примѣровъ видно, что даже сами крестьяне, которымъ подобные договоры предлагали ихъ владѣльцы, или вывѣдывали ихъ мысли объ этомъ предметѣ, добровольно отъ нихъ отказывались, находя настоящее свое положеніе сравнительно лучшимъ. Это и понятно: теперь крестьяне видятъ въ своихъ помѣщикахъ законныхъ и естественныхъ защитниковъ во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ; въ неурожайные годы въ житницѣ владѣльца они находятъ необходимое продовольствіе и сѣмена, а отъ того многіе изъ нихъ сдѣлались безпечными и небрегутъ своимъ хозяйствомъ. При такомъ положеніи дѣлъ и значеніи настоящаго вопроса въ понятіяхъ простаго народа, помѣщики живо сознаютъ невыгоды своего положенія, тѣмъ болѣе, что обязаны весьма часто дѣлать пожертвованія для крестьянъ—безпечныхъ и лѣнивыхъ. Владѣльцы искренно желали бы пользоваться произведеніями своей земли безъ тяжкой обязанности, весьма правильно возложенной на нихъ закономъ, пещись о своихъ крѣпостныхъ людяхъ. Но чтобъ выдти изъ нынѣшняго положенія, необходимо устранить изложенныя препятствія къ установленію обязанныхъ крестьянъ, т. е. чтобы какъ владѣльцы, такъ и крестьяне, независимо другъ отъ друга и не будучи связаны, какъ теперь, нуждались, однако, другъ въ другѣ, каждый въ видахъ собственныхъ интересовъ: помѣщикъ—въ работникѣ, крестьянинъ—въ землѣ и работѣ. А этого результата можно достигнуть не прежде, какъ когда крестьяне не будутъ крѣпки землѣ и будутъ имѣть средствъ пріобрѣсти недвижимую собственность, безъ

чего, конечно, нельзя измѣнить крѣпостнаго состоянія, ибо это не совмѣстно съ пользами государства. Между тѣмъ мысль, высказанная попечительнымъ правительствомъ, уже созрѣваетъ въ высшемъ, образованнѣйшемъ классѣ имперіи, всегда отличавщемся преданностью къ своимъ монархамъ и любовію къ отечеству. Несомнѣнно, что, при содѣйствіи мудраго законодательства, постепенно будутъ обозначаться и новые способы къ разрѣшенію столь важнаго вопроса.

Смоленскій губернскій предводитель дворянства князь Михаилъ Друцкой-Соколинскій.

„Августѣйшій монархъ! всемилостивѣйшій государь! По высочайшей волѣ вашего императорскаго величества, имѣю счастіе всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ вашимъ, государь, приложеніе къ поднесенному уже вашему императорскому величеству мнѣнію о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами. Оно написано съ тою же откровенностью, которую, великодушный монархъ, столь милостиво благоволили одобрить.

„Обстоятельства, изложенныя въ семъ приложеніи, были уже соображены келейно и приглашенными мною предводителями. Они тѣсно связаны съ общимъ предметомъ.

„Не выходя изъ предѣловъ даннаго намъ вашимъ величествомъ чрезъ депутатовъ вопроса, я не осмѣливался помѣстить ихъ въ мнѣніи, поднесенномъ мною предъ симъ вашему величеству.

„Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и проч. князь Михаилъ Друцкой-Соколинскій".

11-го февраля 1849 г.

Особое приложеніе къ представленному въ собственныя руки его величества мнѣнію объ обязанныхъ крестьянахъ.

I. Можно-ли предоставить крестьянамъ право перехода съ мѣста на мѣсто?

Принявъ въ уваженіе изложенныя въ первомъ мнѣніи препятствія и затрудненія къ заключенію съ крестьянами договора, потому главное, что крестьяне крѣпки землѣ, разсмотримъ не представится-ли какой-либо возможности, чтобы, для достиженія цѣли договоровъ, крестьяне имѣли право на свободные переходы съ одного мѣста на другое?

Хотя правительство и не проявляетъ намъ мысли о введеніи у насъ европейской гражданственной жизни народовъ, но, разсуждая о предметѣ съ разныхъ сторонъ, и тѣмъ болѣе, о возможности или невозможности допустить у насъ свободные переходы крестьянъ,

нельзя не коснуться сравнительно коренныхъ началъ, на коихъ основаны системы гражданства, существующія въ Европѣ и въ нашемъ отечествѣ. Въ Европѣ народонаселеніе, относительно къ пространству земли, слишкомъ велико; земли мало, классъ земледѣльцевъ составляетъ тамъ хотя и незначительную часть народонасеенія, но все число ихъ велико, относительно къ количеству земли, ими обработываемой. Въ Европѣ не только нѣтъ недостатка въ силахъ для воздѣланія земли, напротивъ, тамъ для обработки извѣстнаго ея пространства прилагается рукъ и употребляется времени въ году несравненно болѣе, нежели въ Россіи [1]); право, коимъ въ Европѣ пользуются крестьяне для перехода съ мѣста на мѣсто, благодѣтельно для тамошняго рабочаго класса и безвредно для тамошнихъ владѣльцевъ; тамъ владѣлецъ земли не будетъ имѣть недостатка въ силахъ для обработыванія ея. Эти совершенно противоположныя обстоятельства, въ которыхъ находится западная Европа и Россія, создали и двѣ различныя системы цивилизаціи, изъ которыхъ нашу нельзя примѣнить къ Европѣ, а европейскую—къ намъ. У насъ въ сѣверной и средней полосахъ Россіи почва земли тяжелая, требующая постояннаго удобренія и трудовъ, которые вознаграждаются только долговременною, постоянною и дѣятельною заботливостью. Два-три года безпечной обработки земли, небреженіе къ хозяйству,—оставятъ слѣды, которые только могутъ изгладиться многолѣтними трудами постоянно заботливаго хозяина. Слѣдовательно, для развитія земледѣлія въ нашемъ отечествѣ, отъ котораго зависитъ все его благосостояніе и которое служитъ главнѣйшимъ источникомъ его богатства, необходимо, чтобы владѣльцы земли были обезпечены необходимымъ числомъ работниковъ, т. е., чтобы крестьяне были крѣпки землѣ. И дѣйствительно, исторія передаетъ намъ неустройства, какія существовали у насъ до запретительнаго указа 1593 года: милліоны людей поднимались съ мѣстъ своихъ, чтобы искать лучшихъ, не потому, что нужда того требовала, а потому единственно, что имѣли на то право, и обманувшись, по легкомыслію, въ своей надеждѣ, опять искали другихъ мѣстъ, и съ тѣхъ опять переселялись; между тѣмъ, обширныя поля оставались безъ земледѣльцевъ или находились въ рукахъ временныхъ хозяевъ, которые не имѣли побудительныхъ причинъ прилагать постоянный трудъ къ обработкѣ ихъ земли и онѣ оставались невоздѣланными; жилища разрушались отъ нерадѣнія временныхъ

[1]) По климатическому положенію въ Россіи рабочаго времени для полевыхъ работъ считается только отъ 4-хъ до 5-ти, а въ Европѣ—8-мь мѣсяцевъ.

Кн. Друцк.-Сокол.

хозяевъ, пустѣли села и деревни, оставляемыя кочевыми жителями, крестьяне же, скитаясь по пространствамъ обширнаго, малонаселеннаго государства, теряли золотое время, какъ для обработки земли, такъ и для приготовленія издѣлій и всего для нихъ нужнаго; промышленность страдала, безпорядкамъ и неустройствамъ не было конца, сборъ государственныхъ податей, наборы войскъ исполнялись безотчетно; въ неурожайные годы тысячи семействъ неосѣдлыхъ крестьянъ, отыскивая себѣ пропитаніе, бродили по дорогамъ, гибли отъ голода и стужи, не находя пристанища. Благотворный законъ, которымъ запрещено крестьянамъ переходить съ одного мѣста на другое, подкрѣпленный при Петрѣ Великомъ, въ 1719 году, введеніемъ подушной переписи, положилъ конецъ важнымъ неустройствамъ въ государствѣ [1]), уравнялъ подати, государственныя повинности, обогатилъ казну, обнаружилъ государственныя силы, положилъ основаніе развитію земледѣлія, и съ тѣхъ только поръ не только сѣверная и средняя полосы, но и степи полуденной Россіи начали воздѣлываться.

II. Крѣпостные люди, по силѣ существующаго законоположенія, суть уже обязанные.

Движеніе нашего законодательства доказываетъ непогрѣшность нашего убѣжденія, что правительство наше и въ новѣйшія времена признавало пользу прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, которою они пользовались, и за тѣми владѣльцами, которымъ та земля принадлежала. Вскорѣ, однако-жъ, послѣ изданія этого закона, права помѣщиковъ надъ крестьянами сдѣлались безпрекословны, и порочныя стороны новаго права обнаружились; вслѣдствіе сего законоположенія нашихъ государей постепенно ограничивали права владѣльцевъ надъ крѣпостными ихъ людьми и опредѣляли съ бòльшею точностью отношенія и обязанности послѣднихъ къ ихъ владѣльцамъ, не измѣняя силы закона касательно укрѣпленія крестьянина къ землѣ. По силѣ нынѣ существующаго закона, опредѣляющаго отношеніе помѣщика къ крестьянину, крестьянинъ работаетъ на помѣщика уже не по безусловной волѣ послѣдняго, а въ извѣстной мѣрѣ и въ извѣстное время, опредѣленныя Св. Зак., т. X (изд 1842 года), статьями 964 и 965. Нынѣ благотворный законъ не предоставляетъ уже по-

---

[1]) Хотя эта законодательная мѣра и послужила у насъ поводомъ къ образованію крѣпостнаго состоянія, несообразнаго, по мнѣнію теоретиковъ, съ формами государства благоустроеннаго, не менѣе того, она вполнѣ достигла тогдашней цѣли правительства, а крѣпостное право, смягченное уже постепенными ограниченіями закономъ, легло въ основаніе могущества государственнаго, о чемъ коснемся далѣе. Кн. Друцк.-Сокол.

мѣщику права и отчуждать отъ себя крестьянина, водворивъ его на своей землѣ на законномъ основаніи. Во всѣхъ новыхъ законоположеніяхъ и распоряженіяхъ правительства мы видимъ лишь дополненіе и усовершенствованіе отношеній помѣщика къ его крестьянамъ и не находимъ, чтобы сила закона измѣнилась и дополнилась касательно укрѣпленія послѣднихъ къ землѣ. Слѣдовательно, это учрежденіе было и есть благодѣтельно для государства, и въ наше время помѣщичій крестьянинъ потому только и можетъ назваться крѣпостнымъ, что онъ, по прежнему, остается крѣпкимъ землѣ; а въ отношеніи къ своему помѣщику онъ давно уже, въ силу существующихъ узаконеній, сдѣлался обязаннымъ и безъ составленія предполагаемыхъ добровольныхъ договоровъ, а вслѣдствіе этого могъ бы назваться обязаннымъ, если бы не оставался крѣпкимъ землѣ [1]).

III. Причины, породившія мысль о преобразованіи крѣпостнаго состоянія.

Высказавъ причины невозможности быть нашимъ крѣпостнымъ людямъ не крѣпкими землѣ, мыслящій человѣкъ касается причинъ, возбудившихъ современный вопросъ о преобразованіи крѣпостнаго состоянія.

Причиною тому, очевидно, служитъ: 1) желаніе уничтожить мнимое въ Россіи рабство. 2) Стремленіе къ развитію отечественной промышленности образованіемъ свободнаго труда. 3) Частые, доходящіе до правительства, случаи злоупотребленія помѣщичьей власти. 4) Желаніе правительства предупредить стремленіе крѣпостныхъ людей пріобрѣсть свободу, кажущееся въ настоящее время опаснымъ.

Разсмотримъ каждую изъ причинъ особо

1) Въ Россіи рабства нѣтъ.

Мысль, господствующая на западѣ, что крѣпостные люди въ Россіи составляютъ классъ рабовъ, не справедлива. У насъ крестьяне въ сущности не рабы, но настоящіе владѣльцы земли. Они болѣе помѣщика обезпечены тѣмъ ея участкомъ, которымъ пользуются; владѣніе ихъ землею и безъ права собственности прочнѣе, нежели законныя права помѣщика на всю его землю. У насъ много есть имѣ-

[1]) Конечно, не въ тѣхъ формахъ, какъ опредѣляютъ состояніе обязаннаго договоры по закону 1842 года, но въ формахъ болѣе охранительныхъ для крестьянъ, ибо законная отвѣтственность владѣльца за ихъ благосостояніе остается во всей своей силѣ, чего при добровольныхъ договорахъ помѣщики на себя принять не могутъ. Кн. Друц.-Сокол.

ній, которыя въ теченіи времени, вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ случаевъ, по продажамъ или добровольнымъ, или съ публичныхъ торговъ, перемѣняли своихъ владѣльцевъ. За частные-ли долги, или казенныя взысканія — помѣщикъ отвѣчаетъ своею собственностью. Сколько несчастныхъ дворянскихъ фамилій лишились, такимъ образомъ, послѣдняго своего состоянія, куска насущнаго хлѣба, угла и крова! оставляли навсегда мѣста, освященныя воспоминаніями дѣтства,—мѣста, гдѣ жили и погребены предки ихъ, родители! Ожидаемыя послѣдствія отъ гибельныхъ неурожаевъ послѣднихъ годовъ вскорѣ представятъ разительный тому примѣръ. Въ эти несчастные годы, когда у крестьянъ оказался совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ, на продовольствіе и обсѣмененіе полей помѣщики роздали всѣ свои запасы для поддержанія крестьянъ, покупали для нихъ хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ, жертвуя своими капиталами или закладывая имѣнія. Денежныя пособія и льготы, оказанныя правительствомъ, были тогда существенно необходимы, хотя долги на имѣнія отъ того возросли безъ всякой соразмѣрности съ совершенно упавшими доходами владѣльцевъ; но крайность столь была чрезмѣрна, что, и при сознаніи гибельныхъ послѣдствій лишенія многими владѣльцами имѣній за долги, пользоваться ссудами было необходимо для устраненія бѣдствій настоящаго голода народа. Наступятъ сроки платежамъ, и, дѣйствительно, многія имѣнія будутъ продаваться съ аукціона. Все обнаруживаетъ, что только одни помѣщики лишались и будутъ лишаться своего достоянія, а крестьяне ничего не теряли и не теряютъ. Еще не бывало примѣра, чтобы за неисправность и долги крестьянина законъ выгонялъ его изъ дома, отбиралъ у него землю, лишалъ его средства къ существованію; крестьяне и нынѣ продолжаютъ пользоваться тою же землею, которою пользовались ихъ предки болѣе двухъ вѣковъ назадъ, дѣды, прадѣды, и на будущее время будутъ пользоваться ихъ потомки. Нашъ нищій, поставленный случайными обстоятельствами въ такое положеніе, есть нищій временный; онъ принадлежитъ къ какому-либо селенію, гдѣ имѣетъ участокъ земли, собственный домъ, въ которомъ съ семействомъ раздѣляетъ свое хотя скудное достояніе; чрезъ нѣкоторое время онъ трудами и пособіями отъ владѣльца поправляетъ свое хозяйство и дѣлается по прежнему домовитымъ; но помѣщикъ, однажды лишившійся своего достоянія, остается навсегда безъ куска хлѣба.

Нашъ нищій—багачъ предъ нищимъ другихъ европейскихъ государствъ и не позавидуетъ его жребію—не имѣть никакой собственности, ни даже надежды пріобрѣсти ее когда-нибудь; тамъ, конечно, пролетаріи пользуются правомъ пріобрѣсти собственность, но никогда

ничего пріобрѣсти не могли, и свободно часто бѣдствуютъ и даже умираютъ съ голоду, необезпеченные никакою изъ жизненныхъ потребностей, вслѣдствіе свободнаго же права владѣльцевъ земель— не обращать на то вниманія. Въ Европѣ, ежели работникъ не заплатитъ въ срокъ за землю или не исполнитъ иной обязаности,— по какой бы то причинѣ ни было,—владѣлецъ имѣетъ право прогнать его съ своей земли, не заботясь о немъ, если онъ и не имѣетъ средствъ къ существованію. Все это доказываетъ, что положеніе нашего крестьянина не совмѣстно съ значеніемъ рабства. Рабъ, по прямому смыслу, есть собственность, надъ которою владѣлецъ имѣетъ безусловное право: у насъ этого нѣтъ, у насъ крѣпостное право хотя и существуетъ, но оно основано на такихъ законоположеніяхъ, которыми крѣпостные люди ограждены и обезпечены въ своемъ быту существенно и прочно. Систему бывшаго рабства мы знаемъ только изъ исторіи временъ давно минувшихъ. Витіи европейскіе знаютъ ее изъ бывшей въ Европѣ феодальной системы и усиливаются доказать существованіе чего-то подобнаго въ Россіи. Но это не совѣстливо, по не сознанію истины и справедливости; это софизмы вслѣдствіе зависти къ могуществу и благосостоянію Россіи, понятное стремленіе къ подрыву и уничтоженію этого могущества.

2) Развитіе отечественной промышленности образованіемъ свободнаго труда.

Развитія отечественной промышленности мы, можетъ быть, и скорѣе достигли бы при свободномъ трудѣ, но преобразованіе свободныхъ земледѣльцевъ, надзоръ помѣщиковъ за трудолюбіемъ крестьянъ,—этотъ сильный своего рода рычагъ политической экономіи русскаго царства,—былъ бы уже неумѣстенъ.

При свободномъ состояніи умъ, сила, смѣтливость быстро проложатъ себѣ путь; съ другой стороны, лѣность и другіе пороки, освободясь отъ подближайшаго надзора помѣщичьей власти, примутъ столь же быстрое развитіе; многіе сдѣлаются богаче, но гораздо болѣе явится бѣдныхъ; довольство первыхъ не замѣнитъ заботливости помѣщиковъ для удовлетворенія нуждъ послѣднихъ. Безъ побудительной помѣщичьей власти, при недостаточности полицейскихъ средствъ (которыхъ при маломъ нашемъ народонаселеніи нельзя сдѣлать достаточными), породится праздность, а праздность—мать всѣхъ пороковъ: праздность при нуждѣ еще опаснѣе пороковъ, потому что она изобрѣтательна на все вредное общественному благоустройству. Образуется невиданный у насъ классъ пролетаріевъ, который своими идеями и дѣйствіями нанесетъ гораздо болѣе вреда, нежели сколько можно ожидать пользы отъ свободнаго труда. Все это

мы видимъ теперь на самомъ дѣлѣ въ государствахъ европейскихъ, гдѣ свободный трудъ развивалъ промышленность и порождалъ либеральныя идеи коммунизма. Теперь государства падаютъ, а цвѣтущая промышленность не спасаетъ ихъ отъ гибели. Одна Богомъ хранимая Россія, управляемая самодержавнымъ владыкою, пребываетъ грозною твердынею на ея незыблемомъ основаніи, сложенномъ изъ элементовъ нашего законодательства.

3) Злоупотребленіе помѣщичьей власти.

Посмотримъ, съ настоящей точки зрѣнія, на злоупотребленіе помѣщичьей власти. Люди—вездѣ люди. Съ тѣхъ поръ, какъ начали устраиваться общества и государства, не было ни одного государственнаго учрежденія, которое бы вполнѣ достигало цѣли обузданія порока. Такъ нынѣ, легко можетъ быть, что до правительства доходятъ на помѣщиковъ жалобы, которыя должны его безпокоить. Но эти случаи есть ничто иное, какъ частности, а гдѣ нѣтъ злоупотребленія? десять хорошихъ судей, одинъ кривитъ душею, —неужели для этого должно уничтожить власть судебную? Ежели нѣкоторые помѣщики употребляли во зло свое право, потерпитъ-ли за то цѣлое сословіе? говорятъ: нужно положить преграду злоупотребленіямъ. Нѣтъ! здѣсь въ предполагаемыхъ мѣрахъ нормальный переворотъ, а злоупотребленіе властей этимъ не прекратится. Измѣнятся только дѣйствующія лица: вмѣсто дурнаго помѣщика будетъ дурной полицейскій чиновникъ или окружной начальникъ, съ тою еще вдобавокъ разницею, что послѣдній не будетъ нисколько дорожить благосостояніемъ поселянъ, потому что ему нѣтъ выгоды, богатъ-ли крестьянинъ или бѣденъ, лѣнивъ или трудолюбивъ. Было время, когда бо́льшая часть помѣщиковъ понимали свое право по преданіямъ и обычаямъ временъ темныхъ, когда и рабство имѣло еще значеніе въ законѣ; руководствуясь тѣми понятіями и обычаями, помѣщики тогда полновластно управляли своими людьми, употребляли на работы и, въ случаѣ проступка, опредѣляли наказаніе по собственному своему усмотрѣнію. Постепенное развитіе и усовершенствованіе нашего законодательства, уничтоженіе рабства, быстрое распространеніе просвѣщенія положили отпечатокъ на характеръ, понятія и образъ мыслей высшаго слоя общества въ послѣднія царствованія. Но ни въ одну изъ тѣхъ эпохъ дворянство не сдѣлало столь быстрыхъ успѣховъ въ познаніи своихъ правъ и гражданскихъ обязанностей, какъ въ царствованіе государя императора Николая Павловича, когда законъ, приведенный въ стройность во всей своей полнотѣ, открылся предъ народомъ. Помѣщики въ самое короткое

время познали свои права, обязанности и немедленно вступили въ границы, законами опредѣленныя; въ этихъ границахъ въ наше время образованіе и просвѣщеніе развиваютъ понятія и образъ мыслей нынѣшняго молодаго поколѣнія. Мудрость и воля нынѣ царствующаго монарха утвердили въ нашемъ отечествѣ развившіяся понятія о правахъ человѣчества; идеи, понятія минувшихъ лѣтъ сдѣлались уже обветшалыми, странными, а опирающіяся на нихъ дѣйствія—чудовищными! И въ наше время, если онѣ еще и проявляются, то тутъ же подавляются закономъ [1]) и караются презрѣніемъ въ общественномъ мнѣніи. Еще пять—десять лѣтъ и бывшее зло останется лишь въ преданіяхъ.

4) Намѣреніе правительства предупредить стремленіе крѣпостныхъ людей къ свободѣ, кажущееся въ настоящее время опаснымъ.

Стремленіе къ свободѣ обнаруживается всегда и вездѣ во всѣхъ классахъ, но законъ удерживаетъ его въ надлежащихъ границахъ. У насъ въ Россіи оно проявилось и въ новѣйшія времена, но всегда достаточно было распоряженій правительства къ подавленію опаснаго духа и водворенію спокойствія въ народѣ. При всемъ томъ, что народъ безсознательно подозрѣваетъ, что эти распоряженія не проистекаютъ отъ воли царя. Тамъ же, гдѣ выражалась ясно положительная и непремѣнная воля государя, народъ съ благоговѣніемъ принималъ ее; такъ, напримѣръ, въ прошедшемъ году всенародное объявленіе циркулярныхъ предписаній о высочайшей волѣ, чтобы крѣпостные люди повиновались законной власти своихъ помѣщиковъ, успокоило умы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ указъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ и другія были толкованы превратно неприготовленному еще для сего народу.

Границъ стремленія къ свободѣ нѣтъ, и чѣмъ права сословія, ее отыскивающаго, шире, или кругъ дѣйствія просторнѣе, тѣмъ желаніе неограниченнѣе и тѣмъ сильнѣе потребуются и мѣры къ удержанію этого стремленія, которому, въ естественномъ смыслѣ, гдѣ предѣлъ? И самые крестьяне казеннаго вѣдомства увлекаются тою же мыслію, по понятіямъ своимъ о свободѣ, разсѣкающей всѣ узлы порядка и обязанности къ обществамъ и государству. На западѣ Европы, гдѣ народы пользовались личною свободою и бо́льшими еще правами, они не удовольствовались ими, а какъ разрушительный потокъ, ниспровергли гражданское и государственное благоустройство.

---

[1]) За дурное управленіе помѣщика своимъ имѣніемъ законъ опредѣляетъ отбирать его имѣніе въ опекунское вѣдомство, а самый поступокъ, сверхъ того, подлежитъ уголовному сужденію. Кн. Друцк.-Сокол.

У' насъ, въ Россіи, народъ хранитъ еще святой завѣтъ—Богъ и Государь. Самодержавная власть помазанника Божія можетъ подавить эту гибельную мысль всениспровергающей свободы и вопросъ, занимающій нынѣ умы болѣе образованнаго класса, нежели чернаго народа, отодвинуть еще на долгія времена безъ опасенія. Въ этомъ важномъ дѣлѣ дворянство, всегда вѣрное своему долгу, государю и отечеству, при теперешнемъ вліяніи своемъ на крестьянъ и законной надъ ними власти, можетъ и будетъ служить надежнѣйшею опорою престола. Измѣнивъ же нынѣшнюю систему управленія крѣпостными людьми, можно-ли поручиться, чтобы развитіе новой законодательной системы не потребовало измѣненія государственной? Русскаго дворянина тревожитъ будущая судьба отечества; мы привыкли видѣть въ самодержавной, Богомъ постановленной надъ нами власти наше Провидѣніе, твердый оплотъ противъ нововведеній запада,—для насъ не грозны были полчища и двадцати народовъ Европы, мы сильны были нашимъ единствомъ; всѣ составныя части слились во едино у подножія престола и государя. Новое преобразованіе разъединитъ ихъ. Пройдутъ десятки лѣтъ до водворенія благоустройства, а между тѣмъ бодрствуютъ на стражѣ завистники и враги земли русской. Какой рычагъ могучій для анархистовъ! Да сохранитъ насъ всеблагій Творецъ отъ пагубныхъ переворотовъ образованнаго Запада!

IV. Преимущества системы помѣщичьяго управленія.

Во всѣхъ параграфахъ этой записки, о чемъ бы мы въ нихъ ни разсуждали, преимущество нынѣшней системы помѣщичьяго управленія говоритъ само за себя. Но ежели бы мы начали исчислять эти преимущества, то записка наша, и безъ того уже обширная, увеличилась бы еще болѣе. При всемъ томъ нельзя, однако-жъ, не коснуться нѣкоторыхъ. Въ нашемъ обширномъ отечествѣ болѣе десятка милліоновъ народонаселенія управляется своими помѣщиками подъ руководствомъ законовъ. Правительство не имѣетъ съ ними никакихъ прямыхъ отношеній. Помѣщики стоятъ лицомъ къ правительству и отвѣтствуютъ ему за цѣлость милліоновъ народа. Въ лицѣ ихъ заключается власть и административная, и полицейская, и судебная; какъ администраторъ и полиціймейстеръ, помѣщикъ заботится о благосостояніи и обезпеченіи крестьянъ въ домашнемъ ихъ быту, о сохраненіи между ними порядка, тишины и спокойствія, о исполненіи общественныхъ обязанностей государства, объ охраненіи правъ и имуществъ крестьянъ отъ насилія и притѣсненія; на помѣщикѣ лежитъ обязанность обезпечить крестьянъ

во время голода, и проч. Во всѣхъ обыкновенныхъ дѣлахъ и спорахъ между крестьянами, помѣщикъ является между ними, какъ неподкупный судья, и рѣшаетъ дѣло окончательно. Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей помѣщиками, соединенное съ отвѣтственностію и ручательствомъ ихъ имуществъ, не стоитъ ничего правительству, ни народу. Смѣните помѣщиковъ, этихъ посредниковъ между правительствомъ и народомъ, поставьте на мѣсто ихъ чиновниковъ, людей не безъ слабостей человѣческихъ, облеките ихъ тою же властію, возложите на нихъ тѣ же обязанности,—будутъ-ли же они исполнять ихъ лучше помѣщиковъ, а въ случаѣ неисполненія, чѣмъ они отвѣчаютъ? Между тѣмъ, на содержаніе ихъ, и канцелярій, и другихъ управленій какія потребуются огромныя суммы? Эти суммы должны пасть на повинности народа; вопросъ: будетъ-ли ему отъ этого легче? Но помѣщикъ соединяетъ въ себѣ не одно значеніе правителя, обязаннаго, лишь по долгу званія, пещись о благоустройствѣ ввѣренной ему части, какъ чиновникъ; онъ носитъ въ себѣ нравственное начало, связывающее его съ людьми, нѣкогда принадлежавшими его предкамъ, и находитъ неизъяснимое утѣшеніе и отраду въ душѣ, когда видитъ ихъ довольными.

Во многихъ государствахъ собирается подать въ пользу бѣдности, но достигаетъ-ли она цѣли назначенія? Сомнительно, потому что тамъ нищенство въ полномъ развитіи. У насъ подать въ пользу бѣдности не собирается, но она лежитъ въ сущности на всѣхъ помѣщикахъ. Помѣщикъ платитъ за трудъ исправному и неисправному крестьянину одинаково и, сверхъ того, неимущему онъ еще помогаетъ хлѣбомъ, рабочимъ скотомъ и часто платитъ за него подати. Помощь эта, хотя и не есть слѣдствіе одного филантропическаго побужденія и хотя не подъ фирмою въ пользу бѣдности, но она вѣрнѣе достигаетъ цѣли учрежденія филантропическихъ обществъ, ибо, въ матеріальномъ отношеніи, всякій помѣщикъ теперь хорошо понимаетъ, что крестьянинъ его, въ практическомъ ходѣ дѣлъ, есть и будетъ ему нужная сила, которая тогда только можетъ быть ему полезна, когда она прочна и сильна; слѣдовательно, помѣщикъ и старается, чтобы крестьяне его находились сколь можно въ лучшемъ положеніи, какъ для собственнаго его благополучія, такъ для благополучія его дѣтей, внуковъ и наслѣдниковъ. Этихъ важныхъ побудительныхъ причинъ (причина же влечетъ за собою и дѣйствіе причинъ) къ попеченію о крестьянахъ не можетъ существовать ни при какомъ иномъ управленіи, гдѣ надзоръ за крестьянами возлагается на чиновниковъ, опредѣляемыхъ правительствомъ.

Разсматривая помѣщичье управленіе съ этой стороны и взвѣши-

вая причины, возбуждающія вопросъ о преобразованіи крѣпостнаго состоянія, ясно, что нельзя измѣнить общій его благотворный существующій порядокъ, безъ потрясенія въ основаніи цѣлаго зданія, для уничтоженія мелкой порочной частности, почти незамѣтной въ цѣломъ; а полезнѣе заставить, приличными мѣрами, дурныхъ помѣщиковъ свои законныя обязанности понять и исполнять [1]), чего при нынѣшнемъ образованіи и духѣ времени не трудно и достигнуть.

Заключеніе.

Принявъ въ уваженіе изложенныя въ первомъ мнѣніи причины, содѣлывающія систему новыхъ отношеній крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ по договорамъ на основаніи указа 1842 года неудобоисполнимою; изъ коихъ главная причина есть та, что крестьяне должны остаться крѣпкими землѣ, и въ сей запискѣ объясненную невозможность въ нашемъ обширномъ отечествѣ по его народонаселенію допустить переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто, т. е., чтобъ они не были крѣпки землѣ; взвѣсивъ также причины, возбудившія вопросъ о преобразованіи крѣпостнаго состоянія и преимущества нынѣшней системы управленія крѣпостными людьми, и находя, что сія система, которой нѣтъ нигдѣ и ничего подобнаго въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе превосходныхъ сторонъ, нежели недостатковъ,—по совѣсти истиннаго сына отечества и вѣрноподданнаго, и не имѣя при томъ въ настоящее время никакихъ способовъ къ переходу изъ настоящаго въ лучшее положеніе, полагаемъ теперь ограничиться нижеслѣдующимъ:

1) Измѣнить наружную форму въ порядкѣ пріобрѣтенія обладанія вотчинною собственностью, для чего въ купчихъ крѣпостяхъ, закладныхъ и прочихъ сего рода актахъ писать: „продается, покупается, завѣщается или закладывается такая-то вотчина, состоящая въ такой-то губерніи и уѣздѣ, съ такими-то селеніями, заключающая въ себѣ такое-то количество десятинъ земли съ разными угодьями, населенная крестьянами и приписными къ нимъ такимъ-то числомъ мужескаго пола душъ, написанныхъ по такой-то ревизіи“.

Примѣчаніе. Опредѣленіе пошлинъ при совершеніи актовъ.

Онѣ могутъ быть взыскиваемы съ объявляемой суммы, на существующемъ законномъ основаніи.

---

[1]) Для обузданія злоупотребленія помѣщичьей власти, у насъ существуетъ удовлетворительный, строгій законъ. Кн. Друцкой-Соколинскій.

2) Дозволенную закономъ продажу людей по купчимъ безъ раздробленія семействъ, на сводъ изъ одного имѣнія въ другое, замѣнить иною формою отчужденія въ видѣ переселенія по взаимному согласію вотчинниковъ, особенными актами, которые на сей предметъ должны быть учреждены. Мѣра сія необходима, какъ въ видахъ общаго благоустройства, такъ и для частной пользы вотчинниковъ и самыхъ крестьянъ, напримѣръ, при недостаткѣ земли въ одной вотчинѣ и излишеству оной въ другой.

Смоленскій губернскій предводитель дворянства князь Михаилъ Друцкой-Соколинскій.

Сообщ. Ив. В. Майновъ.

Примѣчаніе. Приведенные выше документы, немаловажные для исторіи освобожденія крестьянъ, сохранились въ «сборникѣ бумагъ о назначеніи депутатовъ для принесенія государю императору вѣрноподданническаго благодаренія, за всемилостивѣйше дарованныя дворянству права и преимущества, и о послѣдствіяхъ сей депутаціи относительно перехода крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные. Началось 22-го декабря 1846 г., кончилось 11-го февраля 1849 г.». Эта подлинная рукопись, на 22-хъ полулистахъ, составлена по офиціальному матеріалу гвардіи подполковникомъ Василіемъ Никифоровичемъ Майновымъ († 1850 г.), въ бытность его въ 1849 г. чиновникомъ для особыхъ порученій при виленскомъ, минскомъ, ковенскомъ и гродненскомъ генералъ-губернаторѣ Мирковичѣ, и весьма обязательно сообщена намъ сыномъ помянутаго Майнова — Ив. В. Майновымъ изъ Саратова.

Какъ ни странны восхваленія представителей смоленскаго дворянства — крѣпостному игу, какъ ни наивны завѣренія ихъ вождя, кн. Друцкаго-Соколинскаго, о существованіи двухъ различныхъ цивилизацій: одной — для Западной Европы, а другой — возможной лишь въ Россіи, сколь ни удивительными представляются всѣ таковые доводы именно теперь, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ 19-го февраля 1861 г., — тѣмъ не менѣе вся записка «предводителей» смоленскихъ дворянъ 1849 г. имѣетъ и нынѣ, въ 1873 г., значительный интересъ — интересъ исключительно историческій. Документъ этотъ есть цѣлый систематическій сводъ тѣхъ доказательствъ и убѣжденій, застращиваній и льстивыхъ возгласовъ о невозможности не только освободить крѣпостныхъ крестьянъ, но даже сколько-нибудь улучшить ихъ положеніе, — доказательствъ, которыя, послѣ 19-го февраля 1861—1870 гг., кажутся столь странными, но которыя въ 1849 году многимъ казались весьма уважительными. Дѣло освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ было отложено на двѣнадцать лѣтъ. Россія осталась, въ 1849 г., вѣрна консервативной политикѣ внутри себя, и тогда же, въ 1849 году, выступила защитницею консервативнаго принципа внѣ своихъ предѣловъ, явясь спасительницею Австріи. Ред.

О ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ ПОСМЕРТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ

Воспоминанія кн. Д. Оболенскаго.

1855 г.

Авторъ варіантовъ „Мертвыхъ Душъ" отыскался. Г. Ястржембскій многократно печатно заявилъ, что не ожидалъ отъ своей литературной шалости такихъ серьезныхъ послѣдствій; что читающая публика введена въ заблужденіе помимо его воли и желанія, и что, наконецъ, опубликованные варіанты всецѣло принадлежатъ перу его — г. Ястржембскаго. Нѣкоторые, однако, продолжаютъ, относиться къ этому заявленію съ недовѣріемъ и, повидимому, остаются въ убѣжденіи, что варіанты эти писаны Гоголемъ. Признаюсь, меня мало интересуетъ знать, самъ-ли г. Ястржембскій сочинилъ эти варіанты или кто другой; для меня несомнѣнно только, что всѣ, сколько-нибудь знавшіе лично покойнаго Гоголя и знакомые съ исторіей изданія его посмертныхъ сочиненій, согласятся со мной въ томъ, что опубликованные въ „Русской Старинѣ" (въ январѣ 1872 г.) варіанты „Мертвыхъ Душъ" писаны не Гоголемъ.

Не касаясь здѣсь содержанія этихъ варіантовъ и слога ихъ, носящихъ явные признаки неудачной поддѣлки подъ манеру Гоголя,— матеріально невозможно, чтобы въ чьихъ-либо рукахъ могла находиться рукопись II-й части „Мертвыхъ Душъ", несогласная съ тѣми варіантами, которые изданы были въ 1855 году Трушковскимъ, а въ послѣдствіи г. Кулишомъ.

Судьба привела меня быть однимъ изъ участниковъ въ хлопотахъ и заботахъ объ изданіи посмертныхъ сочиненій Гоголя. Смѣю думать, что правдивый разсказъ о ходѣ всего этого дѣла не лишенъ интереса и можетъ послужить къ разъясненію возникшихъ недоразумѣній.

По необходимости, я долженъ начать разсказъ свой съ свиданія моего съ Гоголемъ въ 1849 году.

I.

Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1849 года, проѣздомъ черезъ Калугу въ имѣніе отца моего, я засталъ Гоголя, гостившаго у А. О. Смирновой, и обѣщалъ ему, на обратномъ пути, заѣхать за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Москву. Пробывъ въ деревнѣ недолго, я, въ условленный день, прибылъ въ Калугу и провелъ съ Гоголемъ весь вечеръ у А. О. Смирновой, а послѣ полуночи мы рѣшили выѣхать.

Съ Гоголемъ я познакомился еще въ 1848 году лѣтомъ въ Москвѣ и мы видались часто. Родственныя мои отношенія къ графу А. П Толстому, у котораго Николай Васильевичъ въ то время жилъ въ Москвѣ, и дружба моя съ кругомъ людей, которыхъ Гоголь, по справедливости, считалъ самыми близкими своими друзьями, расположили его въ мою пользу и онъ не разъ выказывалъ мнѣ знаки своего дружескаго вниманія. Отъ того-ли, что неожиданно представилась ему пріятная оказія выѣхать въ Москву, куда торопился, или отъ другой причины, только помню, что весь вечеръ Гоголь былъ въ отличномъ расположеніи духа и сохранилъ его во всю дорогу. Живо справилъ онъ свой чемоданчикъ, заключавшій все его достояніе,— но главная забота его заключалась въ томъ: какъ бы уложить свой портфель такъ, чтобы онъ постоянно оставался на видномъ мѣстѣ. Рѣшено было поставить портфель въ каретѣ къ намъ въ ноги, и Гоголь тогда только успокоился за цѣлость его, когда мы усѣлись въ дормезъ и онъ увидѣлъ, что портфель занимаетъ приличное и безопасное мѣсто, не причиняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ никакого безпокойства.

Портфель этотъ заключалъ въ себѣ только еще вчернѣ оконченный второй томъ „Мертвыхъ Душъ" [1]).

Читатели моего поколѣнія легко могутъ себѣ представить, съ какимъ чувствомъ возбужденнаго любопытства смотрѣлъ я во всю дорогу на этотъ портфель.

Чѣмъ былъ для молодыхъ людей нашего поколѣнія Гоголь — о томъ съ трудомъ могутъ судить люди новѣйшаго времени [2]).

---

[1]) Первая глава была, кажется, совершенно уже отдѣлана, потому что онъ читалъ ее за нѣсколько дней до нашего выѣзда изъ Калуги А. О. Смирновой. Помню, что А. О. Смирнова была въ восхищеніи отъ этой главы и говорила, что влюблена въ Тентетникова. По возвращеніи въ Москву, Гоголь писалъ ей и кончилъ письмо словами: «кланяется вамъ Тентетниковъ!» Кн. Д. О.

[2]) Нѣкоторыя позднѣйшаго времени статьи о Гоголѣ могутъ служить доказательствомъ, какая бездна отдѣляетъ пониманіеГоголя новѣйшими критиками отъ того непосредственнаго, живаго и могучаго вліянія, которое Гоголь дѣйстви-

Я принадлежалъ къ числу тѣхъ поклонниковъ таланта Гоголя, которые и послѣ изданія его „Переписки съ друзьями“ не усомнились въ могучей силѣ его дарованія.

Изъ разсказовъ графа А. П. Толстаго, которому Гоголь читалъ еще вчернѣ отрывки изъ 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, я уже нѣсколько зналъ, какой серьезный оборотъ должна принять поэма въ окончательномъ своемъ развитіи. Письма самого Гоголя о „Мертвыхъ Душахъ“ подготовляли также публику къ чему-то неожиданному. Все это усиливало мое любопытство и я, пользуясь хорошимъ расположеніемъ духа Гоголя и скверной дорогой, мѣшавшей намъ скоро уснуть, заводилъ на разные лады разговоръ о лежащей въ ногахъ нашихъ рукописи. Но узналъ не многое.—Гоголь отклонялъ разговоръ, объясняя, что много еще ему предстоитъ труда, но что черная работа готова и что, къ концу года, надѣется кончить, ежели силы ему не измѣнятъ. Я выразилъ ему опасеніе, что цензура будетъ къ нему строга, но онъ не раздѣлялъ моего опасенія, а только жаловался на скуку издательской обязанности и возни съ книгопродавцами, такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе, прежде выпуска 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, сдѣлать новое изданіе своихъ сочиненій.

Къ утру мы остановились на станціи чай пить. Выходя изъ кареты, Гоголь вытащилъ портфель и понесъ его съ собою,—это дѣлалъ онъ всякій разъ, какъ мы останавливались. Веселое расположеніе духа не оставляло Гоголя. На станціи я нашелъ штрафную книгу и прочелъ въ ней довольно смѣшную жалобу какого-то господина. Выслушавъ ее, Гоголь спросилъ меня:

— „А какъ вы думаете, кто этотъ господинъ? Какихъ свойствъ и характера человѣкъ?“

— Право не знаю, отвѣчалъ я.

— „А вотъ я вамъ разскажу“. И тутъ же началъ самымъ смѣшнымъ и оригинальнымъ образомъ описывать мнѣ сперва наружность этого господина, потомъ разсказалъ мнѣ всю его служебную карьеру, представляя даже въ лицахъ нѣкоторые эпизоды его жизни. Помню,

---

тельно имѣлъ на нравственное развитіе современной ему молодежи. Здѣсь не мѣсто протестовать противъ странной оцѣнки соціальныхъ и политическихъ убѣжденій Гоголя; здѣсь не мѣсто разбирать, кто изъ современныхъ писателей глубже и шире относится къ жизненнымъ вопросамъ общества. Скажу только, что поколѣніе, выработавшее и осуществившее всѣ реформы послѣдняго десятилѣтія, воспитано Пушкинымъ и Гоголемъ и приготовлено ихъ нравственнымъ вліяніемъ къ дѣятельности и плодотворному труду, хотя ни Пушкинъ, ни Гоголь не написали ни одного трактата о какой-либо реформѣ и не переносили на русскую почву соціальнаго бреда иноземныхъ мыслителей.

Кн. Д. О.

что я хохоталъ, какъ сумасшедшій, а онъ все это выдѣлывалъ совершенно серьезно. За симъ онъ разсказалъ мнѣ, что какъ-то одно время они жили вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ (поэтомъ) и вечеромъ, ложась спать, забавлялись описаніемъ разныхъ характеровъ и за симъ придумывали для каждаго характера соотвѣтственную фамилію. „Это выходило очень смѣшно", замѣтилъ Гоголь, и при этомъ описалъ мнѣ одинъ характеръ, которому совершенно неожиданно далъ такую фамилію, которую печатно назвать не прилично —„и былъ онъ родомъ изъ грекъ!"— такъ кончилъ Гоголь свой разсказъ.

Утромъ, во время пути, при всякой остановкѣ выходилъ Гоголь на дорогу и рвалъ цвѣты, и ежели притомъ находились мужикъ или баба, то всегда спрашивалъ названіе цвѣтовъ; онъ увѣрялъ меня, что одинъ и тотъ же цвѣтокъ въ разныхъ мѣстностяхъ имѣетъ разныя названія, и что, собирая эти разныя названія, онъ выучилъ много новыхъ словъ, которыя у него пойдутъ въ дѣло.

За нѣсколько станцій до Москвы, я рѣшился сказать Гоголю:

— Однако, знаете, Николай Васильевичъ, вѣдь это безчеловѣчно, что вы со мной дѣлаете. Я всю ночь не спалъ, глядя на этотъ портфель. Неужели онъ такъ и останется для меня закрытымъ?

Гоголь съ улыбкой посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— „Еще теперь нечего читать; когда придетъ время, я вамъ скажу".

Мы разстались съ Гоголемъ въ Москвѣ. Я отправился въ Петербургъ и отъ друзей Гоголя часто получалъ извѣстія, что Гоголь усердно работалъ. Зиму 1851 года Гоголь провелъ въ Одессѣ, откуда вернулся въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Москву и привезъ съ собою уже совершенно оконченный 2-й томъ „Мертвыхъ Душъ".

Осенью 1851 года, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я, посѣтивъ Гоголя, засталъ его въ хорошемъ расположеніи духа и на вопросъ мой о томъ, какъ идутъ „Мертвыя Души", онъ отвѣчалъ мнѣ:

— „Приходите завтра вечеромъ, въ 8 часовъ, я вамъ почитаю".

На другой день, разумѣется, ровно въ 8 часовъ вечера я былъ уже у Гоголя; у него засталъ я А. О. Россета, котораго онъ тоже позвалъ. Явился на сцену знакомый мнѣ портфель; изъ него вытащилъ Гоголь одну довольно толстую тетрадь, усѣлся около стола и началъ тихимъ и плавнымъ голосомъ чтеніе первой главы.

Гоголь мастерски читалъ: не только всякое слово у него выходило внятно, но, перемѣняя часто интонацію рѣчи, онъ разнообразилъ ее и заставлялъ слушателя усвоивать самые мелочные оттѣнки мысли. Помню, какъ онъ началъ глухимъ и какимъ-то гробовымъ голосомъ: „Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство

нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что-же дѣлать если уже таковыя свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ онъ изображать ничего другаго, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши и отдаленныхъ закоулковъ государства. И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ". Послѣ этихъ словъ внезапно Гоголь приподнялъ голову, встряхнулъ волосы и продолжалъ уже громкимъ и торжественнымъ голосомъ: „Зато какая глушь и какой закоулокъ!"

За симъ началось великолѣпное описаніе деревни Тентетникова, которое, въ чтеніи Гоголя, выходило какъ-будто писано въ извѣстномъ размѣрѣ. Всѣ описанія природы, которыми изобилуетъ первая глава, отдѣланы были особенно тщательно. Меня въ высшей степени поразила необыкновенная гармонія рѣчи. Тутъ я увидѣлъ, какъ прекрасно воспользовался Гоголь тѣми мѣстными названіями разныхъ травъ и цвѣтовъ, которыя онъ такъ тщательно собиралъ. Онъ иногда, видимо, вставлялъ какое-нибудь звучное слово единственно для гармоническаго эффекта.

Хотя въ напечатанной первой главѣ всѣ описательныя мѣста прелестны, но я склоненъ думать, что въ окончательной редакціи они были еще тщательнѣе отдѣланы.

Разговоры выведенныхъ лицъ Гоголь читалъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Когда, изображая равнодушное, облѣнившееся состояніе байбака-Тентетникова, сидящаго у окна съ холодной чашкой чая, онъ сталъ читать сцену происходящей на дворѣ перебранки небритаго буфетчика Григорья съ ключницей Перфильевной, то казалось, какъ бы дѣйствительно сцена эта происходила за окномъ и оттуда доходили до насъ неясные звуки этой перебранки.

Графъ А. П. Толстой сказывалъ мнѣ, что ему не разъ приходилось слышать, какъ Гоголь писалъ свои „Мертвыя Души": проходя мимо дверей, ведущихъ въ его комнату, онъ не разъ слышалъ, какъ Гоголь одинъ, въ запертой горницѣ, будто бы съ кѣмъ-то разговаривалъ, иногда самымъ неестественнымъ голосомъ. Въ черновыхъ рукописяхъ видны слѣды этой работы. Каждый разговоръ передѣлывался Гоголемъ по нѣскольку разъ. За то какъ живо, вѣрно и естественно говорятъ всѣ его дѣйствующія лица [1]).

---

[1]) Неужели этой одной примѣты не достаточно, чтобы признать напечатанные варіанты поддѣльными? Неужели могъ Гоголь, хотя бы начерно, написать такую фальшь, какъ, напримѣръ, разговоръ крестьянъ Тентетникова и сужденіе ихъ о баринѣ:

Разсказъ о воспитаніи Тентетникова, сколько мнѣ помнится, читанъ былъ Гоголемъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ первомъ изданіи 1855 года. Причина же выхода въ отставку Тентетникова, была гораздо болѣе развита, чѣмъ въ тѣхъ варіантахъ, которые до насъ дошли. Но ничего подобнаго на глупые анекдоты о директорской шинели и галошахъ и о Сидорѣ Андреевичѣ, вставленныхъ въ варіанты, изданные въ 1872 г., не было и быть не могло; ибо причина выхода въ отставку Тентетникова имѣла весьма глубокое нравственное основаніе.

Помню, что это мѣсто въ чтеніи Гоголя особенно меня поразило по тонкости его психическаго анализа борьбы, происходящей въ благородной душѣ молодаго человѣка, съ возвышенными чувствами и безкорыстными желаніями добра и пользы поступающаго на службу. Такимъ былъ Тентетниковъ, — не нужно забывать, что подъ вліяніемъ чуднаго наставника развилось пылкое сердце мальчика и пробуждены были въ немъ всѣ честные, благородные порывы и стремленія; но Тентетниковъ лишился своего наставника, когда „еще не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, не испытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что растопившійся, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки". Поэтому, еще въ школѣ, когда

— «А что, дядя Пахомъ, баринъ-то говоритъ красно?»

— «Ну, извѣстно, что красно, вѣдь ихъ только тому и учатъ».

— «А что, бишь, онъ говорилъ,—я стоялъ подальше и не разслышалъ?»

— «Ну, а Богъ его вѣдаетъ, что онъ баялъ. Что-то похоже на то, какъ отецъ Аѳанасій въ церкви баетъ. Вѣстимо книжки эти не по намъ».

Бабы тоже разсуждали:

— «Ишь какой онъ добренькій—и въ ноги-то кланяться не даетъ. А ужъ молодецъ какой! И все говоритъ: полюбите меня, полюбите, да и посматриваетъ на дѣвокъ. Ишь ты какой, весь въ покойника отца». («Русская Старина» 1872 г., январь, стр. 95).

Неужели могъ Гоголь, вмѣсто великолѣпнаго описанія въѣзда Тентетникова въ деревню, написать такую безграмотную, сантиментальную ерунду, какъ напримѣръ:

«И вдругъ забилось у него сердце. И ему живо представились всѣ подробности его счастливаго дѣтства, и онъ увидѣлъ себя малюткой, котораго велъ за руку отецъ, гуляя по полямъ; и онъ увидѣлъ мать, выходящую на встрѣчу отцу, возвращающемуся съ усталымъ малюткой, и онъ почувствовалъ себя на рукахъ матери, которая прижимала его къ сердцу и спрашивала съ нѣжностью, не слишкомъ-ли онъ усталъ и, т. д. («Русск. Стар.» 1872 г., январь, стр. 94). Кн. Д. О.

измѣнился характеръ преподаванія и воспитанія, онъ, благодаря природному уму, чувствовалъ, что не такъ должно преподавать, но какъ— не зналъ, и онъ „повѣсилъ носъ". Но, по мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: „вѣдь это еще не жизнь, это — только приготовленіе къ жизни, настоящая жизнь на службѣ". Тамъ подвиги—и онъ жаждетъ ихъ. Съ такимъ настроеніемъ поступаетъ Тентетниковъ на службу. Съ рвеніемъ принимается за работу. Прежде всего его нѣсколько смущаетъ механизмъ занятій, которому, ему казалось, придаютъ слишкомъ большое значеніе. Но онъ съ этимъ примиряется въ надеждѣ все-таки добраться до сути дѣла, гдѣ найдетъ пищу своимъ благороднымъ стремленіямъ и гдѣ, можетъ быть, его ожидаютъ подвиги. Онъ принимается за дѣло, какъ бы оно ни казалось въ началѣ мелкимъ. Дѣйствительно, уже въ должности столоначальника, у него въ рукахъ дѣла, направленіе которыхъ уже много отъ него зависитъ. Онъ пишетъ, пишетъ новые законы, пишетъ распоряженія о благоустройствѣ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Пишетъ заочно наказы, разрѣшающіе участь цѣлаго народонаселенія, о дѣйствительныхъ нуждахъ котораго онъ ничего хорошенько не знаетъ. Рѣшаетъ на бумагѣ дѣла людей, живущихъ за 3 т. верстъ. Умъ и совѣсть говорятъ ему, что тутъ есть какая-то фальшь и что изъ всего этого можетъ произойти много вздору, при всемъ желаніи его добра и пользы. Онъ чувствовалъ, что не такъ слѣдовало бы идти дѣламъ, а какъ — не зналъ. И онъ утратилъ вѣру въ службу. Вотъ разгадка, почему Тентетниковъ „свыкнулся съ службой: но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ-было въ началѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами". При такомъ настроеніи, легко могъ Тентетниковъ подчиниться вліянію людей раздраженныхъ и наискиваться на непріятности. При первомъ случаѣ онъ выходитъ въ отставку.

Вотъ тема, которая развита была Гоголемъ съ поразительною живостію,—Тентетниковъ выставленъ былъ лицомъ, въ высшей степени симпатичнымъ. Утративъ вѣру въ свой идеалъ, чувствуя себя безоружнымъ въ борьбѣ съ неразрѣшимыми противорѣчіями, онъ, можетъ быть, по примѣру другихъ, окончательно и примирился бы съ ними, чиновное честолюбіе взяло бы верхъ надъ голосомъ совѣсти, ежели бы не представилось воображенію его другое поприще дѣятельности, еще не испытанное имъ, но заманчивое по обилію средствъ къ практическому приложенію всего запаса добрыхъ и благородныхъ намѣреній, которыми полна была душа его. Онъ поѣхалъ въ деревню.

Чудное описаніе этой деревни въ чтеніи Гоголя выходило такъ прелестно, что когда онъ кончилъ его словами: „Господи, какъ здѣсь просторно“! то мы, оба слушателя, невольно вскрикнули отъ восхищенія.

Затѣмъ пріѣздъ Чичикова, разговоръ его съ Тентетниковымъ и весь конецъ первой главы, сколько мнѣ помнится, Гоголь читалъ совершенно согласно съ текстомъ изданія 1855 года. Окончивъ чтеніе, Гоголь обратился къ намъ съ вопросомъ:

— „Ну, что вы скажете?“

Будучи подъ впечатлѣніемъ тѣхъ прелестныхъ картинъ и разнообразныхъ описаній природы, которыми изобилуетъ первая глава, я отвѣчалъ, что болѣе всего я пораженъ художественной отдѣлкой этой части, что ни одинъ пейзажистъ не производилъ на меня подобнаго впечатлѣнія.

— „Я этому радъ“, отвѣчалъ Гоголь и, передавъ намъ рукопись, просилъ, чтобы мы прочли ему въ слухъ нѣкоторыя мѣста.

Не помню, г. Россетъ или я исполнилъ его желаніе и онъ прислушивался къ нашему чтенію, видимо, желая слышать, какъ будутъ передаваться другими тѣ мѣста, которыя особенно рельефно выходили при его мастерскомъ чтеніи.

По окончаніи чтенія, г. Россетъ спросилъ у Гоголя:

— „Что, вы знали такого Александра Петровича (перваго наставника Тентетникова), или это вашъ идеалъ наставника?

При этомъ вопросѣ Гоголь нѣсколько задумался и, помолчавъ, отвѣчалъ:

— „Да, я зналъ такого“.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы замѣтить Гоголю, что, дѣйствительно, его Александръ Петровичъ представляется какимъ-то лицомъ идеальнымъ, отъ того, быть можетъ, что о немъ говорится уже какъ о покойникѣ въ третьемъ лицѣ; но какъ бы то ни было, а онъ, сравнительно съ другими дѣйствующими лицами, какъ-то безжизненъ.

— „Это справедливо“, отвѣчалъ мнѣ Гоголь и, подумавъ немного, прибавилъ: „Но онъ у меня оживетъ потомъ“.

Что разумѣлъ подъ этимъ Гоголь—я не знаю.

Рукопись, по которой читалъ Гоголь, была совершенно на-бѣло имъ самимъ переписана; я не замѣтилъ въ ней поправокъ.

Прощаясь съ нами, Гоголь просилъ насъ никому не говорить, что онъ намъ читалъ и не разсказывать содержанія первой главы.

Нѣсколько дней спустя, я уѣхалъ въ Петербургъ, обѣщавъ Гоголю, въ случаѣ нужды, хлопотать въ цензурномъ комитетѣ, ежели

будутъ какія-либо препятствія къ новому изданію полнаго собранія его сочиненій.

Пришла осень. Отъ общихъ нашихъ друзей узналъ я, что Гоголь хандритъ; но никто не безпокоился на счетъ его здоровья. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1852 г., по случаю кончины дяди моего, отправился я въ отпускъ въ Москву. Прибывъ туда 22-го февраля, я пораженъ былъ извѣстіемъ, что наканунѣ скончался Гоголь и что передъ смертью онъ сжегъ вторую часть „Мертвыхъ Душъ".

Вечеромъ я отправился къ А. П. Толстому. Тѣло покойнаго Гоголя уже было вынесено въ университетскую церковь. Отъ гр. Толстого узналъ я всѣ подробности странной кончины Гоголя и всѣ подробности сожженія рукописей. Убитый горемъ, вошелъ я въ комнату, среди которой стояла кафильная печь, еще полная пепла отъ сгорѣвшей рукописи. Передъ аналоемъ протяжно читалъ дьячекъ псалмы, и въ ту минуту, когда я отворилъ заслонку печи, услышалъ я могильнымъ голосомъ произнесенныя слова:

„И быхъ яко человѣкъ не слышай и не имый во устѣхъ своихъ обличенія". (Пс. Каф. 6 стихъ 15).

II.

Не стану описывать здѣсь похоронъ Гоголя. Много было толковъ и сужденій о послѣднихъ дняхъ его и о причинахъ, побудившихъ его сжечь трудъ всей своей жизни. Много объ этомъ было писано и напечатано. Всякій судилъ подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній. Самые близкіе друзья Гоголя не знали его, и въ этомъ сознались уже послѣ его смерти [1]).

Актъ сожженія „Мертвыхъ Душъ" можетъ быть только объясненъ такимъ подробнымъ анализомъ особенныхъ нравственныхъ свойствъ этого необыкновеннаго человѣка и такимъ подробнымъ изученіемъ самой задачи, задуманной Гоголемъ и разрѣшить которую онъ надѣялся „Мертвыми Душами", что нѣтъ возможности сколько-нибудь убѣдительно и ясно изложить это въ краткой журнальной статьѣ.

Вскорѣ послѣ похоронъ Гоголя, всѣ находившіяся въ квартирѣ его бумаги, всѣ до послѣдняго листка, были переданы графомъ А. П. Толстымъ — С. П. Шевыреву.

Смерть Гоголя, какъ громовой ударъ, поразила нашу литературу. Всѣ газеты и журналы наполнены были статьями о Гоголѣ. Это

---

[1]) Доказательство этого см. ниже въ письмѣ покойнаго С. Т. Аксакова, стр. 955—957. Ред.

окончательно возмутило цензурное управленіе, уже прежде подозрительно относившееся къ Гоголю, считая его знаменемъ или главою либеральной партіи. Особенно злобно относился къ Гоголю, бывшій въ то время попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ, предсѣдательствовавшій въ главномъ управленіи цензуры.

Цензорамъ объявлено было приказаніе — строго цензуровать все, что пишется о Гоголѣ, и, наконецъ, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ. И. С. Тургеневъ за коротенькую статью, напечатанную въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 13-го марта, 1852 г. [1]), гдѣ онъ назвалъ Гоголя великимъ писателемъ, по особому распоряженію, посаженъ былъ въ Петербургѣ на съѣзжую, во вторую часть, и просидѣлъ тамъ двѣ недѣли. Наконецъ, даже имя Гоголя опасались употреблять въ печати и взамѣнъ его употребляли выраженія: „извѣстный писатель".

Вотъ при какихъ условіяхъ друзья и родственники Гоголя должны были начать хлопоты объ изданіи его сочиненій и въ томъ числѣ найденныхъ отрывковъ изъ 2-й части „Мертвыхъ Душъ".

Высшее петербургское общество въ то время относилось съ полнымъ равнодушіемъ къ русской литературѣ вообще, а къ утратѣ Гоголя въ особенности.

Весьма тѣсный кружокъ людей, цѣнившихъ творенія Гоголя, былъ совершенно безсиленъ противодѣйствовать въ высшихъ сферахъ вліянію „Сѣверной Пчелы", подъ редакціей Булгарина. Газета эта, владѣя искусствомъ дѣйствовать на слабыя струны лицъ, въ то время власть имѣвшихъ, была единственною представительницею общественнаго мнѣнія въ глазахъ этихъ лицъ. Она умѣла опошлить и вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ опасномъ видѣ восторженныя похвалы поклонниковъ Гоголя [2]). Замѣчательно, что арестъ И. С. Тургенева въ съѣзжемъ домѣ не произвелъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ никакого особаго впечатлѣнія. Мѣсто заключенія — „съѣзжій домъ", куда сажали тогда пьяницъ, показался нѣкоторымъ лицамъ только страннымъ и знаменательнымъ, объ этомъ много шутили и смѣялись [3]).

---

[1]) См. далѣе, стр. 957—958. Ред.

[2]) До чего это доходило, видно изъ письма Ѳ. В. Булгарина 1852 г. по поводу смерти Гоголя; оно напечатано въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г. т. V, стр. 481—482. Кн. Д. О.

[3]) По поводу ареста И. С. Тургенева нельзя не привести двѣ-три подробности. Статья его о Гоголѣ должна была явиться въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но Мусинъ-Пушкинъ, ярый ненавистникъ Гоголя, зачеркнулъ всю статью, выразивъ мнѣніе, что о такомъ писателѣ преступно отзываться столь восторженно, какъ это сдѣлалъ г. Тургеневъ. Иванъ Сергѣевичъ по-

Между тѣмъ, нельзя было надѣяться на какой-либо успѣхъ въ ходатайствѣ о разрѣшеніи изданія сочиненій покойнаго Гоголя, пока не заинтересуются въ этомъ дѣлѣ лица, имѣющія вліяніе въ высшихъ сферахъ. Задача заключалась въ томъ, какъ достигнуть этой цѣли?

Къ счастію, на помощь явился Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ (извѣстный московскій артистъ). Въ концѣ 1852 года, прибывъ въ Петербургъ, для участія въ представленіяхъ Александринскаго театра, онъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ старался снять опалу съ памяти Гоголя, изыскивая случаи читать разныя его. сочиненія во вліятельныхъ салонахъ.—При помощи друзей Гоголя это ему удалось вполнѣ. Щепкину не разъ посчастливилось читать Гоголя въ присутствіи покойной Великой Княгини Елены Павловны и Великаго Князя Константина Николаевича. Кромѣ искусства читать, М. С. Щепкинъ, весь проникнутый любовью и уваженіемъ къ памяти покойнаго своего друга, умѣлъ такъ трогательно разсказывать о немъ свои воспоминанія и такъ живо изображать всю несправедливость гоненія на его память, что невольно подчинялъ своему убѣжденію самыхъ равнодушныхъ слушателей.

Горючими слезами оканчивалъ обыкновенно Михаилъ Семеновичъ, свою защиту и я не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ благотворно дѣйствовали эти слезы.

Весной 1853 года М. С. Щепкинъ вновь пріѣзжалъ въ Петербургъ и на этотъ разъ привезъ съ собою нѣсколько рукописей покойнаго Гоголя,—въ числѣ ихъ были „Развязка Ревизора", которую онъ читалъ въ Стрѣльнѣ у Великаго Князя Константина Николаевича.

Между тѣмъ, Шевыревъ занимался въ Москвѣ разборомъ бумагъ

слалъ статью въ Москву къ В. П. Боткину, только для того, чтобъ показать, что Петербургъ не остался равнодушенъ къ страшной потерѣ, понесенной всей Россіей съ кончиной Гоголя. Боткинъ-ли или его друзья напечатали статью Тургенева, конечно, съ разрѣшенія московской цензуры, ничего не вѣдавшей о запрещеніи ея въ Петербургѣ. Появленіе статьи взбѣсило Мусина-Пушкина. Онъ нажаловался начальству, изобразилъ Тургенева «бунтовщикомъ»—и авторъ «Записокъ Охотника» водворенъ былъ въ съѣзжею 2-й части, что на Офицерской улицѣ, близъ Большаго театра. Разсказываютъ, что Ивану Сергѣевичу довелось-бы провести время въ средѣ пьяницъ и уличныхъ мошенниковъ, какъ вдругъ судьба послала ему ангеловъ-спасительницъ: то были двѣ дочери его тюремщика — частнаго пристава; эти дѣвицы оказались почитательницами таланта г. Тургенева, приняли въ немъ большое участіе, невольно обрадовались «счастливому случаю» познакомиться съ нимъ лично и убѣдили своего родителя—вмѣсто помѣщенія г. Тургенева въ «сибирку»—дать ему пріютъ въ ихъ квартирѣ. Здѣсь Иванъ Сергѣевичъ и провелъ двѣ недѣли.

покойнаго Гоголя. Въ числѣ их оказалось нѣсколько оконченныхъ главъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“ и нѣсколько отрывковъ изъ 2-й, а можетъ быть даже и 3-й части. Рукописи эти, очевидно, были черновыя, съ такимъ множествомъ помарокъ, что разобрать ихъ было дѣломъ весьма труднымъ. Шевыревъ, которому Гоголь успѣлъ прочесть почти весь второй томъ, могъ одинъ только, по памяти, возстановить текстъ, ближе всего подходившій къ той редакціи, которая была сожжена. При содѣйствіи племянника покойнаго Гоголя, г. Трушковскаго, трудъ этотъ былъ конченъ весною 1853 года.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, узнавъ объ этомъ, поручилъ мнѣ просить Шевырева доставить ему для прочтенія посмертныя сочиненія Гоголя. Шевыревъ немедленно исполнилъ желаніе Великаго Князя и прислалъ Его Высочеству оставшіяся главы и отрывки изъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“ и „Авторскую Исповѣдь“.

Это были первые списки, которые вышли изъ рукъ Шевырева.

По прочтеніи этихъ рукописей, Великій Князь легко могъ убѣдиться, что въ цензурномъ отношеніи они не представляли ни малѣйшаго повода къ какому-либо преслѣдованію, а потому, высоко цѣня талантъ покойнаго Гоголя и горячо принимая къ сердцу интересы отечественной литературы, онъ рѣшился, чрезъ посредство гр. Орлова (шефа жандармовъ), ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о разрѣшеніи семейству Гоголя издать какъ старыя, такъ и посмертныя его сочиненія. Вслѣдствіе сего ходатайства, Высочайше было повелѣно разсмотрѣть всѣ сочиненія Гоголя въ московской цензурѣ. Не смотря на это повелѣніе, московская цензура долго не рѣшалась высказать своего мнѣнія и, наконецъ, не желая принять на свою отвѣтственность послѣдствія своего окончательнаго рѣшенія, представила все дѣло въ петербургское главное управленіе цензуры, хотя съ робкимъ, но благопріятнымъ мнѣніемъ въ пользу изданія. Въ главномъ управленіи вліятельный голосъ попечителя с.-петербургскаго университета Мусина-Пушкина, безъ всякаго сомнѣнія, взялъ бы верхъ надъ робкой защитой другихъ членовъ, ежели бы министръ народнаго просвѣщенія—А. С. Норовъ и начальникъ штаба шефа жандармовъ, по настоятельной просьбѣ Великаго Князя, не приняли на себя труда, лично въ засѣданіи управленія, высказать свое мнѣніе въ пользу изданія сочиненій Гоголя, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, съ тѣмъ однако, чтобы заглавіе „Мертвыхъ Душъ“ было перемѣнено и названо „Похожденіями Чичикова“. Согласно этому мнѣнію, составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, удостоенный Высочайшаго утвержденія.

Вотъ краткій разсказъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми, въ

теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, приходилось бороться издателямъ сочиненій Гоголя.

Изданныя въ 1855 году главы 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ совершенно сходны съ тѣмъ спискомъ, который присланъ былъ Шевыревымъ Великому Князю Константину Николаевичу. По этому списку я читалъ у разныхъ лицъ въ Петербургѣ и, между прочимъ, многіе изъ петербургскихъ литераторовъ въ первый разъ услышали это новое произведеніе Гоголя при моемъ чтеніи у покойнаго Николая Алексѣевича Милютина.

Помню, что, по просьбѣ многихъ лицъ, я давалъ свою рукопись для прочтенія на дому, при чемъ легко могли быть сняты съ нее копіи. Знаю также, что и Шевыревъ не стѣснялся выдавать копіи съ своего списка. Такимъ образомъ, главы 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ ходили уже по рукамъ въ спискахъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ, еще прежде появленія ихъ въ печати.

Бывшій въ рукахъ г. Ястржембскаго экземпляръ, очевидно, былъ тотъ самый первоначальный списокъ, который изданъ въ 1855 г. На немъ, дѣйствительно, послѣ 2-й главы написано было карандашемъ (въ скобкахъ: Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тентетниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о 12-мъ годѣ; помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ея и плачь на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его для извѣщенія о помолвкѣ дочери и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ — полковнику Кашкарову).

Г. Ястржембскому легко было воспользоваться этой темой, чтобы позабавиться подражаніемъ Гоголю, — тѣмъ болѣе, что подробности онъ могъ узнать изъ статьи Л. И. Арнольди „Мое знакомство съ Гоголемъ“, напечатанной въ 1862 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Въ этой статьѣ весьма вѣрно изложено содержаніе четырехъ первыхъ главъ 2-й части, и хотя статья эта появилась въ свѣтъ только въ 1862 году, но весьма многія лица, изъ разсказовъ Шевырева, Аксаковыхъ и А. О. Смирновой, знали содержаніе многихъ главъ, совершенно для насъ утраченныхъ. Такимъ образомъ и г. Ястржембскій могъ слышать отъ Прокоповича или отъ кого-либо другаго тѣ мотивы, которые онъ воспроизвелъ въ своихъ варіантахъ.

Ежели г. Ястржембскій желаетъ продолжать свою забаву, то я могу указать ему еще нѣсколько мотивовъ изъ послѣднихъ главъ 2-й части, о которыхъ г. Арнольди не упоминаетъ, но которые я слышалъ отъ Шевырева. Напримѣръ: въ то время, когда Тентетниковъ, пробужденный отъ своей апатіи вліяніемъ Улиньки, блаженствуетъ, будучи ея

женихомъ, его арестовываютъ и отправляютъ въ Сибирь; этотъ арестъ имѣетъ связь съ тѣмъ сочиненіемъ, которое онъ готовилъ о Россіи, и съ дружбой съ недоучившимся студентомъ съ вреднымъ либеральнымъ направленіемъ. Оставляя деревню и прощаясь съ крестьянами, Тентетниковъ говоритъ имъ прощальное слово (которое, по словамъ Шевырева, было замѣчательное художественное произведеніе). Улинька слѣдуетъ за Тентетниковымъ въ Сибирь,—тамъ они вѣнчаются и проч.

Вѣроятно, въ бумагахъ Шевырева сохранились какія-либо воспоминанія о слышанныхъ имъ главахъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“; по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что онъ намѣренъ былъ припомнить содержаніе тѣхъ главъ, отъ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ, и изложить ихъ вкратцѣ на бумагѣ.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ г. Кулиша приведены варіанты, уцѣлѣвшіе въ черновыхъ рукописяхъ, переданныхъ графомъ Толстымъ Шевыреву; и можно утвердительно сказать, что, кромѣ этихъ рукописей, ни у кого и никогда не могло быть строки изъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“,—ибо невозможно допустить, чтобы самъ Гоголь рѣшился выпустить изъ своихъ рукъ сокровище, надъ которымъ постоянно дрожалъ, опасаясь, чтобы оно не сдѣлалось извѣстнымъ прежде окончательной отдѣлки.

Слишкомъ 20 лѣтъ прошло со дня кончины Гоголя — и мы еще не имѣемъ безпристрастной и вѣрной оцѣнки твореній и личности этого великаго моралиста. А между тѣмъ, время идетъ и кружекъ людей, испытавшихъ на себѣ силу нравственнаго вліянія Гоголя и оцѣнившихъ уже послѣ его смерти всѣ непонятныя стороны характера и духовной жизни этого необыкновеннаго человѣка,—все рѣдѣетъ и рѣдѣетъ. Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ излѣдованій о значеніи Гоголя должны служить укоромъ тѣмъ почитателямъ его, которые могли бы разъяснить всю ошибочность исходной точки воззрѣнія современныхъ мыслителей на значеніе писателей, подобныхъ Гоголю. Неужели суждено Гоголю, въ глазахъ грядущихъ поколѣній, занять то незавидное мѣсто, которое отводятъ ему нынѣшніе цѣнители заслугъ писателя, всецѣло преданнаго одной высоко-нравственной мысли, безъ всякаго отношенія къ измѣнчивымъ политическимъ и соціальнымъ стремленіямъ современнаго общества?

Князь Д. Оболенскій.

По поводу кончины Н. В. Гоголя.

1852.

I.

Извѣстіе о смерти Гоголя.

(«Московскія Вѣдомости, 1852 г.» № 24, 23-го февраля).

Въ четвергъ, 21-го февраля, въ 8 часовъ утра, скончался Николай Васильевичъ Гоголь. Эти простыя слова скорбно отзовутся во всѣхъ концахъ русскаго міра. Теперь, передъ тѣломъ отшедшаго въ вѣчность, не измѣрять, а только чувствовать можемъ мы эту великую утрату. Русской мысли и слову покойный оказалъ безсмертныя заслуги. Его вліяніе на умы было глубоко и обширно. Его произведенія, исполненныя неистощимой жизни, останутся на вѣки дорогимъ достояніемъ народа. Самыя ничтожныя явленія жизни возводились имъ, говоря его словами, «въ перлъ созданія» и получали жизнь въ полнотѣ его изображеній. Его геній не боялся унизить себя изображеніемъ мелочей человѣческаго быта; безпощадно разоблачая ничтожество и пустоту, мысль его всегда была строга и цѣломудренна. Онъ писалъ не по суетнымъ внушеніямъ, въ основѣ его мыслей всегда таилась возвышенная душа и билось горячее сердце. Отсюда-то и бралась та чудесная прелесть, которою дышатъ его произведенія. Потому-то такъ чиста и выходила его мысль изъ тѣхъ темныхъ убѣжищъ, въ которыхъ она преслѣдовала человѣческое ничтожество.

Сѣмя недуга, которымъ онъ похищенъ, уже давно въ немъ развивалось. Но кто ожидалъ, что мы лишимся его такъ скоро? Его кончина была для всѣхъ внезапностію. Не задолго до своего послѣдняго дня, онъ выходилъ еще изъ дому, но въ немъ самомъ, казалось, было уже предчувствіе близкой смерти. Еще въ сырную недѣлю онъ готовился къ пріобщенію Святыхъ Таинъ. Глубокая религіозность, бывшая его отличительнымъ свойствомъ, сопровождала его до послѣдней минуты, и онъ скончался, весь преданный загробнымъ помысламъ, обращенный къ тому міру, который передъ нимъ открывался.

Гоголь скончался 44-хъ лѣтъ отъ роду, унося съ собою еще такъ много великихъ надеждъ.

Тѣло покойнаго, какъ почетнаго члена московскаго университета, перевесено было вчера въ университетскую церковь. Выносъ происходилъ въ 8 часовъ по полудни. Друзья покойнаго и цѣнители его высокаго дара несли гробъ на рукахъ до самой церкви. Сегодня, въ часъ по полудни, будетъ происходить панихида.

Отпѣваніе тѣла назначено завтра, въ воскресенье, 24-го февраля, послѣ божественной литургіи, которая начнется въ 10 часовъ утра. Тѣло будетъ предано землѣ въ Даниловомъ монастырѣ, тамъ, гдѣ покоятся останки Н. М. Языкова—одного изъ ближайшихъ друзей покойнаго.

II.

Погребеніе Н. В. Гоголя.

(«Московскія Вѣдомости» 1852 г. № 25, 24-го февраля).

Москва.

Въ воскресенье, 24-го февраля, послѣ божественной литургіи происходило отпѣваніе тѣла Николая Васильевича Гоголя, въ присутствіи господина градоначальника Москвы—его сіятельства графа

Арсенія Андреевича Закревскаго, его превосходительства господина попечителя московскаго учебнаго округа—Владиміра Ивановича Назимова, многихъ почетныхъ лицъ столицы, при многочисленномъ стеченіи чтителей памяти покойнаго, наполнившихъ обширную церковь университета. Предъ окончаніемъ литургіи было сказано протоіереемъ Богдановымъ надгробное слово.

По окончаніи печальнаго обряда, гробъ былъ вынесенъ изъ церкви профессорами и потомъ, до самого Данилова монастыря, не взирая на неудобства пути, былъ несенъ на рукахъ преимущественно студентами, въ сопутствіи множества лицъ, усердствовавшихъ проводить тѣло усопшаго до мѣста его послѣдняго успокоенія.

Гоголь скончался вдали отъ родныхъ; но вотъ вокругъ его гроба столпилось это множество лицъ, которыхъ бо́льшая часть навѣрно и не видала его при жизни. Всѣхъ собрало одно чувство, всѣ стеклись отдать послѣдній долгъ человѣку, ознаменовавшему себя скромною дѣятельностью писателя, всѣ навѣрное принесли съ собою искреннюю молитву, искреннюю думу о почившемъ. Слезы, которыя были здѣсь замѣчены, не могли имѣть инаго источника, кромѣ истинной скорби объ утратѣ человѣка, всѣмъ равно близкаго [1]).

III.

Письмо Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова къ друзьямъ Гоголя.

(«Московскія Вѣдомости», № 32, 1852 г.)

Гоголя нѣтъ на свѣтѣ, Гоголь умеръ.... странныя слова, не производящія обыкновеннаго впечатлѣнія. Умереть Гоголю вдругъ нельзя; тѣло его предано землѣ, но духъ вошелъ въ нашу жизнь, особенно въ жизнь молодаго поколѣнія. Много, очень много надобно времени, чтобъ память о Гоголѣ потеряла свѣжесть; забытъ, кажется мнѣ, онъ никогда не будетъ. Но Гоголь сжегъ „Мертвыя Души"…. вотъ страшныя слова! Безотрадная грусть обнимаетъ сердце при мысли, что Гоголь не досказалъ своего слова, что погибъ плодъ десятилѣтнихъ вдохновенныхъ трудовъ, что навсегда исчезли созданные имъ образы, выступившіе во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", первыя

---

[1]) Гробница Гоголя въ Даниловомъ монастырѣ, близъ памятниковъ Хомякова и Языкова, состоитъ изъ лежащаго на двухъ ступеняхъ продолговатаго камня, немного съуженнаго къ верху. Имя Гоголя вырѣзано большими буквами, а съ одной стороны приведены слова пророка Іереміи: «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся. Глава VIII, ст. 20». По замѣчанію г. Ивана Павловскаго, сообщенному въ редакцію «Русской Старины» (изъ Екатеринославской губерніи, Константиноградскаго уѣзда), это указаніе на главу и на стихъ—ошибочно, слѣдуетъ читать на оборотъ: «Глава XX, стихъ 8». Ред.

главы котораго онъ читалъ многимъ. Я самъ слышалъ четыре, а С. П. Шевыревъ и А. О. Смирнова, какъ говорятъ, слышали семь главъ. И Улинька, и Тентетниковъ съ ихъ взаимною любовью, и генералъ Бетрищевъ [1]), и Костанжогло, и братья Платоновы, и многіе другіе — всѣ погибли и навсегда. Это ужасно, это невыносимо горько; но теперь еще не время распространяться объ этомъ. Я обращаюсь къ статьямъ Гоголя, получившимъ теперь настоящій смыслъ, къ его предисловію и завѣщанію [2]), напечатаннымъ въ книгѣ: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями" (стр. 12). Еслибъ Гоголь былъ живъ, я никогда бы не сталъ перечитывать этой книги, въ свое время не одинъ разъ прочитанной мною; но теперь слѣдовало это сдѣлать и я прочелъ ее вновь. Поразили меня эти двѣ статьи. Больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній, возбужденныхъ ими во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онѣ рано были напечатаны. Вѣроятно, такое же дѣйствіе произведутъ теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые также, какъ и я, были недовольны этою книгою и особенно печатнымъ завѣщаніемъ живаго человѣка. Смерть все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе. Гоголя, какъ человѣка, знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило отъ того, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него, мало думалъ о томъ, что говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что самъ говоритъ;—однимъ словомъ, Гоголя не могли знать хорошо, и потому могли усомниться въ задушевности, въ правдѣ многихъ словъ его послѣдней книги. Но теперь, когда онъ смертью запечатлѣлъ искренность своихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, кажется, наступило время дать полную вѣру его христіанской любви къ людямъ. Рѣчь идетъ не о томъ, ошибочны были или нѣтъ нѣкоторыя мысли и воззрѣнія Гоголя, — рѣчь идетъ о правдѣ его смиренія, чистотѣ намѣреній, сердечности чувствованій и стремленія къ добру.

Я убѣдительно прошу всѣхъ друзей и почитателей Гоголя, обра-

---

[1]) Въ статьѣ напечатано: Быстрищевъ. Ред.
[2]) Въ статьѣ напечатано: замѣчанію. Ред.

тить особенное вниманіе на слѣдующія его слова: „Завѣщаю, по смерти моей, не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ моихъ произведеній въ публичныхъ листахъ и журналахъ,—все будетъ такъ же пристрастно, какъ и при жизни. Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ хвалу. Всѣ нападенія на нихъ были въ основаніи, болѣе или менѣе, справедливы. Предо мной никто не виноватъ; неблагодаренъ и несправедливъ будетъ тотъ, кто попрекнетъ мною, въ какомъ бы то ни было отношеніи".

Неужели теперь мы не повѣримъ въ искренность каждой буквы этихъ словъ? Чѣмъ можемъ мы достойнѣе почтить память усопшаго нашего друга, какъ не самымъ точнымъ исполненіемъ завѣщаннаго имъ желанія? Я знаю, нельзя ожидать общаго почтительнаго молчанія, хотя на короткое время. Вѣроятно много будутъ писать и даже пишутъ и теперь о Гоголѣ. Вѣроятно нѣкоторые, глубоко-болѣзненно огорченные смертію любимаго и чтимаго художника, станутъ такъ горячо хвалить его, что оскорбятъ самолюбіе многихъ; оскорбленные станутъ возражать съ большою неумѣренностію; охотно присоединится къ нимъ, онѣмѣвшее передъ таинствомъ смерти, старинное недоброжелательство,—и закипятъ надъ свѣжею могилой Гоголя новыя вражды, тогда какъ сердце его билось однимъ желаніемъ, чтобъ люди жили въ мирѣ и любви. Не будетъ-ли это истиннымъ оскорбленіемъ памяти Гоголя, который никогда ни къ кому не питалъ непріязни, даже скоропреходящаго гнѣва: эту истину могутъ засвидѣтельствовать не только всѣ друзья, но даже сколько-нибудь знакомые съ нимъ люди. Не заводить новыя ссоры слѣдуетъ надъ прахомъ Гоголя, а прекратить прежнія, страстями возбужденныя, несогласія, и въ этомъ искать утѣшенія въ нашемъ общемъ великомъ горѣ. С. А.

Деревня.
1852 года 6-го марта.

IV.

Письмо Ивана Сергѣевича Тургенева.

(«Московскія Вѣдомости», четвергъ, 13-го марта 1852 г., № 32).

Письмо изъ Петербурга.

Гоголь умеръ!.... Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ... Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія,—пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго

мы теперь имѣемъ право—горькое право, данное намъ смертью,—назвать великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означитъ эпоху въ исторіи нашей литературы; человѣкъ, которымъ мы гордились, какъ одною изъ славъ нашихъ! Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ изъ его предшественниковъ.... Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возбуждаетъ боль старинныхъ язвъ. Не время теперь и не мѣсто говорить о его заслугахъ — это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви судомъ, которымъ подобные ему люди судятся передъ лицомъ потомства; намъ теперь не до того, намъ только хочется быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы чувствуемъ разлитою повсюду вокругъ насъ; не оцѣнять его намъ хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ — самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Въ день, когда его хоронитъ Москва, намъ хочется ей протянуть отсюда руку, соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали; мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо, но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный поклонъ и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно москвичамъ, бросить горсть родимой земли! Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ—въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ! Но невыразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе—самые зрѣлые плоды его генія—погибли для насъ невозвратно, и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи.....

Едва-ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными или даже вовсе неумѣстными..... Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія,—все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилой: онѣ не заговорятъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставитъ за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами:

„Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!“ Т.....въ.

24-го февраля 1852 года.
С.-Петербургъ.

Сообщ. Н. П. Васильевъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Приказы по войскамъ

1797 г.

1-го мая 1797 года. Въ г. Москвѣ.

Генералъ-лейтенанта Архарова 2-го полка, баталіона подполковника Ермолова, капитанъ Мещериновъ исключается изъ службы.

Генералъ-лейтенанта Архарова 2-го полка капитанъ Сукинъ, для излѣченія, увольняется на лѣто въ деревню.

Нашебургскаго мушкетерскаго полку полковникъ Остенъ-Сакенъ за лѣнь исключается изъ службы, а того же полку подполковникъ Измайловъ всемилостивѣйше жалуется въ полковники.

По высочайшему повелѣнію отставной маіоръ князь Горчаковъ принимается въ службу тѣмъ же чиномъ и причисляется въ свиту его императорскаго величества.

2-го мая 1797 года. Въ г. Москвѣ.

Всемилостивѣйше жалуется московскаго гарнизону полковъ: Астраханскаго гранодерскаго, Нашебургскаго (sic) мушкетерскаго, Ярославскаго мушкетерскаго, и генералъ-лейтенанта Архарова 2-го полку, кромѣ баталіоновъ Сухотина и Ермолова, всѣмъ оберъ-офицерамъ не въ зачетъ за одну треть года денежное жалованье.

Подполковникъ Копіевъ, за дурное поведеніе, арестуется на четыре мѣсяца.

Всѣмъ тѣмъ, кои разъ выключены изъ службы, военныхъ мундировъ не носить.

Преображенскаго полку подпоручикъ принцъ Биронъ увольняется на два мѣсяца въ отпускъ.

10-го мая 1797 года. Въ г. Минскѣ.

7-го егерскаго баталіона капитанъ Суворовъ, исключенный передъ симъ изъ службы, опредѣляется по прежнему въ тотъ же баталіонъ.

Когда полки будутъ въ строю, то старшій штабъ-офицеръ въ баталіонѣ командуетъ онымъ; старшій по немъ, если онъ полковничьяго чина или подполковничьяго, становится позади его, если же маіорскаго, то находится верхомъ при баталіонѣ; остальные штабъ-офицеры становятся пѣшими позади баталіоннаго командира; а гранодерскихъ соединенныхъ ротъ штабъ-офицеры находятся при оныхъ верхами.

Ростовскаго мушкетерскаго полку выключенный капитанъ Песецкой принимается, по прежнему, въ тотъ же полкъ 10-го числа.

15-го мая 1797 года. Въ г. Гроднѣ.

По высочайшему повелѣнію бригадиръ Волковъ и подполковникъ Тутолминъ исключаются изъ службы.

Генералъ-маіоръ Орловъ жалуется въ войсковые атаманы Войска Донскаго.

Псковскаго драгунскаго полку капитанъ Тютчевъ исключается изъ службы.

17-го мая 1797 года. Въ г. Вильнѣ.

По высочайшему повелѣнію выключенные Муромскаго мушкетерскаго полку поручики: Чичаговъ, Гразавичъ, Кочуркевичъ и подпоручики: Тютюревъ и Маслениковъ причисляются, по прежнему, въ тотъ же полкъ.

Егерскіе баталіоны переименовать полками, называя тѣмъ же номеромъ, а роты раздѣлить каждую на двѣ, что и составитъ десять ротъ, которыя и раздѣлить на два баталіона, полагая въ каждомъ по одному штабъ-офицеру, по которымъ и именоваться баталіонамъ; въ каждой ротѣ быть уже тремъ офицерамъ, что и дополнить изъ сверхкомплектныхъ офицеровъ, по шести унтеръ-офицеровъ и по два музыканта, и адъютантамъ быть въ каждомъ баталіонѣ по одному.

Исключаются изъ службы: инженеръ-подпоручикъ Абрамовъ за лѣность, генералъ-маіоръ Юргенцъ—за ослушаніе команды и повелѣнія императора, а на мѣсто его назначается шефомъ въ Томской мушкетерской полкъ генералъ-маіоръ Марковъ; Старобаденскаго мушкетерскаго полку—полковникъ Бибиковъ; Орловскаго мушкетерскаго полку—маіоръ князь Мещерскій.

Отъ артиллеріи капитанъ Серафини исключается изъ службы.

Въ разсужденіи болѣзни генералъ-лейтенанта Берхмана, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ выйдетъ въ отставку, получаетъ тотъ полкъ генералъ-адъютантъ Баратынскій.

22-го мая 1797 года. Въ г. Ригѣ.

Исключенный предъ симъ изъ службы корнетъ Балицкой принимается паки во оную въ гусарской Боровскаго полкъ.

Исключаются изъ службы: генералъ-маіоръ Богдановъ—за неприбытіе къ полку. Бригадиры: Языковъ, Хвастовъ, Таврическаго гранодерскаго полку маіоръ Менгденъ и поручикъ фонъ-Шицъ—за неявленіе къ полку; Бѣлозерскаго мушкетерскаго поручикъ Павловъ—за дурное поведеніе; Шлюссельбургскаго мушкетерскаго прапорщикъ Тютневъ; Псковскаго драгунскаго полку прапорщикъ Юрьевичъ; Егерскаго четвертаго полку капитанъ Скурульскій, выключенный за просрочку изъ службы, принимается по прежнему въ тотъ же баталіонъ. Гусарскаго Годлевскаго полку поручикъ Соляниковъ исключается изъ службы.

23-го мая 1797 года. Въ г. Ригѣ.

По высочайшему повелѣнію выключенные опредѣляются въ Таврической гранодерской полкъ изъ полковъ: Таврическаго—маіоры: Баярскій и Вейберхъ; поручикъ Баравитиновъ, подпоручики: Ильинской, Тарновскій, Марненко; Московскаго драгунскаго—ротмистръ Бревернъ, Сибирскаго гранодерскаго—поручикъ Барановъ, Рязанскаго мушкетерскаго—поручикъ Гине.

Екатеринбургскаго мушкетерскаго полку маіору Гревейцу за недѣльную его просьбу дѣлается репремандъ.

24-го мая 1797 года. Въ г. Ригѣ.

По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію старые бомбардиры, написанные въ гандъ-лангеры, должны получать свои прежніе оклады.

26-го мая 1797 года. Въ г. Нарвѣ.

По высочайшему повелѣнію Кавказскаго гранодерскаго полку полковникъ Сабакинъ и гусарскаго Шица полковникъ Никорица отдаются подъ судъ, первый—за ослушаніе команды, а второй—за дурное состояніе полку и ложный рапортъ.

Исключенные предъ симъ изъ службы Тамбовскаго мушкетерскаго полку поручикъ Калоферъ и Апшеронскаго мушкетерскаго-жъ подпоручикъ Жарковскій причисляются, по прежнему, въ тѣ же полки.

28-го мая 1797 года. Въ г. Гатчинѣ.

Оренбургскаго драгунскаго полку подполковникъ баронъ Штакельбергъ и капитанъ Пеутлингъ, за неприбытіе къ полку, выключаются изъ службы.

29-го мая 1797 года. Въ г. Гатчинѣ.

Оренбургскаго драгунскаго полку капитанъ Криднеръ, за неявку къ полку, изъ службы исключается.

Исключенный Софійскаго мушкетерскаго полку маіоръ Бауманъ принимается по прежнему въ тотъ же полкъ.

Орловскаго мушкетерскаго полку маіоръ Ульяновъ выключается изъ службы.

30-го мая 1797 года. Въ г. Гатчинѣ.

Черниговскаго мушкетерскаго полку полковникъ Сераковскій выключается изъ службы.

31-го мая 1797 года. Въ г. Гатчинѣ.

Гатчинскому гошпиталю имѣть сношенія съ воинскою частью, какъ было прежде.

2-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Остановленное военною коллегіею жалованье генералъ-лейтенанту Вадковскому, генералъ-провіантмейстеру Обольянинову, какъ теперь выдать, такъ и впредь производить.

Павловскаго гранодерскаго полку капитанъ Гаргорій увольняется, на нужное время, для излѣченія болѣзни.

4-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Генералъ-лейтенантъ князь Любомирской отставляется отъ службы.

5-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Псковскаго драгунскаго полку аудиторъ Макаровъ, за дурное поведеніе, исключается изъ службы.

8-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Генералъ отъ инфантеріи Якобій, по прошенію его, увольняется отъ службы со всемилостивѣйшимъ позволеніемъ носить мундиръ.

Великолуцкаго мушкетерскаго полку полковникъ Будбергъ, за безпорядочный поступокъ и ослушаніе команды, отдается подъ судъ.

Артиллерійскаго генералъ-маіора Мамонтова баталіону подпоручикъ Шенгелидзевъ, за просрочку, исключается изъ службы.

Нижегородскаго пѣхотнаго полку полковникъ Артельной, за неявку къ оному полку, исключается изъ службы.

Генералъ-маіоръ графъ Муравской всемилостивѣйше принимается въ службу тѣмъ же чиномъ въ кавалерію, съ ношеніемъ общаго кавалерійскаго мундира.

Дармштатской службы ротмистръ баронъ Данкельманъ всемилостивѣйше принимается въ службу тѣмъ же чиномъ въ Лейбъ-кирасирской полкъ его императорскаго величества.

Его императорское величество всемилостивѣйше жалуетъ во всей конницѣ всѣмъ оберъ-офицерамъ отъ ротмистра до корнета по одной лошади изъ ремонта безденежно на шесть лѣтъ; а кто пожелаетъ взять деньгами вмѣсто лошади, то получаетъ сумму ремонтную, что и впредь производить.

9-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи егерскаго баталіона адъютантъ Лейхнеръ уволенъ въ Санктпетербургъ на три дни.

Выключаются изъ службы за пьянство и негодность: Казанскаго мушкетерскаго полку капитаны: Личкѣевъ, Ивановъ, Большепаловъ и Суржиковъ; Кавказскаго гранодерскаго полку: маіоръ Арпаси, капитанъ Тулубьевъ, поручикъ Куликовъ и прапорщикъ Козловъ; гарнизоннаго Гессенова полку поручики: Насакинъ и Тресоголовъ.

10-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Выключаются изъ службы бригадиры: Селунскій и Катаржи.

11-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Выключенные предъ симъ Нижегородскаго мушкетерскаго полку капитаны: Ильинскій и Каратаевъ, поручикъ Рязановъ и подпоручикъ Тулаевъ причисляются, по прежнему, въ тотъ же полкъ.

Гарнизоннаго подполковника Гессена полку поручики: Насакенъ и Тресоголовъ исключаются изъ службы за пьянство (см. выше).

12-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Псковскаго мушкетерскаго полку шефу генералъ-маіору князю Лобанову-Ростовскому дѣлается выговоръ за недѣльное представленіе о аудиторѣ въ адъютанты.

Генералъ-лейтенанта Дунина гусарскаго полку подполковникъ Головинъ увольняется, для женитьбы, на 28 дней.

По случаю спросовъ нѣкоторыхъ инспекторовъ, какъ приводить къ присягѣ разныхъ чиновъ, предписывается всѣмъ слѣдовать здѣшнему обряду, то-есть: присягу читать священнику, а приводить къ оной въ той комнатѣ или мѣстѣ, гдѣ стоятъ знамена или штандарты, въ присутствіи полковаго шефа и нѣсколькихъ офицеровъ.

14-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Уволенъ для нуждъ лейбъ-гвардіи егерскаго баталіона полковникъ Гвоздевъ на три дни и лейбъ-казачьяго эскадрона корнетъ Давыдовъ на три дни въ Санктпетербургъ.

15-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Кавалергардскаго полку ротмистръ Титовъ 1-й уволенъ на три недѣли въ Санктпетербургъ для излѣченія и поручикъ Божичъ — на четыре дни.

Лейбъ-гвардіи коннаго полку полковникъ Муравьевъ и ротмистръ Бачмановъ увольняются въ Санктпетербургъ на два дни.

16-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Кавалергардскаго полку поручикъ Титовъ 3-й увольняется въ Санктпетербургъ на четыре дни. Лейбъ-гусарскаго полку квартермистръ Ветошкинъ увольняется въ Санктпетербургъ на три дни. Лейбъ-казачьяго полку ротмистръ Грузиновъ увольняется въ Софію до зори [1]).

18-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Всемилостивѣйше пожалованъ генералъ-маіоръ Будбергъ въ тайные совѣтники.

Исключенный Кинбурнскаго драгунскаго полку подпоручикъ Дезонасъ опредѣляется въ гусарской Шевича полкъ.

Переведеннаго приказомъ 15-го апрѣля лейбъ-гвардіи въ Семеновской полкъ прапорщика Писарева ошибкою показано Архарова 2-го, а онъ былъ въ полку Архарова 1-го.

Изъ баталіона генерала отъ кавалеріи Дерфельдена подпоручикъ Лунинъ 2-й увольняется въ отпускъ въ Санктпетербургъ на три дни, того же полку штабъ-ротмистры Янковичъ и Саблуковъ.

19-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи егерскаго баталіона полковникъ Рачинской увольняется въ Санктпетербургъ на шесть дней. Подполковникъ Борчуговъ—на два дни.

20-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Старобаденскаго полку, по дѣлу подпоручика Брауншвейга и приличившагося по оному полковника Бибикова, произвесть надъ ними военный судъ, въ которомъ быть презусомъ того же полку генералъ-маіору князю Волконскому.

По высочайшему повелѣнію полковникъ Чирковъ, за дурное его поведеніе передъ его императорскимъ величествомъ, снявъ съ него чины, выключается изъ службы.

Лейбъ-кирасирскаго полку ея величества полковникъ Костылевъ всемилостивѣйше жалуется къ его императорскому величеству въ генералъ-адъютанты отъ кавалеріи.

---

[1]) Это одинъ изъ двухъ братьевъ Грузиновыхъ, ужасная казнь которыхъ, въ 1800 г., описана въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VII, стр. 573. Ред.

Кавалергардскаго полку штабсъ-ротмистръ Третьяковской 1-й уволенъ для излѣченія въ Санктпетербургъ, а корнетъ принцъ Биронъ—на четыре дня.

21-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи коннаго полку полковникъ Цорнъ и подпоручикъ Бороздинъ увольняются въ Санктпетербургъ на два дни.

22-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Рязанскаго кирасирскаго полку корнеты: Хрущовъ и Кучинской исключаются изъ службы за пьянство и худое поведеніе.

24-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Гарнизоннаго полку генералъ-лейтенанта Архарова 2-го исключаются изъ службы: маіоръ Симанской—за нерадѣніе и пьянство, поручикъ Ташлетовъ—за худую службу и подпоручикъ Везсоновъ — за пьянство.

Ряжскаго мушкетерскаго полку полковнику графу Остерману, за усмиреніе крестьянъ, и того полку капитану, отряженному съ гранодерскою ротою, объявляется похвала и благоволеніе.

Генералъ-маіору Киселеву, за усердное исполненіе возложеннаго на него дѣла, объявляется похвала и благоволеніе.

Исключаются изъ службы Смоленскаго мушкетерскаго полку маіоръ Врангель и подпоручикъ Петровъ.

Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитанъ Звягинъ и подпоручикъ Арштовъ, за дурное поведеніе и ссору, выписываются въ полкъ генералъ-лейтенанта Вязмитинова.

Увольняются въ Петербургъ: Лейбъ-казачьяго полку адъютантъ Егоровъ и Семеновскаго полку подпоручикъ Мельниковъ на три дни; конной гвардіи поручики: Супоневъ и Щербининъ—на два дня; Лейбъ-казачьяго полку поручикъ Гуровъ увольняется въ Софію до зори.

25-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи артиллерійскаго баталіона маіоръ Тимлеръ и капитанъ Сентъ-Жоржъ увольняются въ Санктпетербургъ на три дни.

27-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

По высочайшему повелѣнію исключаются изъ службы, за неявку къ командѣ въ срочное время, капитанъ-лейтенантъ князь Голицынъ и прапорщикъ Сплѣйсъ.

Павловскаго гранодерскаго полку капитанъ Цыбульскій переводится тѣмъ же чиномъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ.

30-го іюня 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

По высочайшему повелѣнію коллежскій ассесоръ Фроловской переименовывается въ маіоры въ лейбъ-кирасирской его величества полкъ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку полковнику Чиркову всемилостивѣйше возвращаются всѣ прежніе чины и остается въ томъ же полку по прежнему.

1-го іюля 1797 года. Въ г. Петергофѣ.

Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку поручикъ Барановъ уволенъ въ отпускъ по первое августа.

Выключенный изъ Рижскаго кирасирскаго полку подполковникъ графъ Шуазель-Гуфье всемилостивѣйше опредѣляется тѣмъ же чиномъ въ кавалергардской полкъ.

Исключаются изъ службы за пьянство и дурное поведеніе: Псковскаго мушкетерскаго—подпоручикъ Карцовъ и поручики: Васильевъ и Кузнецовъ. Тамбовскаго мушкатерскаго—маіоръ Давыдовъ, капитанъ Веттеръ, подпоручикъ Волковъ. Апшеронскаго мушкетерскаго прапорщики: Филиповичъ и Есиповъ. Муромскаго мушкетерскаго—капитанъ Вороновъ и прапорщикъ Кочеровской. 4-го Егерскаго полку—поручики: Вороновъ и Эссенъ и подпоручикъ Боузендорфъ. 5-го Егерскаго полку—капитанъ Бенигсонъ, поручикъ Костромитиновъ. 6-го Егерскаго полку—поручикъ Бетхеръ.

Запрещается наистрожайше всѣмъ воинскимъ командамъ, находящимся у портовыхъ таможенъ, посылать людей на купеческія суда или другія какія посылки, а содержать единственно караулъ.

5-го іюля 1797 года. Въ г. Петергофѣ.

Лейбъ-кирасирскаго его императорскаго величества полку подполковникъ Рожновъ арестуется за дурной порядокъ и за незнаніе первыхъ началъ службы.

Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку полковникъ Ессенъ увольняется въ Гатчину на три дни, по приходѣ онаго полка гранодерскихъ ротъ въ Петербургъ.

7-го іюля 1797 года. Фрегатъ «Эммануилъ».

Е. И. Величество всемилостивѣйше изволилъ опредѣлить сына генерала винтемберской службы Пиклера въ лейбъ-гвардіи въ Семеновской полкъ въ прапорщики.

11-го іюля 1797 года. Фрегатъ «Эммануилъ».

По случаю находящагося при генералъ-лейтенатѣ Бердяевѣ, противъ штатнаго положенія, подполковника Меркулова, объявляется

всѣмъ начальникамъ, что первый, кто противъ сего поступитъ, лишенъ будетъ чиновъ какого бы званія не былъ, а подполковникъ Меркуловъ Таганрогскаго драгунскаго полку исключается изъ службы.

12-го іюля 1797 года. На фрегатѣ «Эммануилѣ».

Воеводскаго гарнизоннаго полку поручикъ Сарокинъ, за пьянство, изъ службы исключается.

Отъ артиллеріи генералъ-маіору Гербелю дѣлается выговоръ за недѣльное донесеніе на инспектора.

14-го іюля 1797 года. Въ Петергофѣ.

Селенгинской комендантъ полковникъ Полтарацкой, за неприбытіе съ 1794 года къ своей должности, изъ службы исключается.

Объявляется благоволеніе за доброе состояніе полковъ генералъ-лейтенанту Шевичу, подполковнику Грамздорфу и генералъ-маіору Линденеру, коему объявляется особое удовольствіе—за малое число больныхъ въ его полку.

Исключаются изъ службы: Санктпетербургскаго драгунскаго полку полковникъ Дехтеревъ и 6-го Егерскаго полку капитанъ Циреневъ за пьянство.

Выключенный предъ симъ изъ Таврическаго гранодерскаго полку маіоръ баронъ Мегденъ (sic) опредѣляется, по прежнему, въ тотъ же полкъ.

Харьковскаго кирасирскаго полку ротмистра Волкова оставить въ семъ полку, не переводя въ прежній Рижской кирасирской полкъ, изъ коего онъ выключенъ.

15-го іюля 1797 года. Въ Петергофѣ.

Вслѣдствіе рапорта генерала отъ инфантеріи князя Голицына лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Розерманъ, за неявку и отбытіе отъ службы, отдается подъ военный судъ.

16-го іюля 1797 года. Въ Петергофѣ.

Всемилостивѣйше производятся въ генералъ-маіоры изъ полковниковъ: по кавалеріи Таракановъ, которой и назначается шефомъ въ Санктпетербургской драгунской полкъ на мѣсто генералъ-лейтенанта Боборыкина, которой, по желанію его, въ сентябрѣ мѣсяцѣ отъ службы уволенъ будетъ [1]); князь Салаговъ, которой назначается шефомъ въ Смоленской драгунской полкъ, на мѣсто генералъ-лейтенанта Загряжскаго, которой, по желанію его, въ сентябрѣ мѣсяцѣ отставленъ будетъ.

---

[1]) Весьма интересные эпизоды изъ жизни этого Боборыкина см. въ «Русской Старинѣ» 1871 г., въ «Запискахъ Добрынина», т. IV, стр. 334—337. Ред.

17-го іюля 1797 года. Въ Петергофѣ.

Исключаются изъ службы за неспособность, пьянство и дурное поведеніе: Софійскаго кирасирскаго полку ротмистръ Энберхъ, поручикъ Шмаковъ; корнеты: Ивошкевичъ, Могила; Санктпетергскаго драгунскаго — капитанъ Брещинской, прапорщики: Волковъ и Яковлевъ. Ростовскаго драгунскаго — поручики: Меришь, Суринъ; прапорщики: Филатовъ и Рыбниковъ. Линденерова гусарскаго — квартермистръ Русинъ; 8-го Егерскаго полку поручикъ Манойловъ.

Увольняется генералъ-маіоръ графъ Муравской по 20-е число августа.

18-го іюля 1797 года. Въ Петергофѣ.

Исключаются безъ абшита изъ службы за ложное показаніе себя больными, для отбытія отъ инспекторскаго смотра, генералъ-лейтенантъ Зягряжской; Азовскаго мушкетерскаго полку генералъ-маіоръ шефъ князь Волконской.

19-го іюля 1797 года. Въ Петергофѣ.

Генералъ-маіоръ Глазовъ, по неспособности къ службѣ, отъ оной отставляется.

Выключаются изъ службы за пьянство, распутство и нерадѣніе: гарнизоннаго Неклюдова полку маіоры: Дмитріевъ, Асѣевъ; подпоручикъ Сысоевъ; прапорщики: Шапкинъ, Сколезневъ, Полушкинъ, Сидоровъ, Чепурковъ. Гарнизоннаго — полковника Ускова адъютантъ Разуваевъ; Фанагорійскаго гранодерскаго—поручикъ Протоповъ, прапорщикъ Красовской; Смоленскаго — мушкетерскаго полковникъ Елчинъ; капитаны: Григорьевъ, Ушаковъ, поручики: Загряжской, Авиновъ, подпоручикъ Кригеръ, прапорщикъ Уткинъ. Московскаго гранодерскаго—маіоръ Шлеинъ, подпоручикъ Терновскій, прапорщикъ Щитовской, аудиторъ Соболевъ.

Рижской комендантъ генералъ-маіоръ Толь, за неисполненіе предписаній по уставу и употребленіе солдатъ на свои работы, отъ службы отставляется; а на мѣсто его опредѣляется въ Ригу въ коменданты Екатеринославскаго гранодерскаго полку полковникъ Булгаковъ, которой и жалуется въ генералъ-маіоры.

Отданный при паролѣ 17-го сего мѣсяца, что генералъ-маіоръ графъ Муравской отпущенъ въ отпускъ съ 17-го іюля по 20-е августа, оный отпускъ его императорское величество перемѣнилъ — отъ 1-го сентября по 1-е генваря будущаго года.

20-го іюля 1797 года. Въ Петергофѣ.

Исключаются изъ службы: инженерной полковникъ Фалконіи, подполовники: Тимченко, Мандрыкинъ и маіоръ Носковъ; бывшій

кронштадтской комендантъ бригадиръ Мордвиновъ, за преступленіе устава. За просрочку: Черноморскаго флота: капитанъ-лейтенантъ Есиповъ, лейтенанты: Трегубовъ, Сапягинъ, Халоповъ, Троцкій; мичманы: Тишениновъ, Ушаковъ меньшой, Ослановъ, Потемкинъ, Ерашевской, отъ бомбандиръ-подпоручикъ Петровской, адмиралтейской команды маіоръ Мавринъ, баталіонные: поручикъ Сивковъ и прапорщикъ Яковлевъ.

21-го іюля 1797 года. Въ Петергофѣ.

Кронштадтской плацъ-маіоръ Зотовъ исключается изъ службы.

23-го іюля 1797 года. Въ г. Петергофѣ.

Рязанскаго кирасирскаго полку полковникъ Карачинской, за разныя въ томъ полку неисправности и за ложную записку въ книгахъ расходовъ, отдается подъ судъ.

Ростовскаго драгунскаго полку маіоръ Цыбульской, за нерадѣніе и незнаніе службы и за ослушаніе противъ своего командира, изъ оной исключается.

Шестнадцатаго Егерскаго полку подполковникъ Кираевъ, за похищеніе казенныхъ вещей, отдается подъ судъ.

Гарнизоннаго казанскаго Брантова полку маіоръ Лисенковъ, исключенный изъ онаго, причисляется по прежнему въ тотъ же полкъ.

Іюля 24-го дня 1797 года.

Приказъ, отданный при паролѣ его императорскимъ величествомъ его императорскому высочеству наслѣднику всероссійскому:

„Его императорское величество объявляетъ свое удовольствіе лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку генералъ-маіора барона Аракчѣева гранодерскому баталіону за севоднишнее ученье; и генералъ-маіору барону Аракчѣеву, штабъ и оберъ-офицерамъ объявляется похвала, а нижнимъ чинамъ жалуетъ по рублю и по два фунта говядины на человѣка.

Лейбъ-гранодерскаго полку подполковнику Сазонову рекомендуется впредь лучше свою должность знать; онаго-жъ полку поручикъ Пантѣлеѣвъ всемилостивѣйше жалуется въ капитаны въ тотъ же полкъ.

Подписалъ: генералъ-квартермистръ, комендантъ и кавалеръ Баронъ Аракчѣевъ“.

25-го іюля 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Его императорское величество объявляетъ свое удовольствіе всѣмъ пришедшимъ лейбъ-гвардіи баталіонамъ и всей вступившей сего дни въ Павловскъ кавалеріи, кромѣ егерскаго баталіона.

Исключенные предъ симъ изъ полковъ причисляются по прежнему въ оные, а именно: Фанагорійскаго гранодерскаго — поручикъ Пригаровской и прапорщикъ Пригаровской. Смоленскаго мушкетерскаго—маіоръ Татариновъ, капитанъ Давыдовъ, поручикъ Зыковъ, прапорщикъ Гольде; Курскаго мушкетерскаго—поручики: Новосильцовъ, Бороздинъ, Балаевъ и гарнизоннаго Минихова полку прапорщикъ Посниковъ.

Его императорское величество дѣлаетъ выговоръ генералу отъ кавалеріи Дерфельдену за то, что лейбъ-кирасирскаго его величества полку берейторъ былъ командированъ для принятія на полкъ овса.

Полковнику Адамовичу дѣлается выговоръ за непримыканіе штыковъ, когда всѣ прочія уже примкнули.

26-го іюля 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Его императорское величество объявляетъ свое удовольствіе сегодништому лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку разводу, также и генералъ-маіору Козлятьеву. Лейбъ-гвардіи Коннаго полку полковнику Шепелеву дѣлается выговоръ за неисправность эскадрона

27-го іюля 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Всемилостивѣйше жалуются въ генералъ-маіоры: Тульскаго мушкетерскаго полку полковникъ Ливенъ, которой назначается шефомъ въ Ряжской мушкетерской полкъ на мѣсто генералъ-маіора князя Горчакова, которой отдается подъ судъ за употребленіе казенныхъ денегъ.—Черниговской комендантъ полковникъ Сахновской, со оставленіемъ при прежней должности.

Его императорское величество объявляетъ свое благоволеніе за хорошее состояніе полковъ: генералъ-маіору Шошину и полковнику Острожскому.

31-го іюля 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Сдѣланное предъ симъ на выдачу членамъ военной коллегіи жалованье запрещеніе разрѣшается.

1-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Находящійся при свитѣ его императорскаго величества князь Горчаковъ всемилостивѣйше жалуется въ подполковники, старшинствомъ съ 31-го іюля.

4-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Исключенный предъ симъ изъ службы Кексгольмскаго мушкетерскаго полку поручикъ Плехановъ принимается по прежнему въ оной.

Полковникъ Маценко исключается изъ службы.

Исключаются изъ службы за дурное поведеніе и пьянство: Выборг-

скаго мушкетерскаго полку подпоручикъ Асѣевъ; Старобаденскаго мушкетерскаго — поручикъ Маслениковъ и прапорщикъ Шварцъ; Староингерманландскаго мушкетерскаго полку поручикъ Овцынъ и прапорщикъ Уткинъ.

5-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Исключаются изъ службы за дурное поведеніе и пьянство: гарнизоннаго генералъ-маіора Цедельмана полку капитанъ Шадрунинъ, поручикъ Хомуцкой, прапорщики: Тресоголовъ, Зиновьевъ и Шипиловъ.

Днѣпровскаго мушкетерскаго полку полковникъ Мяхкой производится въ генералъ-маіоры и опредѣляется шефомъ въ Брянской мушкетерской полкъ, на мѣсто генералъ-маіора графа Маркова, которой отдается подъ военный судъ за присвоенную себѣ неслѣдующую власть.

Исключаются изъ службы маіоры: Антингъ, Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинской.

7-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Курскаго мушкетерскаго полку полковникъ Ратъ увольняется въ чужіе краи на восемь мѣсяцевъ.

8-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гусарскаго и казацкаго полку ротмистръ Ельмогинъ увольняется на два дни.

Учрежденныя по высочайшему повелѣнію въ собственномъ его императорскаго величества депо картъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кушелева, полагаетъ имѣть всякаго рода карты и планы, а потому и прислать таковыя изъ всѣхъ мѣстъ въ депо.

Тифлійскаго мушкетерскаго полку полковникъ Христофовичъ всемилостивѣйше жалуется въ генералъ-маіоры и назначается шефомъ въ Софійской мушкетерской полкъ, на мѣсто генералъ-маіора Дмитріева-Мамонова, которой въ сентябрѣ, по желанію, отставленъ будетъ.

Вятскаго мушкетерскаго полку полковникъ Михайловъ производится въ генералъ-маіоры и шефы Черниговскаго мушкетерскаго полку, на мѣсто генералъ-маіора Толстова, которой въ сентябрѣ, по желанію, уволенъ будетъ.

Во всѣхъ егерскихъ полкахъ быть священникамъ и походнымъ церквамъ.

Піонерному полку быть въ командѣ генералъ-квартермистра барона Аракчеева, которому и начать его формировать.

9-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи коннаго полку аудиторъ Колотовъ увольняется въ Санктпетербургъ на два дни.

10-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Стародубскаго кирасирскаго полку полковникъ Говенъ исключается изъ службы за неявленіе къ полку.

Лейбъ-кирасирскаго его императорскаго величества полку ротмистръ Огерти, за непристойный отзывъ, исключается изъ службы.

Лейбъ-гвардіи егерскаго баталіона капитанъ-поручикъ Пушкинъ увольняется въ Санктпетербургъ на два дни.

Генералъ отъ инфантеріи князь Голицынъ, по прошенію его, съ 1-го сентября увольняется отъ службы, а командованіе имѣть по немъ генералъ- маіору барону Аракчееву.

11-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Всемилостивѣйше производится л. г. Преображенскаго полку: въ поручики изъ подпоручиковъ съ отданіемъ ему прежняго старшинства князь Четвертинской.

Лейбъ-грардіи Измайловскаго полку полковникъ Соловцовъ увольняется въ отставку, съ награжденіемъ генералъ-маіорскаго чина и со всемилостивѣйшимъ позволеніемъ носить мундиръ.

Генералу отъ инфантеріи князю Голицыну всемилостивѣйше позволяется послѣ отставки носить мундиръ.

12-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подпоручикъ Больховской увольняется на три дни въ Санктпетербургѣ.

13-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Принимается по прежнему въ службу и опредѣляется въ инженерный корпусъ отставной того-жъ корпуса полковникъ Слудинъ.

14-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Шепелевъ выключается въ Елецкой мушкетерской полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бытности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ вмѣсто службы обращались въ передней и въ пляскѣ.

15-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Полковникъ Рачинскій увольняется на одинъ день въ Санктпетербургъ.

Исключаются изъ службы за неявленіе къ полку: Тульскаго мушке-

терскаго—капитаны: Коноваловъ, Малеровскій, Кучеревъ, Кобылятской, Кассовской; поручики: Петлинъ, Шеншинъ, Тивяшовъ, Нельюнской; подпоручики: Кашелевъ, Бачей, Котовъ, Романенко, Быковской; прапорщики: Грабовской, Базилевичъ, Гагеманъ и Писаревъ. Тульскаго мушкетерскаго полку поручикъ Соболевъ, за дурное поведеніе и ябедничество, исключается изъ службы.

16-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи коннаго полку квартермистръ Лазаревъ исключается изъ службы за пьянство, а на мѣсто его производится аудиторъ Колотовъ, а на мѣсто Колотова производится изъ унтеръ-офицеръ Карачевцовъ 1-й.

17-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Гарнизоннаго Вязмитинова полку подпоручикъ Григорьевъ исключается изъ службы за пьянство.

18-го августа 1797 года. Въ г. Павловскѣ.

Лейбъ-гвардіи егерскаго баталіона полковникъ Гвоздевъ увольняется въ Санктпетербургъ на два дни.

Отставной поручикъ Бурдо принимается въ службу въ Санктпетербургской гранодерской полкъ.

Гарнизоннаго Булгакова полку унтеръ-офицеръ Сарматновъ жалуется въ поручики и опредѣляется на инвалидное содержаніе въ Смоленскъ.

Выключенные изъ списковъ принимаются въ службу въ тѣжъ полки: Санктпетербурскаго гранодерскаго—поручикъ Годе; Таврическаго гранодерскаго—поручикъ Друкартъ и подпоручикъ Симановъ Ревельскаго мушкетерскаго—поручикъ Логиновъ.

Софійскаго мушкетерскаго полку маіоръ Осиповъ назначается въ сводной гранодерской баталіонъ, вмѣсто маіора Вульфа, которой въ сентябрѣ будетъ отставленъ.

19-го августа 1797 года. Въ г. С.-Петербургѣ.

Его императорское величество объявляетъ свое удовольствіе севоднишнему артиллерійскому ученью во всѣхъ частяхъ и жалуетъ генералъ-маіора Базина баталіону поручика Аргуна—въ капитаны.

20-го августа 1797 г. Въ г. Гатчинѣ.

Гвардейскаго артиллерійскаго баталіона подпоручикъ Аракчеевъ 3-й производится въ поручики.

22-го августа 1797 года. Въ г. Гатчинѣ.

Лейбъ-кирасирскаго его императорскаго величества полку полковникъ князь Мещерской увольняется въ Санктпетербуръ на пять дней;

Уволенный въ 1796 году отъ службы унтеръ-офицеръ Холодиловъ, за тридцати семи-лѣтнюю службу во ономъ званіи, награждается чиномъ прапорщика.

23-го августа 1797 года. Въ г. Гатчинѣ.

Генералъ-маіоръ князь Лобановъ-Ростовскій увольняется для излѣченія къ водамъ съ 1-го сентября сего 1797 года впредь на годъ.

Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитанъ Воеводской увольняется въ Санктпетербургъ на три дни.

Кантонистамъ лейбъ-гвардіи полковъ позволяется жить въ своихъ домахъ съ 1-го сентября до положеннаго время.

За дурное поведеніе и пьянство исключаются изъ службы гарнизонныхъ полковъ: генералъ-маіора Булгакова поручики: Козловъ, Морешо, Никитинъ; подпоручикъ Шеборинъ; прапорщики: Ивановъ, Петровъ, Лизуновъ, Васильевъ. Генералъ-маіора Екбаума— подпоручики: Докторовъ, Рыкуновъ. Генерала отъ инфантеріи Кохіуса — прапорщики: Сысоевъ, Поляковъ. Оренбургскаго — поручики: Плѣхановъ, Сычовъ. Генералъ-маіора Келхена — поручикъ Сахарниковъ; адъютантъ Голштейнъ; прапорщикъ Литуновъ. Полковника Кушелева — капитанъ Галкинъ; адъютантъ Православной.

24-го августа 1797 года. Въ г. Гатчинѣ.

Лейбъ-гвардіи егерскаго баталіона капитанъ-поручикъ Рогачевъ увольняется въ Санктпетербуръ на три дни.

Принимаются въ службу въ тѣже полки исключенные изъ оныхъ: Рязанскаго кирасирскаго — маіоръ Бардуковъ и корнетъ Лапатинъ; Боурова гусарскаго — корнетъ Тривковичъ.

Исключаются за лѣность изъ службы: Дунина гусарскаго полку корнеты: Бобыревъ, Старовъ, Туровъ, Тодоровской.

Бывшій въ сардинской королевской службѣ маіоръ баронъ Бахманъ опредѣляется въ Кексгольмской мушкетерской полкъ тѣмъ же чиномъ.

Примѣчаніе. Приказы эти извлечены изъ принадлежащаго библіотекѣ Ѳ. К. Опочинина сборника печатныхъ: «копій съ высочайшихъ его императорскаго величества отданныхъ приказовъ 1797 г.» Каждый приказъ начинается такъ: «Его императорское величество въ высочайшемъ присутствіи своемъ соизволилъ отдать въ городѣ (такомъ-то) слѣдующій приказъ». Подписаны приказы, отданные въ маѣ 1797 г. генералъ-адъютантомъ Нелидовымъ, одинъ скрѣпленъ генералъ-фельдмаршаломъ кн. Репнинымъ (26-го мая), затѣмъ, почти всѣ остальные подписаны генералъ-адъютантомъ Растопчинымъ. Достойно замѣчанія, что за время съ 1-го мая по 24-е августа 1797 г. исключено изъ службы, за пьянство, нерадѣніе и проч. 117 офицеровъ.

Ред.

АРАКЧЕЕВЪ.

Генералъ отъ артиллеріи Петръ Ив. Мелисино къ графу А. А. Аракчееву.

1787—1797.

1.

4-е апрѣля 1787 г.

(Переводъ съ французскаго). Искреннѣйшее и чистѣйшее удовольствіе, безъ сомнѣнія, ощущаетъ нѣжный отецъ, видя процвѣтающихъ дѣтей своихъ. Такъ какъ я питаю къ вамъ чувства отца, то я внѣ себя отъ восхищенія, любезный другъ мой, что могу оказать оныя на дѣлѣ. Послѣдній экзаменъ и отношенія офицеровъ вашихъ оправдываютъ тѣ надежды, кои я имѣлъ о васъ. Я видѣлъ, что вы всегда были заняты тою цѣлію, которой вы должны достичь, и что употребили всевозможныя старанія, дабы къ оной приблизиться. Замѣтилъ также, что, чувствуя всю важность того благороднаго званія, призывающаго васъ на поле славы, вы такъ проникли въ чувства чести и покорности, коихъ оно требуетъ отъ васъ, что познакомились съ науками, ему необходимыми.

Къ симъ важнымъ причинамъ ободренія я охотно прибавлю еще и благодарность. Я уговорилъ васъ вступить въ корпусъ; вы знаете, сколь благоденствіе ваше и будущее счастіе близки моему сердцу, вамъ извѣстна моя къ вамъ дружба и отеческія попеченія.

Сердце, каково ваше, конечно, чувствуетъ всю цѣну онаго; сему-то достойному чувству благородной души приписываю я благородное соревнованіе, господствующее между вашими товарищами, и которое побуждаетъ васъ стремиться ко всему тому, что мнѣ можетъ быть пріятно.

Въ знакъ моего одобренія и той выгодной мысли, которую я имѣю о васъ, я открою вамъ, любезный другъ мой, открою вещь неоцѣненную, потеря коей невозвратна. Она состоитъ въ употребленіи вашего времени. Съ сегодняшняго дня вы властны посѣщать классы или заниматься у себя,—вы сами себѣ составите планъ наукъ и будете одной совѣсти вашей отдавать въ ономъ отчетъ. Вы чувствуете всю важность сего отличія и сей свободы, кою я вамъ доставлю; для многихъ другихъ сіе бы послужило смертельнымъ ядомъ, которое бы отняло всю дѣятельность; для васъ же сіе послужитъ новымъ поощреніемъ и доброе мое мнѣніе о васъ скоро совершенно оправдается.

И такъ, продолжайте, любезный другъ мой, продолжайте идти по стезямъ наукъ и чести; обдумайте все то, что нѣкогда отечество можетъ потребовать

отъ васъ, и все, что ожидаютъ отъ васъ наставники и начальники ваши Если вы нѣкогда будете счастливы отъ своего прилежанія, то вспомните мои совѣты и старанія, и тогда, когда меня не будетъ, я желаю, дабы память моя, всегда искренняя о васъ, воспоминала меня вамъ. Съ истиннымъ почтеніемъ есмь вашъ вѣрный другъ П. Мелисино.

4-го апрѣля 1787 г.

Примѣчаніе. Этотъ переводъ вмѣстѣ съ подлинникомъ находится въ тетради гр. А. А. Аракчеева. Ред.

2.

Государь мой Алексѣй Андреевичъ! Съ великимъ моимъ удовольствіемъ увѣдомляю васъ, что вы сего мѣсяца 24-го, въ учиненное по артиллеріи производеніе, его свѣтлостію княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ произведены въ штабъ мой въ старшіе адъютанты, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Сердечно желаю, чтобы вы при возвышеніи сего чина могли получить и прежнее ваше здоровье. Что же принадлежитъ до класса, который вы обучали, то оный и нынѣ вы имѣть будете, и съ тѣмъ же жалованьемъ. Впрочемъ, будьте увѣрены въ моей къ вамъ дружбѣ, добромъ расположеніи и всегдашнемъ почтеніи, съ которымъ пребуду вашъ, государя моего, покорный слуга П. Мелисино.

Іюля 29-го дня 1791 г.

3.

Письмо Мелисино къ Андрею Андреевичу Аракчееву (отцу графа Аракчеева).

Милостивой государь мой Андрей Андреевичъ! Почтеннѣйшее письмо ваше я съ удовольствіемъ моимъ получилъ, на которое вамъ донести имѣю, что дѣти ваши, находящіяся у меня въ корпусѣ, добрымъ своимъ поведеніемъ и рачительнымъ службы исполненіемъ справедливо дѣлаютъ себѣ похвалу, корпусу—честь, мнѣ и вамъ—удовольствіе. Я и впредь того надѣюсь, что они себя будутъ весть усердно, честно и порядочно. Пребуду съ моимъ къ вамъ почтеніемъ вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга П. Мелисино.

Октября 17-го дня 1791 г.

4.

Милостивый государь мой Алексѣй Андреевичъ! Пріятнѣйшее ваше письмо, отъ 29-го октября, столько меня обрадовало, что я, прочитавши оное, чувствительное получилъ облегченіе въ моей болѣзни,—ибо въ ономъ увѣдомляете меня о великодушнѣйшемъ сожалѣніи, изъявленномъ его императорскимъ высочествомъ въ разсужденіи слабости моего здоровья, такъ же и о милостивѣйшемъ его высочества благоволеніи за присланныя отъ меня пушки. Но вы ничего не упоминаете о посланной мною лампадѣ для внутренняго осмотра орудій; увѣдомьте меня, изволилъ-ли его императорское высочество свидѣтельствовать посредствомъ оной пушки? Вы чувствительно одолжите того, который съ истиннымъ усердіемъ и доброжелательствомъ непремѣнно пребываетъ, милостивый государь мой, покорнымъ слугою П. Мелисино.

Ноября 1-го дня 1792 г.

Помѣта А. А. Аракчеева: «Получено 2-го ноября и отвѣтъ писанъ».

5.

Милостивый государь мой Алексѣй Андреевичъ! За присланное при письмѣ вашемъ художника Потапова, который отлучился отъ мастера, приношу мою

благодарность; я бы болѣе еще васъ возблагодарилъ, если бы вы пожаловали прислали отъ корпуса отлучившагося и у васъ теперь состоящаго лафетнаго ученика Викула Долгихъ. Впрочемъ есмь вашъ и проч. П. Мелисино.

Декабря 14-го дня 1794 года.

Помѣта: «№ 287, получено 16-го декабря 1794 года».

6.

Милостивый государь баронъ Алексѣй Андреевичъ! Препровождаю у сего требованную вами печать, и хотя надѣюсь, что она вамъ понравится,—для того, что лучшій художникъ истощалъ надъ нею свое искусство,—но я желаю, чтобы вы мнѣ поскорѣе препоручили заказать новую, которая бы и этой была поважнѣе.

Вчерашняго числа получилъ я высочайшее повелѣніе, присланное съ нарочнымъ фельдъегеремъ о доставленіи вѣдомости: гдѣ находятся теперь пантоны? и отосланы-ли они въ назначенные депо? Въ прилагаемой у сего копіи съ рапорта, отправленнаго мною къ его величеству, вы усмотрите какъ то, что вѣдомость о пантонахъ была уже доставлена при мѣсячномъ рапортѣ, равномѣрно и то, какія препятствія остановили перевозъ оныхъ, и что обо всемъ томъ обстоятельно донесено уже было коллегіи, съ требованіемъ отъ нея денегъ, нужныхъ для найма вольныхъ отвозчиковъ; но вмѣсто 600,000 требованныхъ, коллегія ассигновала только 300,000, предписавъ половину сей суммы употребить на заплату долговъ за селитру, а другую—на обмундированіе всѣхъ командъ артиллерійскихъ и на перевозъ артиллеріи и проч. Но сумма сія весьма недостаточна, особенно для каждой изъ сихъ надобностей, да и сверхъ того, о сю пору въ число оной получено только около 34,000. Его величество въ упомянутомъ повелѣніи изъявляетъ свое негодованіе, приписывая неисполненіе того, что онъ требуетъ, моей оплошности. Мнѣ не нужно описывать вамъ теперешняго моего сокрушенія; скажу то только, что я получилъ оное въ то самое время, когда, восхищенный великою милостію, занимался единственно тѣмъ, чтобы изъявить усердіемъ моимъ всеподданническую мою благодарность, несмотря на опухоль и открывшіяся снова въ больной моей ногѣ раны, съ нуждою только по горницѣ ходить позволяющія.

Любезный сынъ! Я надѣюсь, что вы употребите посильное свое стараніе къ оправданію моему; обстоятельства самого дѣла довольно ясно показываютъ, что съ моей стороны ни малѣйшаго упущенія не было, а потому вамъ и нужно только, избравъ удобное время, объяснить оныя, и тѣмъ увѣнчать всѣ тѣ одолженія, за которыя не престану хранить вѣчную благодарность, называясь милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою П. Мелисино.

Пожалуй, дражайшій другъ и любезнѣйшій сынъ, не замедли обрадовать меня отвѣтомъ.

С.-Петербургъ. Апрѣля 25-го дня, 1797 г.

7.

Милостивый государь баронъ Алексѣй Андреевичъ! Во всякое время лестно бы было для меня получить столь одолжительное письмо, каково ваше, отъ 16-го мая, но теперь, чистосердечно говорю вамъ, причинило оно мнѣ несказанную радость; я все еще тревожился сомнѣніемъ вашимъ о моей преданности къ вамъ и думалъ о средствахъ—истребить услугами моими оную, но

вы меня совершенно успокоили и мнѣ остается только сохранять вашу истинно сыновнюю чувствительность, которую вы пріятнѣе изъяснять умѣете, нежели я описывать мою благодарность за то. Ваша похвала льститъ моему самолюбію, потому что я увѣренъ какъ въ благорасположеніи вашемъ, такъ и въ томъ, что вы здраво судить можете; но тѣмъ я болѣе еще утѣшаюсь, что вы называете себя сыномъ моимъ, и я снова повторю вамъ, что я искренно желаю того, чтобы, по праву сыновнему, были преемникомъ моимъ. Ваши способности давно уже заставляли меня предвѣщать то, что нынѣ сбывается; вы, я думаю, помните еще, что я вамъ говорилъ послѣ того экзамена, на которомъ вы знаніемъ своимъ удивили господина Эпинуса, также и то, чего желалъ и что предсказывалъ я вамъ, отпуская васъ на службу къ государю. Итакъ, любезный сынъ, не сумнѣвайся въ томъ, что старый и изнемогающій отецъ твой желаетъ тебя имѣть преемникомъ своимъ; желаніе сіе столь же чистосердечно и искренно, сколь велика преданность моя къ вамъ, съ которою по гробъ мой не престану пребывать, называясь, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ П. Мелисино.

Іюня 16-го дня 1797 г.

P. S. Марія Дмитревна усерднѣйше благодаритъ васъ за приписаніе и свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Въ апрѣлѣ еще мѣсяцѣ послалъ я къ вамъ печать въ Москву, но, не имѣя отъ васъ увѣдомленія, сомнѣваюсь, не потерялась-ли она на почтѣ,—я васъ покорнѣйше прошу меня увѣдомить, если вы не получили ее, дабы я могъ служить вамъ другою; мнѣ весьма прискорбно было бы, если вы, не получивъ ее по сіе время, сочли меня не аккуратнымъ исполнителемъ воли вашей.

Que le bon Dieu vous donne autant de plaisir que votre chère lettre m'a causé. Je vous embrasse, mon très cher fils, en idée un million de fois; et je ne desire rien si ardamment que de vous serrer dans mes bras paternels. Dites moi donc, mon aimable Alechan (sic) si j'aurais bientôt cette consolation se precieuse. Adeu, mon adorable ami; je suis de cœur et d'âme, tout à vous. P. M.

8.

Милостивый государь мой баронъ Алексѣй Андреевичъ! Усердіе, оказываемое вами къ артиллеріи, заставляетъ васъ почитать нашимъ благодѣтелемъ и ходатаемъ, и потому-то не меньше, какъ и по особенному вашему дружескому ко мнѣ расположенію, я убѣждаюсь трудить васъ слѣдующею покорною просьбою.

Лабораторія артиллерійская состоитъ только изъ двухъ покоевъ и одного кладоваго сарая; по множеству же работъ и содержанію во оной снарядовъ, необходимо требуетъ распространенія, а посему и должно бы оную строеніемъ начать, не отлагая времени; но какъ сами вы изволили видѣть, что мѣсто для той лабараторіи весьма неудобно, потому что, первое, удалено отъ воды, а во-вторыхъ, при генеральныхъ смотрахъ настоитъ оной великая опасность, особенно когда на ту сторону будетъ вѣтеръ, почему сіе обстоятельство, удерживая приступить къ построенію оной, заставляетъ просить васъ, не примете-ли вы, милостивый государь, на себя трудъ—изыскать удобный случай доложить о семъ государю и испросить: не благоугодно-ли будетъ повелѣть отдать подъ лабораторію состоящую на Выборгской же сторонѣ партикулярную верфь, тѣмъ болѣе, что она въ маломъ употребленіи и работы рѣдко

тамъ производятся; а для лабараторіи она очень могла бы быть годною, будучи на водѣ и достаточно имѣя строенія, на исправленіе и приведеніе котораго въ такое положеніе, какое лабараторія имѣть должна, не болѣе бы потребовалось издержекъ, сколько нужно къ построенію деревянной вновь, которая и по постройкѣ, будучи деревянная, подвержена опасности пожарнаго случая и въ прочности сравняться съ предполагаемою къ тому верфью, построенною изъ камня, никакъ не можетъ; мѣсто же то, на которомъ оная верфь состоитъ, принадлежало и прежде артиллеріи. Таковое одолженіе ваше тѣмъ было бы обязательнѣе, если бы оно могло быть исполнено безъ продолженія времени, дабы, если не будетъ на то высочайшаго соизволенія, поспѣшить къ распространенію старой нынѣшнею же осенію, безъ чего обойтиться никакъ невозможно. Ожидая на сіе вашего отзыва, честь имѣю быть и проч. П. Мелисино.

Августа 26-го дня 1797 г.

9.

Милостивый государь мой баронъ Алексѣй Андреевичъ, дражайшій и любезнѣйшій сынъ мой! Права естественныя и гражданскія доставляютъ сыну наслѣдіе отцовское; но сіи самыя права, исключая иногда отъ наслѣдованія однихъ, дѣлаютъ, напротивъ, другихъ вдвое достойными принадлежностей отца, когда сынъ поведеніемъ своимъ, управляемымъ честностію, неутомимымъ рвеніемъ и способностями, достаточно заплатя за воспитаніе, въ состояніи бываетъ еще и благодѣтельствовать своему отцу, сердечно его любящему. Вотъ мое положеніе съ вами, любезный сынъ! И по оному-то я препровождаю у сего къ вамъ звѣзду ордена, которымъ украшены достоинства ваши, съ искреннимъ желаніемъ доставить вамъ вскорѣ и другую того, полученіемъ котораго вамъ я обязанъ. Каждый разъ, когда будете видѣть сію звѣзду, вспомните о старикѣ вашемъ отцѣ, всегда васъ любящемъ и почитающемъ столь искренно, сколь много чувствуетъ преданности отъ сына и сколько одолженъ ему своимъ благополучіемъ. Сіи чувствія, которыми всегда къ вамъ исполненъ, возобновляя нынѣ снова, есмь и пребуду съ должнымъ почитаніемъ, милостивый государь мой и дрожайшій сынъ, вашимъ доброжелательнымъ отцомъ и вѣрнѣйшимъ другомъ П. Мелисино [1]).

Августа 24-го дня 1797 г.
Въ С.-Петербургѣ.

Копія съ записки, поданной императору Павлу, Мелисино объ увольненіи его, по болѣзни, отъ командованія артиллеріей и присутствованія въ артиллерійской экспедиціи.

«Повергаясь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ освященнымъ стопамъ вашимъ, пріемлю дерзновеніе донести вашему императорскому величеству, что болѣзненные припадки мои, отъ которыхъ давно уже страдаю, умножились теперь до того, что, не смотря на все рвеніе мое, нахожу себя слишкомъ слабымъ управлять всею возложенною на меня частію съ должною дѣятельностію. По мнѣнію врачей, меня пользующихъ, могу еще на нѣкоторое время поправить истощенное мое здоровье, если токмо должность позволитъ мнѣ быть менѣе озабоченнымъ.

[1]) На письмѣ этомъ рукою гр. Аракчеева помѣчено: «Сія самая звѣзда находится въ оной бесѣдкѣ (въ Грузинѣ), въ футлярѣ, за стекломъ». Ред.

«Всемилостивѣйшій государь! Для сбереженія столь малаго остатка жизни, которой дряхлому семидесятилѣтнему старику, по порядку естественному предполагать должно, не слѣдовало бы мнѣ занимать драгое ваше время, единственно для блага безчисленныхъ подданныхъ вашихъ текущее; но вы призрѣли старость мою, съ избыткомъ наградивъ меня за службу мою предкамъ вашимъ, и я не имѣю теперь другаго желанія, какъ токмо то, чтобы съ вящшею пользою посвятить сей малый остатокъ жизни моей на достославную службу вашего величества и тѣмъ хотя нѣсколько воздать за безпримѣрное милосердіе и щедроты ваши.

«Для того пріемлю дерзновеніе всеподданнѣйше испрашивать: не благоугодно-ли будетъ вашему величеству уволить меня отъ командованія артиллеріею и присутствованія въ артиллерійской экспедиціи до того времени, покуда, поправивъ сколько можно здоровье мое, могу потомъ я опять, сообразно всеподаннѣйшему моему долгу и усердію, оказать еще посильныя услуги мои въ высокославной вашего императорскаго величества службѣ.

«Между же тѣмъ, поелику и въ сіе время останусь я въ Санктпетербургѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ и нынѣ, по высочайшей вашего императорскаго величества милости, имѣю жительство, гдѣ ввѣренный начальству моему артиллерійскій кадетскій корпусъ находится передъ самыми моими глазами, то должность управленія его, по сей удобности, могу я исполнять,—и дабы и самый малѣйшій остатокъ силъ моихъ посвятить на службу вашу, я со всѣмъ усердіемъ желаю имѣть въ вѣдѣніи моемъ здѣшній и брянскій литейные домы, равно пороховые и селитрянные заводы, тѣмъ паче, что нужные по сему предмету распоряженія и предписанія могу дѣлать и въ своей комнатѣ, покуда болѣзнь не будетъ позволять мнѣ выходить изъ оной; и для того всеподданнѣйше испрашиваю оставить при мнѣ одного моего адъютанта для исправленія письменныхъ по сей части дѣлъ. Отъ артиллеріи генералъ Мелисино.

Санктпетербургъ. Декабря 5-го дня, 1797 г.

Сообщ. **А. Н. Сергѣевъ.**

Примѣчаніе. Приведенные документы переплетены въ красный тисненный золотомъ сафьянъ, съ выбивкою на переплетѣ: «Письма генерала отъ артиллеріи Мелисино къ графу Аракчееву съ 1787 по 1798-й годъ». Въ 4 д. Въ началѣ книги помѣщено краткое изложеніе напечатанныхъ нынѣ писемъ Мелисино. Переписка Аракчеева съ его благодѣтелемъ въ годы юности и другомъ въ позднѣйшее время—Петромъ Ивановичемъ Мелисино—помѣщается здѣсь какъ дополненіе къ автобіографіи Аракчеева («Рус. Ст.» 1873 г., т. VIII, стр. 777—781) и къ разсказамъ о немъ С. И. Маевскаго. Напомнимъ, что Аракчеевъ поступилъ кадетомъ въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ въ 1782 г., произведенъ въ офицеры и оставленъ при корпусѣ въ 1787 г., а въ 1791 г. опредѣленъ адъютантомъ къ генералъ-поручику Мелисино. Съ восшествіемъ на престолъ Павла начинается фортуна Аракчеева: 8-го ноября 1796 г. онъ произведенъ изъ полковниковъ въ генералы и т. д. **Ред.**

Памятникъ Екатеринѣ II въ городѣ Екатеринославѣ.

Въ 277-мъ № „Московскихъ Вѣдомостей", 3-го ноября 1873 года, напечатана статья г. Шереметьевскаго, подъ названіемъ „Памятникъ Екатеринѣ Великой". Въ статьѣ этой сочинитель помѣстилъ слѣдующую выписку изъ книги „Жизнь Екатерины Великой", неизвѣстнаго издателя (М., 1801 года, въ сенатской типографіи): „Дворянство и купечество столицы (С.-Петербурга), подвигнутое чувствованіемъ собственнаго своего сердца, собрало до 52,659 р. на сооруженіе памятника великой своей государынѣ".

„Извѣстно", говоритъ г. Шереметьевскій, „что Екатерина отказалась отъ этой чести, обративъ собранную сумму, съ присовокупленіемъ къ ней изъ собственнаго кармана 15,000 р., на разныя богоугодныя и человѣколюбивыя учрежденія". Въ противоположность этому извѣстію, г. Шереметьевскій приводитъ выписку изъ одного періодическаго французскаго изданія, подъ 24 числомъ августа 1786 г., въ которой сказано: „Пишутъ изъ Берлина, что въ тамошней королевской литейной отлита бронзовая, колоссальная статуя русской императрицы, заказанная этою государынею, Екатериною II, въ 1782 году славному ваятелю Мейеру. Отливка произведена съ величайшимъ успѣхомъ и десятифутовая статуя считается совершеннѣйшею".

Къ этимъ современнымъ свѣдѣніямъ, г. Шереметьевскій прибавляетъ собственное свое заключеніе и говоритъ: „если это извѣстіе берлинскаго корреспондента справедливо, то, принимая его въ соображеніе, мы можемъ съ достовѣрностію заключить, что Екатерина, открывая въ 1782 году сооруженный ею памятникъ Петру Великому, имѣла въ виду въ тоже время обезсмертить золотой вѣкъ своего царствованія сооруженіемъ монумента своей особѣ".

„Такимъ образомъ, если уже императрица задалась въ 1782 году этою идеей, то что же заставило ее отказаться отъ всесословнаго патріотическаго усердія обожавшихъ ее вѣрноподданныхъ соорудить вполнѣ заслуженный ею монументъ?"

„Не былъ-ли отказъ этотъ чисто финансовымъ вопросомъ?" и проч.

Не будемъ опровергать этого предположенія; не будемъ подробно объяснять, на сколько оно кажется намъ недостойнымъ великой женщины, которую одинъ знаменитый писатель справедливо назвалъ великимъ мужемъ; но считаемъ долгомъ нашимъ передъ современниками и передъ истиною сообщить публикѣ нѣкоторые факты, до того же предмета относящіеся.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I Екатеринославское дворянство возъимѣло желаніе воздвигнуть памятникъ Екатеринѣ въ Екатеринославѣ, и просило на то позволенія начальства. Тогдашній генералъ-губернаторъ новороссійскаго края, графъ Воронцовъ, обратился къ знаменитому ваятелю нашему Мартосу съ просьбой—составить проэктъ памятника. Пока происходили о томъ переговоры, явился къ графу здѣсь, въ Петербургѣ, извѣстный заводчикъ Бердтъ и объявилъ, что у него есть при заводѣ бронзовая статуя Екатерины II, отлитая въ Берлинѣ, по заказу князя Потемкина, и остававшаяся тамъ по причинѣ неуплаты за нее денегъ. Много лѣтъ спустя, Бердтъ купилъ ее въ ломъ, но сохранилъ въ надеждѣ, что она можетъ быть у него куплена. Узнавъ объ этомъ, графъ Воронцовъ, при лицѣ котораго я тогда находился на службѣ, немедленно поручилъ мнѣ отправиться къ Мартосу, сообщить ему это извѣстіе и сопутствовать ему при поѣздкѣ къ Бердту. Знаменитый художникъ осмотрѣлъ статую, нашелъ ее неповрежденною и рѣшительно объявилъ, что она достойна великой Екатерины и что онъ считаетъ излишнимъ отливать другую подобную. Мнѣніе его было принято безпрекословно и сообщено Екатеринославскому дворянству, которое вступило въ прямые переговоры съ Бердтомъ и, послѣ многихъ и долгихъ затрудненій, купило статую и въ 1846 г. поставило ее въ Екатеринославѣ на огромной площади, противъ соборной церкви, заложенной Екатериною лично, во время путешествія ея въ южныя губерніи Россіи, въ присутствіи римскаго императора Іосифа II. Статуя стоитъ на своемъ мѣстѣ и будетъ стоять, какъ памятникъ, воздвигнутый великой государынѣ благодарнымъ потомствомъ жителей южной Россіи, а не ею самою.

Алексѣй Левшинъ.

Примѣчаніе. Бронзовая статуя Екатерины II начатая въ Берлинѣ въ 1782 г., окончена въ 1788 г., какъ свидѣтельствуетъ латинская на ней надпись. Вотъ она въ переводѣ: «Артисты берлинскіе работали: Мейеръ слѣпилъ Наукишъ отлилъ, Мельцеръ отдѣлалъ, спустя шесть лѣтъ 1788 г.».

«Бронзовая статуя безъ пьедестала имѣетъ вышину четыре съ половиною аршина и представляетъ императрицу, стоящую въ римскомъ панцырѣ съ малою короной на головѣ, съ поясомъ для меча, въ длинной широкой тогѣ, падающей съ лѣваго плеча. Лѣвая рука приподнята, правая же рука опущена съ указывающимъ перстомъ на развернутую книгу законовъ, ею изданныхъ, и на медали, лежащія на этой книгѣ и знаменующія великія ея дѣянія. Эти предметы лежатъ на низкой колоннѣ, стоящей близь монумента и на половину закрытой спущенною мантіей. **Ред.**

Князь М. С. Воронцовъ въ дѣлѣ Ю. А. Копьева.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1873 г., т. VII, стр. 533, напечатана статья г. Фелькнера: „Дѣло флигель-адъютанта Копьева". Само собою слѣдуетъ, что въ виду добрыхъ воспоминаній о памяти князя М. С. Воронцова, сохраняющихся и понынѣ въ краѣ, статья г. Фелькнера не могла не произвести на кавказцевъ тягостнаго впечатлѣнія. Въ статьѣ этой г. Фелькнеръ упрекаетъ бывшаго намѣстника кавказскаго въ пристрастіи, будто бы допущенномъ по дѣлу Копьева.

Въ опроверженіе взведеннаго на славнаго фельдмаршала обвиненія уже напечатана, въ той-же „Русской Старинѣ", изд. 1873 г., т. VII, стр. 698, статья нашего бывшаго кавказскаго дѣятеля, почтеннаго М. П. Щербинина, въ которой авторъ, со свойственною ему прямотой и откровенностью, свидѣтельствуетъ о безукоризненной чистотѣ взглядовъ князя Михаила Семеновича, руководившихъ имъ, если такъ можно выразиться, въ большихъ и малыхъ дѣлахъ. Но тѣмъ не менѣе, М. П. Щербининъ, какъ бы косвенно, указываетъ въ дѣлѣ Копьева на насъ, военныхъ, какъ достовѣрныхъ свидѣтелей происходившаго, и тѣмъ напоминаетъ объ обязанности сказать свое слово. Принимая съ благодарностью сдѣланный намекъ, долгомъ считаю на него откликнутся.

Князь Воронцовъ не нуждается ни въ моей, ни въ чьей-либо защитѣ: его защищаетъ все его прошлое. Да и не моему, или г. Фелькнера, перу суждено произносить какія-бы-то ни было сужденія о прошлой дѣятельности фельдмаршала. Если же я берусь возражать г. Фелькнеру, то единственно для того, чтобы выяснить всю несостоятельность его статьи. Я имѣлъ счастіе служить при князѣ Воронцовѣ адъютантомъ, и, сколько извѣстно мнѣ, этотъ великій государственный дѣятель былъ совершенно, въ данномъ случаѣ, чуждъ всякаго пристрастія; напротивъ, его великая душа скорѣе способна была извинять и прощать слабости человѣка, чѣмъ преслѣдовать или мстить за отца сыну, какъ намекаетъ г. Фелькнеръ.

Если бы г. Фелькнеръ потрудился, до произнесенія своего рѣшительнаго приговора князю Воронцову, хладнокровно и безпристрастно обсудить сущность дѣла, то онъ, авторъ, я полагаю, или совсѣмъ бы отказался отъ произнесеннаго обвиненія, или же написалъ бы что-нибудь совершенно противоположное.

Вотъ вкратцѣ суть настоящаго дѣла: до свѣдѣнія князя Воронцова доходитъ, что командиръ полка — флигель-адъютантъ Копьевъ злоупотребляетъ властью, кормитъ солдатъ недоброкачественно, изнуряетъ работами и проч., и проч. Князь Воронцовъ, желая удостовѣ-

риться, до какой степени эти обвиненія справедливы, поручаетъ заслуженному полковнику Грекулову разслѣдовать подробности дѣла и доложить. Грекуловъ, исполнивъ возложенное на него порученіе, докладываетъ князю Воронцову, что все, что только говорятъ противъ Копьева, безъ преувеличенія вѣрно.

Спрашивается, въ данномъ случаѣ, какъ слѣдовало поступить свѣтлѣйшему? Кажется, одно изъ двухъ: или оставить дѣло безъ послѣдствій, или же предать Копьева суду. Князь Воронцовъ предпочелъ послѣднее и поступилъ, безъ сомнѣнія, правильно, ибо распорядиться иначе, т. е., оставить дѣло безгласнымъ, значило бы дать дѣйствительный поводъ обвинять себя въ пристрастіи; слѣдовательно, князь Воронцовъ жертвовалъ однимъ человѣкомъ во имя благосостоянія нѣскольких тысячъ.

Предположимъ, что по дѣлу Копьева, вмѣсто Грекулова, былъ назначенъ г. Фелькнеръ и что онъ представилъ князю Воронцову тѣ же самыя свѣдѣнія, какія были доложены противъ Копьева Грекуловымъ; допустимъ наконецъ, что фельдмаршалъ не обратилъ бы на эти свѣдѣнія должнаго вниманія, или же нашелъ ихъ не на столько сильными, чтобы предать Копьева суду, — и вотъ при сихъ-то условіяхъ я бы желалъ знать, что въ подобномъ случаѣ сказалъ бы г. Фелькнеръ? Не стану доказывать, на сколько вообще отличался князь Воронцовъ своимъ безпристрастнымъ управленіемъ высочайше ввѣреннымъ ему краемъ и до какой степени свѣтлѣйшій пользовался особеннымъ сочувствіемъ, какъ здѣсь, такъ и въ средѣ просвѣщенной Европы,— такъ какъ рѣшеніе подобныхъ вопросовъ есть задача историка,—но скажу только, что своему обвиненію князя Воронцова въ пристрастіи по дѣлу Копьева г. Фелькнеру слѣдовало бы предпослать рядъ болѣе вѣскихъ и ясныхъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ зиждется его статья.

Но какъ со стороны г. Фелькнера ничего подобнаго не сдѣлано и представленныя имъ данныя, извлеченныя изъ его памятныхъ замѣтокъ, заслуживаютъ малой вѣры; эти данныя свидѣтельствуютъ лишь то, что его статья о дѣлѣ Копьева, прежде всего, бездоказательна,—вотъ почему она вызвала крайне непріятное впечатлѣніе въ средѣ насъ, кавказцевъ, чтущихъ геній и европейское развитіе славнаго труженика—кавказца—князя Михаила Семеновича Воронцова.

Князь Р. И. Андрониковъ,
бывшій адъютантъ фельдмаршала.

Г. Тифлисъ.

Примѣчаніе. Въ распоряженіи «Русской Старины» находятся еще двѣ статьи по тому-же дѣлу флигель-адъютанта Копьева: гг. А. Зиссермана и А. Фелькнера, которыя будутъ помѣщены въ послѣдующихъ книгахъ нашего изданія. Ред.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Бурцовъ, Татищевъ и Жолобовъ

въ дѣлѣ Егора Столѣтова, 1733—1736 гг.

I.

Въ статьѣ «Егоръ Столѣтовъ» («Русская Старина», изд. 1873 г., т. VIII стр. 1—28) управитель Нерчинскихъ заводовъ (заводскій коммиссаръ) Тимоѳей Бурцовъ выставленъ какъ бы гонителемъ сосланнаго на тѣ заводы Столѣтова и вообще приведены заключенія не вполнѣ вѣрныя о нравственной личности этого заводскаго коммиссара.

Вотъ вполнѣ точныя свѣдѣнія о Бурцовѣ. Родился онъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, около 1679 г. [1]), и происходилъ изъ сословія, которое менѣе всего могло проникнуться духомъ бироновщины и котораго самыя реформы Петра Великаго коснулись весьма мало,—изъ посадскихъ людей отдаленнаго отъ столицы города Солнкамска. Въ школахъ, заведенныхъ Петромъ на европейскій ладъ, онъ не учивался, въ военной службѣ не служивалъ, въ столицахъ не бывалъ. Въ 1713 г. верхотурскій воевода Траханіотовъ опредѣлилъ его прикащикомъ на Алапаевскіе казенные желѣзные заводы, находившіеся въ Верхотурскомъ уѣздѣ; кромѣ управленія заводами, велѣно было ему построить при нихъ и пустить въ ходъ казенную винокурню (вѣроятно, Бурцовъ занимался этимъ дѣломъ и прежде). Въ 1718 г. онъ, по указу сибирскаго губернатора кн. Гагарина, назначенъ управителемъ Уктусскаго желѣзнаго и мѣднаго завода (близъ нынѣшняго Екатеринбурга) съ титломъ коммиссара. Въ 1723 г. посланъ, по распоряженію бергъ-коллегіи, управлять Нерчинскимъ сереброплавильнымъ заводомъ [2]). Года черезъ два потомъ присланъ былъ на Нерчинскій

---

[1]) Личность Бурцова мнѣ хорошо извѣстна по хранящимся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ стариннымъ дѣламъ Уктусскаго завода, сибирскаго оберъ-бергамта и канцеляріи главнаго заводовъ правленія. Въ переписной книгѣ жителей Уктусскаго завода 1722 г. значится: «коммисаръ Бурцовъ 43 лѣтъ». Н. Ч.

[2]) Нерчинскій заводъ построенъ въ 1704 г. въ Нерчинскомъ уѣздѣ, отчего и получилъ свое названіе, хотя отъ города Нерчинска находится въ раз-

заводъ новый управитель—гиттенфервалтеръ Дамесъ, изъ шведскихъ плѣнниковъ, который долго, впрочемъ, завѣдывалъ только технической частью на заводѣ и рудникахъ, административныя же, канцелярскія и счетныя дѣла оставались, по прежнему, въ вѣдѣніи Бурцова.

Неполучившій никакого научнаго образованія, Бурцовъ былъ, однако-жъ, человѣкъ весьма умный, расторопный, хорошо привыкшій къ заводскому дѣлу. Эти достоинства его хорошо цѣнили главные командиры заводовъ Геннинъ и Татищевъ. Онъ пользовался также дружбою и уваженіемъ Акинѳія Демидова, знаменитаго строителя многихъ заводовъ на Уралѣ и человѣка довольно неуживчиваго. Два прошенія мастеровъ Уктусскаго завода, поданныя Геннину въ 1722 г., указываютъ, что Бурцовъ дѣйствительно бывалъ очень жестокъ въ обращеніи съ рабочими. Но это была не систематическая жестокость нѣкоторыхъ нѣмецкихъ командировъ бироновскаго времени и русскихъ подражателей имъ, а скорѣе порывы дикаго самоуправства, столь свойственнаго и людямъ до-Петровской Руси, которымъ попадала въ руки власть. Впрочемъ, пересмотрѣвши весьма многія дѣла сибирскаго оберъ-бергамта, я не нашелъ, послѣ 1722 г., ни одного документа, который бы свидѣтельствовалъ о жестокомъ обращеніи Бурцова съ подчиненными. Вѣроятно, онъ по первымъ двумъ жалобамъ получилъ внушительное наставленіе отъ Геннина, заставившее его сдерживать свои порывы личнаго произвола.

Въ отношеніи же къ Столѣтову Бурцова никакъ нельзя обвинить ни въ жестокости, ни въ придиркахъ. Столѣтовъ, по именному указу, назначенъ былъ въ вѣчную работу на заводахъ—и однако-жъ, не работалъ; не долженъ былъ никуда отпускаться съ завода—и однако-жъ, ѣздилъ по окрестнымъ селеніямъ и живалъ въ Иркутскѣ у Жолобова. Столѣтова не слѣдовало, по закону, допускать въ компанію съ добрыми людьми [1])—а Бурцовъ и самъ бывалъ съ нимъ въ компаніяхъ, и даже къ себѣ приглашалъ его къ столу въ торжественные дни. Стало быть, со стороны Бурцова не было притѣсненій Столѣтову, а напротивъ, были послабленія. Ни вице-губернаторъ, ни тѣмъ менѣе воевода нерчинскій не могли требовать отъ него такихъ послабленій ссыльно-рабочему, потому что ни тотъ, ни другой не были для него начальствомъ: какъ управитель завода, Бурцовъ былъ подчиненъ, вмѣстѣ со всѣми рабочими на заводѣ и на рудникахъ, ссыльными и не ссыльными, не губернскому начальству, а сибирскому оберъ-бергамту и главному командиру сибирскихъ и уральскихъ заводовъ, находившимся въ Екатеринбургѣ (главнымъ командиромъ заводовъ въ 1733 г. и до осени 1734 г. былъ еще Геннинъ), и государственной бергъ-коллегіи въ Петербургѣ. Но, безъ сомнѣнія, эти послабленія Бурцовъ дѣлалъ все-таки не изъ мягкосердія, а просто по трусости: вице-губернаторъ-де Жолобовъ [2]), хотя и не начальникъ, а все-таки чело-

---

стояніи не менѣе 260 верстъ. Придавали ему также названіе Аргунскаго—отъ протекающей вблизи рѣки Аргуни. Кромѣ того, такъ какъ въ этой мѣстности жилъ прежде народъ Дауры, то нерчинскіе заводы иногда назывались также и Даурскими или заводами въ Даурахъ. **Н. Ч.**

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3,534, генеральный регламентъ коллегій 28-го февраля 1720 г., глава LIII: «О шельмованныхъ и на публичномъ мѣстѣ наказанныхъ».

[2]) Жолобовъ, съ званіемъ вице-губернатора, управлялъ обширной тогдашней Иркутской провинціей Сибирской губерніи; ему подчинены были воеводы:

вѣкъ сильный, богатый, чиновный — штатскій совѣтникъ, и если захочетъ, всегда можетъ повредить ему, человѣку маленькому, не шляхетнаго даже происхожденія. Да и обстоятельства Столѣтова легко могли бы измѣниться въ случаѣ какихъ-либо важныхъ перемѣнъ въ Петербургѣ, столь вѣроятныхъ въ то время: опять, пожалуй, будетъ онъ въ силѣ при важныхъ особахъ — своихъ прежнихъ милостивцахъ. А съ другой стороны, оказывая послабленія Столѣтову, Бурцовъ долженъ былъ находиться въ постоянномъ страхѣ: ну, что если какой недовольный имъ подчиненный вдругъ крикнетъ за собой государево слово и дѣло, а потомъ донесетъ на него, Бурцова, что онъ даетъ потачку важному государственному преступнику, водитъ съ нимъ компанію, разговариваетъ съ нимъ и, быть можетъ, слушаетъ его разсказы о предметахъ, тайности подлежащихъ? Вѣдь тогда не миновать бѣдному Тимоѳею Матвѣевичу невольной поѣздки въ столицу подъ крѣпкимъ карауломъ, не миновать застѣнка и розыска въ тайной канцеляріи, а потомъ публичнаго наказанія и ссылки. И это еще милостиво: онъ могъ бы, пожалуй, поплатиться головой своей за Столѣтова. Что такія опасенія со стороны Бурцова были бы совершенно основательны, доказываетъ одинъ, нѣсколько болѣе поздній, примѣръ.

Въ 1736 г. въ Березовъ присланъ былъ для допрашиванія сосланныхъ туда князей Долгорукихъ маіоръ Петровъ, который потомъ имѣлъ надзоръ за ними. Въ 1738 г. канцеляристъ Тишинъ, находившійся нѣкоторое время при Петровѣ, донесъ: «слышалъ-де онъ, Тишинъ, отъ князя Ивана Долгорукаго бранныя рѣчи про императрицу и про цесаревну Елисавету Петровну, и о тѣхъ рѣчахъ, а также и о томъ, что Долгорукіе содержатся въ Березовѣ не крѣпко, сказывалъ маіору Петрову; но тотъ никуда не донесъ объ этомъ». Началось изслѣдованіе, по которому открылось еще, что разъ, на Пасхѣ, семейство Петрова было въ гостяхъ у Долгорукихъ и иногда получало отъ нихъ подарки, впрочемъ, весьма незначительные (напримѣръ, блюдо кренделей, вѣеръ, аршинъ голландскаго полотна, дѣтскую рубашку и проч.). И за такія преступленія несчастный Петровъ подвергся смертной казни! Но еще ранѣе, въ 1737 г., нѣсколько жителей города Березова, въ томъ числѣ три священника и дьяконъ, биты были плетьми и батогами и сосланы въ другія мѣста лишь за то, что бывали у Долгорукихъ и ихъ къ себѣ принимали.

Спрашивается теперь: могъ-ли ожидать пощады Бурцовъ, если бы открылась такъ-называемая въ статьѣ «Егоръ Столѣтовъ» не смѣлость его притѣснять Столѣтова, о которомъ въ печатномъ манифестѣ, 23-го декабря 1731 г., оглашено, что «онъ явился въ нѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ, не токмо противъ высочайшей персоны самой императрицы, но и къ поврежденію государственнаго общаго покоя и благополучія касающихся, въ чемъ обличенъ и самъ признался; что онъ министрами и генералитетомъ, собранными для суда надъ нимъ и надъ нѣкоторыми другими лицами, приговоренъ къ смертной казни и лишь, по милосердію государыни, сосланъ, съ лишеніемъ всѣхъ чиновъ и имѣнія, въ вѣчную работу на Нерчинскіе заводы» [1].

селенгинскій, нерчинскій, илимскій, якутскій и начальники Охотска и Камчатки. Хотя онъ, въ свою очередь, былъ подчиненъ сибирскому губернатору и губернской канцеляріи, но, по отдаленности Тобольска, эта подчиненность была почти номинальною. Н. Ч.

[1]) Манифестъ 23-го декабря 1731 г. Полн. Собр. Зак. № 5,916.

II.

Изъ подробностей и разсужденій въ той же статьѣ о Столѣтовѣ (стр. 7) можно подумать, что Бурцовъ изъ Нерчинскаго же завода послалъ донесеніе о Столѣтовѣ и что Татищевъ какъ бы обрадовался представившемуся ему случаю потиранствовать и самовольно приступилъ къ розыску по дѣлу, вовсе не подлежавшему его вѣдѣнію. Но, какъ видно изъ мѣстныхъ матеріаловъ, дѣло было не совсѣмъ такъ.

Бурцовъ никакого доноса на Столѣтова не посылалъ. Вышеупомянутая угроза Столѣтову была сдѣлана имъ 3-го февраля 1733 г. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ мая Бурцовъ отправился, по указу главнаго командира заводовъ Геннина, строить желѣзный заводъ въ окрестностяхъ Иркутска, на рѣчкѣ Тельмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уволенъ отъ должности нерчинскаго заводскаго коммиссара. При этомъ строеніи онъ пробылъ до конца 1733 г. Заводъ предназначался для снабженія желѣзными припасами такъ-называемой камчатской морской экспедиціи. Но, по общему опредѣленію командира экспедиціи Беринга и генерала Геннина, состоявшемуся 29-го ноября 1733 же года въ Екатеринбургѣ, постройку велѣно было остановить, а вмѣсто того завести небольшой желѣзный заводъ вблизи Якутска. Бурцовъ, за старостію и болѣзнями, отъ этого порученія уволенъ, и велѣно ему пріѣхать въ Екатеринбургъ, куда онъ и прибылъ лѣтомъ 1734 г.

Назначенный на мѣсто Геннина, новый главный командиръ заводовъ—Татищевъ, по пріѣздѣ своемъ на Уралъ, въ октябрѣ 1734 г., засталъ Бурцова, живущаго въ Уктусскомъ заводѣ, не у дѣлъ. Татищевъ, хорошо знавшій Бурцова въ первое пребываніе свое на Уралѣ, и теперь сталъ возлагать на него различныя порученія, требовавшія знакомства съ мѣстными условіями края и практическихъ познаній въ горнозаводскомъ и строительномъ дѣлѣ.

Разъ, въ декабрѣ 1734 г., въ частномъ разговорѣ съ Бурцовымъ о Нерчинскихъ заводахъ, Татищевъ услышалъ отъ него кое-что и о Столѣтовѣ. Но сообщенія были такого рода, что ему, какъ главному командиру, отвѣтственному за все, что̀ происходитъ на заводахъ, оставить ихъ безъ вниманія было невозможно. Съ другой стороны, дѣло это принадлежало къ числу вѣдомыхъ въ тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ, съ которой ни Геннинъ, ни Татищевъ (да вѣроятно, и всѣ лучшіе изъ тогдашнихъ начальниковъ) имѣть сношенія не любили. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Татищевъ, не распрашивая подробно Бурцова и не дѣлая никакого распоряженія о высылкѣ въ Екатеринбургъ Столѣтова и о допросѣ его, 12-го декабря, черезъ шесть дней послѣ разговора съ Бурцовымъ, отправилъ на Нерчинскіе заводы къ управителю Дамесу указъ такого содержанія [1]):

«Увѣдомился онъ, что сосланный на Нерчинскіе заводы въ каторжную работу Егоръ Столѣтовъ, въ работу съ прочими ссыльными не ходитъ, а болѣе обходится въ компаніяхъ съ управителями и съ другими людьми, которое многимъ печатнымъ указамъ противно, и могутъ (управители) невѣдѣніемъ впасть за то въ наказаніе. Поэтому подтверждается Дамесу, чтобъ осужденныхъ въ вѣчную работу всѣхъ равно содержать непрестанно въ работѣ и

---

[1]) Въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ дѣла канцеляріи главнаго заводовъ правленія, № 443: «Письма о заводскомъ распоряженіи 1734 г.». Н. Ч.

обхожденіе съ честными людьми, по 53-й главѣ генеральнаго регламента, за претить и надъ ними накрѣпко надзирать, чтобъ они поступали по учиненному о нихъ учрежденію и непристойныхъ разговоровъ не имѣли; а ежели о томъ что. свѣдаетъ (управитель), то-бъ немедленно писалъ къ Татищеву».

Вмѣстѣ съ этимъ указомъ Татищевъ послалъ Дамесу слѣдующее частное письмо, черновая котораго, писанная собственноручно Татищевымъ, сохранилась, однако-жъ, въ архивномъ дѣлѣ:

«Благородный господинъ гиттенфервальтеръ! Я, увѣдавъ, что вы съ Столѣтовымъ, который осужденъ въ вѣчную работу, имѣете обхожденіе, весьма удивляюсь, что вы себя, въ томъ не остерегая, можете невѣдѣніемъ въ бѣду впасть. Того ради вамъ при семъ посланнымъ указомъ подтверждено, по которому поступай неоплошно. Слышу же, яко бы онъ грозитъ, надѣяся на нѣкоторыхъ своихъ милостивцевъ. И о томъ изволь, обстоятельно увѣдомясь, тайно ко мнѣ отписать подлинно, не объявляя о томъ никому, чтобъ никто не вѣдалъ. Наипаче же смотри прилежно: не пишетъ-ли онъ куда писемъ, чтобъ, оныя перенявъ, сюда прислать. И о семъ пиши, хотя по-нѣмецки, токмо самъ, а не подъячій. Слуга вашъ В. Татищевъ».

Но этими распоряженіями нельзя было ограничиться. Могло возникнуть дѣло о Столѣтовѣ въ Сибири, независимо отъ сообщенія ему Бурцова; Бурцовъ могъ быть притянутъ въ тайную канцелярію и при тамошнихъ убѣдительныхъ допросахъ, конечно, сказалъ бы, что въ бытность нерчинскимъ управителемъ онъ изъ боязни не доносилъ никому о Столѣтовѣ, но потомъ сказывалъ о немъ Татищеву. Тогда возникъ бы непріятный для Татищева вопросъ: зачѣмъ онъ молчалъ? А положеніе самаго Татищева, при существованіи нѣсколькихъ враждебныхъ между собою партій при дворѣ, было довольно шаткое. Онъ и безъ того извѣстенъ былъ за человѣка вольномыслящаго. При первомъ удобномъ случаѣ могли вспомнить, что онъ хотя, при вступленіи императрицы на престолъ, шелъ противъ верховниковъ, ограничившихъ власть императрицы, и доказывалъ въ составленной имъ запискѣ необходимость въ Россіи самодержавія, но все таки въ той же запискѣ прибавлялъ:

«О государынѣ императрицѣ, хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однако-жъ, какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче же ей знанія законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить».

Вспомнили бы, что Татищевъ былъ редакторомъ готовившагося къ поднесенію императрицѣ отъ имени шляхетства проэкта государственнаго устройства, съ учрежденіемъ, кромѣ сената, еще нижняго правительства изъ 100 человѣкъ, съ выборнымъ замѣщеніемъ многихъ высшихъ должностей, и проч...

Побуждаемый, вѣроятно, подобными соображеніями, Татищевъ 16-го декабря 1734 г. отправилъ такое донесеніе самой императрицѣ:

«Вашему императорскому величеству всенижайше доношу:

«Сего декабря 6-го числа въ Долматовѣ монастырѣ, сидячи у меня ввечеру, разговаривая коммисаръ Бурцовъ со мной наединѣ о Нерчинскихъ заводахъ, сказалъ: есть-де тамо ссыльный Егоръ Столѣтовъ—совѣсти дьявольской и самый злой человѣкъ. И я, видя, что онъ какъ подъ страхомъ о немъ говоритъ, спрашивалъ его: что онъ въ томъ Столѣтовѣ примѣтилъ? И онъ сказалъ, что его

генваря 28-го и февраля 3-го числъ не могъ принудить въ церковь идти [1]). И какъ я ему сказалъ, что его, какъ ссыльнаго, можно ко всему принудить. Но онъ сказалъ: «я-де состоянія не знаю, а слыша, что онъ хвалится и грозитъ тѣмъ, у кого въ домѣ жилъ, что его обиду отмстятъ, а паче видя, что вице-губернаторъ Жолобовъ обходился съ нимъ дружески и далъ ему денегъ 20 рублевъ, по которому-де и всѣ его опасаются; и я-де явно оскорбить его не смѣлъ, а скрытно опредѣлилъ содержать его покрѣпче [2])!»

«А я, не имѣя о такихъ дѣлахъ отъ вашего императорскаго величества указа, болѣе выспрашивать и его, Столѣтова, сюда для изслѣдованія взять не смѣлъ; токмо, по объявленному объ нихъ печатному указу, не объявляя никому причины, послалъ туда указъ, велѣлъ его опредѣлить въ работу съ прочими и за нимъ смотрѣть накрѣпко гиттенфервалтеру Тамесу (Дамесу), чтобъ онъ ничего ненадлежащаго не вралъ; а ежели что отъ него услышитъ или увѣдаетъ, то немедленно ко мнѣ тайно писалъ (бы). И объ ономъ, также ежели и о другихъ такихъ непотребныхъ увѣдаю, какъ мнѣ поступать, всенижайше прошу опредѣлить мнѣ вашего императорскаго величества указомъ.

«Вашего императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни всенижайшій рабъ Василій Татищевъ» [3]).

Тогда же въ оффиціальномъ письмѣ къ кабинетъ-министрамъ—графу Остерману и князю Черкасскому онъ писалъ:

«Дѣло, о которомъ я при семъ доносилъ ея императорскому величеству, привело меня въ великое сумнѣніе, ибо для касающейся въ томъ персоны опасаюсь, чтобъ ея величеству не явилось противно; умолчать же весьма разсуждаю за бѣдственное себѣ, ибо отъ такого злохитреннаго плута можетъ что-либо между такъ простымъ народомъ вредительное произойти. Не меньше же сумнѣнія имѣю и объ немъ, что съ нимъ учинить надлежало. И не разсудя лучше, какъ приложеннымъ при семъ указомъ [4]), до повелѣнія ея императорскаго величества, опредѣлилъ. Того ради прошу вашихъ сіятельствъ, милостивыхъ государей моихъ, ежели я при томъ за невѣдѣніемъ ненадлежаще поступилъ, показать ко мнѣ высокую милость и для предбудущихъ таковыхъ случаевъ опредѣлить ея императорскаго величества указомъ».

Остальная часть письма уже не относится къ Столѣтову (въ ней говорится объ открытіи хорошихъ рудъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, о распоряженіяхъ для увеличенія выдѣлки на Уральскихъ заводахъ желѣза и мѣди, о строившемся тогда въ Якутскѣ желѣзномъ заводѣ и проч.).

---

[1]) 28-го января былъ день рожденія императрицы Анны Іоанновны, а 3-го февраля — имянины.

[2]) Находящееся въ архивномъ дѣлѣ доношеніе это переписано весьма чисто и крупно, на хорошей бумагѣ большаго формата и, очевидно, назначалось быть бѣловымъ; но потомъ рукою Татищева сдѣлано нѣсколько добавленій между строкъ, и оно обращено въ черновое. Между прочимъ, прибавлены (безъ сомнѣнія, чтобы не ввести въ бѣду Бурцова) и эти слова: «а скрытно опредѣлилъ содержать его покрѣпче». Н. Ч.

[3]) Надо полагать, что Татищевъ слышалъ отъ Бурцова гораздо болѣе, чѣмъ говоритъ въ донесеніи (что отчасти видно и изъ письма къ Дамесу); но въ то время опасно было и слышать объ иныхъ вещахъ тому, кто не былъ на это исключительно уполномоченъ. Н. Ч.

[4]) Говорится объ указѣ, посланномъ Дамесу. Н. Ч.

Дальнѣйшей переписки о Столѣтовѣ въ дѣлахъ горной канцеляріи я не нашелъ. Съ 1735 г. всѣ дѣла, секретныя и не относящіяся собственно до заводовъ, велись въ домовой канцеляріи Татищева и, вѣроятно, увезены имъ съ собою при отъѣздѣ изъ Екатеринбурга въ 1737 году.

Но изъ самой статьи «Егоръ Столѣтовъ» (стр. 12 и слѣдующія) видно, что Татищевъ на доношеніе свое о Столѣтовѣ получилъ особый указъ отъ императрицы, о которомъ ничего не знала тайная канцелярія, и что лишь вслѣдствіе этого указа онъ приступилъ къ розыску и вытребовалъ изъ Нерчинскаго завода Столѣтова. Вѣроятно, въ указѣ сказано было, въ какой степени долженъ быть строгъ этотъ розыскъ и чего слѣдуетъ допытываться у Столѣтова.

Въ началѣ февраля 1735 г., около 8-го числа, Татищевъ поѣхалъ изъ Екатеринбурга въ Тобольскъ. Съ дороги онъ писалъ, 10-го февраля, изъ деревни Бѣлейки (на большомъ сибирскомъ трактѣ, въ 77 верстахъ отъ Екатеринбурга), товарищу своему по управленію заводами совѣтнику Хрущову, чтобы онъ немедленно отправилъ въ Тобольскъ коммиссара Бурцова и съ нимъ прислалъ бы карту заводовъ. Въ припискѣ къ письму сказано: «Ежели есть о чемъ писать въ Аргунъ (т. е., на Нерчинскій заводъ), изволь при томъ же послать, ибо я пошлю курьера туда».

Судя по этому, надо полагать, что, по отъѣздѣ Татищева, въ числѣ другихъ бумагъ на его имя былъ присланъ изъ столицы и отправленъ вслѣдъ за нимъ и указъ императрицы о начатіи розыска надъ Столѣтовымъ, и что Татищевъ за нимъ-то и предполагалъ отправить изъ Тобольска курьера. Да и въ статьѣ «Егоръ Столѣтовъ» сказано, что Татищевъ приступилъ къ розыску въ февралѣ 1735 г. и началъ его съ допроса Бурцова.

III.

Судьба вице-губернатора Жолобова видна изъ напечатаннаго въ «Полномъ Собраніи Законовъ» (томъ IX, № 7,009) имяннаго указа или, правильнѣе сказать, манифеста (ибо начинается: «Объявляемъ во всенародное извѣстіе»...) 9-го іюля 1736 г. видно, что Жолобовъ 1-го іюля того года (значитъ, ранѣе гибели Столѣтова) казненъ смертію—отсѣчена ему голова. И казненъ онъ не только за покровительство Столѣтову, а и за другія, гораздо важнѣйшія провинности, исчисленныя въ указѣ. Онъ сдѣлалъ ложный доносъ на своего начальника—сибирскаго губернатора Плещеева и помощника его—бригадира Сухарева, обвиняя ихъ въ какихъ-то важныхъ преступленіяхъ по первымъ двумъ пунктамъ; бралъ большія взятки, иногда вымогая ихъ тюремнымъ заключеніемъ и пыткою; облагалъ народъ поборами въ свою пользу; за подарки прекращалъ важныя слѣдственныя дѣла; захватывалъ себѣ въ рабство и посылалъ въ другіе города дѣтей инородцевъ; въ противность трактату съ Китаемъ, не выслалъ за границу китайскихъ перебѣжчиковъ, взявши съ нихъ на четыре тысячи рублей, лошадей и верблюдовъ, которыхъ промѣнялъ потомъ на товары; занимался контрабандой въ обширныхъ размѣрахъ: многіе товары тайно, чрезъ заставы, къ себѣ провозилъ и въ Москву отпускалъ и къ свободному тѣхъ товаровъ провозу для запечатыванія бралъ изъ иркутской канцеляріи казенную печать; находясь уже подъ судомъ, взводилъ обвиненія въ различныхъ преступленіяхъ на людей, совершенно невинныхъ.

Существуетъ рукописная «Иркутская Лѣтопись», извлеченія изъ которой напечатаны въ «Современникѣ» 1850 или 1851 г., въ статьѣ: «Панорама Ир-

кутской губерніи». Помнится, тутъ разсказывается и о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Жолобова.

Словцовъ въ своемъ «Историческомъ Обозрѣніи Сибири» (ч. I, стр. 354) говоритъ: «Мѣстная лѣтопись, выхваляя Жолобова за знаніе въ дѣлахъ, обвиняетъ его въ алчномъ міздоимствѣ и кровожадной жестокости».

Въ указѣ изъ кабинета 22-го іюля 1735 г. (Полн. Собр. Зак., № 6,775) упоминается о дѣйствовавшей уже тогда слѣдственной коммиссіи о сибирскихъ дѣлахъ и Жолобовъ называется бывшимъ иркутскимъ вице-губернаторомъ. Изъ этого видно, что Жолобовъ удаленъ отъ должности и дѣло о немъ началось гораздо ранѣе того времени, когда Столѣтовъ привезенъ въ тайную канцелярію. Дѣло это должно находиться, какъ полагаю, въ сенатскихъ архивахъ.

Н. И. Чупинъ.

Екатеринбургъ.

Москва въ 1812 году.

1.

Село Жолудево. 18-го сентября 1812 г.

Начинаю мою грамоту доброму и милому соседу Петру Іосифовичу [1]) и милостивой государынѣ Авдотьѣ Николаевнѣ поздравленіемъ съ новорожденнымъ сыномъ и обоихъ мысленно, душевно объемлю, благодарю за письма и за присылку книгъ, которыя приказано отъ меня управляющему, по сдѣланіи, таковое-жъ число къ вамъ возвратить. Я третьяго дня только изъ Рязани возвратился, а по написаніи сего сажусь въ коляску, ѣду въ Ижевское и Касимовъ; когда возвращусь и что узнаю, дамъ вамъ знать, а теперь сообщаю о состояніи Москвы достовѣрныя извѣстія. Въ день входа непріятеля, главнокомандующимъ и губернаторомъ распущены были и отворены остроги находящимся въ оныхъ преступникамъ, кои, а не французы, грабятъ и жгутъ наши дома, (что) и по сіе время продолжается. Непріятель изъ города,—по снабженіи себя всѣмъ нужнымъ и возможнымъ, оставя только два полка въ Кремлѣ гарнизону, — со всѣми силами выступилъ и стоитъ корпусами окружно Москвы въ 15-ти и 20-ти верстахъ; а наша армія расположена: главная квартира въ Красной Пахрѣ, въ 36-ти верстахъ отъ Москвы, по калужской дорогѣ; въ 12-ти верстахъ ближе къ Москвѣ отъ Лопасни стоитъ съ корпусомъ генералъ-маіоръ Корфъ, который съ 8-го на 9-е число сего сентября имѣлъ жесточайшее и упорное дѣло съ непріятельскимъ десятитысячнымъ отрядомъ, въ намѣреніи прорваться и очистить путь всей арміи прохода на Тулу, Брянскъ и въ Польшу, гдѣ располагается имѣть зимнія квартиры, а въ теперешнемъ мѣстѣ ни остаться, ни существовать (не) можетъ. Непріятель отбитъ и прогнанъ; взяты въ полонъ генералъ, нѣсколько штабъ-и оберъ-офицеровъ, 500 рядовыхъ и три пушки. На каширской дорогѣ стоитъ нашъ корпусъ Барклай-де-Толи, отъ Каменнаго Мячкова; по сю сторону Москвы-рѣки, къ Коломнѣ, стоитъ корпусъ графа Остермана; отъ главной квартиры влѣво, на Боровской дорогѣ стоитъ съ корпусомъ Докторовъ, а лѣвѣе его, по верейской

---

[1]) Арбеневу, дѣйствительному камергеру, сыну генерала временъ Екатерины II. См. сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, т. III, VI, стр. 507, 56. Н. М.

дорогѣ стоитъ съ дивизіею генералъ Раевской; а еще лѣвѣе отъ Можайска стоитъ съ корпусомъ отличный и достойный генералъ Дороховъ, который пресѣкъ всякое сообщеніе у французовъ; нѣсколько курьеровъ и даже транспортовъ отправленныхъ отъ полученныхъ (и) ограбленныхъ въ Москвѣ вещей; а впереди арміи и нѣкоторыхъ корпусовъ, ближе къ Москвѣ (корпусъ), что стоялъ подъ симъ начальствомъ генерала Платова, который отъ всякой команды отрѣшенъ и, кажется, будетъ судимъ за неисполненіе ему приказаннаго въ день сраженія 26-го августа, а онымъ командуетъ Милорадовичъ. Со стороны Клина и пройдя троицкую дорогу къ Ярославлю, стоитъ съ корпусомъ Винцингероде. Рязанскому всему ополченію велѣно присоединиться къ корпусу графа Остермана, Тульскому — къ корпусу Барклай-де-Толи, а Калужскому — къ Докторову. Вотъ вамъ планъ нашихъ и непріятельскихъ армій. Я не пророкъ, но по опытности моего служенія и судя всѣ обстоятельства, ожидать надо на дняхъ большаго дѣла. Вы видите, что непріятель окруженъ и будетъ искать средствъ прорваться. Князь и новый фельдмаршалъ Кутузовъ ожидаютъ сближенія арміи Тормасова, который соединился съ Чичеговымъ и Эртелемъ; за вѣрное не утверждаю, а говорятъ, что Тормасовъ отозванъ къ главной арміи, а онымъ всѣмъ начальствуетъ Чичеговъ. Движеніе оной принесло уже ту пользу пресѣченіемъ идущихъ въ сикурсъ оставшихъ(ся) во Франціи 5-и баталіоновъ войскъ, которыя теперь уже никакъ съ Наполеоновою арміею соединиться не могутъ. Вчерашній день получено извѣстіе слѣдующее: съ Дону присоединилось свѣжаго (войска) и исправныхъ 5,000 донскихъ казаковъ къ главной арміи, а къ Чичегову присоединилось три полка пѣхоты, нѣсколько горцевъ, пришедшихъ съ кавказской линіи; тамъ изъ Крыму идутъ войска, но числа ихъ не означено. Какъ-то про себя въ арміи шепчутъ, что въ Петербургѣ вольницу набираютъ, а стоящему войску, котораго число не означено, велѣно изъ Ревеля, Нарвы, изъ Пернова и часть изъ Финляндіи идти въ Новгородъ. За симъ сказавъ вамъ все, что знаю, заканчиваю мое письмо. Вѣрнопокорный слуга Петръ Лунинъ.

Князь Багратіонъ отъ раны умеръ.

2.

29-го ноября 1812 г.

Милостивой государь Василій Степановичъ[1]). Наконецъ возвратился нещастному столицу въ Москву. Боже мой, какой страшной и печальной видъ, домъ мой гдѣ я самъ жилъ только остался въ целѣ, а протчіе строеніе, какъ конюшне, кухни, каретной сарай съ двумя новыми каретами, дрожки ресорные, сани городскіе и протчіе вещи всѣ сгоряли. А на другой дворъ мой, во флигелѣ гдѣ былъ трактыръ, харчевни и лавки всѣ сгоряли, только одни стѣни остались, изъ котораго я имѣлъ 1,400 руб. ежегоднаго доходу, кромѣ что подъ домомъ лавки еще остались только 1,000 руб. доходъ имѣю. В' домѣ меня все разграблено; трое стеные столовые часы, картины, портреты, мебель, книги и планы мои всѣ растощены, вашъ и мой портретъ тоже унесены, жаль мне вашъ портретъ. В' домѣ почти все стеклы разбиты, по причины что французы подорвали порохомъ вѣсъ артилерійской полевой дворъ,

[1]) Неизвѣстно, кто этотъ Василій Степановичъ, но вѣроятно должностное лицо. Авторъ письма, полковникъ Толь, былъ много лѣтъ въ Москвѣ оберъполиціймейстеромъ. Его правописаніе въ точности соблюдено. Н. М.

который близко къ моему дому былъ. Словомъ сказать всѣ потерялъ, кроме по милосердіе Божіе, что по крайнѣ мѣре пристанище имѣю своемъ разграбленному дому, всѣ посуди медные, фаянсъ, фарфоръ, зеркала и протчее вещи, всѣ унесены, остался у меня в' доме 6 тарелки жестеные и два деревеные чашки; видно, что Богу угодно было мне наказать въ старость и дряхлость лѣтъ моихъ, но трудно будетъ мне перенести сей ударъ, дай Богъ только мне покойной смертъ. Правда сказать, что французы не столко насъ разграбили, какъ наши русскіе, крестьяне подмосковние приехавши въ Москву, господски люди и протчей сволочъ, все пьянстве разграбили насъ—оставшихся домы въ Москвѣ отъ пожара; в' деревняхъ лежавшихся кругъ в' Москвѣ набити разграбленными вѣщами и мебельми. Верите Богомъ, батюшка Василій Степановичъ, что ужасно житъ тепере вь Москвѣ. Видишь толко остатки горевшихся домовъ, а по ночамъ гдѣ прежде слишно было звукъ каретъ, тепере унылый вой и лай бегущихъ стадами собакъ насъ тревожитъ, которые собираются надъ развалинахъ горявшихся мѣста домовъ. Вотъ союзники наши что надѣлали и етимъ варварамъ поручили мы воспитаніе нашихъ детей, но какой конецъ с' ними будетъ? намъ еще неизвѣстно. Пишите ко мнѣ, батюшка Василій Степановичъ, и утешите мне вашими писмамы въ моемъ нещастномъ положеніи. Гдѣ Бунопартъ изверкъ? тепере находятся съ своей шайки разбойничи. Извините мнѣ что дурно писалъ, отъ печаль и слезъ глаза мои совсемъ испортились и тепере не могу удержать своихъ слезъ. Где тѣ блаженные часы где я имѣлъ счастіе с' вами бесѣдовать? все миновалось, дороговизна чрезвычайна; торгуютъ у насъ не в' лавкахъ, а здѣлано изъ досокъ шалаши где продаютъ товаръ и сезние припаси. Прошу васъ, милостивой государь Василій Степановичъ, засвидѣтельствовать мою нижайшую почтеніе к' Петру Васильевичу князю Лопухину, я в' несостояніе к' нему писать тепере. Остаюсь съ моимъ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію на всегда вашего высокопревосходительства милостиваго государя всепокорнѣйшимъ слугою Ѳедоръ Толь.

Ноября 25-го 1812 года (окончено).

Сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ.

Горе съ „Горемъ отъ ума" въ Пермской Межевой Конторѣ.

(Выписка изъ дѣла).

.... Изъ дѣла видно: Яковлевъ обще съ нимъ, Мельниковымъ, землемѣромъ Ивановымъ и дневальнымъ Михайловымъ, подошли къ столу директорскому и притомъ усмотрѣли на столѣ лежащіе, на двухъ листахъ написанные собственною землемѣра Кудрявцева рукою какіе-то стихи; но какъ по содержанію ихъ можно почесть даже и за пасквили, а если и не таковыми, то, по крайней мѣрѣ, сіи партикулярныя и безполезныя бумаги при должности писать, или ихъ въ присутственномъ мѣстѣ оставлять, законами воспрещено; вслѣдствіе чего означенныя бумаги, давъ подписать дежурному и дневальному, нынѣ въ оригиналѣ Конторѣ представилъ и просилъ взять, какъ поступокъ землемѣра Кудрявцева, равно и смыслъ сочи-

ненныхъ имъ стиховъ въ разсмотрѣніе, ибо они, по мнѣнію его, землемѣра Мельникова, въ законопротивномъ духѣ писаны на нѣкоторыя государственныя заведенія и составляютъ упрекъ Педагогическому Институту.

Изъ листовъ же, взятыхъ имъ, Мельниковымъ, въ чертежной на директорскомъ столѣ, писанныхъ рукою Кудрявцева, видно:

Фамусовъ.

Ну, вотъ великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума! учоность — вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдёшь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ
Пе-да-го-ги-ческій—такъ, кажется, зовутъ:
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ — хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи:
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня;
Чиновъ не хочетъ знать; онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Ѳёдоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ на счотъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, коли ужь зло пресѣчь —
Собрать всѣ книги бы, да сжечь.

Загорѣцкій *(кротко).*

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а если-бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я—
На басни бы налёгъ. Охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори—
Хотя животныя, а всё-таки цари.

Хлестова.

Отцы мои! ужь кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ всё равно, отъ книгъ-ли, отъ питья-ль.
А Чацкаго мнѣ жаль!
По христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова.

Три, сударь!

Фамусовъ.

Четыреста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста!

Фамусовъ.

Въ моёмъ календарѣ....

Хлестова.

Всѣ врутъ календари!

На что Контора резолюціею своею того-жъ числа заключила: предписать землемѣру Кудрявцеву указомъ и велѣть подать въ сію Контору, не продолжая болѣе одного дня, объясненіе въ томъ:

1) Въ какомъ смыслѣ опредѣляетъ онъ будто-бы „ученье есть чума и причина, что нынче пуще, чѣмъ когда безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній“, и изъ какихъ именно событій, дѣлъ и мнѣній онъ то заключаетъ?

2) Почему онъ себѣ дозволилъ, вопреки мудрому распоряженію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей, увѣрять, чтобы „и впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ одних отъ пансіоновъ, школъ и лицеевъ“, ибо весьма благонамѣренными людьми утверждено, что они есть разсадникъ образованія ума и нравственности, обученіе и благодѣтельное занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастію благостроеннаго государства?

3) Кто его увѣрилъ или съ какого повода онъ дерзнулъ написать, что въ „Педагогическомъ С.-Петербургскомъ Институтѣ упражняются въ расколахъ и безвѣрьѣ профессора“ и говорить, когда не безъизвѣстно ему, Кудрявцеву, что въ Педагогическомъ Институтѣ воспитывались начальники его: 1-й—членъ Пружковскій и 2-й—Корбелецкій,

и на какую родню онъ указываетъ, что будто бы вышедъ изъ онаго, можетъ быть подмастерьемъ въ аптекѣ, ибо въ оный (институтъ) поступаютъ только для окончанія высшихъ наукъ, и слѣдовательно таковымъ его выраженіемъ на чье лицо дѣлаетъ пасквильное порицаніе?

4) Въ семъ смыслѣ наводитъ сомнѣніе и дальнѣйшее его описаніе, чего ради обязанъ онъ неоспоримыми объяснить доводами:

а) Гдѣ и какъ дошла до него всеобщая молва о таковомъ всеобщемъ разрушеніи учебныхъ заведеній, какъ онъ пишетъ, „что есть проэктъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій, тамъ будутъ лишь учить по нашему разъ, два, а книги сохранятъ, такъ, для большихъ оказій“; притомъ объяснить: какой въ себѣ смыслъ заключаетъ выраженіе по-нашему разъ, два?

б) Какое онъ разумѣетъ зло, для пресѣченія коего потребно забрать всѣ книги, да сжечь?

в) Съ какимъ намѣреніемъ онъ вложилъ въ уста нарѣченнаго имъ Загорѣцкаго, что если-бъ былъ цензоромъ назначенъ онъ, на басни бы налегъ: будто бы басни смерть его, ибо якобы „насмѣшка вѣчная“ „надъ львами, надъ орлами, какъ что ни говори, они хоть и животныя, а все-таки цари“ и прочія, изражаемая чрезъ посредницу его, наименованную имъ Хлестову?

5) Чѣмъ онъ руководствовался при должности писать стихи, что доказывается тѣмъ, что они еще не кончены и для чего онъ то, свое сочиненіе, оставилъ при должности, не съ тѣмъ-ли намѣреніемъ, дабы внушить его прочимъ сослуживцамъ, о чемъ ему, Кудрявцеву, отъ 6-го числа октября за № 1,651 предписано указомъ.

Примѣчаніе. Выписка эта изъ дѣла, какъ надо полагать, конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, сохранилась въ рукописномъ сборникѣ одного любителя старины. Жаль, что бумага не имѣетъ начала и намъ неизвѣстно, чѣмъ кончилось это интересное дѣло. Не найдетъ-ли кто изъ нашихъ читателей въ Перми продолженіе этого любопытнаго документа? Не поддѣлка-ли это и не шутка-ли какого-нибудь досужаго любителя курьёзовъ? Во всякомъ случаѣ бумага эта давно извѣстна и, едва-ли, не была-ли даже въ печати. Ред.

Васильевскій Островъ.

Въ «Русской Старинѣ» (т. VIII, стр. 168—201) въ статьѣ о. Опатовича: «Смоленское кладбище въ С.-Петербургѣ» говорится, что Васильевскій Островъ названъ по имени поручика Василія Кормчина. Хотя и въ другихъ описаніяхъ Петербурга повторяется тоже самое, однако, необходимо оговорить, что еще въ 1640 году этотъ островъ въ писцовыхъ книгахъ носилъ названіе Васильевскаго.

Суперьеръ ксендзъ Панкрацій.

1842 г.

Въ замѣткѣ г. Сорокина, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» (т. VIII, стр. 114), «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ въ Литвѣ въ 1831 г.» упоминается о бывшемъ суперьерѣ Глубокаго Кармелитскаго монастыря—ксендзѣ Панкраціѣ.

Имя недавно скончавшагося ксендза Панкрація напомнило мнѣ слѣдующій случай изъ моей служебной практики.

Въ послѣдній годъ моей жандармской службы, въ іюнѣ 1842 года, по просьбѣ минскаго архіепископа Антонія Зубки [1]) и номината бискупа Павла Равы [2]), я принялъ на себя разоблаченіе вредныхъ русскому дѣлу козней бернардиновъ, по наущенію и подстрекательству которыхъ сосѣдніе съ ихъ монастыремъ Узміонскій и Леонпольскій приходы отклонились отъ православія. При этой поѣздкѣ въ Дисненскій уѣздъ меня сопровождали депутаты разныхъ орденовъ католическаго духовенства и, въ числѣ ихъ, кармелитъ суперьеръ Панкрацій, которому преимущественно былъ я обязанъ мирнымъ и успѣшнымъ окончаніемъ порученнаго мнѣ дѣла. Когда всѣ эти господа, вмѣстѣ съ ожидавшимъ меня въ Диснѣ предводителемъ дворянства Обронпольскимъ и встрѣтившимъ насъ на границѣ уѣзда исправникомъ Сумароковымъ (католикъ), прибыли въ Леонполь, управляющій этимъ имѣніемъ дворянинъ Корженевскій убѣдительно просилъ меня съ моими спутниками откушать хлѣба-соли. Я согласился. Столъ былъ роскошно приготовленъ на 24 особы. Соблазнительныя закуски и добрая старая водка сильно манили къ себѣ проголодавшихся гостей, въ числѣ которыхъ не доставало только главнаго лица—молодаго мѣстнаго священника о. Николая Лукашевича. Когда услужливый хозяинъ пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ къ закускѣ, я тотчасъ сдѣлалъ видъ, что ищу кого-то.

— «Кого вамъ угодно, полковникъ?» спросилъ меня г. Корженевскій.

— Здѣсь не видно о. Николая.

— «Я сейчасъ пошлю за нимъ», сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, возразилъ я, потрудитесь сами сходить за нимъ; мы подождемъ.

Скрѣпя сердце, онъ послушался меня и отправился къ мѣстному священнику, котораго, какъ мнѣ извѣстно было, онъ сильно не долюбливалъ и если принималъ его по дѣламъ, то развѣ въ передней.

За обѣдомъ всѣ блюда начинали подносить съ о. Николая.

Послѣ обѣда явились ко мнѣ настоятель и казначей сосѣдняго бернардинскаго монастыря, которыхъ, между прочимъ, спросилъ я: «Въ которомъ часу будетъ у нихъ на другой день (1-го іюля) молебенъ по случаю царскаго дня?»

— «Ровно въ 8 часовъ утра».

— Мы всѣ къ этому времени къ вамъ будемъ, прибавилъ я, а потомъ, вмѣстѣ съ вами, отправимся въ православный храмъ.

Солоно было это рѣшеніе отцамъ бернардинамъ, но они не отказались

---

[1]) Одинъ изъ главнѣйшихъ и усерднѣйшихъ сотрудниковъ митрополита Сѣмашки. Онъ, съ 1848 г., удалился на покой и поселился въ монастырѣ близъ Ковно. **А. Л.**

[2]) Неутвержденный папою епископъ, о которомъ (въ числѣ другихъ анекдотовъ въ этомъ же родѣ) разсказываютъ, что при докладахъ секретаря онъ глубокомысленно выслушивалъ содержаніе бумагъ и нерѣдко спрашивалъ: «это къ намъ пишутъ, или мы пишемъ?» **А. Л.**

явиться въ нашу церковь, гдѣ былъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, послѣ котораго всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и ксендзы, удостоились приложиться ко кресту.

Народъ не вѣрилъ глазамъ своимъ при этомъ небываломъ никогда зрѣлищѣ.

Тоже повторилось въ Узміонахъ и Другѣ, гдѣ услужливые евреи, за дорогую цѣну, ухитрились достать мнѣ 4 бутылки шампанскаго, и мы, послѣ импровизованнаго завтрака, выпили за здравіе вѣнценосной новорожденной.

Вездѣ, гдѣ оказывалось нужнымъ, я собиралъ народъ и приглашалъ самихъ ксендзовъ твердо и внушительно объявлять ему, что возвращенные въ нѣдра православія бывшіе уніаты отнюдь не должны колебаться, не должны поддаваться обману и подстрекательствамъ, и что католическіе священники не имѣютъ ни малѣйшаго права принимать ихъ на исповѣдь, пріобщать—какъ это прежде водилось—Святыхъ Таинъ, крестить, вѣнчать и исполнять другія требы.

Эти бесѣды, эти увѣщанія, эти внушенія, въ которыхъ главнѣйшая роль принадлежала умному, дѣльному и находчивому о. Панкрацію, произвели желаемое дѣйствіе. Дѣло обошлось не только безъ розогъ, но и безъ всякихъ арестовъ и безполезной переписки; оказалось, что дерзкія попытки бернардиновъ не повторялись болѣе никогда.

Желательно было-бы между духовными лицами католическаго исповѣданія встрѣчать менѣе фанатиковъ и болѣе честныхъ служителей алтаря, подобныхъ отцу суперьеру Панкрацію,

А. Ломачевскій.

Лапичи, 17-го іюля 1873 г.

Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева.

Въ надеждѣ, что наслѣдники покойнаго поэта издадутъ въ свѣтъ полное собраніе стихотвореній Ѳедора Ивановича, и желая, чтобы въ это собраніе вошли произведенія, разсѣянныя въ газетахъ и журналахъ, приводимъ одно, напечатанное въ «Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 51, среда, 25-го іюня 1869 г.). Напомнимъ, что съ 1869 года эти «Вѣдомости» начали печатать вмѣсто нѣмецкаго на русскомъ языкѣ. **Ред.**

Какъ насажденія Петрова
Въ Екатериненской долинѣ
Деревья пышно разрослись,
Такъ насаждаемое нынѣ
Здѣсь русское живое слово—
Рости—и глубже коренись!

Ѳ. Тютчевъ.

Примѣчаніе. Катеринненталь—въ Ревелѣ, дворецъ съ отличнымъ садомъ, разведеннымъ по повелѣнію Петра Великаго. **Ред.**

Землянка Ермолова.

Кто не знаетъ изъ кавказцевъ знаменитую землянку А. П. Ермолова въ крѣпости Грозной? Къ величайшему сожалѣнію, этого памятника славной ермоловской эпохи—владычества русскихъ въ Закавказьѣ—нынѣ не существуетъ.

Землянка снесена, по распоряженію мѣстнаго военнаго начальства въ крѣпости Грозной. Неизвѣстно, какія побужденія вызвали эту мѣру. **Ад. Б.**

Лицейскій памятникъ съ надписью „Genio loci“.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. (т. VIII, стр. 244), А. В. Фр. предложены вопросы: «кѣмъ и когда поставленъ былъ въ Царскомъ Селѣ, въ саду бывшаго тамъ лицея, еще при жизни Пушкина, камень въ честь этого поэта? На камнѣ врѣзана была надпись: «Genio loci» (мѣстному генію). Куда и по чьему распоряженію убранъ этотъ камень?»

На эти вопросы я, какъ свидѣтель и какъ бывшій воспитанникъ императорскаго Царскосельскаго лицея V-го выпуска, могу дать слѣдующіе положительные отвѣты.

Никогда и никакого камня, еще при жизни Пушкина, въ честь этого поэта въ саду лицея поставлено не было, а былъ устроенъ, еще **первымъ** выпускомъ, около церковной ограды дерновый пьедесталъ, въ которомъ была вдѣлана мраморная доска съ вырѣзанными на ней словами: «Genio loci», т. е. мѣсто нашему воображаемому «генію»—покровителю наукъ, поэзіи и искусства, которыя въ наше время всегда въ лицеѣ процвѣтали.

Мѣсто это лѣтомъ украшалось цвѣтами и было предметомъ особеннаго нашего почитанія и заботливости.

На бывшемъ въ 1783 году, 19-го октября, обѣдѣ первыхъ **семи** выпусковъ Царскосельскаго лицея, вопросъ этотъ былъ возбужденъ Константиномъ Карловичемъ **Гротомъ**, и оказалось, что всѣ присутствовавшіе хорошо помнятъ этотъ камень и цѣль его существованія. Для разъясненія вопроса, когда и кѣмъ именно онъ былъ поставленъ, Константинъ Карловичъ обратился къ графу М. А. **Корфу**, бывшему воспитаннику 1-го выпуска и, слѣдовательно, свидѣтелю его основанія.

На что полученъ былъ отъ гр. Модеста Андреевича слѣдующій отвѣтъ, который и печатается съ разрѣшенія графа:

19 октября 1873 г.

„Вслѣдствіе давишняго нашего разговора, любезный Константинъ Карловичъ, я обратился къ старымъ моимъ замѣткамъ, и вотъ что нашелъ въ нихъ по случаю статьи о Пушкинѣ, появившейся въ №№ 117—119 литературнаго отдѣла „Московскихъ Вѣдомостей“ 1854 г.

„Откуда родилось предположеніе, что подъ знаменитомъ „Genio loci“ разумѣется Пушкинъ? Въ наше время еще не существовало никакого лицейскаго сада. Отведенное послѣ подъ него мѣсто было занято церковною оградою, въ которой дико росло нѣсколько березъ и куда никогда не ступала наша нога; слѣдственно, и памяти тутъ ничьей быть не могло. „Genio loci“ было просто фантастическою надписью, придуманною Энгельгардтомъ въ подражаніе древнимъ, въ честь невидимаго духа—покровителя этихъ рощей, какого-нибудь фавна. Пушкинъ тутъ никому и на мысль не приходилъ; фактическое тому доказательство—точно такая же надпись была въ саду при домѣ въ Царскомъ Селѣ, принадлежавшемъ Энгельгардту задолго еще до назначенія его директоромъ лицея, когда имени Пушкина не зналъ еще никто, кромѣ его товарищей. Весь вашъ Гр. М. Корфъ“.

По справкамъ, наведеннымъ мною въ нынѣшнемъ Александровскомъ лицеѣ, оказалось, что камень этотъ въ первобытномъ положеніи существовалъ въ Царскомъ Селѣ до начала 1840-хъ годовъ; но пьедесталъ, въ коемъ онъ былъ вдѣланъ, началъ приходить въ разрушеніе.

Бывшій тогда директоръ лицея генералъ-маіоръ Броневскій, желая сохранить мысль эту, какъ памятникъ старины, приказалъ его возобновить и привесть въ надлежащій видъ, причемъ предложилъ воспитанникамъ XII выпуска принять участіе въ осуществленіи его желанія, что и было ими охотно принято; памятникъ былъ возобновленъ въ новомъ видѣ, съ новыми надписями и стоялъ на томъ же мѣстѣ — около церковной ограды. На передней сторонѣ была мраморная доска съ надписью: «Genio loci, I Cursus erexit», а на другой: «XII Cursus renovavit».

Вскорѣ по возобновленіи памятника, изъ штаба военно-учебныхъ заведеній былъ сдѣланъ директору лицея оффиціальный запросъ: «по какому случаю поставленъ въ лицейскомъ саду памятникъ Пушкину и съ чьего разрѣшенія?»

На что Г. М. Броневскій имѣлъ честь лично объяснить бывшему тогда начальнику всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, что находящійся въ саду лицея памятникъ не есть памятникъ Пушкину, а что возобновленъ только старый, существующій съ 1-го выпуска, поставленный ими мѣстному воображаемому «генію», какъ гласитъ и самая надпись: «Genio loci». Тѣмъ запросъ этотъ и кончился.

Изъ замѣтки г. Смирнова [1]), помѣщенной въ «Русской Старинѣ», 1873 г. (т. VIII, стр. 597) видно, что при переводѣ лицея изъ Царскаго Села въ С.-Петербургъ (въ 1844 г.) мраморная доска съ надписью: «Genio loci» изъ сада Царскосельскаго лицея была перевезена въ садъ лицея въ настоящее его помѣщеніе—на Каменноостровскомъ проспектѣ, и находится на правой сторонѣ лицейскаго сада двухъ старшихъ выпусковъ.

Желая удостовѣриться, существуетъ-ли въ настоящее время столь дорогой намъ камень, я отправился въ лицей, гдѣ въ саду, по указанію г. Смирнова, на правой сторонѣ сада, я нашелъ въ землѣ четырехъ-угольное, наполненное водою, углубленіе, свидѣтельствующее, что была здѣсь какая-то каменная постройка [2]), но ни памятника, ни доски съ надписью: «Genio loci»—болѣе...... не существуетъ!

Сказывали мнѣ сопровождавшіе меня служащіе въ лицеѣ лица, что памятникъ и доска существовали еще въ 1860 году, но куда они дѣвались и по чьему распоряженію убраны—я узнать не могъ.

Хотя лицей, бывшій на царскосельской почвѣ, и не имѣетъ ничего общаго съ лицеемъ на Петербургской сторонѣ, но все же жаль, что единственный памятникъ старины, перенесенный изъ Царскаго Села въ садъ Александровскаго лицея, могъ въ продолженіе 10-ти лѣтъ совершенно исчезнуть, оставя только слѣдъ своего существованія—наполненную болотною водою яму.

И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ.

---

[1]) Воспитанникъ лицея XXIII выпуска 1853 года. И. Х.

[2]) По показанію служащихъ въ лицеѣ лицъ, памятникъ этотъ былъ сооруженъ изъ прочнаго англійскаго кирпича. И. Х.

Курьозы изъ старинного рукописнаго сборника.

1.

Донесеніе воеводы.

Изъ Пронской воеводской канцеляріи, отъ воеводы. Сего маія 20-го числа, на память мученика Фалалея, волею Божіею, отъ зажженія по содержанію Феклы Ларіоновой, половина города выгорѣла до-тла и съ пожитками, а изъ оставшей половины города ползутъ тараканы въ поле и видно, что быть и на эту половину гнѣву Божію, и на долго-ль, коротко-ль, и той половинѣ города горѣти, что и отъ старыхъ людей примѣчено. Того ради правительствующему сенату представляю, не повелѣно-ль будетъ града-жителямъ пожитки свои выбрать, и оставшую половину города зажечь, дабы не загорѣлся градъ не во время и пожитки всѣ бы не сгорѣли.

Изъ сената отвѣтъ.

Половина города сгорѣла—велѣть обывателямъ строиться; а впредь тебѣ, воеводѣ, не врать и другой половины города не зажигать, тараканамъ и старымъ людямъ не вѣрить, а дожидаться воли Божіей.

2.

Военная коллегія.

При Петрѣ Великомъ были основаны коллегіи, между прочими, и военная коллегія; а прежде были различнаго рода приказы. По новости учрежденія, изъ военной коллегіи былъ посланъ указъ въ новгородскій приказъ, въ которомъ, между прочимъ, было написано: «прислать въ военную коллегію старинныхъ дѣлъ точныя копіи, а какъ сіе учинить присланъ притомъ экстрактъ».

Жители, получа оный указъ, собрались на сходъ думать: что это значитъ Военная коллегія? и что за Евстратъ и что такое точныя копіи?—думали нѣсколько дней; и вотъ одинъ изъ нихъ, попроворнѣе и посмышленѣе, говоритъ: «я знаю, что значитъ военная коллегія,—это значитъ князя Меншикова сестра Варвара»; съ чѣмъ всѣ согласились и написали слѣдующій отвѣтъ:

«Милостивая государыня, военная коллегія Варвара Даниловна! Изволила ты къ намъ, рабамъ своимъ, въ Новгородъ писать, что посланъ къ намъ Евстратъ, и мы онаго Евстрата не видали, и искали по всѣмъ дворамъ три дни, что гдѣ оный Евстратъ, не присталъ-ли гдѣ ночлеговать? и нигдѣ не нашли. А точеныхъ копіевъ во всемъ городѣ не отыскано-жъ, а найденъ оставшій отъ ратныхъ людей бердышъ, который вашей милости при семъ посылается.» Подлинное подписано выборными города. 17-го марта 1701 года.

Сообщ. О—й.

Замѣтки и поправки.

Въ «Русской Старинѣ» 1873 г. т. VIII, между прочимъ, помѣщены: автобіографія И. П. Кулибина (стр. 734) и письмо графа Румянцева-Задунайскаго къ Екатеринѣ II, отъ 14-го августа 1770 г. (стр. 717). Необходимо оговорить, что оба документа помѣщены также въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1862 г. въ кн. I (смѣсь, стр. 178) и 1865 г. кн. II (стр. 108).

Ред.

Двѣ историческія пѣсни, изъ сообщенныхъ гг. Шейномъ и Пупаревымъ, суть варіанты вошедшихъ въ IX т. собранія пѣсенъ Кирѣевскаго (Кир., стр. 115 и 233); также первая пѣсня о разбойникѣ есть варіантъ напечатанной у Сахарова, пѣсня же о Румянцевѣ-Задунайскомъ является съ малыми измѣненіями во многихъ сборникахъ и была также напечатана въ «Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1872 г.

Жертва доносовъ Ѳ. Туманскаго назывался не Зейберъ («Р. С.» т. VIII, стр. 812), а Зейдеръ (Фридрихъ). Изложеніе его страданій имѣется въ обоихъ тисненіяхъ, — оба 1803 г., одно въ Берлинѣ (63 стр.), а другое въ Гильдесгеймѣ и Лейпцигѣ (100 стр.), впрочемъ совершенно тождественныхъ, — въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Библіотека имѣетъ, сверхъ того, два стихотворенія того-же автора: 1) Оду на миръ между Россіею и Портою Оттоманскою 1793 г. (безъ мѣста печати и безъ имени автора, но на которую самъ онъ ссылается въ упомянутомъ «изложеніи»), и 2) Гимнъ императору Александру при годовщинѣ его восшествія на престолъ, съ нотами (С.-Петербургъ, 1802 г.). Имя автора значится подъ гимномъ. Оба стихотворенія на нѣмецкомъ языкѣ.

Зейдеръ до казни своей былъ пасторомъ въ Ранденѣ, въ Эстляндіи.

Н. Д. Быковъ сообщаетъ, что внуки пастора Зейдера суть двоюродные братья его жены и что въ молодости онъ видѣлъ этого пастора, дочь котораго понынѣ жива. Существуетъ преданіе, переданное намъ г. Быковымъ, будто Записки Зейдера были куплены прежде выхода въ свѣтъ изъ типографіи и тогда же уничтожены, такъ что печатнаго экземпляра у автора не осталось; но вышеприведенное указаніе свидѣтельствуетъ, что книга Зейдера имѣется въ драгоцѣннѣйшемъ собраніи графа М. А. Корфа, иноязычныхъ книгъ о Россіи, въ Императорской Публичной Библіотекѣ. **Ред.**

Опечатки:

	напечатано:	читай:
Т. VIII, стр. 643	строка 17 снизу: оба графа (Бобринскіе) суть правнуки гр. Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.	Оба графа (Бобринскіе) суть внуки графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.
» — — 691 стр.	8 св.: княжна.	графиня.
» — — » —	13 — княжну.	графиню.
» — — » —	2 сн.: княжна.	княгиня.
» — — 730 —	13 св.: Письмо къ А. В. Злобину.	Письмо къ К. В. Злобину.
» — — 738 —	3 сн.: гр. Александра Бобринскаго	гр. Алексѣя Бобринскаго.
» — — 739 —	20 св.: 1896 года	1796 года.
» — — 765 —	1 — Александра II . . .	Александра I.
» — — 777 —	13 — С. М. Маевскій . .	С. И. Маевскій.
» — — 799 —	1 сн.: А. Б. З.	Е. Б. Зубова.

Къ стр. 691: Графиня Екатерина Романовна Воронцова была за мужемъ за княземъ Михаиломъ-Кондратьемъ Ивановичемъ Дашковымъ († 1764 г.); у нихъ были дѣти: княжна Анастасія въ замужествѣ Щербинина и кн. Павелъ († 1807 г.).

Къ стр. 641. Рисунокъ памятника Екатеринѣ II исполненъ художникомъ Брожемъ, подъ наблюденіемъ Академика Микѣшина. Гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ. **Ред.**

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1873 г.

Отъ Редакціи.

Окончивъ четвертый годъ нашего изданія и приступая къ пятому, признаемъ необходимымъ представить обзоръ статей, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ въ теченіе 1873 года [1]).

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, запасаясь матеріалами для предполагавшейся къ изданію „Русской Старины“, мы причислили къ нимъ Записки иностранцевъ о Россіи, имѣя въ виду печатать ихъ въ переводахъ, съ необходимыми примѣчаніями, дополненіями и поправками. Источникъ богатый и, можно сказать, неистощимый; но теперь мы приходимъ къ тому убѣжденію, что „Русская Старина“, пока далеко не нуждается въ этомъ источникѣ въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, размѣрахъ, какъ то мы предполагали прежде, такъ какъ появленіе „Русской Старины“, обще съ другими повременными историческими изданіями и сборниками, вызвало на свѣтъ Божій хранившіяся подъ спудомъ записки, дневники и воспоминанія русскихъ людей—современниковъ или участниковъ событій давно минувшихъ и недавнихъ. Можно-ли было не отдать преимущества послѣднимъ передъ иностранными авторами?

Почти до исхода XVIII столѣтія иностранцы смотрѣли на насъ, какъ на дикарей; на путешествіе въ Россію, какъ на подвигъ, равносильный путешествію кругосвѣтному. Незнакомые ни съ природой, ни съ языкомъ, ни съ нравами, ни съ обычаями нашего Отечества, видя въ ней страну въ родѣ Китая или Японіи, иностранцы-путе-

---

[1]) Обзоръ перваго трехлѣтія «Русской Старины» (1870—1872) напечатанъ въ VII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1873 г., стр. 1—23.

шественники въ своихъ запискахъ нерѣдко дѣлали грубѣйшія ошибки, извращали факты (иногда и умышленно), лгали, клеветали, — и, такимъ образомъ, распространяли между своими соотечественниками самыя превратныя понятія о Россіи.

Иное дѣло — дневники и записки, веденные нашими соотчичами, очевидцами или участниками событій: надежнѣйшая порука за ихъ правдивость въ томъ, что писавшіе даже не льстились надеждою — при своей жизни, по крайней мѣрѣ, — видѣть ихъ въ печати; писали въ назиданіе своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Умышленныя или нечаянныя ошибки русскаго въ его сочиненіи о Россіи вызываютъ между его соотечественниками поправки, возраженія, критическія замѣтки; послѣднія-же, если только онѣ безпристрастны, всегда ведутъ къ раскрытію истины.

Руководясь этими соображеніями, мы, въ изданіи нашемъ, выше всѣхъ другихъ историческихъ матеріаловъ цѣнили и цѣнимъ подлинные русскіе дневники, записки, воспоминанія, къ какому бы слою общества ни принадлежалъ ихъ авторъ [1]).

По отдѣлу дневниковъ и воспоминаній „Русская Старина“ въ 1873 году представила слѣдующія: „Домашній Памятникъ“ 1788—1804 гг., записки Николая Гавриловича Левшина, заключающія въ себѣ вѣрное, обстоятельное описаніе помѣщичьяго быта и въ особенности домашняго воспитанія зажиточнаго русскаго дворянства во второй половинѣ царствованія Екатерины II; кромѣ того, въ „Домашнемъ Памятникѣ“ есть нѣсколько не безъинтересныхъ чертъ для характеристики Александра Семеновича Васильчикова, одного изъ „случайныхъ“ людей Екатерининскаго вѣка; также П. Х. Обольянинова, страшнаго генералъ-прокурора царствованія Павла I и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Мой вѣкъ или Записки Сергѣя Ивановича Маевскаго. Первыя главы, посвященныя ветераномъ 1812 года описанію его собственныхъ подвиговъ, со стороны нѣкоторыхъ читателей возбудили укоры автору Записокъ въ излишнемъ самохваленіи; не отрицая того, что нѣкоторыя страницы этихъ Записокъ по своему слогу и тону дѣйствительно подаютъ поводъ къ подобнымъ укорамъ, въ оправданіе автора можно сказать, что повѣствованія его о своихъ подвигахъ

---

[1]) Предпочтеніе, оказываемое «Русской Стариной» запискамъ соотечественниковъ, само собою, не устраняетъ совершенно изъ ея матеріаловъ — произведеній иностранцевъ: нѣкоторымъ изъ нихъ мы уже и дали мѣсто на ея страницахъ (напр., записки Позье въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г.), другія появятся, по мѣрѣ необходимости и въ соотвѣтствія съ отечественными матеріалами, ихъ дополняющими или разъясняющими. Ред.

нисколько не противорѣчать свидѣтельству подлиннаго послужнаго о немъ списка, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи. Нѣкоторая же высиренность въ разсказѣ и чуждое скромности сознаніе своихъ заслугъ присущи было не одному Маевскому, но многимъ, если не большинству участниковъ исполинской борьбы Россіи съ Наполеономъ I.

Измѣнять слогъ, или смягчать выраженія въ запискахъ какихъ бы то ни было, въ особенности писанныхъ своеобычнымъ языкомъ и проникнутыхъ духомъ времени, не входитъ въ правила редакціи „Русской Старины": одна изъ главнѣйшихъ заботъ ея — передать памятникъ въ томъ самомъ видѣ и, по возможности, въ томъ самомъ объемѣ, какъ онъ вышелъ въ свое время изъ-подъ пера его составителя. Здѣсь же, къ слову, сопоставимъ съ Записками С. И. Маевскаго и его портретъ (приложенный къ т. VIII, стр. 754). Въ его время изысканность позы и вычурность обстановки—были почти непремѣнными условіями портретной живописи. Имъ до нѣкоторой степени подчинялись Доу, Кипренскій, Варнекъ и другіе даровитѣйшіе художники александровскаго времени. Такъ же точно витіеватость, метафоры, уподобленія и всевозможныя риторическія фигуры считались тогда принадлежностями хорошаго языка.

Отсутствіе скромности въ повѣствованіи о своихъ подвигахъ и нѣкоторая изысканность слога и изложенія Записокъ С. И. Маевскаго искупается несомнѣнными достоинствами „Моего вѣка": нѣсколькими чертами, но съ замѣчательной мѣткостью, знакомитъ онъ съ нравами и обычаями героевъ 1812 года, напримѣръ — Милорадовича... Слѣдующія главы записокъ, посвященныя описанію основанія и устройства военныхъ поселеній, заключаютъ драгоцѣнныя первичныя свѣдѣнія о мѣстахъ, въ которыхъ мечтательный Александръ I видѣлъ райское житіе, хотя въ сущности, благодаря мѣстнымъ исполнителямъ его воли, жизнь обитателей этихъ мѣстъ была адомъ. Ранжиръ, симметрія, темпы — подъ эти условія солдатчины, доведенной до поэзіи, подведена была жизнь тысячи семействъ; но подъ закрашенной, выбѣленной внѣшностью скрывалась кровавая изнанка и, черезъ десять лѣтъ, казарменная идиллія военныхъ поселеній разрѣшилась страшной трагедіей. Съ благодушнымъ взглядомъ Александра I на разсадникъ будущаго мятежа Записки С. И. Маевскаго знакомятъ такъ, какъ донынѣ еще не знакомило ни одно изъ сочиненій, посвященныхъ этой печальной эпохѣ царствованія Благословеннаго.

Записки графа Ѳ. П. Толстаго обнимаютъ два первыя десятилѣтія изъ долголѣтняго періода многосторонней художественной дѣятельности заслуженнаго Нестора нашей Академіи; но нами же

изданный предсмертный обзоръ гр. Өедора Петровича заключаетъ въ себѣ подробности о главнѣйшихъ художественныхъ произведеніяхъ его долголѣтней труженической жизни. Эта жизнь была въ высшей степени поучительна, такъ какъ покойникъ, какъ мы и замѣтили въ его некрологѣ: „при поразительномъ разнообразіи таланта въ одномъ себѣ какъ бы соединялъ всю Академію Художествъ“.

Воспоминанія о русскомъ театрѣ П. А. Каратыгина послужатъ матеріаломъ для будущаго историка нашей сцены и, вѣроятно, ихъ не безъ пользы прочтетъ какъ любитель сценическаго искусства, такъ и желающій посвятить себя артистическому поприщу. Тѣ времена, въ которыя П. А. Каратыгинъ началъ свою службу на сценѣ, нельзя было назвать благопріятными. Взглядъ высшаго общества въ царствованіе Александра I на личность сценическихъ артистовъ всего лучше выраженъ въ письмѣ императора къ Аракчееву по поводу какого-то событія въ театрѣ.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ, писанныя талантливымъ перомъ русской вполнѣ образованной женщины, живописуютъ помѣщичій бытъ за сорокъ лѣтъ до нашего времени. Драгоцѣнны всѣ свѣдѣнія, до этой эпохи относящіяся, и можно сказать, что онѣ еще болѣе выигрываютъ въ живомъ и, мѣстами, женственно-граціозномъ разсказѣ.

„Шемякинъ судъ“ — Записки Д. Н. Бантыша-Каменскаго — вводятъ читателя въ нашу административную сферу недавно прошедшаго времени „безгласнаго суда“, съ тѣми злоупотребленіями, на которыя были способны, — не на глазахъ высшей власти, а въ дальнихъ закоулкахъ Россіи, — лица, удостоенныя довѣріемъ правительства: одно изъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій Петра Великаго — сенаторская ревизія, возложенная на людей, не вполнѣ добросовѣстныхъ, вмѣсто добра, приноситъ прямое зло. Самое заглавіе Записокъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго доказываетъ, что онѣ писаны подъ наитіемъ оскорбленнаго самолюбія, человѣкомъ, лично заинтересованнымъ въ дѣлѣ, по истиннѣ, возмутительномъ; при всемъ томъ, авторъ не погрѣшилъ противъ истины, характеризуя дѣльцовъ недавно прошедшаго времени.

Воспоминанія К. П. Колзакова о событіяхъ въ Польшѣ, предшествовавшихъ мятежу 1830 — 1831 годовъ, замѣчательны въ томъ отношеніи, что открываютъ факты, о которыхъ до сихъ поръ въ русской печати хранилось почти совершенное молчаніе. Документы, касающіеся до польскаго мятежа тридцатыхъ годовъ, были въ прежнее время обнародываемы въ весьма ограниченномъ количествѣ и лишь въ той оффиціальной редакціи, какая полагалась приличною обстоятельствамъ. Тогда опасались оглашать даже и тѣ факты, которые

служили оправданіемъ рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ Россіею для усмиренія Польши. Свѣдѣнія о послѣднемъ возстаніи въ шестидесятыхъ годахъ, благодаря оглашенію многихъ документовъ, до него относящихся, весьма полны; но этого нельзя сказать о мятежѣ 1831 года, о которомъ, по сіе время, еще очень мало подробностей. Вотъ почему мы причисляемъ „Воспоминанія К. П. Колзакова" къ историческимъ матеріаламъ, имѣющимъ въ новѣйшей отечественной исторіи свое значеніе; онѣ дополняются напечатанными въ „Русской Старинѣ" рѣчью императора Александра I и рѣчью императора Николая I, сказанными въ Варшавѣ, первая — въ 1815 г., а вторая въ 1835 г.; послѣдняя какъ въ ея подлинной редакціи, такъ и въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ она была передана враждебными Россіи иностранными газетами.

II.

Ко второй группѣ историческихъ матеріаловъ „Русской Старины" 1873 г. принадлежатъ: монографіи и біографіи, извлеченія изъ подлинныхъ дѣлъ, акты, указы, манифесты, правительственныя распоряженія, рапорты, донесенія и т. п.

По этому отдѣлу изъ статей, относящихся къ царствованію Анны Іоанновны и къ эпохѣ Бироновщины, можемъ указать на нижеслѣдующія: Придворный бытъ и забавы (1730—1740)—статья, посвященная жизнеописанію шутовъ и шутихъ, игравшихъ при дворѣ Анны Іоанновны не послѣднюю роль.—Ледяной домъ — подробное описаніе этого хрупкаго памятника, вполнѣ приличнаго тому времени, въ которое и русскій морозъ былъ для курляндскаго герцога орудіемъ пытки при истязаніяхъ имъ русскихъ людей за неисправные взносы недоимокъ (виновныхъ ставили босыми ногами на снѣгъ или обливали несчастныхъ водою на морозѣ). Описаніе Ледянаго дома, составленное современникомъ—академикомъ Георгіемъ Крафтомъ въ 1740 г., было издано въ 1741 году, а потому, какъ принадлежащее къ числу библіографическихъ рѣдкостей и перепечатано въ „Русской Старинѣ".

Егоръ Столѣтовъ (обезглавленъ въ 1736 г.)—одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ той самой ужасной поры, когда за неосторожное, необдуманное слово глупца или пьянаго, привлекались къ отвѣтственности десятки невинныхъ людей и подвергались пыткамъ, ссылкамъ и казнямъ. Погрѣшности въ статьѣ „Егоръ Столѣтовъ", происшедшія оттого, что она собственно есть изложеніе только одного судебнаго дѣла, исправлены на страницахъ нашего же изданія почтеннымъ изслѣдователемъ въ области исторіи Восточной окраины Россіи— Н. И. Чупинымъ.

Поправки и дополненія къ русскимъ переводамъ (изданнымъ въ Петербургѣ въ 1837 г. и 1845 г.) Записокъ герцога де-Лиріа и Писемъ леди Рондо, по возможности, возстановляютъ въ ихъ дѣйствительной редакціи иностранные подлинники этихъ сочиненій. Извѣстно, что до шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія иностранные авторы появлялись въ нашей печати сокращенные и измѣненные русскими переводчиками, подчинявшимися требованіямъ прежней цензуры. Статья о пыткахъ въ Россіи служитъ какъ бы дополненіемъ къ очеркамъ времени 1730—1740 гг. Изслѣдованіе о портретахъ Бирона, родословіе фамиліи этого временщика, судьба злополучнаго семейства Анны Леопольдовны—статьи, принадлежащія къ той же группѣ историческихъ матеріаловъ.

Въ виду помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ“ 1873 г., проэкта о присоединеніи Пруссіи къ Россіи въ 1760 г., нельзя не замѣтить слѣдующаго: не смотря на то, что Австрія и Россія въ 1740-хъ и 1750-хъ годахъ были управляемы женщинами, борьба съ этими двумя державами была непосильна Фридриху Великому и слабая Пруссія была на краю погибели. Нынѣ, черезъ сто тринадцать лѣтъ, эта самая Пруссія—одна изъ могущественнѣйшихъ державъ въ мірѣ, сломившая гордыню Франціи, грозная для всей Европы, соединившая въ свою державу, въ одно цѣлое, разрозненныя части Германіи. Разительное доказательство великой истины, что „знаніе есть сила“, такъ какъ источникъ могущества Пруссіи заключается: въ народномъ образованіи, въ свободѣ печати и независимости суда, наконецъ, вообще въ законодательствѣ этой страны, основанномъ на обоюдно-довѣрчивыхъ отношеніяхъ правительства и народа. Семилѣтняя война, сто лѣтъ тому назадъ, раззорила, ослабила Пруссію. Въ наше время семимѣсячная борьба Пруссіи съ Франціей, окончившаяся низведеніемъ послѣдней на степень второстепенной державы, доказала всему міру силу науки при ея столкновеніи съ невѣжествомъ, гордымъ своими прежними успѣхами, упоеннымъ самонадѣянностью.

Другой замѣчательный памятникъ времени Елисаветы Петровны, представленный „Русской Стариной“ 1873 г., есть разсужденіе М. В. Ломоносова: о сохраненіи и размноженіи россійскаго народа. Въ этомъ „разсужденіи“ великій преобразователь русскаго слова—Ломоносовъ является на поприщѣ политической экономіи и заводитъ рѣчь о тѣхъ улучшеніяхъ народнаго быта, осуществиться которымъ, и то лишь далеко не вполнѣ, суждено было только въ послѣдующія царствованія. Во всякомъ случаѣ, проэктъ Ломоносова доказываетъ, что царствованіе Елисаветы Петровны, въ послѣдніе годы, уже было,

такъ-сказать, чревато великими преобразованіями, необходимость которыхъ ясно была сознана геніемъ Ломоносова и умомъ его просвѣщеннаго друга—Ив. Ив. Шувалова.

Царствованію Екатерины II посвящена бо́льшая часть статей истекшаго года — и не безъ причины. Монументъ, сооруженный въ честь великой императрицы, воскрешаетъ ее въ памяти народной и „Русская Старина“ долгомъ себѣ поставила добрымъ словомъ помянуть Екатерину II. Помимо статьи о памятникѣ, вызванной торжествомъ его открытія, въ нашемъ изданіи помѣщены: собственноручныя письма императрицы, хранящіяся въ библіотекѣ дворца города Павловска: матеріалы для біографіи Екатерины II, знакомящіе съ ея семейнымъ бытомъ, ея отношеніями къ великому князю Павлу Петровичу, его супругѣ и ихъ августѣйшимъ дѣтямъ;—также нѣсколько указовъ и распоряженій ея времени; письма сподвижниковъ Екатерины Великой, именно тѣхъ, изображенія которыхъ находятся на ея монументѣ; письма эти яркими чертами обрисовываютъ характеры главнѣйшихъ пособниковъ великой государыни. Печатая письма — Бецкаго, Безбородко, Алексѣя Орлова, Потемкина, Румянцева и разсказъ Дашковой (28 и 29-го іюня 1762 г.), редакція „Русской Старины“ полагала, что эти матеріалы, напечатанные одновременно съ открытіемъ монумента, какъ нельзя лучше воскресятъ въ памяти потомства сподвижниковъ Екатерины II. Затѣмъ, изъ замѣчательныхъ людей ея времени мы привели біографическія свѣдѣнія о Болотовѣ и Кулибинѣ, какъ о двухъ достойнѣйшихъ представителяхъ сословій дворянскаго и народнаго.

Если переписка Екатерины съ сыномъ и съ невѣсткою знакомитъ съ ея домашнимъ бытомъ, то въ своемъ проэктѣ о тюрьмахъ въ Россіи Екатерина является во всемъ величіи правительницы мудрой, вѣкъ свой опередившей; за то съ другой стороны статьи: арестантъ Василій Брягинъ и вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ, бросаютъ тѣнь на нѣкоторыя стороны государственнаго управленія ея времени, хотя впрочемъ необходимо замѣтить, что вскрытіе писемъ или перелюстрація,—дѣло, столь справедливо признанное весьма безнравственнымъ,—въ XVIII-мъ столѣтіи вообще и въ послѣдніе его годы въ особенности признавалось за необходимую правительственную мѣру и была принята за правило во всѣхъ государствахъ того времени, когда монархи, устрашенные французской революціей, относились къ своимъ подданнымъ со взаимно-оскорбительнымъ недовѣріемъ.

Изъ матеріаловъ, относящихся къ царствованію Павла I, кромѣ его переписки съ императрицею Екатериною въ бытность его вели-

кимъ княземъ, также кромѣ писемъ къ Аракчееву [1]), вѣдомости о расходахъ императора въ 1796 г., статей: о Ѳ. О. Туманскомъ, „о казни братьевъ Грузиновыхъ", и нѣкоторыхъ другихъ очерковъ,—въ „Русской Старинѣ" были напечатаны: большое собраніе приказовъ Павла I и, кромѣ того, начата обширная монографія: Графъ Никита Петровичъ Панинъ, состоящая изъ подлинной переписки этого замѣчательнаго русскаго дипломата съ княземъ А. Б. Куракинымъ. Эта переписка тѣмъ любопытнѣе, что при каждомъ письмѣ находится отвѣтъ (что не такъ часто бываетъ въ собраніяхъ такого рода писемъ); такимъ образомъ, во всей корреспонденціи есть связь и послѣдовательность. Документы эти знакомятъ какъ съ характеромъ переписывавшихся, такъ и съ положеніемъ дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. „Проэктъ русско-французской экспедиціи въ Индію" въ 1800 г. напоминаетъ объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ послѣднихъ дней царствованія Павла; этотъ эпизодъ очень мало извѣстенъ и ждетъ особаго изслѣдованія.

Изъ статей, касающихся царствованія Александра I, укажемъ на характеристику и на письма императрицы Елисаветы Алексѣевны, на Записки полковника Вадковскаго и на біографическую статью о графѣ (впослѣдствіи князѣ) И. В. Васильчиковѣ во время командованія имъ гвардейскимъ корпусомъ. Эта статья вызвана разсказомъ о Семеновской исторіи 1820 года (напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ", изд. 1871 г.) и тѣмъ охотнѣе была нами помѣщена, что авторъ имѣлъ намѣреніе отклонить укоры съ памяти Васильчикова, храбраго сподвижника Александра I; во всякомъ случаѣ, напечатаніе этой статьи въ „Русской Старинѣ" можетъ служить новымъ доказательствомъ того безпристрастія, съ которымъ мы относимся къ историческимъ матеріаламъ. Тоже самое можемъ сказать и о біографической замѣткѣ о полковникѣ Гебелѣ.

Каждое возраженіе и опровerженіе печатаются нами такъ-же охотно, какъ и разсказы объ одномъ и томъ же событіи, передаваемые разными лицами, смотрящими на это событіе не съ одинаковыхъ точекъ зрѣнія. Противорѣчія весьма часто ведутъ къ раскрытію истины.

Весьма многія лица, буквально понимающія названіе нашего журнала, замѣчали намъ въ первый годъ его изданія: зачѣмъ „Русская Старина", не останавливаясь предъ тридцатилѣтнимъ періодомъ, от-

[1]) Это—весьма рѣдкое собраніе, нѣкогда было издано лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ самимъ Аракчеевымъ и имъ-же задѣлано въ столбахъ собора села Грузина. Ред.

дѣлающимъ наше время отъ александровской эпохи, помѣщаетъ на своихъ страницахъ записки, документы, разсказы и біографіи, относящіяся къ этому тридцатилѣтнему періоду? Зачѣмъ не принимаетъ его за пограничную черту между старымъ и новымъ временемъ? Можно-ли относить, говорили намъ, къ области старины событія недавнія, которыя у многихъ еще такъ свѣжи въ памяти?

Эти замѣчанія были бы справедливы, если бы мы относились къ слову старина въ узкомъ хронологическомъ смыслѣ этого слова, которому мы, однако, придаемъ обширнѣйшій смыслъ. Мы измѣряемъ періоды развитія Россіи не цифрами лѣтъ, не годами, но тѣми событіями и явленіями въ общественномъ строѣ, которыя суть неминуемыя послѣдствія духа времени. Вся исторія нашего отечества дѣлится на два главнѣйшіе отдѣла: Русь до-Петровская, обнимающая восемь вѣковъ (862—1672), и Русь съ Петра Великаго.—Двухвѣковую эпоху отъ рожденія преобразователя Россіи до нашего времени можно раздѣлить, въ свою очередь, на два періода. Пограничная черта, отдѣляющая старую Россію Петровскую отъ новой, Россіи освобожденной отъ крѣпостныхъ путъ, Россіи земской это—19-е февраля 1861 года, эра истиннаго возрожденія Россіи, открытіе болѣе широкаго пути ея нравственному преуспѣянію и промышленно-торговому развитію.

Тридцатилѣтній періодъ, предшествовавшій нашему времени, былъ, въ сущности, продолженіемъ эпохи Александра I — эпохи развитія военныхъ силъ и внѣшняго могущества нашего отечества. Столкновеніе Россіи съ Европою и развалины Севастополя обратили Россію къ ней самой и вызвали потребность ея полнаго, внутренняго перерожденія. Старая крѣпостная Россія умерла; воскресла Россія новая.

19-е февраля—рубежъ, отдѣляющій все старое, обветшалое, отжившее отъ молодаго, преобразованнаго и призваннаго къ новой жизни.

Тридцатилѣтнему періоду, пережитому старой Россіей, въ нашемъ изданіи былъ посвященъ рядъ слѣдующихъ статей: „Разсказъ генерала Сухозанета о 14-мъ декабря 1825 года“, „Переписка цесаревича Константина Павловича“. Мысли гр. М. М. Сперанскаго о билетахъ казначейства. „Новгородскіе дворяне и военные поселяне въ 1831 г.“. Матеріалы къ жизнеописаніямъ: А. П. Ермолова, князя В. Г. Мадатова, князя М. С. Воронцова, князя А. С. Меншикова; донесенія князя И. Ѳ. Паскевича и А. С. Грибоѣдова. По поводу послѣдняго замѣтимъ, что до сихъ поръ у насъ нѣтъ обстоятельныхъ свѣдѣній о дипломатической дѣятельности и вообще государственной службѣ безсмертнаго автора „Горя отъ ума“, и редакція „Русской Старины“ имѣетъ возможность, до нѣкоторой

степени, пополнить этотъ пробѣлъ въ біографіи великаго писателя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, государственнаго человѣка.

Изъ матеріаловъ, относящихся до исторіи Кавказа и долговременной войны въ этомъ краю (окончиться которой суждено было въ наши уже дни), укажемъ на воспоминанія о генералѣ Фрейтагѣ; на статьи: дѣло флигель-адъютанта Коньева; намѣстничество Н. Н. Муравьева на Кавказѣ, и нѣкоторыя другія.

Статьи князя Меттерниха и графа К. В. Нессельроде знакомятъ съ положеніемъ дѣлъ внѣшней политики Россіи въ бурную эпоху 1848—1849 и 1853—1855 гг. Разсказъ о неудачномъ походѣ въ Хиву въ 1839 году тѣмъ болѣе достоинъ вниманія, что въ наше время походъ русскаго войска въ среднюю Азію увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. Статья „Смоленскіе дворяне и обязанные крестьяне", знакомя съ милосердыми воззрѣніями императора Николая I на улучшеніе быта крестьянскаго сословія, въ тоже время свидѣтельствуетъ о несочувствіи, съ какимъ встрѣчены были благія намѣренія этого государя со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ, и о томъ, какъ еще сильно было въ средѣ душевладѣльцевъ убѣжденіе, будто внѣ крѣпостнаго права благосостояніе Россіи немыслимо! Записка князя М. В. Друцкаго-Соколинскаго тѣмъ еще замѣчательна, что она пріобрѣла ему, въ кружкахъ поборниковъ крѣпостнаго права, извѣстность человѣка, „остановившаго реформу освобожденія крестьянъ въ 1849 г."; конечно, предводитель смоленскихъ дворянъ едва-ли въ этомъ повиненъ: благимъ намѣреніямъ правительства улучшить бытъ крестьянъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, положили преграды—внѣшнія волненія въ Европѣ, вмѣшательство Россіи въ дѣло спасенія Австріи, затѣмъ роковой восточный вопросъ....

III.

Кромѣ продолженія біографическихъ и библіографическихъ замѣтокъ „о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка", въ „Русской Старинѣ" 1873 г. были напечатаны свѣдѣнія о В. В. Капнистѣ и его знаменитой комедіи „Ябеда"; письмо и статья В. Н. Каразина, знаменитаго основателя Харьковскаго университета, дѣятеля, которому, однако, потомство, въ лицѣ представителей харьковскаго земства, все еще не можетъ или не желаетъ воздать должное сооруженіемъ ему памятника.

Стихотвореніе Бобрищева-Пушкина, автобіографія и статья М. Д. Хмырова, отрывки изъ „Альбома ипохондрика" Н. Ѳ. Щербины и „Народныя историческія пѣсни XVIII столѣтія" — вотъ матеріалы „литературнаго отдѣла" нашего изданія за обозрѣваемый годъ. Довольно много матеріаловъ представила „Русская Старина" 1873 г. относительно біографіи М. Ю. Лермонтова, а именно: большое

изслѣдованіе В. В. Никольскаго — „Предки М. Ю. Лермонтова“; „Замѣтки о Лермонтовѣ и его современникахъ“—статья М. Н. Лонгинова; Неизданныя стихотворенія Лермонтова, въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштета; Посланіе Лермонтова; замѣтка о времени его рожденія и крещеніи, наконецъ замѣтка о вновь открытомъ подлинномъ портретѣ Лермонтова.

Воспоминанія князя Д. А. Оболенскаго объ изданіи посмертныхъ сочиненій Н. В. Гоголя можно назвать послѣднимъ словомъ въ вопросѣ о тѣхъ варіантахъ второй части „Мертвыхъ Душъ“, которыя были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1872 г.) и, по сознанію г. Ястржембскаго, оказались его поддѣлкою. Впрочемъ „Воспоминанія князя Оболенскаго“, независимо отъ этого, представляютъ нѣсколько новыхъ чертъ для характеристики автора „Мертвыхъ Душъ“ и впервые указываетъ, кому русская литература обязана разрѣшеніемъ выпуска драгоцѣннаго ея достоянія: „полнаго собранія сочиненій Гоголя“ и какими обстоятельствами сопровождалось это разрѣшеніе.

IV.

Мелкія статьи и анекдоты, помѣщаемые въ отдѣлѣ „Записной книжки Русской Старины“, нѣкоторыми изъ нашихъ читателей признавались не вполнѣ умѣстными въ историческомъ журналѣ. Позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ и по многимъ причинамъ. Анекдоты, относящіеся къ историческому событію, весьма часто характеризуютъ его духъ и то впечатлѣніе, которое оно производитъ въ различныхъ слояхъ общества. Анекдоты, если только они достовѣрны, нерѣдко лучше громоздкой біографіи вырисовываютъ нравственный обликъ того или другаго историческаго дѣятеля. Замѣтимъ при этомъ, что редакція, печатая историческіе анекдоты, руководствуется возможно-бо̀льшею разборчивостью и принимаетъ ихъ только отъ лицъ, заслуживающихъ довѣріе. И такъ, печатая анекдоты и небольшіе разсказы, большею частью лишь со словъ участниковъ или очевидцевъ событій,— мы дѣлаемъ это не для празднаго любопытства читателей, но имѣемъ въ виду историческую пользу. Справедливость этого подтверждается напр. разсказами, помѣщенными въ „Русской Старинѣ“ 1873 г.; о князѣ Потемкинѣ, Суворовѣ, атаманѣ Платовѣ, В. Н. Каразинѣ, Сеславинѣ; объ устройствѣ военныхъ поселеній и нѣкот. друг

V.

„Библіографическій листокъ“ „Русской Старины“ 1873 г. (на оберткѣ), по примѣру предыдущихъ годовъ, состоялъ изъ краткихъ отзывовъ о новыхъ русскихъ книгахъ—преимущественно, но не исклю-

чительно—историческихъ; нашъ „Листокъ“ даетъ увѣдомленія объ изданіяхъ въ томъ или другомъ отношеніи полезныхъ для любителя литературы отечественной исторіи; въ обозрѣваемомъ году помѣщено такихъ отзывовъ о шестидесяти различныхъ книгахъ; но мы жалѣемъ, что объемъ нашего изданія не позволяетъ расширить этотъ отдѣлъ, какъ бы того требовала русская историческая литература.

VI.

Статьи: Смоленское кладбище и Заплечные мастера (кн. VIII, 1873 г.) хотя и не принадлежатъ ни къ одному изъ вышепомянутыхъ отдѣловъ „Русской Старины“, тѣмъ не менѣе составляютъ вполнѣ историческіе матеріалы. Въ первой изъ нихъ—очеркъ дѣятельности столичнаго духовенства въ предѣлахъ безмятежнаго „мертваго города“, въ область котораго живые люди,—его администраторы,—вносили свои житейскія суеты; разсказъ о нихъ рисуетъ нравы нашего духовенства за время конца XVIII и начала XIX-го вѣка. Вторая статья знакомитъ съ однимъ изъ такъ-называемыхъ „необходимыхъ золъ“; до 19-го февраля 1861 года оно было признаваемо существенно нужнымъ для государственнаго благоустройства, нынѣ же можетъ быть причислено къ явленіямъ, вполнѣ перешедшимъ въ область исторіи.

Для облегченія справокъ, по примѣру предыдущихъ годовъ, къ „Русской Старинѣ“ 1873 г. приложены: систематическія оглавленія и весьма подробный азбучный указатель личныхъ именъ, находящихся во всѣхъ 12-ти книгахъ нашего изданія за обозрѣваемый годъ.

VII.

Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ нынѣшняго года окончено монументальное изданіе Записокъ А. Т. Болотова. Употребляемъ это выраженіе потому, что Записки состоятъ почти изъ 5,000 страницъ (столбцовъ) мелкаго шрифта, воспроизводящихъ двадцать девять томиковъ, всего въ 12,000 страницъ мелкой и мѣстами весьма неразборчивой рукописи.

Записки Болотова, не смотря на мелочность, весьма ярко живописуютъ бытъ средняго великорусскаго дворянства во всѣхъ подробностяхъ: воспитаніе, служба по выборамъ, взаимныя отношенія помѣщиковъ и ихъ отношенія къ крестьянамъ; нравы, обычаи, пиры, гощенія, забавы; сельско-хозяйственныя занятія, умственная дѣятельность лучшаго дворянства, представителемъ которой является самъ авторъ Записокъ и проч. и проч.

Въ недальнемъ будущемъ слова: „помѣщикъ“ и „крѣпостной“ бу-

дутъ анахронизмами; устные разсказы о временахъ крѣпостнаго права, которому исторія должна удѣлить и не одну страницу, перейдутъ въ преданія, которыя мало-по-малу извратятся и вовсе утратятся для потомства. Въ этомъ случаѣ „Записки Болотова“ — весьма важный матеріалъ и большое подспорье будущему историку крѣпостнаго права въ Россіи. Если при Екатеринѣ II между помѣщиками и помѣщицами являлись чудовища и людоѣды въ родѣ Салтычихи, за то были и Болотовы. Подобныя свѣтлыя личности, хотя сколько-нибудь примиряли со зломъ крѣпостничества, тяготѣвшимъ надъ Россіею въ теченіе трехъ съ половиною вѣковъ и вызвавшимъ, наконецъ, кровавое возмездіе въ пугачевщинѣ.

Вторая заслуга „Записокъ Болотова“—это заключающіеся въ нихъ историческіе матеріялы: описаніе Семилѣтней войны, пребываніе русскихъ войскъ въ Пруссіи, художественно-картинные и вмѣстѣ съ тѣмъ правдивые разсказы о Петербургѣ при Петрѣ III, разсказы о убіеніи въ Москвѣ митрополита Амвросія (1771), о Пугачевщинѣ и казни Емельки, которой Болотовъ былъ свидѣтелемъ, свѣдѣнія о князьяхъ Гагариныхъ, Орловѣ, Потемкинѣ и многія другія.

Въ литературномъ отношеніи „Записки Болотова“ могутъ служить образцомъ чисто-русскаго, разговорнаго языка прошлаго столѣтія, выраженій, оборотовъ, притомъ такихъ выраженій старинныхъ, которыя вполнѣ заслуживаютъ возобновленія въ русской рѣчи, особенно теперь, когда современный нашъ языкъ засоренъ такой массою иностранныхъ словъ, въ замѣну которыхъ существуютъ не только равносильныя, но и того сильнѣйшія русскія слова... Въ этомъ случаѣ иностранную мѣдь мы цѣнимъ дороже собственнаго золота. Своеобразный слогъ Болотова, мѣткія его выраженія, ихъ картинность и точность внушили намъ даже мысль составить изъ нихъ особенный „Словарь“; но этотъ трудъ, какъ невходящій прямо въ задачу трудовъ ред. „Русской Старины“, мы предоставляемъ лицамъ, исключительно посвятившимъ себя на разслѣдованія въ области состава и исторіи развитія русскаго языка.

Такъ какъ „Записки Болотова“ прерываются на 1795-мъ году, то недостатокъ свѣдѣній о дальнѣйшей жизни почтеннаго автора возмѣщенъ нами тѣми біографическими подробностями, которыя сообщены въ статьѣ внука Андрея Тимофеевича—М. П. Болотова.

Ко всѣмъ XXIX-ти частямъ „Записокъ Болотова“, изданныхъ нами въ четырехъ томахъ, приложенъ общій азбучный указатель именъ и два портрета автора, гравированные извѣстнымъ Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, а также до сорока рисунковъ (виньетокъ) и снимокъ съ двухъ страницъ (fac-simile) подлинной рукописи, могу-

щей служить образчикомъ неразборчивости письма, слѣдовательно и затрудненій, съ которыми было сопряжено изданіе „Записокъ“.

Пріятнымъ для себя долгомъ поставляемъ изъявить признательность нашимъ помощникамъ при изданіи „Записокъ Болотова“—Евгенію Яковлевичу Кореневу (одному изъ лучшихъ корректоровъ въ Петербургѣ) и Петру Андреевичу Гильтебрандту. Первому изъ нихъ принадлежитъ корректура первыхъ трехъ томовъ „Записокъ Болотова“, второму—окончаніе третьяго и корректура всего четвертаго тома.

VIII.

Представивъ читателямъ „Русской Старины“ обзоръ внутренняго содержанія нашего журнала, укажемъ на внѣшнюю сторону въ четвертый годъ его существованія. Хотя, по условію подписки, количество печатныхъ листовъ могло ограничиться 102 листами, — въ 1873 году редакціею выдано было 170 листовъ. Число сообщеній, т. е., статей, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1873 г., простиралось до 209.

Художественныя приложенія къ нашему изданію въ теченіе 1873 г. состояли преимущественно изъ рисованныхъ и рѣзанныхъ на деревѣ рисунковъ. Въ истекающемъ году было приложено къ „Русской Старинѣ“ таковыхъ рисунковъ и портретовъ двѣнадцать.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

въ 1870, 1871, 1872 и 1873 гг.

Экземпляры „Русской Старины", въ каждомъ изъ четырехъ годовъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Акмолинская обл. (260,000 жит.).				
Акмолинскъ	—	—	—	1
Ст. Атбарская	—	—	1	—
Кокчетовъ	—	1	1	2
Каркаралы	—	1	—	—
Омскъ	6	8	13	10
Петропавловскъ	—	—	—	2
	6	10	15	15
Амурская обл. (22,297 жит.).				
Благовѣщенскъ	—	1	4	3
Албазинъ	—	—	1	1
Хаборовка	—	—	2	—
	—	1	7	4
Архангельская губ. (281,758 жит.).				
Архангельскъ	5	6	8	9
Кемь	—	—	—	1
Мезень	1	1	2	2
Онега	—	1	1	1
Ст. Сороцкая	—	1	1	1
Холмогоры	—	—	—	1
Шенкурскъ	1	1	1	1
	7	10	13	16
Астраханская губ. (593,580 жит.).				
Астрахань	5	11	16	18
Енотаевскъ	—	—	1	—
Красный-Яръ	1	—	—	—
	6	11	17	18
Бакинская губ. (513,560 жит.).				
Баку	1	3	5	6
Куба	—	1	1	1

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Карамарьянская	—	—	—	1
Кусары	—	1	2	2
Ленкоранъ	—	1	1	1
Шемаха	1	—	—	—
Шуша	5	—	—	1
	7	6	9	12
Бессарабская обл. (1.091,627 жит.).				
Кишиневъ	4	7	9	10
Аккерманъ	—	1	1	2
Байрамча	—	—	—	1
Бендеры	1	1	2	4
Бѣльцы	—	2	—	—
Денневицъ	—	—	1	1
Кушаны	—	—	1	—
Камратъ	1	1	—	—
Липканы	—	1	—	1
Новоселица	1	1	1	—
Севуряны	—	—	1	1
Скуляны	—	—	1	2
Хотинъ	—	—	2	1
	7	14	19	23
Варшавская губ. (1,004,234 жит.).				
Варшава	16	17	24	48
Александровъ	—	1	1	1
Блонѣ	—	1	1	—
Бѣла	—	—	—	1
Влоцлавскъ	1	1	3	2
Гомбинъ	1	—	—	—
Гостынинъ	—	1	1	2
Гроецъ	—	—	—	1
Гуро-Кальварія	—	—	—	1
Кутно	—	1	1	—
Лазы	1	—	—	—
Ловичъ	—	—	—	1
Минскъ	—	1	1	2

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Нешава	—	1	—	—
Ново-Дворъ	—	2	2	2
Прага	1	—	—	—
Радѣевъ	1	—	—	—
Скерневице	—	1	—	—
Сохачевъ	—	1	2	2
	21	28	36	63
Виленская губ. (1,019,429 жит. об. пола).				
Вильно	12	20	27	30
Воложинъ	1	—	—	—
Дисна	1	1	2	3
Лида	—	—	1	2
Молодечно м.	—	1	—	—
Ораны	—	1	—	—
Ошмяны	—	2	1	2
Радзивиловъ	—	1	—	—
Сморгоны	—	—	1	1
Свенціаны	—	1	1	1
Щучинъ	—	—	1	1
	14	27	34	40
Витебская губ. (884,933 жит.).				
Витебскъ	4	6	5	10
Велижъ	2	1	3	2
Динабургъ	6	7	7	9
Кляссицкая	—	—	1	1
Креславль	—	1	—	—
Лепель	—	1	2	2
Мавруци	—	1	—	—
Нарышкино	—	—	—	1
Невель	2	1	1	3
Полоцкъ	—	2	1	3
Рѣжица	—	—	—	1
Стодолище	—	—	—	1
Хотынецъ	—	—	1	1
	14	20	21	34
Владимірская губ. (1,253,923 жит.).				
Владиміръ	9	12	16	10
Александровъ	1	1	2	3
Болдино	—	1	1	1
Борисоглѣбская	1	—	—	—
Вязники	—	1	1	1
Гавриловъ пос.	1	—	1	2
Гороховецъ	1	2	1	1
Дубенская	—	—	—	1
Иваново-Вознесенскъ	6	3	6	5
Киржачъ	1	1	2	3
Ковровъ	2	1	2	2
Кохма	—	1	1	1
Лежнева	1	—	—	—
Меленки	—	—	2	3
Муромъ	1	1	3	2
Нехайковская	—	1	1	—

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Переяславль-Залѣсскій	—	—	—	3
Песцово ст.	—	—	—	1
Покровъ	2	1	1	—
Сима	1	1	1	1
Суздаль	1	2	1	—
Судогда	—	—	1	1
Шуя	1	2	3	4
Юрьевъ-Польскій	1	2	1	1
	30	33	47	46
Вологодская губ. (1,008,878 жит.).				
Вологда	9	7	10	9
Вельскъ	—	—	2	—
Грязовецъ	—	1	1	1
Кадниковъ	—	—	—	2
Никольскъ	—	—	1	—
Сольвычегодскъ	—	—	—	1
Тотьма	1	2	1	1
Усть-Сысольскъ	2	—	1	1
	12	10	16	15
Волынская губ. (1,737,847 жит.).				
Житоміръ	4	5	9	12
Владиміръ-Волынскій	—	1	3	2
Волочискъ	1	1	1	—
Горницкая	—	1	1	—
Дубно	—	—	1	2
Замшаны	—	1	—	—
Заславль	—	—	—	1
Клевань	—	—	—	1
Ковель	1	—	2	1
Корецъ	1	—	—	—
Кременецъ	—	—	1	—
Купель	—	—	1	—
Луцкъ	—	1	4	—
Новгородъ-Волынскъ	1	1	1	1
Овручь	—	—	1	—
Покащевская	—	—	—	1
Радзивиловъ м.	2	—	2	2
Староконстантиновъ	—	—	—	1
Устилугъ	1	1	1	1
	11	12	28	[illegible]
Воронежская губ. (2,184,394 жит.).				
Воронежъ	8	16	23	30
Бирючь	—	—	1	4
Бобровъ	1	2	5	3
Богучаръ	2	1	2	3
Бутурлиновка	1	—	—	[illegible]
Бычковская	—	—	2	1
Валуйки	3	5	5	[illegible]
Графская	1	1	1	[illegible]
Задонскъ	2	3	2	[illegible]
Землянскъ	2	2	1	[illegible]
Калачъ слоб.	—	1	3	[illegible]

	1870	1871	1872	1873
	экз.	экз.	экз.	экз.
Коротоякъ	—	—	2	—
Лосевская	—	—	1	1
Муравьево	—	—	—	1
Нижнедѣвицкъ	—	1	—	—
Новохоперскъ	1	1	—	—
Острогожскъ	3	5	7	8
Павловскъ	1	3	4	—
	25	41	59	72
Выборгская губ. (243,678 жит. об. п.)				
Выборгъ	2	2	1	2
Кюмень	—	—	—	1
Фридрихсгамъ	1	1	—	—
	3	3	1	3
Вятская губ. (2,442,969 жит.).				
Вятка	4	8	8	9
Вятскія Поляны	—	—	—	1
Воткинскій заводъ	—	2	1	1
Глазовъ	—	1	—	1
Елабуга	3	3	4	9
Ижевскій заводъ	2	2	1	1
Малмыжъ	—	1	1	1
Нолинскъ	1	—	2	1
Орловъ	1	1	1	2
Сарапулъ	1	1	2	3
Слободской	2	1	2	1
Сунская	1	—	1	—
Уржумъ	—	—	1	1
Яранскъ	—	—	3	2
	15	20	27	33
Гродненская губ. (1,021,222 жит.).				
Гродно	5	6	9	8
Брестъ-Литовскъ	2	2	5	6
Бѣлостокъ	1	3	2	6
Бѣльскъ	—	—	2	1
Волковыскъ	—	—	2	1
Доманово	—	—	—	1
Дрогичинъ	—	1	1	1
Кобринъ	—	—	—	1
Пружаны	1	1	—	1
Слонимъ	—	2	3	1
Соколка	—	—	—	1
Чемелы	1	1	1	—
	10	16	25	28
Дагестанская обл. (448,299 жит.).				
Дербентъ	—	1	3	4
Дашлагаръ	—	1	1	1
Гунибъ кр.	1	—	2	3
Ишкарты	—	1	1	1
Петровскъ	1	2	1	3

	1870	1871	1872	1873
	экз.	экз.	экз.	экз.
Темиръ-Ханъ-Шура	2	1	6	9
Чиръ-Юртъ	—	1	1	1
	4	7	15	22
Екатеринославская губ. (1,369,800 жит.).				
Екатеринославль	8	11	14	17
Александровскъ	—	1	3	5
Бахмутъ	1	4	8	1
Благодатная	1	—	—	—
Верхнеднѣпровскъ	7	6	6	5
Гавриловка	—	—	1	1
Ейское укр.	—	2	1	—
Еленовка	—	—	—	3
Ивановская	—	—	—	1
Лозовая	—	2	3	3
Лагунскій заводъ	—	—	1	4
Маріуполь	1	1	1	2
Нагнибѣдинская	—	—	1	—
Надеждинская	1	1	—	—
Никополь	—	1	1	—
Павлоградъ	3	1	4	5
Перещепино	2	1	1	4
Петропавловская	2	3	2	1
С. Покровское	—	—	—	1
Ростовъ на Дону	8	7	13	19
Славяносербскъ	—	2	1	1
Таганрогъ	4	6	13	11
Топильная	—	2	1	—
Чернухинская	1	2	—	—
	39	53	75	84
Енисейская губ. (350,848 жит.).				
Красноярскъ	2	4	8	5
Ачинскъ	—	1	2	1
Енисейскъ	3	2	2	5
Канскъ	—	—	—	2
Каргино	—	—	2	—
Корельская	1	—	1	—
Минусинскъ	3	1	1	—
Шилинская	—	—	1	—
	9	8	17	13
Забайкальская обл. (419,813 жит.).				
Чита	—	3	1	2
Баргузинъ	—	1	2	1
Верхнеудинскъ	1	1	3	2
Горбиченская	—	—	1	1
Кавыкуш - Газимурскія	—	—	1	1
Нерчинскъ	3	4	3	7
Селенгинскъ	2	1	1	—
Средняя Кара	2	1	1	1
Срѣтинскъ	1	2	2	1

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Укырская	—	—	1	—
Шелопухинская	—	—	—	2
	9	13	16	18
Земля Войска Донскаго. (1.147,534 жит.).				
Новочеркаскъ	7	18	23	37
Аксайская станица	—	—	1	2
Алексѣевская	1	—	—	—
Боковская	—	—	2	2
Голубинская	—	—	1	—
Есауловская	1	—	—	1
Кагальницкая	—	1	2	3
Каменская	—	—	1	1
Клецкая	—	2	1	—
Константиновская	—	—	—	2
Крымская	—	—	—	1
Кудрюченская	—	—	1	—
Маріинская	—	—	—	1
Нижнечирская	—	—	—	1
Ново-Николаевская	—	—	1	—
Ольховый-Рогъ	—	—	—	1
Сидоры	—	1	—	—
Тиховская	—	—	—	1
Урюпинская	—	4	—	5
Успенская	—	—	—	1
Усть-Медвѣдицкая	—	1	2	3
Цимлянскъ	1	3	2	2
Шалаевская	—	—	—	1
	10	30	37	65
Иркутская губ. (372,833 жит.).				
Иркутскъ	8	10	14	24
Витимъ	—	1	1	1
Жигаловская	1	1	1	1
Кяхта	—	1	—	3
Срѣтинскъ	—	1	—	—
Тулиновская	—	1	—	1
Исть-Кутская	—	—	1	—
Хоготская	—	—	1	1
	9	15	18	31
Казанская губ. (1.726,527 жит.).				
Казань	11	25	45	55
Аккозино	—	—	—	1
Алексѣевская	—	2	—	—
Воробьевка	—	2	1	1
Козьмодемьянскъ	1	—	—	2
Лаишевъ	—	1	3	4
Мамадышъ	1	2	1	2
Свіяжскъ	—	—	2	2
Сибиричи	—	—	—	1
Спасскій затонъ	—	1	—	—
Спасскъ	5	6	7	6
Тетюши	—	—	1	—
Царевококшайскъ	1	1	—	—
Цивильскъ	—	1	3	2
Чебоксары	1	—	3	3
Чистополь	3	4	2	2
Ядринъ	1	2	1	1
	24	47	69	82
Калишская губ. (678,520 жит.)				
Калишъ	1	3	6	10
Верушовъ посадъ	—	—	1	—
Граница	—	—	—	1
Клодова	1	1	1	—
Ленчица	—	—	1	2
Слупцы	1	—	—	1
Сѣрадзь	1	2	1	2
	4	6	10	16
Калужская губ. (1.008,636 жит.)				
Калуга	11	13	11	15
Александровскій хут.	1	2	1	3
Боровскъ	—	1	2	—
Жиздра	3	2	6	3
Козельскъ	—	1	1	1
Крюково	—	—	—	1
Куземская	—	—	2	1
Лихвинъ	—	1	2	1
Мало-Ярославецъ	1	—	—	1
Медынь	3	4	4	7
Мещевскъ	1	2	1	2
Михѣевская	—	—	—	2
Перемышль	—	1	1	2
Подборки	—	—	—	1
Роговичская	1	1	1	—
Серпѣйскъ	—	—	1	2
Становой Колодезь	—	—	1	1
Сухиничи	—	—	—	1
Таруса	2	2	3	2
	23	30	37	[illegible]
Кіевская губ. (2,215,157 жит.).				
Кіевъ	36	61	64	70
Бахмачь	—	—	—	1
Бердичевъ	1	2	—	2
Бобровицы	—	1	—	—
Богуславъ м.	—	—	2	6
Бѣлая Церковь	—	—	3	1
Васильковъ	1	1	—	—
Глушково	—	—	—	1
Гуровщины	—	—	—	1
Дьяконово	—	—	—	1
Звенигородка	1	—	—	2
Каневъ	—	—	—	1
Липовецъ	1	2	—	2
Лысянка	—	—	—	1
Махновка м.	—	1	1	2

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Радомысль	1	1	1	1
Ружинъ	—	2	1	2
Сквира	—	—	2	—
Смѣла м.	—	4	5	5
Таращa	—	—	1	—
Умань	3	4	9	8
Фасово	—	—	—	2
Черкассы	1	1	—	2
Чигиринъ	—	1	—	1
Шпола м.	—	1	3	2
	45	82	92	114
Ковенская губ. (1,125,741 жит.)				
Ковно	1	4	7	11
Вилькоміръ	2	2	1	2
Кейданы	1	1	—	1
Новоалександровскъ	1	1	1	2
Поневѣжъ	—	—	1	1
Россіэны	—	—	1	2
Таурогенъ	—	1	1	1
Тельши	—	1	1	1
Шавли	1	1	2	1
Юрбургъ	—	1	—	2
	6	12	15	24
Костромская губ. (1,132,932 жит.)				
Кострома	16	14	16	15
Баки	1	—	—	—
Ветлуга	—	—	2	4
Вичуга	—	—	—	3
Воронье	—	—	—	2
Галичь	1	1	2	2
Дюково	—	1	1	1
Кинешма	1	1	3	8
Кологривъ	—	—	1	—
Макарьевъ	—	—	1	2
Нерехта	—	2	—	2
Парфентьевъ пос.	—	1	—	—
Плесъ пос.	—	—	1	—
Солигаличъ	1	—	—	1
Судиславль	1	1	1	1
Урень	1	1	—	—
Чухлома	—	1	—	—
Юрьевецъ	—	—	1	1
	22	23	29	42
Кубанская обл. (672,224 жит.)				
Екатеринодаръ	2	1	1	6
Анапа	—	—	1	1
Даховскій фортъ	1	—	—	—
Ейскъ	2	1	4	5
Елизаветполь	—	—	—	1
Крымская	—	—	1	1
Майкопъ	—	2	2	3
Новороссійскъ	—	—	—	2

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.
Отрадная	1	—	—
Темрюкъ	1	2	3
Туапсе	—	—	1
Уманская	—	—	1
Усть-Лабинская	—	—	—
Челбашская	1	—	—
Щербиновка	—	—	1
	8	6	15
Курляндская губ. (620,246 жит.)			
Митава	1	2	1
Бехгофъ	1	1	—
Иллукстъ	—	—	1
Либава	—	1	3
Якобштадтъ	—	1	1
	2	5	6
Курская губ. (1,955,007 жит.)			
Курскъ	12	11	20
Бѣлгородъ	3	3	2
Воробжа	—	—	—
Грайворонъ	—	—	2
Грузское	—	—	2
Дмитріевъ на Свапѣ	—	4	4
Иванино	—	—	—
Короча	1	—	—
Кочетки	—	—	—
Красное	—	1	1
Лопасня	1	—	2
Льговъ	4	8	8
Марьино	—	—	2
Матвѣевъ курганъ	—	1	—
Мирополье	—	1	—
Никольская	—	—	—
Новоселки	—	1	—
Новый Осколъ	2	1	4
Обоянь	1	1	3
Путивль	1	1	2
Рыльскъ	5	6	8
Старый Осколъ	1	2	5
Суджа	2	4	2
Тимъ	1	1	3
Фатежъ	2	3	4
Щигры	2	6	5
	38	55	79
Кутаисская губ. (605,691 жит.)			
Кутаисъ	—	3	4
Зугдиды м.	—	1	—
Озургеты	1	—	—
Орпири	1	—	—
Поти	1	2	1
	3	6	5

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Кѣлецкая губ. (529,636 жит. об. п.)				
Кѣльцы	1	–	—	2
Андреевъ посадъ	—	—	—	1
Влощова	—	—	—	1
Мѣховъ	—	1	1	1
Пилица пос.	—	1	—	1
Пинчевъ	—	—	—	1
Стопница	1	–	—	—
Сухедневъ	-	—	1	1
	2	2	2	8
Лифляндская губ. (1,000,876 жит.)				
Рига	9	11	13	30
Верро	—	—	—	1
Дерптъ	1	2	5	4
Магдалинскъ	1	—	—	—
	11	13	18	35
Ломжинская губ. (489,699 жит.)				
Ломжа	1	5	7	6
Малкинъ	—	—	—	1
Маковъ	—	—	—	1
	1	5	7	8
Люблинская губ. (701,376 жит.)				
Люблинъ	5	6	5	5
Замосцъ	1	1	1	2
Красноставъ	1	1	1	1
Мендзержецъ	—	—	—	1
Ново-Александрія	—	1	1	1
Томашевъ	–	—	—	2
Холмъ	—	1	—	—
Яновъ	—	—	—	1
	7	10	8	13
Минская губ. (1,178,707 жит.)				
Минскъ	4	4	6	12
Бобруйскъ	2	4	5	4
Борисовъ	2	1	1	—
Кайданово	1	1	—	—
Любешевка	1	—	—	—
Мозырь	—	3	1	1
Несвижъ	1	—	2	1
Новогрудокъ	—	1	1	2
Пинскъ	—	—	2	—
Свислочь	—	—	—	1
Слуцкъ	—	–	2	3
Смиловичи	—	—	—	1
	11	14	20	25
Могилевская губ. (958,254 жит.)				
Могилевъ	5	4	8	10
Гомель	—	1	1	2

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Горки	—	—	—	1
Застѣнки	—	—	—	1
Климовичи	—	1	1	1
Красное	—	—	—	1
Мстиславль	1	—	—	—
Орша	—	1	2	1
Рогачевъ	—	—	1	2
Сѣнно	—	—	—	1
Чериковъ	—	—	—	1
Чечерскъ	—	—	1	1
	6	7	14	[illegible]
Московская губ. (1,757,242 жит.)				
Москва.				
а) по почтѣ	92	71	118	[illegible]
б) чрезъ книж. магазины	51	165	206	[illegible]
Александровская	—	—	3	—
Богородскъ	—	—	—	[illegible]
Бронницы	—	—	2	1
Валуево	2	1	—	—
Верея	—	—	1	[illegible]
Волоколамскъ	1	1	1	[illegible]
Воскресенскъ	1	2	2	[illegible]
Дмитровъ	—	—	1	[illegible]
Звенигородъ	1	1	2	[illegible]
Клинъ	—	—	1	[illegible]
Коломна	1	1	1	[illegible]
Можайскъ	2	1	4	[illegible]
Орѣхово-Зуево	1	1	1	[illegible]
Павловскій посадъ	1	—	—	[illegible]
Подольскъ	1	2	2	[illegible]
Пушкино	—	1	1	[illegible]
Руза	—	—	2	[illegible]
Сергѣевская	—	—	1	
Сергіевскій посадъ	4	5	9	[illegible]
Серпуховъ	4	3	5	[illegible]
Стрѣлецкія слободы	—	—	1	[illegible]
Щелковка	—	—	—	[illegible]
	162	255	364	[illegible]
Нижегородская губ. (1,279,820 жит.)				
Нижній Новгородъ	14	22	22	29
Ардатовъ	—	—	1	4
Арзамасъ	—	3	7	6
Баки	—	—	—	1
Балахна	2	4	2	1
Васильевская	1	1	—	—
Васильсурскъ	—	—	—	1
Воскресенское с.	—	—	—	1
Горбатовъ	—	—	—	1
Городецъ	—	1	—	2
Ижевскій заводъ	—	1	1	—
Княгининъ	—	1	1	3
Лукояновъ	1	1	2	1
Лысково	1	1	2	3

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Макарьевъ	—	—	—	1
Мантушево	—	1	1	—
Мѣдвиково	—	—	1	—
Новки	—	—	—	1
Павлово	—	1	1	—
Почники	2	4	4	5
Семеновъ	—	1	1	1
Сергачъ	1	1	1	3
	22	43	47	64
Новгородская губ. (1,011,379 жит.)				
Новгородъ	6	11	11	15
Бологое	1	—	—	—
Боровичи	1	4	6	11
Бѣлозерскъ	—	1	1	—
Валдай	1	—	1	1
Грузино	—	—	—	1
Ереминская	—	—	—	1
Избоищенская	1	—	—	—
Кириловъ	—	—	1	—
Крестцы	1	—	—	—
Кукуй	—	—	1	—
Любахино	—	—	—	1
Меглецы	—	1	—	1
Медвѣдь	—	—	—	1
Подберезье	1	1	2	2
Подгорская	—	—	1	—
Соминская	1	—	1	1
Спасская Полисть	1	1	3	4
Старая Русса	3	3	3	4
Тихвинъ	3	3	4	3
Торбино	—	—	—	1
Устюжна	2	3	4	2
Череповецъ	1	—	2	3
Чудово	—	—	—	2
Шимская	—	1	—	—
Ямъ Бронницы	—	—	—	2
	23	29	41	56
Нюландская губ. (167,549 жит.)				
Гельсингфорсъ	—	—	2	2
Свеаборгъ кр.	1	2	2	1
	1	2	4	3
Олонецкая губ. (297,491 жит.)				
Петрозаводскъ	3	5	4	6
Вытегра	3	3	3	3
Каргополъ	—	—	1	—
Лодейное Поле	—	—	1	—
Олонецъ	1	—	1	1
	7	8	10	10
Оренбургская губ. (930,547 жит.)				
Оренбургъ	2	7	9	19
Верхнеозерная	1	1	—	—

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Илецкая Защита	—	—	1	1
Коельская	1	2	1	2
Нижнеозерная	—	—	—	1
Нижнеуральскъ	1	—	1	—
Орскъ	—	—	—	1
Степная	—	—	—	1
Троицкъ	—	1	1	3
Тунгатарова	—	1	4	4
Челябинскъ	—	—	—	1
	5	12	17	33
Орловская губ. (1,589,644 жит.)				
Орелъ	12	19	28	31
Бобровка	—	—	—	1
Болховъ	3	3	3	2
Брянскъ	2	4	3	4
Выгонская	—	—	—	1
Городецъ	1	—	—	—
Дмитровскъ	1	2	1	2
Дросково	1	1	1	3
Елецъ	5	8	13	16
Еропкино	—	1	1	1
Ивановское	—	—	1	1
Измайлково	—	—	—	1
Карачевъ	2	3	6	8
Котомская	—	—	1	—
Ливны	5	6	7	8
Малоархангельскъ	2	3	2	4
Мценскъ	4	4	1	4
Одоевъ	1	—	—	—
Русскій Бродъ	—	—	—	1
Распоповская	—	—	—	1
Сѣвскъ	1	2	3	—
Толстодубово	—	—	1	—
Трубчевскъ	1	1	1	1
Чириково	—	1	—	—
Чувардино	—	1	1	1
Шебекино	—	—	1	—
	41	59	75	91
Пензенская губ. (1,173,982 жит.)				
Пенза	5	9	13	18
Городище	—	1	—	1
Инсаръ	1	1	1	2
Каменка	—	—	—	1
Киренскъ	1	1	1	—
Краснослободскъ	—	1	—	—
Мокшаны	—	—	1	2
Наровчатъ	—	—	2	2
Нижній-Ломовъ	1	—	—	1
Садовская	1	—	—	—
Саранскъ	2	4	3	3
Сатинъ	1	—	—	—
Сентяпино	—	—	1	—
Чембаръ	—	—	2	2
	12	17	24	32

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Пермская губ. (2,212,564 об. п. жит.)				
Пермь	5	4	13	14
Алапаевскъ	1	1	—	—
Ачитская	—	1	1	—
Билимбаевскъ	—	1	1	2
Богородская	—	—	—	2
Богословскій заводъ	—	—	1	2
Верхотурье	—	—	1	1
Далматовъ	—	1	—	—
Екатеринбургъ	4	10	18	28
Ирбитъ	—	1	5	5
Каменскій заводъ	1	2	2	3
Камышловъ	—	—	2	—
Киргишанская	—	1	—	—
Ключевская	—	1	1	—
Красноуфимскъ	1	—	1	—
Кунгуръ	—	2	3	5
Кушвинскій заводъ	—	3	7	5
Куяшъ	—	—	—	2
Невьянскъ	1	2	4	4
Нижнетагильскій зав.	1	2	3	4
Оса	1	—	3	1
Оханскъ	2	2	2	2
Соликамскъ	—	—	2	—
Сосновская	—	—	—	1
Сугатская	—	—	—	1
Суксунскій зав.	1	1	—	1
Сысертскій зав.	—	—	1	—
Чердынь	1	1	1	3
Шадринскъ	—	—	1	3
	19	36	73	89
Петроковская губ. (696,007 жит.)				
Петроковъ	1	2	3	3
Вольборжъ пос.	—	—	—	1
Згержа	1	1	1	—
Лодзь	—	2	1	1
Рава	—	—	1	1
Ченстоховъ	—	1	2	—
	2	6	8	6
Плоцкая губ. (480,280 жит.)				
Плоцкъ	3	5	5	4
Липно	—	1	—	—
Новогеоргіевскъ кр.	—	—	—	1
Серпецъ	—	—	1	—
	3	6	6	5
Подольская губ. (1,961,695 жит.)				
Каменецъ-Подольскъ	6	8	12	15
Балта	—	1	2	4
Баръ	—	—	—	1
Брацлавъ	—	—	—	1
Вапнярка	—	—	—	1

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Винница	1	—	—	[illegible]
Гайсинъ	—	1	1	[illegible]
Гусятинъ м.	—	—	—	[illegible]
Жмеринка	—	—	—	[illegible]
Исаковцы	—	—	—	[illegible]
Калиновка	—	—	—	[illegible]
Кривое Озеро	—	—	—	[illegible]
Летичевъ	—	1	—	—
Литинъ	—	1	1	[illegible]
Меджибожъ	—	1	2	[illegible]
Могилевъ	1	2	2	[illegible]
Немировъ	—	—	2	—
Нѣгинская	—	1	—	—
Ольгополь	—	2	2	—
Проскуровъ	2	1	1	1
Саврань м.	—	1	1	1
Ушица	—	—	1	1
Ярмолинцы м.	1	—	1	[illegible]
	11	20	28	[illegible]
Полтавская губ. (2,102,656 жит.)				
Полтава	11	18	15	[illegible]
Борисполь	—	1	—	—
Буняковская	1	1	1	1
Бѣлоцерковка	1	1	—	1
Гадячь	2	3	2	[illegible]
Гановка	—	1	2	[illegible]
Градижскъ	—	—	2	[illegible]
Жуки	2	2	2	[illegible]
Зеньковъ	2	3	6	[illegible]
Золотоноша	3	5	5	[illegible]
Кобеляки	—	1	1	[illegible]
Колонтаевка	—	—	—	[illegible]
Константиноградъ	1	2	4	[illegible]
Кременчугъ	6	7	7	13
Лубны	2	7	5	[illegible]
Лохвица	1	1	5	[illegible]
Миргородъ	—	—	2	[illegible]
Переяславъ	1	2	3	[illegible]
Пирятинъ	—	1	4	[illegible]
Прилуки	7	8	6	[illegible]
Ромны	1	1	2	[illegible]
Хороль	—	1	5	[illegible]
Яготинская	1	1	1	[illegible]
	42	67	80	[illegible]
Приморская обл. (43,320 жит.)				
Николаевскъ на Амурѣ	—	4	5	4
Владивостокъ	—	—	—	1
	—	4	5	5
Псковская губ. (786,823 жит.)				
Псковъ	11	11	12	11
Ашева	—	—	1	—
Боровичи	1	1	1	1

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Бѣжаницы	—	—	—	1
Великія-Луки	4	5	4	5
Крюково	1	—	1	—
Михайловъ погостъ	2	2	1	—
Воворжевъ	1	—	2	5
Опочька	2	3	3	2
Островъ	3	4	5	6
Порховъ	1	5	4	5
Святыя горы	—	2	1	—
Торопецъ	4	4	4	3
Холмъ	2	2	3	5
Ѳедорцево	1	—	—	—
	23	39	42	44
Радомская губ. (540,271 жит.)				
Радомъ	3	2	2	2
Козеницы	1	1	1	—
Конскіе	1	—	—	—
Сандомиръ	—	1	2	2
	5	4	5	4
Рязанская губ. (1,496,302 жит.)				
Рязань	7	10	5	10
Данковъ	—	3	3	3
Дивово	—	1	—	—
Егорьевскъ	—	—	1	1
Зарайскъ	2	4	4	3
Касимовъ	1	2	4	3
Кораблино	1	1	1	1
Луховицы	—	—	1	1
Михайловъ	3	1	1	2
Окулово	1	1	—	—
Пронскъ	1	1	1	1
Раменская	—	—	1	1
Раненбургъ	2	3	4	2
Ряжскъ	1	1	2	1
Сапожокъ	—	—	1	3
Сараи	—	—	1	1
Скопинъ	2	2	3	1
Спасскъ	2	2	2	2
Ухолово	1	1	1	—
Фаустово	—	—	1	1
Щурово	—	—	—	1
Якимецкая	1	—	—	—
	25	33	37	38
С.-Петербургская губ. (1,291,623 жит.)				
С.-Петербургъ по поч.	700	810	880	994
Чрезъ посредство кн. магазиновъ	565	611	523	289
Бабино	1	1	1	1
Бѣлая	1	1	—	—
Гатчино	3	4	6	6
Гдовъ	1	1	—	1

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Колпино	—	1	—	1
Красное Село	—	1	—	1
Кронштадтъ	7	12	16	22
Лигово	—	1	—	—
Луга	1	2	2	1
Любань	—	1	—	—
Малая Вишера	—	1	2	1
Нарва	2	4	2	2
Новая Ладога	1	—	2	2
Ораніенбаумъ	—	1	2	1
Павловскъ	—	1	2	2
Парголово	—	—	—	1
Петергофъ	5	5	5	5
Петрушкино	—	—	1	1
Плюсса	—	—	1	—
Серебрянка	—	1	—	—
Сермакса	—	—	—	1
Сестрорѣцкъ	—	—	—	1
Сиверская	—	—	1	—
Спирово	—	—	—	1
Стрѣльна	—	1	1	—
Сясскіе рядки	—	—	—	1
Тосна	1	—	1	1
Тупичино	—	—	1	2
Царское Село	6	13	17	15
Шлиссельбургъ	—	—	1	4
Ямбургъ	—	1	2	3
	29	53	1469	1360
Самарская губ. (1,838,442 жит.)				
Самара	5	9	11	15
Балаково	1	1	3	1
Бугульма	2	3	4	2
Бугурусланъ	1	2	5	7
Бузулукъ	2	4	4	7
Зимникова	—	1	1	—
Каменный Бродъ	—	—	—	1
Кичуй	2	1	—	1
Красный Яръ	—	—	—	1
Марьявская	—	1	—	1
Мелекесъ	—	1	1	1
Николаевскъ	1	—	—	1
Новый Узень	—	1	1	2
Павловская	1	1	1	1
Чердаки	—	—	—	1
	15	25	31	42
Саратовская губ. (1,773,330 жит.)				
Саратовъ	14	16	23	27
Аткарскъ	1	2	4	9
Балашевъ	—	4	2	4
Вольскъ	1	4	9	8
Дубовка посадъ	2	1	1	3
Камышкеръ	1	2	2	—
Камышинъ	1	3	1	4
Ключи	—	1	—	—

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Коленская	1	—	—	—
Кондоль	1	—	1	—
Кузнецкъ	—	—	2	3
Петровскъ	2	4	4	4
Сердобскъ	1	2	4	6
Синодская	1	—	—	—
Сосновка	—	1	2	1
Гурки	—	—	—	1
Филоповская	—	—	1	—
Хвалынскъ	—	2	3	6
Царицынъ	—	1	1	4
	26	43	60	80
Семипалатинская обл. (350,000 жит.)				
Семипалатинскъ	1	4	6	3
Зайсанскій Постъ	—	—	1	3
Каркаралы	—	—	2	1
Кокпекты	—	1	—	1
Павлодаръ	—	1	—	2
Усть-Каменогорскъ	—	—	1	2
	1	6	10	12
Семирѣченская обл. (543,094 жит.)				
Вѣрный	—	1	3	5
Капалъ	—	—	—	1
Кульджа	—	—	1	1
Лопсинская	—	—	—	1
	—	1	4	8
Симбирская губ. (1,222,711 жит.)				
Симбирскъ	5	14	14	14
Алатырь	—	1	1	—
Ардатовъ	1	2	2	3
Болховская	—	—	1	2
Буинскъ	—	1	1	2
Зиновьевка	—	—	—	1
Ключищенская	—	—	1	1
Корсунь	2	6	5	6
Краснососелская	3	3	3	4
Майданъ	1	1	—	—
Пиловальные зав.	—	—	—	1
Промзино-Городище	—	—	—	1
Русско-Кандаратская	—	—	—	1
Сенгилей	—	—	1	—
Сызрань	1	5	3	3
Тагай	—	1	—	—
Тереньга	1	2	1	1
Уренско-Карлинская	—	1	1	1
Шумовская	—	—	—	1
Юрловка	—	1	1	1
Ясашно-Ташлинская	—	—	—	1
	14	38	35	44

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Смоленская губ. (1,121,717 жит.)				
Смоленскъ	4	9	9	10
Бороновичи	—	—	1	—
Бѣлый	1	3	4	2
Вязьма	1	2	4	3
Гжатскъ	1	2	3	4
Гридневская	—	1	—	—
Дорогобужъ	3	3	3	6
Духовщина	1	2	3	1
Ельня	—	—	1	2
Знаменская	—	2	—	—
Ивановская	—	—	—	1
Каменская	—	—	—	1
Корытня	1	—	—	—
Коски	—	1	1	1
Мещерская	—	—	—	1
Починокъ	2	2	4	3
Рославль	1	3	2	3
Соловьево	—	1	1	1
Софійская	—	1	—	—
Стодолище	—	1	1	—
Сычовка	2	2	—	—
Уваровская	—	—	1	1
	17	35	38	40
Ставропольская губ. (437,118 жит.)				
Ставрополь	4	5	9	13
Баталпашинская	1	1	1	—
Воздвиженское укр.	—	—	1	—
Екатериноградъ	1	1	1	1
Кизляръ	1	1	—	1
Лабинская	2	1	4	1
Медвѣжье	—	1	1	3
Моздокъ	1	1	—	1
Новогригорьевская	—	—	—	1
Новопокровскъ	1		—	—
Прасковея	—	2	2	1
Прохладная	—	—	1	—
Прочно-Окопъ	—	2	—	2
Пятигорскъ	3	4	7	5
Средне-Егорлыкская	—	1	1	3
Хасавъ-Юргъ	1	1	1	2
Шелкозаводская	—	—	1	1
	15	21	30	35
Сувалкская губ. (5 1,405 жит.)				
Сувалки	1	4	6	6
Вильковышки	—	1	—	—
Кальварія	—	—	—	1
Кибарты	1	—	—	1
Маріамполь	—	1	2	1
	2	6	8	9

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Сыръ-Дарьинская обл. (835,848 жит.)				
Ташкентъ	3	5	6	9
Аули-Ата	—	—	1	—
Джузакъ	—	—	1	—
Иргизъ	—	—	—	1
Казалинскъ	1	2	1	2
Мерке	—	—	—	1
Перовскъ	—	—	1	3
Самаркандъ	—	—	2	2
Туркестанъ	—	—	—	1
Чемкентъ	—	—	—	1
Ховжентъ	—	—	—	2
	4	7	12	22
Сѣдлецкая губ. (542,284 жит.)				
Сѣдльцы	2	3	4	3
Бѣла	1	1	2	2
Мендзержецъ	—	—	1	—
Радзынь	—	1	1	1
Яновъ	—	—	—	1
	3	5	8	7
Таврическая губ. (716,414 жит.)				
Симферополь	5	5	8	8
Бердянскъ	1	1	3	5
Геническъ	—	—	—	2
Евпаторія	—	—	1	1
Карасубазаръ	1	—	—	1
Каховка м.	—	2	1	2
Керчь-Ениколь	2	7	7	10
Матвѣевъ Курганъ	—	—	1	—
Мелитополь	—	1	1	4
Орѣховское	2	2	3	5
Перекопъ	—	—	1	1
Саки	1	—	—	—
Севастополь	1	2	5	7
Судакъ м.	—	1	1	1
Сухумъ-Кале	—	—	—	1
Сѣрогозы	—	—	1	2
Ялта	—	1	5	6
Феодосія	1	2	3	2
	14	24	41	58
Тамбовская губ. (2,157,159 жит.)				
Тамбовъ	11	14	18	24
Борисоглѣбскъ	1	3	4	11
Грязи	1	—	1	1
Елатьма	2	1	—	2
Кадомъ	1	1	2	3
Каргашино	1	1	1	1
Кирсаново	3	4	4	10
Козловъ	6	6	6	7
Куликово	1	1	—	1

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.
Лебедянь	1	2	1
Липецкъ	2	1	—
Маріинская	—	—	—
Моршанскъ	3	5	6
Муравьево	1	1	1
Окры	2	—	—
Просяныя Поляны	—	—	1
Разсказово с.	—	—	—
Спасскъ	1	1	1
Темниковъ	1	1	2
Токаревка	1	1	—
Толстиково	1	1	1
Усмань	—	1	4
Шацкъ	—	1	1
	40	46	54
Тверская губ. (1,509,961 жит.)			
Тверь	7	14	19
Бологое	—	—	2
Бѣжецкъ	2	5	6
Весьегонскъ	—	—	1
Вышній-Волочекъ	2	3	12
Зубцовъ	—	—	—
Калязинъ	1	5	4
Кашинъ	4	5	4
Кимра	—	—	1
Корчева	2	1	1
Красный-Холмъ	—	—	—
Окуловка	—	—	1
Осташковъ	2	7	5
Ржевъ	4	6	17
Селижарово посадъ	1	—	1
Спирово	—	—	1
Старица	1	3	4
Торжокъ	3	4	6
Троицкая	—	—	2
Торбино	—	—	1
	29	53	88
Терская обл. (485, 37 жит.)			
Владикавказъ	3	3	5
Воздвиженское укр.	—	1	—
Георгіевскъ	1	1	1
Грозный	-	4	4
Колединская	—	1	—
Назрань	1	—	—
Наурская	—	—	1
Слѣпцовская	—	—	—
	5	10	11
Тифлисская губ. (606,584 жит.)			
Тифлисъ	24	32	38
Ахалувскъ	1	—	—
Гори	—	—	—
Делижанъ	—	—	—

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Елизаветполь	2	2	2	3
Закатаны	—	1	—	—
Караклисъ	—	—	1	1
Сигнахъ	—	—	—	1
Сухумъ	—	1	2	2
Царскіе Колодцы	—	1	2	—
	27	37	45	68
Тобольская губ. (1.105,855 жит.)				
Тобольскъ	1	2	6	6
Абатская	—	—	—	1
Готопупова	—	1	—	—
Ишимъ	—	1	2	2
Курганъ	—	—	1	4
Тара	—	—	—	2
Туринскъ	—	1	1	2
Тюкалинскъ	—	1	1	1
Тюмень	1	3	4	9
Ялуторовскъ	1	1	1	1
	3	10	16	28
Томская губ. (784,268 жит.)				
Томскъ	1	5	6	11
Анисимовская	—	—	1	—
Барнаулъ	2	4	6	7
Бійскъ	—	—	1	1
Бѣлоглазовская	—	—	—	1
Вознесенская	—	—	—	1
Змѣиногородскій рудн.	—	—	1	1
Каинскъ	1	—	2	2
Кузнецкъ	1	1	—	—
Маріинскъ	—	—	1	1
Тяжинская	—	—	—	1
	5	10	18	26
Тульская губ. (1,176,166 жит.)				
Тула	12	11	15	18
Александровка	—	—	—	1
Алексинъ	2	1	2	2
Богородицкъ	—	3	4	5
Бѣлевъ	2	3	4	7
Веневъ	2	3	3	3
Войново	—	—	1	2
Доробино	1	2	2	1
Епифань	2	3	3	1
Ефремовъ	4	2	8	10
Кадное	—	—	1	—
Кашира	3	1	2	2
Крапивна	1	—	—	2
Кромы	1	—	—	—
Лазарево	2	—	—	—
Лапотково	—	—	1	1
Лукьяновская	—	1	3	2
Новосиль	3	5	4	6
Одоевъ	2	4	5	5
Поныры	—	—	—	1
Сергіево	—	1	1	1

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Хомутово	—	—	—	2
Чернь	2	3	2	2
Ясенки	—	—	—	1
	39	43	61	75
Уральскаго войска земля. (520,000 жит.)				
Уральскъ	1	2	2	4
Гурьевъ	—	—	1	1
Калмыковъ	—	—	2	—
Мергиневская	—	—	—	1
	1	2	5	6
Уфимская губ. (1.395,892 жит.)				
Уфа	5	4	5	6
Байсаровская	—	—	—	2
Белебей	—	—	1	1
Бирскъ	1	5	3	3
Златоустъ	1	—	2	3
Лаяшты	—	—	—	1
Мензелинскъ	—	1	2	3
Міасскій заводъ	—	—	—	1
Подлубово	1	—	—	—
Саткинскій заводъ	—	—	1	1
Стерлитомакъ	1	1	3	3
Туніатарово	1	—	1	—
Ягвильдинская	1	1	2	1
	11	12	20	25
Харьковская губ. (1.820,364 жит.)				
Харьковъ	18	29	40	43
Алексѣевка	—	1	—	—
Ахтырка	1	1	3	3
Богодуховъ	2	2	2	3
Бобринецъ	2	—	—	—
Боромля	—	1	2	2
Бѣловодскъ	—	1	3	3
Бѣлополье	—	1	3	2
Валки	—	—	1	1
Волохоярская	1	1	1	—
Волчанскъ	1	3	2	4
Ворожба	1	—	1	1
Голая Долина	—	1	1	1
Зміевъ	1	2	2	1
Изюмъ	1	2	3	4
Коломакъ	1	—	—	—
Краснопавловская	—	1	1	—
Купянскъ	1	2	1	2
Лебединъ	3	5	4	5
Надеждино	—	1	1	—
Новоекатеринославъ	—	1	1	6
Полевая	—	1	1	—
Покровская	—	—	1	—
Славянскъ	—	1	3	1
Старобѣльскъ	3	3	5	4
Ставроково	—	—	—	1
Сумы	1	5	6	10
Чугуевъ	—	2	3	2

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
Япрыковская	1	—	—	—
	38	67	91	99
Херсонская губ. (1,661,892 жит.)				
Херсонъ	7	3	11	14
Александрія	1	2	3	5
Березовка м.	—	—	—	2
Бериславль	—	1	1	—
Бобринецъ	—	2	2	3
Вейландово	1	1	1	1
Водяная	1	1	—	—
Вознесенскъ	2	3	2	5
Дубоссары	—	—	—	1
Елизаветградъ	5	9	13	16
Константиновская	—	1	1	1
Любашевка	—	—	1	1
Максимовская	—	—	1	1
Мартьяновка	—	—	—	1
Николаевъ	3	5	9	9
Новая Прага	—	—	3	2
Новогеоргіевскъ	1	—	1	—
Нововоронцовка	—	2	2	3
Новомиргородъ	1	2	1	3
Новоукраинка	1	1	2	3
Одесса	19	25	39	46
Ольвіополь	—	—	—	1
Славянскъ	1	—	—	—
Сѣдневка м.	—	—	—	1
Тирасполь	—	—	—	2
Чубовка с.	—	1	—	—
	43	59	93	121
Черниговская губ. (1,669,254 жит.)				
Черниговъ	1	6	14	7
Авдѣевка	—	—	—	3
Батуринъ	1	—	—	1
Березна м.	—	—	1	3
Борзна	—	1	2	2
Воронежъ м.	—	—	—	1
Глуховъ	1	1	2	5
Городня	—	—	2	2
Еліонка	2	1	1	3
Клинцы посадъ	—	—	—	1
Козелецъ	—	1	1	3
Конотопъ	1	2	4	8
Кролевецъ	1	3	2	2
Красный Рогъ	—	—	—	1
Мглинъ	2	3	2	1
Мѣна	—	—	—	1
Новгородъ-Сѣверскъ	2	2	4	8
Новозыбковъ	1	1	1	2
Нѣжинъ	2	2	2	3
Остеръ	—	-	1	—
Плиски	—	1	—	—
Понуровская	—	—	1	1
Погаръ	—	1	1	1
Почепъ	—	1	1	2
Рѣпки	—	1	—	—
Сосница	—	—	2	—
Стародубъ	1	1	1	4
Суражъ	—	—	1	—
Чуровичи	—	—	1	—
Шостенскій зав.	1	—	2	1
	16	28	49	66
Эриванская губ. (452,001 жит.)				
Эривань	2	1	1	6
Александрополь	1	1	2	2
Еленовское	—	—	1	—
Нахичевань	1	—	—	—
Новоакстафьинская	—	—	—	1
Ордубатъ	1	—	—	—
	5	2	4	9
Эстляндская губ. (322,961 жит.)				
Ревель	3	4	8	11
Везенбергъ	1	—	1	1
Гапсаль	1	1	1	—
Балтійскій Портъ	—	—	1	2
	5	5	11	14
Якутская обл. (228,363 жит.)				
Якутскъ	—	—	1	3
Нохтуйскъ	1	2	2	5
	1	2	3	8
Ярославская губ. (988,113 жит.)				
Ярославль	14	22	36	31
Даниловъ	—	—	—	1
Любимъ	—	—	—	1
Максатиха	—	2	1	1
Молога	1	1	2	2
Мышкинъ	1	1	1	1
Петровскъ	—	—	—	1
Пошехонье	1	—	1	2
Причистенская	—	1	—	—
Романово-Борисоглѣбск.	1	1	2	1
Родіоновка	—	1	—	—
Ростовъ	2	5	6	6
Рыбинскъ	5	14	16	10
Угличъ	—	2	4	5
	25	50	59	62
За границею.				
Германія	4	6	10	14
Франція	1	2	6	8
Италія	—	1	2	4
Швейцарія	—	2	4	6
Турція	—	—	2	1
Китай	1	2	2	2
Англія	—	—	—	2
Молдавія	—	—	1	1
Бельгія	—	1	—	1
Японія	—	—	2	1
Персія	1	1	1	2
Данія	1	1	1	1
Австрія и Венгрія	—	2	3	1
	8	18	34	44

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	1873 экз.
1. Акмолинская	6	10	15	15
2. Амурская	—	1	7	4
3. Архангельская	7	10	13	16
4. Астраханская	6	11	17	18
5. Бакинская	7	6	9	12
6. Бессарабская	7	14	19	23
7. Варшавская	21	28	36	63
8. Виленская	14	27	34	40
9. Витебская	14	20	21	34
10. Владимірская	30	33	47	46
11. Вологодская	12	10	16	15
12. Волынская	11	12	28	25
13. Воронежская	25	41	59	72
14. Выборгская	3	3	1	3
15. Вятская	15	20	27	33
16. Гродненская	10	16	25	28
17. Дагестанская	4	7	15	22
18. Екатеринославская	39	53	75	84
19. Енисейская	9	8	17	13
20. Забайкальская	9	13	16	18
21. Земля Войска Донскаго	10	30	37	65
22. Земля Войск. Уральскаго	1	2	5	6
23. Иркутская	9	15	18	31
24. Казанская	24	47	69	82
25. Калишская	4	6	10	16
26. Калужская	23	30	37	46
27. Кіевская	45	82	92	114
28. Ковенская	6	12	15	24
29. Костромская	22	23	29	42
30. Кубанская	8	6	15	26
31. Курляндская	2	5	6	4
32. Курская	38	55	79	88
33. Кутаисская	3	6	5	8
34. Кѣлецкая	2	2	2	8
35. Лифляндская	11	13	18	35
36. Ломжинская	1	5	7	8
37. Люблинская	7	10	8	13
38. Минская	11	14	20	25
39. Могилевская	6	7	14	22
40. Московская	19	19	40	37
41. Нижегородская	22	43	47	64
42. Новогородская	23	29	41	56
43. Нюландская	1	2	4	3
44. Олонецкая	7	8	10	10
45. Оренбургская	5	12	17	33
46. Орловская	41	59	75	91
47. Пензенская	12	17	24	32

	1870 экз.	1871 экз.	1872 экз.	187[illegible]
48. Пермская	19	36	73	[illegible]
49. Петроковская	2	6	8	[illegible]
50. Плоцкая	3	6	6	[illegible]
51. Подольская	11	20	28	[illegible]
52. Полтавская	42	67	80	[illegible]
53. Приморская	—	4	5	[illegible]
54. Псковская	33	39	42	[illegible]
55. Радомская	5	4	5	[illegible]
56. Рязанская	25	33	37	[illegible]
57. С.-Петербургская	29	53	66	[illegible]
58. Самарская	15	25	31	[illegible]
59. Саратовская	26	43	60	[illegible]
60. Семипалатинская	1	6	10	[illegible]
61. Семирѣченская	—	1	4	[illegible]
62. Симбирская	14	38	35	[illegible]
63. Смоленская	17	35	38	[illegible]
64. Ставропольская	15	21	30	[illegible]
65. Сувалкская	2	6	8	[illegible]
66. Сыръ-Дарьинская	4	7	12	[illegible]
67. Сѣдлецкая	3	5	8	[illegible]
68. Таврическая	14	24	41	[illegible]
69. Тамбовская	40	46	54	[illegible]
70. Тверская	29	53	88	[illegible]
71. Терская	5	10	11	[illegible]
72. Тифлисская	27	37	45	[illegible]
73. Тобольская	3	10	16	[illegible]
74. Томская	5	10	18	[illegible]
75. Тульская	39	43	61	[illegible]
76. Уфимская	11	12	20	[illegible]
77. Харьковская	38	67	91	[illegible]
78. Херсонская	43	59	93	[illegible]
79. Черниговская	16	28	49	[illegible]
80. Эриванская	5	2	4	[illegible]
81. Эстляндская	5	5	11	[illegible]
82. Якутская	1	2	3	[illegible]
83. Ярославская	25	50	59	[illegible]
Итого	1184	1825	2491	[illegible]
II. Въ С.-Петерб.	1265	1421	1403	[illegible]
III. Въ Москвѣ	143	236	324	[illegible]
IV. За границею	8	18	34	[illegible]
Всего экз.	2600	3500	4252	[illegible]

Примѣчаніе. «Русская Старина» изд. 1870 г. и 1871 г. сполна разошлись по под-искѣ и въ редакціи и ея конторахъ нѣтъ ни одного экземпляра.

Завѣдыв. экспедиціей редакціи. *К. Кармалина.*

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе или историко-литературные матеріалы.

Поименовываемъ въ настоящемъ спискѣ только тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ либо отчасти только были напечатаны въ „Русской Старинѣ“, либо и вовсе еще не были въ ней помѣщены, но будутъ напечатаны въ книгахъ „Русской Старины“ 1874 г. и послѣдующихъ годовъ.

Ред.

Аврамовъ, В. А. Альфонскій, И. Андозкій, И. А. Анненковъ, гр. А. А. Апраксинъ, Амелицкій, А. П. Арбузовъ, А. И. Артемьевъ, проф. Н. Я. Аристовъ, О. С. Балкъ, А. Д., Е. Д. и Н. Д. Бантышъ-Каменскіе, Г. Барабанщиковъ, П. И. Барановъ, Н. П. Барышниковъ, Башуцкій, А. В. Башкатовъ, кн. В. Баюшевъ, Я. Безукладниковъ, А. П. Берже, П. В. Березинъ, Я. А. Березинъ-Ширяевъ, Л. П. Батюшковъ, Е. А. Бестужева, Беръ, Н. Билибинъ, М. И. Богдановичъ, Богоявленскій, В. Бестужевъ-Рюминъ, баронъ Бистромъ, бар. Н. К. Богушевскій, И. Н. Божеряновъ, М. Борисоглѣбскій, А. А. Бородулинъ, К. А. Бороздинъ, М. Ѳ. Бороздинъ, проф. А. Брикнеръ, Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины, Е. П. Бурнашева, Гр. М. Д. Бутурлинъ, баронъ Бутлеръ, Н. Д. Быковъ, акад. А. Ѳ. Бычковъ, А. Бѣлаго, проф. И. Д. Бѣляевъ, В. Н. Ваксель, И. И. Васнлёвъ, А. П. Васильевъ, П. П. Васильевъ, П. И. Великопольскій, М. А. Веневитиновъ, А. А. Венеціанова, М. И. Венюковъ, акад. Веселовскій, Н. И. Викинскій, Н. Виноградовъ, Ѳ. А Витбергъ, М. Владыкинъ, Д. П. Возницынъ, А. Ѳ. Волковъ, кн. П. Д. Волконскій, И. И. Вологдинъ, А. С. Вороновъ, Н. Н. Вохинъ, А. Н. Вульфъ, С. Н. Гавриловъ, кн. Ив. Гагаринъ, К И. Гамаринъ, Г. Н. Геннади, В. С. Глинка, М. С. Глинка, Глуховъ, И. Е. Голдинскій. В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Н. Н. Голицинъ, кн. Н. П. Голицынъ, кн. Н. С. Голицынъ, кн. С. П. Голицынъ, И. Ѳ. Горбуновъ, А. Д. Градовскій, Е. И. Гречъ, Н. И. Григоровичъ, А. Н. Григорьевъ, А. Громачевскій, акад. Я. К. Гротъ, Н. Губерти, П. Гулакъ-Артемовскій, С. И. Гуляевъ, В. Д. Давыдовъ, П. П. Деви, Де-ла-Флизъ, А. П. Демидовъ, Н. Н. Де-Прерадовичъ, М. Ѳ. Де-Пуле, В. Х. фонъ-Дерфельденъ, Діаптроптовъ, Дмитріевъ, В. Док—ій, кн. В. Долгоруковъ, Н. Ѳ. Дубровинъ, Н. П. Дуровъ, К. Евлентьевъ, И. И. Европеусъ, от. П. П. Еланскій, Н. А. Ермаковъ. А. П. Есиповъ, Г. В. Есиповъ, И. Ефимовъ, П. А. Ефремовъ, Н. Л. Жемчужниковъ, В. Жуковъ, Д. Жуковъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Игнатьевъ, Е. Б. Зубова, Д. П. и П. П. Зуевы, В. А. Зыбинъ, И. А. Ибердусовъ, А. В. Ивановъ, О. И. Иванова, Н. В. Ивановскій, от. И. Иващенковъ, А. Зиссерманъ, проф. В. С. Иконниковъ, В. А. Инсарскій, Г. Ѳ. Исѣевъ, П. С. Калачевскій, Д. И. Калугинъ, граф. Л. М. Каменская, Ф. В. Каразинъ, А. А. Карасевъ, А. П. Каратыгинъ, С. А. Каратыгинъ, П. П. Каратыгинъ, П. Карнауховъ, Е. П. Карновичъ, Н. А. Карцевъ, Н. Т. Кедровъ, Китицынъ, Н. Ф. Клюги-фонъ-Клюгенау, Н. П. Кельшъ, Князевичъ, А. С. Князевъ, М. М. Ковязинъ, Козачокъ, К. П. Колзаковъ, Н. М. Колмаковъ, гр. М. Н. Коновницына, О. И. Константиновъ, о. Н. Л. Кустодіевъ, М. В. Кюхельбекеръ, И. П. Корниловъ, Ю. В. Косова, А. А. Краевскій, А. Красильниковъ. С. Д. Карповъ, С. Козловскій,

Козодавлевъ, В. А. Краснокутскій, академ. А. А. Куникъ, И. К. Купріяновъ, кн. Куракинъ, проф. Н. Лавровскій, С. Лашкаревъ, С. И. Лашкевичъ, П. П. Лебке, Леонидъ архимандритъ, Н. А. Лебедевъ, А. Ф. Леопольдовъ, В. В. Лермонтовъ, В. Н. Лермонтовъ, К. Ф. де-Ливронъ, В. И. Лихачевъ, А. В. Лишинъ, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, М. Н. Лонгиновъ, Е. А. Лопушинскій, А. В. Лосевскій, В. Лѣствицынъ,И. Лучицкій, княгиня С. А. Мадатова, Н. С. Маевскій, Л. Н. Майновъ, В. Н. Майковъ, Л. С. Маковъ, Мансуровъ, Маринъ, А. Н. Матвѣевъ, Н. Я. Максимовъ, К. А. Маньковскій, Б. М. Маркевичъ, П. И. Мартосъ, А. А. Мартыновъ, Е. П. Масловъ, Л. С. Мацѣевичъ, бар. Мейендорфъ, П. И. Мельниковъ, П. Н. Меншиковъ, П. К. Меньковъ, И. М. Меньшой, Θ. Б. Миллеръ, Г. А. Милорадовичъ, Милюковъ, М. П. Митьковъ, гр. А. А. Мордвиновъ, В. Михайловъ, Д. К. Морозъ, Е. Т. Морошкина, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Мурзакевичъ, Мятлевъ, П. И. Небольсинъ, А. С. Наставинъ, Надеждинъ, Е. С. Некрасова, Несвѣтаевъ, А. Н. Неустроевъ, А. А. Никольскій, В. В. Никольскій, М. Д. Нововъ, бар. Николаи, А. Г. Новоселовъ, Θ. Д. Нордманъ, кн. Д. А. Оболенскій, С. Оболенскій, П. Огіевскій, Ю. А. Ознобишинъ, П. О. Омельяненко, Θ. К. Опочининъ. В. Б. Орловъ, П. А. Орловъ, И. Т. Осининъ, Л. Н. Павлищевъ, И. Павловскій, А. С. Павловъ, А. В. Пальчиковъ, Н. И. Пановъ, П. Д. Паренцовъ, В. Пассекъ, Г. Г. Перетцъ, И. В. Паскачинъ, Т. П. Пассекъ, Ал. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, акад. М. П. Погодинъ, Е. И. Подтягинъ, А. А. Плансовъ, Я. П. Полонскій, Ан. Н. Поповъ, Д. В. Полѣновъ, А. Преображенскій, М. С. Прокудинъ-Горскій, И. А. Пузыревскій, А. Г. Пупаревъ, А. П. Пятковскій, П. С. Пѣстинскій, М. М. Рангъ, А. Распоповъ, Н. В. Реутскій, Л. И. Рикордъ, М. М. Розенгеймъ, А. В. Рачинскій, П. С. Ревякинъ, Розановъ, бар. А. Е. Розенъ, Д. А. Рокотовъ, П. Рословъ, Рудаковъ, С. А. Рудакова, Г. К. Рѣпинскій, Н. Рудыковскій, Д. Д. Рябининъ, П. И. Савваитовъ. А. А. Савурскій, Садовскій, Н. Θ. Самаринъ, В. В. Самойловъ, Свамочкинъ, Сергѣевъ, И. И. Свіязевъ, Н. Н. Селифонтовъ, К. С. Сербиновичъ, бар. М. Н. Сердобинъ. Д. И. Скобелевъ, Р. Сорокинъ, Т. А. Сосновскій, Н. И. Стародубскій, Н. П. Степановъ, А. Д. Столыпинъ, Стороженко, В. Я. Стоюнинъ, А. И. Стригоцкій, Н. С. Стромиловъ, Смышляевъ, А. Старчевскій, В. А. Степановъ, Н. П. Степановъ, А. Струговщиковъ, Стрѣлковъ Г. И. Студенкинъ, кн. А. А. Сувововъ-Рымникскій, П. П. Сухомлиновъ, Д. П. Сушковъ, Н. М. Тереховъ, Томашевъ. К. Н. Тихонравовъ, проф. Н. С. Тихонравовъ, Θ. М. Толстой, Л. Н. Трефолевъ, А. Труворовъ, С. И. Турбинъ, кн. Н. Н. Туркестановъ, А. Ф. Ушаковъ, А. И. Фелькнеръ, Т. И. Филиповъ, О. Е. Франкъ, Н. Флиге, И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ, А. В. Фрейгангъ, Б. М. Федоровъ, П. В. Хавскій, Харитоновъ, В. В. Хлоповъ, графиня Цукатто, гр. Э. К. Чапскій, А. П. Чеботаревъ, С. И. Черепановъ, Г. С. Чириковъ, И. А. Чистовичъ, Н. И. Чупинъ, П. В. Шейнъ,А. В. Шереметевъ, Л. И. Шестакова, Г. И. Ширяевъ, А. М. Шишковъ, Б. К. Шульцъ, П. К. Щебальскій, Н. Н. Щукинъ, П. И. Юркевичъ, С. М. Якимахъ, В. А. Яковлевъ, С. А. Яковлевъ, Якубовичъ, Г. Д. Яновичъ, С. А. Яньковскій, А. Н. Яхонтовъ и др.

Въ заключеніе этого списка долгомъ считаемъ съ признательностью упомянуть о покойныхъ: А. Н. Афанасьевѣ, Я. П. Баклановѣ, М. А. Бестужевѣ, Н. В. Веригинѣ, А. Θ. Гильфердингѣ, А. М. Княжевичѣ, Е. Ф. Лермонтовой, П. П. Ламбинѣ, о. М. Я. Морошкинѣ, Θ. Н. Муратовѣ, А. И. Рыжовѣ, В. И. Фелькнерѣ, П. А. Мухановѣ, В. Θ. Ратчѣ, акад. П. П. Пекарскомъ и М. Д. Хмыровѣ, — сообщенные ими матеріалы находятся также въ распоряженіи «Русской Старины».

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
НАХОДЯЩИХСЯ
ВЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ"
1873 ГОДА.

А.

Б.

Д.

Е.

І.

Л.

Н.

О.

С.

Т.

У.

Щ.

Э.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ" изд. 1873 года.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

Статьи, разсказы, замѣтки, указы, письма и донесенія.

До Петра I.

Царствованіе Павла Петровича.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая Павловича.

Исторія русской литературы.

Русскіе писатели XVIII вѣка.

Русскіе писатели XIX вѣка.

Примѣчаніе. Въ Октябрьской книгѣ (X) «Русской Старины» 1873 г. была помѣщена біографія одного русскаго поэта, также письма къ нему русскихъ писателей 1817—1825 гг., и его дневникъ 1831—1832 гг. Статья эта изъята редакціей изъ книги, почему въ помѣтѣ страницъ остался перерывъ съ 465-й по 562-ю стр.

Русскіе артисты и художники.

Замѣтки, поправки, мелочи.

Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ.

(На оберткѣ).

1. Онежскія былины, записанныя Александромъ Ѳедоровичемъ Гильфердингомъ, лѣтомъ 1871 г. Съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. С.-Петербургъ, 1873 г. (на оберткѣ 7-й кн. «Русск. Стар.» 1873 г.).
2. Изданія Севастопольскаго отдѣла: книга г. Головачева и трехсотъ-сорока-девяти-дневная защита Севастополя соч. Н. Дубровина. (тамъ-же).
3. Филологическія розысканія академика Я. К. Грота. Спб., 1873 г., 8°, VIII и 668 стр. Ц. 1 р. 50 к. (на оберткѣ 8-й книги «Русск. Стар.» 1873 г.).
4. Исторія Московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія св. синода (1721—1821). Сочин. Николая Розанова. 3 части, въ 5-ти книгахъ, М. 1869—1871. (тамъ же).
5. Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки: «Конекъ-Горбунокъ». Біографическія воспоминанія А. К. Ярославцова. Спб., 1872. Ц. 1 р. (тамъ-же).
6. Меря и Ростовское княжество. Соч. Д. Корсанова. 8°, Казань, 1872, 4 нен., VIII, 246 и II стр. Ц. 1 р. 50 к. (тамъ-же).
7. Двѣнадцатый годъ. Три чтенія для народа. И. И. Шалфеева. Спб. 1873. Ц. 20 к. Съ 6-ю рисунками. (тамъ-же).
8. Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ. Составилъ Яковъ Березинъ-Ширяевъ. Спб., 1873. (тамъ-же).
9. Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. Соч. М. Кояловича. Спб., 1873, 8°, XII и 400 стр. Ц. 2 р. (на оберткѣ 9-й кн. «Русск. Стар.» 1873 г.).
10. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ. Соч. г. Вейса. Томъ I, часть 1. Москва, 1873, б. 8°. XVIII и 387 стр. Ц. 4 р. (тамъ-же).
11. Очеркъ внутренней исторіи Пскова. А. И. Никитскаго. Спб., 1873, въ 8°, X и 344 стр. (тамъ-же).

книгѣ) и всѣ лучшія ихъ произведенія (изъ лирическихъ стихотвореній Пушкина г. Гербель печатаетъ только восемь; изъ монологовъ Огарева одинъ — третій, неимѣющій, при всемъ своемъ достоинствѣ, никакого значенія безъ трехъ остальныхъ), за то съ полною увѣренностью скажемъ, что всѣ помѣщенныя г. Гербелемъ стихотворенія принадлежатъ дѣйствительно къ лучшимъ произведеніямъ русской поэзіи. Заслуга этого собранія увеличивается еще тѣмъ, что въ него вошли произведенія такихъ поэтовъ, которыхъ отдѣльныя изданія давно изчезли изъ продажи, или же никогда и не появлялись, такъ что ихъ приходилось отыскивать въ кучѣ старыхъ журналовъ, альманаховъ и т. п.

Но Христоматія г. Гербеля имѣетъ и другое—историческое значеніе. Онъ помѣстилъ въ ней 123 мастерски-составленныхъ біографіи русскихъ поэтовъ. Нѣтъ надобности говорить о біографіяхъ общеизвѣстныхъ (Ломоносова, Фонъ-Визина, Пушкина, Лермонтова, Кольцова и т. п.), хотя и онѣ, при всей краткости, изложены полно и интересно. У г. Гербеля мы впервые находимъ біографіи писателей, доселѣ неизвѣстныя или вырытыя изъ затерянныхъ и забытыхъ некрологовъ и фельетоновъ, напримѣръ, Раича, Бернета (А. Жуковскаго), Стаховича, Туманскихъ, Павлова Н. Ф., Теплякова, и біографическія свѣдѣнія о писателяхъ живущихъ — Тургеневѣ, Полонскомъ, Фетѣ, Островскомъ, Майковѣ, Некрасовѣ,—что едва-ли не впервые встрѣчается въ нашей литературѣ. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Гербеля встрѣчается не мало погрѣшностей, происшедшихъ явно отъ небрежности (стр. 50, стихи Жуковскаго приписаны Пушкину; стр. 242, покойный Филаретъ Ан(м)фитеатровъ, названъ нынѣшнимъ митрополитомъ кіевскимъ и т. п.), и много опечатокъ—этого, ничѣмъ неотвратимаго, недуга русской печати (отмѣтимъ одну особенно важную: на стр. 69 басня Фонъ-Визина названа Лисица—*Ко*знодѣй вмѣсто *Ка*знодѣй, т. е. проповѣдница). Просимъ г. Гербеля обратить на это вниманіе при новомъ изданіи своей книги, котораго онъ, вѣроятно, не долго будетъ дожидаться.

Собраніе сочиненій А. Гильфердинга. Т. III. Боснія, Герцоговина и старая Сербія. Спб., 1873. Стр. VIII и 541.

Предоставляя себѣ подробнѣе поговорить о значеніи ученыхъ трудовъ А. Ѳ. Гильфердинга по выходѣ пятаго тома его сочиненій, мы въ настоящее время ограничиваемся только заявленіемъ о выходѣ третьяго тома. Онъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о такихъ турецко-славянскихъ земляхъ, которыя могутъ заинтересовать не одного только записнаго славянофила, но и каждаго образованнаго человѣка, и доставить ему весьма поучительныя извѣстія о томъ, какъ живутъ люди въ странѣ, политически именуемой Турціей, а географически даже Европой.

Историческія свѣдѣнія о дѣятельности гр. М. М. Сперанскаго въ Сибири, съ 1819 по 1822 годъ. Собраны В. Вагинымъ. Спб., 1872, 8°. Томъ I (съ портретомъ и факсимиле): 2 нен., X и 801 стр. Томъ II, 2 нен., VII и 752 стр.

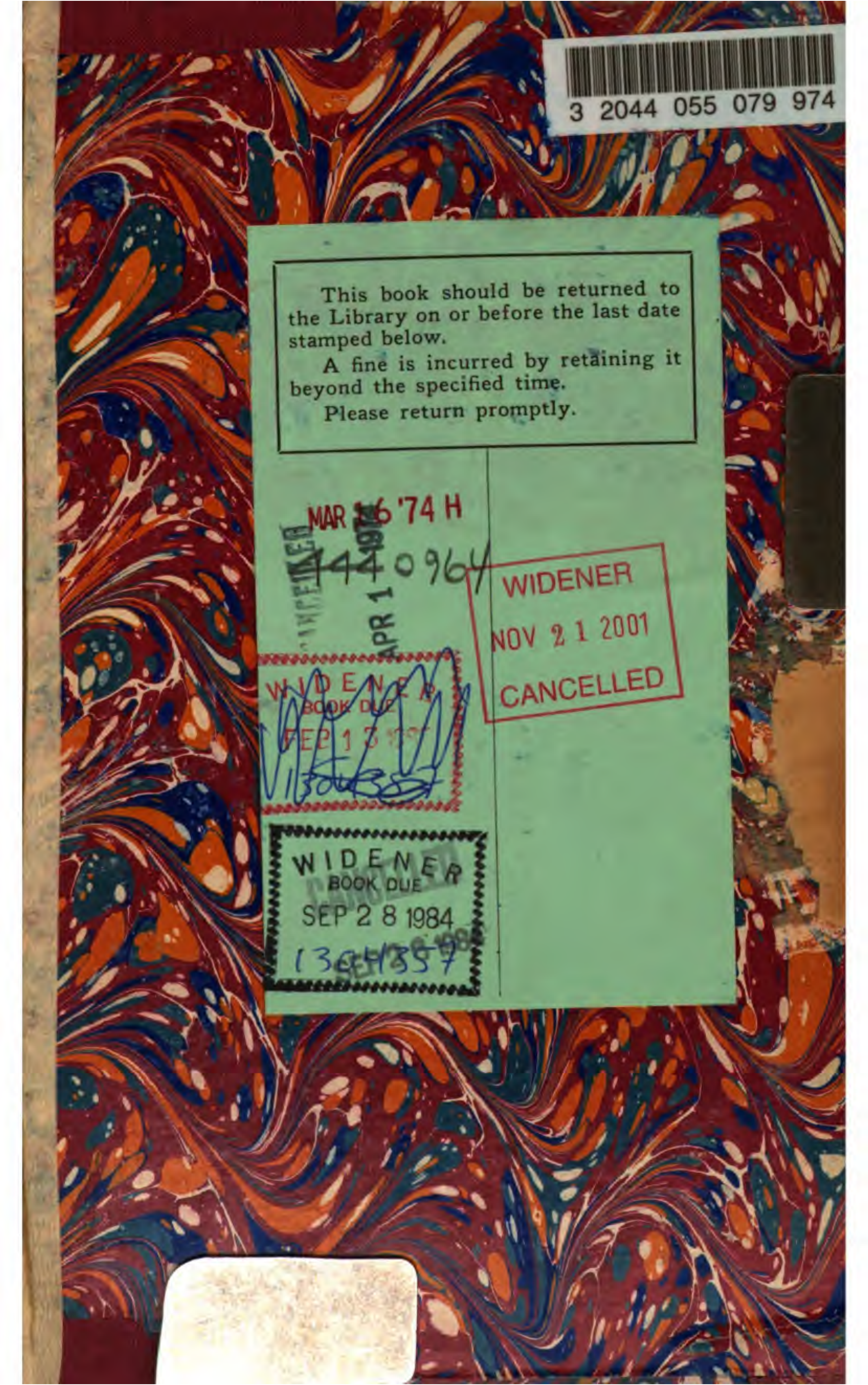
О своемъ почтенномъ, по объему и содержанію, трудѣ собиратель скромно замѣчаетъ: «это не исторія; это только матеріалы для исторіи, и притомъ далеко неполные». Кромѣ печатныхъ источниковъ, г. Вагинъ собралъ массу архивныхъ, особенно изъ дѣлъ главнаго управленія Восточной Сибири, записалъ нѣкоторые изустные разсказы современниковъ и пользовался мемуарами Тюменцова, Геденштрома, Щукина, Шелковникова, письмами, дневникомъ и отчетами самого Сперанскаго. Изъ всего этого матеріала г. Вагинъ составилъ связный разсказъ, раздѣленный на 32 главы, изъ коихъ первая половина (16 главъ) помѣщена въ первомъ томѣ. Въ концѣ тома приложены, такъ сказать, оправдательные документы къ каждой главѣ, что́ даетъ возможность провѣрять разсказъ самого г. Вагина, касающійся болѣе дѣятельности Сперанскаго въ Восточной Сибири; попытки же г. Вагина собрать свѣдѣнія о дѣятельности графа въ Западной Сибири не имѣли, по замѣчанію собирателя, успѣха. Въ снимкахъ помѣщены двѣ резолюціи Сперанскаго и подписи Трескина, Пестеля (съ припискою), Илличевскаго, Зеркалеева, Брика, епископа Михаила, архимандрита П., Каменскаго, Тимковскаго, Капцевича, Батенькова и Кохрэна. Портретъ графа Сперанскаго, исполненный въ литографіи Втораго Отдѣленія, можно назвать удавшимся. Указатель, который такъ важенъ и нуженъ въ подобныхъ изданіяхъ, къ труду г. Вагина не приложенъ.

Сцены изъ народнаго быта И. Ѳ. Горбунова. Четвертое, знач. дополн. изданіе. Двѣнадцатая тысяча. Спб., 1873, м. 8°, 6 нен. и 273 стр.

Имя талантливаго артиста и разсказчика, Ивана Ѳедоровича Горбунова, настолько извѣстно и популярно, что снимаетъ съ насъ обязанность, при новомъ изданіи его мастерскихъ сценъ и разсказовъ, повторять всѣмъ хорошо извѣстные отзывы, какъ о немъ, такъ и о его талантѣ, доставляющемъ каждому, его слушающему, столько пріятныхъ, отрадныхъ минутъ неподдѣльнаго искренняго смѣха.

Въ четвертое изданіе «Сценъ» вошло девятнадцать отдѣльныхъ статей. Слѣдуетъ пожелать, чтобы И. Ѳ. Горбуновъ въ слѣдующее изданіе включилъ свои замѣчательные разсказы, изложенные неподражаемо вѣрно и удачно языкомъ нашихъ старинныхъ грамотъ и отписокъ XVII вѣка.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**


3 2044 055 079 974
This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.
MAR 16 '74 H
WIDENER
NOV 21 2001
CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
WIDENER
BOOK DUE
SEP 28 1984